

Выпуск № 3 (56) август
Release № 3 (56) august

✧ БИЗНЕС ✧ ОБРАЗОВАНИЕ ✧ ПРАВО ✧

✧ BUSINESS ✧ EDUCATION ✧ LAW ✧

Волгоград 2021

Журнал представляет интересы российских и иностранных ученых, бизнесменов, политиков, докторантов, аспирантов, магистров, студентов, занимающихся исследованиями в области знаний: «Экономические науки», «Юридические науки», «Педагогические науки».

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6.

Приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (далее – Приказ) (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук. Сформированный Перечень вступил в силу 1 декабря 2015 г. В него включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки. В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р.

The journal presents the interests of Russian and foreign scientists, businessmen, politicians, under-graduate and post-graduate students, masters of sciences and students involved in researches in the areas of Economic sciences, Legal sciences, and Pedagogical sciences.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor of science and candidate of science in accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Committee of the RF Ministry of education and science dated February 19, 2010 No. 6/6.

In compliance with the order of the RF Ministry of education and science dated July 25, 2014 No. 793 with revisions incorporated in accordance with the order of the RF Ministry of education and science dated June 3, 2015 No. 560 (hereinafter the Order) (registered by the RF Ministry of justice dated August 25, 2014, registration No. 33863), the RF Ministry of education and science developed the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main results of dissertations for scientific degrees of the candidate of science and the doctor of science. The developed list came in force on December 1, 2015. It includes the scientific peer-reviewed journal «Business. Education. Law».

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (hereinafter - the List), by groups of scientific specialties, are considered to be included in the List by scientific specialties and their respective branches of science.

In accordance with the order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 90-r of December 28, 2018 on the basis of recommendations of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (hereinafter - VAK) taking into account the conclusions of the relevant expert councils of VAK, the publications included in the List by groups of scientific specialties are considered included in the List by scientific specialties and their corresponding branches of science.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий. В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК издания, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки. Согласно рекомендации ВАК журнал «Бизнес. Образование. Право» включен в перечень по научным направлениям и специальностям:

— «Экономические науки»

08.00.01 Экономическая теория
08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством
08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит
08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика
08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики

— «Юридические науки»

12.00.04 Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
12.00.05 Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.06 Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.07 Корпоративное право; конкурентное право; энергетическое право
12.00.08 Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.09 Уголовный процесс
12.00.10 Международное право; Европейское право
12.00.11 Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность
12.00.13 Информационное право
12.00.14 Административное право; административный процесс
12.00.15 Гражданский процесс арбитражный процесс

— «Педагогические науки»

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания (по областям)
13.00.04 Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки, оздоровительной и адаптивной физической культуры)
13.00.05 Теория, методика и организация социально-культурной деятельности
13.00.08 Теория и методика профессионального образования

In accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science dated February 19, 2010 No. 6/6, the journal is included in the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications. In accordance with the order of the RF Ministry of Education and Science dated December 28, 2018 No. 90-r, based on the recommendations of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science (hereinafter, the SAC), taking into account conclusions of the field-specific expert councils of SAC, the issues included in the List of the peer reviewed scientific publications, which publish major scientific results of the theses for scientific degree of the candidate of sciences, for scientific degrees of the doctor of sciences (hereinafter, List), by the scientific specialty groups, are considered included in the List by the scientific specialties and appropriate fields of study. According to the SAC recommendations, the journal “Business. Education. Law” is included in the list by the following scientific fields of study and specialties:

— “Economic sciences”

08.00.01 Economic theory
08.00.05 Economics and management of national economy
08.00.10 Finance, money turnover and credit
08.00.12 Accounting records, statistics
08.00.13 Mathematical and instrumental controls of economics

— “Legal sciences”

12.00.04 Financial law, tax law, budget law
12.00.05 Labor law, social security law
12.00.06 Land law, Земельное право; natural resources law; agrarian law
12.00.07 Corporate law; competition law; energy law
12.00.08 Criminal law and criminology; criminal and penal law
12.00.09 Criminal process
12.00.10 International law, European law
12.00.11 Judicial activity, prosecutorial activity, human rights activity and law-enforcement activity
12.00.12 Science of criminal law; forensic expert activity; criminal intelligence and surveillance
12.00.13 Information law
12.00.14 Administrative law, administrative process
12.00.15 Civil process; arbitration process

— “Pedagogical sciences”

13.00.01 General pedagogy, history of pedagogy and education
13.00.02 Theory and method of education and bringing up (by areas)
13.00.04 Theory and method of physical training, sport training, recreational and adaptive physical culture
13.00.05 Theory, method and arrangement of socio-cultural activity
13.00.08 Theory and method of vocational education

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.

BUSINESS. EDUCATION. LAW.

Учредитель (соучредители):

Ващенко Александр Николаевич,
индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна

№ 3 (56), август 2021

ISSN 1990-536X

Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» — 38683

Редакционный индекс — P8683

Founder (co-founders):

Vashchenko Alexander Nikolayevich,
individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna

№ 3 (56), august 2021

ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of «Mail of Russia» — 38683

Editorial address — P8683

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

- оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;
- формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;
- привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;
- поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;
- налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;
- развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

- operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;
- promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;
- providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;
- establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;
- attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;
- search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;
- establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;
- development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;
- promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

- Всем статьям в выпусках журналов присваивается цифровой идентификатор DOI
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ – 0,584
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,178
- Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам – 169
- Десятилетний индекс Хирша – 27
- Общее число статей из журнала в РИНЦ – 3160
- Общее число цитирований журнала в 2020 году – 13 390

- Digital identifier DOI is assigned to all articles published in the journal
- Two-year impact factor RISC – 0,584
- The five-year impact factor RISC – 0,178
- The five-year Herfindahl by quoting magazines – 169
- Ten-year h-index – 27
- Total number of the journal's articles in RISC – 3160
- The total number of citations of the journal in the 2020 year – 13 390

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-33692 от 03.10.2008 г.
Перерегистрирован: регистрационный номер ПИ № 77-81518 от 15.07.2021 г.

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications.
Certificate of registration
PI № FS 77-33692 dated 03.10.2008.
Re-registered: registration number PI № 77-81518 dated 15.07.2021.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Ващенко Александр Николаевич, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики и управления АНО ВО «ВИБ».

Заместители главного редактора –

Кумейко Елена Анатольевна, канд. экон. наук;

Захарова Л. М., д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой дошкольного и начального общего образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»;

Козенко З. Н., д-р экон. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Волгоградский государственный аграрный университет

Члены редакционной коллегии:

Анисимов П. В., д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права АНО ВО «ВИБ»;

Бабушкин Г. Д., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);

Винокуров А. Ю., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры РФ», главный научный сотрудник;

Восколович Н. А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры экономики труда и персонала экономического факультета;

Калиничева Р. В., д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе, профессор кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации;

Мешчерякова Е. В., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Рахманова Е. Н., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудие»;

Салиева Р. Н., д-р юрид. наук, профессор, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса;

Столярчук Л. И., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Тютюкина Е. Б., д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления;

Фахрутдинова А. В., д-р пед. наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, профессор кафедры иностранных языков;

Шамрай-Курбатова Л. В., канд. экон. наук, доцент, проректор по учебной работе АНО ВО «ВИБ».

Ответственный секретарь — **Кумейко Елена Анатольевна**.

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief – Vashchenko Alexander Nikolayevich, doctor of economics, professor, professor of the department of economics and management of ANO of HE «VIB».

Deputies of the editor-in-chief –

Kumeiko Elena Anatolyevna, candidate of economics
Zakharova L. M., doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of pre-school and elementary general education of FSBEI of HPE «Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov»;

Kozenko Z. N., doctor of economics, professor, honored worker of the higher school of the RF, VolGAU

Deputies of the editor-in-chief:

Anisimov P. V., doctor of law, professor, head of the department of the theory and history of state and law, ANO of HE «VIB»;

Babushkin G. D., doctor of pedagogical sciences, professor, Siberian state university of physical culture and sports (Omsk, RF);

Vinokurov A. Y., doctor of law, professor, FSCEI of HE «Academy of the RF General Prosecutor Office», chief researcher;

Voskolovich N. A., doctor of economics, professor, Moscow state university named after M.V. Lomonosov ;

Kalinicheva R. V., doctor of economics, professor, pro-rector for educational activity, professor of the department of economics, accounting and audit of Volgograd cooperative institute (branch) of the Russian university of cooperation;

Meshcheryakova E. V., doctor of pedagogical sciences, professor, professor of FSBEI of HPE «Volgograd state social pedagogical university»;

Rakhmanova E. N., doctor of law, associate professor, North-West branch of FSBEI HE RGUP;

Salieva R. N., doctor of law, professor, Institute of the issues of ecology and resources management of AN RT;

Stolyarchuk L. I., doctor of pedagogical sciences, professor, professor of of FSBEI of HPE «Volgograd state social pedagogical university»;

Tyutyukina E. B., doctor of economics, professor, Financial university under the Government of the Russian Federation ;

Fakhrutdinova A. V., doctor of pedagogical sciences, associate professor, «Kazan (Privolzhsky) federal university»;

Shamray-Kurbatova L. V., candidate of economics, associate professor, vice-rector for academic affairs ANO of HE «VIB».

Executive secretary — **Kumeiko Elena Anatolyevna**.

**ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ
МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ
«БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»**

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 08.00.00 – Экономические науки; 12.00.00 – Юридические науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

- текст статьи на русском или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);
- анкета автора (и соавторов);
- заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;
- справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию:

- в печатном виде по адресу: 400010, г. Волгоград, ул. Качинцев, д. 63, каб. 107;
- в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru

Телефон для справок: (8442) 52-62-43. URL: <http://vestnik.volbi.ru>

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

- индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);
- индекс ББК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);
- фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;
- ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;
- аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;
- должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;
- e-mail;
- шифр научной специальности (по номенклатуре);
- название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);
- ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- введение, где формулируются степень изученности проблемы, актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;
- основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;
- методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;
- результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней, с помощью обобщения и анализа данных, автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;
- заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;
- библиографический список. В библиографическом списке приводится только цитируемая в статье литература.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

**REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS
SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC
PEER-REVIEWED JOURNAL
«BUSINESS. EDUCATION. LAW»**

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 08.00.00 – Economic sciences; 12.00.00 – Legal sciences; 13.00.00 – Pedagogical sciences, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

- text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);
- author (or team of authors) questionnaire;
- application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;
- certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office:

- hard copy to the address: 400010, Volgograd, Kachintsev Street, building 63, office 107;

– electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru

Telephone for enquiries: (8442) 52-62-43. URL: <http://vestnik.volbi.ru>

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

- UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);
- LBC index (to be located at the top left-hand corner of the scientific article);
- last name, name and patronymic in the Russian and English languages;
- scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;
- department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;
- position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;
- e-mail;
- code of the scientific specialty (as per the range);
- title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);
- abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface – italics, full justification, minimum 600–800 characters without spaces);
- keywords in the Russian and English languages (10–12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface – italics, full justification);
- introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;
- main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;
- methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;
- results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;
- conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;
- references. References shall contain only the literature that quoted in the article.

Introduction, in which the level of the issue examination, its urgency, feasibility of studying, scientific novelty, goal and objectives of research are stated.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Коронатов Н. Н., Ильин И. В., Калязина С. Е. Цифровая архитектура цепочки создания ценности нефтеперерабатывающей отрасли	11
Еремин В. И., Гладкова Л. А., Безгина Е. С. Кадровая политика в системе местного самоуправления: ее роль и проблематика реализации	19
Подтихова Н. Н., Ферова И. С. Оценка финансовой безопасности угледобывающего предприятия	25
Коваленко Н. В., Сулейманова Т. А. Особенности формирования кластера в АПК региона с особым статусом	32
Карсунцева О. В. Долгосрочные глобальные тренды как драйверы инновационного развития мирового рынка промышленной робототехники.	40
Сазонов С. П., Елсуков Л. А., Елсукова Ю. Ю. Совершенствование мер государственной поддержки инвестиционной привлекательности региона (на примере Волгоградской области)	48
Петренко Т. В., Щербакова Т. А. Кризис труда и роль социальных институтов в его преодолении	53
Шовхалов Ш. А. Особенности контроллинга товарных запасов на предприятиях рынка халяль в разрезе бизнес-процессов	58
Янкина И. А., Нови И. Н. Влияние конкурентоспособности региона на развитие туристского бизнеса	62
Петренко Т. В., Маринова И. В. К вопросу о развитии институтов формирования трудового потенциала современного общества.	68
Субаева А. К., Михайлова Л. В., Мамлиева Д. Р. Особенности управления рисками инновационного инвестиционного проекта	72
Конева М. В. Применение ИКТ при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных жилых домов в бухгалтерском учете строительных компаний	76
Шагоян Х. В. Сетевые логистические кластеры в развитии национальной логистической системы Российской Федерации при цифровой трансформации экономики	86
Шульгина К. А., Кузина Л. Н., Миронова Ж. В., Конев А. В., Короткевич В. А. Критерии целесообразности применения технологий предварительного обогащения для модернизации предприятий горнодобывающей промышленности	93
Ладыженская Т. П., Кузнецова Н. А. Методологические вопросы финансового менеджмента, анализ общих контуров системы и ее эффективность: опыт Югры.	98
Бондарская О. В. Исследование межрегиональной промышленной кооперации в современных условиях.	105
Бондарева Я. Ю., Лавриненко Е. А., Риффель Г. В. Теоретические недостатки и преимущества зарубежной региональной кластерной экономической модели	112
Кравцевич С. В. Особенности воспроизводства рабочей силы в условиях несовершенной конкуренции на отечественном рынке труда	117
Иванов М. В., Невзорова А. В. Анализ влияния процессов цифровизации в транспортном комплексе на социально-экономическое развитие региона.	126
Шульгина К. А., Кузина Л. Н., Миронова Ж. В., Конев А. В., Короткевич В. А. Применение технологий предварительного обогащения — резерв повышения рентабельности предприятий горнодобывающей промышленности	134
Осадчий К. В. Аспекты формирования механизмов устойчивого развития предприятий ракетно-космической отрасли РФ	138
Устюжанин В. Л. Модели организации высшего образования: сравнительный анализ	144
Болданова Е. В. Затраты на НИОКР и финансовое состояние нефтегазодобывающей компании.	153
Серов Д. А., Левина А. И., Калязина С. Е. Координация деятельности водоканалов региона: тенденции и формы.	158
Прянишникова М. В., Сударикова И. А. Портфельный менеджмент страховых компаний на современном фондовом рынке	165
Корда Н. И. Концепт противодействия коррупции в Республике Крым	170
Краснянская О. В. Методы инжиниринга в организации системы научно-технологического развития промышленности	175
Попов И. А. Совершенствование механизма управления государственными закупками на основе уточнения теоретических основ	185

Старков Е. Н. Трансформации маркетинга в условиях цифровой экономики: императивы и препятствия	193
Турманов М. Т. Современные тенденции диджитализации бухгалтерии	199
Баженов С. И., Голоха Д. Д., Новикова К. А. Внедрение сквозных цифровых технологий в регионах Уральского федерального округа	205
Титов В. В., Безмельницын Д. А. Развитие систем оперативного управления на высокотехнологичных предприятиях машиностроения с длительным циклом производства	210
Воробец Т. И., Перзекке Н. Б. Особенности формирования инновационной стратегии предприятия	217
Мосолова Н. А. Методика оценки уровня развития экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей	223
Пышков Н. И. Вклад российских компаний с эффективной системой управления финансами и рисками в корпоративную социальную ответственность	229

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гладких В. И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами	235
Сапфинова А. А. Применение электронной формы ведения кадровых документов как способ защиты трудовых прав	239
Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Отдельные проблемы правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации	243
Демьянова Л. М., Дьяконова Н. А., Ковтуненко А. В., Зайцев В. В. Проблемы привлечения к ответственности за причинение вреда здоровью спортсменам в их профессиональной деятельности	250
Стрельников И. А., Минакова Е. В., Ратникова В. И., Стрельникова Н. В. Актуальные проблемы регулирования рабочего времени в Японии и России	255
Черноусова К. С., Дурандина Е. С., Кудачова А. В. Государственные меры поддержки малого и среднего бизнеса в период пандемии	260
Власов В. И. Деятельность суда при вынесении судебных решений о применении отдельных мер процессуального пресечения, принуждения и разрешения производства отдельных следственных действий	265
Гилева Н. С., Кайгородова О. В., Пинтий Н. И. Юридическая ошибка в уголовном праве Российской Федерации: понятие и последствия	271
Середа А. Ю. Проблемы лицензирования пользования участками недр местного значения для целей строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых	275
Чудиновских М. В. Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии	280
Гареев А. А., Иероклис Е. Г. Проблема ответственности за изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд	285
Коноплянникова Т. В., Шагивалеева И. З. Правовая культура как предпосылка формирования биоэтики в сфере защиты прав граждан	289
Файзрахманов Р. Р. Потребительский экстремизм: возможности уголовной ответственности	295

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А., Скворцов А. В. Развитие пространственно-образного мышления бакалавров	300
Белова С. В., Чубанов И. И. Гуманитарный компонент содержания профессионального образования будущих юристов	306
Комиссарова Т. С., Скворцов А. В. Картографический подход к формированию пространственно-проблемного восприятия учебной информации (на примере подготовки бакалавров по направлению «Туризм»)	311
Макарова Э. В., Дубатовкин В. И., Олейник С. С., Куликов С. В. Способы совершенствования выносливости студентов на занятиях физической культурой	317
Лаво Р. С., Морозов С. А. Содержание предмета философии музыки в институте культуры	322
Ломакин О. Е., Тебекин А. В. Переход системы дополнительного профессионального образования в структуре Росгидромета к сопряженной модели развития	328

Орлова Л. Н., Ижойкина Л. В. Проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся высшей школы	336
Тархан Л. З., Бекирова М. И. Специальный курс «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности» как условие подготовленности обучающихся к будущей профессии	342
Трегубова Т. М. Модели профессионального развития педагогов в условиях цифровизации: бенчмаркинг успешных практик	348
Борисова В. В., Титова А. В., Архипова С. А. Применение средств аэробики в тренировочном процессе в художественной гимнастике	353
Гаирбекова П. И. Цифровая культура в современном образовании	359
Мельников Ю. Б., Суетов А. П. Роль и место вычислительного аппарата в современном обучении математике	365
Непарко М. В. Методологические подходы к исследованию сформированности межкультурных компетенций у менеджеров в высшем учебном заведении	373
Козлов А. В., Козлова М. А., Славин Д. С. Техническая оценка измерения двигательной активности студентов с ограниченными возможностями здоровья на основе настольных спортивных игр	378
Бочарова Ю. Ю., Коматкова Л. В. Практики закрепления молодых учителей: роль профессионального сообщества	382
Емельянова О. Б. Развитие навыков свободного участия в полемических формах делового общения у студентов неязыковых вузов	391
Декина Е. В., Шалагинова К. С. Теория и практика развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования	396
Красильникова Ю. С., Седов И. А., Антонова В. В. К понятию воспитательной компетентности педагога физической культуры и спорта	402
Лапшова Е. С., Кошарская Е. В., Лапшова Я. О. Высшее профессиональное образование и дуальная система обучения: факторы успешной интеграции молодых людей на рынок труда	406
Руднева Л. В., Борисова В. В., Титова А. В. Особенности проявления основных свойств нервной системы в спортивной деятельности (на примере акробатического рок-н-ролла)	411
Стрельников И. А., Стрельникова Н. В., Ратникова В. И. Энергетическая дихотомия в знаках идеографической письменности Востока	417
Марюков А. М. Формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре	422
Беляева О. А. Метапредметные компетенции педагогов: опыт эмпирического исследования	426
Гаджиева Е. А. Педагогическая «анкета» — характеристика инфокартографического метода профессионального обучения бакалавров по направлению «Туризм»	433
Карева Г. В. Социальная интеграция студентов с ограниченными возможностями здоровья в учебный процесс вуза через игровые технологии	438
Киселева Т. Г., Матаулина А. Е. Особенности формирования коммуникативных навыков у дошкольников с нарушениями развития	444
Карманова Е. С. Формирование познавательных универсальных учебных действий при обучении письму на китайском языке	451
Орлов В. С. Опыт проведения совместных междисциплинарных курсов в рамках модели либерального образования	456
Третьякова И. А., Куприна И. В. Дисциплина «Страноведение России» для иностранных студентов в дистанционном формате	462
Тимошкина М. В., Айварова Н. Г. Индивидуальный образовательный маршрут по формированию гибких навыков в условиях высшего образования	467
Темняткина О. В. Оценка деятельности педагогов профессиональных образовательных организаций в условиях аттестации	472
Коноплянский Д. А. Специфика регионального рынка труда в процессе формирования конкурентоспособности выпускников вуза	479
Пягай Л. П. Научно-методическое сопровождение самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт»	485
Рубцова Т. С. Педоцентристский характер педагогики Ф. У. Паркера	488
Цывунина А. Д. Коммуникативная культура подростка: новый взгляд на известный феномен	493

CONTENT

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

Koronatov N. N., Ilin I. V., Kalyazina S. E. Digital architecture of the value chain in the oil refining industry	11
Eremin V. I., Gladkova L. A., Bezgina E. S. Human resources policy in the local government body: its role and the implementation problem	19
Podtikhova N. N., Ferova I. S. Financial security assessment of a coal mining enterprise	25
Kovalenko N. V., Suleymanova T. A. Features of formation of a cluster in agricultural industry of the region with a special status	32
Karsuntseva O. V. Long-term global trends as drivers of innovative development of the global industrial robotics market	40
Sazonov S. P., Elsukov L. A., Elsukova Yu. Yu. Improvement of state support measures for the investment attractiveness of the region (on the example of the Volgograd region)	48
Petrenko T. V., Shcherbakova T. A. Labor crisis and the role of social institutions in overcoming it.	53
Shovkhalov Sh. A. Peculiarities of inventory controlling at halal market enterprises in the context of business processes	58
Yankina I. A., Novi I. N. Influence of regional competitiveness on the development of tourist business	62
Petrenko T. V., Marinova I. V. On the question of the development of institutions for forming labor potential of modern society.	68
Subaeva A. K., Mikhaylova L. V., Mamlieva D. R. Features of risk management of an innovative investment project.	72
Koneva M. V. The application of ICT in the formation of the actual cost price in construction of multi-storey residential buildings in the accounting of building companies	76
Shagoyan Kh. V. Network logistics clusters in the development of the national logistics system of the Russian Federation in the digital transformation of the economy	86
Shulgina K. A., Kuzina L. N., Mironova Zh. V., Konev A. V., Korotkevich V. A. Feasibility criteria for application of pre-enrichment technologies for modernization of mining industries.	93
Ladyzhenskaya T. P., Kuznetsova N. A. Methodological issues of financial management, analysis of the system general outline and its efficiency: the experience of Yugra.	98
Bondarskaya O. V. Study of interregional industrial cooperation in modern conditions	105
Bondareva Ya. Yu., Lavrinenko E. A., Riffel G. V. Theoretical disadvantages and advantages of the regional cluster economic model	112
Kravtsevich S. V. Features of the reproduction of the labour force in the conditions of imperfect competition in the domestic labor market	117
Ivanov M. V., Nevzorova A. V. Analysis of the impact of digitalization processes in the transport complex on socio-economic development of a region	126
Shulgina K. A., Kuzina L. N., Mironova Zh. V., Konev A. V., Korotkevich V. A. The use of pre-enrichment technologies as a reserve for increasing the profitability of the mining industry	134
Osadchiy K. V. Aspects of the formation of mechanisms for the sustainable development of enterprises of the rocket and space industry of the Russian Federation.	138
Ustyuzhanin V. L. Models of higher education: comparative analysis.	144
Boldanova E. V. R & D costs and financial state of the oil and gas production company	153
Serov D. A., Levina A. I., Kalyazina S. E. Coordination of water canal activities in the region: trends and forms	158
Pryanishnikova M. V., Sudarikova I. A. Portfolio management of insurance companies in the modern stock market	165
Korda N. I. The concept of anti-corruption in the Republic of Crimea.	170
Krasnyanskaya O. V. Engineering methods in the organization of the system of scientific and technological development of industry	175
Popov I. A. Improving public procurement management by clarifying the theoretical foundations.	185

Starkov E. N. Marketing transformations in the digital economy: imperatives and obstacles	193
Turmanov M. T. Modern trends in digitalization of accounting	199
Bazhenov S. I., Golokha D. D., Novikova K. A. Introduction of “end-to-end” digital technologies in subjects of the Ural Federal District	205
Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Development of operational management systems on high-tech with a long cycle the production of machine-building enterprises	210
Vorobets T. I., Perzeke N. B. Features of forming an innovative strategy of the enterprise	217
Mosolova N. A. Methodology for assessing the level of the economic potential development in the agricultural insurance sector.	223
Pyshkov N. I. Contribution of Russian companies with an effective financial and risk management system to corporate social responsibility	229

12.00.00 LAW SCIENCES

Gladkikh V. I. Illegal provision of consumer credits (loans) (article 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation): another novel with unclear prospects	235
Sapfirova A. A. Application of the electronic form of managing personnel documents as a method for protecting labor rights	239
Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Yu., Astafurova O. A. Certain problems of legal regulation of the process of controlling expenses of officials in the Russian Federation.	243
Demyanova L. M., Dyakonova N. A., Kovtunenkov A. V., Zaytsev V. V. Problems of liability for injury to health of athletes in their professional activities.	250
Strelnikov I. A., Minakova E. V., Ratnikova V. I., Strelnikova N. V. Topical issues of regulation of working time in Japan and Russia.	255
Chernousova K. S., Durandina E. S., Kudakova A. V. State support measures for small and medium businesses during the pandemic	260
Vlasov V. I. Activity of the court during judgment decisions on the application of certain measures of procedural prevention, forcing and permission of production of certain investigative actions.	265
Gileva N. S., Kaygorodova O. V., Pintiy N. I. The legal error in the criminal law of the Russian Federation: concept and consequences	271
Sereda A. Yu. Problems of licensing the use of subsurface areas of local significance for the construction and operation of underground structures of local and regional significance, not related to the extraction of minerals	275
Chudinovskikh M. V. The main trends in the development of digital labor platforms in the context of the pandemic	280
Gareev A. A., Ieroklis E. G. The problem of responsibility for the expropriation of land plots for state or municipal needs	285
Konoplyannikova T. V., Shagivaleeva I. Z. Legal culture as a background for the formation of bioethics in the sphere of protecting the rights of the citizens	289
Fayzrakhmanov R. R. Consumer extremism: potential criminal liability	295

13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

Komissarova T. S., Gadzhieva E. A., Skvortsov A. V. Development of spatial-visual thinking of bachelors	300
Belova S. V., Chubanov I. I. Humanitarian component of the content of professional education of future lawyers.	306
Komissarova T. S., Skvortsov A. V. Cartographic approach to the formation of spatial and problem perception of educational information (on the example of training bachelors in the direction of “Tourism”)	311
Makarova E. V., Dubatovkin V. I., Oleynik S. S., Kulikov S. V. Ways to improve students’ endurance in physical education classes.	317
Lavo R. S., Morozov S. A. Content of the subject of philosophy of music at the institute of culture	322
Lomakin O. E., Tebekin A. V. Transition of the system of additional professional education in the structure of Rosgidromet to a coupled development model.	328
Orlova L. N., Izhoynina L. V. Problems of forming a culture of life safety in higher education students.	336

Tarkhan L. Z., Bekirova M. I. Special course “Readiness of future teachers-defectologists for professional activities” as a condition for preparation of students for future profession	342
Tregubova T. M. Models of teachers’ professional development in conditions of digitalization: benchmarking of successful practices	348
Borisova V. V., Titova A. V., Arkhipova S. A. The use of aerobics in the training process in rhythmic gymnastics	353
Gairbekova P. I. Digital culture in modern education	359
Melnikov Yu. B., Suetov A. P. The role and place of the computing apparatus in modern teaching of mathematics.	365
Neparko M. V. Methodological approaches to the study of the formation of cross-cultural competencies among managers in higher education institutions.	373
Kozlov A. V., Kozlova M. A., Slavin D. S. Technical assessment of the physical activity in students with disabilities on the basis of board sports games	378
Bocharova Yu. Yu., Komatkova L. V. Methods for retention of young teachers in school: the role of the professional community	382
Emelyanova O. B. Development of skills of free participation in polemical forms of business communication among students of non-linguistic universities . . .	391
Dekina E. V., Shalaginova K. S. Theory and practice of development of creative abilities in preschool children by means of technical modeling	396
Krasilnikova Yu. S., Sedov I. A., Antonova V. V. To the concept of educational competence of the teacher of physical culture and sports	402
Lapshova E. S., Kosharskaya E. V., Lapshova Ya. O. Higher professional education and dual training system: factors in the successful integration of young people into the labor market.	406
Rudneva L. V., Borisova V. V., Titova A. V. Features of the manifestation of the main properties of the nervous system in sports activity (on the example of acrobatic rock and roll)	411
Strelnikov I. A., Strelnikova N. V., Ratnikova V. I. Energy dichotomy in the signs of the ideographic writings of the East	417
Maryukov A. M. Forming readiness for acquisition of universal learning activities in children of older pre-school age in the course of the game of chess.	422
Belyaeva O. A. Meta-subject competencies of teachers: empirical research experience.	426
Gadzhieva E. A. Pedagogical “questionnaire” — characteristics of infocartographic method of professional training of bachelors in the direction of “Tourism”	433
Kareva G. V. Social integration of students with disabilities in the educational process of the university through game technologies	438
Kiseleva T. G., Mataulina A. E. Peculiarities of communication skills formation in preschoolers with developmental disorders.	444
Karmanova E. S. Formation of cognitive universal learning activities in teaching writing in Chinese	451
Orlov V. S. An experience in teaching common interdisciplinary courses as a part of the model of liberal education	456
Tretyakova I. A., Kuprina I. V. The discipline “Country studies of Russia” for foreign students in a distance format.	462
Timoshkina M. V., Ayvarova N. G. Individual educational route for the formation of flexible skills in higher education	467
Temnyatkina O. V. Teacher evaluation in vocational education institutions in the conditions of attestation	472
Konoplyanskiy D. A. The specifics of the regional labor market in the process of forming the competitiveness of university graduates	479
Pyagai L. P. Scientific and methodological support of independent work of students in the discipline “Physical culture and sports”	485
Rubtsova T. S. Francis W. Parker’s pedocentric pedagogy	488
Tsyvunina A. D. The communicative culture of a teenager: a new look at a well-known phenomenon.	493

08.00.00 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

08.00.00 ECONOMIC SCIENCES

УДК 330.47
ББК 65.05

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.301

Koronatov Nikolay Nikolaevich,
Candidate of Technical Sciences,
Assistant of the Graduate School
of Business and Management,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Deputy for production and sales,
KINEF LLC,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: nikonik.kirishi@mail.ru

Коронатов Николай Николаевич,
канд. техн. наук,
ассистент Высшей школы управления и бизнеса,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
заместитель генерального директора
по производству и сбыту продукции,
ООО «КИНЕФ»,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: nikonik.kirishi@mail.ru

Ilin Igor Vasilevich,
Doctor of Economics, Professor,
Director of the Graduate School of Business and Management,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: igor.ilin@spbstu.ru

Ильин Игорь Васильевич,
д-р экон. наук, профессор,
директор Высшей школы управления и бизнеса,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: igor.ilin@spbstu.ru

Kalyazina Sofiya Evgenevna,
Assistant of the Graduate School of Business and Management,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: kalyazina_se@spbstu.ru

Калязина София Евгеньевна,
ассистент Высшей школы управления и бизнеса,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: kalyazina_se@spbstu.ru

ЦИФРОВАЯ АРХИТЕКТУРА ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ НЕФТЕПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ

DIGITAL ARCHITECTURE OF THE VALUE CHAIN IN THE OIL REFINING INDUSTRY

08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики
08.00.13 — Mathematical and instrumental methods of economics

Появление инновационных технологий существенно влияет на все отрасли экономики, требуя от компаний вносить коренные изменения в функционирование бизнес-процессов. Данное положение напрямую относится и к отрасли нефтепереработки, включающей сложные многоплановые процессы и требующей применения сложных технологий. При этом отрасль испытывает дополнительные риски, связанные в том числе с появлением альтернативных источников энергии, влиянием изменений рынка на спрос на продукцию. Следовательно, для повышения конкурентоспособности, устойчивости и эффективности деятельности требуется подвергнуть глубокому анализу и пересмотреть модель бизнес-процессов предприятий отрасли. В настоящей статье участники цепочки создания ценности нефтепереработки рассмотрены как единая экосистема. Для данной цепочки построена модель информационного обмена, учитывающая целесообразность перехода на облачные технологии, широкого применения ключевых технологий Индустрии 4.0, включения приложений для управления

пользовательским опытом, призванных повысить клиентоориентированность предприятия. Методологической основой исследования является архитектурный подход, основанный на понятии архитектуры предприятия, и сервис-ориентированный подход, направленный на гармонизацию требований и возможностей бизнеса и ИТ-элементов системы. В целях исследования проведен анализ существующих технологий и решений в сфере цифровизации цепочки создания ценности нефтепереработки. На основе полученной и проанализированной информации предложена модель информационного обмена, поддерживающая процесс нефтепереработки. Внедрение подобной модели и рассмотрение участников цепочки как элементов экосистемы призвано повысить гибкость предприятий в условиях изменчивого рынка, способствовать решению глобальных проблем отрасли, повысить безопасность бизнес-процессов на всех этапах, уменьшить влияние на окружающую среду, дать возможность таргетирования деятельности, что соответствует глобальным трендам современной экономики.

The emergence of innovative technologies significantly affects all sectors of the economy, requiring companies to make fundamental changes in the functioning of business processes. This provision directly applies to the oil refining industry, which includes complex multidimensional processes and requires the use of complex technologies. At the same time, the industry is experiencing additional risks associated, inter alia, with the emergence of alternative energy sources and the impact of market changes on the demand for products. Accordingly, to improve the competitiveness, sustainability and efficiency of activities, it is required to subject a deep analysis to revise the model of business processes of enterprises in the industry. In this article, the participants in the refining value chain are considered as a single ecosystem. For this chain, a model of information exchange was built, taking into account the feasibility of switching to cloud technologies, the widespread use of key technologies of Industry 4.0, the inclusion of applications for managing user experience designed to increase the customer focus of the enterprise. The methodological basis of the study is an architectural approach based on the concept of enterprise architecture and a service-oriented approach aimed at harmonizing the requirements and capabilities of the business and IT elements of the system. For the purpose of the study, an analysis of existing technologies and solutions in the field of digitalization of the oil refining value chain was carried out. On the basis of the information received and analyzed, a model of information exchange is proposed that supports the oil refining process. The introduction of such a model and the consideration of the participants in the chain as elements of the ecosystem is intended to increase the flexibility of enterprises in a volatile market, help to solve global problems of the industry, improve the safety of business processes at all stages, reduce the impact on the environment, and provide an opportunity to target activities, which is in line with the global trends of modern economy.

Ключевые слова: нефтепереработка, Индустрия 4.0, цифровизация, архитектурный подход, сервис-ориентированный подход, архитектура предприятия, облачные технологии, Интернет вещей, ERP, машинное обучение, искусственный интеллект.

Keywords: oil refining, Industry 4.0, digitalization, architectural approach, service-oriented approach, enterprise architecture, cloud technologies, Internet of Things, ERP (enterprise resource planning), machine learning, artificial intelligence.

Введение

Процесс нефтепереработки представляет собой сложную цепочку создания стоимости. На данный момент скорость, масштабы и влияние четвертой промышленной революции существенно влияют на развитие отрасли, так как ускоряют инновации и расширяют возможности клиентов. Соответственно, отрасль должна принять коренные изменения в бизнесе, основанные на технических, культурных и организационных изменениях, чтобы предоставлять надежные и экологически безопасные продукты и услуги в области энергетики, помогая решать накапливающиеся социальные, экономические и экологические проблемы и быстро реагируя на изменения рынка [1–3].

Глобальные нефтегазовые компании переходят на клиентоориентированность, делая персонализированные предложения (от оперативного управления заказами и запасами до ценообразования с оплатой за результат) и переводя

цепочки поставок углеводородов в цифровую форму [4]. Например, возможны индивидуальные предложения различным потребителям топлива на основе предыдущих покупок, для более крупных нефтегазовых компаний — диверсификация в смежные отрасли и секторы, такие как коммунальные услуги, солнечная и ветровая энергия, хранение энергии. С переходом к Индустрии 4.0 цифровые технологии позволяют собирать и анализировать данные по активам и бизнес-системам, чтобы сделать процессы более быстрыми, гибкими и эффективными [5].

Основной стратегией развития может стать объединение бизнес-процессов, интеллектуальных технологий и реальных данных об операциях, клиентах, партнерах и окружающей среде [6]. Например, перспективной является оцифровка производства и доставки, в том числе бесконтактные транзакции. Подобная трансформация бизнес-моделей предполагает перенос рутинных задач с человека на системы, основанные на машинном обучении и искусственном интеллекте. При этом цифровое ядро, основанное на таких инструментах Индустрии 4.0, как прогнозная аналитика, блокчейн, машинное обучение, станет платформой для управления и оптимизации систем и процессов, поставщиков и сетей, рабочей силы, взаимодействия с клиентами, сбора данных с помощью датчиков и других подключенных активов Интернета вещей (IoT) [7–9].

Актуальность статьи заключается в рассмотрении примеров применения перспективных технологий и программных продуктов, отвечающих потребностям нефтеперерабатывающих предприятий, что весьма важно для развития отрасли в целом.

Изученность данной проблемы в условиях России является недостаточной для четкого понимания стратегии развития российских нефтеперерабатывающих предприятий.

Это делает **целесообразным разработку темы**, связанной с цифровой трансформацией нефтеперерабатывающих предприятий в контексте реинжиниринга архитектуры предприятия.

Научная новизна статьи заключается в построении модели цифровой архитектуры бизнес-процессов цепочки создания ценности нефтеперерабатывающей отрасли.

Цель и задачи исследования — проанализировать существующие технологии и решения в сфере цифровизации цепочки создания ценности нефтепереработки и предложить решения по построению релевантной архитектуры предприятия.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что проведенный анализ ключевых цифровых технологий, применяемых в процессе нефтепереработки, и их места в цепочке создания ценности в этой отрасли позволяет предложить модель информационного обмена процесса нефтепереработки, включающую уровни бизнес-процессов, приложений и технологий.

Основная часть

Материалы и методы. Методология исследования заключается в анализе существующих релевантных технологий и решений в сфере цифровизации цепочки создания ценности нефтепереработки.

Можно выделить следующие тенденции в развитии нефтегазовой промышленности:

– поиск способов повторного использования CO₂ и других побочных продуктов (экономика замкнутого цикла);

- комплексные мобильные решения для анализа данных по активам и бизнес-системам в реальном времени;

- глобальные цепочки поставок: данные по поставкам, спросу, финансовая информация в реальном времени в любом месте;

- реагирование на рост влияния возобновляемых источников энергии, уменьшающий прибыльность нефтегазовых компаний.

Например, Saudi Aramco Refinery Company (SASREF) управляет цифровым нефтеперерабатывающим заводом с применением программы Saudi Vision 2030, что обеспечивает конкурентоспособность, прибыльность и эффективность за счет отслеживания в реальном времени движения запасов и расходов по проектам [10]. Французская многонациональная нефтегазовая компания Total в настоящее время является вторым по величине поставщиком солнечной энергии в мире [11]. Shell добавила возможности зарядки аккумуляторов на своих розничных станциях [12]. Возможно оснащение людей носимыми цифровыми датчиками для поддержки цепочки поставок углеводородов.

Следующие тенденции связаны с повышением клиентоориентированности. Требуется простота и качество обслуживания:

- аналитика потребления энергии потребителями;
- создание новых услуг и опыта.

Например, стартап-компания Booster Fuels предлагает инновационную службу доставки топлива, которая доставляет топливо прямо в машину клиента, пока он на работе. Клиенты могут использовать мобильное приложение, чтобы забронировать время заправки [13].

Розничные торговцы топливом могут использовать ценообразование с оплатой за результат и предлагать персонализированные конфигурации, улучшающие качество обслуживания клиентов.

Перспективным решением являются облачные технологии. Например, компания Assala Energy с применением цифровых инструментов в облаке обеспечила ввод объекта в эксплуатацию за 24 недели. Shell Aviation внедрила облачное мобильное приложение Skypad для оптимизации заправки в аэропорту. С возможностью мониторинга и управления уровнем запасов в каждом аэропорту компания быстро получает бизнес-аналитику, используемую для более эффективного управления ценами на топливо. Получение цифровой информации о мировом спросе авиакомпаний на топливо на основе мониторинга в реальном времени, интегрированных источников данных, прогнозный анализ и получение информации о продажах, данных о запасах в реальном времени способствуют принятию точных и эффективных решений. Это повышает конкурентоспособность компании, так как повышает ценность для аэропортов, нуждающихся в точных и безопасных операциях. Приложение повысило точность исполнения заказов на 70 %, оптимизировало время исполнения заказа и время заправки на 50 % и 45 % соответственно [14].

BP с шестью другими компаниями разрабатывает параметры рыночного стандарта цифровой разведки, размещаемого в облаке.

Применяемое решение SAP Predictive Maintenance and Service обеспечивает мониторинг оборудования и информацию о состоянии активов в реальном времени на основе критических значений и тенденций, что позволяет использовать эффективные стратегии обслуживания активов для лучшего управления затратами, рисками и производительностью.

Приложение SAP Upstream Operations Management объединяет сбор полевых данных, планирование добычи со сценариями «что, если», распределение добычи, техническое обслуживание, отчетность и аналитические возможности, благодаря чему нефтегазовые компании могут улучшить процесс принятия решений, связанных с операциями по добыче углеводородов. Применение подобных решений, по имеющимся оценкам, способствует повышению рентабельности активов на 5 %, сокращению незапланированных простоев активов на 15 % [14].

Решение SAP Fieldglass позволяет с помощью облачных технологий максимально эффективно управлять рабочей силой и поиском поставщиков услуг, повышая вместе с тем качество персонала, качество и безопасность работы [15].

Облачное решение SAP Ariba позволяет управлять цепочкой поставок и электронными закупками в реальном времени, начиная от выбора поставщика. Решение позволяет автоматизировать сбор данных для выставления счетов, оптимизировать движение денежных средств, снижать затраты в цепочке поставок за счет управления закупками [16]. Также существует облачное решение SAP Integrated Business Planning for Supply Chain, основанное на технологии SAP HANA in-memory, которое сочетает планирование продаж, прогнозирование спроса и предложения, пополнение запасов на основе спроса [17]. Например, компания Vivo Energy (ведущий африканский розничный торговец и дистрибьютор Shell и горюче-смазочных материалов под маркой Engen) для поддержания развития и получения большего стратегического контроля над своими операциями начала использовать решения SAP S / 4HANA, включая SAP S / 4HANA Oil & Gas, SAP S / 4HANA Retail, SAP S / 4HANA Finance и SAP S / 4HANA Supply Chain. Расширение возможностей пользователя SAP Fiori® позволило Vivo Energy преобразовать пользовательский опыт своих работников [18].

В отрасли также применяется открытая гибкая облачная платформа Microsoft Azure, обеспечивающая быстрое создание, развертывание, управление приложениями в глобальной сети дата-центров под управлением Microsoft [19]. Имеется решение Microsoft Connected Operations для нефте-, газо- и горнодобывающей промышленности, позволяющее широко использовать данные, передаваемые с подключенных датчиков и устройств, анализировать их с помощью технологии машинного обучения и прогнозной аналитики и тем самым оптимизировать производство, улучшить обслуживание и повысить рентабельность. Центры больших данных Microsoft с поддержкой облачных вычислений обеспечивают многоуровневую видимость в сетях поставщиков и клиентов. Облачные сервисы Microsoft обеспечивают координацию и сотрудничество для персонала посредством интегрированного общения, обмена мгновенными сообщениями, электронной почты, виртуальных встреч, дополненной реальности и социальных сетей, возможности электронного документооборота. Облачные решения также обеспечивают платформу хранения и обработки для больших объемов сложных структурированных данных, таких как сейсмические данные и цифровые изображения; для обработки, визуализации и интерпретации геологических или географических данных. Также есть решения для гибкого, мобильного, геолокационного и персонализированного маркетинга, который позволяет обеспечить положительный клиентский опыт по всем каналам продаж, выявить наиболее прибыльные продукты, получить больше информации

о рынке, повысить эффективность управления активами. Упомянутые решения используют технологии Power BI, Cortana Analytics, Azure IoT Suite, Microsoft Industrial IoT. Непосредственно для нефтегазовой отрасли используются искусственный интеллект (ИИ) и машинное обучение: визуализация и моделирование пласта для увеличения скорости бурения с помощью высокопроизводительных вычислений (HPC); принятие решений и анализ добычи пласта с помощью датчиков бурения IoT и прогнозной аналитики; расширение жизненных циклов активов с помощью прогнозного обслуживания с помощью Azure IoT. Azure IoT объединяет возможности intelligent edge с intelligent cloud для предоставления энергетических данных в совместимом формате, позволяя получать аналитические данные, подкрепленные передовой аналитикой, ИИ и новыми моделями взаимодействия со смешанной реальностью в сопровождении с обеспечением безопасности данных и защиты конфиденциальности с помощью Azure Sphere и Центра безопасности Azure для IoT.

Например, компания Schneider Electric использует ИИ и машинное обучение в решениях Azure Machine Learning и Azure IoT Edge для расширения возможностей своего решения для управления стержневым насосом Realift. Благодаря активному выявлению проблем с насосом с помощью edge analytics компании сокращают незапланированные простои, что снижает затраты, увеличивает объемы производства и повышает гибкость обслуживания. BP использует машинное обучение Microsoft Azure для оптимизации добычи запасов углеводородов. Компания Rockwell Automation создала решение для мониторинга дорогостоящих капитальных активов и использования этих данных для повышения производительности на основе Azure IoT. Решение собирает, интегрирует и организует данные датчиков с удаленного оборудования по всем глобальным цепочкам поставок для поддержки анализа в реальном времени, прогнозной аналитики и профилактического обслуживания [20].

Также применяются аналогичные решения Oracle EPM Cloud, Oracle Supply Chain Management, Oracle HCM, Oracle Cloud Asset Lifecycle Management.

Цифровизация призвана помочь в решении ключевых проблем отрасли, таких как:

- неустойчивость цен, давление конкуренции, влияние сложных геополитических процессов на ценообразование, прибыльность и т. д.; цифровизация здесь должна быть направлена на повышение операционной эффективности;
- ограниченные ресурсы — требуются стратегии, связанные с сокращением численности персонала и с созданием экономичной производственной среды, способной к быстрой масштабируемости при возвращении спроса и цен;
- повышенное внимание к устойчивости — требуются технологии, обеспечивающие оптимизацию углеродного следа, поиски новых источников возобновляемой энергии;
- безопасность — требуются технологии для противодействия кибер- и террористическим атакам;
- устаревшие активы — требуются инвестиции в расширенную аналитику данных и Интернет вещей, что увеличивает время безотказной работы оборудования, снижает затраты, оптимизирует эффективность, повышает безопасность и возможности мониторинга.

Целесообразно рассмотреть ключевые перспективные технологии для нефтеперерабатывающей отрасли:

- искусственный интеллект и машинное обучение — для контроля и прогнозирования производительности

оборудования, результатов процесса, исключения повторяющихся ручных задач, таких как плановое обслуживание оборудования, заказ новых материалов и т. д.; решения для распознавания голоса;

- Интернет вещей и Индустрия 4.0 — для анализа данных, удаленного мониторинга состояния нефтепромыслового оборудования в режиме реального времени, прогнозирования потребностей в обслуживании и выявления отказов до того, как они произойдут;

- цифровой двойник удаленного оборудования — для отслеживания производителями, операторами нефтепромыслов;

- расширенная аналитика — для просмотра операций, отзывов клиентов, для моделирования воздействия бизнес-решений, снижения рисков;

- платформа данных для управления опытом — для связи операционных данных (O-data) с данными опыта (X-данные) от клиентов, поставщиков и сотрудников; сокращения времени реагирования и улучшения взаимодействия с клиентами;

- блокчейн — для хранения данных цепочки поставок и торговли в цифровых промышленных сетях. Блокчейн объединяет поставщиков через коносамент и автоматически совершает сделки между операторами, сокращая время и упрощая логистику для международных перевозок. Имеется, например, решение SAP Бухгалтерское приложение в партнерстве с IBM;

- виртуальная и дополненная реальность — для визуализации в сочетании с конкретными данными в целях симуляции реальной среды. Например, это моделирование подводного обслуживания и ремонта, скважинного наклонно-направленного бурения, ремонт агрегатов НПЗ, модернизация системы для шельфовых платформ, обучение рабочих;

- роботизированная автоматизация процессов — использование программных роботов для выполнения повторяющихся задач, например автоматическая обработка пополнения запасов, отправка напоминаний персоналу для продления сертификатов обучения, составление ежедневных отчетов по бурению.

По отчету IDC за апрель 2020 г. [21], применение предиктивной аналитики и искусственного интеллекта обеспечивает повышение КПД на 10 %, увеличение доступности активов на 20 %, снижение на 15...20 % затрат на местное техническое обслуживание, двукратный рост оборота запчастей, 30 % сокращение общих запасов.

В статье в качестве методологической основы используется архитектурный подход, при котором архитектура предприятия рассматривается как комплексный подход к интеграции разнородных элементов (бизнес-процессов, функциональной структуры, организационной структуры, информационных систем и технологий, цифровых технологий, производственных технологий, активов) в эффективную бизнес-систему [22, 23], а также сервис-ориентированный подход как средство гармонизации (согласования) требований и возможностей бизнеса и ИТ-элементов единой системы [24—26]. При построении архитектуры предприятия выделяются уровни: бизнес-уровень (описывает деятельность предприятия и его развитие), прикладной уровень (описывает приложения, данные и их отношения) и технологический уровень (описывает аппаратное и системное программное обеспечение). В частности, рассматривается ИТ-архитектура: приложения, данные, оборудование.

Результаты. Комплексную цифровизацию цепочки создания ценности целесообразно начинать со следующих шагов:

- отраслевые совместные инновационные программы для конкретных сценариев использования;
- доставка отраслевых облаков от предприятия к предприятию;
- интеграция с широким спектром бизнес-услуг;

– открытая архитектура с выбором оборудования и программного обеспечения, специально разработанного для удовлетворения требований потребителя;

– дополнительные и инновационные сторонние решения, обеспечивающие использование передовых технологий.

В целях построения модели бизнес-процессов важно выделить основные тренды цифровизации в цепочке создания ценности нефтеперерабатывающей отрасли (табл.).

Основные тренды цифровизации в цепочке создания ценности нефтеперерабатывающей отрасли

Заключение договоров	Производство углеводородов	Логистика углеводородов	Эксплуатация активов
Электронный документооборот. Решения для подбора персонала. Решения по приоритизации портфеля проектов. Предиктивная аналитика	4D-сейсмический анализ. 3D-моделирование месторождений. Виртуальная, дополненная, смешанная реальность. Интернет вещей. Удаленная эксплуатация и мониторинг. Высокопроизводительные вычисления. Искусственный интеллект. Машинное обучение	Электронный документооборот. RFID-метки. Интернет вещей. Граничные вычисления (Edge computing). Большие данные	Цифровой двойник. Носимые устройства для персонала. Производственные приложения (MES, ERP, управление человеческими ресурсами (HRM), обслуживание, ремонт и эксплуатация (ТОиР))

На рис. 1 представлена цепочка создания ценности для нефтепереработки.

Рис. 1. Цепочка создания ценности для нефтепереработки

Максимальный положительный результат может дать рассмотрение всей такой цепочки как единой системы взаимодействия участников производства конечного продукта отрасли. Построение архитектуры предприятия для такой экосистемы целесообразно начать с формирования сети, охватывающей всех участников цепочки создания ценностей нефтепереработки (производители, их партнеры, потребители) и включающей приложения, платформы, инфраструктуру. Поскольку, как было сказано выше, прогрессивным вариантом можно считать облачное развертывание, в отношении инфраструктуры речь может идти об IaaS (инфраструктура как сервис). На основе такой сети строится слой инструментов и сервисов. Платформа бизнес-технологий обеспечивает управление данными, аналитику, поддерживает разработку приложений, интеграцию; позволяет использовать интеллектуальные технологии (искусственный интеллект, машинное обучение, Интернет вещей и т. д.); позволяет применять решения, дающие возможность перейти к экономике замкнутого цикла, управлению использованием энергии, повышению безопасности, уменьшению количества отходов, контролю выброса парниковых газов. Используемые приложения должны предполагать управление опытом, управление устойчивым развитием.

Сформированная мета-модель архитектуры информационного обмена цепочки создания ценности нефтяной отрасли представлена на рис. 2.

Применение интегрированных цифровых платформ улучшает сотрудничество между предприятиями, беспрепятственный обмен данными с партнерами по экосистеме для совместной работы, помогая ускорить внедрение инноваций, снизить затраты и обеспечить операционную прозрачность.

В качестве примера рассмотрим более подробно применение ключевых цифровых технологий в процессе нефтепереработки (производство готовой продукции).

1. Интернет вещей — датчики установлены на оборудовании и записывают параметры работы.

2. Предиктивная аналитика — анализ данных, полученных с датчиков на оборудовании, позволяет операторам предвидеть возможные проблемы и сбои и заблаговременно провести обслуживание.

3. Робототехника — дроны используются для осмотра верхней части ректификационной колонны.

4. Облачные вычисления — данные, собираемые на всех этапах производства, подвергаются обработке с целью оценки качества продукта на всех стадиях переработки, расчета оптимальных технологических параметров производства с учетом требуемого количества и качества продукции и при достижении критерия минимизации стоимости производства.

На рис. 3 представлена модель архитектуры информационного обмена непосредственно на нефтеперерабатывающем предприятии.

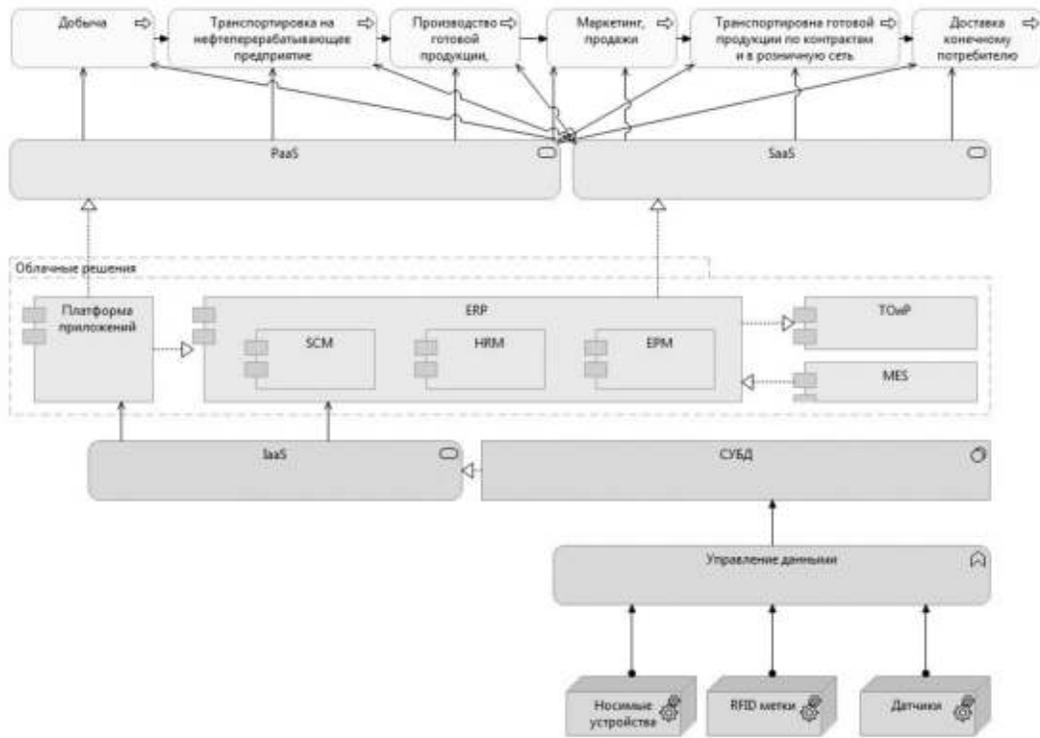

Рис. 2. Метамодель архитектуры информационного обмена нефтепереработки

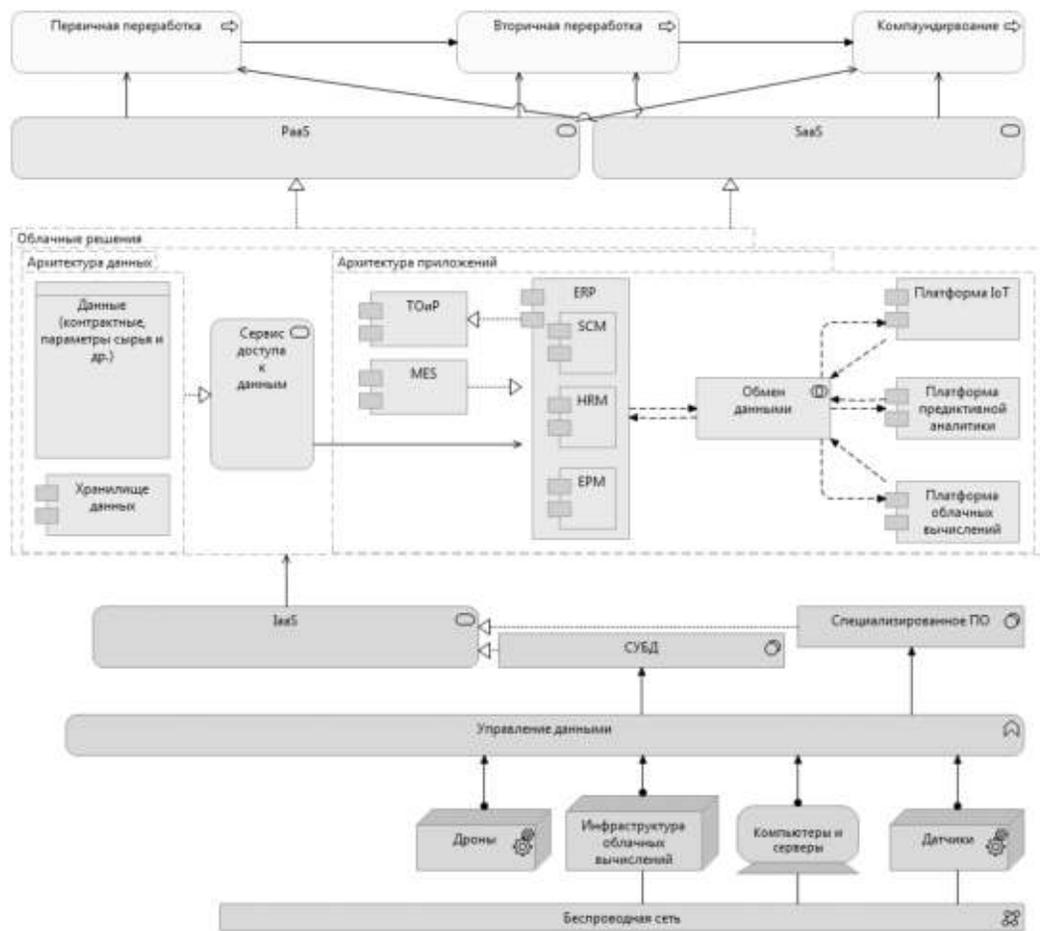

Рис. 3. Модель архитектуры информационного обмена нефтеперерабатывающего предприятия

Заключение

В рамках дальнейших исследований целесообразна детализация представленной архитектуры для отдельных представителей отрасли, подбор наиболее подходящих решений и определение необходимости возможной их доработки для нужд конкретного процесса. Рассмотренная в статье архитектура

информационного обмена нефтепереработки на основе интегрированных облачных цифровых платформ позволяет более гибко реагировать на вызовы, связанные с волатильностью окружающего мира, давать персонализированный отклик потребителю, тем самым повышая конкурентоспособность, устойчивость, эффективность и безопасность отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Life cycle assessment of petroleum refining process: a case study in China / Y. Liu et al. // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 256. Pp. 120—422.
2. Meyers R. A. *Handbook of petroleum refining processes*. McGraw-Hill Education, 2016.
3. Prospects for the development of the oil and gas industry in the regional and global economy / I. V. Morozov et al. // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2018. Vol. 8. No. 4. P. 55.
4. Коронатов Н. Н., Ильин И. В., Калязина С. Е. Управление параметрами технологических процессов нефтепереработки // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 7(177). С. 784—792.
5. Ghobakhloo M. Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability // *Journal of Cleaner Production*. 2020. Vol. 252. Pp. 869—872.
6. Формирование реестра и оценка рисков типового горно-обогатительного инвестиционного проекта в золоторудной отрасли / А. Е. Череповицын, Р. С. Марченко, Ф. Д. Ларичкин, С. В. Федосеев, А. Г. Воробьев // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2018. № 3(59). С. 43—52.
7. The role of digital technologies for the service transformation of industrial companies / M. Ardolino et al. // *International Journal of Production Research*. 2018. Vol. 56. No. 6. Pp. 2116—2132.
8. Li Y., Dai J., Cui L. The impact of digital technologies on economic and environmental performance in the context of industry 4.0: a moderated mediation model // *International Journal of Production Economics*. 2020. Vol. 229. Pp. 107—777.
9. Zaki M. Digital transformation: harnessing digital technologies for the next generation of services // *Journal of Services Marketing*. 2019. Vol. 33. Iss. 4. Pp. 429—435.
10. Saudi Aramco annual report 2019. URL: <https://www.aramco.com/-/media/publications/corporate-reports/saudi-aramco-ara-2019-english.pdf>.
11. Solar power, a rising energy in China. URL: <https://cn.total.com/en/solar-power-rising-energy-china>.
12. How Shell is reinventing the fuel station for EVs. URL: <https://www.autocar.co.uk/car-news/features/how-shell-reinventing-fuel-station-evs>.
13. Booster. URL: <https://www.trybooster.com>.
14. Oil, Gas, and Energy. URL: <https://www.sap.com/industries/oil-gas.html>.
15. SAP Fieldglass. URL: <https://www.fieldglass.net>.
16. SAP Ariba. URL: <https://www.ariba.com/ru-ru>.
17. SAP Integrated Business Planning for Supply Chain. URL: <https://www.sap.com/cis/products/integrated-business-planning.html>.
18. Vivo Energy. URL: <https://www.ibm.com/case-studies/vivo-energy-power-service>.
19. Microsoft Azure. URL: <https://azure.microsoft.com/ru-ru>.
20. Empowering the Oil & Gas and Mining Industry. URL: <https://info.microsoft.com/rs/157-GQE-382/images/Whitepaper%20-%20Oil%20Gas%20Mining%20Strategy%20v2.pdf>.
21. IDC FutureScape: Worldwide IT Industry 2020 Predication / F. Gens et al. // Framingham: International Data Corporation (IDC). 2019.
22. Коронатов Н. Н., Ильин И. В., Левина А. И. Архитектура ИТ-сервисов информационных систем нефтеперерабатывающего предприятия // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 9(179). С. 1013—1020.
23. Коронатов Н. Н., Ильин И. В., Левина А. И. Функциональные требования к ИТ-сервисам системы управления цепями поставок нефтеперерабатывающего предприятия // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 10(123). С. 987—992.
24. Papazoglou M. P., Van Den Heuvel W. J. Service oriented architectures: approaches, technologies and research issues // *The VLDB Journal*. 2007. Vol. 16. No. 3. Pp. 389—415.
25. Clement S. J., McKee D. W., Xu J. Service-oriented reference architecture for smart cities // 2017 IEEE symposium on service-oriented system engineering (SOSE). IEEE, 2017. Pp. 81—85.
26. Дубгорн А. С., Светульников С. Г., Зотова Е. А. Основные проблемы цифровой трансформации бизнеса // *Глобальный научный потенциал*. 2019. № 8(101). С. 116—120.

REFERENCES

1. Liu Y. et al. Life cycle assessment of petroleum refining process: a case study in China. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 256, pp. 120—422.
2. Meyers R. A. *Handbook of petroleum refining processes*. McGraw-Hill Education, 2016.
3. Morozov I. V. et al. Prospects for the development of the oil and gas industry in the regional and global economy. *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2018, vol. 8, no. 4, p. 55.
4. Koronатов N. N., Ilin I. V., Kalyazina S. E. Controlling the parameters of technological processes in oil refining. *Economics and Management*, 2020, vol. 26, no. 7(177), pp. 784—792. (In Russ.)

5. Ghobakhloo M. Industry 4.0, digitization, and opportunities for sustainability. *Journal of Cleaner Production*, 2020, vol. 252, pp. 869—872.
6. Cherepovitsyn A. E., Marchenko R. S., Larichkin F. D., Fedoseev S. V., Vorobev A. G. Formation of a register and risk assessment of a typical mining and processing investment project in the gold mining industry. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2018, no. 3(59), pp. 43—52. (In Russ.)
7. Ardolino M. et al. The role of digital technologies for the service transformation of industrial companies. *International Journal of Production Research*, 2018, vol. 56, no. 6, pp. 2116—2132.
8. Li Y., Dai J., Cui L. The impact of digital technologies on economic and environmental performance in the context of industry 4.0: a moderated mediation model. *International Journal of Production Economics*, 2020, vol. 229, pp. 107—177.
9. Zaki M. Digital transformation: harnessing digital technologies for the next generation of services. *Journal of Services Marketing*, 2019, vol. 33, iss. 4, pp. 429—435.
10. *Saudi Aramco annual report 2019*. URL: <https://www.aramco.com/-/media/publications/corporate-reports/saudi-aramco-ara-2019-english.pdf>.
11. *Solar power, a rising energy in China*. URL: <https://cn.total.com/en/solar-power-rising-energy-china>.
12. *How Shell is reinventing the fuel station for EVs*. URL: <https://www.autocar.co.uk/car-news/features/how-shell-reinventing-fuel-station-evs>.
13. *Booster*. URL: <https://www.trybooster.com>.
14. *Oil, Gas, and Energy*. URL: <https://www.sap.com/industries/oil-gas.html>.
15. *SAP Fieldglass*. URL: <https://www.fieldglass.net>.
16. *SAP Ariba*. URL: <https://www.ariba.com/ru-ru>.
17. *SAP Integrated Business Planning for Supply Chain*. URL: <https://www.sap.com/cis/products/integrated-business-planning.html>.
18. *Vivo Energy*. URL: <https://www.ibm.com/case-studies/vivo-energy-power-service>.
19. *Microsoft Azure*. URL: <https://azure.microsoft.com/ru-ru>.
20. *Empowering the Oil & Gas and Mining Industry*. URL: <https://info.microsoft.com/rs/157-GQE-382/images/Whitepaper%20-%20Oil%20Gas%20Mining%20Strategy%20v2.pdf>.
21. Gens F. et al. IDC FutureScape: Worldwide IT Industry 2020 Predication. *Framingham: International Data Corporation (IDC)*, 2019.
22. Koronатов N. N., Ilin I. V., Lovina A. I. Architecture of IT services of oil refinery information systems. *Economics and Management*, 2020, vol. 26, no. 9(179), pp. 1013—1020. (In Russ.)
23. Koronатов N. N., Ilin I. V., Lovina A. I. Functional requirements to IT services of oil processing supply chain. *Journal of Economy and Entrepreneurship*, 2020, no. 10(123), pp. 987—992. (In Russ.)
24. Papazoglou M. P., Van Den Heuvel W. J. Service oriented architectures: approaches, technologies and research issues. *The VLDB journal*, 2007, vol. 16, no. 3, pp. 389—415.
25. Clement S. J., McKee D. W., Xu J. Service-oriented reference architecture for smart cities. In: *2017 IEEE symposium on service-oriented system engineering (SOSE)*. IEEE, 2017. Pp. 81—85.
26. Dubgorn A. S., Svetunkov S. G., Zotova E. A. Main problems of digital transformation of business. *Global Scientific Potential*, 2019, no. 8(101), pp. 116—120. (In Russ.)

Как цитировать статью: Коронатов Н. Н., Ильин И. В., Калязина С. Е. Цифровая архитектура цепочки создания ценности нефтеперерабатывающей отрасли // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 11—18. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.301.

For citation: Koronатов N. N., Ilin I. V., Kalyazina S. E. Digital architecture of the value chain in the oil refining industry. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 11—18. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.301.

УДК 331.108
ББК 65.291.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.307

Eremin Vasily Iosifovich,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of State
and Municipal Administration and Tourism,
Russian State Agrarian University —
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: gosupr@rgau-msha.ru

Gladkova Lyudmila Anatolevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of State
and Municipal Administration and Tourism,
Russian State Agrarian University —
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: gla13@mail.ru

Bezgina Ekaterina Sergeevna,
4th year undergraduate student
of the Faculty of Humanities and Education,
Russian State Agrarian University —
Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: katybezg@mail.ru

Еремин Василий Иосифович,
д-р экон. наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления и туризма,
Российский государственный аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: gosupr@rgau-msha.ru

Гладкова Людмила Анатольевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления и туризма,
Российский государственный аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: gla13@mail.ru

Безгина Екатерина Сергеевна,
студент 4-го курса бакалавриата
гуманитарно-педагогического факультета,
Российский государственный аграрный университет —
МСХА имени К. А. Тимирязева,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: katybezg@mail.ru

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ЕЕ РОЛЬ И ПРОБЛЕМАТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

HUMAN RESOURCES POLICY IN THE LOCAL GOVERNMENT BODY: ITS ROLE AND THE IMPLEMENTATION PROBLEM

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (5. Экономика труда)

08.00.05 — Economics and management of national economy (5. Labor economics)

В рамках исследования, представленного в данной статье, разработан комплекс мер, направленный на решение кадровых проблем в органе местного самоуправления путем выбора наиболее эффективной кадровой политики и кадровой стратегии. Именно кадровая политика является предметом исследования. Кадровая политика представляет собой составную часть не только всей управленческой, но и производственной деятельности организации. Представленный анализ и оценка таких показателей, как динамика численности кадров, динамика замещения вакантных должностей муниципальных служащих, возрастная структура кадрового состава муниципальных служащих, в целом демонстрируют неэффективность принимаемых кадровых решений. По результатам проведенного исследования выявлена основная проблема — старение кадров. Разработанные и сформулированные предложения по решению данной проблемы с учетом краткосрочной и долгосрочной перспективы, направленные на совершенствование кадровой политики администрации муниципального образования, включают в себя ориентацию на долгосрочное планирование привлечения молодых специалистов. Именно это направление будет являться кадровой стратегией на перспективу при открытой кадровой политике. В рамках выбранной кадровой стратегии определены четыре направления реализации: продвижение тенденций к заключению

целевых договоров на обучение выпускников школ в вузах по соответствующей специальности за счет муниципального бюджета; создание программы стажировок, которая станет аналогом карьерной школы, функционирующей на базе Правительства Москвы и Московской области; создание системы профессионально-карьерного продвижения молодежи в муниципальном образовании; управление системой мотивации, включающее материальные и нематериальные компоненты. Предложенные меры будут актуальны для применения не только в конкретном муниципальном образовании, но и в других организационных системах данного уровня управления при наличии аналогичных проблем в вопросе управления кадрами.

Within the framework of the research presented in this article, a set of measures has been developed aimed at solving personnel problems in the local government body by choosing the most effective human resource policy and HR strategy. It is the personnel policy that is the subject of the study. HR policy is an integral part of the entire management and production activities of the organization. The presented analysis and evaluation of the following indicators: the dynamics of the number of personnel, the dynamics of filling vacant positions of municipal employees, the age structure of the personnel composition of municipal employees as a

whole demonstrates the inefficiency of the HR decisions taken. According to the results of the study, the main problem identified is the aging of personnel. The developed and formulated proposals for solving this problem, taking into account the short-and long-term prospects, aimed at improving the personnel policy of the municipal administration include a focus on long-term planning for attracting young professionals. It is this direction that will be the HR strategy for the future with an open personnel policy. Within the framework of the chosen HR strategy, four areas of implementation are identified: promotion of the trend of concluding targeted contracts for training school graduates in universities in the relevant specialty at the expense of the municipal budget; creation of an internship program that will become an analog of a career school operating on the basis of the Government of Moscow and the Moscow region; creation of a system of professional and career promotion of young people in the municipality; management of the motivation system, including material and non-material components. The proposed measures will be relevant for application not only in a particular municipality, but also in other organized systems of this level of management, if there are similar problems with the issue of personnel management.

Ключевые слова: кадровая политика, орган местного самоуправления, администрация, кадровая стратегия, муниципальный служащий, отдел муниципальной службы и кадровой работы, должность муниципальной службы, специалист, дефицит кадров, государственное управление, возрастная структура.

Keywords: human resource policy, local government, administration, HR strategy, municipal employee, department of municipal service and human resources, position of the municipal service, specialist, staff deficit, state governance, age structure.

Введение

Актуальность проведенного в статье исследования заключается в том, что кадровая политика является важной составной частью всей управленческой деятельности и производственной структуры органов муниципальной власти. От того, насколько четко выработана кадровая политика, напрямую зависит конкурентоспособность и эффективность деятельности органа местного самоуправления.

Еще в 1989 г. McLagan определил работу с кадрами как «комплексное использование обучения и организационного развития, развития карьеры сотрудников с целью повышения индивидуальной, групповой и организационной эффективности» (цит. по [1]).

В 1997 г. Шон Тайсон утверждал, что стремление организации развить потенциал своего кадрового состава с целью улучшения организационных результатов можно реализовать с помощью применения концепции формирования стратегии управления персоналом, которая трактовалась как схема запланированных мероприятий по развитию кадров и действий, которые направлены на достижение целей организации [2].

По мере развития сектора государственного управления, его модернизации и повышения уровня эффективности деятельности вопрос кадровой политики становился более значимым. Кадровая работа стала классифициро-

ваться как плановый подход к эффективному управлению кадрами для достижения стратегических целей органа власти путем выработки наиболее открытого и гибкого стиля управления, применяемого для мотивации и развития кадрового состава [3].

Однако при реализации кадровой политики важно не пренебрегать интересами самих сотрудников. Данная идея заключается в том, что интересы сотрудников стоит признавать и продвигать по мере возможности и в случае, когда они так или иначе сопоставимы с целями самого органа власти. Иными словами, индивидуальные цели сотрудников должны быть интегрированы с целями организации [4].

Таким образом, кадровая политика является сложным механизмом, который на протяжении долгого времени не перестает развиваться и модернизироваться. Именно поэтому изучение данного вопроса и анализ текущего состояния кадровой политики являются актуальными на данный момент.

Целью данного исследования является определение направлений совершенствования кадровой политики администрации муниципального образования в соответствии с эффективной кадровой стратегией.

Научная значимость заключается в проведении дополнительного анализа проблемы реализации кадровой политики в условиях современного мира.

Практическая значимость представляет собой возможность использования полученных результатов в кадровой деятельности региональных органов власти для разработки мер по совершенствованию кадровой политики аналогичных структурных подразделений системы муниципального управления.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд **задач**:

- изучить теоретические аспекты кадровой политики;
- провести анализ кадровой политики администрации муниципального образования город Ефремов;
- выделить основные проблемы кадровой политики администрации муниципального образования город Ефремов;
- определить пути совершенствования кадровой политики администрации муниципального образования город Ефремов.

Основная часть

Кадровая политика — это система принципов, норм, приоритетов и правил поведения, сформулированных в устной или письменной форме, которые носят обязательный характер исполнения непосредственно в отношении кадров, с целью достижения общих установленных организацией стратегических целей и задач [5].

Под кадрами понимается категория, характеризующая человеческие ресурсы организации или предприятия. К данной категории относят следующие группы работников: руководящие работники (руководители высшего, среднего и низового звеньев); специалисты (в зависимости от уровня квалификации, категории и классности); служащие (государственные и муниципальные) и исполнители (рабочие основного и вспомогательного производства).

Кадровая политика представляет собой составную часть не только всей управленческой, но и производственной деятельности организации, так как включает в себя следующие составные элементы: формирование кадровой

политики; кадровое планирование; разработка профессионально-квалификационных моделей, требований к кадрам и должностям; набор и отбор кадров; определение фонда оплаты труда и льгот; разработка системы мотивации, стимулирования и оплаты труда работников; профориентация и адаптация кадров, работа с увольняющимися; подбор, расстановка и продвижение кадров; профессиональное обучение, подготовка и повышение квалификации кадров; оценка кадров и результатов трудовой деятельности; совершенствование работы с кадрами [6].

Задача кадровой политики в организации, в свою очередь, заключается в реализации учета такого показателя, как интересы всех категорий работников, и, соответственно, в сопоставлении их с интересами организации.

Важно понимать, что кадровая политика организации должна быть:

- тесно связанной со стратегией организации;
- гибкой, т. е. гарантировать стабильность работникам, при этом подвергаться корректировке тех или иных факторов (тактики, экономической ситуации и т. п.);
- компетентной в индивидуальном подходе к каждому работнику в отношении вопросов, касающихся его найма, подбора и приема, развития и т. д.

Как и в любой другой организации, неотъемлемым элементом в работе органов местного самоуправления является их кадровая политика, в том числе уровень квалификации их кадрового состава, так как именно от работы с кадрами напрямую зависит эффективность работы органов местного самоуправления.

Кадровая политика в рамках муниципальной службы, как правило, представляет собой деятельность руководства органов местного самоуправления и специализированных кадровых служб, которая направлена на реализацию непосредственно кадровой стратегии, а также на поиск, отбор и наем, включая профессиональное

развитие персонала, его мотивацию и стимулирование на выполнение поставленных задач [7].

Объектом кадровой политики органов местного самоуправления являются ее работники (муниципальные служащие), а субъектом кадровой политики — система управления персоналом органа местного самоуправления, состоящая из руководителей всех уровней управления и кадровой службы.

На формирование кадровой политики влияет ряд факторов, ключевыми из которых являются тип кадровой политики и кадровая стратегия.

С целью определения типа кадровой политики и стратегии, выявления основных преимуществ и недостатков проведен анализ системы управления кадрами исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления — администрации городского округа Ефремов [8].

Организационная структура администрации городского округа Ефремов, в соответствии с Решением Собрании депутатов муниципального образования, является линейно-функциональной. Для данного типа организационной структуры характерно четкое разделение обязанностей по ключевым структурным звеньям управления, т. е. у каждого отдела есть свой начальник, который несет ответственность исключительно за своих подчиненных перед главным руководителем подразделения. Руководитель подразделения, в свою очередь, подконтролен главе администрации и ограничен в принятии самостоятельных решений. Глава администрации лично принимает компетентные решения в связи с тем, что руководствуется объективным анализом деятельности, предоставленным начальниками всех подразделений. Данные организационные связи в администрации характерны для реактивной кадровой политики [9].

Одним из составных элементов кадровой политики является своевременное качественное и количественное определение потребности в кадрах (табл. 1).

Таблица 1

Доля замещения вакантных должностей из внутренней и внешней среды (составлено авторами по данным [10])

Показатель	Единица измерения	Год		
		2017	2018	2019
Доля вакантных должностей муниципальной службы, замещаемых из внутренних источников, в том числе кадровый резерв	%	60	60	70
Доля вакантных должностей муниципальной службы, замещаемых из внешней среды	%	20	20	30

За последние годы наблюдается устойчивая тенденция привлечения кадров на замещение вакантных должностей из внутренних источников, т. е. непосредственно из кадрового резерва администрации муниципального образования город Ефремов, доля которого составила 70 % против 30 % кандидатов, претендующих на замещение вакантных должностей муниципальной службы из внешних источников за 2019 г.

Наличие минимальной доли замещения вакантных должностей муниципальной службы из внешней среды характеризует кадровую политику администрации городского округа Ефремов как открытую.

С учетом открытой кадровой политики динамику численности муниципальных служащих администрации муниципального образования город Ефремов можно представить следующим образом (рис. 1).

За последние пять лет численность кадров в администрации увеличилась на 17 %, прирост численности муниципальных служащих составил 11 штатных единиц, иных должностей, не относящихся к муниципальной службе, — 13 штатных единиц. Расширение штата администрации за исследуемый период вызвано произошедшими в 2017 и 2019 гг. структурными изменениями, а именно: был создан сектор по профилактике коррупционных и иных правонарушений, осуществлен перевод сектора муниципального контроля и сектора архитектуры и градостроительства в одноименные отделы.

Увеличение пенсионного возраста в Российской Федерации в 2020 г. привело к увеличению периода трудоспособного возраста населения [11, 12]. В связи с этим длительность пребывания гражданина на той или иной должности в организации до выхода на пенсию увеличивается. Из этого вытекает следующая кадровая проблема — старение кадров.

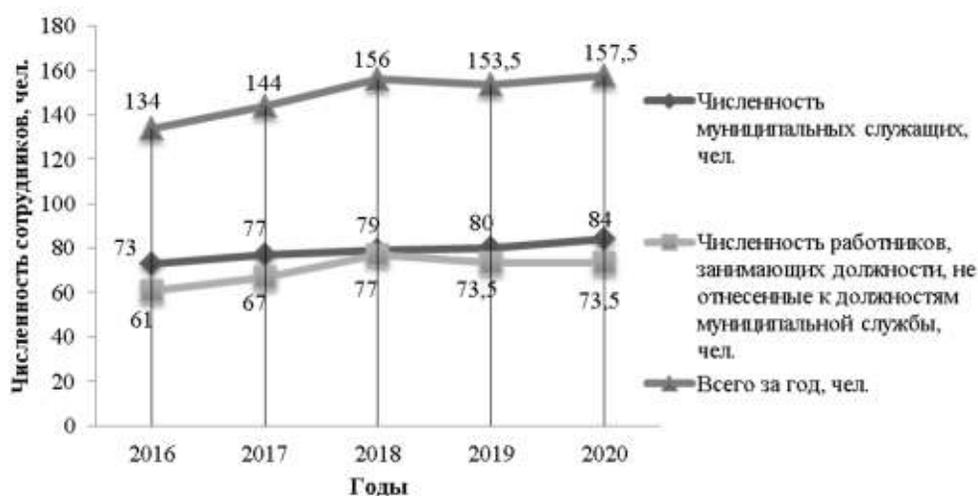

Рис. 1. Динамика численности кадров администрации муниципального образования город Ефремов (городской округ) [10, 11]

Проведем анализ возрастного состава исследуемого нами объекта — администрации городского округа Ефремов (рис. 2).

В процессе анализа кадрового штата администрации муниципального образования было выявлено, что немалая доля сотрудников, а именно 39 % от общего числа сотрудников по состоянию на 2020 г., находятся в предпенсионном и пенсионном возрасте (от 50 лет и старше).

Методы исследования. Исследование проводится в рамках диссертации и ВКР по управлению кадровой политикой и профессионально-должностным продвижением управленческих кадров.

Объектом исследования в данной статье является администрация муниципального образования город Ефремов.

Предмет исследования — кадровая политика администрации муниципального образования город Ефремов.

Информационная база исследования включает в себя: официальные сайты Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области (Туластат), муниципального образования город Ефремов.

К **методам** исследования, используемым в процессе выполнения работы, относятся анализ, сравнение и прогнозирование, графический метод, монографический метод.

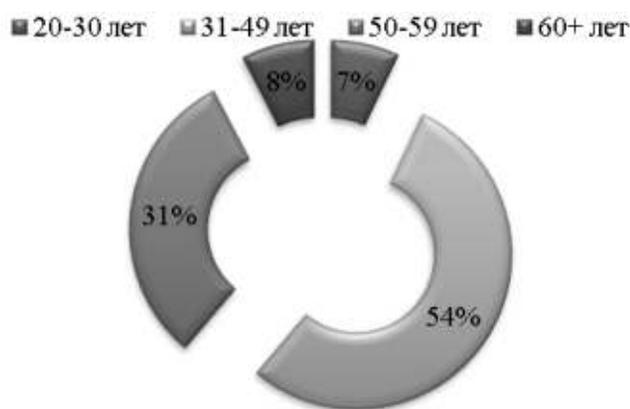

Рис. 2. Возрастная структура кадрового состава администрации муниципального образования город Ефремов (городской округ) (составлено авторами по данным [10])

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что в администрации городского округа Ефремов возникла угроза дефицита кадров по естественной причине — старение кадров. В связи с этим главе администрации и начальнику отдела муниципальной службы и кадровой работы необходимо разработать комплекс мер по увеличению доли сотрудников в штате в возрастной группе от 20 до 30 лет.

Целесообразным для руководства администрации городского округа Ефремов является принятие решения о разработке и реализации стратегии омоложения кадров.

Под кадровой стратегией понимается комплекс действий руководства организации, направленный на определение перспективных целей и задач в отношении управления кадрами с учетом внешней среды [13].

Реализацию стратегии омоложения кадров наиболее рационально будет исполнить в рамках двух перспектив: краткосрочной и долгосрочной.

Краткосрочная перспектива предполагает определение и решение качественной и количественной потребности в кадрах в ближайшее время (до одного месяца), в то время как долгосрочная перспектива будет ориентирована на срок от двух до пяти лет вперед.

В рамках краткосрочной перспективы для привлечения молодых специалистов можно применить меры, включающие управление мотивацией и профессионально-должностным продвижением молодых кадров.

Меры по управлению мотивацией, способной удерживать молодые перспективные кадры в системе местного самоуправления, представлены в табл. 2 (расположены по степени важности). Вопрос мотивации достаточно индивидуален, и к его решению большей частью нужно подходить адресно, однако на начальном этапе важно обеспечить удовлетворение базовых потребностей молодых специалистов — обеспеченность жильем и достойная заработная плата.

Вопрос профессионально-должностного продвижения молодых кадров заключается в возможности карьерного развития, причем стоит рассматривать не только вертикальное, но и горизонтальное направление, поскольку изучение комплексного управления в муниципальном образовании позволит получить опыт и структурировать процесс и этапы принятия решений.

**Комплекс мер по управлению мотивацией и профессионально-должностным поведением молодых кадров
в системе местного самоуправления городского округа Ефремов**

Предложение	Сущность предложения	Коэффициент важности, %
Решение квартирного вопроса	Предоставление служебного жилья с возможностью последующего выкупа сотрудником (особенно актуально для иногородних сотрудников)	35
Развитие трудового потенциала	Возможность профессионального и карьерного роста, получения дополнительного бесплатного высшего образования, дополнительных профильных практик, участие в межрегиональных и федеральных конкурсах и т. д.	30
«Один за всех и все за одного» — программа адаптации	В рамках программы адаптации нового молодого сотрудника можно применить следующие меры: прикрепить к новым кадрам опытных наставников на определенный период (на время испытательного срока или две-три недели); если в администрацию одновременно трудоустроятся от трех до семи молодых специалистов, можно еженедельно проводить оценку их деятельности по 10-балльной системе с присуждением титула «стажер недели» тому, кто наберет больше баллов за неделю	20
Бонус для «молодых»	Стимулирующая доплата молодым специалистам к должностному содержанию (в отношении должностей муниципальной службы)/ к окладу (для иных должностей) в размере, например, 10 % от оклада ежемесячно первые два-три года после трудоустройства в администрации. Введение единовременной стимулирующей выплаты и иные варианты материальной поддержки для молодых специалистов	15

Начинать же карьерное развитие разумно с эффективной программы адаптации, а в последующем определять траекторию и способы продвижения (см. табл. 2). Безусловно, немаловажное значение в этом отводится кадровой политике и стратегии, так как именно эти два элемента должны обеспечить условия для развития персонала организации.

Не стоит забывать, что развитие карьеры разумно рассматривать не только в рамках одной организации, тем более что система местного управления может служить кузницей кадров для системы государственного управления, особенно для специалистов, имеющих разноплановый опыт. В этой связи разумным видится развитие самомаркетинга как неотделимой части карьерной стратегии. Самомаркетинг представляет собой достаточно обширное направление. Его можно разделить на следующие этапы: ориентация на себя, ориентация на карьерные условия, предъявление себя в карьерном пространстве. Учитывая все этапы, разумным видится формирование эффективной модели самомаркетинга, учитывающей самоопределение субъекта труда, непосредственно самомаркетинг и конечный результат в виде достижения поставленной цели [13].

Ориентация на долгосрочное планирование привлечения молодых специалистов может включать в себя следующий ряд предложений: целевой подход и программа стажировок.

Целевой подход. Суть данного предложения заключается в продвижении тенденции к заключению целевых договоров на обучение выпускников школ в вузах по соответствующей специальности за счет администрации. Данный подход, во-первых, гарантирует, что через четыре года (средний срок обучения по программе бакалавриата) у администрации появятся квалифицированные специалисты, не только освоившие теоретическую базу, но и получившие современные профильные практики.

Во-вторых, данная программа является большим плюсом для абитуриентов, так как стоимость высшего образования достаточно высокая: в среднем по России стоимость очного образования составляет 240 тыс. руб. [14], и не каждая семья сможет это позволить. Кроме того, студент, заключая целевой договор с администрацией, сможет уверенно смотреть

в будущее, так как после выпуска из вуза он гарантированно будет трудоустроен.

Программа стажировок. В Тульской области необходимо разработать программу стажировок, которая станет аналогом карьерной школы, функционирующей на базе Правительства Москвы [15]. Суть данной школы заключается в работе со студентами и выпускниками вузов Москвы, которые за шесть месяцев пробуют свои силы в трех различных предприятиях, предоставленных для трудоустройства (от органов исполнительной власти до подведомственных учреждений). Данный подход позволяет студентам и выпускникам максимально точно определить, в какой сфере системы власти они хотят работать, а также дает возможность быть замеченными работодателями с целью дальнейшего трудоустройства. Следовательно, в случае внедрения данной школы стажировок Правительством Тульской области администрации муниципального образования стоит принять участие с целью привлечения молодых специалистов.

Заключение

Таким образом, реализация кадровой стратегии омоложения кадров при открытой кадровой политике администрации муниципального образования город Ефремов (городской округ), во-первых, снизит риски кадрового дефицита, который может стремительно начаться в ближайшее время, так как стоит напомнить, что 39 % текущего штата находится в предпенсионном и пенсионном возрасте.

Во-вторых, молодое поколение специалистов гораздо быстрее и легче адаптируется к различного рода новшествам, будь то, например, внедрение электронного документооборота или изменения в системе отчетности.

В-третьих, при заключении целевых договоров с вузами на обучение абитуриентов администрация начнет практику по кадровому планированию, которая на данный момент не востребована.

Данные меры могут быть реализованы не только на территории муниципального образования, но и на уровне иных регионов Российской Федерации, обеспечив тем самым повышение эффективности деятельности муниципальных служащих страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Drayton J. R. Jr. Role expectations and predictions of trends for human resource development at large public universities within the Southern Regional Education Board (SREB) area. URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4135&context=etd>.
2. Tyson Sh. Human resource strategy: a process for managing the contribution of HRM to organizational performance // *International Journal of Human Resource Management*. 1997. P. 290.
3. Ali Yaghoubi Poor. Managing the HR function in Public administration // *Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business*. 2013. Vol. 5. No. 1.
4. Gaus J. Award Lecture // *Political Science & Politics*. 2020. Vol. 53. Iss. 1. Pp. 173—178.
5. Пархимчик Е. П. Кадровая политика организации : учеб. пособие. Минск : ГИУСТ БГУ, 2011. 128 с.
6. Еремин В. И. Управление человеческими ресурсами : учеб. пособие. М. : Бибком, 2015. 324 с.
7. О муниципальной службе Российской Федерации : федер. закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ.
8. Устав муниципального образования город Ефремов от 29.10.2014 г. № 5-22.
9. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ.
10. Официальный сайт Администрации муниципального образования город Ефремов. URL: <https://efremov.tularegion.ru>.
11. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Тульской области (Туластат). URL: <https://tulastat.gks.ru>.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий : федер. закон от 03.10.2018 г. № 350.
13. Gladkova L. A., Morozova S. I. Управление карьерой персонала : учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2020.
14. Официальный сайт федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru>.
15. Официальный сайт карьерного портала Правительства Москвы. URL: <https://talent.mos.ru/internships>.

REFERENCES

1. Drayton J. R. Jr. *Role expectations and predictions of trends for human resource development at large public universities within the Southern Regional Education Board (SREB) area*. URL: <https://researchrepository.wvu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4135&context=etd>.
2. Tyson Sh. Human resource strategy: a process for managing the contribution of HRM to organizational performance. *International Journal of Human Resource Management*, 1997, p. 290.
3. Ali Yaghoubi Poor. Managing the HR function in Public administration. *Interdisciplinary Journal of Contemporary Research in Business*, 2013, vol. 5, no. 1.
4. Gaus J. Award Lecture. *Political Science & Politics*, 2020, vol. 53, iss. 1, pp. 173—178.
5. Parkhimchik E. P. *HR policy of the organization. Textbook*. Minsk, GIUST BSU publ., 2011. 128 p. (In Russ.)
6. Eremin V. I. *Human resource management. Textbook*. Moscow, Bibkom, 2015. 324 p. (In Russ.)
7. *On the Municipal Service of the Russian Federation. Federal law of 02.03.2007 No. 25-FZ*. (In Russ.)
8. *Charter of the municipality of the city of Efremov of 29.10.2014 No. 5-22*. (In Russ.)
9. *On General principles of organization of local self-government in the Russian Federation. Federal law of 06.10.2003 No. 131-FZ*. (In Russ.)
10. *Official website of the Administration of the municipality of the city of Efremov*. (In Russ.) URL: <https://efremov.tularegion.ru>.
11. *Official website of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Tula Region (Tulastat)*. (In Russ.) URL: <https://tulastat.gks.ru>.
12. *On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Appointment and Payment of Pensions. Federal law No. 350 of 03.10.2018*. (In Russ.)
13. Gladkova L. A., Morozova S. I. *Personnel career management. Textbook*. 2nd ed., add. and rev. Moscow, 2020. (In Russ.)
14. *Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation*. (In Russ.) URL: <https://www.gks.ru>.
15. *Official website of the career portal of the Government of Moscow*. (In Russ.) URL: <https://talent.mos.ru/internships>.

Как цитировать статью: Еремин В. И., Gladkova L. A., Bezgina E. S. Кадровая политика в системе местного самоуправления: ее роль и проблематика реализации // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 19—24. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.307.

For citation: Eremin V. I., Gladkova L. A., Bezgina E. S. Human resources policy in the local government body: its role and the implementation problem. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 19—24. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.307.

УДК 338.45
ББК 65.301

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.328

Podtikhova Natalya Nikolaevna,
Postgraduate of the Department of Finance and Risk Management,
Institute of Economics, Public Administration and Finance,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: n.podtikhova@yandex.ru

Ferova Irina Sergeevna,
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Finance and Risk Management,
Institute of Economics, Public Administration and Finance,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: iferova@yandex.ru

Подтихова Наталья Николаевна,
аспирант кафедры финансов и управления рисками,
Институт экономики, государственного управления и финансов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: n.podtikhova@yandex.ru

Ферова Ирина Сергеевна,
д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой финансов и управления рисками,
Институт экономики, государственного управления и финансов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: iferova@yandex.ru

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ

FINANCIAL SECURITY ASSESSMENT OF A COAL MINING ENTERPRISE

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Современные условия деятельности предприятий угольной промышленности требуют особого контроля уровня финансовой безопасности. Целью статьи является формирование и апробация методики оценки финансовой безопасности, отражающей влияние основных угроз финансовым интересам угледобывающих предприятий. Методы, использованные в исследовании: анализ, эксперимент, индексный метод, метод графического представления. В статье рассматривается понятие финансовой безопасности на микроуровне. Определяются элементы системы управления финансовой безопасностью предприятия, одним из них является методика оценки. На основе анализа предлагаемых методик оценки финансовой безопасности предприятий, не связанных с конкретной отраслью, выявляются ключевые элементы методики оценки. Определяются угрозы финансовым интересам угледобывающих предприятий и их возможные финансовые последствия. Предлагается набор индикаторов, отражающих влияние угроз финансовым интересам угледобывающего предприятия, с пороговыми значениями. Индикаторы рассматриваются с точки зрения содержания и порядка расчетов. Приводятся результаты пробной оценки уровня финансовой безопасности на примере угледобывающих предприятий Красноярского края за 2018 и 2019 гг. На основе фактических значений индикаторов выполняется расчет нормированных показателей, представляющих собой безразмерные индексы с диапазоном значений от 0 до 2. При этом значение 0 свидетельствует о максимальном уровне опасности, значение 2 характеризует абсолютно безопасное состояние. Значение, равное 1, говорит о соответствии фактического уровня финансовой безопасности пороговому уровню. Также в статье демонстрируется возможность визуализации фактических значений показателей и их динамики с использованием лепестковой диаграммы.

The current conditions of the coal industry enterprises require special control of the financial security level. The purpose of the article is to develop and test a methodology for assessing

financial security, which reflects the impact of the main threats on the financial interests of coal mining enterprises. The following methods are used in the study: analysis, experiment, index method, graphical method. The article deals with the concept of financial security at the microeconomic level. The elements of the financial security management system of the enterprise are defined. The assessment methodology is one of them. The key elements of the assessment methodology are identified by analyzing existing methods that are not related to the coal industry. Threats to the financial interests of coal mining enterprises and their possible financial consequences are identified. A set of indicators reflecting the impact of threats on the financial interests of a coal mining enterprise, with threshold values, is proposed. Indicators are considered from the point of view of the content and order of calculations. The results of a trial assessment of the level of financial security on the example of coal mining enterprises of the Krasnoyarsk Territory for 2018 and 2019 are presented. Based on the actual values of the indicators, their normalized values are calculated. The resulting indicators are dimensionless indexes with a range of values from 0 to 2. The indicator value of 0 indicates the maximum level of danger. The value of 2 indicates an absolutely safe state. The article reflects the use of the graphical method for analyzing the dynamics of indicator values.

Ключевые слова: финансовая безопасность предприятия, угольная промышленность, угрозы финансовым интересам, методы оценки финансовой безопасности, методика оценки финансовой безопасности, индикаторы финансовой безопасности, пороговые значения, нормирующая функция, индексы, уровень финансовой безопасности.

Keywords: financial security of the enterprise, coal industry, threats to financial interests, methods for assessing financial security, financial security assessment methodology, financial security indicators, threshold values, normalizing function, indexes, the level of financial security.

Введение

Актуальность. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 г. ставит перед угольной отраслью задачи по эффективности деятельности, оптимизации расходов, развитию угольно-технологических, углехимических и энергоугольных кластеров [1]. Продолжающаяся конкуренция с природным газом, экологическая повестка требуют повышения качества угля, поступающего на рынок. Одновременно с этим кризисные явления в экономике негативно сказываются на экономической активности субъектов и способствуют снижению платежеспособного спроса. Увеличиваются транспортные тарифы, при этом остаются нерешенными проблемы с транспортной инфраструктурой, являющиеся фактором, ограничивающим развитие экспорта. В этих сложных условиях предприятия отрасли становятся более уязвимыми, возрастают риски возникновения убытков, несостоятельности, утраты платежеспособности. Так, на Кузбассе в настоящее время в различных стадиях банкротства находятся пять угледобывающих предприятий, еще ряд компаний приостановили свою деятельность из-за нестабильности на рынке [2]. По данным ЕМИСС, растет удельный вес убыточных предприятий в отрасли в 2017—2019 гг. [3]. Для того чтобы стабильно функционировать, аккумулировать ресурсы для развития, компании необходимо контролировать финансовые риски на регулярной основе. Способствовать этому может внедрение системы управления финансовой безопасностью, одним из ключевых элементов которой является методика оценки ее уровня.

Изученность проблемы. Существенный вклад в изучение феномена экономической безопасности внесен такими учеными, как Сенчагов В. К., Богомолов В. А., Гончаренко Л. П. и др. Теоретические основы финансовой безопасности предприятия в значительной мере освещались в трудах Бланка И. А., Папехина Р. С. и др. Однако на сегодняшний день в теории экономической безопасности существуют и открытые вопросы. В частности, множественность подходов к определению финансовой безопасности повлекла за собой предложение различных методик оценки уровня финансовой безопасности. При этом нет четкого понимания, охватывают ли они влияние всех угроз финансовой безопасности предприятия конкретной отрасли.

Таким образом, **целесообразность разработки темы** обусловлена наличием теоретических пробелов и практической необходимостью.

Научная новизна работы заключается в обосновании набора индикаторов, отражающих влияние угроз, характерных для угольной промышленности, а также включения в методику процедуры нормирования, ранее использованной для оценки экономической безопасности субъектов макро- и мезоуровня.

Целью исследования является формирование и апробация методики оценки финансовой безопасности, адаптированной для использования предприятиями угольной промышленности.

Задачи исследования:

- определить сущность понятий «финансовая безопасность предприятия» и «система управления финансовой безопасностью»;
- изучить предлагаемые методики оценки финансовой безопасности предприятия;
- обозначить угрозы финансовым интересам угледобывающих предприятий;

- сформировать набор индикаторов, отражающих возможное влияние данных угроз, и предложить для них пороговые значения;

- выполнить апробацию методики на примере угледобывающих предприятий Красноярского края.

Теоретическое значение исследования: исследуемая проблема связана с проработкой элементов теории экономической безопасности.

Практическое значение исследования: результаты работы могут быть использованы в практической деятельности предприятий.

Основная часть

В настоящее время единого общепринятого определения финансовой безопасности предприятия не существует. Большинство исследователей единодушны лишь в том, что финансовая безопасность является элементом экономической безопасности объекта.

В данной работе мы определяем финансовую безопасность предприятия как состояние финансовой системы организации, обеспечивающее наиболее эффективное использование корпоративных ресурсов, противодействие угрозам или ослабляя их воздействие и при этом способствуя достижению целей бизнеса [4]. Система управления финансовой безопасностью в нашем понимании — это совокупность взаимосвязанных элементов, обеспечивающая достижение и сохранение указанного состояния.

Авторы полагают, что система управления финансовой безопасностью должна функционировать следующим образом: конкретный сотрудник наделяется обязанностями по расчету и контролю уровня финансовой безопасности предприятия. С установленной периодичностью он рассчитывает ряд индикаторов финансовой безопасности, сопоставляет значения с пороговыми уровнями и сообщает результаты лицам, принимающим решения (топ-менеджеру, совету директоров). Процедуры расчета могут быть автоматизированы путем дополнения учетно-аналитического программного комплекса блоком финансовой безопасности. Кроме того, при принятии решений по запросу руководства может осуществляться внеплановый анализ и прогнозирование изменения уровня финансовой безопасности. Исходя из описания, выделим составляющие элементы системы финансовой безопасности предприятия (рис. 1).

Рис. 1. Составляющие элементы системы управления ФБ предприятия

Одним из элементов системы управления финансовой безопасностью является методика оценки ее уровня. Для успешного применения предприятиями угледобывающей отрасли она должна учитывать отраслевые особенности и быть способной адаптироваться под специфику организации бизнеса конкретного предприятия.

В ходе анализа предлагаемых методик оценки уровня финансовой безопасности предприятия [5—10] определено, что все они базируются на применении индикаторного метода: формировании набора показателей и сопоставлении фактических значений данных показателей с пороговыми. При этом авторами предлагаемых методик отмечается, что система индикаторов должна отражать влияние угроз финансовым интересам компании и пороговые уровни должны соответствовать критическим значениям показателей.

Обобщим основные угрозы и их финансовые последствия [11—15], присущие предприятиям угольной промышленности (табл. 1).

В результате анализа возможных угроз финансовым интересам угледобывающих предприятий и сопоставления их с показателями, предлагаемыми в методиках оценки финансовой безопасности [5—10], составлен и дополнен рядом авторских показателей набор индикаторов финансовой безопасности предприятия угольной промышленности. Также предложены пороговые значения (табл. 2). Данный набор, по мнению авторов, охватывает влияние основных угроз финансовым интересам предприятия угледобывающей промышленности. Мониторинг значений перечисленных индикаторов может быть использован в оперативном управлении уровнем финансовой безопасности.

Таблица 1

Угрозы и их финансовые последствия (составлено авторами на основе [11—15])

Проявление угрозы	Финансовые последствия
Глобальные тенденции, провоцирующие снижение спроса и цен на уголь	Снижение выручки, прибыли
Изменение налогового и таможенного законодательства РФ	Рост налоговых и таможенных платежей, снижение прибыли
Изменение законодательства в области недропользования	Рост ресурсных платежей, снижение прибыли
Ужесточение мер экологической политики РФ (введение углеродного налога, повышение экологических стандартов)	Рост обязательных экологических платежей, падение спроса на уголь, как следствие — снижение прибыли
Отзыв или приостановление лицензии на добычу угля на основании решения Роснедр и Росприроднадзора	Убытки, связанные с приостановлением деятельности
Рост курса валют	Негативные последствия в виде роста расходов по обслуживанию кредитов в иностранной валюте, повышению стоимости импортного оборудования могут быть компенсированы увеличением экспортной выручки
Рост ставок по кредитам	Снижение доступности кредитов повлечет замедление инвестиционной активности, повышение риска ликвидности, рост операционных расходов
Сокращение объема доступных займов	Недостаток ликвидности, вероятность возбуждения процедуры банкротства
Рост тарифов на железнодорожные перевозки, рост стоимости ГМС для автоперевозок	Рост транспортных издержек в большинстве случаев компенсируется увеличением цены на уголь, что может негативно отражаться на спросе
Рост цен на оборудование и механизмы	Рост инвестиционных затрат, увеличение периода окупаемости, увеличение расходов на ремонт и обслуживание оборудования, в противном случае увеличение потерь от простоев, повышение рисков аварийности
Изменение законодательства в области обязательных социальных компенсационных мер, охраны труда	Рост расходов, включаемых в себестоимость
Нехватка квалифицированных кадров в основном производстве	Рост аварийности, как следствие — увеличение внебюджетных расходов, возникновение прямых убытков
Рост инфляции	Увеличение затрат на закупки и оплату труда, повышение себестоимости
Инфраструктурные ограничения (доступ к железнодорожной инфраструктуре, электрическим сетям, системе водоснабжения)	Рост операционных расходов и убытков от простоя
Цифровые атаки, утечки конфиденциальной информации, нарушения безопасности сетей	Увеличение расходов на устранение последствий
Возникновение просроченной дебиторской задолженности, увеличение доли проблемной дебиторской задолженности	Снижение ликвидности и платежеспособности, возникновение прямых убытков
Низкая эффективность работы финансовой службы, ошибочные решения в области управления финансами	Рост операционных и внебюджетных расходов, снижение ликвидности, устойчивости
Нанесение существенного ущерба окружающей среде	Увеличение компенсационных расходов
Чрезмерное увеличение обязательств, как заемных средств, так и кредиторской задолженности	Рост расходов по обслуживанию долга, снижение платежеспособности, процедура банкротства, потеря самостоятельности

Таблица 2

Индикаторы финансовой безопасности предприятия угольной промышленности (составлено авторами)

Индикатор	Формула	Пороговое значение	Примечание
Коэффициент текущей ликвидности (И1)	ОА / КСО	1,0	Значение ниже порогового является опасным
Коэффициент быстрой ликвидности (И2)	(ДС + КФВ + ДЗ) / КСО	0,5	
Коэффициент абсолютной ликвидности (И3)	(ДС + КФВ) / КСО	0,2	
Коэффициент покрытия оборотных средств собственными источниками формирования (И4)	(СК – ВнА) / ОА	0,1	
Коэффициент финансовой устойчивости (И5)	(СК + ДЗ) / Валюта баланса	0,5	
Коэффициент автономии (И6)	СК / Валюта	0,3	
Отношение фактической величины задолженности по кредитам и займам к EBITDA (И7)	Долг по кредитам и займам / EBITDA	5,0	
Коэффициент покрытия процентов (И8)	ЕВИТ / Проценты к уплате	1,5	
Отношение темпов роста прибыли и выручки (И9)	(П1 / П0) / (В1 / В0)	1,0	
Индикатор оборачиваемости дебиторской задолженности (И10)	$\frac{Н_{\text{период обДбз}}}{Ф_{\text{период обДбз}}}$	1,0	
Отношение коэффициентов оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности (И11)	КобДбз / КобКрз	1,0	
Рентабельность продаж по прибыли от продаж (И12)	Пот продаж / В	12,90 %	
Рентабельность собственного капитала (И13)	ЧП / среднегодовая стоимость СК	Доходность по безрисковым активам	
Рентабельность активов (И14)	ЧП / среднегодовая стоимость активов	Индекс инфляции	
Качественный показатель работы финансовой службы (И15)	По данным мониторинга	0,7	

Коэффициенты ликвидности характеризуют платежеспособность предприятия и показывают, какая доля краткосрочных обязательств может быть погашена в текущий момент (И3), достаточно быстро (И2) и в краткосрочном периоде (И1). Пороговые значения определены в соответствии с традиционно используемыми нормативами по нижней границе оптимального диапазона.

Индикаторы И4, И5, И6, И7, И8 характеризуют уровень устойчивости предприятия, связанный со структурой источников финансирования, величиной привлеченных заемных средств. Пороговые значения показателей установлены по нижней границе используемых в финансовом анализе нормативов.

Индикатор И9 представляет собой соотношение темпа роста прибыли и выручки. Если выручка растет быстрее прибыли, это свидетельствует о повышении темпа роста затрат, что, в свою очередь, является тревожным фактом. При этом необходимо учитывать, что при снижении выручки или прибыли либо при наличии убытков значение индикатора однозначно должно трактоваться как небезопасное. В расчете индикатора по итогам года используются данные о прибыли и выручке за два смежных года. При расчете индикатора за месяц принимаются во внимание данные за отчетный месяц и аналогичный месяц прошлого года в целях снижения влияния фактора сезонности.

Индикаторы И10, И11 сигнализируют о рисках, связанных со снижением оборачиваемости дебиторской задолженности. Первый показатель (И10) представляет собой

отношение фактического периода оборота дебиторской задолженности к нормативному значению, разработанному предприятием. При формировании норматива следует опираться на данные о деятельности компании за предшествующие годы, на условия действующих договоров с покупателями, учитывать сезонные колебания оборачиваемости. С точки зрения обеспечения финансовой безопасности оптимальное значение данного индикатора должно быть не менее 1. Второй показатель (И11) характеризует соотношение оборачиваемости дебиторской задолженности и кредиторской задолженности. Для соблюдения требований финансовой безопасности дебиторская задолженность должна оборачиваться быстрее кредиторской, это подтверждается превышением коэффициента оборачиваемости дебиторской задолженности над коэффициентом оборачиваемости кредиторской задолженности.

В качестве индикаторов И12, И13 и И14 использованы коэффициенты рентабельности продаж, собственного капитала и активов. Пороговое значение индикатора И12 может быть установлено в соответствии критерием ФНС РФ для отрасли «Добыча угля» на 2019 г. [16], но с учетом необходимости повышения инвестиционной активности, оправданным является установление порогового значения на уровне среднеотраслевой величины [17]. Пороговое значение коэффициента рентабельности собственного капитала определяется текущей величиной доходности по безрисковым активам, в частности можно использовать данные ЦБ РФ о средневзвешенной ставке по вкладам в рублях или доходности государственных облигаций.

В качестве порогового значения коэффициента рентабельности активов используем индекс инфляции.

Последний индикатор И15 представляет собой качественный показатель, характеризующий эффективность деятельности финансовой службы. Его формирование предлагается осуществлять по данным мониторинга и ежемесячного заполнения диагностических карт, содержащих в себе информацию о соблюдении платежной дисциплины, наличии или отсутствии кассовых разрывов, соблюдении регламентированных сроков в отношении финансового планирования и организации бухгалтерского и налогового учета. Каждый параметр оценивается по шкале от 0 до 1. При этом оценка 1 выставляется в качестве высшего балла и характеризует высокое качество эффективности деятельности финансовой службы; соответственно, 0 представляет собой низший балл, характеризующий очень низкий уровень эффективности деятельности финансовой службы. Далее по каждой карте рассчитывается среднее арифметическое значение показателя. Итоговый показатель эффективности деятельности финансовой службы рассчитывается как корень n -й степени из произведения средних баллов диагностических карт, где n — количество заполненных диагностических карт. Значение показателя находится в диапазоне от 0 до 1.

Отметим, что предложенный набор индикаторов не является строгим, исчерпывающим или закрытым. Оценка уровня финансовой безопасности предприятия выполняется для выявления слабых мест, потенциально возможных проблем. В рамках достижения данной цели набор индикаторов и пороговые значения могут пересматриваться исходя из нюансов деятельности каждого конкретного предприятия.

Приведем результаты экспериментального расчета тех индикаторов, информация для определения которых

доступна в открытых источниках [18—20], по данным бухгалтерской отчетности трех угледобывающих компаний (рис. 2). Для его выполнения были выбраны предприятия угольной промышленности, осуществляющие свою деятельность на территории Красноярского края, добывающие бурый уголь открытым способом.

В целях повышения эффективности мониторинга на уровне экономической безопасности государства учеными был предложен и успешно применен индексный подход [21]. Он предполагает нормирование для сопоставления фактических и пороговых значений индикаторов с использованием нормирующей функции для соотношений типа «не менее»:

$$\begin{cases} 2^{(1-\frac{x}{a})/\ln 2}, & \text{если } \frac{x}{a} > 1; \\ 2^{-\log_2 \frac{a}{x}}, & \text{если } \frac{x}{a} \leq 1. \end{cases}$$

Нормирование позволяет заменить индикаторы на безразмерные индексы, осуществить визуализацию уровня безопасности с помощью лепестковой диаграммы, а также при необходимости агрегировать их в единый показатель, характеризующий поведение системы в целом. Данная нормирующая функция предполагает следующую интерпретацию полученных в результате нормирования значений: чем ближе к 2, тем более высокий уровень безопасности, чем ближе к 0, тем более высокий уровень опасности. Нормированное значение индикатора, равное единице, свидетельствует о равенстве фактического значения индикатора пороговому уровню. Используем данный индексный подход в оценке финансовой безопасности предприятия и выполним нормирование фактических значений индикаторов (рис. 3).

Индикатор		ООО "Сибуголь"		ООО "Сибирский уголь"		АО "КрасноярскКрайУголь"	
		2018	2019	2018	2019	2018	2019
Коэффициент текущей ликвидности	И1	1,6840	1,7697	0,4634	0,3640	1,4978	2,5502
Коэффициент быстрой ликвидности	И2	1,0927	1,0935	0,4427	0,3446	1,2701	1,9592
Коэффициент абсолютной ликвидности	И3	0,6961	0,7987	0,0217	0,0166	0,4541	0,0003
Коэффициент покрытия оборотных средств собственными источниками формирования	И4	-0,1726	0,3297	-1,1579	-1,7469	-0,1575	0,0227
Коэффициент финансовой устойчивости	И5	0,7200	0,6818	-0,1929	-0,5733	0,6170	0,7968
Коэффициент автономии	И6	0,4471	0,6456	-0,1929	-0,5733	0,3359	0,4935
Соотношение темпов роста прибыли и выручки	И9	0,7900	5,4000	рост убытка	рост убытка	0,8300	5,6000
Соотношение оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности	И11	1,7700	2,6700	1,2300	1,2800	0,2300	0,2200
Рентабельность продаж по прибыли от продаж	И12	20,34%	23,77%	-0,05%	-11,53%	30,64%	35,12%
Рентабельность собственного капитала	И13	70,62%	79,64%	убыток при отрицательном СК	убыток при отрицательном СК	11,23%	66,58%
Рентабельность активов	И14	25,26%	44,22%	-4,12%	-46,83%	4,42%	27,04%

Рис. 2. Фактические расчетные значения индикаторов за 2018—2019 гг. (составлено авторами в результате расчетов по БФО предприятий [18—20])

Применение данной нормирующей функции невозможно для тех показателей, фактические расчетные значения которых являются отрицательными. В рассматриваемом случае это коэффициенты покрытия оборотных средств собственными источниками формирования в 2018 г. ООО «Сибуголь» и АО «КрасноярскКрайУголь», а также ряд индикаторов

ООО «Сибирский уголь». Опираясь на экономический смысл показателей, определим для них индексы финансовой безопасности равными нулю, как свидетельствующие о наличии значительного финансового риска. Динамика индексов финансовой безопасности для каждой из рассматриваемых организаций за 2018—2019 гг. представлена на рис. 4.

Индикатор		ООО "Сибуголь"		ООО "Сибирский уголь"		АО "КрасноярскКрайУголь"	
		2018	2019	2018	2019	2018	2019
Коэффициент текущей ликвидности	И1	1,2634	1,2845	0,6422	0,5589	1,2109	1,4190
Коэффициент быстрой ликвидности	И2	1,3665	1,3668	0,9323	0,8071	1,4178	1,5354
Коэффициент абсолютной ликвидности	И3	1,5073	1,5396	0,2784	0,2384	1,3801	0,0097
Коэффициент покрытия оборотных средств собственными источниками формирования	И4	0,0000	1,4934	0,0000	0,0000	0,0000	0,4261
Коэффициент финансовой устойчивости	И5	1,1923	1,1659	0,0000	0,0000	1,1153	1,2392
Коэффициент автономии	И6	1,2085	1,3610	0,0000	0,0000	1,0673	1,3318
Соотношение темпов роста прибыли (убытка) и выручки	И9	0,8731	1,5986	0,0000	0,0000	0,8983	1,6047
Соотношение оборачиваемости дебиторской и кредиторской задолженности	И11	1,2846	1,4335	1,1137	1,1342	0,4291	0,4182
Рентабельность продаж по прибыли от продаж	И12	1,2344	1,3011	0,0000	0,0000	1,3957	1,4394
Рентабельность собственного капитала	И13	1,7213	1,7277	0,0000	0,0000	1,4488	1,7179
Рентабельность активов	И14	1,6609	1,7103	0,0000	0,0000	1,2036	1,6684

Рис. 3. Нормированные значения индикаторов за 2018—2019 гг. (составлено авторами в результате расчетов по БФО предприятий)

Рис. 4. Динамика индексов финансовой безопасности угледобывающих предприятий за 2018—2019 гг.

Заключение

Предложенная методика оценки уровня финансовой безопасности, по мнению авторов, учитывает влияние основных угроз финансовым интересам предприятия угольной промышленности. Выполненная апробация свидетельствует о возможности ее применения в управлении угледобывающим предприятием.

Перспективы исследования авторы видят в дополнении методики процедурой расчета комплексного показателя.

Подчеркиваем, что приведенные в исследовании результаты визуализации в виде лепестковых диаграмм используются в данной работе не для сравнения уровня финансовой безопасности конкретных компаний, а в целях демонстрации возможности применения методики. Авторы сообщают, что расчеты, основанные исключительно на данных бухгалтерской финансовой отчетности, не в полной мере отражают ситуацию и требуют корректировок с использованием внутренней учетной информации для формулирования выводов об уровне финансовой безопасности конкретного предприятия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 года : утв. Постановлением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf>.
2. Власти Кузбаса рассказали о банкротях в угольной промышленности. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/243908929>.
3. Удельный вес убыточных организаций с 2017 г. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57746>.
4. Подтихова Н. Н. Методы оценки финансовой безопасности предприятия // Финансовая экономика. 2018. № 7. С. 1106—1109.
5. Овсянникова А. А., Зубкова В. И. Понятие и методика оценки финансовой безопасности предприятия // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2016. Т. 2(68). С. 82—88.
6. Гудкова А. В., Аникина А. Д. Индикаторы финансовой безопасности предприятия // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 2(11). С. 49—52.
7. Овечкина О. Н. Понятие и методика оценки финансовой безопасности предприятия // Вопросы экономики и права. 2013. № 3. С. 87—91.
8. Савенко И. П. Проблемы интегральной оценки финансовой безопасности компаний холдингового типа // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2017. № 7. С. 88—92.
9. Варнакова Г. Ф. Диагностика финансового состояния предприятия как основной фактор финансовой безопасности // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 1. С. 103—109.

10. Макаренко И. В. Аналитическое тестирование финансовой безопасности организации // Труды БГТУ. Сер. 5 : Экономика и управление. 2017. № 1. С. 224—229.
11. Бокатая С. В., Кукушкина Н. С. Оценка факторов, влияющих на финансовое положение угледобывающих организаций России // Вестник профессиональных бухгалтеров. 2016. № 5. С. 3—13.
12. Глинина О. И. Угольная промышленность в России: 295 лет истории и новые возможности // Уголь. 2017. № 10. С. 4—9.
13. Интегрированный отчет 2019 АО «СУЭК» URL: <https://ar2019.suek.com/ru>.
14. Комплексный отчет 2020 АО «СУЭК» URL: <https://ar2020.suek.com/en>.
15. Прогноз развития энергетики мира и России 2019 / Под ред. А. А. Макарова, Т. А. Митровой, В. А. Кулагина. М., 2019. 210 с. URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_Rus.pdf.
16. Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30.05.2007 г. № ММ-3-06/333 (ред. от 10.05.2012 г.).
17. Промышленное производство в России. 2019 : стат. сб. М. : Росстат, 2019. 286 с.
18. Бухгалтерская финансовая отчетность ООО «Сибуголь». URL: <https://bo.nalog.ru/organizations-card/827273>.
19. Бухгалтерская финансовая отчетность АО «КрасноярскКрайУголь». URL: <https://bo.nalog.ru/organizations-card/827899>.
20. Бухгалтерская финансовая отчетность ООО «Сибирский уголь». URL: <https://bo.nalog.ru/organizations-card/6355984>.
21. Сенчагов В. К., Митяков С. Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник Акад. экон. безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 41—50.

REFERENCES

1. *Energy Strategy of the Russian Federation until 2035. Approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1523-r of 09.06.2020.* (In Russ.) URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf>.
2. *The authorities of Kuzbass told about the bankrupts in the coal industry.* (In Russ.) URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/243908929>.
3. *Share of unprofitable organizations since 2017.* (In Russ.) URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57746>.
4. Podtikhova N. N. Methods for assessing the financial security of an enterprise. *Financial economics*, 2018, no. 7, pp. 1106—1109. (In Russ.)
5. Ovsyannikova A. A., Zubkova V. I. The concept and methodology of assessing the financial security of an enterprise. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Economics and Management*, 2016, vol. 2(68), pp. 82—88. (In Russ.)
6. Gudkova A. V., Anikina A. D. Indicators of financial security of the enterprise. *National interests: priorities and security*, 2007, no. 2(11), pp. 49—52. (In Russ.)
7. Ovechkina O. N. The concept and methodology of assessing the financial security of an enterprise. *Economic and legal issues*, 2013, no. 3, pp. 87—91. (In Russ.)
8. Savenko I. P. Problems of integral assessment of financial security of holding companies. *Mining information and analytical bulletin*, 2017, no. 7, pp. 88—92. (In Russ.)
9. Varnakova G. F. Diagnostics of the financial condition of the enterprise as the main factor of financial security. *Regional problems of economic transformation*, 2019, no. 1, pp. 103—109. (In Russ.)
10. Makarenko I. V. Analytical testing of the organization's financial security *Proceedings of BSTU, Economics and Management*, 2017, iss. 5, no. 1, pp. 224—229. (In Russ.)
11. Bokataya S. V., Kukushkina N. S. Assessment of the factors affecting financial condition of the Russian coal industry. *Vestnik IPB*, 2016, no. 5, pp. 3—13. (In Russ.)
12. Glinina O. I. Coal industry in Russia: 295 years of history and new opportunities. *Coal*, 2017, no. 10, pp. 4—9. (In Russ.)
13. *Integrated Report 2019 of SUEK JSC.* (In Russ.) URL: <https://ar2019.suek.com>.
14. *Comprehensive Report 2020 of SUEK JSC.* (In Russ.) URL: <https://ar2020.suek.com>
15. *World and Russian Energy Development Forecast 2019.* Ed. by A. A. Makarov, T. A. Mitrova, V. A. Kulagin. Moscow, 2019. 210 p. (In Russ.) URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/Research/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_Rus.pdf.
16. *On approval of the Concept of the on-site tax audit planning system. Order of the Federal Tax Service of Russia of 30.05.2007 No. MM-3-06/333 (ed. of 10.05.2012).* (In Russ.)
17. *Industrial production in Russia. 2019. Statistical collection.* Moscow, Rosstat, 2019. 286 p. (In Russ.)
18. *Accounting financial statements of Sibugol LLC.* (In Russ.) URL: <https://bo.nalog.ru/organizationscard/827273>.
19. *Accounting financial statements of KrasnoyarskKrayUgolJSC.* (In Russ.) URL: <https://bo.nalog.ru/organizations-card/827899>.
20. *Accounting financial statements of Sibirskiy ugol LLC.* (In Russ.) URL: <https://bo.nalog.ru/organizations-card/6355984>.
21. Senchagov V. K., Mityakov S. N. Using the index method to assess the level of economic security. *Vestnik of Academy of economic security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2011, no. 5, pp. 41—50. (In Russ.)

Как цитировать статью: Подтихова Н. Н., Ферова И. С. Оценка финансовой безопасности угледобывающего предприятия // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 25—31. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.328.

For citation: Podtikhova N. N., Ferova I. S. Financial security assessment of a coal mining enterprise. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 25—31. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.328.

УДК 631.145(477.61)
ББК У9(2)-434

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.317

Kovalenko Nataliya Valerevna,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Management,
South-Russian Institute of Management,
branch of the RANEPА,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: sonatak96@gmail.com

Suleymanova Tatyana Anatolevna,
Postgraduate of the Department of Economics and Management,
Donbass State Technical Institute,
Lugansk People's Republic, Alchevsk,
e-mail: sta2018-10@mail.ru

Коваленко Наталья Валерьевна,
д-р экон. наук,
профессор кафедры менеджмента,
Южно-Российский институт управления,
филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: sonatak96@gmail.com

Сулейманова Татьяна Анатольевна,
аспирант кафедры экономики и управления,
Донбасский государственный технический институт,
Луганская Народная Республика, г. Алчевск,
e-mail: sta2018-10@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КЛАСТЕРА В АПК РЕГИОНА С ОСОБЫМ СТАТУСОМ

FEATURES OF FORMATION OF A CLUSTER IN AGRICULTURAL INDUSTRY OF THE REGION WITH A SPECIAL STATUS

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Представленная статья посвящена анализу сельскохозяйственной отрасли в Луганской Народной Республике и перспективам развития малого и среднего предпринимательства в данном секторе экономики. В статье проанализированы показатели производства и реализации основных видов сельскохозяйственной продукции, рассмотрено общее состояние сельскохозяйственной отрасли в ЛНР. Отмечено, что, несмотря на ежегодную положительную тенденцию увеличения объема реализации сельскохозяйственной продукции, производимая продукция не может удовлетворить в полном объеме потребности населения. В связи с этим создаются широкие перспективы для импорта, что отрицательно сказывается на продовольственной безопасности региона. Определено, что негативным фактором для развития сельского хозяйства является низкий уровень технической оснащенности отрасли. Используемая сельскохозяйственная техника имеет большой срок эксплуатации и низкие качественные параметры, что увеличивает оптимальные агротехнические сроки для выполнения сельскохозяйственных работ.

Авторы приходят к мнению, что в связи со сложившейся социально-политической обстановкой состояние сельскохозяйственной отрасли можно назвать депрессивным, выход из этого положения просматривается в эффективном развитии предпринимательской среды в данной отрасли, государственно-частном партнерстве и государственной поддержке в разных ее проявлениях.

Одним из вариантов создания такой среды представляется создание республиканского кластера и вовлечение в него всех хозяйствующих субъектов, коммуникации между которыми происходят на договорной основе. Движущей силой в создании и функционировании такого регионального кластера является экономический эффект для основных участников от скоординированной объединенной деятельности в сравнении с их обособленной деятельностью вне кластера.

Для достижения экономического эффекта предлагается каждое предприятие рассматривать в качестве со-

ставляющей экономической системы — регионального кластера, элементы которой непрерывно взаимодействуют и самоорганизуются.

The presented article is devoted to the analysis of the agricultural industry in the Lugansk People's Republic and the prospects for the development of small and medium-sized businesses in this sector of the economy. The article analyzes the indicators of production and sales of the main types of agricultural products, considers the general state of the agricultural industry in the LPR. It is noted that, despite the annual positive trend of an increase in the volume of sales of agricultural products, the products produced cannot fully satisfy the needs of the population. In this regard, broad prospects for imports are created, which negatively affects the food security of the region. It was determined that a negative factor for the development of agriculture is the low level of technical equipment in the industry. The agricultural machinery that is being used has been exploited for a long time and has low quality parameters, which increases the optimal agrotechnical terms for performing agricultural work.

The authors come to the conclusion that in connection with the current socio-political situation, the state of the agricultural industry can be called depressive, the way out of this situation can be seen in the effective development of the business environment in this industry, public-private partnership and state support in its various manifestations.

One of the options for creating such an environment is the creation of a republican cluster with the involvement of all economic entities, communications between which take place on a contractual basis. The driving force in the creation and functioning of such a regional cluster is the economic effect for the main participants from coordinated joint activities in comparison with their separate activities outside the cluster.

In order to achieve an economic effect, it is proposed to consider each enterprise as a component of the economic system — a regional cluster, the elements of which continuously interact and self-organize.

Ключевые слова: сельскохозяйственная отрасль, Луганская Народная Республика, продовольственная безопасность, техническая оснащенность, предпринимательская среда, формы хозяйствования, критерии дифференциации, формы финансирования, региональный кластер, инфраструктура кластера, синергетический эффект, мультипликация.

Keywords: agricultural industry, Lugansk People's Republic, food security, technical equipment, business environment, forms of management, differentiation criteria, forms of financing, regional cluster, cluster infrastructure, synergistic effect, multiplication.

Введение

Актуальность. Сельскохозяйственная отрасль Луганской Народной Республики (ЛНР) является одним из основных секторов экономики, который гарантирует продовольственную безопасность региона. Для республики это является первостепенной задачей в современных условиях. Выполнение этой задачи зависит от уровня развития и технической оснащенности сельскохозяйственных предприятий, занимающихся производством, переработкой и реализацией сельскохозяйственной продукции.

Мониторинг сложившейся ситуации в данной отрасли свидетельствует о необходимости технической модернизации машинно-тракторного парка и оборудования, внедрения научно-исследовательских разработок и поиска новых взаимоотношений между субъектами хозяйствования.

Реализация этих задач находится в векторе государственно-частного партнерства, которое будет способствовать достижению определенных совместных целей по становлению и развитию данного сектора экономики.

Государственная поддержка аграрной отрасли региона должна быть нацелена на формирование такой среды для субъектов хозяйствования, которая будет эффективно влиять на их экономическую жизнедеятельность. Одним из вариантов создания такой среды представляется создание республиканского кластера и вовлечение в него всех хозяйствующих субъектов, коммуникации между которыми будут происходить на договорной основе.

Изученность проблемы. Вопросы реализации основных форм государственно-частного партнерства и государственной поддержки нашли отражение в работах И. Е. Болехова, Т. А. Волобуевой, А. Д. Воронцова, В. Г. Варнавского, А. Е. Ковалевой, В. А. Михеева, П. А. Мухсиновой, Э. И. Хастиевой и др.

Предпосылки создания и функционирования региональных промышленных кластеров рассматриваются в трудах А. Т. Березова, Е. В. Козиной, Н. В. Малышевой, М. В. Романовой, М. Ю. Хлынина и др.

Следует отметить, что значительная часть научных исследований не отражает подходы к проблемам государственно-частного партнерства и функционирования регионального кластера в условиях региона с особым статусом, которым является ЛНР.

Целесообразность разработки темы. Реализация государственно-частного партнерства и применение кластерной политики могут стать приоритетным вектором экономического роста сельскохозяйственной отрасли и мощным рычагом для улучшения макроэкономических показателей ЛНР, будут способствовать формированию «закрытых» производственных циклов и здоровой внутрикластерной конкуренции.

Научная новизна заключается в выявлении основ формирования кластера в региональном АПК с учетом особенностей функционирования сельскохозяйственной отрасли в регионе с особым статусом.

Цель исследования — разработка рекомендаций по формированию сельскохозяйственного регионального кластера с использованием инструментов государственно-частного партнерства в условиях региональных ресурсных ограничений.

Задачи исследования:

- проанализировать современное состояние сельскохозяйственной отрасли ЛНР;
- исследовать существующие формы хозяйствования в аграрном секторе республики;
- обосновать возможный механизм формирования структуры регионального кластера с учетом реализации государственно-частного партнерства;
- обосновать возможные формы финансирования аграрного сектора.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в разработке рекомендаций и инструментария государственно-частного партнерства, которые будут способствовать достижению определенных совместных целей по становлению и развитию сельскохозяйственной отрасли региона с особым статусом.

Основная часть

Сельскохозяйственная отрасль — основа агропромышленного комплекса ЛНР, а также основная значащая отрасль, обеспечивающая продовольственную безопасность республики. Деятельность субъектов хозяйствования в аграрном секторе связана с производством, переработкой (первичная и последующая) и реализацией сельскохозяйственной продукции.

К ключевым товаропроизводителям сельскохозяйственной отрасли ЛНР, согласно [1–3], относятся: ООО АФ «Степовое», ООО «Агрохим», ООО АФ «Колос», ООО «П/з им. Литвинова», СООО «АВИС», ГУП ЛНР «АГРОФОНД», ПАО «Племптицехозяйство „Коммунарское“» и др.; сельскохозяйственные организации, нацеленные на формирование продовольственных и сырьевых рынков.

В ЛНР сельскохозяйственная отрасль представлена растениеводством и животноводством. В 2020 г. посевная площадь сельскохозяйственных культур в агроформированиях составила 145,8 тыс. га, в 2019 г. — 144,7 тыс. га, в 2018 г. — 147,7 тыс. га. Разница в площадях под сельскохозяйственными угодьями связана с приведением общей структуры посевных площадей к научно обоснованным нормам [4–7]. На рис. 1 представлена структура посевных площадей за 2020 г.

В 2020 г. наблюдается тенденция к снижению объема производства сельхозпродукции. В отрасли растениеводства это связано с уменьшением площади сева подсолнечника на 2,3 % и снижением его урожайности на 40,1 %, а также с уменьшением валового сбора картофеля, овощей и бахчевых культур на 13,6 %. В животноводстве снижение объема производства молока связано с сокращением поголовья дойного стада на 15,7 % и с уменьшением его продуктивности на 18,2 %. Существует тенденция к сокращению поголовья крупного рогатого скота на 8,4 % и свиней на 5,0 %, что в будущем приведет к снижению объема производства этой продукции [7]. Все это свидетельствует о низкой степени реализации организационно-экономиче-

ских мероприятий и эффективности использования производственных сельскохозяйственных мощностей. В табл. 1 представлена динамика производства основных видов продукции сельского хозяйства ЛНР.

Негативным фактором для развития сельского хозяйства является низкий уровень технической оснащенности отрасли. Обеспеченность агроформирований техникой составляет 60 %, при этом изношенность машинно-тракторного парка составляет 93 %. Используемая сельскохозяйственная техника имеет срок эксплуатации больше 10 лет и, соответственно, низкие качественные параметры — высокую степень физического и морального износа, низкую производственную мощность и ненадежность технического парка. Все эти факторы увеличивают оптимальные агротехнические сроки для выполнения сельскохозяйственных работ, что приводит к потерям выращивания и сбора продукции [7].

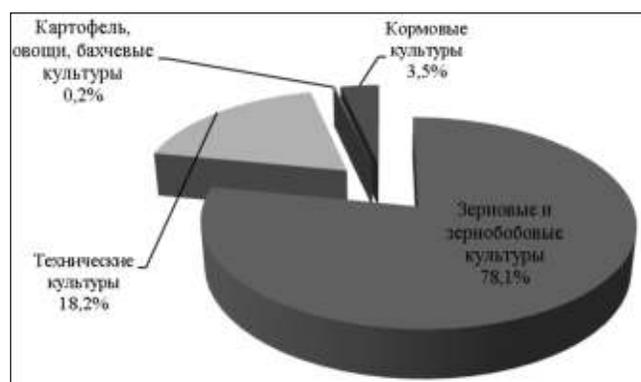

Рис. 1. Структура посевных площадей сельскохозяйственных культур ЛНР за 2020 г.

Таблица 1

Динамика производства основных видов продукции сельского хозяйства ЛНР

Вид продукции	Ед. изм.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г. (прогноз)
Растениеводство всего, в т. ч.:	т	197 562,4	269 602,1	260 055,5	236 375,1
зерновые и зернобобовые культуры	т	168 185,1	228 433,0	234 620,5	204 550,5
подсолнечник	т	25 717,3	37 825,1	22 545,7	28 790,9
картофель, овощи, бахчевые	т	3 660,0	3 344,0	2 889,3	3 033,7
Животноводство всего, в т. ч.:	т/млн шт.	21 140,6 / 175,7	27 269,4 / 157,1	28 653,9 / 182,2	28 996,2 / 177,5
мясо	т	16 399,8	22 206,2	24 349,6	24 593,0
молоко	т	4 740,8	5 063,2	4 304,3	4 403,2
яйца	млн шт.	175,7	157,1	182,2	177,5

С целью проведения технической модернизации предприятий агропромышленного комплекса в рамках реализации Программы социально-экономического развития ЛНР «Наш выбор — 2023» приобретено 33 единицы сельхозтехники, 27 единиц из которых передано сельхозпроизводителям согласно Программе по предоставлению техники в лизинг сроком на пять лет, форвардных закупок и кредитования сельхозпроизводителей республики под низкий процент сроком на пять лет [8].

Несмотря на ежегодную положительную тенденцию увеличения объема реализации сельскохозяйственной продукции, производимая продукция не может удовлетворить в полном объеме потребности населения. Так, уровень обеспеченности населения продукцией животноводства (мясо) составляет 30,8 %, а продукцией плодоовощеводства — 1,8 %. В связи с этим создаются широкие перспективы для импорта, что отрицательно сказывается на продовольственной безопасности региона. Объем реализации сельскохозяйственной продукции ЛНР представлен в табл. 2 [4—7].

Таблица 2

Объем реализации сельскохозяйственной продукции ЛНР

Подотрасль	Ед. изм.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г. (прогноз)
Растениеводство	млн руб.	1 717,3	1 909,1	2 168,6	2 170,1
Животноводство	млн руб.	1 943,3	2 614,2	2 717,6	2 739,0
Всего	млн руб.	3 660,6	4 523,3	4 886,2	4 909,1

В ЛНР в большом объеме импортируется сельскохозяйственная продукция. Доля импорта сельскохозяйственной и пищевой продукции в 2020 г. увеличилась на 7,6 п. п. Структура экспорта и импорта сельскохозяйственной и пищевой продукции ЛНР за 2018—2020 гг. представлена на рис. 2 [7].

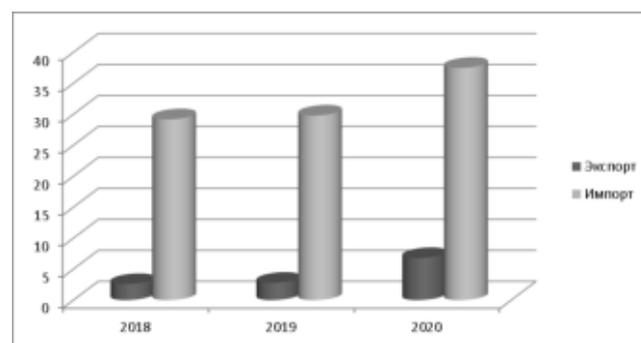

Рис. 2. Структура экспорта и импорта сельскохозяйственной и пищевой продукции ЛНР за 2018—2020 гг.

Деятельность субъектов сельскохозяйственной отрасли регулируется Законом ЛНР «О развитии сельского хозяйства» от 08.07.2016 г. № 106-П, согласно которому государственная аграрная политика направлена на рост производства продукции сельского хозяйства, достижение максимальной эффективности деятельности субъектов хозяйствования в данной отрасли, полную занятость населения, проживающего в сельской местности, и улучшение их качества жизни, рациональное пользование земельными ресурсами [9].

Также данным нормативно-правовым актом предусмотрена дифференциация форм хозяйствования в аграрном секторе, которая представлена в виде малых и средних предприятий; физических лиц — предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств и физических лиц.

С целью эффективной реализации аграрной политики в регионе и для более четкого разделения форм хозяйствования предлагается ввести дополнительные критерии дифференциации форм хозяйствования в аграрном секторе (рис. 3).

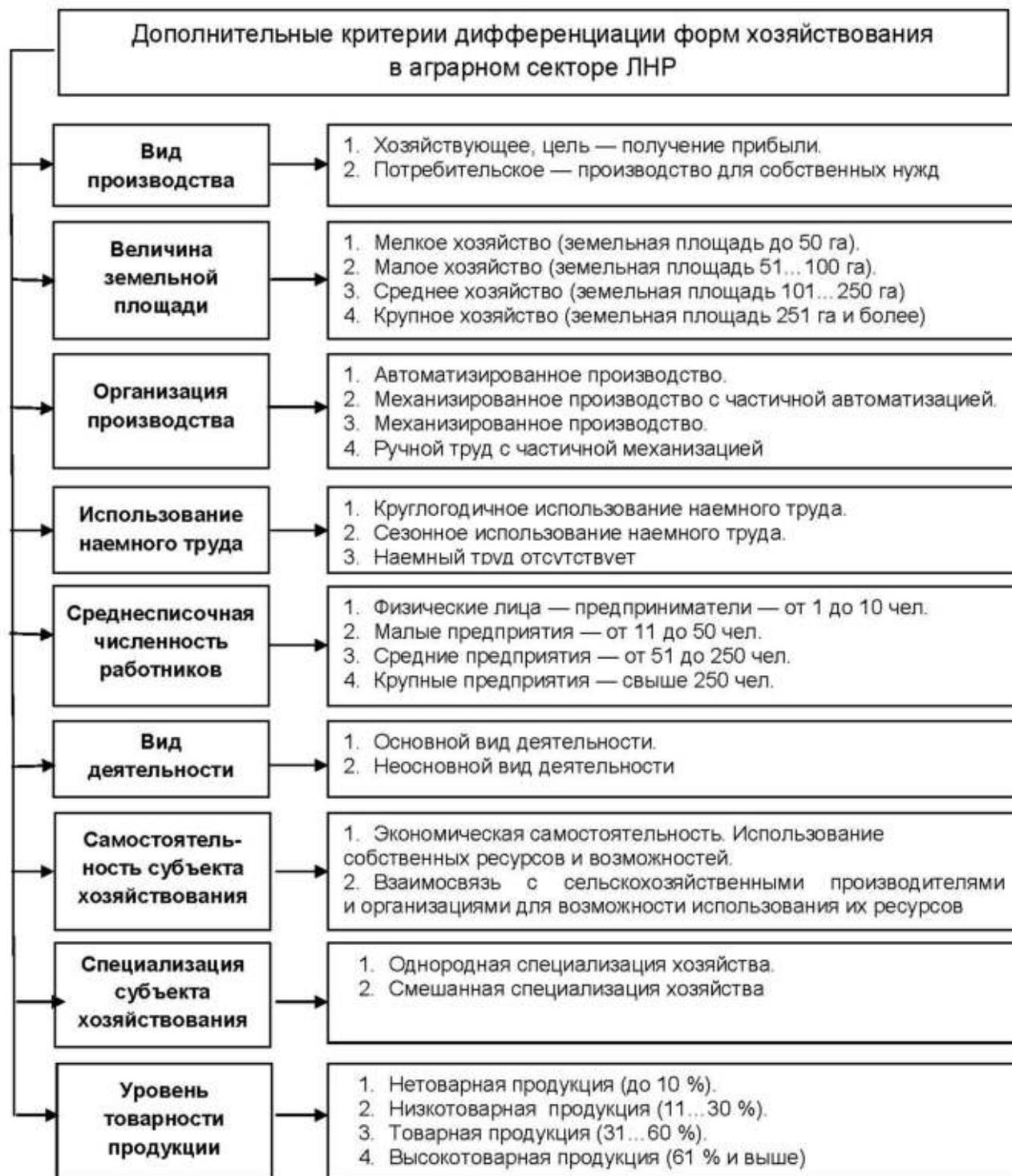

Рис. 3. Дополнительные критерии дифференциации форм хозяйствования в аграрном секторе ЛНР

Применение дополнительных критериев дифференциации форм хозяйствования позволит повысить эффективность выбора инструментов государственной аграрной политики для обеспечения эффективного развития производителей сельскохозяйственной продукции, своевременного реагирования на устранение негативных факторов при

изменении внешней среды отрасли и рационального использования имеющихся ресурсов.

Следует отметить, что на территории ЛНР производят сельскохозяйственную продукцию физические лица, в том числе и с привлечением наемных работников, которые не являются на законных основаниях субъектами

хозяйствования, но получают доход от этой деятельности. Такая организация труда находится вне зоны государственного контроля и учета: незадекларированные доходы от самостоятельной занятости, получение заработной платы от незарегистрированной трудовой деятельности, уклонение от налогов — все это отрицательно

сказывается на доходной части бюджета ЛНР и развитии аграрного сектора региона, создает барьеры для благоприятного предпринимательского климата в данной среде. В табл. 3 представлены данные поголовья скота и птицы в ЛНР у сельскохозяйственных производителей и в хозяйствах населения [8].

Таблица 3

Поголовье скота и птицы в ЛНР

Название	2017 г.	Уд. вес в общ. объеме поголовья, %	2018 г.	Уд. вес в общ. объеме поголовья	2019 г.	Уд. вес в общ. объеме поголовья, %
Крупный рогатый скот, всего, в т. ч. голов:	13 646	100	13 642	100	13 228	100
сельскохозяйственные производители	3 683	27,0	3 890	28,5	3 563	26,9
хозяйства населения сельской местности	9 963	73,0	9 752	71,5	9 665	73,1
Свиньи, всего, в т. ч. голов:	20 499	100	21 737	100	20 116	100
сельскохозяйственные производители	9 581	46,7	11 211	51,6	11 055	55,0
хозяйства населения сельской местности	10 918	53,3	10 526	48,4	9 061	45,0
Овцы и козы, всего, в т. ч. голов:	15 731	100	12 541	100	11 512	100
сельскохозяйственные производители	3 352	21,3	2 158	17,3	2 212	19,2
хозяйства населения сельской местности	12 379	78,7	10 383	82,8	9 300	80,8
Птица, всего, в т. ч. голов:	1 719 861	100	2 149 164	100	2 231 619	100
сельскохозяйственные производители	1 553 650	90,3	1 992 828	92,7	2 081 134	93,3
хозяйства населения сельской местности	166 211	9,7	156 336	7,3	150 485	6,7

Данные табл. 3 наглядно показывают, что хозяйства населения играют весомую роль в процессе производства сельскохозяйственной продукции. В связи с этим целесообразно преобразовать незарегистрированную предпринимательскую деятельность в семейный сельскохозяйственный бизнес. Такая трансформация позволит решать социально-экономические проблемы, будет содействовать развитию семейного бизнеса на законных основаниях с привлечением всех членов семьи трудоспособного возраста и решать проблемы воспроизводства в сельском хозяйстве.

Учитывая то, что аграрная отрасль подвержена рискам вследствие форс-мажорных обстоятельств, предлагается предоставлять налоговые субсидии семейным предприятиям, зарегистрированным в законном порядке, в виде патентной системы налогообложения.

Патентная система налогообложения может применяться семейными предприятиями, занимающимися производством сельскохозяйственной продукции, объемы которой выше, чем среднегодовая норма потребления. При расчете стоимости патента должны учитываться: потенциальная выручка от реализации, площадь земельного участка, количество поголовья, состав семьи. Также уплата патента в отрасли растениеводства должна производиться только в период сезонного пользования земельными угодьями, в отрасли животноводства — круглый год.

В настоящее время существуют определенные проблемы, препятствующие развитию предпринимательской среды в данной отрасли. К таким проблемам можно отнести [10]:

- ограниченность масштабов деятельности субъектов хозяйствования по независящим от них причинам;

- низкую производительность сельскохозяйственной техники по причине изношенности технического парка отрасли;

- барьеры при сбыте продукции, в том числе на внешних рынках;

- отсутствие региональных кластеров в сельскохозяйственной отрасли.

В связи со сложившейся социально-политической обстановкой состояние сельскохозяйственной отрасли можно назвать депрессивным, выход из этого положения просматривается в эффективном развитии предпринимательской среды в данной отрасли, государственно-частном партнерстве и государственной поддержке в разных ее проявлениях.

Государственно-частное партнерство будет способствовать достижению определенных совместных целей по становлению и развитию данного сектора экономики. Целями таких взаимоотношений может стать [11]:

- увеличение занятости населения;
- формирование постоянного дохода и повышение качества жизни занятых в сельском хозяйстве;
- привлекательность сельских территорий;
- создание продукции с более низкой себестоимостью;
- модернизация материально-технической базы;
- создание благоприятного инвестиционного климата;
- увеличение наполняемости бюджета и др.

Для решения таких вопросов необходимо разработать нормативно-правовую базу, которая будет эффективно способствовать регулированию деятельности субъектов хозяйствования аграрной отрасли, в том числе создание

налоговых преференций для поддержания и развития этого сектора экономики, наложение моратория на рост арендных платежей.

Необходимо развивать качественную инфраструктуру поддержки деятельности субъектов, популяризировать производимые ими товары, проводить государственные закупочные интервенции с целью стабилизации цен на сельхозпродукцию и поддержания уровня доходов производителей.

Для развития отрасли необходимо технически переоснастить и модернизировать технологический парк отрасли,

внедрять инновационные технологии для повышения качества плодородия земель, поддержать субъектов в расширении их производства конкурентоспособной продукции для увеличения внутреннего потребления с целью поддержки республиканских товаропроизводителей, ввести квоту на импорт, осуществлять гибкую таможенную политику, помощь в поиске новых рынков сбыта продукции.

Обязательным представляется создание условий для доступности финансовых ресурсов. Основными средствами такой доступности могут стать разнообразные формы финансирования (рис. 4).

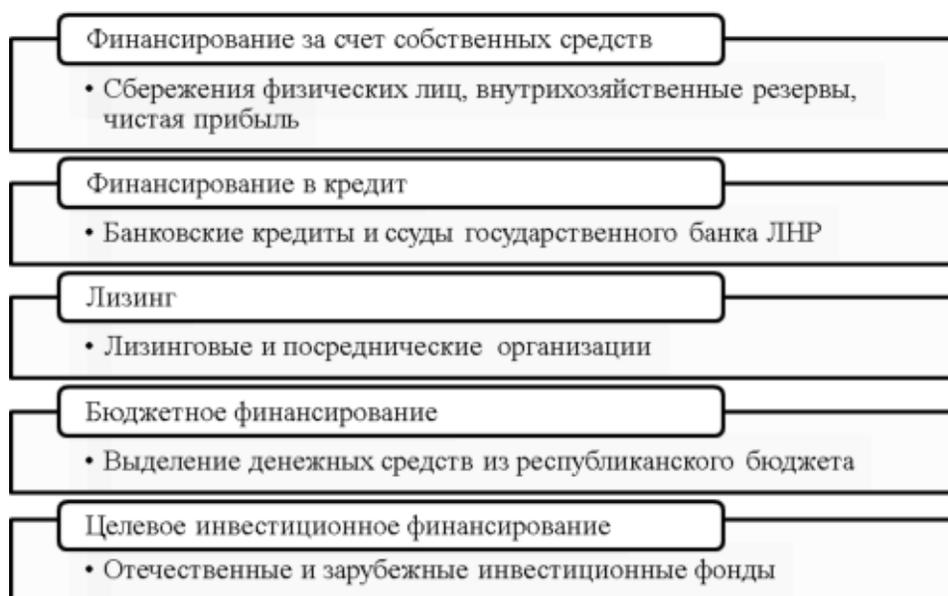

Рис. 4. Возможные формы финансирования аграрного сектора ЛНР

Государственная поддержка аграрной отрасли региона должна быть нацелена на формирование такой среды для субъектов хозяйствования, которая будет эффективно влиять на их экономическую жизнедеятельность. Одним из вариантов создания такой среды представляется создание республиканского кластера и вовлечение в него всех хозяйствующих субъектов, коммуникации между которыми происходят на договорной основе (рис. 5) [12, 13].

Движущей силой в создании и функционировании такого регионального кластера является экономический эффект для основных участников от скоординированной объединенной деятельности в сравнении с их обособленной деятельностью вне кластера [12]. Для достижения экономического эффекта каждое предприятие необходимо рассматривать в качестве составляющей экономической системы — регионального кластера, элементы которой непрерывно взаимодействуют и самоорганизуются [14].

Учитывая результаты деятельности предприятия в региональном кластере и его влияние на других участников, например таких как предприятия-поставщики материальных ресурсов и услуг данному предприятию, предприятия-исполнители работ и др., можно проследить четкие взаимосвязи и последствия.

Характерными признаками эффективного функционирования малых и средних предприятий в составе регионального кластера является получение экономического эффекта в форме:

- увеличения объемов производства, образуемого вследствие консолидации производств участников кластера, что приводит к мультиплицированному эффекту функционирования регионального кластера в целом;
- экспансии рыночного масштаба, возникающей при расширении ассортимента продукции (работ, услуг), представленного региональным кластером;
- выпуска продукции со сниженной себестоимостью в результате оптимизации производственно-хозяйственной деятельности (сокращение затрат на производство, маркетинг, НИОКР, систему управления и т. д.);
- перехода предприятия из категории «малых или средних» в крупное предприятие с целью привлечения инвестиций;
- создания нематериальных активов;
- повышения продуктивности труда;
- увеличения занятости на предприятии;
- расширения номенклатуры и ассортимента выпускаемой продукции (работ, услуг);
- создания нематериальных активов;
- инновационных процессов для создания инновационной продукции;
- повышения безопасности труда;
- увеличения объемов производства;
- снижения себестоимости производимой продукции (работ, услуг);
- увеличения количества работников.

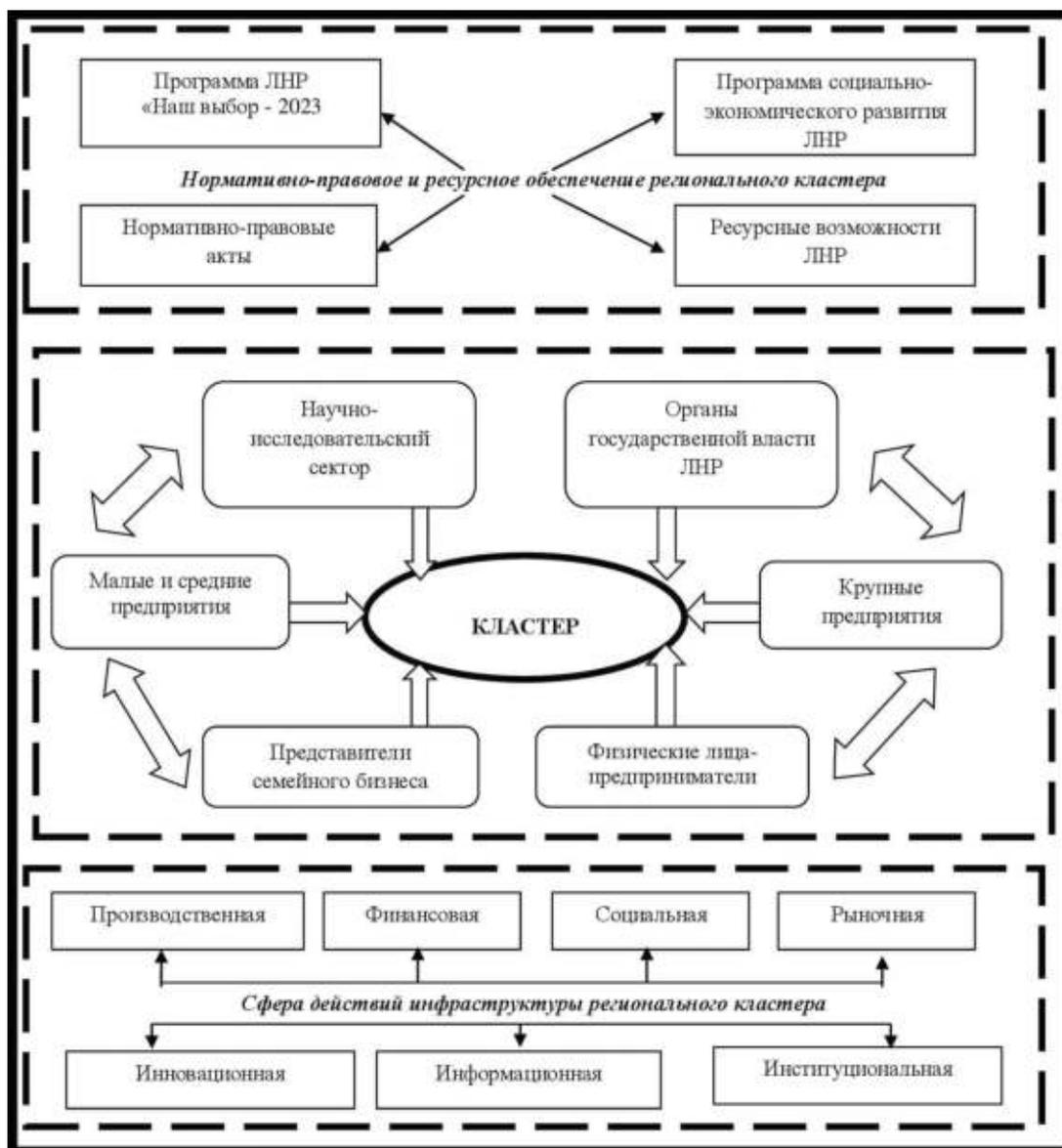

Рис. 5. Структура сельскохозяйственного регионального кластера

Для научно-исследовательского сектора эффект заключается в разработке новых технологий и количестве выпущенной инновационной продукции.

Для органов государственной власти ЛНР экономический эффект заключается в том, что в случае реализации регионального кластера на отдельном предприятии увеличивается объем производства материальных ресурсов, предоставление услуг другим предприятиям, количество занятого населения. В результате увеличивается доход республики в виде поступлений в бюджет и отчислений в целевые фонды от заработной платы и уменьшаются государственные расходы по выплате пособия по безработице.

Существенная роль в формировании регионального кластера отведена соответствующей инфраструктуре, которая является фундаментом кооперационных связей между основными участниками кластера.

Основные участники кластера находятся в состоянии постоянного взаимодействия и распределения, и в процессе производства у них возникает потребность в определенных ресурсах и услугах. В предложенном региональном кластере выделяются несколько сфер действий инфраструктур [10, 15].

Производственная инфраструктура. Создание наиболее благоприятного климата для развития материального производства путем создания материальной базы для основных участников кластера и технологического процесса для бесперебойного обеспечения материальными ресурсами.

Финансовая инфраструктура. Создание на территории региона Инвестиционного фонда ЛНР для поддержки субъектов хозяйствования в форме создания льготной системы кредитования и финансирования для малых и средних предприятий. Учредителями фонда могут выступить государственные органы власти ЛНР.

Основная цель инвестиционного фонда — оказание многофункциональной поддержки субъекта хозяйствования в части развития сферы малого и среднего бизнеса.

Рыночная инфраструктура. Наличие системы организаций (учреждений), обеспечивающих продуктивную взаимосвязь между основными участниками регионального кластера, которые выступают как хозяйствующие субъекты — производители, продавцы, покупатели и т. д.

Социальная инфраструктура. Обеспечение граждан региона обязательной и прочной социальной поддержкой

в виде получения образования, медицинской помощи, стабильной заработной платы и других социальных пособий.

Информационная инфраструктура. Создание центров для обеспечения основных участников кластера достоверными информационными ресурсами, которые будут способствовать их взаимосвязи с целью эффективного обмена информацией для освоения процессов производства.

Инновационная инфраструктура. Является движущей силой формирования конкурентоспособности регионального кластера через сотрудничество предприятий с вузами или научными центрами с целью проведения экспериментальных разработок для осуществления новаторской деятельности.

Институциональная инфраструктура. Участники должны соблюдать определенные правила и внутрикластерные условия взаимодействия для надежного и эффективного функционирования регионального кластера. Эти нормы

могут быть в виде соглашений, гарантийных обязательств и иных договорных форм взаимоотношений.

Заключение

Таким образом, формирование и развитие кластера в региональном АПК позволят обеспечить повышение эффективности функционирования предприятий сельскохозяйственной отрасли и повысят уровень продовольственной безопасности региона. Помимо этого мультипликативно-синергетические процессы кластеризации окажут влияние на повышение эффективности экономики региона в целом.

Учет этих аспектов позволит основным участникам регионального кластера получить синергетический эффект, а в результате его мультипликации в народном хозяйстве — повысить эффективность функционирования экономики региона в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агропромышленный комплекс. URL: <https://slavlur.su/agropromyshlennyy-kompleks.html>.
2. Сельскохозяйственные предприятия Лутугинского района. URL: <https://lutugino.su/selskoe-khozyajstvo.html>.
3. Агропромышленный комплекс Перевальского района. URL: <https://aprlur.su/selskoe-hozjajstvo.html>.
4. Программа СЭР Луганской Народной Республики на 2018 год : закон Луганской Народной Республики от 03.04.2018 г. № 224-II.
5. Программа СЭР Луганской Народной Республики на 2019 год : закон Луганской Народной Республики от 05.03.2019 г. № 36-III.
6. О Программе СЭР ЛНР на 2020 год : постановление Правительства Луганской Народной Республики от 27 дек. 2019 г. № 844/19.
7. О лизинге сельскохозяйственной техники в 2020 году : постановление Правительства Луганской Народной Республики от 5 июня 2020 г. № 353/20.
8. Статистический сборник государственного комитета статистики Луганской Народной Республики за 2019 г.
9. О развитии сельского хозяйства : закон Луганской Народной Республики от 08.07.2016 г. № 106-II.
10. Kovalenko N. V, Suleymanova T. A. Domestic and foreign experience of state support for small and medium-sized entrepreneurship // Citise. 2020. No. 2. Pp. 471—485. URL: <http://ma123.ru/en/2020/06/kovalenko-suleymanova>. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.2.41>.
11. Коваленко Н. В., Сулейманова Т. А. Особенности развития малого и среднего предпринимательства в Луганской Народной Республике // Экономический вестник ДонГТИ. 2020. Вып. 4. С. 26—33. URL: <http://journal.dstu.education/collection.php?id=4>.
12. Сулейманова Т. А. Кластеризация как эффективный инструмент управления развитием малого бизнеса в регионе с особым статусом // Вестник СОГУ. 2021. № 1. С. 155—162. DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-155-162>.
13. Сулейманова Т. А. Перспективы развития малого и среднего предпринимательства в регионе с особым статусом // Экономика и управление народным хозяйством : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. и преподавателей и сотрудников / Сост. И. Г. Чернышова. Брянск : БГУ, 2019. С. 90—92.
14. Березов А. Т. Региональные основы формирования и развития экономических кластеров малых предприятий : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Владикавказ, 2012. 27 с.
15. Мухсинова П. А. Развитие легкой промышленности региона на основе кластерного подхода : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. Душанбе, 2020. 27 с.

REFERENCES

1. *Agro-industrial complex.* (In Russ.) URL: <https://slavlur.su/agropromyshlennyy-kompleks.html>.
2. *Agricultural enterprises of the Lutuginsky district.* (In Russ.) URL: <https://lutugino.su/selskoe-khozyajstvo.html>.
3. *Agricultural enterprises of the Perevalsky district.* (In Russ.) URL: <https://aprlur.su/selskoe-hozjajstvo.html>.
4. *The program of socio-economic development of the Lugansk People's Republic for 2018. Law of the Lugansk People's Republic of 03.04.2018 No. 224-II.* (In Russ.)
5. *The program of socio-economic development of the Lugansk People's Republic for 2019. Law of the Lugansk People's Republic of 05.03.2019 No. 36-III.* (In Russ.)
6. *The program of socio-economic development of the Lugansk People's Republic for 2020. Resolution of the Government of the Luhansk People's Republic of 27 Dec. 2019 No. 844/19.* (In Russ.)
7. *On leasing of agricultural machinery in 2020. Resolution of the Government of the Luhansk People's Republic of June 5, 2020 No. 353/20.* (In Russ.)
8. *Statistical collection of the State Statistics Committee of the Luhansk People's Republic for 2019.* (In Russ.)

9. *On the development of agriculture. Law of the Luhansk People's Republic of 08.07.2016 No. 106-II.* (In Russ.)

10. Kovalenko N. V., Suleymanova T. A. Domestic and foreign experience of state support for small and medium-sized entrepreneurship. *Citise*, 2020, no. 2, pp. 471—485. URL: <http://ma123.ru/en/2020/06/kovalenko-suleymanova>. DOI: <http://doi.org/10.15350/2409-7616.2020.2.41>.

11. Kovalenko N. V., Suleymanova T. A. Features of the development of small and medium-sized businesses in the Lugansk People's Republic. *Economic Bulletin of Donbass State Technical Institute*, 2020, no. 4, pp. 26—33. (In Russ.) URL: <http://journal.dstu.education/collection.php?id=4>.

12. Suleymanova T. A. Clusterization as an effective tool for managing the development of small businesses in a region with a special status. *Vestnik of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 2021, no. 1, pp. 155—162. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-155-162>.

13. Suleymanova T. A. Prospects for the development of small and medium-sized businesses in a region with a special status. In: *Economics and management of the national economy. Collection of articles of the Int. sci. and pract. conf. of teachers and staff.* Comp. by I. G. Chernyshova. Bryansk, BSU publ., 2019. Pp. 90—92. (In Russ.)

14. Berezov A. T. *Regional bases of formation and development of economic clusters of small enterprises. Abstract of Diss. of the Cand. of Economics.* Vladikavkaz, 2012. 27 p. (In Russ.)

15. Mukhsinova P. A. *Development of the light industry of the region on the basis of the cluster approach. Abstract of Diss. of the Cand. of Economics.* Dushanbe, 2020. 27 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Коваленко Н. В., Сулейманова Т. А. Особенности формирования кластера в АПК региона с особым статусом // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 32—40. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.317.

For citation: Kovalenko N. V., Suleymanova T. A. Features of formation of a cluster in agricultural industry of the region with a special status. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 32—40. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.317.

УДК 330.341.1
ББК 65.305.46

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.373

Karsuntseva Olga Vladimirovna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Department of Economics,
Branch of the Samara State
Technical University in Syzran,
Russian Federation, Syzran,
e-mail: o.k.samgtu@mail.ru

Карсунцева Ольга Владимировна,
д-р экон. наук, доцент,
профессор кафедры экономики,
филиал Самарского государственного
технического университета в г. Сызрани,
Российская Федерация, г. Сызрань,
e-mail: o.k.samgtu@mail.ru

ДОЛГОСРОЧНЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ КАК ДРАЙВЕРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ПРОМЫШЛЕННОЙ РОБОТОТЕХНИКИ

LONG-TERM GLOBAL TRENDS AS DRIVERS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL INDUSTRIAL ROBOTICS MARKET

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

За последнее десятилетие мировой рынок промышленной робототехники демонстрирует высокие темпы роста. Спектр применения технологий и разработок в области робототехники достаточно широк и не привязан к конкретной отрасли или виду деятельности. Роботы способны совершать все более сложные манипуляции, а пандемия коронавирусной инфекции заставила людей по новому взглянуть на процесс автоматизации производства.

В статье определены современные глобальные тренды как драйверы роста мирового рынка робототехники, что является сегодня актуальной задачей, в том числе в контексте развития отечественного роботостроения. Исследования в этой области могут способствовать усилению роли России на мировом рынке робототехнической продукции.

В работе рассматриваются драйверы инновационного развития мировых рынков наукоемкой технологической продукции: развитие технологий и распространение сетей 5G в мире; наращивание беспилотных технологий в автомобильной промышленности, а также растущий рынок дронов; готовность собственников инвестировать средства в автоматизированный бизнес и последующий рост спроса на роботов после локдаунов из-за коронавируса.

К основным тенденциям развития мирового рынка робототехники на ближайшие пять лет автором отмечены: продолжение трека расширения использования искусственного интеллекта в роботах; упрощение технологических задумок; развитие рынка коллаборативной робототехники; распознавание лиц и эмоций; уменьшение

размеров робототехнических комплексов; усиление роли человека; совершенствование систем навигации.

В работе рассмотрены два наиболее популярных и доступных способа инвестирования в растущий рынок искусственного интеллекта и робототехники, распространенных на сегодняшний день. Первый способ — инвестирование в акции компаний, которые производят роботов или их комплектующие. Второй способ — инвестирование в биржевые фонды (ETF). ETF обеспечивают экономически эффективный, прозрачный и удобный доступ к инвестициям в различные компании, расположенные в разных регионах мира.

Over the past decade, the global industrial robotics market has demonstrated high growth rates. The range of applications of technologies and developments in the field of robotics is quite wide and is not tied to a specific industry or type of activity. Robots are able to perform increasingly complex manipulations, and the coronavirus pandemic has forced people to take a new look at the process of production automation.

The article identifies modern global trends as drivers of the growth of the global robotics market, which is an urgent task today, including in the context of the development of domestic robotics. Research in this area can contribute to strengthening the role of Russia in the global market of robotic products.

The paper considers the drivers of innovative development of the world markets of high-tech technological products: the development of technologies and the spread of 5G networks in the world; the increase of unmanned technologies in the automotive industry, as well as the growing drone market; the willingness of owners to invest in automated business and the subsequent increase in demand for robots after lockdowns due to coronavirus.

The main trends in the development of the global robotics market for the next five years are attributed by the author: continuation of the track of expanding the use of artificial intelligence in robots; simplification of technological ideas; development of the collaborative robotics market; face and emotion recognition; reducing the size of robotic complexes; strengthening the human role; improvement of navigation systems.

The paper considers two of the most popular and affordable ways to invest in the growing market of artificial intelligence and robotics, common today. The first way is to invest in shares of companies that produce robots or their components. The second method is investing in exchange-traded funds (ETFs). ETFs provide cost-effective, transparent and convenient access to investments in various companies located in different regions of the world.

Ключевые слова: инновации, технологии, инвестиции, промышленная робототехника, искусственный интеллект, рынок наукоемкой технологической продукции, научно-технический прогресс, коллаборативные роботы, индустриальные роботы, автоматизация.

Keywords: innovations, technologies, investments, industrial robotics, artificial intelligence, the market of high-tech technological products, scientific and technological progress, collaborative robots, industrial robots, automation.

Введение

Актуальность. Развитие технологий, диджитализация экономики и распространение искусственного интеллекта

стимулируют инвестиционную активность в сфере робототехники. За последнее десятилетие мировой рынок промышленной робототехники демонстрирует высокие темпы роста, а в ближайшие 10 лет он увеличится еще более чем в 10 раз в прогнозных оценках и сможет достичь оценки в 260 млрд долл. уже к 2030 г. [1]. Наблюдается резкий рост количества предприятий, основным видом деятельности которых является робототехника и автоматизация бизнес-процессов. Инвестируя в робототехнику, компании руководствуются целью повышения эффективности производственной деятельности и снижения затрат труда на основные технологические операции.

Спектр применения технологий и разработок в области робототехники достаточно широк и не привязан к конкретной отрасли или виду деятельности. К примеру, технологии виртуальной и дополненной реальности (VR- и AR-технологии), способные производить наложение цифровых изображений на изображения в режиме реального времени, используются далеко за пределами области своего первоначального применения, связанной с видеоиграми. Сейчас эти технологии нашли широкое распространение в образовании, медицине, военной промышленности, розничной торговле и др. Роботы способны совершать все более сложные манипуляции, а пандемия коронавирусной инфекции заставила людей по новому взглянуть на процесс автоматизации производства.

Изученность проблемы. Значимая роль в изучении различных тенденций развития современного мирового рынка робототехники как высокотехнологичного товара принадлежит различным экономическим школам, среди которых достаточно востребованы труды М. Портера, Г. Хопкинса, а также результаты исследований аналитических агентств Gartner и Forrester, материалы отечественной деловой прессы (RoboTrends, «Ведомости», «РБК»). Различные вопросы формирования индустрии робототехники и специфики развития отрасли рассмотрены в трудах Дж. Девола, Дж. Энгельбергера, А. Ф. Кононова, И. М. Макарова, А. Н. Царькова и др.

Целесообразность разработки темы. С учетом изложенного, выявление современных глобальных трендов как драйверов роста мирового рынка робототехники является актуальной задачей, в том числе в контексте развития отечественного роботостроения, что может способствовать усилению роли России на указанном рынке.

Научная новизна исследования заключается в развитии концептуальных взглядов о современном состоянии и перспективах развития мирового рынка промышленной робототехники с учетом современных драйверов инновационного развития. В работе систематизированы ключевые факторы перспективного функционирования робототехнического рынка, что дает возможность повышения точности экономического прогнозирования развития данного сегмента.

Целью исследования является выявление современных трендов развития робототехнической промышленности в мире и России.

Для реализации поставленной цели потребовалось решение следующих основных задач:

- проанализировать современное состояние научных исследований в сфере изучения мировых рынков наукоемкой технологической продукции;
- определить глобальные тренды и приоритетные направления развития мирового рынка промышленной робототехники.

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования. Современные научные исследования проблем становления и функционирования рынка робототехнической продукции находятся на начальной стадии своего развития. Учитывая этот факт, исследования в данном направлении будут способствовать обогащению и закреплению теоретических знаний в данной области.

Практическая значимость исследования заключается в возможной полезности полученных результатов в направлении развития законодательства о робототехнике, в том числе в рамках разработки стратегии развития робототехники, анонсированной Министерством промышленности и торговли Российской Федерации.

Основная часть

Методология. В процессе проведенного исследования была использована совокупность общенаучных методов, таких как наблюдение, системный, логический, сравнительный, статистический виды анализа. Наиболее целесообразным для проведенного исследования является описательный метод, который включает в себя обобщение и наблюдение.

Результаты. В конце 2020 г., по оценке Всемирной ассоциации робототехники (International Federation of Robotics, IFR), количество промышленных роботов, установленных в 2018 г., составило 422 271 единицу, а объем рынка достиг 16,5 млрд долл. (без учета компонентов и системного инжиниринга). Продажи промышленных роботов в 2019 г. сократились в количественном выражении на 12 % по отношению к 2018 г., с 422 до 373 тыс. единиц. При этом

суммарное количество роботов, находящихся в эксплуатации, составило 2,7 млн единиц.

Аналитики прогнозируют, что уже к 2025 г. примерно четверть всех операций будет выполняться роботами. Объем мировых расходов на робототехнику уже через три года прогнозируется в объеме 250 млрд долл., а ежегодный среднегодовой темп роста отрасли составит 12...14 %. При этом объем рынка будет оцениваться в районе 35 млрд долл. (за исключением инжиниринга, программного обеспечения и стоимости компонентов). Только с 2020 по 2022 г. будет установлено около 2 млн новых роботов [2]. Основных драйверов для такого роста три:

1. Развитие технологий и распространение сетей 5G в мире.
2. Нарастание беспилотных технологий в автомобильной промышленности, а также растущий рынок дронов [3].
3. Готовность собственников инвестировать средства в автоматизированный бизнес и последующий рост спроса на роботов после локдаунов из-за коронавируса.

Инвестиции в крупные проекты по робототехнике в 2020 г. были сокращены, что стало логичным следствием пандемии и введенных карантинных мер по всему миру. Однако аналитики уверены, что уже с 2022 г. рынок восстановится и продемонстрирует высокие темпы роста. Лидерами по внедрению роботов останутся компании Китая, Японии и США (рис. 1) [4]. Среди наиболее заметных трендов будет наблюдаться рост продаж коботов (коллаборативных роботов) [5].

Основные преимущества и недостатки роботизации представлены в табл.

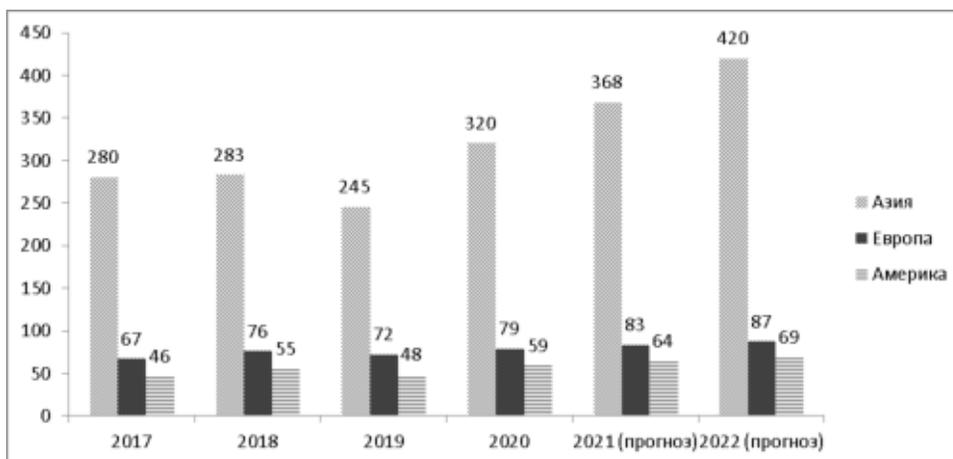

Рис. 1. Количество установленных промышленных роботов в различных регионах мира по годам, тыс. ед. (составлено автором по материалам IFR Press Conference)

Преимущества и недостатки внедрения робототехнических технологий (составлено автором по результатам исследования)

Преимущества	Примеры	Недостатки	Примеры
Экономическая эффективность	Роботы имеют значительно большую производительность труда по сравнению с человеком; их использование сокращает количество отходов, что позволяет сэкономить сырье и ресурсы	Сокращение рабочих мест	Большинство трудящихся, особенно в сфере промышленного производства, выступают против глобальной роботизации труда, поскольку это влечет за собой сокращение рабочих мест. Из-за высокой экономической эффективности робототехнических комплексов работодатели вынуждены увольнять все больше людей. Благодаря внедрению искусственного интеллекта и роботов под угрозой исчезновения оказываются целые профессии. Например, многих трейдеров на Уолл-Стрит уже заменили торговые роботы. Таксисты в дальнейшем также проигрывают конкуренцию самоуправляемым автомобилям

Продолжение табл.

Преимущества	Примеры	Недостатки	Примеры
Экономия в долгосрочной перспективе	В странах с высокой оплатой труда наблюдается существенное замещение ручного труда автоматизированными и робототехническими технологиями [6, 7]. Роботы частично или полностью заменяют человека. Работодатели стремятся к значительной экономии фонда оплаты труда на длинном горизонте, так как роботы не нуждаются в премиях, бонусах, продвижении по карьерной лестнице	Высокая стоимость	Несмотря на то, что инвестиции в робототехнические технологии могут в несколько раз окупиться в долгосрочной перспективе, многие компании не спешат внедрять их в производство по причине высокой первоначальной стоимости
Безопасность	Роботы могут заменить людей на вредных и опасных производствах. Машине безразлично, в каких условиях работать. В условиях высоких и низких температур окружающей среды, токсичной атмосферы и ряда других негативных факторов роботы могут неизменно сохранять свою эффективность. Это позволяет компании достигать экономии на постоянных медицинских расходах	Недостатки нормативной базы	Многие страны не готовы к роботизации из-за несовершенств нормативно-правовой системы. Например, в некоторых случаях бывает сложно определить ответственных при возникновении непредвиденных ситуаций с роботами [8]
Качество	Робототехнические устройства обладают большей точностью по сравнению с человеком. Роботов можно настроить таким образом, что процент брака при производстве будет минимальным. Высокое качество работы позволяет улучшить и визуальную характеристику продукции [9—11].	Отсутствие инфраструктуры	В ряде регионов отсутствуют необходимые условия для внедрения высоких технологий. Роботы нуждаются в серьезной инфраструктурной подготовке места, где они будут работать, так как от этого зависят не только экономические показатели компании, но и ее безопасность [12, 13]
Скорость	Использование роботов значительно сокращает время производственного цикла. Машинные роботы работают бесперебойно без выходных, перерывов на обед и отпуск, в отличие от человека	Недостаток квалификации	Многие виды роботов требуют особых навыков для управления и мониторинга их деятельности. Зачастую таких специалистов найти крайне сложно, поэтому вся экономия от роботизации перекрывается высокими расходами на оплату труда такого квалифицированного работника
Реакция	Налаженное автоматизированное производство легко перенастраивается и оптимизируется при возникновении непредвиденных обстоятельств [14, 15]. Например, в условиях падения рыночного спроса можно легко снизить показатели интенсивности работ, что позволит избежать многих проблем, связанных с увольнением сотрудников, снижением затрат на оплату труда	Отсутствие диверсификации	Множество роботов являются узкоспециализированными, поэтому список их действий или перечень производимой продукции существенно ограничены [16]. Если компании потребуется начать выпуск новой продукции, то перенастроить роботов на «новые работы» будет достаточно проблематично и затратно
WOW эффект	Роботы могут не только увеличить эффективность производства, но и стать инструментом маркетинга для компании	Отсутствие творческих способностей	Роботам невозможно найти практическое применение в искусстве, так как они не способны к самостоятельному созданию креативных идей. Несмотря на развитие нейросетей и создание специальных программ, которые помогают роботам писать картины, музыку и т. д., их творческие возможности все еще очень ограничены
Управление и контроль	Многими робототехническими системами можно управлять, находясь от них на достаточно удаленном расстоянии (тысячи километров). Кроме того, различные риск-системы и специальное программное обеспечение упрощают мониторинг за работой робототехники и позволяют получать данные о ее работе в реальном времени. Это также дает возможность моментально устранить возникающие ошибки, так как сразу выявляются причины их появления и первоисточники		

Преимущества	Примеры	Недостатки	Примеры
Удобство в быту	Домашние роботы достаточно автономны, и человеку не нужно заботиться о состоянии аккумулятора, так как большинство из них способны самостоятельно подзаряжаться. Кроме того, домашние роботы удобны в управлении, достаточно лишь пары кликов на смартфоне. Также они самообучаемы и легко подстраиваются под любую окружающую обстановку		

Согласно данным Всемирной ассоциации робототехники (International Federation of Robotics, IFR), за последние несколько лет самое большое количество промышленных роботов установлено на предприятиях в странах Азии — 320 тыс. единиц в 2020 г., при этом значительных темпов прироста в этом регионе следует ожидать уже к 2022 г. — 420 тыс. единиц промышленных роботов. Эксперты уверены, что продолжающаяся пандемия коронавируса станет серьезным стимулом для развития цифровых технологий: количество индустриальных роботов по всему миру будет показывать ежегодный прирост на 30...40 % в течение ближайших лет [17].

К основным тенденциям развития мирового рынка робототехники на ближайшие пять лет можно отнести:

- продолжение трека расширения использования искусственного интеллекта в роботах. Это позволит оптимизировать действия робототехнических комплексов. В совокупности с машинным обучением и внедрением нейросетей робот сможет накапливать информацию о периодах своей активности, тем самым совершать наиболее эффективные действия на основе полученных «знаний». Также этот опыт позволит роботам при необходимости перенастраиваться на новую работу без помощи человека;

- упрощение технологических задумок. Программисты и разработчики в настоящее время работают над созданием нового программного обеспечения, которое будет интуитивно понято человеком даже без продвинутых IT-навыков в этой сфере [18]. Сейчас при изменении рыночного спроса профессиональные программисты перенастраивают роботов, гибко реагируя на требования рынка. Ожидается, что с совершенствованием программного обеспечения такие манипуляции станут доступны обычным операторам;

- развитие рынка коллаборативной робототехники. Коботы могут работать совместно с человеком в едином пространстве, в отличие от промышленных роботов, которым нужны специально отведенные площадки. Именно поэтому использование коботов на производстве не подразумевает сокращение рабочих мест, наоборот, с эволюцией автоматизированных систем работы становятся все более мобильными и постоянно расширяют свои возможности в части взаимодействия с людьми, помогают им повысить производительность труда. Преимущества коботов также заключаются в их дешевизне, компактности и простоте управления, в отличие от промышленных роботов. Все это позволяет им очень быстро и оперативно внедриться в любой хозяйственный процесс;

- распознавание лиц и эмоций. Данная опция позволит роботам и людям более полно взаимодействовать друг с другом. Машины смогут подбирать подходящие слова, если человек не в настроении или же вообще не

тревожить его, если он устал. Более «живое» взаимодействие техники и людей позволит увеличить эффективность их совместной работы;

- уменьшение размеров робототехнических комплексов. Некоторые роботы из-за их сложной конструкции достигают довольно больших размеров. Однако сейчас растет спрос на более мелкую робототехнику [19]. При сохранении того же функционала более мелкие конструкции роботов значительно экономят место. Кроме того, они обладают большей мобильностью и могут работать в пространствах, где не могут по своим габаритам работать стандартные роботы;

- усиление роли человека. Наблюдается тенденция растущего спроса на роботов, которые увеличивают возможности человека при прямом взаимодействии с ним [20]. В первую очередь это экзоскелеты с дополнительными опциями, которые приобретают большую популярность в последние годы в военно-промышленном комплексе. Такие разработки, призванные существенно облегчить физический труд людей, позволяют быстрее перемещаться, поднимать более тяжелые веса и т. д. При этом сама техника полностью подконтрольна человеку и просто «дополняет» его действия, не требуя использования сложных систем управления;

- совершенствование систем навигации. Робототехника может использоваться в суровых и даже экстремальных условиях: на морском дне, в горах, в Арктике и т. д. Причем возможны ситуации, когда машина может полностью остаться без связи. Именно поэтому сейчас наиболее актуальны исследования в направлении разработки программного обеспечения, с помощью которого роботы смогут самостоятельно ориентироваться на местности в случае полной потери связи при сохранении рабочего задания и автономного выполнения всех поставленных задач;

- прочие новые тенденции развития рынка: создание роботов из новых более прочных материалов; инвестиции в дроны и беспилотные технологии; разработка роботов, работающих на альтернативных источниках энергии и способных к эффективному ее сохранению; внедрение IoT — технологий, позволяющих улучшить параметры работы системы мониторинга и распространить новые бизнес-модели; создание матрицы роботов, в которой каждая машина будет иметь свою ячейку, что позволит легко переставлять «компоненты» и создавать новую систему, способную выполнять уже совершенно иной спектр операций.

Рассмотрим два наиболее популярных и доступных способов инвестирования в растущий рынок искусственного интеллекта и робототехники, распространенных на сегодняшний день. Во-первых, инвестирование в акции компаний, которые производят роботов или их комплектующие. Лидерами

по количеству установленных в настоящий момент промышленных роботов являются следующие компании (рис. 2):

- Fanuc — 400 тыс. роботов;
- Yaskawa — 360 тыс. роботов;
- KUKA — 350 тыс. роботов;
- ABB — 300 тыс. роботов.

Второй способ — инвестирование в биржевые фонды (ETF). ETF обеспечивают экономически эффективный, прозрачный и удобный доступ к инвестициям в различные компании, расположенные в разных регионах мира.

Ниже рассматриваются некоторые успешные компании, работающие в области промышленной робототехники на мировом рынке.

Швейцарская корпорация ABB — мировой лидер в области робототехники и промышленной автоматизации с более чем 130-летней историей. Компания представлена в 100 странах. Бизнес корпорации разделен на четыре крупных направления — электрификация, автоматизация производства, движение (поставка двигателей, приводов, генераторов и т. д.), а также робототехника. Компания производит роботов практически для всех отраслей экономики. Особое внимание уделяется развитию коллаборативных роботов и предлагается самый широкий спектр таких моделей на рынке. Перечень продуктов компании очень широк, что делает ABB одной из лучших компаний в сегменте автоматизации и роботизации экономики.

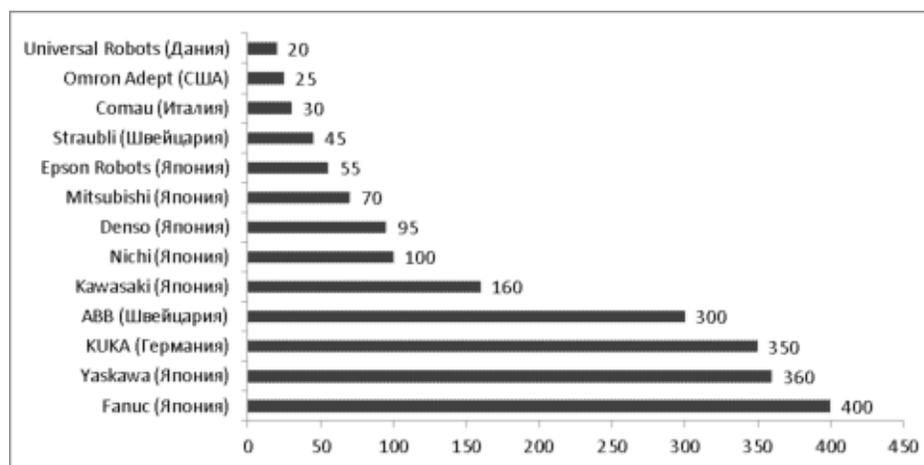

Рис. 2. Количество выпущенных роботов мировыми компаниями-лидерами за все время, тыс. ед. (составлено автором по материалам IFR Press Conference)

Американская корпорация Intuitive Surgical занимается производством автоматизированного оборудования для хирургических вмешательств. Основной продукт компании — это аппараты da Vinci. По всему миру установлено почти 6000 таких систем [21, 22]. При этом компания постоянно расширяет список процедур, которые можно проводить с помощью ее роботов. Хирургия требует громадной концентрации, поэтому преимущество роботов здесь очевидно: они не испытывают чувств, эмоций, не устают, их «рука» не может «дрогнуть» в процессе сложной операции. Аналитики дают положительные прогнозы относительно развития рынка медицинской робототехники, полагая, что его объем к 2025 г. достигнет почти 25 млрд долл. [23].

Японская компания Yaskawa Electric занимается производством не только промышленных роботов, но и двигателей, контроллеров, а также преобразователей. Продукция компании очень диверсифицирована: роботы для сварки и резки, для упаковки и паллетирования, покраски, роботы-манипуляторы. Кроме того, Yaskawa Electric разрабатывает программное обеспечение и индивидуальные приложения для робототехники, инструменты мониторинга.

Американский производитель Cognex Corporation занимается созданием датчиков и программного обеспечения для машинного зрения. Помимо этого, компания разрабатывает промышленные считыватели идентификационного кода. Все это используется на производстве для идентификации деталей, их проверки, обнаружения дефектов и в целом для определения направления движений сборочных роботов. Рынок машинного обучения имеет большие перспективы: его совокупные среднегодовые темпы роста до 2025 г. оцениваются аналитиками в районе 40 % [24, 25].

Заключение

В настоящее время под воздействием научно-технического прогресса происходит трансформация всех сфер жизни общества. Масштаб и глубина преобразований позволяют рассматривать происходящее как очередную технологическую революцию. Применение «сквозных» цифровых технологий, к числу которых относится робототехника, искусственный интеллект и др., приводит к кардинальным изменениям производства и потребления и, по сути, знаменует наступление нового технологического уклада [26]. Можно констатировать, что сформировавшийся в индустрии информационных технологий новый кластер инноваций, выйдя за ее пределы, кардинальным образом трансформирует отрасли экономики, деятельность государства и бизнеса, общество и мир в целом. Формируются мировые рынки новых технологий и товаров, меняются состав и распределение ролей участников глобальной инновационной системы. Поступательное научно-технологическое развитие становится в настоящее время ключевым фактором благосостояния и повышения уровня жизни населения, обеспечения обороны и безопасности государств, поддержания конкурентоспособности компаний.

Безусловно, рынок наукоемкой технологической продукции продолжит свой рост, так как роботы позволяют гораздо эффективнее и быстрее совершать гигантский спектр хозяйственных действий. Роботизация — это необратимый процесс, который кардинальным образом меняет построение большинства бизнес-процессов и организацию труда в целом. Следовательно, исследование современных рынков высокотехнологичных товаров с учетом их сложного устройства требует комплексного использования методик различных экономических школ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамонтов А. Индустрии будущего. Инвестиции в робототехнику. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/industrii-budushchego-investitsii-v-robototekhniku>.
2. Спиридонов А. Роботы на заводах: к 2025 г. возьмут на себя четверть задач и будут понимать нас с полуслова. URL: <https://blogs.forbes.ru/2020/01/23/roboty-na-zavodah-k-2025-vozmuet-na-sebja-chetvert-zadach-i-budut-ponimat-nas-s-poluslova>.
3. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 г. и на период до 2035 г. (утв. 6 июня 2020 г. № 1512-р).
4. Использование промышленных роботов: обзор рынка робототехники в России и мире. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire>.
5. Красильникова Н. Коботы: новые возможности для малого и среднего бизнеса. URL: <https://vc.ru/tech/104997-koboty-novye-vozmozhnosti-dlya-malogo-i-srednego-biznesa>.
6. Карсунцева О. В. Организационно-экономическая модель повышения эффективности производственно-хозяйственной деятельности предприятия // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2014. № 1(27). С. 122—126.
7. Карсунцева О. В. Многомерный факторный анализ как метод оценки производственного потенциала // Вестник Поволжского гос. ун-та сервиса. Сер. : Экономика. 2013. № 2(28). С. 140—147.
8. Коноховская А. Рынок робототехники: угрозы и возможности для России. URL: <https://www.litprichal.ru/books/104690>.
9. Карсунцева О. В. Методологические подходы к оценке производственного потенциала // Вестник университета. 2013. № 5. С. 126—132.
10. Карсунцева О. В. Влияние инновационного потенциала на конкурентоспособность промышленного предприятия // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2009. № 1. С. 113—117.
11. Кондратьев А. Е. Роботы и люди : сб. ст. URL: http://pentagonus.ru/load/1/obshhie_voprosy/kondratev_roboty_i_ljudi_tom_3/18-1-0-830.
12. Global Innovation Index: место России в мире инноваций. URL: <https://vc.ru/flood/44152-global-innovation-index-mesto-rossii-v-mire-innovaciy>.
13. Готтлиб Б. М., Вакалюк А. А. Введение в специальность «Мехатроника и робототехника» : курс лекций. Екатеринбург : УрГУПС, 2012. 134 с.
14. Keisner A., Raffo J., Wunsch-Vincent S. Robotics: Breakthrough Technologies, Innovation, Intellectual Property // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. No. 2. Pp. 7—27.
15. Стрельцов А. В., Яковлев Г. И. Особенности формирования промышленной политики в условиях роста глобальной неопределенности // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 112—117.
16. Haichao Gao, Ruipeng Guo, Pengcheng Li. Development Situation and Prospect of Chinese Industrial Robots. Atlantis Pres, 2015. URL: <https://www.atlantis-pres.com/article/18038.pdf>.
17. Уланов А. А. Современное состояние и перспективы развития рынка робототехники в мире и России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14. М., 2021. 172 с.
18. Комиссина И. Н. Современное состояние и перспективы развития робототехники в Китае // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1(58). С. 123—145.
19. Кухтина Е. К., Перерва О. Л. Развитие новых технологий в условиях смены технологических укладов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 43—49.
20. Булавко О. А., Туктарова Л. Р. Развитие гибких производственных систем в условиях нового технологического уклада // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 39—43.
21. Мальчикова Ю. В. Роботы в медицине: робот Da Vinci // Физика и медицина: создавая будущее : сб. материалов I Межвуз. студ. науч.-практ. конф. Самара, 2017. С. 135—140.
22. Шевченко Ю. Л. От Леонардо да Винчи к роботу «Да Винчи» // Вестник нац. мед.-хирург. центра им. Н. И. Пирогова. 2012. Т. 7. № 1. С. 15—20.
23. Николаев А. Б. Современное состояние рынка медицинской робототехники и ближайшие перспективы его развития // Робототехника и техническая кибернетика. 2018. № 3(20). С. 3—17.
24. Круцюк М. С. Перспективы применения машинного обучения в видеоиграх // Вестник науки и образования. 2020. № 17-1(95). С. 21—26.
25. Макаренко С. И. Робототехнические комплексы военного назначения — современное состояние и перспективы развития // Системы управления, связи и безопасности. 2016. № 2. С. 73—132.
26. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты : докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, г. Москва, 13—30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская и др. М. : Изд. дом ВШЭ, 2021. 239 с.

REFERENCES

1. Mamontov A. *Industries of the future. Investments in robotics*. (In Russ.) URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/industrii-budushchego-investitsii-v-robototekhniku>.
2. Spiridonov A. *Robots in factories: by 2025 they will take on a quarter of the tasks and will understand us from half a word*. (In Russ.) URL: <https://blogs.forbes.ru/2020/01/23/roboty-na-zavodah-k-2025-vozmuet-na-sebja-chetvert-zadach-i-budut-ponimat-nas-s-poluslova>.

3. *Consolidated strategy for the development of the manufacturing industry of the Russian Federation until 2024 and for the period up to 2035* (approved on June 6, 2020 No. 1512-r). (In Russ.)
4. *The use of industrial robots: an overview of the robotics market in Russia and the world.* (In Russ.) URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/ispolzovanie-promyshlennykh-robotov-obzor-rynka-robototekhniki-v-rossii-i-mire>.
5. Krasielnikova N. *Kobots: new opportunities for small and medium-sized businesses.* (In Russ.) URL: <https://vc.ru/tech/104997-koboty-novye-vozmozhnosti-dlya-malogo-i-srednego-biznesa>.
6. Karsuntseva O. V. Organizational and economic model of increasing the efficiency of production and economic activity of the enterprise. *Science Vector of Togliatti State University*, 2014, no. 1(27), pp. 122—126. (In Russ.)
7. Karsuntseva O. V. Multidimensional factor analysis as a method of assessing production potential. *Bulletin of the Volga State University of Service. Series: Economics*, 2013, no. 2(28), pp. 140—147. (In Russ.)
8. Konyukhovskaya A. The robotics market: threats and opportunities for Russia. (In Russ.) URL: <https://www.litprichal.ru/books/104690>.
9. Karsuntseva O. V. Methodological approaches to the assessment of production potential. *Bulletin of the University*, 2013, no. 5, pp. 126—132. (In Russ.)
10. Karsuntseva O. V. The influence of innovative potential on the competitiveness of an industrial enterprise. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition*, 2009, no. 1, pp. 113—117. (In Russ.)
11. Kondratev A. E. *Robots and people. Collection of articles.* (In Russ.) URL: http://pentagonus.ru/load/1/obshhie_voprosy/kondratev_roboty_i_ljudi_tom_3/18-1-0-830.
12. *Global Innovation Index: Place Russia in the world of innovation. VC. August 22.* (In Russ.) URL: <https://vc.ru/flood/44152-global-innovation-index-mesto-rossii-v-mire-innovaciy>.
13. Gottlieb B. M., Vakalyuk A. A. *Introduction to the specialty “Mechatronics and robotics”. Course of lectures.* B. M. Gottlieb. Ekaterinburg, UrGUPS publ., 2012. 134 p. (In Russ.)
14. Keisner A., Raffo J., Wunsch-Vincent S. Robotics: Breakthrough Technologies, Innovation, Intellectual Property. *Foresight and STI Governance*, 2016, vol. 10, no. 2, pp. 7—27.
15. Streltsov A. V., Yakovlev G. I. Features of the formation of industrial policy in the conditions of growing global uncertainty. *Business. Education. Law*, 2020, no. 3(52), pp. 112—117. (In Russ.)
16. Haichao Gao, Ruipeng Guo, Pengcheng Li. *Development Situation and Prospect of Chinese Industrial Robots.* Atlantis Pres, 2015. URL: <https://www.atlantis-pres.com/article/18038.pdf>.
17. Ulanov A. A. *Current state and prospects of development of the robotics market in the world and Russia. Diss. of the Cand. of Economics.* Moscow, 2021. 172 p. (In Russ.)
18. Komissina I. N. The current state and prospects of robotics development in China. *Problems of national strategy*, 2020, no. 1(58), pp. 123—145. (In Russ.)
19. Kukhtina E. K., Pererva O. L. The development of new technologies in the conditions of changing technological patterns. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2(55), pp. 43—49. (In Russ.)
20. Bulavko O. A., Tuktarova L. R. Development of flexible production systems in the conditions of a new technological way. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2(55), pp. 39—43. (In Russ.)
21. Malchikova Yu. V. Robots in medicine: robot Da Vinci. In: *Physics and medicine: creating the future. Collection of materials of the I Interuniversity student sci. and pract. conf. Samara, Dec. 15, 2017.* Pp. 135—140. (In Russ.)
22. Shevchenko Yu. L. *From Leonardo Da Vinci to the robot Da Vinci. Bulletin of the National Medical and Surgical Center named after N. I. Pirogov*, 2012, vol. 7, no. 1, pp. 15—20. (In Russ.)
23. Nikolaev A. B. The current state of the medical robotics market and the nearest prospects for its development. *Robotics and technical cybernetics*, 2018, no. 3(20), pp. 3—17. (In Russ.)
24. Krutzyuk M. S. Prospects for the use of machine learning in video games. *Herald of Science and Education*, 2020, no. 17-1(95), pp. 21—26. (In Russ.)
25. Makarenko S. I. Robotic complexes for military purposes — the current state and prospects of development. *Control, communication and security systems*, 2016, no. 2, pp. 73—132. (In Russ.)
26. Abdrakhmanova G. I., Bykhovskiy K. B., Veselitskaya N. N., et al. *Digital transformation of industries: starting conditions and priorities: report at the XXII Apr. int. sci. conf. on problems of economic and social development, Moscow, 13—30 Apr. 2021.* Moscow, VShE publ., 2021. 239 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Карсунцева О. В. Долгосрочные глобальные тренды как драйверы инновационного развития мирового рынка промышленной робототехники // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 40—47. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.373.

For citation: Karsuntseva O. V. Long-term global trends as drivers of innovative development of the global industrial robotics market. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 40—47. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.373.

УДК 332.02
ББК 65.04

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.340

Sazonov Sergey Petrovich,
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Management
and Finance of Production Systems,
Volgograd State Technical University,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: sazonovsp@mail.ru

Elsukov Lev Alekseevich,
3rd year student of the Faculty of Economics and Management,
Volgograd State Technical University,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: elsukov.leo@yandex.ru

Elsukova Yuliana Yurevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Personnel Management
and Economics in Education,
Volgograd State Social
and Pedagogical University,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: ejuliana@rambler.ru

Сазонов Сергей Петрович,
д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой менеджмента
и финансов производственных систем,
Волгоградский государственный технический университет,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: sazonovsp@mail.ru

Елсуков Лев Алексеевич,
студент 3-го курса факультета экономики и управления,
Волгоградский государственный технический университет,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: elsukov.leo@yandex.ru

Елсукова Юлиана Юрьевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры управления персоналом
и экономики в сфере образования,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: ejuliana@rambler.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

IMPROVEMENT OF STATE SUPPORT MEASURES FOR THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLGOGRAD REGION)

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Дифференциация региональных образований Российской Федерации по показателю инвестиционной привлекательности является серьезной проблемой для России на сегодняшний день. Следствием подобного положения выступает неравномерное распределение инвестиций в бюджеты региональных образований, которое ведет к дефициту или профициту инвестиций в отдельных регионах.

На сегодняшний день не существует единого определения понятия инвестиционной привлекательности региона. Чаще всего инвестиционную привлекательность определяют как интегральный показатель, включающий в себя экономические, политические, финансовые, социальные и экологические показатели. Он служит индикатором аналитической оценки для экспертов, на основе которой могут разрабатываться мероприятия по улучшению социально-экономической сферы региона.

При оценке инвестиционной привлекательности Волгоградской области было рассмотрено несколько рейтинговых систем оценки. По результату были выявлены следующие закономерности:

– низкое ранговое положение Волгоградской области: среди 85 субъектов Российской Федерации по рангу инвестиционной привлекательности Волгоградская область стабильно занимает положение ниже среднего;

– тенденция к ухудшению ранга инвестиционного риска Волгоградской области;

– серьезная дифференциация показателей инвестиционного потенциала Волгоградской области и регионов — лидеров рейтингов инвестиционной привлекательности.

В статье представлены методы государственной поддержки инвестиционной сферы Волгоградской области. Предложены пути совершенствования государственных мер поддержки инвестиционной привлекательности Волгоградской области:

– увеличение финансирования социальной сферы с целью снижения резко возросшего в 2020 г. социального риска;

– расширение списка государственной поддержки деятельности, связанной с инвестиционной деятельностью;

– создание благоприятных условий для наращивания валового регионального продукта и основных фондов Волгоградской области;

– стимулирование спроса на продукцию предприятий Волгоградской области.

Differentiation of regional entities of the Russian Federation in terms of investment attractiveness is a serious problem for Russia today. The consequence of this situation is the uneven distribution of investments in the budgets of regional entities, which leads to a deficit or surplus of investments in certain regions.

To date, there is no single definition of the investment attractiveness of a region. Most often, investment attractiveness is defined as an integral indicator that includes economic, political, financial, social and environmental indicators. It serves as

an indicator of analytical assessment for experts, on the basis of which measures can be developed to improve the socio-economic sphere of the region.

When assessing the investment attractiveness of the Volgograd region, several rating systems were considered. According to the result, the following patterns were revealed:

- low ranking position of the Volgograd region. Among 85 constituent entities of the Russian Federation in terms of investment attractiveness, the Volgograd Region is consistently below average;
- a tendency for the worsening of the rank of the investment risk of the Volgograd region;
- serious differentiation of indicators of the investment potential of the Volgograd region and the regions of leaders in the ratings of investment attractiveness.

The article presents the methods of state support for the investment sphere of the Volgograd region. Ways to improve government measures to support the investment attractiveness of the Volgograd region are proposed:

- increasing funding for social services to reduce the dramatic increase in social risk in 2020;
- expanding the list of state support for activities related to investment activities;
- creation of favorable conditions for increasing the gross regional product and fixed assets of the Volgograd region;
- stimulating demand for the products of enterprises of the Volgograd region.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционный риск, государственная поддержка, инвестиционная политика, инвестиционный рейтинг, валовой региональный продукт, основные производственные фонды, конкурентоспособность Волгоградской области, методология инвестиционной привлекательности.

Keywords: investment attractiveness, investment potential, investment risk, state support, investment policy, investment rating, gross regional product, fixed assets, competitiveness of the Volgograd region, methodology of investment attractiveness.

Введение

Одним из возможных путей совершенствования экономики муниципального образования может выступать привлечение реальных инвестиций в него. Модернизация мер государственной поддержки инвестиционной привлекательности регионального образования может существенно улучшить экономическое положение региона, вследствие чего данная проблема будет всегда **актуальна**.

Основы всесторонней разработки оценки инвестиционной привлекательности территории, субъекта Российской Федерации или муниципалитета имеют свои специфические особенности. На современном этапе в экономической науке и научной литературе нет единого понимания термина «инвестиционная привлекательность». Данный экономический аспект изучается и сегодня.

Разработка проблемы государственной поддержки инвестиционной привлекательности региона будет способствовать более равномерному распределению реальных инвестиций в муниципальные образования, увеличить их приток в регионы с низким инвестиционным потенциалом, способствовать развитию отстающих регионов.

Научная новизна работы обусловлена использованием методов интегральной оценки с учетом рейтинговых

систем, на основе которых получены выводы и предложены пути по совершенствованию государственной поддержки региона.

Целью исследования выступает разработка путей совершенствования мер государственной поддержки инвестиционной привлекательности Волгоградской области.

Задачи исследования:

- изучить теоретические основы инвестиционной привлекательности региона;
- проанализировать известные рейтинговые системы в области инвестиционной привлекательности муниципальных образований на территории РФ;
- провести анализ основных показателей инвестиционной привлекательности Волгоградской области;
- разработать комплекс действий по модернизации государственной поддержки инвестиционной привлекательности Волгоградской области.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении значимости роли инвестиционного потенциала региона для экономики страны. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности применения выведенных авторами предложений и выводов об инвестиционном потенциале Волгоградской области в целях совершенствования мер государственной поддержки инвестиционной привлекательности региона.

Основная часть

Методология. Основой методологии для данной работы послужили теоретические основы, взятые из учебных пособий, рейтинговые системы, предлагаемые российскими журналами национального рейтингового агентства и RAEX, а также основные показатели инвестиционной привлекательности, такие как ВРП и ОПФ Волгоградской области.

Путем применения методов дедукции были выведены положения, основанные на используемом в работе материале, четко определяющие положение показателя инвестиционной привлекательности Волгоградской области среди остальных муниципальных образований Российской Федерации. Также используются методы логического анализа и сравнения. Именно они могут дать наиболее объективную оценку ИПР.

Результаты. Общедоступным и часто используемым методом определения и расчета инвестиционной привлекательности региона и муниципального образования считается метод интегральной оценки. Данный метод включает в себя экономические, политические, финансовые, социальные, экологические показатели, а также уровень социального развития [1]. Каждый из перечисленных параметров оказывает весомое влияние на общую оценку региональной инвестиционной привлекательности, из чего следует значимость каждого из них при определении уровня инвестиционной привлекательности муниципального образования.

Эта методика была разработана и впервые стала применяться специалистами Агентства по вопросам предотвращения банкротства предприятий и организаций.

Данный метод предполагает определение интегрального показателя инвестиционной привлекательности региона или муниципалитета, а также определение сокращения сроков реализации инвестиционных проектов по привлечению инвестиций как отечественных, так и иностранных инвесторов.

Рассчитанный таким образом интегральный показатель является индикатором в качестве аналитической оценки экспертам, занимающимся определением и разработкой

мероприятий по реализации оздоровления социально-экономической и производственной сферы территории, региона или муниципалитета. Процесс интегральной оценки инвестиционной привлекательности — это расчет сводного показателя, основанный на воспроизведении значений других показателей, скорректированных в соответствии с их важностью и другими факторами [1].

Региональная инвестиционная политика должна одновременно быть привлекательной для внешних возможных источников инвестирования и быть способной к стимулированию собственных внутренних инвестиционных ресурсов муниципального образования [2, с. 31].

Инвестиционная привлекательность состоит из таких показателей, как инвестиционный риск и инвестиционный потенциал.

Инвестиционный риск представляет собой вероятность потери вложенных средств из-за срабатывания одного или нескольких неблагоприятных эффектов.

Инвестиционный потенциал представляет собой способность всех имеющихся у региона экономических ресурсов обеспечить приток инвестиций.

К составляющим инвестиционного потенциала региона можно отнести следующие параметры:

- валовой региональный продукт;
- обеспеченность области основными фондами производства;
- трудовой потенциал;
- инфраструктурный потенциал;
- потенциал трудовых ресурсов;
- институциональный потенциал;
- природно-ресурсный потенциал;
- инновационный потенциал;
- туристический потенциал.

Существуют рейтинговые системы, оценивающие инвестиционную привлекательность региональных образований. Национальное рейтинговое агентство ежегодно выпускает рейтинг инвестиционной привлекательности всех регионов Российской Федерации, разбивая их на группы, согласно общему финансовому и социальным показателям региона.

Выделяются следующие три группы, разделенные на уровни [3]:

1. «Регионы с высоким уровнем инвестиционной привлекательности» (IC1, IC2, IC3).
2. «Регионы со средним уровнем инвестиционной привлекательности» (IC4, IC5, IC6).
3. «Регионы с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности» (IC7, IC8, IC9).

Исходя из представленных в табл. 1 данных, наибольшее увеличение количества регионов отмечается в группе регионов со средним уровнем инвестиционной привлекательности (увеличилось на три региональных субъекта). К этому привело сокращение в группах регионов с высоким и умеренным уровнями инвестиционной привлекательности.

Волгоградская область в данном рейтинге ИПР практически не меняла своего положения за последние несколько лет, оставаясь на самых нижних позициях регионов со средним уровнем инвестиционной привлекательности. Данная ситуация говорит о стабильно слабом уровне инвестиционной привлекательности Волгоградской области.

Обращаясь к рейтингам инвестиционного потенциала и инвестиционного риска в динамике за три года [6], можно наблюдать следующее положение инвестиционной привлекательности Волгоградской области (табл. 2).

Таблица 1

Динамика инвестиционной привлекательности регионов в период 2017—2019 гг. (составлено авторами по данным [3—5])

Степень инвестиционной привлекательности региона	Количество регионов, относящихся к уровню ИПР		
	2017 г.	2018 г.	2019 г.
IC1	2	2	1
IC2	6	7	9
IC3	17	15	14
IC4	10	8	11
IC5	13	11	14
IC6	10	15	10
IC7	10	7	8
IC8	6	8	9
IC9	11	12	9

Таблица 2

Динамика инвестиционного потенциала Волгоградской области (составлено авторами по данным [6—8])

Инвестиционный потенциал	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Ранг потенциала	26	26	26
Трудовой	18	16	16
Потребительский	20	20	20
Производственный	22	23	23
Финансовый	25	27	25
Институциональный	22	21	20
Инновационный	33	35	33
Инфраструктурный	52	52	53
Природно-ресурсный	34	34	34
Туристический	38	35	38

Как видно из представленных данных, ранг инвестиционного потенциала Волгоградской области остается в стагнации. Когда одни показатели поднимаются, другие в этот момент падают. За три года трудовой и институциональный потенциалы упали на два ранга каждый. Улучшились позиции по производственному и инфраструктурному потенциалу.

За период 2018—2020 гг. ранг инвестиционного риска в Волгоградской области возрос. Наибольшее влияние на данный процесс оказали социальный и управленческий показатели (табл. 3).

Таблица 3

Динамика инвестиционного риска Волгоградской области (составлено авторами по данным [6—8])

Инвестиционный риск	2020 г.	2019 г.	2018 г.
Ранг риска	32	31	27
Социальный	37	42	36
Экономический	46	47	50
Финансовый	34	38	38
Криминальный	19	11	21
Экологический	40	40	40
Управленческий	48	39	23

Стоит отметить отрицательную динамику ранга инвестиционного риска в Волгоградской области.

Рассмотрим показатели Волгоградской области, оказывающие наибольшее воздействие на инвестиционную привлекательность (табл. 4).

Анализируя динамику ВРП Волгоградской области, стоит отметить положительные тенденции в увеличении ВРП в основных ценах на 220 955,3 млн руб., ВРП на душу населения 94 491,3. Это положительные показатели, но далеко не самые лучшие на уровне Российской Федерации.

Например, в Москве ВРП составляет 19 673 004, что на 18 711 590,7 млн руб. больше, чем в Волгоградской области [10]. По показателям ВРП Волгоградская область в 2018 г. заняла лишь 26-е место из 85 среди всех субъектов

Российской Федерации. Стоит брать во внимание колоссальное отставание от регионов — лидеров по показателю ВРП. Данное положение Волгоградской области оказывает негативный эффект на инвестиционную привлекательность региона, ведь ее конкурентоспособность относительно других муниципальных образований Российской Федерации невысокая.

Следовательно, региону необходимо наращивать ВРП в больших масштабах, чтобы укрепить свое положение относительно других региональных образований Российской Федерации.

Показатель основных производственных фондов региона также оказывает высокое влияние на инвестиционную привлекательность региона [11, с. 38] (табл. 5).

Таблица 4

Динамика валового регионального продукта Волгоградской области, млн руб., в 2015—2019 гг. (составлено авторами по данным [9])

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Валовой региональный продукт	740 458,0	746 794,8	772 624,2	927 811,7	961 413,3
Валовой региональный продукт на душу населения, руб.	290 186,0	293 947,7	305 597,8	369 000,4	384 677,3
Валовой региональный продукт, % к предыдущему году	103,5	100,8	103,5	120,1	103,6

Таблица 5

Основные производственные фонды Волгоградской области, тыс. руб. (составлено авторами по данным [12])

Показатель	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Абсолютное отклонение, 2019/2015	Темп роста, %
Основные фонды на конец года, по полной учетной стоимости в фактических ценах, млн руб.	1 818 202	2 069 566	2 180 917	2 326 149	2 620 585	802 383	144,13
Изменение, %, к предыдущему году	102,4	113,8	105,4	106,7	112,7	—	—
Степень износа основных фондов на конец года, %	57,9	56,4	56,1	55,8	53,3	—	—
Коэффициент обновления (ввод в действие основных фондов, % от наличия основных фондов на конец года)	5,5	9,2	5,4	6,1	5,6	—	—

Обращаясь к состоянию основных фондов производства Волгоградской области, стоит отметить тенденции к увеличению размера основных фондов. В период 2015—2019 гг. показатель увеличился на 802 383 млн руб., что на 44 % больше, чем в 2015 г.

Проводя сравнение показателей основных фондов субъектов Российской Федерации, занимающих лидирующие положения в рейтингах инвестиционной привлекательности, с Волгоградской областью, наблюдается следующее: отставание от Москвы на 67 409 154 тыс. руб. и от Санкт-Петербурга на 17 983 919 тыс. руб. [13]. При наблюдаемой положительной динамике роста основных фондов Волгоградской области показатели сильно отстают от лидеров.

Заключение

Таким образом, стоит привести следующие выводы по проведенному исследованию:

– инвестиционная привлекательность Волгоградской области находится ниже средних показателей среди всех регионов Российской Федерации;

– имеется тенденция к росту инвестиционного риска в последнее время;

– положительная динамика основных показателей инвестиционной привлекательности сильно отстает от лидирующих регионов.

Для улучшения ситуации в регионе государство оказывает поддержку в сферах, связанных с инвестиционной деятельностью, проводимой на территории Волгоградской области представленными путями [14]:

– земельные участки без торгов (юридическим лицам для размещения объектов социально-культурного значения; юридическим лицам для размещения объектов коммунально-бытового назначения; юридическим лицам для реализации крупномасштабных инвестиционных проектов);

– налоговые льготы (пониженная налоговая ставка на прибыль для организаций, являющихся инвесторами, организациям пивоваренной промышленности, для участников региональных инвестиционных проектах; освобождение от налогообложения части, зачисляемой в областной бюджет управляющих компаний промышленного парка, резидента

промышленного парка; освобождение от налогообложения организаций в области земельных участков, которые заняты стадионами и предоставленных для проведения Чемпионата мира по футболу в 2018 г., а также инвестиционный налоговый вычет);

– льготная аренда земельных участков (для земли, находящейся в собственности Волгоградской области или государства, с целью реализации инвестиционной деятельности).

Учитывая слабый рост инвестиционного потенциала Волгоградской области и увеличение инвестиционных рисков, предоставляемой государством поддержки недостаточно. Государству необходимо осуществить следующие меры для поддержки инвестиционной привлекательности Волгоградской области:

– увеличение финансирования социальной сферы с целью снижения резко возросшего в 2020 г. социального риска [15];

– расширение списка государственной поддержки деятельности, связанной с инвестиционной деятельностью;

– формирование привлекательных тарифных ставок по инвестициям;

– создание благоприятных условий для наращивания валового регионального продукта и основных фондов Волгоградской области;

– формирование более продвинутых механизмов привлечения инвестиций;

– стимулирование спроса на продукцию предприятий Волгоградской области.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чистобаев Л. И. Экономическая и социальная география : учеб. М. : Гардарики, 2003. 411 с.
2. Prospects of GR management development in the context of forming a digital economy / Y. Y. Kail, A. V. Shokhnekh, M. V. Samsonova, R. M. Lamzin, Y. Y. Elskova // *Espacios*. 2019. Vol. 40. No. 22. P. 30.
3. VII ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2019. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
4. VI ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2018. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
5. V ежегодный рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2017. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
6. Инвестиционный рейтинг российских регионов за 2020 г. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020#graph>.
7. Инвестиционный рейтинг российских регионов за 2019 г. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019>.
8. Инвестиционный рейтинг российских регионов за 2018 г. URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2018/att1>.
9. Объем и динамика валового регионального продукта. URL: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/qAlpXp7W/vrp_volume_03032021.htm.
10. Москва в цифрах. URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-in-numbers>.
11. Экономика организации : учеб. пособие / М. В. Самсонова, Я. Я. Кайль, Ю. Ю. Елсукова, Ю. М. Квинтук. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018.
12. Основные фонды Волгоградской области. URL: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/OHHvOyW4/%D0%9E%D0%A4_26112020.htm.
13. Наличие основных фондов на конец года по полной учетной стоимости по полному кругу организаций с 2017 г. URL: <https://fedstat.ru/indicator/58538>.
14. Государственная поддержка инвестиционной деятельности в Волгоградской области — март 2021 года. URL: <http://investvolga.volgograd.ru/gos-support/vsem-investoram>.
15. Сазонов С. П., Елсукова Ю. Ю., Елсуков Л. А. Анализ исполнения бюджета Волгоградской области в социальной сфере // Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации : сб. тр. XXII Всерос. науч.-практ. конф., г. Симферополь, 19—20 нояб. 2020 г. / Науч. ред. В. М. Ячменев. Симферополь : Ариал, 2020. С. 107—110. URL: http://kafmen.ru/library/conference/2020/conference_menegement_2020_11_19-materialy.pdf#page=107.

REFERENCES

1. Chistobaev L. I. *Economic and social geography. Textbook*. Moscow, Gardariki, 2003. 411 p. (In Russ.)
2. Kail Y. Y., Shokhnekh A. V., Samsonova M. V., Lamzin R. M., Elskova Y. Y. Prospects of GR management development in the context of forming a digital economy. *Espacios*, 2019, vol. 40, no. 22, p. 30. (In Russ.)
3. *VII annual rating of investment attractiveness of regions of Russia 2019*. (In Russ.) URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
4. *VI annual rating of investment attractiveness of regions of Russia 2018*. (In Russ.) URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
5. *V annual rating of investment attractiveness of regions of Russia 2017*. (In Russ.) URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/Obzor_Rating_Investment_Regions_VII_2020.pdf.
6. *Investment rating of Russian regions for 2020*. (In Russ.) URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2020#graph>.
7. *Investment rating of Russian regions for 2019*. (In Russ.) URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2019>.
8. *Investment rating of Russian regions for 2018*. (In Russ.) URL: <https://raex-a.ru/ratings/regions/2018/att1>.
9. *The volume and dynamics of the gross regional product*. (In Russ.) URL: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/qAlpXp7W/vrp_volume_03032021.htm.
10. *Moscow in numbers*. (In Russ.) URL: <https://investmoscow.ru/about-moscow/moscow-in-numbers>.

11. Samsonova M. V., Keil Ya. Ya., Elsukova Yu. Yu., Kvintyuk Yu. M. *Economics of the organization. Textbook*. Volgograd, VolGU publ., 2018. (In Russ.)

12. *Fixed assets of the Volgograd region*. (In Russ.) URL: https://volgastat.gks.ru/storage/mediabank/OHHvOy-W4/%D0%9E%D0%A4_26112020.htm.

13. *Availability of fixed assets at the end of the year at full book value for a full range of organizations since 2017*. (In Russ.) URL: <https://fedstat.ru/indicator/58538>.

14. *State support for investment activities in the Volgograd region — March 2021*. (In Russ.) URL: <http://investvolga.volgo-grad.ru/gos-support/vsem-investoram>.

15. Sazonov S. P., Elsukova Yu. Yu., Elsukov L. A. Analysis of the execution of the budget of Volgograd region in the social sphere. In: *Sustainable development of socio-economic system of the Russian Federation. Collected works of XXII All-Russian sci. and pract. conf., Simferopol, Nov. 19—20, 2020*. Ed. by V. M. Yachmenev. Simferopol, Arial, 2020. Pp. 107—110. (In Russ.) URL: http://kafmen.ru/library/conference/2020/conference_menegement_2020_11_19_materialy.pdf#page=107.

Как цитировать статью: Сазонов С. П., Елсуков Л. А., Елсукова Ю. Ю. Совершенствование мер государственной поддержки инвестиционной привлекательности региона (на примере Волгоградской области) // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 48—53. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.340.

For citation: Sazonov S. P., Elsukov L. A., Elsukova Yu. Yu. Improvement of state support measures for the investment attractiveness of the region (on the example of the Volgograd region). *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 48—53. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.340.

УДК 331.101.34
ББК 65.013

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.338

Petrenko Tatyana Viktorovna,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: t.petrenko@tmei.ru

Петренко Татьяна Викторовна,
канд. филос. наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Таганрогский институт управления и экономики,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: t.petrenko@tmei.ru

Shcherbakova Tatyana Aleksandrovna,
Doctor of Economics, Associate Professor,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: t.shcherbakova@tmei.ru

Щербакова Татьяна Александровна,
д-р экон. наук, доцент,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: t.shcherbakova@tmei.ru

КРИЗИС ТРУДА И РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В ЕГО ПРЕОДОЛЕНИИ

LABOR CRISIS AND THE ROLE OF SOCIAL INSTITUTIONS IN OVERCOMING IT

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Распространение цифровых технологий в современной экономической системе и актуализация интеллектуальных видов трудовой деятельности позволяют говорить о необходимости существенных институциональных изменений в организации и регулировании наемного труда и трудовых отношений. Связано это, в том числе, с распространением кризиса труда как системной проблемой трансформирующейся экономики, когда для определенной части наемных работников утрачивается смыслообразующая функция трудовой деятельности. Отсутствие положительных реакций на стимулы и мотивы, направленные на рост производительности труда, при прочих равных условиях, выступает серьезным ограничением поступательных и качественных преобразований. В особенности вопросы проявления кризиса труда становятся актуальными тогда, когда творческая компонента трудовой деятельности оказывается приоритетной, а поиск новых побудительных механизмов целесообразной деятельности, расширения

компетентности, потенциала знаний, умений и навыков может рассматриваться в качестве одного из приоритетных драйверов роста и современного развития. Вопросы формирования и управления человеческими ресурсами в современном обществе связываются с парадигмой трудовых отношений, переживающих период радикальных преобразований вследствие изменения в характере труда, его фрагментации, дифференциации интересов работников. Потребность в организации новых форм и методов мотивации труда требует модернизации социальных институтов, деятельность которых связана с профессиональной подготовкой, переподготовкой, а также формированием всего комплекса социокультурных факторов, оказывающих влияние на самоопределение человека, его собственные социально-экономические оценки и перспективы. Цифровые технологии создают потенциал качественных преобразований, но их реализация возможна в том случае, если эти изменения будут в полной мере востребованы обществом

и найдут свое отражение в повышении эффективности трудовой деятельности. Синергетический эффект здесь возможен при соответствии технологического и институционального развития, так чтобы распространение цифровых технологий воспринималось через призму повышения уровня и качества жизни, стимулируя потребности в самосовершенствовании и саморазвитии.

The spread of digital technologies in the modern economic system, the actualization of intellectual types of labor activity, allows us to talk about the need for significant institutional changes in the organization and regulation of hired labor and labor relations. This is due, inter alia, to the spread of the labor crisis, as a systemic problem of the transforming economy, when for a certain part of hired workers the meaning-forming function of labor activity is lost. The lack of positive reactions to incentives and motives aimed at increasing labor productivity, all other things being equal, is a serious limitation of progressive and qualitative transformations. In particular, the issues of the manifestation of the labor crisis become relevant when the creative component of labor activity is a priority, and the search for new incentive mechanisms for expedient activity, expanding competence, knowledge potential, skills and abilities can be considered as one of the priority drivers of growth and development. The issues of the formation and management of human resources in modern society are associated with the paradigm of labor relations, which are undergoing a period of radical transformations due to changes in the nature of labor; its fragmentation, and the differentiation of workers' interests. The need to organize new forms and methods of labor motivation requires the modernization of social institutions, whose activities are related to vocational training, retraining, as well as the formation of the entire complex of socio-cultural factors that affect a person's self-determination, his own socio-economic assessments and prospects. Digital technologies create the potential for qualitative transformations, but their implementation is possible if these changes are fully demanded by society and will be reflected in increasing the efficiency of labor activity. A synergistic effect is possible here if technological and institutional development is in line so that the spread of digital technologies is perceived through the prism of increasing the level and quality of life, stimulating the needs for self-improvement and self-development.

Ключевые слова: кризис труда, рынок труда, социальные институты, цифровая экономика, трудовой потенциал, многоукладность экономики, профессиональный маргинализм, трудовая мотивация, стимулирование, производительность труда.

Keywords: labor crisis, labor market, social institutions, digital economy, labor potential, diversified economy, professional marginalism, labor motivation, incentives, labor productivity.

Введение

Актуальность проводимого исследования обусловлена тем, что одним из проявлений экономического кризиса, в особенности в период широкого внедрения цифровых технологий, изменяющейся структуры производительных сил и т. п., выступает кризис труда. Наблюдающийся процесс отчуждения труда, превращения его из образа жизни в средство выживания ведет к девальвации трудовых ценностей, как на индивидуальном уровне воспроизводства

работника, так и на уровне общественного воспроизводства рабочей силы. Кризис труда, как и любой кризис, выступая формой проявления циклических изменений и разрешаясь на определенной стадии общественного развития, воспроизводится в других экономических условиях, затрагивая суть организации трудовой деятельности. Факторы, определяющие подобный кризис, могут быть как экзогенными, так и эндогенными, причем формы проявления во многом имеют существенные национальные особенности, обусловленные уровнем экономического развития и приоритетами экономической культуры. Именно в сфере преобразований культуры в целом и экономической культуры в частности видятся направления преодоления кризиса труда.

Изученность проблемы. Анализ сущности и особенностей проявления кризиса труда в современной отечественной экономике проводится различными исследователями: Казначеевой Н. Л., Фукаловой Л. Л., Добрусиной М. Е., Новоселовой Е. Г. и др. [1, 2]. При этом вопросы люмпенизации населения в процессе существенных преобразований в области развития производительных сил общества достаточно подробно рассмотрены и проиллюстрированы еще в «Капитале» К. Маркса [3]. Особенности проявления люмпенизации занятого населения в современной отечественной экономике и трактовки причин этого феномена с точки зрения психологии трудового поведения нашли отражение в работах Ермолаевой Е. П. [4, 5]. Проведенный анализ современной научной литературы по вопросу институциональных преобразований трудовой сферы, формирования трудового потенциала, соответствующего сложившимся требованиям рынка труда и адекватно реагирующего на его преобразования, в том числе обзор научных информационных источников (статей в зарубежных и российских научных журналах, монографий), показал, что тема находится в стадии осмысления с учетом современных изменений и демонстрирует необходимость дальнейших исследований.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что кризис труда, являясь системной проблемой, требует системных подходов к его разрешению, всестороннего исследования последствий для экономики и формирования соответствующих институтов, сориентированных на сбалансированное развитие трудовых отношений.

Цель исследования — характеристика кризиса труда в современной отечественной экономике и определение роли социальных институтов в его преодолении. **Задачи** связаны с определением направлений институциональных преобразований по преодолению кризиса труда в отечественной экономике.

Теоретическая значимость работы состоит в определении на основе сложившихся теоретических подходов сущности кризиса труда, обоснования необходимости применения системного подхода к его разрешению.

Практическая значимость работы состоит в определении направлений институциональных преобразований экономики в целях преодоления кризиса труда.

Научная новизна заключается в оценке на основе системного подхода влияния кризиса труда на развитие отечественной экономики.

Основная часть

Существенные трансформации, происходящие в экономике и связанные, прежде всего, с повсеместным внедрением цифровых технологий, проявляются во всех аспектах общественной жизни, включая социально-трудовые

отношения [6—8]. Это накладывает отпечаток на развитие принципиально новых направлений экономической деятельности, формирует потребность в расширении перечня профессиональных групп, компетенций, требования к знаниям, умениям и навыкам, а также потенциалу их поступательного совершенствования и развития [9]. При этом сама рабочая сила, ее качественные характеристики и потенциал зависят не только от потребностей рынка, но и от совокупности факторов, включающих разнообразные аспекты социальных отношений и их институциональную организацию: от производственных отношений до трансляционных каналов передачи профессиональной информации или профессионального выбора. Кроме того, трудовые отношения связаны с общим культурным уровнем, существующими особенностями экономической культуры и, прежде всего, соотношением в ней аксиологических и рационалистических компонент. На стадии непосредственной реализации трудовой деятельности они транслируются в организационную культуру и затем проявляются, в большей или меньшей степени, через конкретное трудовое поведение.

Говоря об особенностях развития отечественной экономики, необходимо подчеркнуть влияние на организационную культуру и модели трудового поведения особенностей социалистического развития страны и весьма неоднозначного опыта рыночных преобразований. Сформировавшийся диссонанс ожиданий и реальных результатов экономических преобразований во многом наложил отпечаток на отношение к труду и его результативности у достаточно значительной части населения страны. В этих условиях актуализируется проблема перехода к суженному воспроизводству рабочей силы [1], предполагающему снижение качества труда, его производительности вследствие изменения отношения к труду и отсутствие положительной реакции на его стимулирование. Кризис труда, как расширение противоречий в реализации эффективной и целесообразной трудовой деятельности, в итоге затрагивает практически все сферы, наиболее наглядно проявляясь, к примеру, в бытовом и социальном обслуживании, здравоохранении и т. п. Основные характеристики кризиса труда представлены на рис. 1.

Рис. 1. Основные характеристики кризиса труда

Говоря о современных тенденциях в отечественной экономике, отметим, что, наряду с системными проблемами цифровой трансформации, усугубляются и проблемы многоукладности, в особенности в региональном разрезе. Существенная дифференциация в уровнях социально-экономического развития отдельных территорий, «умирание» профессий, ужесточение формальных требований к компетентности специалистов на основе повсеместного внедрения профессиональных стандартов выступают одним из признаков кризиса труда, так как работники, имеющие не востребованные в современном хозяйстве знания и квалификацию, немобильные в профессиональном пространстве, не могут динамично переквалифицироваться и перейти к другому виду деятельности [10].

Кризис труда, выступая системной проблемой современной экономики, требует и системных подходов к его преодолению [11]. Определение факторов, связанных с формированием подобного кризиса, позволяет, с учетом различных аспектов экономического, социального, психологического, а также социо-культурного свойства, продумать направления работы по его преодолению как на микро- и мезоуровне, так и на уровне национальной экономики (рис. 2).

Рис. 2. Факторы, влияющие на кризис труда

В результате синергетического эффекта происходят фундаментальные сдвиги в организации экономических отношений, наблюдается становление нового производственного уклада. Это определяет значительное сокраще-

ние занятости в сферах добывающего и перерабатывающего производства, что достаточно успешно компенсируется расширением занятости в сфере услуг. Процесс модернизации труда и управления производством обусловил

постепенный отказ от приоритетов «фордистской» модели поточно-конвейерного производства и переход к новым способам реализации трудовой деятельности и ее координации. Так, если традиционная система организации труда строилась на постулатах стабильной и защищенной занятости, то новые формы должны быть сориентированы на мобильный рынок труда, индивидуализацию подходов к различным категориям наемных работников, а следовательно, на индивидуализацию трудовых отношений, требующих и их институциональной модернизации. Получившая распространение в экономике индустриального типа система коллективных трудовых договоров, соответствующая принципам стабильной занятости, устойчивости и полной формализации трудовых контрактов, в новых условиях видится нецелесообразной, способствующей снижению конкурентоспособности предприятий вследствие потери их мобильности. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к безработице, которая негативно влияет на макроэкономические показатели страны в целом.

Исследования в области трансформации трудовых отношений в условиях актуализации инновационного развития показывают, что управление процессом формирования и эффективного использования человеческого потенциала чрезвычайно расширяет сферу трудовых отношений в рамках предприятия. Вместе с тем проблемы, связанные с сущностью и реализацией этой политики, продолжают оставаться дискуссионными с точки зрения тех институциональных изменений, которые должны обеспечить эффективное сочетание качественно новых форм организации производства и изменения организационной культуры [12]. Первостепенное значение приобретают исследования, посвященные влиянию на институционализацию трудовых отношений современных технологических укладов [13], а также совокупности социокультурных факторов внешней среды, влияющих не столько на отношение к конкретному виду трудовой деятельности, сколько на самосознание и самоидентификацию работников.

Проведение институциональных изменений представляется как сложный процесс, преимущественно основывающийся на эволюции общественного развития и требующий четко определенной модели и ее научной аргументации [14]. Ориентируясь на эту точку зрения, можно говорить о том, что сами институциональные измене-

ния связываются с набором взаимосвязанных факторов опосредовано, через совокупное влияние которых на экономическую систему происходит изменение конкретных характеристик объективного процесса [15]. К подобным факторам можно отнести, прежде всего, наличие стабильности институциональных характеристик системы до начала институциональных изменений. Кроме того, наличие сложившихся объективных предпосылок институциональных изменений и соответствующих источников для их реализации. И, конечно же, сила институциональных изменений, обусловленная величиной и значимостью вызвавших процесс изменения явлений, а также готовности к этим изменениям общества и его уже имеющихся институциональных элементов.

Результаты

Кризис труда как явление системное требует и системного подхода к его разрешению на основе формирования, развития новых институциональных форм выстраивания отношений между основными субъектами трудовой сферы. Модернизация системы поддержки трудовой активности на основе институциональных изменений форм стимулирования и мотивации, направленных на всех участников процесса, видится основой разрешений кризиса труда и проблем люмпенизации населения. Это особенно важно при повсеместном расширении качественных требований к труду, преимущественного применения его интеллектуального потенциала, т. е. возможностей привлечения широчайшего арсенала социокультурных, психологических и прочих факторов.

Выводы

Подходы к преодолению кризиса труда видятся в распространении таких социальных институтов, которые позволяют обеспечить качественное воспроизводство трудового потенциала, как на стадии профессионального выбора, так и траекторий профессионального роста и развития. Обеспечение доступа к профессиональному образованию в течение всей жизни, стимулов расширения профессионального горизонта (от материальных до социокультурных), распространение информационных каналов трансляции знаний и повышение заинтересованности в их приобретении можно рассматривать в качестве направления преодоления кризиса труда в современной экономической системе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Казначеева Н. Л. Кризис труда и капитала: проявление и преодоление // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. 2007. № 1. С. 23—34.
2. Фукалова Л. Л., Добрусина М. Е., Новоселова Е. Г. Кризис труда и оценка его интенсивности в оперативной банковской деятельности (методические рекомендации) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 359. С. 143—148.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Политиздат, 1983. 905 с.
4. Ермолаева Е. П. Социальные функции и стратегии реализации профессионала в системе «человек — профессия — общество» // Психологический журнал. 2005. № 4. С. 30—40.
5. Ермолаева Е. П. Мультидисциплинарный подход в модели «человек — профессия — общество» // Ин-т психологии Рос. акад. наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 1. С. 3—22.
6. Ахапкин Н. Ю., Волкова Н. Н., Иванов А. Е. Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 59.
7. Кознов А. Б. Влияние цифровизации на рынок труда // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 177—179. URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2019/05/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-4-2.pdf>.
8. Кутявин Д. В. Экономика знаний как вызов для рынка труда // Проблемы теории и практики управления. 2021. № 2. С. 190—205.
9. Потенциал и риски цифровизации экономики для современного человека труда / И. Ф. Жуковская, И. В. Панышин, Н. Н. Ивлиева, С. А. Труфанова // Проблемы теории и практики управления. 2020. № 10. С. 65—83.

10. Petrenko T. V., Oleynikova I. N., Zimovets A. V. “Labor crisis”: essence, features and forms of manifestation at the present stage of socioeconomic development // *Science and Society* : 13th Int. sci. and pract. conf. by SCIEURO, London, 27—29 Nov. 2018. Pp. 70—81.

11. Клейнер Г. Б. Системная парадигма и экономическая политика // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2. С. 141—149.

12. Норт Д. К. Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. 1997. № 3. С. 6—17.

13. Шестаков Р. Б. Институты деловой активности как трансформационный детерминант социально-экономической системы // *Вопросы экономики и права*. 2015. № 5(83). С. 72—75.

14. Вольчик В. В., Кот В. В. Институциональные изменения в контексте модернизации хозяйственных порядков // *Журнал институциональных исследований*. 2013. Т. 5. № 4. С. 36—57.

15. Клейнер Г. Б. Эволюция институциональных систем. М. : Наука, 2004. 239 с.

REFERENCES

1. Kaznacheeva N. L. The crisis of labor and capital: manifestation and overcoming. *Tomsk State University Journal. Economy*, 2007, no. 1, pp. 23—34. (In Russ.)

2. Fukalova L. L., Dobrusina M. E., Novoselova E. G. Labor crisis and assessment of its intensity in operational banking (guidelines). *Tomsk State University Journal*, 2012, no. 359, pp. 143—148. (In Russ.)

3. Marx K. *Capital. Criticism of Political Economy*. Vol. I. Moscow, Politizdat, 1983. 905 p. (In Russ.)

4. Ermolaeva E. P. Social functions and strategies for the implementation of a professional in the system “man-profession-society”. *Psychological journal*, 2005, no. 4, pp. 30—40. (In Russ.)

5. Ermolaeva E. P. Multidisciplinary approach in the model “person — profession — society”. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology*, 2017, vol. 2, no. 1, pp. 3—22. (In Russ.)

6. Akharkin N. Yu., Volkova N. N., Ivanov A. E. The development of the digital economy and the prospects for the transformation of the Russian labor market. *Bulletin of IE RAS*, 2018, no. 5, p. 59. (In Russ.)

7. Koznov A. B. Impact of digitalization on the labor market. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2019, vol. 4-2, pp. 177—179. (In Russ.) URL: <http://intjournal.ru/wp-content/uploads/2019/05/Mezhdunarodnyj-ZHurnal-4-2.pdf>.

8. Kutyavin D. V. The knowledge economy as a challenge for the labor market. *Problems of theory and practice of management*, 2021, no. 2, pp. 190—205. (In Russ.)

9. Zhukovskaya I. F., Panshin I. V., Ivlieva N. N., Trufanova S. A. Potential and risks of digitalization of the economy for the modern working person. *Problems of theory and practice of management*, 2020, no. 10, pp. 65—83. (In Russ.)

10. Petrenko T. V., Oleynikova I. N., Zimovets A. V. Labor crisis: essence, features and forms of manifestation at the present stage of socioeconomic development. In: *Science and Society*. 13th International sci. and pract. conf. by SCIEURO in London, 27—29 Nov., 2018. Pp. 70—81.

11. Kleiner G. B. System paradigm and economic policy. *Social sciences and modernity*, 2007, no. 2, pp. 141—149. (In Russ.)

12. North D. C. Institutional changes: the framework of analysis. *Problems of Economics*, 1997, no. 3, pp. 6—17. (In Russ.)

13. Shestakov R. B. Business institutions as a transformational determinant of the socio-economic system. *Problems of Economics and Law*, 2015, no. 5(83), pp. 72—75. (In Russ.)

14. Volchik V. V., Kot V. V. Institutional changes in the context of economic orders modernization. *Journal of Institutional Studies*, 2013, vol. 5, no. 4, pp. 36—57. (In Russ.)

15. Kleiner G. B. *The evolution of institutional systems*. Moscow, Nauka, 2004. 239 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Петренко Т. В., Щербакова Т. А. Кризис труда и роль социальных институтов в его преодолении // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 53—57. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.338.

For citation: Petrenko T. V., Shcherbakova T. A. Labor crisis and the role of social institutions in overcoming it. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 53—57. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.338.

Shovkhalov Shamil Akhyadovich,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Legal Disciplines,
Chechen State Pedagogical University,
Russian Federation, Chechen Republic, Grozny,
e-mail: shovkhalov.shamil@gmail.com

Шовхалов Шамиль Ахьядович,
д-р экон. наук,
профессор кафедры правовых дисциплин,
Чеченский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, Чеченская Республика, г. Грозный,
e-mail: shovkhalov.shamil@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ КОНТРОЛЛИНГА ТОВАРНЫХ ЗАПАСОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РЫНКА ХАЛЯЛЬ В РАЗРЕЗЕ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

PECULIARITIES OF INVENTORY CONTROLLING AT HALAL MARKET ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF BUSINESS PROCESSES

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of the national economy

С учетом роста российского рынка халяль к нему увеличивается интерес со стороны научного сообщества и предпринимателей. Практика показывает, что зачастую возникающие трудности носят схожий характер во многих странах. В этом отношении анализ динамики, состава и структуры исследуемой отрасли экономики в разрезе мирового опыта поможет выявить основополагающие решения в ходе преодоления ключевых ошибок в ее развитии. Безусловно, что в ходе исследования необходимо учитывать региональные особенности, которые влияют на различные изменения на рынке халяль, особенно это касается степени влияния института религии в стране и доли мусульман в структуре населения. Главную роль в достижении рыночных целей предприятия рынка халяль приобретает система управления, основанная на оптимальном сочетании процессов экономического характера и религиозных норм, что дает основания использовать контроллинг как инструмент эффективного управления товарными запасами. Двойственный характер цели, заключающийся в соблюдении экономической рациональности и ограничений институционального характера, дает симбиоз задач, стоящих перед собственниками на рынке халяль. Если неэффективность сулит временные убытки, то отход от соблюдения конфессиональных установок может вывести игрока за рамки рынка на долгосрочный период, что актуализирует выбранную тему и задает ее основную цель — разработать контроллинг товарных запасов халяль. При этом к важнейшим задачам следует отнести выявление факторов, влияющих на исследуемый рынок, выделение цели и задач контроллинга запасов на рынке халяль и анализ рынка в разрезе бизнес-процессов.

Given the growth of the Russian halal market, there is increasing interest from the scientific community and entrepreneurs. Practice shows that difficulties are often of a similar nature in many countries. In this regard, an analysis of the dynamics, composition and structure of the halal market in the world will help identify the main decisions in overcoming errors in its development. Of course, in the course of the study it is necessary to take into account regional characteristics that affect various changes in the halal market, especially the degree of influence of the institution of religion in the country and the proportion of Muslims in the structure of the population. The main role in achieving the market goals of a halal market enterprise is acquired by a management system based on

an optimal combination of economic processes and religious norms, which gives grounds to use controlling as a tool for effective inventory management. The dual nature of the goal, which consists in observing economic rationality and institutional constraints, gives a symbiosis of the tasks facing the owners in the halal market. If inefficiency promises temporary losses, then a departure from adherence to confessional attitudes can take the player out of the market for a long term, which updates the chosen topic and sets its main goal — to develop halal inventory controlling. At the same time, the most important tasks include identifying factors affecting the market under study, identifying the goal and objectives of controlling stocks in the halal market and analyzing the market in the context of business processes.

Ключевые слова: контроллинг, товарные запасы, халяль, рынок халяль, мусульмане, ислам, конфессия, шариат, институционализм, бизнес-процессы.

Keywords: controlling, stocks, halal, halal market, Muslims, Islam, denomination, Sharia, institutionalism, business processes.

Введение

Динамичность внешней и внутренней среды вызывает потребность в совершенствовании управления товарными запасами — ключевым элементом торговых и производственных предприятий в ходе повышения эффективности хозяйственной деятельности. Ситуация осложняется, когда в данный механизм необходимо встроить дополнительные критерии, играющие первостепенную роль в ходе оказания услуг населению. Ярким примером отражения специфики является рынок халяль, на котором институциональные особенности играют ключевую роль в ходе реализации товаров конечному потребителю. В странах с развитой экономикой хозяйствующие субъекты рассматривают управление запасами как один из элементов своей стратегии, направленной на успешное функционирование в рыночной среде, и осознанно проводят эту линию на основе практического применения контроллинга, включающего специально разработанные методы, информационное обеспечение принимаемых управленческих решений.

Несмотря на тот факт, что рынок халяль изучался такими авторами, как Р. А. Мусаев, Ю. Д. Магомедова, А. Ю. Журавлев, М. И. Яндиев и др., комплексно этими

проблемами они не занимались, а изучение вопросов контроллинга в управлении товарными запасами на рынке халяль бесспорно можно отнести к **научной новизне**. Целью данной статьи является выявление особенностей контроллинга товарных запасов на предприятиях рынка халяль в разрезе бизнес-процессов. В качестве ключевых **задач** стоит выделить следующие:

- оценить емкость рынка халяль в России;
- выявить факторы, влияющие на рынок халяль;
- сформировать концептуальные основы контроллинга товарных запасов на предприятиях рынка халяль;
- исследовать бизнес-процессы в рамках изучаемой темы.

Практическая значимость научной статьи заключается в возможности прикладного использования полученных результатов предприятиями рынка халяль с целью улучшения хозяйственно-финансовой деятельности.

Основная часть

В каждой религии существуют особенности, но зачастую экономические вопросы не затрагиваются вообще (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение основных религий в России по отношению к экономическим процессам

Конфессиональные ограничения	Христианство	Ислам	Буддизм	Иудаизм
Производство	Нет	Да	Нет	Да
Распределение	Нет	Да	Нет	Да
Обмен	Нет	Да	Нет	Да
Потребление	Частично	Да	Частично	Да

В исламе и иудаизме явно прослеживается тяга к контролю экономических процессов на всех этапах экономического цикла, о чем свидетельствуют самые разные исследования [1]. Именно поэтому термины «кошер» и «халяль» распространены. Учитывая, что мусульмане значительно превышают иудеев по численности [2], а также являются самыми молодыми по возрасту среди других конфессий [3], перейдем к анализу рынка халяль.

В разных странах по-разному выглядит динамика роста емкости рынка халяль: от стагнации до активного роста [4, 5]. В России лишь нами произведены научно обоснованные расчеты рынка халяль. Наиболее интересны для анализа рынки одежды и мясной продукции и мяса [6]. Так, рынок мяса халяль составляет около 4 % [7] (рис. 1).

Рис. 1. Емкость рынка мяса халяль и ее доля на рынке продуктов из мяса и мяса животных и домашней птицы в России

В результате установлено, что на рынке существует дефицит в сумме 125 295,9 млн руб. Существуют и другие сегменты на рынке халяль, но перечисленные наиболее значимы. Например, в Европе развита косметика халяль [8]. Учитывая воздействие факторов (рис. 2) на этом рынке, можно заявить, что перспективы роста серьезные.

Рис. 2. Факторы, влияющие на развитие рынка халяль в России

Именно поэтому целью контроллинга запасов товарными запасами халяль является обеспечение бесперебойной деятельности для максимизации рентабельности бизнеса и удовлетворения спроса населения. В данной области крайне мало исследований, в основном это зарубежные работы [9, 10]. При этом неверно выстроенный контроллинг может привести к потребительским сомнениям в степени дозволенности продукции для мусульман, а в их корреляции не приходится сомневаться [11]. Особенно явно это прослеживается в странах, где мусульмане являются меньшинством [12].

Методология. Формирование концептуальных основ контроллинга предопределяет первоочередность и необходимость понимания его содержания, а также задач и функций, которые лежат в основе его использования.

К задачам контроллинга запасов товаров халяль можно отнести:

- формирование интегрированной системы сбора и обработки информации, контроля и анализа в системе стратегического и оперативного управления запасами товаров халяль;

- информационную и методическую поддержку планирования запасами товаров халяль;

- формирование системы приоритетных контролируемых показателей, связанных с управлением запасами товаров халяль, и построение системы их мониторинга.

Процесс управления товарными потоками можно представить через три базовых бизнес-процесса, представляющих собой совокупность взаимосвязанных действий, направленных на оказание определенной услуги: закупка, хранение товарных запасов, реализация (табл. 2).

Цель бизнес-процесса «Закупка» сводится к обеспечению непрерывности процесса реализации товаров, «Хранение» сводится к оптимизации товарных запасов предприятия, а «Реализация» направлена на удовлетворение нужд потребителей.

Достижение поставленной цели обеспечивается последовательным решением *задач*, через которые происходит реализация функций управления, которые представлены в табл. 2.

Таблица 2

Контроллинг товарных запасов на предприятиях рынка халяль в разрезе бизнес-процессов

Функции контроллинга	Цели контроллинга	Бизнес-процессы		
		Закупка	Хранение	Реализация
Планирование	Формирование системы контроллинга, отвечающей исламскому праву	Создание алгоритма работы с поставщиками	Разработка алгоритма работы с товарами халяль сотрудниками компании	Создание алгоритма работы с покупателями
Организация	Создание информационной системы и выбор способов обработки данных	Формирование совокупности функций, лежащих на поставщика, для удовлетворения правил в исламе	Обучение персонала основам исламской экономики в рамках изучения товаров халяль	Формирование совокупности функций, лежащих на покупателя, для удовлетворения правил в исламе
Координация	Разработка алгоритма взаимодействия элементов системы с целью согласованности подразделений	Распределение задач для достижения цели контроллинга товаров халяль, выделение функций управленцев и их ответственности в вопросе соблюдения исламского права		
Анализ	Разработка методики анализа соответствия исламскому праву	Разработка методики анализа поставщиков на предмет соответствия исламскому праву	Разработка методики анализа внутренних условий на предмет соответствия исламскому праву	Разработка методики анализа покупателей на предмет соответствия исламскому праву
Контроль	Разработка сроков, объемов и инструментов проведения контроля	Разработка сроков, объемов и инструментов проведения контроля поставщиков, а также допустимых отклонений	Разработка сроков, объемов и инструментов проведения контроля сотрудников, а также допустимых отклонений	Разработка сроков, объемов и инструментов проведения контроля покупателей, а также допустимых отклонений

Результаты. Управление бизнес-процессами на рынке товаров халяль имеет свои особенности, которые проанализируем ниже [13].

1. Закупка.

При реализации данного бизнес-процесса важно уделять внимание приобретению товаров с целью недопущения покупки запрещенных, таких как:

- свинина;
- изделия из свиной кожи;

- желатин из нехаляльного материала;

- иные ингредиенты животного происхождения и пр.

Вместе с тем важно уделить внимание следующим моментам, которые может предоставить производитель продукции:

- оборудование, инвентарь и инструменты должны быть индивидуальными, например отдельное помещение, мясорубки, ножи, стеллажи, холодильное оборудование и т. д.;
- очищение помещения, инвентаря и инструментов не разрешено производить при помощи запрещенных средств.

2. Хранение.

Реализация указанного бизнес-процесса направлена на обеспечение следующих мер, касающихся особенностей товаров халяль:

– важно предусмотреть автономные места для хранения товаров халяль, оборудования, инвентаря и инструментов на всех этапах бизнес-процессов;

– очищение помещения, оборудования, инвентаря и инструментов в месте хранения не разрешено производить при помощи запрещенных средств.

Если помещение, оборудование, инвентарь и инструменты используются впервые, тогда очистка будет проходить по установленным санитарным нормам. Однако если они используются после запрещенных операций, тогда нужно установить, что именно было предметом хозяйственных операций.

Важным условием работы на рынке товаров халяль является систематический контроль, направленный на соответствие товаров халяль существующим в исламском праве пунктам. В этой связи целесообразно нанять сотрудников для лабораторных анализов и шариатского аудита.

3. Реализация.

Данный бизнес-процесс является заключительным и содержит следующие требования к учету особенностей товаров халяль.

3.1. Транспортировка.

Она включает в себя все отмеченные вопросы выше, т. е. это касается места хранения, оборудования, инструментов и очищения. Поскольку это трудозатратный бизнес, на рынке появилась логистика халяль [14], некоторые эксперты оценивают ее годовой оборот в размере 550 млн долл. При этом по всему миру наблюдается рост емкости данного рынка [15].

3.2. Упаковка.

Она должна быть произведена из разрешенных элементов, желательно с указанием логотипа организации, выдающей сертификат халяль.

Заключение

Таким образом, контроллинг товаров халяль должен предполагать комплексную систему товародвижения, позволяющую обеспечить бесперебойную работу предприятия. Рынок халяль сильно коррелирует от имиджа среди потребителей.

Если религиозная составляющая не будет исполнена в необходимой мере, это может привести к снижению финансовых показателей, так как покупатели на этом рынке остро реагируют на любую информацию о дозволенности запасов халяль.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Religiosity as a moderator between theory of planned behavior and halal purchase intention / Y. J. Memon, S. M. Azhar, R. Haque, N. A. Bhutto // *Journal of Islamic Marketing*. 2019.
2. Christiansen B., Yıldız S., Yıldız E. *Handbook of research on effective marketing in contemporary globalism*. USA : IGI Global, 2014. 463 p.
3. Alihodzic V. *Brand identity factors: developing a successful Islamic brand*. Hamburg, 2012. 105 p.
4. Islamic religiosity and portfolio allocation: the Malaysian context / N. S. Mahdzan, R. Zainudin, R. Che Hashim, N. A. Sulaiman // *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*. 2017. Vol. 10 No. 3. Pp. 434—452.
5. Ratnasari R. T., Ula U. F., Sukmana R. Can store image moderate the influence of religiosity level on shopping orientation and customers' behavior in Indonesia? // *Journal of Islamic Accounting and Business Research*. 2020. Vol. 12. No. 1. Pp. 78—96.
6. Vanany I., Maarif G. A., Soon J. M. Application of multi-based quality function deployment (QFD) model to improve halal meat industry // *Journal of Islamic Marketing*. 2019. Vol. 10. No. 1. Pp. 97—124.
7. Шовхалов Ш. А. Рынок халяль в России: теория, практика и перспективы развития. М. : ИНФРА-М, 2020. 243 с.
8. Annabi C. A., Ibidapo-Obe O. O. Halal certification organizations in the United Kingdom: An exploration of halal cosmetic certification // *Journal of Islamic Marketing*. 2017. Vol. 8. No. 1. Pp. 107—126.
9. Fraedrich J., Althawadi O., Bagherzadeh R. A comparative analysis of the UN declaration, global business compact, and religious morals in determining global values for business and their application to Islamic marketing // *Journal of Islamic Marketing*. 2018. Vol. 9. No. 4. Pp. 913—934.
10. Systematic literature review of halal food consumption-qualitative research era 1990—2017 / S. Naeem, R. M. Ayyub, I. Ishaq, S. Sadiq, T. Mahmood // *Journal of Islamic Marketing*. 2019. Vol. 11. No. 3. Pp. 687—707.
11. Anam J., Sany Sanuri B. M. M., Ismail B. L. O. Conceptualizing the relation between halal logo, perceived product quality and the role of consumer knowledge // *Journal of Islamic Marketing*. 2018. Vol. 9. No. 4. Pp. 727—746.
12. Alam I. Interacting with Muslim customers for new service development in a non-Muslim majority country // *Journal of Islamic Marketing*. 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 1017—1036.
13. Muslims' willingness to pay for certified halal food: an extension of the theory of planned behavior / M. Iranmanesh, M. Mirzaei, S. M. Parvin Hosseini, S. Zailani // *Journal of Islamic Marketing*. 2019. Vol. 11. No. 1. Pp. 14—30.
14. Ab Talib M. S., Abdul Hamid A. B., Chin T. A. Can halal certification influence logistics performance? // *Journal of Islamic Marketing*. 2016. Vol. 7. No. 4. Pp. 461—475.
15. Halal logistics opportunities and challenges / S. Zailani, M. Iranmanesh, A. A. Aziz, K. Kanapathy // *Journal of Islamic Marketing*. 2017. Vol. 8. No. 1. Pp. 127—139.

REFERENCES

1. Memon Y. J., Azhar S. M., Haque R., Bhutto N. A. Religiosity as a moderator between theory of planned behavior and halal purchase intention. *Journal of Islamic Marketing*, 2019.
2. Christiansen B., Yıldız S., Yıldız E. *Handbook of research on effective marketing in contemporary globalism*. USA, IGI Global, 2014. 463 p.

3. Alihodzic V. *Brand identity factors: developing a successful Islamic brand*. Hamburg, 2012. 105 p.
4. Mahdzan N. S., Zainudin R., Che Hashim R., Sulaiman N. A. Islamic religiosity and portfolio allocation: the Malaysian context. *International Journal of Islamic and Middle Eastern Finance and Management*, 2017, vol. 10, no. 3, pp. 434—452.
5. Ratnasari R. T., Ula U. F., Sukmana R. Can store image moderate the influence of religiosity level on shopping orientation and customers' behavior in Indonesia? *Journal of Islamic Accounting and Business Research*, 2020, vol. 12, no. 1, pp. 78—96.
6. Vanany I., Maarif G. A., Soon J. M. Application of multi-based quality function deployment (QFD) model to improve halal meat industry. *Journal of Islamic Marketing*, 2019, vol. 10, no. 1, pp. 97—124.
7. Shovkhalov Sh. A. *Halal market in Russia: theory, practice and development prospects*. Moscow, INFRA-M, 2020. 243 p. (In Russ.)
8. Annabi C. A., Ibidapo-Obe O. O. Halal certification organizations in the United Kingdom: an exploration of halal cosmetic certification. *Journal of Islamic Marketing*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 107—126.
9. Fraedrich J., Althawadi O., Bagherzadeh R. A comparative analysis of the UN declaration, global business compact, and religious morals in determining global values for business and their application to Islamic marketing. *Journal of Islamic Marketing*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 913—934.
10. Naeem S., Ayyub R. M., Ishaq I., Sadiq S., Mahmood T. Systematic literature review of halal food consumption-qualitative research era 1990—2017. *Journal of Islamic Marketing*, 2019, vol. 11, no. 3, pp. 687—707.
11. Anam J., Sany Sanuri B. M. M., Ismail B. L. O. Conceptualizing the relation between halal logo, perceived product quality and the role of consumer knowledge. *Journal of Islamic Marketing*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 727—746.
12. Alam I. Interacting with Muslim customers for new service development in a non-Muslim majority country. *Journal of Islamic Marketing*, 2019, vol. 10, no. 4, pp. 1017—1036.
13. Iranmanesh M., Mirzaei M., Parvin Hosseini S. M., Zailani S. Muslims' willingness to pay for certified halal food: an extension of the theory of planned behavior. *Journal of Islamic Marketing*, 2019, vol. 11, no. 1, pp. 14—30.
14. Ab Talib M. S., Abdul Hamid A. B., Chin T. A. Can halal certification influence logistics performance? *Journal of Islamic Marketing*, 2016, vol. 7, no. 4, pp. 461—475.
15. Zailani S., Iranmanesh M., Aziz A. A., Kanapathy K. Halal logistics opportunities and challenges. *Journal of Islamic Marketing*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 127—139.

Как цитировать статью: Шовхалов Ш. А. Особенности контроллинга товарных запасов на предприятиях рынка халяля в разрезе бизнес-процессов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 58—62. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.333.

For citation: Shovkhalov Sh. A. Peculiarities of inventory controlling at halal market enterprises in the context of business processes. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 58—62. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.333.

УДК 338.486
ББК 65.050

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.335

Yankina Irina Anatolevna,

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Management,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: i.yankina@tmei.ru

Янкина Ирина Анатольевна,

д-р социол. наук, доцент,
профессор кафедры управления,
Таганрогский институт управления и экономики,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: i.yankina@tmei.ru

Novi Irina Nikolaevna,

Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Management,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: i.novi@tmei.ru

Нови Ирина Николаевна,

канд. геогр. наук, доцент,
заведующий кафедрой управления,
Таганрогский институт управления и экономики,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: i.novi@tmei.ru

ВЛИЯНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА НА РАЗВИТИЕ ТУРИСТСКОГО БИЗНЕСА

INFLUENCE OF REGIONAL COMPETITIVENESS ON THE DEVELOPMENT OF TOURIST BUSINESS

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья раскрывает проблему взаимного влияния конкурентоспособности региона на развитие туристского бизнеса. Услуга туристского бизнеса предполагает удовлетворение рекреационных и культурных потребностей,

а привлекательность услуги (ее ценность для потребителя) обусловлена творческим характером ее исполнения, т. е. ее уникальностью, редкостью и неповторимостью. Уровень удовлетворенности потребителя от услуги

определяется ее восприятием и уровнем запросов клиентов. Качество оказываемых туристской сферой услуг зависит от уровня развития инфраструктуры. Индустрия гостеприимства формируется как комплекс взаимосвязанных отраслей, занятых созданием туристического продукта, имеющих общие экономико-технологические связи. Проведено сравнение особенностей характеристик Ростовской области, Краснодарского края, Ставропольского края. На основе экспертных оценок проведен анализ туристского потенциала регионов Юга России. На основе выделенных ключевых факторов успеха дана оценка конкурентоспособности территорий Юга России в сфере туризма, сделаны выводы о более выгодном положении Краснодарского края. Для этой территории характерны высокий уровень инвестиционной привлекательности, высокая квалификация персонала, выгодные природно-климатические условия и развитая инфраструктура гостеприимства. Улучшить ситуацию в соседствующих менее конкурентоспособных территориях можно посредством совершенствования внутренней среды (развитие инфраструктуры гостеприимства, эксклюзивных туристских услуг, предоставление информации о туроператорах и услугах (платформы), повышение квалификации персонала в сфере гостеприимства). Развитие указанных характеристик представляется тем направлением деятельности, которым должны озаботиться представители туристского бизнеса Ставропольского края и Ростовской области. Отсутствие привлекательных природно-климатических ресурсов этих территорий можно компенсировать, делая акцент на удовлетворении рекреационных и культурных нужд потребителей туристского продукта.

The article describes a problem of the mutual influence of the region's competitiveness on the development of the tourism business. The service of tourism business implies satisfaction of recreational and cultural needs, and the attractiveness of the service (its value to the consumer) is due to the creative nature of its performance, i. e. its uniqueness, rarity and originality. The level of customer satisfaction with a service is determined by its quality and by the level of customer expectations. The quality of the services provided by the tourism sector depends on available infrastructure. The competitiveness factors for Rostov region, Krasnodar region and Stavropol region are compared. In addition, an expert assessment is done for various dimensions of tourist potential for these regions. On the basis of the identified key success factors, an assessment of the tourist competitiveness of the regions of the South of Russia is given. Conclusions are made about the more favorable position of the Krasnodar region. This region is characterized by a high level of investment attractiveness, highly qualified personnel, favorable climate conditions, and a developed hospitality infrastructure. The situation in the less competitive regions could be improved by: developing hospitality infrastructure; providing information about tour operators and services via online platforms; developing exclusive tour services; increasing qualifications of personnel in the hospitality industry. Representatives of the tourism industry in the Stavropol region and the Rostov region should focus their efforts on developing these factors. The lack of attractive natural and climatic resources of these territories can be compensated by focusing on meeting the recreational and cultural needs of the consumers of the tourist product.

Ключевые слова: туристский бизнес, рекреационные ресурсы региона, Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, конкурентоспособность региона, услуга туризма, экспертные оценки, туристский потенциал, ключевые факторы успеха, туристские дестинации.

Keywords: tourism business, system analysis, recreational resources of the region, Rostov region, Krasnodar region, Stavropol region, regional competitiveness, tourism service, expert assessments, tourism potential, key success factors, tourist destinations.

Введение

Актуальность данной темы обусловлена тем, что конкурентоспособность региона формируется в рамках многокритериальной оценки, которая включает комплекс показателей, характеризующих уровень развития экономики, стратегический потенциал и привлекательность территории для развития бизнеса и проживания граждан. Регионы, предлагающие более высокий уровень жизни и развитую инфраструктуру, становятся аттракторами для миграционных процессов, увеличивая входящие финансовые потоки. Привлекательные для туризма регионы пополняют свой бюджет за счет платежеспособного спроса приезжих, что еще больше повышает их социально-экономический статус. Таким образом, туристский бизнес играет значительную роль в развитии потенциала территории.

Целесообразность разработки темы связана с необходимостью формирования конкурентоспособного пространства в рамках создания в России туристской зоны и генерации оптимальных условий для развития данного вида бизнеса.

Научная новизна данного исследования обусловлена необходимостью поиска более эффективных моделей развития туристского бизнеса. Исследование делает акцент на изучении взаимного влияния туристского бизнеса и конкурентоспособности региона. Территориальные особенности региона становятся долгосрочными факторами, определяющими конкурентоспособность его туристской дестинации. Новизна исследования связана с определением характеристик региона, которые закладывают для его туристской отрасли основы конкурентных преимуществ высокого ранга. Важность поиска преимуществ высокого ранга связана с тем, что они генерируются на основе территориально-исторических особенностей региона и позволяют достигать более высокой прибыльности и дольше сохранять выгодные конкурентные позиции.

Цель исследования — проанализировать влияние конкурентоспособности региона на развитие туристского бизнеса на основе оценки составляющих туристского кластера. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- произвести обзор методов, использовавшихся для исследования данной проблемы в отечественной и зарубежной литературе;
- сравнить объективные показатели исследуемых территорий и сопоставить полученные данные с результатами экспертных оценок, данных по поводу туристического потенциала регионов Юга России;
- на основе результатов оценки конкурентоспособности территорий Юга России и ключевых факторов успеха туристской отрасли дать рекомендации по развитию туристского бизнеса.

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлена актуализацией проблемы влияния конкурентоспособности региона на развитие туристского бизнеса. Подобная взаимосвязь позволяет повысить потенциал практики развития туристской сферы региона, который, в свою очередь, расширяет перспективы повышения конкурентоспособности самого региона. Теоретическая значимость работы обусловлена концентрацией исследовательского локуса на методах получения информации и определении совокупности факторов, имеющих регулятивное значение как для становления социально-экономической среды регионов, так и для формирования для туристической отрасли наиболее перспективных траекторий развития в рамках конкретных территориальных условий.

Основная часть

Методологическая основа. Исследовательский интерес к проблеме совершенствования управленческих процессов в стратегии и тактике развития туризма обусловлен его большим социально-экономическим потенциалом. Развитие альтернативных форм устойчивого туризма позволяет сформировать новую философию туризма. Eirini Tgiarchi, Kostas Karamanis [1] связывают конкурентоспособность современного туризма с параметрами его интерактивности и творчества, которые объединяют местное население, а также природную и человеческую среду принимающих территорий. Как отмечает Логунцова И. В., «туризм оказывает мультипликативный эффект» [2]. Очевидно и обратное влияние: чем выше конкурентоспособность и экономическое благополучие региона, тем шире возможности для развития туризма. Данную специфику развития туристской отрасли фиксируют и анализируют в своих работах Леонидова Е. Г. [3, 4], Ласси М. Ю. [5], Мусаева Е. С. [6], Левина Я. Г., Карлина Е. П., Макарова Т. А. [7], Джимова С. Б. [8]. Ряд исследователей переносят акцент на возможность эмерджентности, возникающей в ходе объединения туристских индустрий регионов (Komang Gede Santhyasa, Syamsul Alam Paturusi, Nyoman Sukma Arida [9]), так и взаимодополнения, сотрудничества различных отраслей в туристском регионе (Vaso V. Jegdić, Dragica Tomka, Mladen Knežević, Marko Koščak, Srdjan Milošević, Iva Škrbić, Ksenija Keča [10]).

Вышеотмеченное акцентирует внимание на развитии методологического инструментария. Исследователи в данном направлении используют несколько подходов. Во-первых, в работах Каранатовой Л. Г., Евсюковой А. В. производится анализ статистики как въездного, так и выездного туристского потока [11]. Во-вторых, это применение традиционных методов математической статистики (дисперсия, стандартное отклонение, коэффициенты вариации и концентрации, энтропия и асимметрия) для оценки регионального финансового неравенства, динамики разброса ВВП на душу населения (или другой показатель дохода), когда особое внимание уделяется причинно-следственной связи между туризмом (прибытие или доход) и экономическим развитием (Pshenichnykh Y., Yakimenko M., Zhertovskaja E., Grinenko S. [12]). Еще один подход предлагает Куклина Е. А. [13], рассматривающая ситуацию с помощью Индекса конкурентоспособности сектора путешествий и туризма (ТТСИ), который определяется на основании таких критериев, как природные ресурсы, культурное наследие и деловой туризм. Четвертый

подход базируется на анализе данных субъективного характера. В частности, выделяются показатели, характеризующие уровень туристской привлекательности и состояние туристских дестинаций. На основе мнения экспертов сделаны выводы о наиболее важных факторах в повышении конкурентоспособности туристской отрасли и региона (Shao-Ping Wang, Miao-Sheng Chen, Mou-Jian Li [14]). Последний подход, на наш взгляд, является более целесообразным для решения поставленной цели. Это связано с тем, что решаемые в ходе исследования задачи являются слабоструктурированными, а экспертные оценки успешно справляются с подобным классом задач и позволяют систематизировать основные характеристики исследуемого объекта.

Результаты. Исследование базируется на изучении регионов Юга России — Ростовской области, Краснодарского края и Ставропольского края. Анализ туристской сферы этих регионов является логическим продолжением исследования направлений развития туристского бизнеса [15] и проведенного SWOT-анализа сферы туризма Ростовской области [16]. Необходимость соотнести факторы, обеспечивающие конкурентоспособность региона с возможностью развития туризма, продиктована спецификой самой туристской услуги и релевантностью определенных характеристик региона с компонентами и составляющими туристского кластера.

В частности, особого внимания заслуживает вопрос о природно-географических и агрогеографических ресурсах региона (табл. 1). Анализируемые регионы относятся к территориям с прекомфортными и комфортными условиями, создающими все предпосылки для развития рекреационного хозяйства, отличаются природными условиями и ресурсами. Сравнение показывает, что наиболее конкурентоспособным является Краснодарский край, имеющий более удачные природно-климатические параметры. Имеющиеся у регионов различия предопределяют структуру и территориальные особенности специализации их социально-экономической системы, специфику сферы обслуживания, основные туристские маршруты.

Экспертная оценка при проведении сравнительного анализа позволяет отразить общее восприятие туристской привлекательности территории для потребителя. Субъективные оценки играют существенную роль в формировании образа туристической сферы территории. Туристическая сфера, как сфера услуг, строит свой имидж на субъективных оценках, так как объективные показатели не дают возможности в полной мере осмыслить качество получаемых услуг.

Туристская услуга, как любая услуга, сопровождается эмоциональной окраской и уровнем удовлетворенности. Экспертная оценка туристского потенциала регионов проводилась по политико-географическим, природно-географическим, аграрно-географическим, транспортно-географическим, рекреационно-географическим компонентам (рис. 1). Экспертами выступали представители академических кругов, работники туристской сферы и активные потребители туристского продукта. Данные показывают, что на первом месте находится Краснодарский край (суммарный балл оценки компонентов и составляющих туристского кластера составил 45). При этом оценка Ставропольского края — 42 балла, а Ростовской области — 38 баллов.

Сравнительная характеристика регионов

Характеристики	Ставропольский край	Краснодарский край	Ростовская область
Площадь территории, тыс. км ²	66,5	75,5	100,8
Численность населения	2 792 796	5 683 947	4 181 486
Средняя зарплата, январь 2021 г., руб.	32 323	37 729	35 574
Средняя летняя температура воздуха	+23...+25 °С	+23...+28 °С	+22...+24 °С
Максимальная летняя температура воздуха	+42,0 °С	+40,7 °С	+41,2 °С
Продолжительность лета, дни	Около 140	155...160	Около 150
Природная зона	Степная и полупустынная	Степная, предгорная и горная	Степная
Прожиточный минимум на душу населения, 2021 г., руб.	11 653	11 397	11 053
Общий объем доходов областного бюджета, тыс. руб.	129 573 343,78	301 752 654,1	212 193 420,5

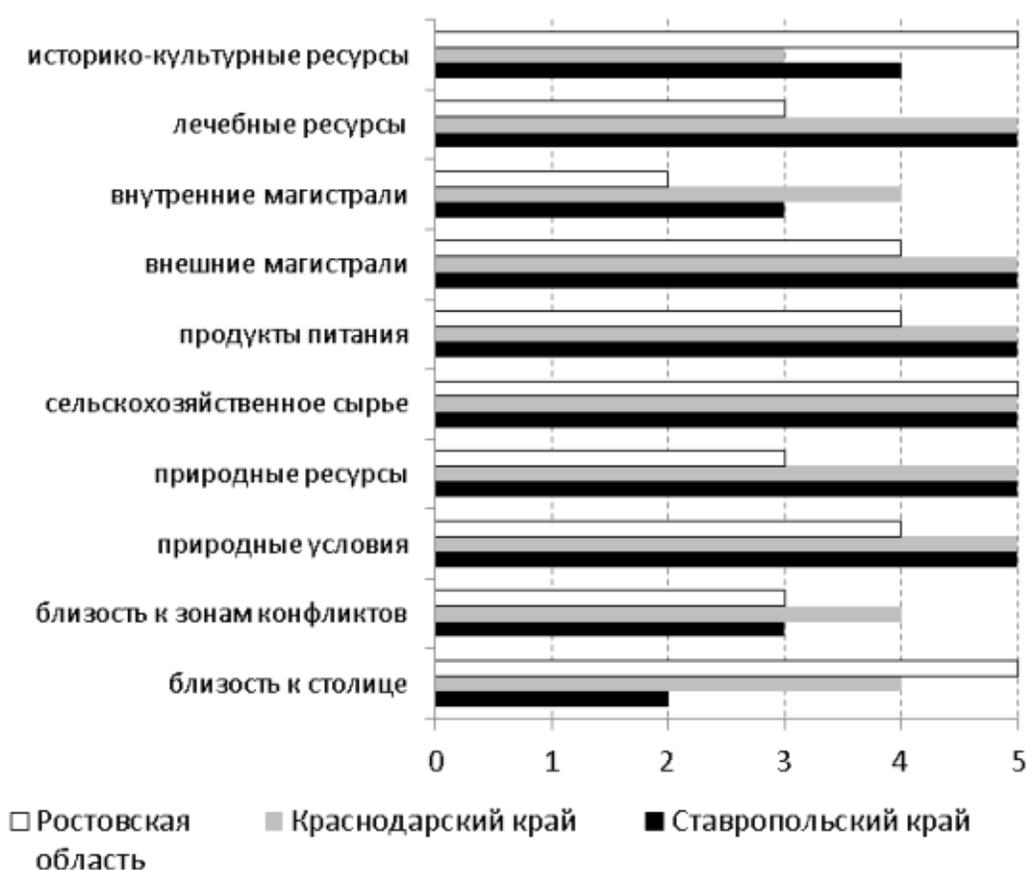

Рис. Сравнительный анализ туристического потенциала регионов Юга России (в баллах)

Ключевые факторы успеха туризма (табл. 2) связаны с уровнем социально-экономического развития региона, в котором предлагается туристская услуга.

Сравнивая экспертные оценки по поводу конкурентоспособности территорий Юга России, можно сделать выводы о более выгодном положении Краснодарского края. Для этой территории характерны высокий уровень инвестиционной привлекательности, высокая квалификация персонала, выгодные природно-климатические условия и развитая инфраструктура гостеприимства. Соседству-

ющие территории менее конкурентоспособны по причинам прежде всего внутреннего характера (недостаточно развитая инфраструктура гостеприимства; отсутствие информации о туроператорах и услугах (платформы); отсутствие (нехватка) эксклюзивных тур-услуг; недостаточная квалификация и опыт персонал в сфере гостеприимства). Развитие указанных характеристик представляется тем направлением деятельности, которым должны озаботиться представители туристского бизнеса Ставропольского края и Ростовской области.

Экспертная оценка ключевых факторов успеха отрасли

Ключевые факторы успеха туристской отрасли	Коэффициент	Ростовская область		Краснодарский край		Ставропольский край	
		Средний балл	Скорректированная оценка	Средний балл	Скорректированная оценка	Средний балл	Скорректированная оценка
Выгодные природно-климатические условия	0,15	3,66	0,55	5	0,75	4,66	0,7
Развитая инфраструктура гостеприимства	0,15	3,66	0,55	5	0,75	3,66	0,55
Наличие исчерпывающей информации о туроператорах и услугах (платформы)	0,15	3,66	0,55	3,66	0,55	3	0,45
Квалифицированный и опытный персонал в сфере	0,2	2,66	0,53	4,33	0,86	3	0,6
Наличие эксклюзивных тур-услуг	0,15	3,16	0,47	4,33	0,65	3	0,45
Инвестиционная привлекательность	0,2	3,33	0,66	4,66	0,93	3,66	0,73
Итого	1		3,31		4,49		3,48

Заключение

Проведенный анализ показывает, что конкурентоспособность туристской отрасли в сравниваемых регионах существенно связана с конкурентоспособностью региона, удачным сочетанием его ресурсов. Туризм является перспективной основой для пополнения экономических ресурсов региона, так как финансовые потоки в отрасли и технологический ритм (финансово-хозяйственный цикл) оказания услуг определяются способностью заинтересовать платежеспособного клиента в предлагаемых туристских маршрутах. Регионы, обделенные привлекательными географическими ресурсами, могут осуществлять успешное развитие сферы туризма на основе следующих особенностей данной услуги:

1) услуги туристской отрасли предполагают удовлетворение рекреационных и культурных потребностей, что является перспективной возможностью для тех регионов, где для потребителя недостаточно привлекательны климатические параметры территории;

2) привлекательность услуги (ее ценность для потребителя) обусловлена, в некоторой степени, творческим характером ее исполнения, т. е. ее уникальностью, редкостью и неповторимостью;

3) качество оказываемых туристской сферой услуг зависит от уровня развития инфраструктуры, так как индустрия гостеприимства формируется как комплекс взаимосвязанных отраслей, занятых созданием туристского продукта, имеющих общие экономико-технологические связи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Triarchi E., Karamanis K. Alternative tourism development: a theoretical background // World Journal of Business and Management. 2017. Vol. 3. No. 1. Pp. 35—54.
2. Логунцова И. В. Индустрия туризма в условиях пандемии коронавируса: вызовы и перспективы // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. Вып. 80. С. 50—67.
3. Леонидова Е. Г. Развитие внутреннего туризма в регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 2. С. 271—283.
4. Леонидова Е. Г. Направления развития внутреннего туризма в регионе // Проблемы развития территории. 2017. Вып. 4(90). С. 67—78.
5. Ласси М. Ю. Анализ подходов к оценке конкурентоспособности регионального туризма в России // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-otsenke-konkurentosposobnosti-regionalnogo-turizma-v-rossii/viewer>.
6. Мусаева Е. С. Региональный туризм в России: современное состояние и пути развития // Вестник университета. 2017. № 6. С. 83—87.
7. Левина Я. Г., Карлина Е. П., Макарова Т. А. Малое предпринимательство как социально-экономическая основа развития туристической отрасли региона // Вестник АГТУ. Сер. : Экономика. 2017. № 4. С. 105—110.
8. Джимова С. Б. Принципы и тенденции развития туристического комплекса в регионах Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 26(4). С. 93—98.
9. Tourism destination development policies in the regional spatial system of Karangasem Regency, Bali, Indonesia / K. G. Santhyasa, S. A. Paturusi, N. Sunarta, N. S. Arida // International Journal of Social Science Research. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 252—265.
10. Improving tourist offer through inter-destination cooperation in a tourist region / V. V. Jegdić, D. Tomka, M. Knežević, M. Koščak, S. Milošević, I. Škrbić, K. Keča // International Journal of Regional Development. Vol. 3. No. 1. Pp. 31—49.

11. Каранатова Л. Г., Евсюков А. В. Отображение политики протекционизма в современной туристской отрасли // Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 102—110.
12. Investigation of the convergence hypothesis in touristic industries of territories — locations of tourist recreational clusters on the example of the South of Russia / Y. Pshenichnykh, M. Yakimenko, E. Zhertovskaja, S. Grinenko // ESPACIOS. 2018. Vol. 39. No. 36. P. 27. URL: https://www.researchgate.net/publication/334591450_Investigation_of_the_convergence_hypothesis_in_touristic_industries_of_territories_-_locations_of_tourist_recreational_clusters_on_the_example_of_the_South_of_Russia.
13. Куклина Е. А. Государственная поддержка сферы туризма и рекреации в России: факторы повышения конкурентоспособности, риски, перспективы развития // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 43—54.
14. Shao-Ping Wang, Miao-Sheng Chen, Mou-Jian Li. A study on the evaluation indicators for developing regional tourism and recreational systems // International Journal of Human Resource Studies. 2019. Vol. 9. No. 2. Pp. 1—8.
15. Янкина И. А., Нови И. Н. Проблемы развития бизнеса в туристической сфере // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 3. С. 170—175.
16. Янкина И. А., Нови И. Н. Стратегический потенциал туристического бизнеса в контексте социально-экономического развития регионов // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 118—123.

REFERENCES

1. Triarchi E., Karamanis K. Alternative tourism development: a theoretical background. *World Journal of Business and Management*, 2017, vol. 3, no. 1. pp. 35—54.
2. Loguntsova I. V. The tourism industry in the context of the coronavirus pandemic: challenges and prospects. *Public administration. Electronic bulletin*, 2020, iss. 80, pp. 50—67. (In Russ.)
3. Leonidova E. G. The development of domestic tourism in the region. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 271—283. (In Russ.)
4. Leonidova E. G. Directions of development of domestic tourism in the region. *Problems of the development of the territory*, 2017, iss. 4(90), pp. 67—78. (In Russ.)
5. Lassi M. Yu. Analysis of approaches to assessing the competitiveness of regional tourism in Russia. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 2. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-podhodov-k-otsenke-konkurentosposobnosti-regionalnogo-turizma-v-rossii/viewer>.
6. Musaeva E. S. Regional tourism in Russia: current state and ways of development. *Vestnik Universiteta*, 2017, no. 6, pp. 83—87. (In Russ.)
7. Levina Ya. G., Karlina E. P., Makarova T. A. Small business as a socio-economic basis for the development of the tourism industry in the region. *Vestnik of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics*, 2017, no. 4, pp. 105—110. (In Russ.)
8. Dzhimova S. B. Principles and trends in the development of the tourist complex in the regions of the Russian Federation. *Natural and humanitarian research*, 2019, no. 26(4), pp. 93—98. (In Russ.)
9. Santhyasa K. G., Paturusi S. A., Sunarta N., Arida N. S. Tourism destination development policies in the regional spatial system of Karangasem Regency, Bali, Indonesia. *International Journal of Social Science Research*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 252—265.
10. Jegdić V. V., Tomka D., Knežević M., Koščak M., Milošević S., Škrbić I., Keča K. Improving tourist offer through inter-destination cooperation in a tourist region. *International Journal of Regional Development*, vol. 3, no. 1, pp. 31—49.
11. Karanatova L. G., Evsyukov A. V. Mapping the policy of protectionism in the modern tourism industry. *Management Consulting*, 2018, no. 6, pp. 102—110. (In Russ.)
12. Pshenichnykh Y., Yakimenko M., Zhertovskaja E., Grinenko S. Investigation of the convergence hypothesis in touristic industries of territories — locations of tourist recreational clusters on the example of the South of Russia. *ESPACIOS*, 2018, vol. 39, no. 36. p. 27. URL: https://www.researchgate.net/publication/334591450_Investigation_of_the_convergence_hypothesis_in_touristic_industries_of_territories_-_locations_of_tourist_recreational_clusters_on_the_example_of_the_South_of_Russia.
13. Kuklina E. A. State support of tourism and recreation in Russia: factors of increasing competitiveness, risks, development prospects. *Administrative Consulting*, 2017, no. 8, pp. 43—54. (In Russ.)
14. Shao-Ping Wang, Miao-Sheng Chen, Mou-Jian Li. A Study on the Evaluation Indicators for Developing Regional Tourism and Recreational Systems. *International Journal of Human Resource Studies*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 1—8.
15. Yankina I. A., Novi I. N. Problems of business development in the touristic sphere. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2018, no. 3, pp. 170—175. (In Russ.)
16. Yankina I. A., Novi I. N. Strategic potential of tourism business in the context of socio-economic development of regions. *Business. Education. Law*, 2020, iss. 3(52), pp. 118—123. (In Russ.)

Как цитировать статью: Янкина И. А., Нови И. Н. Влияние конкурентоспособности региона на развитие туристского бизнеса // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 62—67. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.335.

For citation: Yankina I. A., Novi I. N. Influence of regional competitiveness on the development of tourist business. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 62—67. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.335.

УДК 330.101.22
ББК 65.011

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.306

Petrenko Tatyana Viktorovna,
Candidate of Philosophy,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: t.petrenko@tmei.ru

Петренко Татьяна Викторовна,
канд. филос. наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Таганрогский институт управления и экономики,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: t.petrenko@tmei.ru

Marinova Irina Viktorovna,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of Economics and Finance,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Russian Federation, Taganrog,
e-mail: i.marinova@tmei.ru

Маринова Ирина Викторовна,
канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры экономики и финансов,
Таганрогский институт управления и экономики,
Российская Федерация, г. Таганрог,
e-mail: i.marinova@tmei.ru

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИНСТИТУТОВ ФОРМИРОВАНИЯ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

ON THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS FOR FORMING LABOR POTENTIAL OF MODERN SOCIETY

08.00.01 — Экономическая теория

08.00.01 — Economic theory

Экономическое развитие страны и ее регионов во многом базируется на трудовом потенциале как составной части экономического потенциала, представляющегося интегральной характеристикой трудоспособного населения и, в более широком смысле, человеческого потенциала. В условиях качественных трансформаций и инновационных процессов, актуализации человеческого капитала происходят существенные изменения возможностей производительного использования трудового потенциала. Речь идет как об условиях труда, повышении требований к потенциалу знаний, мобильности, расширению компетенций, так и о нормативно-правовых механизмах регулирования трудовой сферы. Повсеместное внедрение профессиональных стандартов, построенных на Национальной рамке квалификаций, приводит к структурированию требований, предъявляемых работникам на различных сегментах рынка труда как по уровню их компетентности, так и соответствующего профильного образования.

Молодежный рынок труда наиболее активно реагирует на подобные изменения, так как его субъекты начинают свою трудовую деятельность уже в новых условиях и должны соответствовать в полной мере публикуемым требованиям. Вопросы профессионального выбора в итоге смещаются на самые ранние этапы принятия решений о будущей профессии, что характеризует изменения самой модели профориентационной деятельности. Здесь видится возможность широкого применения механизмов социального партнерства в организации взаимосвязи субъектов, реализующих различные функции и объединяющихся в части выполнения одной из них — профориентации молодежи. Для обеспечения осознанного профессионального выбора необходимо конструирование новых институциональных механизмов взаимодействия как ответ на трансформационные процессы, происходящие в современном обществе. Использование согласованных институциональных каналов на основе договоров о социальном партнерстве позволяет повысить качество и компетентность профориентационных

действий, не создавая при этом дополнительных транзакционных издержек благодаря объединению различных организаций на основе общих целевых установок.

The economic development of the country and its regions is largely based on labor potential as an integral part of the economic potential, which is an integral characteristic of the able-bodied population and, in a broader sense, human potential. In the context of qualitative transformations and innovation processes, the actualization of human capital, significant changes are taking place in the possibilities of productive use of labor potential. We are talking about both working conditions, increasing requirements for the potential of knowledge, mobility, expanding competencies, as well as regulatory mechanisms for regulating the labor sphere. The widespread introduction of professional standards based on the National Qualifications Framework leads to the structuring of the requirements for employees in various segments of the labor market, both in terms of their level of competence and the corresponding specialized education. The youth labor market reacts most actively to such changes, since its subjects begin their labor activity already in new conditions and must fully comply with published requirements. As a result, questions of professional choice are shifted to the earliest stages of decision-making about a future profession, which characterizes changes in the very model of career guidance. Here we see the possibility of widespread use of the mechanisms of social partnership in organizing the interconnection of subjects that implement various functions and are united in the implementation of one of them - vocational guidance of young people. To ensure a conscious professional choice, it is necessary to design new institutional mechanisms of interaction as a response to the transformation processes taking place in modern society. The use of agreed institutional channels on the basis of social partnership agreements makes it possible to improve the quality and competence of career guidance actions, while not creating additional transaction costs due to the unification of various organizations based on common goals.

Ключевые слова: институты, социальное партнерство, институциональный центр взаимодействия, трудовой потенциал, молодежный рынок труда, профессиональные стандарты, трудоустройство, профориентационная работа, инновационное развитие.

Keywords: institutions, social partnership, institutional center of interaction, labor potential, youth labor market, professional standards, employment, career guidance, innovative development.

Введение

Актуальность проводимого исследования связана с необходимостью создания новых институциональных конструкций, призванных обеспечить формирование трудового потенциала, отвечающего современным реалиям. Эволюция российской экономики на пути становления рыночных отношений связана с весьма разнообразными, не всегда завершенными институциональными преобразованиями, что обусловило создание организационных форм и траекторий, в полной мере не отвечающих потребностям общества. Это оказало существенное влияние в том числе на состав и особенности трудового потенциала.

Изученность проблемы. Анализ сущности и особенностей трудового потенциала, процессов его формирования и предъявляемых требований с учетом современных реалий и качественных трансформаций проводится различными исследователями: Маклакова Е. А., Маклаков А. Г., Туманян Ю. Р., Ахалкин Н. Ю., Волкова Н. Н., Иванов А. Е., Паничкина М. В., Синявская И. А., Шестова Е. В. [1—4] и др. Формализация требований к рабочей силе обусловила расширение интереса к профильному образованию, в особенности на молодежном рынке труда, что нашло отражение в работах Горшкова М. К., Гринько В. С., Блиновой Н. С., Соколова Д. В. [5—7] и др. Проведенный анализ современной научной литературы по вопросу развития институтов формирования трудового потенциала, в том числе обзор научных информационных источников (статей в зарубежных и российских научных журналах, монографиях), показал, что тема находится в стадии осмысления с учетом современных изменений и демонстрирует необходимость дальнейших исследований.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем фактом, что на современном рынке труда институционально не обеспечена возможность эффективной реализации механизма формирования трудового потенциала и его модернизации в условиях внедрения профессиональных стандартов [8], Национальной рамки квалификаций [9].

Цель исследования — определение новых институциональных механизмов подготовки трудового потенциала с учетом сложившихся требований. **Задачи** связаны с обоснованием возможностей совершенствования трудового потенциала на основе широкого применения социального партнерства.

Теоретическая значимость работы состоит в определении и оценке эффективности использования различных институциональных форм взаимодействия на конкретных территориях для адекватной реализации функции, ориентированной на обеспечение качественной трансформации трудового потенциала в соответствии с современными реалиями.

Практическая значимость работы состоит в определении рекомендаций и направлений институционального

взаимодействия в регионе на примере г. Таганрога в целях обеспечения качественной профориентационной работы.

Научная новизна заключается в конструировании новых институциональных механизмов взаимодействия как в ответе на трансформационные процессы, происходящие в современном обществе.

Основная часть

Трудовой потенциал общества на всех ступенях его эволюции представлялся в качестве основы воспроизводственного потенциала, так как формировал производительную силу, выступавшую источником создания стоимости, что нашло широкое отражение в трудах классиков политической экономии У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо [10] и др. Индустриальная эпоха внесла некоторые коррективы в трактовку роли труда и сместила приоритеты в пользу производительной оценки всех факторов производства [11]. Широкое распространение основ инновационной экономики определило и новые требования к трудовому потенциалу с точки зрения как количественных характеристик, отражающих особенности спроса и предложения труда на различных рыночных сегментах, так и качественных, т. е. социально-экономических, характеристик. Последние обусловлены преимущественно составляющими образовательного и квалификационного свойства, а также возможностями развития, накопления и широтой применения потенциала знаний [12]. Трансформация трудового потенциала предполагает выявление новых институциональных форм организации процесса его воспроизводства с учетом требований современного общества [13].

Одним из механизмов, позволяющих усовершенствовать работу по гармонизации требований к рабочей силе и ее реальному качеству, видится согласование действий различных субъектов рынка труда (представителей реальной экономики, образовательного сектора, государственного управления и т. п.) через институт социального партнерства, как, к примеру, организована работа по проведению муниципального мониторинга рынка труда [14, 15].

Однако новые требования современной экономики в вопросах подготовки кадров определяют потребность формирования таких социальных конструкций, которые способны обеспечить решение задач организации качественного профессионального выбора. Широкое внедрение профессиональных стандартов [8], выдвигающих соответствующие требования к уровню образования, регламентируемого на основе Национальной рамки квалификаций [9], смещает профессиональный выбор на самые ранние стадии принятия решений на рынке труда.

Организация молодежного рынка труда по обеспечению его востребованной и качественной рабочей силой [7] предполагает переосмысление механизмов работы с молодежью в части оценки не только потенциала экономики и ее перспектив, но и потенциала самого человека, его склонностей и целевых установок. Очевидна потребность разработки координационно-субординационных связей всех заинтересованных сторон на молодежном рынке труда. Координация представляется возможной через институциональные центры взаимодействия, сориентированные на социальное партнерство для реализации возлагаемых на них функций.

Подобная взаимосвязь схематично проиллюстрирована на рис.

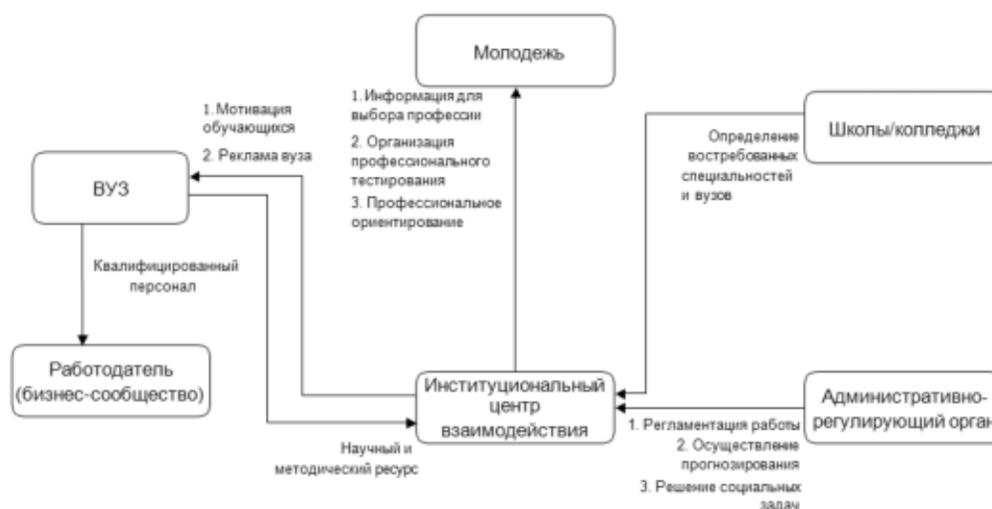

Рис. Схема взаимосвязи субъектов в процессе организации социального партнерства

Институциональный центр взаимодействия выступает инициатором формирования цепочки договоров о социальном партнерстве, выполняя эту роль лишь постольку, поскольку работа с молодежью — целевая функция организации, зафиксированная в ее уставных документах. К примеру, юношеский библиотечно-информационный центр может рассматриваться как потенциальный институциональный центр взаимодействия. Работая с молодежью в рамках муниципального заказа, он должен обеспечить привлечение новых пользователей, а также проведение массовых мероприятий с широким отображением их результатов в социальных сетях. Причем здесь учитывается не только охват принявших участие в мероприятии, но и резонанс в виде количества просмотров, что непосредственно влияет на оплату труда работников центра через систему баллов и соответствующих выплат. Сами же сотрудники, выполняя набор профильных функций, не всегда компетентны в массовой работе, выборе актуальной для молодежи тематики и т. п. Кроме того, специфика работы с молодежной аудиторией требует наличия соответствующих педагогических навыков, применения необходимых образовательных технологий, чтобы актуальная информация в полной мере дошла до адресата. Привлечение к массовой работе с молодежью представителей различных организаций на основе заключения договоров о социальном партнерстве позволяет на качественно новом уровне обеспечить работу, в том числе и профориентационного свойства. Вот здесь очевидна потребность формирования субординационных связей с органами местного самоуправления по уточнению и согласованию тематических направлений массовой работы, позволяющих определить вектор тем и направлений, актуальных при работе с молодежной аудиторией.

Некоторый опыт в этом вопросе сформирован в процессе апробации модели социального взаимодействия на основе договоров о социальном партнерстве, заключенных между МБУК ЦБС г. Таганрога и рядом общеобразовательных, средних профессиональных организаций и вузов города. Понимая актуальность профориентационной работы и ориентируясь на высокий интерес вовлекаемых в социальное партнерство организаций, работа выстраивается по следующим направлениям: профильные кружки, действующие на площадке центра, занятия в которых ведут специалисты профильных учебных заведений; заседания молодежного

дискуссионного клуба, где обсуждаются актуальные для молодежи вопросы; проведение информационных часов, диалог с профессиональных склонностей и т. п. Работники центра обеспечивают заинтересованную аудиторию, привлекая молодежь актуальностью тематики и качеством проведения мероприятий, в чем заинтересованы и остальные стороны, более эффективно и целенаправленно выполняющие собственные задачи в процессе социального взаимодействия.

Результаты

Традиционная модель образования и профессиональной ориентации не способна сформировать необходимые предпосылки качественного профессионального выбора. В этих условиях расширение социального взаимодействия с использованием института социального партнерства позволяет привлечь к решению проблемы широкий круг специалистов. Согласование интересов различных организаций, работающих с молодежью, выводит эту работу на качественно новый уровень. Прежде всего речь идет о создании трансляционных каналов информирования молодежи в процессе профессионального выбора об актуальных тенденциях, знании которых сориентировано на сокращение неопределенности подобного выбора. Но, что не менее важно, появление институциональных центров взаимодействия обеспечивает прорывы в подходах и комплексность в организации работы структур, рассматривающих профориентационную деятельность через призму собственной заинтересованности.

Выводы

Формирование инструментов для реализации социального взаимодействия при создании мобильных, эффективных и сориентированных на результат социальных конструкций, позволяющих использовать арсенал накопленного опыта, квалификаций представителей различных организационных структур, может обеспечить, даже без привлечения дополнительного финансирования, улучшение конъюнктуры молодежного рынка труда в отечественной экономике. Расширение информационных каналов о существующих тенденциях в экономической системе позволяет сделать профессиональный выбор молодежи осознанным, учитывающим потенциальные возможности каждого человека с учетом требований современного мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маклакова Е. А., Маклаков А. Г. Понятие «Трудовой потенциал» и его основные характеристики // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-trudovoy-potentsial-i-ego-osnovnye-harakteristiki>.
2. Туманян Ю. Р., Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Архитектоника креативного потенциала экономики: императивы и социомаркеры : моногр. Ростов н/Д. — Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2019. 96 с.
3. Ахапкин Н. Ю., Волкова Н. Н., Иванов А. Е. Развитие цифровой экономики и перспективы трансформации российского рынка труда // Вестник ИЭ РАН. 2018. № 5. С. 59.
4. Panichkina M. V., Sinyavskaya I. A., Shestova E. V. Challenges of professional adaptation of university graduates in response to the economics' digital transformation // Proceedings of 2018 17th Russian sci. and pract. conf. on Planning and Teaching Engineering Staff for the Industrial and Economic Complex of the Region, PTES 2018. St. Petersburg, 2018. Pp. 44—46. DOI: 10.1109/PTES.2018.8604207.
5. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в контексте модернизации. М. : ИС РАН, ФГНУ ЦСИ, 2011. 232 с.
6. Гринько В. С. Роль и значение образования в развитии человеческого капитала // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2008. № 6. С. 37—45.
7. Блинова Н. С., Соколов Д. В. Проблемы молодежной занятости на региональном рынке труда // Вестник Рос. ун-та кооперации. 2016. № 2(24). С. 18—20.
8. Справочная информация: профессиональные стандарты. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157436.
9. Национальная рамка квалификаций Российской Федерации : рекомендации / О. Ф. Батрова, В. И. Блинов, И. А. Волошина и др. М. : Федер. ин-т развития образования, 2008. 14 с. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/mo/20111124101042.pdf>.
10. Антология экономической классики : в 2 т. Т. 1. В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо / Пер. ; сост. И. А. Столярова. М. : Эконом : Ключ, 1993. С. 478.
11. Ferguson C. E. The neoclassical theory of production and distribution. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:cup:cbooks:9780521076296>.
12. Horn J. L. Organization of abilities and the development of intelligence // Psychol. rev. 1968. Vol. 75. Pp. 242—259.
13. Кипервар Е. А., Трункина Л. В. Развитие деловой и творческой инициативы как фактор повышения эффективности труда работников предприятий // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2015. № 4(33). С. 81—85.
14. Петренко Т. В., Зимовец А. В., Кошман В. В. Анализ потребностей работодателей г. Таганрог к профессиональному уровню сотрудников // Экономика и предпринимательство. 2018. № 8. С. 353—359.
15. Petrenko T. V., Oleinikova I. N., Egorova I. A. Perspectives of development of personnel potential in the economy of innovative type (regional aspect) // Advances in Economics, Business and Management Research. International Scientific-Practical Conference on Business Cooperation (ISPCBS 2019). 2019. Vol. 90. Pp. 619—621. URL: <https://dx.doi.org/10.2991/ispcbc-19.2019.149>.

REFERENCES

1. Maklakova E. A., Maklakov A. G. The concept of “Labor potential” and its main characteristics. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2009, no. 3. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-trudovoy-potentsial-i-ego-osnovnye-harakteristiki>.
2. Tumanyan Y. R., Ishchenko-Padukova O. A., Movchan I. V. *Architectonics of the creative potential of the economy: imperatives and sociomarkers. Monograph*. Rostov-on-Don, Taganrog, Publ. house of the Southern Federal University, 2019. 96 p. (In Russ.)
3. Akhapkin N. Yu., Volkova N. N., Ivanov A. E. The development of the digital economy and the prospects for the transformation of the Russian labor market. *Bulletin of IE RAS*, 2018, no. 5, p. 59. (In Russ.)
4. Panichkina M. V., Sinyavskaya I. A., Shestova E. V. Challenges of professional adaptation of university graduates in response to the economics' digital transformation. In: *Proceedings of 2018 17th Russian sci. and pract. conf. on Planning and Teaching Engineering Staff for the Industrial and Economic Complex of the Region, PTES 2018*. Saint Petersburg, 2018. Pp. 44—46. DOI: 10.1109/PTES.2018.8604207.
5. Gorshkov M. K., Klyucharev G. A. *Continuous education in the context of modernization*. Moscow, IS RAS, FGNU TsSI, 2011. 232 p. (In Russ.)
6. Grinko V. S. The role and importance of education in human capital development. *Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 2008, no. 6, pp. 37—45. (In Russ.)
7. Blinova N. S., Sokolov D. V. Problems of youth employment in the regional labor market. *Bulletin of the Russian University of Cooperation*, 2016, no. 2(24), pp. 18—20. (In Russ.)
8. *Background: Professional standards*. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157436.
9. Batrova O. F., Blinov V. I., Voloshin I. A. et al. *National qualifications framework of the Russian Federation. Recommendations*. Moscow, Federal Institute for Education Development, 2008. 14 p. (In Russ.) URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/mo/20111124101042.pdf>.
10. *An anthology of economic classics: in 2 vols. Vol. 1. V. Petty, A. Smith, D. Ricardo*. Translated, compiled by I. A. Stolyarova. Moscow, Ekonov, Klyuch, 1993. P. 478. (In Russ.)
11. Ferguson C. E. *The neoclassical theory of production and distribution*. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:cup:cbooks:9780521076296>.
12. Horn J. L. Organization of abilities and the development of intelligence. *Psychol. rev.*, 1968, vol. 75, pp. 242—259.

13. Kipervar E. A., Trunkina L. V. Development of business and creative initiative as the factor of increasing efficiency of labor of employees of enterprises. *Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 2015, no. 4(33), pp. 81—85. (In Russ.)

14. Petrenko T. V., Zimovets A. V., Koshman V. V. Analysis of the needs of employers in Taganrog to the professional level of employees. *Economics and Entrepreneurship*, 2018, no. 8, pp. 353—359. (In Russ.)

15. Petrenko T. V., Oleinikova I. N., Egorova I. A. Perspectives of development of personnel potential in the economy of innovative type (regional aspect). In: *Advances in Economics, Business and Management Research. International Scientific and Practical Conference on Business Cooperation (ISPCBS 2019)*, 2019, vol. 90. pp. 619—621. URL: <https://dx.doi.org/10.2991/ispcbc-19.2019.149>.

Как цитировать статью: Петренко Т. В., Маринова И. В. К вопросу о развитии институтов формирования трудового потенциала современного общества // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 68—72. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.306.

For citation: Petrenko T. V., Marina I. V. On the question of the development of institutions for forming labor potential of modern society. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 68—72. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.306.

УДК 338.242
ББК 65.050

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.310

Subaeva Asiya Kamilevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Organization
of Agricultural Production,
Kazan State Agrarian University,
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
Kazan,
e-mail: subaeva.ak@mail.ru

Субаева Асия Камилевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры организации
сельскохозяйственного производства,
Казанский государственный аграрный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань,
e-mail: subaeva.ak@mail.ru

Mikhaylova Liliya Valerikovna,
Senior Lecturer of the Department of Organization
of Agricultural Production,
Kazan State Agrarian University,
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
Kazan,
e-mail: lilmikhajlova@yandex.ru

Михайлова Лилия Валериковна,
старший преподаватель кафедры организации
сельскохозяйственного производства,
Казанский государственный аграрный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань,
e-mail: lilmikhajlova@yandex.ru

Mamlieva Diana Ruslanovna,
4th year student in the direction 38.03.01
“Economics of Enterprises and Organizations”,
Kazan State Agrarian University,
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
Kazan,
e-mail: mamlieva00@mail.ru

Мамлиева Диана Руслановна,
студент 4-го курса направления 38.03.01
«Экономика предприятий и организаций»,
Казанский государственный аграрный университет,
Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань,
e-mail: mamlieva00@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ ИННОВАЦИОННОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА

FEATURES OF RISK MANAGEMENT OF AN INNOVATIVE INVESTMENT PROJECT

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Деятельность каждого инновационного экономическо-го субъекта сопровождается многочисленными экономическими рисками, значительно влияющими на итоги работы предприятия. Экономический риск присущ всем направлениям активности субъекта хозяйствования: связан с образованием источников, капитала, доходов и финансовых результатов предпринимательской деятельности. Он характеризуется денежными потерями, которые могут возникнуть в силу реализации экономической деятельности.

Актуальность темы исследования объясняется необходимостью поиска, анализа и выбора методов, которые гаран-

тировали бы результативность управления рисками в инновационном предпринимательстве, направленного на извлечение прибыли в ходе реализации инвестиционных проектов.

В данной работе изучается процедура управления рисками инвестиционного проекта, в том числе основные методы и принципы в анализе и оценке инновационных рисков. С авторской точки зрения, только при правильно подобранной и эффективной системе управления проектами можно добиться намеченных показателей в максимальном их измерении, что в конечном счете повлияет и на экономическую эффективность всего хозяйствующего субъекта

при реализации любого инновационного и (или) инвестиционного проекта. Поэтому цель данного исследования — разработать и привести основные направления повышения эффективности системы управления рисками на всех стадиях реализации проектов в инновационной и (или) инвестиционной деятельности. Для достижения данной цели авторами была решена теоретическая проблема формирования основного инструментария в предпринимательской и инновационной деятельности. Исследование строится на основе анализа научной литературы в области экономики сельского хозяйства и малого предпринимательства. В результате работы были изучены существующие способы управления рисками, выработаны критерии, предъявляемые при анализе рисков инновационного инвестиционного проекта, что дает возможность собрать необходимую базу, позволяющую в дальнейшем более полно проработать проблему нивелирования рисков в инновационном предпринимательстве.

The activity of each innovative economic entity is accompanied by numerous economic risks that significantly affect the results of the enterprise. Economic risk is inherent in all areas of activity of a business entity: it is associated with the formation of sources, capital, income and financial results of entrepreneurial activity. It is characterized by monetary losses that may arise due to the implementation of economic activities.

The relevance of the research topic is explained by the need to search, analyze and select methods that guarantee effective risk management in business activities aimed at making a profit when implementing an innovative project.

This paper examines the risk management procedure of an innovative investment project, including the main methods and principles in the analysis and assessment of innovative risks. From the author's point of view, only with a properly selected and effective project management system, it is possible to achieve the intended indicators in their maximum dimension, which will ultimately affect the economic efficiency of the entire economic entity. Therefore, the purpose of this study is to justify the need for the formation of a risk management system at all stages of the implementation of innovative projects, as well as to determine the main components of risk management of innovative projects. To achieve this goal, the authors solved the theoretical problem of forming the main tools in entrepreneurial and innovative activities. The research is based on the analysis of scientific literature in the field of agricultural economics and small business. As a result of the work, the existing methods of risk management were studied, the criteria for analyzing the risks of an innovative investment project were developed, which makes it possible to collect the necessary base that allows us to further more fully work out this problem of leveling risks in innovative entrepreneurship.

Ключевые слова: инновационная деятельность, управление рисками, риск-менеджмент, инвестиционная опасность, оценка риска, инновационный проект, страхование проектных рисков, предпринимательство, инвестирование, размер риска.

Keywords: innovation activity, risk management, risk management, investment risk, risk assessment, innovation project, project risk insurance, entrepreneurship, investment, risk size.

Введение

Актуальность. Инновационная деятельность наиболее сопряжена с риском по сравнению с другими направлениями предпринимательской деятельности. Это обусловлено тем, что полная гарантия благоприятного исхода в инновационно ориентированном предпринимательстве практически отсутствует. Сложность принятия решений по проектам связана, во-первых, с существенной непредсказуемостью будущих обстоятельств, в которых будет реализовываться проект, и, во-вторых, с возможностью противоречия сравнительных оценок различных вариантов проекта.

Изученность проблемы. С целью исследования были изучены и проанализированы труды по управлению рисками в инновационной деятельности. Проблемы инновационной деятельности исследуются такими учеными, как И. П. Агафонова [1], Е. В. Кулешова [2], И. М. Ванькович, Г. Б. Клейнер [3], Н. Б. Ермасова, С. В. Ермасов [4] и др.

Совокупность проанализированных трудов позволяет сформировать базу исследования для определения инструментария управления рисками инновационного проекта.

В нашей стране в истории инвестиционного проектирования определение «анализ проектных рисков» начало встречаться в научной литературе недавно. Данное понятие соединило в себе достижения иностранных ученых и многолетнюю теорию, накопленную нашими специалистами. На сегодняшний день эта разновидность анализа несет обязательный характер в процессе разработки бизнес-планов инвестиционного проекта, к тому же она закреплена законодательной базой.

Цель исследования состоит в разработке направлений повышения эффективности системы управления рисками на всех стадиях реализации проектов в инновационной и (или) инвестиционной деятельности. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**: исследовать теоретические подходы менеджмента к управлению рисками; изучить методы и инструменты управления рисками, а также выявить первоочередные меры по сокращению инвестиционной опасности.

Научная новизна состоит в уточнении экономической категории «риск», а также в анализе теоретических основ и на основе чего — в разработке методических назначений при составлении модели управления рисками на всех этапах жизненного цикла инновационных проектов и формировании наиболее действенных мер для их минимизации.

Теоретическая значимость проведенного исследования: сформирован понятийный аппарат управления инновационными рисками, изучены существующие методы и способы управления рисками.

Практическая значимость проведенного исследования состоит в возможности адаптации авторских положений для использования в инновационном предпринимательстве, направленных на повышение конкурентоспособности и эффективности аграрного производства.

Основная часть

Инновационная деятельность является одним из наиболее подверженных рискам видов предпринимательства. Именно эта сфера представляет безоговорочный интерес для бизнесменов, так как есть шанс в течение определенного времени удерживать в своих руках конкурентные преимущества, реализуемые в виде дополнительной выгоды.

Однако, как показывает отечественная практика, в наше время очень малое количество предпринимателей осмеливаются пойти на такой шаг, начиная деятельность с инноваций [5].

Деятельность по управлению рисками зарубежными и российскими авторами разделена на несколько этапов [6]. Многие из них называют два основных этапа. Это анализ и разработка действий по уменьшению риска и их нивелированию. Оба этих этапа включают в себя определенные процедуры. Причем при анализе иных вопросов в области управления рисками, пожалуй, каждый исследователь формирует свою методику изучения данного процесса. Каждому из этих двух этапов присущ ряд разных способов и приемов. В основе управления рисками лежит оценка выявленных угроз [7].

Избрание какого-либо метода уменьшения риска при реализации проектов в инновационной и (или) инвестиционной деятельности должно основываться на анализе экономической действенности мер по следующему порядку:

- поиск угрозы, которая больше всех способна повлиять на проект;
- вычисление увеличенных расходов, учитывая вероятность наступления неблагоприятного случая;
- формирование списка действий, которые способствуют снижению вероятности и уровня угрозы рисковому событию;
- подсчет расходов на осуществление предложенных мероприятий;
- анализ созданного резерва на неожиданные затраты в аспекте состоятельности для реализации предлагаемых действий по нивелированию риска;
- постановление об исполнении либо неисполнении противорисковых действий;
- соотнесение вероятности и результатов рисковом событий с издержками на процедуры по их уменьшению.

Размером риска для экономического субъекта во все времена останется возможный размер упущенного дохода [8]. Поэтому все составляющие потерь должны быть оценены не только в настоящий момент времени, т. е. во время осуществления риска, а собственно с позиции воздействия на изменение дохода фирмы в будущем с точки зрения динамики стоимости бизнеса хозяйствующего субъекта. По результатам оценки параметров управления рисками предприятия, которое внедряет инновационный проект, может самостоятельно образовать перечень способов управления рисками в зависимости от уровня проекта, параметров риска, наличия средств, стоимости метода и стратегии.

Действительно, в нашей экономической жизни бывают ситуации, приводящие к увеличению рисков деятельности с инновациями [9]:

- достаточно длительный промежуток времени между первыми вложениями в проект и конечным итогом инновационной деятельности;
- необходимость больших денежных средств;
- неуверенность в получении наилучших результатов;
- сложности в определении потребности в новом продукте, который ранее не производился.

Итак, из наших рассуждений вытекает следующий вывод: предприятию необходим систематизированный риск-менеджмент, который в силах обеспечивать качественные результаты всех имеющихся стадий инновационного проекта. Только при таких условиях он сможет эффективно осуществлять инновационную деятельность.

Таким образом, выясняется, что риск — это не просто неопределенность, а неопределенность, которая требует ее учета при исполнении тех или иных действий, потому что она имеет влияние на состоятельность фирмы. Причем имеет влияние как при положительном значении, так и при отрицательном: при положительном экономическом результате перед предприятием открываются новые возможности для расширенного воспроизводства, при отрицательном же результатом является проигрыш или ущерб, потеря вложенных средств, а зачастую и всего бизнеса. Любая рискованная обстановка содержит в себе неопределенность, хотя тем временем неопределенность может существовать помимо риска. В некоторых случаях под категорией «риск» подразумевают планируемые убытки, а уровень безопасности вычисляется как разница между наивысшей и планируемой величиной убытка.

Изучение рисков инновационной активности предприятия является непростой процедурой. И необходимо разработать совокупность организованных действий, минимизирующих ущерб, а не только описывать возможные их последствия.

Разберем порядок, применимый во время управления рисками инновационной активности:

1. Определение современного состояния.
2. Исследование рисков.
3. Сопоставление полученной информации.
4. Подготовка мероприятий по снижению опасности.
5. Утверждение сформированных действий.
6. Отслеживание результатов.

Исследователи при анализе неопределенности и риска советуют пользоваться нижеперечисленными методами [10]:

- изучение устойчивости, которое выражается в разработке различных вариантов воплощения проекта, например пессимистический, наиболее вероятный и оптимистический, и в подсчете точки безубыточности;
- исправление экономических нормативов и данных проекта, подстановка ожидаемых значений вместо проектных;
- документированное представление неопределенности посредством использования логической шкалы или системы баллов.

Многие способы оценки опасностей базируются именно на балльной системе, т. е. исследующий выставляет определенные баллы каждой группе рисков либо каждому риску в конкретной группе. После этого риски сравниваются, и выводится величина риска проекта в целом. Основываясь на этой величине, формируется мнение о группе риска проекта и разумности его инвестирования. Исчисление проектных рисков обязательно должно получить отражение в расчетах по проекту, т. е. все результаты должны определяться с учетом возможных поправок на риск [11].

Характеристикой методик оценки риска является применение вероятностных категорий и статистического анализа. Это отвечает последним международным стандартам и представляет собой достаточно трудоемкую процедуру, которая требует поиска и привлечения множества цифровых данных. Такая специфика анализа риска отталкивает большинство предпринимателей, потому что просит особенных знаний и навыков. Выход из этого положения может быть в форме привлечения консультантов, обладающих высокой квалификацией в данной области. Перед ними ставят задачи и обеспечивают их полным набором всех требующихся сведений. Эта практика получила широкое распространение в странах Запада [12, 13].

Значительную роль в уменьшении опасности, связанной с инновационной деятельностью, играет обеспечение сохранности коммерческой тайны в фирме. Потому что иногда коммерческие и технические сведения об осуществляемом на предприятии инновационном проекте могут «подтолкнуть» конкурентов к параллельным разработкам.

Далее приведем, на наш взгляд, наиболее полный и правильный алгоритм управления рисками [14]:

- разработка как можно большего количества возможных сценариев воплощения проекта;
- распознавание потенциальных рисков областей посредством применения методов качественной оценки;
- отбор одного или нескольких приемов количественной оценки, где количество приемов зависит от необходимой полноты исследования.

После анализа распознанных рисков требуется выбрать комплекс методов по их минимизации.

К самым важным мерам по сокращению инвестиционной опасности в обстоятельствах неоднозначности экономического эффекта относят следующие:

1. Передел возможной опасности между сторонами инвестиционного проекта.
2. Формирование запасных, незадействованных активов (по всем стадиям инвестиционного проекта) на восполнение внезапных затрат.
3. Сокращение возможных убытков при бюджетировании инвестиционного проекта, достижение плюсового сальдо вырванных денежных средств на каждой ступени проекта.
4. Страхование.
5. Система гарантий.
6. Принятие дополнительной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агафонова И. П. Обзор методов управления рисками инновационного проекта // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 5. С. 47—57.
2. Кулешова Е. В. Управление рисками проектов : учеб. пособие. 2-е изд., доп. Томск : Эль Контент, 2015. 188 с.
3. Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. Л., Качалов Р. М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М. : Экономика, 2015. 288 с.
4. Ермасов С. В., Ермасова Н. Б. Страхование : учеб. для бакалавров. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 791 с.
5. Водяников В. Т., Субаева А. К. Научно-технический прогресс и производительность труда в аграрном секторе экономики : моногр. Казань : Бриг, 2018. 206 с.
6. Тебекин П. А. Современные тенденции развития методологии управления рисками при инвестировании в инновационные проекты // Аудит и финансовый анализ. 2013. № 3. С. 271—273.
7. Мухаметгалиев Ф. Н., Михайлова Л. В. Методологические особенности планирования развития предприятий малых форм хозяйствования в сельском хозяйстве // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 7-4. С. 100.
8. Грачева М. В., Ляпина С. Ю. Управление рисками в инновационной деятельности : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по экон. специальностям. М. : Юнити-Дана, 2012. 351 с.
9. Марков О. А. Особенности развития проектного управления и управление рисками в инновационной деятельности // Актуальные проблемы экономики и управления. 2016. № 9. С. 25—30.
10. Экономическая оценка надежности и риска инвестиционных проектов / Б. В. Бакеев, А. Н. Кирилова и др. // Вестник Академии знаний. 2018. № 2. С. 260—265.
11. Бембева А. Анализ методик оценки инвестиционных проектов // ПРО-Экономика. 2018. № 1. С. 2.
12. State regulation of the development of small business forms / L. Mikhailova, F. Avkhadiev, N. Asadullin, I. Gainutdinov // Agriculture and Food Security: Technology, Innovation, Markets, Human Resources : International sci. and pract. conf. FIES 2020. BIO Web of Conferences. 2020. Vol. 27.
13. Subaeva A. K., Nizamutdinov M. M., Mavlieva L. M. Changes of the agricultural staff potential in the transition to digital agriculture // Agriculture and Food Security: Technology, Innovation, Markets, Human Resources : International sci. and pract. conf. FIES 2019. BIO Web of Conferences. Kazan, Nov. 13—14, 2020. Vol. 17. URL: <https://doi.org/10.1051/bioconf/20201700226>.
14. Яшин С. Н., Тихонов С. В. Современный подход к определению структуры инновационного потенциала предприятия // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2015. № 1(30). С. 14—19.

Создание резервов с целью покрытия неожиданных расходов путем уменьшения риска — этот способ основан на установлении взаимозависимостей между возможными угрозами, способными изменить стоимость проекта, и суммой затрат на устранение рисков, связанных с реализацией проекта. Объем резерва должен равняться либо превышать величину динамики параметров системы. В данном случае расходы на резервы всегда должны быть меньше убытков, связанных с возобновлением отказа. В зарубежном опыте является допустимым увеличение стоимости проекта на 7...12 % за счет создания резервов средств на форс-мажор.

Заключение

Размером риска для экономического субъекта во все времена останется возможный размер упущенного дохода. Поэтому все составляющие потерь должны быть оценены не только в настоящий момент времени, т. е. во время осуществления риска, но и собственно с позиции воздействия на изменение дохода фирмы в будущем с точки зрения динамики стоимости бизнеса хозяйствующего субъекта. По результатам оценки множества изложенных выше характеристик (параметров) приемов управления рисками предприятие, которое внедряет инновационный проект, может самостоятельно образовать перечень способов управления рисками в зависимости от уровня проекта, параметров риска, наличия средств, стоимости метода и стратегии. Именно в этих целях в данной работе приведен наиболее верный, по нашему мнению, алгоритм управления рисками и комплекс методов по их минимизации.

REFERENCES

1. Agafonova I. P. Review of risk management methods of an innovative project. *Management in Russia and abroad*, 2004, no. 5, pp. 47—57. (In Russ.)
2. Kuleshova E. V. *Project risk management. Textbook*. 2nd ed., add. Tomsk, El Content, 2015. 188 p. (In Russ.)
3. Kleiner G. B., Tambovtsev V. L., Kachalov P. M. *Enterprise in an unstable economic environment: risks, strategies, security*. Moscow, Ekonomika, 2015. 288 p. (In Russ.)
4. Ermasov S. V., Ermasova N. B. *Insurance. Textbook for bachelors*. 5th ed., reprint. and add. Moscow, Urayt, 2015. 791 p. (In Russ.)
5. Vodyannikov T. V., Subaeva A. K. *Scientific-technical progress and labor productivity in the agrarian sector of the economy. Monograph*. Kazan, Brig, 2018. 206 p. (In Russ.)
6. Tebekin P. A. Modern trends in the development of the methodology of risk management in investing in innovative projects. *Audit and financial analysis*, 2013, no. 3, pp. 271—273. (In Russ.)
7. Mukhametgaliev F. N., Mikhailova L. V. Methodological features of planning the development of enterprises of small forms of management in agriculture. *Competitiveness in the global world: economy, science, technology*, 2017, no. 7 (part 4), p. 100. (In Russ.)
8. Gracheva M. V., Lyapina S. Yu. Risk management in innovative activity. *Textbook for university students studying in economic specialties*. Moscow, Uniti-Dana, 2012. 351 p. (In Russ.)
9. Markov O. A. Features of the development of project management and risk management in innovative activities. *Actual problems of economy and management*, 2016, no. 9, pp. 25—30. (In Russ.)
10. Bakeev B. V., Kirilova A. N. et al. Economic assessment of reliability and risk of investment projects. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 2018, no. 2, pp. 260—265. (In Russ.)
11. Bembeeva A. Analysis of methods for evaluating investment projects. *PRO-Ekonomika*, 2018, no. 1, p. 2. (In Russ.)
12. Mikhailova L., Avkhadiev F., Asadullin N., Gainutdinov I. State regulation of the development of small business forms. In: *Agriculture and Food Security: Technology, Innovation, Markets, Human Resources. International sci. and pract. conf. FIES 2020. BIO Web of Conferences*, 2020. Vol. 27.
13. Subaeva A. K., Nizamutdinov M. M., Mavlieva L. M. Changes of the agricultural staff potential in the transition to digital agriculture. In: *Agriculture and Food Security: Technology, Innovation, Markets, Human Resources. International sci. and pract. conf. FIES 2019. BIO Web of Conferences*. Kazan, Nov. 13—14, 2020. Vol. 17. URL: <https://doi.org/10.1051/bioconf/20201700226>.
14. Yashin S. N., Tikhonov S. V. Modern approach to determining the structure of the innovative potential of an enterprise. *Business. Education. Law*, 2015, no. 1(30), pp. 14—19. (In Russ.)

Как цитировать статью: Субаева А. К., Михайлова Л. В., Мамлиева Д. Р. Особенности управления рисками инновационного инвестиционного проекта // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 72—76. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.310.

For citation: Subaeva A. K., Mikhaylova L. V., Mamlieva D. R. Features of risk management of an innovative investment project. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 72—76. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.310.

УДК 657
ББК 65.052.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.308

Конева Марина Викторовна,
Postgraduate of the Department of Economic Analysis,
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin,
Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: mk441@yandex.ru

Конева Марина Викторовна,
аспирант кафедры экономического анализа,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
Российская Федерация, г. Краснодар,
e-mail: mk441@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ФАКТИЧЕСКОЙ СЕБЕСТОИМОСТИ СТРОИТЕЛЬСТВА МНОГОЭТАЖНЫХ ЖИЛЫХ ДОМОВ В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ

THE APPLICATION OF ICT IN THE FORMATION OF THE ACTUAL COST PRICE IN CONSTRUCTION OF MULTI-STOREY RESIDENTIAL BUILDINGS IN THE ACCOUNTING OF BUILDING COMPANIES

08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика
08.00.12 — Accounting, statistics

Целью данной статьи является разработка методик технологий (ИКТ), основанной на данных бухгалтерского и управленческого учетов. Основной задачей является именно порядок разработки системы контроля себестоимости.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих задач: 1) разработать методику внедрения ИКТ в бухгалтерском учете строительных организаций при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных домов; 2) проанализировать конкурентное преимущество строительных компаний в связи с применением ИКТ.

Многие проблемы развития строительных предприятий в России возникают по причине неадекватной оценки состояния учета, в котором работают организации. В результате возникают ошибки в управлении строительством, в том числе и в формировании себестоимости строительных объектов. Для повышения эффективности управления конкурентоспособностью в строительной отрасли используют информационные технологии, помогающие субъектам строительного бизнеса удержаться в конкурентной борьбе. В статье рассмотрены данные технологии и выполнен анализ возможности их использования для повышения финансовой эффективности деятельности в достижении конкурентного преимущества строительных компаний.

За последнее время ситуация резко изменилась, и на смену старым технологиям пришли более современные ИКТ. Грамотная автоматизация помогает лишь ускорить процессы, облегчает создание, поиск документов и предоставляет полезные сценарии для стандартных процедур.

В статье разработана методика формирования фактической себестоимости с применением ИКТ. На примере работающих предприятий ООО «СК Гарантия» и ООО «Инсити» выполнен анализ системы качественного контроля и учета материальных ценностей.

Научная новизна работы связана с возможностью применения ИКТ в контроле себестоимости строительства многоэтажных жилых домов с целью повышения рентабельности, снижения расходов и получения достоверной информации об осуществляемом ходе строительства и понесенным расходам на каждом промежуточном этапе. Правильный выбор ИКТ позволит субъектам строительного бизнеса выстроить прозрачные системы контроля и снизить себестоимость выпускаемой продукции.

The purpose of this article is to develop a methodology for forming the actual cost price of construction projects using information and communication technologies, based on accounting and management accounting data. The main task is precisely the procedure for developing a cost control system.

This goal led to the following tasks: 1) to develop a methodology for the introduction of ICT in the accounting of construction organizations in the formation of the actual cost of construction of multi-storey buildings; 2) to analyze the competitive advantage of construction companies in connection with the use of ICT.

Many problems in the development of construction enterprises in Russia arise due to an inadequate assessment of the state of accounting in which organizations operate. As a result, there are errors in construction management, including the formation of the cost price of construction projects. To improve the competitiveness management in the construction industry, information technologies are used. These technologies are considered in the article and the analysis of the possibility of their use to improve the financial efficiency of activities in achieving a competitive advantage of construction companies is carried out.

Recently, the situation has changed dramatically and more modern information and communication technologies (ICTs)

have replaced the old technologies. Competent automation helps to speed up processes, facilitates the creation and search of documents, and provides useful scenarios for standard procedures.

The article develops a method of forming the actual cost price using information and communication technologies. The analysis of the system of quality control and accounting of material values is carried out on the example of the operating enterprises of LLC SK Garantia, LLC Incity.

The scientific novelty of the work is connected with the possibility of using ICT in controlling the cost of construction of multi-storey residential buildings in order to increase profitability, reduce costs and obtain reliable information about the construction progress and expenses incurred at each intermediate stage. The right choice of ICT will allow construction business entities to build transparent control systems and reduce the cost of production.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, информационно-коммуникационные технологии, товарно-материальные ценности, управление запасами, оборачиваемость активов, себестоимость строительной продукции, рентабельность, конкурентоспособность, статистика, финансовые показатели, сметы, калькуляция.

Keywords: accounting, information and communication technologies, inventory values, inventory management, asset turnover, cost of construction products, profitability, competitiveness, statistics, financial indicators, estimates, calculation.

Введение

Актуальность темы связана с развитием цифровой экономики, которая положительно влияет на эффективность предприятий и повышает их конкурентоспособность. Появились принципиально новые методы, расширился круг объектов калькулирования и показателей себестоимости. Наряду с показателями себестоимости единицы продукции, востребована информация о себестоимости нетрадиционных объектов калькулирования, таких как операция, бизнес-процесс, объект строительства, себестоимость каждого помещения, затраты по каждой бизнес-единице [1].

Для снижения рисков хозяйствующие субъекты стали повышать эффективность строительства, вести несколько видов деятельности от производства строительных материалов (бетон, раствор, газоблоки) до строительства многоэтажных домов с использованием материалов собственного производства, что наблюдается на примере предприятия ООО «Нефестройиндустрия-Юг». На практике добиться успеха увеличением производственных мощностей не всегда бывает выгодно для компании, так как это требует больших инвестиций. Все эти факторы привели к необходимости сосредоточения внимания на управлении предприятием при помощи информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для принятия решений на основе прозрачной информации [2]. Для контроля за себестоимостью продукции необходима система учета, позволяющая получать достоверную информацию как о себестоимости выпускаемой продукции, так и о стоимости строительства жилых домов в разрезе сметных статей калькулирования.

В последнее время повышаются требования к надежности показателей себестоимости, которые во многом зависят от применяемых систем автоматизации учета затрат на производстве и в строительстве многоэтажных жилых домов [3].

Вопросы применения ИКТ при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных жилых домов в бухгалтерском учете строительных компаний активно изучаются различными инстанциями, такими как Министерство строительства, департаменты строительства, налоговые контролеры и собственники компаний [4].

Административным органам власти данная информация необходима для расчета возможной дополнительной нагрузки на застройщиков в виде строительства различных социальных объектов (дорог, школ, детских садов, парковых зон и т. п.).

Для контролирующих органов (налоговых контролеров) информация необходима для расчета плановой и фактической налоговой нагрузки на предприятия и правильности исчисления налоговых обязательств.

Руководителям компаний информация необходима для расчета маржинальности проекта и недопущения превышения фактических затрат над плановыми [5].

Проблемы применения ИКТ в бухгалтерском учете изучались А. А. Скорняговой в статье «Проблемы бухгалтерского учета использования ИКТ», Н. К. Фроловой в статье «Становление ИКТ». Многие авторы согласны с тем, что ИКТ способствуют экономическому развитию, однако дискуссии вызывают вопросы о том, в какой степени влияют и как. Так, в 1987 г. Р. Солоу высказал наблюдение: «Компьютерная эра видна везде, но только не в статистике производительности». Этот феномен — «компьютерный парадокс», или «парадокс производительности», — выражает тенденцию к увеличению инвестирования в компьютеризацию производства, которая приводит к еще большему инвестированию в информационные технологии, а соответственно, к увеличению производительности и прибыли. Однако рост производительности труда в США в конце 1990-х гг. связывали с информационными технологиями, а именно с инвестированием в эту отрасль в первой половине 1990-х гг. Данные Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в период 1995—2005 гг. свидетельствуют о запоздалом влиянии ИКТ на экономику: обеспечение 60 % прироста производительности благодаря информационным технологиям [1].

Целесообразностью разработки темы послужила проблема формирования себестоимости строительства в строительной отрасли. Большинство предприятий не умеют корректно калькулировать себестоимость строительства и организовывать контроль над неперевышением фактической себестоимости по отношению к запланированной. Большие трудности возникают при проверке актов выполненных работ и контроле списанных материалов по представленным формам КС-2 и КС-3 на соответствие плановым сметам [6]. Как известно, на увеличение прибыли влияет как рост доходов, так и снижение себестоимости строительства объектов. В связи с развитием ИКТ существует возможность организовать контроль себестоимости строительства от закупки материалов до размещения работ подрядным организациям и контроль трудоемкости строительства, повышение которой влияет непосредственно на себестоимость продукции.

Научная новизна работы связана с возможностью применения ИКТ для контроля себестоимости строительства многоэтажных жилых домов с целью повышения рентабельности, снижения расходов и получения достоверной информации об осуществляемом ходе строительства и понесенным расходам на каждом промежуточном этапе

выполненных работ. Правильный выбор ИКТ позволит субъектам строительного бизнеса выстроить прозрачные системы контроля и снизить себестоимость выпускаемой продукции.

Целью работы является разработка методики формирования фактической себестоимости строительных объектов с применением ИКТ, основанной на данных бухгалтерского и управленческого учетов. Основной задачей является именно порядок разработки системы контроля себестоимости.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

1. Разработать методику внедрения ИКТ в бухгалтерском учете строительных организаций при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных домов.

2. Выполнить анализ конкурентного преимущества строительных компаний в связи с применением ИКТ.

Методология. Эмпирической базой для обеспечения достоверности выводов послужили нормативные документы и фактические материалы предприятий ООО «СК Гарантия» и ООО «Инсити». Основные методы исследования: системный, структурный, логический, функционально-стоимостный, экспертный и метод сравнительного анализа.

В работе раскрыта методика построения информационных систем контроля фактической себестоимости строительной продукции, обеспечивающая конкурентное преимущество предприятий. Выполнен анализ эффективности использования ИКТ [7].

Была изучена теоретическая часть работы по формированию себестоимости строительной продукции и внедрена на предприятии система контроля себестоимости выпускаемой продукции, выполнена автоматизация системы контроля и поставлена система логистики на строительном предприятии ООО «СК Гарантия» [8].

Теоретическая значимость проведенных исследований заключается в возможности практического использования материала в хозяйственной деятельности строительных компаний для конкурентного преимущества перед другими организациями. Анализ исследований показал, что предприятия, использующие ИКТ, показывают лучшие финансовые результаты [9]. В процессе анализа была разработана методика контроля фактической себестоимости и сопоставления с плановыми данными. Также в процессе были выявлены дополнительные бизнес-процессы, которые пришлось автоматизировать, такие как логистическая деятельность, формирование заказов поставщикам и подрядным организациям, а также обработка бухгалтерских документов. Благодаря применению ИКТ предприятие имеет возможность систематизировать бизнес-процессы для организации прозрачного учета с целью повышения эффективности работы.

В настоящее время автоматизация бухгалтерского учета с помощью персонального компьютера не является сложной задачей ни для разработчика, ни для пользователя бухгалтерских программ. Сегодняшняя простота решения компьютеризации бухгалтерского учета достигнута сложным путем: от компьютеризации отдельных участков учетной работы до установления связанных баз данных для сведения баланса предприятия. Освоение бухгалтерами компьютеров на уровне не только пользователя, но и программирования (а сегодня это уже квалификационное требование) позволило кардинально пересмотреть стратегию бухгалтерских программ. Как оказалось, эффективнее иметь единую структуру базы данных для всех участков

бухгалтерского учета. Таким образом, в реальном масштабе времени попутно решается проблема составления баланса предприятия на каждый момент оформления первичных документов. Сетевые версии бухгалтерского учета решили проблему зависимости работы участков от времени доступа к единой базе [10].

Заголовки «Скоро роботы или компьютеры заменят человека» и подобные приводят к тому, что складывается неверное представление и предвзятое отношение к внедрению современных цифровых технологий в работу специалистов. Да, внедрение даже интеллектуальных технологий уже не редкость, но, как правило, они используются для какой-либо определенной области задач. Мир меняется, и бизнес вынужден подстраиваться — развивать процессы, сотрудников, технологии. Но ни одна технология не будет работать без грамотного специалиста и налаженных процессов, на сегодняшний день уж точно [11].

Практическая значимость работы заключается в возможности применить методику формирования фактической себестоимости в бухгалтерском учете любого строительного предприятия. На внедрение системы учета и контроля понадобится максимум шесть месяцев, что является небольшим сроком для предприятия с перспективой сократить расходы на себестоимость строительства объектов и получения прозрачного учета себестоимости строительства.

Предприятия смогут использовать практический подход к организации бизнес-процесса по формированию себестоимости, основанного на внедрении ряда компаний и показавшего свои результаты. Можно бояться что-то сделать, чтобы не совершить ошибки, а можно делать и идти вперед, не останавливаясь на достигнутых результатах, — как известно, дорогу осилит идущий.

Ни один процесс не подразумевает исключения участия человека полностью: сотрудник создает документ и инициирует процесс, в согласовании принимают участие руководители и другие ответственные сотрудники, подписание смет и договоров подразумевает использование ЭП (электронной подписи) руководителем. Грамотная автоматизация помогает лишь ускорить процессы, облегчает создание и поиск документов, предоставляет полезные сценарии для стандартных процедур. Обеспечивает различными аналитическими отчетами с возможностью заниматься анализом, а не сбором информации по деятельности предприятия [1].

Использование качественной информации позволяет обеспечить принятие эффективных управленческих решений менеджерами различных уровней управления предприятием.

Основная часть

Рассматривая применение ИКТ при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных домов в бухгалтерском учете строительных организаций, необходимо затронуть вопрос значимости ИКТ для бухгалтерского учета в нынешнее время.

Разработка и создание информационной системы бухгалтерского учета является главной задачей автоматизации управления любого предприятия. Система бухгалтерского учета должна соответствовать ряду требований [12]:

- правильная методическая основа построения планируемых и фактических показателей строительных предприятий;
- диапазон учета всех хозяйственных процессов и операций;
- достоверность, полнота, точность учетных данных;

- своевременность выполнения бухгалтерских операций;
- эффективность организации бухгалтерского учета.

Применение информационных технологий в бухгалтерском учете в значительной мере повышает его оперативность. Бухгалтер может быстро получить нужные результаты за любой период времени, не прибегая к ручным выборкам. Процесс группировки данных также отличается от ручных методов тем, что одна и та же информация используется много раз для составления таблиц, и это способствует облегчению и ускорению процесса учета [13].

В последнее время активно развивается цифровая бухгалтерия, которая работает без бумаги на основе электронных документов [14]. Речь не о сканировании, а о реальном отказе от бумажных носителей и о переходе к юридически значимому электронному документообороту. Все перечисленные документы уже сейчас можно перевести в электронный вид, нормативная база для этого готова:

- 1) статья 6 Федерального закона «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. № 63-ФЗ;
- 2) пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 10 Федерального закона от 06.12.2011 г.;
- 3) Федеральный закон «О бухгалтерском учете» № 402-ФЗ (про первичные документы и регистры соответственно);
- 4) статья 169 Налогового кодекса РФ. Счет-фактура;
- 5) статья 314 Налогового кодекса РФ. Аналитические регистры налогового учета;
- 6) статья 93 Налогового кодекса РФ. Истребование документов при проведении налоговой проверки.

ИКТ способны взять на себя рутинные операции — несложные, но иногда достаточно трудоемкие функции, например автоматически классифицировать документы и зарегистрировать их в системе с заполнением карточек, разложить документы по папкам и даже выполнить по ним проводки, формировать выгрузку платежных поручений в систему Клиент-Банк, получать операционные отчеты. При этом способ приема документа не имеет значения, это может быть формализованный или неформализованный документ от контрагента, переданный через сервис обмена, это может быть бумажный документ, пропущенный через сканер. Более сложные функции в ИКТ — это подбор статьи расходов из авансового отчета, например, либо сравнение сумм в счете и накладной, или формирование акта выполненных работ подрядчика по форме КС-2,3, или списание материалов на определенную статью расходов и оприходования услуг от подрядной организации [15].

Решения, которые развиваются и внедряются сегодня, призваны облегчить работу бухгалтера, а не заменить его. Ни одна система не способна развить навыки межличностного общения, работы в команде, управления проектами и группами людей — все это подразумевает постоянное взаимодействие и обмен информацией, множество дополнительных знаний из разных областей деятельности компании [16].

Затраты на строительство (зарплата работников с начисленными на нее взносами, стоимость материалов, сумма амортизации производственного оборудования и пр.) учитываются по фактическим расходам на строительно-монтажные работы (СМР). К ним относится и договорная стоимость работ, выполненных подрядной организацией (без учета НДС) [17].

Типовая структура калькуляционных статей в строительстве:

материалы — включаются затраты на используемые непосредственно при выполнении строительных работ материалы, строительные конструкции, детали, топливо, электроэнергию, пар, воду и другие виды материальных ресурсов;

расходы на оплату труда рабочих — отражаются все расходы по оплате труда производственных рабочих (включая рабочих, не состоящих в штате) и линейного персонала при включении его в состав работников участков (бригад), занятых непосредственно на строительных работах, исчисленные по принятым в строительной организации системам и формам оплаты труда;

расходы на содержание и эксплуатацию строительных машин и механизмов — затраты материальных ресурсов, включая топливо и энергию на эксплуатационные цели; амортизационные отчисления; арендная плата; затраты на техническое обслуживание; затраты на перебазирование строительных машин и механизмов; затраты на оплату

труда работников — рабочих, занятых управлением строительными машинами и механизмами;

накладные расходы — административно-хозяйственные расходы, расходы на обслуживание работников строительства, расходы на организацию работ на строительных площадках, прочие накладные расходы, затраты, не учитываемые в нормах накладных расходов, но относимые к ним.

Основная задача учета себестоимости — своевременное, достоверное и максимально полное отражение затрат. Данные затраты связаны с производством строительных работ, сдачей работ заказчику, контролем за использованием ресурсов и техники.

Калькулирование себестоимости может реализовываться разными методами. Выбор метода обуславливается особенностями строительного монтажа работ и характером объектов: сроки возведения, типовые или индивидуальные проекты и пр. Основная классификация методов учета затрат представлена на рис. 1.

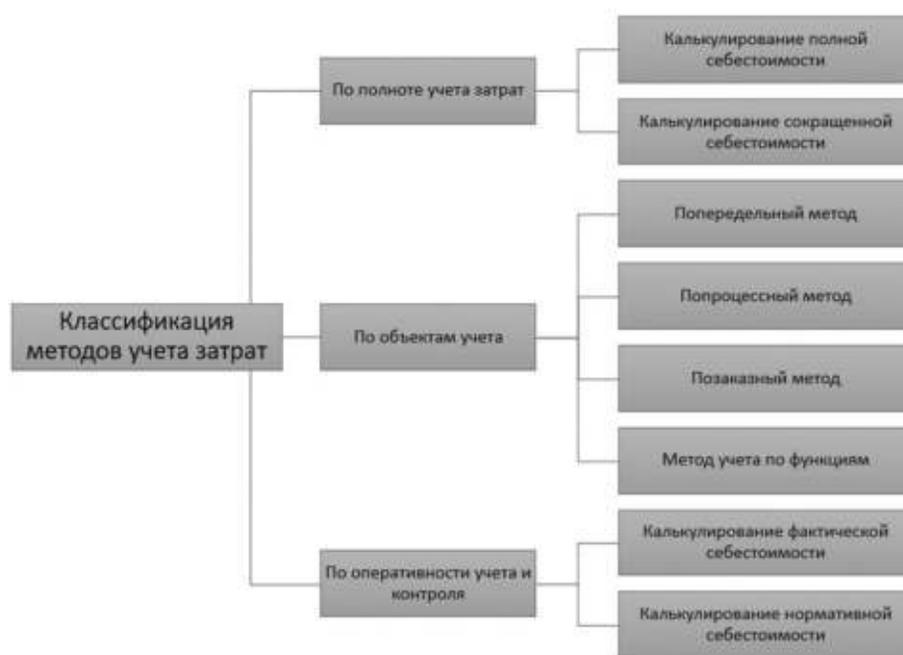

Рис. 1. Классификация методов учета затрат

Бухгалтерский учет расходов ведется на счете 08, в данном случае следует руководствоваться Положением по бухгалтерскому учету долгосрочных инвестиций (утверждено письмом Минфина России от 30 декабря 1993 г. № 160).

Учет расходов ведется на счете 08 «Вложения во внеоборотные активы» (субсчет «Строительство объектов основных средств») нарастающим итогом с начала строительства в разрезе отчетных периодов до ввода объекта в действие (п. 1.4, 2.2, 2.3 Положения № 160).

Учет строительных расходов оформляется проводками:

- Дт 08 Кт 60 — получение услуг по СМ;
- Дт 20 Кт 70, 60, 69 — начисление зарплаты и СВ по строительным работам;
- Дт 25, 26 Кт 70, 60 — начисление зарплаты обслуживающего производства и начисление расходов по обслуживающему производству;
- Дт 20 Кт 25, 26 — закрытие общепроизводственных и общехозяйственных расходов на затраты на производстве;

– Дт 08 Кт 20 — списание производственных расходов на формирование себестоимости выпуска строительной продукции (объектов строительства);

- Дт 08 Кт 10 — списание материалов на строительство;
- Дт 08 Кт 19 — списание НДС на себестоимость строительства объекта.

Зачастую в строительстве обходятся без плановой калькуляции себестоимости объекта, а фактические затраты сопоставляются со сметными величинами. Более правильным является подход калькулирования плановой себестоимости строительных объектов и последующего учета фактических затрат в разрезе объектов/заказов [18].

Финансовая система строительной компании должна основываться на плановых сметах, сотрудники должны обладать навыками калькулирования плановой себестоимости объекта строительства, а в дальнейшем вести учет фактических затрат в той же структуре для сопоставления плановых и фактических показателей. Данная информация должна быть доступна онлайн для лиц, принимающих решение (табл. 1).

Методика формирования фактической себестоимости продукции

№	Показатели
1	Создать рабочую комиссию по автоматизации бизнес-процесса по формированию фактической себестоимости продукции
2	Проанализировать существующие проблемы на предприятии, составить перечень и возле каждой проблемы указать как минимум три варианта решения
3	Проанализировать существующую информационную систему на предприятии на возможность организации учета в действующей программе
4	Выполнить сравнительный анализ программных продуктов, существующих на рынке
5	Выработать решение о применении программного продукта для учета фактической себестоимости продукции
6	Обозначить контрольные точки по учету себестоимости выпускаемой продукции. Контрольными точками могут быть: 1. Составление спецификации (сметы) на работы и сопоставление с плановыми данными. 2. Смета будет являться точкой проверки на превышение фактической себестоимости над плановой. Контроль должен начинаться с проводимых документов (поступления товаров и услуг) в бухгалтерском учете строительных предприятий. 3. Анализ цен на строительные материалы на соответствие смет и предоставление для отдела снабжения максимальных цен, по которым возможно закупать материалы. 4. Анализ и предоставления расценок на работы для службы ПТО, которые будут являться максимальными ценами на услуги подрядных организаций. На основании расценок экономисты рассчитывают сдельную зарплату на работу, исходя из которой будет определяться зарплата рабочих и трудоемкость работы. 5. Анализ и предоставление объемов потребности в строительных материалах службе снабжения. 6. Анализ и предоставления объемов работ для подрядных организаций
7	Автоматизировать контрольные точки в программном продукте для исключения ручного контроля строительных операций
8	Настроить бизнес-процесс для службы снабжения по размещению заказов поставщикам на материалы, тем самым организовать одну из точек контроля по поступлению строительных материалов, их соответствию плановым данным и контролю максимальных цен на приобретение материалов
9	Настроить бизнес-процесс по размещению заказов на работы подрядным организациям через информационную систему, тем самым будут взяты под контроль объемы размещенных работ и расценки по работам на соответствие плановым данным
10	Разработать документ по занесению плановых данных по стоимости строительства в информационную базу данных для дальнейшего мониторинга плановых и фактических данных (плановые данные заносить в разрезе статей затрат)
11	Организовать оприходование материалов на строительной площадке службой кладовщиков на основании размещенных заказов службой снабжения в единой информационной базе, тем самым исключив ошибки в оприходовании строительных материалов бухгалтерской службой
12	Организовать занесение плановых и фактических смет на работы в информационной базе данных
13	Организовать формирование КС-2 в программе застройщика с целью оптимизации затрат подрядным организациям и исключению ошибок в проверке смет службой ПТО
14	Организовать формирование бухгалтерских документов и проводок в базе данных застройщика на основании сформированной КС-2. Тем самым возможно исключить человеческий фактор, связанный с некорректным списанием материалов в бухгалтерском учете застройщика
15	Организовать ревизионный отдел на строительной площадке для замеров фактического расхода материалов с целью корректировки сметной документации
16	Организовать ежедневное предоставление материальных отчетов со строительной площадки для контроля за поступившими материалами
17	Организовать ежемесячные отчеты по давальческим материалам, желательно формировать их из базы данных застройщика, для оптимизации проверки отчетов службой бухгалтерии и ПТО
18	Организовать учет всех договоров на поставку материалов и работ в информационной базе данных застройщика
19	Организовать ежедневный контроль выполняемых операций при помощи ИКТ
20	Разрабатывать корректирующие мероприятия для улучшения процесса контроля фактической себестоимости выпускаемой продукции

При построении системы формирования себестоимости выпускаемой продукции рабочая команда может столкнуться с большим сопротивлением сотрудников. Построить систему возможно только при поддержке руководства компании [19]. В результате внедрения системы придется попрощаться с некоторыми сотрудниками и набрать более прогрессивных людей, готовых работать на результат и помогать внедрять систему учета фактической себестоимости.

На примере предприятия ООО «СК Гарантия» была проделана большая работа по внедрению автоматизированной системы учета. Формирование актов выполненных работ по форме КС-2 и КС-3 производится в информационной базе данных застройщика. Для организации формирования КС-2 в программе застройщика необходимо заносить все сметы на работу в информационную

программу, что потребует дополнительных усилий на первоначальном этапе, и повысить эффективность процесса на выходе. Основная задача связана с систематизацией справочников номенклатуры и формированием смет в учетной базе, что влияет не только на формирование КС-2 и отражение актов в бухгалтерском учете, но и на организацию формирования заказов по материалам поставщикам и их оприходованию на складе. На рис. 2 представлена форма для размещения работ подрядным организациям. Выборка работ производится из реестра составленных смет.

После выполнения работ подрядчик формирует из информационной базы данных застройщика акт выполненных работ по форме КС-2 и КС-3 для предоставления в службу заказчика. Образец формы представлен на рис. 3.

Расценка / Работа	Ед. изм.	Объем	Цена	Сумма	Наименование факт / План	Ед. изм.	Работа	Расценка	План	Факт	Опложение	Остаток
Коробок распределительных и протяжных	шт	33,000	200,00	6 600,00	Коробок распределительных и протяжных	шт			14,334	14,334		0,000
Монтаж коробок распределительных	шт	44,000	130,00	5 720,00	Выключатель 1кл. в/л.	шт			11,000	11,000		
Монтаж подрозетников	шт	546,000	39,00	21 294,00	Выключатель 1кл. в/л.	шт			29,000	29,000		
Монтаж розеток, выключателей	шт	74,000	130,00	9 620,00	Датчик дыма/жара 0Т.	шт			22,000	22,000		
Монтаж светильников	шт	191,000	250,00	47 750,00	Коробка подрозетная	шт			546,000	546,000		
Монтаж трансформаторов	шт	6,000	1 000,00	6 000,00	Коробка уравнивания	шт			11,000	11,000		
Монтаж фотодатчиков	шт	22,000	150,00	3 300,00	Радиорелема РТВ-1	шт			6,000	4,000	2,000	104,000
Монтаж щита квартирного	компл	12,000	640,00	7 680,00	Розетка 1кл.с.з/к.в.	шт			6,000	6,000		
Монтаж звуковых указателей	шт	31,000	250,00	7 750,00	Розетка 1кл.с.з/к.в.	шт			12,000	3,000	4,000	
				115 714,00	Светильник аварийный	шт			31,000	31,000		
					Светильник ДСП 130	шт			55,000	55,000		
					Светильник ДСП 131	шт			35,000	35,000		
					Светильник светодиодный	шт			8,000	8,000		
					Светильник светодиодный	шт			40,000	32,000	8,000	33,000
					Светильник светодиодный	шт			66,000	61,000	5,000	
					Щит ЩК Дежнева 29	шт			12,000	12,000		

Рис. 2. Размещение работ подрядным организациям

Объект - ЖК Дежнева БС-3; ЖК Дежнева БС-2; ЖК Дежнева БС-1
 (ЗОМ) МОНТАЖ ЭЛ.ЩИТОВ КВАРТИРНЫХ; (ЗОМ) МОНТАЖ СВЕТИЛЬНИКОВ, УКАЗАТЕЛЕЙ (Цоколь-24 ЭТАЖ) БС 3-Д, БС 2-Д, БС 1-Д

ЖК Дежнева 29/3

Вид деятельности по ОКДП

номер	13/02/20-Д
дата	13.02.2020г.
Вид операции	

Номер документа	Дата составления	Отчетный период	
		с	по
000001058	08.04.2021г.	27.04.2020г.	08.04.2021г.

АКТ
О ПРИЕМКЕ ВЫПОЛНЕННЫХ РАБОТ

Номер по порядку	позиции по смете	Наименование работ	Номер единичной расценки	Единица измерения	Выполнено работ		
					количество	цена за единицу, руб.	стоимость, руб.
1	3	1.05.08. (ЗОМ) МОНТАЖ ЭЛ.ЩИТОВ КВАРТИРНЫХ, БС 3-Д 24 ЭТАЖ (ДОП)					3 630,00
1	P.001	Монтаж коробок распределительных и протяжных		шт	11	130,00	1 430,00
Используемые материалы:							
2	M.0001	Коробка уравнивания потенциалов 100x100x50(МП)		шт	11	200,00	2 200,00
		1.05.08. (ЗОМ) МОНТАЖ ЭЛ.ЩИТОВ КВАРТИРНЫХ, БС 2-Д 2 ЭТАЖ					9 110,00
3	P.592	Монтаж щита квартирного		компл	12	640,00	7 680,00
4	P.077	Монтаж коробок распределительных и протяжных		шт	11	130,00	1 430,00
Используемые материалы:							
5	00000014570	Щит ЩК Дежнева 29/3		шт	12	3 062,04	36 744,48
6	00000007326	Колпачок уплотняющий латунный 100x100x50		шт	11	205,42	2 259,62

Рис. 3. Акт выполненных работ по форме КС-2

В итоге, автоматизация учета с применением ИКТ позволяет обладать информацией о фактической себестоимости строительных объектов и статистикой по учету фактической себестоимости строительства с начала осуществления работ по отчетную дату.

На рис. 4 представлен вид отчета о формировании себестоимости объекта строительства в разрезе статей расхода.

Внедренная система позволяет повысить эффективность работы предприятия и повысить эффективность управления процессами.

Для доказательства эффективного внедрения информационных систем по формированию себестоимости строительной продукции можно выполнить анализ двух предприятий, осуществлявших в 2019 г. примерно одинаковый объем строительства и ввода в эксплуатацию объектов: ООО «СК Гарантия» и ООО «Инсити». В табл. 2 представлен уровень автоматизации данных компаний.

Как видно из табл. 2, уровень автоматизации компании «Инсити» очень слабый по сравнению с компанией «СК Гарантия», что подтверждается финансовыми показателями за 2019 г., представленными в табл. 3.

Таблица 2

Уровень автоматизации строительных компаний за 2019 г.

Показатель	ООО «СК Гарантия», тыс. руб.	ООО «Инсити», тыс. руб.
Проведение комплексной автоматизации предприятия	Да	Нет
Формирование заказов поставщикам в учетной программе	Да	Нет
Занесение смет на работу в учетную программу	Да	Нет
Бухгалтерский учет ведется при помощи программного продукта	Да	Да
Контроль цен на расценки и материалы при помощи ИКТ	Да	Нет

Строительные расходы:		СТАТЬИ ЗАТРАТ	ПЛАН (с учетом корректировки)				ИТОГО по	
			м2		руб.		Отклонение (ПЛАН - ФАКТ)	
			25 674,90		25 674,90			
			м2		руб.		м2	
			руб.	руб./м2	руб.	руб./м2	руб.	руб./м2
III. ПИР И РАЗРЕШИТЕЛЬНАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ	000000082		6 299 035	240			6 299 035	240
3.1. Исследовательские работы п.3.1	000000014		2 351 941	85			2 351 941	85
3.2. Проектно-сметная документация п.3.1 п.3.1	000000020		3 947 094	154			3 947 094	154
Разработка проектной документации (ПИР)	000000935		3 947 094	154			3 947 094	154
IV. СТРОИТЕЛЬНЫЕ МОНТАЖНЫЕ РАБОТЫ	000000009		835 045 632	20 838			835 045 632	20 838
4.1. СТРОИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ (СМР)	000000939		829 860 503	20 817			829 860 503	20 817
4.1.1. Подготовка территории строительства (Глава 1)	000000004		6 065 811	238			6 065 811	238
Временные здания и сооружения (Глава 1п.1.3.3	000000341		6 065 811	238			6 065 811	238
4.1.2. Основные объекты строительства (ПРЯМЫЕ) на БС (Глава 2)	000000321		797 234 337	18 267			797 234 337	18 267
1. Земельные работы и фундамент	000000031		21 430 520	815			21 430 520	815
2. Конструкции Основного Объекта	000000096		459 172 053	17 884			459 172 053	17 884
2.1. МОНОЛИТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ (по этажам)	000000185		371 621 581	4 884			371 621 581	4 884
2.2. КЛАДКА СТЕН И ПЕРЕГОРОДКИ (по этажам)	000000190		62 401 779	2 420			62 401 779	2 420
2.3. ВНУТРЕННЯЯ ОТДЕЛКА КВАРТИР (по этажам)	000000012		48 049 516	1 871			48 049 516	1 871
2.4. ВНУТРЕННЯЯ ОТДЕЛКА МОП (по этажам)	000000539		18 078 995	704			18 078 995	704
2.5. УСТАНОВКА ПВХ ОКОН И ДВЕРЕЙ (по этажам)	000000851		33 158 052	1 281			33 158 052	1 281
2.6. НАРУЖНАЯ ОТДЕЛКА	000000304		7 404 646	281			7 404 646	281
2.7. ИНЖЕНЕРНЫЕ СЕТИ ВНУТРИКОМОВЫЕ	000000323		95 970 670	1 738			95 970 670	1 738
2.8. УСТРОЙСТВО КРОВЛИ п.1.2.6	000000322		4 027 625	17			4 027 625	17
2.9. Специализированные работы	000000036		17 565 109	884			17 565 109	884
2.10. Проверка материалов и лабораторные испытания п.1.2.4	000000326		894 080	31			894 080	31
6. Эксплуатация машин и механизмов (объекты транспорт.хоз-ва)	000000340		16 631 765	448			16 631 765	448

Рис. 4. Отчет план-факт по себестоимости строительства объекта

Таблица 3 Финансовые показатели деятельности предприятий за 2019 г.

Показатель	ООО «СК Гарантия»	ООО «Инсити»
Выручка без НДС, тыс. руб.	411 577	542 075
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	49 482	38 155
Рентабельность, %	12,02	7,03

Компания «СК Гарантия» ведет формирование себестоимости продукции с применением информационных систем, а компания «Инсити» выстроила систему учета на основании ручной обработки информации.

Результаты. Развитие ИКТ является определяющим элементом в скорости экономического роста предприятия [20]. Главное направление воздействия ИКТ на предприятие — влияние на структуру формирования себестоимости строительной продукции и получения достоверной информации о финансовом положении предприятия.

Как видно, за последнее время формируется новая коммуникационная экономика, в которой основным ресурсом развития становятся знания и информация [21].

На примере предприятий «СК Гарантия» и «Инсити» видно, что рентабельность автоматизированного предприятия на 4,99 % превышает компанию «Инсити», что подтверждает экономический эффект от внедрения ИКТ. Конкурентным преимуществом обладает компания «СК Гарантия», информация о прибыли приведена на рис. 5.

Характер самого продукта ИКТ позволил проникнуть во все сферы человеческой деятельности и сделать их более доступными (различные социальные услуги, здравоохранение, образование, бухгалтерский учет, финансовая деятельность предприятия) [22]. Современные информационные технологии не только обеспечили доступность

информации, но и сделали процесс взаимодействия между людьми более простым и быстрым, а также повысили производительность труда.

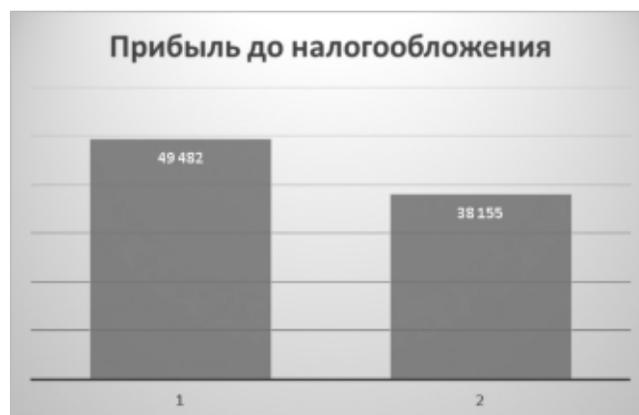

Рис. 5. Прибыль до налогообложения ООО «СК Гарантия» и ООО «Инсити»

Заключение, выводы

Проблемы повышения прибыльности предприятия, эффективности работы персонала, создания оптимальной структуры управления волнуют любого руководителя. Ему приходится принимать решения в условиях неопределенности и риска, что вынуждает его постоянно держать под контролем различные аспекты финансово-хозяйственной деятельности [23]. Эта деятельность отражена в большом количестве документов, содержащих разнородную информацию. Грамотно обработанная и систематизированная информация является в определенной степени гарантией эффективного управления компанией. Отсутствие достоверных данных, напротив, может привести к неверному управленческому решению и, как следствие, к серьезным убыткам [24].

Внедрение бухгалтерских пакетов и программ позволяет не только автоматизировать бухгалтерский учет, но и

навести порядок в складском учете, снабжении и реализации продукции, товаров, отслеживать договоры, быстрее рассчитывать заработную плату, своевременно сдавать отчетность.

Автоматизация бухгалтерского учета является одной из главных задач для предприятия, поскольку это обеспечит лучшее выполнение необходимых операций и облегчит весь процесс ведения учета и формирования фактической себестоимости выпускаемой продукции [25]. Для осуществления автоматизации следует выбирать необходимые программные продукты исходя из задач и имеющихся ресурсов. Однако без квалифицированных специалистов невозможно использование информационных технологий.

Они окажутся бесполезными для предприятия, если не найти опытную и грамотную команду. Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день информационные технологии играют важную роль в бухгалтерской деятельности. Они охватывают различные стороны бухгалтерского учета и обладают значительными преимуществами по сравнению с ручными методами [26].

Компьютер не может заменить опытного и грамотного бухгалтера или финансиста, но позволит упорядочить бухгалтер, увеличить количество получаемой информации, повысить оперативность бухучета, уменьшить число арифметических ошибок, оценить текущее финансовое положение предприятия и его перспективы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вейлер В. П. Российский сектор информационно-коммуникационных технологий: проблемы и перспективы развития // Вестник Брянского гос. ун-та. 2011. № 3. С. 75—81.
2. Конева М. В. Использование информационных и коммуникационных технологий в бухгалтерском учете строительных компаний // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29(3). С. 444.
3. Адаменко А. А., Ткаченко А. С., Симоненко Л. И. Особенности учета расчетов с поставщиками и подрядчиками в формате МСФО // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. № 3-4(6364). С. 327—334.
4. Конева М. В. Применение информационно-коммуникационных технологий при распределении входящего НДС у застройщиков в бухгалтерском учете строительных организаций // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32(6). С. 352.
5. Адаменко А. А., Хорольская Т. Е., Тетер И. А. Прибыль как элемент финансовых результатов, ее значение, функции и методы планирования // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 23(1). С. 4—9.
6. Адаменко А. А., Хорольская Т. Е., Болтышева Л. В. Сущность расчетов, их виды и формы. Задолженность организации // Естественно-гуманитарные исследования. 2019. № 23(1). С. 57—62.
7. Городецкая Н. Ю., Полонская О. П. Порядок списания кредиторской задолженности // Новые реалии в инновационном развитии экономической мысли : сб. науч. ст. по итогам V Междунар. науч.-практ. конф., 2017. С. 126—130.
8. Конева М. В. Контроль взаиморасчетов с контрагентами с применением ИКТ в бухгалтерском учете строительных организаций // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31(5). С. 335.
9. Морозкина С. С. Средства внутреннего контроля и их роль при проведении внешнего аудита // Инновационные процессы: потенциал науки и задачи государства : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / Под. общ. ред. Г. Ю. Гуляева. 2017. С. 82—84.
10. Автоматизация складского учета: современный подход к управлению бизнесом. URL: <http://www.bizeducation.ru/library/log/wrhs/6/auto.htm>.
11. Обзор программ складского учета. URL: http://sklad-prog.ru/obzor/o_ind.htm.
12. Рысина В. А., Черепина И. О. Автоматизация учета материально-производственных запасов // Вопросы экономики и управления. 2017. № 2(9). С. 50—52. URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/58/2208>.
13. Абдрахманова Г. И., Ковалева Г. Г. Тенденции развития информационных и коммуникационных технологий // Форсайт. 2009. № 4. С. 43—49.
14. Аксенов А. Международные рейтинги уровня развития ИКТ. URL: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnye-rejtingi-urovnya-razvitiya-ikt.html>.
15. Горбунова Ю. И., Гладышева А. В., Горбунова О. Н. Информационное обеспечение экономической деятельности на современном этапе социально-экономического развития // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 2(60). С. 22—26.
16. Горбунова Ю. И., Горбунова О. Н. Различные подходы к определению сущности рыночной инфраструктуры в экономике информационного типа «Актуальная биотехнология» // Экономика и управление. 2013. № 3. С. 15—18.
17. Инвестиции в сферу информационно-коммуникационных технологий, анализ основных показателей развития информационно-коммуникационного сектора / Ю. И. Горбунова, О. Н. Горбунова, А. В. Гладышева, Ю. В. Шестакова // Экономика. Инновации. Управление качеством. 2014. № 3(8). С. 4—8.
18. Даниялова З. А., Абдулаева Т. К. Состояние и перспективы рынка информационно-коммуникационных технологий России // Известия Дагестан. гос. пед. ун-та. Обществ. и гуманитар. науки. 2014. № 3(28). С. 18—20.
19. Дмитрик Н. А. Нормативно-правовое регулирование в сфере связи и массовых коммуникаций и информационных технологий. URL: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%208/II/Dmitrik.pdf>.
20. Минченкова И. В. Развитие и перспективы рынка информационно-коммуникационных технологий в России // Вопросы новой экономики. 2008. № 1(5). С. 89—98.
21. Мирясов Ю. А. Тенденции формирования информационного сектора экономики // Вестник Харьков. нац. ун-та им. В. Н. Каразина. 2008. № 802. С. 30—33.
22. План мероприятий (дорожная карта) «Развитие отрасли информационных технологий» : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 20.07.2013 г. № 1268-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 3. Ст. 4168. URL: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2014/01/08/555820>.

23. Полушкина И. Н. Развитие информационно-телекоммуникационного сектора — элемент экономической интеграции и фактор повышения конкурентоспособности региона СНГ // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 3(2). С. 560—565.

24. Появление и развитие информационных технологий. URL: http://dpk-ikt.ucoz.ru/index/tema_1_pojavlenie_i_razvitiye_informacionnykh_tekhnologij/0-5.

25. Пресняков Е. В. Влияние информационно-коммуникационных технологий на мировую экономику // Известия Санкт-Петербург. ун-та экономики и финансов. 2011. № 1. С. 132—134.

26. Разработка проектов нормативных и правовых актов, направленных на регулирование отношений в области разработки и использования ИКТ и их применения в социально-экономической сфере. URL: http://www.smb.ru/analytics.html?id=2_pr_norm-pr-aktov_IKT_2.

REFERENCES

- Weiler V. P. The Russian sector of information and communication technologies: problems and prospects of development. *The Bryansk state university herald*, 2011, no. 3, pp. 75—81. (In Russ.)
- Koneva M. V. The use of information and communication technologies in the accounting of construction companies. *Natural Sciences and Humanities research*, 2020, no. 29(3), p. 444. (In Russ.)
- Adamenko A. A., Tkachenko A. S., Simonenko L. I. Features of accounting for settlements with suppliers and contractors in the IFRS format. *Economy. Law. Printing. Bulletin of the KSEI*, 2014, no. 3-4(6364), pp. 327—334. (In Russ.)
- Koneva M. V. Application of information and communication technologies in the distribution of incoming VAT from developers in the accounting of construction organizations. *Natural Sciences and Humanities research*, 2020, no. 32(6), p. 352. (In Russ.)
- Adamenko A. A., Khorolskaya T. E., Teter I. A. Profit as an element of financial results, its significance, functions and planning methods. *Natural Sciences and Humanities research*, 2019, no. 23(1), pp. 4—9. (In Russ.)
- Adamenko A. A., Khorolskaya T. E., Boltysheva L. V. The essence of calculations, their types and forms. Debt of the organization. *Natural Sciences and Humanities research*, 2019, no. 23(1), pp. 57—62. (In Russ.)
- Gorodetskaya N. Yu., Polonskaya O. P. The procedure for writing off accounts payable. In: *New realities in the innovative development of economic thought. Collection of sci. articles on the results of the V International sci. and pract. conf.*, 2017. Pp. 126—130. (In Russ.)
- Koneva M. V. Control of mutual settlements with counterparties with the use of ICT in the accounting of construction organizations. *Natural Sciences and Humanities research*, 2020, no. 31(5), p. 335. (In Russ.)
- Morozkina S. S. Means of internal control and their role in conducting external audit. In: *Innovative processes: the potential of science and the challenges of the state. Collection of articles of the international sci. and pract. conf.* Ed. by G. Y. Gulyaev, 2017. Pp. 82—84. (In Russ.)
- Automation of warehouse accounting: a modern approach to business management.* (In Russ.) URL: <http://www.bizeducation.ru/library/log/wrhs/6/auto.htm>.
- Overview of warehouse accounting programs.* (In Russ.) URL: http://sklad-prog.ru/obzor/o_ind.htm.
- Rysina V. A., Cherepina I. O. Automation of accounting of material and production stocks. *Economics and management issues*, 2017, no. 2(9), pp. 50—52. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/th/5/archive/58/2208>.
- Abdrakhmanova G. I., Kovaleva G. G. Trends in the development of information and communication technologies. *Foresight*, 2009, no. 4, pp. 43—49. (In Russ.)
- Aksenov A. *International ratings of the level of ICT development.* (In Russ.) URL: <http://d-russia.ru/mezhdunarodnye-rejtingi-urovnnya-razvitiya-ikt.html>.
- Gorbunova Yu. I., Gladysheva A. V., Gorbunova O. N. Information support of economic activity at the present stage of socio-economic development. *Socio-economic phenomena and processes*, 2014, no. 2(60), pp. 22—26. (In Russ.)
- Gorbunova Yu. I., Gorbunova O. N. Various approaches to the definition of the essence of market infrastructure in the economy of the information type “Actual biotechnology”. *Economics and Management*, 2013, no. 3, pp. 15—18. (In Russ.)
- Gorbunova Yu. I., Gorbunova O. N., Gladysheva A. V., Shestakova Yu. V. Investments in the sphere of information and communication technologies, analysis of the main indicators of the development of the information and communication sector. *Economics. Innovation. Quality management*, 2014, no. 3(8), pp. 4—8. (In Russ.)
- Daniyalova Z. A., Abdulaeva T. K. The state and prospects of the market of information and communication technologies in Russia. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and humanitarian sciences*, 2014, no. 3(28), pp. 18—20. (In Russ.)
- Dmitriuk N. A. *Regulatory and legal regulation in the field of telecommunications, mass communications and information technologies.* (In Russ.) URL: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%208/II/Dmitriuk.pdf>.
- Minchenkova I. V. Development and prospects of the information and communication technologies market in Russia. *Issues of New Economy*, 2008, no. 1(5), pp. 89—98. (In Russ.)
- Miryasov Yu. A. Trends in the formation of the information sector of the economy. *Bulletin of the V. N. Karazin Kharkiv National University*, 2008, no. 802, pp. 30—33. (In Russ.)
- The action plan (roadmap) “Development of the information technology industry” was approved by the decree of the Government of the Russian Federation No. 1268-r of 20.07.2013. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2013, no. 3, art. 4168. (In Russ.) URL: <http://www.cnews.ru/news/top/index.shtml?2014/01/08/555820>.
- Polushkin I. N. The development of information and telecommunications sector — economic integration and the factor of increase of competitiveness of the CIS region. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2010, no. 3(2), pp. 560—565. (In Russ.)

24. *The emergence and development of information technology.* (In Russ.) URL: http://dpk-ikt.ucoz.ru/index/tema_1_pojavlenie_i_razvitie_informacionnykh_tekhnologij/0-5.

25. Presnyakov E. V. Influence of information and communication technologies on the world economy. *Izvestiya SPBGUEF*, 2011, no. 1, pp. 132—134. (In Russ.)

26. *Development of draft normative and legal acts aimed at regulating relations in the field of development and use of ICT and their application in the socio-economic sphere.* (In Russ.) URL: http://www.smb.ru/analitics.html?id=2_pr_norm-pr-aktov_IKT_2.

Как цитировать статью: Конева М. В. Применение ИКТ при формировании фактической себестоимости строительства многоэтажных жилых домов в бухгалтерском учете строительных компаний // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 76—86. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.308.

For citation: Koneva M. V. The application of ICT in the formation of the actual cost price in construction of multi-storey residential buildings in the accounting of building companies. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 76—86. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.308.

УДК 65.011.8
ББК 65.291.59

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.305

Shagoyan Khachatur Volodyaevich,
Postgraduate of the Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State University of Economics (RINH),
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: shagoyan94@bk.ru

Шагоян Хачатур Володяевич,
аспирант кафедры коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ),
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: shagoyan94@bk.ru

СЕТЕВЫЕ ЛОГИСТИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

NETWORK LOGISTICS CLUSTERS IN THE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL LOGISTICS SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (04 — Логистика)
08.00.05 — Economics and management of national economy (04 — Logistics)

Конкурентоспособность государства и бизнес-структур на глобальном рынке во многом зависит от профессиональных управленческих решений, направленных на рациональное ведение внешнеторговых товароматериальных потоков и оптимизацию совокупных издержек в процессе продвижения ресурсов от начального поставщика до конечного потребителя.

Современные трансформационные процессы, протекающие в глобальной среде, оказывают прямое влияние на экспортно-импортные товароматериальные и сопутствующие потоки. В связи со структурными преобразованиями в экономике возникает необходимость организации качественной переработки, транспортировки, распределения и сбыта товаров и услуг при соответствующем уровне логистического сервиса, которая может быть реализована за счет эффективно функционирующей транспортно-логистической инфраструктуры.

С учетом современных требований и вызовов профессиональные управленческие действия также должны быть направлены на выявление, диагностику имеющихся проблем в экономических системах страны и на модернизацию существующих подходов.

Фрагментация национальной логистической системы РФ и преобладание транспортно-инфраструктурного

взгляда на нее требуют особого подхода к ее стратегическому развитию с учетом цифровой трансформации экономики и логистики. Для преодоления фрагментированности национальной логистической системы, ее интегрированного развития предлагается создать сетевые логистические кластеры в виде объединений унифицированных логистических комплексов, расположенных по маршрутам международных транспортных коридоров для повышения эффективности логистики при их специализированном обслуживании, улучшения координации участников, их мультимодального сближения.

В статье представлены основные сдерживающие факторы на пути развития национальной логистической системы. Рассмотрены современные подходы, реализуемые государством для повышения эффективности функционирования транспортно-логистической инфраструктуры. Проведен анализ деятельности зарубежных и отечественных сетевых бизнес-структур.

The competitiveness of the state and business structures in the global market largely depends on professional management decisions aimed at rational management of foreign trade commodity material flows and optimization of total costs in the process of moving resources from the initial supplier to the final consumer.

Modern transformation processes taking place in the global environment have a direct impact on export-import commodity materials and related flows. In connection with the structural transformations in the economy, there is a need to organize high-quality processing, transportation, distribution and marketing of goods and services, with an appropriate level of logistics service, which can be implemented at the expense of an effectively functioning transport and logistics infrastructure.

Taking into account modern requirements and challenges, professional management actions should also be aimed at identifying and diagnosing existing problems in the country's economic systems and at modernizing existing approaches.

The fragmentation and predominance of the transport and infrastructure view of the national logistics system of the Russian Federation require a special approach to its strategic development, taking into account the digital transformation of the economy and logistics. To overcome the fragmentation of the national logistics system and its integrated development, it is proposed to create network logistics clusters in the form of associations of unified logistics complexes located along the routes of international transport corridors to increase the efficiency of logistics in their specialized service, improve the coordination of participants, and their multimodal convergence.

The article presents the main constraints on the development of the national logistics system. The modern approaches implemented by the state to improve the efficiency of the transport and logistics infrastructure are considered. The analysis of the activities of foreign and domestic network business structures is carried out.

Ключевые слова: национальная логистическая система, логистическая инфраструктура, сетевой логистический кластер, транзитные зоны, экспорт, импорт, логистические потоки, фрагментация, трансформация, глобальная среда, цифровизация, транспортная инфраструктура, логистика.

Keywords: national logistics system, logistics infrastructure, network logistics cluster, transit zones, export, import, logistics flows, fragmentation, transformation, global environment, digitalization, transport infrastructure, logistics.

Введение

Актуальность. В современных условиях все ускоряющейся цифровой трансформации глобальной и отечественной экономик вызывают особый интерес стратегические перспективы развития национальной логистической системы РФ.

Прежде всего данный интерес вызван как особым и при этом отстающим положением России на мировом рынке логистических услуг, пока что преимущественно транспортных, так и значительным потенциалом роста логистического рынка, обусловленного, в частности, конкурентоспособным географическим размещением. Кроме того, исторически значительное участие государства в управлении транспортом и в целом логистической сферой, в их развитии в стране значительного территориального масштаба является, без преувеличения, уникальным явлением, что препятствует простому заимствованию зарубежных наработок по развитию макрологистических систем и подводит к необходимости адаптации достижений в современной логистике других стран к отечественной «почве».

Изученность проблемы. Методология создания логистических систем исследовалась в трудах Миروتин Л. Б.,

Гаджинского А. М., в том числе в условиях развития цифровизации — Афанасенко И. Д., Борисовой В. В., Волкова М. Особенности планирования и оценки эффективности логистических систем рассмотрены в работах Кривякина К. С., Яшина А., Ряшко М. Проблемам создания и развития национальной логистической системы, включая аспекты построения международных транспортных коридоров, логистических кластеров, посвящены работы Пустохиной И. В., Султанова А. Г., Варгазаровой А. Э.

Целесообразность разработки темы. Необходимость установления различий (помимо масштаба) между макрологистической (национальной) системой и микрологистической системой и адаптации подходов к ее созданию и эффективному развитию обусловила целесообразность данной темы для исследования.

Цель исследования — оценка эффективности построения логистической системы РФ на основе кластеров экспортных и международных транзитных грузопотоков.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

- выявляются особенности развития национальной логистической системы, в том числе как результат недостаточного учета различий логистических систем на микро- и макроуровне;

- анализируются научные подходы к созданию и обеспечению эффективности национальной логистической системы с учетом цифровой трансформации глобальной экономики и экономики страны;

- предлагаются подходы для устранения фрагментированности национальной логистической системы, усиления координации ее участников.

Научная новизна исследования состоит в обосновании использования сетевых (распределенных) логистических кластеров в обработке экспортно-сырьевых и международных транзитных материальных потоков как основы формирования и обеспечения целостности национальной логистической системы.

Теоретическая и практическая значимость. Основные результаты исследования могут быть использованы современными бизнес-моделями и государственными структурами при разработке стратегических направлений повышения эффективности функционирования логистической инфраструктуры.

Основная часть

Уровень логистических издержек в РФ оценивается экспертами в 20 % ВВП (против 7...8 % в Европе) [1, с. 7], а по общей эффективности логистики (индексу Всемирного банка, LPI) Россия находится на 75-м месте [2].

При этом секторами рынка логистических услуг с наибольшим потенциалом выступают: сегмент 3PL/4PL услуг и сервисов, включая услуги современных мультимодальных складов и терминалов, и аутсорсинг внутренней логистики и управления запасами [1, с. 9, 29].

«Отстающее положение» и «значительный потенциал» — при сопоставлении эти два фактора, казалось бы, вступают в своего рода взаимное противоречие, устранить которое можно лишь при интегрированном (внетранспортном) логистическом подходе. Очевидно, его (подход) пытаются реализовать на государственном уровне, поскольку за последние три-пять лет в РФ приняты и находятся на различных стадиях реализации такие программы и национальные проекты, ориентированные на развитие

логистической отрасли, как «Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры до 2024 года», Ведомственный проект «Цифровой транспорт и логистика», Государственная программа РФ «Развитие транспортной системы» и т. д.

Таким образом, с одной стороны, высокая роль развития транспортной инфраструктуры как значимого компонента логистической инфраструктуры в целом не оспаривается, ее развитию уделяется внимание на государственном уровне. Более того, в последние годы «пронизывающее» действие цифровой трансформации на логистическую отрасль также усиливается. Но, с другой стороны, интегрированной логистике, синергическому потенциалу национальной логистической системы уделяется недостаточно, на наш взгляд, внимания, что подтверждается следующим:

1) предлагаемые модернизационные меры, проекты направлены не на все виды грузопотоков в РФ — приоритетом выступают экспортно-сырьевые материальные потоки, а также международные транзитные;

2) во-вторых, предлагаемые инфраструктурные проекты направлены в значительной степени на модернизацию именно транспортной инфраструктуры, призваны решать в первую очередь накопленные отраслевые проблемы, расширить «узкие места», но недостаточно ориентируются на современные запросы потребителей логистических услуг, тем более на потенциальные их ожидания;

3) возрастающее осознание на государственном уровне необходимости цифровизации логистической сферы направлено преимущественно на транспорт (подвижной состав, инфраструктуру) и фрагментарно, т. е. на его виды по отдельности (авиа, железнодорожный и т. д.);

4) инвестиции в логистику носят специфический «отраслевой» характер, что выражается как в «замыкании» инвестиций внутри вида транспорта (например, железнодорожного), так и внутри крупнейших компаний (даже если они обладают при этом интегрированными логистическими компетенциями на корпоративном уровне; по оценке BCG, корпоративные логистические системы ОАО «Магнит» и X5Retail Group имеют уровень 3PI/4PI [1, с. 13]). Под «замыканием» инвестиций понимаем в этой статье использование инвестиционных ресурсов преимущественно тем видом транспорта, компанией, которой они представлены, без учета возможной целесообразности мультимодальных проектов. Эти тенденции характерны как частным, так и федеральным инвестициям, субсидиям;

5) инвесторами/соинвесторами на рынке логистических услуг выступают, в лучшем случае, крупнейшие транспортные, зачастую они же инфраструктурные, компании, в интересах которых осуществляются вышеупомянутые проекты и которые станут получателями госсубсидий в том или ином виде.

Так, согласно [3, с. 63], целью проекта указано создание национального «транспортного пространства» РФ на основе опережающего развития «транспортной инфраструктуры», «транспортных коммуникаций».

Модернизационные меры, предусмотренные [4, с. 31], как следует даже из структуры документа (имеются транспортная и энергетическая части), ориентированы в первую очередь на экспортные сырьевые материальные потоки, а по целям — на снятие инфраструктурных ограничений, повышение индекса качества транспортной инфраструктуры, увеличение объема транспортных услуг.

И хотя позитивным фактором, по нашему мнению, является отражение в [5, с. 9, 11] в качестве одной из важных

задач российской логистики интеграции в международное пространство, цифровизации транспорта как стратегической базы развития логистических, в том числе интеллектуальных, услуг, тем не менее доминирование транспортной составляющей логистики в национальной, опять-таки транспортной, политике очевидно.

Инвестиции в логистику со стороны государства служат сохранению и укреплению позиций РФ на сырьевых рынках, что не способствует развитию интегрированного логистического сервиса вследствие низкой доли в национальном экспорте товаров с высокой добавленной стоимостью [1, с. 13].

В то же время крупнейшие компании продуктового ретейла, например, довольно успешно развивают собственные (корпоративные) 3PL/4PL логистические системы, так как качественную контрактную или интегрированную логистику с удовлетворительным уровнем тарифов на рынке традиционные транспортные компании, даже крупнейшие из них (ОАО «РЖД»), предложить им не могут.

Получателями государственных инвестиций, в любых формах, чаще всего являются крупнейшие добывающие компании и компании транспортной инфраструктуры, обслуживающие сырьевой экспорт [4], больше заинтересованные в решении собственных проблем. При этом естественные монополии дестимулируются к повышению эффективности собственной деятельности, совершенствованию транспортной, складской и прочей инфраструктуры, развитию интегрированных логистических услуг.

Вышеупомянутые особенности развития макрологистической системы РФ свидетельствуют как о недостаточном понимании сущности национальной логистической системы, так и определении подходов к ее созданию, развитию, обеспечению ее эффективного функционирования.

Фрагментарность и/или отсутствие единства российских микро- и мезологистических систем в масштабе страны, крайне низкая координация между ними препятствуют их встраиванию в глобальные (международные) цепи поставок, в том числе попыткам создания международных транспортных коридоров, затрудняют реализацию потенциала РФ как страны-транзитера международных материальных потоков, что обуславливает, по нашему мнению, необходимость дополнительных исследований сущности национальной логистической системы, уточнения принципов ее эффективного формирования и функционирования.

В большинстве научных работ различий между логистической системой на микроуровне (предприятие, фирма) и макрологистической системой не проводится, за исключением фактора масштаба (размера). Предполагается, что и принципы создания и функционирования, оценки эффективности национальной логистической системы должны быть такими же, что и у логистической системы любой компании.

На наш взгляд, это не в полной мере так. Обоснуем свою точку зрения.

В трудах ученых, посвященных теории и методологии логистики как науки, действительно немного упоминаний термина «национальная логистическая система», и чаще всего «логистическая система» упоминается в контексте внутренней логистики предприятия, фирмы, в частности в [6].

Так, например, Яшин А., Ряшко М. указывают, что «логистическая система — это множество элементов, связанных между собой функциями, целью которого является решение главной задачи логистики — доставка нужного

товара в определенное время, в определенное место, в нужном количестве и определенного качества, с минимальными затратами» [7].

Ермаков И. А., Петухов Д. трактуют национальную логистическую систему как «систему, реализующую управление потоками и потоковыми процессами в масштабах государства, основанную на принципах и правилах логистики» [8].

Миротин Л. Б. приводит следующую дефиницию: «Логистическая система — это сложная организационно-завершенная (структурированная) экономическая система, которая состоит из элементов-звеньев, взаимосвязанных в едином процессе, управления материальными и сопутствующими им потоками, причем задачи функционирования этих звеньев объединены внутренними целями организации бизнеса и (или) внешними целями» [9, с. 23].

При этом макрологистической, по его мнению, является система, «назначением которой не является извлечение прибыли или достижение каких-либо других корпоративных целей организации бизнеса, создаваемая на уровне территориального или административно-территориального образования для решения социально-экономических, экологических, военных и других задач подобного рода» [9, с. 123].

Логистическую систему на уровне государства (национальную) он относит к «глобальным», макрологистическим системам.

Гаджинский А. М. рассматривает логистическую систему как систему «адаптивную», «с обратной связью», «выполняющую те или иные логистические функции». Ее структурной характеристикой он выделяет наличие «нескольких подсистем», а функционирование реализуется через «развитые связи с внешней средой» [10, с. 87].

Логистическую систему страны при этом он полагает «макрологистической», а по своей сути она рассматривается как «определенная инфраструктура экономики... страны» [10, с. 89].

С нашей точки зрения, последнее десятилетие требует обязательного учета в понятии логистической системы как на микро-, так и национальном уровне иных (нематериальных) потоков [8]. В этом мы поддерживаем позицию Ермакова И. А., Петухова Д., не детализировавших, однако, их — которые соединяют в себе, как правило, информацию и сервис (услугу), причем услугу как логистическую в широком смысле, так и услугу в потребительском значении.

Пример. Широкое распространение в стране в период пандемии получили разнообразные услуги дистанционного характера, как связанные с материальным потоком (услуга бесконтактной доставки продуктов питания на дом), так и не связанные (просмотр кинофильма в онлайн-кинотеатре, телемедицинские услуги, онлайн-обучение и пр.), и последних становится все больше, их востребованность также растет.

Мы можем видеть, что материальный поток в данных примерах перестает быть определяющим, а напротив, превращается в сопутствующий, обобщим его, нематериальному потоку. Начинает доминировать поток информационный (поток данных как услуга и как логистический канал).

Аналогичные процессы уже происходят и в привычной товарной среде: развитие кросс-докинга, расширение сети распределительных логистических центров-складов (с более или менее широким перечнем логистических услуг) в логистике отражает тенденцию к минимизации перемещений материальных объектов на пути к конечному пользователю,

экстремальной формой которой на сегодня, вероятно, является печать необходимого материального объекта на 3D-принтере, размещенном непосредственно у конечного пользователя, исключая привычную транспортную составляющую логистики материального потока.

Это обуславливает важность учета в национальной логистической системе, как и в микрологистических системах, помимо материальных потоков, потоков услуг, в том числе основанных на современных цифровых технологиях (включая цифровые государственные услуги).

Весь экспорт из России за 2020 г. составил 338,2 млрд дол. [11], при этом объем продаж, например, только российского программного обеспечения в РФ и за рубежом, по оценкам НП «Руссофт», в 2017 г. составил свыше 14 млрд дол. (более 4 % от общего экспорта) с сохранением темпов роста продаж 15...20 % ежегодно за последние пять лет [12].

Поэтому в данной статье под национальной логистической системой понимаем систему, осуществляющую управление материальными и нематериальными потоками, в том числе потоками данных, и сопровождающими их потоковыми процессами в масштабах государства, основанную на логистических принципах и правилах.

С учетом активизации цифровой трансформации логистических систем, отмечают Афанасенко И. Д., Борисова В. В., «устойчиво развиваются те логистические системы, внутренние процессы которых не только функционально дополняют друг друга, но и вписываются в процесс изменения внешней среды» [13, с. 21, 24].

По нашему мнению, в современных условиях глобализации и дигитализации всех областей экономики страны цели формирования национальной логистической системы (макроуровень) должны обеспечивать преодоление тенденции к обособлению микрологистических систем внутри национальной логистической системы, возникающей вследствие того, что:

- в РФ, в отличие от других стран, существует ярко выраженная категоризация материальных потоков по-разному развивающимся областям экономики, а именно экспортно-сырьевые потоки (низкая добавленная стоимость, направлены вовне национальной логистической системы); международные транзитные материальные потоки (высокая добавленная стоимость, требующие логистических информационных услуг и также направленные вовне); внутренние материальные потоки (остающиеся в пределах России), которая сформировала и поддерживает видовую конкуренцию на транспорте, препятствуя интеграции в рамках национальной логистической системы;

- сам факт эффективности внутренней логистики является одновременно фактором конкурентоспособности создавшей данную микрологистическую систему компании (предприятия, отрасли) на отечественном рынке, что препятствует распространению логистических компетенций.

Это возможно за счет установления социально-экономических, экологических целей для национальной логистической системы, в достижении которых бизнес не всегда заинтересован, но которые будут, в частности, административно-экономическими методами (штраф, субсидия и т. п.) обеспечивать важнейшие принципы национальной логистической системы — целостность и иерархичность — в достижении поставленных целей.

Следует отметить, что фрагментация рынка логистических услуг в РФ представляет собой интересное явление,

причины которого мы описали выше. Она не тождественна зарубежной тенденции развития конкуренции, аутсорсинга логистических операций, наступающих в фазе насыщения логистического рынка. В этой связи при формировании и развитии национальной логистической системы в РФ необходим особый подход.

Как упоминалось, материальные потоки, проходящие через российскую логистическую систему (на всех уровнях), имеют выраженный характер, оказывающий значительное влияние на ее развитие.

Первый вид — это экспортно-сырьевые материальные потоки, которые в значительной степени обрабатываются бимодальным способом — железнодорожным и водным транспортом (трубопроводный транспорт в данной статье не рассматриваем), имеют минимальную потребность в сопутствующих логистических услугах, но значительно нуждающиеся в сопровождающем информационном потоке, который, в свою очередь, оказывает огромное влияние на состояние, использование материальной инфраструктуры транспорта, а также показатели эффективности логистической деятельности ее участников (в отсутствие контрактной логистики это влияние часто негативно).

Второй вид материального потока — международный грузовой транзит. Данные грузы зачастую имеют высокую добавленную стоимость, требуют различных логистических и информационных услуг, обеспечивающих, в том числе, выполнение повышенных запросов пользователей к качественным параметрам доставки, возможности обратной логистики и пр. Создание и развитие международных транспортных коридоров может не только обеспечивать мультимодальную оптимизацию маршрутов для этого вида материальных потоков через территорию РФ, но и создать возможности сухопутного продления собственных цепей поставок азиатских и европейских компаний с логистическими услугами 3PL/4PL.

Третий вид — разнообразные внутренние материальные потоки, нуждающиеся, как минимум, в своевременной доставке, зачастую использующие автомобильный транспорт и вынужденные либо создавать собственные логистические подразделения (либо дочерние компании) для обеспечения приемлемого уровня логистического сервиса и тарифов, либо отказываться от отдельных логистических операций в ущерб конкурентоспособности своей продукции, имиджу компании.

В настоящее время к вышеупомянутым материальным потокам можно добавить четвертый вид — информационные (цифровые) потоки услуг и данных, рассматриваемые как товар (на продажу конечному потребителю). Транспорт в этом случае выступают сети связи, а логистические операции и услуги реализуются преимущественно программно (цифровые приложения). В статье мы сконцентрируемся на материальных потоках.

Очевидно, что ожидать мгновенного гармоничного единения в национальной логистической системе мультивариантных компаний-участников, одной из которых, по сути, является ФТС России, а также разнообразных логистических сервисов (от электронных трейдинговых площадок сырьем до собственно транспортных услуг, фрахта) не приходится.

По мнению Султанова А. Г. [14], Пустохиной И. В. [15], национальная логистическая система должна иметь кластерный тип. Поддерживаем их мнение, так как полагаем, что сложившаяся структура логистических потоков

может с большей степенью эффективности быть обслужена в специальных кластерах (функциональных логистических системах).

Довольно подробно понятийный аппарат логистической кластеризации был рассмотрен в научных трудах Пустохиной И. В., в частности [15—17]. Под логистическим кластером в них понимается логистическая интегрированная система с едиными институциональной средой и информационным пространством, включающая пространственно локализованных (в рамках субъектов Федерации), взаимосвязанных, взаимодополняющих и конкурирующих участников логистической деятельности и обеспечивающая полный перечень услуг логистической активности [15, с. 9].

Но, в отличие от Пустохиной И. В. [15, с. 11], отмечающей, что эффективность работы логистического кластера основывается в том числе на компактности расположения участников кластера и территориальном ограничении (в пределах субъекта Федерации), мы полагаем, что создание логистических кластеров национальной логистической системы должно происходить на основе распределенной сети логистических комплексов, со стандартизированной и унифицированной инфраструктурой, нормативной базой, правилами, как единого техно-логистического процесса, оптимизированного для одного из выделенных нами четырех видов логистических потоков, так как современные цифровые технологии в значительной степени позволяют охватить обеспечивающие логистические операции (например, такие как страхование, финансирование, информирование) удаленно, причем вышеупомянутые дистанционные возможности продолжают расширяться и в перспективе физическое размещение их в территориальном кластере не требуется.

Кластерный принцип формирования национальной логистической системы, по сути, может представлять собой специализацию логистических компаний на обслуживании особого вида (видов) логистических потоков — по факту это уже произошло. Но формированию единой национальной логистической системы, обмену логистическими компетенциями, расширению контрактной и интегрированной моделей будет способствовать взаимное проникновение сетевых кластерных форм, логистические операции в которые, вероятно, будут все больше приобретать цифровой вид.

Под сетевой (распределенной) формой логистического кластера мы понимаем комплекс, состоящий из нескольких территориально удаленных логистических центров со следующими особенностями:

- должны иметь общие стандарты инфраструктуры, организации работы, услуг, сервисов, документов, программных комплексов — для масштабируемости в рамках национальной логистической системы (для обслуживания международных материальных потоков стандарты должны быть унифицированы с зарубежными);

- их инфраструктура максимально специализированно способна обслужить выбранный вид материального потока (см. выше);

- опорные логистические центры должны находиться на маршрутах выбранного вида материального потока, если имеются оптимальные (если они отсутствуют, целесообразна территориальная реконфигурация сетевого кластера);

- современная стандартизированная цифровая инфраструктура сетевых кластеров должна способствовать реализации потенциала 3PL/4PL логистических услуг;

– имеют потенциал соединения (объединения) с сетевыми логистическими структурами, предназначенными для других видов логистических потоков, в неких узловых точках, которые, по сути, будут создавать возможности мультимодального логистического обслуживания;

– могут привлекать частные инвестиции, в том числе сторонние по отношению к эксплуатантам кластера, например через облигации или иные ценные бумаги компании-собственника сетевого кластера.

По нашему мнению, активное развитие цифровых (дистанционных) технологий будет способствовать обеспечению эффективности именно сетевой (распределенной), масштабируемой формы логистических кластеров.

Преимущества сетевой кластерной организации национальной логистической системы:

– унификация стандартов работы сетевых логистических структур, с одной стороны, должна отражать оптимальные способы обслуживания логистического потока, выбранного для специализации, а с другой — максимально упрощать взаимодействие участников логистической деятельности, включая зарубежных (сделать его понятным и предсказуемым);

– унификация инфраструктуры (от транспортной, складской до информационно-обслуживающей подсистемы) упростит оптимизацию маршрутов и масштабирование, конфигурирование сетевого кластера (при необходимости), снизит издержки при эффекте масштаба;

– предварительная маршрутизация при размещении сетевых логистических объектов будет «встраивать» их в международные транспортные коридоры, на потоках которых они будут специализироваться, а «точки пересечений» — способствовать более эффективному мультимодальному взаимодействию участников логистической деятельности;

– стандартизация цифровой инфраструктуры сетевых кластеров создаст основу для технико-программной реализации единого информационного комплекса как основы интеллектуальных 3PL/4PL логистических услуг, а также возможности централизованного управления сетью, повышения эффективности взаимодействия эксплуатантов и пользователей с помощью телекоммуникаций;

– возможное объединение на основе сетевых кластеров логистических компаний, использующих возможности их инфраструктуры для решения внутренних, в том числе корпоративных, задач, может проявиться как в виде аутсорсинга с распределением новых логистических компетенций во внесетевую среду, так и в форме создания стратегических партнерств участников логистической деятельности (для снижения логистических затрат и обмена компетенциями);

– доступность эксплуатантам кластерных объектов, обеспечиваемая за счет инвестиционного участия или аренды, позволит мелким и средним логистическим компаниям предложить логистические услуги в рамках обновленной, унифицированной инфраструктуры и масштабировать свой бизнес.

Заключение

Таким образом, сетевая кластерная организация национальной логистической системы обеспечит преодоление тенденции к конкурентному обособлению микрологистических систем, их инфраструктуры и улучшит взаимодействие участников логистической деятельности, обновление и/или унификацию логистической инфраструктуры для предложения на рынке услуг повышенной ценности, соответствующих запросам пользователей по ключевым видам материальных потоков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Логистика в России: новые пути раскрытия потенциала / М. Волков и др. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/logistics-in-russia-new-ways-of-disclosing-potential>.
2. LPI. Global rankings 2018. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global>.
3. Паспорт Федерального проекта «Транспортно-логистические центры». URL: <http://mintrans.org/ftpgetfile.php?id=9>.
4. Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 30.09.2018 г. № 2101-п. URL: <http://static.government.ru/media/files/MUNhgWFddP3Uf9RJASDW9VxP8zwcB4Y.pdf>.
5. Семенов А. К. Презентация к докладу на межрегиональном совещании лидеров цифрового развития «Ведомственный проект „Цифровой транспорт и логистика“». URL: <http://www.digital.gov.ru/uploaded/files/semenov-ak4.pdf>.
6. Кривякин К. С. Механизм повышения эффективности организации логистической деятельности предприятия // Организатор производства. 2018. № 4. С. 77—89.
7. Яшин А., Ряшко М. Логистика. Основы планирования и оценки эффективности логистических систем. М. : Бибком, 2014. 60 с.
8. Ермаков И., Петухов Д. Постановка проблемы развития национальной логистической системы. URL: <https://customsexpert.ru/articles/postanovka-problemi-razvit.htm>.
9. Миротин Л. Б., Лебедев Е. А. Основы логистики транспортного производства и его цифровой трансформации : учеб. пособие. М. : Инфра-Инженерия, 2019. 242 с.
10. Гаджинский А. М. Логистика. М. : Дашков и Ко, 2012. 484 с.
11. ФТС России: данные об экспорте-импорте России за январь — декабрь 2020 года. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/267169>.
12. РУССОФТ. Экспорт российской индустрии разработки программного обеспечения. 15-е ежегодное исследование. URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2018/11/Issledovanie-itog-na-sajt.pdf>.
13. Афанасенко И. Д., Борисова В. В. Цифровая логистика : учеб. для вузов. СПб. : Питер, 2019. 272 с.
14. Султанов А. Г. Интеграция транспортно-логистических кластеров в систему национальных и международных транспортных коридоров : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2017.
15. Пустохина И. В. Организация и управление цепями поставок в логистических кластерах : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М., 2015.

16. Пустохина И. В. Проектирование логистических кластеров в рамках глобальных логистических цепей поставок // Вестник Университета (ГУУ). 2015. № 4. С. 123—129.

17. Пустохина И. В., Пустохин Д. Цифровизация логистики в России. Реальность, проблемы и ближайшие перспективы // Логистика. 2019. № 11(156). С. 19.

REFERENCES

1. Volkov M. et al. *Logistics in Russia: new ways of potential disclosure*. (In Russ.) URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/logistics-in-russia-new-ways-of-disclosing-potential>.
2. *LPI. Global rankings 2018*. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global>.
3. *Passport of the Federal project "Transport and Logistics Centers"*. (In Russ.) URL: <http://mintrans.org/ftpgetfile.php?id=9>.
4. *Comprehensive plan for the modernization and expansion of the main infrastructure for the period up to 2024. Approved by Directive of the Government of the Russian Federation No. 2101-r of 30.09.2018*. (In Russ.) URL: <http://static.government.ru/media/files/MUNhgWFddP3UfF9RJASDW9VxP8zwcB4Y.pdf>.
5. Semenov A. K. *Presentation to the report at the interregional meeting of digital development leaders "Departmental project "Digital Transport and Logistics"*. (In Russ.) URL: <http://www.digital.gov.ru/uploaded/files/semenov-ak4.pdf>.
6. Krivyakin K. S. Mechanism for improving the efficiency of the organization of logistics activities of the enterprise. *Organizer of production*, 2018, no. 4, pp. 77—89. (In Russ.)
7. Yashin A., Ryashko M. *Logistics. Fundamentals of planning and evaluating the effectiveness of logistics systems*. Moscow, Bibkom, 2014. 60 p. (In Russ.)
8. Ermakov I. A., Petukhov D. *Statement of the problem of development of the national logistics system*. (In Russ.) URL: <https://customsexpert.ru/articles/postanovka-problemi-razvit.htm>.
9. Mirotin L. B., Lebedev E. A. *Fundamentals of logistics of transport production and its digital transformation*. Textbook. Moscow, Infra-Engineriya, 2019. 242 p. (In Russ.)
10. Gadzhinsky A. M. *Logistics*. Moscow, Dashkov i Ko, 2012. 484 p. (In Russ.)
11. *FCS of Russia: data on Russian exports and imports for January — December 2020*. (In Russ.) URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/267169>.
12. *RUSSOFT. Export of the Russian software development industry. 15th annual survey*. (In Russ.) URL: <https://russoft.org/wp-content/uploads/2018/11/Issledovanie-itog-na-sajt.pdf>.
13. Afanasenko I. D., Borisova V. V. *Digital logistics. Textbook for universities*. Saint Petersburg, Piter, 2019. 272 p. (In Russ.)
14. Sultanov A. G. *Integration of transport and logistics clusters into the system of national and international transport corridors. Diss. of the Cand. of Economic Sciences*. Moscow, 2017. (In Russ.)
15. Pustokhina I. V. *Organization and management of supply chains in logistics clusters. Diss. of the Cand. of Economic Sciences*. Moscow, 2015. (In Russ.)
16. Pustokhina I. V. Designing logistics clusters in the framework of global logistics supply chains. *Bulletin of the University (GUU)*, 2015, no. 4, pp. 123—129. (In Russ.)
17. Pustokhina I. V., Pustokhin D. Digitalization of logistics in Russia. Reality, problems and immediate prospects. *Logistics*, 2019, no. 11(156), p. 19. (In Russ.)

Как цитировать статью: Шагоян Х. В. Сетевые логистические кластеры в развитии национальной логистической системы Российской Федерации при цифровой трансформации экономики // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 86—92. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.305.

For citation: Shagoyan Kh. V. Network logistics clusters in the development of the national logistics system of the Russian Federation in the digital transformation of the economy. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 86—92. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.305.

УДК 622.342.1
ББК 33.333

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.320

Shulgina Kristina Aleksandrovna,
Postgraduate, Senior Lecturer
of the Department of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: sibirak888@gmail.com

Шульгина Кристина Александровна,
аспирант, старший преподаватель
кафедры бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: sibirak888@gmail.com

Kuzina Lyudmila Nikolaevna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: debi13@mail.ru

Кузина Людмила Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: debi13@mail.ru

Mironova Zhenni Vladimirovna,
Candidate of Technical Sciences, Professor of RAE,
Associate Professor of the Department of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: mirgenni@yandex.ru

Миронова Женни Владимировна,
канд. техн. наук, профессор РАЕ,
доцент кафедры бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: mirgenni@yandex.ru

Konev Alexandr Vasilevich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Senior Researcher,
Director of INTECO LLC,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: 190712avk@gmail.com

Конев Александр Васильевич,
канд. физ.-мат. наук,
старший научный сотрудник,
директор ООО «ИНТЕКО»,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: 190712avk@gmail.com

Korotkevich Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Director of RADOS LLC,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: kva011151@yandex.ru

Короткевич Владимир Александрович,
канд. физ.-мат. наук,
директор ООО «РАДОС»,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: kva011151@yandex.ru

КРИТЕРИИ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ДЛЯ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

FEASIBILITY CRITERIA FOR APPLICATION OF PRE-ENRICHMENT TECHNOLOGIES FOR MODERNIZATION OF MINING INDUSTRIES

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья посвящена актуальной для горно-металлургической промышленности проблеме, обусловленной снижением качества минерально-сырьевой базы и ростом затрат на переработку руд. Проведен анализ системных проблем горнодобывающей отрасли, выявлены направления решения поставленных проблем.

Технологическая эффективность обогащения твердых полезных ископаемых определяется в общем случае тремя детерминированными и стохастическими факторами: содержанием и минеральной формой ценного компонента в исходной руде, ее контрастностью перед разделением

и способностью аппарата селективно сортировать поток руды на обогащенный и обедненный продукты.

Однако контрастность не является однозначным критерием эффективности предварительного обогащения руд цветных и драгоценных металлов. В связи с этим применение феноменологического подхода к разработке промышленных технологий обогащения на основе корреляционной связи контрастности и обогатимости ограничено случаями низких содержаний ценного компонента и высокой селективностью сортировки потока руды обогатительным аппаратом. Установлены критерии целесообразности применения

технологии предварительного обогащения для конкретной руды. Оценена величина повышения эффективности производства товарных концентратов при совместном применении технологий предварительного и глубокого обогащения. В современных условиях ужесточения экологических требований горнодобывающие предприятия вынуждены модернизировать производственные мощности.

Технология предварительного обогащения наиболее доступна из имеющихся технологий, позволяющих снизить экологическую нагрузку за счет снижения количества мелкодисперсных отходов, переизмельчения, применения реагентов. Применение предложенных критериев оценки целесообразности внедрения технологии предварительного обогащения конкретных руд позволит повысить полноту извлечения ценных компонентов, снизить экологическую нагрузку, повысить эффективность горнодобывающей отрасли.

The article is devoted to a topical issue of the mining and metallurgical industry, caused by a decrease in the quality of the mineral resource base and an increase in the cost of ore processing. The analysis of the systemic problems of the mining industry is carried out; directions for solving the problems posed are identified.

The technological efficiency of enrichment of solid minerals is generally determined by three deterministic and stochastic factors: the content and mineral form of the valuable component in the original ore, its contrast before separation, and the ability of the apparatus to selectively sort the ore flow into enriched and depleted products.

The contrast is not an unambiguous criterion for the efficiency of preliminary concentration of non-ferrous and precious metal ores. In this regard, the application of a phenomenological approach to the development of industrial processing technologies based on the correlation between contrast and washability is limited to cases of low contents of the valuable component and high selectivity of sorting the ore flow by the dressing apparatus. The criteria for the expediency of applying the pre-enrichment, technology for a particular ore have been established. The magnitude of the increase in the efficiency of the production of commercial concentrates with the combined use of technologies of preliminary and deep concentration is estimated. In modern conditions of stricter environmental requirements, mining enterprises are forced to modernize their production facilities.

Introduction of pre-enrichment technology is the most accessible of the available technologies, allowing to reduce the environmental load by reducing the amount of fine waste, over-grinding, and the use of reagents. Application of the proposed criteria for assessing the feasibility of preliminary concentration of specific ores will increase the completeness of extraction of valuable components, reduce the environmental load, and increase the efficiency of the mining industry.

Ключевые слова: отбитая горная масса, контрастность, предварительное обогащение, технологическая эффективность, руда, концентрат, минерально-сырьевая база, цветные металлы, золото, эффективность.

Keywords: chipped rock mass, contrast, preliminary enrichment, technological efficiency, ore, concentrate, mineral resource base, non-ferrous metals, gold, efficiency.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что для горно-металлургической промышленности характерна проблема снижения качества минерально-сырьевой базы и роста затрат на переработку руд [1—5]. Между тем горнодобывающая и перерабатывающая отрасль является основой промышленного развития региона и страны в целом.

Изученность проблемы снижения технологической и экономической эффективности отработки месторождений полезных ископаемых и использования технологий предварительного обогащения представлена работами Оганесяна Л. В., Мирлина Е. Г., Мокроусова В. А., Чантурии В. А., Баранова В. Ф. [5—9].

Целесообразность представленной темы исследования и ее научной разработки определяется высокой практической значимостью получаемых результатов. Обоснование перспектив развития горно-металлургической отрасли региона и страны на основе предложенных критериев целесообразности применения технологий предварительного обогащения может быть основой повышения эффективности работы горнодобывающих предприятий и снижения экологической нагрузки.

Научная новизна исследования состоит в разработке авторского подхода к технологической переработке отбитой горной массы на основе установления зависимостей технологической эффективности предварительного обогащения твердых полезных ископаемых от среднего содержанием, от содержания полезного компонента в каждом куске отбитой горной массы, минеральной формы полезного ископаемого в руде, гетерогенности и контрастности руды кусковой и порционной перед предварительным обогащением на разных этапах переработки руд и способностью аппарата селективно сортировать поток руды на обогащенный и обедненный продукты. Это позволит снизить эксплуатационные затраты и повысить эффективность отработки месторождений.

Основной **целью** исследования является разработка теоретических основ моделирования целесообразности предварительного обогащения как для модернизации действующих, так и для проектируемых предприятий горнодобывающей промышленности. В рамках исследования решены следующие **задачи**: анализ современного состояния технологии, выявление динамики эффективности отрасли и резервов ее повышения, установление и обоснование критериев применимости технологии предварительного обогащения.

Теоретическая значимость состоит в том, что предложенные методологические основы могут быть использованы для выбора и обоснования направлений дальнейшего развития и модернизации предприятий горно-металлургического комплекса.

Проведенное исследование имеет большую **практическую значимость**, поскольку позволит более полно извлекать полезные компоненты из недр, снижать экологическую нагрузку при добыче и переработке руд, тем самым повышая эффективность работы предприятий горно-металлургического комплекса.

Основная часть

Оценка целесообразности применения предварительного обогащения. Главным условием целесообразности применения предварительного обогащения является повышение рентабельности P_3^* производства горнодобывающего предприятия по всей технологической цепочке

относительно значения P_3 его работы в технологической модели глубокого обогащения [10, 11]:

$$P_3^* - P_3 > 0. \quad (1)$$

Неравенство (1) преобразуем в следующее соотношение:

$$\alpha(1 - R)(1 - W)[Q^*(1 - P^*)\varepsilon^* \left(\frac{\Pi^* \times K_B^*}{3^*} - 1 \right) - Q(1 - P)\varepsilon \left(\frac{\Pi}{3 \times K_B} - 1 \right)] > 0, \quad (2)$$

где α — среднее содержание ценного компонента в балансовых запасах; Q — объем отбиваемой горной массы в единицу времени; R — разубоживание отбитой горной массы пустой породой, включая горно-технологическое $R_{гт}$ и геолого-экономическое $R_{гэ}$; P и ε — потери ценного компонента при добыче и его сквозное извлечение при переработке соответственно; W — вероятность нахождения предприятия в нерабочем состоянии; K_B — параметр, отражающий зависимость рублевой выручки и затрат производства Z от курса рубля к иностранным валютам, используемым в международной торговле; P_3 — рентабельность горнодобывающего предприятия; Z — себестоимости производства концентратов и металлов, Π — цены на них; Q^* , P^* , ε^* и 3^* — объемы добычи, потери металла при отбойке и транспортировке, его сквозное извлечение, затраты с предварительным обогащением сырья соответственно [11—15].

Множитель $\alpha(1 - R)(1 - W) > 0$. Неравенство (3) выполняется, если

$$Q^*(1 - P^*)\varepsilon^* \left(\frac{\Pi^* \times K_B^*}{3^*} - 1 \right) > Q(1 - P)\varepsilon \left(\frac{\Pi}{3 \times K_B} - 1 \right). \quad (3)$$

Величины $(1 - P)$ и $(1 - P^*)$ положительны по определению. Поэтому необходимым и достаточным условием выполнения соотношения (3) являются неравенства

$$Q^* > Q, \quad (4)$$

$$P^* < P, \quad (5)$$

$$\varepsilon^* > \varepsilon, \quad (6)$$

$$3^* < 3. \quad (7)$$

Согласно им технологическими критериями целесообразности применения предварительного обогащения являются увеличение объемов переработки руд $Q^* > Q$ в порядке возмещения выделенной породы без наращивания мощности перерабатывающего комплекса [2], снижение потерь металла $P^* < P$ при добыче и компенсация потерь ценного компонента с хвостами предварительного обогащения $\Delta\varepsilon_{по} = 1 - \varepsilon_{по}$ повышением извлечения на стадиях глубокого обогащения $\Delta\varepsilon_{го} = 1 - \varepsilon_{го}$ и химико-металлургической переработки $\Delta\varepsilon_{хм} = 1 - \varepsilon_{хм}$:

$$\Delta\varepsilon_{по} \leq |\varepsilon_{го} + \varepsilon_{хм}|. \quad (8)$$

Экономическим критерием целесообразности применения предварительного обогащения является компенсация затрат $Z_{по}$ на предварительное обогащение снижением издержек глубокого обогащения $\Delta Z_{го} = Z_{го} - Z_{го}^*$ и химико-металлургического передела $\Delta Z_{хм} = Z_{хм} - Z_{хм}^*$:

$$\Delta Z_{по} \leq |\Delta Z_{го} + \Delta Z_{хм}|. \quad (9)$$

Эффект определяется также местом нахождения комплекса предварительного обогащения и структурой совокупных издержек Z предприятия, выражаемых уравнением

$$Z = a_d + a_{кд} + (a_t + a_{кт}) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы}), \quad (10)$$

где a_d , a_t , a_n и a_y — затраты на добычу, транспортировку, переработку и утилизацию отходов соответственно в расчете на тонну сырья; $a_{кд}$, $a_{кт}$, $a_{кп}$ и $a_{кы}$ — амортизационные отчисления на восстановление связанных с этими процессами основных средств.

В случае расположения комплекса предварительного обогащения в непосредственной близости к месту добычи руды (карьеру, руднику) затраты $Z^*(1)$ определяются выражением

$$Z^*(1) = a_d + a_{кд} + Z_{по}(1) + [(a_t + a_{кт}) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы})]\gamma_k^*(1), \quad (11)$$

в котором $Z_{по}(1) = a_{по} + a_{кп}$ — издержки предварительного обогащения на единицу отбитой горной массы; γ_k^* — выход его концентрата, равный $\gamma_k^* = 1 - \gamma_x^*$, где γ_x^* — выход хвостов предварительного обогащения.

Если комплекс предварительного обогащения располагается рядом с обогатительной фабрикой, то затраты $Z^*(2)$ равны:

$$Z^*(2) = a_d + a_{кд} + (a_t + a_{кт}) + Z_{по}(2) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы})\gamma_k^*(2). \quad (12)$$

Условием снижения себестоимости горнодобывающего предприятия с предварительным обогащением является выполнение неравенств

$$3 - Z^*(1) > 0, \quad (13)$$

$$3 - Z^*(2) > 0, \quad (14)$$

преобразуемых с использованием выражений (10)—(12) в соотношения

$$\gamma_x^*(1) > Z_{по}(1) : [(a_t + a_{кт}) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы})], \quad (15)$$

$$\gamma_x^*(2) > Z_{по}(2) : (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы}), \quad (16)$$

из которых следует, что выход хвостов предварительного обогащения должен превышать величину отношения затрат на нее к сумме всех остальных издержек горнодобывающего предприятия на транспортировку и переработку сырья. Учитывая, что $Z_{по}(1) \approx Z_{по}(2)$, получим из сравнения выражений (15) и (16) тождество

$$\gamma_x^*(1)[(a_t + a_{кт}) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы})] = \gamma_x^*(2)(a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы}), \quad (17)$$

которое выполняется при условии

$$\gamma_x^*(1) < \gamma_x^*(2), \quad (18)$$

так как очевидно, что

$$[(a_t + a_{кт}) + (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы})] > (a_n + a_{кп} + a_y + a_{кы}). \quad (19)$$

Таким образом, эффект от применения предварительного обогащения выше в случае нахождения комплекса в непосредственной близости к месту добычи руды, причем тем значительнее, чем больше затраты на транспорт, глубокое

обогащение и химико-металлургическую переработку концентратов. Затраты на два последних передела, включаемые в себестоимость продукции горно-металлургических комбинатов, выше таковых для горно-обогатительных комбинатов. В связи с чем, согласно выражениям (15) и (16), пороговый выход хвостов предварительного обогащения для горно-металлургического комбината будет ниже, чем для горно-обогатительного комбината, а эффект выше при равных γ_x^* (1) и γ_x^* (2). Предварительное обогащение в непосредственной близости к месту добычи руды будет технологически эффективнее, в силу того что контрастность отбитой горной массы снижается усреднением.

Действительно, преобразуем выражение (3) к виду

$$3^* < (\text{Ц}^* \div \text{К}_B^*) : [(1 - \text{К}_T) + (\text{К}_T \times \text{Ц}) \div (3 \times \text{К}_B)], \quad (20)$$

где технологический параметр

$$\text{К}_T = [Q(1 - P)\varepsilon] : [Q^*(1 - P^*)\varepsilon^*] \quad (21)$$

изменяется в пределах $0 < \text{К}_T < 1$ с учетом соотношений (4—(6). Неравенство (20) упрощается при $\text{К}_T \rightarrow 1$ до вида

$$3^* < 3 [\text{Ц}^* \times \text{К}_B] : [\text{К}_B^* \times \text{Ц}], \quad (22)$$

а при $\text{К}_T \rightarrow 0$ до

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кожиев Х. Х., Ломоносов Г. Г. Рудничные системы управления качеством минерального сырья. М. : Изд-во МГГУ, 2008. 292 с.
2. Чантурия В. А. Современные проблемы обогащения минерального сырья в России // Вестник ОГТГН РАН. 1998. № 4(6). С. 17.
3. Результаты переоценки минерально-сырьевой базы металлических полезных ископаемых Российской Федерации / Ю. М. Дауев, П. Я. Бакланов, В. П. Василенко и др. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2000. № 4. С. 32—39.
4. МСБ золота России и ее перспективы до 2035 г. URL: <http://www.gold.lprime.ru/bulletin/reviews/show.asp?id=36745>.
5. Оганесян Л. В., Мирлин Е. Г. Проблема исчерпания минерально-сырьевых ресурсов земной коры // Горная промышленность. 2019. № 6. С. 100—105. URL: <http://dx.doi.org/10.30686/1609-9192-2019-6-148-100-105>.
6. Мокроусов В. А., Лилеев В. А. Радиометрическое обогащение нерадиоактивных руд. М. : Недра, 1979. 192 с.
7. Мокроусов В. А. Контрастность руд, ее определение и использование при оценке обогатимости // Минеральное сырье. 1960. Вып. 1. С. 316—319.
8. Баранов В. Ф. Обзор мировых достижений и проектов рудоподготовки новейших зарубежных фабрик // Обогащение руд. 2008. № 1. С. 8—12.
9. Цыпин Е. Ф. Научные основы и технологии предварительного обогащения минерального и техногенного сырья : дис. ... д-ра техн. наук. Екатеринбург, 2000. 323 с.
10. Проблемы отработки месторождений руд цветных металлов и золота с предварительным обогащением / А. В. Конев, С. П. Киселева, К. А. Штреслер и др. // Записки горного института. 2013. Т. 205. С. 179—184.
11. Инвестиционное проектирование высокорентабельной отработки месторождений руд цветных металлов и золота с применением новаций рудоподготовки / А. В. Конев, К. А. Шульгина, С. Ф. Богдановская и др. // Цветные металлы и минералы — 2015 : сб. докл. VII междунар. конгр. Красноярск, 2015. С. 1356—1363.
12. Предпосылки для формирования золотодобывающих кластеров в России / А. В. Конев, В. А. Макаров, К. А. Шульгина и др. // Техника и технология. 2017. № 10(7). С. 940—951.
13. Батугина Н. С., Джемакулова И. Д., Ткач С. М. Новые аспекты оценки разубоживания руд при разработке месторождений // ГИАБ. 2007. № 2. С. 124—130.
14. Конев А. В., Шульгина К. А., Миронова Ж. В. К вопросу разубоживания и потерь полезных компонентов при отработке месторождений руд цветных металлов и золота // Цветные металлы и минералы — 2015 : сб. докл. VII междунар. конгр. Красноярск, 2015. С. 58—65.
15. Об утверждении стратегии развития черной и цветной металлургии России на 2014-2020 годы и на перспективу до 2030 года : приказ МП и Т РФ от 05.05.2014 г. № 839.

$$3^* < \text{Ц}^* : \text{К}_B^*. \quad (23)$$

Из соотношений (22) и (23) следует, что внедрение предварительного обогащения целесообразно без существенного улучшения технологических показателей горнодобывающего предприятия ($\text{К}_T \rightarrow 1$) лишь при очевидном тренде на повышение цены Ц^* и снижении курса рубля в период окупаемости проекта. Если технологические показатели значительно возрастают ($\text{К}_T \rightarrow 0$), то применение предварительного обогащения целесообразно даже при снижении Ц^* и повышении курса рубля.

Заключение

Таким образом, применение технологических критериев, среди которых увеличение объемов переработки руд в порядке возмещения выделенной породы без наращивания мощности перерабатывающего комплекса; снижение потерь металла при добыче и с отвальными хвостами повышением извлечения на стадиях глубокого обогащения и химико-металлургической переработки, а также экономических критериев — компенсации затрат предварительного обогащения снижением издержек глубокого обогащения и химико-металлургического передела, позволит снизить экологическую нагрузку, повысить уровень использования минерально-сырьевой базы, эффективность горнодобывающих предприятий и инвестиционную привлекательность отрасли.

REFERENCES

1. Kozhiev Kh. Kh., Lomonosov G. G. *Mine management systems for the quality of mineral raw materials*. Moscow, MMU publ., 2008. 292 p. (In Russ.)
2. Chanturia V. A. Modern problems of mineral processing in Russia. *Bulletin of OGGGGN RAS*, 1998, no. 4(6), p. 17. (In Russ.)
3. Dauev Yu. M., Baklanov P. Ya., Vasilenko V. P. et al. Results of reevaluation of the mineral resource base of metal minerals of the Russian Federation. *Mineral Resources of Russia. Economics and Management*, 2000, no. 4, p. 32—39. (In Russ.)
4. *Mineral resource base of gold of Russia and its prospects until 2035*. (In Russ.) URL: <http://www.gold.1prime.ru/bulletin/reviews/show.asp?id=36745>.
5. Oganesyan L. V., Mirlin E. G. The problem of depletion of mineral resources of the earth's crust. *Mining Industry*, 2019, no. 6, pp. 100—105. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.30686/1609-9192-2019-6-148-100-105>.
6. Mokrousov V. A., Lileev V. A. *Radiometric enrichment of non-radioactive ores*. Moscow, Nedra, 1979. 192 p. (In Russ.)
7. Mokrousov V. A. Contrast of ores, its definition and use in the assessment of washability. *Mineral Raw Materials*, 1960, iss. 1, pp. 316—319. (In Russ.)
8. Baranov V. F. Review of world achievements and ore preparation projects of the newest foreign factories. *Ore Enrichment*, 2008, no. 1, pp. 8—12. (In Russ.)
9. Tsylin E. F. *Scientific bases and technologies for preliminary enrichment of mineral and technogenic raw materials*. Diss. of the Doc. of Tech. sciences. Ekaterinburg, 2000, 323 p. (In Russ.)
10. Konev A. V., Kiseleva S. P., Shtresler K. A. et al. Problems of mining of deposits of non-ferrous metals and gold ores with preliminary enrichment. *Notes of the Mining Institute*, 2013, vol. 205, pp. 179—184. (In Russ.)
11. Konev A. V., Shulgina K. A., Bogdanovskaya S. F. et al. Investment design of highly profitable mining of non-ferrous metal and gold ore deposits with the use of ore preparation innovations. In: *Non-ferrous metals and minerals — 2015. Reports of VII Int. congress*. Krasnoyarsk, 2015. Pp. 1356—1363. (In Russ.)
12. Konev A. V., Makarov V. A., Shulgina K. A. et al. Prerequisites for the formation of gold mining clusters in Russia. *Technics and technology*, 2017, no. 10(7), pp. 940—951. (In Russ.)
13. Batugina N. S., Dzhemakulova I. D., Tkach S. M. New aspects of assessing ore dilution during the development of deposits. *GIAB publ.*, 2007, no. 2, pp. 124—130. (In Russ.)
14. Konev A. V., Shulgina K. A., Mironova Zh. V. On the issue of dilution and loss of useful components during the development of deposits of ores of non-ferrous metals and gold. In: *Non-ferrous metals and minerals — 2015. Reports of VII Int. congress*. Krasnoyarsk, 2015. Pp. 58—65. (In Russ.)
15. *On approval of the strategy for the development of ferrous and non-ferrous metallurgy in Russia for 2014—2020 and until 2030*. Order of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation of 05.05.2014 No. 839. (In Russ.)

Как цитировать статью: Шульгина К. А., Кузина Л. Н., Миронова Ж. В., Конев А. В., Короткевич В. А. Критерии целесообразности применения технологий предварительного обогащения для модернизации предприятий горнодобывающей промышленности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 93—97. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.320.

For citation: Shulgina K. A., Kuzina L. N., Mironova Zh. V., Konev A. V., Korotkevich V. A. Feasibility criteria for application of pre-enrichment technologies for modernization of mining industries. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 93—97. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.320.

УДК 336.64
ББК 65.291.9-21

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.321

Ladyzhenskaya Tatyana Petrovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of Institute of Digital Economics,
Yugra State University,
Russian Federation, KhMAO-Yugra,
Khanty-Mansiysk,
e-mail: Tladd@mail.ru

Ладыженская Татьяна Петровна,
канд. экон. наук,
доцент Института цифровой экономики,
Югорский государственный университет,
Российская Федерация, ХМАО-Югра,
г. Ханты-Мансийск,
e-mail: Tladd@mail.ru

Kuznetsova Natalya Anatolevna,
Master's student of the Institute of Digital Economy,
Yugra State University,
Russian Federation, KhMAO-Yugra,
Khanty-Mansiysk,
e-mail: nak-76@mail.ru

Кузнецова Наталья Анатольевна,
магистрант Института цифровой экономики,
Югорский государственный университет,
Российская Федерация, ХМАО-Югра,
г. Ханты-Мансийск,
e-mail: nak-76@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА, АНАЛИЗ ОБЩИХ КОНТУРОВ СИСТЕМЫ И ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТЬ: ОПЫТ ЮГРЫ

METHODOLOGICAL ISSUES OF FINANCIAL MANAGEMENT, ANALYSIS OF THE SYSTEM GENERAL OUTLINE AND ITS EFFICIENCY: THE EXPERIENCE OF YUGRA

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Одним из целевых ориентиров в обеспечении расходования бюджетных средств, эффективного в текущих условиях ограниченности ресурсов, является обеспечение положений, направленных на совершенствование качества финансового менеджмента главных распорядителей (администраторов) бюджетных средств (ГРБС), государственных и муниципальных учреждений. В нашей стране впервые нормативное закрепление понятие «государственный финансовый менеджмент» получило вместе с выходом приказа Минфина РФ от 10.12.2007 г. № 123н «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств федерального бюджета» [1], в соответствии с положениями которого финансовый менеджмент является совокупностью процедур процессов, обеспечивающих результативность использования средств бюджета, и включает в себя все составляющие бюджетного процесса (в том числе составление проекта бюджета, его исполнение, ведение учета и отчетности, контроль и аудит).

Целью исследования представляется анализ разработанной и применяемой на практике в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (далее — Югра, автономный округ) методики осуществления оценки качества финансового менеджмента. При проведении наблюдения применяются показатели качества финансового менеджмента, раскрывающие наличие фактов бюджетных нарушений, выявляемых органами государственного финансового контроля автономного округа в отношении объектов мониторинга, по которым установлены целевые ориентиры.

Вместе с этим дана оценка соответствия действующей методики в автономном округе методическим рекомендациям Минфина России и сформулированы предложения, направленные на ее совершенствование. Кроме того, будет рассмотрена степень совершенствования методики, поскольку в секторе государственного и муниципально-

го управления развитие методологии финансового менеджмента и критериев оценки его качества направлено не столько на ее совершенствование, сколько на эффективность бюджетных расходов.

One of the goals in ensuring effective budget funds spending amid current conditions of limited resources is to ensure the provisions aimed at improving the quality of financial management of the chief treasurers (administrators) of budget funds (CTFB), state and municipal institutions. In Russia, the concept of “public financial management” was first legally enshrined with the release of the order of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 10.12.2007 No. 123n “On the organization of the quality monitoring of financial management performed by chief treasurers of the federal budget,” [1], in accordance with the provisions of financial management which is a set of procedures and processes, ensuring the efficient use of budget funds and involves all the components of the budget process (including preparation of the draft budget and its implementation, accounting and reporting, control and audit).

The purpose of the study is to analyze the methodology developed and applied in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra (hereinafter — Yugra, Autonomous Okrug) for the financial management quality assessment.

When conducting monitoring, financial management quality indicators are used, which reveal the facts of budget violations detected by the state financial control bodies of the Autonomous Okrug in relation to monitoring objects for the set targets.

At the same time, the application of the current methodology in the autonomous okrug is assessed for compliance with the methodological recommendations of the Ministry of Finance of the Russian Federation and the formulation of proposals aimed at its improving. In addition, its improvement degree will be considered, since in the public and municipal administration sector, the development of the financial management methodology

and quality assessment criteria are aimed not so much at its improvement, but at the of budget spending effectiveness.

Ключевые слова: Бюджетный кодекс РФ, управление государственными финансами, мониторинг, финансовый менеджмент, главный распорядитель бюджетных средств, методика, система, эффективность, контроль, аудит, рейтинг.

Keywords: Budget Code of the Russian Federation, public finance management, monitoring, financial management, chief treasurer of budget funds, methodology, system, efficiency, control, audit, rating.

Введение

Актуальность. Усиление качества финансового менеджмента (ФМ) является неотъемлемой частью государственного управления, реализуемого органами власти (местного самоуправления), необходимым процессом, направленным на укрепление финансовой дисциплины и повышение эффективности.

Основными направлениями являются оптимизация событий, значительно влияющих на результаты исполнения полномочий бюджета и связанных с этим бюджетных рисков. Проведение мониторинга качества ФМ на регулярной основе позволяет наблюдать и оценивать финансовые (бюджетные) результаты деятельности органов власти (местного самоуправления) и проводить оценку на соответствие функций и задач, поставленных государством. В связи с этим менеджмент становится неотъемлемой частью социально-экономической оценки результатов стратегического планирования.

Изученность проблемы. Бесспорно, оценка государственного управления связана с выполнением определенных универсальных условий. При этом в научной литературе отсутствует всеобъемлющее определение термина «качество государственного управления». По мнению ведущих авторов, занимавшихся данной проблемой, а именно Г. В. Атаманчук, А. Л. Гапоненко, А. В. Пикулькина, качество государственного управления выражается в результатах государственного управления, соотносенных с целевыми ожиданиями [2—4]. Его можно определить как степень соответствия совокупности характеристик требованиям, которые установлены всеми заинтересованными сторонами в соответствующей деятельности [5]. К числу заинтересованных сторон можно отнести сами органы государственного управления, организации разных секторов экономики и общество.

По мнению А. М. Балтиной, «финансовый менеджмент в общественном секторе экономики представляет собой систему управления эффективностью и результативностью бюджетных расходов, назначением которых является создание общественных благ, в основе которых лежит институционализация финансовых отношений между принципалом (органом власти, который выполняет полномочия и функции учредителя учреждения) и агентом (учреждением), расширение полномочий агента в распоряжении средствами бюджета с учетом требований принципа законности, включение механизма конкуренции за бюджетные ресурсы» [6]. Более полное определение сформулировано Е. А. Ермаковой: «Государственный финансовый менеджмент представляет собой науку, посвященную методологии и технике управления финансовыми потоками, активами, пассивами

публично-правовых образований и рисками, возникающими при финансовом обеспечении процесса производства и предоставления общественных благ» [7].

В работах зарубежных авторов обращает на себя внимание определение Дугласа Норта: «Менеджмент публичными финансами связан с законами, организацией, системой и процедурами, доступными правительству, желающему эффективно и прозрачно обеспечивать и использовать ресурсы» (цит. по [8]). PFM как метод согласования оценки государственного финансового управления также охватывает налоги и другие доходы правительства, заимствования и управление долгом, его основной фокус направлен на управление расходами, особенно в контексте публично-бюджетирования [9].

Целесообразность разработки темы. Качественная организация системы ФМ в бюджетной сфере способствует повышению эффективности расходования средств бюджета. Возникает потребность в совершенствовании методики показателей оценки, разработке и внедрении новых методик.

Научная новизна. Основываясь на анализе применения норм действующего законодательства на разных уровнях власти, систематизированы основные показатели и соответствующие им задачи финансового контроля и эффективности ФМ, разработана схема информационного взаимодействия при проведении мониторинга качества ФМ с учетом предложенных изменений и алгоритм ее внедрения.

Целью исследования явилось изучение организации системы ФМ. В ходе исследования определены следующие **задачи**: анализ законодательства и изучение опыта организации ФМ в автономном округе; определение выводов и рекомендаций в организации ФМ в автономном округе.

Теоретическая и практическая значимость работы. В статье раскрыты теоретические аспекты организации ФМ, проанализированы конкретные показатели, дана оценка актуальности и целесообразности их применения, что позволит снизить трудоемкость процесса их внедрения.

Целесообразность. В ходе развития нормативно-правовой базы в определении ФМ понятие дополнено определением «эффективность». Из чего следовало, что ФМ подразумевает обеспечение не только результативности управления бюджетными средствами, но и эффективности их использования. В данном контексте впервые определение закреплено в приказе Минфина РФ от 13.04.2009 г. № 34н «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета» [10]. Следует понимать, что качество управления государственными финансами является динамичной категорией, т. е. во внимание должны приниматься как прямые результаты деятельности, так и будущие последствия управленческих решений. Отсюда следует вывод: полученные результаты могут не удовлетворить требования всех заинтересованных сторон. Поскольку качество государственного управления его ФМ проявляется в масштабах всего общества, важен обобщающий конечный результат.

Основная часть

Финансовый менеджмент — совокупность результатов выполнения процедур составления и исполнения бюджета, в том числе процедур в части финансового обеспечения закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд, ведения бюджетного учета и составления

бюджетной отчетности, управления активами, осуществления внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита [11].

Обязанность финансового органа субъекта в проведении мониторинга качества ФМ с 2019 г. установлена п. 6 ст. 160.2-1 БК РФ. Наблюдение проводится в определенном порядке в отношении главных распорядителей и главных администраторов бюджетных средств и подведомственных учреждений [12]. Оценка организации исполнения и использования бюджетных средств, установленных полномочий, а также своевременное предупреждение, выявление и пресечение бюджетных рисков, бюджетных нарушений непосредственно являются целью осуществления мониторинга качества ФМ (далее — мониторинг).

На федеральном уровне в 2019 г. приказом Минфина РФ утверждены Методические рекомендации по проведению мониторинга качества ФМ (далее — приказ Минфина РФ № 1031), направленные на обеспечение единого подхода к организации и проведению мониторинга [13]. Собственная оригинальная методика в Югре применяется более десяти лет, она утверждена приказом Департамента финансов автономного округа от 31.03.2011 г. № 66-о «Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, главными администраторами доходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры» [14].

В настоящее время Департаментом финансов автономного округа (далее — Депфин Югры) оценка качества ФМ выполняется по 37 ГРБС на основе представленных распорядителями данных и материалов, а также сведений, содержащихся в государственной информационной системе «Региональный электронный бюджет». Мониторинг качества ФМ проводится ежегодно, динамика показателей определяется ежеквартально, с применением балльно-рейтинговой системы оценки по семи группам: среднесрочное финансовое планирование; исполнение бюджета в части расходов; исполнение бюджета в части доходов; управление активами; учет и отчетность; исполнение судебных актов; контроль и аудит.

Параметры оценки сгруппированы по характеру проводимых процедур, касающихся финансового планирования, организации исполнения бюджета автономного округа в части администрируемых доходов и расходов, ведения учета и подготовки отчетности, управления активами и т. п.

Наиболее весомыми в итоговой оценке качества ФМ являются показатели первой, второй, пятой и седьмой групп.

В ходе проведения мониторинга определяются количественные показатели качества ФМ с учетом отраслевых особенностей, к которым относятся объем администрируемых расходов, количество государственных подведомственных учреждений. Рейтинг ГРБС создается в разрезе групп в зависимости от доли расходов бюджетных средств в общих расходах бюджета Югры, а также от количества подведомственных государственных учреждений. На основании полученных значений рассчитывается средняя итоговая оценка качества ФМ.

По результатам годового и полугодового мониторинга ГРБС, получившие итоговую оценку ниже установленного уровня, согласно приказу № 66-о, разрабатывают план мероприятий, который направлен на повышение качества ФМ. План направляется в Депфин Югры для обеспечения оценки и контроля его исполнения со стороны отраслевых

кураторов. Вместе с тем приказом Минфина РФ № 1031 субъектам мониторинга предоставлен ряд прав, среди которых право самостоятельно определять алгоритм расчета и анализа значений показателей качества ФМ. Это означает, что финансовые органы субъектов могут самостоятельно исключать и (или) уточнять, а также дополнять приведенные в методических рекомендациях показатели, формулы и подходы.

Методика исследования. Сравним рекомендуемые Минфином РФ направления мониторинга качества ФМ и используемые Депфином Югры. Общие подходы к организации мониторинга в автономном округе в целом соответствуют положениям приказа Минфина РФ № 1031.

Из 39 рекомендуемых направлений при проведении мониторинга в автономном округе используются только 20. В то же время количество рассчитываемых показателей по отдельным направлениям достигает восьми. Необходимо отметить, что отсутствие применения ряда направлений, установленных приказом Минфина РФ № 1031, обусловлено прежде всего объективными факторами, анализ которых приведен в табл.

Вместе с тем такие показатели (критерии), как нарушение порядка составления бюджетных смет, их утверждения и ведения; нарушение порядка принятия бюджетных обязательств, направленных на закупку товаров, работ и услуг; качество подготовки обоснований бюджетных ассигнований при формировании проекта закона о бюджете; качество правовой базы участника бюджетного процесса; управление просроченной дебиторской задолженностью по платежам в бюджет; управление источниками финансирования дефицита бюджета; качество управления недвижимым имуществом, переданным в аренду, и др., нами были исключены из табл. по выявленным в ходе анализа объективным факторам. Данные показатели являлись неактуальными в связи с тем, что в системе ГИС «Региональный электронный бюджет», использующейся в автономном округе, имеются контрольные функции, которые работают автоматически. По ряду показателей на основании анализа отчетности выявлен узкий круг ГРБС, в связи с чем внесение изменений в методику неактуально в настоящее время.

Среди основных факторов — отсутствие формализованных методик расчета соответствующего показателя либо ситуация, когда расчет показателя требует больших трудовых затрат. В то же время привлечение к проведению мониторинга сотрудников органов исполнительной власти разного уровня и органов государственного финансового контроля требует дополнительной регламентации их взаимодействия.

Тем не менее дополнение проводимого мониторинга отдельными направлениями целесообразно при условии организации эффективного межведомственного взаимодействия с органами государственной власти автономного округа, снижения трудоемкости расчета показателей путем автоматизации сбора применяемых для расчета данных. При этом часть рекомендуемых направлений мониторинга характерна только для деятельности отдельных администраторов бюджетных средств автономного округа. К таковым относятся: оценка качества управления источниками финансирования дефицита бюджета, недвижимым имуществом, переданным в аренду, анализ показателей, характеризующих объем незавершенного строительства.

Анализ показателей мониторинга и факторов, влияющих на качество ФМ

Показатель	Комментарий/формула в приказе Минфина России	Анализ отсутствующих в приказе № 66-о показателей мониторинга и их оценка
Несоблюдение правил планирования закупок	Характеризует качество финансовой дисциплины и надежность внутреннего финансового контроля в сфере закупок. Недопущение несоблюдения правил планирования закупок является целевым ориентиром. Оценивается наличие или отсутствие постановления о назначении административного наказания за нарушение правил закупок	Для проведения оценки требуется участие органа, осуществляющего координацию и размещение государственного заказа
Нарушение сроков доведения бюджетных ассигнований и (или) лимитов бюджетных обязательств	Характеризует надежность внутреннего финансового контроля, а также качество финансовой дисциплины объекта мониторинга. Ориентиром является недопущение нарушений. $P_{тБА(ЛБО)} = Q_b,$ где $P_{тБА(ЛБО)}$ — показатель качества ФМ; Q_b — количество фактов нарушений сроков доведения бюджетных ассигнований и (или) лимитов бюджетных обязательств бюджета на обеспечение выполнения функций казенных учреждений, допущенных главным администратором (в единицах)	Показатель является актуальным в связи с тем, что количество казенных учреждений в автономном округе, по данным с сайта Депимущества Югры, составляет 73 ед. [15]. Для оптимизации процесса необходима настройка дополнительного аналитического отчета
Нарушение правил, условий предоставления субсидий, бюджетных инвестиций	Квалифицирует качество финансовой дисциплины и надежность внутреннего финансового контроля объекта мониторинга в отношении расходов на капитальные вложения в объекты государственной (муниципальной) собственности. Недопущение нарушений является целевым ориентиром	Показатель является актуальным, вместе с тем требует организации межведомственного взаимодействия в целях обеспечения участия исполнительных органов власти, осуществляющих функции по внутреннему государственному финансовому контролю в сфере бюджетных правоотношений
Нарушение порядка проведения инвентаризации активов и обязательств	Определяется качество проведения объектом мониторинга инвентаризации активов и обязательств. Отсутствие фактов нарушений порядка проведения инвентаризации активов и обязательств, выявленных по результатам проверки, в том числе проведенной органами государственного (муниципального) финансового контроля, является ориентиром. $P = Q_i,$ где Q_i — количество фактов нарушений порядка проведения инвентаризации активов и обязательств, допущенных главным администратором (в единицах)	Показатель является актуальным, вместе с тем требует организации межведомственного взаимодействия в целях обеспечения участия исполнительных органов, осуществляющих функции по внутреннему государственному финансовому контролю в сфере бюджетных правоотношений
Степень достоверности бюджетной отчетности	Определяется степень достоверности бюджетной отчетности в соответствии со ст. 264.4 БК РФ по результатам внешней проверки годового отчета об исполнении бюджета. $P = \frac{S_p}{E_b},$ где S_p — сумма искажений показателей бюджетной отчетности, допущенных главным администратором; E_b — суммарное значение показателей бюджетной отчетности, по которым выявлены искажения	Показатель актуален, требует организации межведомственного взаимодействия в целях обеспечения участия органа, обладающего организационной и функциональной независимостью, вместе с тем являющегося постоянно действующим органом внешнего государственного финансового контроля
Исполнение представлений по устранению бюджетных нарушений, направленных органами прокуратуры	Значение показателя характеризует наличие фактов нарушений у объекта мониторинга, а также полноту и своевременность устранения этих нарушений по результатам проверок, проведенных органами прокуратуры	Показатель актуален, требует организации межведомственного взаимодействия в целях обеспечения участия федеральных органов в лице прокуратуры автономного округа

Однако применение в мониторинге дополнительно показателя, характеризующего соблюдение ГРБС сроков доведения подведомственным организациям бюджетных ассигнований и лимитов бюджетных обязательств, по нашему мнению, будет способствовать снижению риска

неисполнения бюджетных ассигнований и обеспечению равномерности исполнения расходов бюджета автономного округа в отчетном периоде.

На рис. 1 представлен анализ в разрезе групп показателей по усредненной оценке качества ФМ.

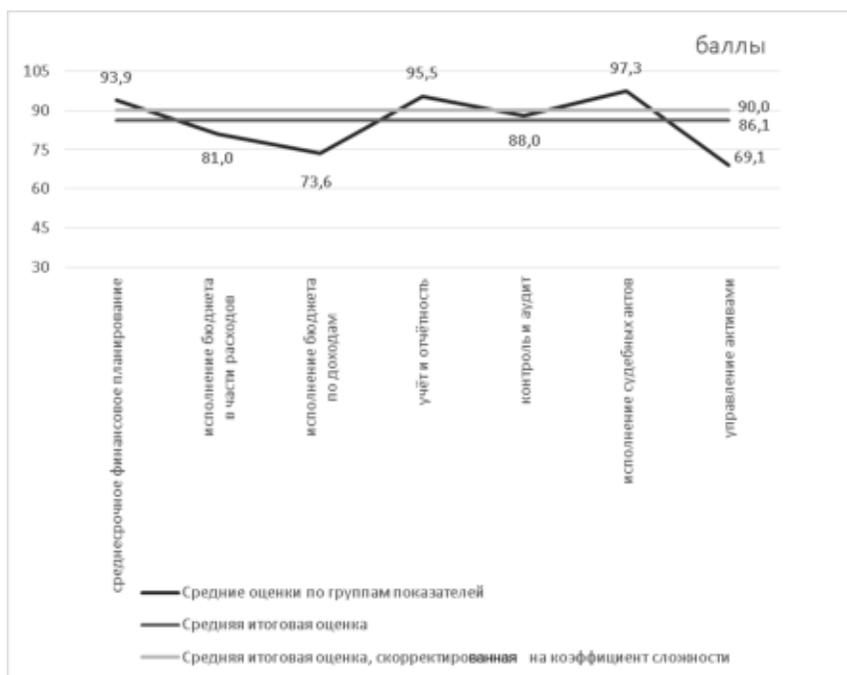

Рис. 1. Усредненная оценка в разрезе групп показателей за 2019 г.

При анализе результатов годового мониторинга (см. рис. 1) определено, что оценка показателей соответствующей группы по каждому ГРБС определялась согласно методике от 0 (наименьший балл) до 1 (наивысший балл) с последующим пересчетом на удельный вес показателя в группе и группы в целом. Итоговая балльная оценка, сложившаяся по результатам каждого ГРБС, корректируется на коэффициент сложности управления финансами. По результатам чего 23 ГРБС, или 62,2 % от общего оцениваемого их количества, имеют значения, превышающие средний балл, тогда как итоговые оценки у 14 ГРБС ниже среднего балла [16].

Результаты. Проведенный анализ подтверждает, что действующий с 2011 г. в автономном округе порядок организации мониторинга качества ФМ в целом соответствует положениям методических рекомендаций, разработанных Минфином РФ в 2019 г.

Вместе с тем при соблюдении принципов эффективности расходования бюджетных средств для повышения уровня информационной прозрачности и открытости использования результатов мониторинга в качестве инструмента отражения результатов деятельности и стимула развития рекомендуется дополнить методику автономного округа показателями, проанализированными в табл.; ранжировать объекты мониторинга по группам с учетом взаимосвязи с итоговыми оценками, отражающими высокое, удовлетворительное и неудовлетворительное качество ФМ. Для закрепления результата в качестве практически значимого ориентира и морального стимула для руководителей ГРБС разумно формировать рейтинг по соответствующим группам, учитывая диапазон итоговых оценок.

Все предложенные изменения целесообразно внедрять параллельно с внесением изменений, позволяющих автоматизировать процесс не только сбора, но и обработки отчетов, а также с автоматизацией расчетов в ГИС «Региональный электронный бюджет» и организацией эффективного межведомственного взаимодействия между органами государственной власти автономного округа.

Действующая схема информационного взаимодействия при проведении мониторинга качества ФМ представлена на рис. 2. Схема информационного взаимодействия при проведении мониторинга качества ФМ с учетом предложенных изменений представлена на рис. 3.

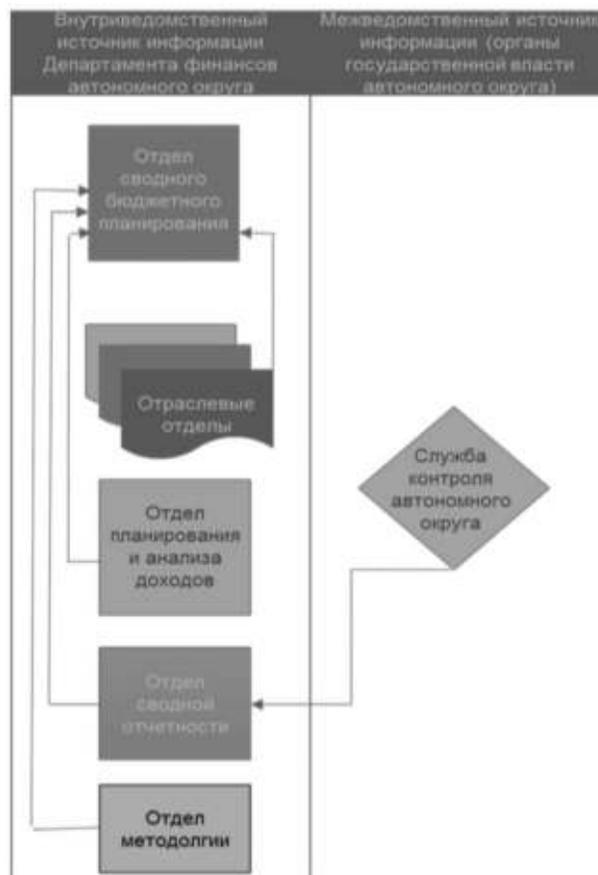

Рис. 2. Действующая схема информационного взаимодействия при проведении мониторинга качества ФМ

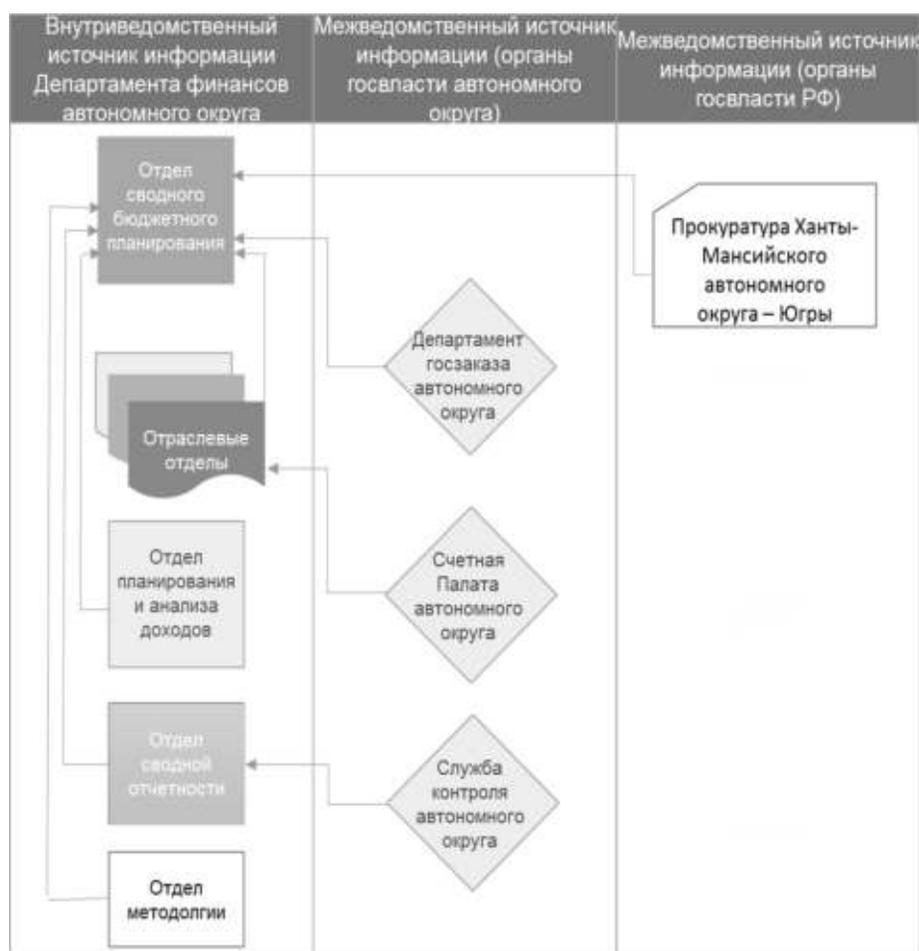

Рис. 3. Схема информационного взаимодействия при проведении мониторинга качества ФМ с учетом предложенных изменений

Заклучение, выводы

При условии корректировки перечня показателей автономного округа и их удельного веса в итоговой оценке можно будет использовать мониторинг в качестве инструмента влияния на достижение высоких значений отдельных индикаторов, характеризующих качество управления региональными финансами и, следовательно, их влияние на достижение стратегических задач социально-экономического развития в автономном округе в целом.

Основной задачей при актуализации системы оценки должно стать полное исключение субъективных факторов в процессе проведения оценки. Методология оценки должна стать понятной и открытой, позволяющей ГРБС самостоятельно оценивать качество ФМ в любой момент времени, что в то же время позволит получать информацию оперативного содержания о качестве ФМ с необходимой

степенью детализации аналитических отчетов. В будущем это позволит создать инструмент эффективного мониторинга и своевременного реагирования на неблагоприятные изменения, возникающие при управлении бюджетными средствами, а также иными ресурсами.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что действующий с 2011 г. в автономном округе порядок организации мониторинга качества ФМ в целом соответствует методологии, разработанной Минфином РФ. При этом уточнение указанного выше порядка по использованию методов, правил и процедур, несомненно, будет способствовать обеспечению эффективности расходов бюджета автономного округа, а также более тесной интеграции его показателей с общенациональной системой оценки качества управления общественными финансами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств федерального бюджета : приказ Мин-ва финансов Рос. Федерации от 10.12.2007 г. № 123н // Российская газета. 2008. № 74.
2. Гапоненко А. Л., Савельева М. В. Теория управления : учеб. и практикум для академ. бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. 336 с.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учеб. 4-е изд., стер. М. : Омега-Л, 2014. 525 с.
4. Пикулькин А. В. Система государственного управления : учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2012. 640 с.
5. Горбашко Е. А. Управление качеством. 3-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2016. 463 с.

6. Балтина А. М. Бюджетная политика и финансовый менеджмент расходов в общественном секторе: методология взаимосвязи и механизм реализации : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. Саратов, 2011. 446 с.
7. Ермакова Е. А. Методология формирования и стратегия развития системы государственного финансового менеджмента в России : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. Саратов, 2008. 506 с.
8. Жукова А. Г., Толстиков А. А. Совершенствование управления публичными финансами // Финансовое право. 2017. № 10. С. 8—12.
9. Schrors W. Der Abschlussprüfer als externer zur Problematik einer Unternehmensberatung durch Wirtschaftsprüfer. Köln, 1977. 208 p.
10. Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета : приказ Мин-ва финансов Рос. Федерации от 13.04.2009 г. № 34н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 35.
11. О формировании отчета Министерства финансов Российской Федерации о результатах мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными администраторами средств федерального бюджета (главными распорядителями средств федерального бюджета, главными администраторами доходов федерального бюджета, главными администраторами источников финансирования дефицита федерального бюджета) : приказ Мин-ва финансов Рос. Федерации от 29.12.2017 г. № 264н. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=122362.
12. Бюджетный кодекс Российской Федерации : принят Гос. Думой 17 июля 1998 г., в ред. федер. закона от 22.12.2020 г. № 448-ФЗ, по состоянию на 22 дек. 2020 г. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
13. Об утверждении Методических рекомендаций по проведению мониторинга качества финансового менеджмента : приказ Минфина России от 14 нояб. 2019 г. № 1031 (ред. от 22 окт. 2020 г.). URL: <http://www.consultant.ru>.
14. Об организации проведения мониторинга качества финансового менеджмента, осуществляемого главными распорядителями средств бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, главными администраторами доходов бюджета Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : приказ Департамента финансов ХМАО- Югры от 31 марта 2011 г. № 66-о (ред. от 15 февр. 2019 г.). URL: <http://www.consultant.ru>.
15. Департамент по управлению государственным имуществом Ханты-Мансийского автономного округа — Югры : офиц. сайт. URL: <http://https://depgosim.admhmao.ru>.
16. Мониторинг качества финансового менеджмента главных распорядителей средств бюджета автономного округа. URL: <https://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzhet/byudzhetnaya-reforma/monitoring-kachestva-finansovogo-menedzhmenta-glavnykh-rasporядiteley-sredstv-byudzhetnaya-avtonomnogo/2019/4248709/za-2019-god>.

REFERENCES

1. On the organization of financial management quality monitoring performed by the chief treasurers of federal budget funds. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 123n of 10.12.2007. *Rossiyskaya Gazeta*, 2008, no. 74. (In Russ.)
2. Gaponenko A. L., Saveleva M. V. *Management Theory. Textbook and practical course for academic undergraduate studies*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Yurayt, 2017. 336 p. (In Russ.)
3. Atamanchuk G. V. *Theory of public administration. Textbook*. 4th ed., ster. Moscow, Omega-L, 2014. 525 p. (In Russ.)
4. Pikulkin A. V. *Theory of public administration. Textbook*. 4th ed., revised and expanded. Moscow, Unity-Dana, 2012. 640 p. (In Russ.)
5. Gorbashko E. A. *Quality management*. 3rd ed., revised and expanded. Moscow, Yurayt, 2016. 463 p. (In Russ.)
6. Baltina A. M. *Budget policy and financial management of expenditures in the public sector: methodology of interrelation and mechanism of implementation. Diss. of the Doc. of Economics*. Saratov, 2011. 446 p. (In Russ.)
7. Ermakova E. A. *Formation methodology and development strategy of the state financial management system in Russia. Diss. of the Doc. of Economics*. Saratov, 2008. 506 p. (In Russ.)
8. Zhukova A. G., Tolstikov A. A. Public finance management improvement. *Financial Law*, 2017, no. 10, pp. 8—12. (In Russ.)
9. Schrors W. *Der Abschlussprüfer als externer zur Problematik einer Unternehmensberatung durch Wirtschaftsprüfer*. Köln, 1977. 208 p. (In German)
10. On the organization of the financial management quality monitoring performed by the chief administrators of federal budget funds. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 34n of 13.04.2009. *Bulletin of normative acts of federal executive authorities*, 2009, no. 35. (In Russ.)
11. *On the formation of the report of the Ministry of Finance of the Russian Federation on the results of financial management quality monitoring performed by the chief administrators of federal budget funds (chief treasurers of federal budget funds, chief administrators of federal budget revenues, chief administrators of funding sources of the federal budget deficit)*. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 264n of 29.12.2017. (In Russ.) URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=122362.
12. *The Budget Code of the Russian Federation. Adopted by the State Duma on July 17, 1998, as amended by Federal Law No. 448-FZ of Dec. 22, 2020, as of Dec. 22, 2020*. (In Russ.) URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
13. *On approval of methodological recommendations for the financial management quality monitoring*. Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 1031 of Nov. 14, 2019 (ed. as of Oct. 22, 2020). (In Russ.) URL: <http://www.consultant.ru>.
14. *On the organization of the financial management quality monitoring performed by the chief treasurers of the budget of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, the chief administrators of budget revenues of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra*. order of the Department of Finance of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra of March 31, 2011 No. 66-o, as of Feb. 15, 2019. (In Russ.) URL: <http://www.consultant.ru>.

15. *Department of State Property Management of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra. Official website.* (In Russ.) URL: <http://https://depgosim.admhmao.ru>.

16. *Financial management quality monitoring of the chief treasurers of the budget of the autonomous okrug.* (In Russ.) URL: <https://depfin.admhmao.ru/otkrytyy-byudzheth/byudzhethnaya-reforma/monitoring-kachestva-finansovogo-menedzhmenta-glavnykh-rasporyaditeley-sredstv-byudzheta-avtonomnogo/2019/4248709/za-2019-god>.

Как цитировать статью: Ладыженская Т. П., Кузнецова Н. А. Методологические вопросы финансового менеджмента, анализ общих контуров системы и ее эффективность: опыт Югры // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 98—105. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.321.

For citation: Ladyzhenskaya T. P., Kuznetsova N. A. Methodological issues of financial management, analysis of the system general outline and its efficiency: the experience of Yugra. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 98—105. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.321.

УДК 2964
ББК У9(2)-56я73-5

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.316

Bondarskaya Oksana Viktorovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Security
and Quality,
Tambov State Technical University,
Russian Federation, Tambov,
e-mail: ovbtgtu@mail.ru

Бондарская Оксана Викторовна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономической безопасности
и качества,
Тамбовский государственный технический университет,
Российская Федерация, г. Тамбов,
e-mail: ovbtgtu@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

STUDY OF INTERREGIONAL INDUSTRIAL COOPERATION IN MODERN CONDITIONS

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья посвящена исследованию межрегиональной промышленной кооперации в современных условиях. Особую актуальность исследование проблемы межрегиональной промышленной кооперации получает в настоящее время, так как промышленное производство в формате производственных систем, включающих несколько хозяйствующих субъектов, имеет достаточно широкое распространение и спрос. В статье затронут современный вопрос о потребности более полного и целостного изучения заявленной темы исследования. Предмет исследования состоит в качественном анализе общедоступных данных, касающихся рассматриваемой проблематики, а также в поиске причинно-следственных связей. Цель исследования заключается в изучении характера и сущности понятия «кооперация»; определении возможных форм взаимодействия всех участников межрегиональной промышленной кооперации. В связи с этим в работе представлены роль и место заинтересованных сторон в процессе кооперации хозяйствующих субъектов. Однако у любой формы экономических отношений, помимо участников, есть заинтересованные стороны, которые непосредственно в эти отношения не вовлекаются, но либо сами влияют на процесс взаимодействия, либо подпадают под влияние участников или производственной системы в целом. Кооперация предполагает активное деятельное участие нескольких субъектов в решении общей для этих субъектов задачи. Это важно и необходимо для всех участников процесса, так как только стабильный характер производственной деятельности

дает предприятию возможность заблаговременно аккумулировать необходимые ресурсы и включить программу перевооружения в основную производственную программу. Здесь необходимо подчеркнуть, что любое участие в кооперации требует от предприятия обеспечения высокого качества результата в заранее согласованные сроки и в требуемом объеме. Для руководства предприятия значима расстановка приоритетов в принятии решений и выделении времени на рассмотрение возникающих проблем, которое напрямую зависит от степени вовлеченности ресурсов предприятия в кооперацию.

The article is devoted to the study of interregional industrial cooperation in modern conditions. The study of the problem of interregional industrial cooperation is particularly relevant at the present time, since industrial production in the format of production systems involving several economic entities has a fairly wide distribution and demand. The article touches upon the need for a more complete and holistic study of the stated research topic. The subject of the study is a qualitative analysis of publicly available data concerning the issues under consideration, as well as the search for cause-and-effect relationships. The purpose of the study is to reveal the nature and essence of the concept of “cooperation”; to determine the possible forms of interaction of all participants of interregional industrial cooperation. In this regard, the paper presents the role and place of stakeholders in the process of cooperation of economic entities. However, in any form of economic relations, besides

the participants, there are stakeholders who are not directly involved in these relations, but either themselves influence the interaction process, or fall under the influence of the participants or the production system as a whole. Cooperation involves the active participation of several subjects in solving a common task for these subjects. This is important and necessary for all participants of the process, since only the stable nature of production activity gives the enterprise the opportunity to accumulate the necessary resources in advance and include the re-equipment program in the main production program. It should be emphasized here that any participation in cooperation requires the company to ensure high-quality results in a pre-agreed time frame and in the required volume. For the company's management, it is important to prioritize decision-making and allocate time to consider emerging problems, which directly depends on the degree of involvement of the company's resources in cooperation.

Ключевые слова: кооперация, рынок, межрегиональное взаимодействие, промышленность, производственные системы, предприятия региона, партнеры, производственные объединения, управление, масштаб, экономические отношения, предприятие, деятельность организации, особенности, преимущества, недостатки, рекомендации.

Keywords: cooperation, market, interregional interaction, industry, production systems, regional enterprises, partners, production associations, management, scale, economic relations, enterprise, organization activities, features, advantages, disadvantages, recommendations.

Введение

Актуальность. Межрегиональное промышленное взаимодействие является одним из важнейших направлений региональной политики государства. Такая политика строится на принципах взаимовыгодности и достижения максимально возможного вовлечения промышленных предприятий в межрегиональную промышленную кооперацию и получения социально-экономического эффекта для каждого субъекта отношений. Все это обуславливает необходимость поиска различных форм взаимодействий экономических субъектов, что подтверждает актуальность вопроса организации межрегиональной промышленной кооперации.

Изученность проблемы. Проблема промышленной кооперации в настоящее время остро обсуждается как в работах известных зарубежных ученых, так и в научных трудах известных ученых России. Однако при изучении данного вопроса особый интерес в современных условиях направлен на изучение экономической сущности межрегиональной промышленной кооперации.

Целесообразность исследования обусловлена необходимостью корректировки особенностей межрегиональной промышленной кооперации при производстве наукоемкой продукции, определения общего и особенного в промышленной кооперации при производстве продукции с учетом потребностей рынка.

Научная новизна заключается в уточнении применения метода решения «транспортной задачи» к задачам распределения ресурсов между участниками кооперации посредством максимизации общего выигрыша с учетом взаимного влияния участников кооперации и заинтересованных сторон. Транспортная задача — это специальный вид задачи линейного программирования. Для решения

транспортной задачи можно использовать методы решения задач линейного программирования, однако ввиду специфичного вида задачи были построены алгоритмы специально для решения этой задачи.

Целями данной работы являются: пояснение понятие «кооперация» применительно к взаимодействию нескольких хозяйствующих субъектов с учетом особенностей промышленного производства; проведение анализа вовлечения предприятия в кооперацию на основании шкалы кооперационных усилий; выявление важных преимуществ кооперации, а также недостатков, оказывающих негативное влияние на ее участников.

Задачи исследования:

- дать краткую характеристику заявленной проблемы с теоретической точки зрения;
- обобщить способы поиска партнеров по бизнесу по размерам промышленных предприятий на основании опросов предприятий Тамбовской области;
- определить возможные формы взаимодействия, рамки распространения полномочий и ответственности между участниками производственной системы кооперации;
- определить характер и сущность взаимного влияния заинтересованных сторон и участников кооперации;
- предложить возможный вариант шкалы кооперационных усилий для промышленного предприятия.

Методология. В работе используются методы логического исторического исследования, анализа и синтеза. Новым является выявление возможности поиска партнеров по бизнесу по размерам промышленных предприятий.

Теоретическая значимость заключается в поиске различных форм взаимодействий экономических субъектов по вопросам межрегиональной промышленной кооперации в современных условиях, а также деятельного участия нескольких субъектов при решении общей для этих субъектов задачи.

Практическая значимость состоит в возможности взаимодействия участников производственно-распределенной технологической цепи на предприятиях. Представлены способы поиска партнеров по бизнесу по размерам промышленных предприятий. Определены важные преимущества кооперации, а также ее недостатки, оказывающие негативное влияние на ее участников. Для оценивания степени вовлечения предприятия в кооперацию автором предложена шкала кооперационных усилий, которая позволяет определить роль участия в кооперации для предприятия и сформировать свою политику по отношению к возникающим в рамках кооперации подзадачам.

Основная часть

В современных условиях, особенно при производстве технологически сложной продукции, в том числе наукоемкой, требующей большого количества испытаний и современных технологических решений, часто возникают задачи, которые не могут быть решены отдельным участником.

Для решения таких задач требуется взаимодействие нескольких участников в текущем производственном процессе, например в форме обмена знаниями, технологиями, при проведении испытаний, а также когда требуется сложная обработка с использованием нескольких видов оборудования, которыми отдельный участник не располагает [1]. В этом случае принято говорить о кооперационной технологической цепи.

Для целей исследования необходимо более четко зафиксировать понятие «кооперация» применительно к взаимодействию нескольких хозяйствующих субъектов с учетом особенностей промышленного производства и свойств высокотехнологичной продукции.

Для этого рассмотрим существующие мнения специалистов, а также трактовки наиболее известных словарей и справочников. Например, по мнению Н. И. Епишкина, «кооперация есть совокупное действие многих лиц для общей цели» [2]. В Историческом словаре говорится, что «кооперация — это такая форма организации труда, при которой значительное число людей совместно участвуют в одном или разных, но связанных между собой процессах труда» [3]. Таким образом, можно сделать промежуточный вывод, что кооперация предполагает активное деятельное участие нескольких субъектов в решении общей для этих субъектов задачи.

Вместе с тем, по нашему мнению, кооперация хозяйствующих субъектов имеет некоторые отличия от кооперации людей [4]. Здесь прежде всего важно понимать, что индивидум, как правило, включается в кооперацию добровольно, понимая общую цель и рамки своего участия. Причем правила взаимодействия очень часто создаются участниками непосредственно в процессе решения задачи [5].

При этом, рассматривая кооперацию в марксистской парадигме, согласно которой «кооперацией называется та форма труда, при которой много лиц планомерно работает рядом и во взаимодействии друг с другом в одном и том же процессе производства или в разных, но связанных между собой процессах производства» [6], мы должны четко понимать, что при кооперации хозяйствующих субъектов возникает кооперация коопераций, т. е. двухуровневая кооперация [7]. На начальном (низовом) уровне кооперации между собой взаимодействуют люди (работники), организованные в рамках хозяйствующего субъекта, использующие свои индивидуальные ресурсы и ресурсы хозяйствующего субъекта [8]. На конечном (верхнем) уровне промежуточные или конечные результаты кооперации отдельных людей (работников) выступают как части усилий

хозяйствующих субъектов, позволяя решать задачи более высокого уровня уже в рамках кооперации промышленных предприятий [9]. Еще одним существенным отличием кооперации хозяйствующих субъектов является длительный характер производственных связей. Подтверждением данного тезиса является определение термина «промышленная кооперация» в Энциклопедии экономики, в соответствии с которым «промышленная кооперация — форма длительных и устойчивых связей между экономически самостоятельными хозяйствующими субъектами, участвующими в процессе совместного изготовления определенной продукции на основе специализации их производства и разделения полномочий» [10].

На основании рис. 1 можно сделать вывод, что даже крупные промышленные предприятия в настоящее время вынуждены искать партнеров на открытом рынке, в том числе применяя конкурсные процедуры [11]. Очевидно, что наибольшей популярностью первый вариант пользуется у малых предприятий (около 45 % респондентов), так как малые предприятия чаще меняют спектр производимой продукции, более адаптивны к изменениям конъюнктуры рынка и заключают договоры на более короткие сроки. Средние предприятия в большей степени привержены профессиональным источникам информации (45 % респондентов), т. е. используют те каналы, по которым можно выяснить именно деловую и производственную историю потенциального партнера. Здесь надо отметить, что результаты в других регионах могут отличаться от Тамбовской области [12]. Причем эти результаты зависят от характера и сферы производства, приоритетного продукта и других свойств региональной промышленности.

Мы считаем, что именно форма вовлечения определяет возможности управления взаимодействием и рамки распространения полномочий и ответственности между участниками производственной системы. Поэтому для целей управления важно определить возможные формы взаимодействия, описать их характерные особенности и свойства, устанавливающие параметры таких систем как объектов управления [13].

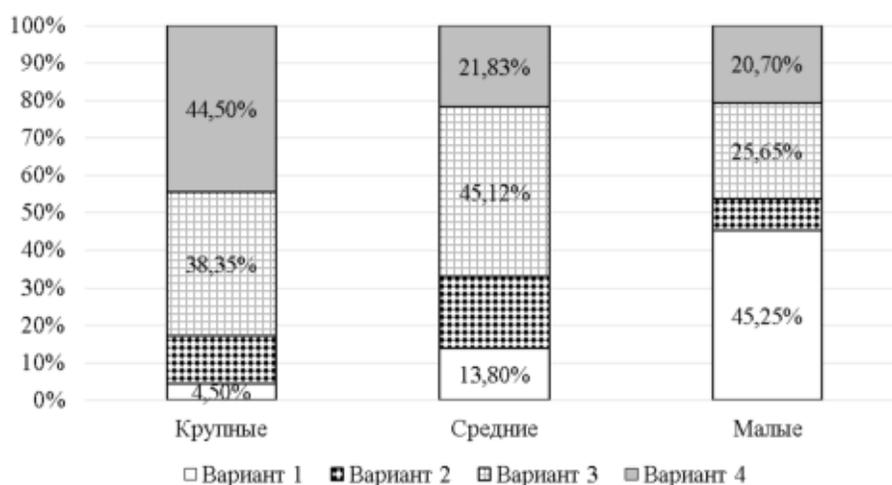

Рис. 1. Способы поиска партнеров по бизнесу по размерам промышленных предприятий: крупные — предприятия с численностью работников выше 500 чел.; средние — предприятия с численностью работников 101...500 чел.; малые — предприятия с численностью работников до 100 чел.; варианты: 1 — информационные порталы, социальные сети; 2 — профильные сетевые ресурсы, профессиональные выставки; 3 — предыдущие производственные контакты, наработанный опыт; 4 — корпоративные связи, рекомендации отраслевых органов (построено автором на основании опросов предприятий Тамбовской области)

Если в рамках производственной системы каждый участник выполняет свое задание, получая в качестве входного сырья конечный продукт предыдущего участника, данная форма взаимодействия, по нашему мнению, может быть названа «простая вертикально упорядоченная технологическая цепь». В рамках такой цепи основными параметрами управления являются затраты конкретного участника на выполнение своей части промышленных операций, выполнение требований по качеству и логистические расходы на перемещение продукции между участниками. Более сложная форма взаимодействия возникает, когда для выполнения одной хозяйственной операции требуется несколько исполнителей [14]. Такая ситуация возможна, например, когда объем производства одного из участников выше производственных возможностей предыдущего участника. В подобной ситуации возникает задача распределения заказов по выпуску аналогичной

продукции несколькими участниками, находящимися на одной стадии производственной цепи. Такая форма взаимодействия, на наш взгляд, в большей степени является «производственно распределенной технологической цепью». При данной форме взаимодействия требуется обеспечить сопоставимое качество продукции у нескольких участников [15]. Также усложняется логистический компонент производственной цепи, так как требуется согласовать поставки от разных производителей не только по стоимости, но и по сроку. Одной из разновидностей производственно распределенной технологической цепи является организационная схема, при которой перераспределение производственных задач необходимо на нескольких стадиях, причем нет стабильных производственных траекторий (рис. 2). Перераспределение продукции является «перекрестным», т. е. требует усложнения логистической инфраструктуры между участниками.

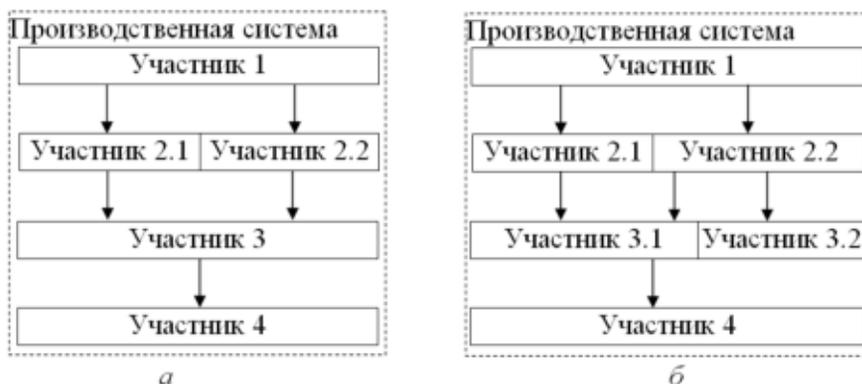

Рис. 2. Схемы производственно распределенной технологической цепи: а — распределение на одной стадии; б — неравномерное распределение на нескольких стадиях производственного взаимодействия (разработано автором)

Тем не менее указанные схемы взаимодействия предполагают, что каждый участник выполняет полный комплекс производственных операций в рамках своих производственных границ.

Также важно учитывать, что не всякое вложение ресурсов в решение совместной задачи может рассматриваться как кооперация. Для анализа видов и способов ресурсного обеспечения процессов взаимодействия целесообразно воспользоваться ресурсной матрицей И. Ансоффа (рис. 3). Рассматривая данную матрицу как шаблон оценки потребностей в ресурсах для совместного решения общей задачи, нужно выделить ряд свойств, отличающих кооперацию от других форм участия.

Например, если для решения подзадачи участник взаимодействия выбирает в рамках стратегии «сделать/купить» вариант «купить», то он, строго говоря, в кооперации не участвует, так как не выполняется условие осуществления работы в совместном процессе. Аналогичный вывод можно сделать в случае, если для решения подзадачи даже при выборе стратегии выявлена потребность только в финансовых ресурсах. То есть мы полагаем, что участие в кооперации характеризуется деятельным участием конкретного хозяйствующего субъекта. По нашему мнению, наиболее важными категориями таких сторон в современных условиях являются лица, характер взаимного влияния которых представлен в табл. 1.

Структура задачи	Сделать/купить	Виды ресурсов			
		Материальные	Человеческие	Информационные	Финансовые
Подзадача 1	с/к	x_{1M}	$x_{1Ч}$	$x_{1И}$	$x_{1Ф}$
Подзадача 2	с/к	x_{2M}	$x_{2Ч}$	$x_{2И}$	$x_{2Ф}$
...
Подзадача N		x_{NM}	$x_{NЧ}$	x_{NI}	$x_{NФ}$
Общие потребности		P_M	$P_Ч$	$P_И$	$P_Ф$
Общее наличие		H_M	$H_Ч$	$H_И$	$H_Ф$
Баланс ресурсов		Δ_M	$\Delta_Ч$	$\Delta_И$	$\Delta_Ф$

Рис. 3. Матрица построения ресурсного баланса (авторская интерпретация таблицы ресурсов)

Таблица 1

Характер и сущность взаимного влияния заинтересованных сторон и участников кооперации (составлено автором)

Заинтересованная сторона	Сущность пассивного влияния (заинтересованная сторона на участника)	Сущность активного влияния (участник на заинтересованную сторону)
Собственник	Выделяет ресурсы для деятельности, определяет политику развития, размер инвестиций в новое оборудование, инновации и обучение работников, определяет стратегическую целесообразность кооперации	Генерирует затраты, влияя на чистую прибыль, ведет кадровую политику, определяя производительность труда и результативность внутренней кооперации, формирует денежный поток для обеспечения эффективности инвестиций
Работник	Предоставляет знания и труд в рамках внутренней кооперации, влияет на продукт через добросовестное участие в производственном процессе, проявляет инициативу по повышению квалификации	Предоставляет рабочее место для реализации возможностей и трудовых способностей, определяет условия труда и оплаты за труд, создает условия для повышения квалификации, карьерного роста
Органы власти	Через правовые акты, политические решения и экономическую политику создают благоприятный инвестиционный климат, условия осуществления экономической деятельности, определяют фискальное обременение деятельности	Формируют социальный климат за счет трансляции макроэкономических условий на своих работников, создают рабочие места, сокращая расходы бюджетов на обеспечение социально незащищенных категорий населения, выполняют социальную функцию
Руководство	Принимает решения по текущей деятельности, формирует организационную структуру, правила участия в кооперационных сделках и характер производственной деятельности, осуществляет связь с другими заинтересованными сторонами	Формирует ресурсные ограничения в части возможного участия в производственных системах, генерирует требования о техническом, кадровом, технологическом перевооружении, определяет условия для развития и потенциал роста
Население	Формирует социальную среду деятельности, поставяет кадровые ресурсы, выдвигает требования по экологическим и социальным условиям деятельности предприятия	Корректирует социальную, экологическую, производственную политику, формируя спрос на рабочую силу, создавая социальную среду жизни населения

Например, наиболее широкое распространение в последнее время для описания кооперации получила теория игр. Однако в рамках предлагаемых моделей, как правило, рассматриваются только интересы самих участников взаимодействия, поэтому ставится задача максимизации выигрыша этих участников без привязки к заинтересованным сторонам.

По нашему мнению, необходима трансформация условий задачи максимизации общего выигрыша с учетом взаимного влияния участников кооперации и заинтересованных сторон. Это может стать одним из направлений развития теории управления, если объектом управления является кооперация участников производственной системы.

Также для целей управления участием в кооперации мы предлагаем оценивать степень вовлечения предприятия

в кооперацию на основании шкалы кооперационных усилий. Данная шкала позволяет определить роль участия в кооперации для предприятия и сформировать свою политику по отношению к возникающим в рамках кооперации подзадачам. Здесь необходимо сделать важную оговорку о том, что любое участие в кооперации требует от предприятия обеспечения высокого качества результата в заранее согласованные сроки и в требуемом объеме.

Тем не менее для руководства предприятия расстановка приоритетов в принятии решений и выделении времени на рассмотрение возникающих проблем может напрямую зависеть от степени вовлеченности ресурсов предприятия в кооперацию. Разработанная с учетом данных тезисов шкала может иметь следующий вид (табл. 2).

Таблица 2

Возможный вариант шкалы кооперационных усилий промышленного предприятия (разработано автором)

Степень вовлечения ресурсов	Усилия на управление производственной программой по кооперации
90...100 % ресурсов	Все управленческие усилия должны быть направлены на решение задач в рамках кооперации
75...90 % ресурсов	Основные усилия управленческой команды должны быть направлены на решение задач в рамках кооперации
50...75 % ресурсов	Может быть выделена специальная управленческая команда, на которую возлагается решение всего комплекса задач по управлению кооперацией
30...50 % ресурсов	Вопросы управления решаются отдельно, но в общем порядке рассмотрения проблем управления производственным процессом предприятия
Менее 30 % ресурсов	Все вопросы решаются в общем порядке, специальных обособленных усилий не требуется

Выводы

Рассматривая масштабы возможной кооперации, целесообразно выделить несколько вариантов: международная, межрегиональная, региональная, местная. Все указанные варианты предполагают соответствующую географию расположения участников. Например, при международной кооперации участники расположены в разных странах, поэтому в процессе совместной деятельности, как правило,

приходится решать не только логистические задачи, но и проблемы стандартов, перемещения через границу, а также языковые проблемы в документообороте.

Соответственно, если кооперация имеет местный характер, то основными управленческими проблемами являются сроки исполнения обязательств, полнота выполнения задач, а также своевременная оплата промежуточных результатов.

К основным управленческим проблемам межрегиональной кооперации относятся, помимо перечисленных, следующие: информационная логистика; материальная логистика; человеческая логистика; финансовая логистика. В частности, при организации информационной логистики необходимо учитывать сущность осуществляемых информационных транзакций (объем, частота, способы защиты, верификация, совместимость).

Эффективное управление материальной логистикой, в свою очередь, предполагает правильный выбор способов перемещения полуфабрикатов, условия совместного использования оборудования. При управлении человеческой логистикой требуется организовать удаленную работу, правила обмена идеями, знаниями и результатами когнитивного труда. Управление финансовой логистикой предполагает установление требований к совместному использованию временно свободных денежных средств и своевременному справедливому и полному перераспределению полученных финансовых результатов [15].

По нашему мнению, наиболее важными преимуществами кооперации являются:

1. Стабильный характер производственной деятельности, когда вопросы технического, кадрового и технологического перевооружения рассматриваются заранее, что дает предприятию возможность заблаговременно аккумулировать необходимые ресурсы и включить программу перевооружения в основную производственную программу, в том числе предусматривая простои и выбытие отдельных производственных блоков и подразделений.

2. Расширенный доступ к внешним ресурсам, возникающий в процессе совместного решения задач, позволяет снизить накладные расходы, более эффективно концентрироваться на основных компетенциях, развивать наиболее востребованные технологии и навыки, а также сокращать время на решение непрофильных задач.

3. Тиражирование организационных моделей кооперации позволяет повысить качество управления в части использования проверенных типовых решений для типовых проблем. Если рассматривать локальные (находящиеся внутри предприятий) системы поддержки принятия решений как внутренние системы с обучением, то участие

в кооперации позволяет консолидировать не только обучение, но и базу типовых проблем, увеличивая синергетический эффект от участия промышленных предприятий в кооперации.

Вместе с тем у кооперации существуют определенные недостатки, оказывающие негативное влияние на ее участников. По нашему мнению, наиболее важными недостатками кооперации являются:

1. Дополнительная ответственность перед конечным потребителем — может возникнуть, если другие участники кооперации недобросовестно выполняют возложенные на них обязательства. В итоге общий результат может быть не достигнут, что негативно скажется на всех, в том числе добросовестных, участниках кооперации.

2. Начальные затраты на приведение производства в соответствие со стандартами производственной системы. Если один из участников кооперации по своим параметрам отстает от других, ему требуется осуществлять дополнительные затраты на модернизацию производства, в том числе квалификации работников, оборудования, технологий. Это может негативно повлиять на финансовый результат в определенном отчетном периоде и вызвать недовольство собственников.

3. График производства в кооперационной модели жестко привязан к общему графику производства, поэтому непредвиденные обстоятельства могут сорвать весь комплекс производственных операций и привести к срыву выполнения общей задачи, что негативно скажется на всех участниках.

Таким образом, любое промышленное предприятие должно принимать несколько категорий решений по своему участию в кооперации. Прежде всего необходимо принять решение об участии в кооперации. Для этого требуется оценка всех положительных и отрицательных последствий, их сопоставление и поиск реального баланса выгод и потерь. Если один из участников кооперации по своим параметрам отстает от других, ему требуется осуществлять дополнительные затраты на модернизацию производства, в том числе квалификации работников, оборудования, технологий. Эффективный выход из кооперации: здесь важно четко определить момент выхода, условия выхода и модель компенсации возможного ущерба для всех участников кооперации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Емельянова К. Ю., Бондарская Т. А. Формирование корпоративной модели стратегического планирования: теоретический аспект // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 5. С. 48—56.
2. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : ЭТС, 2010. 5140 с.
3. Кооперация. URL: <http://endic.ru/history/Kooperacija-18778.html>.
4. Игнатьев М. Н. О понятии экономической интеграции хозяйствующих субъектов // Экономический журнал. 2019. Т. 27. № 3. С. 99—104.
5. Кустова С. Б. Кооперация и интеграция — две составляющих стабильного развития АПК // Сельскохозяйственные науки и агропромышленный комплекс на рубеже веков. 2019. № 9. С. 137—141.
6. Маркс К. Кооперация / К. Маркс // Капитал: критика политической экономии. Т. 1 / Пер. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. 1200 с. Гл. 11.
7. Максимова А. Н., Жариков Р. В. Планирование и оценка выполнения производственной программы предприятия // Стратегии противодействия угрозам экономической безопасности России : материалы II Всерос. форума по экон. безопасности. Вып. II. 2019. С. 135—137.
8. Сирожов О. О. Региональная интеграция и сотрудничество // Социосфера. 2019. № 1. С. 129—131.
9. Филин С. А., Чайковская Л. А. Роль кооперативного сектора в обеспечении инновационного развития и экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 3. С. 119—136.
10. Промышленная кооперация. URL: <http://economy-ru.info/info/9801>.
11. Бондарская О. В., Бондарская Т. А. Особенности и динамика деятельности организации на региональном уровне // Финансовая экономика. 2018. № 6-8.

12. Бондарская Т. А., Бондарская О. В., Минько Л. В. Экономическая безопасность субъектов российского рынка: современное состояние и меры по ее обеспечению // Экономическая безопасность субъектов российского рынка: современное состояние и меры по ее обеспечению : моногр. Тамбов : ТОИПКРО, 2020.
13. Бондарская О. В. Экстраполяционное прогнозирование рыночной ситуации в регионе // Экономика и предпринимательство. 2017. № 9. С. 332—336.
14. Бондарская О. В. Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии // Прогнозирование продаж предприятия ЖКХ. 2017. № 11. С. 856—858.
15. Горемыкин В. А., Соколов С. В. Формы интеграции предприятия // Вопросы региональной экономики. 2019. С. 87—96.

REFERENCES

1. Emelyanova K. Yu., Bondarskaya T. A. Formation of a corporate model of strategic planning: theoretical aspect. *Social and economic phenomena and processes*, 2017, no. 5, pp. 48—56. (In Russ.)
2. Epishkin N. I. *Historical dictionary of gallicisms of the Russian language*. Moscow, ETS, 2010. 5140 p. (In Russ.)
3. Ignatev M. N. On the concept of economic integration of business entities. *Economic Journal*, 2019, vol. 27, no. 3, pp. 99—104. (In Russ.)
4. *Cooperation*. (In Russ.) URL: <http://endic.ru/history/Kooperacija-18778.htm>.
5. Kustova S. B. Cooperation and integration are two components of stable development of the agro-industrial complex. *Agricultural sciences and agro-industrial complex at the turn of the century*, 2019, no. 9, pp. 137—141. (In Russ.)
6. Marx K. Cooperation. In: *Capital. A Critique of Political Economy. Vol. 1*. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2013. 1200 p. Chapter 11. (In Russ.)
7. Maksimova A. N., Zharikov R. V. Planning and evaluation of the production program of the enterprise. In: *Strategies for countering threats to Russia's economic security. Materials of the II All-Russian Forum on Economic Security*. Iss. II. 2019. Pp. 135—137. (In Russ.)
8. Sirozhov O. O. Regional integration and cooperation. *Sociosphere*, 2019, no. 1, pp. 129—131.
9. Filin S. A., Chaykovskaya L. A. The role of the cooperative sector in ensuring innovative development and economic security of Russia. *National Interests: Priorities and Security*, 2016, no. 3, pp. 119—136. (In Russ.)
10. *Industrial cooperation*. (In Russ.) URL: <http://economy-ru.info/info/9801>.
11. Bondarskaya O. V., Bondarskaya T. A. Features and dynamics of the organization's activities at the regional level. *Financial economics*, 2018, no. 6, pp. 915—920. (In Russ.)
12. Bondarskaya T. A., Bondarskaya O. V., Minko L. V. Economic security of Russian market entities: current state and measures to ensure it. In: *Economic security of Russian market entities: current state and measures to ensure it. Monograph*. Tambov, TOIPKRO publ., 2020. (In Russ.)
13. Bondarskaya O. V. Extrapolation forecasting of the market situation in the region. *Economy and Entrepreneurship*, 2017, no. 9, pp. 332—336. (In Russ.)
14. Bondarskaya O. V. Forecasting sales of housing and communal services enterprises. *Competitiveness in the global world: economics, science, technologies*, 2017, no. 11, pp. 856—858. (In Russ.)
15. Goremykin V. A., Sokolov S. V. Forms of enterprise integration. *Issues of regional economy*, 2019, no. 9, pp. 87—96. (In Russ.)

Как цитировать статью: Бондарская О. В. Исследование межрегиональной промышленной кооперации в современных условиях // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 105—111. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.316.

For citation: Bondarskaya O. V. Study of interregional industrial cooperation in modern conditions. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 105—111. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.316.

УДК 330.34
ББК 65.231

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.366

Bondareva Yana Yurevna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Applied Economics and Economic Security,
Belgorod State National
Research University,
Russian Federation, Belgorod,
e-mail: Bondareva_ya@bsu.edu.ru

Lavrinenko Elena Aleksandrovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department
of Applied Economics and Economic Security,
Belgorod State National
Research University,
Russian Federation, Belgorod,
e-mail: monakova@bsu.edu.ru

Riffel German Viktorovich,
Postgraduate of the Department of Applied Economics
and Economic Security,
Belgorod State National
Research University,
Russian Federation, Belgorod,
e-mail: riffel@bsu.edu.ru

Бондарева Яна Юрьевна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Российская Федерация, г. Белгород,
e-mail: Bondareva_ya@bsu.edu.ru

Лавриненко Елена Александровна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Российская Федерация, г. Белгород,
e-mail: monakova@bsu.edu.ru

Риффель Герман Викторович,
аспирант кафедры прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Российская Федерация, г. Белгород,
e-mail: riffel@bsu.edu.ru

Исследование выполнено в рамках государственного задания FZWG-2020-0016 (0624-2020-0016), тема проекта — «Фундаментальные основы глобальной территориально-отраслевой специализации в условиях цифровизации и конвергенции технологий»

The research was performed within the state task FZWG-2020-0016 (0624-2020-0016), project theme — “Fundamental bases of global territorial and sectoral specialization in conditions of digitalization and convergence of technologies”

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НЕДОСТАТКИ И ПРЕИМУЩЕСТВА ЗАРУБЕЖНОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

THEORETICAL DISADVANTAGES AND ADVANTAGES OF THE REGIONAL CLUSTER ECONOMIC MODEL

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

(по отраслям и сферам деятельности, в том числе: региональная экономика)

08.00.05 — Economy and management of national economy (by industries and spheres of activity, including: regional economy)

В статье рассматриваются четыре основных вопроса, связанных с концепцией кластеров. Во-первых, различия в определениях кластеров и связанных с ними понятий. Освещаются теоретические преимущества кластеризации фирм и связанных с ними субъектов, а также риски, связанные с политикой поддержки кластеров. Затем исследуется роль кластеров в контексте глобализации, поскольку меняющийся характер производственно-сбытовых цепочек оказывает влияние на то, как развиваются кластеры и региональные экономики. Наконец, в статье рассматриваются проблемы перехода от теории, лежащей в основе кластеров, к роли, которую могут играть политические, научные и социальные структуры внутри кластерной модели.

Цель статьи состоит не в том, чтобы вернуться к теоретическим дебатам относительно определений, а, скорее, в том, чтобы понять, почему на практике вновь и вновь проявляется интерес к созданию кластерных образований в разных масштабах. В различных программах ис-

пользуется ряд определений и подходов кластерного типа, но они исходят из общих предположений о ценности агломерации фирм и важности объединения людей, навыков и знаний на региональном уровне. Авторы статьи приняли решение изучить зарубежный опыт создания, развития, методологии изучения и оценки кластерных структур для того, чтобы в последующем можно было бы применить их относительно региональных сетевых структур на территории Российской Федерации, а также при разработке программ, учитывающих широкий спектр типов кластеров или ориентированных на те кластеры, которые могут помочь в достижении поставленных целей.

The article discusses four main issues related to the concept of clusters. First, there are differences in the definitions of clusters and related concepts. It highlights the theoretical benefits of clustering firms and related entities, as well as the risks associated with cluster support policies. It then examines the role of clusters in the context of globalization, as the changing nature

of value chains affects how clusters and regional economies develop. Finally, the article explores the challenges of moving from the theory behind clusters to the role that political, scientific, and social structures can play within the cluster model.

The purpose of the article is not to return to the theoretical debate about definitions, but rather to understand why in practice there is an interest in creating cluster formations at different scales again and again. Various programs use a number of cluster-type definitions and approaches, but they are based on general assumptions about the value of agglomeration of firms and the importance of combining people, skills and knowledge at the regional level. The authors of the article decided to study foreign experience in the creation, development, research and evaluation methodologies of cluster structures in order to be able to apply them later in relation to regional network structures in the Russian Federation as well as in designing programs that take into account a wide range of cluster types or focus on those clusters that can help to achieve the set goals.

Ключевые слова: концепция кластера, кластерная политика, региональная экономика, теоретические преимущества кластеризации, глобализация, сети, кластерная структура, теоретические преимущества кластера, риски кластера, инновации, региональная специализация.

Keywords: cluster concept, cluster policy, regional economy, theoretical benefits of the clustering, globalization, networks, cluster structure, theoretical cluster benefits, cluster risks, innovation, regional specialization.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения зарубежного опыта создания, развития, оценки кластерных структур для последующего применения относительно региональных сетевых структур на территории Российской Федерации. Концепция кластера быстро распространилась в политических кругах в 1990-х гг. С тех пор некоторые политики и ученые испытали «усталость от кластеров» и считают кластерную политику несвоевременной. Кроме того, была поставлена под сомнение обоснованность доказательств в поддержку политического вмешательства в этой области. Тем не менее комитет ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) демонстрирует как на национальном, так и на региональном уровне, что ключевые концепции, лежащие в основе кластерного подхода, по-прежнему находятся в центре внимания.

Изученность проблемы. В имеющихся на сегодняшний день научных публикациях не рассматриваются проблемы перехода от теории, лежащей в основе кластеров, к роли, которую могут играть политические, научные и социальные структуры внутри кластерной модели, что обосновывает необходимость проведения исследований в данном направлении.

Научная новизна исследования заключается в выявлении недостатков и преимуществ зарубежной региональной кластерной экономической модели, а также в разработке ряда типологий, описывающих кластеры в соответствии с их основными характеристиками.

Цель исследования заключается в выявлении и систематизации теоретико-методологических недостатков и преимуществ зарубежной региональной кластерной экономической модели. Для достижения цели необходимо решить **задачи** по систематизации существующих подходов

к формированию кластерных моделей за рубежом, проанализировать их сильные и слабые стороны, конкретизировать прикладные методы изучения теоретических аспектов сетевых кластерных структур.

Поставленные задачи формируют круг **теоретической и практической значимости** представленного исследования. Во-первых, тезисы статьи актуальны для дальнейшего изучения, приращения различных точек зрения при обсуждении подобной темы. Во-вторых, практическая сторона исследования заключается в использовании данного материала как базиса при построении кластерной модели на региональном уровне.

Методология исследования носит междисциплинарный характер и базируется преимущественно на методе системного анализа и сопоставления.

Основная часть

Экономисты давно отмечают, что конкретные регионы специализируются на определенных видах деятельности и что фирмы, занимающиеся одной и той же или смежной деятельностью, стремятся объединиться в группы. Концепция сравнительных преимуществ с начала XIX века развила понятие национальной и региональной специализации. Теория предполагает, что различия в ресурсах, таких как географическое местоположение, наличие сырья и более дешевая рабочая сила, создают экономику, которая позволяет одному месту производить в данной отрасли более конкурентоспособно, чем другому, и тем самым специализироваться в этой деятельности. Столетие спустя работы Альфреда Маршалла разработали причины повышения производительности фирм, когда несколько фирм в одной и той же отрасли расположены в непосредственной близости друг от друга, и которые способны передавать знания, объединяться в полноценные рынки труда и налаживать логистические связи между собой. Последующие теории утверждали, что специализация в определенной отрасли влечет за собой процесс накопления активов и преимуществ (кумулятивная причина), подразумевая самоусиливающийся характер этого процесса. Кроме того, рыночные силы, как правило, концентрируют инвестиции в процветающих районах, которые предлагают более широкий доступ к инфраструктуре и человеческому капиталу, более низкие риски и лучший доступ к рынкам [1].

Эти базовые модели получили дальнейшее развитие в такой научной области, как региональная экономика. Например, теории эффективности фирм подчеркивают инновационный процесс, в частности качество многих факторов производства, таких как образование, позитивное соперничество между фирмами, которые продвигают инновации, и структурами, институтами, которые поддерживают инновации [2]. Научные школы, рассматривающие проблемы кластеров, включают, в частности, региональную науку (влияние промышленной организации на культуру), урбанизм (концепция, согласно которой города обладают разнообразием для стимулирования инноваций) и экономическое развитие [3].

Учитывая разнообразие академических подходов к кластерам, существует большое количество определений, варьирующихся от относительно широких до весьма узких. Многие как основу анализа используют модель промышленного района Маршалла, в которой преобладают промышленные районы как основа для определения. Более поздние определения пытаются интегрировать некоторые ключевые концепции этой модели производственного кластера, основанной на промышленных районах, с более

широкой областью применения. Они включают, среди прочего, появление кластеров в сфере услуг, быстрый рост и эволюцию кластеров в высокотехнологичных секторах, растущее значение многонациональных и международных сетевых предприятий в кластерах, а также вклад государственных и частных учреждений. В исследованиях инновационных кластеров ОЭСР отметила важность не только фирм, но и агентов и потребителей, производящих знания [4].

Проблема определения кластера дополнительно осложняется некоторыми определениями, в которых отсутствует пространственное измерение. Например, концепция кластеров может быть применена для анализа на национальном уровне связей отраслевых групп в экономике в целом (макро), на отраслевом или отраслевом уровне с акцентом на межотраслевые и внутриотраслевые связи (мезо) или на уровне фирмы с акцентом на межфирменные связи (микро).

Переходя от определения к практическим примерам, можно отметить, что существует множество способов клас-

сификации кластеров. Одним из полезных различий является различие между наукоемкими кластерами и более традиционными отраслевыми кластерами (табл. 1). Это, безусловно, было четкой закономерностью на протяжении последних двух десятилетий. Однако технический прогресс и быстрая эволюция производственных систем приводят к размыванию некоторых ключевых характеристик кластеров. Например, транзакции в традиционных кластерах основаны в основном на долгосрочных отношениях или они подчеркивают постепенные инновации, в то время как для новых научно ориентированных кластеров эти связи могут иметь гораздо более короткий временной горизонт. Продолжая этот анализ, мы также разработали ряд типологий, которые описывают кластеры в соответствии с их основными характеристиками (структура фирмы, глубина внутренних взаимосвязей и т. д.).

Энрайт предлагает ряд измерений, которые могут помочь охарактеризовать кластеры [5], как показано в табл. 2.

Таблица 1

Характеристики наукоемких и традиционных кластеров

Вид	Молодые отрасли	Зрелая индустрия
Тип отношений/транзакций	Рыночные временные коалиции для совместного предприятия в области НИОКР	Долгосрочные отношения, рыночная локальная цепочка поставок
Инновационная деятельность	Технологические инновации	Постепенные инновации, освоение технологий

Примечание. Адаптировано из материалов Генерального директората ЕС и предприятий (2002), Региональные кластеры в Европе (№ 3/2002), Европейская комиссия, Брюссель.

Таблица 2

Ключевые характеристики кластера

Аспекты	Типы
Географический охват	Локализованная — плотная группировка в небольшой географической области. Рассредоточенная — распространение по большому региону
Плотность	Плотная — высокая концентрация/большое количество фирм в кластере. Разреженность — небольшое количество фирм, низкий экономический вес
Охват	Широкий — разнообразие продуктов в различных, но смежных отраслях промышленности. Узкий — сосредоточен на одном или небольшом количестве продуктов
Глубина внедрения	Глубокий регион включает в себя ряд видов деятельности в цепочке поставок. Фирмы с мелким кластером полагаются на аутсорсинг
Вид деятельности	Фирмы, имеющие богатый спектр деятельности, участвуют в широком спектре видов деятельности, создающих добавленную стоимость (включая, например, разработку и проектирование продукции). Фирмы с низким уровнем активности участвуют только в ограниченном спектре видов деятельности (например, сборочная деятельность)
Потенциал роста	Отраслевой контекст — индустрия «восхода солнца», «полдень», «закат». Конкурентоспособность или неконкурентоспособность в каждой отрасли
Инновационный потенциал	Высокая инновационность — кластер способен использовать свою структуру для генерирования инноваций. Низкая инновационность — природа кластера препятствует инновациям
Вид промышленной организации	Крупная фирма — небольшая фирма (ядро и кольцо). Только небольшие фирмы (кольцо без ядра)
Механизм координации	Спотовые рынки. Краткосрочные коалиции. Долгосрочные отношения. Иерархии
Уровень развития	Рабочая — критическая масса фирм, знаний и ресурсов с плотным взаимодействием. Латентная — критическая масса фирм, но взаимодействия и информационных потоков недостаточно. Потенциал — некоторые элементы присутствуют, но их необходимо углубить и расширить. «Принятие желаемого за действительное» — выбрано для государственной поддержки, но не хватает критической массы или благоприятных условий для органического развития

Несомненно, что большая часть доказательств, подтверждающих мнение о том, что кластеры более продуктивны, является конкретным случаем, и крупномасштабные эмпирические обзоры крайне редки [6].

Майкл Портер сыграл важную роль в расширении интереса к кластерам и выявлению факторов, способствующих их формированию и конкурентному успеху. По словам Портера, «регионы конкурируют в обеспечении наиболее

продуктивной среды. Важна не отрасль, а то, как фирма конкурирует, как она использует преимущества, которые приносит местная среда» [4].

В настоящее время считается, что диффузия и побочные эффекты являются механизмами, которые связывают НИОКР с ростом, а не просто уровнями инвестиций в НИОКР. Поэтому, если результаты исследований не будут распространены по всей экономике, то государственная поддержка исследований станет значительно менее продуктивной. Некоторые недавние исследования показали, что распространение знаний наиболее эффективно, если оно организовано как интерактивная система, чего не хватает многим странам [7].

Технологии и инновации создаются не в изолированных организациях, а в благоприятных условиях, где компетентные организации и квалифицированные специалисты взаимодействуют конструктивным и взаимодополняющим

образом для усвоения существующих знаний и генерирования новых идей, продуктов и производственных процессов. В динамичных высокотехнологичных кластерах уровни личных обменов между фирмами, по-видимому, выше, чем в некластеризованных местах. Этот тип перекрестного опыления идей и инноваций выдвигается в качестве одного из главных факторов успеха модели Силиконовой долины [8]. Некоторые исследования, по-видимому, эмпирически подтверждают этот тезис. Например, успешный кластер ИКТ Стокгольма демонстрирует более высокие показатели межфирменной мобильности рабочей силы, чем остальная часть рынка труда, и более высокие показатели внутрифирменной мобильности, чем другие сопоставимые предприятия частного сектора [9]. Широкий спектр преимуществ, включая инновации, а также практическую экономии производственных затрат, описан в табл. 3.

Таблица 3

Теоретические преимущества кластера

Концепция	Преимущество
<i>Внешние эффекты Маршалла</i>	
Пул на рынке труда	Экономия затрат на рабочую силу за счет доступа к специализированным навыкам, особенно в быстро меняющихся условиях
Большее разнообразие специализированных промежуточных товаров и услуг	Доступ к базе местных поставщиков с большим разнообразием продукции и высокой степенью специализации
Побочные эффекты знаний	Доступ к неявным знаниям в географической близости как с помощью формальных процессов, так и по таким неформальным каналам, как утечка знаний, ставшая возможной благодаря случайным межфирменным взаимодействиям
<i>Рыночная конъюнктура Портера</i>	
Требования	Мотивационные эффекты, обусловленные требованиями высококонкурентных местных клиентов, которые повышают качество, стоимость
Соперничество	Мотивационные эффекты, связанные с социальным давлением/давлением со стороны
Дополнительные условия	Лучшие возможности для продаж фирм за счет экономии затрат на поиск покупателей дополнительных продуктов, предлагаемых в непосредственной близости, и привилегированных возможностей для сотрудничества (продажи, маркетинг и т. д.)
<i>Стоимостное преимущество</i>	
Перевозка	Экономия транспортных расходов за счет географической близости, особенно в случае своевременного контроля доставки
Доверие	Экономия на транзакционных издержках благодаря экономической среде

Понятие риска имеет много измерений. Что касается стратегии, то применение быстрорастущих отраслей может привести к кластерному подходу, который пытается, часто нереалистично, создать критическую массу в таких областях, как науки о жизни и ИКТ, в которых конкуренция особенно жесткая, а требования к государственным инвестициям относительно высоки. В связи с этим возникает вопрос о том, можно ли создавать кластеры и, если да, то какой ценой [10]. Существуют также риски, связанные со структурой кластера. Региональные экономики, основанные на небольших фирмах, работающих в одних и тех же или смежных секторах, могут быть уязвимы для рыночных потрясений, которые одновременно подрывают все фирмы в кластере. Кластеры, платформы и государственные промышленные кластеры также могут рассматриваться как уязвимые, если основная фирма покинет сетевую структуру [11]. Другая форма риска заключается в том, что фирмы в кластере могут стать слишком ориентированными или жесткими, что приводит к так называемым эффектам блокировки (когда крупные инвестиции в поддержку

конкретных секторов или кластеров затрудняют последующую адаптацию стратегий к новым обстоятельствам), поскольку кластер менее открыт для адаптации [12].

В настоящее время обсуждается вопрос о том, сделают ли глобализация кластеры более или менее важными, при этом эксперты склоняются к большей региональной значимости. Некоторые экономисты утверждают, что региональная специализация и кластеризация связанных видов деятельности становятся все более важными особенностями мировой экономики в результате глобализации.

Альтернативная гипотеза состоит в том, что региональная специализация и кластеризация становятся все более надежной основой региональной экономики именно потому, что многие факторы экономических изменений снижают важность географической близости в бизнесе. Так, региональные специализации, которые формировались в течение длительных периодов времени (и которые соответствуют модели кумулятивной причинно-следственной связи), сократились, а в некоторых случаях даже очень быстро исчезли в условиях международной конкуренции [13].

Как указывает Энрайт, «положение человека с точки зрения того, предоставляет ли следующая глобализация-локализация возможность или угрозу, по-видимому, зависит от того, где он находится. Те, кто занимается инновационными кластерами высоких технологий, промышленными районами, которые добились успеха в международной конкуренции, и динамичными столичными кластерами, как правило, сосредотачиваются на преимуществах локализации и возможностях глобализации. Те, кто изучает регионы, которые пришли в упадок, потеряли филиалы и столкнулись с трудностями в восстановлении своей экономики, сосредоточены на потере местных отраслей промышленности, трудности в получении положения в глобальной экономической иерархии, а также потеря местной экономической власти и автономии» [14]. Поэтому местоположение и характер экономической деятельности в глобальных производственно-сбытовых цепочках являются одним из наиболее важных вопросов для директивных органов стран ОЭСР.

Заключение

Необходимо подчеркнуть, что возможное противоречие между теоретическими преимуществами, связанными с кластеризацией, и изменениями в организации производства в странах ОЭСР, по-видимому, свидетельствуют о том, что кластеризация остается важным явлением в странах ОЭСР и странах, не входящих в ОЭСР, но характер и расположение наиболее успешных и динамичных кластеров меняются. Основной мотивацией для политики по-прежнему являются убедительные количественные данные о том, что многие отрасли промышленности по-прежнему относительно сконцентрированы в конкретных регионах в странах ОЭСР [15]. Вдобавок к этому есть некоторые, хотя, вероятно, менее надежные доказательства того, что фирмы в этих

географических концентрациях могут превосходить фирмы, расположенные в других местах, которые не имеют менее непосредственного доступа к ресурсам, предлагаемым близостью к поставщикам, клиентам, разработчикам исследований и другим ключевым субъектам. За последние несколько лет дальнейший импульс политике был дан наблюдением за тем, что многие ведущие фирмы в отраслях новой экономики, как правило, объединялись вместе.

Более того, очевидно, что некоторые успешные регионы всего за несколько лет приобрели резервы квалифицированной рабочей силы, специализированные сети поставщиков и условия взаимного давления или соперничества для поддержания растущей кластеризации динамичных фирм. Таким образом, одним из оправданий кластерной политики является усиление или воспроизведение факторов успеха, которые способствовали возникновению этих концентраций инновационных фирм. Однако следует отметить, что большинство, если не все из этих инновационных кластеров, таких как кластеры, связанные с Интернетом или биотехнологиями, возникли без конкретной политики, направленной на развитие сетей или кластерного поведения. Тем не менее нет конкретных причин, по которым политика не может не укрепить существующие кластеры или развить новые.

Таким образом, задача директивных органов на национальном уровне заключается в разработке программ, учитывающих широкий спектр типов кластеров или ориентированных на те кластеры, которые могут помочь в достижении определенных целей. Концепция кластеров может использоваться в развитых и отстающих регионах, для систем малого и среднего бизнеса или крупных фирм, для обслуживания новых и зрелых отраслей, для ориентации на существующие отрасли или для создания новых отраслей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 1999.
2. Porter M. E. *The Competitive Advantage of Nations*. New York : Free Press, 1990. (Republished with a new introduction, 1998.)
3. Cortright J. *Making sense of clusters: regional competitiveness and economic development*. Washington, D. C. : Brookings Institution, Metropolitan Policy Program, 2006.
4. Porter M. E. The economic performance of regions. *Reg. Studies* 37, 2003.
5. Enright M. J. *Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results*. Working Paper, Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000.
6. Sforzi F. The industrial districts and the “new” Italian economic geography // *European Planning Studies*. 2002. No. 4. Pp. 439—447.
7. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: Chaotic concept or policy panacea? // *J. Econ. Geogr.* 2003. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 5—35.
8. Lundmark M., Power D. Working through Knowledge Pools: Labour Market Dynamics, the Transference of Knowledge and Ideas, and Industrial Clusters // *Urban Studies*. 2003. No. 41. Pp. 5—6.
9. Люблински А. Имеет ли значение географическая близость? Данные кластеризованных и некластеризованных авиационных фирм в Германии // *Региональные исследования*. 2003. Т. 37. С. 453—467.
10. Регион в социально-экономическом пространстве России: анализ, динамика, механизм управления / Е. Г. Анимца и др. Пермь, 2008. 377 с.
11. Гранберг А. Г. *Основы региональной экономики*. М. : ГУВШЭ, 2006. 495 с.
12. Сарафанова А. Н., Павлова А. С., Анастасова А. С. Институциональные формы развития территорий: технопарки и кластеры // *OPEN INNOVATION* : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и просвещение, 2018. С. 89—92.
13. Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации / Под ред. Л. М. Гохберга, А. Е. Шадрина. М. : НИУ ВШЭ, 2013. 108 с.
14. Перегрузка кластерной политики в России. URL: <https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2020/01/operzagruzkeklasternoy-politiki-v-rossii-16.01.2020.pdf>.
15. Dyer J. H., Singh H. The relational view: Cooperative strategy, sources of interorganizational competitive advantage // *Academy of Management Review*. 1998. No. 23(4). Pp. 660—679.

REFERENCES

1. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 1999.
2. Porter M. E. *The Competitive Advantage of Nations*. New York, Free Press, 1990. (Republished with a new introduction, 1998.)
3. Cortright J. *Making sense of clusters: regional competitiveness and economic development*. Washington, D. C., Brookings Institution, Metropolitan Policy Program, 2006.
4. Porter M. E. *The economic performance of regions*. Reg. Studies 37, 2003.
5. Enright M. J. *Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results. Working Paper*. Institute of Economic Policy and Business Strategy, Competitiveness Program, University of Hong Kong, 2000.
6. Sforzi F. The industrial districts and the “new” Italian economic geography. *European Planning Studies*, 2002, no. 4, pp. 439—447.
7. Martin R., Sunley P. Deconstructing clusters: Chaotic concept or policy panacea? *J. Econ. Geogr.*, 2003, vol. 3, iss. 1, pp. 5—35.
8. Lundmark M., Power D. Working through Knowledge Pools: Labour Market Dynamics, the Transference of Knowledge and Ideas, and Industrial Clusters. *Urban Studies*, 2003, no. 41, pp. 5—6.
9. Lublinsky A. Does geographic proximity matter? Data from clustered and non-clustered aviation firms in Germany. *Regional Studies*, 2003, vol. 37, pp. 453—467.
10. Animitsa E. G., et al. *Region in the socio-economic space of Russia: analysis, dynamics, control mechanism*. Perm, 2008. 377 p. (In Russ.)
11. Granberg A. G. *Fundamentals of regional economics*. Moscow, GUVShE publ., 2006. 495 p. (In Russ.)
12. Sarafanova A. N., Pavlova A. S., Anastasova A. S. Institutional forms of development of territories: technology parks and clusters. In: *Open innovation. Collection of works of III Int. sci. and pract. conf.* Penza, Nauka i prosveshchenie, 2018. Pp. 89—92. (In Russ.)
13. *Pilot innovative territorial clusters in the Russian Federation*. Ed. by L. M. Gokhberg, A. E. Shadrin. Moscow, NIU VShE publ., 2013. 108 p. (In Russ.)
14. *Reloading cluster policy in Russia*. (In Russ.) URL: <https://stolypin.institute/wp-content/uploads/2020/01/o-perezagruzkeklasternoy-politiki-v-rossii-16.01.2020.pdf>.
15. Dyer J. H., Singh H. The relational view: Cooperative strategy, sources of interorganizational competitive advantage. *Academy of Management Review*, 1998, no. 23(4), pp. 660—679.

Как цитировать статью: Бондарева Я. Ю., Лавриненко Е. А., Риффель Г. В. Теоретические недостатки и преимущества зарубежной региональной кластерной экономической модели // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 112—117. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.366.

For citation: Bondareva Ya. Yu., Lavrinenko E. A., Riffel G. V. Theoretical disadvantages and advantages of the regional cluster economic model. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 112—117. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.366.

УДК 331.104
ББК 65.240

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.327

Krvtsevich Sergey Vitalevich,
Candidate of Economics,
Doctoral student of the Faculty of The Chamber of Commerce
and Industry of the Russian Federation
“Development of Human Capital”,
Plekhanov Russian University of Economics,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: sergeykrvtsevich1980@mail.ru

Кравцевич Сергей Витальевич,
канд. экон. наук,
докторант базовой кафедры Торгово-промышленной палаты РФ
«Развитие человеческого капитала»,
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: sergeykrvtsevich1980@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА РАБОЧЕЙ СИЛЫ В УСЛОВИЯХ НЕСОВЕРШЕННОЙ КОНКУРЕНЦИИ НА ОТЕЧЕСТВЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА

FEATURES OF THE REPRODUCTION OF THE LABOUR FORCE IN THE CONDITIONS OF IMPERFECT COMPETITION IN THE DOMESTIC LABOR MARKET

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (5. Экономика труда)

08.00.05 — Economics and management of national economy (5. Labor economics)

Рассматриваются теоретико-методологические подходы к анализу конкуренции в социально-трудовых отношениях, с выделением двух направлений ее анализа. Первое направление рассматривает конкуренцию как системный

элемент рынка труда, лежащий в основе формирования спроса и предложения труда. Второе направление рассматривает конкуренцию как разновидность социально-трудовых отношений между работниками и работодателями.

Рассмотрены внешние признаки проявления несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях на отечественном рынке труда, которыми становятся бедность работающего населения, неравенство в распределении доходов, теневая занятость и теневые формы оплаты труда, современные формы эксплуатации труда работников, дефицит и избыток кадров. Установлены причинно-следственные связи между негативными социальными явлениями рынка труда, вызванными несовершенной конкуренцией в социально-трудовых отношениях, и воспроизводством рабочей силы на рынке труда. Несовершенное конкурентное поведение субъектов рынка труда, характеризующееся адаптивным поведением, приводит к снижению уровня оплаты труда работников и ухудшению условий труда. Несовершенные конкурентные условия пребывания субъектов рынка труда, характеризующиеся дисбалансом спроса и предложения труда, приводят к невостребованности рабочей силы и к ее дефициту. На основании проведенного статистического анализа и выводов выявлена основная проблема воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда. Установлено, что на современном рынке труда образовавшийся разрыв между ценой труда и потребительной стоимостью воспроизводства рабочей силы влияет на качество и структуру воспроизводства рабочей силы. Между тем установленный государством МРОТ как нижняя граница воспроизводства рабочей силы и сложившийся на рынке труда средний заработок работников делает недостаточным возможность расширенного воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда.

The theoretic and methodological approaches to the analysis of competition in social and labor relations are considered, with the allocation of two areas of its analysis. The first direction is that it sees competition as a systemic element of the labour market, which is the basis for the formation of labour supply and demand. The second direction is that it considers competition as a kind of social and labor relations between employees and employers. External signs of imperfect competition in social and labour relations in the domestic labour market, which are the poverty of the working population, income inequality, shadow employment and shadow forms of pay, modern forms of exploitation of workers' labour, deficit and surplus of personnel are considered. The cause-and-effect relationship between the negative social phenomena of the labour market caused by imperfect competition in social and labour relations and the reproduction of labour in the labour market has been established. The imperfect competitive behaviour of labour market actors, characterized by adaptive behaviour, leads to lower wages for workers and poorer working conditions. The imperfect competitive conditions of the labour market, characterized by imbalances in labour supply and demand, lead to the lack of demand and scarcity of the labour force. On the basis of the statistical analysis and conclusions, the main problem of labour force reproduction in the domestic labor market is identified. It is stated that in today's labour market the gap between the price of labour and the consumer cost of labour force reproduction affects the quality and structure of labour force reproduction. And the state-established MROT as the lower limit of labor force reproduction and the prevailing average earnings of workers in the labor market impairs expanded reproduction of labor in the domestic labor market.

Ключевые слова: несовершенная конкуренция, социально-трудовые отношения, воспроизводство рабочей силы, рынок труда, цена труда, потребительная стоимость, несовершенное конкурентное поведение, несовершенные конкурентные условия, заработная плата, рабочая сила.

Keywords: imperfect competition, social and labour relations, labour force reproduction, labour market, labour price, consumer value, imperfect competitive behaviour, imperfect competitive conditions, wages, labour force.

Введение

Актуальность. В России воспроизводство рабочей силы происходит без учета стоимости оценки данного процесса. Это нашло отражение в полном игнорировании роли закона стоимости в воспроизводстве рабочей силы, в недостаточном использовании стоимостных регуляторов труда и размеров социальной помощи, в слабом учете распределительной политики квалификации работников, роста цен, развития потребностей населения, особенно расходов на подрастающее поколение [1]. Одновременно существенным фактором воспроизводства рабочей силы становится несовершенная конкуренция в социально-трудовых отношениях на отечественном рынке труда. Остается актуальным рассмотрение особенностей воспроизводства рабочей силы в условиях несовершенной конкуренции на отечественном рынке труда.

Изученность проблемы. Проблемы несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях рассмотрены в трудах Волгина Н. А., Шубенковой Е. В., Колосовой Р. П., Гаги В. А., Сушкова О. Ю., Одегова Ю. Г., Ивановой Т. Б., Козловой А. А., Алексеенко В. Б., Васильевой Н. В., Москвиной О. В., Ткаченко А. А., Теличевой Е. Г., Смирновой Б. В., Колосовой Р. П. и др.

Целесообразность разработки темы. В современной российской действительности воспроизводство рабочей силы во многом осуществляется на индивидуальном уровне в рамках домашних хозяйств или в рамках семьи. Принимая во внимание то обстоятельство, что основным источником доходов населения является заработная плата, становится актуальным количественно-качественное изучение признаков проявления несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях с целью оценки ее влияния на воспроизводство рабочей силы.

Научная новизна настоящего исследования заключается в теоретическом обосновании влияния несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях на увеличение разрыва между ценой труда и потребительной стоимостью воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда.

Цель исследования состоит в определении негативных социально-экономических явлений рынка труда и теоретическом обосновании их влияний как признаков несовершенной конкуренции на качество воспроизводства рабочей силы.

Задачи исследования заключаются в теоретико-методологическом исследовании подходов к анализу несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях; нахождении причинно-следственной связи между негативными социально-экономическими явлениями рынка труда и качеством воспроизводства рабочей силы.

Теоретическая значимость исследования заключается в теоретико-методологическом обосновании основной проблемы воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда в условиях несовершенной конкуренции.

Практическая значимость исследования состоит в возможности на научной основе разрабатывать меры государственного регулирования отечественного рынка труда по нивелированию влияния несовершенной конкуренции на социально-трудовые отношения.

Основная часть

В отечественной экономической литературе современные представления о конкуренции в социально-трудовых отношениях развиваются в двух направлениях. Первое направление рассматривает конкуренцию как *системный элемент рынка труда*, понимая под последней *совокупность условий*, при которых происходит обмен рабочей силы

на заработную плату или среду пребывания работников и работодателей на рынке труда, и рассматривая конкуренцию с *ситуационных и институциональных* позиций на рынке труда. Второе направление рассматривает конкуренцию как один из *типов социально-трудовых отношений*, присущих рыночной формации в трудовой сфере, понимая под последней *сложные социально-экономические* (с регулирующей функцией государства) *отношения* между работниками, и как *институциональные отношения* между работниками и работодателями и их представительными органами, рассматривая конкуренцию с *поведенческих и процессуальных* позиций в системе социально-трудовых отношений (рис. 1) [2].

Рис. 1. Теоретико-методологические аспекты анализа конкуренции в социально-трудовых отношениях (разработано автором на основании обобщений научных подходов к анализу конкуренции)

Рассматривая конкуренцию на рынке труда как системный элемент рынка труда, современные отечественные исследователи формируют совокупность предметных подходов к анализу конкуренции на рынке труда, которые имеют практическую направленность. Авторы Васяйчева В. А., Слатов Д. Г., Кашенов А. В., Рофе А. И., Дубовик А. К., Былков В. Г., Ракитский Б., Маслова И. С., Исаков К. И., Кашепов А. В., Резников Г. А., Лохтина Т. Н., придерживаясь *неинституциональных* взглядов на рынок труда, рассматривают конкуренцию с позиций институциональной среды — социально-экономических и общественных институтов пребывания работников и работодателей [3, 4]. Авторы Трофимов Е. А., Трофимова Т. И., Петрищев М. В., Костин Л. А., Мрачковский А. Е., Михайлов А. А., Волгин В. А., придерживаясь *институциональных* взглядов на рынок труда, рассматривают конкуренцию с позиций институциональных отношений между работниками и между работодателями [5, 6]. Авторы Сушков О. Ю., Одегов Ю. Г., Волгин Н. А., Карташов С. А., Иванова Т. Б., Козлова А. А., Алексеенко В. Б., Васильева Н. В., Москвина О. В., Пошевнев Г. С., Ткаченко А. А., Теличева Е. Г., Смирнова Б. В., Шубенкова Е. В., Миргород Е. Е., Петропаловская А. В., Гага В. А., Каз М. С., Миллер Е. В., придерживаясь *кейнсианских и монетарных* взглядов на рынок труда, рассматривают конкуренцию с позиций социально-экономических отношений между работниками [5, 7]. Автор Колосова Р. П., придерживаясь *неоклассических* взглядов на рынок труда, рассматривает конкуренцию с поведенческих позиций, как стремление работодателей и работников к удовлетворению своих потребностей [8]. Автор Вулкович Г. Г., придерживаясь *классических* взглядов на рынок труда, рассматривает конкуренцию с ситуационных позиций, как совокупность условий, при которых происходит обмен рабочей силы.

Общность взглядов перечисленных выше авторов на рынок труда, место и роль конкуренции состоит в том, что отдельным *элементом рынка труда* авторы выделяют конкуренцию как неотъемлемую составляющую рынка труда, представляющую собой *институциональную среду* (или *совокупность условий*) в одном случае или *сложные социально-экономические отношения*, а также *институциональные отношения между работниками и между работодателями* (или *поведение работодателей и работников*) в другом случае.

Рассмотрение конкуренции как типовой разновидности социально-трудовых отношений учеными-экономистами Колосовой Р. П., Мелькиной Г. Г., Шубенковой Е. В., Миргород Е. Е., Петропаловской А. В., Зинченко Г. П., Роговым И. И., Михеевым В. А., Прониным С. В., Симоновым В. С., Неходой Е. В., Беляевой В. И., Гагой В. А., Ермолаевой С. Г. раскрывает содержание таких отношений в рамках классических и неоклассических представлений о конкуренции [9]. Так, конкуренция рассматривается, во-первых (классические представления), как *условия борьбы* работников и работодателей, т. е. условия ограниченности ресурсов, рабочей силы и заработной платы и, во-вторых, как эгоистическое поведение работодателей и работников по удовлетворению своих потребностей в рабочей силе и заработной плате. Такое понимание конкуренции сужает предмет и искажает действительность, так как взаимодействие работников и работодателей обусловлено социально-экономическими и общественными институтами и выходит за рамки «взаимовыгодного удовлетворения потребностей». Главенствующим в социально-трудовых отношениях становится удовлетворение социально-общественных интересов и достижение целей. В связи с этим

необходимо раскрывать содержание конкуренции в социально-трудовых отношениях, выстраиваемых в условиях рыночной формации, с институциональных позиций, не ограничиваясь классическими представлениями о свободной и совершенной конкуренции, а рассматривая ее институциональные формы — социальную и цивилизованную конкуренцию.

Таким образом, первое направление рассматривает конкуренцию как совокупность условий, при которых происходит обмен рабочей силы на заработную плату или среду пребывания работников и работодателей на рынке труда. В данном случае исследователи рассматривают конкуренцию с ситуационных и институциональных позиций на рынке труда, т. е. в условиях спроса и предложения труда.

Второе направление рассматривает конкуренцию как сложные социально-экономические (с регулирующей функцией государства) отношения между работниками и как институциональные отношения между работниками и работодателями, а также их представительными органами. В данном случае исследователи рассматривают конкуренцию с поведенческих и процессуальных позиций в системе социально-трудовых отношений (рыночной формации).

Внешними признаками проявления несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях становятся негативные социально-экономические явления рынка труда, такие как бедность работающего населения, задолженности по выплатам заработной платы, неравенство в распределении оплаты труда, межрегиональная и межотраслевая дифференциация оплаты труда, теневые формы оплаты труда и теневая занятость, современные формы эксплуатации труда работников, дефицит кадров, избыток кадров. В связи с этим ущемление социальных прав и гарантий работников и предъявление к ним завышенных требований со стороны работодателей становится фактором снижения качества воспроизводства рабочей силы на рынке труда.

Бедность работающего населения, как результат несовершенного конкурентного поведения и как фактор воспроизводства рабочей силы, имеет свое присутствие как негативное социально-экономическое явление отечественного рынка труда. Формально состояние бедности работающего населения определяется соотношением установленной минимальной оплаты труда к прожиточному минимуму и той части населения, которая получает заработную плату ниже прожиточного минимума.

Статистический анализ бедности работающего населения, начиная с 2000 г., показал, что введение МРОТ оказывает незначительное влияние на уровень заработной платы работников организаций. Так, с 2000 по 2008 г. кратность соотношения средней заработной платы к МРОТ увеличилась и достигала своего пикового значения в 2008 г. — 21,61 раза. Аналогичный рост наблюдается в отношении соотношения прожиточного минимума к МРОТ — 5,74 раза (рис. 2). Существенный разрыв между показателями указывает на несовершенные признаки установления рыночного равновесия. То есть рынок труда самостоятельно установил приемлемую цену труда относительно МРОТ, при этомкратно превышающую прожиточный минимум.

В настоящее время социально-правовая норма МРОТ направлена на борьбу с негативным социально-экономическим явлением рынка труда — «бедностью», но не на решение проблемы воспроизводства рабочей силы. Сам факт установления МРОТ ниже прожиточного минимума до 2018 г. свидетельствует о данном обстоятельстве. В этой ситуации несовершенное конкурентное поведение работодателей состоит в том, что они в стремлении к минимизации своих расходов за счет оплаты труда работников ущемляют социальные интересы работника и его прав на нормальные условия жизнедеятельности. Это приводит к тому, что равновесная цена труда устанавливается на уровне или ниже прожиточного минимума.

Рис. 2. Динамика показателей интенсивности оплаты труда работников организаций

Неравенство в распределении оплаты труда, которое следует из межотраслевой и межрегиональной дифференциации оплаты труда работников, как результат несовершенного конкурентного поведения и как фактор воспроизводства рабочей силы, имеет свое присутствие как негативное социально-экономическое явление отечественного рынка труда. Так, динамика дифференциации оплаты труда работников на постсоветском рынке труда характеризуется

значительным преобладанием в разрыве высокооплачиваемых групп населения с низкооплачиваемыми группами. «Пик неравенства» был достигнут в 2001 г. и составлял 40 % в разрыве средней заработной платы между 10%-й группой высокооплачиваемых работников с 10%-й группой низкооплачиваемых работников [10].

Неравенство в распределении доходов приводит к несбалансированности в воспроизводстве рабочей силы.

В тех регионах, отраслях, где уровень заработной платы высок, возможность воспроизводства рабочей силы выше и, наоборот, в тех отраслях и регионах, где он ниже, — ниже. В связи с этим выделяются регионы, отрасли и профессии, наиболее востребованные и привлекательные для работающего населения, в которых воспроизводство рабочей силы происходит активнее.

Статистика за период 2011—2019 гг. показала значительную вариацию показателей средней заработной платы (табл. 1) [18—20]. Так, показатели средней заработной платы превосходят показатели медианного значения заработной платы в 1,4 раза с сохраняющейся динамикой данного превосходства. Модальное значение заработной платы в 2011 г. составило пятикратное отставание с положительной динамикой, к 2019 г. фиксируется двукратное отставание данного показателя относительно средней заработной платы. Таким образом, отмечается положительная динамика в сокращении глубины дифференциации уровней заработных плат работников, а именно отмечается значительный рост модального уровня заработной платы на 4501 руб. в месяц, который в пять раз меньше среднего уровня заработной платы по России в 2011 г. и который вырос в 5,2 раза к 2019 г.

Одновременно статистика отраслевой дифференциации уровней заработных плат показывает, что в период с 2000 по 2018 г. отмечается снижение темпов прироста уровней заработных плат по всем отраслям экономики на 15...27 %

(табл. 2) [18—20]. При этом отмечается тенденция к снижению уровня отраслевой дифференциации оплаты труда работников путем опережающих темпов роста среднего уровня заработных плат в наименее оплачиваемых отраслях экономики. Как показывает статистика, такой подход дает свои положительные результаты, и к концу 2018 г. среднее отклонение в уровнях заработных плат от наиболее высокооплачиваемой отрасли (добыча полезных ископаемых) составило 2,1 раза, тогда как в 2000 г. этот показатель составлял 3,5 раза, при этом по отдельным отраслям он достигал шестикратного превосходства.

Таблица 1

Обобщающие показатели номинальной начисленной заработной платы

Показатель	Год				
	2011	2013	2015	2017	2019
Средняя заработная плата	22 334	29 453	33 800	38 900	47 657
Медианное значение заработной платы	16 043	21 268	24 868	28 345	34 335
Модальное значение заработной платы	4 501	5 577	17 479	17 630	23 510

Таблица 2

Анализ динамики показателей средней заработной платы по видам экономической деятельности

Отрасль экономики	Год					Прирост/убыль за период, %
	2001	2007	2013	2017	2018	
Сельское, лесное хозяйство	1,46	1,34	1,11	1,12	1,12	-23
Добыча полезных ископаемых	1,53	1,21	1,07	1,06	1,12	-27
Обрабатывающие производства	1,46	1,26	1,10	1,11	1,06	-27
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1,40	1,22	1,09	1,06	1,06	-24
Строительство	1,46	1,32	1,07	1,04	1,14	-22
Торговля оптовая и розничная, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	1,45	1,39	1,07	1,07	1,10	-24
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	1,38	1,25	1,13	1,00	1,10	-21
Образование	1,48	1,26	1,23	1,08	1,14	-23
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	1,47	1,25	1,18	1,07	1,25	-15
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	1,49	1,30	1,18	1,10	1,16	-22

Таким образом, неравенство в распределении оплаты труда работников становится результатом существования несовершенной конкуренции на рынке труда, где поведение работодателей и работников, носящее *адаптационный* характер, обусловлено стремлением работников к высокой заработной плате, а стремление работодателей к низкой оплате труда приводит к глубокой межотраслевой и межрегиональной дифференциации в оплате труда, что, в свою очередь, приводит к *несбалансированному воспроизводству рабочей силы*. А именно: работники, имеющие различные уровни оплаты труда, имеют различные возможности в воспроизводстве рабочей силы, а также в воспроизводстве потенциальной рабочей силы (в том числе в воспитании детей, их обучении).

Теневые формы оплаты труда и теневая занятость, как результат несовершенного конкурентного поведения и как

фактор воспроизводства рабочей силы, имеют свое присутствие как негативное социально-экономическое явление отечественного рынка труда [11]. «Характерной особенностью российского теневого рынка труда является размывание границ между формальной и неформальной занятостью. С одной стороны, происходит отток занятых из формального сектора в неформальный, с другой — занятость в формальном секторе все больше приобретает такие черты, как массовое сокрытие доходов и несоблюдение трудового законодательства в части социальных гарантий работников» [12, 13].

Теневая форма оплаты труда становится следствием адаптационного поведения работников и работодателей к негативным социально-экономическим явлениям экономики и рынка труда в частности. Работники, с одной стороны, вынуждены принимать условия рынка труда: в условиях

безработицы им предлагают высокую заработную плату с теневой составляющей, в частности для работников профессионально-квалификационной группы, или вообще не предлагают работу — для неквалифицированной группы работников. С другой стороны, работодатели стремятся к минимизации своих издержек в целях сохранения своего бизнеса в условиях кризиса, переходят к теневым формам оплаты труда, экономя на налоговых и социальных отчислениях [11].

Так, статистика рассматриваемого периода 2000—2018 гг. показывает неустойчивую динамику несуществен-

ного роста официальной оплаты труда рабочей силы, которая составила 103 % (табл. 3). За период 2003—2018 гг. отмечается возрастающая динамика занятости населения в неформальном секторе экономики, которая составила 37 % (табл. 4) [18—20]. Отечественный рынок труда на снижение численности населения в неформальном секторе экономики в 2005—2007 гг. отвечает ростом неофициальных оплат труда, а на снижение неофициальных оплат труда в 2016—2018 гг. отвечает ростом занятости населения в неформальном секторе экономики.

Таблица 3

Анализ динамики структуры оплаты труда рабочей силы по типу занятости

Показатель	Период						
	2001	2005	2007	2016	2017	2018	2018—2000 гг.
Рост/снижение оплаты труда наемных работников (официальной), %	97	97	102	106	102	106	103
Рост/снижение оплаты труда наемных работников (неофициальной), %	106	107	96	91	97	89	94

Таблица 4

Анализ динамики роста/снижения численности занятого населения в неформальном секторе по типу занятости

Показатель	Период						
	2004	2005	2006	2016	2017	2018	2018—2003 гг.
Всего занятости, %	101	112	104	104	93	102	137
Рост/снижение занятости в неформальном секторе, %	105	110	105	102	97	102	154
Рост/снижение занятости в неформальном и формальном секторе (совмещение), %	81	123	94	120	62	98	51
Рост/снижение занятости в неформальном секторе, % от общей численности занятого населения	101	112	101	103	93	102	126

Таким образом, теневая оплата труда и теневая занятость становятся результатом несовершенной конкуренции на рынке труда, где адаптационное поведение работников и работодателей приводит к недополучению бюджетов всех уровней и социальных фондов части денежных средств, что становится причиной несбалансированности воспроизводства рабочей силы. А именно: в целях повышения своего уровня дохода или в принципе обеспечения себя источником дохода работники вынуждены конкурировать между собой за те рабочие места и те условия труда, которые ущемляют их социальные права и гарантии в пенсионном, социальном, медицинском обеспечении. Работодатели в целях снижения бремени социальных выплат выводят свою деятельность за рамки формального (законного) бизнеса в части оплаты труда работников, тем самым снижая свои производственные издержки.

Принципиально новый подход к исследованию феномена «эксплуатации» проведен Афанасьевым С. А., который расширяет понятийную основу данной категории и рассматривает противоположный к «присвоению» процесс «отчуждения». С усилением роли человека в производственном процессе переход от регламентированного труда к творческому труду, новые формы эксплуатации труда работников выражаются не только в неоплаченном рабочем времени, но и в отчуждении работников своего свободного времени в пользу работодателя [14].

Анализ показателей использования рабочего времени показал, что за период 2005—2018 гг. показатель переработанного и оплаченного рабочего времени остается

стабильным и находится в интервале 10,3...11,5 % от нормативного фонда рабочего времени (рис. 3). Анализ динамики использования рабочего времени показал неустойчивую динамику роста фактически отработанного рабочего времени за оплату труда или прибыль, где рост за период 2005—2018 гг. составил 107,2 %, и неустойчивую динамику роста переработанного рабочего времени, где рост за период 2005—2018 гг. составил 107,4 %.

Доля переработок в фактически отработанном рабочем времени остается неизменной, тогда как нормативный фонд рабочего времени и фактически отработанное рабочее время имеют схожую динамику в 107,1 и 107,2 % соответственно. В связи с этим на отечественном рынке труда остается актуальным вопрос о количестве фактически отработанного рабочего времени, которое отработывают работники и которое не оплачивается работодателем. Особенно это актуально для групп работников «Служащие», «Специалисты» и «Руководители», труд которых не имеет материально-вещественного характера и трудно поддается количественному измерению и нормированию.

Несовершенство конкуренции в социально-трудовых отношениях состоит в том, что работники вынуждены неформально, «по собственной инициативе» перерабатывать рабочее время, так как это становится одним из условий приема работников в организацию. С другой стороны, работодатель, пользуясь «собственной инициативой» работника в выполнении работ за пределами нормальной продолжительности рабочего времени, будь то вечерние

работы или работы в выходные дни, экономит на затратах на оплату труда тем, что не привлекает в организацию дополнительных работников. Не оплачиваемое работодателем

рабочее время, в свою очередь, влияет на ценообразование труда, снижая его уровень тем, что не оплачивает часть затраченного работником рабочего времени.

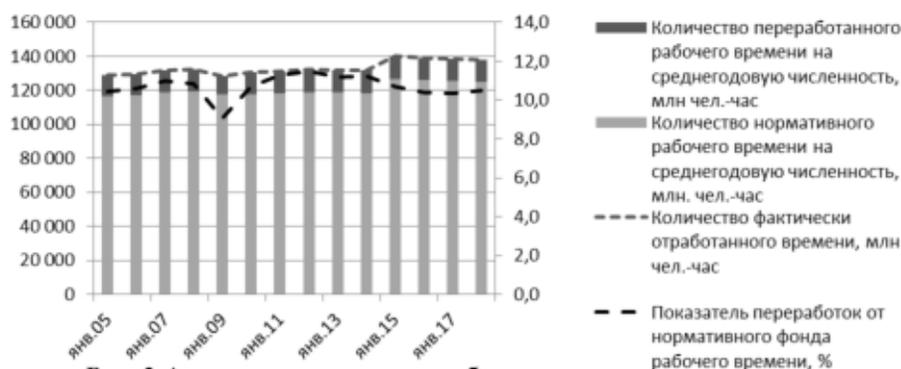

Рис. 3. Анализ использования рабочего времени за оплату труда или прибыль

Сохраняющаяся тенденция к использованию рабочей силы за пределами нормальной продолжительности рабочего времени и скрытость данного явления от официальной статистики становятся результатами адаптивного конкурентного поведения работников и работодателей, формируя при этом несовершенную конкуренцию на отечественном рынке труда. Такое поведение направлено на отчуждение свободного времени работника, предназначенного на отдых и другие жизненные надобности, что *не обеспечивает воспроизводство рабочей силы*, а невыполнение работодателем своей ответственности по оплате затраченного работником личного времени на выполнение работ приводит к *снижению качества воспроизводства рабочей силы*.

Социально-экономические явления дефицита и избытка кадров порождают несовершенные конкурентные условия пребывания работников и работодателей на отечественном рынке труда [15]. А именно, в условиях дефицита рабочей силы на рынке труда формируются завышенные требования к рабочей силе со стороны работодателей в отношении ее профессионально-квалификационных, личностных и физиологических характеристик, что приводит к изменению спроса по отдельным категориям и группам работников в сторону его увеличения или снижения [16]. Это, в свою очередь, влияет на общий уровень заработной платы. Результатом протекания рыночных процессов в сложившихся несовершенных конкурентных условиях становится качественное неудовлетворение рабочей силой спроса на труд.

В условиях избыточности рабочей силы формируется не востребуемость со стороны работодателей предложения труда работников в отношении профессионально-квалификационных, личностных и физиологических характеристик, что приводит к изменению предложения по отдельным категориям и группам работников в сторону его увеличения или снижения. Это, в свою очередь, влияет на общий уровень доходов работников (уровень заработной платы), на их профессионально-квалификационную ориентацию. Результатом протекания рыночных процессов и сложившихся конкурентных условий становится предложение труда с неудовлетворительным качеством рабочей силы.

Таким образом, несовершенная конкуренция на рынке труда взаимообусловлена негативными социально-экономическими явлениями рынка труда. Причем несовершенное конкурентное поведение работников и работодателей

способствует развитию этих явлений, тогда как несовершенные конкурентные условия рынка труда развиваются под действием этих явлений. Так, бедность работающего населения, неравенство в распределении доходов и другие негативные социально-экономические явления рынка труда становятся результатом несовершенного конкурентного поведения работодателей на рынке труда, которые, адаптируясь к существующим условиям хозяйствования, действуют в ущерб интересам работников, снижая уровень оплаты их труда и ухудшая условия приложения их труда. Также адаптивным поведением характеризуются работники, которые в условиях безработицы вынуждены приспосабливаться к рынку труда и соглашаться с условиями работодателя в ущерб своим интересам.

И напротив, негативные социально-экономические явления рынка труда — дефицит и избыток кадров — способствуют формированию несовершенных конкурентных условий рынка труда, где работодатели предъявляют высокие требования к качеству рабочей силы, а превентивность государственных регулирующих мер не оказывает предупредительного (прогнозируемого) влияния на участников рынка труда. В связи с этим возникает ситуация на рынке труда, при которой часть рабочей силы удовлетворяет требованиям работодателя по ее качеству, а часть рабочей силы — не удовлетворяет.

Результаты

Таким образом, предметом несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях на отечественном рынке труда выступает заработная плата работников и рабочая сила. Причем конкурентное поведение работодателей направлено на достижение целей по снижению трудовых издержек производства за счет оплаты труда работников, следствием чего становится ущемление социальных прав и гарантий работников в оплате и условиях труда. Между тем конкурентное поведение работников направлено на достижение целей по содержанию семьи, воспитанию и обучению детей за счет увеличения своих доходов от трудовой деятельности, следствием чего становится мотивация работников в высокооплачиваемой работе. Несовершенная конкуренция отрицательно влияет на социально-трудовые отношения участников рынка труда и влечет за собой неэффективность воспроизводства рабочей силы, которое состоит в снижении ее качества, несбалансированности и необеспеченности ресурсами процессов воспроизводства.

При рассмотрении соотношения средней заработной платы к прожиточному минимуму нами отмечается рост показателя. Если в 2000 г. соотношение составляло порядка двух крат, то в 2018 г. данное соотношение составляет порядка четырех крат. То есть если на среднюю заработную плату в 2000 г. могло прожить, в рамках понятия прожиточного минимума и минимальной потребительской корзины, два человека, то в 2018 г. — четыре человека. Таким образом, если говорить о простом воспроизводстве рабочей силы на уровне физиологических потребностей человека, то в среднем по России на одну зарплату можно содержать четырех членов семьи (человек).

Проблемность анализа воспроизводства рабочей силы видится в том, что институциональным механизмом закреплён нижний порог стоимостной оценки необходимых товаров и услуг для жизнедеятельности человека, но не закреплён и не определён верхний порог или нормализованный показатель воспроизводства рабочей силы уже не на уровне физиологических потребностей самого работника, а на уровне обеспечения социальных и духовных потребностей человека и членов его семьи (иждивенцев).

В связи с этим нами отмечается, что рост показателей на отечественном рынке труда имеет лишь номинальное значение. При относительной оценке данных показателей становится понятным, что для достижения целей расширенного воспроизводства рабочей силы (и потенциальной рабочей силы), где «необходимо стимулировать рождение второго, третьего, четвертого ребенка, ибо в среднестатистической семье 2,5 ребенка дают только простое воспроизводство, учитывая смертность детей» [17], отечественная экономика не располагает достаточными ресурсами.

Таким образом, основной проблемой качества воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда видится *влияние несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях на увеличение разрыва между ценой труда и потребительной стоимостью воспроизводства рабочей силы на отечественном рынке труда.*

Заключение

Присутствие несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях состоит в том, что рыночный обмен рабочей силы со стороны работников на заработную плату, со стороны работодателей не имеет взаимовыгодной основы и направлен на ущемление социальных интересов и прав работников, а также на ухудшение условий и содержания их труда, что оказывает непосредственное влияние на воспроизводство рабочей силы. Основной проблемой рыночного обмена в условиях несовершенной конкуренции в социально-трудовых отношениях становится увеличение разрыва между ценой рабочей силы на рынке труда и ее потребительной стоимостью. Это, в свою очередь, оказывает влияние на качество и структуру воспроизводства рабочей силы. Статистикой установлено, что на сегодняшний день средняя заработная плата работника в 2,5 раза превосходит прожиточный минимум, что означает потенциальную возможность работника обеспечить на уровне прожиточного минимума существование 2,5 членов его семьи.

Рассуждая объективно, этого недостаточно для воспроизводства рабочей силы, так как последнее подразумевает не только ее физиологическую составляющую, но и социальную и культурную.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ананских А. А. Социальные проблемы воспроизводства рабочей силы // Вестник МичГАУ. 2012. № 4. С. 139–142.
2. Кравцевич С. В. Методология эмпирического исследования конкуренции на рынке труда : моногр. М. : РУ-САЙНС, 2018. 236 с.
3. Васяйчева В. А., Слатов Д. Г. Рынок труда и трудовая миграция : учеб. пособие. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2018. 96 с.
4. Рофе А. И. Рынок труда : учеб. для вузов. 2-е изд., доп. и перераб. М. : МИК, 2012. 376 с.
5. Социальная политика : учеб. / Под общ. ред. Н. А. Волгина. М. : Экзамен, 2003. 736 с.
6. Трофимов Е. А., Трофимова Т. И. Рынок труда: экономико-теоретический аспект : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. 46 с.
7. Шубенкова Е. В., Миргород Е. Е., Петропаловская А. В. Экономика и социология труда в схемах и таблицах : учеб. пособие. М. : Изд-во Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова, 2010. 96 с.
8. Занятость, рынок труда и социально-трудовые отношения : учеб.-метод. пособие : практикум / Под ред. Р. П. Коловской, Г. Г. Меликьяна. М. : Экон. фак. МГУ : ТЕИС, 2008. 458 с.
9. Экономика и социология труда (социально-трудовые отношения) : учеб. пособие / В. А. Гага, М. С. Каз, Е. В. Миллер и др. ; под общ. ред. В. А. Гаги. Томск : Изд-во Томского гос. ун-та, 2009. 340 с.
10. Соболев Э. Н. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Рос. экон. ун-та им. Г. В. Плеханова. 2014. № 5(71). С. 33–50.
11. Волоконская Н. М. Динамика теневой оплаты труда (по данным мониторинга в Новосибирской области) // Социологические исследования. 2016. № 7(387). С. 30–40.
12. Белов Е. А. Некоторые особенности неформальной занятости населения в структуре теневого рынка труда // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2010. № 6. С. 451–455.
13. Белов Е. А. Феномен теневой занятости населения в контексте некоторых научных подходов // Вестник Казан. юрид. ин-та МВД России. 2010. № 1. С. 101–108.
14. Григорова Я. В. Трансформация труда и новые формы эксплуатации творческой деятельности // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. № 3(73–74). С. 204–208.
15. Гимпельсон В. Е. Дефицит квалификации и навыков на рынке труда (недостаток предложения, ограничение спроса или ложные сигналы работодателей?) // Вопросы экономики. 2004. № 3.
16. Коленникова О. А. Обеспечение приоритетных производств качественными трудовыми ресурсами: проблемы дефицита и набора кадров // Народонаселение. 2017. № 3(77). С. 90–103.

17. Козырев В. М. Узловые проблемы воспроизводства рабочей силы в современной России. Ч. 1 // Вестник РМАТ. 2016. № 4. С. 27—37.
18. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015. 126 с.
19. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2010 : стат. сб. М. : Росстат, 2010. 507 с.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015. 311 с.

REFERENCES

1. Ananskikh A. A. Social Problems of Labour Force Reproduction. *The Journal of Michurinsk State Agrarian University*, 2012, no. 4, pp. 139—142. (In Russ.)
2. Kravtsevich S. V. *Methodology of empirical study of competition in the labor market. Monograph*. Moscow, RU-SAINS, 2018. 236 p. (In Russ.)
3. Vasyaycheva V. A., Slatov D. G. *Labor Market and Labor Migration. Textbook*. Samara University publ., 2018. 96 p. (In Russ.)
4. Rofo A. I. *Labour Market. Textbook for universities*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, MIC, 2012. 376 p. (In Russ.)
5. *Social Policy. Textbook*. Under the general ed. of N. A. Volgin. Moscow, Ekzamen, 2003. 736 p. (In Russ.)
6. Trofimov E. A., Trofimov T. I. *Labour market: economic and theoretical aspect. Textbook*. Irkutsk, BGUEP, 2015. 46 p. (In Russ.)
7. Shubenkov E. V., Mirgorod E. E., Petropalovskaya A. V. *Economics and sociology of labor in schemes and tables. Textbook*. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics publ., 2010. 96 p. (In Russ.)
8. *Employment, labor market and social-labor relations. Teaching guide and practicum*. Ed. by R. P. Kolosova, G. G. Melikyan. Moscow, Faculty of Economics, TEIS, 2008. 458 p. (In Russ.)
9. Gaga V. A., Kats M. S., Miller E. W., et al. *Economics and Sociology of Labor (social and labor relations). Textbook*. Ed. by V. A. Gaga. Tomsk, Tomsk State University publ., 2009. 340 p. (In Russ.)
10. Sobolev E. N. Trends and wage differentiation factors in the Russian economy. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2014, no. 5(71), pp. 33—50. (In Russ.)
11. Volokonkaya N. M. Dynamics of shadow pay (according to monitoring data in Novosibirsk region). *Sociological studies*, 2016, no. 7(387), pp. 30—40. (In Russ.)
12. Belov E. A. Some features of informal employment in the structure of the shadow labor market. *Modern trends in economics and governance: a new look*. 2010, no. 6, pp. 451—455. (In Russ.)
13. Belov E. A. Phenomenon of shadow employment of the population in the context of some scientific approaches. *Herald of the Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry*, 2010, no. 1, pp. 101—108. (In Russ.)
14. Grigорова J. V. Transformation of labor and new forms of exploitation of creative activity. *Personality. Culture. Society*, 2012, vol. 14, no. 3(73-74), pp. 204—208. (In Russ.)
15. Gimpelson V. E. Lack of skills in the labor market: lack of supply, demand restriction or false signals of employers. *Voprosy Ekonomiki*, 2004, no. 3. (In Russ.)
16. Kolennikova O. A. Providing priority productions with quality labor resources: deficit problems and recruitment. *Population*, 2017, no. 3(77), pp. 90—103. (In Russ.)
17. Kozыrev V. M. Knot problems of labor force reproduction in modern Russia. Part. 1. *Vestnik RIAT*, 2016, no. 4, pp. 27—37. (In Russ.)
18. *Regions of Russia. Social and economic indicators. 2015. Stat. collection*. Moscow, Rosstat, 2015. 126 p. (In Russ.)
19. *The social situation and standard of living of the Russian population. 2010. Stat. collection*. Moscow, Rosstat, 2010. 507 p. (In Russ.)
20. *The social situation and standard of living of the Russian population. 2015. Stat. collection*. Moscow, Rosstat, 2015. 311 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Кравцевич С. В. Особенности воспроизводства рабочей силы в условиях несовершенной конкуренции на отечественном рынке труда // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 117—125. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.327.

For citation: Kravtsevich S. V. Features of the reproduction of the labour force in the conditions of imperfect competition in the domestic labor market. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 117—125. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.327.

УДК 338.47.656
ББК 65.37

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.323

Ivanov Maksim Vladimirovich,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of Higher School of Engineering and Economics,
Deputy Director of Institute of Industrial Management,
Economics and Trade,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: ivanov_mv@spbstu.ru

Nevzorova Angelina Vitalevna,
Master of the direction 38.04.04_01
“Organization of state and municipal administration”,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: ne.angelina.ne@yandex.ru

Иванов Максим Владимирович,
канд. экон. наук, доцент,
доцент Высшей инженерно-экономической школы,
заместитель директора Института промышленного
менеджмента, экономики и торговли,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ivanov_mv@spbstu.ru

Невзорова Ангелина Витальевна,
магистр направления 38.04.04_01
«Организация государственного и муниципального управления»,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: ne.angelina.ne@yandex.ru

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ПРОЦЕССОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ТРАНСПОРТНОМ КОМПЛЕКСЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

ANALYSIS OF THE IMPACT OF DIGITALIZATION PROCESSES IN THE TRANSPORT COMPLEX ON SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (03 — региональная экономика)
08.00.05 — Economics and management of national economy (03 — regional economics)

В статье представлен анализ эффектов влияния, которые оказывают процессы цифровой трансформации транспортного комплекса на показатели социально-экономического развития территории региона. Более детальный анализ проведен для Санкт-Петербурга. Изучены взгляды различных авторов (Ефанов А. Н., Волкова Е. М., Лякина М. А.) на классификацию эффектов влияния развития транспортной отрасли на социально-экономическое положение региона. Авторами на основе систематизации научных трудов и собственных разработок представлены группы эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы: агломерационные, социальные, экономические. Для каждой группы в работе дано подробное описание. Авторами приведены конкретные примеры цифровой трансформации транспортного комплекса и оценены их влияние на экономику региона. Об актуальной ситуации в транспортной сфере Санкт-Петербурга можно судить по результатам оценки индекса развития транспортного комплекса. В работе авторами проанализированы значения Индекса развития транспортного комплекса крупнейших городов России сравнительно с Санкт-Петербургом. Отдельно оценено значение субиндексов, входящих в состав индекса развития транспортного комплекса за 2018 г. применительно к Санкт-Петербургу (качество транспортных услуг, доступность транспортных услуг, воздействие транспорта на окружающую среду, безопасность дорожного движения), оценено место Санкт-Петербурга по значениям данных субиндексов среди городов Российской Федерации. Авторами сделан вывод о том, что для Санкт-Петербурга наиболее актуальными являются направления цифровизации, повышающие качество транспортных услуг для населения, выделенные направления конкретизированы в таблице. Определена актуальность цифровизации транспортного комплекса Санкт-Петербурга, которая обусловлена недостаточным уровнем развития транспортных услуг, предоставляемых горожанам.

The article presents an analysis of the effects that the processes of digital transformation of the transport complex have on the indicators of the socio-economic development of the region. A more detailed analysis has been carried out for St. Petersburg. The views of various authors (Efanov A. N., Volkova E. M., Lyakina M. A.) on the classification of the effects of the development of the transport industry on the socio-economic situation of the region have been studied. The authors, based on the systematization of scientific works and their own developments, have developed groups of effects of the digital transformation of the transport sector: agglomeration, social, and economic effects. A detailed description is provided for each group in the work. The authors provide specific examples of digital transformation of the transport complex and assess their impact on the region's economy. The current situation in the transport sector of St. Petersburg can be judged by the results of the assessment of the transport complex development index. In the work, the authors analyze the values of the Transport Complex Development Index of the largest cities in Russia, in comparison with St. Petersburg. Separately, the value of the sub-indices included in the transport complex development index for 2018 is assessed in relation to St. Petersburg (quality of transport services, availability of transport services, the impact of transport on the environment, road safety), the place of St. Petersburg is assessed by the values of these sub-indices among cities of the Russian Federation. The authors conclude that for St. Petersburg the most relevant areas of digitalization are those that improve the quality of transport services for the population, the selected areas are specified in the table. The urgency of digitalization of the transport complex of St. Petersburg is determined, which is due to the insufficient level of development of transport services provided to citizens.

Ключевые слова: цифровизация, транспортный комплекс, региональное развитие, эффекты влияния, социально-экономические показатели, региональная экономика, проблемы цифровизации, социально-экономическое развитие, региональная инфраструктура, цифровая трансформация.

Keywords: digitalization, transport complex, regional development, effects of influence, socio-economic indicators, regional economy, digitalization problems, socio-economic development, regional infrastructure, digital transformation.

Введение

Актуальность. На современном этапе развития экономики транспортная отрасль является одной из самых быстро растущих и стремительно развивающихся отраслей народного хозяйства (по данным Росстата, за 2018 г. рынок транспорта и логистики РФ вырос на 3,7 %, за 2019 г. — на 0,4 %, что является отражением ухудшения общей экономической ситуации в стране) [1]. От того, насколько продуктивно функционирует транспортный сектор, зависит результативность работы иных секторов экономики (промышленное производство, информационные технологии, социальное обеспечение, туристско-рекреационный сектор, спортивно-оздоровительный сектор, торговый сектор и др.) и в конечном итоге эффективность всей общественной экономики региона и страны в целом [2]. Современное общественное развитие невозможно представить без интеграции в него процессов цифровизации. Транспортная отрасль не является исключением. Цифровая трансформация экономики предъявляет особые требования к цифровой интеграции всех видов транспорта на региональном уровне [3]. Однако проекты цифровой модернизации являются весьма ресурсозатратными, поэтому представляется необходимым оценить значимость цифровизации транспортного комплекса для социально-экономического развития как региона, так и страны в целом, оценить вклад цифровой трансформации транспорта в развитие национальной экономики.

Изученность проблемы. Изучению влияния транспортной отрасли на показатели социально-экономического развития региона посвящены работы многих авторов. Изучению влияния развития транспортной отрасли на показатели развития экономики посвящены работы Ефанова А. Н., Макарова И. Н., Новожилова М. В., Тагирова Ш. М. Указанные авторы исследовали в своих работах вопросы влияния развития транспортной отрасли на конечные показатели развития региона, без привязки к процессам цифровой трансформации [1, 4]. Иванова Н. П., Зубаков Г. В., Проценко О. Д. посвящали свои работы общим

вопросам и проблемам цифровизации транспортного комплекса. Аспекты цифровизации транспортной отрасли затронуты в научно-публицистических трудах таких авторов, как Забоева А. И., Журавлева Н. А., Коровин Е. К., Куприянов В. П., Ларина О. Н., Панов А. Ю. и др., а в контексте зарубежных исследований — в работах таких авторов, как Abdi L., Abdallah F. B., Manyika C., Meddeb A. и др.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на обширность работ в сфере цифровизации транспортного комплекса и работ в сфере влияния транспортной инфраструктуры на региональное развитие [5], тема изучения комплексных эффектов от процессов цифровой модернизации транспорта на развитие региона остается малоизученной.

Научная новизна исследования заключается в разработанной авторской классификации групп эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы.

Цель исследования — определить группы эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы. Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи: изучить научные подходы к оценке влияния развития транспортной отрасли на показатели социально-экономического положения региона, систематизировать их; привести конкретные примеры цифровой трансформации транспортного комплекса и актуальных направлений цифровизации транспортного комплекса Санкт-Петербурга.

Теоретическая значимость работы состоит в комплексном анализе эффектов от процессов цифровой модернизации транспорта на развитие региона.

Практическая значимость работы: разработанная авторская классификация групп эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы может быть использована для оценки процессов цифровизации транспортной отрасли различных регионов РФ и их сравнения между собой.

Основная часть

Методология. Авторами проведен анализ подходов к классификации эффектов влияния развития транспортной отрасли на социально-экономические показатели, приведена их систематизация, на основе обобщения разработана собственная авторская классификация; анализ индекса развития транспортного комплекса и сопоставление его значений для регионов РФ.

Результаты. Изучим несколько подходов к классификации эффектов влияния развития транспортной отрасли на экономику. Ефанов А. Н. в своей работе проводит систематизацию показателей, которые демонстрируют вклад транспортной отрасли в показатели развития экономики страны в целом (рис. 1).

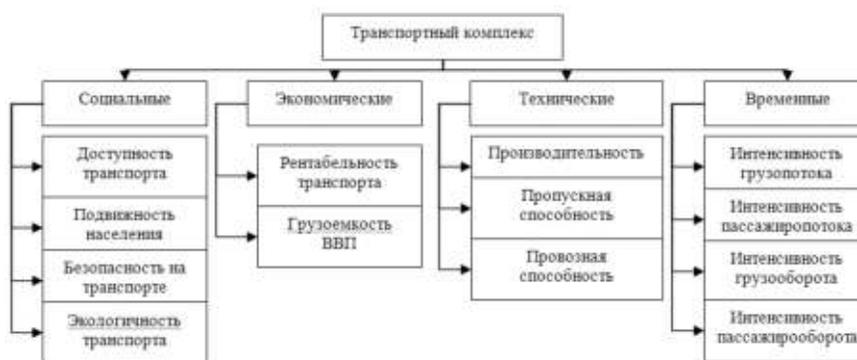

Рис. 1. Группы показателей эффективности транспортного комплекса [6]

Показатели использованы для проведения анализа показателей развития транспортного комплекса Санкт-Петербурга. Все многообразие показателей эффективности транспорта автор классифицирует по группам, отражающим влияние развития транспорта на экономику [6]:

- показатели социального влияния (отражают степень воздействия на человека и общество);
- показатели экономического влияния (отражают эффективность вложенных в развитие транспортной отрасли ресурсов);
- показатели технического влияния (отражают уровень эффективности применения технологий на транспорте);
- показатели, привязанные ко времени (интенсивность, скорость оказания транспортных услуг).

Иванова Н. П., Зубаков Г. В., Проценко О. Д. посвящали свои работы общим вопросам и проблемам цифровизации транспортного комплекса. Так, авторы в своих исследованиях затрагивали вопросы применения цифровых сервисов

в процессе трансформации и реформирования транспортной отрасли, вопросы воздействия уровня цифрового развития транспорта на показатели внешней и внутренней торговли региона, а также приводили описание принципов применения инновационных цифровых технологий в мероприятиях по инновационному развитию транспортного комплекса [7].

Волкова Е. М., Лякина М. А., Стривовская А. В. исследуют конкретно проблемы оценки влияния цифровых технологий на транспорте на показатели экономического развития региона (экономические эффекты цифровизации). Указанными авторами систематизирована информация о возможностях и сферах применения инновационных цифровых технологий в транспортном комплексе региона (рис. 2); выделены основные положительные эффекты, возникающие в городских транспортных системах вследствие использования цифровых технологий (рис. 3).

Определим группы эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы.

Рис. 2. Сферы применения цифровых технологий в транспортном комплексе региона [8]

Рис. 3. Основные положительные эффекты, возникающие в городских транспортных системах вследствие использования заинтересованными в цифровизации сторонами цифровых технологий [8]

Волкова Е. М., Лякина М. А. разделяют основные положительные эффекты, возникающие в городских транспортных системах вследствие использования цифровых технологий, на две группы (рис. 4):

1. По форме, в которой цифровые технологии влияют на социально-экономические характеристики региона: социальные; экономические; экологические.

2. По степени методического обеспечения процесса оценки эффектов [8]: эффекты, которые можно измерить в показателях стоимости; эффекты, которые невозможно оценить в стоимостном эквиваленте.

На основании изучения научной литературы авторами статьи был составлен расширенный перечень эффектов от внедрения цифровых технологий в транспортном комплексе [9].

1. Экономические эффекты:

1.1. Рост стоимости недвижимости вследствие повышения транспортной доступности территорий.

1.2. Увеличение ВВП/ВРП. По оценке экспертов Центра стратегических разработок (ЦСР), модернизация транспортного комплекса способна добавить к темпам роста ВВП 1 % [10]. Для ВРП Санкт-Петербурга изменения представлены в табл. 1.

1.3. Прирост промышленного выпуска в связи с ликвидацией инфраструктурных ограничений (рис. 5).

1.4. Эффекты от увеличения экспорта, связанные с улучшением транспортной доступности до глобальных рынков (ТДГР). В табл. 2 представлена эластичность экспорта по показателю ТДГР, рассчитанная Центром экономики и инфраструктуры [11, с. 88]. Как видно из табл. 2, наибольший эффект улучшение транспортной доступности оказывает на экспорт машин и оборудования. Чуть меньший — на продукцию металлургии, целлюлозно-бумажного и химического производства. Наименьший эффект проявляется на производство кожи и обуви, а также на обработку древесины.

В табл. 3 представлена товарная структура экспорта Санкт-Петербурга (проиллюстрирована рис. 6). Судя по тому, что товарная группа «машины, оборудование» (наиболее чувствительная к изменению транспортной доступности) занимает в товарной структуре экспорта Санкт-Петербурга вторую позицию, можно сделать вывод, что для экономики города повышение транспортной доступности в результате модернизации транспортного комплекса является актуальным вопросом.

1.5. Улучшение инвестиционной привлекательности региона.

1.6. Повышение развития смежных отраслей экономики региона.

1.7. Сглаживание уровня территориального развития города и пригорода.

2. Агломерационные эффекты:

2.1. Увеличение производительности труда за счет роста рынка труда (рис. 7).

2.2. Рост валовой добавленной стоимости.

2.3. Увеличение налоговых отчислений за счет повышения уровня и качества жизни населения и за счет роста стоимости недвижимости.

2.4. Рост мобильности населения.

3. Социальные эффекты:

3.1. Рост уровня надежности пассажироперевозок.

3.2. Повышение качества жизни.

3.3. Рост доступности транспортных услуг для маломобильных групп населения.

3.4. Экономия времени пассажиров.

4. Экологические эффекты:

4.1. Сокращение выбросов вредных веществ в атмосферу.

4.2. Улучшение эпидемиологической обстановки.

Конкретные примеры цифровой трансформации транспортного комплекса и их влияние на экономику региона представлены в табл. 4.

Рис. 4. Эффекты от внедрения цифровых технологий в транспортном комплексе

Таблица 1

Корректировка прогнозных объемов ВРП Санкт-Петербурга с учетом модернизации транспортного комплекса

Показатель	Отчетные данные			Прогнозные значения		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
ВРП [5]	4 193 489,5	4 488 482,64	4 478 154,62	4 844 749,1	5 235 209,79	5 682 295,18
ВРП скорректированный (+1 %)	4 235 424,395	4 533 367,466	4 522 936,166	4 893 196,591	5 287 561,888	5 739 118,132

Рис. 5. Пример возникновения эффектов от прироста выпуска продукции в результате ликвидации инфраструктурного ограничения [11, с. 69]

Таблица 2

Эластичность экспорта по показателю ТДГР, рассчитанная Центром экономики и инфраструктуры [11, с. 88]

Экспортная группа товаров	Эластичность экспорта по показателю ТДГР
Целлюлозно-бумажное производство	-2,84
Химическое производство	-2,58
Кожевенное сырье	-2,68
Металлургия	-2,74
Машины и оборудование	-3,65
Электрооборудование	-1,56
Прочее	-2,66

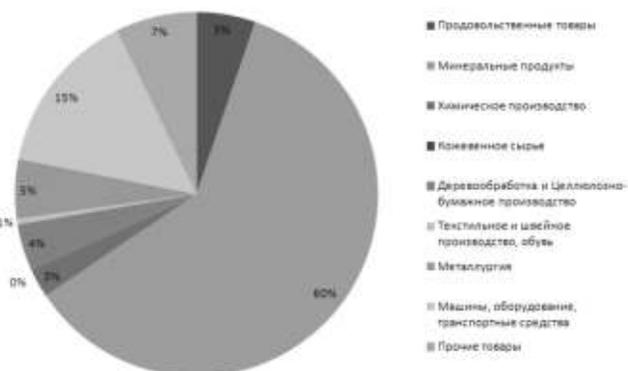

Рис. 6. Товарная структура экспорта Санкт-Петербурга в 2020 г. [12, 13]

Рис. 7. Пример возникновения агломерационного эффекта при ускорении транспортного сообщения

Таблица 3

Товарная структура экспорта Санкт-Петербурга в 2019—2020 гг. [12, 13]

Экспортная группа товаров	2019 г., тыс. дол. США	Доля в экспорте за 2019 г., %	2020 г., тыс. дол. США	Доля в экспорте за 2020 г., %	Прирост, %
Продовольственные товары	1 010 548,61	0,04	1 102 936,05	0,05	109,1
Минеральные продукты	20 457 355,15	0,74	12 658 974,64	0,6	61,9
Химическое производство	514 592,45	0,02	513 071,01	0,02	99,7
Кожевенное сырье	37 921,00	0	21 874,61	0	57,7
Деревообработка и целлюлозно-бумажное производство	994 681,73	0,04	884 949,08	0,04	89
Текстильное и швейное производство	99 346,94	0	100 453,67	0	101,1

Окончание табл. 3

Экспортная группа товаров	2019 г., тыс. дол. США	Доля в экспорте за 2019 г., %	2020 г., тыс. дол. США	Доля в экспорте за 2020 г., %	Прирост, %
Металлургия	1 656 507,21	0,06	1 109 551,29	0,05	67
Машины, оборудование, ТС	2 271 184,85	0,08	3 073 466,23	0,15	135,3
Прочие товары	629 997,99	0,02	1 518 798,86	0,07	241,1

Таблица 4

Примеры цифровой трансформации транспортного комплекса и их влияние на экономику региона

Мероприятия в рамках цифровой трансформации ТК	Влияние на социально-экономические показатели региона
Электронные проездные билеты. Единые проездные билеты. Электронные системы оплаты проезда	Повышение мобильности населения. Улучшение экологии за счет сокращения бумажных отходов. Повышение привлекательности региона для жизни — рост уровня качества жизни населения — рост численности населения
Электронные транспортные документы. Использование облачных сервисов (единые, стандартизированные документы и отчетность, правила; облачный процесс документооборота с контролирующими структурами)	Сокращение транспортных издержек. Улучшение межведомственного взаимодействия. Сокращение времени обработки и поставки грузов
Организация ситуационных единых центров управления транспортом (например, единая диспетчерская)	Повышение безопасности на транспорте. Экономия времени пассажиров
Использование в транспортной сфере систем навигации (как на транспортных средствах, так и в системах управления транспортом).	Увеличение скорости грузо- и пассажиропотока — сокращение транспортных издержек — рост производственной эффективности — повышение инвестиционной привлекательности; рост [4]
Введение системы автоматической работы светофоров	
Прогнозирование ситуации на дорогах	Экономия времени пассажиров — повышение мобильности населения — рост производительности труда. Повышение безопасности дорожного движения — рост уровня качества жизни населения
Развитие интеллектуальных платформ для оказания мобильных транспортных услуг	Повышение привлекательности региона для жизни — рост уровня качества жизни населения — рост численности населения
Внедрение системы мониторинга состояния и местонахождения груза	Повышение объемов внешнеторговой деятельности — рост ВВП
Мультимодальные грузовые перевозки	
Автоматизация системы управления транспортными потоками	Увеличение поступления налогов и сборов
Обеспечение ТК техническими средствами мониторинга показателей окружающей среды и средствами сбора информации об экологической обстановке	Улучшение экологической ситуации в городах — рост уровня качества жизни населения

Об актуальной ситуации в транспортной сфере Санкт-Петербурга можно судить по результатам оценки индекса развития транспортного комплекса. Значения Индекса развития транспортного комплекса крупнейших городов России представлены в табл. 5 (приведены данные для первых пяти позиций в последнем отчетном году). Отдельно оценим значения субиндексов, входящих в состав индекса развития транспортного комплекса за 2018 г. применительно к Санкт-Петербургу: качество транспортных услуг (значение 4,3 — 9-е место среди

городов России), доступность транспортных услуг (значение 5,8 — 2-е место среди городов России), воздействие транспорта на окружающую среду (значение 7,1 — 3-е место среди городов России), безопасность дорожного движения (значение 7,4 — 4-е место среди городов России).

Таким образом, для Санкт-Петербурга наиболее актуальными являются следующие направления цифровизации, повышающие качество транспортных услуг для населения (табл. 6).

Таблица 5

Индекс развития транспортного комплекса [15]

Город	2010 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	Индекс	Место								
Москва	6,6	1	7,7	1	7,9	1	7,9	1	7,9	1
Санкт-Петербург	5	2	5,3	2	5,5	2	5,5	2	5,5	2
Нижний Новгород	4,5	3	4,8	5	4,7	4	5,1	4	5,1	3
Новосибирск	4,5	4	5	3	4,9	3	5,1	3	5	4
Самара	4,1	6	4,4	7	4,5	5	4,7	5	4,8	5

Влияние направлений цифровизации на субпоказатели индекса развития транспортного комплекса

Направление цифровизации	Влияние на показатель индекса развития транспортного комплекса
Развитие интеллектуальных систем управления всеми видами транспорта	Качество транспортных услуг. Доступность транспортных услуг
Автоматизация системы управления транспортными потоками	
Введение системы автоматической работы светофоров, адаптирующейся к дорожной ситуации	
Внедрение систем автоматической парковки	
Разнообразие использования цифровых сервисов	
Автоматизация системы управления транспортными потоками	
Организация ситуационных единых центров управления транспортом (например, единая диспетчерская)	
Развитие платформ мобильных услуг	
Совершенствование велосипедной инфраструктуры, расширение сети городского велопроката за счет автоматических велопарковок	Качество транспортных услуг. Доступность транспортных услуг. Безопасность
Оптимизация маршрутной сети	
Увеличение численности парка городского наземного транспорта, имеющего на борту доступ сети Wi-Fi	
Сокращение интервалов движения наземного городского пассажирского транспорта	
Организация автоматизированных систем контроля за нарушениями ПДД и правил пользования городскими парковками	Безопасность. Качество транспортных услуг
Повышение эффективности регулирования движения грузового транспорта и автомобилей низкого экологического класса	Экологичность
Обеспечение ТК техническими средствами мониторинга показателей окружающей среды и средствами сбора информации об экологической обстановке	

Выводы и заключение

Таким образом, важность цифровизации транспортного комплекса для экономики региона обусловлена тем, что цифровые технологии, применяемые в транспортной сфере, оказывают воздействие на другие области экономики региона — промышленное производство, информационные технологии, социальное обеспечение, туристско-рекреационный сектор, спортивно-оздоровительный сектор, торговый сектор и др. Транспортный комплекс влияет на общество с экономической, социальной, экологической стороны. Транспорт является связующим звеном для элементов, составляющих комплекс региональной инфраструктуры, без него невозможно представить эффективное и бесперебойное функционирование отрасли народного хозяйства. Поэтому в эффективной цифровой трансформации транспортного комплекса заинтересованы различные субъекты сферы народного хозяйства.

В ходе проведенного исследования достигнуты следующие результаты:

– проведен анализ эффектов влияния, которые оказывают процессы цифровой трансформации транспортного комплекса на показатели социально-экономического развития территории региона;

– изучены взгляды различных авторов на классификацию эффектов влияния развития транспортной отрасли на социально-экономическое положение региона;

– на основе систематизации научных трудов и собственных разработок представлены группы эффектов от цифровой трансформации транспортной сферы: агломерационные, социальные, экономические эффекты;

– приведены конкретные примеры цифровой трансформации транспортного комплекса и оценено их влияние на экономику региона;

– определена актуальность цифровизации транспортного комплекса Санкт-Петербурга, которая обусловлена недостаточным уровнем развития транспортных услуг, предоставляемых горожанам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Димитров И. Д. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли в России // Транспорт Российской Федерации. 2017. № 6(85). С. 50—53.
2. Итоги Петербургского международного экономического форума «Цифровая трансформация экономики. Международный и российский опыт цифровизации транспортного сектора». URL: <https://www.rvc.ru/press-service/news/company/144152>.
3. Rodionov D., Rudskaja I., Degtereva V. Regional foresight as a technology for development of the regional innovation system // Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference 2017. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=2-s2.0-85029745504&origin=resultslist>.
4. Новожилов М. В. Перспективы развития транспортной системы в Санкт-Петербурге // Экономика. Право. Инновации. 2020. № 2. С. 10—14.
5. Самерханова Е. Р., Найденов В. И. Влияние цифровизации на развитие транспортных услуг // Экономическая безопасность и качество. 2020. № 2(39). С. 12—16.

6. Ефанов А. Н. Оценка эффективности функционирования транспортных систем // Известия Петербург. ун-та путей сообщения. 2018. Вып. 4(33). С. 154—156.
7. Зубаков Г. В., Проценко О. Д. Цифровая платформа транспортного комплекса Российской Федерации. Некоторые аспекты реализации // Creative Economy. 2019. № 13(3). С. 407—410.
8. Волкова Е. М., Лякина М. А., Стримова А. В. Проблемы оценки экономических эффектов от использования цифровых технологий в городских транспортных системах // Бюллетень результатов научных исследований. 2019. № 16. С. 15—20.
9. Ivanova M., Selentyeva T. The impact of compliance costs on innovative development // Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE 1, 2019. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=2-s2.0-85073394183>.
10. Центр стратегических разработок : офиц. сайт. URL: <https://www.csr.ru/ru>.
11. Транспортная инфраструктура и экономический рост : докл. / Под науч. рук. П. Лавриненко, П. Чистякова. М. : Перо, 2019. 142 с.
12. Краткие итоги внешней торговли Санкт-Петербурга за январь — декабрь 2020 года. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/statistic.
13. Стратегия развития транспортной системы Санкт-Петербурга и Ленинградской области на период до 2030 года. URL: <https://spbtrd.ru/program-development>.
14. Sokolitsyn A. S., Ivanov M. V., Sokolitsyna N. A. Forming consulting organization activity management economically-mathematical model // Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=22.05074072831&origin=resultlist>.
15. Индекс развития транспортного комплекса : аналит. докл. / А. А. Федянин, А. А. Грунин, О. И. Карасев, А. О. Кривцова, Д. А. Михайленко, Т. А. Петрова. М., 2020. 116 с.

REFERENCES

1. Dimitrov I. D. The impact of the digital economy on the development of the transport industry in Russia. *Transport of the Russian Federation*, 2017, no. 6(85), pp. 50—53. (In Russ.)
2. *Results of the St. Petersburg International Economic Forum “Digital Transformation of the Economy. International and Russian experience of digitalization of the transport sector”*. (In Russ.) URL: <https://www.rvc.ru/press-service/news/company/144152>.
3. Rodionov D., Rudskaia I., Degtereva V. Regional foresight as a technology for development of the regional innovation system. In: *Proceedings of the 29th International Business Information Management Association Conference 2017*. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=2-s2.0-85029745504&origin=resultlist>.
4. Novozhilov M. V. Prospects for the development of the transport system in St. Petersburg. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii*, 2020, no. 2, pp. 10—14. (In Russ.)
5. Samerkhanova E. R., Naidenkov V. I. The impact of digitalization on the development of transport services. *Economic security and quality*, 2020, no. 2(39), pp. 12—16. (In Russ.)
6. Efanov A. N. Evaluation of the efficiency of transport systems functioning. *Proceedings of Petersburg Transport University*, 2018, iss. 4(33), pp. 154—156. (In Russ.)
7. Zubakov G. V., Protsenko O. D. Digital platform of the transport complex of the Russian Federation. *Some aspects of implementation. Creative Economy*, 2019, no. 13(3), pp. 407—410. (In Russ.)
8. Volkova E. M., Lyakina M. A., Strimovskaya A. V. Problems of assessing the economic effects of the use of digital technologies in urban transport systems. *Bulletin of Scientific Research Results*, 2019, no. 16, pp. 15—20. (In Russ.)
9. Ivanova M., Selentyeva T. The impact of compliance costs on innovative development. In: *Proceedings of the European Conference on Innovation and Entrepreneurship, ECIE 1, 2019*. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=2-s2.0-85073394183>.
10. *Center for Strategic Research. Official website*. (In Russ.) URL: <https://www.csr.ru/ru>.
11. *Transport infrastructure and economic growth. Report*. Under sci. supervision of P. Lavrinenko, P. Chistyakova. Moscow, Pero, 2019. 142 p. (In Russ.)
12. *Summary results of St. Petersburg’s foreign trade for January — December 2020*. (In Russ.) URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_foreign/statistic.
13. *Strategy for the development of the transport system of St. Petersburg and the Leningrad region for the period up to 2030*. (In Russ.) URL: <https://spbtrd.ru/program-development>.
14. Sokolitsyn A. S., Ivanov M. V., Sokolitsyna N. A. Forming consulting organization activity management economical-mathematical model. In: *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference*. URL: <https://www.scopus.com/record/display.url?eid=22.05074072831&origin=resultlist>.
15. Fedyanin A. A., Grunin A. A., Karasev O. I., Krivtsova A. O., Mikhailenko D. A., Petrova T. A. *Index of the transport complex development. Analytical report*. Moscow, 2020. 116 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Иванов М. В., Невзорова А. В. Анализ влияния процессов цифровизации в транспортном комплексе на социально-экономическое развитие региона // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 126—133. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.323.

For citation: Ivanov M. V., Nevzorova A. V. Analysis of the impact of digitalization processes in the transport complex on socio-economic development of a region. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 126—133. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.323.

УДК 622.342.1
ББК 33.333

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.334

Shulgina Kristina Aleksandrovna,
Postgraduate in the direction 25.00.22
“Geotechnology (open, underground, construction)”,
Senior Lecturer of the Department of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: sibirak888@gmail.com

Kuzina Lyudmila Nikolaevna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: debi13@mail.ru

Mironova Zhenni Vladimirovna,
Candidate of Technical Sciences, Professor of RAE,
Associate Professor of the Department
of Business Informatics
and Modeling of Business Processes,
Institute of Business Process Management,
Siberian Federal University,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: mirgenni@yandex.ru

Konev Aleksandr Vasilevich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Senior Researcher,
Director of INTECO LLC,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: 190712avk@gmail.com

Korotkevich Vladimir Aleksandrovich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Director of RADOS LLC,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: kva011151@yandex.ru

Шульгина Кристина Александровна,
аспирант направления 25.00.22
«Геотехнология (открытая, подземная, строительная)»,
старший преподаватель кафедры бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: sibirak888@gmail.com

Кузина Людмила Николаевна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: debi13@mail.ru

Миронова Женни Владимировна,
канд. техн. наук, профессор РАЕ,
доцент кафедры
бизнес-информатики
и моделирования бизнес-процессов,
Институт управления бизнес-процессов,
Сибирский федеральный университет,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: mirgenni@yandex.ru

Конов Александр Васильевич,
канд. физ.-мат. наук,
старший научный сотрудник,
директор ООО «ИНТЕКО»,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: 190712avk@gmail.com

Короткевич Владимир Александрович,
канд. физ.-мат. наук,
директор ООО «РАДОС»,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: kva011151@yandex.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ — РЕЗЕРВ ПОВЫШЕНИЯ РЕНТАБЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

THE USE OF PRE-ENRICHMENT TECHNOLOGIES AS A RESERVE FOR INCREASING THE PROFITABILITY OF THE MINING INDUSTRY

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья посвящена актуальной для горно-металлургической промышленности проблеме, связанной со снижением рентабельности производства предприятий отрасли. Истощение и удаленность материально-сырьевой базы, вовлечение в переработку более бедных руд и тем самым усложнение технологических процессов требуют существенных инвестиций и увеличения затрат на производство и логистику, а также устранение негативного воздействия на окружающую среду.

Одним из направлений решения данной проблемы является переход к новому технологическому укладу. Новый уклад, в отличие от традиционного уклада, предполагает массовое применение технологий предварительного обогащения отбитой горной массы в классе крупности –1500 + 5 мм с выделением образовавшихся в процессе добычи и дезинтеграции элементарных объемов пустых и слабоминерализованных пород — порций, кусков (частиц) по крупности, вещественному составу и физико-химическим свойствам

с отвальным содержанием ценных компонентов. Процесс реализуется в местах, приближенных к местам добычи полезного ископаемого, что позволит сократить транспортные потоки, тем самым снизить расходы на логистику.

Крупнокусковые хвосты предварительного обогащения можно хранить в отвалах, обогащать, использовать для отсыпки дорог и дамб, производства строительных материалов.

Внедрение процессов предварительного обогащения обеспечивает наращивание ресурсной базы вовлечением в переработку забалансовых руд, стабилизирует состав, существенно повышает качество сырья для обогатительных фабрик, комплексность использования сырья и уменьшает негативное воздействие горнодобывающих предприятий на окружающую среду за счет снижения количества мелкодисперсных отходов, возникающих при переизмельчении, применения реагентов. Благодаря этому повышается рентабельность горнодобывающих предприятий и снижается капиталоемкость.

The article is devoted to the actual problem for the mining and metallurgical industry, associated with a decrease in the profitability of production of enterprises in the industry. Since the depletion and remoteness of the material and raw material base, the involvement of poorer ores in processing and thus the complication of technological processes require significant investments and an increase in production and logistics costs, as well as elimination of the negative impact on the environment.

One of the directions for solving this problem is the transition to a new technological mode. The new mode, in contrast to the traditional way, involves the massive use of technologies for the preliminary enrichment of the broken-off rock mass in the size class $-1500 + 5$ mm with the separation of elementary volumes of empty and low-mineralized rocks formed during the extraction and disintegration process — portions, pieces (particles) in size, material composition, physical and chemical properties with a dump content of valuable components. The process is carried out in places close to the mining sites, which will reduce traffic flows and thus, the logistics costs.

Lumpy tailings of preliminary enrichment can be stored in dumps, enriched, used for dumping roads and dams, for the production of building materials.

The introduction of pre-enrichment processes provides an increase in the resource base by involving off-balance ores in processing, stabilizes the composition, significantly increases the quality of raw materials for enrichment plants and the complexity of the use of raw materials, as well as decreases the negative impact of mining enterprises on the environment by reducing the amount of fine waste arising from over-grinding and the use of reagents. This increases the profitability of mining operations and reduces capital intensity.

Ключевые слова: эффективность производства, затраты, рентабельность, инвестиции, горнодобывающие предприятия, отбитая горная масса, предварительное обогащение, руда, концентрат, минерально-сырьевая база, технологический уклад.

Keywords: production efficiency, costs, profitability, investments, mining enterprises, chipped rock mass, preliminary enrichment, ore, concentrate, mineral resource base, technological mode.

Введение

Актуальность выбранной темы исследования, связанной с необходимостью широкого внедрения предварительного обогащения, обусловлена проблемой снижения рентабельности производства горно-металлургической отрасли из-за вовлечения в переработку руд с более низким качеством и усложнением логистики, возрастающими экологическими требованиями.

Изученность проблемы целесообразности применения предварительного обогащения в конкретных условиях отражена в работах Оганесяна Л. В., Мирлина Е. Г., Мокроусова В. А., Чантурия В. А., Баранова В. Ф.

Целесообразность исследования определяется высокой практической значимостью получаемых результатов. Обоснование перспектив применения технологий предварительного обогащения позволит повысить экономическую и экологическую эффективность горнодобывающей и металлургической отрасли.

Научная новизна исследования состоит в разработке авторской методики установления зависимостей эффективности предварительного обогащения руд цветных металлов от их качества, позволяющей горнодобывающей отрасли перейти к новому технологическому укладу, который предполагает массовое применение технологий предварительного обогащения в непосредственной близости к местам добычи полезного ископаемого, что позволит сократить расходы на логистику и повысить эффективность отработок месторождений.

Основной **целью** исследования является разработка теоретических основ применения предварительного обогащения как основного резерва повышения рентабельности предприятий горнодобывающей промышленности. В рамках исследования решены следующие **задачи**: анализ основных проблем горнодобывающей промышленности, современного состояния технологий переработки минерального сырья, динамики эффективности отрасли и выявление резервов повышения рентабельности с применением технологий предварительного обогащения.

Теоретическая значимость состоит в том, что авторский подход может быть применен для повышения эффективности работы предприятий горно-металлургической отрасли.

Проведенное исследование имеет большую **практическую значимость**, поскольку позволит повысить извлечение минерального сырья из недр, снизить негативное воздействие на экологию при ведении горных работ и переработке руд, тем самым увеличивая эффективность работы горнодобывающих предприятий.

Основная часть

Сырье для производства цветных и драгоценных металлов извлекается горнодобывающими предприятиями из недр в виде твердых полезных ископаемых. Россия, занимая ведущие позиции в мире по их запасам, уступает конкурентам по качеству. Так, по запасам меди, цинка и свинца РФ входит в первую тройку стран, но содержание металлов в них в 1,4...4,6 раза ниже, чем за рубежом. Вольфрамовые руды в 2,2 раза беднее китайских, молибденовые — в 3,4 раза беднее руд США. Кондиционные части отечественных залежей, преимущественно рядовых и труднообогатимых руд, окружены на 50...80 % породой и забалансовым сырьем [1].

Качество перерабатываемых руд системно снижается из-за сокращения числа месторождений с богатыми и легкообогатимыми рудами. Например, содержание золота

падает в отрабатываемых запасах на 0,2...0,3 г/т ежегодно. Мировыми проектами осваиваются залежи уже с содержанием золота 0,2...2,0 г/т, российскими — с 1,8...2,6 г/т, рентабельных с добычей до 30...50 млн т руды в год открытым способом [2—4].

Горнодобывающие предприятия проектируют и строят около 100 лет по технологической модели глубокого обогащения отбитой горной массы из месторождений как источников «монокоруды» со средним содержанием ценного компонента. Первичную переработку отбитой горной массы осуществляют на обогатительных фабриках дроблением и измельчением с максимальной крупностью кусков в 500...1500 мм и до размеров частиц ценного компонента, извлекаемых в концентраты гравитацией и флотацией в водных средах. Экономическую эффективность модели ограничивает рост непроизводительных затрат на обработку руды, на 90...95 % состоящей из пород, не представляющих, как правило, промышленного интереса. Технологическую эффективность обогащения руд снижающегося качества, с субмикронными размерами ценных частиц, тесно ассоциированных с сопутствующими минералами, поддерживают усложнением схем и оборудования обогатительных фабрик. При этом растут издержки обогащения и потери металлов с отходами в виде сростков с породными минералами при недоизмельчении, со шламами — при переизмельчении [1].

Металлы извлекают из концентратов обогащения химико-металлургическими методами: цианированием в жидкую фазу пульпы, в автоклавах с агрессивными средами и под высоким давлением, в высокотемпературных агрегатах (печах, конверторах). Потери в металлургическом цикле чаще ниже, чем в обогатительном, составляя, к примеру, на ГМК «Норникель» по разным металлам 4...5 % и 20...25 % соответственно [5].

Сквозные потери при переработке в целом достигают в среднем от количества металла в исходной руде: по молибдену, меди, никелю — 25 %, кобальту — до 35 %, свинцу, цинку — до 45 %, вольфраму — до 50 %, олову — до 60 %, редким и редкоземельным металлам — до 100 %, золоту — до 40 % [2, 4]. Отходы горнодобывающих предприятий достигают 1,5...2,0 млрд т в год и растут в результате удвоения каждые 8—10 лет потребления полезных ископаемых. В хозяйственных целях используется лишь незначительная часть отходов: 95...98 % отходов в виде мелкодисперсного материала с флотореагентикой, цианидами, тяжелыми металлами частично обезвреживаются и сбрасываются в хвостохранилища. Шлаки и кеки металлургического перелома в основном складывают, газы по большей части рассеивают в атмосфере.

Утилизация отходов повышает себестоимость продукции горнодобывающих предприятий на 5...15 %, подвигая их на несанкционированные сбросы. Политикой государства предусматривается ужесточение экологического контроля на принципах ЕС — основного потребителя нашего сырья, вводящего с 2025 г., в соответствии с Парижским соглашением по климату, трансграничные «углеродные пошлины» на металлы, энергоносители и т. д. Это принуждает горнодобывающие предприятия к внедрению «наилучших доступных технологий», что может поставить часть из них перед дилеммой — закрываться либо модернизироваться в течение пяти лет [6].

Рентабельность горнодобывающих предприятий в технологической модели глубокого обогащения снижается

из-за ухудшения качества сырья, эффективности применяемых для его переработки технологий, роста себестоимости производства концентратов и металлов, догоняющей цены на них, зависимостью рублевой выручки и затрат производства от курса рубля к иностранным валютам, используемым в международной торговле [4, 7, 8].

Падение рентабельности горнодобывающих предприятий сдерживает девальвация рубля, эффект от которой быстро нивелируется, увеличивая расходы населения и компаний на приобретение импортных товаров, техники и технологий. Повышение рентабельности экстенсивным наращиванием добычи открытым способом с применением высокопроизводительных горных машин, переработкой более богатых и складированием бедных руд ограничено снижением качества запасов в недрах, вплоть до утраты их промышленного значения.

Основной резерв повышения рентабельности горнодобывающих предприятий связан с сокращением затрат на переработку руды за счет сокращения объемов пустой породы. Действительно, в себестоимости горно-обогатительных комбинатов затраты на обогащение составляют около 50 % и более. В энергозатратах 48 % приходится на добычу, экскавацию и транспортировку отбитой горной массы, 46 % — на дезинтеграцию, из них 39 % — на измельчение сырья крупностью менее 5...10 мм перед обогащением [9]. Между тем доля переработки в себестоимости продукции горно-металлургического комплекса еще выше, чем у горно-обогатительных комбинатов. Так, затраты ГМК «Норникель» на добычу сырья составляют 30...35 %, на обогащение — 20...25 % и на металлургическую переработку концентратов — 45...50 %. При этом 84 % издержек на производство тонны концентрата приходится на измельчение руды [10].

Таким образом, потенциал развития горнодобывающего предприятия в технологическом укладе глубокого обогащения исчерпывается истощением минерально-сырьевой базы, снижением эффективности и издержками переработки сырья, возникает необходимость в переходе на новый технологический уклад с широким применением технологии предварительного обогащения.

Предварительное обогащение позволяет выделять из отбитой горной массы в классе крупности $-1500 + 5$ мм до 50...70 % породы по крупности, вещественному составу и физико-механическим свойствам с отвальным содержанием ценных компонентов. При этом стабилизируется состав, повышается в два-три раза качество сырья для обогатительной фабрики и рентабельность производства, снижается капиталоемкость и негативное воздействие на окружающую среду, вовлекаются в переработку забалансовые руды. Крупнокусковые хвосты предварительного обогащения можно хранить в отвалах, переобогащать, использовать для отсыпки дорог и дамб, производства строительных материалов и т. д. [11—13].

Предпосылкой для предварительного обогащения является пространственная неоднородность рудных тел по составу и свойствам, вследствие чего в процессах отбойки и дезинтеграции в отбитой горной массе образуются элементарные объемы пустых и слабо минерализованных пород — порций и кусков (частиц) [7, 13]. За счет их выделения ценный компонент концентрируется в перерабатываемом сырье.

Технологическая эффективность предварительного обогащения определяется контрастностью сырья в условиях естественного залегания, подготовкой отбитой горной

массы к сортировке в соответствии с рекомендациями Мокроусова В. А. [14, 15], селективностью разделения сырья комплексом методов и средств на обогащенный и обедненный продукты.

В настоящее время широкое внедрение технологии предварительного обогащения сдерживается несовершенством теории и методических основ, отсутствием критериев целесообразности применения.

Закключение

Таким образом, применение авторского подхода для перехода на новый технологический уклад с широким использованием технологий предварительного обогащения, который позволит снизить затраты глубокого обогащения и химико-металлургического передела, повысит рентабельность работы предприятий горно-металлургической отрасли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Оганесян Л. В., Мирлин Е. Г. Проблема истощения минерально-сырьевых ресурсов земной коры // Горная промышленность. 2019. № 6. С. 100—105. URL: <http://dx.doi.org/10.30686/1609-9192-2019-6-148-100-105>.
2. МСБ золота России и ее перспективы до 2035 г. URL: <http://www.gold.lprime.ru/bulletin/reviews/show.asp?id=36745>.
3. Беневольский Б. И., Мызенкова Л. Ф. Глобализация мировых инвестиционных потоков в «золотые» проекты // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2012. № 6. С. 73—81.
4. Предпосылки для формирования золотодобывающих кластеров в России / А. В. Конев, В. А. Макаров, К. А. Шульгина и др. // Техника и технология. 2017. № 10(7). С. 940—951.
5. Годовой отчет 2019 ПАО «ГМК „Норильский никель“». С. 74.
6. Лунышин П. Д. Что ждать промышленности от перехода на принципы НДТ? // Золотодобыча. 2017. № 4(221). С. 37—41.
7. Батугина Н. С., Джеммакулова И. Д., Ткач С. М. Новые аспекты оценки разубоживания руд при разработке месторождений // ГИАБ. 2007. № 2. С. 124—130.
8. Об утверждении стратегии развития черной и цветной металлургии России на 2014—2020 годы и на перспективу до 2030 года : приказ МПИТ РФ от 05.05.2014 г. № 839.
9. Баранов В. Ф. Обзор мировых достижений и проектов рудоподготовки новейших зарубежных фабрик // Обогащение руд. 2008. № 1. С. 8—12.
10. Кожиев Х. Х., Ломоносов Г. Г. Рудничные системы управления качеством минерального сырья. М. : Изд-во МГГУ, 2008. 292 с.
11. Miller V., Nash R., Schwaneke A. Preconcentration of native copper and porphyry copper ores by electronic sorting // Minerals Engineering. 1978. Aug. Pp. 1194—1203.
12. Robben C., Wotruba H. Sensor based ore sorting technology in mining — past, present and future // Minerals. 2019. Vol. 9. Iss. 9. DOI: 10.3390/min9090523.
13. Цыпин Е. Ф. Научные основы и технологии предварительного обогащения минерального и техногенного сырья : дис. ... д-ра техн. наук. Екатеринбург, 2000. 323 с.
14. Мокроусов В. А. Контрастность руд, ее определение и использование при оценке обогатимости // Минеральное сырье. 1960. Вып. 1. С. 316—319.
15. Мокроусов В. А., Лилеев В. А. Радиометрическое обогащение нерадиоактивных руд. М. : Недра, 1979. 192 с.

REFERENCES

1. Oganessian L. V., Mirlin E. G. The problem of depletion of mineral resources of the earth's crust. *Mining industry*, 2019, no. 6, pp. 100—105. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.30686/1609-9192-2019-6-148-100-105>.
2. *Mineral resource base of gold of Russia and its prospects until 2035*. (In Russ.) URL: <http://www.gold.lprime.ru/bulletin/reviews/show.asp?id=36745>.
3. Benevol'skiy B. I., Myzenkova L. F. Globalization of world investment flows into “golden” projects. *Mineral Resources of Russia. Economics and Management*, 2012, no. 6, pp. 73—81. (In Russ.)
4. Konev A. V., Makarov V. A., Shulgina K. A., et al. Prerequisites for the formation of gold mining clusters in Russia. *Journal of Siberian Federal University “Technics and technology”*, 2017, no. 10(7), pp. 940—951. (In Russ.)
5. *Annual Report 2019 of MMC Norilsk Nickel PJSC*. P. 74. (In Russ.)
6. Lunyashin P. D. What can the industry expect from the transition to BAT principles? *Gold mining*, 2017, no. 4(221), pp. 37—41. (In Russ.)
7. Batugina N. S., Dzhemakulova I. D., Tkach S. M. New aspects of assessing ore dilution during the development of deposits. *GIAB*, 2007, no. 2, pp. 124—130. (In Russ.)
8. *On approval of the strategy for the development of ferrous and non-ferrous metallurgy in Russia for 2014—2020 and for the future until 2030. Order of the Ministry of Industry and Technology of the Russian Federation of 05.05.2014 No. 839*. (In Russ.)
9. Baranov V. F. Review of world achievements and ore preparation projects of the newest foreign factories. *Processing of ores*, 2008, no. 1, pp. 8—12. (In Russ.)
10. Kozhiev Kh. Kh., Lomonosov G. G. *Mine management systems for the quality of mineral raw materials*. Moscow, MMU publ., 2008. 292 p. (In Russ.)
11. Miller V., Nash R., Schwaneke A. Preconcentration of native copper and porphyry copper ores by electronic sorting. *Minerals Engineering*, 1978, Aug., pp. 1194—1203.
12. Robben C., Wotruba H. Sensor based ore sorting technology in mining — past, present and future. *Minerals*, 2019, vol. 9, iss. 9. DOI: 10.3390/min9090523.

13. Tsypin E. F. *Scientific bases and technologies for preliminary enrichment of mineral and technogenic raw materials. Diss. of the Doc. of tech. sciences.* Ekaterinburg, 2000. 323 p. (In Russ.)

14. Mokrousov V. A. Contrast of ores, its definition and use in the assessment of washability. *Mineral Raw Materials*, 1960, iss. 1, pp. 316—319. (In Russ.)

15. Mokrousov V. A., Lileev V. A. *Radiometric enrichment of non-radioactive ores.* Moscow, Nedra, 1979. 192 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Шульгина К. А., Кузина Л. Н., Миронова Ж. В., Конев А. В., Короткевич В. А. Применение технологий предварительного обогащения — резерв повышения рентабельности предприятий горнодобывающей промышленности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 134—138. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.334.

For citation: Shulgina K. A., Kuzina L. N., Mironova Zh. V., Konev A. V., Korotkevich V. A. The use of pre-enrichment technologies as a reserve for increasing the profitability of the mining industry. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 134—138. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.334.

УДК 338.012
ББК 65.30

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.324

Osadchiy Kirill Vyacheslavovich,
Postgraduate of the Department of Management,
Leonov Moscow Region
University of Technology,
Deputy Manager,
Sovcombank PJSC,
Russian Federation, Korolev,
e-mail: kirill95899@yandex.ru

Осадчий Кирилл Вячеславович,
аспирант кафедры управления,
Технологический университет имени дважды Героя
Советского Союза, летчика-космонавта А. А. Леонова,
заместитель руководителя,
ПАО «Совкомбанк»,
Российская Федерация, г. Королев,
e-mail: kirill95899@yandex.ru

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РФ

ASPECTS OF THE FORMATION OF MECHANISMS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES OF THE ROCKET AND SPACE INDUSTRY OF THE RUSSIAN FEDERATION

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (1.1.2 — Формирование механизмов устойчивого развития экономики промышленных отраслей, комплексов, предприятий)

08.00.05 — Economics and management of national economy (1.1.2 — Formation of mechanisms for sustainable economic development of industrial sectors, complexes, and enterprises)

Развитие предприятий ракетно-космической отрасли (РКО) РФ предопределяется экономикой космоса, емкость рынка которой носит расширительный характер. Исследование космоса положило начало космической экономике, которая обеспечивает высокую доходность вложенных средств. Вызовы внешней среды, преодолеваемые при освоении космоса, породили новые научные и технологические знания, имеющие неотъемлемую ценность для человечества. Это понимание позволяет предоставить человечеству новые технологические решения, товары и услуги. Отечественная РКО не только предлагает новые решения глобальных проблем и занимается развитием инноваций, но и выступает в качестве ориентира для других отраслей народного хозяйства.

РКО России осуществляет свою деятельность в условиях неустойчивости и турбулентности внешней среды. Необходимо формирование новых подходов к совершенствованию систем управления их развитием. Последние годы увеличиваются объемы частных инвестиций в развитие ракетно-космической промышленности (РКП). В России такие примеры есть, но они уступают объемам частных инвестиций в отрасль в западных странах. Поэтому

тема совершенствования механизмов устойчивого развития РКП России отвечает требованиям своевременности и актуальности. От эффективности управления предприятиями РКП зависит экономическая эффективность самих предприятий.

Особенностью существующих предприятий РКО России является сохранение некоторых элементов управления плановой экономики. Для их развития требуется создание условий для перехода к рыночным основам функционирования. При этом важна роль устойчивого инновационного развития предприятий отрасли. Здесь важную роль играет не только обновление основных производственных фондов, но и выбор наиболее перспективных технологий, обеспечивающих опережающее развитие. Очевидно, что при таком подходе придется отказаться от ряда имеющихся направлений разработок, в которых отечественная РКО занимает догоняющие позиции. Альтернативным подходом к устойчивому развитию российских предприятий РКО является создание благоприятного инвестиционного климата в стране, что будет способствовать привлечению финансирования во все отрасли экономики, в том числе и в РКО.

The development of the rocket and space industry in Russia is predetermined by the space economy, the market capacity of which is expansive. Space exploration marked the beginning of the space economy, which provides a high return on investment. The challenges of the external environment that are being overcome in space exploration have given rise to new scientific and technological knowledge that is of inherent value to humanity. Understanding this allows us to provide humanity with new technological solutions, goods and services. The domestic rocket and space industry not only offers new solutions to global problems and is engaged in the development of innovations, but also acts as a reference point for other sectors of the national economy.

The enterprises of the rocket and space industry of Russia carry out their activities in the conditions of instability and turbulence of the external environment. It is necessary to form new approaches to improving the management system of their development. In recent years, the volume of private investment in the development of the rocket and space industry has been increasing. The economic efficiency of the enterprises themselves depends on the efficiency of the management of the enterprises.

Characteristic of the existing enterprises of the rocket and space industry of Russia is the retaining of some elements of the planned economy in the management. It is obvious that with this approach, we will have to abandon a number of existing areas of development, in which the domestic rocket and space industry is playing catch-up. An alternative approach to the sustainable development of Russian rocket and space industry enterprises is to create a favorable investment climate in the country, which will help attract financing to all sectors of the economy, including the rocket and space industry.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ракетно-космическая отрасль, экономика космоса, управление РКО, регулирование государственных закупок, экономика РКО РФ, промышленность, инновационное развитие, отраслевые комплексы, государственно-частное партнерство, международное сотрудничество, побочные технологии, линейное программирование, анализ длительности проекта.

Keywords: sustainable development, the rocket and space industry, space economy, management of the rocket and space industry, regulation of public procurement, the economy of the rocket and space industry of the Russian Federation, industry, innovative development, industry complexes, public-private partnership, international cooperation, spin-off technologies, linear programming, project duration analysis.

Введение

Актуальность. Освоение космоса является глобальной целью человечества, но между национальными космическими агентствами существует конкуренция. Это обуславливает актуальность темы совершенствования механизмов устойчивого развития отечественной РКО. Конечно, от такой международной конкуренции в сфере космоса выигрывает все население Земли, но для экономии экономических, людских, временных и других ресурсов на национальном уровне необходимо создать режим наибольшего благоприятствования для инновационного развития предприятий космической отрасли, особенно в сфере государственно-частного партнерства [1]. Потенциальные инвесторы должны быть уверены, что государство и регулирующие органы заинтересованы в соблюдении их прав и в их

успешной деятельности. Для этого целесообразно обеспечить прозрачную лицензионно-разрешительную политику, льготные условия получения банковских гарантий при осуществлении закупочной деятельности в сфере РКО, льготное кредитование и систему субсидий.

Теоретические аспекты устойчивого развития и управления промышленными предприятиями и коммерциализации инноваций представлены в трудах Алексашенко С. В., Зараменских Е. П., Портера М., Райкова А. Н., Редцаева П., Стиглица Д., Шумпетера Й. и др.

Ряд ученых посвятили свои труды системам управления отраслями и комплексами, НИОКР и инновационными предприятиями в условиях современной России, в работе использованы труды: Варюхина С. Е., Гуриева С. М., Зайцева М. Г., Мау В. А., Поповой С. М., Сониной К. И., Черных В. В. и др.

Специфика управления предприятиями космической отрасли представлена в работах Азаренко Л. Г., Баскова С. А., Егорова В. И., Кивчуна А. П., Козинского Н. В., Молдабекова П. И., Мысляевой И. Н., Пайсона Д. Б., Попова Э. В., Савинич В. С., Сурина А. В., Тибилловой М. М., Черных В. В., Юдина А. В., Яника А. А. и др.

Среди зарубежных современных исследователей экономики космоса можно выделить: Барбару П., Грациола Г., Гриффин М. Д., Эрме Т., Кроуфорд И. А., Лигфут Р. М., Мэддон Дж., Рикард В., Грандадам Д., Рой Л. В., Симпкенс Р., Херцфельд Х. Р. и др.

Исследователи сходятся во мнении, что динамично развивающаяся РКО России ставит перед национальным космическим агентством — государственной корпорацией «Роскосмос» — уникальные по сложности и масштабу задачи [2]. От успеха модернизации как важной части устойчивого развития зависит возможность удержания нашей страной ведущих позиций в освоении космоса. **Целесообразность** нашего исследования состоит в том, чтобы найти пути повышения эффективности отечественной РКО, сформулировать теоретические и практические механизмы развития существующей структуры отрасли.

Научная новизна исследования состоит в теоретическом обосновании использования совокупности предложенных подходов и методов устойчивого развития предприятий РКО в современных условиях. **Целью** исследования является развитие теоретических и практических подходов к совершенствованию устойчивого развития РКО России.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

- определение основных тенденций развития отечественных и зарубежных предприятий РКО;
- анализ текущего состояния ракетно-космических предприятий России с учетом ситуации на международном рынке космических технологий;
- проведение системного анализа структуры отечественной РКО;
- уточнение определения «устойчивое развитие РКО РФ» и выявление перспективных направлений и возможных путей улучшения РКО с учетом имеющихся ресурсов;
- выявление потенциала совершенствования законодательства в сфере организации РКО РФ;
- предложение мероприятий по совершенствованию механизмов ЧГП в РКО РФ;
- предложение механизмов управления проектами с учетом различных вариаций времени выполнения стадий для инновационных предприятий, начинающих деятельность в рамках действующих технологических платформ.

Теоретическая значимость заключается в том, что предложенные подходы к организации и управлению отрасли позволят повысить инвестиционную привлекательность российской РКО.

Научная значимость обусловлена системным подходом к рассмотрению процесса управления предприятиями РКО, анализу и оценке понятия устойчивого развития с учетом отраслевой специфики.

Методологическим базисом исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов в области экономической теории, управления и финансов, маркетинга, результаты фундаментальных и прикладных исследований в области планирования и развития предприятий, трансфера наукоемких технологий, а также ряд работ по управлению инновационной деятельностью предприятий в условиях цифровой и космической трансформации экономики.

Практическая значимость исследования заключается в совокупности подходов к организации деятельности предприятий РКО на трех уровнях — макро, мезо и микро. На макроуровне предложено усовершенствовать регулирование РКО в части управления государственными закупками. Для оценки инвестиционных рисков при ЧПП на мезоуровне предложено задействовать метод управления проектами в сфере РКО, учитывающий различную длительность его стадий. Это позволит оптимальным образом использовать ресурсы. Для повышения производительности труда на микроуровне предлагается формировать рабочие группы, состав которых определяем методом линейного программирования.

Полученные в ходе исследования результаты представляют собой совокупность подходов и методов, применение которых может способствовать совершенствованию устойчивого развития предприятий ракетно-промышленного комплекса России.

Основная часть

Методы. В исследовании особое внимание уделялось теоретической базе и практическим подходам к формированию рынка космических технологий. Исследование проводилось с учетом действующего законодательства в сфере регулирования РКО, были проанализированы законодательные и нормативно-правовые акты министерств и ведомств Российской Федерации [3], публикации и отчеты научно-исследовательских организаций и производственных предприятий РКП. Выводы, сделанные в работе, базируются на изучении и анализе периодических научных изданий по данной тематике, результатах аналитических отчетов и собственных авторских разработках.

При решении поставленных задач применялся метод системного анализа отрасли, задействованы методы сравнения, экспертной оценки. Математический аппарат исследования составляют статистические методы исследования экономических систем, метод линейного программирования и оптимизации и принятия решений.

Результаты.

1. Выявлены специфические особенности предприятий РКО России и предпосылки для их устойчивого инновационного развития в парадигме мировой космической индустрии.

2. Предложено ввести в научный оборот уточняющее определение устойчивого развития РКО РФ, под которым понимается инновационное развитие отрасли, отвечающее

технологическим, научным, экономическим и другим интересам российского общества на долгосрочную перспективу. Данное определение закрепляет социально-экономическую роль космической отрасли, подчеркивает экономическую и технологическую составляющие, выделяет инновационность отрасли, оставляет открытый список цели развития предприятий РКО России.

3. Проведена систематизация предприятий РКО России и выявлены их взаимосвязи, проанализированы перспективы развития космической отрасли РФ в контексте действующих государственных программ и создания предпосылок для космической трансформации экономики.

4. Доказана необходимость совершенствования регулирования закупочной деятельности предприятий РКО в рамках Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ, что предполагает оптимизацию внесения оплаты обеспечения исполнения контракта, предоставление ежегодных государственных банковских гарантий в качестве обеспечения многолетнего контракта, по результатам которого дана оценка последствий начала работы до подписания контракта единственным поставщиком.

5. Предложено и обосновано применение сценарного подхода к оценке длительности проекта государственно-частного партнерства на базе имеющихся технологических платформ, аналитическая часть которого проводится с применением программного обеспечения MS Project и MS Excel, в результате можно определять процентную вероятность готовности технологии к выходу на рынок.

6. Предложен механизм формирования в трудовых коллективах передовых групп работников, состоящих из наиболее результативных сотрудников, основанный на учете временных затрат на выполнение каждой технологической операции. Предложенный механизм основан на использовании метода линейного программирования.

Обсуждение. Структура РКО такова, что сначала государства, а с недавних пор и частные инвесторы, вкладывают значительные средства в «восходящие» космические технологии, а потом начинается возврат инвестиций через технологии «нисходящего» вектора [4]. Восходящее направление развития является как бы производящим, включающим НИОКР в сфере космических технологий, производство, космические запуски и эксплуатацию космических аппаратов и смежные услуги. Нисходящий вектор можно условно обозначить как потребляющее использование достижений отрасли, результатов наблюдений и технологических достижений во благо социально-экономического развития национальных экономик.

Предлагается ввести в научный оборот определение «устойчивое развитие РКО РФ» — это инновационное развитие отрасли, отвечающее технологическим, научным, экономическим и другим интересам российского общества на долгосрочную перспективу. Данное определение закрепляет социально-экономическую роль космической отрасли, подчеркивает экономическую и технологическую составляющие, выделяет инновационность отрасли, оставляет открытый список целей развития предприятий РКО России. Инновационность развития отрасли подразумевает, что предприятия разрабатывают и широко внедряют новации — приемы и методы, технологические и научные подходы к решению отраслевых задач. Под технологическими интересами мы подразумеваем и наличие конкурентоспособных

результатов разработок и производства, и наличие технологической обеспечения безопасности и обороноспособности страны, технологий двойного назначения. Научный интерес общества подразумевает сохранение системы сбора и обобщения данных, создание образовательных и информационных платформ, позволяющих ученым из РКО обмениваться достижениями в науке и технике, распространять знания, повышать эффективность расходования бюджетных средств и средств внебюджетных фондов и венчурных компаний. В предложенном нами определении после научных интересов общества идут технологические. Это подразумевает не только эффективность предприятий РКО, но и уровень оплаты работников РКО, формирование новых рынков, создание космической экономики.

Анализ состояния предприятий РКО позволил сделать вывод, что отрасль сталкивается с недостаточным внебюджетным финансированием и не так быстро реагирует на изменение конъюнктуры, как хотелось бы для поддержания конкуренции на внешних рынках (например, отставание в разработке ракеты, которая заменит Протон-М и будет способна конкурировать с Falcon 9

по цене запуска) [5]. В этих условиях технологические платформы являются фундаментом ЧГП, формирующим экосистему инноваций, позволяющих направленно стимулировать перспективные разработки, привлекать новых исполнителей, достигая синергетического эффекта для всей экономики [6]. В ближайшие 10—15 лет произойдет космическая трансформация экономики, связанная с развитием космической промышленности, космического бизнеса, изменением подходов к образованию, науке и производству [2]. Будет возрастать международная конкуренция и потребность отечественных предприятий РКО в инвестициях, что потребует совершенствования методов управления в отрасли [1].

Экономически целесообразно внести предложения о совершенствовании положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Федеральный закон № 44-ФЗ). Список предложений по совершенствованию государственных закупок для целей устойчивого развития предприятий РКО приведен в табл.

Предложения по совершенствованию законодательства в сфере государственных закупок (разработано автором на основе [7])

Текущее положение	Проект предложения	Ответственный орган исполнительной власти
1. При закупке у единственного поставщика исполнитель может приступать к работе только после подписания государственного контракта	Разрешить исполнителю (единственному поставщику) приступать к выполнению заказа до подписания государственного контракта	Для реализации предложений достаточно разъясняющего письма от Минэкономразвития
2. При осуществлении закупки размер обеспечения исполнения контракта исчисляется исходя из начальной (максимальной) цены контракта	Добавить функционал на сайт zakupki.gov.ru, позволяющий заказчику изменять размер обеспечения исполнения контракта в соответствии с суммой контракта	Федеральному казначейству России необходимо изменить функционал сайта zakupki.gov.ru
3. Исполнителю не хватает собственных средств на выполнение гос. контракта (особенно многолетнего) после выплаты обеспечения исполнения контракта (возвращаемого после выполнения контракта)	Внести в ФЗ-44 положение об обеспечении исполнения многолетнего контракта в размере аванса исполнителю за текущий год. Позволить исполнителю предоставлять несколько банковских гарантий (ежегодно по одной)	Президент РФ либо орган законодательной власти — Государственная Дума РФ
4. Отсутствие определенности в отношении государственного органа, уполномоченного давать разъяснения по Федеральному закону № 44-ФЗ. Федеральным органом исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок является Минэкономразвития России	При обращении государственных заказчиков о разъяснении положений Федерального закона № 44-ФЗ Минэкономразвития в своих письмах указывает на отсутствие полномочий по разъяснению нормативных актов	Президент РФ либо орган законодательной власти — Государственная Дума РФ: создание консультационных отделов в Минэкономразвития РФ

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить финансовую устойчивость предприятий РКО России.

Предлагается использовать методику управления технологическим развитием для цели развития ЧГП через институт технологических платформ [8]. Для этого мы предлагаем применить методику определения готовности технологий для анализа инвестиционной привлекательности проекта на этапе начала взаимодействия частных компаний и существующих технологических платформ. Для проекта нами выбрана условная spin-off технология, с которой частная научно-производственная компания может обратиться в одну из существующих технологических платформ. Чтобы рассчитать вероятность выполнения проекта за указанное время, необходимо рассчитать не только критический путь на сетевой диаграмме проекта, но и несколько критических путей, имеющих резерв не более одной недели.

Строим сетевую диаграмму проекта и диаграмму Ганта. Определяем критический путь, рассчитываем стандартные отклонения.

Представленные данные позволяют оценить вероятность выполнения проекта за определенное количество недель либо завершение проекта к определенному сроку, если рассматривать диаграмму Ганта.

Подобный подход к управлению технологическим развитием предприятий РКО подразумевает достаточно точное определение длительности выполнения стадий проекта.

Предложено использовать инструментарий задачи линейной оптимизации для формирования рабочих групп внутри коллективов, например по системе AGILE, из работников, решивших ряд задач. Был рассмотрен проект из 84 переменных: 14 человек и шесть видов работ. С помощью линейного программирования отбирается группа

наиболее результативных сотрудников. При поиске решения данного линейного уравнения мы искали минимальное время выполнения работ, указанное в человеко-часах. Это особенно актуально для предприятий отечественной РКО, что подтверждается содержащейся в годовом отчете ГК «Роскосмос» информацией о целевых показателях повышения производительности труда на 3 % до конца 2021 г.

Заключение

Совершенствование и формирование механизмов устойчивого развития предприятий российской РКО по многим причинам является актуальной задачей. С точки зрения развития мировой экономики Россия занимает ряд ключевых ниш космического рынка (космические двигатели, пилотируемые запуски, производство ракет-носителей, производство композитных материалов и развитая система НИОКР). Поскольку общемировая тенденция смещается от финансирования национальных космических агентств к государственно-частному партнерству и привлечению внебюджетных инвестиций, отечественной РКО необходимо совершенствовать правовую базу, создавать экосистему взаимовыгодного ЧПП. Сейчас же условия в отечественной космонавтике таковы, что от наделенной функциями регулятора ГК «Роскосмос» государство требует прибыльности, что не способствует развитию конкуренции на внутреннем российском космическом рынке.

Для цели развития теоретических и практических подходов к совершенствованию устойчивого развития РКО России нами предложено уточняющее определение данного процесса: устойчивое развитие РКО РФ — это инновационное развитие отрасли, отвечающее технологическим, научным, экономическим и другим интересам российского общества на долгосрочную перспективу.

Важность экономических интересов российского общества, а не бюджета РФ в предложенном определении подчеркивает необходимость следования общемировой тенденции развития ЧПП, создания небольших компаний, занимающихся отдельными вопросами космонавтики. В стратегической перспективе это принесет больший эффект, чем коммерциализация ГК «Роскосмос». В России есть ряд заметных частных космических компаний, наиболее крупная из них — «Газпром космические системы», владеющая спутниковой группировкой и S7 Space, разрабатывающей систему морского старта (запуск ракет с плавучего космодрома).

Современное состояние РКО РФ осложняется тем фактом, что вследствие исторических процессов, когда предприятия располагались на территории Советского Союза, была активно развита кооперация между предприятиями в союзных республиках. Сейчас часть предприятий РКО бывшего СССР находится на территории Украины и Прибалтики. Например, с 2015 г. ГК «Роскосмос» была вынуждена отказаться от ракет «Зенит».

Общемировой тенденцией стало увеличение доли частного капитала в объеме инвестиций в космическую отрасль: с 2010 г. они выросли в десять раз, а доля финансирования национальных космических агентств, наоборот, сократилась на треть. Объем мирового космического рынка за этот период удвоился и составил 423,8 млрд дол. США и продолжает расти. Обозначается вектор развития РКО, когда государства фокусируются на создании космического права и общих подходов к стандартизации, вкладываются в фундаментальные исследования и космическую инфраструктуру.

При этом частные компании занимаются реализацией коммерческих проектов: разработка космических аппаратов, систем зондирования земли, телекоммуникационных проектов и др. Важная «побочная» деятельность РКО — побочные (spin off) технологии, применяемыми на земле в медицине, материаловедении, электротехнике (тефлон, беспроводные инструменты, спутниковая навигация) и др. [8].

Возрастает роль цифровой экономики в подходах к формированию механизмов устойчивого развития предприятий РКО РФ: информационные системы влияют на организацию рынков, требуют изменения законодательства и адаптации правовых систем [9].

Вхождение космических технологий в повседневную жизнь и увеличение объемов финансирования вызывают процесс, который называется «космическая трансформация экономики». Подразумевается, что экономика позволяет строить новые космические аппараты и наземную инфраструктуру, а космические технологии позволяют создавать новые рынки и формировать прибыль (навигация, телекоммуникация, прогнозирование погоды, безопасность и т. д.) [10]. При этом у развития РКО есть косвенные, но не менее важные социальные мотивы: инновационный, культурный, вдохновляющий и то, что называется «новые средства решения глобальных проблем», — термин, включающий в себя гуманистическую составляющую, выходящую за рамки международной интеграции при реализации совместных программ (например, МКС), но объединяющую человечество как вид, устремленный в будущее, развивающий свою цивилизацию.

Устойчивое развитие предприятий РКО зиждется на космической триаде: космическая экономика, космическое право и космическое образование. Экономика космоса формирует рынки, правовой аспект важен для формирования экосистемы и развития кооперации в отрасли, образование подразумевает инвестиции в человеческий капитал, что в совокупности может дать синергетический эффект — космическую трансформацию экономики.

В настоящее время Россия занимает одну из лидирующих позиций в мировой космонавтике и занимает около 10 % рынка. Главной проблемой отрасли является недофинансирование (объем инвестиций в десять раз меньше, чем в США). В отрасли трудится около 200 тыс. человек. Средняя зарплата в 2019 г. составила 62 тыс. руб. Это позволяет конкурировать с зарубежными предприятиями по оплате труда (в США средняя зарплата по отрасли в десять раз больше) [11].

В процессе исследования методом экспертных оценок мы пришли к выводу, что совершенствование системы устойчивого развития РКО РФ должно начинаться с пересмотра требования прибыльности ГК «Роскосмос», чтобы не возникало конфликта интересов Корпорации и субъектов РКО, не входящих в структуру «Роскосмоса». Поскольку данная концепция не укладывается в текущую парадигму развития, мы сосредоточили практическую часть исследования на решении прикладных задач. Идя от общего к частному, мы предложили: изменения в сфере закупок; использование математического инструментария линейного программирования в проектной работе при выводе на рынок новой технологии и при формировании команд, состоящих из наиболее результативных сотрудников.

В сфере государственных закупок мы предлагаем при закупке у единственного поставщика разрешить исполнителю приступать к выполнению до подписания контракта;

исчислять размер обеспечения исполнения контракта от суммы контракта, а не от первоначальной (максимальной) суммы; ограничить размер обеспечения исполнения многолетнего контракта суммой аванса исполнителю за текущий год и разрешить предоставлять несколько банковских гарантий (по одной в год); создать консультационное подразделение при Министерстве экономического развития РФ, которое помогало бы разьяснять коллизии законодательства. Применение данных рекомендаций позволило бы предприятиям с государственным участием высвободить до 10 % оборотных активов ежегодно.

В результате проведенного нами системного анализа предлагается инновационным компаниям, входящим в деловое сотрудничество с имеющимися технологическими платформами, использовать метод управления проектами с учетом случайных вариаций времени выполнения стадий, что позволит эффективней использовать человеческие и финансовые ресурсы задействованных экономических субъектов.

Метод принятия решений в условиях неопределенности, с учетом случайных вариаций времени выполнения стадий, задействованный в механизме ЧГП на базе технологических платформ при планировании вывода на рынок новой технологии (по классификации TRL), позволит повысить эффективность используемых средств и прозрачность деятельности для инвесторов. Данный метод может

быть реализован в программах MS Project и MS Excel [12]. Метод предполагает построение диаграммы Ганта и сетевого графика. В результате на основе критического пути определяется вероятность, с которой проект будет выполнен к намеченному сроку.

На уровне предприятий РКО мы предлагаем анализировать время выполнения операций сотрудниками (доступно через анализ времени поступления и завершения задачи в программе учета, например семейства 1С или Oracle), формировать команды для выполнения заданий и работ (например, по методу agile). Этот метод позволяет за короткое время через функцию «Поиск решения» в MS Excel выбрать из множества сотрудников тех, которые выполнят задание наиболее быстро. Применение этого подхода позволит повысить производительность труда ГК «Роскосмос» на 3 %, что соответствует плановым показателям, указанным в годовом отчете.

Формирование и совершенствование механизмов устойчивого развития предприятий РКО РФ — это сложный и многоаспектный процесс. Данная тематика потребует дальнейших исследований из-за динамично меняющейся конъюнктуры рынка космических технологий и усиления процессов цифровизации экономики. От того, как отрасль будет реагировать на изменение рынка, зависит роль России в процессе космической трансформации экономики.

Благодарность

Автор выражает благодарность своему научному руководителю канд. экон. наук, доценту Абрашкину Михаилу Сергеевичу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Компания Success Rockets заключила соглашение о строительстве к 2025 году частного космодрома на территории Республики Дагестан. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10342057>.
2. Кравченко Д. Б., Бауров А. Ю. Государственно-частное партнерство в сфере космической деятельности в период структурной реформы отрасли // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Экон. науки. 2016. № 3(245). С. 48—58.
3. Об утверждении методических материалов по разработке и корректировке программ инновационного развития акционерных обществ с государственным участием, государственных корпораций, государственной компании и федеральных государственных унитарных предприятий : распоряжение Минэконом развития Рос. Федерации от 31 янв. 2011 г. № ЗР-ОФ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902306418>.
4. Сеньшин Е. «Человек полетит на Марс по одной причине: потому что хочется». Почему Илон Маск эффективнее «Роскосмоса» и куда движется космонавтика? Интервью с В. Егоровым. URL: https://www.znak.com/2019-04-12/rochemu_ilon_mask_effektivnee_roskosmosa_i_kuda_dvizhetsya_kosmonavtika_intervyu_vitaliya_egorova.
5. Никита Казинский: невозможно говорить о прибыльности SpaceX. Интервью с директором АО «Организация «Агат». URL: <https://ria.ru/20210209/kazinskiy-1596529577.html>.
6. Московский А. А. Совершенствование системы корпоративного управления в Госкорпорации «Роскосмос» // Современные корпоративные стратегии и технологии в России : сб. науч. ст. М. : Финансовый ун-т при Правительстве РФ, 2016. 240 с. С. 67—76.
7. Тибилова М. М. Развитие законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд // Экономика. Налоги. Право. 2016. № 6. С. 129—135.
8. Кивчун А. Первопроходцы частной космонавтики в РФ: Лин Индастриал // Диалог. 2016. № 4.
9. Мау В. А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018—2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5—28.
10. О космической деятельности : закон Рос. Федерации от 20 авг. 1993 г. № 5663-I (в ред. Федер. закона от 15 апр. 2019 г. № 54-ФЗ) // Российская газета. 1993. № 186. С. 45—49.
11. Зараменских Е. П. Коммерциализация технологий : моногр. Новосибирск : ЦРНС, 2014. 125 с.
12. Зайцев М. Г., Варюхин С. Е. Методы оптимизации управления и принятия решений: примеры, задачи, кейсы : учеб. пособие. 2-е изд., испр. М. : Дело, 2008. 664 с.

REFERENCES

1. *Success Rockets has concluded an agreement on the construction of a private spaceport on the territory of the Republic of Dagestan by 2025.* (In Russ.) URL: <https://tass.ru/ekonomika/10342057>.

2. Kravchenko D. B., Baurov A. Yu. Public-private partnership in the field of space activities during the structural reform of the industry. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 2016, no. 3(245), pp. 48—58. (In Russ.)
3. *On approval of methodological materials for the development and adjustment of innovative development programs for joint-stock companies with state participation, state corporations, state-owned companies and Federal state unitary enterprises. Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation of Jan. 31, 2011 No. 3R-OF.* (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/902306418>.
4. Senshin E. “Man will fly to Mars for one reason: because I want to”. *Why is Elon Musk more effective than Roscosmos and where is cosmonautics moving? Interview with V. Egorov.* (In Russ.) URL: https://www.znak.com/2019-04-12/pochemu_ilon_mask_effektivnee_roskosmosa_i_kuda_dvizhetsya_kosmonavtika_intervyu_vitaliya_egorova.
5. *Nikita Kazinskiy: it is impossible to talk about the profitability of SpaceX. Interview with the director of Organization Agat JSC.* (In Russ.) URL: <https://ria.ru/20210209/kazinskiy-1596529577.html>.
6. Moskovskiy A. A. Improving the corporate governance system in the State Corporation Roscosmos. In: *Modern corporate strategies and technologies in Russia. Collection of sci. articles.* Moscow, Financial University under the Government of the Russian Federation, 2016. Pp. 67—76. (In Russ.)
7. Tibilova M. M. Development of the legislation of the Russian Federation on the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state needs. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*, 2016, no. 6, pp. 129—135. (In Russ.)
8. Kivchun A. Pioneers of Private Astronautics in Russia: Lin Industrial. *The Dialogue*, 2016, no. 4. (In Russ.)
9. Mau V. A. National goals and model of economic growth: New in the Russian socio-economic policy of 2018—2019. *Vo-prosy ekonomiki*, 2019, no. 3, pp. 5—28. (In Russ.)
10. On space activities: law of the Russian Federation of 20 Aug. 1993 No. 5663-I (as amended in Federal law No. 54-FZ of April 15, 2019). *Rossiyskaya Gazeta*, 1993, no. 186, pp. 45—49. (In Russ.)
11. Zaramenskikh E. P. *Commercialization of technologies. Monograph.* Novosibirsk, TsRNS Publ., 2014. 125 p. (In Russ.)
12. Zaytsev M. G., Varyukhin S. E. *Methods of optimization of management and decision-making: examples, tasks, cases. Textbook.* 2nd ed., revised. Moscow, Delo, 2008. 664 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Осадчий К. В. Аспекты формирования механизмов устойчивого развития предприятий ракетно-космической отрасли РФ // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 138—144. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.324.

For citation: Osadchiy K. V. Aspects of the formation of mechanisms for the sustainable development of enterprises of the rocket and space industry of the Russian Federation. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 138—144. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.324.

УДК 338
ББК 65.05

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.315

Ustyuzhanin Vladimir Leonidovich,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Researcher at Central Economics
and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: vladimir-ustyuzhanin@rambler.ru

Устюжанин Владимир Леонидович,
канд. экон. наук,
доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
научный сотрудник
Центрального экономико-математического института
Российской академии наук,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: vladimir-ustyuzhanin@rambler.ru

МОДЕЛИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

MODELS OF HIGHER EDUCATION: COMPARATIVE ANALYSIS

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья посвящена сравнительному исследованию национальных моделей организации высшего образования. За основу анализа взяты системы высшего образования США, Германии, Нидерландов, Китая и России. Автором предложена система критериев, на основе которых можно разграничить принципы организации системы высшего образования в разных государствах: отнесение высшего образования к частным (удовлетворяемым на основе частного платежеспособного спроса потребителей) или коллектив-

ным (опекаемым) благам, организация финансирования системы высшего образования, барьеры (фильтры) для обучающихся на входе и на выходе, степень коммерциализации вузов, роль академического сообщества.

На основе проведенного исследования выделены идеально-типические модели организации высшего образования, существующие в развитых и быстро развивающихся странах: рынок частных услуг, государственный патернализм, рынок мериторных благ, квазирынок и гибридная модель.

Рынок частных благ характеризуется платным высшим образованием для студентов и низким государственным регулированием. Государственный патернализм характеризуется предоставлением бесплатного доступа к образованию. В модели мериторного рынка оплата образовательных услуг осуществляется на паритетных началах государством и домохозяйствами. Для квазирынка характерен управляемый государством рынок частных благ с высокой селекцией на входе по знаниям и способностям. Гибридная модель сочетает государственный патернализм для одних с рынком частных услуг для других потребителей.

Сделан вывод о том, что низкий уровень финансирования и коммерциализация деятельности государственных вузов порождают многие проблемы российского высшего образования, прежде всего падение качества образовательных услуг и обесценение диплома как результата образовательной деятельности.

The paper presents a comparative analysis of national models of higher education in the USA, Germany, the Netherlands, China and Russia. The author has developed a set of criteria for differentiation of principles of higher education in various countries. They are: attribution of higher education to private (satisfied on the basis of private solvent consumer demand) or collective benefits (sponsored blessings), organization of higher education funding, entry and exit barriers for students, degree of commercialization, the role of academic community.

The study shows ideal types of models of higher education that exist in both developed and developing countries. They are: the market for private services, state paternalism, the market for merit goods, the quasi-market and the hybrid model. The market for private services is characterized by paid higher education for students and low government regulation. State paternalism is characterized by the provision of free access to education. In the merit market model, payment for educational services is carried out on a parity basis by the state and households. The quasi-market is characterized by a state-controlled market of private goods with a high selection at the entrance according to knowledge and abilities. The hybrid model combines state paternalism for some with the market for private services for other consumers.

The author comes to the conclusion that low funding and commercialization of higher education leads to deterioration in quality of education as well as devaluation of university degrees.

Ключевые слова: высшее образование, коммерциализация вузов, модели финансирования высшего образования, опекаемое благо, академическое сообщество, рынок частных услуг, государственный патернализм, рынок мериторных благ, квазирынок, гибридная модель.

Keywords: higher education, commercialization of higher education, models of funding of higher education, sponsored blessing, academic community, market for private services, state paternalism, the market for merit goods, the quasi-market, the hybrid model.

Введение

Актуальность. Образование является одним из важнейших благ, обеспечивающих создание потенциала для будущего развития любой страны. Особенности образования являются его многоуровневый характер (начальное, среднее, высшее) и способность удовлетворять как индивидуальные, так и общественные потребности. Указанные

особенности определяют различные подходы к организации национальных систем образования — прав доступа потенциальных потребителей к каждому уровню образования; способов организации финансирования; фильтров, которые применяются на входе и выходе; степени государственной опеки как над деятельностью образовательных организаций, так и над содержанием образовательных программ.

Изученность проблемы. В отечественной и зарубежной научной литературе представлено мало исследований, посвященных изучению особенностей организации систем высшего образования (СВО) в разных странах.

Целесообразность разработки темы заключается в определении критериев, которые должны использоваться для описания моделей организации систем высшего образования.

Научная новизна исследования заключается в выявлении общих черт организации моделей высшего образования в разных странах, а также различий между ними.

Целью исследования является сравнительный анализ моделей организации высшего образования, существующих в различных странах, и выявление на этой основе проблемных зон российской системы высшего образования.

Задачи исследования: определить основные критерии, которые должны использоваться для описания моделей организации систем высшего образования, описать наиболее типичные модели организации высшего образования, существующие в настоящее время в развитых и быстро развивающихся странах, проанализировать особенности российской системы высшего образования.

Методология исследования заключается в сравнительном анализе моделей организации высшего образования в разных странах.

Теоретическая значимость исследования состоит в разработке подхода к исследованию моделей организации высшего образования.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов для анализа моделей организации высшего образования по всему миру и разработки рекомендаций для российской модели высшего образования.

Основная часть

Высшее образование как экономическое благо. Существует множество различных классификаций благ, наиболее общие из которых предполагают деление благ на следующие:

- 1) свободные и экономические (по особенностям воспроизводства);
- 2) товары и услуги (по возможности отделения результата деятельности от самой деятельности и потребителя);
- 3) частные, общественные и смешанные (по характеру распределения).

С точки зрения первого критерия образование, безусловно, относится к экономическим благам, так как для его производства необходимо отвлечение ресурсов от других видов деятельности.

С точки зрения второй классификации образование является услугой, поскольку его результат нельзя отделить ни от самой деятельности, ни от его получателя.

По характеру распределения крайними градациями типов благ являются чистые частные и чистые общественные блага. Чистые частные блага — это блага, общественная потребность в которых может быть эффективно удовлетворена

на основе частного платежеспособного спроса. Общественная потребность в чистых общественных благах может быть удовлетворена только на основе общественного контроля над производством и распределением этих благ, поскольку они обладают такими свойствами, как отсутствие конкуренции в потреблении и невозможность или чрезвычайно высокая стоимость исключения из доступа к этим благам.

Существуют также смешанные блага — коллективные, клубные, опекаемые и мериторные. Данные виды благ, помимо возможности ограничения доступа и степени конкурентности, характеризуются характером потребления (частным или коллективным), свойством делимости, наличием экстерналий, социальной значимостью, возможностью соразмерной оценки потребителем.

Высшее образование, при прочих равных, относится именно к смешанным видам благ, так как оно обладает следующими характеристиками:

- в основном коллективный характер потребления;
- неделимость;
- частичная неконкурентность в потреблении (до некоего числа потребителей);
- существование положительных экстерналий;
- трудность оценивания конкретным потребителем ввиду высокой асимметрии информации;
- возможность исключения потребителей из доступа.

В классификации М. Блауга бенефициар опекаемых благ — это не только индивид, но и общество в целом, а выгодоприобретатель частных благ — это конкретный индивид [1].

Согласно теории А. Я. Рубинштейна, стимулом для общественной опеки может быть целый ряд причин, поэтому опекаемые блага имеют несколько видов [2]:

- общественные блага, которые обладают неисключаемостью и неконкурентностью; это ведет к нежеланию потребителей платить за них и нежеланию производителей производить их;
- мериторные блага, спрос на которые со стороны индивидов гораздо меньше, чем общественно желаемый уровень; в такой ситуации целью общества является корректировка выбора индивидов [3];
- блага, создающие положительные внешние эффекты; спрос на эти блага со стороны индивидов ниже общественного оптимума;
- блага, оценку которых трудно произвести ввиду высокой асимметрии информации.

Согласно теории А. Я. Рубинштейна, характеристикой опекаемых благ выступает «социальная полезность товаров и услуг — их способность удовлетворять нормативный интерес общества» [4]. Поэтому высшее образование является опекаемым благом, создание которого сопряжено с возникновением положительных экстерналий и удовлетворяет интересы общества в целом, а оценка качества образования представляет большую трудность ввиду высокой асимметрии информации.

Хотя многие ученые разделяют мнение, что высшее образование относится к коллективным благам, некоторые экономисты квалифицируют его как квазиобщественное благо. Например, Дж. Стиглер [5] предлагает деление образовательных услуг на чисто общественные блага (ступени начального и среднего образования) и квазиобщественные блага (ступени высшего, послевузовского и профессионального образования). Основатель теории человеческого капитала Г. Беккер разделял инвестирование в человеческий капитал на общее (оплачивается домохозяйствами)

и специальное (оплачивается заинтересованными агентами). В теории Беккера высшее образование относится к смешанному типу благ.

Высшее образование можно также отнести к клубным благам ввиду неконкурентности и исключаемости. Характеристикой клубных благ является то, что в какой-то момент такое благо теряет свою неконкурентность. Характерным свойством клубных благ является переполняемость, проявляющаяся в недостатке аудиторий, профессорско-преподавательского состава необходимой квалификации и т. д.

По величине издержек, сопряженных с оценкой качества приобретаемого блага, выделяют исследуемые, опытные и доверительные блага. Исследуемые блага можно оценить до их приобретения на основе либо визуальной проверки, либо возможности непосредственного измерения. Опытные блага — это блага, качество которых оценивается только в процессе эксплуатации, тогда как качество доверительного блага остается неизвестным пользователю даже в процессе его использования [6].

Высшее образование представляет собой как раз доверительное благо. Трудность оценки качества образования сопряжена, во-первых, с высокими издержками, а во-вторых, с громадной асимметрией информации ввиду отсутствия профессиональных навыков у потребителей образовательного блага (студентов). Как правило, жалобы студентов на качество образования связаны с качеством предоставления образовательной услуги, а не с ее результатом — получаемыми знаниями, навыками и компетенциями.

Таким образом, можно констатировать, что по своей природе высшее образование является экономическим благом, которое производится и потребляется в форме услуги и обладает признаками опекаемого, мериторного, коллективного и доверительного блага.

Параметры моделей высшего образования. Модели систем высшего образования в разных странах различаются, прежде всего по критерию отнесения данного вида блага к частным или опекаемым. В качестве дополнительных критериев могут быть использованы следующие характеристики: структура системы высшего образования; барьеры входа (требования к поступающим); степень распространения высшего образования; барьеры выхода — легкость получения диплома, которую косвенно можно измерить как процент получивших высшее образование от числа поступивших; способ финансирования производства блага; ключевой стейкхолдер системы.

Проведем сравнительный анализ СВО таких стран, как Германия, США, Китай, Нидерланды и Россия.

Структура системы высшего образования. В Германии высшие школы делятся на университеты (академическое образование), высшие специальные школы (профессиональное образование), педагогические вузы (педагогическое образование), теологические колледжи (богословское образование), колледжи искусств (творческое образование) и военные академии (военное образование) [7]. Вузы бывают как государственными, так и частными.

В США высшие школы делятся на университеты (академическое многоступенчатое образование), состоящие из факультетов (колледжей); общие колледжи (двухгодичное техническое и полупрофессиональное образование с присвоением степени специалиста) и колледжи искусств (четырёхгодичное гуманитарное образование с присвоением степени бакалавра) [8]. Университеты и колледжи бывают как государственными, так и частными [9].

Высшие школы в Китае делятся на исследовательские университеты, многопрофильные университеты, колледжи и профессиональные высшие школы. Вузы бывают государственными (две трети от общего числа) и частными (треть от общего числа). Образование, полученное в государственном вузе, ценится выше: в частные учебные заведения идут, как правило, те, кто не смог поступить в государственные. Частные вузы не занимаются научными исследованиями и не присуждают ученые степени [10].

В Нидерландах высшие учебные заведения делятся на исследовательские университеты (академическое образование) и университеты прикладных наук (профессиональное образование). При исследовательских университетах существуют колледжи, учебный план которых предусматривает получение базовых знаний в различных областях, а также так называемые институты международного образования, предназначенные для иностранных студентов. Университеты бывают государственными, частными и лицензированными. Лицензированные университеты выдают диплом государственного образца [11].

В России вузы делятся на университеты (многопрофильные учебные заведения с большим выбором учебных программ в различных областях), академии/институты (учебные заведения, занимающиеся подготовкой специалистов в конкретной области) и высшие военные училища (учебные заведения, занимающиеся подготовкой военных специалистов). Вузы бывают как государственными, так и частными.

Требования к поступающим в вузы. Чтобы поступить в вуз в Германии, нужно пройти выпускные испытания в средней школе и получить аттестат со средним баллом не ниже, чем проходной балл, установленный высшим учебным заведением. Некоторые высшие школы (например, колледжи искусств) могут потребовать от абитуриента прохождения дополнительного экзамена, чтобы проверить соответствие его знаний и навыков требованиям вуза. Для поступления в университет или педагогический институт необходимо получить аттестат гимназии или окончить гимназический класс смешанной школы. Для поступления в другие высшие школы достаточно окончить рабочую школу или училище (вторая степень среднего образования) [7].

Для поступления в высшее учебное заведение в Соединенных Штатах Америки нужно пройти выпускные испытания в средней школе и получить аттестат со средним баллом не ниже, чем проходной балл, установленный вузом. Некоторые высшие школы могут потребовать от абитуриента сдачи единого академического оценочного теста (SAT) или прохождения дополнительного экзамена, чтобы проверить соответствие его знаний и навыков требованиям вуза [12].

Чтобы поступить в китайский вуз, необходимо иметь хорошие оценки в школьном аттестате и сдать единый девятичасовой экзамен Gaokao. Данный экзамен включает в себя задания по китайскому языку, математике, иностранному языку, а также предметам по выбору. С первого раза его сдают всего 40 % абитуриентов. От балла за Gaokao зависят дальнейшие возможности выпускника школы [13]. Поскольку учебных мест в китайских вузах значительно меньше, чем желающих на них поступить, в большинстве высших школ установлен очень высокий проходной балл. При этом преимущество в зачислении отдается молодым людям из провинции, в которой находится университет. Например, университет Пекина зачисляет только 0,5 %

пекинцев, подавших заявки на поступление, а для поступающих из других регионов квота в несколько раз ниже [14].

В Нидерландах, чтобы поступить в вуз, необходимо сдать государственные экзамены. Дополнительными критериями при приеме в высшее учебное заведение являются средний балл в школьном аттестате и наличие опыта работы. Университет может также попросить абитуриента написать мотивационное письмо и/или пройти собеседование [15].

В России, чтобы поступить в высшее учебное заведение, нужно сдать Единый государственный экзамен (ЕГЭ) по предметам, установленным соответствующим вузом, и набрать необходимый проходной балл. Некоторые высшие школы могут потребовать от абитуриента прохождения дополнительного экзамена, чтобы проверить соответствие его знаний и навыков требованиям вуза.

Степень распространения высшего образования. В Германии в высшие школы поступают около 70 % выпускников средних школ. За последние пять лет этот показатель увеличился примерно на 10 % [16].

В США в высшие школы поступают около 70 % выпускников средних школ. За последние пять лет этот показатель увеличился на 10 % [12].

В Китае на программы бакалавриата поступают около 40 % выпускников китайских школ [18].

В Нидерландах в высшие учебные заведения поступают около 80 % выпускников школ. Пятьдесят лет назад данный показатель был на уровне 20 % [19].

В России в вузы поступают 72 % выпускников школ [15].

В Германии среди людей, поступивших в высшие школы, 61,4 % получают университетское, педагогическое или богословское образование, 35,5 % получают профессиональное образование, 1,3 % получают творческое образование. Самыми популярными направлениями обучения в немецких высших школах являются экономика предприятия, машиностроение, информатика и право [20].

В США самым популярным направлением обучения в университетах и колледжах является бизнес-образование (19 % студентов). На втором месте — здравоохранение (11 %), на третьем — гуманитарные науки (9 %), на четвертом — психология (6 %) [21].

В Китае самыми популярными специальностями у студентов бакалавриата являются инженерное дело (33,4 % студентов) и управление (18,1 %) [10].

В Нидерландах самыми популярными специальностями у студентов исследовательских университетов являются экономика, социология, право, психология и медицина, а у студентов университетов прикладных наук — управление, сестринское дело, педагогика и компьютерные технологии [22].

В России самыми востребованными направлениями обучения в вузах являются медицина, экономика, журналистика и международные отношения [23].

Продолжительность обучения в бакалавриате. Нормативный срок освоения учебной программы бакалавриата в Германии составляет шесть семестров. Однако реально среднее время обучения выше. Это объясняется строгостью промежуточных аттестаций: если студент не сдает экзамен по дисциплине два раза, он должен пройти соответствующий курс еще раз. Так, в 2018 г. реальная средняя продолжительность обучения в бакалавриате составляла восемь семестров.

Нормативный срок обучения по программе бакалавра в США составляет четыре года. Средняя продолжительность освоения программы составляет 4,3 года [24].

В Китае для большинства специальностей нормативный срок обучения в бакалавриате составляет четыре года. Большинство студентов укладываются в данный срок [25].

В Нидерландах нормативный срок обучения в бакалавриате составляет три-четыре года (в зависимости от программы) [26]. В нормативный срок укладываются лишь 28 % студентов. 70 % студентов оканчивают программу бакалавра в течение трех последующих лет [15].

В России нормативный срок обучения по программе бакалавра составляет четыре года. Большинство студентов укладываются в данный срок.

Процент выпускников от количества поступивших.

В Германии среди поступивших в университеты только две трети заканчивают учебу. В высших специальных школах данный показатель составляет примерно три четверти [27].

В США меньше двух третей молодых людей, поступающих в бакалавриат, получают, в итоге, высшее образование [28].

В Китае более 90 % молодых людей, поступивших в китайские вузы, в итоге получают диплом. Считается, что обучение в высшей школе значительно легче, чем в старшей школе, и, преодолев вступительные испытания, человек с очень большой вероятностью закончит обучение [28].

В Нидерландах программу бакалавра заканчивают в среднем 76 % молодых людей, поступивших в вузы [9].

В России около 83 % молодых людей, поступивших в вузы, заканчивают учебу [29], а 11 % отчислений из российских высших учебных заведений происходит из-за неоплаты обучения.

Стоит отметить, что при отрицательных стимулах к отчислению процент отчисленных в Российской Федерации в два раза ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. Данное обстоятельство говорит об очень низких барьерах на выходе в высшем образовании в России.

Модели финансирования высшего образования. В Германии система поддержки высшего образования со стороны государства развита очень сильно. В большинстве высших учебных заведений отсутствует плата за обучение. Вузы обычно получают финансирование из государственного или регионального бюджетов, что является существенной характеристикой германской системы высшего образования. Более 80 % финансирования вузов поступает из бюджетов федеральных земель. Каждое высшее учебное заведение ежегодно или раз в полгода получает определенную сумму, которая необходима для покрытия его расходов. Данная сумма напрямую зависит от плана приема студентов [30]. Университеты могут самостоятельно планировать распределение финансовых средств, получаемых сверху. Научные исследования в университетах получают отдельное финансирование из федерального бюджета. При этом для привлечения дополнительного финансирования сотрудники каждого вуза должны участвовать в грантах сторонних организаций [31].

В Соединенных Штатах Америки поддержка системы высшего образования со стороны государства минимальна. Обучение оплачивают сами студенты. Средняя стоимость обучения в государственной высшей школе составляет 10 000 долларов в год, средняя стоимость обучения в частной высшей школе составляет 35 000 долларов в год [8]. Государственное финансирование поступает в основном из бюджетов штатов. Финансирование государственного вуза из бюджета штата напрямую зависит от количества обучающихся в нем студентов и количества людей, проживающих в соответствующем штате. Частные университеты и колледжи не получают денег из госу-

дарственного бюджета и существуют в основном за счет средств обучающихся в них студентов и пожертвований различных физических и юридических лиц. Университеты, занимающиеся научной деятельностью (как государственные, так и частные), могут подавать заявки на финансирование научных исследований в рамках как государственных, так и частных программ [32].

В Китае высшее образование финансируется студентами. Размер платы за обучение зависит от вуза: чем престижнее институт, тем выше плата. Только лучшие университеты, занимающиеся научными исследованиями, получают финансовую помощь от государства [10].

Высшее образование в Нидерландах является платным. Однако студенты государственных вузов оплачивают только часть затрат образовательных организаций: финансирование значительной части расходов вузов берет на себя государство. Все государственные вузы получают базовое финансирование из государственного бюджета, лицензированные университеты могут получать государственное финансирование в случае успешного прохождения аккредитации. Вузы сами решают, как распределить эти средства между отдельными статьями расходов. Научные исследования получают отдельное финансирование из федерального бюджета. В государственных вузах для большинства категорий студентов государством устанавливается единый фиксированный размер платы за обучение. Частные университеты не получают денег от государства, и плата за обучение в них, как правило, выше, чем в государственных [33].

В России в одном и том же вузе могут учиться студенты, обучение которых оплачивает государство (бюджетные места), и студенты, полностью оплачивающие свое обучение сами (внебюджетные места). Коммерческие высшие учебные заведения также могут претендовать на бюджетные места. Государственное финансирование поступает в основном из федерального бюджета.

Основной стейкхолдер, определяющий условия получения и наполнение высшего образования. В Германии основное влияние на наполнение дисциплин и учебных планов оказывают высшие учебные заведения. Поскольку им предоставлена большая свобода и независимость, они составляют учебную программу, основываясь на опыте, компетенциях и квалификации своего профессорско-преподавательского состава. Студенты также имеют большое влияние и принимают непосредственное участие в определении содержания курсов, выбирая на свой вкус специализацию и курсы по выбору. Персональная образовательная стезя студента в Германии очень высока (по сравнению с другими странами, рассматриваемыми в данной статье). Высокие барьеры на выходе определяют высокие требования к студентам и профессорско-преподавательскому составу.

В Соединенных Штатах Америки тоже высока персональная образовательная стезя студента, что позволяет приспособить программу к личным интересам и пожеланиям. Наполнение дисциплин и программ самостоятельно определяют высшее учебное заведение и профессорско-преподавательский состав. Отрицательные стимулы к отчислению понижают требовательность и затраты труда студентов, увеличивая их влияние на наполнение дисциплин. Тем не менее высокие барьеры выхода оказывают положительное влияние на качество образования выпускников и высшего образования в стране.

Для Китая характерно минимальное влияние на наполнение дисциплин и учебных планов со стороны высших

учебных заведений и профессорско-преподавательского состава. Высшее образование в Китае очень сильно подвержено идеологии и предоставляет очень малую свободу в определении наполнения и качества образовательной стези. Высокие барьеры входа сдерживают спрос на высшее образование и гарантируют относительное качество необходимых знаний при поступлении в высшее учебное заведение. Однако стоит подчеркнуть, что барьеры на выходе в Китае очень низкие.

В Нидерландах университеты имеют большую академическую свободу и самостоятельно определяют содержание и структуру учебного плана [34]. При этом содержание курсов и программ частных университетов проверяется специальной государственной комиссией. На каждой образовательной программе есть обязательные дисциплины и вариативные курсы. Максимальная индивидуализация учебной траектории студента имеет место в университетских колледжах (созданных по американской модели высшего образования) [35]. В голландских вузах достаточно низкие барьеры входа, при этом есть возможность учиться сверх нормативного срока, что ведет к снижению стимулов активного участия в обучении для студентов.

В России можно наблюдать очень сильную бюрократизацию процессов планирования и отчетности системы высшего образования при довольно большой свободе в наполнении содержательной части курсов. При этом не очень высокое качество подготовки абитуриентов вместе с постепенным разрушением академического сообщества оказывают негативное влияние на качество преподавания и упрощают наполнение курсов. Низкие барьеры на выходе и отрицательные стимулы к отчислению влияют на качество преподаваемого материала и уровень обучения.

Как мы видим, платежеспособный спрос оказывает влияние на состав пула потребителей только в Соединенных Штатах Америки. Однако даже в США для поступления в высшее учебное заведение нужно пройти выпускные испытания в средней школе и получить аттестат со средним баллом не ниже, чем проходной балл, установленный вузом. Во всех государствах, кроме Соединенных Штатов Америки, существует госзадание, определяющее распределе-

ние квот на места. В Нидерландах имеет место смешанная модель финансирования, при которой затраты на обучение в государственных и лицензированных вузах распределяются между домохозяйствами и государством. В Китае платность высшего образования сочетается со строгим отбором при поступлении, что делает знания основным критерием доступа к высшему образованию. В Германии имеет место высокая селекция в процессе обучения. В России низкие барьеры входа и выхода постепенно снижают качество знаний и компетенций выпускников.

Модели организации системы высшего образования. Исходя из проведенного исследования, можно выделить пять совершенных моделей организации системы высшего образования:

1. Рынок частных благ (наиболее близкие системы высшего образования существуют в Соединенных Штатах Америки и Великобритании). Данная модель характеризуется платным высшим образованием для студентов и низким государственным регулированием.

2. Государственный патернализм — предоставление бесплатного доступа к образованию (характерно для старых членов Европейского союза и республик бывшего СССР). Главные характеристики модели — бесплатное образование для студентов и строгий отбор по знаниям и способностям.

3. Рынок мериторных благ (Нидерланды). В данной модели оплата образовательных услуг осуществляется на паритетных началах государством и домохозяйствами.

4. Квазирынок (Китай). Для данной модели характерен управляемый государством рынок частных благ с высокой селекцией на входе по знаниям и способностям.

5. Гибридная модель (Россия и Белоруссия). Данная модель сочетает государственный патернализм для одних с рынком частных услуг для других потребителей.

Особенности российской модели организации высшего образования. По нашему мнению, низкая эффективность системы высшего образования в России обусловлена в частности сочетанием платного и бесплатного обучения в одних и тех же высших учебных заведениях, а также низким уровнем государственного финансирования образования (рис. 1, 2).

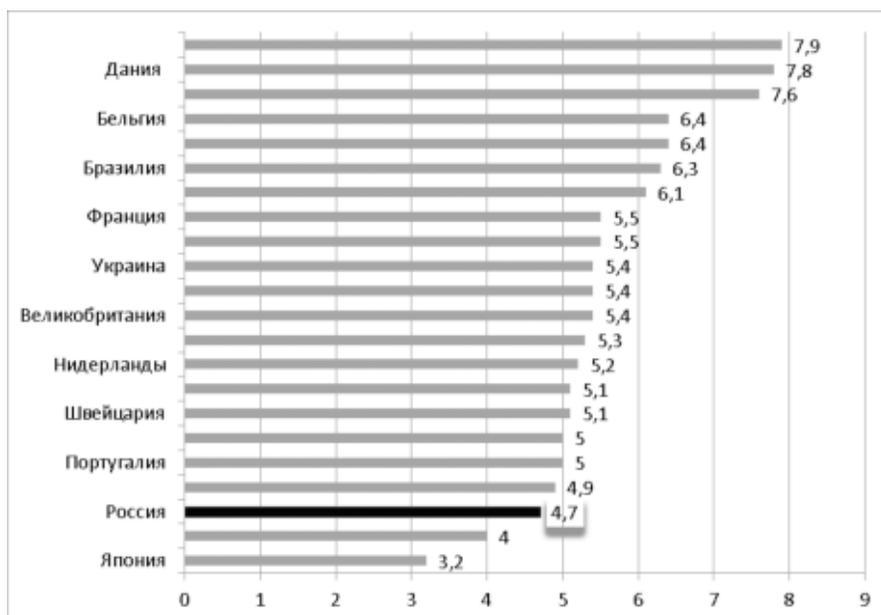

Рис. 1. Государственные расходы на образование, в % к ВВП, 2017 г. (по материалам Всемирного банка)

Как видно из данных, представленных на рис. 1, Россия находится в нижней части рейтинга расходов на образование в процентах к ВВП. Доля расходов на образование в общем объеме госрасходов (см. рис. 2) также очень мала.

Существенно меньше и расходы нашей страны на высшее образование (в % от ВВП). Мало того, что они в два-

три раза ниже расходов таких стран, как Швеция, Канада, Франция, Германия или США, соответствующая доля еще и имеет тенденцию к уменьшению.

Если говорить о расходах на одного студента (в % к ВВП), то здесь мы тоже существенно уступаем многим странам (рис. 3).

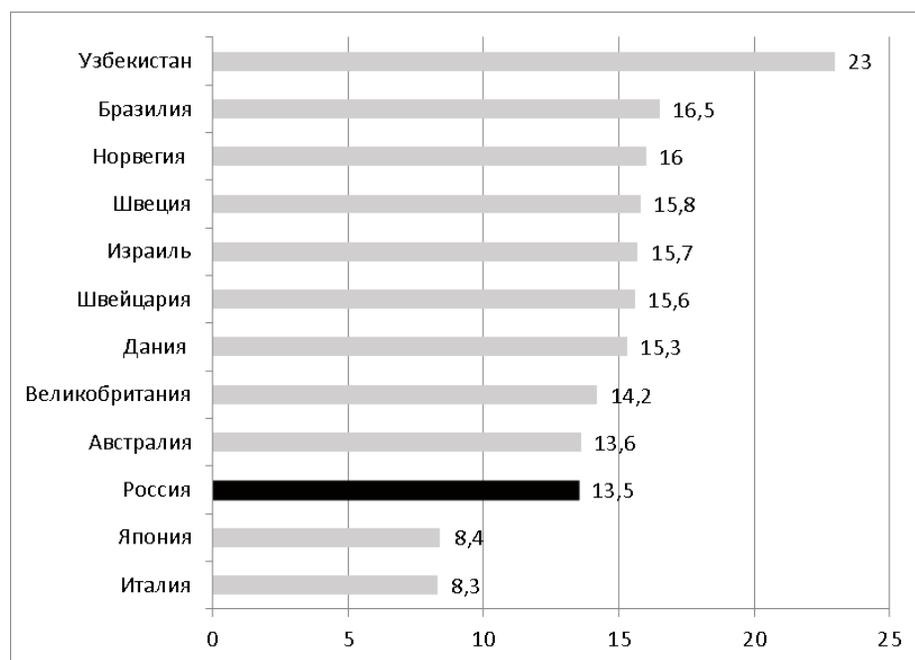

Рис. 2. Государственные расходы на образование, в % к общим государственным расходам, 2017 г. (по материалам Всемирного банка)

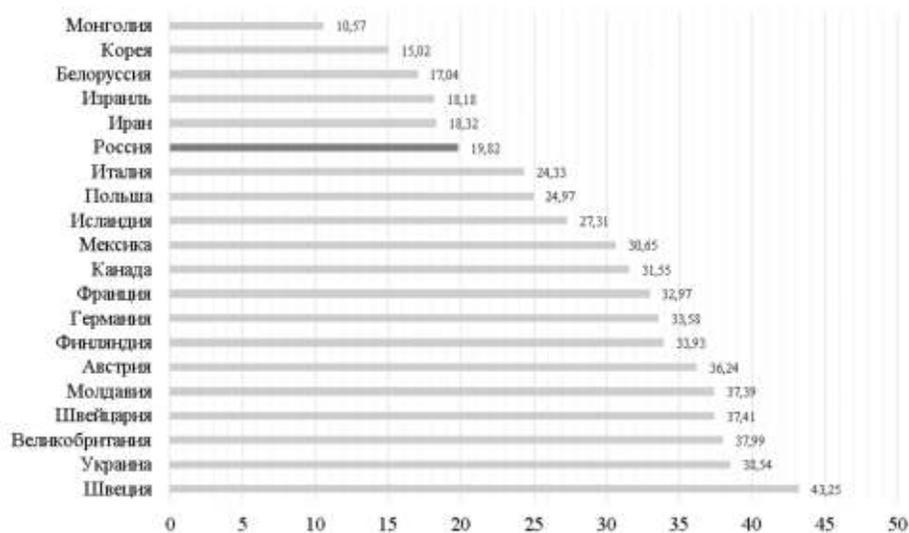

Рис. 3. Государственные расходы в расчете на одного студента третичного образования, в % к ВВП на душу населения, 2016 г. (по материалам Всемирного банка)

Все приведенные цифры говорят о явно недостаточном уровне государственного финансирования высшего образования в нашей стране. Кроме того, нельзя не отметить социальную несправедливость системы, когда одно и то же образование, получаемое в одном и том же вузе, предоставляется некоторым студентам бесплатно, в то время как другие, набравшие чуть меньше баллов, вынуждены платить за это значительные деньги из семейного бюджета.

Результаты исследования

Автором предложена система критериев, на основе которых можно разграничить принципы организации системы высшего образования в разных государствах: отнесение высшего образования к частным (удовлетворяемым на основе частного платежеспособного спроса потребителей) или коллективным (опекаемым) благам, организация финансирования системы высшего образования, барьеры (фильтры) для обучающихся на входе и

на выходе, степень коммерциализации вузов, роль академического сообщества.

На основе проведенного исследования выделены идеально-типические модели организации высшего образования, существующие в развитых и быстро развивающихся странах: рынок частных услуг, государственный патернализм, рынок мериторных благ, квазирынок и гибридная модель.

Сделан вывод о том, что низкий уровень финансирования и коммерциализация деятельности государственных вузов порождают многие проблемы российского высшего образования, прежде всего падение качества образовательных услуг и обесценивание диплома как результата образовательной деятельности.

Заключение

Сравнительный анализ моделей организации высшего образования в разных странах позволяет сделать следующие выводы:

– определение государством характера создаваемых благ оказывает очень сильное влияние на организацию системы высшего образования, избавляя государство от ответственности за необходимое финансирование программ высшего образования либо, наоборот, возлагая на него полностью (Германия) или частично (Нидерланды) такую ответственность;

– направленность российского высшего образования в сторону модели рынка частных благ при низких барьерах входа оказывает влияние на мотивацию всех агентов взаимодействия, снижая качество образовательных услуг и обесценивая дипломы высшего образования;

– решающая роль спроса на высшее образование со стороны потребителя (студенты) и недостаток государственного финансирования образования заставляют российские вузы менять структуру своих расходов — направлять большую часть ресурсов на имиджевые меры, принося в жертву содержание образовательных программ;

– тесная взаимосвязь между предложением и спросом на образование приводит к тому, что высшие учебные заведения снижают барьеры входа и выхода;

– низкая степень независимости разрушает научное сообщество и оказывает негативное влияние на уровень образования в России;

– модель организации системы высшего образования в России, которая опирается на разные источники финансирования в рамках одного учебного заведения для разных категорий студентов, является причиной недостаточного финансирования российского высшего образования. Государство вынуждает вузы самостоятельно обеспечивать финансирование образовательных программ. Это побуждает вузы к увеличению набора студентов-платников при снижении требований к абитуриентам, студентам и выпускникам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют / Пер. с англ. М., 2004. 416 с.
2. Рубинштейн А. Я. К теории рынков опекаемых благ // Вестник РУДН. Сер. : Экономика. 2011. № 5. С. 298—308.
3. Масгрейв Р., Масгрейв П. Государственные финансы: теория и практика / Пер. с англ. М. : Бизнес Атлас, 2009. 716 с.
4. Рубинштейн А. Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М. : Ин-т экономики РАН, 2012. 78 с.
5. Arrow K. J. The Economic implications of Learning by doing // Review of Economic Studies. 1962. Vol. 29. Pp. 155—173.
6. Институциональная экономика : учеб. / Е. В. Устюжанина, В. Е. Дементьев, С. Г. Евсюков и др. ; под ред. Е. В. Устюжаниной. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2016, 288 с.
7. German Education System. URL: <https://www.studying-in-germany.org/german-education-system>.
8. Higher Education Universities, qualifications and fees. URL: <https://www.justlanded.com/english/United-States/USA-Guide/Education/Higher-Education>.
9. Dropout and Completion in Higher Education in Europe. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4deeebf5-0dcd-11e6-ba9a-01aa75ed71a1>.
10. Huang Futao. China's higher education system — 70 years of evolution. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191001085233566>.
11. Dutch education. URL: <https://www.studyinholland.nl/dutch-education>.
12. Universities in the Netherlands. URL: https://www.unipage.net/en/universities_netherlands.
13. A Comprehensive Guide about the Education System and International Schools. URL: <https://www.internations.org/go/moving-to-china/education>.
14. How Does Education in China Compare with Other Countries? URL: <https://chinapower.csis.org/education-in-china>.
15. Education at a Glance: OECD indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en.
16. Education system in Germany. URL: <http://uis.unesco.org/country/DE>.
17. Universities in the USA and Canada. URL: <https://www.universitiesintheusa.com/admissions/entry-requirements>.
18. Xinhua. 43 percent of China's high school graduates admitted to colleges. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2017-10/17/content_33370581.htm66.
19. Netherlands Education Statistics. URL: <https://www.ceicdata.com/en/netherlands/education-statistics?page=3>.
20. Nier Hedda. Die beliebtesten Studiengaenge in Deutschland. URL: <https://de.statista.com/infografik/9140/beliebteste-studiengaenge-in-deutschland>.
21. Hess A. J. The 6 most popular college majors. URL: <https://www.cnn.com/2017/12/15/the-6-most-popular-college-majors.html>.
22. Trends in the Netherlands 2017. URL: <https://longreads.cbs.nl/trends17-eng/society/figures/education>.
23. Агранович М. На какие специальности в вузах был самый большой спрос в 2019 году. URL: <https://rg.ru/2019/12/09/na-kakie-specialnosti-v-vuzah-byt-samyj-bolshoj-spros-v-2019-godu.html>.
24. Fast facts. Time to degree. URL: <https://nces.ed.gov/fastfacts/display.asp?id=569>.

25. Duanhong Zhang. The problem with Chinese universities? Not enough dropouts. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1003440/the-problem-with-chinese-universities%3F-not-enough-dropouts>.
26. Study a Bachelor Degree in The Netherlands. URL: <https://www.educations.com/search/bachelors-degrees-in-the-netherlands>.
27. Studienabbrecher. Wer schmeisst hin und warum? URL: <https://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/studienabbrecher-wer-schmeisst-hin-und-warum-a-1150226.html>.
28. Education data. URL: <https://educationdata.org/college-dropout-rates>.
29. Дунаева К. И., Монанкова Д. Ю. Оценка риска отчисления студентов вузов России: основные причины и последствия. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008328>.
30. Beckendorf J. How Germany managed to abolish university tuition fees. URL: <http://theconversation.com/how-germany-managed-to-abolish-university-tuition-fees-32529>.
31. Higher education funding in Germany. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/higher-education-funding-31_en.
32. How are US colleges and universities funded? URL: <https://www.quora.com/How-are-US-colleges-and-universities-funded>.
33. Higher education funding in Holland. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/higher-education-funding-53_en.
34. Образование в Нидерландах. URL: https://www.unipage.net/ru/education_netherlands.
35. Study in Holland. University colleges. URL: <https://www.studyinholland.nl/dutch-education/university-colleges>.

REFERENCES

1. Blaug M. *Methodology of economic science, or How economists explain*. Transl. from English. Moscow, 2004. 416 p. (In Russ.)
2. Rubinshtein A. Ya. To the theory of the markets of the sponsored blessings. *Bulletin of RUDN. Series: Economics*, 2011, no. 5, pp. 298—308. (In Russ.)
3. Musgrave R., Musgrave P. *Public finance: theory and practice*. Transl. from English. Moscow, Biznes Atlas, 2009. 716 p. (In Russ.)
4. Rubinstein A. Ya. *Sponsored blessings in the sphere of culture: signs and consequences of the “price disease”*. Moscow, Institute of Economics RAS publ., 2012. 78 p. (In Russ.)
5. Arrow K. J. The economic implications of learning by doing. *Review of Economic Studies*, 1962, vol. 29, pp. 155—173. (In Russ.)
6. Ustyuzhanina E. V., Dementyev V. E., Evsyukov S. G. et al. *Institutional economics. Textbook*. Ed. by E. V. Ustyuzhanina. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2016. 288 p. (In Russ.)
7. *German Education System*. URL: <https://www.studying-in-germany.org/german-education-system>.
8. *Higher Education Universities, qualifications and fees*. URL: <https://www.justlanded.com/english/United-States/USA-Guide/Education/Higher-Education>.
9. *Dropout and Completion in Higher Education in Europe*. URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4deefb5-0dcd-11e6-ba9a-01aa75ed71a1>.
10. Huang Futao. *China’s higher education system — 70 years of evolution*. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20191001085233566>.
11. *Dutch education*. URL: <https://www.studyinholland.nl/dutch-education>.
12. *Universities in the USA and Canada*. URL: <https://www.universitiesintheusa.com/admissions/entry-requirements>.
13. *A Comprehensive Guide about the Education System and International Schools*. URL: <https://www.internations.org/go/moving-to-china/education>.
14. *How Does Education in China Compare with Other Countries?* URL: <https://chinapower.csis.org/education-in-china>.
15. *Education at a Glance: OECD indicators*. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2019_f8d7880d-en.
16. *Education system in Germany*. URL: <http://uis.unesco.org/country/DE>.
17. *Universities in the USA and Canada*. URL: <https://www.universitiesintheusa.com/admissions/entry-requirements>.
18. *Xinhua. 43 percent of China’s high school graduates admitted to colleges*. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2017-10/17/content_33370581.htm66.
19. *Netherlands Education Statistics*. URL: <https://www.ceicdata.com/en/netherlands/education-statistics?page=3>.
20. Nier Hedda. *The most popular courses in Germany*. URL: <https://de.statista.com/infografik/9140/beliebteste-studiengaenge-in-deutschland>.
21. Hess A. J. *The 6 most popular college majors*. URL: <https://www.cnbc.com/2017/12/15/the-6-most-popular-college-majors.html>.
22. *Trends in the Netherlands 2017*. URL: <https://longreads.cbs.nl/trends17-eng/society/figures/education>.
23. Agranovich M. *What specialties in universities were in the highest demand in 2019*. (In Russ.) URL: <https://rg.ru/2019/12/09/na-kakie-specialnosti-v-vuzah-by-l-samyj-bolshoj-spros-v-2019-godu.html>.
24. *Fast facts. Time to degree*. URL: <https://nces.ed.gov/fastfacts/display.asp?id=569>.
25. Duanhong Zhang. The problem with Chinese universities? Not enough dropouts. URL: <https://www.sixthtone.com/news/1003440/the-problem-with-chinese-universities%3F-not-enough-dropouts>.
26. *Study a Bachelor Degree in The Netherlands*. URL: <https://www.educations.com/search/bachelors-degrees-in-the-netherlands>.
27. *Dropouts. Who drops school and why?* URL: <https://www.spiegel.de/lebenundlernen/uni/studienabbrecher-wer-schmeisst-hin-und-warum-a-1150226.html>.
28. *Education data*. URL: <https://educationdata.org/college-dropout-rates>.
29. Dunaeva K. I., Monankova D. Yu. *Risk assessment of the expulsion of students from universities in Russia: the main causes and consequences*. (In Russ.) URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018008328>.

30. Beckendorf J. *How Germany managed to abolish university tuition fees*. URL: <http://theconversation.com/how-germany-managed-to-abolish-university-tuition-fees-32529>.

31. *Higher education funding in Germany*. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/higher-education-funding-31_en.

32. *How are US colleges and universities funded?* URL: <https://www.quora.com/How-are-US-colleges-and-universities-funded>.

33. *Higher education funding in Holland*. URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/higher-education-funding-53_en.

34. *Education in the Netherlands*. (In Russ.) URL: https://www.unipage.net/ru/education_netherlands.

35. *Study in Holland. University colleges*. URL: <https://www.studyinholland.nl/dutch-education/university-colleges>.

Как цитировать статью: Устюжанин В. Л. Модели организации высшего образования: сравнительный анализ // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 144—153. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.315.

For citation: Ustyuzhanin V. L. Models of higher education: comparative analysis. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 144—153. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.315.

УДК 658.5:622.323(075.8)
ББК 65.054

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.337

Boldanova Elena Vladimirovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Sectoral Economics
and Natural Resource Management,
Baikal State University,
Russian Federation, Irkutsk,
e-mail: boldanova@mail.ru

Болданова Елена Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры отраслевой экономики
и управления природными ресурсами,
Байкальский государственный университет,
Российская Федерация, г. Иркутск,
e-mail: boldanova@mail.ru

ЗАТРАТЫ НА НИОКР И ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ

R & D COSTS AND FINANCIAL STATE OF THE OIL AND GAS PRODUCTION COMPANY

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

5.2.3 — Regional and sectoral economics

Затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) имеют важное значение для инновационного развития компании, особенно в нефтегазовом комплексе. Приводят ли они к ухудшению финансового состояния либо, наоборот, способствуют его повышению — непростой вопрос. Для изучения этого влияния было проведено данное исследование. В качестве исследуемой компании было выбрано ПАО «Газпром». Для оценки общего финансового состояния был использован интегральный показатель финансового состояния компании, который представляет собой сумму нормированных по максимальным значениям показателей ликвидности, рентабельности, оборачиваемости. Выявлена слабая зависимость интегрального показателя финансового состояния от физических объемов добычи и обратная зависимость от курса российского рубля по отношению к американскому доллару.

Наиболее интересным результатом является зависимость выручки от затрат на НИОКР, сделанных с временным лагом в четыре года. Это позволило далее построить модель с распределенными лагами, показывающую уменьшение выручки на каждый вложенный рубль в НИОКР в первые два года с последующим ростом на третьем и максимально на четвертом году. Сделан расчет более простой и достаточно надежной модели для прогнозирования

размеров выручки в зависимости от затрат на НИОКР с временным лагом в четыре года.

В рамках проведенного исследования использовались методы финансового анализа, корреляционно-регрессионного анализа, включая анализ динамических рядов с распределенными лагами. В качестве исходных данных использовалась статистика в открытом доступе на сайте компании.

Результаты данного исследования могут быть применены при составлении стратегических планов развития.

Research and development (R & D) costs are essential for the innovative development of a company, especially in the oil and gas sector. Whether they lead to a deterioration in the financial condition or, on the contrary, contribute to its increase is a difficult question. This study was conducted to investigate this effect. Gazprom PJSC was selected as the surveyed company. To assess the general financial condition, an integral indicator of the company's financial condition was used, which is the sum of liquidity, profitability, and turnover indicators normalized to the maximum values. A weak dependence of the integral indicator of the financial condition on the physical volumes of production and an inverse dependence on the exchange rate of the Russian ruble against the US dollar were revealed.

The most interesting result is the dependence of revenue on R & D expenditures made with a time lag of four years. This made it possible to further build a model with distributed lags, showing a decrease in revenue for each ruble invested in R & D in the first two years, followed by growth in the third and maximum in the fourth year. A calculation of a simpler and rather reliable model has been made for predicting the amount of revenue depending on R & D costs with a time lag of four years.

Within the framework of the study, the methods of financial analysis, correlation and regression analysis, including the analysis of time series with distributed lags, were used. As the initial data, we used statistics in the public domain on the company's website.

The results of this study can be applied when drawing up strategic development plans.

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), нефтегазодобывающее предприятие, финансовое состояние, корреляционный анализ, регрессионный анализ, модель с распределенными лагами, ликвидность, рентабельность, оборачиваемость, ПАО «Газпром».

Keywords: oil and gas complex, research and development (R & D) costs, oil and gas production company, financial condition, correlation analysis, regression analysis, distributed lag model, liquidity, profitability, turnover, Gazprom PJSC.

Введение

Кризисы, происходящие в экономике, финансах, технологиях, санкции против российских нефтегазодобывающих компаний приводят к необходимости разработки механизма их компенсации. Одним из таких компенсаторных механизмов могут служить инвестиции в инновации и импортозамещение. **Актуальность** исследования объясняется необходимостью изучения влияния затрат на НИОКР на финансовое состояние компаний.

Научная новизна данного исследования состоит в выявлении лаговой зависимости выручки нефтегазодобывающей компании и ее финансового состояния от затрат на НИОКР.

Нефтегазовый комплекс (НГК) в российской экономике играет очень важную роль. Взаимное влияние состояния компаний НГК на состояние смежных отраслей, а также состояние национальной экономики исследовалось во многих работах. Актуальность темы обусловила значительную степень изученности проблемы. Так, вопросы развития нефтегазового комплекса рассмотрены в работах И. С. Кородюк, С. Е. Трофимова [1], А. В. Новикова, Е. Ю. Богомоловой [2], Д. С. Абрамова [3]. Тема оценки деятельности нефтегазодобывающих предприятий затронута в трудах А. М. Куреповой, Д. С. Юва [4], Р. А. Майского и др. [5], И. В. Филимоновой и др. [6], I. L. Beilin [7]. Цифровизация и инновации в отрасли отражены в работах Е. В. Гниломедова и др. [8], А. Н. Дмитриевского и др. [9], И. С. Кородюк [10], L. Abukova et al. [11], E. Katysheva, A. Tsvetkova [12], А. М. Боржеш [13]. При этом вопросы влияния затрат на НИОКР на финансовое состояние нефтегазовых компаний недостаточно раскрыты, что делает целесообразным проведение данного исследования.

Методы исследования включают методы анализа финансово-хозяйственной деятельности, корреляционно-регрессионный анализ, в частности анализ динамических рядов с распределенными лагами.

Цель данной статьи — выявить взаимосвязи между затратами на НИОКР и финансовыми показателями нефтегазодобывающего предприятия.

Данная цель определила **задачи**, которые заключаются в разработке обобщенного показателя финансового состояния предприятия, выявлении зависимости этого показателя и других ключевых индикаторов от затрат на НИОКР в разные периоды времени, построение модели с распределенными лагами для прогноза изменения финансового состояния компании НГК.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности прогнозирования последствий при планировании затрат на НИОКР на предприятии НГК.

Основная часть

Для проведения анализа была выбрана компания ПАО «Газпром» как одна из наиболее развитых в инновационном плане компаний. Были использованы данные из открытых источников и официального сайта самой компании. Проанализирован период 2011—2020 гг., данные о затратах на НИОКР использовались за период 2006—2020 гг.

Для оценки общего финансового состояния был использован интегральный показатель, учитывающий ликвидность предприятия (текущую, быструю, абсолютную), рентабельность (оборотных средств, продаж по валовой прибыли, операционной прибыли, чистой прибыли, оборотных активов, всех активов, внеоборотных активов, собственного капитала), оборачиваемость (активов, оборотных средств, собственного капитала, дебиторской задолженности, кредиторской задолженности). Всего 18 показателей. Используется допущение, что чем выше значения выбранных показателей, тем лучше для предприятия. Поэтому для нормирования значения показателей были сопоставлены с максимумами за период 2011—2020 гг. Значение интегрального показателя представляет собой сумму нормированных значений:

$$\text{Интегральный показатель}_t = \sum_{i=1}^n \left(\frac{r_{it}}{\max_i \{r_{it}\}} \right),$$

где r_{it} — значение i -го показателя в году t .

Расчет был сделан за десятилетний период. Далее был проведен корреляционно-регрессионный анализ, который позволил выявить определенные закономерности. На общее финансовое состояние компании не оказывают существенного влияния колебания объемов добычи газа (рис. 1).

Наблюдается обратная зависимость финансового состояния и курса валют (рис. 2) и прямая зависимость финансового состояния от котировки нефти. Этот результат частично наблюдался и у других нефтегазовых компаний [14]. Конечно, для компании, которая занимается добычей газа, странно видеть такую зависимость, если не знать, что в российской экономике курс валют и котировка нефти очень тесно взаимосвязаны.

Из положительных моментов: выручка компании сильно коррелирует с затратами на НИОКР в году $(t - 4)$, т. е. эффект от вложений в разработки лучше всего проявляется на четвертом году (рис. 3).

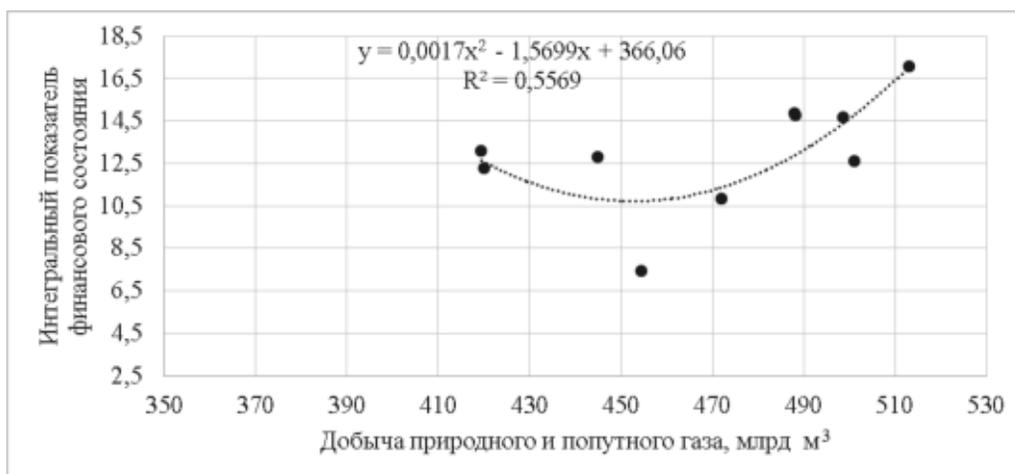

Рис. 1. Зависимость интегрального показателя финансового состояния от объемов добычи газа (составлено автором)

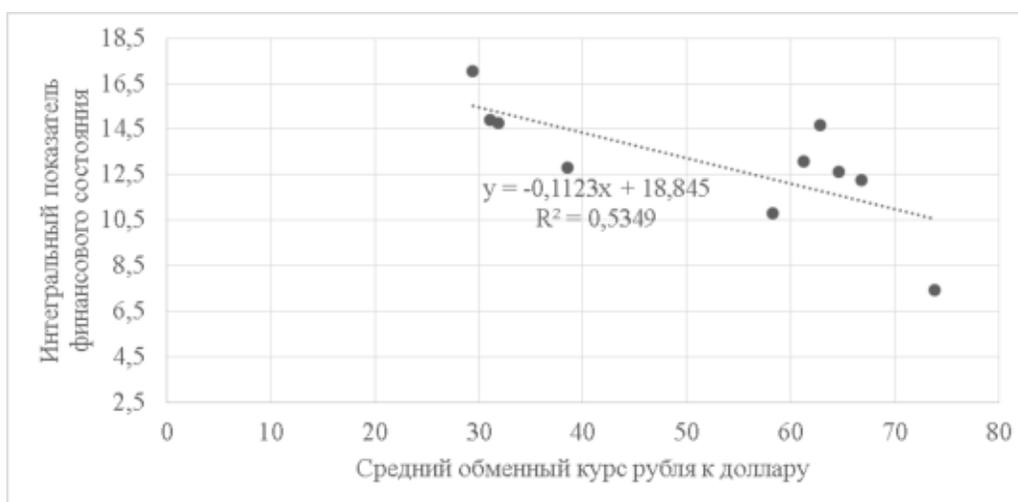

Рис. 2. Зависимость интегрального показателя финансового состояния от среднего обменного курса рубля к доллару (составлено автором)

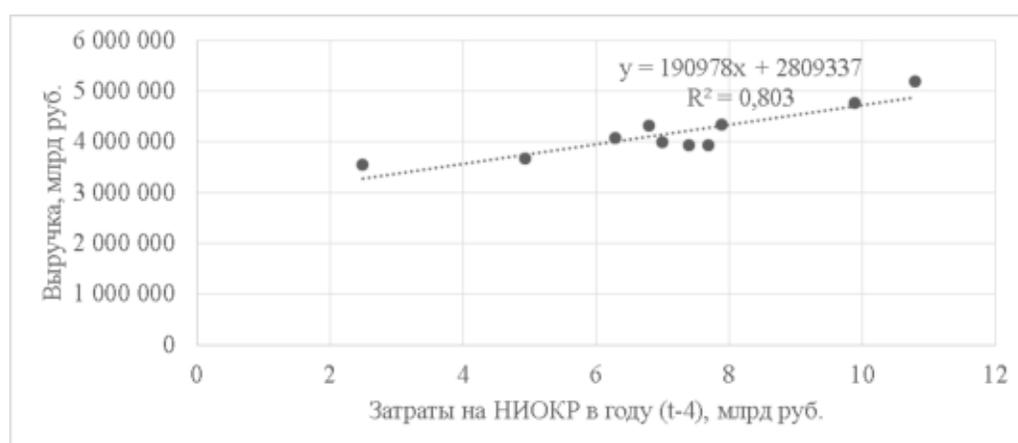

Рис. 3. Зависимость выручки компании от затрат на НИОКР в году (t – 4) (составлено автором)

Проведенный анализ позволяет перейти к разработке прогнозной модели выручки ПАО «Газпром» в зависимости от затрат на НИОКР.

Результаты. В исследовании была поставлена задача построить прогнозную модель с распределенными лагами. В итоге, была получена модель следующего вида:

$$Y(t) = 3162648 + 23628 \cdot X(t) - 49514 \cdot X(t-1) - 46757 \cdot X(t-2) + 31901 \cdot X(t-3) + 186458 \cdot X(t-4),$$

где $Y(t)$ — выручка в году t ;
 $X(t)$ — затраты на НИОКР в году t ;

$X(t-1)$ — затраты на НИОКР в году $(t-1)$;
 $X(t-2)$ — затраты на НИОКР в году $(t-2)$;
 $X(t-3)$ — затраты на НИОКР в году $(t-3)$;
 $X(t-4)$ — затраты на НИОКР в году $(t-4)$.

По полученной модели было сделано заключение, что в первые два года вложения в НИОКР приносят убыток, но, начиная с третьего года, уходят в плюс, достигая максимума на четвертом году (рис. 4).

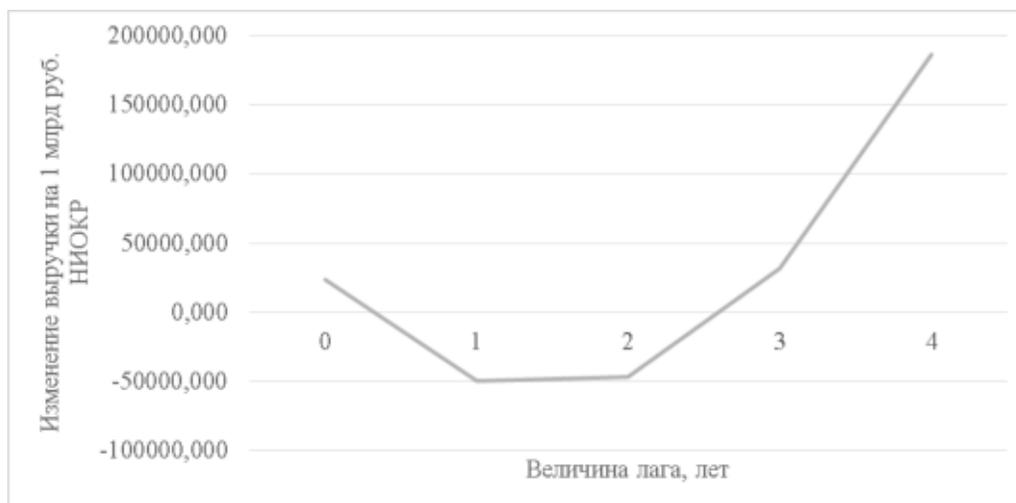

Рис. 4. Изменение выручки на 1 млрд руб. затрат на НИОКР в зависимости от временного лага (составлено автором)

Конечно, необходимо учитывать и другие факторы, в том числе и циклические колебания, описанные, например, у А. Ю. Беликова и др. [15]. Но для получения быстрых прогнозов можно воспользоваться более простой моделью:

$$\text{Выручка} = 190978 \cdot \text{Затраты на НИОКР}_{t-4} + 2809337.$$

Модель достаточно надежна по критерию Фишера ($32,6 > 5,3$), коэффициентам модели можно доверять (по критерию Стьюдента $11,2 > 2,3$; $5,7 > 2,3$). Ошибка модели составила 4,3 %, что позволяет ее использовать для прогнозирования.

Заключение

Проведенный анализ позволил оценить, как влияют затраты на НИОКР на финансовое состояние ПАО «Газпром» в целом и на изменение выручки в частности. Полученная модель позволит получать прогнозные значения выручки с учетом временного лага в четыре года.

Еще одним неявным выводом исследования является то, что на интегральную оценку финансового состояния в большей степени оказывают влияние другие факторы, не связанные с физическим увеличением объемов добычи, такие как эффективный финансовый менеджмент, наличие или отсутствие политических санкций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кородюк И. С., Трофимов С. Е. Нефтегазовый комплекс России как объект государственного регулирования // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. № 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).18.
2. Богомолова Е. Ю., Новиков А. В. Прогноз и реальность: нефтегазовый комплекс Иркутской области // *Российское предпринимательство*. 2018. Т. 19. № 10. DOI: 10.18334/rp.19.10.39475.
3. Абрамов Д. С. Основные тенденции развития ПАО «Газпром» согласно отчету группы Газпром о деятельности в области устойчивого развития // *Аллея науки*. 2019. Т. 2. № 12(39). С. 439—443.
4. Курепова А. М., Юва Д. С. Обоснование выбора показателей оценки эффективности деятельности компаний на примере нефтегазовой отрасли // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2019. Т. 2. № 5. С. 257—265.
5. Влияние нефтегазового комплекса на экономические показатели России / Р. А. Майский, Е. В. Файрушин, А. А. Сагдеев, Д. Ф. Хаертдинов // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. : Экономика*. 2018. № 1(23). С. 82—88.
6. Система финансово-экономических показателей работы нефтегазовой промышленности России / И. В. Филимонова, Л. В. Эдер, С. И. Шумилова, Е. А. Земнухова // *Менеджмент в России и за рубежом*. 2019. № 2. С. 63—70.
7. The significance of the resource intensity of the regional economy the development of the oil and gas chemical complex / I. L. Beilin, V. V. Khomenko, N. V. Kalenskaya, A. A. Solntseva // *The Journal of Social Sciences Research*. 2018. Vol. 5. Pp. 328—332.
8. Основные тренды инновационной деятельности нефтегазовых компаний / Е. В. Гниломедов, С. В. Ганага, А. В. Мельников, Е. И. Сухарникова, А. И. Бачурин // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2019. Т. 3. № 9. С. 61—71.
9. Цифровой нефтегазовый комплекс России / А. Н. Дмитриевский, Н. А. Еремин, Д. С. Филиппова, Е. А. Сафарова // *Георесурсы*. 2020. Спецвыпуск. С. 32—35. URL: <https://doi.org/10.18599/grs.2020.SI.32-35>.
10. Кородюк И. С. Технологические инновации как основа снижения затрат нефтегазового предприятия // *Развитие российского общества: вызовы современности : материалы нац. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 90-летию Байкал. гос. ун-та. Иркутск, 2021*. С. 63—67.

11. Digital modernization of Russian oil and gas complex / L. Abukova, A. Dmitrievsky, N. Eremin, et al. // *Oil Ind. Journal*. 2017. Pp. 54—58.
12. Katysheva E., Tsvetkova A. Economic and institutional problems of the Russian oil and gas complex digital transformation // *Surveying Geology and Mining Ecology Management : proceedings of the Int. multidisciplinary sci. GeoConference, Albena, Bulgaria, 30 June — 6 July 2019*. Sofia, Bulgaria, 2019. Vol. 19. Pp. 203—208.
13. Боржеш А. М. Технология управления инновационной деятельностью нефтегазовой корпорации // *Государственный советник*. 2019. № 4(28). С. 14—20.
14. Болданова Е. В. Выявление зависимости рентабельности нефтегазовых компаний от котировки нефти // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7. № 4(25). С. 56—58.
15. Беликов А. Ю., Кузьмина З. С., Беликов И. А. К вопросу о прогнозировании экономических циклов Кондратьева // *Экономические отношения*. 2020. Т. 10. № 1. С. 121—134. DOI: 10.18334/eo.10.1.100022.

REFERENCES

1. Korodyuk I. S., Trofimov S. E. Oil and gas complex of Russia as an object of state regulation. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 2. (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(2).18.
2. Bogomolova E. Yu., Novikov A. V. Forecast and reality: oil and gas complex of the Irkutsk region. *Russian Journal of Entrepreneurship*, 2018, vol. 19, no. 10. (In Russ.) DOI: 10.18334/rp.19.10.39475.
3. Abramov D. S. Key development trends of Gazprom PJSC according to the Gazprom Group's report on sustainable development activities. *Science Alley*, 2019, vol. 2, no. 12(39), pp. 439—443. (In Russ.)
4. Kurepova A. M., Yuva D. S. Substantiation of the choice of indicators for assessing the effectiveness of companies' activities on the example of the oil and gas industry. *Interexpo Geo-Siberia*, 2019, vol. 2, no. 5, pp. 257—265. (In Russ.)
5. Maisky R. A., Fairushin E. V., Sagdeev A. A., Khaertdinov D. F. Influence of the oil and gas complex on the economic indicators of Russia. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series: Economy*, 2018, no. 1(23), pp. 82—88. (In Russ.)
6. Filimonova I. V., Eder L. V., Shumilova S. I., Zemnukhova E. A. The system of financial and economic indicators of the oil and gas industry in Russia. *Management in Russia and abroad*, 2019, no. 2, pp. 63—70. (In Russ.)
7. Beilin I. L., Khomenko V. V., Kalenskaya N. V., Solntseva A. A. The significance of the resource intensity of the regional economy the development of the oil and gas chemical complex. *The Journal of Social Sciences Research*, 2018, vol. 5, pp. 328—332.
8. Gnilomedov E. V., Ganaga S. V., Melnikov A. V., Suharnikova E. I., Bachurin A. I. The main trends in innovative activities of oil and gas companies. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2019, vol. 3, no. 9, pp. 61—71. (In Russ.)
9. Dmitrievsky A. N., Eremin N. A., Filippova D. S., Safarova E. A. Digital oil and gas complex of Russia. *Georesources*, 2020, special iss., pp. 32—35. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.18599/grs.2020.SI.32-35>.
10. Korodyuk I. S. Technological innovations as a basis for reducing the costs of an oil and gas enterprise. In: *Development of Russian society: modern challenges. Materials of the national sci. and pract. conf. with int. participation, dedicated to the 90th anniversary of the Baikal State University*. Irkutsk, 2021. Pp. 63—67. (In Russ.)
11. Abukova L., Dmitrievsky A., Eremin N., et al. Digital modernization of Russian oil and gas complex. *Oil Ind. Journal*, 2017, pp. 54—58.
12. Katysheva E., Tsvetkova A. Economic and institutional problems of the Russian oil and gas complex digital transformation. In: *Surveying Geology and Mining Ecology Management. Proceedings of the Int. multidisciplinary sci. geoconf., Albena, Bulgaria, 30 June — 6 July 2019*. Sofia, Bulgaria, 2019. Vol. 19. Pp. 203—208.
13. Borzhesh A. M. Technology for managing innovative activities of an oil and gas corporation. *The State Councillor*, 2019, no. 4(28), pp. 14—20. (In Russ.)
14. Boldanova E. V. Revealing the dependence of the profitability of oil and gas companies on the oil quotation. *Azimuth of scientific research: economics and management*, 2018, vol. 7, no. 4(25), pp. 56—58. (In Russ.)
15. Belikov A. Yu., Kuzmina Z. S., Belikov I. A. On the issue of forecasting Kondratyev's economic cycles. *Economic relations*, 2020, vol. 10, no. 1, pp. 121—134. DOI: 10.18334/eo.10.1.100022.

Как цитировать статью: Болданова Е. В. Затраты на НИОКР и финансовое состояние нефтегазодобывающей компании // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 153—157. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.337.

For citation: Boldanova E. V. R & D costs and financial state of the oil and gas production company. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 153—157. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.337.

УДК 330.4
ББК 65.05

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.343

Serov Dmitriy Aleksandrovich,
Candidate of Economics,
Advisor to Director General,
State Unitary Enterprise Vodokanal of St. Petersburg,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: serov_da@bk.ru

Levina Anastasiya Ivanovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Graduate School
of Business and Management,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: alyovina@gmail.com

Kalyazina Sofiya Evgenevna,
Assistant of the Graduate School
of Business and Management,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Russian Federation, Saint-Petersburg,
e-mail: kalyazina_se@spbstu.ru

Серов Дмитрий Александрович,
канд. экон. наук,
советник генерального директора,
ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга»,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: serov_da@bk.ru

Левина Анастасия Ивановна,
канд. экон. наук,
доцент Высшей школы управления и бизнеса,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: alyovina@gmail.com

Калязина София Евгеньевна,
ассистент Высшей школы управления и бизнеса,
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: kalyazina_se@spbstu.ru

КООРДИНАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОДОКАНАЛОВ РЕГИОНА: ТЕНДЕНЦИИ И ФОРМЫ

COORDINATION OF WATER CANAL ACTIVITIES IN THE REGION: TRENDS AND FORMS

08.00.13 — Математические и инструментальные методы экономики

08.00.13 — Mathematical and instrumental methods of economics

Статья посвящена вопросу общности проблем российских ресурсоснабжающих организаций на примере водоканалов и исследованию путей координации их деятельности для решения общих проблем. Методологической основой статьи является архитектурный подход к управлению предприятиями, а именно метод формирования требований к системе управления. В сфере водопроводно-канализационного хозяйства наблюдается ряд накопленных существенных проблем, например физическое и моральное устаревание основных производственных фондов, связанные с этим сверхнормативные потери, недостаточное эффективное управление. Эти проблемы оказывают многофакторное влияние на политическую, экономическую, социальную ситуацию в регионах. Гипотезой исследования является предположение, что, так как эти проблемы являются общими для отрасли, объединение и эффективная координация водоканалов будут способствовать решению рассмотренных в статье проблем. Целью исследования является формирование требований к системе управления объединением водоканалов. В ходе исследования были решены следующие задачи: проведена систематизация проблем водоканалов, определены и проанализированы основные используемые формы координации деятельности водоканалов и решаемые в ходе такой координации задачи. В результате были выявлены условия эффективности форм сотрудничества водоканалов, предложены этапы формирования региональных объединений, дана характеристика этих этапов. Поэтапное прохождение организации объединенной структуры призвано повысить эффективность управления, экономическую эффективность деятельности участников объединения, оптимизировать затраты, повысить прозрачность финансовых потоков. При этом

сохраняется самостоятельность участников объединения. В ходе дальнейших исследований предполагается детализация рассмотренных этапов и проработка критериев эффективности объединений, требуемых мер государственной поддержки и программ инвестиций.

The article is devoted to the issue of common problems of Russian resource supplying organizations using the example of water utilities and the study of ways to coordinate their activities to solve common problems. The methodological basis of the article is the architectural approach to enterprise management, namely, the method of forming the requirements for the management system. In the field of water supply and sewerage, a number of significant accumulated problems are observed, for example, physical and moral obsolescence of fixed assets, associated excess losses, insufficiently effective management. These problems have a multifactorial impact on the political, economic and social situation in the regions. The hypothesis of the study is the assumption that since these problems are common to the industry, the unification and effective coordination of water utilities will contribute to solving the problems discussed in the article. The aim of the study is to formulate the requirements for the management system of the merger of water utilities. In the course of the study, the following tasks were solved: the systematization of the problems of water utilities was carried out, the main forms of coordination of the activities of water utilities and the tasks solved in the course of such coordination were identified and analyzed. As a result, the conditions for the effectiveness of forms of cooperation between water utilities were identified, the stages of formation of regional associations were proposed, and the characteristics of these stages were given.

The step-by-step passage of the organization of the combined structure is intended to increase the efficiency of management, the economic efficiency of the activities of the members of the association, to optimize costs, and to increase the transparency of financial flows. At the same time, the independence of the members of the association is preserved. In the course of further research, it is planned to detail the stages considered and to develop criteria for the effectiveness of associations, the required measures of state support and investment programs.

Ключевые слова: водоснабжение, управление водоснабжением, ресурсоснабжающие организации, координация деятельности предприятий, архитектура предприятия, сервисная ориентация, объединение водоканалов, социально-экономические системы, инвестиционное развитие, жилищно-коммунальное хозяйство.

Keywords: water supply, water supply management, resource supplying organizations, coordination of the activities of enterprises, enterprise architecture, service orientation, integration of water utilities, socio-economic systems, investment development, housing and communal services.

Введение

В настоящее время динамика развития отрасли водоснабжения и водоотведения характеризуется негативными тенденциями. Сетевое хозяйство и технологическое оборудование уже исчерпали свой технический ресурс и требуют замены, а необходимое финансирование их обновления отсутствует. При этом износ основных производственных фондов существенно увеличивает потери воды, повышает эксплуатационные расходы и аварийность. Основные производственные фонды не только физически изношены, но и морально устарели. Они проектировались в советский период на базе ныне устаревших технологий и поэтому в современных условиях генерируют потери и в принципе неэффективны [1].

Поскольку большинство проблем имеет общий для отрасли характер, складывается тенденция объединения усилий региональных водоканалов в деле решения общепромышленных проблем. Такое сотрудничество может протекать в разных формах. Существующие на данный момент варианты координации деятельности водоканалов не решают в полной мере всех экономических, социальных, политических задач, стоящих перед водоканалами.

Актуальность статьи заключается в анализе практики координации деятельности водоканалов и формулировании практических рекомендаций по обоснованию выбора эффективных форм такого сотрудничества и возрастает с каждым днем по мере накопления нерешенных проблем.

Изученность проблемы. Различные формы координации деятельности водоканалов используются (например, региональные ассоциации, союзы, Водный кластер Санкт-Петербурга, Российская ассоциация водоснабжения и водоотведения, ГУП «Водоканал Ленинградской области»), но не выработана устойчивая государственная политика в отношении подобных объединений.

Целесообразность разработки темы связана с необходимостью установить требования к системе управления объединением водоканалов для их эффективного функционирования.

Научная новизна статьи заключается в выделении ключевых этапов становления и развития регионального водоканала.

Цель исследования — сформировать предложения по организации объединения водоканалов.

Задача исследования — сформулировать требования к системе управления таким объединением.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что успешное решение задач исследования должно повысить эффективность деятельности участников объединения и удовлетворенность конечного потребителя услуг.

Основная часть

Методы. Для поиска новых форм координации деятельности региональных водоканалов был использован архитектурный подход к управлению социально-экономическими системами. Концепция архитектуры предприятия трактует предприятие как комплекс разнородных, взаимосвязанных элементов, функционирующих для достижения единой цели на основе сервис-ориентированного принципа [2]. Сервисная ориентация предполагает, что для обеспечения соответствия оказываемых сервисов (услуг) одним элементов другим необходимо сформировать четкие требования к этим сервисам и отвечающую этим требованиям архитектуру сервисов. Концепция архитектуры применима не только к отдельным предприятиям, но и к любым социально-экономическим системам [3—6]. В настоящей работе были сформулированы требования к системе управления новым организационным объединением — объединением водоканалов.

С этой целью был проведен анализ существующих практик.

В настоящее время состояние водопроводно-канализационного хозяйства России характеризуется негативными тенденциями. Такое положение дел стало следствием всего предшествующего этапа функционирования жилищно-коммунального хозяйства и обусловлено целым комплексом объективных причин, связанных с деятельностью организаций ЖКХ, в том числе и водоканалов.

При этом водоканалы российских регионов, как правило, имеют общие для отрасли проблемы, к которым относятся [7, 8]:

- крайне высокий уровень физического износ сетей, оборудования и очистных сооружений, генерирующий потери воды и иных ресурсов (электроэнергии, тепла);
- морально устаревшие технологии реализации деятельности, обуславливающие повышенные затраты ресурсов и высокую себестоимость оказания услуг водоснабжения и водоотведения;
- отсутствие устойчивого режима прибыльной работы (убытки из-за высоких затрат, больших потерь и ограничений на повышение тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения);
- достаточно высокий уровень неплатежей потребителей услуг (дебиторской задолженности) при ограниченности мер воздействия на неплательщиков со стороны водоканалов;
- низкий уровень качества системы управления и устаревшие технологии управления производственно-технологическими процессами водоснабжения и водоотведения (без применения современных эффективных информационных технологий);
- недостаточная приборная и программно-аналитическая база, обуславливающая отсутствие необходимой и достоверной информации для принятия управленческих решений (по водному балансу, давлению и напору воды, качеству воды);

- существенные экологические издержки вследствие потерь при водоснабжении и водоотведении;

- отсутствие собственных средств, необходимых для реализации инвестиционных проектов развития (при невозможности и неспособности самостоятельно привлечь внешние инвестиции, в том числе государственные, и обеспечить их окупаемость);

- ограниченные возможности оперативного управления системой водоснабжения на основе данных, полученных в ходе измерений и анализа.

Российские водоканалы для стабилизации своей деятельности оптимизируют расходы на текущую эксплуатацию, капитальный ремонт и развитие. Для этого четко структурируются и ранжируются затраты предприятия, выявляются возможности сокращения затрат в тесной связи с производственно-технологическими процессами оказания услуги [9]. Сокращать затраты на предприятиях можно лишь до определенного уровня — в противном случае возникает опасность разрушения основных производственных фондов, деградации и остановки производства. Значительные возможности в деле стабилизации и развития предприятий водопроводно-канализационного хозяйства приобретают вопросы, связанные с взаимодействием самих водоканалов для достижения общих целей [10].

Наличие общих проблем уже само по себе создает основу для координации деятельности водоканалов одного и того же региона в деле решения этих проблем. На практике складываются разнообразные формы такой координации.

Прежде всего следует отметить такие неформальные объединения водоканалов, как региональные ассоциации, союзы и т. п. (например, Ассоциация водоканалов Ленинградской области, Нижегородская ассоциация предприятий водоснабжения и водоотведения и др.). В рамках этих структур представители региональных водоканалов обсуждают предложения по совершенствованию законодательства и правовых норм в области водоснабжения и водоотведения, обмениваются информацией и опытом своей деятельности, разрабатывают общие мероприятия по преодолению негативного влияния внешних факторов. Причем деятельность таких структур сопряжена с соответствующей деятельностью общественных федеральных организаций в сфере водоснабжения и водоотведения (например, Российской ассоциации водоснабжения и водоотведения). Однако в любом случае деятельность подобных структур при объединении усилий водоканалов носит добровольно-общественный характер (любой водоканал может как вступить в организацию, так и выйти из нее) и напрямую не затрагивает деятельность любого водоканала-участника (не дает обязательные для выполнения решения, не затрагивает вопросы менеджмента и т. п.).

Другой интересной формой координации деятельности водоканалов выступает создание в Санкт-Петербурге Водного кластера. Кластер создан при поддержке Правительства Санкт-Петербурга на базе ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» с целью сформировать условия для ускорения разработки и внедрения новых технологий в сфере водоснабжения и водоотведения на основе отечественных разработок. Соответственно, основные задачи Водного кластера включают в себя:

- создание конкурентоспособных в мировом масштабе технологий, продукции и услуг для нужд предприятий водоснабжения и водоотведения;

- повышение эффективности и качества услуг предприятий водоснабжения и водоотведения;

- поддержку реализации политики импортозамещения в сфере водоснабжения и водоотведения.

Исходя из поставленных цели и задач, в структуре Водного кластера выделяются следующие сегменты:

- технологический сегмент — интеллектуальный центр для подготовки проектов кластера к промышленному и коммерческому использованию (демонстрационно-выставочный центр, инжиниринговый и консалтинговый центр);

- образовательный сегмент (Водная академия) — образовательный центр, специализирующийся на подготовке и переподготовке специалистов отрасли, получении ими прикладных и практических знаний;

- промышленный сегмент: производственные предприятия — участники кластера, производящие продукцию или оказывающие услуги для сферы водоснабжения и водоотведения.

Основной эффект деятельности Водного кластера для стабилизации и развития водоканалов связан с такими направлениями, как повышение качества и доступности услуг водоснабжения и водоотведения, активизация процесса импортозамещения, создание условий для применения отечественных современных технологий и внедрения инноваций, создание общедоступной базы знаний для отрасли, подготовка и привлечение квалифицированного персонала.

Наряду с рассмотренными формами координации деятельности водоканалов, в настоящее время начинает зарождаться тенденция объединения (укрупнения) водоканалов, обслуживающих относительно небольшие по численности населенные пункты региона. Это может осуществляться, например, при создании объединенного водоканала под эгидой органов государственного управления регионом. Такое объединение уже затрагивает систему менеджмента, означая централизацию управления, и носит юридический характер. Примером подобного подхода к решению региональных проблем водоснабжения и водоотведения может служить создание в 2016 г. государственного унитарного предприятия «Водоканал Ленинградской области», объединяющего в настоящее время водоканалы более чем из десяти муниципальных районов области. Главные цели ГУП «Водоканал Ленинградской области»:

- оказание населению, промышленным предприятиям и организациям услуг водоснабжения и водоотведения;

- снижение потерь и повышение эффективности использования материальных, трудовых и информационных ресурсов;

- применение в управлении водоканалами лучших практик и технологий;

- оптимизация тарифов на услуги водоснабжения и водоотведения по Ленинградской области;

- осуществление комплексной модернизации объектов водоснабжения и водоотведения.

При этом ставится задача в перспективе объединить 170 водоканалов по 17 муниципальным районам Ленинградской области.

Подобный подход к решению региональных проблем водоснабжения и водоотведения неслучаен и имеет под собой веские основания. Действительно, проблемы деятельности водоканалов неизбежно становятся значимыми факторами политической, экономической, социальной и финансовой ситуации в регионах. Их влияние на текущую деятельность и возможности развития региона возможно по следующим основным направлениям:

– с точки зрения недовольства (а где-то даже возмущения) населения качеством услуг водоснабжения и водоотведения, тарифами на жилищно-коммунальные услуги (политический и социальный факторы);

– с точки зрения ухудшения условий для производственной деятельности и привлечения инвесторов (экономический и социальный факторы);

– с точки зрения дополнительной нагрузки на региональный бюджет, связанной с дотациями, компенсациями потерь при неэффективной деятельности водоканалов и т. п. (финансовые факторы). Так, убыточность текущей деятельности обуславливает рост потребности конкретного водоканала в дотациях из государственного бюджета, однако возможности такой компенсации регионом существенно снижаются в условиях усиления бюджетных ограничений;

– с точки зрения воздействия процессов водоснабжения, водопотребления и водоотведения на окружающую среду (экологические факторы).

Результаты. В сложившейся ситуации региональным органам государственного управления необходимы подходы к координации деятельности и стимулированию инвестиционного процесса применительно к водоснабжению и водоотведению. Среди попыток решения этого вопроса можно назвать государственно-частное партнерство, концессию. Но данные формы привлечения потенциальных инвесторов существенного результата на сегодняшний день пока не дали, в том числе по причине неопределенности источника возврата вложенных инвестиционных средств за счет тарифа. В этой связи регионы начинают обращаться к модели консолидации активов водоканалов, централизации управления ими, снижения условно-постоянных издержек и привлечения государ-

ственных и иных инвестиций в рамках «пула» водоканалов. Создание таких региональных водоканалов, как уже отмечалось выше, имеет свои основания (экономические, политические и др.). Поэтому сейчас важно понять, в каком направлении и как в этом случае двигаться.

Для формирования такого понимания важно учитывать ключевые этапы становления и развития регионального водоканала. На наш взгляд, целесообразно выделить три таких этапа.

Этап 1. «Механический (ресурсный)».

Цель данного этапа — «механически» объединить ресурсы (активы) и поставить их под свой контроль. Причем такая консолидация первоначально может осуществляться, по понятным причинам, с применением так называемых административных рычагов (добровольно-принудительно) (табл. 1).

Основные действия на этом этапе:

а) объединение активов (прежде всего с точки зрения получения юридических оснований для управления водоканалами);

б) установление контроля над финансовыми потоками (с точки зрения их прозрачности и возможностей контроля и перераспределения);

в) расстановка на ключевых позициях квалифицированных кадров, прежде всего топ-менеджеров.

Среди других мероприятий этого этапа следует отметить важность проведения инвентаризации активов и комплексного аудита деятельности каждого водоканала для понимания того, какие активы и ресурсы получает в управление новая объединенная структура. Реализация рассмотренных мероприятий выступает необходимой предпосылкой для перехода ко второму этапу.

Таблица 1

Описание процесса «Организация регионального водоканала. Этап 1»

Цель процесса	Объединение активов и установление контроля над финансовыми потоками
Результат процесса	Создано юридическое основание для функционирования объединенной региональной структуры
Вид процесса (основной, вспомогательный, управленческий)	Основной
Владелец процесса	Правительство региона
Исполнители процесса	Руководители водоканалов
Используемые прикладные ИС	ERP-системы водоканалов
Информация об автоматизации	В зависимости от выбранного варианта автоматизации
Взаимодействие между подразделениями	Потребителями процесса являются региональные органы государственного управления, от них на вход процесса поступает потребность в организации регионального водоканала, на выходе процесса они получают объединенные оптимальным образом и юридически оформленные активы и ресурсы и структуру топ-менеджмента
Требования к результатам процесса и параметры оценки	Проведена инвентаризация, аудит, имеется комплект документов
Потребитель	Региональные органы государственного управления

Этап 2. «Функциональный (функционально-ресурсная оптимизация)».

Цель данного этапа — оптимизировать затраты и реально централизовать управление по отдельным управленческим функциям (табл. 2).

Основные действия на этом этапе осуществляются по следующим направлениям:

а) в сфере бизнес-процессов: оптимизация затрат на деятельность каждого водоканала, для снижения которых не требуются значительные инвестиции или достаточно средств самого водоканала. Как показывает опыт ГУП «Водоканал

Санкт-Петербурга» и водоканалов Ленинградской области, не стоит сразу пытаться реализовывать масштабные и затратные инвестиционные проекты, например по реконструкции водопроводных сетей. Здесь важно учитывать возможности сокращения потерь за счет оптимизации управления режимами водоснабжения на основе оперативного построения достоверного водного баланса, внедрения автоматизированных систем учета воды (ИС «Немо-Аква» и др.). В этой связи применение передовых информационных технологий позволит уже на качественно новой основе оптимизировать деятельность предприятий водопроводно-канализационного

хозяйства [11]. Значительные возможности продления срока службы сетей и снижения потерь воды связаны также с оптимизацией давления в сети на основе построения гидравлической модели [11, 12]. Выполнив комплекс эффективных мероприятий по оптимизации режима водоснабжения и снижению потерь, можно на следующем этапе перейти уже к поэтапной реконструкции сетей, тем более что водный баланс позволит достоверно определить наиболее проблемные участки сети [13, 14]. С другой стороны, проблема высоких потерь в сетях существенно влияет на целесообразность инвестирования в мощности и технологии, например, очистки воды [15]. Действительно: о каком разумном сроке окупаемости вложений в реконструкцию станции очистки воды может идти речь, если потери уже очищенной воды в сетях будут составлять 30...40 %;

б) в сфере управленческих процессов:

– концентрация на уровне новой объединенной структуры уже имеющихся на уровне водоканалов функций (например, по логистике, правовому сопровождению, аудиту, ИТ-обеспечению и др.). При этом должно соблюдаться условие: высвобождение персонала, занятого этими функциями в водоканалах, должно дать экономию средств больше, чем соответствующее увеличение численности в новой объединенной структуре;

– становление новых «общеводоканальных» функций (например, по стратегическому управлению, инвестиционной и проектной деятельности, информационным технологиям и др.).

На данном этапе водоканалы должны «освободиться» от излишних затрат (потерь), а также должна быть собрана предварительная информация для технико-экономического обоснования привлечения внешних инвестиций. При этом в управленческом плане (при централизации совокупности управленческих функций на уровне новой объединенной структуры) водоканалы уже не могут в полной мере функционировать по отдельности. Тем самым, образуется принципиально иное единое целое (для сравнения: на первом этапе водоканалы вполне могут функционировать самостоятельно, если, например, будет принято решение о ликвидации новой объединенной структуры).

На данном этапе новая объединенная структура «научается» эффективно использовать консолидированные активы и реально управлять ими. Это уже не механическое объединение водоканалов («механизм»), а функционирующее объединение водоканалов («функционализм»).

Прохождение первого и второго этапов создает условия для перехода к следующему этапу.

Таблица 2

Описание процесса «Организация регионального водоканала. Этап 2»

Цель процесса	Организовать централизованное управление
Результат процесса	Организованная на этапе 1 объединенная структура реализует единые управленческие процессы
Вид процесса (основной, вспомогательный, управленческий)	Основной
Владелец процесса	Правительство региона
Исполнители процесса	Топ-менеджмент объединенной структуры
Актуальная документация	Комплект документов на активы и ресурсы
Используемые прикладные ИС	Автоматизированная система учета воды, ГИС, ERP-система
Информация об автоматизации	В зависимости от выбранного варианта автоматизации
Взаимодействие между подразделениями	Потребителями процесса являются региональные органы государственного управления, от них на вход процесса поступает потребность в оптимизации затрат и управленческих процессов, на выходе процесса они получают эффективное управление консолидированными активами и предварительную информацию для технико-экономического обоснования привлечения внешних инвестиций
Требования к результатам процесса и параметры оценки	Выполнен комплекс мероприятий по оптимизации режима водоснабжения и снижению потерь, оптимизирована численность персонала
Потребитель	Региональные органы государственного управления

Этап 3. «Органичный (инвестиционное развитие)».

Цель данного этапа — обеспечить выход водоканалов на траекторию устойчивого развития, как за счет собственных ресурсов, так и на основе привлечения инвестиций из внешних источников (в том числе государственных бюджетных средств) (табл. 3). При этом инвестиции должны осуществляться:

– с учетом приоритетности и остроты проблем (не только с точки зрения отдельного водоканала, но и с точки зрения региона в целом);

– на основе разработки грамотного и достоверного технико-экономического обоснования (информация для него собирается и анализируется уже на втором этапе);

– с учетом взаимосвязи водоканалов друг с другом: так называемая сопряженная инвестиционная программа (например, выгоднее инвестировать в очистку сточных

вод вверх по течению реки, а не в очистку воды вниз по течению).

Прохождение первого и второго этапов позволяет обеспечить реальное управление инвестициями на третьем этапе и обеспечить требуемую их эффективность. Понятно, что если затраты не оптимизированы и отсутствует реальная централизация ключевых управленческих функций (достигаются на втором этапе), то инвестиции «уйдут в песок» — будут неэффективными. С точки зрения управления на этом этапе должны использоваться матричные связи по линии «текущая деятельность — инвестиционная деятельность» и проектное управление.

На данном этапе достигаются следующие результаты:

- достоверное обоснование инвестиционных проектов;
- привлечение внешних и консолидация внутренних инвестиций;

– эффективная реализация сопряженных инвестиционных проектов по водоканалам;
– разработка новых инвестиционных проектов, расширяющих спрос на услуги водоснабжения и водоотведения (например, в рамках создания в регионе новых промышленных зон, территорий ускоренного развития, технопарков и т. п.).

При таких условиях новая объединенная структура уже

начинает эффективно развивать консолидированные активы. При этом создаются условия для дальнейшей консолидации активов уже строго под цели развития региона в целом и региональных водоканалов в частности. Причем выбор новых объектов консолидации будет осуществляться уже не произвольно и не административными методами, а строго на целевой основе и с применением экономических методов.

Таблица 3

Описание процесса «Организация регионального водоканала. Этап 3»

Цель процесса	Развитие консолидированных активов
Результат процесса	Развитие активов объединенной структуры на основе проработанной программы инвестиций
Вид процесса (основной, вспомогательный, управленческий)	Основной
Владелец процесса	Правительство региона
Исполнители процесса	Топ-менеджмент объединенной структуры
Актуальная документация	Комплект документов на активы и ресурсы, предварительная информация для технико-экономического обоснования привлечения внешних инвестиций
Используемые прикладные ИС	Автоматизированная система учета воды, ГИС, ERP-система, Информационная система центра расчетов с абонентами, Информационная система технического обслуживания и ремонта
Информация об автоматизации	В зависимости от выбранного варианта автоматизации
Взаимодействие между подразделениями	Потребителями процесса являются региональные органы государственного управления, от них на вход процесса поступает потребность в реализации программы инвестиций для оптимального функционирования регионального водоканала, на выходе процесса они получают реализованные инвестиционные программы и усовершенствованные активы
Требования к результатам процесса и параметры оценки	Инвестиционная программа соответствует интересам региона
Потребитель	Региональные органы государственного управления

Следует отметить, что на этом этапе объединение водоканалов становится уже единым организмом. Иными словами, развитие новой объединенной структуры происходит от «механизма» к «функционализму» и от него — к «организму». Таким образом, становление и развитие модели централизации деятельности региональных водоканалов последовательно характеризуются объективными этапами. При этом на каждом этапе есть свои цели и свои результаты. Данные этапы, на наш взгляд, нельзя «перескочить» (иначе в этом случае резко снизится эффективность самого объединения водоканалов). Однако их можно пройти быстрее или медленнее в зависимости от конкретных объективных условий такого объединения водоканалов и сбалансированности региональной политики в сфере водоснабжения и водоотведения.

Укрупнение водоканалов в регионах с относительно малыми населенными пунктами в определенной мере позволяет задействовать резервы повышения уровня организации водоснабжения и водоотведения. При этом, на наш взгляд, государство должно выработать политику по отношению к данным процессам, определив критерии их эффективности (например, предельные характеристики объединяемых

водоканалов) и меры поддержки эффективных инвестиционных проектов, реализуемых при таких объединениях.

Выводы

В статье рассмотрено несколько форм координации деятельности водоканалов на региональном уровне. Дальнейшие исследования затронут детализацию этапов формирования объединенной структуры и формулировку предложений по государственной политике в отношении подобных объединений. На практике могут применяться самые разнообразные формы координации деятельности региональных водоканалов. Важно только, чтобы они реально способствовали преодолению негативных тенденций в сфере водопроводно-канализационного хозяйства, содействовали стабилизации текущей деятельности водоканалов и создавали благоприятные условия для их перехода к устойчивому развитию на основе привлечения инвестиций. Выбранная форма координации деятельности предприятий водоснабжения должна обеспечивать удовлетворение требований потребителей услуг водоснабжения и водоотведения, самих водоканалов и системы управления регионом в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Серов Д. А., Ильин И. В., Ильяшенко В. М. Ценностно ориентированная модель управления водоснабжением // Глобальный научный потенциал. 2019. № 7(100). С. 112—117.
2. Серов Д. А., Ильин И. В., Левина А. И. Информационно-технологические факторы перехода к ценностно-ориентированной модели управления водоснабжением // Наука и бизнес: пути развития. 2019. № 7(97). С. 150—156.
3. Дубгорн А. С., Светульников С. Г., Зотова Е. А. Основные проблемы цифровой трансформации бизнеса // Глобальный научный потенциал. 2019. № 8(101). С. 116—120.
4. Glukhov V. V., Ilin I. V., Iliashenko O. J. Improving the efficiency of architectural solutions based on cloud services integration // Lecture Notes in Computer Science. 2016. Vol. 9870. Pp. 512—524.

5. Ильин И. В., Левина А. И., Антипин А. Р. Моделирование бизнес-архитектуры процессов проектно-ориентированного предприятия // Экономика и управление. 2013. № 9(95). С. 32—38.
6. Воронова О. В., Ильин И. В. Адаптация ADM метода стандарта TOGAF к разработке и внедрению архитектурных решений в сфере сетевого FMCG-ритейла // Экономика и управление. 2019. № 7(165). С. 97—107.
7. Карнацевич И. В., Бикбулатова Г. Г., Ряполов К. В. Перспективы генетического метода расчета элементарного стока по суточным интервалам // Омский научный вестник. Сер. 1. Ресурсы Земли. Человек. 2011. № 1(104). С. 224—231.
8. Толмачева Т. Цифровое ЖКХ: легко ли реализовать планы Президента? URL: <http://www.iksmedia.ru/blogs/post/5398071-Czifrovoe-ZHKX-legko-li-realizovat.html>.
9. Нагорная Т. С. Совершенствование методологии менеджмента управляющих компаний в сфере ЖКХ // Молодой ученый. 2017. № 20. С. 260—262.
10. Ильин И. В., Зайченко И. М. Анализ факторов, обуславливающих выбор стратегии развития предприятия // Перспективы науки. 2017. № 1(88). С. 80—87.
11. Гидравлическая модель в системе управления водопроводной сетью Санкт-Петербурга / М. Ю. Юдин, С. В. Смирнова, Е. А. Мельник, М. М. Хмяляйнен // Водоснабжение и санитарная техника. 2012. № 3. С. 20—23.
12. Хмяляйнен М. М., Смирнова С. В., Юдин М. Ю. Комплексные гидравлические расчеты подачи воды Санкт-Петербурга // Водоснабжение и санитарная техника. 2006. № 9-1. С. 22—24.
13. Столярчук А. А. Потери воды в системах коммунального водоснабжения и способы их снижения // Перспективные методы очистки природных и сточных вод : сб. ст. регион. науч.-техн. конф., г. Брест, 26 сент. 2019 г. Брест : БрГТУ, 2019. С. 58—60.
14. Mitigation strategies to reduce pesticide inputs into ground-and surface water and their effectiveness. Review / S. Reichenberger et al. // Science of the Total Environment. 2007. Vol. 384. No. 1-3. Pp. 1—35.
15. Evaluation of technical condition of water supply networks on undermined territories / V. Maslak et al. // Procedia Engineering. 2015. Vol. 117. Pp. 980—989.

REFERENCES

1. Serov D. A., Ilin I. V., Ilyashenko V. M. Value-based model of water supply management. *Global Scientific Potential*, 2019, no. 7(100), pp. 112—117. (In Russ.)
2. Serov D. A., Ilin I. V., Levina A. I. Information and technological factors of transition to value-based model of water supply management. *Science and business: development ways*, 2019, no. 7(97), pp. 150—156. (In Russ.)
3. Dubgorn A. S., Svetunkov S. G., Zotova E. A. The main problems of digital business transformation. *Global Scientific Potential*, 2019, no. 8(101), pp. 116—120. (In Russ.)
4. Glukhov V. V., Ilin I. V., Ilyashenko O. J. Improving the efficiency of architectural solutions based on cloud services integration. *Lecture Notes in Computer Science*, 2016, vol. 9870, pp. 512—524.
5. Ilin I. V., Levina A. I., Antipin A. R. Modeling the business architecture of the processes of the project-oriented enterprise. *Economics and Management*, 2013, no. 9(95), pp. 32—38. (In Russ.)
6. Voronova O. V., Ilin I. V. Adaptation of TOGAF ADM method to the development and implementation of architectural solutions in network FMCG-retail. *Economics and Management*, 2019, no. 7(165), pp. 97—107. (In Russ.)
7. Karnatsevich I. V. Bikbulatova G. G., Ryapolov K. V. Prospects for genetic method of calculation of elementary flow by daily intervals. *Omsk Scientific Bulletin. Ser. 1. Earth Resources. Man*, 2011, no. 1(104), pp. 224—231. (In Russ.)
8. Tolmacheva T. *Digital housing and utilities sector: is it easy to implement the President's plans?* (In Russ.) URL: <http://www.iksmedia.ru/blogs/post/5398071-Czifrovoe-ZHKX-legko-li-realizovat.html>.
9. Nagornaya T. S. Improving the methodology of management companies in the sphere of housing and communal services. *Young Scientist*, 2017, no. 20, pp. 260—262. (In Russ.) URL <https://moluch.ru/archive/154/43556>.
10. Ilin I. V., Zaychenko I. M. Analysis of the factors determining the choice of enterprise development strategy. *Science Prospects*, 2017, no. 1(88), pp. 80—87. (In Russ.)
11. Yudin M. Yu., Smirnova S. V., Melnik E. A., Khyamyalyaynen M. M. Hydraulic model in the control system of St. Petersburg water supply network. *Vodosnabzhenie i sanitarnaia tekhnika*, 2012, no. 3, pp. 20—23. (In Russ.)
12. Khyamyalyaynen M. M., Smirnova S. V., Yudin M. Yu. Integrated hydraulic calculations of water supply of St. Petersburg. *Vodosnabzhenie i sanitarnaia tekhnika*, 2006, no. 9, part 1, pp. 22—24. (In Russ.)
13. Stolyarchuk A. A. Water losses in public water supply systems and ways to reduce them. In: *Perspective methods of natural and waste water treatment. Collection of articles of the regional sci. and tech. conf., Brest, Sept. 26, 2019*. Brest, BrGTU publ., 2019. Pp. 58—60. (In Russ.)
14. Reichenberger S. et al. Mitigation strategies to reduce pesticide inputs into ground-and surface water and their effectiveness. Review. *Science of the Total Environment*, 2007, vol. 384, no. 1-3, pp. 1—35.
15. Maslak V. et al. Evaluation of technical condition of water supply networks on undermined territories. *Procedia Engineering*, 2015, vol. 117, pp. 980—989.

Как цитировать статью: Серов Д. А., Левина А. И., Калязина С. Е. Координация деятельности водоканалов региона: тенденции и формы // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 158—164. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.343.

For citation: Serov D. A., Levina A. I., Kalyazina S. E. Coordination of water canal activities in the region: trends and forms. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 158—164. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.343.

УДК 368
ББК 65

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.342

Pryanishnikova Mariya Vladimirovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department
of Finance and Banking,
Social and Economic Institute,
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Russian Federation, Saratov,
e-mail: marprya@mail.ru

Sudarikova Irina Aleksandrovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Banking,
Moscow University for Industry
and Finance “Synergy”,
Consultant, Biznes Finans Konsalting LLC,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: sudarikova.08@mail.ru

Прянишникова Мария Владимировна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры финансов и банковского дела,
Социально-экономический институт,
Саратовский государственный технический университет
имени Ю. А. Гагарина,
Российская Федерация, г. Саратов,
e-mail: marprya@mail.ru

Сударикова Ирина Александровна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры банковского дела,
Московский финансово-промышленный университет
«Синергия»,
консультант, ООО «Бизнес Финанс Консалтинг»,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: sudarikova.08@mail.ru

ПОРТФЕЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ СТРАХОВЫХ КОМПАНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ФОНДОВОМ РЫНКЕ

PORTFOLIO MANAGEMENT OF INSURANCE COMPANIES IN THE MODERN STOCK MARKET

08.00.10 — Финансы, денежное обращение и кредит

08.00.10 — Finance, money circulation and credit

Вопросам организации инвестиционной деятельности страховых компаний в целом уделяется большое внимание, в то же время недостаточно изученной остается специфика портфельного инвестирования страховщиков в современные инструменты фондового рынка в аспекте последних законодательных новаций. Повышение значимости страховщиков как посредников на фондовом рынке и необходимость улучшения финансовых результатов их деятельности на основе стабильного роста инвестиционных доходов свидетельствуют об актуальности совершенствования портфельного менеджмента страховых компаний.

Анализ показал, что в период 2018—2020 гг. реструктуризация совокупного инвестиционного портфеля и ускоренный рост портфеля ценных бумаг страховщиков происходили под влиянием значительного прироста резервов по страхованию жизни и перелива активов с банковских депозитов. Выявлена тенденция устойчивого роста вложений в корпоративные облигации, подтверждена гипотеза о существенных отличиях инвестиционных стратегий страховщиков жизни. К ключевым факторам влияния на специфику формируемых портфелей в текущий период отнесены: состав и структура страховых обязательств, конъюнктура финансового рынка, ограничения со стороны регулятора.

Несмотря на позитивную оценку выявленной динамики, обоснована необходимость совершенствования методов и инструментов портфельного менеджмента страховщиков на фондовом рынке в целях оптимизации риска и доходности вложений. В настоящее время многие страховщики проводят крайне консервативную политику, имеют слабо диверсифицированные малодоходные портфели ценных бумаг. В этой связи предложено повысить уровень диверсификации и доходности за счет расширения состава формируемых портфелей ценных бумаг. Компаниям, имеющим

повышенную избыточность капитала, целесообразно перейти к менее консервативной инвестиционной политике.

Результатами исследования является определение перспектив развития инвестиционной деятельности страховщиков на фондовом рынке с учетом новаций государственного регулирования, обоснование направлений совершенствования портфельного менеджмента, включая рационализацию структуры портфеля на основе более широкого использования современных ценных бумаг со сложными параметрами доходности.

Much attention is paid to the issues of investment activities of insurance companies in general, at the same time the specifics of portfolio investment of insurers in modern stock market instruments in the aspect of recent legislative innovations remain insufficiently studied. The increasing importance of insurers as intermediaries in the stock market and the need to improve the financial results of their activities on the basis of stable growth of investment income indicate the relevance of improving the portfolio management of insurance companies.

The analysis shows that the restructuring of the total investment portfolio and the accelerated growth of the insurers' securities portfolio in the period 2018—2020 were influenced by a significant increase in life insurance reserves and asset spillover from bank deposits. The trend of steady growth of investments in corporate bonds is revealed and the hypothesis of significant differences in the investment strategies of life insurers is confirmed. The key factors influencing the specifics of portfolios formed in the current period include: the composition and structure of insurance liabilities, financial market conditions, and regulatory restrictions.

Despite the positive assessment of the revealed dynamics, the need to improve the methods and instruments of insurers' portfolio management on the stock market with the aim to optimize

the risk and profitability of investments was reasoned. At present many insurers carry out extremely conservative policy, have poorly diversified low-yield securities portfolios. In this connection it is offered to raise the level of diversification and profitableness at the expense of expansion of the formed securities portfolios. For the companies with an increased capita surplus, it is advisable to move to a less conservative investment policy.

The results of the study are to determine the prospects for the development of investment activities of insurers in the stock market, taking into account the innovations of state regulation, the substantiation of directions to improve portfolio management, including the rationalization of the portfolio structure on the basis of a wider use of modern securities with complex yield parameters.

Ключевые слова: арбитраж, деривативы, диверсификация портфеля, инвестиционный портфель страховщика, портфельный менеджмент, облигации, финансовые инструменты, хеджирование, ценные бумаги со сложными параметрами доходности.

Keywords: arbitration, derivatives, portfolio diversification, investment portfolio of the insurer, portfolio management, bonds, financial instruments, hedging, securities with complex yield parameters.

Введение

В современных условиях экономической и политической нестабильности, сохранения ограничительных мер, вызванных коронавирусом, происходит снижение платежеспособного спроса на страховые продукты, которое негативно отражается на результатах страховых операций. В этой связи повышается значение инвестиционных источников доходов в обеспечении рентабельной работы российских страховых компаний. Тем более **актуальным** данный вопрос является для страхователей жизни, поскольку изменение правил продаж финансовых инструментов неквалифицированным инвесторам в 2021—2022 гг. ограничит количество страхователей и повысит их требования к уровню инвестиционной доходности продуктов инвестиционного страхования жизни [1—4]. В целом доходность инвестиционной деятельности страховщиков находится на низком уровне из-за консервативной инвестиционной политики. В 2020 г., несмотря на рост вложений в ценные бумаги, увеличение объема доходов страховых компаний в основном было обусловлено девальвацией российской валюты. Актуальность вопросов повышения эффективности портфельного менеджмента страховщиков обусловила выбор темы работы.

Степень изученности проблемы. Вопросы организации портфельного инвестирования глубоко исследовались в трудах зарубежных (Н. М. Markowitz, W. F. Sharp, D. Kim) и российских ученых [5, 6]. Проблемы развития инвестиционной деятельности страховых компаний в современных условиях рассматривались в работах Н. Н. Никулиной [7], О. Н. Козловой [8] и др.

Целесообразность проведения исследования обусловлена необходимостью повышения доходов и снижения рисков инвестиционной деятельности страховых компаний.

Рабочая гипотеза основывается на предположении, что инвестиционные портфели компаний, специализирующихся на страховании жизни, вследствие особой структуры активов имеют потенциал роста доходности за счет расширения состава. **Научная новизна** исследования

заключается в обосновании направлений совершенствования портфельного менеджмента на основе более широкого использования современных финансовых инструментов фондового рынка в целях оптимизации риска по инвестиционным активам и роста инвестиционных доходов.

Объект исследования — российские страховые компании (РСК). **Предметом** исследования являются фондовые портфели РСК.

Целью исследования является определение ключевых направлений развития портфельного менеджмента в целях оптимизации факторов эффективности формируемых страховщиками фондовых портфелей, а именно параметров риска и доходности.

Задачи исследования:

1) на основе изучения и обобщения теории и практики портфельного инвестирования определить эффективные подходы к организации инвестиционной деятельности страховых компаний на фондовом рынке;

2) проанализировать состав, структуру, эффективность фондовых портфелей РСК в динамике за период 2018—2020 гг., выявить тенденции развития инвестиционной деятельности;

3) определить резервы повышения эффективности управления фондовым портфелем и оптимальные стратегии портфельного инвестирования РСК.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии основ теории портфельного менеджмента применительно к инвестиционной деятельности страховщиков с применением современных видов ценных бумаг в условиях цифровой экономики. **Практическая значимость** работы состоит в предложениях по оптимизации современных фондовых портфелей страховщиков для повышения эффективности результатов менеджмента.

Основная часть

Методология исследования основана на применении общепринятых методов научного познания: анализа и синтеза, дедукции и индукции, логического построения и обобщения, а также методов статистического и математического анализа. Анализ и оценка эффективности инвестиционных портфелей РСК проводились исходя из положений теории portfolio-management (портфельного менеджмента), эмпирической базой исследования выступили статистические данные Банка России о совокупных вложениях РСК в финансовые инструменты в период 2018—2020 гг., а также данные финансовой отчетности крупнейших российских РСК. В процессе работы были обобщены данные о фондовых портфелях, проведен анализ их структуры в динамике. Логически выведены тенденции инвестиционной деятельности страховщиков, с помощью методов математической статистики доказано формирование консервативных фондовых портфелей и применение пассивной стратегии управления, что позволяет сделать вывод о комплексности, достоверности и целостности полученных результатов.

Результаты исследования основываются на следующих теоретических положениях. Портфельный менеджмент страховых компаний на современном фондовом рынке, по мнению авторов, представляет собой осуществление экономической деятельности страховщиков по управлению собственным капиталом и временно свободными денежными средствами страховых резервов с целью экономически эффективного инвестирования в ценные бумаги. Инвестирование осуществляется с соблюдением основных

принципов, таких как ликвидность, безопасность и доходность. Базовыми моделями портфелей являются модели Шарпа и Марковица, при этом на первом этапе менеджмента используют модель Марковица, на втором, когда капитал, уже инвестированный в определенный сегмент финансового рынка, подлежит распределению между конкретными видами ценных бумаг, применяют модель Шарпа [5, 6]. Основными математическими приемами в современном моделировании являются уравнения и матрицы с перемен-

ными, значения которых задаются параметрами риска и доходности деривативов, ценных бумаг.

Совокупная стоимость фондовых портфелей РСК на начало 2021 г. оценивалась в 1,9 трлн руб. и составляла 52,1 % активов компаний. По отношению к 2018 г. объем инвестиций в ценные бумаги вырос в два раза (табл. 1). Факторы: разрешительная политика ЦБ РФ; бум инвестиционного, накопительного страхования жизни; снижение депозитных ставок.

Таблица 1

Объем, структура и темпы роста вложений страховых организаций РФ в ценные бумаги в период 2018—2020 гг. (составлено авторами по данным ЦБ РФ [2—4])

Вид ценных бумаг	01.01.2018		01.01.2019		01.01.2020		01.01.2021		Темпы прироста, %	
	млрд руб.	%	2020/2017	2020/2019						
Государственные ценные бумаги РФ	291,4	31,2	549,3	43,1	591,1	37,1	722,6	36,4	248,0	122,2
Региональные и муниципальные ценные бумаги	20,3	2,2	30,8	2,4	47,1	3,0	72,3	3,6	355,8	153,5
Облигации	512,4	54,9	597,1	46,8	841,0	52,8	1 043,1	52,5	203,6	124,0
Акции	98,9	10,6	88,4	6,9	105,7	6,6	136,6	6,9	138,0	129,2
Инвестиционные паи ПИФ	9,3	1,0	7,7	0,6	6,8	0,4	10,4	0,5	111,1	152,2
Векселя	0,8	0,1	1,0	0,0	0,03	0,0	0,07	0,0	8,9	272,4
Итого	933,2	100,0	1 274,4	100,0	1 591,8	100,0	1 985,0	100,0	212,7	124,7

В структуре вложений РСК более 90 % приходится на долговые ценные бумаги, среди которых преобладают корпоративные облигации (52,5 %), государственные и муниципальные ценные бумаги (40 %). С 2019 г. растет доля вложений в акции и инвестиционные паи,

однако на их долю приходится не более 7...8 % вложений. Таким образом, за последние три года структура фондовых портфелей РСК остается консервативной, в достаточной степени диверсифицированной и малорисковой (табл. 2).

Таблица 2

Доля ценных бумаг в структуре активов, принятых в покрытие резервов по страхованию жизни и «не жизни» в 2019—2020 гг. (составлено авторами по данным ЦБ РФ [2—4])

Объем активов, принятых в покрытие страховых резервов/ Вид ценных бумаг	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021
<i>Страхование «не жизни»</i>			
Активы, принятые в покрытие страховых резервов, млн руб., в т. ч.:	946 423,10	978 814,4	1 086 348,6
доля государственных и муниципальных ценных бумаг, %	12	12	12,3
доля корпоративных облигаций, %	18	27	28,8
доля акций, %	1	1	3,7
<i>Страхование жизни</i>			
Активы, принятые в покрытие страховых резервов, млн руб., в т. ч.:	884 685,90	1 099 113,8	1 324 446,9
доля государственных и муниципальных ценных бумаг, %	40,6	40,4	42,3
доля корпоративных облигаций, %	36,1	39,2	43,4
доля акций, %	1	0,7	0,9

Анализ инвестиционной деятельности крупнейших РСК по данным финансовой отчетности по ОСБУ или МСФО за 2020 г. показал значительный рост фондовых портфелей даже по компаниям, не специализирующимся на страховании жизни. Удельный вес ценных бумаг в активах находится в диапазоне 19...44 % [9, 10]. В современные виды ценных бумаг, такие как фьючерсы, опционы, свопы, инвестируют только некоторые из крупнейших страховщиков,

большая часть из которых специализируется на страховании жизни. Лидером по вложениям в производные ценные бумаги (фьючерсные контракты на золото, Индекс РТС и акции, структурные ноты) является СК «Сбербанк страхование жизни» — 51,1 млрд руб. на 31.12.20 г. [11]. Сравнение портфелей лидеров и аутсайдеров выявило полярные отличия: у меньших РСК состав и структура фондового портфеля не диверсифицирована по видам ценных бумаг

и, соответственно, содержит повышенные риски, приводящие к финансовым убыткам [12]. Основными приемами менеджмента, применяемыми современными РСК в рамках пассивных стратегий управления фондовыми портфелями, являются лимитирование инвестиций, постоянный мониторинг, сценарный анализ, реструктуризация активов. Основным источником дохода — проценты по облигациям, при этом сам портфельный менеджмент преимущественно осуществляется привлеченными управляющими компаниями.

При сохранении сложившихся значений процентных ставок в экономике основным финансовым резервом роста инвестиционных доходов РСК является формирование и диверсификация фондовых портфелей при одновременном сокращении вложений в инструменты денежного рынка. Это становится возможным с введением в действие с 1-го июля 2021 г. Положения Банка России «Об отдельных требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» от 10.01.2020 г. № 710-П [13]. Определяя перспективы, важно отметить необходимость соблюдения при этом норм государственного регулирования [13, 14]. Повышения экономической эффективности фондовых портфелей, по нашему мнению, можно добиться за счет включения в них финансовых инструментов срочных сделок (ФИСС). Это договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, деривативами [15]. Деривативы, имеющие рыночную оценку стоимости, могут применяться страховщиками в двух направлениях. Во-первых, как инструмент страхования финансовых рисков вложений в высокорисковые ценные бумаги, такие как акции; во-вторых, для получения дополнительного дохода от арбитражных операций с биржевыми фьючерсными контрактами. Поскольку в настоящее время в связи с повышенной волатильностью фондового рынка наиболее перспективными будут операции с биржевыми бумагами, акциями, облигациями, депозитарными расписками, подверженными повышенной степени финансового риска, для его снижения и ограничения убытков от несостоятельных сделок следует заключать опционные контракты на соответствующие базисные активы. Включая в портфель стандартный биржевой дериватив, РСК обеспечивает минимизацию убытка величиной премии, уплаченной за его покупку. Также применение в портфельном менеджменте методов арбитражной работы со стандартными биржевыми деривативами позволяет формировать стабильный доход в период экономического роста. Например, эффективность коммерческих операций по биржевым фьючерсам зависит от качества прогнозирования развития рыночной ситуации по базисному активу. Источником прибыли является изменение дифференциала цен при условии формирования на рынке ФИСС завышенной или заниженной стоимости контрактов. Источником убытков — денежные потери на одном из контрактов, входящих в стратегию. Целеполагание состоит в получении прибыли по биржевому ФИСС. При этом участник срочного рынка выбирает свою позицию (длинную или короткую), исходя из того, что будущая прибыль по основной сделке с ФИСС должна превышать убытки по операции с ФИСС, имеющей противоположные качественные характеристики, но составленной с аналогичным инструментом. В качестве бонуса хеджер (арбитражер) получает дополнительные

возможности по регулированию налогооблагаемой базы по налогу на прибыль [6, 15].

Важно отметить, что расширение использования деривативов возможно и целесообразно в деятельности преимущественно крупных и средних страховщиков, обладающих существенным запасом капитала (в связи с особенностями оценки и учета стоимости деривативов при расчете нормативного соотношения активов и обязательств). У лидеров страхового рынка отклонение фактической маржи платежеспособности от нормативной исчисляется миллиардами рублей, что свидетельствует об отсутствии сдерживающих факторов в использовании деривативов с позиции нормативных ограничений.

Выводы

Портфельный менеджмент страховых компаний на современном фондовом рынке можно определить как осуществление экономической деятельности страховщиков по управлению собственным капиталом и временно свободными денежными средствами страховых резервов с целью экономически эффективного инвестирования в ценные бумаги. Современные РСК, как правило, формируют консервативные типы портфелей ценных бумаг, в структуре которых преобладают долговые ценные бумаги. Резервы повышения эффективности портфельного менеджмента находятся в направлении использования активных стратегий управления смешанными типами фондовых портфелей, включающих в себя не только ценные бумаги, приносящие регулярные доходы в виде денежной ренты (долговые), но и ценные бумаги со сложными параметрами дохода, позволяющими хеджировать вложения в рискованные акции и получать стабильный арбитражный доход. Для РСК, специализирующихся на страховании жизни, оптимальной стратегией инвестирования может стать противопоставление опционов на акции и самих акций или облигаций различной срочности. Для РСК, не специализирующихся на страховании жизни, в рамках пассивных стратегий управления для повышения эффективности портфеля рекомендуется применять индексный метод, который позволяет ограничить размер финансового риска средней величиной текущих рыночных колебаний. Им следует создавать хорошо диверсифицированные портфели с заранее определенным уровнем риска, рассчитанным на длительную перспективу. Примером такой оптимизации является равномерное распределение инвестиций между выпусками различной срочности (метод «лестницы») [6].

Заключение

Таким образом, важным финансовым резервом роста инвестиционных доходов РСК является формирование и диверсификация фондовых портфелей при одновременном сокращении вложений в инструменты денежного рынка. Основным методом управления риском остается его хеджирование за счет диверсификации активов. Повышения эффективности портфеля можно добиться за счет включения в его состав связанных, смежных финансовых продуктов (деривативов). Рекомендации авторов могут быть применены в портфельном менеджменте крупных и средних страховщиков, обладающих существенным запасом собственного капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменений в Федеральный Закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты РФ : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 306-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565416482?marker>.

2. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. 2020. № 4. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27614/review_insure_19q4.pdf.
3. Доклад о денежно-кредитной политике. URL: http://www.cbr.ru/statichtml/file/104411/2020_01_ddcp.pdf.
4. Обзор ключевых показателей деятельности страховщиков. 2020. № 1. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27968/review_insure_20q1.pdf.
5. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции / Пер. с англ. М. : Инфра-М, 2018. 1028 с.
6. Довбенко М. В., Осик Ю. И. Современные экономические теории в трудах нобелиантов : учеб. пособие. М. : Академия естествознания, 2011. Разд. 4.7. Современная теория портфельных инвестиций. URL: <https://monographies.ru/en/book/view?id=129>.
7. Никулина Н. Н., Мамыкина Н. Н., Березина С. В. Основы моделирования и алгоритм построения оптимального инвестиционного портфеля страховой организации // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2016. № 1. С. 187—192.
8. Козлова О. Н., Калачева Е. А., Калачева И. В. Инвестиционная деятельность страховых организаций: возможности, перспективы и направления развития // Финансы и кредит. 2018. Т. 24. № 9. С. 2056—2074.
9. ООО «СК АЛЪЯНС»: бухгалтерская отчетность и финансовый анализ. URL: https://www.audit-it.ru/buh_otchet/6671101375_ooo-sk-alyans.
10. Группа «Альфа-Страхование». Консолидированная финансовая отчетность в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности и Аудиторское заключение независимого аудитора. URL: <https://www.alfastrah.ru/upload/iblock/0f7/0f747b83537ca02de7767e48301765c2.pdf>.
11. Финансовая отчетность ООО СК «Сбербанк страхование жизни». URL: <https://sber.insure/about/disclosure.php>.
12. ООО «Страховая компания Екатеринбург». Финансовая отчетность. URL: https://www.skel.ru/financial_reports/?special_version=Y.
13. Об отдельных требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков : положение Банка России от 10 янв. 2020 г. № 710-П (вступ. в силу с 01.07.2021 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/564189236>.
14. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (в ред., дейст. с 01.01.21 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018809>.
15. МосБиржа. Технологические решения. URL: <https://www.moex.com/s8>.

REFERENCES

1. *On Amendments to the Federal Law “On the Securities Market and Certain Legislative Acts of the Russian Federation”*. Federal law of 31.07.2020 No. 306-FZ. (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/565416482?marker>.
2. *Review of key performance indicators of insurers. 2020. No. 4.* (In Russ.) URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27614/review_insure_19q4.pdf.
3. *Monetary Policy Report.* (In Russ.) URL: http://www.cbr.ru/statichtml/file/104411/2020_01_ddcp.pdf.
4. *Review of key performance indicators of insurers. 2020. No. 1.* (In Russ.) URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/27968/review_insure_20q1.pdf.
5. Sharp W., Alexander G., Bailey J. *Investments*. Trans. from English. Moscow, Infra-M, 2018. 1028 p. (In Russ.)
6. Dovbenko M. V., Osik Yu. I. *Modern economic theories in the works of Nobelists. Textbook*. Moscow, Akademija Estestvoznaniya, 2011. Ch. 4.7. Modern Portfolio Investment Theory. (In Russ.) URL: <https://monographies.ru/en/book/view?id=129>.
7. Nikulina N. N., Mamykina N. N., Berezina S. V. Fundamentals of modeling and an algorithm for constructing an optimal investment portfolio of an insurance organization. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 1, pp. 187—192. (In Russ.)
8. Kozlova O. N., Kalacheva E. A., Kalacheva I. V. Investment activity of insurance organizations: opportunities, prospects and directions of development. *Finance and credit*, 2018, vol. 24, no. 9, pp. 2056—2074. (In Russ.)
9. *SK ALLIANCE LLC: accounting and financial analysis.* (In Russ.) <https://www.sogaz.ru/investor/finance>.
10. *Alfa Insurance Group. Consolidated Financial Statements in accordance with the International Financial Reporting Standards and the Independent Auditor’s Report.* (In Russ.) URL: <https://www.alfastrah.ru/upload/iblock/0f7/0f747b83537ca02de7767e48301765c2.pdf>.
11. *Financial Statements of SK Sberbank Life Insurance LLC.* (In Russ.) URL: <https://sber.insure/about/disclosure.php>.
12. *SK Yekaterinburg LLC. Financial statements.* (In Russ.) URL: https://www.skel.ru/financial_reports/?special_version=Y.
13. *On certain requirements for the financial stability and solvency of insurers. Regulation of the Bank of Russia of 10.01.2020 No. 710-P (in force from 01.07.2021).* (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/564189236>.
14. *On Securities Market. Federal Law of 22 Apr. 1996 No. 39-FZ (as amended on 01.01.21).* (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/9018809>.
15. *Mosbirzha. Technological solutions.* (In Russ.) URL: <https://www.moex.com/s8>.

Как цитировать статью: Прянишникова М. В., Сударикова И. А. Портфельный менеджмент страховых компаний на современном фондовом рынке // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 165—169. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.342.

For citation: Pryanishnikova M. V., Sudarikova I. A. Portfolio management of insurance companies in the modern stock market. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 165—169. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.342.

Korda Nadiya Ivanovna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economics,
Finance and Accounting,
Sevastopol Branch
of Plekhanov Russian University of Economics,
Russian Federation, Republic of Crimea, Sevastopol,
e-mail: korda.1960@mail.ru

Корда Надия Ивановна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономики, финансов и учета,
Севастопольский филиал
Российского экономического университета
имени Г. В. Плеханова,
Российская Федерация, Республика Крым, г. Севастополь,
e-mail: korda.1960@mail.ru

КОНЦЕПТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

THE CONCEPT OF ANTI-CORRUPTION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (03 — Региональная экономика)

08.00.05 — Economics and management of national economy (03 — Regional economics)

Статья посвящена проблемам противодействия коррупции на региональном уровне. Коррупция выступает одной из главных угроз национальной экономической безопасности. Антикоррупционная составляющая системы экономической безопасности Российской Федерации складывается из интегральной характеристики состояний экономической безопасности ее отдельных субъектов. Поэтому эффективность системы экономической безопасности каждого отдельно взятого региона с его характерными специфическими особенностями, сильными и слабыми сторонами определяет уровень национальной экономической безопасности.

В рамках исследования в методологическом формате были уточнены такие понятия и их экономико-семантическое наполнение, как «деятельность органов государственной (исполнительной) власти, связанная с экономической безопасностью и противодействием коррупции», и «обеспечение экономической безопасности». Обращено внимание на осмысление экономико-семантического значения базовых универсалий системы обеспечения экономической безопасности и антикоррупционного воздействия в контексте диалектики единичного, особенного и общего. Приводится характеристика основных экономических последствий «теневизации» экономики, анализируется специфика коррупционных процессов в Республике Крым, осмысливается развитие коррупционных явлений в регионе на основе экономического и социально-психологического подходов. Специфика политического, культурного, экономического положения региона, наличие стратегически важных объектов и его особенное территориальное устройство — приграничность, эксклаvnость — определяют своеобразие социально-экономического развития субъекта и системы обеспечения его экономической безопасности.

В настоящей статье представлен зарубежный и отечественный опыт противодействия коррупции и росту теневой экономики, концептуализируются антикоррупционные мероприятия в Республике Крым в соответствии с характером и степенью опасности коррупционных явлений, национальных и региональных особенностей социально-экономического развития региона в экономико-организационном формате.

The article is devoted to the problems of combating corruption at the regional level. Corruption is one of the main threats

to national economic security. The anti-corruption component of the economic security system of the Russian Federation consists of an integral characteristic of the states of economic security of its individual subjects. Therefore, the effectiveness of the economic security system of each individual region with its characteristic specific features, strengths and weaknesses determine the level of national economic security.

Within the framework of the study, such concepts and their economic and semantic content are clarified in a methodological format as “the activities of state (executive) authorities related to economic security and anti-corruption” and “ensuring economic security”. Attention is paid to the understanding of the economic and semantic meaning of the basic universals of the system of ensuring economic security and anti-corruption impact in the context of the dialectic of the individual, special and general. The characteristics of the main economic consequences of the “economy shadowing”, the specifics of corruption processes in the Republic of Crimea are given; the development of corruption phenomena in the region is comprehended on the basis of economic and socio-psychological approaches. The specifics of the political, cultural, and economic situation of the region, the presence of strategically important objects and its special territorial structure — borderline, exclave — determine the originality of the socio-economic development of the subject, the system of ensuring its economic security.

This article presents foreign and domestic experience in countering corruption and the growth of the shadow economy, conceptualizes anti-corruption measures in the Republic of Crimea in accordance with the nature and degree of danger of corruption phenomena, national and regional features of the socio-economic development of the region in an economic and organizational format.

Ключевые слова: система экономической безопасности, коррупция, деструктивные последствия коррупционной деятельности, потенциал противодействия коррупции, теневая экономика, «теневизация» российской экономики, региональная специфика коррупции, антикоррупционная политика, экономико-организационные направления и инструменты противодействия коррупции, презумпция коррупции.

Keywords: economic security system, corruption, destructive consequences of corruption activities, anti-corruption

potential, shadow economy, “shadowing” of the Russian economy, regional specificity of corruption, anti-corruption policy, economic and organizational directions and instruments of anti-corruption, presumption of corruption.

Введение

Система экономической безопасности Российской Федерации складывается из интегральной характеристики состояний экономической безопасности ее отдельных субъектов. Поэтому эффективность системы экономической безопасности каждого отдельно взятого региона с его характерными специфическими особенностями, сильными и слабыми сторонами напрямую влияет на общий результат.

Актуальность. Феномен коррупции как социально-экономического и правового явления определяется тем, что это одна из главных угроз национальной экономической безопасности. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. в качестве вызовов и угроз экономической безопасности определен «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере» [1]. Коррупция не существует как отдельное явление, а выступает в качестве катализатора других проблем в социально-экономической жизни Российской Федерации. Исследования, которые бы комплексно освещали обозначенные проблемы именно в такой плоскости, пока отсутствуют. Важность и актуальность рассматриваемых вопросов определяются еще и тем, что объектом исследования выступает исключительный регион России — Республика Крым.

Целесообразность. Проблемы анализа коррупции в контексте угрозы региональной экономической безопасности исследуются значительно меньше, чем, например, в формате национальной экономической безопасности; не рассматриваются методологические и методические аспекты противодействия коррупции и обеспечения экономической безопасности с учетом региональных особенностей.

Теоретико-методологическим аспектам коррупции посвящены исследования отечественных и зарубежных авторов: Вишневецкого К. В., Волкова Д. В., Журавлева А. Л., Игнатова А. Н., Ко Тек Хин, Корда Н. И., Кошкиной И. А. и др. В работах специалистов выявлены современные проблемы антикоррупционной составляющей в обеспечении экономической безопасности. Вместе с тем есть ряд направлений, требующих уточнения, концептуализации.

Цель исследования — выявить причины и специфику развития коррупционных явлений в Республике Крым, предложить организационно-экономические подходы, обеспечивающие эффективность антикоррупционных мероприятий. **Задачи:** исследовать методологические аспекты категориального аппарата по теме исследования, выделить региональные особенности коррупции и на основе успешного зарубежного и отечественного опыта противодействия коррупции предложить основные направления обеспечения экономической безопасности и ее антикоррупционной составляющей.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что представленные в нем положения уточняют методологию предмета исследования и его категориальный аппарат, помогают учитывать закономерности развития региональной экономики, коррупционных явлений в формировании эффективного механизма противодействия коррупции.

Научная новизна исследования — в определении специфики развития коррупционных явлений в Республике Крым, разработке основных направлений обеспечения экономической безопасности и ее антикоррупционной составляющей, рекомендациях по повышению эффективности антикоррупционных мероприятий.

Методологическую основу исследования составили методы теоретического исследования и обобщения, кабинетного исследования.

Основная часть

Согласно ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г № 273-ФЗ, коррупция — это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [2].

Говоря об экономических последствиях долгосрочной ориентации, стоит отметить рост масштабов теневой экономики; уменьшение доходной статьи государственного бюджета и ослабление финансовых рычагов регулирования рынка; нарушение баланса рыночной конкуренции и честного предпринимательства; коррупционную «наценку» на единицу готовой продукции; введение чрезмерных инструкций, выстраивание административных барьеров, затрудняющих открытую хозяйственную деятельность и освоение региона [3]. Негативное влияние теневой экономики, ее коррупционной составляющей проявляется также в перераспределении доходов общества в пользу относительно малочисленных привилегированных групп (бюрократов, мафии), уменьшающем благосостояние общества в целом; в деформации налоговой системы — неравномерности отраслевой налоговой нагрузки и сокращении расходов бюджета. Блокирующая функция теневой экономики проявляется в коррумпированности государственного аппарата, судебно-правовой системы, всесильной власти кланов в экономике региона, страны, тормозящих развитие конкурентных экономических процессов, и других негативных функциях теневой экономики [4].

Уровень коррупционной преступности в стране продолжает расти: так, по данным Генеральной прокуратуры РФ, «в прошлом году уровень составил 21,1 правонарушений на 100 тыс. населения, тогда как годом ранее он был 20,8 и в целом остается стабильным в последние годы» [5]. Ввиду многоаспектности негативного воздействия коррупции ее предупреждение и предотвращение возможно лишь в комплексном подходе, касающемся ключевых сфер распространения, — социальной, экономической и правовой.

Противодействие коррупции и экономическая безопасность — категории взаимосвязанные и взаимообусловленные: чем более эффективно решаются проблемы антикоррупционного развития региона, тем выше уровень его экономической безопасности, и наоборот: чем активнее и действеннее система региональной экономической безопасности, тем активнее противодействие коррупционным явлениям.

При исследовании основных направлений формирования и функционирования системы обеспечения экономической безопасности и противодействия коррупции важным является изучение смыслового значения ее базовых категорий. Семантика терминов «деятельность» и «обеспечение» по смыслу не синонимична. Понятие «деятельность» имеет *общую* характеристику действий субъектов власти — деятельность органов государственной (исполнительной) власти, связанная с экономической безопасностью. При этом категория «обеспечение» есть категория частная, *особенная* характеристика деятельности вообще как определенных действий, например по обеспечению экономической безопасности. *Единичным* проявлением деятельности выступает его антикоррупционная составляющая на региональном уровне. Предлагаемая позиция согласуется с мнением авторов, полагающих, что «общепринятая синонимизация слов „обеспечение“ и „деятельность“ не должна заслонять или упрощать понимание того, что обеспечение в обязательном порядке должно включать в себя два смысла — предмет деятельности и вид деятельности, в нашем случае в сфере экономической безопасности и противодействия коррупции» [6]. Исходя из этого, обеспечение экономической безопасности — это определенный вид деятельности государственных (исполнительных) органов власти, а также применяемых ими инструментов предупреждения и воздействия, в том числе и на коррупционные процессы.

Тревожной тенденцией последних лет является продолжающаяся «теневилизация» российской экономики и слабость системы государственного управления в противодействии коррупционным явлениям. «Недостаточная эффективность существующей системы управления проявляется в ограничении конкуренции в стране во всех сферах, включая политику, экономику, науку и развитие человеческого капитала. Эти тенденции приобретают еще больший кумулятивный эффект на региональном уровне» [7, с. 24].

В своих исследованиях А. Л. Журавлев и А. В. Юревич отметили, что «Россия вписывается в общемировые закономерности коррупции... Из сказанного следует, что пересмотр разрешительных и запретительных функций чиновников является неотъемлемым шагом формирования новой антикоррупционной политики» [8, с. 62].

Не акцентируя внимание на рассмотрении общих факторов воздействия коррупции, выделим особенности Республики Крым, причиной которых могут служить трансформационные процессы «переходного периода», обусловленные в том числе и геополитической ситуацией.

Не решенные до конца проблемы периода «перехода» Республики Крым в состав Российской Федерации создают условия, подобные периодам модернизации системы. Это отсутствие законодательного опыта и практики решения вопросов в рамках новой государственной системы, некая архаичность и консервативность взглядов на идентификацию гражданского положения в новом государстве, приводящая к ложным методам взаимодействия с государственными органами и хозяйствующими субъектами. Вместе с тем управленческие упущения и «замораживания» решений, законодательные пробелы и отсутствие прозрачных механизмов контроля и обзора за распределением бюджетных средств вносят свою лепту в упрочнение почвы для дальнейших коррупционных проявлений.

Граждане, проживающие на территории Крыма, сталкиваются с неким ощущением «экстремальности», обусловленным необходимостью принятия активного участия

в событиях, сменивших прежний образ гражданского восприятия. Следствием подобного ощущения могут быть:

- рост числа негативно настроенных граждан, которые потеряли работу или были лишены части услуг по причине миграции на полуостров граждан «материковой России» и Восточной Украины;

- изменения нормативно-правовых условий гражданской жизни для людей, которые еще не успели в полной мере осознать реалии новой гражданской идентификации, а потому действуют преимущественно по прежним шаблонам [9].

Зачастую закономерным следствием является решение граждан о применении коррупции в целях решения индивидуальных и корпоративных целей, как в лице населения, так и в лице представителей власти. Антикоррупционный подход и с экономической, и с социальной, и с правовой точки зрения должен учитывать необходимость обеспечения поступательного «обучения» и «освоения» новыми гражданами реалий российского государства.

Следующей особенностью региона является большая доля федеральных бюджетных ассигнований в доходах местного бюджета. Как верно отметил в своих трудах А. Н. Игнатов, «помимо неполной правовой „урегулированности“ ряда аспектов новых экономических отношений, возникает угроза „разворовывания“ вышеуказанных средств лицами, осуществляющими распределение и исполнение выделенных субсидий, дотаций, инвестиций и т. д.; возникают потенциальные возможности крупномасштабного злоупотребления полномочиями в экономической, политической и социальной сферах; экономика региона все в большей степени начинает переходить „в тень“, понижая инвестиционную привлекательность субъекта» [10, с. 45—46].

В связи с необходимостью выработки эффективного механизма противодействия коррупции на региональном и национальном уровне обратимся к опыту экономически развитых стран мира.

Примечателен опыт Сингапура, где функционирует особый государственный орган — бюро по расследованию коррупционной деятельности, специализирующееся на расследовании преступлений как в государственном, так и в частном секторе, что имеет стратегическую важность для устойчивого экономического развития Сингапура. В стране существует правило «презумпция коррупции»: служащий обязан в случае обвинения его в противоправных действиях доказать иное [11]. В число эффективных мер Сингапура стоит внести также следующее: совершенствование взаимодействия граждан и государственных организаций (исключение проволочек); введение ротации чиновников (во избежание формирования устойчивых коррупционных связей); реализация прозрачности контроля нижестоящих госслужащих вышестоящими; обеспечение режима полной конфиденциальности и др. [12].

Нидерланды в антикоррупционном механизме реализовали следующие меры: систему мониторинга возможных точек образования коррупционных процессов, строгий контроль над лицами, находящимися в данных точках; систему индивидуальных материальных поощрений плодотворных трудов госслужащих; строгое наказание за коррупцию в виде пожизненного запрета на работу в государственных структурах и лишения всех социальных льгот и благ [13].

В Южной Корее существует закон, в соответствии с которым право начинать расследование о коррупции

фактически доступно каждому совершеннолетнему гражданину страны: комитет по аудиту и инспекции обязан начать расследование обвинений по любому заявлению [13].

Ульяновская область Российской Федерации имеет один из самых низких уровней коррупции по стране, опыт борьбы с которой берет свое начало в 2007 г., когда был создан региональный координационный совет по реализации антикоррупционной политики, а в 2009 г. Законодательное собрание субъекта учредило государственную должность — уполномоченный по противодействию коррупции в Ульяновской области. Структура противодействия коррупции была сформирована в каждом исполнительном органе государственной власти и местного самоуправления в 361 населенном пункте области, позволив ввести антикоррупционную профилактику в число обязательных действий [14].

При формировании системы противодействия коррупционным явлениям следует учитывать, что ее инструменты должны применяться органами государственной власти в соответствии с характером и степенью опасности коррупционных явлений, национальных и региональных особенностей социально-экономического развития.

В соответствии с этим определим ключевые экономико-организационные направления в Республике Крым.

Организовать изучение законов РФ по борьбе с коррупцией, а именно Федерального закона № 273-ФЗ, где определено понятие противодействия коррупции как деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

- по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции;
- по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений;
- по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года от 13.05.2017 г. № 208. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>.
2. О противодействии коррупции : федер. закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959.
3. Кошкина И. А., Чибугаева С. Г., Сарварова Р. Р. Влияние коррупции на экономическую безопасность // Молодой ученый. 2016. № 1(105). С. 387—389.
4. Экономическая безопасность современной России: аспекты и приоритеты развития на региональном уровне / С. В. Бакулина, С. В. Шайкина, Н. И. Корда, А. В. Белоусов // Экономическая безопасность России в условиях макроэкономической нестабильности : материалы межвуз. круглого стола, 2016. С. 43—49.
5. Генпрокуратура назвала самые коррупционные регионы в России. URL: <https://ria.ru/20200618/1573095348.html>.
6. Пролетенкова С. Е., Быков Б. А. Роль и место органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1-4). № 2. С. 206—212.
7. Корда Н. И. Проблемы управления региональными инвестициями на программно-целевой основе // Инновации и инвестиции. 2014. № 12. С. 22—24.
8. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Психологические факторы коррупции // Психология в экономике и управлении. 2012. № 1. С. 57—66.
9. Вишневецкий К. В., Волков Д. В. Современные причины и условия коррупции в Крыму // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 93.
10. Игнатов А. Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 13 марта 2015 г. / Под общ. ред. С. А. Буткевича. Симферополь : ДИАИПИ, 2015. С. 43—48.

Выделить основные направления:

1. Сокращение бюрократических барьеров во взаимодействии граждан и государственных структур; реализация прозрачности процедур принятия решений о предоставлении преференций и льгот экономическим субъектам.
2. Презумпция виновности чиновника в коррупции и открытое представление имущественной декларации; ужесточение наказаний за особо крупные коррупционные преступления при сопутствующем понижении минимального уровня «особо крупный»; разработка новой системы оплаты труда госслужащих, базирующейся не на фиксированном окладе, а на индивидуальном вознаграждении в зависимости от трудового вклада и пользы, принесенной государству [15].
3. Сокращение дискреционных полномочий должностных лиц, осуществляющих сертификацию, регистрацию, лицензирование, аккредитацию, разрешительную, запретительную и иную деятельность от имени государства в сфере экономики.
4. Направление дополнительно собранных бюджетных средств не в стабилизационный фонд, а на финансирование программ роста спроса бюджетников, оборонной, научной отрасли.
5. Увеличение уровня ежемесячных расходов, приходящихся на одного жителя региона на потребительском рынке, и другие мероприятия.

Выводы, заключение

В исследовании предложены методологические аспекты основных дефиниций в системе универсалий, необходимых при анализе проблематики деятельности государственных органов власти по обеспечению экономической безопасности и ее антикоррупционной составляющей. Определены региональная специфика развития коррупционных процессов, на основе позитивного зарубежного и отечественного опыта реализации механизма противодействия коррупции предложены основные меры антикоррупционного воздействия.

11. Koh Teck Hin. Corruption control in Singapore. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No83/No83_17VE_Koh1.pdf.
12. Красноусов С. Д. Иностранное законодательство в сфере противодействия коррупции в частном секторе // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 4. С. 69—72. DOI: 10.24158/pep.2019.4.11.
13. Филатова В. В. Международные стандарты по противодействию коррупции // Право и современные государства. 2015. № 3. С. 55—59.
14. Опыт Ульяновской области по борьбе с коррупцией признан уникальным на федеральном уровне. URL: <http://ulyanovsk-news.net/politics/2014/11/21/32461.html>.
15. Юхачев С. П. Экономический инструментарий борьбы с коррупцией // Вестник Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 2(26). С. 86—89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-instrumentariy-borby-s-korrupsiyey>.

REFERENCES

1. *Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the period up to 2030 No. 208 dated 13.05.2017.* (In Russ.) URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf>.
2. *On Combating Corruption. Federal Law No. 273-FZ of 25.12.2008.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959.
3. Koshkina I. A., Chibugaeva S. G., Sarvarova R. R. Influence of corruption on economic security. *Young scientist*, 2016, no. 1(105), pp. 387—389. (In Russ.)
4. Bakulina S. V., Shaikina S. V., Korda N. I., Belousov A. V. Economic security of modern Russia: aspects and priorities of development at the regional level. In: *Russia's economic security in the context of macroeconomic instability. Materials of the interuniversity round table*, 2016. Pp. 43—49. (In Russ.)
5. *The Prosecutor General's Office named the most corrupt regions in Russia.* (In Russ.) URL: <https://ria.ru/20200618/1573095348.html>.
6. Proletenkova S. E., Bykov B. A. The role and place of internal affairs bodies in the system of ensuring economic security. *Man: crime and punishment*, 2018, vol. 26(1-4), no. 2, pp. 206—212. (In Russ.)
7. Korda N. I. Problems of regional investment management on a program-target basis. *Innovations and investments*, 2014, no. 12, pp. 22—24. (In Russ.)
8. Zhuravlev A. L., Yurevich A. In Psychological factors of corruption. *Psychology in economics and management*, 2012, no. 1, pp. 57—66. (In Russ.)
9. Vishnevetsky K. V., Volkov D. V. Modern causes and conditions of corruption in the Crimea. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 2017, no. 1, p. 93. (In Russ.)
10. Ignatov A. N. Modern threats to criminological security of the Republic of Crimea. In: *Problems of the transition period: adaptation of normative legal acts of the Crimean Federal District to the legislation of the Russian Federation. Materials of the All-Russ. sci. and pract. conf., March 13, 2015.* Under the general ed. of S. A. Butkevich. Simferopol, DIAPI, 2015. Pp. 43—48. (In Russ.)
11. Koh Teck Hin. *Corruption control in Singapore.* URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No83/No83_17VE_Koh1.pdf.
12. Krasnousov S. D. Foreign legislation in the field of combating corruption in the private sector. *Society: politics, economics, law*, 2019, no. 4, pp. 69—72. (In Russ.) DOI: 10.24158/pep.2019.4.11.
13. Filatova V. V. International standards for combating corruption. *Law and modern States*, 2015, no. 3, pp. 55—59. (In Russ.)
14. *The experience of the Ulyanovsk region in combating corruption is recognized as unique at the federal level.* (In Russ.) URL: <http://ulyanovsk-news.net/politics/2014/11/21/32461.html>.
15. Yukhachev S. P. Economic tools for combating corruption. *Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University*, 2009, no. 2(26), pp. 86—89. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskii-instrumentariy-borby-s-korrupsiyey>.

Как цитировать статью: Корда Н. И. Концепт противодействия коррупции в Республике Крым // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 170—174. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.348.

For citation: Korda N. I. The concept of anti-corruption in the Republic of Crimea. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 170—174. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.348.

УДК 338.242
ББК 65.05

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.331

Krasnyanskaya Olga Vladimirovna,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Senior Lecturer of the Department
of Modern Management Technologies,
MIREA — Russian Technological University,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: kep2006@mail.ru

Краснянская Ольга Владимировна,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры
современных технологий управления,
МИРЭА — Российский технологический университет,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: kep2006@mail.ru

МЕТОДЫ ИНЖИНИРИНГА В ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ENGINEERING METHODS IN THE ORGANIZATION OF THE SYSTEM OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF INDUSTRY

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством (2. Управление инновациями)

08.00.05 — Economics and management of national economy (2. Innovation management)

В статье раскрываются возможности применения методов инжиниринга при решении современных задач организации научно-технологического развития промышленности. Анализ тенденций организации развития науки и техники в российской промышленности выявил существенное противоречие между целями и задачами академической и отраслевой науки с позиции формирования основы для инноваций. Если в первом случае исследования и разработки нацелены на получение новых знаний, в принципе не претендующих на освоение в практической деятельности и имеющих самостоятельную ценность для общественного прогресса, то задачи отраслевой науки ориентированы на поиск ответов о наилучших способах удовлетворения общественных потребностей в продукции промышленного производства. Понимание подобной дихотомии процесса научно-технической деятельности дает основание предложить концепцию организации встречного потока спроса на результаты НИОКР, в основу которой положен исследовательский цикл отраслевой науки при одновременной концентрации участия академических институтов на решении задач, выдвигаемых перед ними участниками рынка научно-технической продукции уровня основного звена с учетом приоритета задач, генерируемых заводской наукой. Реализация подобной «индустриальной» модели организации научно-технологического развития в промышленности с широким применением принципов и методов промышленного инжиниринга позволяет решить основные проблемы, препятствующие инновационной деятельности, а также снизить остроту негативных обстоятельств, дестабилизирующих ее поступательное развитие. В основу рекомендаций исследования положены принципы и методы промышленного инжиниринга, позволяющие реализовать современные требования к результатам научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, которые вытекают из ценностного подхода к пониманию потребностей их заказчиков.

The article reveals the possibilities of using engineering methods in solving modern problems of organizing the scientific and technological development of industry. An analysis of trends in the organization of the development of science and technology in the Russian industry revealed a significant contradiction between the goals and objectives of academic and sectoral science from the point of view of forming the basis for innovation.

If, in the first case, research and development is aimed at obtaining new knowledge that, in principle, does not claim to be mastered in practical activities and has independent value for social progress, then the tasks of sectoral science are focused on finding answers about the best ways to meet the social needs of industrial products. Understanding such a dichotomy of the process of scientific and technical activity provides the basis for proposing a concept of organizing a counter-flow of demand for R & D results, which is based on the research cycle of branch science while simultaneously concentrating the participation of academic institutions on solving the problems put forward by participants in the market for scientific and technical products at the level of the main link, taking into account the priority of tasks generated by factory science. The implementation of such an “industrial” model of organizing scientific and technological development in industry with the wide application of the principles and methods of industrial engineering allows us to solve the main problems that impede innovation, as well as reduce the severity of negative circumstances that destabilize its progressive development. The research recommendations are based on the principles and methods of industrial engineering, which make it possible to realize modern requirements for the results of research and development work, which stem from a value approach to understanding the needs of their customers.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие, заводская наука, промышленность, инжиниринг, принципы, методы, создание и доставка ценности, организация, потребитель, диффузия, инновации.

Keywords: scientific and technological development, factory science, industry, engineering, principles, methods, creation and delivery of value, organization, consumer, diffusion, innovation.

Введение

Актуальность. Сравнительный анализ практики организации научно-технологического развития в зарубежных странах [1, 2] и в России свидетельствует о наличии принципиального отличия в методах формирования спроса на инновационную продукцию. Если за рубежом основной массив НИОКР выполняется по заказу корпоративного сектора, тем самым обеспечивая беспрепятственное прохождение инновационного цикла от науки к производству,

то в России тематика исследований и разработок преимущественно формируется на уровне федеральных органов исполнительной власти и затем их результаты предлагаются промышленности для освоения. При этом, по имеющимся оценкам, 70...80 % исследований и разработок финансируются за счет средств федерального и региональных бюджетов [3]. Сохранение подобного подхода к организации спроса на результаты исследований и разработок является одной из ключевых причин низкой инновационной активности предприятий промышленности, которые оказываются исключенными из процесса определения номенклатуры, параметров и объемов новой техники, технологий, организационных и маркетинговых решений. В этой связи исследование, связанное с поиском путей изменения статуса промышленного предприятия в системе организации научно-технологического развития и методов его реализации, представляется актуальным.

Изученность проблемы. Основной массив научной литературы по проблематике исследования не подвергает сомнению ту систему организации научно-технологического развития, которая сложилась еще во времена СССР и в несколько видоизмененном виде сохраняется до настоящего времени. В этих работах рассматриваются проблемы формирования национальной инновационной системы [4], различные способы преодоления препятствий ускоренному инновационному развитию [5], вопросы стимулирования создания новаций [6]. При этом о необходимости принципиального пересмотра порядка создания и освоения новой техники путем формирования спроса на нее на уровне производителя, непосредственно контактирующего с потребителем, пишет не так много авторов. Среди них можно назвать Е. Н. Кузнецова [7], И. Э. Фролова [8] и О. Б. Кошовец [9]. Тем более мало кто из исследователей задумывается о методах взаимодействия научных организаций и предприятий в рамках этой системы.

Целесообразность разработки темы продиктована безусловной необходимостью поиска современных методических решений по организации научно-технологического развития на принципах, принятых в инновационно развитых странах, включая развитие практики инжиниринга как универсального инструмента решения сложных многопозиционных задач, которые характерны для данной сферы деятельности.

Научная новизна исследования заключается в раскрытии методов организации системы научно-технологического развития промышленности, предусматривающей примат производственных предприятий в определении направлений исследований и разработок новой техники, технологий, маркетинговых и организационных решений на основе принципов промышленного инжиниринга.

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть возможности применения методов инжиниринга при решении современных задач организации научно-технологического развития промышленности.

Теоретическая и практическая значимость. Использование научно-методического аппарата инжиниринга в теоретическом обосновании и практической реализации рекомендаций по организации научно-технологического развития промышленности до настоящего времени не рассматривалось в научной литературе, что определяет теоретическую и практическую значимость статьи.

Основная часть

Методология. В ходе проведения исследования использован методический аппарат, базирующийся на принципах и методах промышленного инжиниринга, применение которых целесообразно при решении вопросов организации системы научно-технологического развития, удовлетворяющей современным требованиям. В частности, это принципы: максимально полного решения проблемы заказчика за счет построения гибкой производственной системы (в отличие от традиционной задачи выпустить продукт); сохранение ключевых компетенций в области своей специализации за инжиниринговой компанией; состязательный отбор наиболее квалифицированных партнеров, работающих в минимальном ценовом диапазоне; обеспечение качества услуг, оказываемых партнерами, не связанными между собой отношениями административного подчинения; сокращение затрат на решение проблемы заказчика по сравнению с самостоятельной реализацией проекта [10, с. 77].

Результаты. С освоением производства нового продукта инновационный воспроизводственный цикл, под которым понимается непрерывный постоянно возобновляющийся процесс создания, внедрения, производства и распространения (диффузии) новаций в промышленности, не заканчивается. Согласно современным представлениям, роль предприятия как инициатора и поставщика инноваций на рынок не ограничивается только выпуском новой продукции. Потребитель ожидает от него комплексного решения своей проблемы, а значит, и оказания услуг на таких стадиях жизненного цикла продукта, как гарантийное и послегарантийное сервисное обслуживание в процессе его эксплуатации, утилизация продукта, исчерпавшего свой ресурс, а также замена на новый с аналогичными или превосходящими прошлый уровень потребительскими свойствами.

Как отмечает О. И. Юдин, современный маркетинг выделяет «три направления развития, которые будут способствовать удержанию компаниями своих рыночных позиций: 1. Предлагать потребителю не продукт, а потребительскую ценность, в которой продукт является лишь одним и часто не самым важным элементом. Так, помимо продукта, многие потребители ценят сервис, бренд, отношения, впечатления (потребительский опыт) и тому подобное. Фактически речь идет о реализации ценностного подхода к формированию идеи рыночного предложения поставщика. 2. Реализация клиентоориентированного подхода как важнейшего фактора, обеспечивающего долгосрочную устойчивость компании в высоко конкурентной рыночной среде. 3. Вовлечение в процесс разработки и реализации потребительской ценности партнеров, обладающих уникальными конкурентными преимуществами, и создание цепочки ценности, в которой каждый процесс реализуется наиболее компетентным партнером. Это позволяет создавать максимально привлекательную для потребителя ценность» [11].

С точки зрения технологии организации решения этих задач рассмотрим особенности применения методов промышленного инжиниринга, которые позволяют реализовать данные идеи, учитывая, что в этой работе ведущая роль принадлежит подразделениям заводской науки, выступающим в качестве инжинирингового центра предприятия. Тем не менее нужно заметить, что данное мнение пока не особо разделяется на уровне государственного управления научно-технологическим развитием. Например, в постановлении Правительства РФ от 01.08.2020 г. № 1156

в числе хозяйствующих структур, на базе которых приветствуется создание инжиниринговых центров, указаны только вузы и научные организации [12].

На практике понятие инжиниринга наиболее широко распространено применительно к комплексу работ, связанных со строительством какого-либо объекта, вводом в эксплуатацию сложного высокотехнологичного оборудования и другими вопросами инвестиционного характера. Вместе с тем успешность применяемых в рамках этой технологии методов способствовала распространению инжиниринга и за пределы строительной сферы. В зависимости от объекта применения различают такие его подвиды, как экологический, производственный, социальный инжиниринг, инжиниринг бизнес-процессов, инжиниринг инноваций и т. д. Как отмечает С. Зайцев, «рынок инжиниринговых услуг в развитых странах сформировался и функционирует как самостоятельная отрасль. В США, по данным различных источников, работают более 25 000 подобных организаций различного профиля и масштаба деятельности, оборот рынка промышленного инжиниринга достигает 47 млрд долларов, или 1 % от ВВП. В целом мировой рынок инжиниринговых услуг оценивается экспертами в объеме до 750 млрд долларов в год» [13]. Учитывая широту распространения данной практики, ГОСТ Р ИСО 15704-2008 с целью не ограничивать рамки ее использования предлагает понимать под инжинирингом «дисциплину, применяемую для выполнения любых работ по созданию, изменению или реорганизации предприятия» [14, п. 3.7].

Несмотря на многообразие областей применения инжиниринга, существует несколько особенностей данного вида

деятельности, позволяющих квалифицировать его в качестве универсальной технологии решения сложных задач создания, организации и оптимизации производственного и иных видов бизнеса.

Во-первых, основной акцент при инжиниринге делается на организацию решения поставленной задачи сторонними компетентными участниками в противоположность традиционному производству, которое концентрируется на получении результата собственными силами.

Во-вторых, инжиниринговые компании не стеснены рамками имеющегося производственного аппарата и компетенций, привлекая к работе те разнообразные структуры из самых различных сфер деятельности, участие которых необходимо в проекте.

В-третьих, услуги инжиниринга обеспечивают максимально полный охват стадий жизненного цикла реализуемого проекта, как правило обеспечивая решение проблемы заказчика «под ключ».

В-четвертых, как это становится понятным из приведенного перечня особенностей данного бизнеса, работа инжиниринговых компаний строится на проектной основе [15—18], что на сегодня признается наиболее совершенным способом решения сложных комплексных производственных, инновационных и инвестиционных задач (рис. 1). При этом, несмотря на участие в проекте самостоятельных юридических лиц, которые по мере необходимости привлекаются к работе, и возникающее за счет этого кажущееся удорожание совокупного результата, общая стоимость услуг инжиниринговой компании в силу рыночной специфики данного бизнеса оказывается ниже, нежели самостоятельная реализация аналогичного проекта заказчиком.

Рис. 1. Современные принципы управления проектом [19]

Согласно Государственной информационной системе промышленности Минпромторга России, структуру хозяйствующих субъектов, в учредительных документах которых заявлен класс ОКВЭД 71 — «Деятельность в области архитектуры и инженерно-технического проектирования; технических испытаний, исследований и анализа», включающий в себя инжиниринговые услуги, можно представить в виде диаграммы (рис. 2).

Анализ исходных данных, на основе которых построена диаграмма, позволяет сделать следующие основные выводы, полезные для целей настоящего исследования. Так, 23 % из 1866 предприятий и организаций, заявивших о том, что в числе видов своей деятельности они реализуют функцию инжи-

ринга, действительно в той или иной мере представляют себе содержание этого бизнеса и с его помощью или осуществляют продвижение своей продукции на рынок (предприятия, ГНЦ, НИО и институты РАН, вузы и созданные на их базе инжиниринговые центры), или оказывают полноценный комплекс инжиниринговых услуг, ориентируясь на отрасль, вид технологии (оборудования) или регион (инжиниринговые компании и региональные центры инжиниринга).

Однако основная масса потенциальных участников данного рынка (77 %), интуитивно понимая преимущества инжиниринга в качестве специального организационного инструмента продвижения продукции или самостоятельного бизнеса, практически бездействует. Причем эта группа

представлена субъектами всех отраслей промышленности и других сфер деятельности, всех возможных организационно-правовых форм и видов бизнеса (промышленные предприятия, НИИ, КБ, проектные организации, фонды, исправительные учреждения и др.). Причин этому может быть множество: начиная от отсутствия необходимых компетенций и заканчивая дефицитом ресурсов для организации данного сложного вида деятельности. Вместе с тем, как

представляется, в условиях существующей организации системы научно-технологического развития большинство потенциальных участников рынка инжиниринговых услуг в принципе не располагают методической основой для реализации этой целесообразной функции. В целях компенсации данной проблемы обозначим некоторые принципиальные положения, способные заполнить вакуум рекомендаций в этом отношении.

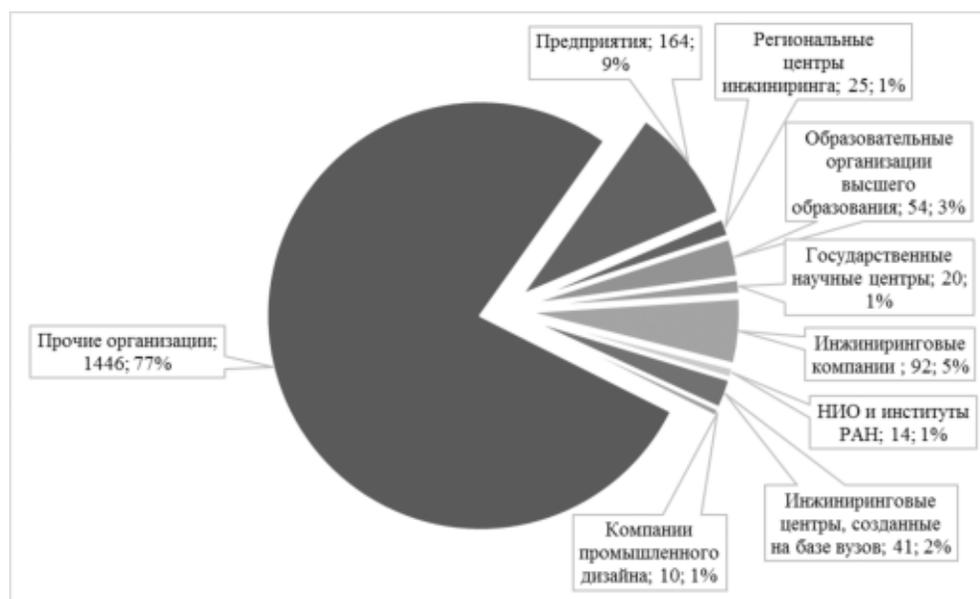

Рис. 2. Структура организаций, оказывающих инжиниринговые услуги в промышленности, единиц, % [20]

Согласно концепции настоящего исследования, промышленные предприятия в лице групп внедрения (подразделений заводской науки) на этапе создания и освоения новой техники, технологии, организационных и маркетинговых решений выступают в роли инициатора спроса на новации и основного действующего лица, осуществляющего их приемку и превращение в инновации для данного конкретного предприятия. Однако это только начало инновационного воспроизводственного цикла. В его продолжение и развитие должны быть решены еще две задачи, для того чтобы инновационный процесс стал определяющим в деятельности промышленных предприятий и обеспечил их конкурентоспособность и устойчивость.

Первая задача заключается в необходимости обеспечить сопровождение нового продукта у конечного потребителя, что должно гарантировать ему полноценное восприятие потребительской ценности, на получение которой он рассчитывает в соответствии с современными представлениями о роли фирмы на рынке. И вторая — осуществить диффузию инноваций — их распространение на возможно более широкий круг партнеров предприятия, которое выступало заказчиком создания новшества, и далее — на конечных пользователей.

Если решение первой задачи достаточно очевидно, то диффузия инноваций в рыночных условиях ставит ряд вопросов коммерческого порядка. В случае разработки новой техники и технологии по госзаказу на средства государственного или регионального бюджета сложностей не возникает. В государственном контракте на эту разработку должны быть предусмотрены условия и адресаты распространения (передачи) лицензий на продукт, технологию, организационное или маркетинговое решение конкретному

кругу пользователей. Тем самым обеспечивается диффузия инноваций. Учитывая преобладающую долю государственного финансирования НИОКР в нашей стране, подобная практика будет иметь наиболее широкое распространение. В первую очередь это касается новаций в оборонной продукции, а также продукции социального и медицинского назначения. В случае же если разработка была реализована за счет собственных средств предприятия или иных частных источников финансирования, проблема также решается, но уже с использованием механизмов франчайзинга, контрактного производства, собственной торговой марки (СТМ) и/или корпоративного строительства. Применение этих механизмов позволяет расширить распространение новаций с соблюдением коммерческих интересов их правообладателя.

Согласно сложившейся практике при отношениях производственного (промышленного) франчайзинга франчайзи получает право на производство и реализацию продукции под фирменным знаком (брендом) франчайзера, технологию ее изготовления и, при необходимости, ключевое сырье. Передаваемые последним регламент организации деятельности и правила построения фирменного стиля (бренд-бук) содержат требования к технологии производства, объему и качеству продукции, квалификации персонала, рекламе [21]. В рассматриваемом нами случае ценность продукта, производство которого может быть передано франчайзи, состоит в его принципиальной новизне и потенциале роста рынка нового, пока отсутствующего на нем товара. В качестве компенсации франчайзер получает роялти.

Диффузия инноваций путем передачи прав и технологии изготовления изделия партнерам на основании договора

о контрактном производстве также является эффективным способом масштабирования новой техники и технологий, в частности широко применяемым в отечественной радиоэлектронике. В данном случае контрактному производителю передаются права и риски на изготовление продукта, однако его реализация, как правило, осуществляется через торговую сеть, контролируемую инициатором контрактных отношений, что гарантирует соблюдение его бизнес-интересов. Данному способу взаимоотношений также близок метод производства продукта под собственной торговой маркой.

Учитывая достаточно высокую степень монополизации в отечественной промышленности и высокие барьеры выхода на рынок, популярным способом поддержки и развития бизнеса является вхождение рядовых предприятий в состав авторитетных отраслевых холдингов и корпораций на условиях полной или частичной утраты хозяйственной самостоятельности через продажу (или уступку иным способом) контрольного пакета акций. При этом освоение производства новой техники, технологий и иной продукции, разработанной по заказу или силами головной компании, органично происходит на ее дочерних предприятиях при сохранении контроля холдинга или корпорации над финансовыми потоками. Выдающиеся результаты демонстрирует в этой части ПАО «Группа Черкизов», с одной стороны, за период с начала реформ по настоящее время путем слияний и поглощений превратившееся из отдельного мясоперерабатывающего предприятия в один из крупнейших в стране агропромышленных холдингов, а с другой, — постоянно обновляющее ассортимент выпускаемой продукции, применяемые технологии, производственный аппарат и совершенствующие методы ведения бизнеса на всех своих дочерних и зависимых обществах [22].

И задача сопровождения нового продукта у конечного потребителя, и диффузия инноваций требуют для своей реализации применения методов инжиниринга, которые, как показано выше, в значительной мере отличны от методов осуществления традиционной производственной деятельности. Рассмотрим эти методы применительно к решению указанных задач.

Для того чтобы обеспечить сопровождение нового продукта у конечного потребителя, предприятию-изготовителю необходимо располагать следующими основными компетенциями. Во-первых, физически иметь несколько или сеть собственных сервисных подразделений (филиалов) или подконтрольных ему специализированных организаций, которые будут обеспечивать послепродажное обслуживание поставленной потребителю техники (пуско-наладочные работы, периодическое техническое обслуживание, текущий и капитальный ремонт, обновление программного обеспечения, а также утилизация и замена техники, выработавшей свой ресурс). Во-вторых, осуществлять периодическое обновление базы знаний и регламентов этих сервисных служб в соответствии с изменением собственных методов работы и модернизацией изделий. В-третьих, обеспечивать снабжение сервиса запасными частями и агрегатами для замены выбывающих из строя элементов техники. В-четвертых, вести контроль и учет статистики отказов в целях совершенствования конструкции изделий, а также изменения пользовательских предпочтений в рамках автоматизированной системы организации взаимоотношений с клиентами (англ. *Customer Relationship Management* (CRM)). В-пятых, готовить персонал

сервисных служб и организаций, раскрывая перед ним содержание и особенности конструкции, а также технологию обслуживания и ремонта новой техники.

В зависимости от вида поставляемой техники в задачи сервиса может также входить оказание логистических услуг, услуг по обучению персонала самого потребителя, финансовому сопровождению сделок купли-продажи (кредит, лизинг, страхование); получению необходимых согласований в разрешительных органах; выполнению строительно-монтажных работ и других услуг, явно выходящих за пределы традиционной специализации предприятия. Вместе с тем сегодня игнорировать контроль этих видов работ невозможно, не рискуя потерять занимаемую компанией долю рынка. Как становится очевидным, выполнение достаточно творческой и многодельной функции сопровождения нового продукта у потребителя требует вовлечения в этот процесс разнопрофильных участников, концентрация которых в рамках штатной структуры промышленного предприятия или невозможна (за исключением, например, промышленных гигантов типа АО «Концерн „Уралвагонзавод“» и ОК «Русал»), или нецелесообразна по экономическим соображениям. В таких условиях как раз и оказывается востребованным механизм инжиниринга как инструмента объединения усилий различных специализированных компаний для решения сложных производственных задач.

Учитывая достаточно высокий уровень наукоемкости данного вида деятельности, возложение этой функции на подразделение заводской науки в качестве инжинирингового центра предприятия выглядит естественным и оправданным. Принципиальную схему его работы можно представить в виде графа, приведенного на рис. 3.

Реализация рекомендованной схемы позволяет замкнуть воспроизводственный инновационный цикл, обеспечив его полноту и завершенность за счет решения главной задачи построения бизнес-модели современного промышленного предприятия — определения методов, состава, путей и средств создания и доставки ценности потребителю [23, 24].

Тем самым решается и более глобальная задача придания нового качества роста отечественной экономике на основе интенсификации инновационного развития промышленности (рис. 4).

Под диффузией инноваций в общем случае понимается распространение новых продуктов, технологий, организационных и маркетинговых решений. Э. М. Роджерс, наиболее известный исследователь данного процесса, в своей книге с одноименным названием акцентирует внимание на основных факторах, определяющих скорость распространения новых идей, среди которых он выделяет: относительную выгоду, совместимость, сложность восприятия, возможность пробной проверки и заметность инновации.

Этому же автору принадлежит и наиболее широко признаваемое определение данного термина: «диффузия инновации есть процесс, посредством которого инновация проходит по коммуникационным каналам во времени и в пространстве среди участников социальной системы» [26]. Вместе с тем в его исследованиях преимущественно речь идет о поведенческих аспектах психологии человека при восприятии инноваций, о существовании и пропорциях различных групп потребителей, скорости освоения новшеств и т. д. (рис. 5).

Рис. 3. Принципиальная схема работы инженерингового центра предприятия при выполнении функций сопровождения новой продукции у потребителя

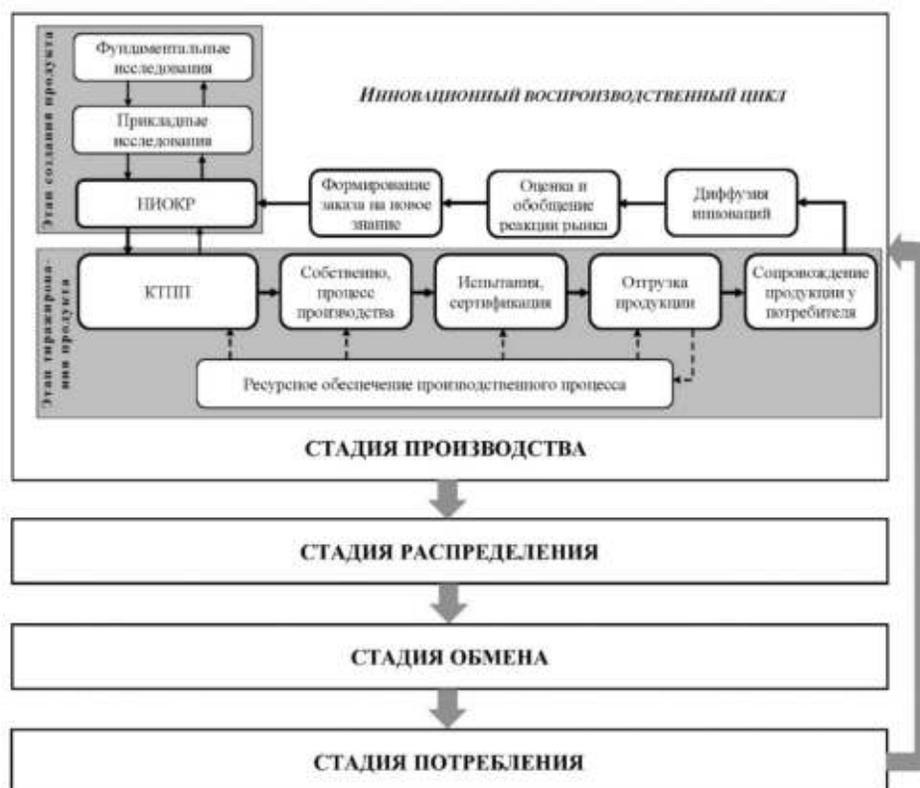

Рис. 4. Схема воспроизводственного цикла в промышленности (составлена по материалам [25])

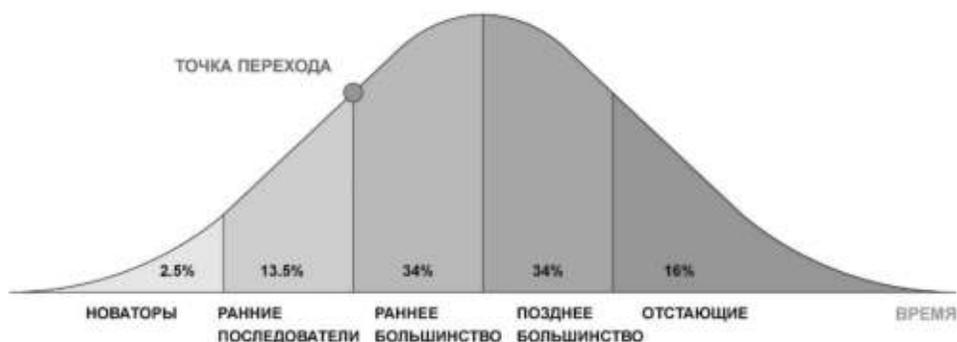

Рис. 5. Эмпирическое распределение потребителей инноваций на рынке ТНП [26]

Результаты исследований потребительского аспекта диффузии инноваций дают в руки маркетологов ряд действенных инструментов, позволяющих им оптимизировать инновационную политику предприятий. В то же время в настоящем исследовании под диффузией инноваций понимается несколько иной процесс, а именно распространение новой техники, технологий, организационных и маркетинговых решений внутри самой отрасли промышленности.

В этом случае потребителями распространяемых новаций выступают не конечные пользователи, а промышленные предприятия, осваивающие новые для них продукты и решения для последующего внутреннего использования (технологии, организационные и маркетинговые решения)

или воспроизведения собственными силами и реализации конечным пользователям (промышленная продукция конечного потребления). Рассмотренные выше механизмы реализации этой идеи (франчайзинга, контрактного производства, СТМ и/или корпоративного строительства) для своего применения, в отличие от потребительской диффузии ТНП, требуют значительных усилий в области передачи производственного ноу-хау. В данном случае также оказываются востребованными возможности, предоставляемые промышленным инжинирингом. На рис. 6 показана принципиальная схема работы инжинирингового центра компании в ходе решения задач диффузии производственных инноваций среди промышленных предприятий.

Рис. 6. Функции инжинирингового центра предприятия в ходе диффузии производственных инноваций

Причем рекомендации схемы равным образом касаются как взаимоотношений в рамках реализации государственных контрактов, так и в части разработок, выполненных за счет собственных и привлеченных средств частных предприятий. Как это следует из рис. 6, в данной ситуации

инжиниринговый центр в значительно больших масштабах опирается на возможности подразделений собственного предприятия, лишь в отдельных случаях привлекая сторонних исполнителей работ. Между тем это ни в коей мере не умаляет его значимости в качестве координатора

сложного организационно-производственного процесса, реализующего проектный подход и действующего в условиях многозадачности.

Несмотря на убедительную, по нашему мнению, аргументацию в пользу целесообразности глубокого пересмотра статуса и функций подразделений заводской науки в реформируемой системе организации научно-технологического развития в промышленности, эта работа может быть сопряжена с определенными трудностями, связанными с ограниченностью возможностей средних и малых производственных предприятий в части послепродажного сопровождения новой продукции и диффузии инноваций. Данная ограниченность может быть следствием дефицита специалистов в этих областях, необходимости нести дополнительные расходы, притом что экономика этих предприятий часто далека от совершенства и работает с напряжением, отсутствия в местах расположения предприятий субъектов инфраструктуры, услуги которых необходимы для решения задач сопровождения заключительных этапов жизненного цикла инноваций.

Практика предлагает достаточно широкий спектр решений в частичном и пока фрагментарном удовлетворении запросов потребителей на стадии внедрения, эксплуатации новаций и их диффузии. Во-первых, это деятельность научно-внедренческих предприятий. Согласно словарю, «внедренческая фирма — это предприятие межотраслевого характера, созданное с целью реализации заключительной стадии научно-производственного цикла освоения новой продукции или внедрения современной технологии» [27], т. е. вроде бы именно то, что нужно для решения исследуемых задач. Однако анализ практической деятельности таких предприятий свидетельствует о том, что она отличается от заявленной. В своем большинстве научно-внедренческие предприятия представляют собой компании, расширительно, в соответствии с современным пониманием, трактующие понятие создания и доставки ценности потребителю. То есть акцент и в их названии, и в практике хозяйственной деятельности делается не столько на изготовлении продукции, как правило, промежуточного потребления, сколько, главным образом, на внедрении ее в практику работы потребителя. И это следует приветствовать, однако подобный подход не обеспечивает оказание услуг по продвижению инноваций других предприятий отрасли или подотрасли.

Во-вторых, это деятельность инжиниринговых компаний, действующих в научно-технической сфере. В-третьих, это центры трансфера технологий (технологические брокеры). В-четвертых, это специализированные ремонтные организации (сервисные центры), величина которых и широта решаемых задач которых может варьироваться от часовой мастерской и центра по ремонту бытовой техники до авиаремонтного завода. В-пятых, это центры утилизации техники и оборудования. Здесь пока еще широкое поле совершенствования деятельности. Несмотря на то, что металлолом широко используется в металлургии в качестве вторичного сырья, проблемы с утилизацией производственного оборудования далеки от своего полного решения. Особая их острота проявляется в отдаленных от мест его переработки труднодоступных районах (Амурская область, Якутия, Север и т. п.). В-шестых, это многочисленные консалтинговые

компании, оказывающие услуги по внедрению организационных и маркетинговых новаций. К сожалению, деятельность перечисленных структур лишь опосредованно ориентирована на реализацию задач инновационного развития и не нацелена на комплексное решение проблем предприятий конкретной отрасли (подотрасли) промышленности. Их общая проблема состоит в разобщенности и специализации на выполнении какого-то одного из видов работ, связанных с послепродажным сопровождением инноваций, от чего страдает потребитель, вынужденный обращаться к множеству специализированных организаций, вместо того чтобы сделать это в одном месте и в одно время, сохраняя преемственность и действуя в едином информационном пространстве.

Для комплексного решения этой проблемы целесообразно использовать набирающую популярность конструкцию отраслевых центров компетенций, но ориентированную не на решение межотраслевых и междисциплинарных задач создания новой техники, технологий и организационных решений, как это практикуется сегодня, а на активность в сопровождении заключительных этапов инновационного воспроизводственного цикла. Подобные центры совсем не обязательно должны состоять из одного юридического лица. Возможна и приветствуется сетевая организация доказавших свою состоятельность организаций, специализированных на выполнении отдельных функций послепродажного сопровождения новой техники и технологий. При этом какая-то одна организация берет на себя роль координатора сети, а остальные, оставаясь юридически независимыми и работая на неограниченном рынке, действуют в рамках рабочего взаимодействия, выполняя задачи консорциума в приоритетном порядке. Подобная практика в большей мере реализована в деятельности автодилеров, которые выступают координаторами работы страховых компаний, финансовых институтов (банки и лизинговые компании), компаний по установке сигнализации и систем спутникового слежения, предприятий, занимающихся торговлей подержанными автомобилями и специализированными сервисными компаниями. Кроме этого, автодилеры оказывают услуги по государственной регистрации автомашин и решению логистических вопросов.

Выводы

Согласно современным представлениям, роль предприятия как инициатора и поставщика инноваций на рынок не ограничивается только выпуском новой продукции. Потребитель ожидает от него комплексного решения своей проблемы, а значит, и оказания услуг на таких стадиях жизненного цикла продукта, как гарантийное и послегарантийное сервисное обслуживание в процессе его эксплуатации, утилизация продукта, исчерпавшего свой ресурс, а также замена на новый с аналогичными или превосходящими прошлый уровень потребительскими свойствами. Исследование вариантов организации выполнения данной функции показало наилучшее соответствие этим целям технологии (методов) промышленного инжиниринга, что позволило предложить рекомендации по обоснованию массивного создания на промышленных предприятиях инжиниринговых центров для выполнения функций сопровождения новой продукции у потребителя и практическому содействию диффузии инноваций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Попова А. О. Организация НИОКР в американских корпорациях: основные структурные формы и новые модели // США и Канада: экономика, политика, культура. 2015. № 5. С. 82—100.
2. Шпак А. С., Беляков С. А. Зарубежный опыт государственного управления исследованиями и разработками // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 9. С. 124—130.
3. Глава РАН: доля внебюджетных средств может стать показателем успехов нацпроекта «Наука». URL: <https://indicator.ru/engineering-science/vnebyudzhetye-rashody-nacproekt-nauka-14-11-2018.htm>.
4. Golichenko O. G., Malkova A. A. The analysis of progress of new knowledge production in key world regions and Russia // Journal of the knowledge economy. 2017. Vol. 8. No. 4. Pp. 1133—1145.
5. Комков Н. И., Кулакин Г. К. Технологические инновации: создание, применение, результаты // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5(170). С. 137—155.
6. Стоцкий Е. В. Проблемы стимулирования инновационного развития России // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 4. С. 1083—1096.
7. Кузнецов Е. Н. Идея — деньги — товар, или Что продается и покупается у науки на рынке. URL: <https://polit.ru/article/2009/06/04/tovar>.
8. Фролов И. Э. Проблемы капитализации российской науки: продуктивность, результативность, эффективность // Проблемы прогнозирования. 2015. № 3. С. 3—20.
9. Кошовец О. Б., Фролов И. Э. «Прекрасный новый мир»: о трансформации науки в технонауку // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 1. С. 20—31.
10. Вихрова А. С. Промышленный инжиниринг в решении задач реформирования производственных подсистем оборонных предприятий // Научный вестник ОПК России. 2021. № 1. С. 68—77.
11. Юдин О. И. Ценностный подход к формированию клиентоориентированной бизнес-модели компании : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. СПб., 2014. 158 с.
12. Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета на реализацию проектов по созданию и развитию инжиниринговых центров на базе образовательных организаций высшего образования и научных организаций : постановление Правительства РФ от 01.08.2020 г. № 1156.
13. Зайцев С. Мостик между наукой и производством. Что такое инжиниринг? // АиФ. 2020. 6 нояб.
14. ГОСТ Р ИСО 15704-2008. Промышленные автоматизированные системы. Требования к стандартным архитектурам и методологиям предприятия. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200076802>.
15. A guide to the project management body of knowledge / Project Management Institute. 6th ed. Newtown Square, PA : Project Management Institute, 2017.
16. Jacob D., Bergland S., Cox J. Velocity Combining Lean, Six Sigma and the Theory of Constraints to Achieve Breakthrough Performance. New York — London — Toronto — Sydney : Free Press, 2010.
17. Leach L. P. Critical Chain Project Management. Boston — London : Artech House, 2005.
18. Голдратт Э. М., Кокс Дж. Цель: процесс непрерывного улучшения / Пер. с англ. М. : Попурри, 2020. 400 с.
19. О выходе Седьмой редакции РМВОК. URL: <https://pm.expert/media/articles/pro-pmbok-7>.
20. Инжиниринговые компании. URL: <https://gisp.gov.ru/ing/service-market/org>.
21. Франчайзинг. URL: <https://www.audit-it.ru/terms/agreements/franchayzing.html>.
22. Сайт ПАО «Группа Черкизово». URL: <https://www.cherkizovo.ru>.
23. Бизнес-модели в управлении устойчивым развитием предприятий : учеб. / А. Д. Бобрышев, В. М. Тумин, К. М. Тарабрин и др. М. : Инфра-М, 2020. 289 с.
24. Бобрышев А. Д., Пирогов Н. Л., Хайдуков В. П. Методический подход к оценке потенциала бизнес-модели предприятия // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 1. С. 25—39.
25. Чекаданова М. В. Исследование путей обеспечения инновационного развития высокотехнологичных производств радиоэлектронной промышленности. М. : Медпрактика-М, 2018. 308 с.
26. Rogers E. M. Diffusion of Innovations. 4th ed. New York : The Free Press, 2003.
27. Внедренческая фирма: основные понятия и термины. URL: <https://www.finam.ru/Dictionary/WordF00D2D>.

REFERENCES

1. Popova A. O. Organization of R & D in American corporations: basic structural forms and new models. *USA and Canada: economics, politics, culture*, 2015, no. 5, pp. 82—100. (In Russ.)
2. Shpak A. S., Belyakov S. A. Foreign experience of state management of research and development. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, 2019, no. 9, pp. 124—130. (In Russ.)
3. *Head of the Russian Academy of Sciences: the share of extra-budgetary funds can become an indicator of the success of the national project “Science”*. (In Russ.) URL: <https://indicator.ru/engineering-science/vnebyudzhetye-rashody-nacproekt-nauka-14-11-2018.htm>.
4. Golichenko O. G., Malkova A. A. The analysis of progress of new knowledge production in key world regions and Russia. *Journal of the knowledge economy*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 1133—1145.
5. Komkov N. I., Kulakin G. K. Technological innovations: creation, application, results. *Studies on Russian Economic Development*, 2018, no. 5(170), pp. 137—155. (In Russ.)
6. Stotsky E. V. Problems of stimulating innovative development of Russia. *Creative Economy*, 2021, vol. 15, no. 4, pp. 1083—1096. (In Russ.)

7. Kuznetsov E. N. *Idea-money-a commodity, or What is sold and bought from science on the market*. (In Russ.) URL: <https://polit.ru/article/2009/06/04/tovar>.
8. Frolov I. E. Problems of capitalization of Russian science: productivity, efficiency, effectiveness. *Studies on Russian Economic Development*, 2015, no. 3, pp. 3—20. (In Russ.)
9. Koshovets O. B., Frolov I. E. “A beautiful new world”: on the transformation of science into technoscience. *Epistemology and philosophy of science*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 20—31. (In Russ.)
10. Vikhrova A. S. Industrial engineering in solving the problems of reforming the production subsystems of defense enterprises. *Scientific Bulletin of the Military-Industrial Complex of Russia*, 2021, no. 1, pp. 68—77. (In Russ.)
11. Yudin O. I. *Value approach to the formation of a client-oriented business model of the company*. Diss. of the Cand. of Economics. Saint Petersburg, 2014. 158 p. (In Russ.)
12. *On approval of the Rules for the provision of grants in the form of subsidies from the federal budget for the implementation of projects for the creation and development of engineering centers on the basis of educational organizations of higher education and scientific organizations*. Decree of the Government of the Russian Federation of 01.08.2020 No. 1156. (In Russ.)
13. Zaytsev S. Bridge between science and production. What is engineering? *Argumenty i fakty*, 2020, Nov. 6. (In Russ.)
14. *GOST R ISO 15704-2008. Industrial automated systems. Requirements for standard enterprise architectures and methodologies*. (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200076802>.
15. *A guide to the project management body of knowledge*. Project Management Institute. 6th ed. Newtown Square, PA, Project Management Institute, 2017.
16. Jacob D., Bergland S., Cox J. *Velocity Combining Lean, Six Sigma and the Theory of Constraints to Achieve Breakthrough Performance*. New York, London, Toronto, Sydney, Free Press, 2010.
17. Leach L. P. *Critical Chain Project Management*. Boston, London, Artech House, 2005.
18. Goldratt E. M., Cox J. *Goal: continuous improvement process*. Moscow, Popurri, 2020. 400 p. (In Russ.)
19. *On the release of the Seventh edition of PMBOK*. (In Russ.) URL: <https://pm.expert/media/articles/pro-pmbok-7>.
20. *Engineering Company*. URL: <https://gisp.gov.ru/ing/service-market/org>. (In Russ.)
21. *Franchising*. (In Russ.) URL: <https://www.audit-it.ru/terms/agreements/franchayzing.html>.
22. *The site of Cherkizovo Group PJSC*. (In Russ.) URL: <https://www.cherkizovo.ru>.
23. Bobryshev A. D., Tumin V. M., Tarabrin K. M., et al. *Business models in the management of sustainable development of enterprises*. Textbook. Moscow, INFRA-M, 2020. 289 p. (In Russ.)
24. Bobryshev A. D., Pirogov N. L., Gaydukov V. P. Methodological approach to assessing the potential of an enterprise’s business model. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 25—39. (In Russ.)
25. Chekadanova M. V. *Research on ways to ensure innovative development of high-tech production of the electronic industry*. Moscow, Medpraktika-M, 2018. 308 p. (In Russ.)
26. Rogers E. M. *Diffusion of Innovations*. 4th ed. New York, The Free Press, 2003.
27. *Implementation firm: basic concepts and terms*. (In Russ.) URL: <https://www.finam.ru/Dictionary/WordF00D2D>.

Как цитировать статью: Краснянская О. В. Методы инжиниринга в организации системы научно-технологического развития промышленности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 175—184. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.331.

For citation: Krasnyanskaya O. V. Engineering methods in the organization of the system of scientific and technological development of industry. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 175—184. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.331.

Попов Иван Александрович,
Postgraduate of Siberian Institute of Management —
Branch of RANEPА,
Russian Federation, Novosibirsk,
e-mail: pia@tendervprok.ru

Попов Иван Александрович,
аспирант Сибирского института управления —
филиала РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Новосибирск,
e-mail: pia@tendervprok.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ЗАКУПКАМИ НА ОСНОВЕ УТОЧНЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ

IMPROVING PUBLIC PROCUREMENT MANAGEMENT BY CLARIFYING THE THEORETICAL FOUNDATIONS

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством

08.00.05 — Economics and management of national economy

В результате активного развития и, как следствие, динамичного изменения институциональной базы обеспечения государственных и муниципальных нужд в РФ, основой регулирования которой в настоящее время является Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон о контрактной системе), прослеживаются тенденции, при которых действующие нормы не успевают за быстро меняющимися условиями функционирования системы, что приводит к отсутствию однозначной правовой и экономической оценки некоторых основных понятий, предусмотренных системой регулирования закупок.

В работе анализируются подходы отечественных авторов к пониманию сущности термина «контрактная система в сфере закупок», раскрывается суть определения «закупка товара, работы, услуги» как составляющая процесса обеспечения государственных и муниципальных нужд. Впервые приводится подробный анализ содержательной части понятия «совокупный годовой объем закупок», а также определяются методологические проблемы понятия совокупного годового объема таких закупок, сопоставляются позиции судов, регулирующих органов, экспертного сообщества на данный счет, приводится структура видов производственной деятельности и показателей, для расчета которых используется величина годового объема закупок.

Демонстрируются содержательная вариативность в этимологии определения «совокупный годовой объем закупок», которое используется в рамках действующего законодательства о контрактной системе. В связи с отсутствием однозначной правовой и экономической оценки этой категории особое внимание уделено определению рисков нарушения законодательства участниками процесса обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также прогнозу возможных сбоев в процессе обеспечения государственными товарами, работами, услугами.

На основе полученных результатов формулируется новая содержательная часть термина «совокупный годовой объем закупок», исключая риск некорректной трактовки и, как следствие, допущение сбоев в процессе обеспечения государственных и муниципальных нужд. Даются рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство Российской Федерации о государственных и муниципальных закупках.

As a result of active development and, consequently, dynamic changes in the institutional framework for meeting state and municipal needs in the Russian Federation, the basis for regulating which is currently the Federal Law of 05.04.2013 No. 44-FZ “On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for State and Municipal needs” (Law on Contract System). There is a tendency for existing rules to fail to keep pace with the rapidly changing environment in which the system operates, resulting in a lack of unambiguous legal and economic assessment of some of the key concepts in the procurement regulation system.

The paper analyzes the approaches of domestic authors to understanding the essence of the term “contract system in the field of procurement”, reveals the essence of the definition of purchase of goods, work, and services as a component of the process of ensuring state and municipal needs. For the first time, a detailed analysis of the content of the concept of the total annual volume of purchases is given, as well as methodological problems of the concept of the total annual volume of such purchases are determined, the positions of courts, regulatory bodies, and the expert community on this issue are compared, the structure of types of production activities and indicators for the calculation of which the value of the annual volume of purchases is used is given.

The article demonstrates the substantial variability in the etymology of the definition of total annual volume of purchases, which is used within the framework of the current legislation on the contract system. Due to the lack of an unambiguous legal and economic assessment of this category, special attention is paid to determining the risks of violation of legislation by participants in the process of providing state and municipal needs, as well as forecasting possible failures in the process of providing state structures with necessary goods, works, and services.

Based on the results obtained, a new content part of the term “total annual volume of purchases” is formulated, which excludes the risk of incorrect interpretation and, as a result, the assumption of failures in the process of ensuring state and municipal needs. Recommendations on amendments to the current legislation of the Russian Federation on state and municipal procurement are given.

Ключевые слова: контрактная система в сфере закупок, государственные закупки, муниципальные закупки, совокупный годовой объем закупок, обеспечение государственных нужд, участники контрактной системы,

механизм управления госзакупками, государственные нужды, муниципальные нужды, механизм государственного регулирования.

Keywords: contract system in the field of procurement, public procurement, municipal procurement, total annual volume of purchases, provision of state needs, participants in the contract system, the mechanism of public procurement management, state needs, municipal needs, the mechanism of state regulation.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена активным развитием и, как следствие, частотой изменений институциональной базы обеспечения государственных и муниципальных нужд в РФ, основой регулирования

которой в настоящее время является Федеральный закон от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Закон о контрактной системе).

Изученность проблемы. Теоретическим основам контрактной системы уделялось внимание в ряде научных трудов отечественных авторов, которые обращали внимание на основные дефиниции, а также на понятие, сущность и сферу применения контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг. Приведем некоторые из них, являющиеся, по мнению автора, наиболее полными, и отражающие основную суть термина «контрактная система в сфере закупок» товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (табл. 1).

Таблица 1

Позиции отечественных авторов по определению контрактной системы в сфере закупок

Автор/группа авторов	Содержательная часть понятия
Беляева М. С.	«Правовой механизм регулирования закупочной деятельности, закрепляющий порядок планирования закупок, определения поставщика (исполнителя, подрядчика), заключения (исполнения, изменения, расторжения) контракта, а также контроля, мониторинга и аудита в сфере закупок и направленный на обеспечение государственных (муниципальных) нужд, нужд бюджетных учреждений, государственных (муниципальных) предприятий в товарах, работах, услугах» [1, с. 23]
Бурый А. А., Лещенко Е. М.	«Организационно-техническая система, которая включает в себя: участников процесса закупок (заказчиков, поставщиков и иные организации); программные и технические средства, обеспечивающие реализацию процесса закупок, а также нормативно организационное и методическое обеспечение процесса реализации закупок» [2, с. 3]
Калинина А. А.	«Совокупность норм и правил, обеспечивающих единый технологический цикл организации закупок для обеспечения государственных нужд» [3, с. 6]
Мельников В. В., Беленькая Е. В., Петрова Е. В., Тютина В. В.	«Законодательство о закупках распространило свое влияние на все этапы закупочного цикла, включая планирование, определение поставщика, исполнение контракта, приемку, использование и контроль полученных результатов закупки, а также процессы многостороннего наблюдения после заключения контракта» [4, с. 81]
Моргунова Н. В., Грачева Д. А.	«Совокупность участников этой системы, которые осуществляют действия, направленные на обеспечение государственных нужд» [5, с. 121]
Смотряцкая И. И., Черных С. И. и др.	«Обязательные процессы по этапам закупочного цикла» [6, с. 63]
Храмкин А. А.	«Связана с совокупностью мер правового, экономического, организационного характера, которые направлены на обеспечение государственных и муниципальных нужд в товарах, работах и услугах» [7, с. 15]
Шмелева М. В.	«Правовая система состоящую из совокупности элементов, неразрывно связанных между собой и взаимообусловленных и развитие которых происходит на шести следующих друг за другом этапах закупок» [8, с. 20]
Шувалов С. С.	«Организационно-экономический и управленческий механизм, направленный на обеспечение соответствия контактных отношений государственных и муниципальных органов, в том числе в сфере публичных закупок» [9, с. 58]
Яковлев Д. А.	Контрактная система представляет собой совокупность участников госзаказа и проводимых ими действий, которые обеспечивают государственные и муниципальные нужды. Эти действия строго регламентированы законодательством [10]
Андреева Л. В.	Сущность контрактной системы заключается в объединении различных субъектов в сфере закупок, которые должны осуществлять возложенные на них законом и иными нормативными правовыми актами функции действия, направленные на достижение установленных целей осуществления закупок [11]
Черновол Е. П.	Совокупность правоотношений, функционирующих в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [12]
Федорович В. А.	Главный основной механизм государственного регулирования и программирования развития экономики, науки, техники, военного производства, материальной стабилизации производства, обеспечения темпов экономического роста и решения социально-экономических проблем общества» [13]

Следует отметить, что в указанных и иных трудах отечественных авторов уделяется внимание только основному термину сферы закупок, а именно контрактной системе, при этом упускаются сопряженные с данным термином иные немаловажные дефиниции, такие как закупка товаров, работ, услуг,

контракт, участник контрактной системы, совокупный годовой объем закупок (СГОЗ), имеющие не меньшее, а в конкретных практических ситуациях и большее значение.

Целесообразность разработки темы. Отсутствие научного исследования содержательной части термина

«совокупный годовой объем закупок», являющегося одним из основополагающих терминов всей системы государственных и муниципальных закупок, от корректности расчета величины которого зависит целый ряд связанных с этим терминов правовых рисков и экономических показателей, с учетом и на основе которых принимаются управленческие решения в сфере государственных и муниципальных закупок.

Научная новизна. В работе впервые приводится подробный анализ содержательной части понятия «совокупный годовой объем закупок», выявляются недостатки указанного термина, сопоставляются позиции судов, регулирующих органов, экспертного сообщества на данный счет. Проводится анализ возможных рисков, вызванных некорректным трактованием исследуемого термина.

Цель исследования — на основе полученных результатов сформулировать новую содержательную часть термина «совокупный годовой объем закупок» (СГОЗ), исключая риск некорректной трактовки и, как следствие, допущение сбоев в процессе обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Задачи исследования:

- провести анализ содержательной части понятия СГОЗ;
- структурировать виды производственной деятельности и показатели, для расчета которых используется СГОЗ;
- выявить недостатки термина и определить правовые и экономические риски, возникающие в связи с этим;
- провести сравнительный анализ позиций судов, регулирующих органов, экспертного сообщества по вопросам корректности расчета величины СГОЗ;
- дать рекомендации по внесению изменений в действующее законодательство о государственных и муниципальных закупках в части корректировки термина СГОЗ.

Теоретическая и практическая значимость работы.

В практических ситуациях, с которыми сталкиваются сотрудники контрактных служб, наблюдается тенденция, при которой действующие нормы не успевают за быстро меняющимися условиями функционирования системы, итогом является отсутствие однозначной правовой и экономической оценки некоторых основных понятий, предусмотренных системой регулирования закупок. Экспресс анализ планов-графиков закупок показал, что организациям с объемом закупок более 100 млн руб. приходится корректировать изначально запланированный пул определений поставщиков (подрядчиков, исполнителей) несколько десятков раз в год, а у некоторых из них количество изменений совпадает с количеством проведенных по итогам года закупок. Внедрение результатов данного исследования позволит адаптировать содержательную часть понятия СГОЗ к динамике изменения закупочного процесса в течение отчетного периода, а также преобразовать от формального определения к инструменту, позволяющему принимать верные оперативные управленческие решения.

Методологической базой исследования стали труды отечественных авторов, посвященные теоретическим основам контрактной системы в сфере закупок, а также результаты анализа правоприменительной практики законодательства о госзакупках. В статье были применены методы: моделирования, нормативно-правового анализа, классификации, сравнения, аналогии.

Основная часть

Как отмечалось выше, сферу государственных и муниципальных закупок можно представить в виде совокупности

ее участников и проводимых ими действий, которые обеспечивают государственные и муниципальные нужды взаимодействующих в определенной системе, строго регламентированной законодательством.

Соответственно, некорректное действие одного из субъектов системы/группы субъектов, принимаемые ими решения могут привести к нарушению законных интересов других субъектов данной системы. Так, решение о способе отбора поставщика (подрядчика, исполнителя) входит в компетенцию государственных, муниципальных заказчиков, бюджетных учреждений, осуществляющих закупки.

От законности такого решения напрямую зависит эффективность и результативность расходования бюджетных средств, через объем закупок осуществляемых на конкурентной основе. Незаконное сокращение данного объема приведет к ущемлению прав на участие неопределенного круга лиц, заключить контракт по результатам конкурентных процедур закупок.

Объем закупок, который заказчик имеет право вывести во внеконкурентное поле, определен законом о контрактной системе. Его размер зависит от общего совокупного годового объема закупок, осуществляемых конкретным заказчиком.

Далее проанализируем содержание понятия «закупка товаров, работ, услуг». Закон о контрактной системе дает следующее определение: «совокупность действий, осуществляемых в установленном законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта» [14]. Если законодательством не предусмотрено предварительное уведомление участников закупок, например при приобретении продукции у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя), то закупка начинается с заключения контракта и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

В любом случае закупка завершается унифицированным этапом, а именно исполнением сторонами обязательств. Со стороны заказчика в настоящее время предусмотрено выполнение двух основных обязательств на стадии исполнения контракта: это приемка товаров, работ, услуг и их оплата. Данный вывод следует из пункта 1 части 13 статьи 34 Закона о контрактной системе, который определяет обязательные условия, подлежащие включению в контракт. К ним относятся обязательного определения порядка и сроков:

- оплаты товара, работы или услуги;
- осуществления заказчиком приемки поставленного товара, выполненной работы (ее результатов) или оказанной услуги в части соответствия их количества, комплектности, объема требованиям, установленным контрактом;
- оформления результатов такой приемки.

Соответственно, процесс обеспечения государственных и муниципальных нужд завершается в тот момент, когда совершена закупка продукции, которая, в свою очередь, завершается оплатой выполненных и принятых по контракту обязательств. Следовательно, автор делает вывод, что закупка совершена и нужды обеспечены, после подписания актов о приемке и проведения оплаты. Логичным в данном контексте выглядит гипотеза, что объем совершенных закупок должен быть равен объему оплаченных обязательств (проведенных оплат), однако действующее законодательство РФ о государственных и муниципальных закупках содержит иное толкование.

Далее внимание целесообразно уделить понятию «совокупный годовой объем закупок» — «это утвержденный на соответствующий финансовый год общий объем финансового обеспечения для осуществления заказчиком закупок, в том числе для оплаты контрактов, заключенных до начала указанного финансового года и подлежащих оплате в указанном финансовом году» [14].

Прежде всего необходимо отметить важность содержательной характеристики и расчетного параметра данного показателя для учетной, экономической, организационной

и правовой деятельности субъектов экономических отношений, реализующих основные положения контрактной системы (табл. 2).

Основной проблемой при формировании показателя, характеризующего СГОЗ, являются два существенных фактора. Первый связан с тем, что в расчетный базис, от которого в дальнейшем зависит обоснованность действий, предусмотренных табл. 2, включаются только те контракты, окончание исполнения которых придется на текущий финансовый период, не учитывая так называемые переходящие обязательства.

Таблица 2

**Перечень видов деятельности и показателей, для расчета которых используется СГОЗ
(систематизировано автором)**

Характеристика вида деятельности	Требование законодательства о контрактной системе	Ссылка на нормативный акт	Размер административной ответственности
Организационная Образование контрактной службы заказчика	Если СГОЗ более 100 млн руб., то в организации должна создаваться контрактная служба	ч. 1 ст. 38 44-ФЗ	Не определена КоАП РФ (может приводить к нарушениям, связанным с размещением обязательной информации о контрактной службе в Единой информационной системе в сфере закупок)
Учетная Расчет обязательной доли закупок у СМП и СО НКО	Объем проводимых закупок, участниками которых могут являться только субъекты малого предпринимательства (СМП) и социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), должен составлять не менее 15 % от СГОЗ	ч. 1 ст. 30 44-ФЗ	50 тыс. руб. В соответствии с ч. 11 ст. 7.30 [15]
Экономическая Определение предела объема «малых» закупок у единственного поставщика	Объем проводимых закупок у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) должен быть не более 5 % от СГОЗ для всех категорий заказчиков и не более 50 % от СГОЗ для определенных законом о контрактной системе, которые имеют право на расширение данного объема	п. 4 и п. 5 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ	От 30 до 50 тыс. руб. в соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 7 29 КоАП РФ [15]
Экономическая Определение предела закупок, осуществляемых путем проведения запроса котировок в электронной форме	Объем проводимых закупок, осуществляемых путем проведения запроса котировок в электронной форме, не должен превышать 10 % от СГОЗ	ч. 1 ст. 82.1 44-ФЗ	От 30 до 50 тыс. руб. в соответствии с ч. 1 и ч. 2 ст. 7 29 КоАП РФ [15]

Второй — не все планируемые процедуры определения поставщика приведут к заключению контрактов, равно как и не все заключенные по их результату контракты приведут к их исполнению. Соответственно, такой исход также повлияет на величину, от которой необходимо рассчитывать приведенные выше значения.

Результаты. Далее более подробно разберем сущность и оказываемое влияние на конечный результат указанных факторов.

Первый фактор. Определение СГОЗ не учитывает разделение обязательств, предусмотренных контрактом, исполняемых в разные отчетные периоды (прим. автора финансовый год). Так, в СГОЗ включается объем обязательств по контрактам, которые заключены в текущем финансовом году и в предыдущем финансовом году, без их привязки к сроку исполнения. То есть определить поставщика заказчик может в 2019 г., а исполнение контракта (завершение закупки) будет запланировано на 2020 и 2021 гг.

Исходя из этого, не ясен период определения СГОЗ для включения обязательств по контрактам, которые заключаются и частично будут исполнены и оплачены в текущем финансовом году, а также в последующих периодах. Речь

идет о так называемых переходящих контрактах, срок исполнения которых составляет несколько лет, это может быть выполнение работ по строительству объектов капитального строительства, их реконструкции или капитальному ремонту на основании прошедшей государственную экспертизу проектной документации. Такие контракты, как правило, разделены на этапы исполнения, предусматривающие частичное выполнение объемов работ в установленные сроки, с учетом финансового обеспечения закупки. Несколько примеров таких закупок, осуществленных в четвертом квартале 2019 г. в Новосибирской области, демонстрирующие трехлетний цикл закупки, приведены в табл. 3, источником послужили данные, размещенные в Единой информационной системе в сфере закупок.

Однозначного ответа на вопрос о том, в годовой объем закупок какого финансового периода включать обязательства по «переходящим» контрактам будущих лет, понятие СГОЗ, предусмотренное законодательством РФ о государственных и муниципальных закупках, не дает. На экспертном уровне данная ситуация обсуждалась неоднократно. В профильном журнале «Экономика ЛПУ (лечебно-профилактического учреждения) в вопросах и ответах»

редакцией был опубликован материал «Расчет совокупного объема закупок после изменений, в соответствии с которыми в закон о контрактной системе было включено определение СГОЗ. Также на регулярной основе выходят материалы по данной проблематике в электронных ресурсах, посвященные практике применения законодатель-

ства о контрактной системе: www.pro-goszakaz.ru, <https://goscontract.ru>, <https://goszakupkirf.ru> и др.

Рассматриваемая ситуация нашла свое отражение в судебной практике применения законодательства о контрактной системе, а также в рекомендациях регулирующих и контрольных органов. В табл. 4 приведен анализ таких позиций.

Таблица 3

Перечень закупок с «переходящими» контрактами

Идентификационные данные закупки	Всего на закупку, тыс. руб.	2019 г., тыс. руб.	2020 г., тыс. руб.	2021 г., тыс. руб.	Статус закупки	Статус контракта
Номер: 0151200006019000360. Объект: выполнение подрядных работ по строительству объекта «Региональный центр волейбола»	499 999	449 500	50 499	0	Завершена	Исполнение
Номер: 0151200006019000359. Объект: выполнение подрядных работ по строительству объекта «Реконструкция и оснащение акушерского корпуса»	250 000	195 549,31	54 450, 69	0	Завершена	Исполнение
Номер: 0151200006019000354. Объект: выполнение подрядных работ по строительству объекта «Физкультурно-оздоровительный комплекс с искусственным льдом»	112 500	93 000	19 500	0	Завершена	Исполнение
Номер: 0151300030519000056. Объект: выполнение работ по разработке рабочей документации и выполнение СМР по объекту «Реконструкция площади с участками автомобильных дорог...»	733 277,73	0	250 519,38	482 758,36	Завершена	Исполнение

Примечание. Курсивом автора выделены спорные в части отнесения периода учета объемы финансового обеспечения.

Таблица 4

Позиции регулирующих, контрольно-надзорных органов, судебных инстанций по вопросу расчета величины СГОЗ

Тип органа	Источник	Содержание
Судебные органы	Решение № 12-250/2016 12-43/2017 от 24 января 2017 г. по делу № 12-250/2016 Решение Красноармейского районного суда города Волгограда от 02.10.2017 № 12-539/2017	Заказчик неверно отнес сумму средств, поступивших в 2016 г. на оплату контрактов, заключенных в предыдущем финансовом году, к совокупному годовому объему закупок 2015 г., что привело к превышению 5 % допустимого объема закупок у единственного поставщика. Прокуратура проверила закупки заказчика в 2016 г. и решила, что учреждение не выполнило объем закупок у СМП и СО НКО. Материалы проверки передали в контрольный орган. Однако контролеры нарушений не нашли. Суд установил, что в течение года заказчик проводил только закупки у единственного поставщика по пунктам 4, 5 и 8 части 1 статьи 93 Закона № 44-ФЗ и один конкурс с ограниченным участием. Контракты с единственным поставщиком в СГОЗ для расчета объемов закупок у СМП и СО НКО не входят согласно пункту 3 части 1.1 статьи 30 Закона № 44-ФЗ. Остается одна конкурентная закупка — конкурс. Однако контракт по результатам конкурса заказчик заключил 31 декабря 2016 г., а платить по контракту будет в 2017 г. Оплата по контракту пошла в СГОЗ 2017 г. Следовательно, СГОЗ для расчета закупок у малого бизнеса в 2016 г. составил 0 руб. Обязательств проводить закупки среди СМП и СО НКО у заказчика не возникло
Регулирующие органы	Письмо Минэкономразвития России от 22.07.2016 № Д28и-1880. Управление по регулированию контрактной системы Министерства экономического развития Алтайского края (методические рекомендации от 7 февраля 2019 г.)	Содержательно-расчетная характеристика СГОЗ, представляется как сумма следующих величин: – контракты, заключенные в предыдущие финансовые годы, в части, подлежащие оплате в текущем финансовом году; контракты, заключенные в текущем финансовом году, полностью исполняемые и подлежащие оплате в текущем финансовом году; – контракты, заключенные в текущем финансовом году, исполняемые в текущем и последующих годах, в части, подлежащие оплате в текущем финансовом году

Тип органа	Источник	Содержание
Контрольные органы	Амурским УФАС РФ от 5 марта 2018 г. (ответ на вопрос на официальном сайте)	Поддерживается подход, отраженный в Письме Минэкономразвития России от 22.07.2016 № Д28и-1880

Позиция различных органов, приведенная в табл. 4, демонстрирует, что если учитывать в текущем финансовом году контракты прошлых периодов, частично исполняемые в текущем году, то необходимо учитывать и контракты, завершение и исполнения которых придется на следующие периоды, но которые уже частично исполняются и оплачиваются в текущем году, что в настоящее время не следует из определения термина СГОЗ.

С другой стороны, если в текущем финансовом году завершается исполнение контракта, которое было начато и частично оплачено в предыдущем финансовом году, то очевидно, что оплата исполненных обязательств была проведена до наступления текущего финансового периода, следовательно, оплата этих обязательств никак не может быть включена в текущий СГОЗ и должна относиться к предыдущему финансовому периоду и включаться в СГОЗ предыдущего года.

Такой же позиции придерживается и Управление методологии и сопровождения работы единых комиссий Министерства по регулированию контрактной системы в сфере закупок Пермского края, специалисты которого в своих материалах, кроме поддержки вышеизложенной позиции, делают вывод о том, что СГОЗ не равен годовому объему закупок по плану-графику [16].

Из подобного толкования вытекает второй, на взгляд автора, более существенный фактор — это отсутствие однозначной трактовки расчетного базиса.

В соответствии с определением, которое на данный момент присутствует в законодательстве о государственных и муниципальных закупках, представлено определение СГОЗ — это «утвержденный на соответствующий финансовый год общий объем финансового обеспечения, известный на начало финансового года».

Соответственно, существует некоторый плановый показатель, который формируется исходя из определенного

объема финансирования на начало финансового периода. Но запланированный и утвержденный объем закупок может и не привести к реально заключенным и исполненным контрактам, то есть определение поставщика «не равно» исполненным обязательствам. В практике встречается как минимум четыре основные причины, которые могут препятствовать, реализации выделенного бюджет в полном объеме, причем все они являются объективными и предвидеть их невозможно на начало года, а именно:

- сокращение в течение финансового года утвержденного ранее финансирования;
- экономия ранее доведенных бюджетных средств, образовавшихся в результате проведения закупок;
- незаключение контракта по результатам проведения закупки, признание ее несостоявшейся, уклонение победителя закупки от заключения контракта;
- расторжение контракта, заключенного по результатам закупки, в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением условий контракта со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя).

Исходя из приведенных выше причин, автор делает вывод о том, что СГОЗ — величина непостоянная и может меняться в течение года. Соответственно, возникает некоторая методологическая проблема, связанная с корректностью расчета показателей, изложенных в табл. 2., которые являются постоянными при относительной величине СГОЗ. Следовательно, корректно рассчитать СГОЗ станет возможным только по факту исполнения или неисполнения бюджета по итогам года, то есть к завершению отчетного периода.

Однако многие заказчики в настоящее время ошибочно ориентируются только на действующее определение СГОЗ, то есть понимают плановый показатель как фактический, что приводит к нарушениям по итогам года (см. пример в табл. 5).

Таблица 5

Взаимосвязь изменения объема СГОЗ в результате осуществления закупок, не приведшим к исполнению контракта

Показатель	Значение, тыс. руб.
СГОЗ на начало года (план)	100 000
Допустимый лимит у единственного поставщика на начало года по п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ (5 % от СГОЗ)	5 000
Допустимый лимит по запросам котировок на начало года (10 % от СГОЗ)	10 000
Сокращение финансирования	2 000
Несостоявшиеся закупки	2 000
Расторгнутые контракты	1 000
СГОЗ на конец года (факт) (Из Показателя 1 вычитаем Показатели 4, 5, 6)	95 000
Допустимый лимит у единственного поставщика на начало года по п. 4 ч. 1 ст. 93 44-ФЗ (5 % от СГОЗ)	4 750
Допустимый лимит по запросам котировок на начало года (10 % от СГОЗ)	9 500

Дополнительным обстоятельством, повышающим риск допущения ошибок, приводящих к некорректной практике применения 44-ФЗ, является интенсивность вносимых

изменений в документы о планировании, размещенные в Единой информационной системе в сфере закупок на сайте <https://zakupki.gov.ru>.

Так, одним из Департаментов строительства, архитектуры и жилищной политики на муниципальном уровне было проведено по итогам 2020 г. 83 закупки и аналогичное количество раз за этот временной период вносились изменения в плановый документ, то есть под каждую закупку. Это говорит о том, что 83 раза в перспективе у такого заказчика мог измениться итоговый совокупный объем закупок по сравнению с изначально определенным. Соответственно, риск некорректного расчета показателей и, как следствие, допущения неточности в совершении регламентированных действий повышается (см. табл. 2).

Далее представим модельный пример, показывающий, что уменьшение объема СГОЗ по результатам года приводит к пропорциональному снижению финансовых лимитов по закупкам у единственного поставщика и запросам котировок в электронной форме. Сориентировавшись на плановый объем, известный на начало года, заказчик может выбрать весь объем закупок у единственного поставщика в размере 5 млн руб. в первом полугодии, то есть еще до того момента, когда ему станет известна конечная реальная величина его фактического СГОЗ (табл. 5).

Разница между планом и фактом по данному примеру составляет 250 тыс. руб., то есть в пересчете на закупки как минимум один контракт до 600 тыс. руб. будет заключен на основании пункта 4 части 1 статьи 93 Закона о контрактной системе, в превышение допустимого лимита. Подобная ситуация при контрольном мероприятии приведет к наложению штрафа на должностное лицо заказчика в размере минимум 30 тыс. руб.

В подтверждение корректности подхода расчета СГОЗ от фактических показателей автор считает необходимым напомнить о термине «закупка», являющимся составной частью определения СГОЗ. Так, объем совершенных закупок за год должен дублировать объем оплат за такой же период, так как закупка завершается исполнением обязательств, совокупный годовой объем закупок — это совокупный годовой объем исполненных обязательств со стороны заказчика, которыми, в конечном счете, является осуществление оплаты по результатам закупок в текущем финансовом году.

Иной подход в настоящее время может привести к существенным нарушениям законодательства в сфере закупок и наложению штрафных санкций на контрактных управляющих и сотрудников контрактных служб заказчика.

Выводы и рекомендации

В работе продемонстрированы методологические проблемы правил расчета величины СГОЗ, существующие в настоящее время, а также показаны возможные риски, связанные с ними. Формирование указанных проблем обусловлено неточностью формулировки содержательной части термина СГОЗ в нормативном акте, не учитывающем ряд изменяющихся обстоятельств, влияющих на размер рассматриваемой величины.

На основании вышеизложенного предлагается новая формулировка определения СГОЗ, отражающая более точное и реальное состояние реализации соответствующих процедур.

Совокупный годовой объем закупок — объем исполненных обязательств со стороны заказчика в рамках контрактов, заключенных в соответствии с законом о контрактной системе, включающих приемку товаров, работ, услуг и проведение оплаты, в текущем финансовом году, независимо от года заключения контракта.

Предложенная формулировка определяет величину как фактическую, подлежащую окончательному расчету на конец финансового года. Более четкий содержательный компонент позволяет не вводить в заблуждение заказчиков, работающих в рамках законодательства о контрактной системе, которые при осуществлении закупочной деятельности (выбор способа определения поставщика) будут ориентироваться на СГОЗ как на плановый показатель, изменяющийся в течение года. Соответственно, и принимаемые оперативные решения будут максимально соответствовать текущей величине фактического СГОЗ. Проведенное исследование позволит в дальнейшем обратить внимание и на другие основные понятия, на которые опирается в настоящее время сфера государственных и муниципальных закупок.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Беляева М. С. К вопросу о понятии и признаках контрактной системы по российскому законодательству // Пентенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 2018. С. 21—23.
2. Бурый А. А., Лещенко Е. М. Содержание понятия «контрактная система» в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Регион: государственное и муниципальное управление. 2019. № 2(18). С. 3.
3. Калинина А. А. Совершенствование системы государственных закупок: преимущества и недостатки федеральной контрактной системы // Вестник Моск. ун-та. Сер. 26: Гос. аудит. 2014. № 3. С. 3—9.
4. Применение конкурсного механизма при осуществлении государственных и муниципальных закупок в 2006—2014 гг. / В. В. Мельников, Е. В. Беленькая, Е. В. Петрова, В. В. Тютин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. № 3. С. 80—86.
5. Моргунова Н. В., Грачева Д. А. Понятие и сущность контрактной системы в сфере закупок // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., 2019. С. 120—123.
6. Смотрицкая И. И., Черных С. И. Институт общественных закупок в современной российской экономике. М. : Изд-во ИЭ РАН, 2016. 280 с.
7. Храшкин А. А. Перспективы развития контрактной системы закупок // Учет в бюджетных учреждениях. 2011. № 12. С. 14—18.
8. Шмелева М. В. Гражданско-правовое регулирование контрактных отношений при государственных и муниципальных закупках в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.
9. Шувалов С. С. Контрактная система как механизм государственного регулирования экономики. М. : Изд-во ИЭ РАН, 2017. 224 с.

10. Яковлев Д. А. Контрактная система в сфере закупок: понятие, принципы, изменения 2019—2020 гг. URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/103033-qqq-19-m12-kontraktная-sistema-zakupok>.
11. Андреева Л. В. Формирование контрактной системы в России в условиях экономической интеграции // Юрист. 2013. № 14.
12. Чорновол Е. П. Понятие контрактной системы России в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Право и экономика. 2015. № 4.
13. Федорович В. А. Федеральная контрактная система: механизм регулирования государственного хозяйствования // Институт США и Канады. М. : Наука, 2010. С. 1027.
14. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ (ред. от 02.07.2021 г.).
15. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.).
16. Госзаказ Пермского края. URL: <https://94fz.permkrai.ru>.

REFERENCES

1. Belyaeva M. S. On the concept and features of the contract system under Russian law. In: *Penitentiary security: national traditions and foreign experience. Materials of the Int. sci. and pract. conf.*, 2018. Pp. 21—23. (In Russ.)
2. Buryu A. A., Leshchenko E. M. The content of the concept of contract system in the sphere of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. *Region: state and municipal management*, 2019, no. 2(18), p. 3. (In Russ.)
3. Kalinina A. A. Improving the public procurement system: advantages and disadvantages of the federal contract system. *Bulletin of Moscow University. Series 26: the State audit*, 2014, no. 3, pp. 3—9. (In Russ.)
4. Melnikov V. V., Belenkaya E. V., Petrova E. V., Tyutina V. V. Application of open tender mechanism in public and municipal procurement in 2006—2014. *State and municipal management. Scholar Notes*, 2014, no. 3, pp. 80—86. (In Russ.)
5. Morgunova N. V., Gracheva D. A. The concept and essence of the contract system in the field of procurement. In: *Fundamental foundations of innovative development of science and education. Collection of articles of the III Int. sci. and pract. conf.*, 2019. Pp. 120—123. (In Russ.)
6. Smotrinskaya I. I., Chernykh S. I. *Institute of Public Procurement in the modern Russian Economy*. Moscow, IE RAS publ., 2016. 280 p. (In Russ.)
7. Khramkin A. A. Prospects for the development of the contract procurement system. *Accounting in budget institutions*, 2011, no. 12, pp. 14—18. (In Russ.)
8. Shmeleva M. V. *Civil-legal regulation of contractual relations in public and municipal procurement in the Russian Federation. Abstract of Diss. of the Cand. of Law*. Saratov, 2013. (In Russ.)
9. Shuvalov S. S. *Contract system as a mechanism of state regulation of the economy*. Moscow, IE RAS publ., 2017. 224 p. (In Russ.)
10. Yakovlev D. A. *The Contract System in Procurement: Concept, Principles, Changes 2019—2020*. (In Russ.) URL: <https://www.pro-goszakaz.ru/article/103033-qqq-19-m12-kontraktная-sistema-zakupok>.
11. Andreeva L. V. Formation of the contract system in Russia in the conditions of economic integration. *Yurist*, 2013, no. 14. (In Russ.)
12. Chornovol E. P. The concept of the contract system of Russia in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. *Law and economics*, 2015, no. 4. (In Russ.)
13. Fedorovich V. A. *Federal contract system: the mechanism of regulation of state management*. Institute of the USA and Canada. Moscow, Nauka, 2010. 1027 p. (In Russ.)
14. *On the contract system in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs. Federal Law No. 44-FZ of 05.04.2013* (ed. of 02.07.2021). (In Russ.)
15. *Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ* (ed. of 01.07.2021). (In Russ.)
16. *State order of the Perm Region*. (In Russ.) URL: <https://94fz.permkrai.ru>.

Как цитировать статью: Попов И. А. Совершенствование механизма управления государственными закупками на основе уточнения теоретических основ // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 185—192. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.351.

For citation: Popov I. A. Improving public procurement management by clarifying the theoretical foundations. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 185—192. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.351.

УДК 338.984
ББК 65.011.3

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.329

Starkov Evgeniy Nikolaevich,
Postgraduate of the Department of Marketing,
St. Petersburg State University
of Economics,
Russian Federation, Saint Petersburg,
General Director of ORO Sport Moskva LLC,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: starkov_en_@spbu.su

Старков Евгений Николаевич,
аспирант кафедры маркетинга,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
генеральный директор ООО «ОРО Спорт Москва»,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: starkov_en_@spbu.su

ТРАНСФОРМАЦИИ МАРКЕТИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ИМПЕРАТИВЫ И ПРЕПЯТСТВИЯ

MARKETING TRANSFORMATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY: IMPERATIVES AND OBSTACLES

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

На сегодняшний день понятие маркетинга для каждого имеет различное значение. В условиях цифровизации его сущность заключается не только во внедрении современных технологий. Особое внимание уделяется аналитике, автоматизации, омниканальности, которые способствуют достижению успехов деятельности организации лишь в том случае, если цифровые преобразования осуществляются осознанно и целенаправленно [1]. Иными словами, важно, чтобы маркетологи знали своих клиентов, их проблемы и потребности. Дело не в том, какие инструменты следует применять, а в том, как и почему они используются. Высоких успехов добиваются те бренды, которые заранее предвидят перемены и инвестируют в них, пока не стало поздно [2].

Цифровой (диджитал) маркетинг — самое массовое средство распространения рекламы. Цифровой маркетинг охватывает обширную сеть цифровых каналов, с которыми клиенты взаимодействуют каждый день. Чтобы правильно использовать эти каналы, важно иметь представление о каждом из них. Развитие цифрового маркетинга влияет на все сферы экономики страны [3].

Маркетинговые технологии переживают ренессанс. Решения, ориентированные на канал, такие как веб-сайты, социальные и мобильные платформы, инструменты управления контентом и поисковая оптимизация, быстро становятся новостью вчерашнего дня. В рамках роста, выходящего за рамки маркетинга, организации теперь внедряют новое поколение маркетинговых систем, которые обеспечивают беспрецедентный уровень близости к клиентам, целевого взаимодействия и точного воздействия. Применяя новые подходы к сбору данных, принятию решений и доставке, компании теперь могут создавать индивидуальные, контекстуализированные и динамические комплексные решения для отдельных клиентов в условиях кризиса. Этот опыт, в свою очередь, может помочь клиентам установить глубокие эмоциональные связи с продуктами и брендами, которые стимулируют лояльность и рост бизнеса [4].

Today, the concept of marketing has a different meaning for everyone. Its essence, in the conditions of digitalization, is not only in the introduction of modern technologies. Special attention is paid to analytics, automation, and omni-channels, which

contribute to the success of the organization's activities only if digital transformations are carried out consciously and purposefully. In other words, it is important that marketers know their customers, their problems, and their needs. It is not a question of what tools should be used, but of how and why they are used. Brands that anticipate and invest in change achieve better results.

Digital marketing is the most popular means of advertising distribution. Digital marketing encompasses a vast network of digital channels that customers interact with every day. To properly use these channels, it is important to have an understanding of each of them. The development of digital marketing affects all spheres of the country's economy.

The paper examines the essence and concept of digital marketing, considers the main tools and methods of this phenomenon. The article considers the relevance of the transition to digital marketing and its features in modern business conditions. The impact of the introduction of digital marketing on modern business is determined. The main trends in the development of digital marketing tools and their impact on business performance are investigated. An overview of integrated digital marketing tools and channels is provided. The main problems on the way to the effective use of digital marketing are indicated.

Ключевые слова: маркетинг, цифровой маркетинг, трансформации, цифровая экономика, цифровые каналы, реклама, целевая аудитория, анализ, проблемы, императивы и препятствия.

Keywords: marketing, digital marketing, transformation, digital economy, digital channels, advertising, target audience, analysis, challenges, imperatives and obstacles.

Введение

Актуальность темы исследования связана с тем, что в современных условиях бизнес-среда характеризуется значительным усилением конкуренции [4]. Цифровизация мировой экономики, развитие технологического и социокультурной среды, внедрение новых форм коммуникаций обусловили необходимость поиска новых инструментов взаимодействия с потребителями на рынке. Компании в течение долгого времени использовали различные средства

продвижения собственных услуг и продуктов, однако в настоящее время они вынуждены применять новые управленческие инструменты для обеспечения устойчивости и более гибкого реагирования на изменения, которые становятся толчком для появления новой формы маркетинговой деятельности — цифрового маркетинга (digital marketing) [5]. Так, новые цифровые методы обработки и использования информации становятся основным источником повышения результативности и эффективности маркетинговой деятельности.

Изученность проблемы. Вопросам цифровизации бизнеса уделяется большое внимание. В. Н. Баранов отмечает, что российский бизнес по уровню развития технологий и использования их в коммерческой деятельности пока отстает от зарубежных предприятий, но усиление конкуренции, особенно в секторе розничной торговли, вынуждает изучать и внедрять мировой опыт [6]. Б. Б. Коваленко считает, что именно возможности цифровой трансформации позволяют создавать устойчивые конкурентные преимущества [7]. Аналогичной позиции придерживаются Eling Martin, Lehmann Martin в работе *The Impact of Digitalization on the Insurance Value Chain and the Insurability of Risks* [8].

Маркетинг стал объектом исследования как для отечественных, так и для зарубежных авторов. Среди российских ученых, изучавших различные аспекты и области в рамках маркетинговой деятельности, можно выделить следующих: Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, Е. П. Велихов, С. Ю. Глазьев и др.

Научная новизна исследования представлена авторским формулированием сущности и понятия цифрового маркетинга на современном этапе. В работе рассмотрены основные инструменты и методы данного явления. Изучена актуальность перехода на цифровой маркетинг и его особенности в современных условиях ведения бизнеса. Определена эффективность влияния от внедрения цифрового маркетинга на современный бизнес [9]. Исследованы основные тенденции развития цифровых маркетинговых инструментов. Проведен обзор интегрированных инструментов и каналов цифрового маркетинга. Указаны основные проблемы на пути к эффективному применению цифрового маркетинга в РФ.

Цель данного исследования — дать характеристику трансформации маркетинга в условиях цифровой экономики, выявить императивы и препятствия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- изучить цифровой маркетинг: понятие и развитие;
- рассмотреть трансформацию маркетинга в условиях цифровой экономики;
- выявить основные проблемы применения цифрового маркетинга бизнесом в России.

Метод и методология работы. В качестве общенаучных методов использованы: метод функционального анализа, исторический, системно-структурный метод, а также методы теоретического познания, а именно анализ, синтез, классификация полученных данных.

Теоретическая значимость исследования состоит в определении роли трансформации маркетинга в условиях цифровой экономики.

Практическая значимость исследования состоит в обозначении проблем применения цифрового маркетинга бизнесом в России, а также в выявлении императивов и препятствий для трансформации маркетинга в РФ.

Основная часть

Цифровой маркетинг является одной из сфер, в которой широко используются современные цифровые технологии [10]. Основной целью применения цифровых технологий в сфере маркетинга является больший охват аудитории, а также ведение конкурентной борьбы с помощью распространения на различных «площадках» [11]. Все эти факторы имеют ключевое значение не только для бизнеса, предприятий и компаний, но и в сфере политики, так как качество сообщений и посылаемой информации существенно увеличивается. Учитывая, что «цели, преследуемые в предвыборный период, диктуют свою специфику процессу коммуникации» [12], использование цифрового маркетинга в сфере политики означает, на наш взгляд, создание политической позиции кандидата с важной целью — получить поддержку масс.

В условиях трансформации цифровой экономики изменились критерии доступности товара и способы доставки клиентам. По сравнению с традиционными коммуникационными каналами цифровой маркетинг представляет собой ряд особенностей:

- 1) децентрализация поставщика информации, возможность выбора непосредственно в диалоге с покупателем;
- 2) цифровой маркетинг передает контент при помощи мультимедиа, таких как текст, аудио, фото, графика, анимация;
- 3) передача информации требует усилий сотрудников с необходимыми профессиональными компетенциями;
- 4) новые медиа имеют своей целью передавать информацию, предполагая обратную связь с целевой аудиторией;
- 5) обновление контента происходит в постоянном режиме и предполагает быстрый доступ к нему.

Следует отметить, что существенная разница между традиционным и цифровым маркетингом заключается в том, что digital-маркетинг основывается главным образом на цифровых каналах, тем самым предоставляя маркетологам больше контроля, инструментов и данных для анализа продуктивности компаний.

По мнению автора, цифровой маркетинг — это философия, стратегия и тактика бизнеса, которая направлена на получение прибыли, используя все возможные формы цифровых каналов, коммуникационных сетей, в том числе gsm, gps, gprs, bluetooth, WiFi и Internet. Цифровизация в нашей жизни достигла новых высот, и все больше людей проводят больше времени, делая больше дел в интернете, чем когда-либо раньше: количество людей во всем мире, пользующихся интернетом, выросло до 4,54 млрд, что выше на 7 % (298 млн новых пользователей) по сравнению с январем 2019 г. К началу 2020 г. насчитывалось 3,80 млрд пользователей социальных медиа, причем это число постоянно увеличивается [13].

Цифровой маркетинг сейчас занимает около 25 % от объема маркетинговых бюджетов компаний. Предприятия, использующие все доступные цифровые каналы и инструменты коммуникаций, в среднем на 25 % прибыльнее других предприятий. Поэтому в современных условиях маркетологи должны прежде всего обладать компетенциями в области цифрового маркетинга.

Согласно исследованию «Digital marketing strategies», проведенному в конце 2019 г. компанией Ascend2 [14], можно выделить семь основных каналов цифрового маркетинга, применяемые на мировом рынке:

1. Content Marketing (контент-маркетинг). Чтобы достичь поставленных целей, маркетологи создают и распространяют релевантный контент. Исследователи убеждены, что контент-маркетинг является первоочередным и необходимым инструментом для цифровой коммуникации с клиентами, так как он предлагает специализированную платформу, где необходимо знакомить потребителей с брендами, продуктами и услугами компании.

2. E-mail. Данный канал выделяется своей универсальностью и позволяет применять новейшие тенденции в контент-маркетинге, такие как персонализация и автоматизация, не нанося вреда маркетинговому бюджету. Электронная почта также имеет возможность поддерживать другие маркетинговые цели, поэтому неудивительно, что 73 % маркетологов в B2B заявляют, что электронная почта — это главный инструмент для получения потенциальных клиентов и соответствующей прибыли. Кроме того, данный цифровой канал получил настолько широкое распространение, что охватил 3,9 млрд пользователей в 2020 г. Согласно статистическим ожиданиям и прогнозам, к 2023 г. эта цифра вырастет до 4,3 млрд пользователей, что превышает половину населения мира [15].

3. Social Media (SM). В настоящее время развитие, монетизация и использование в коммерческих целях социальных медиа стали трендами мирового интернет-маркетинга за счет большого количества пользователей и возможности осуществлять как продажу продукции (услуг), так и определение персональных потребностей и интересов каждого покупателя.

4. Organic Search. Данный цифровой канал представлен рядом бесплатных поисковых интернет-систем, с помощью которых возможно определить необходимость потребителей в тех или иных потребностях и удовлетворить их. Органический цифровой маркетинговый канал включает весь трафик веб-сайтов, который поступает с поисковых систем, таких как Google, Bing, Yahoo и др.

5. Paid Search. Цифровой маркетинговый канал платного поиска включает весь трафик веб-сайта, который поступает от платных объявлений в поисковых системах. Он также может называться маркетингом поисковых систем (SEM) или платой за клик (PPC). Примером является Google Adwords и Bing Ads. Главным отличием данного цифрового канала является платный поиск информации, за счет чего размещенные платные объявления выводятся над результатами поиска бесплатных, а следовательно, увеличивается возможность продажи товара [16].

6. Display Ads. Представлен в виде медийных объявлений, позволяющих использовать изображения, аудио и видео для лучшего рекламного сообщения. В основном данные отображаются в объявлениях на веб-сайтах, платформах электронной почты, социальных медиа и многих других цифровых каналах, которые предлагают размещение рекламы, как правило, в виде баннера. Главным отличием данного канала является возможность отслеживать пользователей и осуществлять повторные предложения относительно предложенного продукта [17].

7. Mobile. Использование мобильных телефонов растет с каждым днем. На сегодня 5,19 млрд человек пользуются мобильными телефонами, а значит, имеет смысл размещать рекламный контент мобильным пользователям. Кроме того, использование геолокации дает возможность более точно рекомендовать те или иные продукты и услуги. Еще одним преимуществом данного канала является реклама товаров

и услуг посредством сотрудничества с разработчиками мобильных приложений и игр, поскольку 90 % пользователей смартфонов проводят свое мобильное время именно в них.

Цифровая трансформация теперь дает маркетологам гораздо более точные данные и показатели пользователей, позволяя им настраивать и оптимизировать маркетинговые планы. Знание того, что не работает, что работает и насколько хорошо, позволяет быть более гибким, отзывчивым и целенаправленным [18]. Цифровая трансформация оказала огромное беспрецедентное влияние на интерактивность. В отличие от традиционных средств массовой информации, таких как фильмы, телевидение и музыка, цифровые средства массовой информации интерактивны, что дает людям больший выбор в отношении того, что они потребляют, как они потребляют и с кем делятся [19].

В 2021 г. интернет-бизнес должен быть готов вложить больше времени и ресурсов в свои стратегии онлайн-присутствия и маркетинга в социальных сетях. Эффективная стратегия интернет-маркетинга позволяет охватить больше клиентов, взаимодействовать с существующими подписчиками, увеличить трафик веб-сайта и доход. Кроме того, необходимо уделить время улучшению основной структуры и контента сайта для улучшения видимости результатов поиска в Google, Yandex и т. д. [20].

Пандемия заставила больше людей выполнять работу дистанционно, увеличив время, которое они проводят в интернете. Данный фактор позволяет увеличить охват, время и взаимодействие с существующими подписчиками. Маркетологам необходимо убедиться, что их бизнес опережает конкурентов с помощью продуманной digital-стратегии и сайта с хорошим пользовательским интерфейсом (UI/UX).

73 % специалистов по маркетингу, опрошенных в недавнем исследовании Gartner, говорят, что негативные последствия пандемии для общества будут недолгими. Более половины респондентов ожидают, что производительность вернется в нормальное русло в течение следующих двух лет. Более трети считают, что вирус окажет значительное положительное влияние на их интернет-бизнес в будущем [21].

На данный момент COVID-19 привел к множеству значительных изменений в бизнесе и маркетинге. В 2020 г. на него приходится около 80 % всех бюджетов маркетинговых каналов. Ожидается, что это число только увеличится в 2021 г. Современный интернет-бизнес быстро адаптируется, чтобы оставаться актуальным для подписчиков и в целом для общества виртуального мира.

С каждым днем интернет-маркетинг смог взлететь по мере его распространения с помощью современных информационных и инновационных технологий. В период COVID-19 TikTok стал новым гигантом социальных сетей на интернет-арене. В 2021 г. новые тенденции маркетинга вошли на рынок, появилось достаточно много технологий для увеличения охвата бизнеса. Важно отметить, что в отличие от 2020 г., когда рынок был одиноким из-за пандемии, предстоящие тенденции гораздо более гибкие и широко распространенные [21].

Автоматизация маркетинга дает множество преимуществ, от экономии времени до генерации лидов и сокращения циклов продаж. В 2021 г., несомненно, можно ожидать дальнейшие достижения в автоматизации интернет-маркетинга, начиная от крупных корпораций и заканчивая внедрением малого бизнеса. Одним из таких примеров является внедрение в бизнес инструментов на основе

искусственного интеллекта, таких как Headlime, которые помогают автоматически создавать виртуальные подписи для различных блогов, целевых страниц и рекламы с помощью модели автогенеративного языка GPT-3.

SMS-маркетинг является неотъемлемой частью многоканального маркетинга, где компании поддерживают контакт со своими подписчиками на разных устройствах, от ноутбуков до мобильных устройств. Например, сеть ресторанов быстрого питания Chipotle лидировала в перекрестном продвижении SMS-сервисов с помощью социальных сетей, чтобы транспортировать клиентов вниз по своей маркетинговой воронке.

Пользовательский контент (User-generated content) часто имеет форму видео-отзывов, когда лидеры мнений, маркетологи, специалисты по связям с общественностью коммуницируют непосредственно с камерой и рассказывают о преимуществах продукта или демонстрируют использование продукта. Это часто используется в B2C-компаниях, особенно в брендах D2C.

Обновление SEO в связи с новым обновлением поискового сервиса Google. Эти алгоритмы представляют собой сложную систему, используемую для получения данных из своего поискового индекса и мгновенного получения возможных результатов для запроса. Поисковая система использует комбинацию алгоритмов и многочисленные сигналы ранжирования для веб-страниц, ранжированных по релевантности на своих страницах результатов поиска (Search Engine Results Page).

Увеличение голосового и визуального поиска. Все больше потребителей ищут информацию с помощью голосовых инструментов, таких как Alice, Siri и т. д. Но в 2021 г. преобладает не только голосовой поиск: также можно ожидать, что другие методы творческого поиска, например визуальный поиск, значительно возрастут по частоте применения.

Такие инструменты, как Google Lens, позволяют потребителям искать все, что они могут видеть. Это означает, что маркетологам нужно будет еще больше сосредоточиться на исходном тексте и картах сайта для изображений. В течение года визуальные эффекты будут приобретать все большее значение в SEO-игре.

Согласно проведенному исследованию GlobalWebIndex, определено, что поисковые системы являются основным источником открытия новых брендов и продуктов для мировых пользователей интернета, что даже немного опередило телевизионную рекламу [22].

На сегодняшний день количество популярных используемых площадок лишь возрастает. Среди них такие «гиганты» социальных сетей, как «ВКонтакте» с аудиторией в 97 млн чел. на 2020 г., Facebook (2,7 млрд чел.), Instagram (около 1 млрд чел.), Twitter (более 500 млн чел.) и др. [23], а также различные сервисы микроблогов, например Tumblr и Flickr, видеохостинги YouTube и TikTok и многие другие. Стоит отметить и индивидуальные мессенджеры, такие как WhatsApp, Viber и Telegram.

В качестве еще одного способа продвижения бренда путем цифрового маркетинга выделяется «игровой маркетинг», или игрофикация. Под этими терминами мы понимаем особый вид коммуникации с аудиторией с помощью применения взаимодействия в игровой форме. Данный вид продвижения бренда становится эффективным в силу увеличения популярности различных онлайн- и офлайн-игр. Без преувеличения, «игровой маркетинг» обладает множеством преимуществ, так как в процессе игры аудитория

обращается к эмоциональной составляющей и с течением времени осваивает функциональный момент. При этом уровень сложности задач постепенно повышается.

Результатом вышесказанного являются следующие выводы:

1. С помощью цифровых технологий маркетологи могут обеспечивать постоянную обратную связь, Q&A, разработку стратегии продвижения цифрового бизнеса, увеличение интереса целевой аудитории к различным маркетинговым активностям.

2. Потребность в подключении, персонализации и выдающемся опыте работы с клиентами будет играть большую роль во всех отношениях B2B- и B2C-маркетинга в 2021 г.

3. Компании должны позиционировать себя как идейные лидеры, чтобы укрепить доверие и лояльность к целевой аудитории.

4. Инструменты и технологии интернет-маркетинга являются основным триггером влияния на покупательское поведение потребителей, поскольку они делятся обзорами продуктов, опытом обслуживания и советами по использованию продукта, товара или услуги.

Результаты иллюстрируют влияние COVID-19 на развитие интернет-маркетинга, что может повлиять на процессы принятия решений потребителями. Поэтому эффективное применение инструментов должно быть частью маркетинговой стратегии любого интернет-бизнеса.

Заключение, выводы

К сожалению, по уровню использования цифровых технологий Россия уступает развитым странам. К основным проблемам применения цифрового маркетинга бизнесом в России можно отнести:

1. Отсутствие квалифицированных специалистов. В настоящее время существует дефицит квалифицированных маркетологов-аналитиков, как из-за практико-ориентированного образования, так и вследствие препятствий со стороны собственников предприятий, которые не понимают специфики работы маркетолога.

2. Отсутствие системы маркетинговой стратегии на предприятиях. В основном предприятия сосредотачивают свою маркетинговую стратегию на разработке веб-сайта и медиа-рекламы [24].

3. Высокие затраты на внедрение системы цифрового маркетинга. Для эффективного внедрения различных инструментов цифрового маркетинга необходимы значительные денежные вливания. В России для экономии средств используют лишь незначительное количество инструментов, что негативно влияет на результат, а следовательно, на эффективность цифрового маркетинга [25].

4. Проблема измерения эффективности цифровых рекламных сообщений. Кроме того, главными проблемами, с которыми сталкивается наша страна, являются те, которые тесно связаны с технологическим прогрессом, и со временем они будут только актуализироваться, подгоняясь инновациями и увеличением мощности и доступности программного обеспечения.

Таким образом, цифровые инструменты помогают построить четкий план цифрового маркетинга, который определяет интернет-маркетинг и рекламу компании. Цель плана цифрового маркетинга — стимулировать преобразование с помощью социальных медиа и контента.

В мире цифрового маркетинга существует множество приложений и программных решений для обеспечения бесперебойной работы. Вот почему важно сосредоточить усилия на том, что важно для бизнеса. Автор может сделать вывод,

что наиболее распространенными направлениями применения программ цифрового маркетинга являются управление социальными медиа, автоматизация и контент-маркетинг. Многие компании пересматривают свою организационную структуру в поисках более эффективных решений. Со временем большая часть процессов будет оцифрована, и они станут менее зависимыми от человеческого фактора [26].

Таким образом, цифровые технологии успешно закрепились в сфере маркетинга и в данный момент являются уже незаменимым средством, несмотря на резкий скачок. Цифровой маркетинг, в свою очередь, позволяет компаниям наладить успешную коммуникацию с целевой аудиторией, общаясь с ней на «одном языке», а также создавать персонализированный контент.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Коростелев Н. А. Актуальные тенденции развития цифрового маркетинга в современных условиях // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 12-2(58). С. 57—60.
2. Котлер Ф, Картаджайа Х., Сетиаван А. Маркетинг 4.0. Разворот от традиционного к цифровому: технологии продвижения в интернете / Пер. с англ. М. : Бомбора, 2020. 224 с.
3. Куликова Е. С. Понятие «цифровой маркетинг»: библиографический обзор // Московский экономический журнал. 2020. № 7. С. 43.
4. Ометова Д. А. Реклама в реалиях цифровой экономики: цифровой маркетинг // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 11(39). С. 473—477.
5. Цыплаков Н. В. Повышение эффективности цифровых инструментов маркетинга на основе анализа конверсии онлайн-продаж // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2020. Вып. 8. С. 87—93. URL: http://vf.u.unecon.ru/docs/Vestnik_8_2.pdf.
6. Баранов Д. Н. Сущность и содержание категории «цифровая экономика» // Вестник Московского ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 1. Экономика и управление. 2018. № 2(25). С. 15—23.
7. Коваленко Б. Б. Цифровая трансформация: пути создания конкурентных преимуществ бизнес-организаций // Наука и бизнес: пути развития. 2017. № 9(75). С. 49—52.
8. Elling M., Lehmann M. The Impact of Digitalization on the Insurance Value Chain and the Insurability of Risks // 21st APRIA 2017 Annual Conference: Session 2B — Technology. 2017. No. 21. P. 11. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/255128/1/201707-02_Impact%20of%20Digitalization%20in%20Insurance.pdf.
9. Алексеев И. В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития электронного взаимодействия // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 4-2(10). С. 43.
10. Брутян М. М. Цифровая революция в маркетинге // Практический маркетинг. 2019. № 2. С. 3—15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-marketing-obzor-kanalov-i-instrumentov/viewer>.
11. Audience Insight Tools, Digital Analytics and Consumer Trends. 2021. URL: <https://www.globalwebindex.com>.
12. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. Marketing 4.0. Moving from Traditional to Digital. Wiley, 2017.
13. Леонов А. И. Влияние системы менеджмента на цифровизацию российского маркетинга // Менеджмент в России и за рубежом. 2020. № 5. С. 69—77.
14. Strategies, Tactics and Trends for 2020 Digital Marketing plans. URL: <https://ascend2.com/wp-content/uploads/2019/11/Ascend2-2020-Digital-Marketing-Plans-Survey-Summary-Report-191120.pdf>.
15. Мургазова Х. С., Дахаева Ф. Д. Роль цифрового маркетинга в условиях цифровизации общества // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 3. С. 149—151. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovogomarketinga-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva/viewer>.
16. Салютина Т. Ю., Платунина Г. П., Васильева И. А. Развитие современного предприятия с помощью использования интернет-маркетинга // Мобильный бизнес: перспективы развития и реализации систем радиосвязи в России и за рубежом: сб. материалов (тезисов) XLII междунар. конф. РАЕН, 2018. С. 86—89.
17. Kemp S. Digital 2020: Global Digital Overview. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.
18. E-mail-рассылка как инструмент интернет-маркетинга. URL: <https://www.unisender.com/ru/support/about/glossary/chto-takoe-email-rassylka>.
19. Wishpond-Marketing Made Simple. URL: <https://blog.wishpond.com/post/115675436687/social-media-marketing>.
20. Marketing Insider Group. URL: <https://marketinginsidergroup.com/strategy/digitalmarketing-trends>.
21. Digital Marketing. URL: <https://digitalagencynetwork.com/blog/digitalmarketing>.
22. GlobalWebIndex. Digital 2020: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite>.
23. Лунева Е. А., Реброва Н. П. Цифровой маркетинг : учеб. пособие. М. : Прометей, 2021. 164 с.
24. Dasser M. Marketing, the change catalyst for digital business transformation: Lessons learned from the modernization of a B2B marketing organization // Journal of Brand Strategy. 2019.
25. Шевченко Д. А. Рынок диджитал коммуникаций в России: ситуация и основные тренды // Системные технологии. 2018. № 1(26). С. 84—89.
26. Zameer H., Wang Y., Yasmeeen H. Transformation of firm innovation activities into brand effect // Marketing Intelligence and Planning. 2019. URL: <https://doi.org/10.1108/MIP-05-2018-0176>.

REFERENCES

1. Korostelev N. A. Current trends in the development of digital marketing in modern conditions. *Economics and Business: theory and practice*, 2019, No. 12-2(58), pp. 57—60. (In Russ.)

2. Kotler F., Kartajaya H., Setiawan A. *Marketing 4.0. Turning from traditional to digital: technologies of promotion on the Internet*. Trans. from English. Moscow, Bombora, 2020. 224 p. (In Russ.)
3. Kulikova E. S. The concept of “digital marketing”: bibliographic review. *Moscow Economic Journal*, 2020, no. 7, p. 43. (In Russ.)
4. Ometova D. A. Advertising in the realities of the digital economy: digital. *Skif. Questions of students science*, 2019, no. 11(39), pp. 473—477. (In Russ.)
5. Tsyplakov N. V. Improving the effectiveness of digital marketing tools based on the analysis of online sales conversion. *Vestnik fakulteta upravleniya SPBGEU*, 2020, iss. 8, pp. 87—93. (In Russ.) URL: http://vf.u.unecon.ru/docs/Vestnik_8_2.pdf.
6. Baranov D. N. The essence and content of the category “digital economy”. *Moscow Witte University Bulletin. Series I. Economics and Management*, 2018, no. 2(25), pp. 15—23. (In Russ.)
7. Kovalenko B. B. Digital transformation: ways of creating competitive advantages of business organizations. *Science and business: ways of development*, 2017, no. 9(75), pp. 49—52. (In Russ.)
8. Elling M., Lehmann M. The Impact of Digitalization on the Insurance Value Chain and the Insurability of Risks. In: *21st APRIA 2017 Annual Conference. Session 2B — Technology, 2017*. No. 21. P. 11. URL: https://www.alexandria.unisg.ch/255128/1/201707-02_Impact%20of%20Digitalization%20in%20Insurance.pdf.
9. Alekseev I. V. Digital economy: features and trends in the development of electronic interaction. *Current directions of scientific research: from theory to practice*, 2016, no. 4-2(10), p. 43. (In Russ.)
10. Brutyan M. M. Digital revolution in marketing. *Practical marketing*, 2019, no. 2, pp. 3—15. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-marketing-obzor-kanalov-i-instrumentov/viewer>.
11. *Audience Analysis Tools, Digital Analytics and Consumer Trends. 2021*. URL: <https://www.globalwebindex.com>.
12. Kotler P., Kartajaya H., Setiawan I. *Marketing 4.0. Transition from traditional to digital*. Wiley, 2017.
13. Leonov A. I. The influence of the management system on the digitalization of the Russian marketing. *Management in Russia and abroad*, 2020, no. 5, pp. 69—77. (In Russ.)
14. *Strategies, tactics and trends for digital marketing plans for 2020*. URL: <https://ascend2.com/wp-content/uploads/2019/11/Ascend2-2020-Digital-Marketing-Plans-Survey-Summary-Report-191120.pdf>.
15. Murtazova Kh. S., Dakhaeva F. D. The role of digital marketing in the conditions of digitalization of society. *Education. Science. Scientific Personnel*, 2020, no. 3, pp. 149—151. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovogomarketinga-v-usloviyah-tsifrovizatsii-obschestva/viewer>.
16. Salutina T. Yu., Platunina G. P., Vasileva I. A. Development of a modern enterprise through the use of Internet marketing. In: *Mobile business: prospects for development and implementation of telecommunication systems in Russia and abroad. Collection of materials (theses) of the XLII Int. conf. of the Russian Academy of Sciences*, 2018. Pp. 86—89. (In Russ.)
17. Kemp S. *Digital technology 2020: Global digital overview*. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview>.
18. *E-mail-mailing as an Internet marketing tool*. (In Russ.) URL: <https://www.unisender.com/ru/support/about/glossary/chto-takoe-email-rassylka>.
19. *Wishpond-Marketing Made Simple*. URL: <https://blog.wishpond.com/post/115675436687/social-media-marketing>.
20. Marketing insider group. URL: <https://marketinginsidergroup.com/strategy/digitalmarketing-trends>.
21. *Digital marketing*. URL: <https://digitalagencynetwork.com/blog/digitalmarketing>.
22. *Global Web Index. Digital 2020: Annual global survey from We Are Social and Hootsuite*. URL: <https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite>.
23. Luneva E. A., Rebrova N. P. *Digital marketing. Textbook*. Moscow, Prometey, 2021. 164 p. (In Russ.)
24. Dasser M. Marketing, a catalyst of changes for the transformation of digital business: lessons learned from the modernization of a B2B marketing organization. *Journal of Brand Strategy*, 2019.
25. Shevchenko D. A. Digital communications market in Russia: the situation and the main trends. *System technologies*, 2018, no. 1(26), pp. 84—89. (In Russ.)
26. Zamir H., Wang Y., Yasmin H. Transformation of the company’s innovative activity into the brand effect. *Marketing Intelligence and Planning*, 2019. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.1108/MIP-05-2018-0176>.

Как цитировать статью: Старков Е. Н. Трансформации маркетинга в условиях цифровой экономики: императивы и препятствия // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С.193—198. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.329.

For citation: Starkov E. N. Marketing transformations in the digital economy: imperatives and obstacles. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 193—198. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.329.

УДК 336(045)
ББК 65.052.2:32.97

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.354

Turmanov Marat Tumabekovich,
Postgraduate of the Department of Accounting,
Audit and Taxation,
State University of Management,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: m.turmanov@gmail.com

Турманов Марат Тумабекович,
аспирант кафедры бухгалтерского учета,
аудита и налогообложения,
Государственный университет управления (ГУУ),
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: m.turmanov@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИДЖИТАЛИЗАЦИИ БУХГАЛТЕРИИ

MODERN TRENDS IN DIGITALIZATION OF ACCOUNTING

08.00.12 — Бухгалтерский учет, статистика

08.00.12 — Accounting, statistics

В статье обосновывается необходимость раскрытия отличий понятий «цифровизация» («диджитализация») и «оцифровывание», характеризуются концептуальные свойства каждого понятия с позиций опосредования ими событий и фактов реальной практики. Указывается на важность понимания сути данных понятий с теоретической и практической сторон, поскольку смешение терминов «цифровизация»/«диджитализация» и «оцифровывание» дает неверное представление о реальных процессах цифровой трансформации информации, организации информационного потока в соответствии с действующим законодательством. В статье сформулированы критерии отличия диджитализации (digitalization) и оцифровки информации (digitization). Предложено авторское видение причинно-следственных связей цифровой трансформации денежных потоков во всех сферах экономики (финансовых и нефинансовых) как по вертикали, так и по горизонтали и их влияния на корпоративную экономическую стратегию. С этих позиций вся экономическая система, где все учитывается и контролируется, — это «бухгалтерия».

В статье решены поставленные цели и задачи, что позволило уточнить содержание ряда терминов и понятийных характеристик «цифровых» процессов в экономике, выявить вариации законных платежных средств для целей бухгалтерского учета, в составе которых наличные, безналичные, а также электронные денежные средства, раскрыть условия признания цифровых финансовых активов в бухгалтерском учете как финансовых вложений. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в получении выводов и предложений, которые вносят вклад в решение проблемы методического обеспечения процессов диджитализации в бухгалтерии в условиях цифрового сопровождения потребностей менеджмента и институциональных регуляторов (Минфин России и др.), использования в практической деятельности экономических субъектов разработанной методической базы при формировании внутренних документов по организации диджитализации учетного процесса и проведении контрольных процедур.

The article substantiates the need to reveal the differences between the concepts of digitalization and digitization, characterizes the conceptual properties of each concept from the standpoint of their mediation of events and facts of real practice. It is pointed out that it is important to understand the essence of these concepts from the theoretical and practical sides, since the confusion of the terms “digitalization” and “digitization” gives

an incorrect idea of the real processes of digital transformation of information, the organization of information flows in accordance with the current legislation. The article formulates the criteria for distinguishing digitalization and digitization of information. The author’s vision of the cause-and-effect relationships of the digital transformation of cash flows in all spheres of the economy (financial and non-financial) both vertically and horizontally and their impact on the corporate economic strategy is presented. From this perspective, the entire economic system, where everything is accounted for and controlled, is “accounting”.

The article solves the set goals and objectives, which makes it possible to clarify the content of a number of terms and conceptual characteristics of “digital” processes in the economy, to identify variations in legal tender for accounting purposes, which include cash, non-cash, and electronic funds, to disclose the conditions of recognition digital financial assets in accounting as financial investments. The theoretical and practical significance of the work lies in obtaining conclusions and proposals that contribute to solving the problem of methodological support of digitalization processes in accounting in the context of digital support for the needs of management and institutional regulators (the Ministry of Finance of Russia and others), the use of the developed methodological base in the practical activities of economic entities for formation of internal documents for organizing the digitalization of the accounting process and conducting control procedures.

Ключевые слова: диджитализация, виртуальная информационная система, цифровой бухгалтерский учет, цифровизация, онлайн-бухгалтерия, распределенный реестр, цифровые валюты, цифровые активы, оцифровка, большие данные, экосистема.

Keywords: digitalization, virtual information system, digital accounting, digitalization, online accounting, distributed ledger, digital currencies, digital assets, digitization, big data, ecosystem.

Вся наша жизнь — БУХГАЛТЕРИЯ.
Проф., д-р экон. наук В. Ф. Щермет

Введение

Актуальность выбранной для исследования темы определяется тем, что цифровая трансформация информационных потоков в российской экономике достаточно глубоко изменила модели взаимодействия участников бизнес-процессов. Это коснулось прежде всего банковской сферы,

контролирующей генерацию и распределение финансовых ресурсов в цифровом формате¹.

Изученность проблемы. Как показывают результаты исследования литературных источников, в большинстве статей приводятся доводы в отношении повсеместной цифровизации/диджитализации объектов бухгалтерского учета, тогда как это всего лишь оцифровывание отчетности и передача ее соответствующему адресату. Предвосхищение исследователями успешности перевода бухгалтерий на цифровой формат вуалирует подлинные проблемы этого процесса. В результате у исследователей сформировалось неверное постулирование глубокой цифровизации всего и вся, называемой диджитализацией. Однако точного определения данного понятия учеными не выработано. Отличие цифровизации (диджитализация/*digitalization*) от оцифровки информации (*digitization*) в том, что диджитализация приводит к формированию цифровых крупных экосистем [1]. Сегодня в крупных экосистемах-банках сформированы, например, цифровые сервисы, названные «онлайн-бухгалтерия», и иные сервисы цифрового обслуживания. На этом основании авторы многих публикаций утверждают, что бухгалтерии корпоративных структур массово переходят в зону диджитализации [2–4]. Опубликованы и иные мнения, которые поддерживает автор настоящей статьи. Так, Иванов А. полагает, что «не всегда за названием „онлайн-бухгалтерия“ на самом деле скрывается бухгалтерия. Чаще речь идет о сервисах для автоматического расчета суммы налога по специальным налоговым режимам для малого бизнеса (УСН 6 %). Для ведения бухгалтерского учета они не предназначены. Например, так устроены якобы бухгалтерии в „Тинькофф“, „Альфа-банке“, „Райффайзенбанке“. Есть и примеры полноценного бухгалтерского обслуживания, встроеного в экосистему банка: „Сбербанк“ и „Модульбанк“, но эти решения сложно назвать онлайн-овыми. Обычно это традиционная бухгалтерская компания, которая коммуницирует с клиентом через банковский интерфейс, но не поставляет через него весь объем формируемой финансовой информации клиента» [1].

Целесообразность разработки темы. Противоречия понятийных толкований цифровых явлений в российской и мировой экономиках и связанные с этим сложности понимания методологии перевода информации о финансовых потоках на государственном и корпоративном уровнях в цифровые форматы обусловили необходимость исследования понятия «цифровых» процессов в экономике; оценки тенденций цифровизации «бухгалтерии»; определения перспектив перевода базовых сфер управления информацией (учет, анализ, контроль, отчетность) на цифровой формат.

Цель исследования — сформулировать современные тенденции диджитализации бухгалтерии и раскрыть перспективы данного процесса применительно к цифровым финансовым активам.

В соответствии с поставленной целью в работе решены следующие задачи:

- исследовать понятийные характеристики «цифровых» процессов в экономике;
- выявить вариации законных платежных средств для целей бухгалтерского учета;
- раскрыть условия признания цифровых финансовых активов в бухгалтерском учете как финансовых вложений в соответствии с российскими и международными

правилами идентификации ЦФА (токенов) в качестве объекта учетной политики компаний.

Теоретическая значимость работы заключается:

- в уточнении содержания ряда терминов и понятийных характеристик «цифровых» процессов в экономике; выявлении вариации законных платежных средств для целей бухгалтерского учета, в составе которых наличные, безналичные, а также электронные денежные средства;
- раскрытии условий признания цифровых финансовых активов в бухгалтерском учете как финансовых вложений в соответствии с российскими (наличие надлежаще оформленных документов, переход к компании-эмитенту ЦФА (токенов) финансовых рисков, способность приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем в форме процентов) и международными правилами идентификации ЦФА (токенов) в качестве объекта учетной политики компаний в соответствии с правилами МСФО (IFRS 9, 38, 2, 1).

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные выводы и предложения вносят вклад в решение проблемы методического обеспечения процессов диджитализации в бухгалтерии, необходимого для нормативно-правового регулирования реализации диджитализации, в условиях цифрового сопровождения потребностей менеджмента и институциональных регуляторов (Минфин России и др.). Разработанная методическая база может быть использована в практической деятельности экономических субъектов при разработке внутренних документов по организации диджитализации учетного процесса и проведении контрольных процедур, в учебном процессе, а также для повышения квалификации специалистов в соответствующих областях.

Научная новизна. Решение данных задач рассматривается как реализация поставленной цели — сформулировать современные тенденции диджитализации менеджмента и раскрыть перспективы данного процесса применительно к бухгалтерским процессам.

Методы. В исследовании использовались методы систематизации, классификации, аналогии и сопоставлений, сравнения и логических заключений на основе обобщения научной литературы по исследуемой проблеме и практического опыта.

Основная часть

Краткая понятийная характеристика «цифровых» процессов в экономике. Информационная система — крайне подвижная субстанция познания и управления реальными и виртуальными объектами [5, 6]. Управлять ею человечество научилось давно, используя различные счетные приспособления: «зарубки» → канцелярские счеты → арифмометр → калькуляторы «Вега» и «Искра 123» → информационно-аналитические системы и комплексы, например такие: 1С (бухгалтерия; управление и иные форматы); Криста BI; SAS Visual Analytics от SAS; Microsoft Power BI (программа бизнес-аналитики, предоставляющая аналитические сведения для принятия быстрых и обоснованных решений руководителями); SAP Lumira — это система бизнес-аналитики, обеспечивающая поиск и визуализацию данных, построение интерактивных панелей мониторинга и аналитических приложений. Сервис позволяет распространять ценную информацию во всех подразделениях

¹ Указ Президента РФ «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017—2030 годы» от 09.05.2017 г. № 203.

организации и др. Все это исторические вехи автоматизированного развития бухгалтерского учета, анализа, контроля и отчетности. Все эти ИТ-системы характеризуют различные стороны процессов диджитализации информационных потоков.

Для цифровизации сфер корпоративного менеджмента в России было принято несколько «цифровых Законов и Концепций Центробанка, развивающих технологии РР, цифровых экосистем, цифровых платформ для цифрового рубля». Массовый отклик специалистов на данные государственные инициативы был критическим, «когда российскими специалистами и законодателями предпринимаются попытки урегулировать общественные отношения, которые в той или иной форме были заимствованы или начали свое развитие в других странах, существует (по меньшей мере) два метода формирования понятийного аппарата. Мы можем использовать транслитерацию иностранного слова (термина) или придумать собственный термин. В Законах, регулирующих цифровизацию, законодатели выбрали иной путь, и вместо уже устоявшихся понятий, вроде „криптовалюта“ или „токен“, были придуманы термины „цифровые финансовые активы“, „цифровая валюта“, „цифровые права“. Пилотные проекты диджитализации базовых сфер финансового менеджмента запущены крупными зарубежными холдингами» [7].

Легитимность цифровых терминов подвигла специалистов бухгалтерского учета к исследованию перспектив использования цифровой валюты в качестве расчетно-платежного средства. Как известно, в российских и международных стандартах в качестве денежной единицы оценки хозяйственных сделок может использоваться национальная валюта, соответствующая ряду критериев, установленных гражданским законодательством, ФСБУ и МСФО. Одним из критериев является понятийная однозначность дефиниции понятия «денежные средства». Исследование показало отсутствие таковой в ПБУ 23/2011 «Отчет о движении денежных средств», где оно должно

быть по определению. Нет дефиниции «денежные средства» и в МСФО (IAS) 7, где указаны только виды: «денежные средства в кассе и депозиты до востребования». В статье 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» такими названы «наличные деньги», названные «вещами», и «безналичные деньги», названные «иным имуществом». В статье 140 ГК РФ «Валюта (деньги)» единицей учета является «рубль как законное платежное средство, обязательное к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации». Таким образом, в нормативно-правовых актах не приводятся точные критерии, судя по которым можно определить: это — деньги, а это — не деньги. «Работает» пока один критерий идентификации денег: они должны быть законным платежным средством. «Цифровые деньги» или «цифровая валюта», под которыми подразумеваются биткоин и подобные ему майнинговые криптознаки, такому критерию не соответствуют. На вопрос о том, есть ли перспектива оценки объектов бухгалтерского учета в е-рублях, ответ однозначный — нет. В «цифровом» Законе № 259-ФЗ от 31.07.2020 г. указано, что «цифровые финансовые активы и цифровая валюта не являются законными средствами платежа на территории РФ» (статья 8).

Некоторые аналитики приравнивают виртуальную валюту к электронным деньгам, однако это не совсем верно. Так называемые электронные деньги — это расчеты в национальной валюте (рубли, доллары и пр.), изначально имеющей физическую форму, но организованные по электронным каналам связи как электронные платежные системы (далее — ЭПС). Их вносят на счет перечислением или наличными купюрами через банкомат, терминал. «Электронная валюта — еще одна форма реальных денег, в то время как майнинговая криптовалюта к традиционным денежным средствам не имеет отношения» [8].

Российское законодательство четко определяет статус законного платежного средства, внутренний состав которого показан на рис. 1.

Рис. 1. Вариации законных платежных средств для целей бухгалтерского учета

В Республике Беларусь и Эстонской Республике приняты законы о регулировании продуктов цифровизации объектов экономических отношений. Эти государства легализовали механизмы привлечения инвестиций — секьюрити-токенов — как цифровой формы денежных отношений. Однако законодателям не удалось четко обозначить способы их получения и каналы «хождения». Так, закон респу-

блики Беларусь, названный «Декрет № 8 от 21.12.2017 г. „О развитии цифровой экономики“», позволил принять Минфином республики 06.03.2018 г. Приказ № 16 «Стандарт бухгалтерского учета и отчетности „Цифровые знаки (токены)“». Однако в тексте данного стандарта необоснованно упоминается майнинг, не относящийся к предмету регулирования данного закона — ЦФА (токены).

Исходя из смысла принятого РБ стандарта, объектом бухгалтерского учета является «цифровой знак» или «токен». Токены, приобретаемые компанией через эмиссию, квалифицируются «обязательствами». В зависимости от ситуации их дальнейшего использования в стандарте описываются методы их учета и отражения результатов в бухгалтерском балансе. Приобретение компанией токена через трейдинг (покупка на открытом рынке учитывается бухгалтерией белорусских компаний в зависимости от срока обращения по дебету счетов как 06 «Долгосрочные финансовые вложения» (если срок обращения токенов превышает 12 месяцев с даты их размещения) или 58 «Краткосрочные финансовые вложения» (если срок обращения токенов меньше 12 месяцев), по кредиту счетов — как 76 «Расчеты с разными дебиторами и кредиторами» или 91 «Прочие доходы и расходы».

Собственно, приведенные выше правила учета цифровых форм активов идентичны российскому ПБУ 19/02 «Финансовые вложения», который к 2023 г. будет модифицирован по аналогии с МСФО 9 «Финансовые инструменты» в ФСБУ аналогичного названия. Также аналогичные позиции в учетной политике содержатся по отношению к результатам оборота токенов. Так, юрист компании «Лемчик, Крупский и Партнеры», LLM Вовк В. описывает ряд позиций учета результатов оборота токенов: «прекращение прав, удостоверяемых токеном, стоимость полученных организацией активов отражают по дебету счетов 41 «Товары», 51 «Расчетные счета», 52 «Валютные счета», 55 «Специальные счета в банках» и других счетов и кредиту счетов 06 «Долгосрочные финансовые вложения», 58 «Краткосрочные финансовые вложения». При отчуждении токенов другому лицу первоначальную стоимость токенов отражают по дебету счета 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности» и кредиту счетов 41 «Товары», 43 «Готовая продукция». Если происходит реализация токенов, то необходимо данную операцию отражать следующими способами. Если учет токенов производился на счетах 41 «Товары», 43 «Готовая продукция», то реализация отражается по дебету счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» и кредиту счета 90 «Доходы и расходы по текущей деятельности». В случае учета токенов на счетах 06 «Долгосрочные финансовые вложения», 58 «Краткосрочные финансовые вложения», то и реализация проводится по дебету счета 62 «Расчеты с покупателями и заказчиками» и кредиту счета 91 «Прочие доходы и расходы» [9].

Основные документы, регулирующие с 01.01.2017 г. порядок бухгалтерского учета в Эстонии, это: Закон о бухгалтерском учете, Стандарты бухгалтерского учета Эстонии и МСФО. По данным Налогового-таможенного департамента Эстонии (<https://www.b-kontur.ru>, <https://www.emta.ee/ru>), виртуальная валюта считается активом по смыслу статьи 15 (1) Закона о подоходном налоге. В этом случае подоходный налог взимается с передачи имущества, включая обмен, полученные выгоды (§ 15(1) и § 37(1)). Когда компания участвует в криптотрейдинге (торговля на криптобиржах, именуемая «форшинг»), она становится субъектом предпринимательской деятельности и потенциальным плательщиком налога на прибыль.

Следовательно, цифровизация объектов и учетно-контрольных процессов касается реальных активов и обязательств, но организованных в виртуальной форме.

С 27.11.2017 г. Законом о противодействии легализации доходов, полученных незаконным путем, и финансированию терроризма (Money Laundering and Terrorist Financing Prevention Act 2017 (MLTFPA 2017)) любые виртуальные валюты признаются «альтернативным» средством платежа, но не являются законным платежным средством какой-либо страны или фонда для целей, определенных директивами ЕС. Легализацию майнинга следует рассматривать как валютный терроризм, подрывающий основы государственной финансовой системы и нарушающий законы денежного обращения.

Эксперты отмечают, что «наличие или отсутствие криптозащиты является исключительно технологической особенностью цифровых средств коммуникаций и не может повлиять на их классификацию для целей бухгалтерского учета. Также криптозащита не влияет на степень риска, так как нельзя сказать, что токен, приобретенный для целей оплаты услуг определенного конкретного сайта без криптозащиты, имеет большую степень риска, чем аналогичная валюта с криптозащитой. Криптозащита является шифрованием данных на основе определенных прагматических алгоритмов и обеспечивает лишь анонимность, конфиденциальность данных, но не может обеспечить само по себе их сохранение, целостность и доступность» [10].

Криптоактивы (разнообразные виды токенов) — это реальные активы, закодированные РР как реальные криптографические ценности, несущие в себе определенную компанию — эмитентом ЦФА (инвест-токены) долю ее стоимости ее бизнеса (рис. 2).

С этих позиций многие российские методологи бухгалтерского учета, по аналогии с белорусскими и эстонскими коллегами, квалифицируют ЦФА как финансовые вложения, по которым текущая рыночная стоимость не определяется. Поэтому в учетной политике предлагается определять, что в бухгалтерском учете на отчетную дату принимается их первоначальная стоимость перед запуском в сеть, включая все затраты на маркетинг, оплату труда программистов смарт-контрактов, экспертизу и иное (п. п. 19, 21 ПБУ 19/02).

В Приказе об учетной политике должна быть запись об условиях проверки финансовых вложений в форме токенов на наличие признаков их обесценения. В бухгалтерской отчетности стоимость финансовых вложений в форме токенов показывается по учетной стоимости за вычетом суммы образованного резерва под их обесценение. Проверка на обесценение финансовых вложений производится не реже одного раза в год по состоянию на 31 декабря отчетного года при наличии признаков обесценения. Формирование резерва под обесценение финансовых вложений отражается бухгалтерской записью Дт 91.2 Кт 59. Для реализации данных рекомендаций необходимо соответствие ЦФА (инвест-токенов/цифровых прав) нескольким одновременным условиям признания, указанных в п. 2 ПБУ 19/02 и МСФО 9 «Финансовые инструменты».

Вопросы признания в бухгалтерском учете цифровых финансовых активов все более приобретают значение при переходе к киберэкономике [11, 12], когда возникает конкуренция интеллектуальных машин и цифрового персонала [13, 14], а управление возобновляемыми источниками энергии в Российской Федерации переходит на цифровые платформы [15].

УСЛОВИЯ ПРИЗНАНИЯ ЦФА В БУХГАЛТЕРСКОМ УЧЕТЕ КАК ФИНАНСОВЫХ ВЛОЖЕНИЙ	
Российский стандарт учета	Международный стандарт учета
наличие надлежаще оформленных документов, подтверждающих существование права у организации на финансовые вложения и на получение денежных средств или других активов, вытекающее из этого	ВАРИАЦИИ – The Committee discussed how IFRS Standards apply to holdings of cryptocurrencies
переход к компании-эмитенту ЦФА (токенов) финансовых рисков, связанных с финансовыми вложениями (риск роста цен, риск неплатежеспособности должника, риск ликвидности и др.)	Комитет допускает: финансовые инструменты в соответствии с правилами МСФО (IFRS) 9
способность приносить организации экономические выгоды (доход) в будущем в форме процентов, дивидендов либо прироста их стоимости (в виде разницы между ценой продажи (погашения) финансового вложения и его покупной стоимостью в результате его обмена, использования при погашении обязательств организации, увеличения текущей рыночной	Согласно МСФО (IAS) 38 «Нематериальные активы»). Комитет отметил, что владение криптоактивами соответствует определению НМА в МСФО (IAS) 38 на том основании, что (а) оно может быть отделено от владельца и продано или передано индивидуально; и (б) оно не даёт владельцу права на получение фиксированного или точного количества единиц валюты. Сложность определения первоначальной стоимости при отсутствии развитого и открытого рынка ЦФА (токенов) – главная проблема признания их как
	Вывод Комитета: «МСФО (IAS) 2 «Запасы» применяется к криптоактивам, когда они предназначены для продажи - обычная хозяйственная деятельность»
	Вывод Комитета: «применяя п. 122 МСФО (IAS) 1, предприятие раскрывает суждения, сделанные его руководством в отношении учета оборота и запасов криптоактивов (токенов), если они являются частью суждений, оказавших наиболее существенное влияние на суммы, признанные в финансовом состоянии»

Рис. 2. Российские и международные правила идентификации ЦФА (токенов) в качестве объекта учетной политики компаний

Заключение и выводы

1. Цифровизация во всем многообразии ее технологических платформ и электронных технологий стала следствием всеобъемлющего проникновения интернета практически во все сферы жизни, повсеместного распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), массового использования различных коммуникативных устройств для сбора и передачи информации.

2. Методологической основой исследования послужило наличие трех глубинных свойств цифровых моделей управления активами и обязательствами корпоративных субъектов хозяйствования: технико-технологической, экономико-финансовой и организационно-правовой. Определено, что коллаборация таких свойств может обеспечить устойчивое развитие секторов российской экономики. Введено понятие «цифровой фактор влияния», предложен механизм применения его содержания в условиях реальной практики. Рассмотрены способы предоставления пакетов цифровых финансовых услуг от ИТ-компаний, предполагающие высокий уровень ответственности за диджитализацию внутрикорпоративных процессов учета, контроля, анализа и управленческой отчетности. В ходе исследования установлено, что, во-первых, тенденции диджитализации отраслей российской экономики и модели управления ею по принципиальным позициям идентичны мировым трендам. Цифровая трансформация финансовых

потоков отрасли, региона или компании возможна в формах цифровых финансовых активов и цифровой валюты. Во-вторых, доказано, что процессы перманентного технико-технологического, экономико-финансового и организационно-правового совершенствования цифровых форм активов и валюты обособлены друг от друга и содержат явные противоречия. Несистемность проработок методологии новой цифровой реальности привела к ошибкам толкования многих понятий. Предложены критерии различий виртуальных или цифровых форм денег (электронные деньги, цифровой актив, цифровой рубль) и криптовалют, добываемых майнингом — технологией математического подбора кода, позволяющей им общаться децентрализованно и без контроля со стороны органов административной власти. Приведены доводы о том, что майнинговые криптовалюты несут себе прямую угрозу денежно-кредитной политике государства и функционированию национальных платежных систем.

3. Лакоичность статьи 12 «Денежное измерение объектов бухучета» Закона № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» ограничивает и диапазон способов учетной политики компании, что негативно сказывается на практике оценки объектов, принимаемых к учету. Следует внести поправку в данную статью Закона, указывающую на то, что валютой РФ является рубль, обращающийся в наличной и безналичной (электронной и цифровой) формах. Также целесообразно привести четкое указание

на различие денег и денежных средств² как отдельных инструментов оценки. Отсутствие в нормативно-правовых документах их характерных отличий является предметом хозяйственных и налоговых споров, поскольку экономические субъекты и государственные органы над-

зора эти различия, как правило, игнорируют. Поправка необходима в связи с Законом № 259-ФЗ «О Цифровых финансовых активах, цифровой валюте...», поскольку современное содержание Закона № 402-ФЗ с новым «цифровым» Законом не соотносится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Иванов А. Что такое экосистема в бухгалтерии и почему вам все равно придется с этим разбираться. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/493840>.
2. Носов Н. Развитие системной интеграции в России. Как это было. URL: <http://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=175111>.
3. Кодд Е. Ф. Реляционная модель данных для больших совместно используемых банков данных (пер. М. Р. Когаловског) // Системы управления базами данных. 1995. № 1.
4. Булыга Р. П., Сафонова И. В. XBRL как цифровой формат отчетности экономических субъектов: международный опыт и российская практика // Учет. Анализ. Аудит. 2020. № 7(3). С. 6—17. DOI: 10.26794/2408-9303-2020-7-3-6-17.
5. Determination of economically sound criteria to assess the effectiveness of control processes / A. Bodyako, R. P. Bulyga, S. V. Ponomareva, T. Rogulenko // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. No. 2. Pp. 4101—4109.
6. Adamova G. A., Khabib M. D., Teplyakova M. Y. Digital Age Book Subtitle. Vol. 1. Springer, 2020. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-44703-8>.
7. Бромберг К. Без права на оплату: достоинства и недостатки нового закона «О цифровых финансовых активах» // Национальный банковский журнал. 2020. № 192. URL: <http://nbj.ru/publs/aktual-naja-tema/2020/08/10>.
8. Аршинова В. Как поставить криптовалюту на баланс компании? URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795>.
9. Вовк В. Как поставить криптовалюту на баланс компании? URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795>.
10. Криптоактивы как объект бухгалтерского учета. URL: <https://zen.yandex.ru/media/id>.
11. Rogulenko T. M., Ponomareva S. V., Krishtaleva T. I. Competition between intelligent machines and digital personnel: the coming crisis in the labor market during the transition to the cyber economy // Contributions to Economics. 2019. Part F2. Pp. 185—194.
12. The processes of regional integration in the global economy as a basis for accelerating its growth and development / E. A. Orlova, M. A. Nesterenko, E. V. Kletschkova, T. M. Rogulenko, N. M. Ibragimov // Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives. Luxembourg, 2020. Pp. 235—242.
13. Burdina A. A., Nikolenko T. Y., Semina L. V. Role of digital economy in creating innovative environment // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8. No. 3. Pp. 6477—6483.
14. Greenspan A. A bubble that will soon burst. Harvard, USA : University Center for Financial Research. Closing of the hearing, 2017.
15. The management of renewables in the Russian Federation / A. V. Borshova, V. V. Gorlov, I. V. Soklakova, I. L. Surat, I. S. Gorlova, T. M. Rogulenko // International Journal of Mechanical Engineering and Technology. 2018. Vol. 9. No. 12. Pp. 36—44.

REFERENCES

1. Ivanov A. *What is an ecosystem in accounting, and why you will have to deal with it.* (In Russ.) URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/493840>.
2. Nosov N. *Development of system integration in Russia. How it was.* (In Russ.) URL: <http://www.pcweek.ru/business/article/detail.php?ID=175111>.
3. Codd E. F. Relational data model for large shared data banks. Translated by M. R. Kogalovskiy. *Database Management Systems*, 1995, no. 1. (In Russ.)
4. Bulyga R. P., Safonova I. V. XBRL as a digital reporting format for economic entities: international experience and Russian practice. *Accounting. Analysis. Audit*, 2020, no. 7(3), pp. 6-17. (In Russ.) DOI: 10.26794 / 2408-9303-2020-7-3-6-17.
5. Bodyako A., Bulyga R. P., Ponomareva S. V., Rogulenko T. Determination of economically sound criteria to assess the effectiveness of control processes. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 4101—4109.
6. Adamova G. A., Khabib M. D., Teplyakova M. Y. *Digital Age Book Subtitle*. Vol. 1. Springer, 2020. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-030-44703-8>.
7. Bromberg K. *Without the Right to Pay: the advantages and disadvantages of the new law “On Digital Financial Assets”.* (In Russ.) URL: <http://nbj.ru/publs/aktual-naja-tema/2020/08/10>.
8. Arshinova V. *How to put cryptocurrency on the company’s balance?* (In Russ.) URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795>.
9. Vovk V. *How to put cryptocurrency on the balance of the company?* (In Russ.) URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/477795>.
10. *Crypto assets as an accounting object.* (In Russ.) URL: <https://zen.yandex.ru/media/id>.
11. Rogulenko T. M., Ponomareva S. V., Krishtaleva T. I. Competition between intelligent machines and digital personnel: the coming crisis in the labor market during the transition to the cyber economy. *Contributions to Economics*, 2019, part f2, pp. 185—194.

² Деньги как мера стоимости отличаются от денег как средства обращения: мерой стоимости служат идеальные деньги, а средством обращения — реальные деньги; мерой стоимости могут служить только полноценные деньги, тогда как в качестве средства обращения выступают также и неполноценные и бумажные деньги. Термин «безналичные расчеты» соотносится не с деньгами, а исключительно с «денежными средствами» в расчетах.

12. Orlova E. A., Nesterenko M. A., Kletskova E. V., Rogulenko T. M., Ibragimov N. M. The processes of regional integration in the global economy as a basis for accelerating its growth and development. In: *Growth Poles of the Global Economy: Emergence, Changes and Future Perspectives*. Luxembourg, 2020. Pp. 235—242.

13. Burdina A. A., Nikolenko T. Y., Semina L. V. Role of digital economy in creating innovative environment. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2019, vol. 8, no. 3, pp. 6477—6483.

14. Greenspan A. *A bubble that will soon burst*. Harvard, USA, University Center for Financial Research. Closing of the hearing, 2017.

15. Borshova A. V., Gorlov V. V., Soklakova I. V., Surat I. L., Gorlova I. S., Rogulenko T. M. The management of renewables in the Russian Federation. *International Journal of Mechanical Engineering and Technology*, 2018, vol. 9, no. 12, pp. 36—44.

Как цитировать статью: Турманов М. Т. Современные тенденции диджитализации бухгалтерии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 199—205. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.354.

For citation: Turmanov M. T. Modern trends in digitalization of accounting. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 199—205. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.354.

УДК 330.342
ББК 65.04

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.376

Bazhenov Sergey Ivanovich,
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Socio-economic Disciplines,
Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: naukaservis@rambler.ru

Баженов Сергей Иванович,
д-р экон. наук,
профессор кафедры социально-экономических дисциплин,
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: naukaservis@rambler.ru

Golokha Danil Dmitrievich,
Specialist of the Office of the Russian Federation
Presidential Envoy
in the Ural Federal District,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: golokha1997@mail.ru

Голоха Данил Дмитриевич,
специалист аппарата полномочного представителя
Президента Российской Федерации
в Уральском федеральном округе,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: golokha1997@mail.ru

Novikova Ksenia Aleksandrovna,
Chief specialist of the Department of Strategic
Development and Infrastructure Projects,
Ministry of Industry and Science
of the Sverdlovsk region,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: ksenija2011@yandex.ru

Новикова Ксения Александровна,
главный специалист отдела стратегического развития
и инфраструктурных проектов,
Министерство промышленности и науки
Свердловской области,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: ksenija2011@yandex.ru

ВНЕДРЕНИЕ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РЕГИОНАХ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

INTRODUCTION OF “END-TO-END” DIGITAL TECHNOLOGIES IN SUBJECTS OF THE URAL FEDERAL DISTRICT

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Статья представляет собой обзор внедрения новых цифровых технологий в различные сферы экономики. Приведены статистические данные, примеры внедрения высоких технологий в субъектах РФ Приволжского и Уральского федеральных округов. Развитие информационных технологий в большинстве случаев отражает политику внедрения новых методов, сервисов, направленных на диджитализацию и индустриализацию современных процессов. Использование централизованной модели управления в области цифрового развития усиливает роль информационных техно-

логий в обеспечении экономической безопасности. Авторы статьи, исследуя проблематику цифровизации, преследовали цель — выявить взаимосвязь между развитием ключевых отраслей экономики и внедрением в их развитие цифровых технологий и, как следствие, формирование устойчивой информационной безопасности всего государства в целом и населения в частности. В этой связи авторами предложено определение понятия «сквозные цифровые технологии». Кроме того, исследователи отметили высокую значимость внедрения нейросетей. Приведен пример

использования виртуального помощника в одном из субъектов Российской Федерации, который предоставляет населению информацию о получении государственных услуг в электронном виде. Дигитализация государственных процессов не обходит стороной и процессы в области здравоохранения в части применения методов цифровизации в вопросах врачевания. Так, в отдельных субъектах Российской Федерации применен метод искусственного интеллекта. Такая технология позволяет осуществлять анализ данных приписного населения на наличие рисков сердечно-сосудистых осложнений, мониторинг пациентов в зоне рисков, а следовательно, своевременно оказать медицинскую помощь. Дано авторское определение цифровой экономики. Сделан вывод о значимости процессов дигитализации в развитии отраслей экономики.

The article provides an overview of the implementation of new digital technologies in various areas of the economy. Statistical data and examples of the introduction of high technologies in the subjects of the Russian Federation of the Volga and Ural Federal Districts are given. The development of information technology in most cases reflects the policy of introducing new methods, services aimed at digitalization and industrialization of modern processes. The use of centralized model of management on the sphere of digital development increases the role of digital technologies in the process of providing economic security. The authors of the article, investigating the problems of digitalization, aimed to identify the relationship between the development of key sectors of the economy and the introduction of digital technologies in their development and, as a result, the formation of sustainable information security of the state as a whole and the population in particular. In this regard, the authors proposed a definition of “end-to-end digital technologies”. In addition, the researchers noted the high importance of introducing neural networks. An example is given of the use of a virtual assistant in one of the subjects of the Russian Federation, which provides the population with information on obtaining public services electronically. The digitalization of governmental processes is not unaffected by healthcare processes in terms of the application of digitalization methods to medical issues. For example, artificial intelligence has been used in some constituent entities of the Russian Federation. Such technology makes it possible to analyze data from the enrolled population on the presence of risks of cardiovascular complications, to monitor patients in the risk area and, consequently, to provide medical care in a timely manner. The authors’ definition of the digital economy is given. The significance of digitalization processes in the development of industries is concluded.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровизация, цифровая платформа, виджет, искусственный интеллект, высокие технологии, сквозные технологии, экономическое регулирование, глобализация, отрасли экономики, развитие субъектов Российской Федерации, федеральный округ.

Keywords: economic security, digitalization, digital platforms, widgets, artificial intelligence, high technologies, “end-to-end” technologies, economic regulation, globalization, economic industries, development of subjects of the Russian Federation, federal district.

Введение

Современная экономическая модель представляет собой развитую систему ценностей, обеспечивающую равномерное распределение ресурсов, доступ к ним, реализацию возможностей всех игроков данной системы. Другими словами, экономическое развитие любой территории должно соответствовать уровню развития ее населения, удовлетворять потребностям общества и расширять возможности для самоорганизации и саморазвития.

Сегодня процессы, происходящие в современной экономике, в большей степени связаны с внедрением цифровых сервисов и технологий, что определяет **актуальность** исследования данной проблемы. Кроме того, развитие цифровых технологий в значимых отраслях экономики и социальной сферы служит определенным «маяком» в реализации государственных программ и проектов, финансируемых как за счет бюджетных средств, так и частных инвестиций.

Стоит отметить, что тема внедрения сквозных цифровых технологий в развитие ключевых отраслей экономики является в определенной степени недостаточно проработанной, что, в свою очередь, вызывает интерес к ее изучению и прикладному применению.

В связи с этим **целесообразность** исследования данной проблемы возрастает с увеличивающейся тенденцией распространения цифровых технологий и сервисов в современном мире. С процессом глобализации некоторые исследователи неразрывно связывают и процесс цифровой трансформации.

Происходит цифровая модернизация традиционных производственных отраслей и отраслей услуг, организации торгово-закупочных процедур, смежных финансовых и логистических операций, изменение структуры потребления на фоне сквозного проникновения информационных технологий и цифровизации экономических процессов, что создает основу для формирования новых рынков и новых условий функционирования рынка, а также новых подходов к аналитике, прогнозированию и принятию управленческих решений [1, с. 30].

Для обеспечения функционирования новых цифровых ресурсов имеется в виду внедрение электронных услуг, искусственного интеллекта, чат-ботов, блокчейн, Big Data [2, с. 15], необходимо использование специальных программных и технологических решений.

Таким образом, **научная новизна** заключается в разработке управленческого решения по внедрению сквозных цифровых технологий в ключевые отрасли экономики как одного из инструментов реализации экономической политики.

Целью исследования является разработка теоретико-методологического подхода к определению оптимального пути внедрения в экономику цифровых технологий.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить составные части ключевых отраслей экономики;
- сформировать определение понятия «сквозные технологии»;
- сделать обзор существующей практики субъектов Российской Федерации Уральского федерального округа по внедрению сквозных цифровых технологий;
- разработать управленческое решение по внедрению цифровых технологий как инструмента поддержки реализации инвестиционных проектов, направленных

на производство и разработку новых технологий и методов цифровизации.

Поставленные задачи формируют **теоретическую и практическую значимость** настоящего исследования.

В первую очередь тезисы статьи являются весьма актуальными для дальнейшего изучения, приращения различных точек зрения при обсуждении подобной темы.

Во-вторых, практическая сторона исследования заключается в использовании данного материала как отправной точки в вопросах внедрения цифровых систем, технологий, методов в основные сферы социально-экономического развития каждого субъекта Российской Федерации.

В представленной статье использованы **методы** системного анализа, сопоставления данных, применения статистической информации. Исследование носит междисциплинарный характер.

Основная часть

Одной из задач реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» [3] в части обеспечения экономической безопасности является создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок.

Решение данной задачи должно привести к использованию всеми игроками (органы государственной власти, органы местного самоуправления, население, бизнес) цифровых платформ на единой государственной облачной платформе, созданных и создаваемых на территории Российской Федерации.

Информационные технологии и цифровая экономика предлагают обширные возможности для всех секторов экономики. Сегодня экономика — это фундамент для всевозможных изменений, развития информационного потока. В глобальном мире экономика вынуждена перестраиваться на путь внедрения и применения электронных систем сервисов. Информационные технологии определяют свою роль в процессе цифровизации экономики как базы для развития специализации и кооперации между компаниями (организациями) из различных индустрий, различных субъектов, снижая транспортно-логистическую нагрузку, создавая условия для более легкого (удобного) вхождения на зарубежные рынки и порождая новые модели экономического взаимодействия [4].

Субъектам РФ Уральского федерального округа предложено использовать централизованную модель управления в области информатизации, цифрового развития и информационной безопасности, применяя положительный опыт Тюменской области и ХМАО-Югры в построении данной модели.

В 2019 г. в системе государственного управления в субъектах РФ Уральского федерального округа осуществлен перевод более 2 тыс. автоматизированных рабочих мест на использование отечественного программного обеспечения. В следующих периодах планируется увеличение данного показателя более чем в 3,5 раза.

Развитие национального ИТ-сектора, стимулирование создания инновационных технологий, сотрудничество для их развития на международном уровне, поскольку разработчики и производители оборудования и программного обеспечения не входят в число мировых лидеров, являются необходимыми условиями для дальнейшего роста цифровой экономики [5].

Доля отечественного программного обеспечения, приобретаемая исполнительными органами государственной власти субъектов РФ Уральского федерального округа, составляет 87 %, что превышает плановое значение, равное 70 %.

Важнейшим направлением новой индустриализации выступает цифровая трансформация бизнеса, а успех ведущих промышленных корпораций России в ее осуществлении становится условием их конкурентоспособности на мировых рынках [6, с. 165; 7, с. 22].

Безусловно, для организации экономической безопасности, элементом которой служит информационная и цифровая защищенность, огромное значение приобретает использование именно отечественных разработок [8, с. 125]. Более того, в период введения ограничительных мер вследствие распространения коронавирусной инфекции проведение мероприятий с помощью видео-конференц-связи было распространено масштабно. При этом зачастую использовались современные отечественные программы, позволявшие в режиме реального времени передавать и изображение, и звук без искажения и с обеспечением их полной безопасности.

Сквозные цифровые технологии подразумевают их доступность и возможность применения в нескольких отраслях экономики. Ключевыми отраслями принято считать здравоохранение, образование, промышленность, социальную сферу. В производственных процессах, например, Свердловской области гиганты промышленности и малые предприятия с большой заинтересованностью стараются вкладывать инвестиции в новые технологии [9, с. 5], позволяющие автоматизировать определенные процессы. Однако встает закономерный вопрос: по причине оптимизации высвобождаются рабочие места, какие действия должны предпринять для сохранения занятости населения? В субъектах РФ Уральского федерального округа активно проводятся мероприятия по повышению квалификации, профессиональной переподготовке и непрерывному профессиональному развитию граждан по компетенциям цифровой экономики, в том числе за счет перевода образовательных программ в онлайн-режим.

Предоставление цифровых ресурсов должно идти в ногу с инновациями, для этого необходима фундаментальная основа основных навыков, которые должны быть приобретены, расширены и адаптированы к потребностям меняющихся технологий [10, с. 180; 11].

Для мощного прорыва необходимо не только развивать отстающие отрасли «сквозных» технологий, но и улучшать работу в активно развивающихся отраслях. Для этого требуется привлечь образовательные организации, научные учреждения и представителей бизнеса. Также одной из проблем в осуществлении разработки и использовании данных технологий, требующих финансирования государства, является их высокая стоимость [12, с. 150].

В 2020 г. на базе Уральского федерального университета имени Первого Президента России Б. Н. Ельцина запущены проекты по внедрению модели «Цифровой университет» и созданию сети международных научно-методических центров, нацеленных на формирование и распространение лучших международных практик по подготовке и переподготовке кадров по ИТ-специальностям, в том числе по информационной безопасности.

В части проблем подготовки кадров для цифровой экономики в срезе регионов Приволжского федерального округа необходимо отметить следующие барьеры. В Пензенской

области имеет место недостаточный прием абитуриентов в вузы по специальностям в сфере цифровой экономики. В вузах Удмуртской Республики не представлены все рекомендованные направления подготовки кадров для цифровой экономики, а также не разработаны инструменты оценки компетенций в сфере цифровой экономики.

Нехватка бюджетных мест по специальностям, связанным с информационными технологиями и информационной безопасностью, наблюдается в вузах Саратовской области. В Республике Марий Эл имеет место нехватка высококвалифицированных специалистов по многим направлениям реализации мероприятий Национальной программы «Цифровая экономика». Недостаточно специалистов по защите информации в органах власти и подведомственных организациях Республики Мордовия. Отмеченные проблемы можно решить за счет развития кадрового потенциала самих региональных вузов [13, с. 18].

Внедрение модели «Цифровой университет» и создание сети международных научно-методических центров позволит объединить возможности вузов федеральных округов в подготовке педагогических работников и специалистов по востребованным ИТ-специальностям, а также соответствовать кадровым запросам работодателей из отраслей экономики.

Традиционно цифровая экономика определяется как экономическая деятельность, которая возникает в результате миллиардов ежедневных онлайн-соединений между людьми, предприятиями, устройствами, использованием больших данных и процессов. То есть можно сказать, что это экономика, которая фокусируется на цифровых технологиях, основанных на цифровых и вычислительных технологиях, таких как ИТ-поддержка. Таким образом, нет конкретного определения цифровой экономики. Можно предложить следующее определение: цифровая экономика — это определенная подсистема, которая включает в себя виды деятельности, поддерживаемые интернетом, другими технологиями цифровой связи, сетями, которые используются в деловой, экономической, социальной и культурной деятельности [14].

Большую популярность во всем мире и непосредственно в России набирает внедрение нейросетей. В рамках Национальной технологической инициативы (НТИ) сквозные технологии определены как ключевые научно-технические направления, оказывающие наиболее существенное влияние на развитие рынка. По сути, к сквозным технологиям относятся такие, которые одновременно охватывают несколько направлений или отраслей [15]. Рынки Национальной технологической инициативы Energynet, Healthnet, Neironet и иные сопровождаются практическим применением как бизнесом, населением, так и органами государственной власти.

К примеру, в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления Ханты-Мансийского автономного округа внедрена нейронная сеть Vika, выполняющая функции виртуального собеседника и предоставляющая гражданам актуальную информацию по вопросам получения услуг и сервисов в электронной форме.

За период действия данной нейросети количество уникальных пользователей составило более 7 тыс., количество кликов в виджете — около 90 тыс., в чат нейросети отправлено порядка 14 тыс. сообщений. Виджет нейросети размещен на всех официальных сайтах государственных органов власти, органов местного самоуправления, медицинских

организаций и многофункциональных центров Ханты-Мансийского автономного округа.

Кроме того, в субъектах РФ Уральского федерального округа разрабатываются проекты, направленные на создание условий для развития систем искусственного интеллекта и управления на основе данных.

Главная идея состоит в переводе имеющегося значительного числа накопленной информации в сфере здравоохранения (более 1,4 млн записей), социальной сфере (более 0,4 млн записей) в большие базы данных электронного цифрового вида. Также продумывается разработка и внедрение проектов в сфере подготовки спортивного резерва, управления транспортом и дорогами, в государственном управлении и в сфере оказания государственных услуг.

Одним из направлений является обогащение данных, уже имеющихся в профильных информационных системах, за счет данных иных систем как регионального, так и федерального уровней. Итогом такой работы станет составление максимально точного представления о потребностях гражданина и возможность «предиктивного» оказания услуг без необходимости подачи и рассмотрения заявления от гражданина.

В ХМАО-Югре апробируется применение технологий искусственного интеллекта для диагностики и профилактики осложнений у больных с хронической почечной недостаточностью. Запущен первый в России инновационный проект «Я обучаю робота». Искусственный интеллект робота способен по фотографии ребенка определять признаки болезни, принимать решение о его допуске в образовательные учреждения.

В результате получается распространение цифровых технологий, так называемое замещение искусственным интеллектом, все больше становится задач, которые выполняются в электронном виде [16].

Высокий уровень цифровой зрелости сферы образования Тюменской области позволил региону войти в число 16 пилотных субъектов Российской Федерации, участвующих в эксперименте по апробации федеральной информационно-сервисной платформы цифровой образовательной среды, реализуемой в рамках федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» в 2020—2022 гг.

Для развития методов поддержки врачебных решений разработан модуль анализа и оценки рисков сердечно-сосудистых осложнений на основе показателей пациента с применением технологии искусственного интеллекта. Функциональность модуля позволяет осуществлять анализ данных приписного населения на наличие рисков сердечно-сосудистых осложнений, выполнять мониторинг показателей пациентов из зоны риска, получать рекомендации в зависимости от уровня риска и стадии лечения, а также оценку влияния факторов риска на исход заболевания.

Заключение

Таким образом, внедрение сквозных цифровых технологий в развитие ключевых отраслей экономики благоприятно влияет не только на повышение уровня производительности труда, но и на увеличение доли удовлетворенных потребностей населения. Сегодня Россия рассматривает внедрение цифровых ресурсов в различные, зачастую противоположные отрасли экономики. Данное направление политики является своеобразным инструментом поддержки реализации инвестиционных проектов, направленных

на производство и разработку новых технологий и методов, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению экономической безопасности в условиях изменчивости окружающего внешнего контура государства.

Цифровые инновации на сегодняшний день становятся уже обычным явлением, применение одного и того же ресурса в разных (возможно, противоположных) сферах наталкивает на мысль исследования более умных элементов дигитализации, способных влиять на течение жизни, производящих экономических процессов.

В связи с этим прикладной характер представленного исследования заключается в использовании лучших практик применения цифровых нововведений в реализацию политики сфер экономического развития территорий. Необходимо отметить, что игроками в данном процессе должны быть не только органы власти, определенные ответственными за внедрение сквозных технологий, но и разработчики софта, население и другие органы власти как потребители экономической политики, а также бизнес-структуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Пыльнева Т. Г., Комаричева А. Г. Цифровая экономика как фактор обеспечения экономической безопасности России // Центральный научный вестник. 2019. Т. 4. № 5(70). С. 30—32.
2. Плотников Д. М. Тренды реализации цифровой экономики в России // Современное педагогическое образование. 2021. № 3. С. 13—17.
3. Паспорт национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 г. № 7).
4. Information Technology and the Digital Economy. URL: https://www.researchgate.net/publication/283817936_Information_Technology_and_the_Digital_Economy.
5. Бакаева Ж. Ю., Щеголева Э. Н. Основные концепции развития цифровой экономики современного общества. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-sovremennogo-obschestva>.
6. Звягин А. А. Высокие технологии. Госвмешательство vs невидимая рука рынка // Экономика высокотехнологичных производств. 2020. Т. 1. № 4. С. 155—172.
7. Коковихин А. Ю., Кансафарова Т. А. Цифровая трансформация бизнеса предприятий Свердловской области // Финансово-экономическое и информационное обеспечение инновационного развития региона : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Отв. ред. А. В. Олифинов. 2020. С. 21—26.
8. Баженов С. И. Экономическая безопасность при построении цифровых платформ // Финансовая экономика. 2021. № 1. С. 124—126.
9. Баженов С. И. Цифровая трансформация экономической безопасности региона (на примере Свердловской области) // Региональная экономика и управление: электрон. науч. журн. 2021. № 1(65). С. 5.
10. Лаврова Е. В. Угрозы экономической безопасности в условиях цифровой трансформации // Цифровое пространство: экономика, управление, социум : сб. 2-й Всерос. науч. конф. Курск, 2020. С. 178—183.
11. The Digital Economy. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmbis/87/87.pdf>.
12. Шевченко А. В. Обзор «сквозных» технологий в Российской Федерации // Скиф. 2019. № 7(35). С. 149—151.
13. Суловицкая Г. В. «Сквозные» цифровые технологии в региональной экономике // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2019. № 4. С. 16—23.
14. End-to-end technologies of digital economy cross-cutting technology end-to-end technology. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:End-to-end_technologies_of_digital_economy.
15. What is Digital Economy? Meaning, Advantages & Disadvantages. URL: <https://financeninsurance.com/digital-economy>.
16. The Digital Economy. URL: <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2017/05/boc-review-spring17-dsouza.pdf>.

REFERENCES

1. Pylyneva T. G., Komaricheva A. G. Digital economy as a factor of providing economic security of Russia. *The Central scientific herald*, 2019, vol. 4, no. 5(70), pp. 30-32. (In Russ.)
2. Plotnikov D. M. Trends of realization of digital economics in Russia. *Modern pedagogical education*, 2021, no. 3, pp. 13—17. (In Russ.)
3. *Passport of the national project “National program “Digital economy of the Russian Federation”* (publ. by the Presidential Council of strategic development and national projects, 04.06.2019). (In Russ.)
4. *Information Technology and the Digital Economy*. URL: https://www.researchgate.net/publication/283817936_Information_Technology_and_the_Digital_Economy.
5. Bakaeva Zh. Yu., Shchegoleva E. N. *The main concepts for development of digital economics in modern society*. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-kontseptsii-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-sovremennogo-obschestva>.
6. Zvyagin A. A. High technologies. State invasion VS invisible hand of market. *Economy of high-tech enterprises*, 2020, vol. 1, no. 4, pp. 155—172. (In Russ.)
7. Kokovikhin A. U., Kansafarova T. A. Digital transformation of business of the Sverdlovsk region. In: *Financial, economic and informational support of innovative development of the region. Materials of the III all-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation*. Ed. by A. V. Olifirov. 2020. Pp. 21—26. (In Russ.)
8. Bazhenov S. I. Economic security through building digital platforms. *Financial economy*, 2021, no. 1, pp. 124—126. (In Russ.)

9. Bazhenov S. I. Digital transformation of economic security of region (on the example of Sverdlovsk region). *Regional economics and management: electronic scientific journal*, 2021, no. 1(65), p. 5. (In Russ.)
10. Lavrova E. V. Threats to economic security in conditions of digital transformation. In: *Digital space: economics, management, society. Proceedings of the all-Russ. sci. conf. Kursk*, 2020. Pp. 178—183. (In Russ.)
11. *The Digital Economy*. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmbis/87/87.pdf>.
12. Shevchenko A. V. Overview of “end-to-end” technologies in the Russian Federation. *Skiff*, 2019, no. 7(35), pp. 149—151. (In Russ.)
13. Surovitskaya G. V. “End-to-end” digital technologies in regional economics. *Models, systems, networks in economics, engineering, nature and society*, 2019, no. 4, pp. 16—23. (In Russ.)
14. *End-to-end technologies of digital economy cross-cutting technology end-to-end technology*. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:End-to-end_technologies_of_digital_economy.
15. *What is Digital Economy? Meaning, Advantages & Disadvantages*. URL: <https://financeninsurance.com/digital-economy>.
16. *The Digital Economy*. URL: <https://www.bankofcanada.ca/wp-content/uploads/2017/05/boc-review-spring17-dsouza.pdf>.

Как цитировать статью: Баженов С. И., Голоха Д. Д., Новикова К. А. Внедрение сквозных цифровых технологий в регионах Уральского федерального округа // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 205—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.376.

For citation: Bazhenov S. I., Golokha D. D., Novikova K. A. Introduction of “end-to-end” digital technologies in subjects of the Ural Federal District. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 205—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.376.

УДК 658.1
ББК 65.9(2п).5

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.379

Titov Vladislav Vladimirovich,
Doctor of Economics, Professor,
Chief researcher of the Institute of Economics
and Industrial Engineering,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Head of the Department of Industrial Production Modeling
and Management,
Novosibirsk National Research State University,
Russian Federation, Novosibirsk,
e-mail: titov@ieie.nsc.ru

Титов Владислав Владимирович,
д-р экон. наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики
и организации промышленного производства СО РАН,
заведующий кафедрой моделирования
и управления промышленным производством,
Новосибирский национальный
исследовательский государственный университет,
Российская Федерация, г. Новосибирск,
e-mail: titov@ieie.nsc.ru

Bezmelnitsyn Dmitry Arkadevich,
Candidate of Economics,
General Director,
Research and Production Association ELSIB PJSC,
Russian Federation, Novosibirsk,
e-mail: gd@elsib.ru

Безмельницын Дмитрий Аркадьевич,
канд. экон. наук,
генеральный директор,
научно-производственное объединение «ЭЛСИБ» ПАО,
Российская Федерация, г. Новосибирск,
e-mail: gd@elsib.ru

РАЗВИТИЕ СИСТЕМ ОПЕРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ МАШИНОСТРОЕНИЯ С ДЛИТЕЛЬНЫМ ЦИКЛОМ ПРОИЗВОДСТВА

DEVELOPMENT OF OPERATIONAL MANAGEMENT SYSTEMS ON HIGH-TECH WITH A LONG CYCLE THE PRODUCTION OF MACHINE-BUILDING ENTERPRISES

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Главным сектором экономики РФ являются промышленные предприятия, корпорации. Здесь формируются процессы производства и реализации продукции, решаются проблемы повышения эффективности работы предприятий. Этим процессам ставится в соответствие система внутрифирменного управления предприятием.

Сложные финансово-экономические условия внешней и внутренней среды, усиление конкуренции ста-

вят новые и новые требования к системе управления предприятиями. Механизм системы управления предприятием ориентирует его на формирование конкурентных преимуществ на рынке. В этом случае обеспечивается направление его развития на максимизацию функции цели предприятия, корпорации — максимума его рыночной стоимости, других финансово-экономических показателей.

Быстрое изменение хозяйственной и институциональной среды, факторов неопределенности приводит к возникновению новых проблем на всех уровнях управления: стратегическом, тактическом и оперативном. Изменения во внешней среде существенно затрудняют процесс планирования реализации намеченных планов. Например, разработка стратегии предприятия не всегда обеспечивает ему достижение определенных конкурентных преимуществ. В этом случае существенно возрастает роль операционных стратегий.

Использование комплекса моделей оптимизации позволяет решать сложные проблемы на промышленных предприятиях. В исследовании представлена разработка комплекса моделей оптимизации, который согласовывает задачи объемно-календарного, оперативно-календарного и сетевого планирования. В работе представлен также оригинальный подход, учитывающий любую длительность операций, и не кратной выбранной единице времени. Такой результат повышает адекватность приближения модели к реальности.

The main sectors of the Russian economy are industrial enterprises, corporations. Here the processes of production and sales of products are formed; the problems of improving the efficiency of enterprises are solved. To these processes the system of intra-company management of the enterprise is put in accordance.

Complex financial and economic conditions of external and internal environment, increased competition put new and new requirements to the enterprise management system. The mechanism of enterprise management system focuses it on the formation of competitive advantages in the market. In this case the direction of its development on maximization of the function of the enterprise's or corporation's goal, i. e. the maximum of its market value and other financial and economic indicators is provided.

Rapid changes in the economic and institutional environment, and uncertainty factors lead to new problems at all levels of management: strategic, tactical and operational. Changes in the external environment significantly complicate the process of planning the implementation of plans. For example, the development of the enterprise's strategy does not always ensure the achievement of certain competitive advantages. In this case, the role of operational strategies increases significantly.

The use of a set of optimization models allows solving complex problems in industrial enterprises. The study presents the development of a set of optimization models, which coordinates the problems of volume-calendar, operative-calendar and network planning. The work also presents an original approach that takes into account any duration of operations, and not a multiple of the selected unit of time. This result increases the adequacy of the approximation of the model to reality.

Ключевые слова: сетевое планирование, оперативное управление производством, оптимизация принятия решений, разработка методологических положений согласования моделей, тактическое управление, функции цели предприятия, уровни управления, операционные стратегии, согласованность стратегических, тактических и операционных решений, планирование по ведущим операциям.

Keywords: network planning, operational production management, optimization of decision-making, development of methodological provisions for the coordination of models, tactical management, functions of the enterprise's goals, management levels, operational strategies, consistency of strategic, tactical and operational decisions, planning for leading operations.

Введение

Актуальность. Главным сектором экономики РФ являются промышленные предприятия, корпорации. Здесь формируются процессы производства и реализации продукции, решаются проблемы повышения эффективности работы предприятий. Этим процессам ставится в соответствие система внутрифирменного управления предприятием.

Сложные финансово-экономические условия внешней и внутренней среды, усиление конкуренции ставят новые и новые требования к системе управления предприятиями. Механизм системы управления предприятием ориентирует его на формирование конкурентных преимуществ на рынке. В этом случае обеспечивается направление его развития на максимизацию функции цели предприятия, корпорации — максимума его рыночной стоимости, других финансово-экономических показателей.

Быстрое изменение хозяйственной и институциональной среды, факторов неопределенности приводит к возникновению новых проблем на всех уровнях управления: стратегическом, тактическом и оперативном. Изменения во внешней среде существенно затрудняют процесс планирования реализации намеченных планов. Например, разработка стратегии предприятия не всегда обеспечивает ему достижение определенных конкурентных преимуществ. В этом случае существенно возрастает роль операционных стратегий.

В качестве важной проблемы на промышленных предприятиях рассматривается задача согласования планирования подсистем оперативного управления на основе использования моделей оптимизации объемного, оперативного, сетевого планирования.

Обычно в производстве сложной наукоемкой продукции используется сетевое планирование. При ограничениях на ресурсы возрастают трудности решения такой задачи. В планах учитываются ведущие операции, их сдвиги во времени. Важно, что задача может решаться и не в целых числах.

Критерий оптимизации — минимум длительности выполнения всех операций, минимум незавершенного производства. В целом сетевое планирование производства учитывает ограничения ресурсов и сводится к задаче линейного целочисленного программирования.

Оперативное управление производством формируется как итеративный процесс, уменьшающий производственные риски, реализуемый системной задачей тактического управления. Рассматриваемая система моделей важна для теории и практики управления промышленными предприятиями.

В целом внутрифирменное управление опирается на согласованность стратегических, тактических и операционных решений. Без такого согласования успешной реализации планов может и не быть. Поэтому разработка методологических положений совершенствования внутрифирменного управления, направленного на обеспечение согласованности, повышения эффективности, системности принятия решений на всех его уровнях, является *актуальной проблемой*.

Изученность проблемы. Вопросы планирования освоения высокотехнологичной продукции достаточно широко рассмотрены в зарубежной и российской литературе. В работе рассматривается процесс планирования производства новой продукции. Для предприятия ставится комплексная задача перспективного оптимизационного планирования.

Используются оптимизационные модели для управления на предприятии, но в исследовании они объединены в единый методический подход. Такой подход является оригинальным и определяет научную новизну представленного исследования.

Целесообразность разработки темы исследования заключается в том, что использование комплекса моделей оптимизации позволяет решать сложные проблемы на промышленных предприятиях. К таким проблемам относятся задачи исследования операций, объемно-календарного планирования, сетевого планирования с ограничениями на ресурсы, оперативного-календарного планирования и др. Таким образом, рассматриваемая система моделей важна для теории и практики управления промышленными предприятиями.

Научная новизна исследований заключается в разработке комплекса моделей оптимизации, позволяющего решать важные задачи производственного планирования — сформулирован механизм планирования процесса освоения высокотехнологичной инновационной продукции на основе использования оптимизационных моделей.

Цель и задачи исследования. Представление системного методического подхода к планированию процесса производства и реализации высокотехнологичной инновационной продукции на основе использования моделей оптимизации. Задачи исследования: модель объемно-календарного планирования (ОБКП) используется на верхних уровнях управления — стратегическом, тактическом; система межцехового оперативного-календарного планирования (ОКП), способная решать основную задачу исследований операций; оптимизационная модель оперативного-календарного планирования; согласование тактических планов работы предприятия с оперативным управлением производства сложных изделий с длительным технологическим процессом.

Теоретическая и практическая значимость работы. Механизм планирования освоения высокотехнологичной инновационной продукции в условиях неопределенности развивает методическое обеспечение планирования научно-технической и производственной деятельности предприятий. Построенный оптимизационный комплекс моделей согласует деятельность предприятия, расширяет модельную базу экономического планирования. Представленный механизм уменьшает риски изготовления новой продукции, эффективно планирует поток финансов, оптимизирует экономическую деятельность и др.

Основная часть

Многоуровневая система оперативного управления производством (ОУП) представляется комплексом моделей, который и рассматривается в данной работе.

На промышленных предприятиях важное место отводится операционным планам [1—12 и др.], как и реализации стратегического управления. Так, М. Портер отмечал, что «операционная эффективность и стратегия одинаково важны для получения важнейших результатов... но работают они по-разному» [6]. Категоричны и другие отзывы. «То, что разработка верной стратегии компании дает компании определенные конкурентные преимущества, скорее является заблуждением. На самом деле формирование стратегии — это еще не залог успеха. В 70 % случаев проблемы возникают вследствие неправильной реализации» [7]. Речь идет о системной реализации ОУП.

В работе [8] отмечается, что комплексная система управления базируется на взаимосвязи всех стратегий предприятия.

Модель объемно-календарного планирования

Модель объемно-календарного планирования (ОБКП) используется на верхних уровнях управления — стратегическом, тактическом. При этом обеспечивается равномерное распределение заказов и связанных с ними экономических и финансовых показателей во времени. Представим такую модель с учетом длительности производственного цикла не более месяца [4 и др.].

Пусть горизонт планирования определяется квартальной длительностью. На предприятии реализация стратегии связана с повышением эффективности производства на основе достижения равномерности технологического процесса, оптимизации использования ресурсов. Все это приводит к минимуму затрат. Спрос по продукции i обозначается через d_i , $i \in I$. Квартальная производственная программа y_{iq} , $q = 1, 2, 3$, q — месяцы квартала, может формироваться по-разному. Простейшее решение: $y_{iq} = d_i/3$ или $y_{iq} = \lambda_q d_i$, λ_q — определяются как отношения количества рабочих дней по месяцам к общему числу рабочих дней в квартале. В производстве рассматривается также проблема укрупнения партий деталей. Решение такой задачи приводит к уменьшению затрат на переналадку технологий, росту производительности труда.

Таким образом, модель оптимизации ОБКП может быть представлена так.

Минимизируется показатель H при заданных ограничениях:

$$\sum_i a_{ji} y_{iq} - H^* A_{jq} \leq 0, j \in J, q = 1, 2, 3,$$

$$\sum_{q=1}^3 y_{iq} = d_i, i \in I,$$

$$\sum_i c_{ri} y_{iq} - H^* B_{rq} \leq 0, r \in R, q = 1, 2, 3,$$

$$H \geq 1, y_{iq} \geq d_{iq},$$

где a_{ji} — затраты мощности по группе оборудования j на единицу продукции i ;

$$A_{jq} = \sum_i a_{ji} \lambda_q d_i, j \in J, q = 1, 2, 3,$$

A_{jq} — расчетный уровень равномерной загрузки мощности группы оборудования j по месяцам квартала q , исходя из количества рабочих дней по месяцам квартала;

$$B_{rq} = \sum_i c_{ri} \lambda_q d_i, r \in R, q = 1, 2, 3,$$

c_{ri} — основная заработная плата ($r = 1$) и материальные ресурсы вида $r \in R$, $r \neq 1$, на единицу продукции i ;

B_{rq} — расчетный уровень равномерных прямых затрат r по месяцам квартала q , исходя из количества рабочих дней в месяцах;

d_{iq} — обязательные поставки продукции i по месяцам q ;

$H-1$ — максимальная величина относительного отклонения от значений A_{jq} , B_{rq} .

Так, отклонения значения H от единицы на 3...5 % вполне устраивают предприятия. На практике показатель неритмичности производства достигает 30...40 %, что служит основой роста затрат на 3...5 %.

Задача ОБКП предназначена для распределения программы производства по плановым периодам. При этом учитывается спрос на продукцию, ставится задача достижения равномерности производства (равномерная загрузка оборудования, достижение равномерного использования ресурсов). Задача уточняется для различных предприятий. Так, важно учесть показатель длительности производственного цикла (ДПЦ).

Следует отметить, что чем точнее постановка задач ОБКП и их решения, тем проще становится процесс принятия решений на следующих этапах управления в системе ОУП.

Модель внутрифирменного объемно-календарного планирования с учетом длительности производственного цикла

Особенностью модели объемно-календарного планирования является то, что в ней предусмотрено использование векторов затрат, выпуска продукции. Вектора затрат основаны на агрегации технологий во времени по изделиям [1, 3].

Вводятся обозначения:

$p = 1, 2, \dots, P, p$ — учетные периоды времени;

x_{iq} — количество продукции i , которое запускается в производственный процесс в периоде $q, i \in I$;

$q = a_i, a_i + 1, \dots, b_i - T_i + 1$,

a_i — раннее время запуска продукции i в производство, $a_i \geq 1$,

b_i — позднее время выпуска продукции $i, b_i \leq P$,

T_i — ДПЦ изделия i , выраженное в целых числах времени;

$f_{ik}(p)$ — кусочно-постоянные функции от времени, отражающие использование ресурсов $k \in K = (K_1 \cup K_2 \cup K_3)$, K_1 — обозначения ресурсов труда, K_2 — обозначения, отражающие ресурсы оборудования, K_3 — обозначения материалов.

Потребность в трудовых ресурсах и оборудовании учитывается так:

$$\sum_i \sum_q f_{ik}(p-q+1) x_{iq} + V_{kp} = D_p r_k, k \in (K_1 \cup K_2), p = 1, 2, \dots, P,$$

где V_{kp} — время простоя k -го типа ресурсов в периоде p ,

D_p — рабочие часы в периоде p ,

$r^k \leq r_k \leq R^k$ — возможности использования трудовых ресурсов и мощностей.

Использование материалов учитывается так:

$$\sum_n \sum_q f_{ik}(n-q+1) x_{iq} = \sum_n S_{kn}; k \in K_3, p = 1, 2, \dots, P,$$

$\sum_n S_{kn} \leq S_{kp}^*$ — возможности материального обеспечения.

$$\sum_n Y_{in} \leq \sum_n W_{in}, i \in I, p = 1, 2, \dots, P,$$

W_{in} — спрос на продукцию i в период $n, Y_{in} = x_{i,n-T_i+1}$.

Прибыль

$$F_p = \sum_i u_i Y_{ip} - \sum_{k(1)} [\rho_k (D_p r_k - V_{kp}) + \gamma_k V_{kp}] - \sum_{k(2)} \rho_k D_p r_k - \sum_{k(3)} \delta_k S_{kp} - Z_p,$$

где u_i — цена продукции i ;

$\rho_k, k \in K_1$ — оплата труда за принятую единицу времени;

γ_k — оплата простоя за единицу времени;

$\rho_k, k \in K_2$ — норматив амортизации и стоимости работы оборудования за единицу времени;

δ_k — стоимость единицы материалов типа k ;

Z_p — накладные затраты за период p .

$$\sum_p F_p \rightarrow \max.$$

Основным недостатком данной модели является то, что технологические вектора (кусочно-постоянные функции) в ходе решения задачи остаются постоянными, что приводит к плановым простоям оборудования, росту затрат трудовых

ресурсов. Поэтому представленная модель оптимизации не приведет к повышению эффективности производства в должной мере. Нужна более совершенная постановка задачи.

Межцеховое оперативно-календарное планирование

Представим систему межцехового оперативно-календарного планирования (ОКП), способную решать основную задачу исследований операций [4]. Как уже показано, с помощью модели ОБКП решается задача формирования производственной программы по временным периодам с учетом спроса по продукции. Далее по календарным временным периодам формируется план равномерного выпуска готовой продукции по сменам (суткам, неделям, месяцам) со сборочных участков. Такому плану ставится в соответствие поступление на сборку готовых партий деталей, сборочных узлов. Ориентируясь на план выпуска готовой продукции, строится оперативный календарный план (ОКП) выполнения операций в последовательности обратной технологичной с учетом загрузки ведущих, лимитирующих групп оборудования на участках и в цехах. Такая модель позволяет согласовать календарные планы с тактическими. Коротко представим описание модели задачи ОКП.

В межцеховом ОКП активно используются нормативы опережения запуска выпуска для партий деталей на участках, цехах. Подобный алгоритм достаточно прост для планирования в системах ОУП. При этом формируется график работ без перегрузки мощностей. Если в системе ОУП учитываются все детали операции, то размерность модели существенно возрастает. Решает проблему учет только наиболее важных детали операций, которые выполняются на ведущих, лимитирующих группах оборудования. Длительность всех других работ учитывается приближенно.

Ведущей группе оборудования j ставится в соответствие ее возможность (например, количеством станков) в заданную единицу времени $t - M_{jt}$. Через a_{jk} (a_{jpk}) обозначим длительность выполнения операций для всей партии деталей k на оборудовании ведущей группы j (в плановых единицах времени). Длительность выполнения всех работ для партии p деталей k на участке jk обозначим через $\tau_{jk} = \tau_{jk1} + a_{jk} + \tau_{jk2}$, где τ_{jk1} — длительность работ от начала до ведущей операции, τ_{jk2} — длительность работ после ведущей операции до перехода партии деталей на следующий участок.

Когда партия деталей «загружает» ведущую группу оборудования, работа по другим партиям деталей задерживается. Увеличение длительности работ дорогих деталей приводит к увеличению их себестоимости. Поэтому деталям ставятся в соответствие приоритеты, которые используются для принятия решений [4, 9, и др.].

Данное межцеховое ОКП (представленное как имитационное моделирование) фиксирует план-график производства $G_{jkr} = \{n_{kr}, Z_{jkr}, V_{jkr}\}$ для всех участков j на длительность горизонта прогнозного плана: n_{kr} — заданный норматив размера партии p деталей k на группе оборудования j , Z_{jkr} — рекомендательное время запуска партии p деталей k на группе оборудования j , V_{jkr} — обязательные сроки выпуска. Через горизонт планирования (сутки, неделя, месяц...) план-график полностью пересматривается. Учитывается принцип скользящего формирования планов производства. План работ уменьшается на график уже выполненных операций, но составляется план на новый период. Вновь согласуется все производство со сборкой. Построение графика работ основано на использовании имитационной модели, отражающей выполнение технологического процесса и его стохастичность (планы-графики пересчитываются через короткие промежутки

времени — через неделю, месяц). Обеспечивается построение допустимого плана производства: план составляется по ведущим группам оборудования, перегрузка мощностей не допускается, при построении графика работ используется принцип «точно вовремя». Построение производственного плана-графика обеспечивает расчет потребности в ресурсах во времени.

Таким образом, использование имитационной модели ОКП производства позволяет формировать план-график хода партий деталей по ведущим операциям. Алгоритм ОКП обеспечивает осуществление ОУП для предприятия в целом. Производственные участки получают наиболее важную информацию – сроки запуска и выпуска партий деталей на ведущих группах оборудования. Сокращается размерность задачи, адекватность ее решения не ухудшается. Однако характер оптимизации приближенный, так как сам алгоритм расчетов не отражает стохастичность системы в полной мере, не учитывается все множество деталеопераций.

Оптимизационная модель оперативно-календарного планирования

Для имитационной модели ОКП готовится наиболее важная информация. Такая информация может быть использована и при формировании оптимизационной задачи, которая учитывает основные условия в исследовании операций [13 и др.]. Все модели календарного планирования содержат условия известной задачи С. Джонсона. Ее постановка дана Р. Беллманом [13]. Проблема задачи ставится следующим образом. Необходимо сформировать план-график работ заданного количества, выполняемых на определенных группах оборудования. Технология производства задана. Функция цели — минимум общего времени выполнения работ, объема оборотных активов. Такая задача совпадает с поставленными условиями в межцеховом ОКП.

Алгоритм С. Джонсона решает проблему только для двух групп оборудования. Эффективный оптимизационный алгоритм для трех и более групп оборудования построить не удалось. Поставленная далее задача ОКП решает в какой-то степени такую важную для производства проблему.

Итак, система ОКП в первую очередь определяет количество партий p готовых деталей k , которое следует подать на сборку. Размеры партий деталей фиксированы — n_{kp} . Для партий деталей задан срок их подачи на сборку — $V_{jk^*,p}$. Индекс * соответствует тому, что речь идет о завершающей группе оборудования, с которой партии готовых деталей поступают на сборку. Отсюда можно определить нарастающим итогом необходимую величину поступлений на сборку готовых деталей — B_{kt} .

Обозначим через x_{jkpv} целочисленные переменные, принимающие значения 1, когда модель задает выпуск партии p деталей k на ведущей группе оборудования j в момент времени t . Индекс v соответствует технологической последовательности обработки деталей. Учитываются ведущие группы оборудования, $v = 1, 2, 3, \dots, v^*$. При этом индекс v^* отражает последний участок производства (ведущую группу оборудования). Значение $x_{jkpv} = 0$, когда нет выпуска партии деталей.

Представим ограничения в модели ОКП.

Обеспеченность сборки деталями нарастающим итогом:

$$\sum_{q=1}^t \sum_p n_{kp} x_{jkpv^*} - y_{kt} = B_{kt}, k \in K, t = 1, 2, 3, \dots,$$

где y_{kt} — сверхплановые запасы готовых деталей.

Ограничения по мощностям:

$$\begin{aligned} \sum_{k,r,p} m_{jkpr} x_{jkpv} &\leq M_{jt}, j \in J, t = 1, 2, 3, \dots, \\ m_{jkpr} &= m_{jkp}, r = \{t, t-1, \dots, t-a_{jkp}+1\}, \\ m_{jkpr} &= 0, r \notin \{t, t-1, \dots, t-a_{jkp}+1\}. \end{aligned}$$

Возможность группы оборудования j задана количеством станков M_{jt} . Можно учесть количество рабочих мест, рабочих центров. Тогда m_{jkpr} — количество одновременно используемых станков группы j , a_{jkp} — длительность обработки p партии деталей k , r — начало обработки.

В модели зафиксирована технологическая последовательность выполнения операций, задано минимальное время пролеживания и обработки партий деталей между ведущими операциями:

$$\sum_t (t_{v+1})x_{jkpv+1} - \sum_t (t_v)x_{jkpv} \geq a_{jkp} + \tau_{jk2v} + \tau_{jk1,v+1}; k \in K; p = 1, 2, \dots; v = 1, 2, 3, \dots, v^* - 1,$$

где $\tau_{jk2v} + \tau_{jk1,v+1}$ — минимальная длительность выполнения работ между ведущими операциями;

$(t_{v+1}) - (t_v)$ — время, определяющее длительность комплекса работ по детали k от операции v до $v+1$,

$t_v^* - t_1$ — время выполнения всего комплекса работ, от первой операции до последней (партии деталей k).

На всех операциях детали k планируется одинаковое количество производства партий:

$$\sum_t x_{jkpv+1} - \sum_t x_{jkpv} = 0, k \in K; p = 1, 2, \dots; v = 1, 2, 3, \dots, v^* - 1.$$

Критерий оптимизации — минимум уровня оборотных активов, времени выполнения всех операций. Это отражается следующим образом:

$$\sum_k c_k y_{kt} + \sum_t c_{kp} ((t_{v+1}) \sum_t x_{jkpv^*} - (t_v) \sum_t x_{jkpv}) \rightarrow \min,$$

где c_k — себестоимость детали k ;

c_{kp} — средняя себестоимость p -й партии деталей k .

В данной модели (отражающей частично целочисленное программирование) задано множество временных вариантов выполнения операций на ведущих группах оборудования. Выбирается один из вариантов выпуска партий деталей. Такую задачу успешно можно решить с помощью программного обеспечения [14]. Эффективность решения такой задачи показана в [4]: период времени планирования — квартал, единица времени — сутки, количество переменных — 3061, целочисленных переменных — 1136, ограничений — 2244.

Использование оптимизационной модели достаточно широко: оценка эффективности разработки других алгоритмов ОКП, решение сложных производственных задач на машиностроительных, приборостроительных предприятиях серийного, мелкосерийного, единичного производства.

Согласование тактических планов работы предприятия с оперативным управлением производством сложных изделий с длительным технологическим процессом

При разработке планов технической подготовки производства на предприятиях часто используют сетевое планирование. С помощью его составляется план-график, связанный с разработкой новой продукции, отражающий формирование высокотехнологичных инновационных производственных процессов. При этом применение

сетевого планирования позволяет определить длительность выполнения работ, интенсивность их проведения, уровень использования возможностей, связанных с мощностями, трудовыми и материальными ресурсами. Например, сетевое планирование успешно используется в НПО «ЭЛСИБ» ПАО.

Однако увеличение объемов, номенклатуры продукции затрудняет использование сетевого планирования. Возникает сложная задача, связанная с учетом использования ресурсов. Сдвиги работ уменьшают их наложение в одном рабочем месте, но возникают в других. Оказалось, что для решения таких задач нет эффективных алгоритмов их решения. Таким образом, наличие ограничений на ресурсы в сетевом планировании существенно усложняет задачу принятия решений.

Представим решение такой проблемы на основе оптимизационного согласования задач оперативно-календарного и сетевого планирования с учетом координации с тактическими планами.

Представим методологический алгоритм решения проблемы. Пусть выпускается несколько изделий в заданном периоде. Для продукции построены сетевые графики выполнения работ. Заданы длительности и величина затрат ресурсов по работам от одной вершины к другой. Каждой работе ставится в соответствие множество одинаковых вариантов (можно поставить задачу с не одинаковыми вариантами) реализации работ во времени. Однако выбирается один вариант. Задана последовательность выполнения работ. Из вершины работа может выходить только после выполнения всех работ, входящих в данную вершину. Критерий оптимизации — минимум отклонений сроков выполнения всех работ от плана производства и продаж.

Таким образом, основой методологического подхода к решению указанной задачи является системная связность тактического и оперативного управления. Моделирование оперативного управления производством становится основой такого условия. Представим такую интеграционную модель более подробно.

Пусть выпускается K изделий, $k = 1, 2, \dots, K$, в плановый период T , $t = 1, 2, \dots, T$. Сетевой график для изделия k имеет n вершин. Длительность работ — t_{ij} . В модели описание идет относительно детали k . Это позволяет в некоторых случаях для упрощения записи этот индекс опускать. Начало работы — в вершине i , окончание — в вершине j , $i, j = 1, 2, \dots, n$. Продолжительность работы $t_{ij} = t_{j1} + h_{ij} + t_{j2}$ учитывается по всем операциям и пролеживаниям: t_{j1} — время работы от вершины i до ведущей операции, t_{j2} — после ведущей операции до вершины j , h_{ijm} — продолжительность ведущей операции на оборудовании m , $m = 1, 2, \dots, M$.

Возможности предприятия определяют мощности и рабочие. Ресурсы взаимосвязаны, поэтому h_{ijm} отразим с учетом этого обстоятельства. Работа ij выполняется a_{ijm} работниками за h_{ijm} единиц времени. A_m рабочих работают на группе оборудования m . Таким образом, возможности рабочего места m определяют указанные параметры.

Обозначим через x_{ijr} переменную, принимающую значение 1, когда работа ij начинается с периода r , $r = 1, 2, \dots$. Из заданного множества вариантов работ принимается только один из них:

$$\sum_r x_{ijr} = 1, i = 1, 2, \dots, n; j = 1, 2, \dots, n.$$

Возможности производства:

$$\sum_{i,k} a_{ijmkt} x_{ijr} \leq A_{mt}, t = \{r, r+1, \dots, r+h_{ijm}-1\}, \\ a_{ijmkt} = a_{ijmk}, t = \{r, r+1, \dots, r+h_{ijm}-1\}, \\ \text{в противном случае } a_{ijmkt} = 0.$$

Последовательность выполнения работ:

$$(t_{ij1} + r + h_{ij} - 1 + t_{ij2}) x_{ijr} \leq T_j, j = 1, 2, \dots, n, \\ (t_{ij1} + r + h_{ij} - 1 + t_{ij2}) x_{ijr} \geq T_i, i = 1, 2, \dots, n.$$

К периоду T_j все работы, которые проходят через узел j , завершаются. Параметр T_{nk} — время завершения всех работ k . Предельный срок выпуска изделия k — D_{nk} . Превышение сроков выпуска H_k изделия k над планом:

$$T_{nk} - D_{nk} - H_k + H^k = 0.$$

Критерий оптимизации

$$\sum_k H_k C_k \rightarrow \min,$$

где C_k — средняя себестоимость изделий k (от заготовительных производств до выпуска готовой продукции).

Критерий отражает минимум оборотных активов, времени завершения всех работ. Такая функция цели отражает максимальную результативность функционирования системы ОУП.

Параметры x_{imk} согласуют множество экономических показателей продукции: цены, себестоимость, уровень оборотных активов и др. Эти и другие показатели способствуют эффективной организации планирования деятельности предприятий.

Ограничения на ресурсы в сетевом планировании могут быть учтены в задаче линейного частично целочисленного программирования [14]. В задачах оптимизации, сетевом планировании параметры h_{ijm} — целые числа. Такое бывает редко. Подобная ситуация приводит к неточности расчетов.

Размерность задачи уменьшается за счет объединения работ ij в комплексы операций. В комплексы объединены и ведущие операции. Длительность их выполнения отражаются значениями h_{ijm} . Выполнение во времени комплекса работ ij оценивается количеством в принятых единицах (не в целых числах) времени. Таким образом, проблема решения задачи с учетом не целых значений h_{ijm} представляется сложной задачей, решение которой может быть осуществлено оригинальным образом.

Пусть единицей времени является месяц, а $h_{ijm} < 1$. Вводятся две новые переменные $y_{kij,r}$, $y_{kij,r+1}$. В сумме они соответствуют значению h_{ijm} . Работа может быть выполнена в периоде r либо в периодах r и $r+1$. Выполнение работы возможно также в периоде $r+1$. Новую ситуацию можно представить следующей системой ограничений:

$$\sum_{i,k} a_{ijmkt} y_{kij,r} \leq A_{mt}, \sum_{i,k} a_{ijmkt} y_{kij,r+1} \leq A_{m,t+1}, \\ t = \{r, r+1, \dots, r+h_{ijm}-1\},$$

где $a_{ijmkt} = a_{ijmk}$, $t = \{r, r+1, \dots, r+h_{ijm}-1\}$, в противном случае $a_{ijmkt} = 0$;

$$y_{kij,r} + y_{kij,r+1} = h_{ijm}; r = 1, \dots, T-1; m = 1, 2, \dots, M.$$

Если $h_{ijm} \geq 1$, то одна переменная $y_{kij,r}$ приравнивается 1 (или A_{mt}), а в систему добавляется новая переменная $y_{kij,r+2}$ и т. д. Данными ограничениями работа kij сохраняется как

единое целое, либо работа расположена в двух соседних временных интервалах. С переменными $y_{kij,r}$, $y_{kij,r+1}$ связаны и другие ограничения. Проведение практических расчетов показало эффективность рассмотренного подхода [15].

Таким образом, представленный в работе **методологический подход** обеспечивает согласованность моделей тактического, оперативного управления производством. Это позволяет наладить изготовление сложных изделий с длительным циклом технологического процесса.

Выводы, заключение

В исследовании представлена разработка комплекса моделей оптимизации, который согласовывает задачи объемно-календарного, оперативно-календарного и сетевого пла-

нирования. Трудности решения рассматриваемой проблемы связаны с созданием модели оперативно-календарного планирования, которая отражает технологический процесс по ведущим группам оборудования, информация для которых поступает из сетевого планирования. В сетевом планировании отражаются как технология производства, так и ограничения на ресурсы. В работе представлен также оригинальный подход, учитывающий любую длительность операций, и не кратной выбранной единице времени. Такой результат повышает адекватность приближения модели к реальности. Проблема сведена к задаче линейного частично целочисленного программирования. Решение задачи вполне осуществимо с помощью программного обеспечения [14].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Плещинский А. С. Оптимизация межфирменных взаимодействий и внутрифирменных управленческих решений. М. : Наука, 2004. 254 с.
2. Мауэргауз Ю. Е. «Продвинутое» планирование и расписания (AP & S) в производстве и цепочках поставок. М. : Экономика. 2012. 574 с.
3. Данилин В. И. Финансовое и операционное планирование в корпорации. Методы и модели. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 616 с.
4. Титов В. В. Оптимизация управления промышленной корпорацией: вопросы методологии и моделирования. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2007. 256 с.
5. Безмельницын Д. А. Проблемы согласования стратегического и оперативного управления при производстве сложных изделий с длительным циклом технологического процесса // Инновационная фирма: теория и практика развития / Под ред. В. В. Титова, В. Д. Марковой. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2011. С. 254—260.
6. Porter M. What is strategy? // Harvard business review. 1996. Vol. 74. No. 6. Pp. 61—78.
7. Charan Ram, Colvin Geoffry. Why CEO is fail // Fortune. 1999. 21 June. Pp. 68—78.
8. Каплан Р., Нортон Д. Награда за блестящую реализацию стратегии. Связь стратегии и операционной деятельности — гарантия конкурентного преимущества. М. : Олимп-Бизнес, 2010. 368 с.
9. Чейз Р. Б., Джейкобс Р. Ф., Аквилано Н. Дж. Производственный и операционный менеджмент / Пер. с англ. 10-е изд. М. : Вильямс, 2007. 1184 с.
10. Титов В. В., Безмельницын Д. А. Оптимизация стратегического управления развитием высокотехнологического бизнеса на основе платформы промышленного кластера // Регион: экономика и социология. 2019. № 1. С. 250—270.
11. Титов В. В., Безмельницын Д. А. Моделирование планирования развития высокотехнологического бизнеса в промышленном кластере // Вестник НГУЭУ. 2018. № 2. С. 20—32.
12. Титов В. В., Безмельницын Д. А. Оптимизация тактического и оперативного планирования производства сложной электротехнической продукции // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 163—176.
13. Bellman R. Mathematical aspects of scheduling theory // J. Soc. Industr. and Appl. Math. 1956. Vol. 4. No. 3. Pp. 167—190.
14. Забиняко Г. И. Пакет программ целочисленного программирования // Дискретный анализ и исследование операций. Сер. 2. 1999. Т. 6. № 2. С. 32—41.
15. Титов В. В., Безмельницын Д. А. Оптимизация согласования оперативного управления сложным производством со стратегическими планами предприятия // Экономика и математические методы. 2015. Т. 51. Вып. 3. С. 102—108.

REFERENCES

1. Pleshchinskiy A. S. *Optimization of inter-firm interactions and intra-firm management decisions*. Moscow, Nauka, 2004. 254 p. (In Russ.)
2. Mauergauz Yu. E. *“Advanced” planning and schedules (AR & S) in production and supply chains*. Moscow, Ekonomika, 2012. 574 p. (In Russ.)
3. Danilin V. I. *Financial and operational planning in the corporation. Methods and models*. Moscow, Delo (Publ. House of RANEP), 2014. 616 p. (In Russ.)
4. Titov V. V. *Optimization of industrial corporation management: issues of methodology and modeling*. Novosibirsk, IEIE SB RAS publ., 2007. 256 p. (In Russ.)
5. Bezmelnitsyn D. A. Problems of coordination of strategic and operational management in the production of complex products with a long cycle of technological process. In: *Innovative firm: theory and practice of development*. Ed. by V. V. Titov, V. D. Markova. Novosibirsk, IEIE SB RAS publ., 2011. Pp. 254—260. (In Russ.)
6. Porter M. What is strategy? *Harvard business review*, 1996, vol. 74, no. 6. pp. 61—78.
7. Charan Ram, Colvin Geoffry. Why CEO is fail. *Fortune*, 1999, 21 June, pp. 68—78.
8. Kaplan R., Norton D. *Award for brilliant implementation of the strategy. The link between strategy and operations is a guarantee of competitive advantage*. Moscow, Oлимп-Biznes, 2010. 368 p. (In Russ.)

9. Chase R. B., Jacobs R. F., Aquilano N. J. *Production and operational management*. 10th ed. Tran. from Engl. Moscow, Williams, 2007. 1184 p. (In Russ.)
10. Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Optimization of strategic management of high-tech business development based on the industrial cluster platform. *Region: Economics and Sociology*, 2019, no. 1, pp. 250—270. (In Russ.)
11. Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Modeling of planning for the development of high-tech business in an industrial cluster. *Vestnik NSUEM*, 2018, no. 2, pp. 20—32. (In Russ.)
12. Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Optimization of tactical and operational planning of production of complex electrical products. *Region: Economics and Sociology*, 2015, no. 1, pp. 163—176. (In Russ.)
13. Bellman R. Mathematical aspects of scheduling theory. *J. Soc. Industr. and Appl. Math.*, 1956, vol. 4, no. 3, pp. 167—190.
14. Zabinyako G. I. Integer programming package. *Discrete analysis and research of operations. Series 2*, 1999, vol. 6, no. 2, pp. 32—41. (In Russ.)
15. Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Optimization of coordination inoperational management of complex production with strategic plans of the enterprise. *Economics and mathematical methods*, 2015, vol. 51, iss. 3, pp. 102—108. (In Russ.)

Как цитировать статью: Титов В. В., Безмельницын Д. А. Развитие систем оперативного управления на высокотехнологических предприятиях машиностроения с длительным циклом производства // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 210—217. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.379.

For citation: Titov V. V., Bezmelnitsyn D. A. Development of operational management systems on high-tech with a long cycle the production of machine-building enterprises. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 210—217. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.379.

УДК 336.7
ББК 65.054

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.380

Vorobets Taras Ivanovich,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Management,
Institute of Economics and Management,
V. I. Vernadsky Crimean
Federal University,
Russain Federation, Republic of Crimea,
Simferopol,
e-mail: vti.taras@list.ru

Воробец Тарас Иванович,
канд. экон. наук,
доцент кафедры менеджмента,
Институт экономики и управления,
Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского,
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь,
e-mail: vti.taras@list.ru

Perzeke Nikolay Borisovich,
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Accounting,
Analysis and Auditing,
Crimean Engineering and Pedagogical University
the name of Fevzi Yakubov,
Russain Federation, Republic of Crimea,
Simferopol,
e-mail: nperzeke@mail.ru

Перзеке Николай Борисович,
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры бухгалтерского учета,
анализа и аудита,
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова,
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь,
e-mail: nperzeke@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СТРАТЕГИИ ПРЕДПРИЯТИЯ

FEATURES OF FORMING AN INNOVATIVE STRATEGY OF THE ENTERPRISE

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

В исследовании представлены особенности формирования инновационной стратегии в тесной взаимосвязи с инновационным потенциалом предприятия. Подчеркивается, что процесс формирования инновационных стратегий должен основываться на теоретико-методологическом обеспечении и, как следствие, на соответствующих положениях. Следует понимать, что инновационные стратегии создают иерархическую систему с взаимосвязанными элементами. В исследовании отмечается, что воплощение инновационной стратегии основывается на следующих

основных направлениях деятельности: разработка планов и программ инновационного развития и деятельности; контроль процесса разработки и внедрения инновации; анализ инновационных программ и проектов; разработка и осуществление единой инновационной политики; координация инновационной деятельности; обеспечение инновационных программ и мероприятий ресурсами; применение целевого управления комплексом инноваций благодаря формированию целевых групп для системного решения проблем, связанных с инновационной деятельностью.

В нестабильных динамических условиях успех инновационной стратегии зависит не только от правильного выбора реализационных мероприятий, которые позволяют разработать своевременное управленческое решение, а также от современных методов принятия управленческих решений для выполнения сформированной задачи. Эффективная инновационная деятельность в первую очередь зависит от большого количества факторов. Наибольшее значение имеет совершенство финансовых отношений, которые формируются в случае привлечения различных источников, эффективное использование фондов, имеющихся ресурсов, внедрение операционной стратегии. Управление производственными структурами (субъектами хозяйствования и отдельными их единицами, звеньями) в современной меняющейся рыночной среде — сложный процесс, связанный с различными рисками. На наш взгляд, инновационный риск возможно трактовать как своего рода отклонение от стратегических инновационных целей, вероятность потерь, возникающих при проведении инновационной деятельности субъектами хозяйствования.

The study presents the features of the formation of an innovative strategy in close relationship with the innovative potential of the enterprise. It is emphasized that the process of forming innovative strategies should be based on theoretical and methodological support and, as a consequence, on the relevant provisions. It should be understood that innovation strategies create a hierarchical system with interrelated elements. The study notes that the implementation of the innovation strategy is based on the following main areas of activity: development of plans and programs for innovative development and activities; control over the development and implementation of innovation; analysis of innovative programs and projects; development and implementation of a unified innovation policy; coordination of innovation activities; providing innovative programs and activities with resources; application of targeted management of a complex of innovations due to the formation of target groups for the systematic solution of problems associated with innovation.

In an unstable dynamic environment, the success of an innovative strategy depends not only on the correct choice of implementation measures that make it possible to develop a timely management decision, but also on modern methods of making management decisions to complete the formed task. Effective innovative activity primarily depends on a large number of factors. Of greatest importance is the perfection of financial relations, which are formed in the case of attracting various sources, the effective use of funds, available resources, the implementation of an operational strategy. Management of production structures (business entities and their individual units, links) in the modern changing market environment is a complex process associated with various risks. In our opinion, innovation risk can be interpreted as a kind of deviation from strategic innovation goals, the likelihood of losses arising from the conduct of innovative activities by business entities.

Ключевые слова: развитие, инновации, субъект рыночной экономики, бизнес-структуры, разработка стратегии, инновационное развитие, предприятие, потенциал, инновационный потенциал, инновационный риск, инновационная стратегия, формирование стратегии.

Keywords: development, innovation, a subject of a market economy, business structures, strategy development, innovative development, enterprise, potential, innovation potential, innovation risk, innovation strategy, strategy formation.

Введение

Актуальность. Устойчивое экономическое развитие в долгосрочной перспективе прежде всего обусловлено внедрением передового опыта инновационной деятельности, действием факторов, направленных на поддержку освоения достижений отечественной науки и техники, технологий. Инновационные факторы являются определяющими в системе повышения конкурентоспособности экономики страны и служат основой ускорения, инновационного процесса и развития, эффективности функционирования социально-экономических систем различного уровня и масштаба. Также решение задачи инновационного развития требует комплексного анализа и переосмысления существующих подходов, создания теоретических основ обеспечения эффективного развития предприятий. На сегодняшний день активность корпоративных структур в создании новых инноваций и эффективных коммуникаций для их трансфера становится фактором экономического развития, повышения конкурентоспособности предприятий.

Изученность проблемы. Вопросы формирования инновационной стратегии субъектов хозяйствования неразрывно связаны с понятием инновационного потенциала. Так, ученые И. Кладченко и С. Кравченко выделяют такие компоненты в его структуре: ресурсные (технические, информационные, инвестиционные, человеческие ресурсы) результативные (потенциальные возможности вывода экономической системы на новый уровень функционирования), внутренние (которые предусматривают способность системы привлекать ресурсы для инициирования, создания и распространения новаций). Важными и значимыми для экономической науки являются исследования В. Неймана и О. Моргерстена, М. Портера, где основные концепции теории игр применяются в контексте стратегии ведения бизнеса.

Целесообразность разработки темы. Проявление негативных тенденций развития мировой экономики свидетельствует об отсутствии системного подхода к управлению инновационным развитием. Такая ситуация актуализирует вопросы формирования инновационной стратегии на всех уровнях управления, так как данная стратегия должна быть эффективным инструментом разработки и воплощения системы повышения конкурентоспособности экономики страны, каждого отдельного субъекта хозяйственной деятельности, стать основным стимулом для инновационного и социально-экономического развития. В то же время инновационное развитие является основой обеспечения экономической независимости, а также позволяет преодолеть отставание от передовых государств или основных конкурентов. Это обосновывает актуальность разработки теоретических и методологических основ формирования стратегии инновационного развития [1].

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании процесса формирования инновационной стратегии предприятия, а также сопутствующих факторов риска.

Цель исследования — изучение особенностей формирования стратегии инновационного развития субъектов хозяйственной деятельности.

Задачи исследования: изучить методологические особенности формирования инновационных стратегий; рассмотреть механизм разработки инновационной стратегии развития предприятия; рассмотреть возможности активизации инновационной деятельности предприятий через новые технологии управления.

Теоретическая значимость работы заключается в исследовании особенностей формирования инновационных стратегий, рассмотрении возможных путей активизации инновационной деятельности предприятий через новые технологии управления.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования разработанных положений и рекомендаций предпринимательскими бизнес-структурами для разработки стратегий инновационного развития.

Основная часть

Методология. Для решения определенных задач и достижения цели использовался комплекс взаимодополняющих методов исследования: метод логического и исторического анализа (при анализе основных теоретических подходов к трактовке понятий), статистический и графический метод (при анализе экономической ситуации), системный подход (при систематизации факторов, влияющих на формирование инновационной стратегии предприятия), метод системно-структурного анализа (при анализе факторов риска, влияющих на формирование инновационной стратегии).

Результаты. Особенности стратегического управления инновационным развитием являются: нацеленность на достижение намеченных целей и результатов во внешней среде; альтернативность принятия стратегических решений и сложность их выбора; существование стратегических инновационных адаптационных управленческих решений, которые добавляются полноты заранее принятым к рассмотрению стратегическим управленческим решениям; многоуровневость и иерархичность управленческих решений; рост эффективности с высоким уровнем вероятности достижения основных результатов, реализованных методами стратегического управления инновационным развитием относительно методов классического стратегического менеджмента и планирования; увеличение и усложнение принципов, функций и результатов стратегического управления [2].

Как отмечают многие исследователи, формирование инновационной стратегии — это системный процесс, который позволяет на основании стратегического мышления проанализировать содержание условий, в которых работают субъекты хозяйствования, регионы и т. д.; определить

миссию, стратегические инновационные цели и задачи, выявить основные направления и превентивные меры инновационного развития при максимальном использовании всех возможных ресурсов [3]. В то же время сейчас в экономической литературе понятие «формирование инновационной стратегии» рассматривается в комплексе с понятием инновационного потенциала. Так, под стратегическим инновационным потенциалом субъектов хозяйствования понимают совокупность имеющихся внутренних и внешних ресурсов, возможностей для разработки и реализации инновационной стратегии [4].

Особыми чертами стратегического потенциала инновационного развития является его связь с прошлым или с общим количеством положительных признаков, свойств, которые были накоплены системой и которые обуславливают возможность получения современного уровня развития, наличие условий для практического, реального использования инноваций, применяя все возможности для использования в перспективе [5]. Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что стратегический инновационный потенциал развития предприятия — это способность развивать и трансформировать имеющиеся ресурсы для обеспечения конкурентоспособности, формирования и воплощения инновационной стратегии, вывода предприятия на качественно новый уровень функционирования и развития на инновационной основе в долгосрочной перспективе.

Для оценки стратегического инновационного потенциала развития субъектов хозяйствования целесообразно обратить внимание на внутренние компоненты (производственно-технологические, кадровые, информационные, финансово-инвестиционные, научно-технические, управленческие, организационные, маркетинговые, инновационная культура) и внешние компоненты (факторы прямого воздействия (потребители продукции, государственные структуры), факторы косвенного воздействия (научно-технический прогресс, уровень экономического развития, уровень международного развития бизнес структур)).

На основе систематизации индикаторов, освещенных в работах [6—8], предложена система показателей и их характеристик для оценки стратегического инновационного потенциала субъектов хозяйствования (табл. 1).

Таблица 1

Система показателей для оценки стратегического инновационного потенциала субъектов хозяйствования [6—8]

Структура потенциала и показатели оценки	Информационная база для расчетов
<i>Внутренние компоненты</i>	
<i>Производственно-технологический потенциал</i>	
1) коэффициент прогрессивности оборудования на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
2) коэффициент модернизации оборудования на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
4) количество инновационных мероприятий, направленных на повышение эффективности производства на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
5) конкурентоспособность производственной базы	Результаты экспертных оценок
6) коэффициент износа оборудования	Финансовая отчетность предприятий
<i>Кадровый потенциал</i>	
1) доля персонала, задействованного в инновационных проектах на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий. Данные управленческого учета
2) доля научно-технических специалистов в общей численности персонала, задействованного в инновационных проектах на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий. Данные управленческого учета

Структура потенциала и показатели оценки	Информационная база для расчетов
3) уровень квалификации труда, используется субъектами хозяйствования на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий. Данные управленческого учета
4) конкурентоспособность кадров	Результаты экспертных оценок
Информационный потенциал	
1) количество информации по инновационной деятельности, научно-технической, правовой литературы	Результаты экспертных оценок
2) инновационные возможности в сфере коммуникации, компьютерные системы	Результаты экспертных оценок
3) система защиты информации	Результаты экспертных оценок
Финансовый потенциал	
1) расходы на разработку или покупку проекта на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
2) расходы на реализацию проекта на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
3) выручка от реализации продукции на отчетную дату по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
4) коэффициент текущей ликвидности к нормативному значению	Финансовая отчетность предприятий
5) коэффициент финансовой автономии к нормативному значению	Финансовая отчетность предприятий
6) рентабельность активов по сравнению с депозитной ставкой	Финансовая отчетность, данные мониторинга рынка финансов
Научно-технический потенциал	
1) количество направлений, по которым осуществляются НИОКР	Финансовая отчетность предприятий
2) вес инновационной продукции в общем объеме производства	Финансовая отчетность предприятий
Управленческий потенциал	
1) оптимальная организационная структура и система менеджмента предприятия	Результаты экспертных оценок
2) система стратегического и тактического планирования	Результаты экспертных оценок
Организационный потенциал	
1) качество внутренних и внешних вертикальных и горизонтальных, прямых и обратных связей	Результаты экспертных оценок
2) структура (элементы, диапазон и уровни управления)	Результаты экспертных оценок
3) распределение прав и ответственности по элементам управления	Результаты экспертных оценок
Инновационная культура	
1) использование системы мотивации	Результаты экспертных оценок
2) применение модели наставничества	Результаты экспертных оценок
3) коммуникационная система, сотрудничество и язык общения	Результаты экспертных оценок
Маркетинговый потенциал	
1) объем реализации продукции в стоимостном выражении по сравнению с базовым годом	Финансовая отчетность предприятий
2) основные рынки сбыта	Результаты экспертных оценок
3) анализ спроса на инновации	Результаты экспертных оценок
4) маркетинговая стратегия	Результаты экспертных оценок
Внешние компоненты	
Факторы прямого воздействия	
1) потребители инновационной продукции	Результаты экспертных оценок
2) основные поставщики сырья	Результаты экспертных оценок
3) государственные структуры	Результаты экспертных оценок
Факторы косвенного воздействия	
1) научно-технические факторы	Результаты экспертных оценок
2) экономические факторы	Результаты экспертных оценок
3) международные факторы	Результаты экспертных оценок

При расчете уровня стратегического инновационного потенциала субъектов хозяйствования предлагаем проводить анализ:

– в соответствии с имеющимися показателями инновационной деятельности и оценивать их с показателями

базового периода деятельности исследуемых субъектов хозяйствования;

– по степени их отклонения от нормативного;

– по результатам экспертных оценок при отсутствии количественной информации о деятельности предприятия.

Интегральный показатель уровня стратегического инновационного потенциала субъектов хозяйствования предлагается рассчитывать по формуле (1):

$$I_{\text{УСИП}} = \sum_{i=1}^n \frac{\sum_{j=1}^m \Phi_{ij}}{m} * \vartheta_i, \quad (1)$$

где Φ_{ij} — значение j -го показателя i -й группы, включенный в расчет;

ϑ_i — степень влияния i -й группы оценки на общий уровень интенсивности инновационной деятельности;

m — количество показателей оценки по каждой группе;

n — количество групп оценивания.

Интерпретация полученного значения интегрального показателя стратегического инновационного потенциала субъектов хозяйствования представлена в табл. 2.

Итоговые оценки относительно каждой группы предложено вычислять благодаря синтезу единичных оценок, принадлежащих к соответствующей группе, в то же время интегральный показатель будет получен через синтез итоговых оценок. Средневзвешенные оценки следует вычислять таким образом, чтобы во внимание принимались веса, а именно степени влияния каждой группы оценки благодаря методу экспертной оценки.

В то же время следует отметить, что одной из важнейших задач современного менеджера является снижении

уровня неопределенности. На наш взгляд, инновационный риск возможно трактовать как своего рода отклонение от стратегических инновационных целей, вероятность потерь, возникающих при проведении инновационной деятельности субъектами хозяйствования.

Таблица 2

Интерпретация результатов оценки уровня интенсивности инновационной деятельности субъектов хозяйствования (составлено авторами на основе [9—11])

Уровень стратегического инновационного потенциала	Значение интегрального показателя
1. Высокий	(0,8...1,0]
2. Выше среднего	(0,6...0,8]
3. Средний	(0,4...0,6]
4. Ниже среднего	(0,2...0,4]
5. Низкий	[0...0,2]

Для проведения оценки риска инновационной деятельности субъектов хозяйствования следует выделить факторы при разработке инновационной стратегии, которые зависят от этапов инновационного проекта, особенностей инновационной стратегии, внедренных инноваций (табл. 3).

Таблица 3

Факторы риска инновационной деятельности субъектов хозяйствования в случае внедрения инновационной стратегии (составлено авторами на основе [12—15])

№ п/п	Виды рисков
1.	Ошибки выбора инновационной стратегии
2.	Выявление непредвиденных расходов в случае воплощения инновационной стратегии
3.	Ошибки при управлении инновационной стратегией
5.	Ошибки при оценке инновационного потенциала, его резервов
6.	Снижение качества и уровня научно-технического потенциала
7.	Недостаточный уровень кадрового обеспечения, ошибки в установлении возможностей персонала
8.	Недостаточный уровень информационного обеспечения
9.	Снижение качества и уровня производственного потенциала
10.	Невыполнения инвестором обязательств по проекту
11.	Недостаточный уровень финансирования
12.	Ошибки при оценивании проекта
13.	Ошибки формирования логистической цепи реализации проекта
14.	Риски сбыта и продвижения результатов проекта
15.	Ошибки построения организационной структуры
16.	Рост цен на ресурсы и т. д.
17.	Таможенные и другие ограничения
18.	Кризисные явления в экономике
19.	Усиление действий конкурентов
20.	Общий уровень инновационных рисков

Заключение

Проведенные научные исследования для обоснования теоретических основ развития предприятия на основании разработки инновационных стратегий различных уровней позволили установить, что инновационное развитие является главным направлением повышения конкурентоспособности

на всех уровнях хозяйствования; стратегическое управление инновационным развитием, формирование инновационной стратегии и политики являются приоритетными задачами для современного предприятия. Инновационная стратегия представлена как стратегия качественного роста социально-экономической системы, которая определяет общую цель,

приоритеты и управленческие действия для развития на основе инноваций; взаимодействие участников хозяйственной деятельности в случае реализации стратегии. Чтобы исследовать будущую стратегию, важно ввести структурированный подход по следующим направлениям: управление тех-

нологиями с помощью интегрированной производственной системы; управление продуктом и процессом в совместной среде; управление организацией с помощью системы управления знаниями на основе ИТ; управление зданиями с помощью систем повторного использования и рециркуляции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев А. А., Гайдук В. И., Гладкий С. В. Инновационный менеджмент. М. : Юрайт, 2015. 247 с.
2. Бражниченко Д. В. Инвестиции в инновационную деятельность как фактор повышения конкурентоспособности предприятия // Московский экономический журнал. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-innovatsionnuyu-deyatelnost-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-predpriyatiya>.
3. Володько В. Ф. Инновационные модели маркетинговой деятельности предприятия // Наука и техника. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-modeli-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiya>.
4. Гершман М. А. Программы инновационного развития компаний с государственным участием: первые итоги // Форсайт. 2013. Т. 7. № 1. С. 28—43.
5. Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. М. : Наука, 1992. 289 с.
6. Горобец А. В. Использование гибких организационных форм внедрения инноваций в зарубежных компаниях // Вестник Университета (ГУУ). 2014. № 17. С. 116—119.
7. Трансформация модели затрат промышленной бизнес-системы в условиях инновационной экономики / Д. С. Демиденко, П. И. Ваганов, Н. В. Кваша, Е. Д. Малевская-Малевиц // ЭВР. 2020. № 1(63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-modeli-zatrat-promyshlennoy-biznes-sistemy-v-usloviyah-innovatsionnoy-ekonomiki>.
8. Деричева П. Р., Лагута И. В. Сущность инновационной деятельности предприятия // Региональное развитие. 2018. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-innovatsionnoy-deyatelnosti-predpriyatiya>.
9. Друкер П. Ф. Управление в обществе будущего / Пер. с англ. М. : Вильямс, 2007. 306 с.
10. Ивахненко А. Г., Сторублев М. Л. Управление процессами организации // Методы менеджмента качества. 2009. № 5. С. 8—12.
11. Кондратьевские волны: к 125-летию со дня рождения П. Д. Кондратьева : ежегодник / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград : Учитель, 2018. 304 с.
12. Марьяненко В. П. Феномен инновации: вопросы методологии и концептуализации. СПб. : Изд-во Евраз. междунар. науч.-аналит. журнала, 2008. 337 с.
13. Русинов А. А. Основы формирования системы управления предприятий наукоемких отраслей промышленности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 1. № 12. С. 44—48.
14. Рутгайзер В. М., Корягина Т. И., Гарбузова Т. И. Сфера услуг. Новая концепция развития. М. : Экономика, 1990. 158 с.
15. Храмова Н. А. Развитие инновационной деятельности предприятий // Стратегии бизнеса. 2018. № 7(51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-innovatsionnoy-deyatelnosti-predpriyatiy-1>.

REFERENCES

1. Alekseev A. A. *Innovation management*. Moscow, Yurayt, 2015. 247 p. (In Russ.)
2. Brazhnicenko D. V. Investments in innovative activity as a factor in increasing the competitiveness of an enterprise. *Moscow Economic Journal*, 2020, no. 1. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/investitsii-v-innovatsionnuyu-deyatelnost-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-predpriyatiya>.
3. Volodko V. F. Innovative models of marketing activities of the enterprise. *Science and technology*, 2020, no. 2. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-modeli-marketingovoy-deyatelnosti-predpriyatiya>.
4. Gershman M. A. Programs of innovative development of companies with state participation: first results. *Foresight and STI Governance*, 2013, vol. 7, no. 1, pp. 28—43. (In Russ.)
5. Glazev S. Yu., Lvov D. S., Fetisov G. G. *Evolution of technical and economic systems: opportunities and boundaries of centralized regulation*. Moscow, Nauka, 1992. 289 p. (In Russ.)
6. Gorobets A. V. The use of flexible organizational forms of innovation implementation in foreign companies. *Vestnik Universiteta*, 2014, no. 17, pp. 116—119. (In Russ.)
7. Demidenko D. S., Vaganov P. I., Kvasha N. V., Malevskaya-Malevich E. D. Transformation of the cost model of an industrial business system in an innovative economy. *EVR*, 2020, no. 1(63). (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-modeli-zatrat-promyshlennoy-biznes-sistemy-v-usloviyah-innovatsionnoy-ekonomiki>.
8. Dericheva P. R., Laguta I. V. The essence of the innovative activity of the enterprise. *Regional development*, 2018, no. 1. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-innovatsionnoy-deyatelnosti-predpriyatiya>.
9. Drucker P. F. *Management in the society of the future*. Tran. from English. Moscow, Williams, 2007. 306 p. (In Russ.)
10. Ivakhnenko A. G., Storublev M. L. Organization process management. *Methods of quality management*, 2009, no. 5, pp. 8—12. (In Russ.)
11. *Kondratieff waves: to the 125th anniversary of N. D. Kondratev. Yearbook*. Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotaev. Volgograd, Uchitel, 2018. 304 p. (In Russ.)

12. Maryanenko V. P. *The Phenomenon of Innovation: Issues of Methodology and Conceptualization*. Saint Petersburg, Publ. house of the Eurasian int. sci. and analytical ed., 2008. 337 p. (In Russ.)
13. Rusinov A. A. Fundamentals of Formation of the Management System of Enterprises in Science-Intensive Industries. *Economics and Management: Problems, Solutions*, 2017, no. 12, vol. 1, pp. 44—48. (In Russ.)
14. Rutgayzer V. M., Koryagina T. I., Garbuzova T. I. *Service sector. New development concept*. Moscow, Ekonomika, 1990. 158 p. (In Russ.)
15. Khrantsova N. A. Development of innovative activity of enterprises. *Business strategies*, 2018, no. 7(51). (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-innovatsionnoy-deyatelnosti-predpriyatiy-1>.

Как цитировать статью: Воробец Т. И., Перзеке Н. Б. Особенности формирования инновационной стратегии предприятия // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 217—223. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.380.

For citation: Vorobets T. I., Perzeke N. B. Features of forming an innovative strategy of the enterprise. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 217—223. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.380.

УДК 336.02
ББК 65.27

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.381

Mosolova Nina Aleksandrovna,
Senior Lecturer of the Department
of Applied Economics,
School of Economics and Management,
Far Eastern Federal University,
Russian Federation, Vladivostok,
e-mail: mosolova.na@dvfu.ru

Мосолова Нина Александровна,
старший преподаватель
Департамента прикладной экономики,
Школа экономики и менеджмента
Дальневосточного федерального университета,
Российская Федерация, г. Владивосток,
e-mail: mosolova.na@dvfu.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СФЕРЫ АГРОСТРАХОВАНИЯ СЕЛЬХОЗПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

METHODOLOGY FOR ASSESSING THE LEVEL OF THE ECONOMIC POTENTIAL DEVELOPMENT IN THE AGRICULTURAL INSURANCE SECTOR

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

Сельскохозяйственное производство связано с развитием сферы агрострахования. По оценкам экспертов, объем мирового рынка страхования рисков сельхозпроизводителей превышает 30 млрд долл. США. Однако в России темпы роста сферы агрострахования сельхозпроизводителей существенно отстают от темпов роста сельскохозяйственного производства. Оценка экономического потенциала позволяет выявить узкие места в развитии отдельных компонент экономического потенциала, способствует сокращению уровня нереализованного экономического потенциала сферы агрострахования.

Несмотря на многообразие научно-практических работ, посвященных исследованию структуры экономического потенциала, разработке методик, инструментария, информационного обеспечения анализа и отдельных ресурсов, вовлеченных в производственный процесс, вопросы интегральной оценки потенциала сферы агрострахования являются недостаточно разработанными, отсутствует общепризнанная методика такой оценки.

В статье предлагается авторский подход к количественной оценке уровня развития экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей. В процессе оценки выделяются показатели, характеризующие количество ресурсов каждой компоненты экономического потенциала, их качество и эффективность

использования. Приводится алгоритм расчета интегральных индексов оценки уровня развития производственного, финансово-инвестиционного и организационно-управленческого потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей. Для количественного определения коэффициентов значимости показателей, характеризующих ресурсы, автор использует метод анализа иерархий, разработанный американским ученым Томасом Саати. Иерархия, построенная для решения задачи количественного определения весовых коэффициентов показателей, характеризующих каждую компоненту экономического потенциала, состоит из трех уровней. В вершине главная цель — оценка компоненты экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей, на втором уровне — основные виды деятельности в сфере агрострахования, а на третьем уровне — выделенные показатели, характеризующие соответствующую компоненту экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей.

Agricultural production is associated with the development of the agricultural insurance sector. According to experts, the volume of the global insurance market for insurance of risks of agricultural producers exceeds USD 30 billion. However, in Russia, the growth rates of agricultural insurance for agricultural producers lag significantly behind the growth rates

of agricultural production. Assessment of economic potential helps to identify “bottlenecks” in the development of individual components of economic potential and to reduce the level of unrealized economic potential of the agricultural insurance sector.

Despite the variety of scientific and practical works devoted to the study of the structure of economic potential, the development of methods, tools, information support for analysis and individual resources involved in the production process, the issues of integral assessment of the potential of the agricultural insurance sector are insufficiently developed, there is no generally accepted methodology for such an assessment.

The article proposes the author’s approach to a quantitative assessment of the level of the economic potential development in the agricultural insurance sector. In the process of assessment, indicators are identified that characterize the amount of resources of each component of the economic potential, their quality and efficiency of use. An algorithm for calculating integral indices for assessing the level of development of production, financial-investment and organizational-managerial potential of agricultural insurance for agricultural producers is given. To quantify the coefficients of significance of indicators characterizing resources, the author uses the hierarchy analysis method developed by the American scientist Thomas Saaty. The hierarchy built to solve the problem of quantifying the weights of indicators characterizing each component of economic potential consists of three levels. At the top, the main goal is to assess the component of the economic potential of the agricultural insurance sector for agricultural producers, at the second level — the main activities in the field of agricultural insurance, and at the third level — the selected indicators characterizing the corresponding component of the economic potential of the agricultural insurance sector of agricultural producers.

Ключевые слова: сфера агострахования, экономический потенциал, сельхозпроизводители, интегральные индексы, метод анализа иерархий, ресурсы, производственный потенциал, финансово-инвестиционный потенциал, организационно-управленческий потенциал, весовые коэффициенты, компоненты экономического потенциала.

Keywords: agricultural insurance sector, economic potential, agricultural producers, integral indices, hierarchy analysis method, resources, production potential, financial and investment potential, organizational and managerial potential, weight coefficients, components of the economic potential.

Введение

Актуальность. Принятие эффективных управленческих решений, связанных с развитием сферы агостраховых услуг, зависит от объективной и актуальной оценки уровня развития экономического потенциала данной сферы. Именно объективная оценка уровня экономического потенциала сферы агострахования позволяет определить виды ресурсов, объемы, сбалансированность, что является определяющим в оценке эффективности их использования. Отсутствие практически значимой оценки об имеющихся ресурсах, вовлеченных в производственный процесс, ведет к возникновению управленческих дисфункций и снижению эффективности управленческих решений в области поддержки и развития сферы агострахования рисков сельхозпроизводителей [1].

Изученность проблемы. Вопросам разработки методического инструментария анализа и оценки отдельных

показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала, посвящены работы российских и зарубежных авторов: Л. К. Васюковой [2], Е. В. Яроцкой [3], Н. В. Шаланова, В. О. Шаланова и Г. К. Джурабаевой [4], Е. В. Мазанова и Т. В. Тимофеева [5], И. А. Красновой [6], Л. Н. Булгаковой [7], Мироновой Н. А. [8], Арнольда Митчела (Arnold Mitchell) [9], Уильяма Штраусса (William Strauss) [10].

Л. К. Васюкова оценивает экономический потенциал сферы страховых услуг через инновационный потенциал, который характеризуется объемом продаж цифровых страховых услуг и уровнем цифровизации страхового рынка [2]. В. В. Швец оценивает экономический потенциал сферы страховых услуг через показатели уплаченной страховщику страховой премии, дебиторской и кредиторской задолженности по страховым операциям и инвестиционного дохода от инвестирования временно свободных страховых резервов и собственных средств компании [11]. Н. А. Николаева [12] выделяет для оценки сферы страховых услуг такой показатель, как величина страховых возмещений убытков от реализации рисков сельхозпроизводителей. Н. В. Кучерова [13] выделяет в качестве основного инструмента оценки уровня экономического потенциала сферы страховых услуг методы расчета емкости страхового рынка, а И. Яроцкий предлагает для получения интегральной оценки уровня экономического потенциала ввести такой инструмент, как шкала желательности Харрингтона [14]. А. Н. Зубец предлагает оценку потенциала сферы страховых услуг делать на основании оценки влияния агентской активности и общей численности потребителей страховых услуг с учетом тех потенциальных потребителей, которые готовы купить страховые услуги [15]. Н. Н. Никулина [16] оценивает инвестиционный потенциал сферы страховых услуг через величину накопленного страхового фонда.

Г. Вонг (H. Holly Wang) оценивает экономический потенциал мирового рынка агострахования в 30 млрд долл. США страховой премии [17]. М. Цзян (M. Jiang), И. Цзин (J. Yi) и Генри Брайант (H. Bryant) [18], Ю. Ху (Y. Hu) и Ли (X. Li) [19] оценивают уровень экономического потенциала посредством показателей объема мер государственной поддержки сельхозпроизводителям посредством субсидирования страховой премии. Экономист В. Зеленович (Vera Zelenović) оценивает уровень экономического потенциала сферы агостраховых услуг через объем финансовых ресурсов, как государственных, так и заемных — в форме банковского кредита, используемых на развитие агропроизводства, в том числе на оплату и субсидирование страховых премий [20].

Генрих Гудзь (Henrik Hudz) определяет уровень экономического потенциала сферы страховых услуг способностью обеспечить посредством страхования рисков сельхозпроизводителей биобезопасность сельхозпроизводства [21].

Дж. Диккинсон (G. M. Dickinson) и Р. Картер (R. L. Carter) [22] считают, что экономический потенциал сферы страхования в первую очередь определяется глубиной проникновения страхования в экономику региона. Главной характеристикой экономического потенциала сферы страховых услуг, согласно исследованиям Р. Т. Юлдашева, является объем страхового рынка, измеренный в количестве договоров страхования, действующих на дату измерения, либо выраженный в единицах стоимости [23].

Д. В. Пушная отмечает, что взаимосвязи между ресурсами различных компонент экономического потенциала не только многочисленны, но и трудно формализуемы [24].

Целесообразность разработки темы. Несмотря на ведущуюся в научном сообществе дискуссии о методических подходах к оценке экономического потенциала, вопросы оценки экономического потенциала сферы агростраховых услуг являются недостаточно разработанными, отсутствует признанная как научным, так и бизнес-сообществом методика оценки.

Научная новизна. В статье представлена методика количественной оценки уровня использования экономического потенциала сферы агрострахования как интегрального показателя, рассчитанного на основе интегральных индексов использования отдельных структурных компонент экономического потенциала. Отличительной особенностью данной методики является предложенный автором способ количественного определения весовых коэффициентов на основе анализа метода иерархий, что позволяет вычислить приоритеты показателей каждой структурной компоненты экономического потенциала.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей статьи является представление авторского подхода количественной оценки уровня развития экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей. Для достижения поставленной цели автором поставлены и решены следующие задачи:

- выделены показатели, характеризующие количество ресурсов для каждой компоненты экономического потенциала сферы агростраховых услуг;
- сформированы интегральные показатели, характеризующие уровень развития каждой компоненты экономического потенциала;
- описан алгоритм расчета интегрального показателя уровня развития экономического потенциала сферы агростраховых услуг.

Методы исследования. Для формирования совокупности показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала сферы агростраховых услуг, использовались принципы системного и комплексного подходов. Для количественного определения весовых коэффициентов для расчета интегрального индекса уровня развития компонент производственного потенциала использовался метод анализа иерархий Т. Саати (Thomas Saaty) [25].

Теоретическая и практическая значимость работы. Представленная в работе методика оценки уровня реализации экономического потенциала сферы агростраховых услуг, в том числе уровня использования отдельных компонент экономического потенциала, является вкладом в формирование теоретико-методических подходов к управлению развитием экономического потенциала сферы агрострахования рисков сельхозпроизводителей.

Практическая значимость предлагаемой методики заключается в возможности сформировать количественную оценку уровня использования экономического потенциала сферы агрострахования, выявить «узкие» места и дисфункции в управлении развитием экономического потенциала и выработать управленческие решения, направленные на нивелирование выявленных управленческих дисфункций.

Основная часть

При формировании показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала сферы агростра-

хования рисков сельхозпроизводителей, выбирались показатели, которые, с одной стороны, полностью и всесторонне характеризуют количество ресурсов, вовлеченных в производственный процесс, их качество и эффективность использования, а с другой стороны, используются в статистических наблюдениях и, соответственно, доступны для проведения исследования [26].

Ранее автор уже представлял для обсуждения научным сообществом свою гипотезу о структуре компонент экономического потенциала сферы агрострахования рисков сельхозпроизводителей [27].

Выделялись три основных компоненты экономического потенциала сферы агрострахования: производственный потенциал, финансово-инвестиционный потенциал, организационно-управленческий потенциал.

При формировании интегральных индексов, характеризующих компоненты экономического потенциала, производится нормирование всех показателей, характеризующих ту или иную компоненту экономического потенциала:

$$x_{ij}^o = \frac{x_{ij} - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (1)$$

$$x_{ij}^o = \frac{x_{\max} - x_{ij}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (2)$$

где x_{ij}^o является нормированным значением i -го показателя j -й составляющей, x_{ji} — текущее значение i -го показателя j -й компоненты, x_{\max} — наибольшее значение i -го показателя j -й компоненты, x_{\min} — наименьшее значение i -го показателя j -й компоненты.

В процессе нормирования показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала, значения нормированных показателей приводятся к безразмерной шкале от 0 до 1.

При допущении «чем больше значение показателя x_{ji} , тем лучше характеризуемое им свойство компоненты экономического потенциала», используем формулу (1), в противном случае — формулу (2). При таком подходе к нормированию показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала, все показатели будут располагаться по возрастанию в отрезке [0; 1].

Для оценки уровня развития j -й компоненты рассчитаем интегральный индекс P_j как взвешенную сумму нормированных значений показателей S_{j1}, \dots, S_{j5} . При этом, если $j = 1$, то рассматривается производственный потенциал. Расчет интегрального индекса производится по формуле

$$P_j = \sum_{i=1}^5 \alpha_{ji} S_{ji}, \quad (3)$$

где α_{ji} — весовые коэффициенты значимости показателей S_{j1}, \dots, S_{j5} , которые вычисляются методом анализа иерархий.

При оценке уровня развития производственного потенциала j принимает значение 1, уровня развития финансово-инвестиционного потенциала j принимает значение 2, уровня развития организационно-управленческого потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей j принимает значение 3.

Для количественного определения весовых коэффициентов α_{ji} предлагаем использовать метод анализа иерархий Томаса Саати (Thomas Saaty) [25].

Для получения величин весовых коэффициентов значимости показателей, характеризующих определенную компоненту экономического потенциала, предлагается следующий алгоритм действий:

Производится декомпозиция задачи в виде иерархии элементов, оказывающих влияние на оценку определенной компоненты — производственного, финансово-инвестиционного или организационно-управленческого потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей.

Проводится индивидуальный опрос экспертов для последовательного попарного сравнения элементов иерархии по оценочной шкале метода.

Представляются экспертные оценки в виде обратно симметричных матриц и проводится проверка их на согласованность.

Проводится вычисление собственных векторов матриц, определяющих приоритеты элементов на разных уровнях иерархии для каждого эксперта.

Определяется средний итоговый вектор — коэффициенты значимости показателей, характеризующие компоненту экономического потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей.

Иерархия, построенная для оценки уровня той или иной компоненты экономического потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, трехуровневая. Вершина — главная цель — оценка уровня компоненты экономического потенциала: производственного, финансово-инвестиционного, организационно-управленческого. Средний уровень — основные виды деятельности в сфере агострахования. Нижний уровень — показатели, характеризующие компоненту экономического потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей.

В качестве экспертов выступили специалисты сферы агострахования — практики и преподаватели Дальневосточного федерального университета. Всего к формированию экспертных оценок привлечено 12 экспертов, имеющих значительный опыт работы в сфере агострахования. Результатом произведенных вычислительных процедур метода анализа иерархий стали весовые коэффициенты α_{ji} . С учетом рассчитанных весовых коэффициентов для показателей каждой компоненты экономического потенциала сферы агострахования услуг сельхозпроизводителей, формулы (1)–(3) приобретают следующий вид.

Интегральный индекс уровня развития производственного потенциала:

$$P_1 = 0,091 \cdot S_{11} + 0,375 \cdot S_{12} + 0,168 \cdot S_{13} + 0,225 \cdot S_{14} + 0,141 \cdot S_{15}, \quad (4)$$

где P_1 — интегральный индекс уровня развития производственного потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, S_{11} — нормированные значения показателя «Потенциальная емкость рынка агострахования», S_{12} — нормированные значения показателя «Глубина проникновения страхования на рынок сельхозпроизводства», S_{13} — нормированные значения показателя покрытия рисков производства продукции животноводства, S_{14} — нормированные значения показателя покрытия рисков производства продукции растениеводства, S_{15} — нормированные значения показателя «Доля выплат в объеме страховых премий за страхование сельхозрисков».

Интегральный индекс уровня развития финансово-инвестиционного потенциала:

$$P_2 = 0,21 \cdot S_{21} + 0,331 \cdot S_{22} + 0,103 \cdot S_{23} + 0,064 \cdot S_{24} + 0,292 \cdot S_{25}, \quad (5)$$

где P_2 — интегральный индекс уровня развития финансово-инвестиционного потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, S_{21} — нормированные значения показателя «Величина страховых резервов», S_{22} — нормированные значения показателя «Величина собственного капитала», S_{23} — нормированные значения показателя «Доля субсидий в общей величине страховых премий на агострахование», S_{24} — нормированные значения показателя «Величина компенсационного фонда НСА», S_{25} — нормированные значения показателя «Рентабельность собственного капитала».

Интегральный индекс уровня развития организационно-управленческого потенциала:

$$P_3 = 0,216 \cdot S_{31} + 0,337 \cdot S_{32} + 0,134 \cdot S_{33} + 0,182 \cdot S_{34} + 0,131 \cdot S_{35}, \quad (6)$$

где P_3 — интегральный индекс уровня развития организационно-управленческого потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, S_{31} — нормированные значения показателя «Коэффициент зависимости от перестрахования», S_{32} — нормированные значения показателя «Доля членов НСА среди организаций, имеющих лицензию на агострахование», S_{33} — нормированные значения показателя «Индекс Херфиндаля Хиршмана», S_{34} — нормированные значения показателя «Количество заключенных договоров на агострахование», S_{35} — нормированные значения показателя «Средняя величина страховой премии по договору агострахования».

Для вычисления интегрального показателя уровня развития сферы агострахования сельхозпроизводителей применим формулу, позволяющую комплексно оценить уровень развития всех компонент экономического потенциала — уровня производственного, финансово-инвестиционного, организационно-управленческого потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей:

$$R = \sqrt[3]{P_1 \cdot P_2 \cdot P_3}, \quad (7)$$

где P_1 — интегральный индекс уровня развития производственного потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, P_2 — интегральный индекс уровня развития финансово-инвестиционного потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей, P_3 — интегральный индекс уровня развития организационно-управленческого потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей.

Выводы

Практически значимая оценка уровня экономического потенциала сферы агострахования сельхозпроизводителей возможна на основании интегральной оценки уровня развития отдельных компонент экономического потенциала: производственного, финансово-инвестиционного, организационно-управленческого потенциала.

Для оценки уровня развития компоненты экономического потенциала рассчитывается интегральный индекс в виде взвешенной суммы нормированных значений показателей, всесторонне характеризующих количество ресурсов, качество и эффективность использования в соответствующей компоненте экономического потенциала сферы агrostрахования сельхозпроизводителей.

Весовые коэффициенты значимости нормированных значений показателей, характеризующих компоненты экономического потенциала, рассчитываются

методом анализа иерархий, разработанного Томасом Саати (Thomas Saaty).

Интегральная оценка экономического потенциала на основании оценки уровня развития компонент экономического потенциала позволяет выявлять дисфункции в принятии управленческих решений, связанных с использованием ресурсов, их объемов, сбалансированностью, эффективностью использования, устранять возникшие дисфункции и повышать уровень реализованного экономического потенциала сферы агrostрахования сельхозпроизводителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Innovative managerial decisions: towards a conflict-compromise approach / N. N. Masyuk, M. A. Bushueva, L. K. Vasyukova, N. A. Mosolova // 32nd International Business Management Association Conference (IBIMA), 15—16 Nov. 2018, Seville Spain. Pp. 2839—2845.
2. Васюкова Л. К., Кондратюк К. В. Методические подходы к оценке экономического потенциала страхового рынка в условиях цифровизации // Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 2-3. С. 56—65.
3. Яроцкая Е. В., Яроцкий И. В. Методика оценки экономического потенциала страховой организации с использованием шкалы Харрингтона // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2013. № 2. С. 166—176.
4. Шаланов Н. В., Джурабаева Г. К., Шаланов В. О. Методы системного анализа устойчивого развития предприятия // Вестник Белгор. ун-та потребительской кооперации. 2008. № 2. С. 56—61.
5. Мазанова Е. В., Тимофеева Т. В. Методические основы статистической оценки уровня инвестиционного потенциала страховых компаний России // Известия ОГАУ. 2007. № 16-1. С. 155—158.
6. Краснова И. А. Исследование страхового поля // Страховое ревью. 1997. № 3. С. 25—30.
7. Булгакова Л. Н. Совершенствование методов оценки потенциала устойчивого развития региона // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. 2014. № 2(62). URL: <http://uecs.ru/logistika/item/2804-2014-03-10-08-56-37>.
8. Миронова Н. А. Агrostрахование в Российской Федерации: проблемы, особенности, перспективы // Моск. экон. журн. 2020. № 5. С. 489—496.
9. Mitchell A. Consumer Values, a Typology, VALS report 1, SRI International, 1978.
10. Strauss W., Howe N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.
11. Швец В. В. Страховой рынок (теория и практика реализации) : дисс. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Орел, 2003. 159 с.
12. Николаева Н. А. Страхование как инструмент сглаживания пространственной поляризации // Вектор науки ТГУ. 2012. № 1(19). С. 167—169.
13. Кучерова Н. В. Методологический подход к систематизации методов анализа рынка страховых услуг и методика изучения его потенциала // Известия ОГАУ. 2010. № 25-1. С. 153—155.
14. Яроцкий И. В. Методический подход к оценке финансового потенциала страховой организации // Вестник Тихоокеан. гос. экон. ун-та. 2012. № 3. С. 55—63.
15. Зубец А. Н. Потребительская оценка страховщиков по итогам 2014 года // Финансы. 2015. № 3. С. 57—58.
16. Никулина Н. Н., Ушаков И. И. Инвестиционный потенциал страховщиков: сущность и инвестиционные возможности // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2015. № 5. С. 167—171.
17. Wang H. H., Tack J. B., Coble K. H. Frontier studies in agricultural insurance // The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice. 2020. No. 45. Pp. 1—4.
18. Yi J., Bryant H. L., Richardson J. W. How do premium subsidies affect crop insurance demand at different coverage levels: the case of corn // The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice. 2020. No. 45. Pp. 5—28. URL: <https://doi.org/10.1057/s41288-019-00144-8>.
19. Jiang M., Hu Y., Li X. Financial support for small and medium-sized enterprises in China amid COVID-19 // Finance: Theory and Practice. 2020. Vol. 24. No. 5. Pp. 6—14.
20. Zelenović V., Vojinović Ž., Cvijanović D. Serbian agriculture loans with the aim of improving the current situation // Economics of Agriculture. 2018. Pp. 323—336.
21. Hudz H. The risk of transfer of genes in the insurance protection of agricultural producers // Baltic Journal of Economic Studies. 2017. Vol. 3. No. 4. Pp. 45—51.
22. Carter R. L., Dickinson G. M. Obstacles to the Liberalization of Trade in Insurance. London : Harvester Wheatsheaf, 2002. Pp. 175—188.
23. Юлдашев Р. Т., Логвинова И. Л. Страховой рынок Российской Федерации: организационные ресурсы развития // Страховое дело. 2017. № 6(291). С. 3—9.
24. Пушная Д. В., Юсупов Р. М. Оценка экономического потенциала эффективности функционирования предприятий и отраслей сферы услуг // Управление экономическими системами: электрон. науч. журн. 2014. № 2(62).
25. Saaty T. L. Decision Making for Leaders: The Analytic Hierarchy Process for Decisions in a Complex World. Pittsburgh, Pennsylvania : RWS Publications, 1999.
26. Мосолова Н. А. Актуальные вопросы формирования методических подходов к оценке экономического потенциала сферы агrostраховых услуг // Наука Красноярья. 2021. Т. 10. № 4-3. С. 61—74.

27. Мосолова Н. А. Анализ структуры и показателей экономического потенциала сферы агростраховых услуг // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 4. С. 60—77.

REFERENCES

1. Masyuk N. N., Bushueva M. A., Vasyukova L. K., Mosolova N. A. Innovative managerial decisions: towards a conflict-compromise approach. In: *32nd Int. Business Management Association Conference (IBIMA), 15—16 Nov. 2018, Seville, Spain*. Pp. 2839—2845.
2. Vasyukova L. K., Kondratyuk K. V. Methodological approaches to assessing the economic potential of the insurance market in the context of digitalization. *Science of Krasnoyarsk*, 2020, vol. 9, no. 2-3, pp. 56—65. (In Russ.)
3. Yarotskaya E. V., Yarotsky I. V. Methodology for assessing the economic potential of an insurance organization using the Harrington scale. *Management and business administration*, 2013, no. 2, pp. 166—176. (In Russ.)
4. Shalanov N. V., Dzhurabaeva G. K., Shalanov V. O. Methods for system analysis of sustainable development of an enterprise. *Bulletin of Belgorod University of Consumer Cooperatives*, 2008, no. 2, pp. 56—61. (In Russ.)
5. Mazanova E. V., Timofeeva T. V. Methodological foundations of the statistical assessment of the investment potential level of insurance companies in Russia. *Izvestia OGAU*, 2007, no. 16-1, pp. 155—158. (In Russ.)
6. Krasnova I. A. Research of the insurance field. *Insurance Review*, 1997, no. 3, pp. 25—30. (In Russ.)
7. Bulgakova L. N. Improving methods for assessing the potential for sustainable development of the region. *Management of economic systems: electronic sci. journal*, 2014, no. 2(62). (In Russ.) URL: <http://uecs.ru/logistika/item/2804-2014-03-10-08-56-37>.
8. Mironova N. A. Agricultural insurance in the Russian Federation: problems, features, prospects. *Moscow economic journal*, 2020, no. 5, pp. 489—496. (In Russ.)
9. Mitchell A. *Consumer Values, a Typology*. VALS report 1. SRI International, 1978.
10. Strauss W., Howe N. *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, William Morrow & Company, 1991.
11. Shvets V. V. *Insurance market (Theory and practice of implementation)*. Diss. of the Cand. of Economics. Orel, 2003. 159 p. (In Russ.)
12. Nikolaeva N. A. Insurance as a tool for smoothing out spatial polarization. *Vektor Nauki TSU*, 2012, no. 1(19), pp. 167—169. (In Russ.)
13. Kucherova N. V. Methodological approach to the systematization of methods for analyzing the market of insurance services and methods of studying its potential. *Izvestiya OGAU*, 2010, no. 25-1, pp. 153—155. (In Russ.)
14. Yarotskiy I. V. Methodical approach to assessing the financial potential of an insurance organization. *Bulletin of the Pacific State University of Economics*, 2012, no. 3, pp. 55—63. (In Russ.)
15. Zubets A. N. Consumer assessment of insurers at the end of 2014. *Finance*, 2015, no. 3, pp. 57—58. (In Russ.)
16. Nikulina N. N., Ushakov I. I. Investment potential of insurers: essence and investment opportunities. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2015, no. 5, pp. 167—171. (In Russ.)
17. Wang H. H., Tack J. B., Coble K. H. Frontier studies in agricultural insurance. *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*, 2020, no. 45, pp. 1—4.
18. Yi J., Bryant H. L., Richardson J. W. How do premium subsidies affect crop insurance demand at different coverage levels: the case of corn. *The Geneva Papers on Risk and Insurance — Issues and Practice*, 2020, no. 45, pp. 5—28. URL: <https://doi.org/10.1057/s41288-019-00144-8>.
19. Jiang M., Hu Y., Li X. Financial support for small and medium-sized enterprises in China amid COVID-19. *Finance: Theory and Practice*, 2020, vol. 24, no. 5, pp. 6—14.
20. Zelenović V., Vojinović Ž., Cvijanović D. Serbian agriculture loans with the aim of improving the current situation. *Economics of Agriculture*, 2018, pp. 323—336.
21. Hudz H. The risk of transfer of genes in the insurance protection of agricultural producers. *Baltic Journal of Economic Studies*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 45—51.
22. Carter R. L., Dickinson G. M. *Obstacles to the Liberalization of Trade in Insurance*. London, Harvester Wheatsheaf, 2002. Pp. 175—188.
23. Yuldashev R. T., Logvinova I. L. Insurance market of the Russian Federation: organizational development resources. *Insurance business*, 2017, no. 6(291), pp. 3—9. (In Russ.)
24. Pushnaya D. V., Yusupov R. M. Assessment of the economic potential of the efficiency of enterprises and service industries. *Management of economic systems: electronic sci. journal*, 2014, no. 2(62). (In Russ.)
25. Saaty T. L. *Decision Making for Leaders: The Analytic Hierarchy Process for Decisions in a Complex World*. Pittsburgh, Pennsylvania, RWS Publ., 1999.
26. Mosolova N. A. Topical issues of the formation of methodological approaches to assessing the economic potential of the sphere of agricultural insurance services. *Science of Krasnoyarsk*, 2021, no. 4-3, pp. 61—74. (In Russ.)
27. Mosolova N. A. Analysis of the structure and indicators of the economic potential of the sphere of agricultural insurance services. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 2020, no. 4, pp. 60—77. (In Russ.)

Как цитировать статью: Мосолова Н. А. Методика оценки уровня развития экономического потенциала сферы агрострахования сельхозпроизводителей // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 223—228. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.381.

For citation: Mosolova N. A. Methodology for assessing the level of the economic potential development in the agricultural insurance sector. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 223—228. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.381.

Pyshkov Nikita Igorevich,
Postgraduate of the Department of Theory and Systems
of Industry Management,
Lecturer of the Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Russian Federation, Moscow,
email: guess.the.tutor@gmail.com

Пышков Никита Игоревич,
аспирант кафедры теории и систем
отраслевого управления,
преподаватель Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Москва,
email: guess.the.tutor@gmail.com

ВКЛАД РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ С ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМОЙ УПРАВЛЕНИЯ ФИНАНСАМИ И РИСКАМИ В КОРПОРАТИВНУЮ СОЦИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

CONTRIBUTION OF RUSSIAN COMPANIES WITH AN EFFECTIVE FINANCIAL AND RISK MANAGEMENT SYSTEM TO CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY

08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством
08.00.05 — Economics and management of national economy

В представленной статье проведен анализ вклада российских компаний с эффективной системой управления финансами и рисками в корпоративную социальную ответственность. В качестве ключевых выводов статьи можно выделить тот факт, что в последнее время внимание отечественных и зарубежных исследователей приковано к теме корпоративной социальной ответственности. Формулирование единых теоретических представлений о том, что же находится в системе корпоративной социальной ответственности (КСО), позволило вывести такие исследования на совершенно другой уровень. В настоящее время КСО регулируется целой серией нормативно-правовых актов, начиная от международных стандартов, используемых производителями товаров, и заканчивая разработкой на базе самих компаний стратегии для несения КСО, ее интеграцией в систему общего управления предприятием. Совершенствование системы управления КСО — это одна из приоритетных и главных задач в процессе формирования качественной социальной политики каждого отдельного предприятия в различных отраслях. Именно поэтому в представленном исследовании наглядно продемонстрированы направления формирования и реализации корпоративной социальной ответственности, которая занимает одну из важных ролей в организациях, особое внимание уделяется возможностям возникновения рисков и способов работы с данными ситуациями с учетом минимальных потерь и издержек. В ходе проведенного исследования сформулированы выводы, позволяющие реализовать решение проблем в рамках современной практики и минимизировать негативные тенденции в направлении функционирования принципов корпоративной социальной ответственности, так как данный вопрос является крайне актуальным в современных экономических условиях.

The article analyzes the contribution of Russian companies with an effective financial and risk management system to corporate social responsibility (CSR). As the key conclusions of the article, we can highlight the fact that recently the attention of domestic and foreign researchers has been focused on the topic of corporate social responsibility. The formulation of unified theoretical ideas about the content of corporate

social responsibility has brought such research to an entirely different level. Currently, corporate social responsibility is regulated by a whole series of regulatory legal acts, from international standards used by manufacturers of goods, to the development of a strategy for corporate social responsibility on the basis of the companies themselves, its integration into the general enterprise management system. Improving the CSR management system is one of the priority and main tasks in the process of forming a high-quality social policy of each individual enterprise in various industries. That is why the presented study clearly demonstrates the directions of formation and implementation of corporate social responsibility, which plays one of the important roles in organizations, special attention is paid to the potential risks and ways of dealing with these situations with minimal losses and costs. In the course of the study conclusions were made, allowing to implement solutions to problems within the framework of modern practice and to minimize negative trends in the direction of the principles of the CSR, as this issue is highly relevant in today's economic conditions.

Ключевые слова: КСО, социальная ответственность, управление, финансы, финансовая политика, эффективность, корпорация, отечественный опыт, экономический результат, товар.

Keywords: CSR, social responsibility, management, finance, financial policy, efficiency, corporation, domestic experience, economic result, product.

Введение

Актуальность проведения исследования по теме вклада российских компаний с эффективной системой управления финансами и рисками в корпоративную социальную ответственность подтверждается тем фактом, что на сегодняшний день все государственные корпорации и большая часть компаний с государственной долей участия выполняют мероприятия в сфере несения корпоративной социальной ответственности. Стараются не отставать от них и частные компании, заинтересованные в выходе на международный рынок сбыта товаров и услуг [1].

При этом доля России на международном рынке товаров и услуг имеет тенденцию к увеличению, что указывает на важность несения корпоративной социальной ответственности наряду с получением экономического эффекта от управления финансами и рисками.

Изученность проблемы. Проблема вклада российских компаний с эффективной системой управления финансами и рисками в корпоративную социальную ответственность при этом остается недостаточно изученной. Большая часть современных исследований посвящена обобщению теоретических основ корпоративной социальной ответственности и изучению опыта зарубежных компаний в принятии на себя и несении такой ответственности [2].

Целесообразность разработки выбранной темы обусловлена экспансией российских корпораций на международный рынок товаров и услуг, опытом эффективного сотрудничества между государственными институтами и корпорациями в части несения социальных обязательств и ответственности перед обществом в целом [3].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринимается попытка оценки вклада российских компаний в корпоративную социальную ответственность сквозь призму эффективного управления на их базе финансами и рисками.

Цель исследования сводится к изучению теоретических основ и практических данных для оценки вклада российских компаний в корпоративную социальную ответственность сквозь призму эффективной системы управления финансами и рисками. Для достижения указанной цели в рамках исследования потребуются решить следующие **задачи**:

- провести анализ и синтез информации для исследования проблемы;
- раскрыть проблемы на пути несения российскими компаниями социальной ответственности сквозь призму эффективной системы управления финансами и рисками;
- дать обоснование полученным результатам исследования;
- вывести рекомендации, которые позволят российским компаниям эффективно использовать ресурсы и средства для эффективного управления рисками и финансами с целью внесения вклада в корпоративную социальную ответственность;
- представить направления исследований, которые позволят развить тему и внести вклад в формирование методологии построения и опыта использования системы управления рисками и финансами для внесения вклада в корпоративную социальную ответственность.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщении теоретических данных о месте и роли корпоративной социальной ответственности, ее достижениях путем построения и использования эффективной системы управления финансами и рисками среди российских компаний.

Практическая значимость работы заключается в получении обоснованных результатов исследования, которые могут послужить в качестве основы для усиления вклада в корпоративную социальную ответственность среди российских компаний путем совершенствования системы управления финансами и рисками.

Основная часть

В России теоретическая база по несению компаниями корпоративной социальной ответственности представлена в виде аналитических обзоров и исследований, а также

нормативно-правовой базой, в соответствии с которой российские компании берут на себя обязательства по включению в корпоративную стратегию принципов корпоративной социальной ответственности [4]. В 2008 г. был подготовлен доклад, посвященный лучшим практикам распространения среди компаний по управлению социальными инвестициями.

Надо сказать, что деятельность компаний в данном направлении ограничивается в связи с отсутствием единого понимания сущности корпоративной социальной ответственности, а также необходимостью включения в нее инновационной составляющей. В настоящее время Россия идет по пути стандартизации отношений между представителями бизнеса и обществом [5]. Так, принят и используется многими российскими компаниями международный стандарт ИСО 26000:2010, в результате чего в единую систему управления предприятием начинают внедряться принципы, основанные на социальной ответственности.

Проблему представляет тот факт, что данный стандарт наравне с другими международными стандартами в отечественной управленческой практике широкого распространения не получил. В соответствии с данными опроса среди российских компаний в 2015 г., около 15 % из всех компаний используют стандарты AA 100SES и AA 1000AS [6].

Не используют международные стандарты около 17 % российских компаний, такое же количество компаний намерено перейти на использование этих стандартов в будущем. Стандарт ИСО 26000:2010 в настоящее время внедрен и используется около 20 % компаний на российском рынке. Стандарты MOT внедрены и используются на базе 25 % компаний, другие стандарты из серии ИСО внедрились и используют 51 % компаний.

Подходы к корпоративной социальной ответственности среди российских компаний в большинстве своем не стандартизированы, что можно связать с разным пониманием того, что же такое корпоративная социальная ответственность [7]. Множество определений корпоративной социальной ответственности указывает лишь на тот факт, что компании стараются погружаться в проблематику данного направления деятельности.

Если же компания в рамках своей деятельности акцентирует внимание на отдельных аспектах корпоративной социальной ответственности, то она рискует отойти от целостного понимания и выстраивания эффективной системы корпоративной ответственности [8]. Социальная ответственность в соответствии с определением в содержании ИСО 26000:2010 является ответственностью со стороны организации, которая несетя по причине воздействия решений, принятых в организации, и влияния результатов ее деятельности на окружающую среду и общество, проживающее в ней [9].

В основу несения социальной ответственности положено несколько элементов: интеграция в деятельности организации в целом принципов социальной ответственности; учет ожиданий и интересов заинтересованных сторон; обеспечение соответствия решений и деятельности организации требованиям законодательства и международным нормам поведения [10]. Анализ определений корпоративной социальной ответственности в отечественных и зарубежных исследованиях позволяет убедиться в том, что в большинстве вариантов трактовок в основу заложена концепция устойчивого развития с учетом оказания влияния предприятия, решений руководства и деятельности

предприятия на экологию, социальную сферу и экологию, что в любом случае является формой воздействия предприятия на общество [11].

Методология. Исследовательская работа выполнена в следующем порядке:

1. Изучены теоретические основы, заложенные в принятые в разных источниках толкования понятия «корпоративная социальная ответственность».

2. Изучены статистические данные по сфере распространения принципов корпоративной социальной ответственности за счет интеграции этих принципов в общую систему управления.

3. Обобщены данные по проблематике внедрения и использования принципов корпоративной социальной ответственности.

4. Сформулирована и доказана гипотеза, указывающая на необходимость переосмысления содержания корпоративной социальной ответственности путем рассмотрения этого понятия как комплексного явления.

5. Предложены рекомендации для совершенствования нормативно-правовой базы, выстраивания регулярных аналитических исследований рынка для повышения открытости и прозрачности деятельности компаний, реализующих принципы корпоративной социальной ответственности.

Для выполнения исследовательской работы были использованы следующие методы:

1. Анализ и сравнение научных публикаций для установления общего и разного в понимании содержания корпоративной социальной ответственности, выявления специфики реализации принципов корпоративной социальной ответственности среди российских компаний.

2. Описание и измерение для выявления проблем и тенденций, оказывающих влияние на практику внедрения и массового использования принципов корпоративной социальной ответственности.

3. Гипотетический метод для разработки гипотезы и изучения сущности корпоративной социальной ответственности, изучения, анализа и разработки теоретических основ, которые будут способствовать росту вклада российских компаний в корпоративную социальную ответственность путем построения эффективной системы управления финансами и рисками.

Результаты. Изучение существующих определений корпоративной социальной ответственности позволяет убедиться в том, что в большинстве случаев в основу понятия включается устойчивое развитие, оно достигается с учетом оказания деятельности и решений предприятия на общество с воздействием деятельности и решений на сферу экологии, социум, национальную и глобальную экономику [12].

В большинстве случаев при разработке собственного понятия корпоративной социальной ответственности компании включают в него взаимодействие с заинтересованными сторонами [13]. В качестве примера можно привести стратегию корпоративной социальной ответственности ПАО «Аэрофлот»: в стратегии компании уделяется внимание как внутренним, так и внешним заинтересованным сторонам [14]. Не является преобладающей в трактовке сущности корпоративной социальной ответственности точка зрения о том, что корпоративная социальная ответственность служит основой для создания ценности. Собственное определение корпоративной социальной ответственности выведено не у всех компаний, которыми внедрены и используются принципы такой ответственности [15].

Только треть из изученных «РБК-Медиа» российских компаний в 2018 г. использовала собственные определения для социальных инвестиций. В этом же исследовании обращается внимание на 11 % компаний, на базе которых социальные инвестиции рассматриваются в виде отдельного вида в рамках осуществления корпоративной социальной деятельности. Большая часть компаний, которая приняла участие в исследовании, сохраняет приверженность разным типам несения корпоративной социальной ответственности [16]. Она может быть представлена у компаний в виде реализации благотворительных проектов, внедрения и использования инноваций и т. д.

Когда предприятием принимается решение о направлении социальных инвестиций, в расчет принимаются многие факторы [17]. Так, в соответствии с результатами опроса 85 % компаний выбирают направление деятельности таким образом, чтобы оно соответствовало долгосрочной корпоративной стратегии. 64 % опрошенных компаний заявили, что для них наибольшее значение имеют текущие социальные и экономические проблемы. Внимание на предпочтения акционеров обращает каждая четвертая компания. И только 25 % опрошенных компаний указывают на значимость инновационной составляющей направления деятельности для вложения и управления социальными инвестициями [18].

Из всех опрошенных компаний «РБК-Медиа» 88 % заявили о том, что принимают участие в благотворительных проектах. 68 % опрошенных компаний рассматривает социальные инвестиции как «дело частного случая». Наибольшая доля среди всех реализуемых в настоящее время благотворительных программ финансируется за счет сырьевых компаний, что можно объяснить их высокой долей в российской экономике. С мнением о том, что благотворительная деятельность должна осуществляться сырьевыми компаниями, согласились 76 % респондентов. С мнением о том, что заниматься благотворительной деятельностью должны перерабатывающие предприятия, согласились 73 % респондентов. С мнением о том, что заниматься благотворительной деятельностью должны предприятия сферы услуг, согласились 62 % опрошенных. Упор на социальные инновации в рамках своей деятельности готовы делать 62 % респондентов среди предприятий сырьевого сектора экономики. Среди перерабатывающих предприятий 41 % акцентирует внимание на организационных инновациях. Что касается предприятий в сфере услуг, то среди них 28 % предпочитают делать упор на продуктовые инновации [19].

В связи с этим среди предприятий сырьевых отраслей экономики наибольший упор делается на социальные (33 %), организационные (25 %) и процессные (25 %) инновации. Среди предприятий перерабатывающих отраслей расклад несколько иной. Социальные инновации занимают долю 32 %, организационные инновации занимают долю 21 %, процессные инновации занимают долю 21 %. Что касается предприятий из сферы услуг, то здесь на долю социальных инноваций приходится 26 %, на долю инновационных и продуктовых инноваций по 16 %. С учетом нечеткого понимания сущности социальных инноваций, для большинства российских компаний инновации в сфере корпоративной ответственности все еще рассматриваются в качестве управленческой «экзотики».

В 2008 г. был подготовлен доклад Минэкономразвития, в соответствии с которым сделан вывод, что развитие сферы корпоративной социальной ответственности среди

российских компаний в целом соответствует общемировым тенденциям. В исследовании «РБК-Медиа», которое было проведено и опубликовано спустя 10 лет после этого доклада, указывается, что уже 83 % респондентов видят наличие связи между корпоративной ответственностью и корпоративной стратегией. А к разработке и реализации собственной стратегии приступили 11 % из числа опрошенных компаний. Что касается принятия решения по несению корпоративной социальной ответственности, то в большинстве случаев (66 %) оно зависит от исполнительного органа. На уровне совета директоров такие решения принимаются в 53 % случаев. Что касается акционеров, то от них решение зависит лишь в 13 % случаев. О наличии общекорпоративной стратегии развития бизнеса заявили 33 % из числа опрошенных компаний. Еще меньшее количество компаний (27 %) заявили о том, что у них есть разработанный кодекс корпоративного поведения, который и может рассматриваться в качестве основы для планирования и реализации стратегии корпоративной ответственности. Этический кодекс имеется в 25 % компаний, в его основе также могут быть представлены положения о возможности разработки и реализации стратегии корпоративной социальной ответственности. На отсутствие специального документа, который мог бы послужить основой для разработки и реализации такой стратегии, указали почти 17 % респондентов.

Важно проанализировать и то, с какими целями компании видят планирование и реализацию стратегии корпоративной социальной ответственности. В соответствии с результатами опроса, среди российских компаний 60 % рассматривают разработку и реализацию стратегии корпоративной социальной ответственности как способ поддержания репутации компании в среднесрочной перспективе. 51 % опрошенных указывает на возможность создания при этом социальной ценности через решение или же смягчение влияния экологической или социальной проблемы. 46 % опрошенных видит разработку и реализацию стратегии корпоративной социальной ответственности как основу для получения долгосрочных конкурентных преимуществ. 41 % опрошенных заявили о том, что тем самым можно будет создать «разделяемую» ценность. А 26 % опрошенных видит разработку и реализацию концепции корпоративной социальной ответственности как способ снижения экономических рисков и финансовых затрат в краткосрочной перспективе [20].

Теперь обратимся к практике управления корпоративной социальной деятельностью и подведению результатов исследования. Одна из приоритетных задач в рамках управления корпоративной социальной ответственностью сводится к выстраиванию системы, в которой будут представлены взаимосвязанные элементы, начиная от принципов корпоративной социальной ответственности и заканчивая системой показателей, позволяющих измерить результат ответственного корпоративного социального управления [21]. Принципы корпоративной социальной ответственности для повышения эффективности их использования должны быть интегрированы в систему корпоративного управления и получить условия для развития. Исследование «РБК-Медиа» позволяет убедиться в том, что 95 % респондентов видит несение корпоративной социальной ответственности на основе использования для этого свода правил и принципов. Следуют принципам, которые заложены в Глобальном договоре ООН, только 26 % опрошенных компаний. Собственные этические принципы

имеют 81 % опрошенных компаний. Среди опрошенных компаний из сырьевой отрасли экономики 92 % заявили, что имеют собственный этический кодекс. Среди предприятий из перерабатывающих отраслей экономики таким кодексом располагают 86 % предприятий. Что касается предприятий из сферы услуг, то собственный этический кодекс имеют 74 % предприятий из числа опрошенных.

Главный результат исследования по теме заключается в констатации и обосновании причин того факта, что принципы корпоративной социальной ответственности не получили широкого распространения среди российских компаний [22]. Этому способствует разница в понимании того, что же находится в основе корпоративной социальной ответственности и социальных инвестиций. Нет однозначного понимания и того, на основе каких направлений деятельности могут быть реализованы принципы корпоративной социальной ответственности. Все это указывает как на необходимость переосмысления содержания корпоративной социальной ответственности, так и на выработку стандартизированных подходов к планированию и реализации концепции на базе российских предприятий корпоративной социальной ответственности [23].

Заключение

Таким образом, анализ распространения корпоративной социальной ответственности среди российских компаний указывает на массовый переход компаний к стратегическому управлению. В его основу включена в том числе система управления финансами и рисками с ее прямым и опосредованным влиянием на общество через решения руководства предприятия и организацию его деятельности [24]. Влияние на общество может быть осуществлено через планирование и принятие решений в сфере ответственного обращения с ресурсами окружающей среды, через участие предприятия в решении проблем экологического и социального характера. В идеальном случае корпоративная социальная ответственность позволяет полностью решить такие проблемы. Возможен и иной вариант, при котором воздействие проблемы на социальную сферу будет снижено до минимума.

Лишь малая часть российских предприятий рассматривает сферу корпоративной социальной ответственности как основу для создания ценности для самого бизнеса и общества. Это опять же обусловлено неоднозначным пониманием того, что находится в основе социальных инвестиций. И все же в России среди предприятий сформировалась группа лидеров, по своим параметрам эта группа соответствует лучшим мировым образцам в сфере несения корпоративной социальной ответственности. К разработке и реализации принципов корпоративной социальной ответственности применяется стратегический подход, что тоже является положительным моментом [25].

В самих компаниях осознается необходимость взаимодействия с заинтересованными сторонами в рамках несения корпоративной социальной ответственности. И большая часть компаний использует системный подход, в результате чего система управления корпоративной социальной ответственности интегрируется в общую систему управления предприятием. Под управлением в данном случае с точки зрения социальных инвестиций понимается взаимодействие с заинтересованными сторонами по вопросам рисков и эффективного управления финансовыми ресурсами предприятия.

Проблемы, выявленные в рамках настоящего исследования, указывают на то, что компании начинают искать новые пути для нахождения диалога между бизнесом и обществом как в рамках сотрудничества напрямую, так и через государственные институты власти. В условиях негативных тенденций в российской экономике роль и место

социальных инноваций должны быть переосмыслены. Упор в этом направлении должен быть сделан не столько на экономику, сколько на социальные интересы и запросы общества. Более того, требуется переосмыслить роль инновационной составляющей в системе корпоративной социальной ответственности компаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белоусов К. Ю. Корпоративная социальная ответственность как социально-экономический институт // Проблемы современной экономики. 2015. № 4(56). С. 87—90.
2. Белоусов К. Ю. Современный этап эволюции концепции социальной ответственности // Теория и практика общественного развития. 2016. № 3. С. 32—34.
3. Бобылев С. Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90—96.
4. Гореликов В. А. Спонсорство в спорте : учеб. пособие. М. : Университет Синергия, 2020. 128 с.
5. Зеленая экономика и цели устойчивого развития для России : коллектив. моногр. / Под науч. ред. С. Н. Бобылева, П. А. Кирюшина, О. В. Кудрявцевой. М. : Эконом. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. 284 с.
6. Ильин И. В., Лось В. А., Урсул А. Д. Стратегия устойчивого развития в контексте глобализации // Вестник Моск. ун-та. 2015. № 1-2. С. 49—65.
7. Скараник С. С. Экологическая ответственность в современной практике корпоративного управления российских компаний // Экономика строительства и природопользования. 2020. № 2(75). С. 15—23.
8. Львова Н. А., Воронова Н. С. Модальность устойчивого развития финансового рынка ЕАЭС // Проблемы современной экономики. 2019. № 3(71). С. 69—74.
9. Марценюк В. А. Особенности и проблемы формирования корпоративной социальной и социальной ответственности бизнеса в России // Политическое управление: науч. информ.-образоват. электрон. журнал. 2017. № 2. С. 79—86.
10. Минчичова В. С. Экологический менеджмент как составляющая корпоративной социальной ответственности и системы менеджмента качества международного бизнеса в разрезе концепции устойчивого развития // Молодой ученый. 2016. № 9. С. 654—657.
11. Мохов В. Г., Лайне А. Е. Российская государственная политика в области устойчивого развития // Управление инвестициями и инновациями. 2018. № 2. С. 74—79.
12. Никитина Л. М., Борзаков Д. В. Алгоритм выбора инструментов для оценки корпоративной социальной ответственности // Управленческие науки. 2018. № 3(12). С. 24—28.
13. Петриченко Г. С., Петриченко В. Г. Методика оценки компетентности экспертов // Научный журнал КубГАУ. 2018. № 109(05). С. 80—91.
14. Псарева Н. Ю. Оценка уровня развития корпоративной социальной ответственности // Реальная экономика. 2015. С. 268—272.
15. Панкова Л. Н. Стратегия устойчивого развития в глобальной экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 10-1. С. 34—40.
16. Чешев А. С. Взаимодействующий организационный и социально-экономический характер экологических проблем современности // Экономика и экология территориальных образований. 2017. № 2. С. 22—26.
17. Appau S., Churchill S. Charity, volunteering type and subjective wellbeing // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2018. No. 7. Pp. 1—15.
18. Bostjancic E., Antolovic S., Erculj V. Corporate volunteering: relationship to job resources and work engagement // Frontiers in Psychology. 2018. No. 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01884.
19. Brockner J., Senior D., Welch W. Corporate volunteerism, the experience of self-integrity, and organizational commitment: Evidence from the field // Social Justice Research. 2019. No. 27. Pp. 1—23.
20. Creswell J. W. A Concise Introduction to Mixed Methods Research. SAGE Publications, Inc., 2018. 152 p.
21. Erasmus B., Morey P. Faith-based volunteer motivation: Exploring the applicability of the Volunteer Functions Inventory to the motivations and satisfaction levels in an Australian faith-based organization // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2016. Vol. 27. No. 3. Pp. 1343—1360.
22. Ghose T., Kassam M. Motivations to volunteer among college students in India // VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 2019. Vol. 25. No. 1. Pp. 28—45.
23. Grandi F., Lough B., Bannister T. Global Trends in volunteering infrastructure a background paper for the 2018 state of the world's volunteerism report: the thread that binds. United Nations Volunteers (UNV), 2018. 39 p.
24. Barbier E. B. The concept of sustainable economic development // Environmental Conservation. 2017. No. 14(02). Pp. 101—110.
25. Karman A. The role of human resource flexibility and agility in achieving sustainable competitiveness // International Journal of Sustainable Economy. 2019. Vol. 11. No. 4. Pp. 324—346.

REFERENCES

1. Belousov K. Yu. Corporate social responsibility as a socio-economic institution. *Problems of modern economics*, 2015, no. 4(56), pp. 87—90. (In Russ.)

2. Belousov K. Yu. The modern stage in the evolution of the concept of social responsibility. *Theory and Practice of Social Development*, 2016, no. 3, pp. 32—34. (In Russ.)
3. Bobylev S. N. Sustainable development for future generations: economic priorities. *The world of new economy*, 2017, no. 3, pp. 90—96. (In Russ.)
4. Gorelikov V. A. *Sponsorship in sport. Textbook*. Moscow, Universitet Sinergiya, 2020. 128 p. (In Russ.)
5. *Green economy and sustainable development goals for Russia: collective monograph*. Ed. by S. N. Bobylev, P. A. Kiryushin, O. Kudryavtseva. Moscow, Faculty of Economics of MSU, 2019. 284 p. (In Russ.)
6. Ilin I. V., Los V. A., Ursul A. D. Strategy for sustainable development in the context of globalization. *Moscow University Economics Bulletin*, 2015, no. 1-2, pp. 49—65. (In Russ.)
7. Skaranik S. S. Environmental responsibility in contemporary corporate management practices of Russian companies. *Ekonomika stroitelstva i prirodopolzovaniya*, 2020, no. 2(75), pp. 15—23. (In Russ.)
8. Lvova N. A., Voronova N. S. Modality of sustainable development of the EAEU financial market. *Problems of modern economics*, 2019, no. 3(71), pp. 69—74. (In Russ.)
9. Martsenyuk V. A. Peculiarities and problems of formation of corporate social and social responsibility of business in Russia. *Political management: scientific information and education web journal*, 2017, no. 2, pp. 79—86. (In Russ.)
10. Minchichova V. S. Environmental management as a component of corporate social responsibility and quality management system of international business in the context of sustainable development. *Young Scientist*, 2016, no. 9, pp. 654—657. (In Russ.)
11. Mokhov V. G., Layne A. E. Russian state policy on sustainable development. *Investment and Innovation Management*, 2018, no. 2, pp. 74—79. (In Russ.)
12. Nikitina L. M., Borzakov D. V. Algorithm for selecting tools to assess corporate social responsibility. *Management Science*, 2018, no. 3(12), pp. 24—28. (In Russ.)
13. Petrichenko G. S., Petrichenko V. G. Methodology for assessing the competence of experts. *Scientific Journal of KubSAU*, 2018, no. 109(05), pp. 80—91. (In Russ.)
14. Psareva N. Yu. Assessment of the level of development of corporate social responsibility. *Real Economy*, 2015, pp. 268—272. (In Russ.)
15. Pankova L. N. A sustainable development strategy in the global economy. *Economics: yesterday, today, tomorrow*, 2019, vol. 9, no. 10-1, pp. 34—40. (In Russ.)
16. Cheshev A. S. The interacting organisational and socio-economic nature of today's environmental problems. *Ekonomiy and Ecology of Territorial Formations*, 2017, no. 2, pp. 22—26. (In Russ.)
17. Appau S., Churchill S. Charity, volunteering type and subjective wellbeing. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2018, no. 7, pp. 1—15.
18. Bostjancic E., Antolovic S., Erculj V. Corporate volunteering: relationship to job resources and work engagement. *Frontiers in Psychology*, 2018, no. 9. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01884.
19. Brockner J., Senior D., Welch W. Corporate volunteerism, the experience of self-integrity, and organizational commitment: Evidence from the field. *Social Justice Research*, 2019, no. 27, pp. 1—23.
20. Creswell J. W. *A Concise Introduction to Mixed Methods Research*. SAGE Publications, Inc., 2018. 152 p.
21. Erasmus B., Morey P. Faith-based volunteer motivation: Exploring the applicability of the Volunteer Functions Inventory to the motivations and satisfaction levels in an Australian faith-based organization. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2016, vol. 27, no. 3, pp. 1343—1360.
22. Ghose T., Kassam M. Motivations to volunteer among college students in India. *VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2019, vol. 25, no. 1, pp. 28—45.
23. Grandi F., Lough B., Bannister T. *Global Trends in volunteering infrastructure a background paper for the 2018 state of the world's volunteerism report: the thread that binds*. United Nations Volunteers (UNV), 2018. 39 p.
24. Barbier E. B. The concept of sustainable economic development. *Environmental Conservation*, 2017, no. 14(02), pp. 101—110.
25. Karman A. The role of human resource flexibility and agility in achieving sustainable competitiveness. *International Journal of Sustainable Economy*, 2019, vol. 11, no. 4, pp. 324—346.

Как цитировать статью: Пышков Н. И. Вклад российских компаний с эффективной системой управления финансами и рисками в корпоративную социальную ответственность // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 229—234. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.382.

For citation: Pyshkov N. I. Contribution of Russian companies with an effective financial and risk management system to corporate social responsibility. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 229—234. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.382.

12.00.00 ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

12.00.00 LAW SCIENCES

УДК 343.3.7
ББК 67.408.0

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.372

Gladkikh Viktor Ivanovich,
Doctor of Law, Associate Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher
of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: gladkikh04@mail.ru

Гладких Виктор Иванович,
д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института
МВД России,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: gladkikh04@mail.ru

НЕЗАКОННОЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ КРЕДИТОВ (ЗАЙМОВ) (ст. 171.5 УК РФ): ЕЩЕ ОДНА НОВЕЛЛА С НЕЯСНЫМИ ПЕРСПЕКТИВАМИ

ILLEGAL PROVISION OF CONSUMER CREDITS (LOANS) (ARTICLE 171.5 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): ANOTHER NOVEL WITH UNCLEAR PROSPECTS

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

В статье дается уголовно-правовой анализ введенной 11 июня 2021 г. в Уголовный кодекс ст. 171.5, предусматривающей ответственность за незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Освещается обоснованность криминализации указанного деяния, направленного на уголовно-правовую защиту заемщиков от недобросовестных кредиторов. Отмечается конструктивное несовершенство рассматриваемой нормы, в частности изложение ее объективных и субъективных признаков. Подвергается критике позиция законодателя, ограничившего сферу действия рассматриваемой нормы только ответственностью ненадлежащих субъектов преступления. За пределами действия данной нормы остались признаки потенциальных общественно опасных деяний, связанных с незаконной выдачей потребительских кредитов (займов). Высказывается сомнение в целесообразности включения в диспозицию ст. 171.5 УК института административной преюдиции. Содержание ст. 171.5 УК соотносится с отсылочными нормами, в частности ст. 172 УК, ст. 14.56 КоАП, Федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» и другими сопряженными со ст. 171.5 УК нормативными правовыми нормами. Затрагиваются проблемы, которые могут возникнуть в процессе правоприменения указанной нормы, в основном связанные с широким субъектным составом данной статьи и неопределенностью характера деяний, составляющих объективную сторону незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов). Делается предположение о том, что рассматриваемый состав станет очередной мало востребованной или полностью неработающей нормой в системе преступлений в сфере экономической деятельности. Дается авторская редакция ст. 171.5 УК, направленная на устранение ее конструктивных погрешностей и повышение технологичности.

The article provides a criminal legal analysis of Art. 171.5, which provides for liability for illegal activities to provide consumer loans (loans). The substantiation of the criminalization of this act, aimed at criminal-legal protection of borrowers from unscrupulous creditors, is highlighted. The constructive imperfection of the norm under consideration is noted, in particular, the presentation of its objective and subjective characteristics. The position of the legislator, who limited the scope of the considered norm only to the responsibility of inappropriate subjects of the crime, is criticized. Signs of potential socially dangerous acts related to the illegal issuance of consumer loans (loans) remained outside the scope of this norm. Doubt is expressed about the advisability of including in the disposition of Art. 171.5 of the Criminal Code of the Institute of Administrative Prejudice. Contents of Art. 171.5 of the Criminal Code correlates with reference norms, in particular Art. 172 of the Criminal Code, Art. 14.56 of the Administrative Code, Federal Law of December 21, 2013 No. 353-FZ "On Consumer Credit (Loan)" and others related to Art. 171.5 of the Criminal Code of the normative legal norms. The article touches upon the problems that may arise in the process of law enforcement of the specified rule, mainly associated with the broad subject composition of this article and the uncertainty of the nature of the acts that constitute the objective side of the illegal implementation of activities for the provision of consumer loans (loans). An assumption is made that the considered composition will become another little-demanded or completely non-working norm in the system of crimes in the sphere of economic activity. The author's edition of Art. 171.5 of the Criminal Code, aimed at eliminating its design errors and improving manufacturability.

Ключевые слова: потребительский кредит, заем, кредитор, заемщик, незаконная деятельность, уголовная ответственность, обоснованность криминализации, объективные и субъективные признаки, законодательная конструкция, проблемы правоприменения, совершенствование законодательства.

Keywords: consumer credit, loan, lender, borrower, illegal activity, criminal liability, validity of criminalization, objective and subjective signs, legislative structure, problems of law enforcement, improvement of legislation.

Введение

Актуальность. Теория и практика применения уголовного законодательства свидетельствуют о необычайной динамичности действующего Уголовного кодекса, проявляющейся прежде всего в перманентно вносимых в него дополнениях и изменениях, число которых, по некоторым подсчетам, за двадцать пять лет существования Уголовного кодекса достигло более двух тысяч.

Наиболее частому реформированию подвергается глава 22 УК — «Преступления в сфере экономической деятельности»: число входящих в нее норм с 1 января 1997 г. возросло с 32 до 60. При этом следует отметить, что практически половина из входящих в данную главу составов преступлений не востребованы правоприменительной практикой, то есть, как говорится, не работают. В этой связи возникает необходимость на примере ст. 171.5 УК разобраться в причинах такой невостребованности, которые гипотетически могут заключаться в недостаточной обоснованности криминализации неработающего состава либо в его конструктивном несовершенстве.

Целью исследования явился комплексный уголовно-правовой анализ введенной в июне 2021 г. в Уголовный кодекс ст. 171.5 — «Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)», ее объективных и субъективных признаков, проблем разграничения со смежными составами преступлений, перспектив практического применения, внесения изменений в конструкцию данного состава.

Степень изученности проблемы. Проблемам уголовно-правового анализа преступлений в сфере экономической деятельности посвящено большое количество исследований, например, таких авторов, как Г. А. Есаков, И. А. Клепицкий, Н. А. Лопашенко, В. Д. Ларичев, Н. И. Пикуров, П. А. Скобликов, П. С. Яни и др. Между тем исследования, посвященные ответственности за деяния, предусмотренные ст. 171.5 УК, в связи с тем, что она только включена в Уголовный кодекс, практически отсутствуют.

В связи с этим возникает **необходимость изучения** указанной статьи, поскольку на примере рассматриваемой нормы возможно выявить общие закономерности и системные законодательские и правоприменительные проблемы недостаточной востребованности других, близких по форме и содержанию, норм об ответственности за экономические преступления.

Научная новизна статьи обусловлена тем, что она, по сути, является первым исследованием рассматриваемой уголовно-правовой нормы. Выявленные в ходе исследования проблемы вносят определенный вклад в науку уголовного права, законодательскую деятельность и правоприменительную практику по делам об экономических преступлениях.

Целью исследования является выявление на основе комплексного анализа состава ст. 171.5 УК законодательских ошибок, допущенных при криминализации рассматриваемого деяния, и внесение предложений по совершенствованию данной уголовно-правовой нормы.

Задачи исследования:

– изучение объективных и субъективных признаков состава ст. 171.5 УК;

– сопоставление рассматриваемой нормы с отсылочными нормативными правовыми актами, в частности ст. 172 УК, ст. 14.56 КоАП, федеральным законом от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» и другими сопряженными со ст. 171.5 УК нормативными правовыми нормами;

– выработка предложений по повышению эффективности правоприменения ст. 171.5 УК;

– разработка авторской редакции ст. 171.5 УК.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в обогащении теории уголовного права новыми научными знаниями, внесении конкретных предложений по реализации положений ст. 171.5 УК в практическую деятельность, законодательном совершенствовании данной нормы.

Основная часть

Статья 171.5 УК была включена в Уголовный кодекс совсем недавно — Федеральным законом от 11 июня 2021 г. № 215-ФЗ [1].

Судя по расположению рассматриваемой статьи в структуре главы 22 УК, ее можно позиционировать как преступление в сфере предпринимательской деятельности, непосредственным объектом которого является законный порядок выдачи потребительских кредитов. В качестве дополнительного объекта посягательства можно назвать права и интересы потребителей [2, с. 135; 3, с. 52].

Сразу же обратим внимание, что в диспозиции рассматриваемой статьи, описательной по форме, дается указание на Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [4], что делает данную диспозицию еще и бланкетной.

Таким образом, в уголовном законе создан крайне нежелательный прецедент прямого упоминания в тексте Кодекса отсылочной нормы, что нарушает основные принципы и практику правотворческой деятельности [5, с. 132—135].

Описываемая в ст. 171.5 диспозиция, помимо того, что является описательной и бланкетной, одновременно носит черты ссылочной, поскольку отсылает правоприменителя к другой статье Уголовного кодекса — 172 УК «Незаконная банковская деятельность», чем порождает проблему разграничения данных составов.

На наш взгляд, более правильным было бы размещение рассматриваемой нормы после ст. 172 УК, поскольку ее содержание более близко к незаконной банковской деятельности, нежели к незаконному предпринимательству, что свидетельствует о так называемых классификационных ошибках при систематизации уголовно-правовых норм [6, с. 57; 7, с. 37—39].

Следует отметить еще одну специфическую конструктивную особенность ст. 171.5 УК — включение в число ее криминообразующих признаков обязательной административной преюдиции — наличия наказания, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП. Среди ученых нет единого мнения относительно таких составов, хотя многие не поддерживают подобную законодательскую практику [8, с. 42—45].

Вызывает вопрос и определение субъектного состава ст. 171.5 УК, в число которых, помимо индивидуального предпринимателя, законодатель включил лицо, которое совершило преступление с использованием своего положения, признаки которого, на наш взгляд, описаны излишне подробно, поскольку они общеизвестны [9, с. 84; 10, с. 128].

Нас в большей степени интересует объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 171.5 УК, а именно

деяние, совершенное с нарушением Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [11, 12] в виде деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов), в том числе обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, не содержащей признаков ст. 172 УК, и совершенной в крупном размере.

Из содержания диспозиции ст. 171.5 УК следует, что выдачей потребительских кредитов имеют право заниматься только *юридические лица и индивидуальные предприниматели* (п. 5 ст. 3 ФЗ-353).

Федеральным законом от 2 августа 2019 г. № 271-ФЗ изменен (расширен) перечень *субъектов выдачи потребительских кредитов (займов)* (ч. 1 ст. 6.1).

Установлены в этой части ограничения для микрофинансовых организаций, деятельность которых урегулирована Федеральным законом от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», для кредитных и сельскохозяйственных кредитных потребительских кооперативов, с учетом требований Федеральных законов от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации» и от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (пункты 1.3, 1.4 ст. 6.1 ФЗ-353).

Вместе с тем законодатель не дал перечень запрещенных законом деяний, ограничившись общей ссылкой на базовый федеральный закон о потребительском кредитовании. Это означает, что правоприменитель будет вынужден руководствоваться собственным, зачастую субъективным мнением о наличии либо отсутствии в содеянном состава ст. 171.5 УК, что недопустимо в сфере регулирования уголовно-правовых отношений.

Что касается субъектов состава ст. 171.5 УК, то они определены в диспозиции самой статьи, это: а) индивидуальный предприниматель или б) лицо, которое в силу своего служебного положения постоянно, временно либо по специальному полномочию исполняет возложенные на него обязанности по руководству организацией, не имеющие права на осуществление указанной деятельности.

К ним относятся руководители *кредитной организации*, которая создана в соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [13], *юридические лица (в данном случае их руководители и другие ответственные сотрудники)* или *индивидуальные предприниматели*, занимающиеся профессиональной деятельностью по предоставлению потребительских займов в денежной форме в рамках деятельности кредитных и некредитных финансовых организаций, деятельность которых регулируется рядом специальных законов, руководители *микрофинансовых организаций*, которые действуют на основе Федерального закона от 02.07.2010 г. № 151-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», *кредитных кооперативов*, деятельность которых основана на Федеральном законе «О кредитной кооперации» от 18.07.2009 г. № 190-ФЗ (ред. 13.07.2020 г.), *ломбардов* (п. 1.1 ст. 2 Федерального закона от 19.07.2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах»), *сельскохозяйственных кооперативов* — в порядке, установленном Федеральным законом «О потребительском кредите (займе)» и Федеральным законом от 08.12.1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» (п. 15 ст. 40.1).

Таким образом, одним из признаков незаконного осуществления деятельности по предоставлению потребительских кредитов будет считаться занятие подобной деятельностью *ненадлежащим субъектом*. В силу полисубъектности состава ст. 171.5 УК и необходимости в каждом

конкретном случае обращаться к большому перечню отсылочных нормативных правовых актов, определение должного субъекта рассматриваемого состава для правоприменителей, на наш взгляд, станет одной из проблем применения анализируемой нормы.

Примечательно, что законодатель увязал запрещенную ст. 171.5 УК деятельность исключительно с отсутствием у субъекта ее совершения *права на осуществление указанной деятельности*.

Представляется, что этим самым были существенно снижены границы общественных отношений в сфере потребительского кредитования, регулируемых ст. 171.5 УК, за пределами которых остались признаки ее *объективной стороны*.

Между тем даже самый общий анализ Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» показывает, что потенциально может быть нарушен целый ряд положений данного закона, к примеру, относящихся к:

- условиям договора потребительского кредита (займа) (ст. 5 Закона);
- особенностям изменения условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с заемщиком — физическим лицом (ст. 6.1-1);
- информации, предоставляемой заемщику после заключения договора потребительского кредита (займа) (ст. 10), и др.

Особое значение для признания выдачи потребительского кредита (займа) незаконной, на наш взгляд, имеют *условия договора*, касающиеся годовых, а также переменных процентных ставок, диапазона значений полной стоимости потребительского кредита (займа), информации о возможном увеличении суммы расходов заемщика и др.

Представляется, что именно при несоблюдении указанных условий возможны грубые нарушения прав заемщиков со стороны кредитной организации, которые могут привести к созданию условий невыполнимости условий договора и, в конечном счете, к кабальным условиям договора.

В процессе применения рассматриваемой нормы, на наш взгляд, появятся проблемы ее разграничения со ст. 172 УК — «Незаконная банковская деятельность», а также установления факта повторного совершения правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 14.56 КоАП.

Представляется, что на практике с большой вероятностью возникнут проблемы определения суммы крупного размера при незаконной выдаче потребительского кредита. Они будут связаны, на наш взгляд, с порядком исчисления такого размера, при котором неизбежно встанет вопрос — считать ли крупной суммой выдачу одного кредита или нескольких, поскольку преступление, предусмотренное ст. 171.5 УК, по конструкции состава является единым продолжаемым [14, с. 225—227; 15, с. 73—75].

Выводы и предложения

1. Введение в УК ст. 175.1, по мнению законодателя, преследовало цель защитить потенциальных получателей потребительского кредита (займа) от недобросовестных кредиторов, которые, пользуясь, как правило, тяжелым материальным положением граждан, заключают с ними заведомо невыполнимые (кабальные) договоры, нередко ставящие заемщиков на грань финансовой катастрофы.

2. Конструкция ст. 17.1 УК представляется крайне неудачной с точки зрения юридической техники по целому ряду причин:

– диспозиция нормы включает прямое указание на федеральный закон о потребительском кредите (займе), что не имеет аналогов в других уголовно-правовых нормах;

– изложение признаков лица, использующего для совершения преступления свое служебное положение, характеризуется избыточностью перечисления общеизвестных признаков такого субъекта;

– содержание объективной стороны рассматриваемой нормы не раскрыто, а вся суть общественной опасности состава ст. 171.5 УК сведена к особенностям субъекта его совершения;

– в конструкцию рассматриваемого состава включено обязательное условие наступления уголовной ответственности только после совершения правонарушения, предусмотренного ст. 14.56 КоАП, то есть обязательного наличия административной преюдиции, что, по мнению многих ученых, вступает в противоречие с базовыми положениями учения о составе преступления.

3. Существуют проблемы разграничения ст. 171.5 и 172 УК, а также ст. 14.56 КоАП, которые касаются различий их объективной стороны, субъектного состава, размера осуществляемой деятельности.

4. Предлагается изменить редакцию ст. 171.5 УК на следующую:

Осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) в крупном размере индивидуальным предпринимателем или руководителем юридического лица с нарушением условий кредитования либо при отсутствии у них права на осуществление указанной деятельности, подвергнутыми ранее наказанию за административное правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 14.56 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (при отсутствии в содеянном признаках состава преступления, предусмотренного статьей 172 настоящего Кодекса), — наказывается (далее по тексту).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 11.06.2021 г. № 215-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386906.
2. Гладких В. И., Есаян А. К. Преступления в сфере экономической деятельности. Курс лекций. М. : Юнити, 2020. 351 с.
3. Лихолетов А. А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности. М. : Юрлитинформ, 2020. 288 с.
4. О потребительском кредите (займе) : федер. закон от 21 дек. 2013 г. № 353-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986.
5. Межотраслевая дифференциация уголовной и иных видов юридической ответственности: итоги теоретического моделирования / Под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2021. 480 с.
6. Сизова В. Н. Система Особенной части российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2021. 200 с.
7. Денисова А. В. Системность российского уголовного права. М. : Юрлитинформ, 2018. 512 с.
8. Богданов А. В. Административная преюдиция в уголовном праве России. М. : Юрлитинформ, 2021. 168 с.
9. Бабий Н. А. Учение о структуре и составе преступления : в 2 кн. М. : Юрлитинформ, 2019. 840 с.
10. Назаренко Г. В. Субъект преступления: проблемы и решения. М. : Юрлитинформ, 2020. 176 с.
11. Борисов А. Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (постатейный; издание второе, перераб. и доп.). М. : Деловой двор, 2019.
12. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» / М. А. Беляев, А. В. Копьев, Т. А. Кухаренко, Т. Н. Михалева, М. Г. Холкина, Е. Г. Шадрина ; под ред. Н. В. Елизаровой. Саратов, 2015.
13. О банках и банковской деятельности : федер. закон от 02.12.1990 г. № 395-1 (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842.
14. Ораздурдыев А. М. Эволюция учения о едином преступлении в уголовном праве. М. : Юрлитинформ, 2020. 536 с.
15. Кулагин А. Н., Ображиев К. В. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика, проблемы нормативной регламентации и квалификации. М. : Юрлитинформ, 2019. 152 с.

REFERENCES

1. *On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Federal Law of 11.06.2021 No. 215-FZ.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_386906.
2. Gladkikh V. I., Yesayan A. K. *Crimes in the field of economic activity. Lecture course.* Moscow, Unity, 2020. 351 p. (In Russ.)
3. Likholetov A. A. *Criminal-legal characteristics and problems of qualification of crimes in the sphere of carrying out special types of entrepreneurial activity.* Moscow, Jurlitinform, 2020. 288 p. (In Russ.)
4. *On consumer credit (loan). Federal Law of December 21, 2013 No. 353-FZ.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986.
5. *Cross-sectoral differentiation of criminal and other types of legal liability: the results of theoretical modeling.* Ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, Jurlitinform, 2021. 480 p. (In Russ.)
6. Sizova V. N. *System of the Special Part of Russian Criminal Law.* Moscow, Jurlitinform, 2021. 200 p. (In Russ.)
7. Denisova A. V. *The consistency of Russian criminal law.* Moscow, Jurlitinform, 2018. 512 p. (In Russ.)
8. Bogdanov A. V. *Administrative prejudice in the criminal law of Russia.* Moscow, Jurlitinform, 2021. 168 p. (In Russ.)
9. Babiy N. A. *The doctrine of the structure and composition of the crime.* In 2 books. Moscow, Jurlitinform, 2019. 840 p. (In Russ.)
10. Nazarenko G. V. *Subject of the crime: problems and solutions.* Moscow, Jurlitinform, 2020. 176 p. (In Russ.)
11. Borisov A. N. *Commentary to the Federal Law of December 21, 2013 No. 353-FZ On consumer credit (loan) (article-by-article; second edition, revised and supplemented).* Moscow, Delovoy Dvor, 2019. (In Russ.)
12. Belyaev M. A., Kopev A. V., Kukharensko T. A., Mikhaleva T. N., Kholkina M. G., Shadrina E. G. *Commentary to the Federal Law of December 21, 2013 No. 353-FZ On consumer credit (loan).* Ed. by N. V. Elizarova. Saratov, 2015.
13. *On Banks and Banking Activities. Federal Law of 02.12.1990 No. 395-1 (latest edition).* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842.

14. Orazdurdyev A. M. *Evolution of the doctrine of a single crime in criminal law*. Moscow, Jurlitinform, 2020. 536 p. (In Russ.)

15. Kulagin A. N., Obrazhiev K. V. *Continuing crimes: criminal law characteristics, problems of normative regulation and qualification*. Moscow, Jurlitinform, 2019. 152 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Гладких В. И. Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов) (ст. 171.5 УК РФ): еще одна новелла с неясными перспективами // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 235—239. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.372.

For citation: Gladkikh V. I. Illegal provision of consumer credits (loans) (article 171.5 of the Criminal Code of the Russian Federation): another novel with unclear prospects. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 235—239. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.372.

УДК 349.2
ББК 67.405.117

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.375

Sapfirova Apollinariya Aleksandrovna,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Land, Labor
and Environmental Law,
Kuban State Agrarian University
named after I. T. Trubilin,
Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: pol499@yandex.ru

Сапфирова Аполлиария Александровна,
д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой земельного, трудового
и экологического права,
Кубанский государственный аграрный университет
имени И. Т. Трубилина,
Российская Федерация, г. Краснодар,
e-mail: pol499@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00447

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00447

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЫ ВЕДЕНИЯ КАДРОВЫХ ДОКУМЕНТОВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ

APPLICATION OF THE ELECTRONIC FORM OF MANAGING PERSONNEL DOCUMENTS AS A METHOD FOR PROTECTING LABOR RIGHTS

12.00.05 — Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.05 — Labor law; social security law

Проводимый Минтрудом РФ правовой эксперимент по внедрению электронного кадрового документооборота свидетельствует о пристальном внимании законодателя и правоприменителя не только к вопросам оптимизации работы отдела кадров, но и к цифровизации всего трудового процесса. Перспективы этого эксперимента оптимистичны, они позволяют надеяться практически на полное исключение бумажного носителя из взаимоотношений работника и работодателя, что, несомненно, повысит степень эффективности защиты трудовых прав работников и работодателей. Автор настоящей статьи ставится цель: изучить возможности защиты трудовых прав при электронной форме ведения документооборота. Метод правового анализа и формально-юридический метод использованы при исследовании обозначенной проблемы. Основной вывод: применение электронного документооборота положительным образом повлияет на эффективность защиты трудовых прав. Результаты: первоначальное внедрение электронного документооборота вряд ли позволит достигнуть всех его целей — введения электронной формы трудового договора, оптимизации труда работодателя, повышения уровня защиты трудовых прав. Однако в дальнейшем, когда синхронизируются кадровые сведения, содержащиеся на всех цифровых платформах, предполагаем, что эффективность защиты трудовых прав значительно повысится и позволит минимизировать риски возникнове-

ния электронных ошибок. Анализ предложенных изменений в действующее законодательство показал необходимость предоставления работодателю исключительного права решать вопрос о ведении кадрового документооборота в электронной форме. Его применение работодателями будет способствовать снижению потребности в техническом труде кадровых служб, занимающих огромный объем рабочего времени, и активизации их непосредственных полномочий: составление обязательных и факультативных локальных нормативных актов, подготовка документов на подбор персонала и т. д.

The legal experiment carried out by the Ministry of Labor of the Russian Federation on the introduction of electronic personnel document management shows the close attention of the legislator and law enforcement officer not only to the optimization of the work of the personnel department, but also to the digitalization of the entire labor process. The prospects for this experiment are optimistic; they allow us to hope for an almost complete exclusion of paper from the relationship between the employee and the employer; which will undoubtedly increase the degree of efficiency in protecting the labor rights of workers and employers. The author of this article aims to study the possibilities for protecting labor rights in the electronic form of document management. The method of legal analysis and the formal legal method are used in the study of this problem. The main conclusion is that the use of electronic

document management will have a positive impact on the efficiency of labor rights protection. The initial introduction of electronic document management is unlikely to achieve all of its goals — the introduction of an electronic form of an employment contract, optimization of the employer's work, and an increase in the level of protection of labor rights. However, in the future, when the personnel information contained on all digital platforms is synchronized, we assume that the effectiveness of the protection of labor rights will significantly increase and will minimize the risks of electronic errors. An analysis of the proposed changes to the current legislation showed the need to provide the employer with the exclusive right to decide the issue of maintaining personnel workflow in electronic form. Its use by employers will help to reduce the need for technical labor of personnel services, which takes up a huge amount of working time, and to activate their direct functions: drawing up mandatory and optional local regulations, preparing documents for the selection of personnel, etc.

Ключевые слова: способ защиты, трудовые права, работник, работодатель, электронный документооборот, федеральная инспекция труда, трудовой договор, электронная подпись, локальные нормативные акты, электронные ошибки.

Keywords: method of protection, labor rights, employee, employer, electronic document management, federal labor inspectorate, employment contract, electronic signature, local regulations, electronic errors.

Введение

Актуальность исследования обусловлена возникшим интересом к цифровизации трудового процесса. Проводимый в настоящее время правовой эксперимент по внедрению электронного документооборота [1] показывает, что принимаемый локальный нормативный акт об использовании у работодателя электронной формы документов направлен в том числе и на защиту трудовых прав работников и работодателей. Результаты данного эксперимента не только помогли апробировать электронную форму ведения кадровых документов, но и явились основой для разработанного проекта федерального закона [2], который в случае его принятия позволит работодателю с 15 ноября 2021 г. вести электронный кадровый документооборот без дублирования на бумажном носителе.

Учитывая **новизну** темы исследования, в специальной литературе проведено немного таких исследований [3—12]. Особо хотелось бы отметить тех ученых, которые в своих выступлениях на международной научно-практической конференции (VI Гусовские чтения), проводимой 22—23 июня 2021 г., затронули проблемы цифровизации трудового процесса (И. А. Костян, Н. Л. Лютов, И. А. Филипова и др.).

Целесообразность разработки темы исследования определяется стремительными изменениями законодательства, которые активно влияют на возможности защиты трудовых прав работников и работодателей. И не факт, что в новых условиях работник сохранит «слабость» стороны трудового правоотношения. Предполагаем, что при цифровизации документооборота будет значительно легче доказать нарушения трудовых прав как работнику, так и работодателю.

Именно рассмотрением применения работодателем электронного документооборота как способа защиты трудовых прав и определяется **научная новизна** исследования. С этих позиций вопрос внедрения такой формы ведения кадровых документов в науке не изучался.

Теоретическая значимость исследования заключается

в анализе электронного кадрового документооборота с позиции способа защиты трудовых прав. **Практическая значимость** исследования состоит в формировании предложений по повышению уровня защиты трудовых прав при использовании электронного кадрового документооборота.

Целью настоящего исследования является изучение возможности защиты трудовых прав при помощи электронной формы кадровых документов, а также прогнозирование перспектив такой защиты.

Основной задачей исследования является выявление особенностей защиты трудовых прав при применении работодателем электронной формы документооборота и раскрытие перспектив ее использования.

Основная часть

Исследование ведения электронного кадрового документооборота (далее — ЭДО) как способа защиты трудовых прав потребует первоначального обозначения тех точек, от которых мы будем отталкиваться в своем исследовании. Во-первых, работодателем может быть использована как платформа, предложенная государством (госуслуги), так и собственная цифровая основа ведения ЭДО. В настоящее время государством активизируется использование портала «Работа в России» как Единой цифровой платформы в сфере занятости и трудовых отношений [13]. Для целей настоящего исследования выбор платформы не имеет значения. Здесь только обозначим, что разница в выборе будет заключаться в использовании работником вида электронной подписи на кадровых документах, что может повлечь или не повлечь необоснованные для работодателя траты. Во-вторых, практическому внедрению электронного кадрового документооборота способствует обязательная его оптимизация. Представляется нецелесообразным автоматически переносить все документы бумажной формы использования на электронную платформу: это не только не оптимизирует оформление трудового процесса, но и в значительной степени затруднит его применение. На наш взгляд, оптимизация документооборота должна строиться на разграничении прав и обязанностей работодателя, поскольку именно ему и в настоящее время, и в проекте федерального закона [2] предоставлено право выбора ведения документооборота в электронной или бумажной формах. При этом в проекте федерального закона надо закрепить исключительное право работодателя на выбор формы ведения кадровых документов. Это не должно быть правом работника, поскольку он не несет никакой ответственности за ведение документооборота.

Рассмотрим возможность применения электронной формы, например, для ПВТР как обязательного локального нормативного акта. Согласно ст. 190 ТК РФ, ПВТР утверждаются работодателем с учетом мнения представительного органа работников. С этим локальным нормативным актом работник должен быть ознакомлен под роспись до подписания трудового договора (ст. 68 ТК РФ). Термин «под роспись» свидетельствует о необходимости наличия подписи работника об ознакомлении с документом. Работник вполне может, используя электронную подпись, ознакомиться с ПВТР, что означает допустимость для ПВТР электронной формы. Более того, с помощью электронной подписи и работнику, и работодателю будет легко доказать факт ознакомления с ПВТР до подписания трудового договора. Это доказательство может быть использовано не только в процессе разрешения трудового спора, но и при проведении Рострудом профилактического и (или) контрольного мероприятия для исключения привлечения к административной ответственности.

Не предусмотрена обязанность работодателя знакомить работника с графиком отпусков, который также является обязательным локальным нормативным актом (ст. 123 ТК РФ). Однако закреплено обязательное извещение работника под роспись не позднее, чем за две недели, о времени начала отпуска. На практике работодатель знакомит работников под роспись с графиком отпусков сразу после его утверждения с указанием ими даты ознакомления. В этом случае термин «под роспись» также позволяет работнику использовать электронную подпись и объективно надеяться на эффективную защиту в случае нарушения работодателем графика отпусков. Здесь необходимо подчеркнуть, что и работодатель в процессе защиты своих трудовых прав в части несоблюдения работником графика отпусков вправе воспользоваться ЭДО как способом защиты, поскольку график отпусков обязателен и для работника, и для работодателя.

Согласно проекту федерального закона [2], отдельные договоры, заключенные в рамках трудовых отношений, и некоторые приказы и иные документы должны подписываться работодателем и работником их электронными подписями. Только вид электронной подписи зависит от вида платформы, на которой осуществляется ЭДО. Речь идет о таких договорах и изменениях к ним, как трудовой договор, ученический договор, договор о полной материальной ответственности, договор об образовании с отрывом или без отрыва от работы. К числу приказов и иных документов, которые будут подписываться сторонами трудовых отношений электронными подписями, относятся заявление на увольнение или отзыв этого заявления, акт о несчастном случае на производстве по форме Н-1, приказы о применении дисциплинарного взыскания или об увольнении и т. д. Конечно, в случае возникновения трудового спора документами из ЭДО можно доказать или опровергнуть выдвинутые противной стороной аргументы. Например, факт ознакомления с приказом о привлечении к дисциплинарной ответственности будет доказан при использовании работником простой электронной подписи, если ЭДО реализуется через Единую цифровую платформу в сфере занятости и трудовых отношений «Работа в России». Однако если работодатель осуществляет свою деятельность на «собственной» цифровой платформе, то ознакомление работника с приказом о привлечении к дисциплинарной ответственности потребует использования усиленных цифровых подписей либо сохранения бумажной формы «общения» с работником.

В проекте неслучайно перечислены именно эти договоры и оформляющие трудовые отношения документы, поскольку, согласно действующему Трудовому кодексу РФ, они пока еще требуют бумажного оформления и личной подписи работника (ознакомления). Не умаляя применение ЭДО как способа защиты трудовых прав, все же хотелось бы подчеркнуть, что работодателю, во-первых, экономически не выгодно приобретать усиленные квалифицированные или усиленные неквалифицированные электронные подписи для работников, поскольку нецелесообразно подписывать ими отдельные документы, в то время как для других кадровых документов закон такого требования не устанавливает. Во-вторых, работодателю во избежание необоснованных трат правильнее было бы оставить именно эти документы в бумажном виде, знакомя работников с ними под «живую» подпись. Кроме перечисленных выше договоров и кадровых документов, другие документы вполне

могут быть переведены в электронный вид и, соответственно, подписываться сторонами электронными подписями. Почему бы, например, соглашение сторон трудового договора о возмещении с рассрочкой платежа ущерба, причиненного работником [14], не перевести в электронную форму? В этом случае отказ работника от наличия такого соглашения, если оно имело устный характер, был бы практически невозможен, что обеспечило бы эффективную защиту трудовых прав работодателя.

В то же время электронная форма документов — это не панацея для защиты трудовых прав. На практике, например, стали появляться электронные трудовые книжки, в которые включены ошибочные записи о работе. Роструд в таких случаях рекомендует обратиться к тому работодателю, который внес эту запись, потребовать ее удаления и выдачи соответствующего документа об ошибке [15]. Здесь надо подчеркнуть, что хотя ЭДО не распространяется на трудовые книжки, поскольку их правовое регулирование осуществляется специальным законодательством, но приведенное разъяснение Роструда свидетельствует о появлении электронных ошибок в заполнении кадровых документов.

Методология. Исследование выполнено с применением метода правового анализа и формально-юридического метода, поскольку раскрытие особенностей применения электронного документооборота с позиции способа защиты трудовых прав невозможно без анализа норм трудового законодательства, а также формулировки предложений по усилению ее эффективности.

Результаты. Нам представляется, что внедрение ЭДО является не только целесообразным для работодателя, поскольку позволит в определенной степени сократить затраты на рабочее время, оплату труда и возможное количество сотрудников, но и эффективным способом защиты трудовых прав добросовестных работников и работодателей. Однако если работник или работодатель нарушают трудовые права, документы, оформленные в электронной форме, можно использовать как доказательство правомерных действий соответствующей стороны трудового правоотношения. Например, с помощью электронной подписи можно доказать не только сам факт ознакомления с документом, но и временной интервал данного ознакомления.

Между тем предполагаем неизбежное наличие электронных ошибок, возникающих в результате внесения в электронный кадровый документ недостоверных сведений, ошибочного или умышленного характера. В этих случаях доказывать электронную ошибку также придется способами, которые предусмотрены для любых других документов, что априори повлечет за собой увеличение документооборота и, соответственно, нагрузки на работодателя.

Выводы

Использование ЭДО в качестве способа защиты трудовых прав работников и работодателей окажет существенное влияние на эффективное разрешение трудовых споров. Как правило, именно отсутствие доказательств затрудняет защиту нарушенных трудовых прав. ЭДО позволит сохранить доказательства правомерности деятельности работодателя и (или) работника либо, наоборот, нарушений ими действующего законодательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой : федер. закон от 24.04.2020 г. № 122-ФЗ в ред. от 24.03.2021 г. № 53-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2700.

2. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части регулирования электронного документооборота в сфере трудовых отношений) : проект федер. закона № 1162885-7 (2021). URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
3. Филипова И. А. Влияние цифровых технологий на труд: ориентиры для трудового права : моногр. Н. Новгород : Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2021. 106 с.
4. Люттов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6(103). С. 99.
5. Проблемы трансформации системы законодательства в условиях развития цифровых технологий : моногр. / Под науч. ред. А. В. Корнева. М. : Проспект, 2021.
6. Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / В. В. Архипов и др. ; под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018.
7. *New Forms of Employment in Europe* / Ed. by R. Blanpain, F. Hendrickx. Wolters Kluwer, 2016. 416 p.
8. Sapfirova A. A., Volkova V. V., Petrushkina A. V. Information technologies and information compliance in labor relations: legal regulation and prevention of violations of labor rights // *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing* / Eds. E. Popkova, V. Ostrovskaya. 2019. Vol. 726. Springer, Cham.
9. Sapfirova A. A., Volkova V. V., Petrushkina A. V. Digitalization of labor relations in agribusiness: prospects of legal regulation and labor rights protection // *Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 91. *The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects*, 2020. Pp. 47—53.
10. Риччери М., Шестерякова И. В. Современные вызовы трудовым отношениям: дискуссия о глобальном регулировании рынка труда // *Herald of the Euro-Asian Law Congress*. 2018. № 2. С. 69—78.
11. Barnard C. *EC Employment Law*. 3rd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 320.
12. Kostyleva E. G., Safin T. I., Galin I. N. Influence of digitalization of economy on social responsibility of engineering workers of fuel and energy complex // *Евразийский юридический журнал*. 2020. № 7(146). С. 446—447.
13. О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» и статью 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» : федер. закон от 28.06.2021 г. № 219-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280036>.
14. Новикова Ю. А. Соглашение сторон трудового договора о возмещении с рассрочкой платежа ущерба, причиненного работником // *Трудовое право в России и за рубежом*. 2019. № 3. С. 46—49.
15. Онлайнинспекция.рф. Вопросы и ответы от 06.07.2021 г. URL: https://xn--80akibicpdbetz7e2g.xn--p1ai/questions/?question_type=all.

REFERENCES

1. On conducting an experiment on the use of electronic documents related to work. Federal Law of 24.04.2020 No. 122-FZ (ed. of 24.03.2021 No. 53-FZ). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 17, art. 2700. (In Russ.)
2. *On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation (regarding the regulation of electronic document flow in the field of labor relations)*. Draft Federal Law No. 1162885-7. (In Russ.) URL: <https://sozd.duma.gov.ru>.
3. Filipova I. A. *The Impact of Digital Technologies on Labor: Landmarks for Labor Law. Monograph*. Nizhny Novgorod, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University publ., 2021. 106 p. (In Russ.)
4. Lyutov N. L. Adaptation of labor law to the development of digital technologies: challenges and prospects. *Actual problems of Russian law*, 2019, no. 6(103), p. 99. (In Russ.)
5. *Problems of transformation of the system of legislation in the context of the development of digital technologies. Monograph*. Ed. by A. V. Kornev. Moscow, Prospekt, 2021. (In Russ.)
6. Arkhipov V. V., et al. *Regulation of robotics: an introduction to “robotic law”. Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies*. Ed. by A. V. Neznamov. Moscow, Infotropik Media, 2018. (In Russ.)
7. *New Forms of Employment in Europe*. Ed. by R. Blanpain, F. Hendrickx. Wolters Kluwer, 2016. 416 p.
8. Sapfirova A. A., Volkova V. V., Petrushkina A. V. Information technologies and information compliance in labor relations: legal regulation and prevention of violations of labor rights. In: *Perspectives on the Use of New Information and Communication Technology (ICT) in the Modern Economy. ISC 2017. Advances in Intelligent Systems and Computing*. Eds. E. Popkova, V. Ostrovskaya, 2019. Vol. 726. Springer, Cham.
9. Sapfirova A. A., Volkova V. V., Petrushkina A. V. Digitalization of labor relations in agribusiness: prospects of legal regulation and labor rights protection. In: *Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 91. The 21st Century from the Positions of Modern Science: Intellectual, Digital and Innovative Aspects*, 2020. Pp. 47—53.
10. Riccheri M., Shesteryakova I. V. Modern challenges to labor relations: a discussion on global labor market regulation. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, 2018, no. 2, pp. 69—78. (In Russ.)
11. Barnard C. *EC Employment Law*. 3rd ed. Oxford, Oxford University Press, 2006. P. 320.
12. Kostyleva E. G., Safin T. I., Galin I. N. Influence of digitalization of economy on social responsibility of engineering workers of fuel and energy complex. *Eurasian Law Journal*, 2020, no. 7(146), pp. 446—447. (In Russ.)
13. *On Amendments to the Law of the Russian Federation “On Employment of the Population in the Russian Federation” and Article 21 of the Federal Law “On Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation”*. Federal Law of 28.06.2021 No. 219-FZ. (In Russ.) URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202106280036>.
14. Novikova Yu. A. Agreement of the parties to the employment contract on compensation with installment payment for damage caused by the employee. *Labor law in Russia and abroad*, 2019, no. 3, pp. 46—49. (In Russ.)
15. *Onlayninspektsiya.rf. Q & A of 06.07.2021*. (In Russ.) URL: https://xn--80akibicpdbetz7e2g.xn--p1ai/questions/?question_type=all.

Как цитировать статью: Сапфинова А. А. Применение электронной формы ведения кадровых документов как способ защиты трудовых прав // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 239—242. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.375.

For citation: Sapfirova A. A. Application of the electronic form of managing personnel documents as a method for protecting labor rights. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 239—242. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.375.

УДК 342.553, 342.9, 332.025
ББК 67.401, 65.050

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.361

Golomanchuk Eyda Vladimirovna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Constitutional
and Administrative Law,
Volgograd Institute of Management,
branch of RANEPa,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

Голоманчук Эйда Владимировна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Волгоградский институт управления —
филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: golomachuk-ev@ranepa.ru

Yagotintseva Tatyana Yurevna,
Head of the Corruption Offenses Prevention Sector
of the Anti-Corruption Department,
Office of the Governor
of the Volgograd Region,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: T_Yagotinceva@volganet.ru

Яготинцева Татьяна Юрьевна,
заведующий сектором профилактики
коррупционных правонарушений,
отдел по противодействию коррупции
аппарата Губернатора Волгоградской области,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: T_Yagotinceva@volganet.ru

Astafurova Olga Anatolevna,
Candidate of Technical Sciences,
Head of the Department of Information Systems
and Mathematical Modeling,
Volgograd Institute of Management,
branch of RANEPa,
Russian Federation, Volgograd,
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

Астафурова Ольга Анатольевна,
канд. техн. наук,
заведующий кафедрой информационных систем
и математического моделирования,
Волгоградский институт управления —
филиал РАНХиГС,
Российская Федерация, г. Волгоград,
e-mail: astoa@vlgr.ranepa.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16119 «Формирование антикоррупционной среды в органе государственной и муниципальной власти путем внедрения информационно-аналитической системы „Методика и тактика противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих“»

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research under the scientific project No. 18-29-16119 “The formation of anti-corruption environment in the body of state and municipal authorities through the introduction of information and analytical system “Methods and tactics to combat corruption for government and municipal employees”

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНТРОЛЯ НАД РАСХОДАМИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

CERTAIN PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE PROCESS OF CONTROLLING EXPENSES OF OFFICIALS IN THE RUSSIAN FEDERATION

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки. Юридические
5.1.2 — Public law (state law) sciences. Legal sciences

В статье комплексно и системно исследуются отдельные аспекты проблем правового регулирования процесса контроля над расходами должностных лиц и пути их решения. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на достаточно подробную регламентацию процедуры контроля над соответствием расходов должностных лиц их доходам, результаты которой являются основанием для инициирования вышеуказанного механизма, необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство для устранения имеющихся правовых пробелов.

Необходимо использовать величину прожиточного минимума, установленную в конкретном регионе, где работают и проживают должностное лицо и члены его семьи, по которым он отчитывается за доходы и расходы. Кроме того, следует принимать во внимание социально-демографическую группу населения, к которой относится должностное лицо и члены его семьи, поскольку величина прожиточного минимума устанавливается отдельно для трудоспособного населения, пенсионеров и детей, а также учитывать количество членов семьи, которые находятся на иждивении указанного лица. Предполагается, что при осуществлении контроля над расходами денежные средства в сумме,

равной величине прожиточного минимума, должны в обязательном порядке учитываться в числе ежемесячных расходов должностного лица и членов его семьи и исключаться из общего объема их доходов.

Предлагаемые авторами меры по противодействию коррупции, в том числе разрабатываемая информационно-аналитическая система, являются совершенно новыми, не только теоретически, но и практически обоснованными, базируются на индивидуальном опыте и могут способствовать обеспечению эффективности работы кадровых и иных подразделений органов государственной и муниципальной власти по вопросам осуществления антикоррупционных мер.

The article comprehensively and systematically examines certain aspects of the problems of legal regulation of the process of control over the costs of officials and ways to solve them. The authors come to the conclusion that, despite the rather detailed regulation of the procedure for monitoring the compliance of officials' expenses with their income, the results of which are the basis for initiating the above mechanism, it is necessary to make a number of changes to the current legislation to eliminate the existing legal gaps.

It is necessary to use the value of the subsistence minimum established in the specific region where the official, their spouse and minor children work and live. In addition, one should take into account the socio-demographic group of the population to which the official and their family members belong, since the value of the subsistence minimum is set separately for the able-bodied population, pensioners and children, and also take into account the number of family members who are dependent on this person. It is assumed that when exercising control over expenditures, monetary funds in an amount equal to the subsistence minimum must be taken into account in the number of monthly expenses of an official and their family members and be excluded from their total income.

The anti-corruption measures proposed by the authors, including the developed information and analytical system, are completely new, not only theoretically, but also practically grounded, are based on individual experience and can contribute to the effectiveness of the work of human resources and other departments of state and municipal authorities on the implementation of anti-corruption measures.

Ключевые слова: сведения о доходах, сведения о расходах, сведения об имуществе, сведения об обязательствах имущественного характера, дисциплинарная ответственность должностных лиц, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, цифровые способы антикоррупционной работы, информационно-аналитическая система, ошибки декларирования расходов.

Keywords: information on income, information on expenses, information on property, information on obligations of property character, disciplinary responsibility of officials, anti-corruption policy, anti-corruption, digital ways of anti-corruption work, information and analytical system, mistakes in the declaring expenses.

Введение

Основные элементы противодействия коррупции в нашей стране достаточно разнообразны и образуют цельную систему определенных действующим законодательством мер, структурно взаимосвязанных и последовательно закрепляющих практические способы борьбы с любыми действиями, носящими коррупционный характер [1].

Действующим российским законодательством предусмотрены различные виды юридической ответственности за совершение коррупционных правонарушений. В качестве основного механизма привлечения должностных лиц к гражданско-правовой ответственности используется одна из самых строгих применяемых в России антикоррупционных мер — обращение в доход государства всех объектов имущества, по которым служащий не смог обосновать законные источники приобретения или же наличия в пользовании опять-таки законно появившейся денежной суммы, достаточной для стоимости этих объектов имущества в эквиваленте.

Актуальность исследования базируется как на недостаточности доктринального осмысления особенностей осуществления контроля над расходами должностных лиц, так и на уникальности сочетания теоретического, нормативного и практического опыта соавторов, связанного как с применением и знанием тонкостей в повседневной профессиональной деятельности, так и со сферой научных интересов. Данный опыт способствует выработке конкретных практических рекомендаций и по совершенствованию самих процедур по декларированию сведений о доходах, расходах, об имуществе и имущественных обязательствах, и по осуществлению контрольных мероприятий в указанной сфере, и по совершенствованию нормативно-правовой базы такой деятельности, что

свидетельствует о **целесообразности** разработки темы научного исследования.

Цель изучения отдельных проблем правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации видится нам в формулировании по результатам исследования новых теоретических положений и предложений практического характера, связанных с особенностями декларирования служащими сведений о доходах и имуществе с последующими мероприятиями по проверке такого декларирования и осуществлению контроля над расходами должностных лиц.

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**: дать характеристику контролю над расходами должностных лиц; рассмотреть содержание и основные признаки данного процесса; выявить особенности и недостатки нормативно-правового регулирования в области контрольных мер; определить виды и особенности наиболее типичных ошибок, совершаемых должностными лицами в процессе декларирования своих расходов; исследовать особенности привлечения к дисциплинарной ответственности за предоставление неполных и/или недостоверных сведений о расходах по действующему законодательству.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе контроля над расходами должностных лиц, и их нормативно-правовая регламентация.

Предметом исследования являются нормы законодательства, а также теоретические доктринальные положения в области предоставления сведений о расходах должностными лицами.

Работая над статьей, мы использовали различные **методы**, среди которых ряд общенаучных и специальных, в том числе метод научной объективности, классификация, абстрагирование, сравнительно-правовой, междисциплинарный метод формализации.

Тема работы является относительно **изученной**, ей уделяли внимание различные авторы, например А. В. Баранова [2], Г. Н. Горшенков [3], М. В. Номоконов [4], А. А. Русанова [4], Е. А. Телкова [5], Г. В. Чумак [5], Л. В. Завгородняя [6], А. Б. Литовка [7], Ю. В. Ростовцева, И. В. Тимошенко, Г. В. Федоров, Л. А. Чернышева [8], А. М. Шилкин, Ш. М. Шурпаев, Е. А. Яковлев, Е. В. Черепанова [9], А. М. Цирин [10] и др. При этом проблема настолько комплексная и актуальная, что авторский взгляд на существующие отдельные аспекты контроля над расходами должностных лиц носит принципиальные отличия от ранее высказанных позиций.

Теоретическая значимость исследования обуславливается наличием авторского подхода к классификации типичных ошибок, возникающих в ходе контроля над расходами должностных лиц, а также в разработке уникальной, не имеющей аналогов информационно-аналитической системы.

Научная новизна и практическая значимость исследования состоят в том, что в нем сформулированы положения, которые в совокупности дают представление об институте контроля над расходами должностных лиц, в частности обозначаются проблемы изучаемого процесса и пути их решения, а также об основных тенденциях развития данной темы.

Основная часть

В Российской Федерации в течение длительного времени происходил процесс создания мощной законодательной базы для противодействия коррупции, в рамках которого закон о противодействии коррупции Государственная Дума РФ пыталась принять с 1995 г., но был он принят только в 2008 г. Как и в большинстве стран мира, Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [11] — рамочный, и здесь хотелось бы

отметить, что рамочное законодательство само по себе является источником коррупции, поскольку оно требует принятия огромного количества различных подзаконных актов и иных нормативных документов, а каждое министерство и ведомство считает своим долгом выпустить определенные методические указания и инструктивные письма, в которых должностные лица могут тем или иным образом создавать определенные условия для порождения коррупции. Поэтому само рамочное законодательство, с нашей точки зрения, безусловно, способствует развитию коррупции. Эта проблема носит системный характер, поскольку практика противодействия коррупции, в том числе и в сфере контроля над расходами должностных лиц, существенно различается, например для военной службы и службы государственной гражданской; в органах и учреждениях службы иных видов огромное количество внутренних актов регулирует практически каждый шаг, но напрямую зависит от воли высокопоставленных должностных лиц и т. п., что порождает сложности в применении и соблюдении всех установленных требований.

В рамках противодействия коррупции наиболее эффективным нам представляется государственный контроль над понесенными должностными лицами расходами, который позволил повысить прозрачность поведения государственных и муниципальных служащих, предоставил возможность на законных основаниях делать выводы об отсутствии у них возможности вести «дорогостоящий» образ жизни. В то же время на практике нередки случаи, когда имущество оформляется на родственников и иных аффилированных лиц, в связи с чем в рамках мероприятий по контролю над расходами уполномоченный орган устанавливает фактического владельца имущества, для чего дается всесторонняя оценка возможности приобретения связанными со служащим лицами активов.

При этом на основании данных, полученных в ходе осуществления мероприятий по контролю над расходами, могут быть сформулированы выводы о несоответствии доходов расходам не только самих служащих, но и иных лиц, финансовое состояние которых не позволяет делать крупные покупки и на имя которых служащим в действительности приобретено имущество.

В соответствии со статьей 17 Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» [12] (далее — Закон № 230-ФЗ) Генеральный прокурор Российской Федерации или подчиненные ему прокуроры могут обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), цифровых финансовых активов, цифровой валюты, в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из определенных законом должностей, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы, или об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход Российской Федерации невозможно.

Обращение в доход государства имущества по указанному выше основанию возможно после осуществления контроля над расходами должностного лица. Процедура контроля над расходами заключается в определении соответствия или несоответствия расходов должностного лица, а также его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по сделкам, совершенным ими в течение календарного года, предшествующего году представления сведений, общему доходу этого лица и его супруги (супруга) за три

предшествующих года, и установлении законности источников средств, за счет которых совершены такие сделки.

Порядок осуществления контроля над расходами должностных лиц закреплен Законом № 230-ФЗ, а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, принятыми в целях реализации данного закона.

К сделкам, расходы по которым подлежат контролю, в соответствии с частью 1 статьи 3 Закона № 230-ФЗ относятся сделки по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций). В связи с вступлением в силу Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [13] в указанный перечень включены также сделки по приобретению цифровых финансовых активов и цифровой валюты.

В случае если у лица, уполномоченного законом, возникает уверенность в достаточности информационной составляющей о том, что расходы (самого служащего, его супруга (супруги) или же ребенка, не достигшего на 31 января отчетного периода совершеннолетия) превышают в сумме трехлетний совокупный доход, должно быть принято решение об осуществлении контроля над расходами.

Непосредственно действия по контролю над расходами осуществляют государственные органы (их подразделения или должностные лица, ответственные за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений) в отношении должностных лиц, замещающих определенные законом должности, а также органы прокуратуры — в отношении лиц, замещавших такие должности, но прекративших свои полномочия или уволенных со службы. Спектр полномочий органов прокуратуры в данной сфере достаточно широк и объемен и затрагивает, конечно, не только уволенных, но и действующих должностных лиц.

В соответствии с нормами Закона № 230-ФЗ уполномоченные должностные лица в процессе осуществления контроля над расходами могут самостоятельно направлять запросы в органы прокуратуры, иные государственные органы и их подразделения, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации о предоставлении имеющейся у перечисленных субъектов информации о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера лица, в отношении которого осуществляется контроль над расходами, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, а также об источниках получения расходоуемых средств.

Хотя может возникнуть уверенность, что круг полномочий достаточно широк для контрольных мероприятий, на самом деле далеко не всегда в действительности возможно в точности установить все факты, которые исчерпывающе свидетельствуют о доказанности законности характера тех средств, при помощи которых совершены сделки.

Прежде всего это связано с тем, что при расхождении суммы произведенных по сделке расходов с доходами лиц, в отношении которых осуществляется контроль над расходами, последние зачастую ссылаются на получение недостающей части денежных средств от родственников и иных лиц. При этом передаются, как правило, крупные суммы денег в наличной форме и документально такая передача никак не оформляется. Для подтверждения этого факта необходимо установить материальное положение лица, предоставившего в распоряжение денежные средства и, соответственно, его реальные финансовые возможности для подобных действий.

Помимо этого, свидетельствовать о коррупционном интересе здесь могут также и отношения, при которых

какое-то лицо или группа лиц помогают служащему приобрести имущество, дают (занимают) денежные средства, финансово поддерживают его или же членов его семьи. На практике встречаются случаи, например, когда такую поддержку осуществляет бизнесмен, у которого с государственным служащим есть общий ребенок или же романтическая связь. Здесь вполне обоснована постановка вопроса о конфликте интересов. Много примеров и дружеских отношений, которые завершались возбуждением уголовного дела и привлечением к уголовной ответственности, когда интересы из личных переходили в профессиональные. Это говорит об эффективности проверок расходов должностных лиц и перспективности такого процесса.

Вместе с тем уполномоченные подразделения государственных органов или уполномоченные должностные лица в рамках осуществления контроля над расходами вправе направлять соответствующие запросы о предоставлении сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера только в отношении самого проверяемого должностного лица, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. В связи с этим определение финансовых возможностей иных лиц в целях установления законности источников средств, за счет которых проверяемым должностным лицом и членами его семьи совершены расходы по сделкам, на практике весьма затруднительно.

Ситуация осложняется отсутствием нормативно установленных требований к содержанию и форме подтверждающих источники денежных средств материалов и документов, на которые имущество и приобреталось. Ни в одном нормативном правовом акте не закреплены критерии, по которым уполномоченные подразделения или должностные лица, осуществляющие контроль над расходами, должны оценивать представленные подконтрольным лицом документы и иные сведения в качестве подтверждения законного характера источника денежных средств. Отсутствие законодательной регламентации данного вопроса приводит к неопределенности в правоприменительной практике.

Согласно разъяснениям высших органов судебной власти в России, изложенным в Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2017 г. [14], и Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 26-П [15], суд может принимать любые допустимые Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации доказательства, представленные как государственным (муниципальным) служащим, так и его супругой (супругом) и, с особенностями, установленными данным кодексом, несовершеннолетними детьми в подтверждение законного происхождения средств, позволивших приобрести соответствующее имущество, которые подлежат оценке судом по его внутреннему убеждению с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ. Вместе с тем следует отметить, что подобная формулировка оставляет широкую свободу для судейского усмотрения, что является одним из коррупциогенных факторов в российской системе правосудия.

Также в названном выше постановлении Конституционного Суда РФ отмечено, что при рассмотрении дел данной категории предполагается необходимость учета всего объема законных доходов, которые были получены должностным лицом и могли быть использованы для приобретения соответствующего имущества, в том числе законных

доходов, не отраженных в представленных государственным (муниципальным) служащим сведениях о доходах.

Вместе с тем при декларировании расходов подлежат учету объем законных доходов, полученных за три года, предшествующих отчетному периоду. При этом, исходя из разъяснений Минтруда России [14], доход за отчетный год может также являться источником получения средств, за счет которых приобретено имущество.

В то же время при рассмотрении дел об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, суды действуют неоднозначно, учитывая в одних случаях доходы, полученные только за отчетный год и три, предшествующих ему [16], а в других случаях принимая во внимание доходы от трудовой деятельности и в более ранние периоды. Так, судебная коллегия по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда в ходе рассмотрения в апелляционном порядке гражданского дела по иску Прокурора Санкт-Петербурга, действующего в интересах Российской Федерации, к М. Г. об обращении в доход Российской Федерации денежной суммы посчитала верным учет доходов ответчика, полученных им не только за три года, предшествующих году совершения сделки, но в течение так называемого юридически значимого периода, а именно за предыдущие 11 лет трудовой деятельности (с 2004 по 2015 г.) [17].

Сложившаяся в судебной практике ситуация свидетельствует об отсутствии правовой определенности при осуществлении процедуры контроля над расходами и дальнейшем применении механизма обращения в доход государства имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или эквивалентной его стоимости денежной суммы.

Еще одним проблемным аспектом на практике является то, что законодателем не установлено, какие виды трат необходимо учитывать в числе расходов лица при определении всего объема его законных доходов в рамках осуществления контроля над расходами.

В Обзоре судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 30 июня 2017 г., дополнительно разъяснено, что действующее законодательство не предусматривает возможности учета в числе расходов лица, в отношении которого осуществляется контроль над расходами, и членов его семьи прожиточного минимума, затрат на оплату коммунальных услуг, алиментных выплат и других, не относящихся к расходам на приобретение имущества.

На наш взгляд, данный законодательный пробел порождает проблемы в правоприменительной практике и ставит под сомнение объективность результатов процедуры контроля над расходами и, соответственно, правомерность последующего обращения спорного имущества или эквивалентной его стоимости денежной суммы в доход государства.

Представляется некорректным учет всего объема доходов, полученных должностным лицом и членами его семьи, поскольку в реальности каждый человек ежемесячно тратит определенную сумму денежных средств на первостепенные нужды, связанные с оплатой товаров первой необходимости, продуктов питания, лечения, коммунальных услуг и т. д. Таким образом, ситуация, при которой начисленная за год сумма заработной платы в полном размере была использована лицом для осуществления расходов по сделке по приобретению спорного имущества, становится объективно невозможной.

Выглядит действительно нелепой ситуация, при которой служащий при проверке поясняет, что заработанные за три года три миллиона рублей ушли на оплату, например, квартиры. Получается, что три года семья жила, не используя ни рубля из заработной платы обоих супругов, но при этом оплачивала коммунальные расходы, лечение, обучение детей, оплачивала кредиты, приобретала с зарплатных карт товары в магазинах и т. д. Это, безусловно, свидетельствует как минимум о недобросовестности лица, как максимум — о коррупционных источниках дохода.

На практике при осуществлении контроля над расходами органы прокуратуры придерживаются позиции о необходимости учета фактически полученного должностным лицом и членами его семьи дохода, за вычетом исчисленных сумм подоходного налога (за исключением видов доходов, не облагаемых налогом).

В связи с изложенными выше обстоятельствами представляется необходимым восполнить обозначенный законодательный пробел в правовом регулировании процедуры контроля над расходами, закрепив перечень ежемесячных расходов, подлежащих учету при определении суммы совокупного дохода должностного лица и его супруги (супруга) для установления соответствия с расходами, произведенными по сделке (сделкам).

Целесообразным видится, в частности, учет для данных целей величины прожиточного минимума на душу населения. В соответствии с действующим законодательством прожиточным минимумом — это минимальная необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина [18]. По сути данная величина представляет собой минимальный объем необходимых расходов гражданина, которые он производит в месяц для обеспечения своей жизнедеятельности. В связи с этим предполагается, что при осуществлении контроля над расходами денежные средства в сумме, равной величине прожиточного минимума, должны в обязательном порядке учитываться в числе ежемесячных расходов должностного лица и членов его семьи и исключаться из общего объема их доходов.

При этом для достижения наиболее объективных результатов контроля над расходами при учете указанной категории расходов предлагается использовать величину прожиточного минимума, установленную в конкретном регионе, где работают и проживают само лицо и его семья.

Кроме того, следует принимать во внимание социально-демографическую группу населения, к которой относится должностное лицо и члены его семьи, поскольку величина прожиточного минимума устанавливается отдельно для трудоспособного населения, пенсионеров и детей, а также учитывать количество членов семьи, которые находятся на иждивении указанного лица.

Установление подобных критериев для определения всего объема законных доходов лица, в отношении которого осуществляется контроль над расходами, на законодательном уровне позволит повысить объективность и точность результатов такого контроля, что, в свою очередь, способствует эффективной реализации механизма гражданско-правовой ответственности должностного лица посредством обращения в доход государства спорного имущества.

Однако могут возникнуть и проблемы: например, когда сам служащий проживает в одном регионе (например, в Москве), а его супруга и несовершеннолетние дети в другом (например, в Волгоградской области) — величина прожиточного минимума тут будет колоссально отличаться. Так, прожиточный минимум в Волгоградской области в 2021 г. для служащего и его супруга (супруги) составляет 12 702 руб., для их несовершеннолетних детей —

11 303 руб., тогда как в Москве аналогичные суммы — 20 589 руб. и 15 582 руб. соответственно. Этот аспект обязательно следует учитывать как возможное осложнение.

Как уже было указано ранее, обращение в доход государства имущества, в отношении которого должностным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, или денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества, если его обращение в доход государства невозможно, осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

Несмотря на то, что основанием для запуска данного механизма является комплекс публично-правовых процедур, при подаче соответствующего заявления прокурором суду предстоит разрешить спор о праве на имущество должностного лица, его супруги (супруга) или несовершеннолетнего ребенка, поэтому такое производство по сути является исковым и осуществляется в соответствии с нормами гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Кроме того, в качестве одного из оснований принудительного изъятия имущества у собственника в статье 235 Гражданского кодекса Российской Федерации указано обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы.

По нашему мнению, при детальном изучении данный механизм можно рассматривать в качестве способа возмещения вреда, причиненного публично-правовым субъектам должностными лицами государственных и муниципальных органов власти в результате совершения последними коррупционных правонарушений.

Одним из условий наступления гражданско-правовой ответственности является причинение вреда какому-либо определенному субъективному праву или законному интересу. Для обозначения такого «права» относительно публично-правовых субъектов, на наш взгляд, наиболее корректно использовать термин «легитимность». В том случае, если органы государственной власти не обладают достаточным уровнем легитимности в глазах граждан, исполнение возложенных на них функций становится затруднительным, поскольку взаимодействие с общественностью является одним из важных факторов эффективного государственного управления и осуществления тех публично-правовых задач Российской Федерации.

В том случае, когда должностное лицо органа государственной власти не может предоставить сведения, подтверждающие законность источника получения средств, за счет которых приобретено имущество, создается впечатление о неправомерном характере получения денежных средств и спорного имущества; таким образом, причиняется вред легитимности публично-правовых субъектов, представителем которых выступает данное должностное лицо. Причем сегодня этот контроль значительно упрощен, поскольку все платежи прозрачны, большинство из них осуществляется при использовании банковских карт, все движения по которым в полном объеме доступны государству, например налоговым органам, отражаются в личном кабинете и проверяются достаточно просто.

Немаловажными также являются соображения, связанные со знаниями государственных служащих по вопросам антикоррупционного характера. Для профилактики коррупционных правонарушений на государственной гражданской службе проводятся тематические семинары, лекции, организовывается тестирование с целью правового просвещения и повышения уровня юридической грамотности государственных гражданских служащих в вопросах противодействия коррупции. Однако (в условиях цифровизации всех сфер жизни общества) более целесообразно использование современных

информационных технологий, которые могут значительно упростить развитие данного направления деятельности. Например, информационно-аналитическая система, разрабатываемая в рамках гранта РФФИ «Формирование антикоррупционной среды в органе государственной и муниципальной власти путем внедрения информационно-аналитической системы „Методика и тактика противодействия коррупции для государственных и муниципальных служащих“».

Данная система разработана для информационной поддержки процесса приобретения знаний и совершенствования навыков по противодействию коррупции [19—21]. Внедрение в деятельность подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений этого программного продукта позволит развить профилактическое направление в предупреждении коррупции — антикоррупционное образование. В рассматриваемой системе обеспечивается комплексный подход к решению задач антикоррупционного образования, поэтапный контроль выполнения мероприятий, оценка итогов их результативности, анализ антикоррупционной среды и прогнозирование ее развития [22, 23].

Выводы и заключения

1. Основным способом привлечения должностных лиц к гражданско-правовой ответственности за совершение

коррупционных правонарушений в настоящее время является обращение в доход государства имущества, в отношении которого не представлено доказательств его приобретения на законные доходы, либо денежной суммы, эквивалентной стоимости такого имущества.

2. Несмотря на достаточно подробную регламентацию процедуры контроля над соответствием расходов должностных лиц их доходам, результаты которой являются основанием для инициирования вышеуказанного механизма, необходимо внести ряд изменений в действующее законодательство для устранения имеющихся правовых пробелов.

3. Кроме того, на современном этапе следует внедрять в российскую правовую систему юридические механизмы, при помощи которых получить компенсацию смогут потерпевшие от коррупционных действий должностных лиц граждане и юридические лица. В настоящее время предусмотрена возможность такого рода возмещения вреда лишь в пользу государства, что, на наш взгляд, не отвечает принципам правового государства и антикоррупционной политики в целом.

4. В целях развития антикоррупционного образования целесообразно внедрять в деятельность подразделений по противодействию коррупционных и иных правонарушений современные информационные системы, которые позволят развить профилактическое направление в предупреждении коррупции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Некоторые проблемы предоставления сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственными гражданскими служащими и пути их решения // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3(48). С. 249—254.
2. Баранова А. В. Правовые основы предоставления сведений о доходах, имуществе и имущественных обязательствах государственного служащего // Электрон. вестник Ростов. соц.-экон. ин-та. 2015. № 3-4. С. 429—435.
3. Горшенков Г. Н. Политика противодействия коррупции // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2014. № 2(27). URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/227/yekonomicheskie-nauki/politika-protivodeistvija-korruptcii.html>.
4. Номоконов М. В., Русанова А. А. Бытовая коррупция в ракурсе социологического анализа: региональный аспект // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2014. № 2(27). URL: <http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/227/article-227-889.pdf>.
5. Телкова Е. А., Чумак Г. В. Мероприятия по выявлению корпоративного мошенничества как угрозы экономической безопасности хозяйствующего субъекта // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3(44). С. 249—253. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.305. URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/344/yekonomicheskie-nauki/meroprijatija-po-vyjavleniyu-korporativn.html>.
6. Завгородняя Л. В., Сараджишвили В. М., Зайцева Ю. Ю. Административная ответственность государственных гражданских служащих за коррупционные правонарушения // Молодой ученый. 2018. № 52(238). С. 192—194. URL: <https://moluch.ru/archive/238/55240>.
7. Литовка А. Б. Совершенствование механизма выявления и разрешения конфликта интересов на государственной и муниципальной службе России // Власть и управление на Востоке России. 2017. № 4(81). С. 209—215.
8. Чернышева Л. А. Антикоррупционная экспертиза нормативно правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 6. С. 50—53.
9. Черепанова Е. В. О некоторых вопросах правового регулирования представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 146—153.
10. Цирин А. М., Севальнев В. В. Порядок осуществления контроля за расходами отдельных категорий лиц: проблемы и пути решения // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 152—161.
11. О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.
12. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам : федер. закон от 3 дек. 2012 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2012. 5 дек. (№ 280).
13. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5018.
14. По применению Федерального закона от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и иных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции : разъяснения Минтруда России от 17 июля 2013 г. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/employment/25>.
15. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан : постановление Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 1.
16. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

17. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.01.2019 г. № 33-878/2019 по делу № 2-1083/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
18. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : федер. закон от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
19. Anti-corruption education of public officers using digital technologies / O. A. Astafurova, A. S. Borisova, E. V. Golomanchuk, T. A. Omelchenko // *International Journal of Information and Education Technology*. 2020. Vol. 10. No. 2. Pp. 90—94. DOI: 10.18178/ijiet.2020.10.2.1345.
20. Use of modern information technologies for countering corruption in the executive authorities / O. A. Astafurova, A. S. Borisova, E. V. Golomanchuk, T. Y. Yagotintseva // *International Journal of Information and Education Technology*. 2020. Vol. 10. No. 3. Pp. 209—214. DOI: 10.18178/ijiet.2020.10.3.1365.
21. Астафурова О. А., Борисова А. С., Омельченко Т. А. Концептуальная модель практико-ориентированной информационно-аналитической системы противодействия коррупции // *Бизнес. Образование. Право*. 2019. № 3(48). С. 238—243. DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.348.
22. Analysis of knowledge assessment results of civil servants regarding anti-corruption issues / O. Astafurova, A. Golomanchuk, T. Omelchenko, A. Borisova, J. Kayushnikova // *Law and the Information Society: Digital Approach (LISID-2020) : SHS Web Conf. International Scientific and Practical Conference*. 2021. Vol. 109. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/20/shsconf_lisid2021_01006/shsconf_lisid2021_01006.html.
23. Astafurova O., Golomanchuk A. Data and factors analysis of anti-corruption environment components of Russian public authorities // *Law and the Information Society: Digital Approach (LISID-2020) : SHS Web Conf. International Scientific and Practical Conference*. 2021. Vol. 109. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2021/20/shsconf_lisid2021_01007/shsconf_lisid2021_01007.html.

REFERENCES

1. Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Yu., Astafurova O. A. Some problems of providing information on income, expenditure, property and property obligations by the state civil officers and the ways of their settlement. *Business. Education. Law*, 2019, no. 3(48), pp. 249—254. (In Russ.)
2. Baranova A. V. Legal basis for providing information on income, property and property obligations of a public servant. *Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, 2015, no. 3-4, pp. 429—435. (In Russ.)
3. Gorshenkov G. N. Policy of the corruption counteraction. *Business. Education. Law*, 2014, no. 2(27). (In Russ.) URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/227/yekonomicheskie-nauki/politika-protivodeistviya-korruptcii.html>.
4. Nomokonov M. V., Rusanova A. A. Everyday corruption from the perspective of sociological analysis: regional aspect. *Business. Education. Law*, 2014, no. 2(27). (In Russ.) URL: <http://vestnik.volbi.ru/upload/numbers/227/article-227-889.pdf>.
5. Telkova E. A., Chumak G. V. Measures for identifying corporate fraud as a threat to the company's economic security. *Business. Education. Law*, 2018, no. 3(44), pp. 249—253. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.305. URL: <http://vestnik.volbi.ru/webarchive/344/yekonomicheskie-nauki/meroprijatija-po-vyjavleniyu-korporativn.html>.
6. Zavgorodnaya L. V., Saradzhishvili V. M., Zaitseva Yu. Yu. Administrative responsibility of state civil servants for corruption offenses. *Young scientist*, 2018, no. 52(238), pp. 192—194. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/238/55240>.
7. Litovka A. B. Improving the mechanism for identifying and resolving conflicts of interest in the state and municipal service of Russia. *Power and Administration in the East of Russia*, 2017, no. 4(81), pp. 209—215. (In Russ.)
8. Chernysheva L. A. Anti-corruption evaluation of laws and regulations of constituent entities of the Russian Federation and local self-government authorities: theoretical and practical issues. *State Power and Local Self-government*, 2017, no. 6, pp. 50—53. (In Russ.)
9. Cherepanova E. V. On some issues of legal regulation on submission of information on income, expenditures, assets and liabilities. *Journal of Russian Law*, 2018, no. 3, pp. 146—153. (In Russ.)
10. Tsirin A. M., Sevalnev V. V. The procedure for monitoring the expenses of certain categories of persons: problems and solutions. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 152—161. (In Russ.)
11. On Combating Corruption. Federal Law of Dec. 25, 2008 No. 273-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2008, no. 52, art. 6228. (In Russ.)
12. On control over the conformity of the expenses of persons holding public office and other persons to their income. Federal Law of Dec. 3, 2012 No. 230-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*, 2012, no. 280. (In Russ.)
13. On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 31 (part I), art. 5018. (In Russ.)
14. On the application of the Federal Law of Dec. 3, 2012 No. 230-FZ “On control over the compliance of expenses of persons holding public office and other persons with their income” and other regulatory legal acts in the field of anti-corruption. *Explanations of the Ministry of Labor of Russia of July 17, 2013*. (In Russ.) URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/employment/25>.
15. On the case of checking the constitutionality of subparagraph 8 of paragraph 2 of article 235 of the Civil Code of the Russian Federation and article 17 of the Federal Law “On control over the conformity of the expenses of persons holding public office and other persons to their income” in connection with a request of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.11.2016, No. 26-P. *Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation*, 2017, no. 1. (In Russ.)
16. On the State Civil Service of the Russian Federation. Federal Law of 27.07.2004 No. 79-FZ. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 31, art. 3215. (In Russ.)
17. Appeal decision of the St. Petersburg City Court from 15.01.2019 No. 33-878/2019 in case No. 2-1083/2018. *RLS “ConsultantPlus”*. (In Russ.)
18. On the subsistence minimum in the Russian Federation. Federal Law of 24.10.1997 No. 134-FZ (ed. from 29.12.2020). *RLS “ConsultantPlus”*. (In Russ.)
19. Astafurova O. A., Borisova A. S., Golomanchuk E. V., Omelchenko T. A. Anti-corruption education of public officers using digital technologies. *International Journal of Information and Education Technology*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 90—94. DOI: 10.18178/ijiet.2020.10.2.1345.
20. Astafurova O. A., Borisova A. S., Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Y. Use of modern information technologies for countering corruption in the executive authorities. *International Journal of Information and Education Technology*, 2020, vol. 10, no. 3, pp. 209—214. DOI: 10.18178/ijiet.2020.10.3.1365.
21. Astafurova O. A., Borisova A. S., Omelchenko T. A. Conceptual practical-oriented information and analytical anti-corruption system. *Business. Education. Law*, 2019, no. 3(48), pp. 238—243. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2019.48.348.

22. Astafurova O., Golomanchuk A., Omelchenko T., Borisova A., Kayushnikova J. Analysis of knowledge assessment results of civil servants regarding anti-corruption issues. In: *SHS Web Conf. International Scientific and Practical Conference "Law and the Information Society: Digital Approach" (LISID-2020)*, 2021. Vol. 109. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110901006>.

23. Astafurova O., Golomanchuk A. Data and factors analysis of anti-corruption environment components of Russian public authorities. In: *SHS Web Conf. International Scientific and Practical Conference "Law and the Information Society: Digital Approach" (LISID-2020)*, 2021. Vol. 109. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110901007>.

Как цитировать статью: Голоманчук Э. В., Яготинцева Т. Ю., Астафурова О. А. Отдельные проблемы правового регулирования процесса осуществления контроля над расходами должностных лиц в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 243—250. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.361.

For citation: Golomanchuk E. V., Yagotintseva T. Yu., Astafurova O. A. Certain problems of legal regulation of the process of controlling expenses of officials in the Russian Federation. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 243—250. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.361.

УДК 796.343.23
ББК 74.67

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.345

Demyanova Lyudmila Mikhaylovna,
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Physical Training,
Sport and Healthcare Technologies,
Don State Technical University,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: lyudmila-d2@yandex.ru

Демьянова Людмила Михайловна,
канд. мед. наук, доцент,
заведующий кафедрой физической культуры
и спортивно-оздоровительных технологий,
Донской государственной технической университет,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: lyudmila-d2@yandex.ru

Dyakonova Nadezhda Andreevna,
Senior Lecturer of the Department of Physical Culture,
Southern Federal University,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: nakonova@sfedu.ru

Дьяконова Надежда Андреевна,
старший преподаватель кафедры физической культуры,
Южный федеральный университет,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: nakonova@sfedu.ru

Kovtunenکو Aleksandr Vladimirovich,
Senior Lecturer of the Department of Physical Culture,
Southern Federal University,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: avkovtunenکو@sfedu.ru

Ковтуненко Александр Владимирович,
старший преподаватель кафедры физической культуры,
Южный федеральный университет,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: avkovtunenکو@sfedu.ru

Zaytsev Vasily Vladimirovich,
Lecturer of the Department of Physical Training,
Rostov Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Russian Federation, Rostov-on-Don,
e-mail: lyudmila-d2@yandex.ru

Зайцев Василий Владимирович,
преподаватель кафедры физической подготовки,
Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: lyudmila-d2@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ СПОРТСМЕНАМ В ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

PROBLEMS OF LIABILITY FOR INJURY TO HEALTH OF ATHLETES IN THEIR PROFESSIONAL ACTIVITIES

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

В статье рассматриваются вопросы регламентации в российском уголовном законодательстве ответственности за причинение вреда здоровью человека при занятиях спортом. Авторы отмечают, что при причинении вреда здоровью человека при занятиях спортом виновных следует привлекать к уголовной ответственности в тех случаях, когда один из участников соревнований умышленно грубым образом нарушает установленные правила проведения спортивных состязаний. Изучены позиции, касающиеся привлечения к ответственности за причинение вреда здоровью человека при занятиях спортом, в таких странах, как Англия, Швейцария,

Франция и др.; выявлены и описаны существующие точки зрения отечественных ученых; разработан возможный вариант пути совершенствования действующего законодательства по рассматриваемому вопросу. Причинение вреда здоровью человека возможно в результате умышленного нарушения правил игры. На наш взгляд, в данном случае вопрос об уголовной ответственности виновного должен решаться в зависимости от характера наступивших последствий. Если результатом умышленного нарушения правил проведения соответствующих соревнований стало причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, то действия

виновного надлежит квалифицировать по ст. 115 и ст. 112 УК РФ. В случае же причинения потерпевшему тяжкого вреда здоровью ответственность должна наступать по ст. 118 УК РФ за неосторожное причинение данных последствий, так как отношение виновного к наступившим последствиям в данном случае характеризуется не умышленной, а неосторожной виной.

The article deals with the issues of regulation of liability for causing harm to human health during sports in the Russian criminal legislation. The author notes that when causing harm to human health while playing sports, the perpetrators should be brought to criminal liability in cases where one of the participants of the competition intentionally grossly violates the established rules of sports competitions. The authors studied the positions of such countries as Great Britain, Switzerland, France and others, identified and described the existing provisions of domestic scientists, and worked out a possible way to improve the current legislation on the issue under consideration. Causing harm to human health is possible as a result of a deliberate violation of the rules of the game. In our opinion, in this case the question of the criminal liability of the perpetrator must be resolved depending on the nature of the consequences that occurred. If the result of an intentional violation of the rules of the respective competitions was causing light or moderate injury to the health of the victim, the actions of the guilty should be qualified under Article 115 and Article 112 of the Criminal Code. In the case of infliction of serious harm to the victim's health, the liability should come under Article 118 of the Criminal Code for negligent infliction of these consequences, since the attitude of the perpetrator to the consequences in this case is characterized not by intentional, but negligent guilt.

Ключевые слова: причинение вреда здоровью, спорт, спортсмен, профессиональная деятельность, ответственность, зарубежный опыт, согласие потерпевшего, тренировки, спортивные соревнования, спортивные состязания.

Keywords: causing harm to health, sports, athlete, professional activity, liability, foreign experience, consent of the victim, training, sports competitions, sports contests.

Введение

Актуальность. Исследование вопроса о причинении вреда здоровью человека при занятиях спортом является актуальным, так как на практике при решении подобных дел возникают трудности с квалификацией содеянного. Указанный вред встречается и при занятиях физической культурой, однако, на наш взгляд, его квалификация в целом ряде случаев не так сложна, как при занятиях спортом, и может быть осуществлена в рамках действующих норм уголовного кодекса.

На проблему уголовно-правовой оценки причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом начали обращать внимание с середины 50-х гг. XX в. Однако эта проблема в уголовном праве по-настоящему стала предметом исследования лишь с начала 70-х — середины 80-х гг. прошлого столетия: в рамках диссертационных исследований Красикова А. Н. «Согласие потерпевшего как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность и наказуемость деяния по советскому уголовному праву» (1972) и Ившина В. Г. «Уголовно-правовые и криминологические проблемы охраны жизни и здоровья лиц, занимающихся физической культурой и спортом» (1987).

Цель исследования заключается в том, чтобы на основе анализа российского уголовного законодательства, совре-

менного зарубежного уголовного законодательства, а также результатов конкретно-социологических исследований определить комплекс уголовно-правовых мер по обеспечению охраны жизни или здоровья лиц, занимающихся спортом, и разработать предложения по совершенствованию законодательства, прежде всего уголовного, и практики его применения.

Для достижения сформулированной цели представляется необходимым решение следующих основных задач: 1) подвергнуть анализу аспекты уголовного законодательства нашего государства по вопросам квалификации причинения вреда жизни или здоровья при занятиях спортом; 2) подвергнуть анализу зарубежное уголовное законодательство по данной проблематике.

Научная новизна работы заключается в том, что осуществлено комплексное научное исследование, посвященное вопросам уголовно-правовой оценки причинения вреда жизни или здоровью при занятиях спортом.

Теоретическая и практическая значимость исследования определяется новыми предложениями по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, а также подкрепляется возможностью использования данных предложений в дальнейших научных изысканиях, направленных на оптимизацию охраны жизни и здоровья лиц, занимающихся спортом, уголовно-правовыми средствами.

Основная часть

Отметим, что подобные игры (соревнования) подразумевают взаимодействие, в том числе контактное, между его участниками, что могло привести к причинению им вреда различной степени. В связи с этим проблема координации деятельности участников и организаторов обретает особую актуальность. Права и обязанности способствуют защите участников и конкретизируют возможные варианты их поведения. Законодатель же устанавливает те санкции, которые могут последовать при нарушении установленных правил. Если с правами и обязанностями все более ли менее определено, то относительно ответственности ведутся оживленные споры среди отечественных и зарубежных авторов. На международном уровне за грубое нарушение правил спортсмен привлекается к дисциплинарной ответственности, но возможно ли достичь социальной справедливости посредством такого вида, если действия одного из участников привели к причинению вреда здоровью своему оппоненту или третьим лицам? Для поиска ответа на поставленный вопрос обратимся к рассмотрению зарубежного опыта.

Начнем исследование данного вопроса с рассмотрения практики Англии и Уэльса. Как известно, в отличие от нашей страны, Англия относится к англо-саксонской правовой семье, а значит, источником права выступает судебный прецедент. Тем не менее и там возникают острые споры по поводу того, где та грань допустимости причинения вреда в рамках соревновательного процесса. К примеру, судья по делу Bradshaw пояснил, что в тех случаях, когда действия лица полностью охватываются рамками правил игры, то у него не возникает противоправного мотива и (или) умысла на причинение смерти или вреда здоровью другому лицу [1]. Вместе с тем даже при соблюдении всех рекомендаций и требований не исключены факты травмирования спортсменов своими оппонентами в игровом процессе. Для таких случаев в уголовном праве Англии практикуется такое основание освобождения от уголовной ответственности, как согласие потерпевшего [2]. Его смысл применительно к спортивной деятельности заключается в том, что, когда участник

выражает согласие на участие, он осознает и соглашается с тем, что ему может быть причинен вред другими участниками при соблюдении правил игры. Если же вред здоровью был причинен ввиду иных обстоятельств, то целесообразно рассмотрение такой ситуации уже с иной позиции.

Так, в деле *R v Billingham* (1978) был установлен принцип, согласно которому не охватывается негласным согласием участников соревнований тот вред, предвидеть который заранее не предоставлялось возможным [3], в соответствии с которым к уголовной ответственности по параграфу 20 Закона о преступлениях против личности 1861 г. был привлечен профессиональный футболист. После проведения матча у него произошел конфликт с другим спортсменом, который перерос в открытый конфликт с применением физической силы, в результате чего спортсмену был причинен вред в виде повреждения челюсти (дело *R v Kamara* (1988)) [3]. Уголовное законодательство Англии в зависимости от того, какой степени вред здоровью был причинен виновным, относит подобное поведение к:

- common assault (простому нападению);
- actual bodily harm (причинению действительного вреда здоровью);
- grievous bodily harm (причинению тяжкого вреда здоровью).

В 1993 г. Палатой Лордов при рассмотрении в последней инстанции дела *R v Brown* был сделан серьезный вклад в конкретизацию привлечения ответственности за причинение вреда здоровью спортсменам при проведении соревнований: существовавший ранее принцип дополнился следующим положением: «...никто не может выразить согласие на причинение тяжкого вреда здоровью» [4].

Дальнейший этап развития уголовной ответственности спортсменов при причинении ими вреда здоровью в Англии связан с появлением таких понятий, как «игровая культура» (playing culture) и «легитимный спорт» (legitimate sport). Для того чтобы определить границы «легитимного спорта», апелляционный суд по делу *R v Seu* ввел обязательные для анализа объективные критерии:

- конкретный вид спорта;
- охват проводимого соревнования (местный, региональный, федеральный и т. п.);
- отличительные признаки деяния;
- уровень силы, применяемый при совершении деяния;
- возможный риск причинения вреда здоровью, его характер;
- психическое состояние обвиняемого [5].

Ник Хокинс (главный прокурор Службы уголовного преследования) придерживался позиции, согласно которой нормы уголовного законодательства не прекращают своего действия даже после выхода игрока на игровое поле [6]. Практика же показывает, что как в Англии, так и в Уэльсе большинство случаев причинения вреда здоровью спортсмену остается за пределами уголовного законодательства ввиду активного применения согласия потерпевшего в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Но такой позиции придерживаются далеко не все страны. К примеру, в Японии при возникновении подобной ситуации виновник привлекается к уголовной ответственности по ст. 211 Уголовного кодекса, т. е. за непроявление должного уровня заботы во время реализации своей профессиональной деятельности, а равно и за грубое нарушение установленных для такой деятельности правил. Таким образом, наблюдается приравнивание спортивной деятельности к профессиональной

деятельности, т. е. причинение вреда на спортивных соревнованиях можно приравнивать, например, к совершению доктором врачебной ошибки, что вызывает неоднозначные мнения по таким решениям. К тому же «проявление должного уровня заботы» можно считать оценочным суждением, потому как чаще всего в законодательстве нет конкретизации того, какой уровень следует считать достаточным для того, чтобы охватывать понятие «должного» для всех возможных случаев его проявления.

В Швейцарии и Франции же в качестве ведущего основания освобождения от уголовной ответственности в подобных ситуациях выступает согласие потерпевшего на причинение ему вреда. Другими словами, если при причинении вреда виновный не вышел за пределы закона, то к ответственности он привлечен быть не может. Ненаказуем вред жизни и здоровью, причиненный во время спортивных игр, и в Сан-Марино (ст. 44 УК Сан-Марино) [7]. Такая позиция характерна для ведущих развитых стран, однако, на наш взгляд, она имеет односторонний характер: упрощая реализацию судебной практики по данному вопросу, она лишает возможности учета всех обстоятельств дела, необходимых для достижения социальной справедливости.

В отечественном научном сообществе сложилось несколько подходов к квалификации причинения вреда во время спортивных мероприятий:

- освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 41 УК РФ «Обоснованный риск» в тех случаях, когда лицо, его причинившее, действовало согласно установленным для данного вида спорта и соревнования правилам [8];
- привлечение к уголовной ответственности на общих основаниях лица, которое умышленно либо по неосторожности нарушило спортивные правила [9, 10];
- введение в уголовное законодательство новой нормы — «Нарушение правил спортивных соревнований» [11];
- дополнение ст. 109 и 118 УК РФ словами «а равно причинение смерти/тяжкого вреда здоровью (соответственно) по неосторожности вследствие грубого нарушения установленных правил видов спорта и положений (регламентов) о спортивных соревнованиях» [12].

Перейдем к анализу данных позиций. Отметим, что если остальные предложения являются весьма дискуссионными, то относительно первого ученое сообщество практически солидарно, но стоит ли считать это признаком абсолютной его верности?

Статья 41 УК РФ гласит: «Не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам». Обратим внимание на два аспекта: «достижение общественно полезной цели», «если указанная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием)».

Изучение судебной практики и научной литературы по освобождению от уголовной ответственности в рамках обоснованного риска позволило выделить несколько общественно полезных целей:

- пресечение нарушений правил дорожного движения и совершения административных правонарушений;
- получение лекарственных средств;
- испытание новой техники;

- улучшение производственных показателей;
- иные направления сохранения жизни и здоровья, в том числе посредством научных и иных достижений.

Отсюда возникает вопрос о целесообразности включения победы на соревнованиях к тем целям, которые принято считать общественно полезными, а также соотносении такой победы с причинением вреда здоровью другому человеку.

Большую роль при установлении вины лица в причинении вреда другому лицу играет установление умысла. К примеру, в средствах массовой информации до сих пор остается открытым вопрос о том, был ли умысел на причинение вреда здоровью голкиперу футбольного клуба «Ростов» Деяну Радичу нападающим футбольного клуба «Терек» Зауром Садаевым во время матча шестого тура Российской футбольной премьер-лиги. Так, редакцией «Комсомольской правды» при описании данного события делается акцент на том, что травма (травма почти при отсутствии нарушений кожных покровов) Деяном Радичем была получена в результате столкновения, т. е. в игровой момент [13]. В статье под названием «Столкновение Радича и Садаева — рубрика „Ножом по сердцу“», размещенной на интернет-портале «Евро-Футбол.Ру», при рассмотрении произошедшего акцентируется внимание на том, что «если внимательно посмотреть на эпизод в многочисленных повторах, то можно заметить, как Садаев за мгновение до столкновения с вратарем поднял голову в сторону ворот „Ростова“ и увидел то, что Радич находится в позе изгойки. У игрока „Терека“ не было никаких шансов оказаться на мяче первым» [14]. То есть автор ведет рассуждения к тому, что Садаев осознавал, что своими действиями может причинить вред здоровью оппоненту.

В итоге Деяну Радичу были вынуждены удалить почку, в то время как Заур Садаев получил лишь желтую карточку как меру дисциплинарной ответственности. В рамках рассмотрения данного примера снова возникает вопрос о сопоставимости возможной цели, к которой стремился Садаев, и наступивших неблагоприятных последствий, выразившихся во вреде здоровью, причиненному Радичу, а также о целесообразности применения исключительно мер дисциплинарной ответственности к нарушителю.

На наш взгляд, подобная позиция выступает весьма спорной, а опыт зарубежных стран показывает, что в таких случаях имеет место применение такого основания освобождения от уголовной ответственности, как согласие потерпевшего. Однако следует соблюсти некоторые условия:

- данное основание не должно охватывать случаи причинения смерти или тяжкого вреда здоровью (но может учитываться как смягчающее основание — превышение пределов при наличии согласия потерпевшего);
- конкретизация этого основания исключительно на тренировочный и непосредственно соревновательный процессы;

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Herring J. Criminal law. 7th ed. Palgrave Macmillan Law Masters, 2011. 150 p.
2. Gardiner S. Sports participation and criminal liability // Sport & Law Journal. 2007. Vol. 15. Iss. 1. Pp. 18—24.
3. Pendlebury A. Perceptions of Playing culture in sport: the problem of diverse opinion in the light of Barnes // Entertainment and Sport Law Journal. 2006. Vol. 4. No. 2.
4. Fafinski S. Consent and the rules of the game: the interplay of civil and criminal liability for sporting injuries // The Journal of Criminal Law. 2005. Vol. 69. No. 5. Pp. 410—418.
5. Anderson J. Cities, Altius, Fortius? A study of criminal violence in sport // Marquette Sports Law Review. 2000. Vol. 11. Iss. 1. Pp. 95—101.
6. Hawkins N. Crossing the line — when sport becomes a crime : speech by Chief Crown Prosecutor for CPS Wessex, to the University of Portsmouth on 28 March 2012.
7. Соколовский Г. Ю. Причинение вреда жизни и здоровью в ходе спортивных соревнований по уголовному законодательству зарубежных стран // Царскосельские чтения. 2015. № 1. С. 220—228.

– возможность его применения только тогда, когда спортсмен действовал в рамках, установленных для данного вида спорта и уровня соревнований, правил (к примеру, основываясь на том, что «хоккей с шайбой является чрезвычайно травматичным видом спорта...»). Согласно сложившейся многолетней международной хоккейной практике, все события, происходящие на льду во время игры, оцениваются и квалифицируются в рамках действующих Правил игры в хоккей. Все нарушения правил, в том числе связанные с нанесением травмы, влекут за собой исключительно спортивно-дисциплинарные наказания. Так, например, было принято решение об отсутствии признаков состава преступления в действиях не установленного лица, причинившего вред здоровью другому лицу во время спортивного хоккейного матча на ледовой арене спорта «Юность» г. Челябинска [15].

Для тех случаев, когда лицом причиняется вред здоровью третьим лицам ввиду нарушения им установленных правил, мы считаем, что оптимальным вариантом выступает привлечение его к уголовной ответственности на общих основаниях, определив умысел виновного и наступившие по его вине общественно опасные последствия.

Заключение

Таким образом, вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, причинивших вред здоровью другим участникам тренировочного или соревновательного процесса, как в России, так и на международном уровне требуют дальнейшего осмысления.

Проведенное исследование позволяет сформулировать основной вывод, что полная декриминализация причинения вреда в ходе тренировочного и соревновательного процессов и, соответственно, применение исключительно дисциплинарных мер воздействия не может обеспечить соблюдение принципов социальной справедливости, обеспечения законности, равноправия всех перед законом.

Предлагаем в главу 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния», внести дополнения, связанные с «согласием спортсмена на причинение ему вреда при проведении тренировочных и спортивных мероприятий», указав, что обстоятельство распространяется лишь на случаи, когда отсутствовал факт нарушения правил спортивного состязания конкретного вида виновным и данные действия не привлекли к причинению смерти или тяжкого вреда здоровью. Реализовать принцип согласия спортсмена, т. е., давая согласие, спортсмен осознает возможность возникновения такой ситуации, при которой ему может быть причинен вред, но одновременно с этим он знает, что, овладев всем комплексом спортивно-технических приемов, он может минимизировать этот вред.

8. Соколовский Г. Ю. Проблемы квалификации преступлений против жизни и здоровья при занятиях спортом // Вестник Орловского гос. ун-та. 2015. № 4(45). С. 400—403.
9. Сковцов А. А. Причинение вреда жизни и здоровью при занятиях спортом: проблемы уголовно-правовой квалификации : моногр. М. : Волтерс Клувер, 2016. 120 с.
10. Сараев В. В. Уголовно-правовая защита современного профессионального спорта в России : учеб. пособие. Омск : Изд-во Омской акад. МВД России, 2017. 252 с.
11. Апелляционное постановление № 22-3227/2015 от 24.09.2015 г. по делу № 22-3227/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LPdvthEGBR5W>.
12. Бабурин В. В. Правомерное причинение вреда при рискованном поведении, направленном на достижение общественно полезной цели: проблемы определения обоснованности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 1(36). С. 5—12.
13. Вратарю «Ростова» Деяну Радичу удалили почку. URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/25674/834746>.
14. Столкновение Радича и Садаева — рубрика «Ножом по сердцу». URL: https://www.euro-football.ru/article/29/785878_stolknovenie_radicha_i_sadaeva_rubrika_nojom_po_serdcu.
15. Трунов И. Казус Майка Тайсона. Подлежат ли уголовной ответственности современные гладиаторы, наносящие вред жизни или здоровью. URL: <https://www.trunov.com/doc/kmt.pdf>.

REFERENCES

1. Herring J. *Criminal law*. 7th ed. Palgrave Macmillan Law Masters, 2011. 150 p.
2. Gardiner S. Sports participation and criminal liability. *Sport & Law Journal*, 2007, vol. 15, iss. 1, pp. 18—24.
3. Pendlebury A. Perceptions of Playing culture in sport: the problem of diverse opinion in the light of Barnes. *Entertainment and Sport Law Journal*, 2006, vol. 4, no. 2.
4. Fafinski S. Consent and the rules of the game: the interplay of civil and criminal liability for sporting injuries. *The Journal of Criminal Law*, 2005, vol. 69, no. 5, pp. 410—418.
5. Anderson J. Cities, Altius, Fortius? A study of criminal violence in sport. *Marquette Sports Law Review*, 2000, vol. 11, iss. 1, pp. 95—101.
6. Hawkins N. *Crossing the line — when sport becomes a crime*. Speech by Chief Crown Prosecutor for CPS Wessex, to the University of Portsmouth on 28 March 2012.
7. Sokolovsky G. Yu. Causing harm to life and health during sports competitions under the criminal legislation of foreign countries. *Tsarskoye Selo readings*, 2015, no. 1, pp. 220—228. (In Russ.)
8. Sokolovsky G. Yu. Problems of qualification of crimes against life and health in sports. *Vestnik of Orel State University*, 2015, no. 4(45), pp. 400—403. (In Russ.)
9. Skvortsov A. A. *Causing harm to life and health in sports: problems of criminal law qualification*. Monograph. Moscow, Volters Kluver, 2016. 120 p. (In Russ.)
10. Saraev V. V. *Criminal and legal protection of modern professional sports in Russia*. Textbook. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia publ., 2017. 252 p. (In Russ.)
11. *Appeal resolution No. 22-3227/2015 of 24.09.2015 in case No. 22-3227/2015*. (In Russ.) URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LPdvthEGBR5W>.
12. Baburin V. V. Lawful infliction of harm in risky behavior aimed at achieving a community-valuable goal: problems of determining the validity. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia*, 2010, no. 1(36), pp. 11—17. (In Russ.)
13. *The goalkeeper of “Rostov” Deyan Radich has a kidney removed*. (In Russ.) URL: <https://www.rostov.kp.ru/daily/25674/834746>.
14. *Clash of Radich and Sadaev — section “Knife to the heart”*. (In Russ.) URL: https://www.euro-football.ru/article/29/785878_stolknovenie_radicha_i_sadaeva_rubrika_nojom_po_serdcu.
15. Trunov I. *Case of Mike Tyson. Whether modern gladiators who cause harm to life or health are subject to criminal liability*. (In Russ.) URL: <https://www.trunov.com/doc/kmt.pdf>.

Как цитировать статью: Демьянова Л. М., Дьяконова Н. А., Ковтуненко А. В., Зайцев В. В. Проблемы привлечения к ответственности за причинение вреда здоровью спортсменам в их профессиональной деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 250—254. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.345.

For citation: Demyanova L. M., Dyakonova N. A., Kovtunencko A. V., Zaytsev V. V. Problems of liability for injury to health of athletes in their professional activities. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 250—254. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.345.

УДК 349.235
ББК 67.405

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.352

Strelnikov Igor Anatolevich,
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication,
Khabarovsk State University of Economics and Law,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: jpreigion@gmail.com

Стрельников Игорь Анатольевич,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации,
Хабаровский государственный университет экономики и права,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: jpreigion@gmail.com

Minakova Eva Viktorovna,
Student of the Faculty of International
Economic Relations,
Khabarovsk State University of Economics and Law,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: evaminakova@bk.ru

Минакова Ева Викторовна,
студент факультета международных
экономических отношений,
Хабаровский государственный университет экономики и права,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: evaminakova@bk.ru

Ratnikova Vasilisa Igorevna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil,
Business and Transport Law,
Far Eastern State
Transport University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: vitaflamma@gmail.com

Ратникова Василиса Игоревна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского, предпринимательского
и транспортного права,
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: vitaflamma@gmail.com

Strelnikova Natalya Viktorovna,
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department of Microbiology,
Virology and Immunology,
Far Eastern State
Medical University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: jpdom@mail.ru

Стрельникова Наталья Викторовна,
канд. мед. наук,
доцент кафедры микробиологии, вирусологии
и иммунологии,
Дальневосточный государственный
медицинский университет,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: jpdom@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ В ЯПОНИИ И РОССИИ

TOPICAL ISSUES OF REGULATION OF WORKING TIME IN JAPAN AND RUSSIA

12.00.05 — Трудовое право; право социального обеспечения

12.00.05 — Labor law; social security law

Статья посвящена проблеме регулирования рабочего времени в двух соседних странах — Японии и России. Достижение экономического чуда в Японии потребовало чрезвычайного напряжения сил рядовых работников компаний и производителей в 60-е гг. XX века, что породило новое социальное явление в японском обществе, «кароси» — смерть в результате переработки на рабочем месте. Феномен «кароси» сохраняется до сегодняшнего времени и трансформировался в еще более тяжелое явление, «кародзисацу» — самоубийство в результате проблемы переработки, отсутствия интереса к жизни, глубокой депрессии. Приводятся примеры законодательной инициативы японского правительства и усилий общества по преодолению негативных социальных и правовых явлений. В настоящее время широко распространена добровольная переработка после окончания рабочего времени, получившая название «дзангё», что является отрицательной чертой японского бизнеса. В статье описывается ментальность японского общества, истоки порождения явлений «дзангё», «кароси» и «кародзисацу» из самурайского кодекса. В Японии во многих случаях работники трудятся сверхурочно из-за чувства долга, боязни потерять работу в условиях экономического кризиса, для продвижения по карьерной лестнице; случается так, что чрезмерная загруженность не позволяет вовремя выполнить все поставленные задачи за установленный 8-часовой рабочий день. Поскольку явления избыточной трудовой деятельности наблюдаются в современной России, в статье

приводится сравнительная характеристика российского законодательства и Трудового кодекса РФ, регулирующих сферу сверхурочной работы и переработки рабочего времени. Учет социальных явлений, напоминающих «кароси», в России не проводится. Имеют значение и регулируются законодательно только профессиональные заболевания и травматизм на рабочем месте.

The article is devoted to the problem of regulation of working hours in two neighboring countries — Japan and Russia. The achievement of an economic miracle in Japan required an extraordinary effort of ordinary workers in companies and production workers in the 60s of the twentieth century, which gave rise to a new social phenomenon in Japanese society known as “karoshi” — death as a result of overwork in the workplace. The phenomenon of “karoshi” persists to this day and has transformed into an even more serious phenomenon — “karojisatsu” — suicide as a result of the problem of overwork, lack of interest in life, deep depression. Examples of the legislative initiative of the Japanese government and the efforts of society to overcome negative social and legal phenomena are given. Nowadays, voluntary overtime after working hours called “zangyo” is widespread, which is a negative feature of Japanese business. The article describes the mentality of Japanese society, the origins of the generation of the phenomena “zangyo”, “karoshi” and “karojisatsu” from the samurai code. In Japan, in many cases, employees work overtime due

to a sense of duty, fear of losing their jobs in an economic crisis, to move up the career ladder; it happens that excessive workload does not allow them to complete all tasks on time within the established 8-hour working day. Since the phenomenon of excessive work activity is observed in modern Russia, the article provides a comparative characteristic of Russian legislation and the Labor Code of the Russian Federation, which regulate the scope of overtime. Accounting for social phenomena resembling “karoshi” is not carried out in Russia. Only occupational diseases and injuries in the workplace are relevant and regulated by law.

Ключевые слова: правовое регулирование, рабочее время, сверхурочная работа, ненормированный рабочий день, несчастный случай, травматизм, Япония, Россия, кароси, кародзисацу.

Keywords: legal regulation, working hours, overtime, irregular working hours, accidents, injuries, Japan, Russia, karoshi, karodjisatsu.

Введение

Актуальность. В трудовом законодательстве России и Японии давно прописана возможность закрепления работнику продолжительности рабочего времени за пределами установленной. Однако механизм реализации имеет лакуны. Связано это как с несовершенством нормативно-правовых актов, так и с невозможностью замены работников.

Изученность проблемы регулирования сверхурочной работы, ненормированного рабочего дня, определения нормы рабочего времени на одну производственную задачу изучены недостаточно. С учетом отмены более 500 законодательно-правовых актов СССР в 2020 г. и ГОСТов, во многих промышленных отраслях и сферах производственной деятельности были упразднены правовые нормы. Возникшие правовые лакуны могут привести к появлению в России феномена «кароси» или «кародзисацу». Теме регулирования рабочего времени посвящены работы О. В. Мацкевича, Е. В. Киселевой, И. Я. Белицкой, З. В. Дзугкоевой и др.

Целесообразность разработки темы исследования диктуется необходимостью улучшения качества условий труда и сбережения трудовых ресурсов нашей страны.

Научная новизна состоит в изучении и анализе проблем японского и российского общества, закрепленного в правовой сфере, которые требуют существенной доработки и включения в учет деятельности предприятий явлений, сходных с японским феноменом «кароси».

Целью исследования является изучение актуальных проблем правового регулирования рабочего времени в России и Японии. Цель достигается путем раскрытия поставленных задач исследования:

- анализ трудового законодательства России и Японии;
- изучение факторов, влияющих на вопросы регулирования рабочего времени двух стран;
- установление возможных путей решения выявленных проблем.

Теоретическая и практическая значимость. По итогам исследования можно выделить несколько легальных способов привлечения работника к деятельности за пределами установленной продолжительности рабочего времени и обозначить законодательно нормы рабочего времени для каждой отрасли, термины, определяющие сверхурочную работу и требования к оплате труда и отдыха после привлечения к данному виду работы. Однако существуют и другие факторы, связанные либо с профессиональными установками и деятельностью, либо с ментальной особенностью человека, которые также следует учитывать в преодолении правовых лагун государства,

регулирующего производственную деятельность человека, условия труда и отдыха, восстановления сил работника.

Основная часть

Японская экономическая модель известна во всем мире, часто выступая примером успешного и продуктивного руководства работниками организаций и предприятий, компаний и концернов. Хорошо известен мировой феномен японского экономического чуда «ко:докэйдзайсэйтё:» (яп. 高度経済成長), происходивший в период с 1950-х гг. и вплоть до нефтяного кризиса 1973 г. Корпоративная культура в Японии подарила человечеству такое явление и понятие, как «мадзимэ» (яп. 真面目) — слово, характеризующее лицо, серьезно относящееся к своей работе, всегда соблюдающее правила и отвечающее за все свои проступки [1]. Однако последние десятилетия, благодаря системе Интернет и социальным сетям, люди узнают шокирующие подробности об особенностях работы в японских компаниях. Существует обратная сторона медали экономического чуда в Японии, а именно «кароси» (яп. 過労死) — закрепленный в современном японском языке термин, обозначающий смерть, произошедшую вследствие длительной работы, чрезмерной усталости, стресса, нехватки сна или других причин, связанных с переработками и невозможностью восстановить свои жизненные силы, который раскрывает проблемы организации японского экономического общества, социально-значимые проблемы продолжительности жизни и смертности в трудоспособном возрасте, регулирования ненормированного рабочего времени в трудовом праве. Часто человек погибает прямо на своем рабочем месте. Основными медицинскими причинами смерти выступают: инфаркт миокарда, ишемическая болезнь сердца, ишемический или геморрагический инсульт [2]. В основном жертвами переработки являются мужчины, однако и женщины страдают от данного феномена. Наибольшее число случаев «кароси» зарегистрировано в профессиях, связанных с перевозками и почтой, что составляет около 30 % от всех случаев в период 2010—2015 гг. Следом идет сфера розничной торговли, промышленное производство и строительство. «Кароси» является острой проблемой по всему миру, но преобладает в странах Юго-Восточной Азии, таких как Япония, Южная Корея и Китай [3]. В России исследование подобного феномена не упоминается и анализ статистических данных подобных смертей не ведется, несмотря на наличие «законно-незаконной» переработки, ненормированного рабочего времени, которые также могут привести к летальным последствиям.

Официальная рабочая неделя в Японии — 40 часов. Однако очень часто работники, особенно офисные служащие, «сарариман» (яп. サラリーマン, англ. salaryman), приходя на работу ранним утром, неофициально задерживаются на работе на неограниченный срок [4] и, уходя поздно вечером, со временем практически перестают принадлежать самим себе. Данный термин добровольной переработки получил название «дзангё» (яп. 残業) и является отрицательной чертой японского бизнеса. К слову, в бизнес-индустрии Европы и Северной Америки принято считать, что служащий, остающийся на рабочем месте сверх установленного времени, является недостаточно хорошим специалистом, так как не успевает справляться со своими должностными обязанностями. В Японии во многих случаях, наоборот, работники трудятся сверхурочно из-за чувства долга, боязни потерять работу в условиях экономического кризиса, для продвижения по карьерной лестнице, и случается так, что чрезмерная загруженность не позволяет вовремя выполнить все поставленные задачи за установленный 8-часовой рабочий день.

Помимо собственно сверхурочной рабочей недели, не все работники могут позволить себе использовать право

ежегодного оплачиваемого отпуска. Однако если в России это связано с трудностями, связанными с профессиональной деятельностью, например в правоохранительных органах — передача дел, в сфере здравоохранения — производственная необходимость ночных и суточных дежурств (как яркий пример — работа в период пандемии новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2), то в Японии — с особенностью менталитета или образа мышления японцев:

- предположение о том, что если без тебя на рабочем месте смогли обойтись, значит, в тебе нет необходимости;
- наличие чувства неловкости, когда руководители всех звеньев работают без отпуска и выходных, а подчиненным предлагается взять отгул. Работник отказывается от отгула, даже если на это есть уважительные причины;
- каноны вежливости — неуважительно покидать рабочее место раньше начальника;
- боязнь критики со стороны сослуживцев или мнения начальства, они предпочитают работать без выходных, чтобы не показаться ленивым [5].

Это связано с тем, что в Японии с давних времен большое внимание уделяется поиску смысла жизни, который в современном японском языке закреплен в термине «икигай» (яп. 生き甲斐), и своего предназначения в обществе. Во всем мире известно понятие «бусидо» (яп. 武士道) — кодекса самурая, подробно описывающего нормы поведения воина в обществе. Отличительной чертой данного кодекса является то, что человек должен быть готов умереть с честью в любой момент времени. Данная черта легко прослеживается и в феномене «кароси». Для послевоенного поколения, ставшего свидетелем быстрого экономического роста Японии в 1960-е гг., смыслом жизни стала работа на процветание своей компании и, следовательно, улучшение экономики своей страны. Данное поколение стало первыми жертвами смерти от переработки. Ради японского «экономического чуда» японцы были готовы пожертвовать свое время, силы и здоровье [6], что стало следствием появления феномена, закрепившегося понятием «кародзисатсу» (яп. 過労自殺) — самоубийство по причинам, связанным с рабочим местом человека, карьерным ростом, отношением между коллегами, долгом перед работодателем и т. п. Часто «кародзисатсу» является следствием депрессии: работник чувствует, что его физическое состояние уже не позволяет выполнять свою работу в большом или требуемом объеме, утрачивает силы жить и теряет смысл жизни [6]. Также существует много других социальных и экономических причин. Обнародован случай с 24-летней сотрудницей компании Dentsu Inc. Такахаси Мацури, которая 25 декабря 2015 г. покончила жизнь самоубийством. Хотя по контракту она могла работать не больше 70 часов в неделю, Такахаси трудилась на рабочем месте более 100 часов в неделю [7]. Данная смерть побудила компании и государство принять дополнительные меры по предотвращению работы сверхурочно. На компанию Dentsu Inc. был наложен штраф в размере 500 тыс. иен, а работа позже 22 часов вечера была в Японии запрещена [8].

Рост случаев «кароси» и «кародзисатсу» наблюдался в период существования японского финансового пузыря в 1986—1991 гг. Был зарегистрирован рост безработицы и увеличение рабочих часов [9]. Следовательно, экономическая ситуация в стране тоже оказывает влияние на психологическое состояние работников.

В России статистическое наблюдение осуществляется только за травматизмом на производстве и профессиональными заболеваниями. Росстат собирает данные один раз в три года на основе годовой формы № 7-травматизм «Сведения о травматизме на производстве и профессиональных заболеваниях» и Приложения к форме № 7-травматизм «Сведения о распределении числа пострадавших

при несчастных случаях на производстве по основным видам происшествий и причинам несчастных случаев» [10]. Согласно данным статистики, в 2019 г. было зарегистрировано 23,3 тыс. несчастных случаев травматизма на рабочем месте, общее число смертей составило 1060 человек.

Что касается законодательного аспекта, то нормальная продолжительность рабочего времени в Японии, как и в России, составляет 40 часов в неделю. Однако если по ТК РФ [11] продолжительность сверхурочной работы не должна превышать для каждого работника 4 часов в течение двух дней подряд и 120 часов в год, то в Японии допускается сверхурочная работа 44 часа в неделю.

Российским законодательством предусмотрен контроль и ограничение сверхурочной занятости. Так, работодатель имеет право привлекать работника к работе за пределами продолжительности рабочего времени только в случаях, предусмотренных нормативно-правовыми и локальными актами, в частности ТК РФ:

- для сверхурочной работы при необходимости выполнить/закончить начатую работу; при производстве временных работ по ремонту и восстановлению механизмов; для продолжения работы при неявке сменяющего работника, если работа не допускает перерыва; при производстве работ, необходимых для предотвращения катастрофы; при производстве общественно необходимых работ по устранению непредвиденных обстоятельств;
- на условиях ненормированного рабочего дня при необходимости эпизодически привлекаться к выполнению своих трудовых функций.

Несмотря на это, распространены случаи введения ненормированного рабочего дня, не обусловленного никакой реальной необходимостью [12].

Сегодня, благодаря социальным сетям и различным общественным движениям, выступающим против работы сверхурочно, крупные компании и государство начали борьбу с данной проблемой. Выход в мир информации о нечеловеческих условиях работы и необычайной психологической нагрузке на работников отрицательно влияет на имидж и престиж экономической модели страны.

В Японии в 1994 г. понятие «кароси» впервые использовалось в правовом документе, когда ущерб от переутомления был признан государством как страховой случай, достойный компенсации. Однако изначально учитывались только смерти из-за несчастных случаев на рабочем месте, более того, страховые выплаты осуществлялись, если смерть наступала в день несчастного случая. Условия были радикально изменены после медицинских исследований, подтверждающих отрицательное влияние переутомления на здоровье. На сегодняшний день семья погибшего имеет право получить компенсацию, если за месяц до его смерти было зарегистрировано более 100 часов сверхурочной работы или если в течение шести месяцев до смерти количество часов сверхурочно в среднем составляло более 80 часов [13]. Выплаты от государства составляют около 20 тыс. долл. США в год, работодатель тоже может быть осужден. Компенсация от компании может достигать миллионов долларов [14]. В России, согласно ТК РФ и ФЗ от 24.06.1998 г. № 125 «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» [15], осуществляется страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, куда входит увечье или иное повреждение здоровья при исполнении обязанностей по трудовому договору; хроническое или острое заболевание застрахованного, являющееся результатом воздействия на него вредного производственного фактора.

Согласно исследованиям, проведенным в Корее, рабочая неделя, составляющая 45—52 часа, может привести

к депрессии и риску самоубийства [16]. На основе медицинских исследований 2014 г. был сделан вывод, что для людей, работающих более 55 часов в неделю, риск инсульта в 1,3 раз выше, чем для тех, кто работает 40 часов в неделю. Также длинные рабочие дни могут стать причиной развития коронарной недостаточности [17]. Более того, в 2016 г. было показано, что длительный труд и недостаток сна могут привести к развитию тахикардии (фибрилляции желудочков) [18] и, как следствие, к сердечно-сосудистой недостаточности.

В Японии в 1988 г. была установлена горячая линия «кароси», принимающая звонки от жертв тяжелой работы и их родственников. По телефону можно получить консультацию специалистов о получении надлежащих страховых выплат, связанных с различным ущербом или смертей, вызванных переработкой. Национальный совет по защите жертв «кароси» также публикует на своем сайте различные материалы, позволяющие японцам узнать больше о данной проблеме, и регистрирует информацию о количестве полученных звонков и пострадавших [19].

Первая значительная программа по предотвращению ухудшения здоровья, связанного с переутомлением, была запущена Министерством здравоохранения, труда и благосостояния Японии в 2002 го. Данная программа захватывала следующие ключевые моменты:

- работа сверхурочно не должна превышать 44 часа в неделю;
- рабочие должны обязательно проходить периодический медицинский осмотр и иметь доступ к консультации врачей [20].

Однако, согласно данным за 1997—2011 гг., данные меры не помогли уменьшить количество жертв «кароси» [21].

24 февраля 2017 г. для борьбы с плохой привычкой японцев не уходить в отпуск и не брать выходных государство ввело «Премиальную пятницу» (*англ.* Premium Friday). Идея следующая: от компаний требуется в последнюю пятницу каждого месяца отпускать работников со службы в 15 часов. Данная инициатива должна позволить японцам провести день с семьей, пройтись по магазинам, посетить музеи и отдохнуть после долгой рабочей недели [22].

Более того, в 2017 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ, в рамках плана по реформе работы в компаниях, предложил следующие необходимые шаги для предотвращения «кароси»:

1. Как можно больше сократить разрыв в зарплате между занятыми и рабочими на постоянной основе.
2. Контроль и ограничение сверхурочной занятости. Как можно заметить, данный пункт является основной составной частью всех программ по сокращению числа жертв «кароси». Это показывает, что государство начинает осознавать проблему чрезмерной растянутости рабочих дней в японских компаниях. При этом в Японии с каждым годом понижается продуктивность на рабочем месте, ведь преданность человека компании оценивается не через его достижения, а по количеству часов, которое он проводит

на своем рабочем месте. Поэтому правительству необходимо следить за количеством часов, отработанных японцами сверхурочно, не только для сохранения здоровья нации, но и для повышения продуктивности производства в стране.

3. Предоставление возможностей переквалификации и обучения работников, чтобы помочь японцам получать работу в востребованных отраслях и бороться с обычаем пожизненной работы на одном месте.

4. Пропаганда преимуществ работы удаленно и ненормированного рабочего дня должна позволить ввести и установить данные понятия в общественном сознании японцев. Эпидемия новой коронавирусной инфекции SARS-CoV-2 помогла выполнить данную задачу, но практически половина недовольна работой на дому и считает, что их производительность понизилась [23].

Сравнивая правовое регулирование вопросов о рабочем времени в Японии и России, можно отметить детальную проработанность на законодательном уровне в Японии, позволяющую улучшить производственный аспект и уровень жизни и здоровья работников. В России же до сих пор отсутствует обязанность учета времени, фактически проработанного работником, следовательно, и возможности потребовать компенсации за это.

Заключение и выводы

Вопросы, связанные с работой за пределами установленной продолжительности рабочего времени, являются актуальными проблемами для Японии и России. Несмотря на то, что и государство, и общество принимают различные меры и готовы устранять правовые лакуны, до сих пор существует много неразрешенных моментов. Очень сложно следить за ситуацией в малых компаниях. Пандемия COVID-19 показала, что микро- и малое предпринимательство не имеют достаточных средств, чтобы нанять медицинские кадры и принять необходимые меры по обеспечению здоровья своих работников. Более того, работники даже не получали информацию о принятых мерах безопасности против нового вируса [24]. Это значит, что государству нужно больше сосредоточиться на финансировании и помощи малым предприятиям, так как у них нет возможности следить за здоровьем работников. Более того, вынужденная работа удаленно вместо ожидаемого свободного времени усугубила ситуацию с количеством сверхурочной работы. Стертая граница между домом и работой отрицательно влияла на психологическое здоровье работников. Для женщин также возникла проблема в совмещении работы и ухода за детьми [25]. Для решения проблем сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня недостаточно вводить новые законы и ужесточать государственный контроль. Необходимо выстроить механизм взаимодействия внутри отрасли для поддержки работников, а также внедрить учет рабочего времени до начала и после окончания работы, ввести отраслевые нормы учета рабочего времени за выполнение конкретного производственного задания или нормы выработки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Why do Japanese work so much? URL: <https://kenjayblog.wordpress.com/2017/10/09/why-do-japanese-work-so-much>.
2. Wada K., Eguchi H., Prieto-Merino D. Differences in stroke and ischemic heart disease mortality by occupation and industry among Japanese working-aged men // *SSM — Population Health*. 2016. Vol. 2. Pp. 745—749.
3. Takahashi M. Sociomedical problems of overwork-related deaths and disorders in Japan // *Journal of Occupational Health*. 2019. Vol. 61. Iss. 4. Pp. 269—277.
4. Власти Японии рекомендовали ввести рабочую четырехдневку. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60d4887f9a794730c3ebb5ea>.
5. How the Japanese are putting an end to extreme work weeks. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20200114-how-the-japanese-are-putting-an-end-to-death-from-overwork>.

6. Butler H. Work yourself to death: the honorable way to die for the Sarariiman // *Historical Perspectives: Santa Clara University Undergraduate Journal of History*. 2020. Series II. Vol. 25. Art. 7. 17 p.
7. Karoshi: Economic prosperity at a personal cost. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Karoshi-Economic-prosperity-at-a-personal-cost2>.
8. 娘が亡くなって5年... 電通過労自殺、母「風化を感じる」。 URL: <https://www.asahi.com/articles/ASNDS5STWNDQULFA03F.html>.
9. Asgari B., Pickar P., Garay V. Karoshi and Karou-jisatsu in Japan: causes, statistics and prevention mechanisms // *Asia Pacific Business & Economics Perspectives*. 2016. Vol. 4(2). Pp. 49—72.
10. Росстат. Производственный травматизм. URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions.
11. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2021 г. № 220-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Мацкевич О. В. Ненормированный рабочий день или узаконенное рабство // *Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер. : История и право*. 2019. Т. 9. № 2(31). С. 53—59.
13. Japanese workers fight against karoshi, death from overwork. URL: <https://www.redpepper.org.uk/japanese-workers-fight-against-karoshi-death-from-overwork>.
14. Можно ли урботаться до смерти? Японцы кое-что про это знают. URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-37431351>.
15. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваниях : федер. закон от 24.06.1998 г. № 125-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г. № 81-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
16. Association of long working hours with accidents and suicide mortality in Korea / H. Lee, I. Kim, H. Kim, I. Kawachi // *Scand J Work Environ Health*. 2020. Vol. 46(5). Pp. 480—487.
17. Long working hours and risk of coronary heart disease and stroke: a systematic review and meta-analysis of published and unpublished data for 603 838 individuals / M. Kivimäki, M. Jokela, S. T. Nyberg, et al. // *Lancet*. 2015. Vol. 386. Iss. 10005. Pp. 1739—1746.
18. Is overwork a precipitant factor of idiopathic ventricular fibrillation? / C. Wong, Y. Chan, Y. Cheng, C. Lam // *International Journal of Cardiology*. 2016. Vol. 223. Pp. 218—219.
19. Hotline K. National defense counsel for victims of karoshi. URL: <https://karoshi.jp>.
20. Eguchi H., Wada K., Smith D. Recognition, compensation, and prevention of karoshi, or Death due to overwork // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. 2016. Vol. 58. Iss. 8. Pp. 313—314.
21. Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english>.
22. Premium Fridays: Japan gives its workers a break — to go shopping. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/24/premium-fridays-japan-gives-workers-break-go-shopping>.
23. Удаленная работа в условиях коронавируса в Японии: 60 % опрошенных говорят о снижении производительности. URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00746>.
24. Workplace responses to COVID-19 and their association with company size and industry in an early stage of the epidemic in Japan / N. Sasaki, R. Kuroda, K. Tsuno, N. Kawakami // *Environmental and Occupational Health Practice*. 2020. Vol. 2. Iss. 1. 9 p.
25. Tsutsumi A. Suicide prevention for workers in the era of with- and after-Corona // *Environmental and Occupational Health Practice*. 2021. Vol. 3. Iss. 1. 7 p.

REFERENCES

1. *Why do Japanese work so much?* URL: <https://kenjayblog.wordpress.com/2017/10/09/why-do-japanese-work-so-much>.
2. Wada K., Eguchi H., Prieto-Merino D. Differences in stroke and ischemic heart disease mortality by occupation and industry among Japanese working-aged men. *SSM — Population Health*, 2016, vol. 2, pp. 745—749.
3. Takahashi M. Sociomedical problems of overwork-related deaths and disorders in Japan. *Journal of Occupational Health*, 2019, vol. 61, iss. 4, pp. 269—277
4. *Japanese authorities recommended a four-day workweek*. (In Russ.) URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/60d4887f9a794730c3ebb5ea>.
5. *How the Japanese are putting an end to extreme workweeks*. URL: <https://www.bbc.com/worklife/article/20200114-how-the-japanese-are-putting-an-end-to-death-from-overwork>.
6. Butler H. Work yourself to death: the honorable way to die for the Sarariiman. *Historical Perspectives: Santa Clara University Undergraduate Journal of History*, 2020, Series II, vol. 25, art. 7, 17 p.
7. *Karoshi: Economic prosperity at a personal cost*. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Karoshi-Economic-prosperity-at-a-personal-cost2>.
8. Five years after my daughter died... Dentsu karoshi, mother “feels weathered” (In Japanese). URL: <https://www.asahi.com/articles/ASNDS5STWNDQU LFA03F.html>.
9. Asgari B., Pickar P., Garay V. Karoshi and Karou-jisatsu in Japan: causes, statistics and prevention mechanisms. *Asia Pacific Business & Economics Perspectives*, 2016, vol. 4(2), pp. 49—72.
10. *Rosstat. Industrial injuries*. (In Russ.) URL: https://rosstat.gov.ru/working_conditions.
11. Labour Code of the Russian Federation. Federal Law No. 197-FZ of 30.12.2001 (ed. of 28.06.2021 No. 220-FZ). *RLS “ConsultantPlus”*. (In Russ.)
12. Matskevich O. V. Irregular working hours or legalized slavery. *News of the Southwest State University. Series: history and law*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 53—59. (In Russ.)
13. *Japanese workers fight against karoshi, death from overwork*. URL: <https://www.redpepper.org.uk/japanese-workers-fight-against-karoshi-death-from-overwork>.
14. *Can you work yourself to death? The Japanese know a thing or two about it*. (In Russ.) URL: <https://www.bbc.com/russian/vert-cap-37431351>.
15. On Obligatory Social Insurance Against Industrial Accidents and Occupational Diseases. Federal Law of 24.06.1998, No. 125-FZ (ed. of 05.04.2021, No. 81-FZ). *RLS “ConsultantPlus”*. (In Russ.)
16. Lee H., Kim I., Kim H., Kawachi I. Association of long working hours with accidents and suicide mortality in Korea. *Scand J Work Environ Health*, 2020, vol. 46(5), pp. 480—487.

17. Kivimäki M., Jokela M., Nyberg S. T., et al. Long working hours and risk of coronary heart disease and stroke: a systematic review and meta-analysis of published and unpublished data for 603 838 individuals. *Lancet*, 2015, vol. 386, iss. 10005, pp. 1739—1746.
18. Wong C., Chan Y., Cheng Y., Lam C. Is overwork a precipitant factor of idiopathic ventricular fibrillation? *International Journal of Cardiology*, 2016, vol. 223, pp. 218—219.
19. Hotline K. *National Defense Counsel for Victims of Karoshi*. URL: <https://karoshi.jp>.
20. Eguchi H., Wada K., Smith D. Recognition, compensation, and prevention of karoshi, or death due to overwork. *Journal of Occupational and Environmental Medicine*, 2016, vol. 58, iss. 8, pp. 313—314.
21. *Ministry of Health, Labour and Welfare*. URL: <https://www.mhlw.go.jp/english>.
22. *Premium Fridays: Japan gives its workers a break — to go shopping*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2017/feb/24/premium-fridays-japan-gives-workers-break-go-shopping>.
23. *Distance work amid coronavirus in Japan: 60 % of respondents report reduced productivity*. (In Russ.) URL: <https://www.nippon.com/ru/japan-data/h00746>.
24. Sasaki N., Kuroda R., Tsuno K., Kawakami N. Workplace responses to COVID-19 and their association with company size and industry in an early stage of the epidemic in Japan. *Environmental and Occupational Health Practice*, 2020, vol. 2, iss. 1, 9 p.
25. Tsutsumi A. Suicide prevention for workers in the era of with- and after-Corona. *Environmental and Occupational Health Practice*, 2021, vol. 3, iss. 1, 7 p.

Как цитировать статью: Стрельников И. А., Минакова Е. В., Ратникова В. И., Стрельникова Н. В. Актуальные проблемы регулирования рабочего времени в Японии и России // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 255—260. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.352.

For citation: Strelnikov I. A., Minakova E. V., Ratnikova V. I., Strelnikova N. V. Topical issues of regulation of working time in Japan and Russia. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 255—260. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.352.

УДК 336.221
ББК 65.261

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.330

Chernousova Kseniya Sergeevna,
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Taxes and Taxation,
Samara State University of Economics,
Russian Federation, Samara,
e-mail: oxykscher@gmail.com

Черноусова Ксения Сергеевна,
канд. экон. наук,
доцент кафедры налогов и налогообложения,
Самарский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: oxykscher@gmail.com

Durandina Ekaterina Sergeevna,
Student, Direction of training
“Economic security”,
Samara State University of Economics,
Russian Federation, Samara,
e-mail: durandina.ekaterina@mail.ru

Дурандина Екатерина Сергеевна,
студент направления подготовки
«Экономическая безопасность»,
Самарский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: durandina.ekaterina@mail.ru

Kudakova Anastasiya Vasilevna,
Student, Direction of training
“Economic security”,
Samara State University of Economics,
Russian Federation, Samara,
e-mail: a.kudakova23.05@mail.ru

Кудакова Анастасия Васильевна,
студент направления подготовки
«Экономическая безопасность»,
Самарский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: a.kudakova23.05@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

STATE SUPPORT MEASURES FOR SMALL AND MEDIUM BUSINESSES DURING THE PANDEMIC

12.00.04 — Финансовое право; налоговое право; бюджетное право
12.00.04 — Financial law; tax law; budget law

Появление новой вирусной инфекции COVID-19, безусловно, повлияло на многие стороны жизнедеятельности как россиян, так и всего мира. И, конечно, пандемия коснулась не только жизни и здоровья граждан, но и экономики всей страны и мира, и в частности системы налогообложения. В течение 2020 г. и в текущем 2021 г. государственными органами было внесено некоторое количество поправок и изменений в законы о налогообложении РФ, цель их разработки и введения — восстановление экономики, оказание поддержки

пострадавшим от COVID-19 отраслям и сферам хозяйственной жизни общества. В статье изучены отрасли, пострадавшие в период пандемии, а также выявлены те, деятельность которых понесла сильный ущерб, и дана оценка их деятельности. Рассмотрены меры поддержки сфер малого и среднего бизнеса, проведен их анализ, сделаны предложения по поводу их оптимизации и совершенствования. Дана экономическая оценка предприятий малого и среднего бизнеса, проведен анализ прибыли по предприятиям по 65 классам ОКВЭД.

Розничную торговлю, транспортные услуги и личные услуги, которые предполагают непосредственный контакт с клиентом, президент РФ В. В. Путин назвал наиболее пострадавшими в кризис. Основными мерами по поддержке малого и среднего бизнеса в России явились льготные условия для бизнесменов МСП в отношении получения беспроцентного кредитования или кредитования с низким процентом, перенос сроков выплаты налогов, а также получение субсидий со стороны государства. Во избежание личных контактов с целью профилактики заболевания исключена возможность реализации контролирующих налоговых мер, связанных с личными встречами между представителями налоговой службы и налогоплательщиками. Многие предприниматели все еще находятся в процессе документального оформления льготных условий поддержки, так как многие страховые и банковские организации не изъявляют желания, например, кредитовать бизнес с низким или нулевым процентом. Отметим, что в ходе работы были выявлены меры поддержки для таких отраслей, как частное производство продуктов питания, ресторанная сфера, гостиничный сектор, частный бизнес (например, салоны красоты, цветочные салоны, мелкие магазины) и многие другие секторы малого и среднего бизнеса в стране, а также дана их оценка, выявлены положительные и отрицательные стороны, сделаны предложения по оптимизации и совершенствованию.

The emergence of a new viral infection COVID-19, of course, influenced many aspects of the life of both Russians and the whole world. And, of course, the pandemic affected not only the life and health of citizens, but also the economy of the whole country and the world, and in particular, the tax system. During 2020 and in the current year 2021, state bodies introduced a number of amendments and changes to the laws on taxation of the Russian Federation, the purpose of their development and maintenance is to restore the economy, provide support to industries and sectors of the economic life of society affected by the COVID. The article examines the industries affected during the pandemic, as well as identifies those whose activities have suffered severe damage, and assesses their activities. Measures to support the spheres of small and medium-sized businesses are considered, their analysis is carried out, and proposals are made for their optimization and improvement. An economic assessment of small and medium-sized businesses is given; an analysis of the profit of enterprises for 65 classes of OKVED is carried out. Russian President V. V. Putin called retail trade, transport services, and personal services that involve direct contact with the client, the most affected by the crisis. The main measures to support small and medium-sized businesses in Russia were preferential conditions for in terms of obtaining interest-free or low-interest loans, postponing tax payments, and receiving subsidies from the state. To avoid personal contacts in order to prevent the disease, the possibility of implementing tax control measures associated with personal meetings between representatives of the tax service and taxpayers is excluded. Many entrepreneurs are still in the process of documenting preferential conditions for support, since many insurance and banking organizations do not express a desire, for example, to lend to businesses with low or zero interest. Note that in the course of the work, support measures were identified for such industries as private food production, the restaurant sector, the hotel sector, small private businesses, such as beauty salons, flower salons, small shops, and many other sectors of small and medium-sized businesses in the country, as well as their assessment was given, positive and negative sides were revealed, proposals for optimization and improvement were made.

Ключевые слова: налоговая система РФ, COVID-19, МСП, налогообложение малого и среднего бизнеса, пандемия, кризис-2020, коронавирус, изменения в НС РФ 2021, меры поддержки предпринимателей, бюджет страны, пострадавшие сферы бизнеса, государственная поддержка, кредитование предпринимателей.

Keywords: tax system of the Russian Federation, COVID-19, small and medium-sized businesses, taxation of small and medium-sized businesses, pandemic, crisis of 2020, coronavirus, changes in the tax system of the Russian Federation in 2021, measures to support entrepreneurs, the country's budget, affected areas of business, government support, lending to entrepreneurs.

Введение

Актуальность исследования определяется внезапностью и неопределенностью возникшего риска и ущербом, нанесенным пандемией сферам малого и среднего бизнеса, принятой системой мер в юридической, экономической и социальной сфере, организационными мероприятиями в жизни и деятельности общества и государства в этих условиях.

Научная новизна исследования состоит в анализе проведенных мероприятий и их эффективности на разных периодах развития пандемии, в формулировании и систематизации, определении и изучении изменений в налоговом законодательстве РФ в отношении малого и среднего бизнеса.

Целесообразность данного исследования заключается в изучении, систематизации и анализе актуальной и необходимой информации, связанной с влиянием пандемии на сферы малого и среднего бизнеса, которая станет понятной и оптимизированной к пониманию заинтересованных пользователей.

Цель данной работы — определение и изучение изменений в налоговом законодательстве РФ в отношении малого и среднего бизнеса, в сферах, которые в большей степени пострадали из-за пандемии.

Изучением данной проблемы занимались такие российские ученые, как Печаткин В. В., Торкановский Е. П., Черноусова К. С., Дудин М. Н., и такие зарубежные ученые, как Gautam S., Hens L. и др. [1—4].

Задачи, которые стояли при написании научной статьи:

- определить перечень субъектов малого и среднего бизнеса, которые в большей степени пострадали из-за пандемии;
- изучить и определить изменения в налоговой системе РФ в отношении поддержки налогоплательщиков;
- оценить меры государственной поддержки пострадавших в период пандемии и кризиса отраслей малого и среднего бизнеса.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении знаний о проблемах, связанных с влиянием пандемии на налоговую систему, в структурировании всей имеющейся актуальной информации по исследуемому вопросу, которая впоследствии будет полезной и удобной для пользования заинтересованных лиц.

Основная часть

Безусловно, так стремительно пришедший кризис в период пандемии значительно сказался на многих сферах жизнедеятельности страны и остальных секторах ее экономики, в том числе бизнеса. С точки зрения методологии исследование основано на изучении и анализе экономических показателей прибыльности и активности сектора МСП, на отчетах федеральной налоговой службы, постановлениях об изменении налоговой

системы Российской Федерации. Перечень отраслей, пострадавших в период пандемии, обширен. Президент РФ В. В. Путин отнес к числу наиболее пострадавших отраслей следующие: розничную торговлю, транспортные услуги и личные услуги, которые предполагают непосредственный контакт с клиентом [5].

При проведении анализа прибыли по предприятиям по классам ОКВЭД в 2020 г. больше всего сократилось производство ювелирных изделий, бытовой техники и транспортных средств: 76,4, 69,5 и 60,2 % соответственно. В группе умеренно пострадавших — десять отраслей, где падение составило менее 30 % в годовом выражении. Этот список варьируется от производителей материалов, компонентов, машин и оборудования до непродовольственных товаров народного потребления. Как отмечают аналитики СМАСФ, развитие системы доставки помогло многим секторам восстановиться в мае. Наибольший спад в группе наблюдался у производителей электрического оборудования, наименьший — у производителей резиновых и пластмассовых изделий. В группе отраслей, практически не затронутых кризисом, было пять крупных секторов: пищевая, бумажная, газодобывающая, электроэнергетическая и химическая отрасли. Уровень ее производства в апреле — мае оставался относительно стабильным из-за постоянства спроса [6].

Самыми успешными в этой группе были производители продуктов питания, которые за год увеличили производство на 9 %. В группе всего две отрасли, которые выиграли от кризиса из-за коронавируса и производство которых значительно выросло в контексте эпидемии. Это фармацевтика, которая увеличила выпуск на 24,5 % в годовом исчислении, и производство медицинских инструментов и оборудования, которое выросло на 44 %. Отметим, что во многих из перечисленных сфер задействованы как крупные компании, так и МСП.

Таким образом, приходим к выводу об объективной необходимости мер поддержки со стороны государства в отношении малого и среднего бизнеса.

Среди предлагаемых мер поддержки можно назвать следующие [7]:

1. Продление сроков уплаты налогов для малых и средних предприятий в соответствующих отраслях предусматривает, что для организаций и индивидуальных предпринимателей, зарегистрированных с 01.03.2020 г. в едином реестре малых и средних предприятий (МСП) и работающих в соответствующих секторах, будет введено следующее: продление на шесть месяцев сроков уплаты налогов (авансовых платежей по налогу), за исключением НДС, за отчетные периоды, приходящиеся на I квартал 2020 г. (на четыре месяца — за отчетные периоды, приходящиеся на полугодие (II квартал) 2020 г.), будут установлены сроки уплаты авансовых платежей по транспортному налогу, налогу на имущество организаций и земельному налогу [8].

2. В статью 6 Налогового кодекса Российской Федерации внесены изменения, согласно которым нерабочие дни, признанные таковым актом Президента Российской Федерации, не засчитываются в рабочие дни. Таким образом, для налогоплательщиков это означает, что все сроки, в том числе связанные со сдачей отчетности, исчисляемые в рабочих днях и входящие в период, например, с 30 марта по 3 апреля 2020 г., переносятся на следующий рабочий день [9].

3. В ФЗ № 172 от 08.06.2020 г. приведен перечень категорий налогоплательщиков, освобожденных от уплаты налогов. К данным категориям относятся следующие категории: ИП и юридические лица, занятые в наиболее пострадавших отраслях; централизованные религиозные организации,

учрежденные ими социально ориентированные некоммерческие организации; некоммерческие юридические лица, включенные в реестр некоммерческих организаций, в наибольшей степени пострадавших из-за распространения новой коронавирусной инфекции.

Минфин и ФНС России разъяснили вопрос о сроках сдачи годовой (финансовой) бухгалтерской отчетности за 2019 г.: срок подачи обязательного отчета в 2020 г. — первый рабочий день после 31 марта 2020 г., т. е. 6 апреля 2020 г. [10].

Следует отметить, что при этом продлеваются сроки не только сдачи отчетов, но и перечисления налогов в бюджет. В частности, уплата налога на прибыль «привязана» к дате подачи декларации за год (п. 1 ст. 287 НК РФ), которая позволяет перенести крайний срок уплаты налогов на одну неделю.

4. Постановление от 2 апр. 2020 г. № 409 о мерах по обеспечению устойчивого развития экономики:

- вынесение решений о проведении выездных (повторных выездных) налоговых проверок, проверок полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами;

- проведение назначенных выездных (повторных выездных) налоговых проверок, проверок полноты исчисления и уплаты налогов в связи с совершением сделок между взаимозависимыми лицами, а также течение сроков, предусмотренных НК РФ в отношении этих проверок;

- течение сроков, предусмотренных ст. 100 НК РФ (оформление результатов проверок), ст. 101 НК РФ (вынесение решения по результатам рассмотрения материалов проверок), ст. 101.4 НК РФ (производство по делу о предусмотренных НК РФ нарушениях);

- вынесение налоговыми органами в соответствии с п. 3 ст. 76 НК РФ решений о приостановлении операций налогоплательщиков-организаций по их счетам в банках и переводов их электронных денежных средств.

Федеральная налоговая служба России приказом от 20.03.2020 г. № ЕД-7-2/181 установила, что:

- было приостановлено до 1 мая 2020 г. вынесение решений о проведении выездных (повторных выездных) налоговых проверок, а также их проведение;

- процедуры, связанные с вынесением решений по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки (ст. 101 НК РФ), а также производство по делу о предусмотренных НК РФ налоговых правонарушениях (ст. 101.4 НК РФ) проводить по телекоммуникационным каналам связи, а также с использованием каналов видео-конференц-связи.

5. Налоговые штрафы за налоговые правонарушения, ответственность за которые предусмотрена ст. 126 НК РФ (не сообщение в налоговую администрацию информации, необходимой для проведения налоговой проверки, совершенное в период с 1 марта 2020 г. по состоянию на 1 июня 2020 г.), не применяются, процедуры по таким нарушениям не проводятся. Это несомненный плюс для налогоплательщиков, которые из-за перевода работников на удаленную работу и закрытия офисов физически не смогут вовремя предоставить документы по запросу налоговой администрации [11].

Сроки подачи запроса на оплату и решения о взыскании были продлены на шесть месяцев, что дало налоговым органам дополнительное время для подачи запросов на платеж и принятия решения о взыскании налогов и страховых взносов, штрафов, пени, процентов.

6. Для плательщиков страховых взносов, признаваемых субъектами МСП в отношении части выплат в пользу физического лица, определяемой по итогам каждого календарного

месяца как превышение над величиной МРОТ, на начало расчетного периода законопроектом были снижены страховые взносы до 15 % со следующей градацией [12]:

- на обязательное пенсионное страхование — 10 %;
- на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством — 0 %;
- на обязательное медицинское страхование — 5 %.

Общая стоимость антикризисных мер поддержки экономики и граждан составляет на конец 2020 г. порядка 3,26 трлн руб., следует из данных Минэкономразвития. В частности, 835,5 млрд руб. выделено на помощь малому и среднему бизнесу, 597,2 млрд — на поддержку наиболее пострадавших отраслей и системообразующих предприятий, 960,8 млрд — на социальную поддержку граждан [13].

Помимо мер поддержки, предусматриваются шаги, повышающие налоговую нагрузку в некоторых случаях. Правительству Российской Федерации на основании международных договоров поручено не позднее 25 декабря 2020 г. определить перечень международных договоров Российской Федерации о предотвращении двойного налогообложения и обеспечить внесение изменений. Предусматривается налогообложение по ставке 15 % от дохода в виде дивидендов и процентов, выплачиваемых лицам, не являющимся налоговыми резидентами Российской Федерации. И в случае недостижения договоренностей о соответствующих изменениях прекращается действие этих соглашений [14].

По данным Минфина России, эти изменения коснутся транзитных юрисдикций (Кипрской и ассимилированной) и не повлияют на процентный доход, выплачиваемый по займам в еврооблигациях, облигационным займам российских компаний, займам, предоставленным иностранными банками. Необходимо будет заплатить НДС по ставке 13 % доходов в виде процента (купона, дисконта), полученных по обращающимся облигациям российских организаций, номинированным в рублях и эмитированным после 1 января 2017 г., а также по государственным (муниципальным) ценным бумагам [15].

Данные изменения вступали в силу 1 января 2021 г. По итогам налогового периода информация о вкладах будет направляться банками в налоговый орган, и налог будет уплачиваться физическими лицами самостоятельно на основании полученного от налогового органа уведомления до 1 декабря года, следующего за окончанием налогового периода.

В результате исследования можно сделать вывод, что Правительство РФ пошло навстречу во многих аспектах, связанных с налогообложением субъектов МСП России. Такая лояльность позволила легче перенести переход многих сфер бизнеса, которые были перечислены, со стационарной работы на удаленную [16].

Анализируя меры поддержки, можно отметить следующее: в настоящий момент рано говорить о стабилизации кризисной ситуации, но приведенные меры, несомненно, оказали значительное влияние на обеспечение устойчивой деятельности предприятий малого и среднего бизнеса в России. Работа многих предприятий пошатнулась, но благодаря тому, что значительные поддерживающие меры были приняты Правительством своевременно, многим предприятиям удалось сохранить свою деятельность. Малый и средний бизнес является основой экономики государства, именно поэтому власти стран поддерживают предпринимателей во избежание финансового коллапса. Наиболее благоприятным образом отразились такие меры поддержки, как продление сроков уплаты налогов и снижение размера страховых взносов. Известно, что в условиях пандемии существенно сократились доходы,

снизилась выручка из-за нехватки клиентов, поэтому данные меры поддержки помогут максимально снизить и отложить обязательные платежи компании. Это, в свою очередь, поможет сохранить рабочие места, так как будет возможность выплачивать заработную плату сотрудникам. Данные поправки в будущем также сыграют весомую роль в существовании и развитии МСП. И наименее эффективной мерой поддержки из всех предложенных были изменения в ст. 6 НК РФ, где нерабочие дни перестали засчитываться в рабочие дни. На наш взгляд, при сдаче отчетности продление сроков всего лишь на несколько дней не является столь необходимой и важной поправкой, к тому же это не имеет особого влияния на процесс деятельности компаний.

Для анализа эффективности приведенных мер необходимо оценить доступность государственной помощи субъектам МСП и имеющиеся ограничения. Среди них можно выделить: сложность выполнения определенных условий для получения помощи, сложную процедуру отчетности, ограниченные сроки действия мер поддержки. Между тем для эффективности применения мероприятий по поддержке деятельности предприятий в период пандемии, считаем, необходимо предпринять меры, направленные на упрощение получения помощи пострадавшим отраслям.

Стоит отметить, что, по мнению многих современных экономистов, в том числе управляющего по экономическому и отраслевому анализу Промсвязьбанка И. Нуждина, ситуация, когда страдают именно те отрасли, которые непосредственно связаны с производством продуктов долговременного использования, а также ориентированные на инвестиционный спрос, очень предсказуема. Считаем, что скачкообразный сценарий восстановления таких отраслей больше всего вероятен в случае такого короткосрочного и резкого кризиса. И стоит ожидать, что в будущем подобные отрасли будут набирать обороты стремительно и восстановятся на 5 % [17]. Вполне логично выглядит рост фармацевтики и медицинских изделий на фоне пандемии, тогда как, например, производство и реализация продуктов питания всегда является цикличным процессом из-за постоянного спроса. Также стоит сказать, что, несмотря на сильное падение показателей прибыли сфер ресторанного бизнеса, системы по доставке продуктов онлайн, например Деливери, СберДоставка, Яндекс-Доставка и т. п., сыграли важную роль в сохранении минимального количества потребителей готовой ресторанной (кафе) еды, чем поддержали отрасли. Некоторые изменения вступили в силу уже в течение 2020 г., а некоторые с начала 2021 г., это связано с незаконченным эпидемиологическим кризисом.

Заключение

Таким образом, в работе был определен перечень субъектов малого и среднего бизнеса, которые в большей степени пострадали из-за пандемии, изучены и определены изменения в налоговой системе РФ в отношении поддержки налогоплательщиков, определены меры государственной поддержки пострадавших в период пандемии и кризиса отраслей малого и среднего бизнеса. В конечном итоге все изменения, которые были предоставлены государством, имеют большое значение для деятельности МСП. Некоторые повлияли и помогли сохранить бизнес уже сейчас, другие действуют на перспективу. Не стоит забывать о том, что кризис будет преодолеваться длительное время, поэтому нельзя останавливаться на данном этапе, необходимо продолжать поддержание функционирования субъектов малого и среднего бизнеса для их сохранения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Земцов С. П., Царева Ю. В. Тенденция развития сектора малых и средних предприятий в условиях пандемии и кризиса // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa>.
2. Торкановский Е. П. Автаркия 2.0: глобальная экологическая повестка, пандемия COVID-19 и новая нормальность // Экономические отношения. 2020. Т. 10. № 3. DOI: 10.18334/eo.10.3.110600.
3. Цветков В. А., Дудин М. Н. Медийная активность отечественных политиков и государственных деятелей в период пандемии COVID-19 как инструмент укрепления доверия электората // Лидерство и менеджмент. 2020. Т. 7. № 2. С. 89—122. DOI: 10.18334/lm.7.2.110214.
4. Gautam S., Hens L. COVID-19: impact by and on the environment, health and economy // Environment, development and sustainability. 2020. DOI: 10.1007/s10668-020-00818-7.
5. Розницу, перевозки и сферу услуг Путин назвал наиболее пострадавшими в коронакризис. URL: <https://www.glavbukh.ru/news/33981-roznitsu-perevozki-i-sferu-uslug-putin-nazval-naibolee-postradavshimi-v-koronakrizis>
6. Влияние пандемии на бизнес в РФ. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf>.
7. В России за год закрылись более миллиона предприятий МСП. URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html>.
8. Кто страдает, кому платят. URL: <https://www.bybit.com>.
9. Налоговый Кодекс РФ. Часть вторая. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165.
10. Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции : утв. Постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 434 (с изм.). URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html.
11. Кравченко Е. Какие отрасли российской промышленности пострадали от пандемии коронавируса сильнее всего. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/404085-kakie-otrasli-rossiyskoj-promyshlennosti-postradali-ot-pandemii-koronavirusa-silnee>.
12. Мишустин утвердил список наиболее пострадавших от коронавируса отраслей экономики. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4315214>.
13. Печаткин В. В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 2. С. 837—848. DOI: 10.18334/vinec.10.2.110187.
14. Хасанов Т. Разорение малого бизнеса: какие ИП убила пандемия. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/12/12/13397089.shtml?updated>.
15. Перечень пострадавших отраслей. URL: <https://renovar.ru/o-nedvizhimosti/naibolee-postradavshie-otrasli>.
16. Бельковец-Краснов В. Компаниям и ИП из каких отраслей помогут в связи с коронавирусом: официальный список. URL: <https://buhguru.com/uplata-nalogov/kompaniyam-iz-kakih-otraslej-pomogut-koronavirus-2020-spisok.html>.
17. Виноградова Е. Из-за пандемии малый бизнес идет в минус на триллион рублей. URL: <https://iz.ru/1072904/ekaterina-vinogradova/iz-za-pandemii-malyi-biznes-uidet-v-minus-na-trillion-rublei>.

REFERENCES

1. Zemtsov S. P., Tsareva Yu. V. The trend of development of the sector of small and medium-sized enterprises in the conditions of a pandemic and crisis. *Economic development of Russia*, 2020, vol. 27, no. 5. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-sektora-malyh-i-srednih-predpriyatiy-v-usloviyah-pandemii-i-krizisa>.
2. Torkanovskiy E. P. Autarky 2.0: the global environmental agenda, the COVID-19 pandemic and the new normality. *Economic Relations*, 2020, vol. 10, no. 3. (In Russ.) DOI: 10.18334/eo.10.3.110600.
3. Tsvetkov V. A., Dudin M. N. Media activity of domestic politicians and statesmen during the COVID-19 pandemic as a tool to strengthen the confidence of the electorate. *Leadership and Management*, 2020, vol. 7, no. 2, pp. 89—122. (In Russ.) DOI: 10.18334/lm.7.2.110214.
4. Gautam S., Hens L. COVID-19: impact by and on the environment, health and economy. *Environment, development and sustainability*, 2020. DOI: 10.1007/s10668-020-00818-7.
5. *Putin called retail, transportation and services the most affected in the corona crisis*. (In Russ.) URL: <https://www.glavbukh.ru/news/33981-roznitsu-perevozki-i-sferu-uslug-putin-nazval-naibolee-postradavshimi-v-koronakrizis>.
6. *The impact of the pandemic on business in the Russian Federation*. (In Russ.) URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2020/5ecf711b9a7947324d1448cf>.
7. *In Russia, more than a million small and medium-sized enterprises have closed in a year*. (In Russ.) URL: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/08/14/1858568.html>.
8. *Who suffers, who gets paid*. (In Russ.) URL: <https://www.bybit.com>.
9. *Tax Code of the Russian Federation. Part 2*. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165.
10. *The list of sectors of the Russian economy that have been most affected by the deterioration of the situation as a result of the spread of a new coronavirus infection: approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 434 of 03.04.2020 (with amendments)*. (In Russ.) URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/perechen_otrasley_ekonomiki_postradavshih_v_rezultate_rasprostraneniya_koronavirusnoy_infekcii.html.
11. Kravchenko E. *Which branches of Russian industry have been most affected by the coronavirus pandemic*. (In Russ.) URL: <https://www.forbes.ru/biznes/404085-kakie-otrasli-rossiyskoj-promyshlennosti-postradali-ot-pandemii-koronavirusa-silnee>.
12. *Mishustin approved the list of the sectors of the economy most affected by the coronavirus*. (In Russ.) URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4315214>.
13. Pechatkin V. V. Formation and development of the digital economy in Russia as a strategic priority for the development of territories in the context of pandemics. *Issues of innovative economics*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 837—848. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.10.2.110187.
14. Khasanov T. *The ruin of small business: which sole proprietors were destroyed by the pandemic*. (In Russ.) URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/12/12/13397089.shtml?updated>.

15. *List of affected industries.* (In Russ.) URL: <https://renovar.ru/o-nedvizhimosti/naibolee-postradavshie-otrasli>.
16. *Belkovets-Krasnov V. Companies and sole proprietors from which industries will be helped in connection with the coronavirus: the official list.* (In Russ.) URL: <https://buhguru.com/uplata-nalogov/kompaniyam-iz-kakih-otraslej-pomogut-koronavirus-2020-spisok.html>.
17. Vinogradova E. *Due to the pandemic, small business is going into a minus of a trillion rubles.* (In Russ.) URL: <https://iz.ru/1072904/ekaterina-vinogradova/iz-za-pandemii-malyi-biznes-uidet-v-minus-na-trillion-rublei>.

Как цитировать статью: Черноусова К. С., Дурандина Е. С., Кудакова А. В. Государственные меры поддержки малого и среднего бизнеса в период пандемии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 260—265. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.330.

For citation: Chernousova K. S., Durandina E. S., Kudakova A. V. State support measures for small and medium businesses during the pandemic. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 260—265. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.330.

УДК 343.132
ББК 67.410.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.312

Vlasov Vladimir Igorevich,
Assistant judge,
Leninsky District Court of Krasnodar,
Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: bekir@list.ru

Власов Владимир Игоревич,
помощник судьи,
Ленинский районный суд г. Краснодара,
Российская Федерация, г. Краснодар,
e-mail: bekir@list.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПРИ ВЫНЕСЕНИИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИНУЖДЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

ACTIVITY OF THE COURT DURING JUDGMENT DECISIONS ON THE APPLICATION OF CERTAIN MEASURES OF PROCEDURAL PREVENTION, FORCING AND PERMISSION OF PRODUCTION OF CERTAIN INVESTIGATIVE ACTIONS

12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
12.00.11 — Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement

Статья посвящена актуальным вопросам деятельности суда, в частности судьи, в процессе осуществления судебного контроля при обращении следователя или дознавателя с ходатайством для получения судебного решения о производстве следственного действия или процессуального пресечения или принуждения по отношению к подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления.

Первый аспект исследуемого явления касается принятия судебного решения при применении мер пресечения, ограничивающих личную свободу гражданина и человека, в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, регулируемых ст. 29, 97, 99, 105(1), 106, 107 и 108 УПК РФ.

Следующий аспект исследуемой проблемы касается вопросов производства следственных или иных процессуальных действий на предварительном следствии или дознании, осуществляемых по судебному разрешению согласно ч. 1—4 ст. 165 УПК РФ, или в исключительных случаях, когда их производство не терпит отлагательства проведения следственных или иных процессуальных действий следователем или дознавателем, после их проведения, судом общей юрисдикции подвергается проверке законность решения о его производстве (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Вопросы, посвященные охране частной и иной собственности, обозначенные в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, составляют еще один аспект рассматриваемой в статье проблемы. К ним, по нашему мнению, следует отнести все, что связано с возмещением имущественного вреда.

Последний аспект касается актуальных вопросов судебного порядка рассмотрения жалоб на неправомерные действия или бездействия органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора на досудебном производстве по уголовным делам (ст. 125 УПК РФ).

The article is devoted to topical issues of the court, in particular the judge, in the process of judicial control upon request of an investigator or inquiry officer to obtain a court decision on the production of an investigative action or procedural restraint or coercion against a suspect or a person accused of committing a crime.

The first aspect of the phenomenon under study concerns the adoption of a judicial decision in the application of preventive measures that restrict the personal freedom of a citizen and a person, in the form of detention, house arrest, bail and prohibition of certain actions regulated by Art. 29, 97, 99, 105 (1), 106, 107 and 108 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

The next aspect of the problem under study concerns the issues of the production of investigative or other procedural actions during the preliminary investigation or inquiry, carried out with court permission in accordance with Parts 1—4 of Art. 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, or in exceptional cases when their proceedings do not tolerate the delay of investigative or other procedural actions by the investigator or interrogating officer, where after they have been carried out, the court of general jurisdiction verifies the legality of the decision on its production (part 5 of Art. 165 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Issues devoted to the protection of private and other property, identified in the criminal procedural legislation of the Russian Federation, constitute another aspect of the problem considered in the article. These, in our opinion, should include everything related to compensation for property damage.

The last aspect examines topical issues of the judicial procedure for considering complaints about unlawful actions or inaction of the body of inquiry, interrogator, investigator, head of the investigative body and prosecutor in pre-trial proceedings in criminal cases (Art. 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation).

Ключевые слова: суд, судья, следователь, дознаватель, заключение под стражу, арест имущества, следственное действие, ходатайства, мера пресечения, прокурор.

Keywords: court, judge, investigator, inquiry officer, detention, property arrest, investigative action, petitions, preventive measure, prosecutor.

Введение

Актуальность исследования состоит в том, что изученные в статье ситуации возникают очень часто при судебном разбирательстве, но имеют огромное количество нюансов, каждый из которых достоин отдельного изучения и научного обоснования. Это необходимо потому, что следствие и выносимое решение затрагивают судьбы людей и влияют на дальнейшее принятие решения судьей.

Целесообразность и новизна поставленных вопросов, которые разрешаются судом при даче разрешения органу предварительного следствия и дознания для производства процессуальных действий при применении мер пресечения и производства отдельных следственных действий, заключаются в авторском подходе, состоящем из четырех аспектов. Эти аспекты подвергаются тщательному анализу.

Что касается **изученности** проблемы, то один из аспектов, такой как порядок задержания подозреваемого или обвиняемого, достаточно подробно и верно, с нашей точки зрения, рассмотрен в кандидатской диссертации А. А. Харадурова [1].

Цель работы — повышение качества правосудия и следственной работы по отдельным категориям дел через научное и практическое обоснование проблем, возникающих при даче разрешения органу предварительного следствия и дознания для производства процессуальных действий при применении мер пресечения и производства отдельных следственных действий.

Основная часть

Первый аспект исследуемого явления касается принятия судебного решения при применении мер пресечения, ограничивающих личную свободу гражданина и человека, в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий, регулируемых ст. 29, 97, 99, 105(1), 106, 107 и 108 УПК РФ [2, с. 136—144; 3]. Прежде чем рассмотреть процессуальную деятельность суда (судьи) по принятию судебного контроля, необходимо уяснить основание, порядок, условия и обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий, а также при помещении подозреваемого, обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных

условиях, для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы соответственно. Наряду с этим одновременно логично рассмотреть вопросы о продлении срока содержания под стражей, срока домашнего ареста и срока запрета определенных действий.

В п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ предусмотрено избрание судом меры пресечения в виде заключения под стражу. Следователь, избирая данный вид меры пресечения, должен согласовать решение с руководителем следственного органа, а дознаватель — с прокурором [4, с. 8—12]. Данный аспект судебно-контрольной деятельности суда самый дискуссионный и обсуждаемый в научной и специальной юридической литературе. Например, достаточно проблематичным является место рассмотрения (подсудность) ходатайства следователя или дознавателя, когда фактическое место задержания и фактическое процессуальное место задержания территориально отдалены друг от друга. Эти аспекты в уголовно-процессуальном законе недостаточно освещены. Поэтому в ч. 4 ст. 108 УПК РФ после слова «по месту производства предварительного расследования либо месту» следовало бы добавить слово «фактическому», далее по тексту. Это позволит уточнить место подсудности поступившего ходатайства о принятии меры пресечения в виде заключения под стражу. Кроме этого в ч. 5(1) ст. 108 УПК РФ внесены дополнения следующего содержания: «Основанием избрания меры пресечения в виде заключения под стражу может быть невозможность применения менее строгой меры пресечения» [3]. В ч. 8 ст. 108 УПК РФ указано, что «постановление судьи направляется лицу, возбуждавшему ходатайство, прокурору, подозреваемому, обвиняемому или потерпевшему и подлежит немедленному исполнению» [3]. К сожалению, ознакомление подозреваемого, обвиняемого и его защитника, а также потерпевшего с материалами, на основании которых принято судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в законе не оговаривается.

Проанализировав нормы ч. 8 ст. 108 УПК РФ, мы пришли к выводу о необходимости уточнения в следующей редакции: «В целях соблюдения состязательности сторон подозреваемый, обвиняемый и его защитник, а также потерпевший вправе ознакомиться с материалами, представленными в обосновании ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, и с постановлением судьи об исполнении принятого решения».

Соблюдение процедуры принятия судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу предполагает два вида судебного контроля — предварительный и последующий. На предварительном судья с целью проверки заявленного ходатайства и принятия решения по нему исследует поступившие материалы: содержание ходатайства, уголовно-процессуальные документы, обосновывающие содержание и другие реквизиты ходатайства; проверяет наличие согласия руководителя следственного органа, законность и обоснованность предмета судебного контроля, соответствие уголовно-процессуальному законодательству. Судебное решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья принимает с участием следователя, руководителя следственного органа, прокурора, подозреваемого с его защитником, потерпевшим. Если подозреваемый, обвиняемый или потерпевший являются несовершеннолетними, то в процессе принимает участие представитель органа опеки. Как правило, последующий судебный контроль судья осуществляет при поступлении жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ на законность действий или бездействий должностных лиц, органов предварительного следствия

и дознания при подготовке ходатайства и при производстве процессуальных или следственных действий, связанных с принятием решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Сроки исполнения ходатайств и подачи жалоб достаточно подробно и корректно прописаны в уголовно-процессуальном законодательстве [5, с. 207—211].

Судья, принимая судебное решение о заключении лица под стражу, как правило, должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основании которых он принял такое решение. Как верно отмечает А. В. Смирнов, «предметом разбирательства являются не только формальные, но и фактические основания для принятия процессуального решения» [6, с. 245]. С учетом изученной научной, специальной и судебной практики можно предположить, что фактическими основаниями являются следующие: достоверность избранной квалификации с учетом совершенного деяния и правовой оценки доказательств, подтверждающих правильность квалификации преступного деяния; оценка совокупности данных, подтверждающих утверждение следователя, дознавателя о том, что лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления, намерено скрыться, продолжить свою преступную деятельность или воспрепятствовать проведению по уголовному делу. В контексте изложенного актуальной в современном уголовно-процессуальном законе является проблема незаконного задержания [7, с. 143—146]. Для уяснения фактических оснований избрания меры пресечения в виде заключения под стражу судья в судебном заседании устанавливает процессуальный статус представленного к задержанию и заключению под стражу; определяет, к какой категории относится совершенное общественно-опасное деяние, формы вины вменяемого преступления, наличие признаков, обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, наличие признаков совершения преступления в соучастии и его виды, возможно ли избрание более мягкой меры пресечения, чем заключение под стражу. Некоторые уголовно-правовые вопросы в своей работе рассматривает В. С. Кочетков [8, с. 220—223].

В ч. 5 ст. 108 УПК РФ записано, что «принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный розыск». Возникает правомерный вопрос: как действовать в случае объявления в местный или федеральный розыск? Всем известно, что местный розыск осуществляется на территории субъекта РФ, а федеральный розыск — на территории страны. Однако законодатель в полной мере не урегулировал процессуальные полномочия суда (судьи) в случае, когда место фактического задержания подозреваемого или объявленного в местный розыск отдалено на 500...600 км и достаточно затруднительно представить в суд оригиналы ходатайства с согласия руководителя следственного органа о принятии мер пресечения в виде заключения под стражу и другие процессуальные документы, подтверждающие аргументы следователя, изложенные в ходатайстве. В процессе осуществления местного или федерального розыска предположить место задержания и разослать ходатайство о заключении под стражу во все территориальные суды практически невозможно. Может возникнуть и другая ситуация, когда следователь временно отсутствует на рабочем месте и не имеет возможности направить в суд по месту задержания ходатайство о заключении под стражу подозреваемого или обвиняемого. В это же время ч. 1 ст. 92 УПК РФ требует: «После доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3-х часов должен быть составлен

протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные ст. 46 настоящего Кодекса» [3]. Видимо, необходимо принять организационно-управленческое решение об этапировании задержанного к месту нахождения инициатора розыска и это считать промежуточным фактом его задержания. Также следует учесть разумное время признания факта задержания, предусмотрев в УПК РФ определение понятия «разумный срок», используемого в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В данной ситуации срабатывает усмотрение следователя [9, с. 35—39].

Как уже отмечалось, в ч. 5 ст. 108 УПК РФ закреплено, что «принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается только в случае объявления обвиняемого в международный розыск» [3]. Следовательно, уголовно-процессуальный закон не учитывает обращение в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу при объявлении местного или федерального розыска, а также когда подозреваемый объявлен в местный, федеральный и международный розыск. Кроме того, уголовно-процессуальный закон не устанавливает место подсудности задержанного, объявленного в местный, федеральный и международный розыск. При такой ситуации и в целях оптимизации розыскной деятельности органа дознания следует внести уточнения в ст. 210 УПК РФ. Например, в ч. 3 ст. 210 УПК РФ после слова «обнаружения» вставить слова «подозреваемого или» и далее по тексту, т. е. ч. 3 ст. 210 УПК РФ должна иметь следующее содержание: «В случае обнаружения подозреваемого или обвиняемого он может быть задержан в порядке, установленном главой 12 настоящего Кодекса». Также в ч. 4 ст. 210 УПК РФ после слова «разыскиваемого» добавить слова «подозреваемого или», далее по тексту. Кроме этого необходимо ст. 210 УПК РФ дополнить новой частью 3(1) следующего содержания: «При задержании обвиняемого, объявленного в местный, федеральный либо в международный розыск по месту его задержания может быть принято судебное решение в случае поступления материалов с ходатайством об избрании меры пресечения в виде задержания под стражу, а во всех остальных случаях принимается судебное решение об его этапировании к месту расположения инициатора розыска». Одновременно также следует внести следующее дополнение в содержание ч. 5 ст. 108 УПК РФ: после слова «обвиняемого в» добавить слова «местный или федеральный либо», далее по содержанию. Следовательно, ч. 5 ст. 108 УПК РФ излагается в следующей редакции: «Принятие судебного решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отсутствие обвиняемого допускается в случае объявления обвиняемого в местный или федеральный либо международный розыск». Для этого следователь в постановление об объявлении розыска и в розыскную карту должен внести наряду с другими следующие данные: о задержании обвиняемого и заключении под стражу; о задержании подозреваемого и этапировании инициатору розыска. Предлагаемые положения желательны внести в ст. 210 УПК РФ.

В ст. 108 УПК РФ также не учитывается ситуация, когда подозреваемый находится в оперативной разработке, тогда возникает проблема с принятием решения о заключении его под стражу с одновременным возбуждением уголовного дела. Вопросы возникают и в плане организации судебного заседания в части определения даты, времени и своевременного уведомления заинтересованных лиц о назначении заседания суда. В связи с этим в УПК РФ необходимо предусмотреть конкретные виды оперативно-розыскных мероприятий, которые могут быть проведены с разрешения суда (обследование жилых

зданий и помещений [10, с. 12—16]; контроль почтовых отправок, телефонных и иных сообщений; снятие информации с технических каналов связи и компьютерной информации; прослушивание телефонных переговоров и оперативный эксперимент) и по которым могут быть приняты меры по задержанию с заключением под стражу на стадии возбуждения уголовного дела (например, оперативный эксперимент, широко используемый в оперативно-розыскной деятельности при реализации материалов оперативно-розыскного (поискового) дела).

С момента поступления в суд ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и принятие судебного-контрольного решения требуют от судьи реализации некоторых организационно-распорядительных функций, предусмотренных в ч. 6 ст. 108 УПК РФ: участием процесса разъясняются права и обязанности; прокурор или руководитель следственного органа или по его поручению следователь или дознаватель возбужденного ходатайства обосновывает доводы принятия меры пресечения в виде задержания под стражу, затем заслушиваются другие участники процесса. Помимо указанных организационных вопросов в ч. 6 ст. 108 УПК РФ, суд дополнительно принимает и другие организационно-управленческие и распорядительные решения, к которым относятся: принятие и регистрация ходатайства с материалами, имеющимися в качестве приложения; предоставление даты, года и времени поступления документов вплоть до минуты; доклад председателю или его заместителю, при их отсутствии дежурному судье для принятия решения о рассмотрении данного ходатайства (требуется срочность, так как данный вид деятельности ограничен сжатými временными рамками); председатель или его заместитель должен учитывать реальные возможности судьи для рассмотрения указанного ходатайства в пределах рабочего времени согласно четвертому разделу Трудового кодекса РФ (здесь нужно учесть локальные нормативные акты, регулирующие вопрос ненормированного рабочего времени), поэтому возможность рассмотрения в короткие или разумные сроки является усмотрением судьи; судья, которому поручено ходатайство для рассмотрения, проводит предварительное исследование всех представленных документов, определяет подсудность, вероятных участников судебного заседания, дату и время его проведения и способы уведомления участников, он через секретаря судебного заседания назначает время, дату и место проведения судебного заседания, дает распоряжение об уведомлении участников заседания. Исходя из полноты материалов досудебного производства, судья определяет необходимость прибытия конвоя для этапирования задержанного, подлежащего заключению под стражу. Судебное заседание проводится в следующей последовательности: судья объявляет содержание ходатайства, наличие процессуальных материалов и иных документов и предмет судебного разбирательства; судья принимает доклад секретаря о явке извещенных лиц; допускает переводчика и разъясняет права, обязанности и ответственность; устанавливает личность подозреваемого (обвиняемого) и его процессуальный статус, время задержания, наличие отвода, разъяснение подозреваемому или обвиняемому и его представителю их прав и обязанностей, относящихся к содержанию предмета судебного заседания; оглашение следователем, дознавателем, руководителем следственного органа, начальником подразделения органа дознания или прокурором описательно-мотивировочной и резолютивной части постановления, предоставление ему права дополнительного обоснования постановления; заслушивание материалов, имеющих при ходатайстве, и мнения участников судебного заседания. В данном судебном заседании вопросы могут быть заданы судьей. Другие участники имеют право заключительных реплик. Затем судья удаляется в совещательную комнату

для вынесения постановления, затем объявляет постановление и разъясняет право его обжалования. На судебном заседании в соответствии со ст. 259 УПК РФ ведется протокол судебного заседания. Постановление суда (судьи), заверенное подписью и печатью, передается должностному лицу, возбудившему ходатайство о заключении под стражу для его исполнения.

К сожалению, изученная судебная практика субъектов ЮФО Российской Федерации показывает, что при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в основном руководствуются положением ч. 6 ст. 108 УПК РФ. На вопрос о том, почему так часто используется упрощенный порядок рассмотрения ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 12,4 % из числа опрошенных ответа не дали, а 87,6 % судей объяснили это отсутствием времени.

Другим видом меры пресечения, избираемого судом (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ) по ходатайству органа предварительного следствия и дознания, может быть домашний арест, предусмотренный в ст. 107 УПК РФ, применяемый по ходатайству следователя с санкции руководителя следственного органа или дознавателем с санкции прокурора по решению суда общей юрисдикции (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Такой вид меры пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого по решению суда в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, с учетом особенностей, определенных в ст. 107 УПК РФ.

Следующими видами меры пресечения являются залог и запрет определенных действий (п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Например, в п. 1 ч. 2 ст. 29 УПК РФ предусмотрено, что только суд правомочен принимать решение о запрете определенных действий в качестве меры пресечения, применяемой в отношении подозреваемого или обвиняемого. Поводом для принятия судебного решения по избранию меры пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105(1) УПК РФ) является ходатайство следователя с согласия руководителя следственного органа или дознавателя с согласия прокурора, в котором прописан один, несколько или весь перечень запретов, указанных в ч. 6 ст. 105(1) УПК РФ. В ходатайстве обозначены мотивы и основания их установления в отношении подозреваемого или обвиняемого и невозможность избрания иной меры пресечения. Для подтверждения мотива и основания избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий к ходатайству в качестве подтверждения прилагаются следующие процессуальные документы: постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании меры пресечения, копия паспорта подозреваемого или обвиняемого, водительское удостоверение на право управления транспортом (если подозреваемому или обвиняемому инкриминируется совершение ДТП) и иные материалы дела. Если суд посчитает необходимым, то может возложить дополнительные запреты на подозреваемого или обвиняемого, помимо указанных в ходатайстве. В постановлении суда об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий указываются конкретные условия запрещенных видов деятельности, возлагаемых судом, а также контролирурующие органы по исполнению постановления.

Далее в ст. 29 УПК РФ предусмотрен ряд иных мер процессуального принуждения: временное отстранение от должности (ст. 114 УПК РФ), наложение ареста на имущество (ст. 115 и 116 УПК РФ), установление срока ареста, наложенного на имущество, и его продление в порядке, предусмотренном УПК РФ (ст. 115(1)), возмещение имущественного вреда (ст. 135 УПК РФ). Например, при наложении ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ) уголовно-процессуальный закон в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества,

указанных в ч. 1 ст. 104(1) УК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого либо лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми, или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации). При такой ситуации необходимо тщательно в полном объеме установить взаимосвязь преступной группы и подозреваемого или обвиняемого в совершении другого преступления. Вместе с тем суды не всегда устанавливают конкретные фактические обстоятельства, а также ограничения, связанные с владением, пользованием, преступным распоряжением подлежащим аресту имуществом. Иногда в постановлениях следователя не указывают, какую часть ст. 115 УПК РФ необходимо предусмотреть в ходатайстве, а суды этот факт не устанавливают при принятии судебного контроля.

Примером могут служить материалы по факту возбуждения уголовного дела по ч. 1 ст. 330 УК РФ (самоуправство). По ходатайству с согласия прокурора районный суд налагает арест на имущество (земельный участок сельскохозяйственного назначения), которое не принадлежит подозреваемому, не имеются сведения о получении его в результате преступных действий, а также об использовании его в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления (Бобровский райсуд Воронежской области от 11.04.2017 г.). В другом случае суд, налагая арест на транспортное средство и недвижимое имущество обвиняемого, руководствуется всеми тремя частями ст. 115 УПК РФ и не указывает конкретно ту часть статьи, на которую надлежало сделать ссылку в постановлении суда (Железнодорожный райсуд г. Воронежа). В п. 13 Постановления Пленума ВС РФ № 19 от 01.06.2017 г. указано, что, рассматривая ходатайство о наложении ареста на имущество, судья должен убедиться, что на указанное в ходатайстве имущество, принадлежащее подозреваемому или обвиняемому, может быть обращено взыскание по исполнительным документам с учетом положений ст. 446 ГПК РФ. Примером может служить отказ суда в удовлетворении ходатайства следователя о наложении ареста на жилище обвиняемого в совершении преступления по делам о коррупции, у которого жилище было единственно пригодным для постоянного проживания (Приморский районный суд г. Новороссийска). В другом случае также судом признано несостоятельным ходатайство об аресте транспортного средства, необходимого гражданину-должнику в связи с его инвалидностью.

Возникают определенные сложности при наложении ареста на некоторые предметы преступного посягательства (жидкие, сыпучие и газообразные, не имеющие признаков, но имеющие определенные свойства). В данной ситуации суд, прежде чем приступить к рассмотрению ходатайства об аресте предмета преступного посягательства, должен проверить и оценить представленные процессуальные документы: протокол изъятия предмета или документов с описанием свойств и признаков; протокол осмотра предмета и документов с полным описанием при участии специалиста. В этом же протоколе должен быть обозначен порядок и условия упаковки или консервации

этих предметов или документов с соблюдением норм уголовно-процессуального закона; протокол допроса подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего о признаках и свойствах, а также о происхождении и принадлежности похищенного предмета или документа; при необходимости заключение судебного эксперта о свойствах и признаках предмета (особенно сыпучих, жидких и газообразных продуктов) или документа с достоверным выводом. Все эти и другие материалы уголовного дела суд обязан проанализировать, сопоставить с содержанием ходатайства, проверить и оценить в соответствии со ст. 87 и 88 УПК РФ, при необходимости выслушать стороны. К сожалению, эти требования не были выполнены Каширским районным судом по делу от 04.05.2017 г. по факту мошенничества с дизельным топливом в количестве 400 тонн, которое было арестовано Арбитражным судом Воронежской области на момент обращения следователя в суд общей юрисдикции с ходатайством об аресте. Когда предмет преступного посягательства или иное имущество, находящееся у третьих лиц, подлежит аресту, для возмещения материального ущерба, нанесенного преступлением, необходимо руководствоваться Постановлением Конституционного суда.

Второй аспект исследуемой проблемы касается вопросов производства следственных или иных процессуальных действий на предварительном следствии или дознании, осуществляемых по судебному разрешению согласно ч. 1—4 ст. 165 УПК РФ, или в исключительных случаях, когда их производство не терпит отлагательства проведения следственных или иных процессуальных действий следователем или дознавателем, после их проведения судом общей юрисдикции подвергается проверке законность решения о его производстве (ч. 5 ст. 165 УПК РФ). К таким следственным или иным процессуальным действиям относятся следующие: осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; обыск и (или) выемка в жилище; обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката в соответствии со ст. 450(1) УПК РФ; личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ; наложение ареста на корреспонденцию, разрешение на ее осмотр и выемку в учреждениях связи; о контроле и записи телефонных и иных переговоров; о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, а также о временном отстранении подозреваемого или обвиняемого от должности в соответствии со ст. 114 УПК РФ.

В постановлении о возбуждении ходатайства перед судом зачастую указываются недостоверные сведения, не имеющие отношения к делу. Например, в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного ведения землеустроительных работ в устье реки Кубань фирмой ООО «Земснаряд» установлено, что главный бухгалтер с согласия директора в отчетах и декларациях об объеме выполненных работ указал занижение, а с учетом данных черновых записей установлена реализация грунта и строительного песка, в два раза превышающая нормы добытого. Таким образом, установлен факт недоплаты рабочим заработной платы и сокрытие доходов от налогообложения. Также рассмотрены финансово-хозяйственные взаимоотношения фирмы ООО «Земснаряд» с фирмами «Песок», «АКК», «Барс», «Старт» и др., но органом предварительного следствия не были установлены факты причастности этих фирм к преступной деятельности руководителя фирмы ООО «Земснаряд» [11]. Несмотря на это следователь обратился в суд за получением судебного решения о производстве обыска в помещении бухгалтерии с целью изъятия первичных бухгалтерских документов. Это постановление отклонено судом по причине отсутствия достоверных данных о производстве обыска, судья в соответствии с п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 г. № 19 проверил

наличие фактических обстоятельств, служащих основанием для производства данного следственного действия, указанного в ходатайстве следователя [12, с. 234—239].

Вопросы, посвященные охране частной и иной собственности, обозначенные в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, составляют **третий аспект** рассматриваемой в статье проблемы. К ним, по нашему мнению, следует отнести: возмещение имущественного вреда; выемку заложной или сданной на хранение в ломбард вещи; выемку предметов и документов, имеющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах граждан в банках и иных кредитных организациях; установление срока ареста, наложенного на имущество, и его продление в порядке, предусмотренном УПК РФ; реализацию, утилизацию или уничтожение вещественных доказательств, указанных в подп. «в» п. 1, подп. «б», «в» п. 2, п. 3 и 6—8, подп. «г» п. 9 ч. 2 ст. 82 УПК РФ.

Четвертый аспект проблемы рассматривает актуальные вопросы судебного порядка рассмотрения жалоб на неправомерные действия или бездействия органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора на досудебном производстве по уголовным делам (ст. 125 УПК РФ). Письменное заявление в виде жалобы может быть подано в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представите-

лем непосредственно или через дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа или прокурора (ч. 2 ст. 125 УПК РФ). В заявлении заявителя нужно указать конкретный предмет судебного контроля, подлежащего проверке, как незаконное действие или бездействие должностного лица органа предварительного следствия и дознания, которые «способны» нарушить конституционные права или ограничения прав на доступ к правосудию [13, с. 50—53] и, по мнению автора статьи, является оценочным понятием. Предмет судебного контроля подлежит доказыванию [14, с. 36—41]. В последние годы улучшилось качество расследования уголовных дел и в связи с этим сократилось на 5,2 % количество жалоб, поданных в суд на действия должностных лиц, осуществляющих уголовное производство [15, с. 60].

Заключение

Рассмотренные в статье четыре аспекта деятельности суда при вынесении судебных решений о применении отдельных мер процессуального пресечения, принуждения и разрешения производства отдельных следственных действий являются малоизученными и требуют внимательного изучения и научного исследования для повышения уровня следственных действий и справедливого судебного разбирательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Харадуров А. А. Задержание с последующим заключением под стражу на предварительном следствии : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. 178 с.
2. Махнева А. Д. Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 4. С. 136—144.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020 г.).
4. Махтук С. О. Процессуальный контроль руководителя следственного органа: понятие, субъекты, принципы // Российский следователь. 2020. № 6. С. 8—12.
5. Левичев Д. С., Юрчук С. В., Брестер А. А. Проблемы исполнения сроков решения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки. 2018. Вып. 1(60). С. 207—211.
6. Баркалов Е. В. Тактика производства следственных действий на последующем этапе расследования незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ // Российский следователь. 2018. № 12. С. 12—16.
7. Черников С. А., Горшков М. А. Незаконное задержание как основание привлечения к уголовной ответственности // Российская наука в современном мире : сб. ст. XXVII междунар. науч.-практ. конф., 2020. С. 143—146.
8. Кочетков В. С. Современное состояние и динамика развития преступлений, связанных с незаконным задержанием, заключением под стражу или содержанием по стражей // Правовые аспекты нацистроительства в России: история и современность : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, г. Саранск, 17 апр. 2020 г. Саранск : ЮрЭксПрактик, 2020. 272 с. С. 220—223.
9. Кунашев М. А. Понятие усмотрения следователя // Российский следователь. 2019. № 2. С. 35—39.
10. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. СПб. : Питер, 2006. 1008 с.
11. Материалы уголовного дела № 4871/20 // Архив Приморско-Ахтарского суда Краснодарского края за 2020 г.
12. Архив Приморско-Ахтарского суда Краснодарского края. 2020. Т. 12. С. 234—239.
13. Миргородская Э. Р. К вопросу об определении предмета судебного контроля при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ // Российский судья. 2021. № 3. С. 50—53.
14. Устинов А. А. Особенности доказывания при рассмотрении судом жалоб в ходе досудебного производства по делу // Российский судья. 2020. № 7. С. 36—41.
15. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 60.

REFERENCES

1. Kharadurov A. A. *Arrest followed by detention during preliminary investigation. Diss. of the Cand. of Law*. Krasnodar, 2005. 178 p. (In Russ.)
2. Makhneva A. D. Illegal arrest, detention or keeping in custody. *Union of criminalists and criminologists*, 2019, no. 4, pp. 136—144. (In Russ.)
3. *The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 12.18.2001 No. 174-FZ* (revised on 02.18.2020). (In Russ.)
4. Makhtyuk S. O. Procedural control of the head of the investigative body: concept, subjects, principles. *Russian investigator*, 2020, no. 6, pp. 8—12. (In Russ.)
5. Levichev D. S., Yurchuk S. V., Brester A. A. Problems of execution of deadlines for resolving complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Scientific community of students of the XXI century. Social Sciences*, 2018, iss. 1(60), pp. 207—211. (In Russ.)

6. Barkalov E. V. Tactics of the production of investigative actions at the next stage of the investigation of the illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances. *Russian investigator*, 2018, no. 12, pp. 12—16. (In Russ.)
7. Chernikov S. A., Gorshkov M. A. Illegal detention as a basis for bringing to criminal responsibility. In: *Russian science in the modern world. Collection of art. of the XXVII int. sci. and pract. conf.*, 2020, pp. 143—146. (In Russ.)
8. Kochetkov V. S. The current state and dynamics of the development of crimes associated with illegal detention, imprisonment or custody. In: *Legal aspects of nation-building in Russia: history and modernity. Materials of the All-Russ. sci. conf. with int. participation, Saransk, April 17, 2020*. Saransk, YurExPraktik, 2020. Pp. 220—223. (In Russ.)
9. Kunashev M. A. Concept of discretion of the investigator. *Russian investigator*, 2019, no. 2, pp. 35—39. (In Russ.)
10. Smirnov A. V., Kalinovskiy K. B. *Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. Saint Petersburg, Piter, 2006. 1008 p. (In Russ.)
11. Materials of the criminal case No. 4871/20. *Archive of the Primorsko-Akhtarsky court of the Krasnodar Territory for 2020*. (In Russ.)
12. *Archive of Primorsko-Akhtarsky court, Krasnodar region*, 2020, vol. 12, pp. 234—239. (In Russ.)
13. Mirgorodskaya E. R. On the question of determining the subject of judicial control when considering complaints in accordance with Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Russian judge*, 2021, no. 3, pp. 50—53. (In Russ.)
14. Ustinov A. A. Features of proof when considering the court of complaints in the course of pre-trial proceedings in the case. *Russian judge*, 2020, no. 7, pp. 36—41. (In Russ.)
15. Review of judicial statistics on the activities of federal courts of general jurisdiction and justices of the peace in 2019. *Russian Justice*, 2020, no. 8, p. 60. (In Russ.)

Как цитировать статью: Власов В. И. Деятельность суда при вынесении судебных решений о применении отдельных мер процессуального пресечения, принуждения и разрешения производства отдельных следственных действий // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 265—271. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.312.

For citation: Vlasov V. I. Activity of the court during judgment decisions on the application of certain measures of procedural prevention, forcing and permission of production of certain investigative actions. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 265—271. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.312.

УДК 343.2
ББК 67.408

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.368

Gileva Nadezhda Sergeevna,
2nd year student of School of Law,
Far Eastern Federal University,
Russian Federation, Vladivostok,
e-mail: gileva.ns@students.dvfu.ru

Гилева Надежда Сергеевна,
студент 2-го курса Юридической школы,
Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, г. Владивосток,
e-mail: gileva.ns@students.dvfu.ru

Kaigorodova Olga Vladimirovna,
2nd year student of School of Law,
Far Eastern Federal University,
Russian Federation, Vladivostok,
e-mail: kaigorodova.ov@students.dvfu.ru

Кайгородова Ольга Владимировна,
студент 2-го курса Юридической школы,
Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, г. Владивосток,
e-mail: kaigorodova.ov@students.dvfu.ru

Pintiy Natalia Ivanovna,
2nd year student of School of Law,
Far Eastern Federal University,
Russian Federation, Vladivostok,
e-mail: kaigorodova.ov@students.dvfu.ru

Пинтий Наталья Ивановна,
студент 2-го курса Юридической школы,
Дальневосточный федеральный университет,
Российская Федерация, г. Владивосток,
e-mail: pintii.ni@students.dvfu.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОШИБКА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ

THE LEGAL ERROR IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT AND CONSEQUENCES

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

Преступность как социальное явление тесно связано с самим социумом. Борьба с этим неотъемлемым негативным явлением составляет важный аспект жизни любого современного общества. Согласно предписаниям закона и моральным установкам людей, наказание должно быть справедливым и наиболее точным. Уполномоченными государственными органами и должностными лицами производится квалификация содеянного с целью того, чтобы как можно точнее и правильно

нее отразить произошедшее и получить возможность принять дальнейшее решение, которое определено повлияет на дальнейшую жизнь человека. Этим объясняется значимость роли института ошибки в уголовном праве при квалификации содеянного. В этом заключается проблема ошибки в уголовном праве, которая и исследуется в данной статье.

Согласно одной из наиболее часто применяемых на практике классификаций уголовно-правовых ошибок,

все они делятся на два вида: фактическая ошибка и юридическая ошибка. Авторами исследуется именно второй вид в силу его практической значимости.

В статье раскрывается плюрализм термина «юридическая ошибка». Помимо этого, авторы также раскрывают и проводят анализ основных классификаций юридической ошибки. Важным моментом в проведенном исследовании являются определенные правила квалификации содеянного при наличии той или иной разновидности ошибки. По каждой рассматриваемой разновидности юридической ошибки приведена судебная практика, позволяющая проследить особенности данного правового института на примере конкретных дел. Завершая анализ проблемы применения правил квалификации содеянного при наличии юридической ошибки, авторы делают вывод о необходимости законодательного урегулирования юридической ошибки в уголовном праве Российской Федерации.

Crime, as a social phenomenon, is closely related to the society itself. The fight against this inherent negative phenomenon is an important aspect of the life of any modern society. According to the prescriptions of the law and the moral principles of people, punishment should be fair and most accurate. The authorized state bodies and officials carry out the qualification of the deed in order to reflect what happened as accurately and correctly as possible and to be able to make a further decision, which will definitely affect the future life of a person. This explains the importance of the role of the institution of error in criminal law in the qualification of the offense. Therein lies the problem of error in criminal law, which is explored in this article.

According to one of the most frequently used classifications of criminal law errors, they are all divided into two types: factual error and legal error. The authors investigate precisely the second type due to its practical significance.

The article reveals the pluralism of the term “legal error”. In addition, the authors also disclose and analyze the main classifications of this institution. An important point in the study is the legal consequences of a legal error in the criminal law of the Russian Federation. For each type of legal error under consideration, the court practice is given, which makes it possible to trace the process of applying this legal institution in a real case. Concluding the analysis of the problem of applying the rules of qualification of the offence in the presence of a legal error, the authors conclude that there is a need for legislative regulation of the legal error in the criminal law of the Russian Federation.

Ключевые слова: уголовное право, преступление, квалификация содеянного, судебная практика, юридическая ошибка, мнимое преступление, позитивная ошибка, негативная ошибка, презумпция знания закона, правовые последствия.

Keywords: criminal law, crime, qualification of the offense, judicial practice, legal error, alleged crime, positive error, negative error, presumption of knowledge of the law, legal consequences.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена отсутствием в законодательстве РФ четкого регулирования института уголовно-правовой ошибки, в том числе юридической, применения правил квалификации содеянного при наличии юридической ошибки. Не существует и единого доктринального представления в кругах ученых-юристов. Судебную практику также нельзя назвать однозначной и устоявшейся. А необходимость более детальной проработки данной проблемы и поиска путей ее решения остается в силу важной роли юридической ошибки при квалификации содеянного.

Изученность проблемы. Среди авторов, занимающихся исследованием данной темы, можно назвать таких ученых-юристов, как Прохоров А. Ю., Дагель П. С., Рарог А. И., Алиев З. Г., Фаткуллина М. Б. и др. Но, несмотря на немалое количество авторов, изучающих тему юридической ошибки в уголовном праве, степень ее разработанности остается на низком уровне.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время уголовно-правовая наука и судебная практика не выработали единого подхода, касающегося применения правил квалификации содеянного при наличии юридической ошибки.

Научная новизна исследования заключается в осуществлении анализа текущего порядка и перспектив совершенствования оценки правовых последствий совершения юридической ошибки. В работе также содержатся выводы по совершенствованию действующего уголовного законодательства для устранения существующих на сегодняшний день трудностей при учете последствий юридической ошибки при квалификации содеянного.

Целью исследования является изучение проблем института юридической ошибки в уголовном праве РФ, его практического применения, а также выработка мнения относительно урегулированности данного вопроса в законодательстве нашей страны.

Для достижения вышеуказанной цели предполагается решение следующих **задач**: изучение понятия «юридическая ошибка в уголовном праве РФ» путем обобщения различных теоретических подходов; анализ классификации юридической ошибки в уголовном праве; исследование судебной практики по представленным разновидностям юридической ошибки; формулирование четкого вывода по проведенному исследованию проблем института юридической ошибки в уголовном праве РФ.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении знаний о проблемах института юридической ошибки в уголовном праве. **Практическая значимость**, в свою очередь, заключается в возможности использования исследования в правоприменительной деятельности для наиболее полной и верной квалификации содеянного.

Методология. При написании статьи были использованы методы формализации, системный, исторический, сравнительно-правовой, социологический и другие методы исследования.

Основная часть

В уголовном праве России не содержится легального определения используемого в юридической науке термина «ошибка». Этот пробел восполняют доктринальные труды. Но, надо сказать, что и в юридической научной литературе единого общепринятого подхода к пониманию данного термина не сложилось.

Так, в учебнике под редакцией Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева субъективная ошибка определяется как «заблуждение лица относительно фактических обстоятельств, определяющих характер и степень общественной опасности совершаемого деяния, либо относительно юридической характеристики деяния» [1, с. 193]. А. В. Наумов пишет, что «ошибка — это неверное представление лица о действительном юридическом и фактическом характере совершенного им деяния и его последствий» [2, т. 1, с. 248]. М. Б. Фаткуллина определяет ошибку как неверное знание, полученное под влиянием заблуждения лица о юридических или фактических обстоятельствах совершаемого им деяния [3, с. 8]. А. А. Кочетков, говоря о фактической ошибке — одной из разновидностей ошибки в уголовном праве, — определял ее как «неадекватное объективной реальности психическое отношение лица

к совершаемому им значимому для уголовного права действию (бездействию) и его последствиям» [4, с. 11]. Следуя логике автора, под юридической ошибкой можно понимать неадекватную правовой реальности психическое отношение лица к соответствующим юридическим признакам содеянного. Таким образом, автор определяет ошибку именно через психическое отношение человека.

Однако мы не можем согласиться ни с одним из представленных выше определений. Более корректным и верным представляется трактовка, которую предлагает А. Ю. Прохоров. В своей диссертации он проводит сравнительный анализ существующих в доктрине уголовного права определений различных юристов-теоретиков и делает выводы об их ошибочности, а также предпринимает «попытку обоснования собственного подхода к дефиниции ошибки». А. Ю. Прохоров указывает, что «ошибку в уголовном праве можно определить как основанную на заблуждении относительно юридических или фактических свойств совершаемого деяния реализацию преступного намерения (подлинного или мнимого), не соответствующую в полном объеме представлению лица о природе, содержании и последствиях содеянного» [5, с. 122].

Существует множество классификаций субъективной ошибки в уголовном праве, однако вследствие своей большей практической значимости наиболее распространенным является деление ошибок в зависимости от характера неправильных заблуждений на юридические и фактические.

В профессиональной литературе под юридической ошибкой понимается такая ошибка, которая основывается на заблуждении субъекта относительно правовых свойств совершаемого деяния и его юридических последствий, а именно о его преступности или несправедливости, о квалификации содеянного, а также о характере (виде, размере) наказания, назначаемого за совершенное преступление [5, с. 138].

Исходя из самого определения, можно выделить самостоятельные подвиды юридической ошибки, относительно которых и следует говорить об уголовно-правовых последствиях совершения той или иной ошибки.

1. Мнимое преступление, или позитивная ошибка. Заключается эта ошибка в том, что лицо, совершая (или совершив) деяние, считает его преступным, в то время как оно таковым не является. Уголовный закон либо вообще не содержит предполагаемой лицом нормы (в силу чего деяние не может быть признано уголовно противоправным), либо содержит норму, включающую условия, в силу которых деяние становится правомерным [6]. Данная ошибка не несет за собой юридических последствий в силу того, что такое деяние не является ни общественно опасным, ни противоправным, а следовательно, такое деяние не подходит под понятие «преступление», раскрываемое в ст. 14 УК РФ [7]. Конечно же, позитивная ошибка не может являться основанием для привлечения к уголовной ответственности в силу положений, содержащихся в ст. 8 УК РФ.

При совершении мнимого преступления хоть и невозможно привлечение к уголовной ответственности, не исключается возможность нарушения лицом норм иных отраслей права и, как следствие, привлечение к иным видам ответственности. Так, например, Д. Ю. Краев в своей статье приводит такой пример: Камчатский областной суд рассматривал дело, по которому Б. с целью тайного хищения чужого имущества проник в помещение школы и похитил аудиомagnetofон стоимостью 50 руб. Суд указал, что данное деяние не является уголовно наказуемым, так как является административным правонарушением, предусмотренным ст. 7.27 КоАП РФ [8] [9, с. 43].

Также еще одной причиной возникновения позитивной ошибки может быть совершение деяния при наличии обсто-

ятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ. Так, в деле, рассматриваемом Верховным Судом Республики Марий Эл в 2003 г., гражданином Т., ставший свидетелем ссоры между С. и Л., сделал замечание Л. После чего Л. попытался напасть на Т. с ножом. Тогда Т. выхватил нож из рук нападавшего и нанес удар лезвием в шею Л. Испугавшись, что С., ставший свидетелем, сообщит о случившемся в полицию, Т. задушил его шарфом. Таким образом, суд установил, что Т. причинил смерть Л. в состоянии необходимой обороны, соответственно, в этой части в его действиях отсутствует состав преступления. Гражданин Т. был привлечен к уголовной ответственности лишь за деяние в отношении С. [9, с. 46—47].

В целом мнение юристов относительно мнимого преступления неоднозначно, дискуссий в данном случае нет: позитивная ошибка не меняет несправедливого характера совершенного лицом деяния и исключает уголовную ответственность. Перейдем к противоположному подвиду юридической ошибки.

2. Негативная ошибка. Она возникает, когда лицо ошибочно полагает, что совершаемое им деяние правомерно, в то время как в действительности оно обладает признаками общественной опасности и признается уголовным законом преступным. В РФ такая ошибка не влияет на квалификацию содеянного, что вызывает многочисленные дискуссии в юридических кругах. С данной ошибкой тесно связано выражение «Незнание закона не освобождает от ответственности». Это означает, что «никто не вправе требовать освобождения от ответственности за совершенное преступление, ссылаясь на незнание уголовного закона» [10, с. 277]. Споры о правовой природе этого выражения не утихают по сей день: одни авторы считают это правовым принципом [3], другие — правовой аксиомой [11], третьи же — правовой презумпцией [12]. Последний подход остается преобладающим, однако критикуется безапелляционное применение данной презумпции на практике, так как в ряде случаев это может противоречить уголовно-правовому принципу субъективного вменения.

Презумпция знания закона основывается на том факте, что законы публикуются в источниках, доступных населению, тем самым предаются всеобщей огласке. Предполагается, что «надлежащим образом опубликованный закон известен всем и с момента вступления его в силу подлежит соблюдению всеми» [13, с. 35—36]. Презумпция знания закона, конечно же, не остается без критики, ведь любую презумпцию можно опровергнуть при наличии определенных обстоятельств. Так, сложность и неоднозначность правовых норм, динамичность изменений законодательства, наличие правовых коллизий и пробелов в праве, обилие бланкетных диспозиций, да и простые нарушения законодателем юридической техники — все это существенно затрудняет адекватное восприятие уголовного закона и возможность в нем ориентироваться. При том, что уровень правосознания населения в РФ весьма низок, что подтверждается различными социологическими исследованиями. Помимо этого, нередки случаи криминализации деяний, общественная опасность которых может быть неочевидной для населения.

Порядок вступления уголовных законов в силу также может послужить причиной совершения негативной ошибки. Дело в том, что большинство новых законов вступают в силу с момента их официального опубликования, что лишает граждан (и иных субъектов уголовного права) возможности предварительно ознакомиться с содержанием закона, осознать и усвоить предписания.

Лицо может не знать и не иметь возможности узнать о том или ином содержании норм уголовного права и в силу иных исключительных обстоятельств. Например, если речь идет о неосведомленности иностранных граждан, страна проживания которых существенно отличается от России

политическим строем, религией, обычаями, принадлежностью к иной правовой системе. Еще одним примером служит отсутствие знания об установленном уголовно-правовом запрете у лица, длительное время пребывавшего с геологической экспедицией в отдаленных районах при отсутствии соответствующих источников информации [14, с. 172—173]. Не стоит забывать и о социально неадаптированных категориях населения (лица без определенного места жительства; граждане, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации; вынужденные переселенцы (беженцы); граждане, освобожденные из мест лишения свободы, и др.).

На сегодняшний день рассматриваемый подвид юридической ошибки не оказывает влияния на уголовную ответственность лица в РФ. Однако множество предложений по внесению корректировок в действующее уголовное законодательство со стороны критиков такого подхода свидетельствуют о неоднозначном отношении к данной ошибке.

3. Ошибка относительно квалификации содеянного, а также относительно вида и размера наказания. Некоторые авторы выделяют два самостоятельных подвида. Так, А. И. Плотников разделяет ошибку относительно юридических последствий на два заблуждения, а именно: заблуждение по поводу наказания и заблуждение в различных формах ответственности [15, с. 69]. Однако принципиальной важности такого деления нет в силу отсутствия практического и юридического значения у обеих разновидностей.

Ошибка в квалификации, как и ошибка в наказуемости, не оказывает никакого влияния на уголовно-правовую оценку деяния. Если лицо осознает общественную опасность и противоправность совершаемых действий (бездействий), то не имеет значения, осведомлено ли указанное лицо о точных пределах наказуемости и верно ли оно квалифицировало свое деяние, так как данная ошибка попросту не исключает вину и не влияет на нее. Такое лицо может быть (при соблюдении прочих условий) привлечено к уголовной ответственности.

Заключение

Итак, подведем итоги проведенного нами исследования. Стоит отметить, что единого, общепринятого понятия юридической ошибки не существует на настоящий день ни в уголовно-правовой доктрине, ни в законодательстве РФ. Также отсутствует единство относительно классификации рассматриваемого правового явления, однако можно выделить наиболее часто встречающиеся на практике разновидности юридической ошибки: мнимое преступление (позитивная ошибка); негативная ошибка; ошибка относительно квалификации содеянного, а также относительно вида и размера наказания.

Считается, что юридическая ошибка не влияет на уголовную ответственность, так как не влияет ни на форму

вины, ни на квалификацию, ни на размер наказания. Уголовная ответственность лица, заблуждающегося относительно правовых свойств и юридических последствий совершаемого деяния, наступает в соответствии с оценкой этого деяния не субъектом, а законодателем [1, с. 194].

«Очевидно, что наличие ошибки может значительным образом повлиять на квалификацию совершенного деяния. Она устанавливает признаки субъективной стороны преступления, характер и содержание интеллектуальных и волевых процессов» [16, с. 112]. Неточная или вовсе неверная квалификация содеянного, конечно же, провоцирует ряд проблем в правоприменительной деятельности, порождает случаи объективного вменения, которое не допускается статьей 5 УК РФ.

Учитывая описанную ситуацию, предлагаемый многими учеными-юристами подход к решению данной проблемы, который заключается во внесении в действующий УК РФ соответствующих положений, представляется весьма верным.

В связи с этим в качестве главного вывода, отражающего полученные результаты проведенного нами исследования проблемы квалификации содеянного с учетом совершения лицом юридической ошибки, авторами статьи предлагается дополнить УК РФ следующими положениями:

Юридической ошибкой является основанная на заблуждении относительно правовых свойств совершаемого деяния и его юридических последствий реализация преступного намерения (подлинного или мнимого) лица.

Юридическая ошибка, основанная на заблуждении относительно преступности совершаемого лицом неправомерного деяния, не влияет на квалификацию содеянного.

Юридическая ошибка, основанная на заблуждении относительно неправомерности совершаемого лицом преступного деяния, при условии, что лицо не знало и по обстоятельствам дела не могло знать о его преступном характере, а общественная опасность содеянного не являлась очевидной, влияет на квалификацию содеянного вследствие исключения уголовной ответственности лица.

Юридическая ошибка, основанная на заблуждении лица относительно квалификации содеянного, а также относительно вида и размера наказания, не влияет на квалификацию содеянного.

Законодательное закрепление понятия и уголовно-правовых последствий совершения лицом ошибки, безусловно, способствовало бы укреплению законности применения самого института ошибки в уголовном праве, позволило бы более полно и точно квалифицировать деяния лиц, что, в свою очередь, благотворно повлияло бы на назначение наказаний, уменьшило случаи объективного вменения и существенно устранило сложности правоприменительной практики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. / Под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рапога, А. И. Чучаева. М. : Контракт : ИН-ФРА-М, 2008. 560 с.
2. Наумов А. В. Российское уголовное право: общая часть : курс лекций. Т. 1. М. : Юрид. лит., 2004. 496 с.
3. Фаткуллина М. Б. Юридические и фактические ошибки в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 199 с.
4. Кочетков А. А. Фактическая ошибка и квалификация преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 197 с.
5. Прохоров А. Ю. Институт ошибки в романо-германском уголовном праве: компаративистский и теоретико-прикладной аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 222 с.
6. Бородай А. В. Юридическая ошибка в уголовном праве: понятие и виды // Вестник студ. науч. о-ва ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2018. № 1. С. 86—90.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г., с изм. от 08.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.
9. Краев Д. Ю. Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Криминалистика. 2012. № 2(11). С. 42—48.

10. Грошев А. В. Институт юридической ошибки в контексте презумпции знания уголовного закона и защиты прав человека // Современные проблемы уголовной политики : V Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2014. С. 276—286.
11. Масленников А. В. Правовые аксиомы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 151 с.
12. Кузнецова О. А. Презумпция в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 217 с.
13. Тилле А. А. Презумпция знания законов // Правоведение. 1969. № 3. С. 35—36.
14. Рарог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб. : Проспект, 2003. 232 с.
15. Калинина А. Л. Понятие и виды субъективной ошибки // Отечественная юриспруденция. 2018. № 5(30). С. 66—70.
16. Бойко С. В., Коннов Р. А. Значение ошибки в уголовном праве // Colloquium-journal. 2019. № 12(36). С. 112—114.

REFERENCES

1. *Criminal law. General part. Textbook*. Ed. by L. V. Inogamova-Khegay, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev. Moscow, Kontrakt, INFRA-M, 2008. 560 p. (In Russ.)
2. Naumov A. V. *Russian criminal law: General part. Course of lectures. Vol. 1*. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 2004. 496 p. (In Russ.)
3. Fatkullina M. B. *Legal and factual errors in criminal law. Abstract of Diss. of the Cand. of Law*. Ekaterinburg, 2001. 199 p. (In Russ.)
4. Kochetkov A. A. *Factual error and qualification of crimes. Abstract of Diss. of the Cand. of Law*. Moscow, 1991. 197 p. (In Russ.)
5. Prokhorov A. Yu. *Institute of error in the Romano-Germanic criminal law: comparative and theoretical and applied aspects. Abstract of Diss. of the Cand. of Law*. Krasnodar, 2014. 222 p. (In Russ.)
6. Boroday A. V. Legal error in criminal law: concept and types. *Bulletin of the student scientific society of Donetsk National University. Jurisprudence*, 2018, iss. 10, vol. 4, part 1. pp. 86—90. (In Russ.)
7. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 05.04.2021, as amended on 08.04.2021). *RLS "Consultant-Plus"*. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
8. The Code of Administrative Offenses of the Russian Federation of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 05.04.2021). *RLS "ConsultantPlus"*. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.
9. Kraev D. Yu. Murder in order to conceal another crime or facilitate its commission (clause "k" part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Criminalist*, 2012, no. 2(11), pp. 42—48. (In Russ.)
10. Groshev A. V. Institute of legal error in the context of the presumption of knowledge of criminal law and protection of human rights. In: *Modern problems of criminal policy. V Int. sci. and pract. conf.* Krasnodar, 2014. Pp. 276—286. (In Russ.)
11. Maslennikov A. V. *Legal axioms. Abstract of the Diss. of the Cand. of Law*. Vladimir, 2006. 151 p. (In Russ.)
12. Kuznetsova O. A. *Presumptions in Russian civil law. Abstract of the Diss. of the Cand. of Law*. Ekaterinburg, 2001. 217 p. (In Russ.)
13. Tille A. A. Presumption of knowledge of laws. *Jurisprudence*, 1969, no. 3, pp. 35—36. (In Russ.)
14. Rarog A. I. *Qualification of crimes based on subjective characteristics*. Saint Petersburg, Prospekt, 2003. 232 p. (In Russ.)
15. Kalinina A. L. The concept and types of subjective error. *Domestic jurisprudence*, 2018, no. 5(30), pp. 66—70. (In Russ.)
16. Boyko S. V., Konnov R. A. The meaning of error in criminal law. *Colloquium-journal*, 2019, no. 12(36), pp. 112—114. (In Russ.)

Как цитировать статью: Гилева Н. С., Кайгородова О. В., Пинтий Н. И. Юридическая ошибка в уголовном праве Российской Федерации: понятие и последствия // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 271—275. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.368.

For citation: Gileva N. S., Kaygorodova O. V., Pintiy N. I. The legal error in the criminal law of the Russian Federation: concept and consequences. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 271—275. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.368.

УДК 349.6
ББК 67.407

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.318

Sereda Artem Yurevich,
Postgraduate of the Department of Environmental
and Natural Resource Law,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL),
Russian Federation, Moscow,
e-mail: artemsereda@mail.ru

Середа Артем Юрьевич,
аспирант кафедры экологического
и природоресурсного права,
Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: artemsereda@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ ПОЛЬЗОВАНИЯ УЧАСТКАМИ НЕДР
МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ПОДЗЕМНЫХ СООРУЖЕНИЙ МЕСТНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ДОБЫЧЕЙ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ**

**PROBLEMS OF LICENSING THE USE OF SUBSURFACE AREAS OF LOCAL SIGNIFICANCE
FOR THE CONSTRUCTION AND OPERATION OF UNDERGROUND STRUCTURES OF LOCAL
AND REGIONAL SIGNIFICANCE, NOT RELATED TO THE EXTRACTION OF MINERALS**

12.00.06 — Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 — Land law; natural resources law; environmental law; agrarian law

В статье рассмотрены проблемы лицензирования пользования участками недр местного значения для строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, заключающиеся в необходимости получения лицензии на пользование недрами лицами, осуществляющими

указанную деятельность. Действующее законодательство Российской Федерации о недрах определяет строительство и эксплуатацию таких подземных сооружений в качестве вида пользования недрами, для осуществления которого необходимо лицензия на пользование недрами. При этом правоприменительная практика по данному вопросу характеризуется своей неоднородностью.

Кроме того, проблеме лицензирования пользования недрами для рассматриваемых целей сопутствует проблема отсутствия в законодательстве Российской Федерации о недрах определения рассматриваемых подземных сооружений либо случаев, когда их строительство и реконструкция влечет необходимость получения соответствующей лицензии.

В связи с наличием данного пробела в законодательстве Российской Федерации о недрах возникает проблема определения отдельных сооружений в качестве указанных подземных сооружений, отнесения деятельности по их строительству и эксплуатации к деятельности, связанной с использованием недрами и, соответственно, необходимости лицензирования пользования недрами.

Данная проблема в правоприменительной практике приводит к нескольким (в большинстве случаев противоположным друг другу) последствиям, которые выражаются либо в самовольном (безлицензионном) пользовании недрами, либо в необходимости получения застройщиками лицензий на пользование недрами, например при строительстве наземных объектов с подземными частями, а также правообладателями таких объектов при их эксплуатации.

Автором обоснована необходимость применения механизма лицензирования пользования недрами при осуществлении рассматриваемой деятельности, а также в целях устранения проблем, связанных с определением случаев отнесения строительства и эксплуатации подземных сооружений к деятельности, связанной с использованием недрами; предлагается включить в законодательство Российской Федерации о недрах определение подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых.

This article deals with the problems of licensing the use of subsurface areas of local significance for the construction and operation of underground structures of local and regional significance that are not related to the extraction of minerals, which consist in the need to obtain a license for the use of subsurface resources by persons engaged in this activity. The current legislation of the Russian Federation on subsurface resources defines the construction and operation of such underground structures as a type of subsurface use, for which a license for the use of subsurface resources is required. At the same time, the law enforcement practice on this issue is characterized by its heterogeneity.

In addition, the problem of licensing the use of subsurface resources for the purposes under consideration is accompanied by the problem of the lack of a definition of the underground structures under consideration, or the cases, where their construction and reconstruction entail the need to obtain a corresponding license in the legislation of the Russian Federation on subsurface resources.

Due to this gap in the legislation of the Russian Federation on subsurface resources, there is a problem of defining certain structures as underground ones, attributing their construction and operation activities to activities related to the use of subsurface resources and, accordingly, the need for licensing the use of subsurface resources.

This problem in law enforcement practice leads to contradictory consequences, which are expressed either in the unauthorized (unlicensed) use of subsurface resources, or in the need to obtain licenses for the use of subsurface resources for developers (e.g., during the construction of ground objects with

underground parts), as well as for the right holders of such objects during their operation.

The author substantiates the need to apply the mechanism of licensing the use of subsurface resources in the implementation of the activities under consideration, and in order to eliminate the problems associated with attributing the construction and operation of underground structures to activities related to the use of subsurface resources, it is proposed to include the definition of underground structures not related to the extraction of minerals in the legislation of the Russian Federation on subsurface resources.

Ключевые слова: природоресурсное право, недра, пользование недрами, законодательство Российской Федерации о недрах, участок недр местного значения, подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых, лицензирование пользования недрами, лицензия на пользование недрами, объекты местного значения, объекты регионального значения.

Keywords: natural resource law, subsurface, subsurface use, legislation of the Russian Federation on subsurface resources, subsurface area of local significance, underground structures not related to the extraction of minerals, licensing of subsurface use, license for the use of subsurface resources, objects of local significance, objects of regional significance.

Введение

К наиболее актуальным проблемам правового регулирования пользования участками недр местного значения для целей строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, в настоящее время относится проблема необходимости предоставления лицензии на пользование недрами для рассматриваемых целей.

Актуальность заявленной проблемы обосновывается тем, что в настоящее время правоприменительная практика по рассматриваемой проблеме характеризуется своей неоднородностью, которая в том числе подтверждается отсутствием сведений в Государственном реестре участков недр, предоставленных в пользование, и лицензий на пользование недрами о действующих лицензиях на право пользования недрами для строительства и эксплуатации таких подземных сооружений, как объекты Московского метрополитена (включая непосредственно линейные объекты, полностью расположенные под поверхностью земли), а также торговый комплекс «Охотный ряд», расположенный в г. Москве, которые являются очевидными примерами подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых [1].

Проблема необходимости предоставления лицензий на право пользования участками недр местного значения для строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, в научной литературе в настоящее время не изучена.

Указанная выше проблема, а также отсутствие ее изученности обуславливают **целесообразность** рассмотрения заявленной проблемы и **цель** настоящего исследования, которая сводится к выявлению единого подхода и путей ее решения.

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**:

– проведение анализа действующего законодательства Российской Федерации о недрах в части положений, регулирующих строительство и эксплуатацию подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, как вида пользования недрами, а также законодательства о градостроительной деятельности в части положений, определяющих содержание понятия «подземные сооружения»;

– определение понятия «подземные сооружения местного и регионального значения, не связанные с добычей полезных ископаемых»;

– непосредственное формирование подхода и путей решения заявленной проблемы.

Также указанное выше обоснование **целесообразности** рассмотрения проблемы необходимости лицензирования права пользования участками недр местного значения для строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, справедливо и для обоснования **научной новизны** рассматриваемой работы. В частности, основным моментом в данном случае является отсутствие комплексного исследования рассматриваемой проблемы, а также отсутствие единой правоприменительной практики по рассматриваемому вопросу.

На основании изложенного **теоретическая и практическая значимость** данной работы заключается в выявлении определения понятия «подземные сооружения местного и регионального значения, не связанные с добычей полезных ископаемых», для решения проблемы необходимости лицензирования права пользования участком недр местного значения для рассматриваемой цели в правоприменительной практике.

Основная часть

При рассмотрении вопроса о необходимости лицензирования пользования недрами в целях строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, необходимо в первую очередь обозначить место и роль таких отношений в системе правового регулирования.

В доктрине природоресурсного права вопрос отнесения общественных отношений по строительству и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, к предмету горного права носит достаточно дискуссионный характер.

Ряд авторов, в частности Н. Б. Мухитдинов [2], Б. В. Ерофеев [3], считают недопустимым отнесение таких отношений к предмету горного права. Обоснование данной позиции сводится преимущественно к тому, что предмет горного права должен сводиться к использованию недр в целях добычи полезных ископаемых, а не к использованию иных свойств недр, в том числе в качестве подземного пространства в целях строительства сооружений.

Вместе с тем необходимо отметить наличие противоположной позиции по отнесению указанных общественных отношений к предмету горного права. Так, по мнению Н. А. Сыродоева [4] и Л. А. Заславской [5], общественные отношения по строительству и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, отнесены к предмету горного права, что обусловлено преимущественно самим фактом использования недр в качестве подземного пространства.

По нашему мнению, строительство и эксплуатацию подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, необходимо относить к предмету горного права и к предмету правового регулирования законодательства Российской Федерации о недрах, поскольку в данном случае необходимо учитывать именно факт использования подземных пространств (недр), которое, в свою очередь, в науке природоресурсного права определяется как полости в недрах естественного и (или) антропогенного происхождения [6].

В данном контексте необходимо отметить позиции А. И. Перчика [7] и М. Е. Певзнера [8], которые рассматривали понятия «подземное пространство» либо «полости недр» как частные понятия по отношению к общему понятию «недра».

Также необходимо отметить, что В. Д. Мельгунов отмечает безусловный приоритет законодательства Российской

Федерации о недрах в правовом регулировании отношений при использовании участка недр [9].

Результаты проведенного анализа законодательства, регулирующего рассматриваемые общественные отношения, подтверждают данную позицию.

Так, согласно преамбуле и пункту 4 ч. 1 ст. 6 Закона Российской Федерации от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах» (далее — Закон РФ «О недрах»), строительство и эксплуатация подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, являются видом пользования недрами и, соответственно, предметом правового регулирования законодательства Российской Федерации о недрах [10].

Таким образом, в целях рассмотрения поставленного в настоящем исследовании вопроса необходимо в первую очередь обратиться к положениям законодательства Российской Федерации о недрах.

Необходимость получения лицензии на пользование недрами в целом обосновывается следующим образом.

В соответствии с ч. 1 ст. 1.2 Закона РФ «О недрах» недра в границах территории Российской Федерации, включая в том числе подземное пространство, являются государственной собственностью [10].

При этом, согласно ч. 3 ст. 11 указанного Закона, лицензия на пользование недрами является документом, удостоверяющим право ее владельца на пользование участком недр в определенных границах в соответствии с указанной в ней целью в течение установленного срока при соблюдении владельцем заранее оговоренных условий [10].

Таким образом, предоставление в пользование участков недр вне зависимости от их категории и вида пользования недрами в основном осуществляется посредством механизма лицензирования пользования недрами.

В части лицензирования пользования недрами для строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, необходимо в первую очередь отметить следующее.

В законодательстве Российской Федерации о недрах не раскрывается содержание понятия как подземного сооружения, не связанного с добычей полезных ископаемых, в целом, так и с учетом их значения (местного либо регионального).

В юридической науке предпринимались попытки определения понятия «подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых». Так, Е. А. Болтанова предлагает определить их как «строительную систему, имеющую расположенную ниже земной (дневной) поверхности подземную часть, предназначенную для пребывания людей, хранения имущества, размещения производства, перемещения людей и грузов, выполнения иных хозяйственных (в т. ч. производственных) процессов различного вида, кроме извлечения полезных ископаемых и использования отходов горнодобывающего и связанного с ним перерабатывающих производств» [11].

Непосредственно строительство и эксплуатация подземных сооружений входят в предмет правового регулирования законодательства о градостроительной деятельности.

При этом данным законодательством также не раскрывается содержание понятия таких подземных сооружений, что, по мнению большинства авторов (например, Л. М. Алланиной [12]), является серьезной проблемой.

В целях идентификации данных подземных сооружений в системе правового регулирования общественных отношений, а также установления критериев отнесения объектов к таким подземным сооружениям в первую очередь представляется целесообразным определить, к предмету правового регулирования какого законодательства относится деятельность по строительству и эксплуатации рассматриваемых подземных сооружений, для чего представляется необходимым обозначить, что

является «подземным сооружением местного или регионального значения».

В соответствии с Федеральным законом «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ, сооружением является результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов [13].

Законодательство о градостроительной деятельности, в свою очередь, широко оперирует дефиницией «сооружение», определяя через него практически все объекты строительства, как капитальные, так и некапитальные.

Таким образом, предварительно представляется возможным условно констатировать, что сооружением может являться совершенно любой объект — результат строительства. Другими словами, он может обладать как признаками капитального строения, так и некапитального.

При этом в части такого критерия, как «подземность», действующим законодательством, в том числе подзаконными нормативными правовыми актами и нормативно-техническими документами, единообразия не предусмотрено.

Так, например, в СП 229.1325800.2014 «Свод правил. Железобетонные конструкции подземных сооружений и коммуникаций. Защита от коррозии», утвержденном приказом Минстроя России от 26.12.2014 г. № 914/пр, подземные сооружения определяются как заглубленные части (полностью или частично) жилых, общественных и производственных зданий и сооружений, а также тоннели автомобильных дорог и пешеходных переходов ниже планировочной отметки земли, включая уникальные объекты (заглубление подземной части которых ниже планировочной отметки земли более чем на 10 м) [14].

Из данного определения следует, что подземным сооружением признается как часть объектов капитального строительства либо некапитальных строений, сооружений, так и объект, полностью расположенный ниже уровня земной поверхности (планировочной отметки земли).

При этом, исходя из технологической специфики проведения работ по строительству подземных сооружений, указанные сооружения носят капитальный характер. В связи с чем подземные сооружения априори являются объектами капитального строительства.

Вместе с тем законодательством о градостроительной деятельности предусмотрены объекты федерального, регионального и местного значения.

В соответствии с п. 19 и п. 20 ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации объекты регионального значения представляют собой объекты капитального строительства, иные объекты, территории, которые необходимы для осуществления полномочий по вопросам, отнесенным к ведению субъекта Российской Федерации, органов государственной власти субъекта Российской Федерации Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации, законами субъекта Российской Федерации, решениями высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, и оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие субъекта Российской Федерации [15].

Объектами местного значения являются объекты капитального строительства, иные объекты, территории, которые необходимы для осуществления органами местного самоуправления полномочий по вопросам местного значения и в пределах

переданных государственных полномочий в соответствии с федеральными законами, законом субъекта Российской Федерации, уставами муниципальных образований и оказывают существенное влияние на социально-экономическое развитие муниципальных районов, поселений, городских округов [15].

Таким образом, учитывая в том числе положения Федерального закона «О техническом регулировании» от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ, а также приведенных Сводов правил, подземным сооружением местного и регионального значения, не связанным с добычей полезных ископаемых, является объект капитального строительства, не связанный с добычей полезных ископаемых, полностью или частично расположенный ниже уровня земной поверхности, строительство и эксплуатация которого необходима для осуществления полномочий, отнесенных к ведению органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, оказывающих существенное влияние на социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации и муниципальных образований соответственно.

Если взять данное определение как основное и принять во внимание положения Закона РФ «О недрах» в части необходимости оформления права пользования недрами в целях строительства и эксплуатации подземных сооружений, то становится очевидным факт необходимости у застройщика при осуществлении строительства и возведения совершенно любых сооружений, как полностью подземных, так и наземных с подземными частями, с их дальнейшей эксплуатацией оформления права пользования недрами для проведения геологического изучения участка недр с целью строительства и эксплуатации такого подземного сооружения с получением соответствующих разрешительных документов — лицензий на право пользования недрами. Такая необходимость, бесспорно, является категорической излишней, а также административным барьером, который существенно затягивает сроки проектирования и строительства объектов капитального строительства.

Кроме того, необходимо учитывать и последующую эксплуатацию такого подземного сооружения. В связи с чем становится неоспоримым и факт необходимости получения лицензии на пользование недрами и последующим правообладателем такого объекта.

Данную проблему представляется возможным решить исключительно путем внесения изменений в законодательство Российской Федерации о недрах, с одновременным корреспондированием в соответствующее законодательство субъектов Российской Федерации, а именно закрепить определение дефиниции «подземные сооружения, не связанные с добычей полезных ископаемых», применяемое в целях правового регулирования общественных отношений, связанных с использованием и охраной недр.

Предлагаемое изменение позволит обеспечить полномочия государства по предоставлению недр в пользование в установленном порядке, т. е. осуществлять свои полномочия собственника в отношении недр, при этом исключив необходимость лицензирования пользования недрами для строительства наземных объектов, имеющих какие-либо подземные части.

Заключение

Необходимость лицензирования пользования недрами для целей строительства подземных сооружений местного и регионального значения обусловлена главным образом нахождением участков недр местного значения (равно как и всего государственного фонда недр) в неразграниченной государственной собственности. Государство, являясь собственником недр, осуществляет полномочия по их распоряжению

путем предоставления своего рода разрешения на их использование — лицензий на пользование недрами, при этом в отношении участков недр местного значения осуществляет такие полномочия через высшие исполнительные органы государственной власти субъектов Российской Федерации.

Вместе с тем в данной работе обосновано, что действующее законодательство Российской Федерации о недрах характеризуется наличием пробела в правовом регулировании отношений по строительству и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых, а именно отсутствие определения понятия таких сооружений либо случаев, когда такая деятельность относится к деятельности, связанной с использованием недрами.

Данный пробел порождает проблему в правоприменительной практике, когда (исходя из буквального толкования положений законодательства иных отраслей) строительство наземных объектов, имеющих подземные части, трактуется как деятельность, связанная с использованием недрами, влекущая необходимость получения лицом, ее осуществляющим, соответствующей лицензии на пользование недрами.

В целях решения данной проблемы и в целях лицензирования пользования недрами автором предложено ввести в Закон РФ «О недрах» и законодательство субъектов Российской Федерации определение подземного сооружения как сооружения, полностью расположенного ниже почвенного слоя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственный реестр участков недр, предоставленных в пользование и лицензий на пользование недрами. URL: <https://rfgf.ru/ReestrLic>.
2. Мухитдинов Н. Б. Правовые проблемы пользования недрами. Алма-Ата : Наука, 1972. С. 64.
3. Ерофеев Б. В. Советское земельное право. М., 1969. С. 322—323.
4. Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М., 1969. С. 100.
5. Заславская Л. А. Понятие объекта права государственной собственности на недра земли и пользования ими // Ученые записки ВНИИСЗ. 1969. Вып. 16. С. 110.
6. Правовое обеспечение благоприятной окружающей среды в городах : науч.-практ. пособие / С. А. Боголюбов, Е. С. Болтанова, Г. В. Выпханова и др. ; отв. ред. Н. В. Кичигин. М., 2013. С. 273—274.
7. Перчик А. И. Горное право : учеб. 2-е изд. М., 2003.
8. Певзнер М. Е. Горное право : учеб. для вузов. 3-е изд. М., 2006.
9. Мельгунов В. Д. Теоретические основы горного права России. М., 2016.
10. О недрах : закон Рос. Федерации от 21.02.1992 г. № 2395-1 (в ред. по состоянию на 15.06.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 10. Ст. 823; 2020. № 50 (ч. III). Ст. 8074.
11. Болтанова Е. А. Город и недропользование. Правовые вопросы // Проблемы геологии и освоения недр : тр. XXI Междунар. симп. им. акад. М. А. Усова студентов и молодых ученых, посвящ. 130-летию со дня рождения проф. М. И. Кучина : в 2 т. Т. 2. Томск, 2017. С. 790.
12. Алланина Л. М. Подземное сооружение: проблемы нормативной регламентации // Юридический мир. 2015. № 3.
13. О техническом регулировании : федер. закон от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (ч. 1). Ст. 5140; 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8606.
14. СП 229.1325800.2014. Свод правил. Железобетонные конструкции подземных сооружений и коммуникаций. Защита от коррозии : утв. Приказом Минстроя России от 26.12.2014 г. № 914/пр. М. : Минстрой России, 2014.
15. Градостроительный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 16; 2021. № 18. Ст. 3064.

REFERENCES

1. *The State Register of subsurface areas granted for use and licenses for the use of subsurface resources.* (In Russ.) URL: <https://rfgf.ru/ReestrLic>.
2. Mukhitdinov N. B. *Legal problems of subsurface use.* Alma-Ata, Nauka, 1972. P. 64. (In Russ.)
3. Erofeev B. V. *Soviet land law.* Moscow, 1969. Pp. 322—323. (In Russ.)
4. Syrodov N. A. *The legal regime of mineral resources.* Moscow, 1969. P. 100. (In Russ.)
5. Zaslavskaya L. A. The concept of the object of state ownership of the subsurface and its use. *Scientific notes of VNIISZ*, 1969, vol. 16, p. 110. (In Russ.)
6. Bogolyubov S. A., Boltanova E. S., Vypkhanova G. V. et al. *Legal support of a favorable environment in cities. Sci. and pract. guide.* Ed. by N. V. Kichigin. Moscow, 2013. Pp. 273—274. (In Russ.)
7. Perchik A. I. *Mining law. Textbook.* 2nd ed. Moscow, 2003. (In Russ.)
8. Pevzner M. E. *Mining Law. Textbook for universities.* 3rd ed. Moscow, 2006. (In Russ.)
9. Melgunov V. D. *Theoretical foundations of mining law of Russia.* Moscow, 2016. (In Russ.)
10. On Mineral resources. Law of the Russian Federation of 21.02.1992 No. 2395-1 (ed. as of 15.06.2021). *Collected Legislation of the Russian Federation*, 1995, no. 10, art. 823; 2020, no. 50 (part III), art. 8074. (In Russ.)
11. Boltanova E. A. City and subsurface use. Legal aspects. Problems of geology and subsurface use. In: *Proceedings of the XXI Int. Symposium in honour of Academician M. A. Usov for students and young scientists, dedicated to the 130th anniversary of Prof. M. I. Kuchin.* In 2 vols. Vol. 2. Tomsk, 2017. P. 790. (In Russ.)
12. Allanina L. M. Underground construction: problems of legal regulation. *Legal World*, 2015, no. 3. (In Russ.)
13. On Technical Regulation. Federal Law No. 184-FZ of 27.12.2002. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 52 (part 1), art. 5140; 2020, no. 52 (part I), art. 8606. (In Russ.)
14. *Set of rules 229.1325800.2014. Reinforced concrete structures of underground structures and utilities. Protection from corrosion.* Approved by the Order of the Ministry of Construction of the Russian Federation of 26.12.2014 No. 914. Moscow, Ministry of Construction of the Russian Federation, 2014. (In Russ.)
15. Town-planning Code of the Russian Federation. *Collected Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 1 (part 1), art. 16; 2021, no. 18, art. 3064. (In Russ.)

Как цитировать статью: Середа А. Ю. Проблемы лицензирования пользования участками недр местного значения для целей строительства и эксплуатации подземных сооружений местного и регионального значения, не связанных с добычей полезных ископаемых // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 275—280. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.318.

For citation: Sereda A. Yu. Problems of licensing the use of subsurface areas of local significance for the construction and operation of underground structures of local and regional significance, not related to the extraction of minerals. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 275—280. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.318.

УДК 349.2
ББК 67.405

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.370

Chudinovskikh Marina Vyacheslavovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Leading Researcher,
Ural State University of Economics,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: chud-marina@mail.ru

Чудиновских Марина Вячеславовна,
канд. юрид. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
Уральский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: chud-marina@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТРУДОВЫХ ПЛАТФОРМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF DIGITAL LABOR PLATFORMS IN THE CONTEXT OF THE PANDEMIC

12.00.05 — Трудовое право; право социального обеспечения
12.00.05 — Labour law; social security law

По данным Международной организации труда, Россия занимает пятое место в мире (после США, Индии, Филиппин и Украины) по числу занятых посредством цифровых трудовых платформ. Наибольшее воздействие платформы оказали на труд, не требующий специальной подготовки и квалификации: работа курьеров, разовые услуги и т. д. Работа через платформы, как правило, носит неустойчивый характер, что приводит к прекаризации занятости. Научная проблема заключается в недостаточности знаний и информации об особенностях платформенной занятости. В статье систематизированы основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии. На основании анализа отчетных материалов Международной организации труда, данных портала Crunchbase, корпоративной отчетности «Яндекс-такси» диагностирован рост количества транзакций, доходов, численности лиц, вовлеченных в платформенную занятость. Цифровые трудовые платформы упрощают взаимодействие между участниками экономических отношений, способствуют росту производительности труда, снижают издержки за счет эффекта масштаба. Однако с несомненными преимуществами они несут целый ряд вызовов, угроз и рисков. Выявлены проблемы: определения правового статуса лиц, оказывающих услуги через платформы, гиперэксплуатации, снижения уровня социальной защищенности. Стремительное развитие платформ может усиливать гендерное неравенство. Отсутствие законодательного регулирования на данный момент частично компенсируется за счет развития механизмов саморегулирования. В статье обоснована необходимость предоставления трудовозрастных гарантий всем трудящимся, независимо от форм занятости. В условиях цифровой экономики платформенная занятость будет стремительно развиваться, приводя к существенным сдвигам в социально-трудовых отношениях, что требует проведения дальнейших исследований и разработки государственной политики регулирования платформенной занятости.

According to the International Labor Organization, Russia ranks fifth in the world (after the United States, India, the Philippines and Ukraine) in terms of the number of people employed through digital labor platforms. The platforms have had the greatest impact on jobs that do not require special training and qualifications: the work of couriers, one-time services, etc. Work through the platforms, as a rule, is unstable, which leads to an increase in labor protests. The scientific problem is the lack of knowledge and information about the features of platform employment. The article systematizes the main trends in the development of digital labor platforms in the context of the pandemic. Based on the analysis of the reporting materials of the International Labor Organization, the data of the Crunchbase portal, the corporate reporting of Yandex-Taxi, an increase in the number of transactions, income, and the number of persons involved in platform employment is revealed. Digital labor platforms simplify the interaction between participants in economic relations, contribute to the growth of labor productivity, and reduce costs due to economies of scale. However, with undoubted advantages, they carry a number of challenges, threats and risks. The following problems are identified: the uncertain legal status of those providing services through the platforms, hyper-exploitation, reduced social protection. The rapid development of platforms can increase gender inequality. The lack of legislative regulation at the moment is partially compensated by the development of self-regulation mechanisms. The article justifies the need to provide labor law guarantees to all workers, regardless of their form of employment. In the conditions of the digital economy, platform employment will develop rapidly, leading to significant shifts in social and labor relations, which requires further research and the development of a state policy for regulating platform employment.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровые трудовые платформы, труд, регулирование, платформенная занятость, прекаризация, социальная защита, такси, самозанятость, МОТ.

Keywords: digital economy, digital labor platforms, labor, regulation, platform employment, precarization, social protection, taxi, self-employment, ILO.

Введение

Актуальность. Цифровая экономика приводит к появлению системных изменений, которые формируют качественно новые принципы организации бизнеса, преобразуя общественные отношения через трансформацию социально-трудовой сферы. Цифровые трудовые платформы (ЦТП) изменяют не только существующие бизнес-парадигмы, но и саму модель занятости. Платформенная занятость становится, по сути, новым институциональным механизмом на рынке труда. Резкому росту уровня платформенной занятости способствует пандемия COVID-19.

Изученность проблемы. Исследовательский интерес к проблемам платформенной занятости начал формироваться более 15 лет назад. В 2020 г. количество публикаций в ведущих международных базах цитирования, посвященных ЦТП, достигло исторического максимума, в том числе из-за трансформационных процессов на мировом рынке труда под влиянием пандемии. В качестве основных направлений исследований в мировой науке можно выделить:

- определение преимуществ, недостатков, возможностей, особенностей ЦТП и их влияния на социально-трудовые отношения [1, 2];
- оценку и конструирование новых моделей правового регулирования социально-трудовых отношений в рамках платформенной занятости [3];
- анализ особенностей социально-трудовых отношений в рамках ЦТП отдельных видов (например, в сфере такси [4]);
- определение правового статуса лиц, осуществляющих трудовую деятельность через ЦТП, а также оценку прав на социальную защиту, охрану труда, разрешение трудовых споров [5];
- влияние платформенной занятости на здоровье и благополучие трудящихся [6].

В российском научном пространстве феномен платформенной занятости только начинает подвергаться изучению. По состоянию на 1 июля 2021 г. в наукометрической базе РИНЦ по ключевым словам «дистанционная занятость» найдено более 250 публикаций, тогда как по «платформенной занятости» — всего около 20 публикаций, датируемых в основном 2020—2021 гг. Одними из первых вопрос о трансформации рынка труда в условиях цифровой экономики и развития цифровых трудовых платформ стали исследовать Т. О. Разумова, Е. С. Садовая, Т. В. Чубарова [7]. В работах В. Н. Бобкова [8], Н. В. Локтюхиной [9], Е. А. Черных [10, 11] рассматриваются масштабы платформенной занятости, ее социально-демографические характеристики. Авторы относят платформенную занятость к неустойчивым (прекаризованным) формам. И. А. Фатиева в качестве акселератора роста платформенной занятости выделяет пандемию COVID-19 [12]. Вопросы правового регулирования платформенной занятости рассматривают Н. Л. Лютюв [13, 14], Е. А. Савельева [15]. Как российские, так и зарубежные исследователи обращают внимание на наличие «правового вакуума» в регулировании ЦТП.

Цель и задачи исследования. Стремительное развитие платформенной занятости требует научного осмысления, а также формирования новых подходов к правовому регулированию. Научная проблема заключается в недостаточности знаний и информации об особенностях платформенной занятости. Основные задачи исследования:

- разработка понятийного и концептуального аппарата;
- систематизация основных тенденций развития платформенной занятости;
- разработка предложений по совершенствованию регулирования труда посредством цифровых трудовых платформ.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в формировании научного подхода к классификации цифровых трудовых платформ, выявлению особенностей их функционирования. Практическая значимость выражается в возможности использования полученных результатов в дальнейших научных исследованиях, а также в педагогической практике.

Научная новизна исследования заключается в дополнении системы знаний об особенностях трансформации социально-трудовых отношений в условиях платформенной занятости. В свою очередь, сформированная система знаний необходима для принятых обоснованных решений в части выработки государственной политики по регулированию платформенной занятости.

Методология. В целях дальнейшего анализа цифровые трудовые платформы в соответствии с подходом Международной организации труда разделены на виртуальные (online web based) и локализованные (location based). В рамках виртуальных цифровых трудовых платформ клиенты (заказчики) и исполнители (работающие) осуществляют свое взаимодействие исключительно через сеть Интернет без взаимодействия в реальном мире. Например, дизайнер получает и выполняет заказ без личной встречи с клиентом, результат также предоставляется в цифровой форме. В рамках локализованных цифровых трудовых платформ клиенты размещают заказы, а исполнение заказа происходит при реальном контакте с исполнителем. Наиболее распространенными услугами в этом случае являются услуги такси, доставки, мелкого ремонта. В исследовании использовались общенаучные методы — системный и сравнительный анализ, обобщение, а также специальные методы — анализ источников, судебной практики, локальных актов ЦТП. В качестве источников данных использованы: конвенции, рекомендации, отчетные материалы Международной организации труда, данные портала Crunchbase, данные отчетности одной из крупнейших российских платформ «Яндекс-такси».

Основная часть

Основной тенденцией развития цифровых трудовых платформ является их бурный рост. Количество ЦТП выросло со 142 в 2010 г. до более чем 777 в 2020 г. (рис.).

За этот период количество виртуальных платформ утроилось, в то время как количество платформ такси и доставки выросло почти в десять раз. Значительная доля этих платформ сосредоточена в США (29 %), Индии (8 %) и Великобритании (5 %). Около 96 % инвестиций в ЦТП было осуществлено в Азии (56 млрд долл. США), Северной Америке (46 млрд долл. США) и Европе (12 млрд долл. США) по сравнению с 4 % в Латинской Америке, Африке и арабских государствах (4 млрд долл. США). Платформы, предоставляющие услуги такси, получают наибольший объем финансирования, лидером среди них является компания Uber. Выручка ЦТП в 2019 г. превысила 52 млрд долл. США. Около 70 % выручки пришлось всего на две страны — США (49 %) и Китай (23 %).

Необходимо отметить, что в статистике, представленной в отчетах МОТ, российские цифровые платформы практически не затрагиваются и не анализируются. Однако и для Российской Федерации вопрос развития цифровых трудовых

платформ имеет большое значение. Так, по данным отчетов «Яндекс-такси», количество водителей, принимающих заказы через приложение, в 2020 г. превысило 900 тыс. человек. Сайт «Профи.гу» указывает, что по состоянию на 1 июля 2021 г. количество лиц, имеющих аккаунт на сайте, превысило 1,8 млн

человек. Через сайт «Профи.гу» можно подобрать репетитора, тренера, няню, водителя, специалиста по мелкому ремонту, дизайнера и других специалистов. Приведенные данные свидетельствуют о том, что масштабы платформенной занятости в РФ уже достаточно ощутимы.

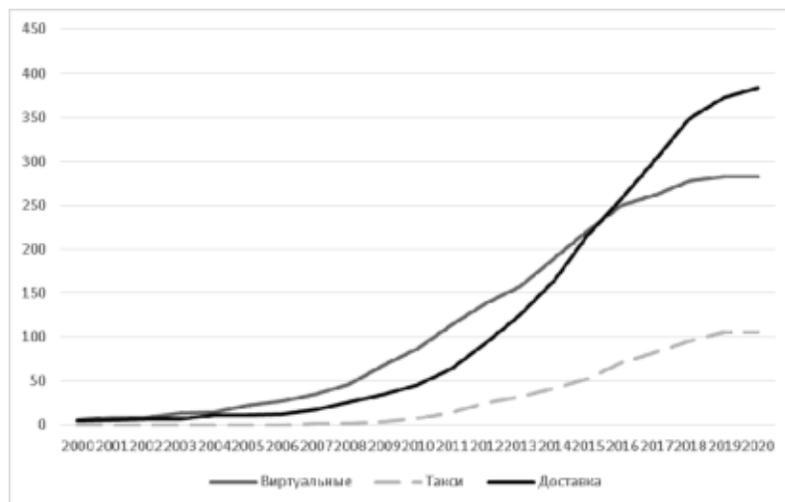

Рис. Количество цифровых трудовых платформ по данным Международной организации труда [16]

Цифровые трудовые платформы предлагают два типа взаимодействия: работники либо непосредственно нанимаются платформой, либо платформа выполняет лишь информационно-посреднические функции. В первом случае они классифицируются как сотрудники, имеющие трудовые отношения со своим работодателем, в то время как во втором случае платформы классифицируют исполнителей как самозанятых или «независимых подрядчиков» (independent contractors). Те, кто работает в рамках трудовых отношений, как правило, отвечают за функционирование платформ и составляют относительно небольшую часть рабочей силы платформы. Например, на фриланс-платформе PeoplePerHour работает около 50 сотрудников, в то время как она обеспечивает работой 2,4 млн исполнителей.

Оценка фактического размера рабочей силы, опосредованной платформой, является сложной задачей из-за неразглашения данных со стороны платформ. Опросы, проведенные исследователями и статистическими агентствами в Европе и Северной Америке в период с 2015 по 2019 г., показывают, что доля взрослого населения, выполнявшего работу на платформе, колеблется от 0,3 до 22 % [16]. В целях примерной оценки количества лиц, осуществляющих деятельность через ЦТП, проводится анализ количества зарегистрированных аккаунтов. Следует отметить, что отсутствие статистической информации существенно затрудняет и анализ, и выработку политики государственного регулирования.

Цифровые трудовые платформы имеют целый ряд преимуществ. Они упрощают взаимодействие между участниками экономических отношений, способствуют росту производительности труда, снижают издержки за счет эффекта масштаба [17]. Однако с несомненными преимуществами они несут целый ряд вызовов, угроз и рисков. Одна из ключевых проблем в сфере платформенной занятости связана с определением правового статуса лиц, оказывающих услуги через цифровые трудовые платформы. В зарубежной практике лица, которые осуществляют деятельность через цифровые трудовые платформы, называют «фрилансерами», «независимыми подрядчиками», «третьей стороной». В российской практике крупнейшие платформы (например, «Яндекс-такси») четко указывают на тот факт, что лица, получающие доход, не относятся

к наемным работникам. Они могут либо работать на основании трудового договора в службах такси, либо осуществляют деятельность в качестве индивидуального предпринимателя, либо выступают в качестве самозанятого. Позиционируя себя как информационно-справочный сервис, цифровая платформа в Российской Федерации защищает себя от дополнительных расходов и издержек, связанных с применением норм трудового законодательства [18].

В мировой практике подобный подход подвергается критике [5]. За последние несколько лет возникало немало прецедентов, когда судебные инстанции признавали отношения трудовыми. Отсутствие нормативно-правовой базы, с одной стороны, дает шанс на стремительное развитие платформенной занятости. Но, с другой стороны, крайне отрицательно влияет на уровень социальной защищенности лиц, которые осуществляют деятельность преимущественно через такие платформы.

Исследователи представляют оценку занятых по полу, возрасту, образованию [10]. Типичным работником, который осуществляет свою деятельность через ЦТП, является мужчина до 35 лет, часто имеющий высшее образование. Доля женщин, которые получают доход через ЦТП, существенно различается и по странам, и по видам платформ. Меньше всего женщин работает в сфере такси. Для значительной части работников сферы такси и доставки именно платформы формируют основной источник дохода. Данные межстранового анализа показывают, что работники такси в среднем осуществляют свою деятельность через приложение 10—12 часов в сутки [16]. Это существенно превышает нормативы, установленные для рабочего времени водителей. Гиперэксплуатация труда в перспективе может иметь отрицательные последствия для здоровья работников, провоцировать рост аварийности на фоне усталости.

Осознание остроты возникающих проблем привело к подписанию ведущими ЦТП «Хартии принципов достойной платформенной работы» (Charter of principles for good platform work) [19]. В частности, пункт 2.2 Хартии устанавливает, что платформы должны иметь политику или руководящие принципы, которые могут помочь защитить работников от рисков для здоровья и безопасности. Пункт 3.2 Хартии определяет, что основания и процедуры для деактивации учетной

записи должны быть ясными и платформы должны работать над созданием процессов для оспаривания решений. Хартия также содержит и ряд других гарантий, направленных на улучшение правового положения лиц, осуществляющих деятельность через ЦТП. К Хартии уже присоединились компании Uber, Deliveroo, Grab и некоторые другие. Представленный пример показывает, что отсутствие законодательного регулирования на данный момент частично компенсируется за счет развития механизмов саморегулирования. Несмотря на то, что такой подход традиционно положительно оценивается зарубежными исследователями, в Российской Федерации при сложившейся системе правосознания важно установить законодательные рамки и контролировать их исполнение. Международная организация труда также рекомендует развивать модель, основанную на предоставлении трудовых гарантий всем трудящимся, независимо от форм занятости [20].

Заключение

Проведенное исследование статистической и финансовой информации, законодательного массива данных, сервисных соглашений позволило выявить следующие тенденции в развитии цифровых трудовых платформ.

1. За последние 20 лет наблюдается стремительный рост количества платформ, их видов, совершенных транзакций, а также количества людей, осуществляющих свою трудовую деятельность через платформы. Пандемия COVID-19 дала дополнительный толчок к развитию ЦТП, так как в условиях национальных локдаунов многие работники и работодатели были вынуждены перейти на дистанционный формат работы, а предприятия стали активно развивать услуги доставки.

2. Деятельность цифровых трудовых платформ пока слабо регулируется на законодательном уровне, как в России, так и во многих зарубежных странах. Правовой вакуум снижает уровень социальных гарантий и защиты для лиц, которые осуществляют свою деятельность через платформы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Fabian S., Dunn V., Sawyer S. Distancing bonus or downscaling loss: the changing livelihood of US online workers in times of COVID-19 // *Journal of Economic and Social Geography*. 2020. No. 111(3). Pp. 561—573.
2. Good gig, bad gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy / A. Wood, M. Graham, V. Lehdonvirta, I. Hjorth // *Work, Employment and Society*. 2019. No. 33(1). Pp. 56—75.
3. Andrew S., McCrystal S. Labour regulation and the great divide: does the gig economy require a new category of worker? // *Australian Journal of Labour Law*. 2019. No. 32(1). Pp. 4—22.
4. Rosenblat A., Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers // *International Journal of Communication*. 2016. No. 10. Pp. 3758—3784.
5. De Stefano V., Aloisi A. Fundamental labour rights, platform work and human-rights protection of non-standard workers // *Labour, Business and Human Rights Law*. 2019. Pp. 359—379.
6. Malin M. H. Protecting platform workers in the gig economy: look to the FTC // *Indiana Law Review*. 2018. No. 51(2). Pp. 377—412.
7. Разумова Т. О., Садовая Е. С., Чубарова Т. В. Новый социальный ландшафт эпохи цифровизации: уроки пандемии // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 3. С. 24—34.
8. Бобков В. Н., Черных Е. А. Платформенная занятость: масштабы и признаки неустойчивости // *Мир новой экономики*. 2020. Т. 14. № 2. С. 6—15. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15.
9. Локтюхина Н. В., Черных Е. А. Динамика и качество платформенной занятости в эпоху коронавируса: вызовы для России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Т. 16. № 4. С. 80—95. DOI: 10.19181/lsprr.2020.16.4.7.
10. Черных Е. А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2021. Т. 14. № 2. С. 172—187. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11.
11. Черных Е. А. Качество платформенной занятости: неустойчивые (прекаризованные) формы, практики регулирования, вызовы для России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2020. Т. 16. № 3. С. 82—97.
12. Фатиева И. А. Пандемия COVID-19 как акселератор реформирования гибких форм занятости и связанных с ними институтов трудового права // *Трудовое и социальное право*. 2020. № 4(36). С. 61—64.
13. Лютов Н. Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // *Журнал российского права*. 2019. № 7. С. 115—130. DOI: 10.12737/jrl.2019.7.10.
14. Lyutov N., Voitkovska I. Remote work and platform work: the prospects for legal regulation in Russia // *Russian Law Journal*. 2021. Vol. 9. No. 1. Pp. 81—113.
15. Савельева Е. А. Подходы к нормативно-правовому регулированию платформенной занятости в контексте обеспечения социально-экономической безопасности России при переходе к цифровой экономике // *Экономическая безопасность*. 2020. Т. 3. № 4. С. 469—488.

16. International Labour Organization (ILO). World Employment and Social Outlook. The role of digital labour platforms in transforming the world of work, 2021.
17. Мамлеева Э. Р., Трофимова Н. В., Сазыкина М. Ю. Цифровые трудовые платформы и платформенная занятость // Уфимский гуманитарный научный форум. 2021. № 2(6). С. 38—46. DOI: 10.47309/2713-2358_2021_2_38.
18. Чудиновских М. В. Организация занятости через интернет-платформы: возможности и угрозы для нового индустриального общества // Новая индустриализация России: экономика — наука — человек — природопользование : сб. науч. тр. VII Урал. науч. чтений профессоров и докторантов. Екатеринбург : Урал. гос. экон. ун-т, 2020. С. 147—152.
19. Charter of principles for good platform work. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Charter_of_Principles_for_Good_Platform_Work.pdf.
20. Курсова О. А. Методы правового регулирования нетрадиционной занятости: ориентиры МОТ и опыт зарубежных стран // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Соц.-экон. и правовые исслед. 2021. Т. 7. № 2. С. 106—121. DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-106-121.

REFERENCES

1. Fabian S., Dunn V., Sawyer S. Distancing bonus or downscaling loss. The changing livelihood of US online workers in times of COVID-19. *Journal of Economic and Social Geography*, 2020, no. 111(3), pp. 561—573.
2. Wood A., Graham M., Lehdonvirta V., Hjorth I. good gig, bad gig: autonomy and algorithmic control in the global gig economy. *Work, Employment and Society*, 2019, no. 33(1), pp. 56—75.
3. Andrew S., McCrystal S. Labour regulation and the great divide: does the gig economy require a new category of worker? *Australian Journal of Labour Law*, 2019, no. 32(1), pp. 4—22.
4. Rosenblat A., Stark L. Algorithmic labor and information asymmetries: a case study of Uber's drivers. *International Journal of Communication*, 2016, no. 10, pp. 3758—3784.
5. De Stefano V., Aloisi A. Fundamental labour rights, platform work and human-rights protection of non-standard workers. *Labour, Business and Human Rights Law*, 2019, pp. 359—379.
6. Malin M. H. Protecting platform workers in the gig economy: look to the FTC. *Indiana Law Review*, 2018, no. 51(2), pp. 377—412.
7. Razumova T. O., Sadovaya E. S., Chubarova T. V. The new social landscape of the digitalization era: lessons of the pandemic. *Analysis and forecast. IMEMO Journal*, 2020, no. 3, pp. 24—34. (In Russ.)
8. Bobkov V. N., Chernykh E. A. Platform employment: the scale and signs of instability. *The world of new economy*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 6—15. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-6-15.
9. Loktyukhina N. V., Chernykh E. A. Dynamics and quality of platform employment in the era of coronavirus: challenges for Russia. *Standard of living of the population of the regions of Russia*, 2020, vol. 16, no. 4, pp. 80—95. (In Russ.) DOI: 10.19181/lspr.2020.16.4.7.
10. Chernykh E. A. Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world. *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 172—187. (In Russ.) DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11.
11. Chernykh E. A. The quality of platform employment: unstable (precarized) forms, regulatory practices, challenges for Russia. *Standard of living of the population of the regions of Russia*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 82—97. (In Russ.)
12. Fatieva I. A. The COVID-19 pandemic as an accelerator for reforming flexible forms of employment and related labor law institutions. *Labor and social law*, 2020, no. 4(36), pp. 61—64. (In Russ.)
13. Lyutov N. L. Transformation of labor relations and new forms of employment in the digital economy. *Journal of Russian Law*, 2019, no. 7, pp. 115—130. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.7.10.
14. Lyutov N., Voitkovska I. Remote work and platform work: the prospects for legal regulation in Russia. *Russian Law Journal*, 2021, vol. 9, no. 1, pp. 81—113.
15. Saveleva E. A. Approaches to the regulatory and legal regulation of platform employment in the context of ensuring socio-economic security of Russia in the transition to the digital economy. *Economic security*, 2020, vol. 3, no. 4, pp. 469—488. (In Russ.)
16. International Labor Organization (ILO). World Employment and Social Outlook The role of digital labour platforms in transforming the world of work, 2021.
17. Mамлеева Э. Р., Трофимова Н. В., Сазыкина М. Ю. Digital labor platforms and platform employment. *Ufa Humanitarian Scientific Forum*, 2021, no. 2(6), pp. 38—46. (In Russ.) DOI: 10.47309/2713-2358_2021_2_38.
18. Chudinovskikh M. V. Organization of employment through Internet platforms: opportunities and threats for a new industrial society. In: *New industrialization of Russia: economy — science — man — nature management. Collection of sci. works of the VII Ural sci. readings of professors and doctoral students*. Ekaterinburg, Ural State University of Economics, 2020. Pp. 147—152. (In Russ.)
19. Charter of principles for good platform work. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Charter_of_Principles_for_Good_Platform_Work.pdf.
20. Kursova O. A. Methods of legal regulation of non-traditional employment: ILO guidelines and experience of foreign countries. *Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 106—121. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-7897-2021-7-2-106-121.

Как цитировать статью: Чудиновских М. В. Основные тенденции развития цифровых трудовых платформ в условиях пандемии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 280—284. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.370.

For citation: Chudinovskikh M. V. The main trends in the development of digital labor platforms in the context of the pandemic. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 280—284. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.370.

УДК 349.41
ББК 67.407

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.367

Gareev Amir Aydarovich,
4th year student of the Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: amir.gareev.1999@mail.ru

Гареев Амир Айдарович,
студент 4-го курса факультета права,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: amir.gareev.1999@mail.ru

Ieroklis Elena Georgievna,
4th year student of the Faculty of Law,
National Research University
Higher School of Economics,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: e.ieroklis@gmail.com

Иероклис Елена Георгиевна,
студент 4-го курса факультета права,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: e.ieroklis@gmail.com

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR THE EXPROPRIATION OF LAND PLOTS FOR STATE OR MUNICIPAL NEEDS

12.00.06 — Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право
12.00.06 — Land law; natural resource law; environmental law; agrarian law

В работе проводится анализ проблемы привлечения государства к ответственности по обязательствам из причинения вреда (деликтным обязательствам) на примере дела Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 3 ноября 2020 г. № 302-ЭС20-6718. Данное дело касается проблемы фактических изъятий объектов частной собственности, т. е. связанных с лишением владения, в связи с нуждами органов публичной власти. Ст. 49 Земельного кодекса РФ предусматривает строго ограниченный (закрытый) перечень оснований, а ст. 56.3 — условий изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд. В соответствии с п. 1 ст. 281 Гражданского кодекса РФ изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд возможно только в случае денежной компенсации. Эта же идея закреплена в источниках международного права и статье 35 Конституции, которая гласит, что принудительное отчуждение имущества для государственных нужд возможно только при условии предварительного и равноценного возмещения. Несмотря на наличие законодательного регулирования вопросов изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, в большинстве случаев подобные действия органов государственной власти не имеют под собой достаточных правовых оснований, не соблюдается процедура и условия изъятий, что говорит о существенном нарушении конституционного права на неприкосновенность частной собственности. Авторами настоящей статьи даются практические рекомендации для частных субъектов (физических и юридических лиц), право которых оказалось нарушено, а именно предлагаются возможные формулировки предмета исковых требований, перечисляются правовые основания для удовлетворения иска, анализируются принципы равноценности и предварительности компенсации, в заключение проводится краткий сравнительно-правовой анализ немецкого, американского и российского решений проблемы фактических изъятий.

The paper analyzes the problem of holding the state liable for obligations arising out of the infliction of harm (tort obligations) on the example of Case No. 302-ES20-6718 of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, 3 November 2020. This case concerns the problem of de facto seizure of private property, i. e. involving deprivation of possession, in connection with the needs of public authorities. Article 49

of the Land Code of the Russian Federation provides for a strictly limited (closed) list of grounds and Article 56.3 — conditions for seizure of land plots for state or municipal needs. In accordance with article 281 (1) of the Civil Code of the Russian Federation, a land plot may be expropriated for state or municipal needs only in the case of monetary compensation. The same idea is embodied in the sources of international law and Article 35 of the Constitution, which states that compulsory expropriation of property for state needs is possible only on condition of prior and equivalent compensation. Despite the existence of legislative regulation of questions of seizure of land plots for state or municipal needs, in most cases such actions of state authorities do not have sufficient legal grounds, the procedure and conditions of requisition are not fulfilled which is an essential infringement of constitutional right to inviolability of private property. The authors of this article give practical recommendations for private subjects (physical and legal persons) whose rights have been violated, i. e.: possible subject of claims, lists the legal grounds for the claim upholding, analyze the principles of equivalence and prior compensation, and conclude with the brief comparative legal analysis of German, American and Russian solutions to the problem of de facto seizures.

Ключевые слова: деликт государства, изъятия для публичных нужд, право частной собственности, неприкосновенность частной собственности, фактические изъятия, регуляторные изъятия, компенсация за изъятие частной собственности, публично-правовое образование, земельный участок, возмещение расходов.

Keywords: tort of state, seizure of a land plot for public needs, private property right, inviolability of private property, de facto seizures, regulatory seizures, compensation for private property seizure, public-legal entity, land plot, reimbursement of costs.

Введение

Изученность проблемы. Изученность темы регуляторных изъятий земельных участков для государственных и муниципальных нужд на данный момент остается на низком уровне, поскольку судебных дел именно по тематике данного исследования весьма мало, многие из этих дел противоречивы. Данная тема на уровне правовой доктрины является изученной, однако не столь детально, сколько необходимо для соблюдения

баланса частных и публичных интересов в деликтном праве при изъятии земельных участков с последующей компенсацией лицам, имеющим земельный участок на праве собственности.

Актуальность. Часто можно встретить случаи, когда права частного лица могут нарушаться или ограничиваться публично-правовым образованием. В основном данная проблема теоретически актуализируется в деликтном праве. В ряде случаев можно столкнуться с примерами на практике, когда правомерные действия государственных органов и органов местного самоуправления могут нанести ущерб имуществу гражданина, в частности земельному участку, либо имуществу юридического лица, что, в свою очередь, порождает парадокс, обусловленный неоднозначностью правовых последствий таких действий. Также это могут быть и незаконные действия государства, которые влекут за собой ущемление интересов частных лиц. Этим обусловлена практическая актуальность выбранной темы.

Научная новизна исследования состоит в анализе судебной практики, посвященной ответственности государства за незаконное изъятие имущества для государственных и муниципальных нужд и в последующем анализе принятия необходимых мер для защиты частной собственности.

Целью исследования является рассмотрение судебной практики и позиций из научной доктрины по вопросам регуляторных изъятий для публичных нужд и анализ их соотношения с действующим законодательством. Исходя из цели исследования, необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать позиции из судебной практики по вопросам возмещения потерь при изъятии публично-правовым образованием земельных участков;
- рассмотреть зарубежный опыт регулирования по изъятию имущества в пользу государства;
- изучить основные принципы, используемые при регуляторных изъятиях земельных участков в пользу государства.

Методология. Для достижения цели и решения задач в настоящей работе будут использованы такие методы, как анализ, синтез, индукция, сравнительно-правовой. Последний метод необходим в исследовании для сравнения отечественного опыта из законодательства и судебной практики с зарубежным в аспекте соотношения ответственности государства за изъятие частной собственности с последующим возмещением.

Целесообразность разработки темы заключается в том, что в настоящий момент в научной доктрине, в законодательстве и в судебной практике не до конца разработаны механизмы, позволяющие соблюсти баланс интересов при изъятии земельных участков для публичных нужд, а также в том, что в правоприменительной практике есть противоречия, которые необходимо устранить.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты можно использовать при определении механизмов, необходимых для судебных споров при определении справедливой компенсации лицам, чья собственность была изъята для публичных нужд.

Основная часть

В одном из дел Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации предприниматель купил автозаправочную станцию и два земельных участка и менее чем через год получил уведомление от учреждения [1]. Оно намеревалось реконструировать автомобильную дорогу путем расширения полос и тем самым сделало бы невозможным нахождение заправки на старом месте ввиду нарушения минимального расстояния до дороги [2]. Впоследствии часть земельного участка была занята трассой, соединяющей разные

города, однако никакого решения о фактическом изъятии со стороны ответчика не было. Предпринимателю пришлось перенести заправку из-за нарушения требований противопожарной безопасности, что также повлекло расходы.

Можно прийти к выводу, что нижестоящие суды действительно не учли ряд норм российского законодательства, которые обязательно нужно применить при решении данного вопроса, и выбрали неверную траекторию правовой оценки действий соответчиков. В частности, это ст. 35 Конституции Российской Федерации [3], где закреплено положение о принудительном отчуждении имущества для государственных нужд. Это важно, поскольку основной закон государства в гл. 2 гарантирует лицу сохранение его частной собственности и возможность предварительного и равноценного возмещения расходов, связанных с изъятием.

Рассматривая нормативную сторону данного дела, также можно натолкнуться на те случаи, когда возможен вариант изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд, то есть конкретные случаи, предусмотренные законом. Это закреплено в ст. 49 Земельного Кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) [4], которая предусматривает открытый перечень таких случаев, среди которых значится строительство, реконструкция «объектов федерального транспорта, объектов связи федерального значения, а также объектов транспорта, объектов связи регионального значения». Однако такой позиции придерживаются не все ученые. Например, точка зрения Д. И. Ережипалиева и Н. А. Игониной состоит в том, что в законе не сказано, какие есть иные случаи, поэтому возможно злоупотребление со стороны публично-правовых образований при изъятии частной собственности [5]. В совокупности из ст. 35 Конституции РФ и ст. 49 ЗК РФ вытекает, что возмещение должно быть предварительным, равноценным, а изъятие может быть осуществлено лишь в исключительных случаях. Соответчики по делу не соблюли все эти важные и обязательные условия, что привело к возникновению долга со стороны ряда публично-правовых образований. Судебная практика по данному вопросу разнообразна. В одном из дел лицо пыталось оспорить решение об изъятии земельного участка, поскольку посчитало, что цель изъятия не соответствует ст. 49 ЗК РФ, поскольку она не обозначена в перечне [6]. На наш взгляд, здесь важно учесть не только цель изъятия участка, которую можно «притянуть» к одному из условий по ст. 49 ЗК РФ, но и законность и правильность самой процедуры изъятия и выплаты своевременной компенсации. Это дело показывает, что также важно понимать, какие именно цели преследует публично-правовое образование при изъятии земельного участка, потому что если сама по себе цель незаконна и соответствующего условия нет в законе, то это может привести к нарушению баланса интересов и к злоупотреблению правом.

При решении данного вопроса необходимо также понять, какой иск является основанием возмещения вреда. Представляется возможным, что это может быть иск о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями ответчика. В подтверждении данной позиции можно привести тезис, сформулированный в п. 4 «Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта». Там сказано, что «отсутствие решения об изъятии земельного участка (его части) или несоблюдение процедуры изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд само по себе не лишает правообладателя такого участка права на возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества» [7]. В вышеуказанном деле решения об изъятии не было, как и не была соблюдена процедура изъятия земельного участка, предусмотренная ст. 281 Гражданского кодекса Российской Федерации

(ГК РФ). Следовательно, предприниматель имеет право на возмещение убытков, которые он понес, в том числе на перенос автозаправочной станции, поскольку это действие он совершил ввиду необходимости соблюдения правил противопожарной безопасности. Также с 1 апреля 2015 г. необходимым условием изъятия земельного участка для публичных нужд является предоставление правообладателю предварительного и равноценного возмещения [8]. То есть приводятся те же основные принципы изъятия, которые есть в Конституции и других нормативно-правовых актах, что подтверждает их важность и обязательность для государства.

Рассматривая вопрос о вине потерпевшего, можно заключить, что ее не было, поскольку на дату приобретения участка процедура реконструкции еще не была начата. Дорога просто находилась рядом. На этот счет также можно встретить вполне обоснованную и, на наш взгляд, верную позицию Ероховой М. А. [9], состоящую в том, что вопрос о выплате компенсации в принципе нерелевантен, так как за любое изъятие со стороны публично-правового образования необходимо платить. Более того, суды не смогли доказать недобросовестность предпринимателя, и сам факт заключения договора купли-продажи земельного участка, часть которого в дальнейшем была занята дорогой, не может свидетельствовать о вине потерпевшего. С нашей точки зрения, доказать отсутствие вины можно при помощи двух аргументов. Во-первых, это даты. Купля-продажа была осуществлена раньше, чем появилось распоряжение Министерства земельных и имущественных отношений Республики Тыва, и предприниматель, безусловно, не знал о реконструкции на момент покупки. И, во-вторых, нет никакой причинно-следственной связи между покупкой-продажей земельного участка и реконструкцией дороги, следовательно, его вины в том, что часть дороги оказалась на его участке, нет.

Исходя из положений о равноценности и предварительности возмещения убытков, о которых речь шла выше, можно предположить, что основанием возмещение вреда может стать иск о взыскании долга, возникшего в силу ст. 35 Конституции, ст. 281 ГК РФ и ст. 49 ЗК РФ. Это связано с тем, что такая обязанность вытекает из того, что ответчик должен выплатить компенсацию еще до фактического занятия части земельного участка предпринимателя. Поскольку, исходя из материалов дела, видно, что сделано этого не было, обязательство, возникшее из неправомерных действий казенного учреждения, муниципалитета, органов исполнительной власти субъекта РФ, должно быть удовлетворено, и в случае отсутствия его удовлетворения предприниматель все же имеет право на возмещение вреда, которое можно доказать в вышестоящих судебных инстанциях. В подтверждении данного тезиса также можно обратиться и к доктринальным источникам. Например, в комментарии к основным положениям гражданского законодательства [10], в частности к ст. 16.1 ГК РФ, указано, что признание строительства объектов правомерными — это неверная квалификация случаев изъятия земельных участков, поскольку «обязанность изъятия земельного участка и выплаты возмещения следует из ст. 35 Конституции РФ, а также ст. 279—282 ГК РФ, ст. 49 гл. VII.1 ЗК РФ». Данная ссылка на нормы различных кодифицированных федеральных законов и на Конституцию предполагает, что одной из основных целей вынесения решения в пользу предпринимателя является восстановление баланса частных и публичных интересов и справедливости.

Что касается судьбы земельного участка, то в данном случае для восстановления баланса и справедливости соответчиком необходимо компенсировать ту часть земельного участка, которая занята дорогой, а также возместить реальный ущерб, который понес предприниматель. Стоимость части земельного участка, занятого трассой, должна возме-

щаться по рыночной цене на день, предшествующий принятию решения об изъятии земельных участков. Это в своем Постановлении указал Конституционный Суд РФ [11]. В связи с этим возникает логичный вопрос о том, кто должен возместить компенсацию. На наш взгляд, надлежащим ответчиком в данном случае следует признать, во-первых, субъект РФ — Министерство земельных и имущественных отношений, поскольку именно оно инициировало эту реконструкцию и его неправомерные действия (их нарушение) следуют из правил об изъятии имущества, а именно из ст. 49 ЗК РФ. Во-вторых, это муниципалитет в лице администрации, так как именно из-за нее пришлось менять местоположение заправки, а также она не компенсировала расходы. В-третьих, это казенное учреждение «Управление автомобильных дорог Республики Тыва», потому что оно, являясь юридическим лицом, самостоятельно несет ответственность по своим обязательствам. И этим учреждением также были причинены убытки наряду с другим соответчиком. Поэтому здесь наиболее правильным будет вариант солидарной ответственности. Данный подход следует признать относительно новым с научной точки зрения, так как понесенные убытки связаны с вышеуказанными лицами и они должны отвечать солидарно.

Также необходимо провести сравнение с некоторыми зарубежными правовыми порядками, для более объективного понимания данного вопроса. Изъятие имущества в пользу государства также часто применяется, например, в Германии. Наш анализ будет проведен в основном на основе соответствующей публикации Центра международных и сравнительно-правовых исследований, где речь как раз-таки идет об опыте изъятия земельных участков для публичных нужд и о месте компенсации в таких делах [12]. В немецкой доктрине одним из критериев является экономическая эффективность изъятия, чего мы не смогли обнаружить в отечественных научных трудах. Это удачный критерий, поскольку он ставит вопрос перераспределения выгод на второй план, а общее благосостояние общества — на первый. Однако общее и в Германии, и в России — то, что при изъятии земельного участка собственнику обязательно должна быть выплачена компенсация в том размере, который позволит сохранить баланс интересов. Похожей точки зрения придерживаются и в США. В Пятой поправке к Конституции США [13] указано, что государство не имеет права изымать частную собственность для публичного пользования без справедливой компенсации. То есть должна быть соблюдена формальная процедура изъятия. Это позиция подтверждается и в судебной практике США, где в одном из дел суд указал, что изъятие с выплатой соответствующей компенсации не противоречит Конституции США, поскольку была соблюдена процедура изъятия и все потери были компенсированы [14]. Что касается вопроса гарантированности компенсации, то, например, в Республике Корея и вообще есть закон, в названии которого фигурирует термин «компенсация», это Закон об изъятии земельных участков и компенсации Республики Корея (Korea Land Takings and Compensation Act).

Что касается принципов изъятия и выплаты компенсации, то отечественное законодательство во многом схоже с венгерским, где предусматривается, что она должна быть полной, безусловной и немедленной. При этом там также есть перечень случаев, когда изъятие для публичных нужд в принципе возможно. В отличие от спорного российского варианта, с точки зрения открытости перечня в Венгрии он исчерпывающий, что, на наш взгляд, является более успешным решением [15]. Среди прочего, там есть пункт про «развитие транспортной инфраструктуры».

Результаты

Принципы изъятия собственности у частных лиц на данный момент весьма детально проработаны в действующем гражданском и земельном законодательстве. Однако в научной доктрине и в судебной практике ведутся споры о возможности получения компенсации за изъятие земельных участков и иной собственности, а также о ее размере и целесообразности в различных случаях. В данном исследовании нам удалось выявить необходимые критерии, которые позволяют справедливо соблюсти баланс частных и публичных интересов, а также проанализировать судебную практику и выявить наиболее спорные судебные позиции по вопросам законности изъятия земельного участка для публичных нужд. В зарубежной правовой доктрине и в судебной практике также применяются различные подходы при определении справедливой компенсации за изъятия частной собственности в пользу государства. Сравнение позволило нам выявить ключевые аспекты и на-

правления, которые также можно применить и в отечественной правоприменительной практике.

Заключение

Подытоживая вышесказанное, мы видим, что во многих странах институт изъятия имущества, в частности земельных участков, существует и предполагает выплату компенсации в случае, если права собственника будут нарушены. Безусловно, нами были проанализированы не все страны, где такие правила применяются. Это еще и Польша, Норвегия, Италия, Австрия и множество других стран. Общее у них то, что данные положения закреплены в основных законах этих государств, а детально сама процедура и необходимость выплаты компенсации раскрываются в отдельных нормативно-правовых актах либо кодифицированных законах. И есть очень много схожих с российским законодательством положений, в том числе принципов изъятия для публичных нужд.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Определение Верховного Суда РФ от 3 нояб. 2020 г. № 302-ЭС20-6718.
2. Нормы пожарной безопасности. Автозаправочные станции. Требования пожарной безопасности НПБ 111-98* (утв. приказом Главного управления гос. противопожар. службы Мин-ва внутренних дел Рос. Федерации от 23.03.1998 г. № 25).
3. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ.
5. Игонина Н. А., Ережиалиев Д. И. Актуальные проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики в сфере долевого строительства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 12. С. 66—70.
6. Постановление АС Московского округа от 09.07.2019 г. № Ф05-10209/2019 по делу № А40-215633/2018.
7. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015 г.)
8. Ждан А. Размер компенсации при изъятии земельных участков: подходы судебной практики // *Жилищное право*. 2018. № 9. С. 49—57.
9. Компенсация за фактическое изъятие земельного участка для публичных нужд. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t1-ChRqOZu8&t=442s>.
10. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1—16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др. ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.02.2019 г. № 9-П.
12. Иностранное регулирование изъятия земельных участков для публичных нужд : аналит. справка (подготовлена в рамках исслед. проекта АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований»). М., 2018.
13. U. S. Const. amend. V.
14. *Hawaii Housing Authority v. Midkiff* — 467 U. S. 229, 104 S. Ct. 2321 (1984).
15. Конституция Венгрии от 16.06.2016 г.

REFERENCES

1. *Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of Nov. 3, 2020 No. 302-ES20-6718*. (In Russ.)
2. *Fire safety standards. Gas stations. Fire safety requirements NPB 111-98** (approved by order of the Main Directorate of the State Fire Service of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated 03.23.1998 No. 25). (In Russ.)
3. *Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993*. (In Russ.)
4. *Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ*. (In Russ.)
5. Igonina N. A., Erezhialiev D. I. Actual problems of legislative regulation and law enforcement practice in the field of shared construction. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 12, pp. 66—70. (In Russ.)
6. *Resolution of the CA of the Moscow District of 09.07.2019 No. F05-10209/2019 in case No. A40-215633/2018*. (In Russ.)
7. *Review of judicial practice in cases related to the seizure of land plots for state or municipal needs in order to accommodate transport facilities* (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on Dec. 10, 2015). (In Russ.)
8. Zhdan A. The amount of compensation for the seizure of land: approaches of judicial practice. *Housing Law*, 2018, no. 9, pp. 49—57. (In Russ.)
9. *Compensation for the de facto seizure of a land plot for public needs*. (In Russ.) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=t1-ChRqOZu8&t=442s>.
10. Asoskov A. V., Baybak V. V., Bevenko R. S., et al. *Basic provisions of civil law: article-by-article commentary to articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation*. Ed. by A. G. Karapetov. Moscow, M-Logos, 2020. 1469 p. (In Russ.)
11. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 11.02.2019 No. 9-P*. (In Russ.)
12. *Foreign regulation of the seizure of land plots for public needs. Analytical report* (prepared in the framework of the research project of the ANO “Center for International and Comparative Legal Studies”). Moscow, 2018. (In Russ.)
13. U. S. Const. amend. V.
14. *Hawaii Housing Authority v. Midkiff* — 467 U. S. 229, 104 S. Ct. 2321 (1984).
15. *Hungarian Constitution of 16.06.2016*.

Как цитировать статью: Гареев А. А., Иероклис Е. Г. Проблема ответственности за изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 285—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.367.

For citation: Gareev A. A., Ieroklis E. G. The problem of responsibility for the expropriation of land plots for state or municipal needs. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 285—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.367.

УДК 347:17
ББК 67:87.75

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.369

Конопляникова Татьяна Валерьевна,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Orenburg State University,
Russian Federation, Orenburg,
e-mail: tatoshka.miss@mail.ru

Конопляникова Татьяна Валерьевна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Оренбург,
e-mail: tatoshka.miss@mail.ru

Shagivaleeva Indira Zakirovna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure,
Orenburg State University,
Russian Federation, Orenburg,
e-mail: ishagivaleeva@mail.ru

Шагивалеева Индира Закировна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Оренбургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Оренбург,
e-mail: ishagivaleeva@mail.ru

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ БИОЭТИКИ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН

LEGAL CULTURE AS A BACKGROUND FOR THE FORMATION OF BIOETHICS IN THE SPHERE OF PROTECTING THE RIGHTS OF THE CITIZENS

12.00.11 — Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность
12.00.11 — Judicial activity, prosecutor's activity, human rights and law enforcement

Актуальность и цель исследования обусловлены возникшими проблемами формирования национального законодательства в сфере права и медицины на основе принципа автономия личности пациента и этических стандартов поведения в процессе терапевтического вмешательства, научного исследования человека-пациента, а также проблемами формирования биоэтики и повышения уровня правовой культуры пациента.

Понятие «медицинская этика» появилось раньше биоэтики, которая призвана обязать врачей использовать свои опыт и знания ради исцеления больного, а не причинения вреда, ради сохранения жизни и удержания в тайне конфиденциальной информации, которая не должна быть распространена. На данных жизненных ценностях и принципах должна строиться и существовать современная биоэтика.

Исследование темы предполагало использование разнообразных методов: анализа, синтеза, опроса, наблюдения (прямого, косвенного). В констатирующем эксперименте приняли участие 613 жителей Оренбурга и Оренбургской области в возрасте от 37 до 70 лет.

Опрос среди населения Оренбургской области выявил, что подавляющему большинству респондентов не приходилось слышать о понятии «биоэтика» и правовой культуре в биоэтике (71 %); 2 % опрошенных сетовали на несвоевременность оказания медицинских услуг; 78 % конфликтов, возникающих у жителей Оренбургской области, имеют отношение к культуре поведения врача и пациента.

Интерпретация полученных в исследовании результатов позволяет говорить о назревшей потребности в повышении уровня правовой культуры общества в целом, воспитании законопослушных граждан, а также в развитии правовой культуры врача и пациента как весьма существенной предпосылки формирования биоэтики.

The relevance and purpose of the presented study are due to the emerging problems of the formation of national legislation in the field of law and medicine based on the principle of patient autonomy and the ethical standards of behaviour in therapeutic intervention, scientific research on the human patient as well as the problems of shaping bioethics and raising the level of legal culture of the patient. The concept of medical ethics appeared before bioethics, which is designed to oblige doctors to use their experience and knowledge for the sake of healing the patient, and not causing harm, for the

sake of preserving life and keeping confidential information that should not be disseminated. Modern bioethics should be built on these values and principles.

Studying this topic involved the use of a variety of methods: analysis; synthesis; survey; and observations (both direct and indirect). 613 residents of the city of Orenburg and the Orenburg region aged 37—70 took part in the ascertaining experiment.

The survey conducted among the population of the Orenburg region revealed that the overwhelming majority of respondents never heard about the concept of bioethics and its legal culture (71 %); 2 % of respondents complained about poor timing in the provision of medical services; also, 78 % of conflicts that aroused among residents of the Orenburg region were related to the culture of behavior of both patients and doctors.

The results of this research suggest that there is an urgent need to raise the level of legal culture in society at large and to educate law-abiding citizens, as well as to develop a legal culture for doctors and patients, as an essential precondition for the development of bioethics.

Ключевые слова: правовая культура, биоэтика, права человека, эвтаназия, биотехнологии, правовой режим, ценности, правосознание, правовая деятельность, этические проблемы, право.

Keywords: legal culture, bioethics, human rights, euthanasia, biotechnology, legal regime, values, legal awareness, legal activity, ethical problems, law.

Введение

В эпоху биотехнологической революции социально-этические проблемы являются предметом исследования различных наук, а также биоэтики. Возникновение биоэтики связано с переходом от профессионального или узкокорпоративного регулирования поведения и взаимоотношений в области охраны здоровья (биомедицинской этики) к регулированию жизненно важных вопросов человечества на государственном уровне.

Осознание своих прав, своей значимости — это не полный перечень вопросов, которые лежат в медицинской, социальной и правовой плоскостях. Поэтому врачам достаточно тяжело руководствоваться лишь нормами медицинской этики.

Биоэтика — это не декларирование высоких нравственных идеалов, а обращение к вопросам жизни и смерти, здоровья и благополучия человека. Юридические аспекты в биоэтике при защите жизни и здоровья человека предполагают преодоление правового нигилизма в ситуациях, связанных с нарушениями прав человека в сфере биомедицины. Эта отрасль недостаточно изучена, поэтому на практике возникают определенные трудности при совершенствовании законодательной базы здравоохранения, не позволяющие завершить создание юридически гарантированной и этически обоснованной системы защиты прав граждан.

Ситуация усугубляется тем, что Россия так и не присоединилась к Конвенции по правам человека в биомедицине, поэтому отсутствуют федеральные законы, подзаконные акты, принципы и правила биомедицинской этики. Этим обуславливается **актуальность** темы исследования.

Содержательную и понятийную сторону биоэтики изучали: Ван Ренсселер Поттер, Т. Бочамп и Дж. Чайлдресс, Д. Фокс, Н. Н. Седова и др. Сущностную характеристику правовой культуры как совокупности знаний изучали П. П. Баранов, А. П. Окусов; как состояние правосознания рассматривал С. С. Алексеев; как сферу человеческой практики изучала Т. В. Синюкова. В. И. Каминская, А. Р. Ратинов, выделяя элементы правовой культуры, уделяли внимание наличию правового поля. Трансплантацию органов в различных плоскостях рассмотрели в своих трудах И. А. Беличенко, М. В. Мирский и др.

Научная новизна заключается в уточнении понятийного аппарата правовой культуры в биоэтике, в определении основных ее элементов. Таким образом, поведенческая составляющая правовой культуры в биоэтике включает законное поведение субъектов с учетом главного биоэтического принципа — автономии воли личности. Доказывается, что формирование правовой культуры является предпосылкой формирования биоэтики в сфере защиты прав граждан. С этой целью авторы предлагают ратификацию Конвенции Овьедо.

Целесообразность разработки темы: наибольшую сложность в понимании правовой культуры в биоэтике порождает «отставание» уровня правового регулирования от развития биомедицинских технологий. В настоящее время биомедицина стремительно попирает устоявшиеся правовые институты, вынуждая законодателя принимать решения, которые могут находиться на стыке правовых, моральных и этических норм. Поэтому очень важно изучить данную тему.

Основная **цель** исследования — изучить правовую культуру как предпосылку формирования биоэтики в сфере защиты прав граждан.

Задачи:

- изучить категории «биоэтика», «правовая культура»;
- выделить основные элементы правовой культуры;
- определить содержание правовой культуры в биоэтике.

Теоретическая значимость исследования: расширяет представления о понятии правовой культуры.

Практическая значимость исследования: внедрение в законодательство основного понятия, несомненно, поможет взглянуть на проблему биоэтики под углом правового регулирования.

Предложения и выводы исследования способствуют более полному и глубокому пониманию теоретико-правовых проблем соотношения права и биомедицинской этики, что расширяет возможности дальнейших исследований.

Основная часть

Правовая культура — важнейшая предпосылка на этапе становления биоэтики. В случае если общественные экологические движения возникли в связи с возникающей техно-

генной угрозой для всего человечества, то биоэтика является ответом на угрозы моральной идентичности человека со стороны технологического прогресса в области биомедицины.

Термин «биоэтика» впервые был введен в 1970 г. американцем Ван Ренсселером Поттером в его работе «Биоэтика — мост в будущее». Как врач, Поттер назвал биоэтику дисциплиной, которая свяжет этику и биологию для решения проблемы выживания человечества. Термин «биоэтика» состоит из двух слов: «био» — «жизнь» и «этика» — наука о морали, т. е. наука о системе ценностей, которой руководствуется человечество [1].

Т. Бочамп и Дж. Чайлдресс рассматривают биоэтику с позиций этики биомедицины, утверждая, что биоэтика «есть приращение общих этических теорий, принципов и правил для решения проблем терапевтической практики, медицинского обслуживания, проблем медико-биологической медицины» [2].

Предпосылками возникновения биоэтики, по мнению американского исследователя Д. Фокса, являются: 1) «обратная сторона» золотого века медицины, ее побочный продукт; 2) ответ на развитие технологий; 3) реакция на господство рыночных отношений, особое выражение политической экономии; 4) результат великих событий, а также деяний великих людей; 5) попытка установления великих культурных традиций в период упадка и углубления нравственного кризиса; 6) то, во что мы тайно верим [3, с. 1—4].

С точки зрения философского осмысления биоэтика призвана улаживать трудности неконфликтности и неизменного сосуществования осмысленных и воплощающих познаний о мире в их модифицирующей работе человека и самого этого мира.

Одним из наиболее ярких примеров является творчество Н. Н. Седовой, которая включает культуру в плоскость биоэтики [4, с. 12].

Существующие позиции ученых относительно предмета биоэтики можно свести к четырем подходам, отличающимся друг от друга степенью обобщения ключевых категорий, связанных с этическими проблемами нарушения автономии пациента, сохранения жизни и здоровья, соответственно, личности:

- сфера профессиональной медицинской деятельности;
- процесс использования медицинских технологий;
- процесс взаимодействия человека с окружающей природой;
- решение глобальных проблем человечества.

Интересен другой аспект — это рассмотрение биоэтики с позиций развития отношения к власти и законам, действующим в данном обществе [5, с. 12].

Таким образом, мы выделяем многомерность биоэтики, которая пронизывает практически все сферы человеческого существования.

С развитием кризисных ситуаций в различных сферах жизни человека непосредственно приходит осознание ответственности за неумелое и грубое вторжение в гармонию жизни человека. Опрос выявил, что значительное количество конфликтов, которые возникли у жителей Оренбургской области, связано с культурой поведения врача и пациента. В то же время так называемые пациенты не имели представления об инструментах защиты своих законных интересов; 2 % респондентов пожаловались на несвоевременное оказание медицинских услуг.

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, принятая ЮНЕСКО в 2005 г., говорит об обеспечении уважения к человеческой жизни, подчеркивая при этом, что биоэтика представляет собой синтез морали и закона. Это видно в ст. 3 Всеобщей декларации о биоэтике и правах.

Стремление к законодательному регулированию биоэтики является основой для создания в России правового государства,

в котором правовая культура граждан является главным принципом в регулировании человеческих отношений.

Итак, правовая культура определяется уровнем правовых знаний, правосознания и юридической активности, проявляющейся в рамках общественных отношений [5, с. 144].

Издавна граждане создавали и утверждали законы, которые сохранились до наших времен. Эти законы были мощным оружием в античном государстве. Отношение людей к закону было различным, что зависело от социального статуса человека в обществе. Поэтому правовая культура в античных странах была разной по содержанию.

Религия, обычаи и ритуалы оказали влияние на формирование правовой культуры феодального общества. Священное Писание было законным. Средневековое население было безграмотным, что проявлялось в их вере в различные знамения, видения, чудесные исцеления. Жестокость была самым частым явлением правовой культуры средневековья, обеспечивающей соблюдение законов [6, с. 236].

Правовая культура человека непосредственно отображает почти все важные стороны жизни, например, как общества, так и государства, что обусловлено ее сложной психологической природой. Если представить себе правовую культуру в виде дома, то «основой основ» будут убеждения и моральные взгляды.

Формирование правовой культуры происходит, как правило, постепенно. В первую очередь закладывается фундамент, на котором под воздействием внешней среды складываются представления о важных и очень простых правилах взаимоотношений между людьми, что помогает им овладеть юридическими знаниями и навыками [7].

Что же касается России, то нигилизм в правовой культуре имеет глубокие корни с древних времен. Закону была отведена важная просветительская роль. «Закон дисциплинирует человека в гораздо большей степени, чем логика и методология, или систематические упражнения воли... Право — это прежде всего социальная система и, более того, единственная социальная дисциплинирующая система...» [8, с. 129—131].

Понятие «правовая культура» отличается множеством различных подходов к собственному пониманию, что говорит об отсутствии единства в определении правовой культуры.

Так, С. С. Алексеев считает, что правовая культура — это «состояние правосознания, законности, улучшение законодательства и юридической практики, выражающее утверждение и развитие права как социальной ценности, то есть своего рода правового богатства общества» [9, п. 116].

Г. И. Балук при определении понятия правовой культуры считает, что правовая культура — это «совокупность всех ценностей, которые формируются людьми в сфере права. Она выступает как юридическое явление, близкое к понятию всей правовой надстройки, но обязательно включающее человека и его деятельность» [10, с. 7].

П. П. Баранов и А. П. Окусов утверждают, что правовая культура — это «совокупность знаний и умений, умения применять их на практике, обеспечивать верховенство закона» [11, с. 72].

По мнению Н. Н. Вопленко, правовая культура — это «совокупность правовых ценностей, выработанных человечеством, отражающих поступательное правовое развитие общества» [12, с. 41].

Т. В. Синюкова утверждает, что правовая культура — это «сфера человеческой практики, которая представляет собой совокупность норм, ценностей, правовых институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социально-правовой ориентации людей в данном обществе» [13, с. 473].

Н. Я. Соколов убедительно утверждает, что правовая культура есть «мера развития правовых ценностей,

накопленных обществом, и их использования различными субъектами в правовой сфере» [14, с. 473].

Многообразие понятий правовой природы позволяет сделать вывод, что правовая культура — сложное явление с точки зрения богатства социальных связей и их внутренней структуры. Он не ограничивается знанием верховенства закона, но предполагает это как необходимое условие.

Мнения ученых относительно структуры этой категории также противоречивы. В этом смысле вопрос о составляющих правовой культуры является дискуссионным.

Понятие структуры правовой культуры в научной литературе определяется следующим образом: «Это такая структура, расположение элементов и связей, которая обеспечивает ее целостность, сохранение основных свойств и функций при воздействии на нее различных внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов реальной действительности» [15, с. 35].

В. И. Каминская и А. Р. Ратинов к элементам правовой культуры непосредственно относят следующие наиболее крупные культурные комплексы: а) право как система норм, выражающих государственные веления; б) правоотношения, т. е. система общественных отношений, регулируемых законом; в) правовые учреждения и институты, т. е. система государственных и общественных организаций, обеспечивающих правовую контроль, регулирование и исполнение права; г) правовое поведение, как правомерное, так и противоправное; д) правосознание (правовая психология), то есть система духовного отражения правовой действительности [16, с. 42].

В свою очередь, Н. М. Кейзеров считает, что к данным элементам правовой культуры следует добавить критерии правового поведения и политической оценки права [17, с. 231].

Существует мнение, что правоотношения также являются элементом правовой культуры. Главным элементом правовой культуры является право. Право выражает наиболее важные общечеловеческие ценности, такие как справедливость, свобода и равенство людей, поэтому ценность права состоит в том, что право представляет собой глубинный элемент культуры, цивилизации и вбирает в себя важнейшие социальные ценности общества.

Еще одним из основных элементов правовой культуры непосредственно выделяют правосознание. В свою очередь, в правосознании выделяют волевые, познавательные и ценностные элементы.

Довольно интересным представляется выделение такого элемента правовой культуры, как юридическая деятельность, представляющая собой опосредованную правом управленческую, трудовую, государственно-властную деятельность компетентных органов. Поведенческий элемент правовой культуры — это не любое законное поведение, а только законное поведение.

Законное поведение, одобренное обществом, имеет прогрессивное, полезное для общества и личности значение, прежде всего потому, что сами правовые нормы отражают и закрепляют оптимальные формы деятельности человека: в социально-политической жизни, повседневной жизни и других сферах.

Таким образом, анализ структуры правовой культуры позволяет напрямую выделить такие составляющие, как: право, правосознание, правовая активность и уровень правовой культуры общества.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовую культуру можно рассматривать как важнейшую культурную предпосылку формирования биоэтики в сфере защиты прав пациентов.

Дело в том, что человек в биомедицине выступает одновременно и как главная цель, и как неизбежное «средство»

научного исследования. Для ученого-врача каждый человек существует как бы в двух, не всегда связанных между собой обликах. С одной стороны, перед ним человек как представитель «человечества в целом», а с другой — конкретная личность со своими интересами, не всегда связанными с универсальными. Достаточно перечитать «Записки врача» В. В. Вересаева, чтобы понять, как легко пациенты без всякого согласия и без какой-либо компенсации за вред, причиненный их здоровью, превращаются в «лабораторных животных» [18].

Основная научная проблема биоэтики — преодоление путем широкого общественного диалога разрыва между высшими моральными ценностями, идеалами правильного поведения лиц, вовлеченных в ситуации, связанные с вмешательством в жизненные процессы, и реальной практикой их забвения.

Правозащитное движение тесно связано с биоэтикой, являясь, по сути, ее частью. В современном мире, где все определяется теми или иными нормативными актами, все чаще происходит их нарушение, сопровождающееся грубым попранием прав человека. Кроме того, появилась реальная угроза моральной идентичности в связи с успехами клонирования.

В результате бурных общественных дебатов 60-х гг. XX в., охвативших США и Западную Европу, пришло осознание того, что человеческое тело — это не только «объект» научных исследований или терапевтического воздействия, но и «плоть» конкретного человека — его хозяина. Следовательно, никто не имеет права проводить научные исследования или проводить лечебные действия без разрешения субъекта или самого пациента. Именно в ходе этих дебатов был сформулирован центральный для биоэтики принцип «автономии личности».

Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации в середине тех же шестидесятых непосредственно дала первый этический стандарт проведения научных исследований на человеке, в основе которого лежал принцип автономии личности пациента и испытуемого. Смысл декларации предельно прост: человек — хозяин своей жизни и своего тела, он волен делать с ним все, что угодно, и никто не имеет права ему мешать [19].

Одно из направлений биоэтики — трансплантация (трансплантация органов и тканей) — позволяет оказывать эффективную помощь многим пациентам, ранее обреченным на неминуемую смерть или тяжелую инвалидность. В то же время развитие этого направления медицины, увеличивая потребность в необходимых органах, порождает определенные моральные проблемы и может представлять опасность для общества. Таким образом, недобросовестная пропаганда донорства и коммерциализация операций по трансплантации создают предпосылки для продажи частей или органов человеческого тела, угрожая жизни и здоровью человека. В пункте 8 Декларации о трансплантации человеческих органов 1987 г. говорится, что продажа и покупка человеческих органов строго осуждаются [20].

Буквально каждый день реаниматоры возвращают к жизни тысячи людей, состояние которых раньше расценивалось не более чем как смерть. При этом не прекращаются споры о праве человека на эвтаназию, то есть легкую смерть по собственному желанию, но с помощью врачей. Эта тема активно обсуждается общественностью стран, где внедрены эффективные технологии сохранения и продления жизни. В 1976 г. Верховный суд Калифорнии впервые в мировой юриспруденции постановил, что безнадежно больные пациенты имеют право отказаться от поддерживающего их лечения, и многие штаты с тех пор последовали примеру Калифорнии [21].

В настоящее время эта практика приобрела в Америке широкое распространение, и реанимация попросту не проводится, если пациент заблаговременно написал заявление

о том, что он отказывается от лечения, на его кровать вешают табличку с аббревиатурой, в переводе дословно означающей «не оживлять». В Нидерландах, Бельгии и штате Орегон (США) эвтаназия разрешена законом [22]. Странники эвтаназии считают ее допустимой при наличии условий, смысл которых сводится к требованию соблности право больного самому принять решение. В американской литературе эвтаназия именуется PAS — «physician assisted suicide» («самоубийство с помощью врача») или «assisted suicide» («самоубийство с помощью») [23—25].

Генетический код каждого человека поистине уникален, поскольку у каждого из нас, помимо общечеловеческого, существует еще и индивидуальный набор генов. Попытки же некоторых современных ученых радикально усовершенствовать, как они выражаются, природу человека совершенно безразличны и недопустимы. В статье 13 «Вмешательство в геном человека» главы IV «Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: конвенция о правах человека и биомедицине» 1997 г. говорится, что вмешательство в геном человека, направленное на его модификацию, может быть осуществлено лишь в профилактических, диагностических или терапевтических целях и только при условии, что оно не направлено на изменение генома наследников данного человека [26].

Зная, что на протяжении многих лет ученые всего мира непосредственно занимаются исследованиями в области генома человека, ведущие конфессии планеты не могут окончательно определить свое отношение к этической стороне этих экспериментов. И действительно, можно ли без опасности для человечества вмешаться в тончайшие структуры жизни? Противники геной инженерии утверждают, что это невозможно, поскольку последствия такого вмешательства непредсказуемы. Странники дальнейшего развития геной инженерии утверждают, что без нее не удастся справиться с новыми и старыми болезнями, обеспечить пропитанием растущее население планеты, вывести новые сорта растений и продуктивные породы скота.

Положение дел с правовым сопровождением деятельности в сфере медицинской биотехнологии нельзя назвать удовлетворительным. Важнейшие общественные отношения, непосредственно затрагивающие права и законные интересы граждан и организаций, долгое время не могут регулироваться ведомственными актами. Развитие целого направления науки, экономики и сегмента рынка зависит от правильного решения возникающих проблем правового обеспечения соответствующей сферы человеческой деятельности. В конце концов, мы либо обеспечиваем права граждан (на охрану здоровья, медицинское обслуживание, безопасность, в том числе биобезопасность населения), либо нет.

Конечно, ситуацию сложно резко изменить в одночасье. Поэтому считаем необходимым приступить к разработке единой концепции правового обеспечения области медицинской биотехнологии. В настоящее время есть предложения по подготовке Федерального закона «О биотехнологии в Российской Федерации», но маловероятно, на наш взгляд, что удастся гармонично связать «медицинский» и «немедицинский» блоки в один закон.

Концепция непосредственно допускает разработку ряда общих вопросов правового регулирования такой деятельности, на основе которых возможно создание правовых режимов в области определенных медицинских технологий. Мы считаем, что необходимо разработать базовые договорные модели (концепцию, существенные условия) в области медицинской биотехнологии (например, для договоров на хранение крови, стволовых клеток, генную диагностику, суррогатное материнство, донорство крови, половые клетки и т. д.).

Методология. Изучение указанной темы предполагало использование самых разных методов: анализа; синтеза; опроса; наблюдения (прямого, косвенного).

Применение указанных методов осуществлялось систематически, начиная с изучения состояния проблемы в научной литературе и практике; при определении ключевых направлений развития правовой культуры в биоэтике; при анализе нормативной базы и методической документации; сформулирована, уточнена и апробирована гипотеза о развитии правовой культуры населения как предпосылка формирования биоэтики в сфере защиты прав граждан.

При интерпретации полученных результатов был проведен анализ и проведена систематизация и статистическая обработка материалов и результатов исследований, результаты обобщены и сформулированы выводы.

Результаты. Таким образом, социокультурные и социально-экономические изменения требуют формирования личности, которая обладает не только правовой культурой, но и знаниями в области биоэтики, позволяющими субъекту применять их при реализации конституционного права на медицинскую помощь с учетом принципов биоэтики.

В ходе изучения мы обнаружили, что в повседневной жизни растет потребность в повышении правовой культуры общества, воспитании законопослушных граждан, а также необходимость их непосредственного участия в нормотворческой деятельности государства.

По данным опроса среди населения Оренбургской области, в частности жителей с. Новочеркассы, с. Островное, г. Кувандыка, подавляющее большинство респондентов никогда не слышали о понятии «биоэтика» и правовой культуре в биоэтике (71 %).

Для оценки, составляющей знаний в этой области был проведен констатирующий эксперимент на территории Оренбургской области (приняли участие 613 жителей Оренбурга и Оренбургской области, в частности жители села Саракташ, села Новочеркассы, села Красногоры, города Кувандык, села Островное. Опрос выявил, что значительное количество конфликтов, возникающих у жителей Оренбургской области, связано с культурой поведения, врачом и пациентом. В то же

время так называемые пациенты не имели представления об инструментах защиты своих законных интересов; 2 % респондентов пожаловались на несвоевременное оказание медицинских услуг, указав, что им приходилось обращаться с жалобами, в том числе к главным врачам. Один респондент, отвечая на этот вопрос, ответил, что медицинское обслуживание выходит за рамки законодательства, поскольку «это отдельное государство с отдельными законами».

Выводы

До сих пор вопросы биоэтики рассматривались в контексте человеческого существования, науки о морали и культуры человеческого и гражданского поведения. Между тем правовому обеспечению биоэтики уделяется недостаточно внимания. Статус биоэтики как культурного и правового явления никем не отрицается, но специально никем не изучается.

Несмотря на попытки законодателя принять законы, регулирующие «медицинские» и «немедицинские» аспекты биоэтики, правовая составляющая остается незавершенной. Мы предлагаем присоединиться России к Конвенции по правам человека в биомедицине (Конвенция Овьедо) и провести имплементацию документа в национальное законодательство с целью всестороннего сохранения человеческого достоинства в области биоэтики.

В контексте разновидностей культуры «правовая культура» рассматривается в совокупности ценностей, наличие которых свидетельствует о поступательном правовом развитии общества: свобода, справедливость, личная неприкосновенность.

Применительно к теме исследования выделены основные элементы правовой культуры в биоэтике — это право, правосознание, правовая деятельность. Таким образом, поведенческая составляющая правовой культуры в биоэтике включает законное поведение субъектов с учетом главного биоэтического принципа — автономии воли личности.

Содержание правовой культуры в биоэтике, на наш взгляд, трансформируется в зависимости от разнообразия медицинских технологий, их правовая регламентация позволит в полной мере защитить права пациента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поттер В. Р. Биоэтика — мост в будущее, 1971.
2. Бочамп Т., Чилдресс Дж. Принципы биомедицинской этики, 1977. URL: https://studopedia.ru/9_177401_biomeditsinskaya-etika-t-bochampa-i-dzh-childressa.html.
3. Fox D. M. View the Second // Special supplement. Hastings Center Report. 1993. Nov.—Dec. Pp. 1—4.
4. Седова Н. Н. Правовой статус биоэтики в современной России // Медицинское право. 2005. № 1. С. 12.
5. Аграновская Е. В. Правовая культура и обеспечение прав личности. М. : Наука, 1988. 144 с.
6. Геворкян Т. В. История формирования и развития правовой культуры населения // Известия Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2014. № 3. С. 236—239.
7. Геворкян Т. В. Многогранность понятия правовой культуры и ее содержание // Известия Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2014. № 4(48). С. 243—245.
8. Юридический словарь / Гл. ред. С. Н. Братусь. М. : Госюриздат, 1953. 781 с.
9. Алексеев С. С. Теория права. М., 1994. 116 с.
10. Балук Г. И. Взаимосвязь правовой культуры и политической демократии. Киев, 1984. С. 6—8.
11. Баранов П. П., Окусов А. П. Аксиология юридической деятельности. Ростов н/Д., 2003. С. 72.
12. Вопленко Н. Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 41.
13. Синокова Т. В. Правовая культура. Теория государства и права / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 473.
14. Соколов Н. Я. О понятии правовой культуры // Lex Russica (Науч. тр. МГЮА). 2004. № 2. 384 с.
15. Карташов В. Н., Баумова М. Г. Правовая культура: понятие, структура, функции. Ярославль, 2008. С. 35.
16. Каминская В. И., Ратинов А. Р. Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания. 1974. С. 42—43.
17. Кейзеров Н. М. Политическая и правовая культура. Методологические проблемы. М., 1982. 231 с.
18. Вересаев В. В. Записки врача. Полное собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Правда, 1985.
19. Хельсинская декларация Всемирной мед. ассоциации, принятая на 18-й Ген. ассамблее ВМА, Хельсинки, Финляндия, июнь 1964 г.

20. Декларация о трансплантации органов человека (принята 39-й Всемирной мед. ассамблеей, Мадрид, Испания, окт. 1987 г.). URL: <https://studfiles.net/preview/6330457/page:67>.
21. Право на смерть: американские законы и эвтаназия. URL: <http://www.russianboston.com/common/arc/story.php/186240>.
22. Parliamentary Assembly. Council of Europe. Legalisation of euthanasia in the Netherlands is a violation of human rights, Doc. 9098, 14 May 2001.
23. Belgium Extends Euthanasia Law to Kids Act. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/12/belgium-legalise-euthanasia-children-age-limit>.
24. Euthanasia facts. The basics. Euthanasia Definitions. URL: <http://www.euthanasia.com/definitions.html> Netherlands legalizes mercy killing.
25. Mobile death squads to kill sick and elderly in their own homes leads to surge in suicide rates in the Netherlands Act. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2430479/One-thirty-deaths-Holland-euthanasia-choosing-end-lives-cancer.html>.
26. Дополнительный протокол к Конвенции по правам человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека, 186-й, Страсбург, 24 янв. 2002 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909729>.

REFERENCES

- Potter V. R. *Bioethics: Bridge to the Future*, 1971.
- Bochamp T., Childress J. *Principles of Biomedical Ethics*, 1977. URL: https://studopedia.ru/9_177401_biomeditsinskaya-etika-t-bocham-pa-i-dzh-childressa.html.
- Fox D. M. View the Second. *Special supplement. Hastings Center Report*, 1993, Nov.—Dec., pp. 1—4.
- Sedova N. N. Legal status of bioethics in modern Russia. *Medical law*, 2005, no. 1, p. 12. (In Russ.)
- Agranovskaya E. V. *Legal culture and ensuring the rights of the individual*. Moscow, Nauka, 1988. 144 p. (In Russ.)
- Gevorkyan T. V. History of formation and development of legal culture of the population. *Vestnik of Orenburg State Agrarian University*, 2014, no. 3, pp. 236—239. (In Russ.)
- Gevorkyan T. V. Multifacetedness of legal culture and its content. *Vestnik of Orenburg State Agrarian University*, 2014, no. 4(48), pp. 243—245. (In Russ.)
- Legal Dictionary*. Editor-in-chief S. N. Brotus. Moscow, Gosyurizdat, 1953. 781 p. (In Russ.)
- Alekseev S. S. *Theory of law*. Moscow, 1994. 116 p. (In Russ.)
- Balyuk G. I. *The relationship of legal culture and political democracy*. Kiev, 1984. Pp. 6—8. (In Russ.)
- Baranov P. P., Okusov A. P. *Axiology of Legal Activity*. Rostov-on-Don, 2003. P. 72. (In Russ.)
- Voplenko N. N. *Legal awareness and legal culture. Textbook*. Volgograd, 2000. P. 41. (In Russ.)
- Sinyukova T. V. *Legal culture: Theory of the State*. Ed. by N. I. Matuzov, A. V. Malko. Saratov, 1995. P. 473. (In Russ.)
- Sokolov N. Ya. On the concept of legal culture. *Lex Russica*, 2004, no. 2, pp. 381—394. (In Russ.)
- Kartashov V. N., Baumova M. G. *Legal Culture: Concept, Structure, Functions. Monograph*. Yaroslavl, 2008. P. 35. (In Russ.)
- Kaminskaya V. I., Ratinov A. R. "Legal Conscience" as an element of legal culture. *Legal culture*. Moscow, 1974. Pp. 42—43. (In Russ.)
- Keyzerov N. M. *Political and Legal Culture. Methodological problems*. Moscow, 1982. 231 p. (In Russ.)
- Veresaev V. *Notes of a Doctor. Complete Works*. In 4 vols. Vol. 1. Moscow, Pravda, 1985. (In Russ.)
- Declaration of Helsinki of the World Medical Association, adopted at the 18th WMA General Assembly, Helsinki, Finland, June 1964*.
- Declaration on Human Organ Transplantation, adopted by the 39th World Medical Assembly Madrid, Spain, Oct. 1987*. URL: <https://studfiles.net/preview/6330457/page:67>.
- Right to die: Euthanasia in the United States*. (In Russ.) URL: <http://www.russianboston.com/common/arc/story.php/186240>.
- Parliamentary Assembly. Council of Europe. *Legalisation of euthanasia in the Netherlands is a violation of human rights, Doc. 9098, 14 May 2001*.
- Belgium Extends Euthanasia Law to Kids Act*. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/12/belgium-legalise-euthanasia-children-age-limit>.
- Euthanasia facts. The basics. Euthanasia Definitions*. URL: <http://www.euthanasia.com/definitions.html> Netherlands legalizes mercy killing.
- Mobile death squads to kill sick and elderly in their own homes leads to surge in suicide rates in the Netherlands Act*. URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2430479/One-thirty-deaths-Holland-euthanasia-choosing-end-lives-cancer.html>.
- Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin (ETS 186), Strasbourg, Jan. 24, 2002*. (In Russ.) URL: <https://docs.cntd.ru/document/901909729>.

Как цитировать статью: Конопляникова Т. В., Шагивалеева И. З. Правовая культура как предпосылка формирования биоэтики в сфере защиты прав граждан // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 289—294. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.369.

For citation: Konoplyannikova T. V., Shagivaleeva I. Z. Legal culture as a background for the formation of bioethics in the sphere of protecting the rights of the citizens. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 289—294. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.369.

Fayzrakhmanov Radif Radikovich,
Postgraduate of the Department of Criminal Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Assistant Prosecutor of the Vakhitovsky District of Kazan,
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
Kazan,
e-mail: radif_881@mail.ru

Файзрахманов Радиф Радикович,
аспирант кафедры уголовного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
помощник прокурора Вахитовского района г. Казани,
Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань,
e-mail: radif_881@mail.ru

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ CONSUMER EXTREMISM: POTENTIAL CRIMINAL LIABILITY

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право
12.00.08 — Criminal law and criminology; criminal and penal law

В рамках настоящей статьи рассмотрены основные аспекты потребительского экстремизма, обозначены основные направления уголовной ответственности в рамках данного вида правонарушения. Проблема потребительского экстремизма в последние несколько лет все чаще становится объектом пристального внимания представителей предпринимательского сообщества. Укрепление прав потребителей, ужесточение мер ответственности юридических лиц, презумпция виновности последних — все это порождает множество злоупотреблений со стороны покупателей. При этом очевидно, что в фокусе внимания именно злонамеренное злоупотребление правом, когда сделка купли-продажи выступает источником получения выгоды со стороны потребителя. В настоящее время фактически отсутствуют инструменты правовой защиты продавца от потребительского экстремизма, что порождает значительную угрозу предпринимательской среде и ее развитию. Следует отметить, что в правовом поле до сих пор отсутствует понятие потребительского экстремизма, это является одной из главных причин отсутствия защитных механизмов. Статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации в 2012 г. впервые обозначила сущность «злоупотребления правом», которое в настоящее время лежит в основе существующих инструментов защиты от потребительского экстремизма. Однако ключевой проблемой становится то, что фактически потребитель не несет ответственности за понесенные убытки юридического лица в случае неправомерности своих требований. Проблема доказуемости правонарушений в области потребительского экстремизма базируется на утверждении о намеренности противоправных действий, в то время как в контексте Закона о защите прав потребителей данный аспект представляется труднодоказуемым. В связи с угрозой экономической безопасности экономических агентов в правовом поле необходима разработка эффективных мер уголовной ответственности за потребительский экстремизм, что является предметом исследования настоящей статьи.

Within the framework of this article, the main aspects of consumer extremism are considered; the main directions of criminal liability in this type of offense are outlined. The problem of consumer extremism in the past few years has become the object of close attention by representatives of the business community. Strengthening consumer rights, toughening legal entities' liability measures, and the presumption of the latter's guilt give rise to many abuses on the part of buyers. At the same time, it is obvious that the focus of attention is precisely the malicious abuse of rights, when the purchase and sale transaction is a source of benefit for the consumer. Current-

ly, there are virtually no tools for legal protection of the seller from consumer extremism, which poses a significant threat to the business environment and its development. It should be noted that the concept of consumer extremism is still absent in the legal field; this is one of the main reasons for the absence of protective mechanisms. Art. 10 of the Civil Code of the Russian Federation in 2012 for the first time outlined the essence of "abuse of law", which currently underlies the existing tools of protection against consumer extremism. However, the key problem is that, in fact, the consumer is not responsible for the losses incurred by the legal entity in case of their unlawful claims. The problem of provability of offenses in the field of consumer extremism is based on the statement about the intention of unlawful actions, while in the context of the Law on the Protection of Consumer Rights, this aspect seems to be difficult to prove. Acting as a threat to the economic security of economic agents in the legal field, it is necessary to develop effective measures of criminal liability for consumer extremism, which is the subject of this article.

Ключевые слова: потребительский экстремизм, Закон о защите прав потребителей, злоупотребление правом, уголовная ответственность, мошенничество, имущественный ущерб, злоупотребление доверием, обман, потребитель, административное право.

Keywords: consumer extremism, consumer rights protection law, abuse of law, criminal liability, fraud, property damage, breach of trust, deception, consumer, administrative law.

Введение

Актуальность рассмотрения проблемы потребительского экстремизма обусловлена тем, что все граждане Российской Федерации выступают в роли потребителей, а некоторые из них и в роли продавцов, что определяется характером их профессиональной деятельности. При этом проблема защиты прав потребителей обусловлена балансом интересов продавца и потребителя в рамках сделки купли-продажи, а также выполнения работ и оказания услуг. Обладая значительным финансовым и административным ресурсом, продавец способен нарушить эффективный баланс, и в этой ситуации задачу защиты потребителя выполняет государство, выступая гарантом сбалансированности интересов общества в целом, законодательно уравнивая возможности продавца и потребителя в рамках соответствующих сделок. В этой связи формируется целый комплекс законов, защищающих права потребителя, генерируется судебная практика, ориентированная именно на обеспечение интересов потребителя.

Проблема потребительского экстремизма в рамках уголовной ответственности изучена сравнительно мало и обусловлена прежде всего тем, что термин «потребительский экстремизм» в настоящее время не носит официального характера. Тем не менее потребительский экстремизм рассматривается в работах таких авторов, как Ровнейко В. В., Митин Ю. Д., Плетянова И. В., Карпова Е. И., Дюбченко М. В., Романов А. Р., Чайка В. Н. и др.

Целесообразность разработки темы обусловлена тем, что в условиях столь мощной государственной поддержки прав потребителей возникает перекос в их сторону, когда указанные лица злоупотребляют своим правом, ставя продавца в заведомо проигрышную позицию, т. е. формируется культура потребительского экстремизма. Данная проблема нарастала с усилением нормативной защиты прав потребителя, что породило экономический дисбаланс и необходимость ужесточения ответственности потребителя за злоупотребление правом.

Научная новизна данной работы заключается в определении необходимости внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в виде разработки отдельной статьи.

Целью данного исследования является изучение текущего состояния политико-правовых отношений в области ответственности потребителя в ситуации потребительского экстремизма в России. **Задачей** исследования является систематизация мнений научного сообщества в отношении потребительского экстремизма, выявление необходимости внесения изменений в УК РФ.

Результаты данной работы могут быть использованы для изучения проблематики потребительского экстремизма, а также для формулирования предложений по внесению изменений в текущую редакцию УК РФ.

Методология выполнения исследования заключается в анализе текущей законодательной базы в отношении понятия потребительского экстремизма, обобщение мнений авторов по рассматриваемой теме.

Основная часть

В основе превалирования интересов потребителя над интересами юридических лиц в правовом поле лежит Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 [1], который представляет собой одну из самых гуманных норм такого плана в мире. Данный документ определяет презумпцию виновности продавца, тем самым изначально ставя его в зависимое положение от добросовестности потребителя. Однако часто данное положение порождает злоупотребление со стороны последнего.

Согласно изменениям и дополнениям к ГК РФ, внесенным Федеральным законом № 302-ФЗ от 30 декабря 2012 г., п. 1 ст. 10 декларирует условие злоупотребления правом следующим образом: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [2]. Таким образом, законодатель определяет проблему злоупотребления правом, ограничивая в этой связи возможности защиты такого права (п. 2 ст. 10 [3]).

Термин «потребительский экстремизм» в настоящее время не носит официального характера. Так, в ст. 10 ГК РФ обозначено понятие злоупотребления правом, в ст. 159 [4] и ст. 165 [5] УК РФ определены такие понятия, как мошенничество и причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, которые раскрывают

последствия злоупотребления правом потребителя. В этой связи можно обозначить основные проявления потребительского экстремизма:

- а) действия потребителей, осуществляемые с намерением причинить «имущественный ущерб (предпринимателю) путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 159 УК РФ);
- б) злоупотребление потребителями своим особым положением на рынке товаров, работ и услуг;
- в) недобросовестное поведение потребителей;
- г) умышленные противоправные деяния потребителей, совершаемые с целью «приобретения права на чужое имущество (имущество предпринимателей) путем обмана или злоупотребления доверием» (ст. 165 УК РФ).

Вместе с этим первое упоминание данного понятия представлено в Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2017 г. № 1837-р. Данный документ определяет, что «проблема злоупотребления доверием потребителей (при осуществлении переуступки прав требования) и правовыми инструментами и гарантиями, предусмотренными для потребителей, со стороны недобросовестных посредников (автоюрисстов, раздолжителей, антиколлекторов), что воспринимается предпринимательским сообществом как проявление потребительского экстремизма» [6]. Однако данный документ дает достаточно расплывчатое представление о мерах борьбы и предотвращения потребительского экстремизма, а также не раскрывает направления регулирования ответственности за данное правонарушение.

Исследователями [7] выделены причины появления потребительского экстремизма:

- 1) крайне несбалансированное законодательство о защите прав потребителей, допускающее возможность злоупотребления правами;
- 2) презумпция виновности продавцов и производителей при рассмотрении дел в судебном порядке;
- 3) отсутствие необходимости в профессиональных навыках и какого-либо значимого капитала для организации экстремистской деятельности в сфере защиты прав потребителей;
- 4) нежелание объектов нападения придавать огласке нарушения, выявленные потребителями-экстремистами, нежелание допускать эскалации конфликта.

Различаются также формы проявления потребительского экстремизма, которые отличаются в зависимости от конечных целей потребителей-экстремистов:

- 1) шантаж как форма потребительского экстремизма, выражающийся в угрозах компрометирующих или клеветнических разоблачений с целью получить определенную выгоду или разного рода уступки;
- 2) инициирование внеплановой проверки со стороны уполномоченных государственных органов;
- 3) инициирование судебных разбирательств о компенсации имущественного и морального вреда.

Исходя из выделенных форм, можно обозначить различные целевые ориентиры потребительского экстремизма:

- финансовые цели, направленные на получение выгоды в результате досудебного и судебного урегулирования споров;
- нефинансовые цели, направленные на подрыв экономической деятельности юридического лица.

В первом случае можно сослаться на п. 2 ст. 10 ГК РФ, согласно которому суд имеет право отказать в удовлетворении требований при условии выявления злоупотребления

правом, в то время как второй вариант носит значительно более сложнодоказуемый характер, а также влечет значительный урон для юридического лица. И фактически нормы права не позволяют защититься от такой формы потребительского экстремизма. Если фактически реализованный финансовый урон можно доказать или предотвратить в рамках судебных заседаний (несмотря на то, что финансовая ответственность физического лица чаще всего значительно ниже потерь юридического лица), то репутационные и другие виды нефинансовых потерь юридического лица фактически невозможно доказать даже в рамках судебных заседаний. Согласно п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17 [8], «бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере)», что также представляет собой значительный перекос интересов в рамках гражданско-правовых отношений между продавцом и потребителем и часто становится сдерживающим фактором для юридических лиц в условиях рассмотрения альтернативы судебным разбирательствам.

Как обоснованно указывается в работе [9], проблема потребительского экстремизма обусловлена наличием значительных предпочтений потребителя относительно реализации своих прав, в том числе:

- распределение бремени доказывания, когда бремя доказывания невиновности полностью ложится на плечи продавца;
- презумпция неосведомленности потребителя;
- неустойка;
- возмещение убытков;
- компенсация морального вреда;
- подсудность по выбору истца;
- обеспечительные меры;
- штраф за неисполнение требований потребителя;
- освобождение от уплаты госпошлины за подачу искового заявления в суд;
- возможность получить существенную выгоду путем давления на продавца или исполнителя.

Кроме того, существующий Закон о защите прав потребителей не предусматривает специальной ответственности за предъявление неправомерных требований, т. е. фактически потребитель не несет ответственности в случае предъявления заведомо неправомерных требований.

Большая часть мер защиты прав потребителя регулируется нормами гражданского права, при этом административное право регламентирует ответственность продавца, в то время как проблема потребительского экстремизма фактически представляет собой злоупотребление правом, обусловленное целями корыстной имущественной или неимущественной выгоды.

Интересной представляется точка зрения, когда недобросовестный потребитель в контексте реализации экстремистских действий выходит за рамки гражданско-правовой защиты, так как действующее гражданское законодательство исходит из добросовестности потребителя и направлено на защиту прав добросовестных потребителей (ч. 5 ст. 10 ГК РФ). В этом случае, по мнению экспертов, «если человек, приобретая товар, преследует коммерческие цели, то его нельзя считать потребителем» [10], так как в соответствии с Законом № 2300-1 «потребитель — гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных,

домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Соответственно, следует пристальное внимание уделить проблеме уголовной ответственности за потребительский экстремизм. В настоящее время фактически отсутствует практика применения уголовного наказания за правонарушения в области потребительского экстремизма. Ключевой проблемой тут становится доказуемость корыстного умысла потребителя при предъявлении требований к продавцу. В настоящее время практика ответственности потребителя ограничивается отказом в исковых требованиях и редко — встречными требованиями юридического лица. Однако изначально предполагаемая более слабая позиция потребителя порождает редкость практики положительного исхода такого рода требований юридических лиц.

Итак, как было отмечено выше, данное правонарушение подпадает под ст. 159 и ст. 165 УК РФ, однако проблема доказуемости данных правонарушений базируется на утверждении о намеренности противоправных действий, в то время как в контексте Закона № 2300-1 данный аспект представляется труднодоказуемым.

Деяние, предусмотренное ст. 165 УК РФ, заключается в причинении имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения в крупном размере. Согласно данной статье, имущественный ущерб может выражаться как в фактически понесенных затратах, так и в виде недополученной прибыли организации. В контексте преступлений злоупотребления правом потребителя организации стремятся минимизировать свои потери посредством досудебного урегулирования, в этой связи организации упускают возможность возмещения имущественного ущерба, соглашаясь с требованиями потребителя. Это эффективно с экономической точки зрения, так как такое решение позволяет минимизировать потенциальные риски, связанные с судебными решениями; в то же время в глобальном плане это порождает негативную практику применения норм потребительского права для получения экономической выгоды. Поэтому целесообразно объективно оценивать требования для целей выявления признаков потребительского экстремизма и защиты собственных интересов юридического лица в контексте уголовного права. В этой ситуации устанавливается объективный баланс интересов продавца и потребителя.

Большой интерес с точки зрения наказания за потребительский экстремизм представляет ст. 159 УК РФ. По мнению многих авторов, явление потребительского экстремизма подпадает под действие данной статьи согласно следующим квалификационным признакам [11]:

- намерение причинить вред оппоненту;
- злоупотребление льготным положением и гарантиями;
- недобросовестность поведения;
- попытка заполучить имущество или деньги, принадлежащие представителю бизнеса без достаточных оснований.

В контексте данной статьи интересной представляется ответственность сотрудников общественных организаций по защите прав потребителей, которые выступают в качестве представителей потребителей, обладают необходимыми юридическими знаниями, ориентируют свою деятельность не для решения важной социальной задачи обеспечения прав граждан, а направляют свою деятельность на получение прибыли за счет использования привилегированного положения потребителя в глазах закона. В этой связи можно рассматривать деятельность сотрудников

таких организаций в части злоупотребления правом как преступление, предусмотренное ст. 159 УК РФ.

Предпринимаются попытки обозначить потребительский экстремизм как отдельный вид уголовно-преследуемого деяния.

«Субъекты экстремистской деятельности:

– физические лица (индивидуальные субъекты).

Объекты экстремистской деятельности:

– общественные отношения в сфере потребления товаров и услуг.

Объективная сторона экстремистской деятельности:

– общественно опасное действие, связанное со злоупотреблением правами потребителей, влекущее общественно опасные последствия.

Субъективная сторона экстремистской деятельности:

– прямой умысел, корыстные мотивы и цель.

Исходя из содержания норм Закона о защите прав потребителей, потерпевшими от посягательств могут являться:

1) продавец либо уполномоченная организация или уполномоченный индивидуальный предприниматель;

2) импортер товара;

3) изготовитель товара;

4) исполнитель (лицо, выполняющее работы либо оказывающее услуги).

Наиболее часто потерпевшими от экстремистской деятельности выступает продавец (исполнитель) ввиду его большей доступности для экстремистов» [12].

С развитием потребительского рынка в России закономерным его этапом, с учетом опыта западных стран, является нарастание рисков потребительского экстремизма. Данный вид угрозы представляет собой корыстное злоупотребление правом потребителя, где главной целью является получение имущественной выгоды и/или причинение экономического и неэкономического вреда юридическому лицу. Причин, порождающих такое явление, множество, в частности можно выделить преимущественное положение потребителя с точки зрения Закона о защите прав потребителей, презумпцию виновности, которая накладывает бремя доказывания невиновности на юридическое лицо, а также множество процессуальных преференций потребителя, которые делают сам судебный процесс для производителя экономически невыгодным.

В настоящее время ответственность потребителя за неравномерные обвинения лежит в русле административного права, что естественно в условиях правовых отношений между предприятием, обладающим более значимым «социальным весом», и потребителем — физическим лицом. В этой связи недобросовестный потребитель будет действовать не в целях защиты нарушенных прав, а исходя из задач получения имущественных выгод. Следовательно, возникают высокие риски злоупотребления, когда потребительский экстремизм становится источником дохода. И в этой ситуации возникает необходимость уточнения мер уголовной ответственности, обеспечивающих восстановление баланса интересов, как потребителей, так и продавцов. В рамках нашего исследования выявлены основные направления такого уточнения:

– ст. 165 УК РФ, в этом случае потребительский экстремизм можно рассматривать как преступление,

которое заключается в причинении имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения в крупном размере. Согласно данной статье, имущественный ущерб может выражаться как в фактически понесенных затратах, так и в виде недополученной прибыли организации;

– ст. 159 УК РФ, где данное явление, в силу его злонамеренности и корыстных побуждений, рассматривается как мошенничество и где субъект его совершения несет соответствующее наказание;

– разработка специальной нормы УК РФ об ответственности за деяния, связанные с потребительским экстремизмом.

В глобальном масштабе потребительский экстремизм несет в себе серьезные риски, связанные, с одной стороны, с рисками снижения защищенности добросовестных потребителей, с другой — с потенциальным снижением предпринимательской активности и, как следствие, ухудшением общей экономической ситуации на российском рынке.

Отметим, что существует и точка зрения, согласно которой противодействие потребительскому экстремизму возможно и вне рамок уголовной ответственности и может быть сведено к таким мерам, как комплексное анкетирование, общение с психологом, расслабленный диалог, разъяснительная работа с недовольными и т. п. [13]. Подобный подход представляется достаточно спорным, поскольку имеет отношение, скорее, к добросовестному лицу, которое пытается защитить нарушенные, по его мнению, права, хотя, возможно, и выходя за рамки, очерченные законом для взаимодействия предпринимателя и потребителя. В то же время, по мнению автора, очевидно, что недобросовестный клиент, манипулирующий юридическими нормами в корыстных целях и намеревающийся не защитить свои права, а получить определенную выгоду или доход [14], мерам воздействия подобного рода, которые относятся даже не к правовым, а скорее, к психологическим, не поддастся по определению. Имеется также позиция, согласно которой проблема рассматриваемого феномена может быть решена путем внесения в ГК РФ нормы об ответственности потребителя в случае злоупотребления им своими правами при возмещении вреда [15], которая, однако, не может быть признана достаточной мерой в силу аналогичных причин.

Заключение

По итогам изложенного предлагается, в дополнение к уже имеющимся нормам, дополнить УК РФ специальной нормой, которая предусматривала бы соответствующую уголовную ответственность за потребительский экстремизм как за умышленные действия, связанные со злоупотреблением правами, предоставленными потребителю законодательством Российской Федерации о защите прав потребителей, причинившие лицу, поставившему товар, выполнившему работы, оказавшему услуги, имущественный или иной ущерб. Безусловно, приведенная формулировка носит ориентировочный характер в силу неоднозначности, важности и относительной правовой неурегулированности данной проблемы, в связи с чем может рассматриваться лишь как направление для дальнейших исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О защите прав потребителей : закон Рос. Федерации от 7 февр. 1992 г. № 2300-1 (ред. от 08.12.2020 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 8 дек. 2020 г.).
3. ГК РФ. Ст. 10. Пределы осуществления гражданских прав. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf.
4. УК РФ. Ст. 159. Мошенничество. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755.
5. УК РФ. Ст. 165. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/598fbbd993948ff493e853c0845161561b01f0a5.
6. Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в области защиты прав потребителей на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 28 авг. 2017 г. № 1837-р. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/543/strategiya-gosudarstvennoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-zashchity-prav-potrebiteley-na-period-do-2030-goda.pdf>.
7. Зюзько А. В. Противодействие потребительскому экстремизму // Защита прав предпринимателей: действующее законодательство и реалии его применения : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск : Иркутский ин-т (фил.) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 27—30.
8. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 г. № 17. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885.
9. Ровнейко В. В. Проблемы уголовно-правовой оценки злоупотребления правами потребителя // Вестник Удмурт. ун-та. Сер. : Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 753—762.
10. Митин Ю. Д. Потребительский экстремизм: злоупотребление гражданскими правами или необходимое для развития экономики правовое явление? // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 302—307.
11. Плетянова И. В., Карпова Е. И. Потребительский экстремизм. Объективный взгляд // Метаморфозы. 2019. № 27. С. 50—55.
12. Дюбченко М. В., Романов А. Р., Чайка В. Н. Особенности защиты интересов продавца от недобросовестного потребителя (потребительский экстремизм) // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2020. № 4(49). С. 5—10.
13. Погарцев В. Н. Феномен потребительского экстремизма в России: история возникновения, правовая природа и способы противодействия // Юридическая наука. 2021. № 3. С. 55—57.
14. Гулидов П. Как защититься от потребительского экстремизма. URL: <http://www.delo-press.ru/articles/php?n=11347>.
15. Моисеева К. Р. Проблемы злоупотребления правом гражданами-потребителями // Евразийский научный журнал. 2017. № 11. С. 142—146.

REFERENCES

1. *On Consumer Rights Protection. Law of the Russian Federation No. 2300-I of Feb. 7, 1992.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305.
2. *Civil Code of the Russian Federation, part I of Nov. 30, 1994.* (In Russ.)
3. *Civil Code of the Russian Federation. Art. 10. Limits on the exercise of civil rights.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf.
4. *Criminal Code of the Russian Federation. Art. 159. Fraud.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/8012ecdf64b7c9cfd62e90d7f55f9b5b7b72b755.
5. *Criminal Code of the Russian Federation. Art. 165. Causing property damage by deception or breach of trust.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/598fbbd993948ff493e853c0845161561b01f0a5.
6. *On approval of the Strategy of state policy of the Russian Federation in the field of consumer rights protection for the period up to 2030. Order of the Government of the Russian Federation No. 1837 of Aug. 28, 2017.* (In Russ.) URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/543/strategiya-gosudarstvennoy-politiki-rossiyskoy-federatsii-v-oblasti-zashchity-prav-potrebiteley-na-period-do-2030-goda.pdf>.
7. Zyzko A. V. Counteraction to consumer extremism. In: *Protection of the rights of entrepreneurs: current legislation and the realities of its application. Materials of the II All-Russ. sci. and pract. conf.* Irkutsk Institute (branch) of VSUYu (RLA of the Ministry of Justice of Russia), 2018. Pp. 27—30. (In Russ.)
8. *On consideration by the courts of civil cases of disputes on the protection of consumer rights. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2012 No. 17.* (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885.
9. Rovneyko V. V. Problems of criminal legal assessment of abuse of consumer rights. *Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law*, 2020, vol. 30, no. 5, pp. 753—762. (In Russ.)
10. Mitin Yu. D. Consumer extremism: abuse of civil rights or a legal phenomenon necessary for economic development. *Questions of Russian justice*, 2019, no. 1, pp. 302—307. (In Russ.)
11. Pletyanova I. V., Karpova E. I. *Consumer extremism. Objective view.* *Metamorphoses*, 2019, no. 27, pp. 50—55. (In Russ.)
12. Dyubchenko M. V., Romanov A. R., Chaika V. N. Features of protecting the interests of the seller from an unscrupulous consumer (consumer extremism). *Law. Safety. Emergencies*, 2020, no. 4(49), pp. 5—10. (In Russ.)
13. Pogartsev V. N. The phenomenon of consumer extremism in Russia: history of origin, legal nature and methods of counteraction. *Legal Science*, 2021, no. 3, pp. 55—57. (In Russ.)
14. Gulidov P. *How to protect yourself from consumer extremism.* (In Russ.) URL: <http://www.delo-press.ru/articles/php?n=11347>.
15. Moiseeva K. R. Problems of abuse of the right by citizens-consumers. *Eurasian Scientific Journal*, 2017, no. 11, pp. 142—146. (In Russ.)

Как цитировать статью: Файзрахманов Р. Р. Потребительский экстремизм: возможности уголовной ответственности // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 295—299. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.360.

For citation: Fayzrakhmanov R. R. Consumer extremism: potential criminal liability. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 295—299. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.360.

13.00.00 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

13.00.00 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378.147.31
ББК 74.489

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.313

Komissarova Tatyana Sergeevna,
Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department
of Social and Cultural Services
and Tourism,
Director of the Research Institute of Geography, Ecology
and Nature Management,
Pushkin Leningrad State University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: Tsk42@mail.ru

Комиссарова Татьяна Сергеевна,
д-р пед. наук,
профессор кафедры
социально-культурного сервиса и туризма,
директор НИИ географии, экологии
и природопользования,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Tsk42@mail.ru

Gadzhieva Elena Anatolevna,
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Natural Sciences,
Geography and Tourism,
Pushkin Leningrad state University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: E.gadzhieva@lengu.ru

Гаджиева Елена Анатольевна,
канд. геогр. наук, доцент,
декан факультета естествознания, географии и туризма,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: E.gadzhieva@lengu.ru

Skvortsov Aleksandr Vladimirovich,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Natural Science and Geography,
Researcher of the Research Institute of Geography,
Ecology and Nature Management,
Pushkin Leningrad State University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: Sprut1585@ya.ru

Скворцов Александр Владимирович,
канд. пед. наук,
доцент кафедры естествознания и географии,
научный сотрудник НИИ географии, экологии
и природопользования,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Sprut1585@ya.ru

РАЗВИТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОБРАЗНОГО МЫШЛЕНИЯ БАКАЛАВРОВ

DEVELOPMENT OF SPATIAL-VISUAL THINKING OF BACHELORS

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье рассмотрены основные вопросы развития пространственно-образного мышления бакалавров в образовательном процессе, уточнена роль графического образа при визуализации материала в усвоении обучающимися учебной информации. Разработана система этапов и критериев формирования пространственно-образного мышления, подробно раскрыто содержание каждого этапа. Изложена актуальность формирования пространственно-образного мышления обучающихся в современных российских образовательных реалиях высшего образования, таких как: освоение дистанционных образовательных платформ, динамичное развитие образовательных стандартов и программ, трансформация мышления и мировоззрения обучающихся разных поколений и др. Столь высокая динамичность условий образовательного процесса предусматривает формирование выпускника, владеющего профессиональным творчеством. Это подразумевает не только обладание предметными знаниями и умениями,

но и наличие сформированной системы профессиональных творческих умений, которая поможет преподавателю быстро и адекватно принимать нестандартные профессиональные решения в рамках учебных задач, а также грамотно находить выход из проблемных ситуаций в профессиональном поле. Установлена тесная взаимосвязь образного, пространственного, логического и проблемного мышления. Установлена системная связь учебного образа с материалом изучаемой дисциплины предмета или изучаемой темой, определено логическое «пространство», занимаемое учебным образом. Это отличает учебный образ от, например, художественного.

Приведена система пространственных образно-графических умений. Изучено динамическое изменение структуры пространственного образа, создаваемого на различной графической основе, в зависимости от содержания графической задачи. Установлена необходимость изменения структуры пространственных образов в процессе решения

задачи. Выявлена метапредметность умения визуализировать учебную информацию, так как любой графический образ (схемы, формулы, картограммы, условные знаки, графемы и т. п.) может использоваться практически во всех учебных дисциплинах.

The article deals with the main issues of the development of spatial-visual thinking of bachelors in the educational process, clarifies the role of the graphic image and visualization of the material in the assimilation of educational information by students. A system of stages and criteria for the formation of spatial-visual thinking are developed, the content of each stage is disclosed in detail. The article describes the relevance of the formation of spatial and visual thinking of students in the modern Russian educational realities of higher education, such as: the development of distance learning platforms, the dynamic development of educational standards and programs, the transformation of thinking and worldview of students of different generations, and much more. Such a high dynamism of the conditions of the educational process provides for the formation of a graduate with professional creativity. This implies not only the possession of subject knowledge and skills, but also the presence of a well-formed system of professional creative skills that will help the teacher quickly and adequately make non-standard professional decisions within the framework of educational tasks, as well as competently find a way out of problematic situations in the professional field. The close interrelation of visual, spatial, logical and problem thinking is established. The system connection of the educational image with the material of the studied discipline or the studied topic is established, the logical "space" occupied by the educational image is determined. This distinguishes the educational image from, for example, the artistic one.

The system of spatial image-graphic skills is presented. The dynamic change in the structure of a spatial image created on a different graphic basis, depending on the content of the graphic problem, is studied. The necessity of changing the structure of spatial images in the process of solving the problem is established. The meta-subject of the ability to visualize educational information is revealed, since any graphic image (diagrams, formulas, cartograms, conventional signs, graphemes, etc.) can be used in almost all academic disciplines.

Ключевые слова: пространственно-образное мышление, графический образ, визуализация учебной информации, профессиональное творчество педагога, проблемная ситуация, логическое мышление, образно-графические умения, проблемный подход, подготовка бакалавров, профессиональные умения педагога, высшая школа.

Keywords: spatial and visual thinking, graphic image, visualization of educational information, professional creativity of a teacher, problem situation, logical thinking, image-graphic skills, problem approach, bachelor's degree training, professional skills of a teacher, higher school.

Введение

Реалии современного высшего образования все больше нацелены на формирование компетентности выпускника как значимого аспекта его профессиональной подготовки.

Современному специалисту-педагогу необходимо постоянно совершенствоваться как непосредственно в рамках предметно-дисциплинарной деятельности, так и в иных

профессиональных реалиях, таких как: освоение дистанционных образовательных платформ, динамичное развитие образовательных стандартов и программ, трансформация мышления и мировоззрения обучающихся разных поколений и многое другое.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что в современных образовательных реалиях актуальным является конструирование процесса обучения таким образом, чтобы выбранный образовательный маршрут максимально соответствовал познавательным способностям, личностным интересам обучающихся, а также их индивидуальным потребностям [1]. Вместе с тем реализация учебного плана в полном объеме зачастую затрудняется активной динамичностью условий его реализации.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что грамотно ориентироваться в столь сложной ситуации сможет только преподаватель, который сам владеет профессиональным творчеством. Это подразумевает не только обладание предметными знаниями и умениями, но и наличие сформированной методологической системы профессиональных творческих умений, которая поможет преподавателю быстро и адекватно принимать нестандартные профессиональные решения в рамках учебных задач [2].

Целесообразность исследования заключается в том, что формированию творческих умений способствует образное мышление, умение визуализировать учебную информацию, приводя ее к графическому образному виду. Интеграция визуализации учебной информации, образного мышления и профессионального творчества в педагогической теории имеет **недостаточную изученность**.

Теоретические и практические исследования вопросов визуализации информации освещены в работах Т. Боумена, Т. С. Комиссаровой, О. Г. Берестеневой, Е. А. Гаджиевой, Р. Г. Болбакова, В. Я. Цветкова, Е. А. Дзюра, И. В. Авдуловой, А. А. Журкина, Е. А. Макаровой и др. Однако в большинстве своем труды по визуализации информации затрагивают вопросы развития компьютерных технологий, информатики, средств массовой информации, художественного творчества. Между тем связь визуализации информации в образовательном процессе с формированием образного и пространственного мышления в настоящее время рассмотрена, по нашему мнению, недостаточно. В связи с этим исследование представляется весьма актуальным. Соответственно, **актуальность** исследования заключается в том, что формирование пространственного образного мышления обучающихся способствует как лучшему усвоению учебной информации, так и развитию их профессиональных творческих умений. Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», выпускник должен быть способен уметь осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации (УК-1) [2]. Однако поиск, грамотный отбор, синтез и систематизация учебной информации требуют не только понимания проблемного поля, но и умения ориентироваться в проблемном информационном поле, чему способствует достаточный уровень развития пространственно-образного мышления.

Целью исследования является разработка методики формирования пространственно-образного мышления обучающихся в ходе образовательного процесса.

Достижению поставленной цели способствует выполнение ряда **задач**, таких как: изучение теоретических

основ профессионального творчества, образного мышления и визуализации учебной информации; разработка этапов формирования пространственно-образного мышления обучающихся; разработка системы критериев оценки сформированности пространственно-образного мышления обучающихся на каждом этапе. Использование метапредметных умений образно-графической визуализации информации для развития пространственно-образного мышления обучающихся составляет **научную новизну** исследования, поскольку ранее в подобных исследованиях не применялось.

Основная часть

Методология. Начальным этапом исследования является установление роли и места понятия «образ» в системе современного образования. Это позволило установить значимость образного мышления в образовательном процессе.

Далее рассмотрен вопрос визуализации учебной информации путем создания графических образов, что позволяет вывести получение обучающимися знаний на качественно новый уровень и способствует развитию их образных мыслительных способностей.

Следующим шагом является установление взаимосвязи образного, логического, пространственного и проблемного мышления. Учебный образ отличается четким нахождением в информационном пространстве изучаемой дисциплины или темы, а также имеет выстроенные логические связи с другими предметами и темами. Это отличает его от, например, художественного образа, который зачастую может носить абстрактный характер.

Методологической основой дальнейшей разработки системы этапов и критериев формирования пространственно-образного мышления является интеграция личностно-деятельностного и проблемного подходов [3].

Результаты. Одной из значимых составляющих профессиональной педагогической деятельности является образность и наглядность информации, способствующая формированию пространственного образного мышления.

Тенденция современного образования такова, что понимание самого слова «образование» в основном сведено к профессиональному обучению, усвоению определенного набора знаний и умений. Реже упоминается фактор воспитания как определенной передачи ценностей [4].

Рассмотрим трактовку понятия «образование» в некоторых классических словарях:

- получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение (словарь Ожегова) [5];
- процесс усвоения знаний, обучение, просвещение (словарь Ушакова) [6];

процесс развития и саморазвития личности, связанный с овладением социально значимым опытом человечества, воплощенным в знаниях, умениях, творческой деятельности и эмоционально-ценностном отношении к миру (Большой энциклопедический словарь) [7].

Как видно из различных определений, в основе процесса образования действительно лежит получение и усвоение знаний. Однако не даром в основе слова «образование» лежит слово «образ». Формирование образного мышления обучающихся, визуализация учебной информации, формирование системы знаний через образы — все это составляет более глубокий смысл образовательного процесса.

Наиболее востребованным в настоящее время типом образа в учебном процессе является графический образ. Начиная от картинок, таблиц и диаграмм в учебных пособиях

и заканчивая современными онлайн-технологиями кодирования и передачи учебной информации, графический образ проникает в любой учебный материал. Это провоцирует возникновение новых, современных научных направлений, таких как, например, инфографика [8]. Суть подобных методов состоит в разработке приемов и формировании умений переводить текстовую, вербальную информацию в новый, графический вид.

Такой подход выводит получение обучающимися знаний на качественно новый уровень. Во-первых, происходит трансформация стандартной текстовой информации в визуальную, что активизирует новые центры восприятия: обучающийся не просто читает текст, но и «работает» с ним — выделяет смысловые блоки, выстраивает структуру, элементы текста как системы и связи между ними, отличает главное от второстепенного и т. п. Во-вторых, обучающийся лично вовлекается в профессионально-творческий процесс конструирования графических образов и их элементов. И, в-третьих, происходит значительная активизация мышления по сравнению с процессом чтения или аудирования. Все это способствует развитию новых образных связей в учебной информации и формированию образного мышления.

В качестве примера можно привести рассмотрение темы «Биосфера» в курсе «Общая экология». Вначале обучающимся дается определение биосферы. Затем рассматриваются ее компоненты. Отдельно вводятся понятия «биотоп» и «биоценоз». Затем рассматриваются взаимодействия между компонентами системы и общий результат этих взаимодействий. Текстовое объяснение этой темы занимает в среднем около пяти-семи страниц конспекта. Графически же эту тему можно представить в виде одной наглядной схемы (рис. 1).

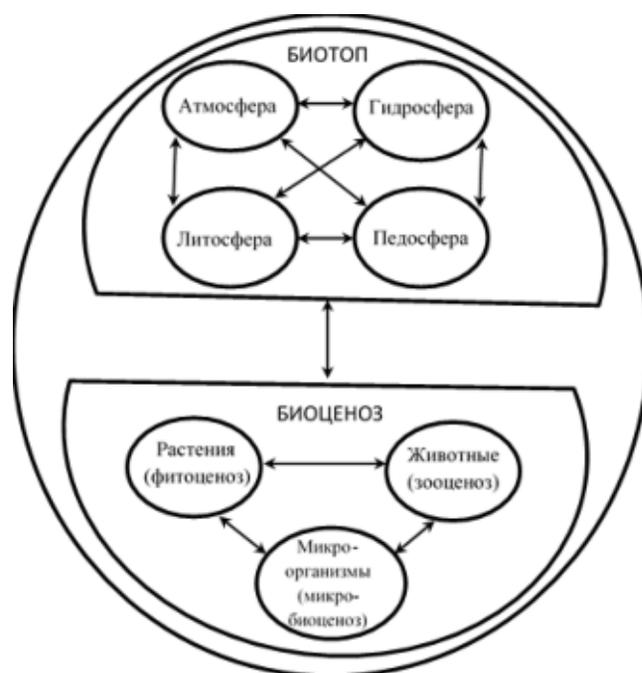

Рис. 1. Структура биосферы (по В. Н. Сукачеву)

Такая графическая основа более наглядно и целостно демонстрирует структуру и взаимосвязи компонентов в биосфере. Причем если на начальном этапе эту схему составляет преподаватель, то на более высоком уровне составление такой схемы может быть учебным заданием для обучающихся.

Графический образ, представляющий собой любые изображения, будь то схемы, формулы, картограммы, условные знаки, графемы и т. п., может использоваться практически во всех учебных дисциплинах [9]. Поэтому умения визуализировать учебную информацию можно считать метапредметными.

В учебной информации любой образ существует не сам по себе, а в строгом соответствии с системой предмета или изучаемой темы, т. е. занимает четко определенное пространство. Это отличает учебный образ от, например, художественного. Следовательно, образное мышление в учебном процессе опирается на понимание пространства и является, скорее, пространственно-образным. При этом постоянно увеличивающееся количество образов в мыслительном пространстве накапливается и выстраивается не произвольным образом, а в соответствии с определенной предметной и мыслительной логикой. Только тогда необходимый в той или иной ситуации образ можно быстро «извлечь» из этого пространства и использовать. Таким образом, пространственно-образное мышление строится на основе логического мышления.

Логическое мышление — это мыслительный процесс, при котором человек использует логические понятия и конструкции. Этому процессу свойственна доказательность, рассудительность, при этом целью является получение обоснованного вывода из имеющихся предпосылок.

Пространственно-образное мышление ориентировано на логическое оперирование пространственными образами, что требует постепенного формирования определенного набора пространственных образно-графических умений:

- 1) создание графического образа с использованием наглядной основы;
- 2) создание графического образа без использования наглядной основы;
- 3) раскрытие структуры графического образа;
- 4) мысленное изменение положения графического образа;
- 5) мысленное изменение структуры графического образа;
- 6) одновременное изменение положения и структуры графического образа [10].

Структура пространственного образа, создаваемого на различной графической основе, определяется конкретными условиями и требованиями деятельности. Она динамически меняется в зависимости от содержания графической задачи, поскольку имеет место постоянный переход:

- от наглядных изображений к условно-схематическим;
- от трехмерных (объемных) к двумерным (плоскостным);
- от одной системы ориентации к другой, используя различные свойства изображенного объекта (его форму, величину, пространственные соотношения) [11].

Необходимость изменения структуры пространственных образов определяется их функцией в деятельности (в процессе решения задачи) [12, 13]. Первоначально возникший образ (на основе чтения исходного изображения) может только тогда выполнять функцию контроля, коррекции, прогнозирования деятельности (т. е. регулирующую функцию), когда он в процессе решения задачи постоянно преобразуется.

Формирование пространственно-образного мышления осуществляется в четыре взаимосвязанных этапа:

- 1) **установочный** — ознакомление с составом будущего действия в практическом плане: знакомство с графическим представлением информации, ее «свертыванием», графическими образами, с методикой визуализации сред-

ствами графикации цифровой и вербальной информации (таблицами, графиками, эпюрами), элементами графемы, элементарными (простыми) графемами;

- 2) **консультативный** — выполнение (под руководством преподавателя) заданного действия во внешней форме в практическом плане с реальными предметами или их заменителями: перевод наглядной основы (фотографий, реальных объектов и т. п.) в графическую форму (схемы, абрисы, планы, карты, аэроснимки и др.), определение узлов и связей в графемах; построение логических схем;

- 3) **самостоятельный** — выполнение действия без непосредственной опоры на внешние предметы или их заменители: перенесение действия из внешнего плана в план речи; выполнение заданий по работе с вербальным текстом, перевод понятий в графический конспект; самостоятельная графикация информации; построение структурно-функциональных (системных) графических моделей;

- 4) **интеллектуально-творческий** — выполнение действия в плане внутренней речи, с соответствующими его преобразованиями и сокращениями, с уходом действия, его процесса и деталей выполнения из сферы сознательного контроля и переходом на уровень интеллектуальных умений и навыков; умение применять приемы графикации при решении профессиональных исследовательских, проектных задач.

Сформированность пространственно-образного мышления на каждом этапе определяется **четырьмя критериями**, априори связанными с освоением дидактических единиц учебной программы:

- **первый критерий** — общее представление о графикации информации (умение переводить имеющуюся цифровую и вербальную информацию в графический вид);
- **второй критерий** — использование графических умений при решении поставленной задачи перевода информации физического характера в мыслеобраз (например, изменение размеров планеты по глобусу);
- **третий критерий** — перенесение действия из внешнего физического плана в вербальную форму и далее выполнение заданий по работе с вербальным текстом, перевод понятий в графический конспект; умение самостоятельно поставить проблему и решить ее, используя построение логических схем, структурно-функциональных моделей;
- **четвертый критерий** — пространственная компетентность, умение использовать метод в проектно-исследовательской работе.

Графически этапы формирования пространственно-образного мышления в соответствии с критериями можно представить в виде схемы (рис. 2).

Реализация разработанной методики в образовательном процессе у студентов 2-го курса в течение одного учебного года привела к следующим результатам:

1. Сформированность умений переводить информацию в графический вид — 78 % обучающихся.
2. Применение графических умений при решении поставленных учебных задач — 42 % обучающихся.
3. Умение самостоятельно поставить проблему и решить ее, используя графические умения — 31 % обучающихся.

Выявление данных показателей определялось опросом, анкетированием, а также анализом успеваемости путем проведения промежуточной аттестации обучающихся. Полученные результаты демонстрируют успешность реализации разработанной методики, вместе с тем исследования будут продолжаться на других курсах в течение более длительного времени.

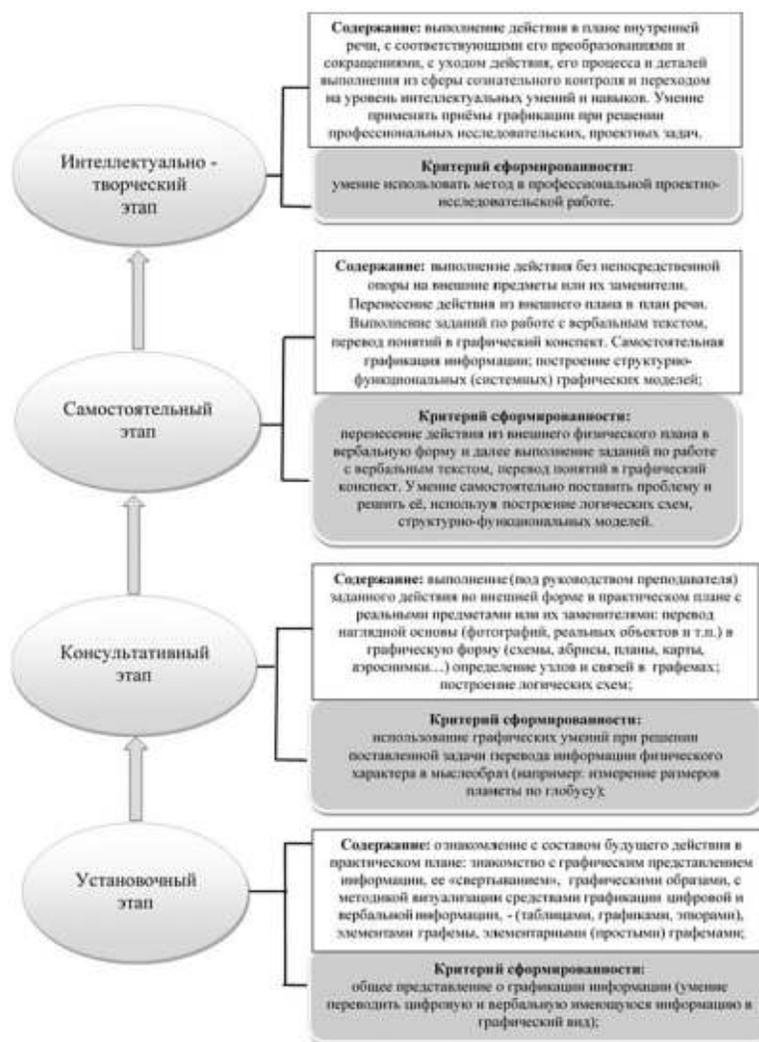

Рис. 2. Этапы и критерии формирования пространственно-образного мышления

Выводы и заключение

1. Визуализация учебной информации способствует поэтапному формированию у обучающихся пространственно-образного мышления в процессе усвоения учебного материала, что способствует развитию их профессионального творчества.

2. Формирование пространственно-образного мышления обучающихся протекает в четыре этапа: установочный, консультативный, самостоятельный и интеллектуально-творческий.

3. Сформированность пространственно-образного мышления на каждом этапе определяется четырьмя критериями, изначально связанными с освоением дидактических единиц учебного материала.

Визуализация учебной информации является важным аспектом формирования пространственно-образного мышления студентов в образовательном процессе.

Разработанная система поэтапного формирования пространственно-образного мышления обучающихся, а также система критериев сформированности на каждом этапе являются универсальными и позволяют использовать их в процессе изучения любой дисциплины.

Умение визуализировать учебную информацию, перевести ее в наглядно-образный вид является одной из основных значимых составляющих при формировании профессионального творчества выпускника. Реализовать это сможет только преподаватель, который сам обладает умениями творчески мыслить и действовать в профессиональном поле.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Скворцов А. В. Формирование готовности бакалавров к профессиональной творческой деятельности учителя : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017. 24 с.
2. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
3. Скворцов А. В., Комиссарова Т. С. Методика проблематизации учебной информации в преподавательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 373—379. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.
4. Скворцов А. В. Современная православная школа семейного типа: достоинства, проблемы и роль в развитии личности учащихся // Православие и духовно-нравственное становление личности современника : материалы междунар. науч.-практ. конф., Пюхтицкий Успенский монастырь, 11—12 дек. 2019 г. Куремяэ, Эстония, 2019. С. 382—386.

5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 27-е изд., испр. М. : Мир и образование, 2020. 736 с.
6. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка для учащихся. 90 000 слов и словосочетаний. М. : Хит-книга, 2021. 768 с.
7. Большой энциклопедический словарь. URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>.
8. Гаджиева Е. А. Подготовка бакалавров к визуализации учебной информации на основе информационно-картографического подхода // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 5(71). С. 102—115.
9. Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А. Картографический метод визуализации информации при подготовке обучающихся в высшей школе // Вестник НВГУ. 2018. № 2. С. 46—54.
10. Якиманская И. С. Развитие пространственного мышления школьников. М., 2005. С. 272.
11. Кузнецова Ю. И. Развитие компонентов пространственного мышления обучающихся на уроках геометрии // Вестник науки и образования. 2017. Т. 2. № 3(27). С. 95—99.
12. Multi-subject method during the information visualization as a part of the bachelors educational process in the direction of tourism / T. Komissarova, E. Gadzhieva, M. Lebedeva, O. Morozova // 19th Int. Multidisciplinary Sci. GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019. Pp. 63—70.
13. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual-graphic visualization of information as an integrative teaching method // Society. Integration. Education : proceedings of the Int. Sci. Conf., May 24—25, 2019. Rezekne : Rezekne Academy of Technologies, 2019. Pp. 334—345.

REFERENCES

1. Skvortsov A. V. *Formation of bachelor's readiness for professional creative activity of a teacher. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Saint Petersburg, 2017. 24 p. (In Russ.)
2. *FSES of HE in the direction of training 44.03.01 Pedagogical education (bachelor's degree level)*. (In Russ.) URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
3. Skvortsov A. V., Komissarova T. S. Methodology of problematization of educational information in teaching activities. *Business. Education. Law*, 2020, no. 3(52), pp. 373—379. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.
4. Skvortsov A. V. Modern Orthodox school of family type: advantages, problems and role in the development of students' personality. In: *Orthodoxy and the spiritual and moral development of the contemporary personality. Proceedings of the Int. sci. and pract. conf., Pyukhtitsky Assumption Monastery, Dec. 11—12, 2019*. Kuremäe, Estonia, 2019. Pp. 382—386. (In Russ.)
5. Ozhegov S. I. *Explanatory dictionary of the Russian language*. 27th ed., revised. Moscow, Mir i obrazovanie, 2020. 736 p. (In Russ.)
6. Ushakov D. N. *Explanatory dictionary of the Russian language for students. 90 000 words and phrases*. Moscow, Hit-book, 2021. 768 p. (In Russ.)
7. *Large encyclopedic dictionary*. (In Russ.) URL: <https://rus-big-enc-dict.slovaronline.com>.
8. Gadzhieva E. A. Preparation of bachelors for visualization of educational information on the basis of the information-cartographic approach. *Domestic and Foreign Pedagogy*, 2020, vol. 1, no. 5(71), pp. 102—115. (In Russ.)
9. Komissarova T. S., Gadzhieva E. A. Cartographic method of information visualization in the preparation of students in higher school. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2018, no. 2, pp. 46—54. (In Russ.)
10. Yakimanskaya I. S. *Development of spatial thinking in schoolchildren*. Moscow, 2005. P. 272. (In Russ.)
11. Kuznetsova Yu. I. Development of components of spatial thinking in students at geometry lessons. *Bulletin of Science and Education*, 2017, no. 3(27), vol. 2, pp. 95—99. (In Russ.)
12. Komissarova T., Gadzhieva E., Lebedeva M., Morozova O. Multi-subject method during the information visualization as a part of the educational process of bachelors in the direction of tourism. In: 19th Int. multidisciplinary sci. GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019. Pp. 63—70.
13. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual-graphic visualization of information as an integrative teaching method. In: *Society. Integration. Education. Proceedings of the Int. sci. conf., May 24—25, 2019*. Rezekne, Rezekne Academy of Technologies, 2019. Pp. 334—345.

Как цитировать статью: Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А., Скворцов А. В. Развитие пространственно-образного мышления бакалавров // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 300—305. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.313.

For citation: Komissarova T. S., Gadzhieva E. A., Skvortsov A. V. Development of spatial-visual thinking of bachelors. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 300—305. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.313.

УДК 378.1
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.371

Belova Svetlana Vladimirovna,
Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Technology
and Management of Vocational Education,
Kalmyk State University,
Russian Federation, Republic of Kalmykia,
Elista,
e-mail: belijsvet@mail.ru

Chubanov Ivan Ivanovich,
Applicant, Senior Lecturer at the Department
of Criminal Law and Procedure,
Kalmyk State University,
Russian Federation, Republic of Kalmykia,
Elista,
e-mail: tchubanoff.ivan@yandex.ru

Белова Светлана Владимировна,
д-р пед. наук,
профессор кафедры технологии и менеджмента
профессионального образования,
Калмыцкий государственный университет,
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
г. Элиста,
e-mail: belijsvet@mail.ru

Чубанов Иван Иванович,
соискатель, старший преподаватель
кафедры уголовного права и процесса,
Калмыцкий государственный университет,
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
г. Элиста,
e-mail: tchubanoff.ivan@yandex.ru

ГУМАНИТАРНЫЙ КОМПОНЕНТ СОДЕРЖАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БУДУЩИХ ЮРИСТОВ

HUMANITARIAN COMPONENT OF THE CONTENT OF PROFESSIONAL EDUCATION OF FUTURE LAWYERS

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Статья посвящена проблеме профессиональной подготовки будущих юристов в контексте гуманитаризации образования, отражающей идею приоритетности общекультурных ценностей и целостности человеческой деятельности. Раскрыта сущность содержания профессионального образования будущих юристов с позиции гуманитарно-антропологического подхода, который учитывает всю многомерность человеческой реальности. В качестве гуманитарного компонента содержания профессионального образования обоснован опыт решения учебно-личностных задач, отражающих единство внешней и внутренней сторон образовательного процесса, его предметно-объективного и личностно-субъективного аспектов. Учебно-личностные задачи определяются контекстом личностного развития студентов и спецификой образовательной ситуации в гуманитарной модели образования. Знание о гуманитарном принципе познания, об образовательной ситуации и содержании целостного профессионального образования, направленного на становление профессионала как носителя культуры своей профессии, позволили впервые сформулировать понятие «учебно-личностная задача» и определить опыт решения учебно-личностных задач как компонент содержания образования. В статье раскрыты, с позиции методологии гуманитарности и когнитивных исследований, виды опыта решения учебно-личностных задач: эмпирическое, метафорическое и понятийное познание. Это опыт внимания к объекту познания («что познается»), опыт внимания к процессу познания («как познается»), опыт внимания к субъекту познания («кто познает»). Одна из целей исследования состояла в определении механизма формирования у будущих юристов опыта решения учебно-личностных задач. Таким механизмом выступает текстуально-диалогическая деятельность, позволяющая в образовательном процессе трансформировать безличную

информацию учебных дисциплин в личностно значимый для студентов текст и выстраивать вопросно-ответные отношения. В статье представлены результаты исследования, касающиеся готовности студентов к решению учебно-личностных задач.

The article is devoted to the problem of professional training of future lawyers in the context of the humanization of education, reflecting the idea of the priority of common cultural values and the integrity of human activity. The essence of the content of professional education of future lawyers is revealed from the position of the humanitarian-anthropological approach, which takes into account the entire multidimensionality of human reality. The experience of solving educational and personal tasks, reflecting the unity of the external and internal sides of the educational process, its subject-objective and personal-subjective aspects, is substantiated as a humanitarian component of the content of professional education. Educational and personal tasks are determined by the context of students' personal development and the specifics of the educational situation in the humanitarian model of education. Knowledge about the humanitarian principle of cognition, about the educational situation and the content of holistic professional education aimed at becoming a professional as a carrier of the culture of his profession, made it possible for the first time to formulate the concept of "educational and personal task" and determine the experience of solving educational and personal tasks as a component of the content of education. The article reveals, from the standpoint of the methodology of humanitarianism and cognitive research, the types of experience in solving educational and personal tasks: empirical, metaphorical and conceptual knowledge. This is the experience of attention to the object of cognition ("what is cognized"), the experience of attention to the process of cognition ("how is cognized"), the experience

of attention to the subject of cognition (“who cognizes”). One of the objectives of the study was to determine the mechanism for the formation of future lawyers’ experience in solving educational and personal problems. This mechanism is textual-dialogical activity, which allows in the educational process to transform the impersonal information of academic disciplines into a text that is personally meaningful for students and to build question-answer relationships. The article presents the results of the study concerning the readiness of students to solve educational and personal tasks.

Ключевые слова: профессиональное образование, гуманитарно-антропологический подход, гуманитарный принцип, гуманитарная модель образования, содержание образования, когнитивные исследования, познание, учебно-личностная задача, опыт решения учебно-личностных задач, текстually-диалогическая деятельность.

Keywords: vocational education, humanitarian-anthropological approach, humanitarian principle, humanitarian model of education, educational content, cognitive research, cognition, educational and personal task, experience in solving educational and personal tasks, textual-dialogical activity.

Введение

В современной социокультурной ситуации, в условиях формирования новых институтов и норм права, предъявляются новые требования к специалистам юридических профессий, а профессиональная деятельность юриста все более усложняется. Сегодня обществу нужны, по словам А. П. Семитко, не только «юристы-исполнители», но и «юристы-новаторы» [1], которые обладают высоким уровнем профессионального самосознания, способны быть носителями культуры профессии и учитывать в своей деятельности человеческие факторы.

Исследователи (Ю. П. Качановский, А. П. Семенов, Д. М. Чечот и др.) отмечают, что юридическая профессия требует от ее представителя особых личностных качеств и юристу приходится соприкасаться с человеческими драмами, порой иметь дело с интимными взаимоотношениями людей. Юристу необходимо, в связи с этим, знание внутреннего мира человека, умение устанавливать и поддерживать контакты с людьми. К сожалению, наблюдается нехватка в таких профессионалах. Существуют данные (И. А. Калининченко, А. А. Маслова, М. В. Саудаханов и др.) о том, что на фоне избытка людей, имеющих высшее юридическое образование, уровень профессиональной подготовки выпускников юридических факультетов сегодня не устраивает ни работодателей, ни потребителей. При сравнительно высоких теоретических знаниях начинающие юристы показывают недостаточный уровень практических навыков и личностного развития.

В связи с этим возникает вопрос о пересмотре содержания профессионального образования будущих юристов и о возможности включения в него гуманитарного компонента. Данный компонент предполагает, согласно теории М. Полани, «личностное знание», которое трактуется как знание, в котором запечатлены и познаваемая действительность, и сама познающая личность [2]. Мы исходим из того, что «гуманитарная педагогика», ориентированная на получение именно такого знания, имеет дело с содержанием образования, которое не «дано», а «задано» самими участниками образовательного процесса и конкретной учебной

ситуацией [3, с. 54]. Таким образом, разработка гуманитарного компонента содержания профессионального образования будущего юриста приобретает особую значимость в контексте идеи целостности образовательного процесса в высшей школе.

Изученность проблемы. Вопросы профессионального образования юристов достаточно хорошо освещены с позиции компетентностного подхода (Е. П. Головина, Л. А. Казанцева, И. А. Калининченко, А. А. Кирилловых, Н. Д. Микулина и др.). Показаны пути повышения эффективности подготовки будущих юристов в вузе, связанные с педагогическими условиями практико-ориентированной направленности такой подготовки (Н. В. Львова, И. С. Мещерякова, А. Л. Цамаева), с формированием у будущих юристов критического мышления и мировоззрения (С. В. Лаптинская), профессионально значимых личностных качеств (А. Л. Теймуразян), гуманистической направленности личности (Л. В. Муравьева), профессионально-субъектной позиции (Л. Г. Пушкина, В. А. Чесноков), личностного потенциала (Е. Б. Матрешина). При всем разнообразии и значимости данных исследований надо отметить: в педагогике до сих пор остается неизученной гуманитарная (субъективно-эмпирическая, ценностно-смысловая) составляющая профессионального образования будущих юристов. Не проработан вопрос реализации гуманитарной модели профессионального юридического образования, которая ориентирована не на формирование знаний, умений, навыков, а на «образование самого человека», на становление профессионала, являющегося носителем интегральной способности, позволяющей ему быть субъектом собственной профессии и жизни [4, с. 371].

Наша гипотеза состоит в том, что профессиональное образование, ориентированное на становление такого юриста-профессионала, возможно при условии включения в содержание образования опыта решения нового типа задач, учитывающих внешне-предметную и внутренне-личностную составляющие. Именно эти задачи, на наш взгляд, отражают гуманитарные смыслы образования, связанные со свободой личностного выбора, внутренним локусом контроля и постижением ценностей профессии.

Проблема реализации в системе высшей школы гуманитарной модели образования вытекает из противоречий, существующих сегодня в системе профессионального образования. По словам А. А. Вербицкого, они связаны, во-первых, со способами овладения одновременно и учебной, и профессиональной деятельностью, во-вторых, с выбором адекватной единицы проектирования и усвоения содержания обучения [5]. В качестве такой единицы обычно выступает некоторая «порция информации», каково-либо задание и задача, которая, как правило, формулируется для студентов извне и не учитывает в полной мере проблемный контекст конкретной личности. Гуманитарная модель образования учитывает контекстность и позволяет выходить в надпредметную область познания, что предполагает обнаружение таких задач, которые можно назвать учебно-личностными.

Целесообразность разработки темы заключается в обосновании опыта решения учебно-личностных задач в качестве гуманитарного компонента содержания профессионального образования будущего юриста. Именно такой опыт позволяет снять противоречия между внешней и внутренней, предметной и личностной сторонами образования, между разными видами деятельности — учебной,

профессиональной и личностноразвивающей. Это будет способствовать становлению юриста-профессионала как субъекта своей профессии. Исследование проблемы подготовки будущих юристов, умеющих решать учебно-личностные задачи, требует методологии гуманитарно-антропологического подхода (Б. Г. Ананьев, К. Д. Ушинский, Б. М. Бим-Бад, Е. И. Исаев, В. И. Слободчиков и др.), который учитывает сложную человеческую природу и ориентирован на становление самосознания человека.

Цель данной статьи состоит в обосновании опыта решения учебно-личностных задач в качестве гуманитарного компонента содержания профессионального образования будущего юриста.

Задачи исследования: 1) уточнить понятие «учебно-личностная задача» и раскрыть опыт решения данных задач в качестве гуманитарного компонента содержания профессионального образования будущих юристов; 2) выявить с позиции методологии гуманитарно-антропологического подхода и когнитивных исследований виды и уровни опыта решения учебно-личностных задач; 3) определить механизм формирования данного опыта.

Научная новизна состоит в том, что введено новое понятие «учебно-личностная задача» и обоснован опыт решения таких задач в качестве гуманитарного компонента профессионального образования будущего юриста. Выявленные на базе методологии гуманитарно-антропологического подхода и когнитивных исследований виды опыта решения учебно-личностных задач дают основание для выстраивания процесса формирования у будущих юристов данного опыта в условиях текстуально-диалогической модели изучения правоведческих дисциплин.

Основная часть

В контексте педагогической антропологии [6] и идей гуманитарности [7] профессиональное образование предстает не как процесс усвоения готовых знаний, а как добывание «моего» знания и процесс самопознания себя в качестве носителя ценностей профессии. И тогда в содержании такого образования должны быть специфический («гуманитарный») тип познавательной деятельности и опыт решения определенного типа задач. Такие задачи вытекают из субъективной ситуации, в которой сама познающая личность имплицитно предстает «задачей». Это задача осознания себя в качестве, говоря словами М. К. Мамардашвили, «мыслящего, сознающего и переживающего человека» [8].

Категория «учебная задача» раскрыта в педагогике и педагогической психологии как структурный элемент учебной деятельности (П. Я. Гальперин, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, Н. Ф. Талызина, Д. Б. Эльконин и др.). Определены основные составляющие учебной деятельности, которые довольно легко обнаружить в учебном процессе, когда речь идет о конкретной учебной дисциплине и каком-либо информационно-предметном (объективном) материале. Но нас интересует субъективная (внутренняя, «невидимая») сторона процесса, связанная с внутренним миром личности, ее мышлением, самосознанием, отношением к познанию.

В педагогической теории и практике чаще всего рассматриваются понятия «практическая задача», «учебная задача» и «образовательная задача». Практическая задача конкретна и предполагает четкое действие (например, найти нужные сведения). С подобными задачами студенты

юридических факультетов сталкиваются постоянно. Они возникают в рамках учебных задач, у которых иная цель, предполагающая овладение обобщенными способами действий при решении какой-либо проблемы. Но главный результат в гуманитарной модели образования должен быть связан с образовательной задачей, касающейся изменений в самом познающем и действующем субъекте. Имеется в виду не столько информация, сколько сам процесс переработки информации, который Дж. Флейвелл назвал метапознанием [9]. Метапознание А. Браун определил как «знание о собственном знании» [10]. Это значит, что перед познающей личностью в образовательном процессе потенциально возникают не учебные, а учебно-личностные задачи. Они связаны с навыком получения метакогнитивного знания и метакогнитивных стратегий поведения [11].

Анализ понятий «учебная задача» (Г. А. Балл, И. А. Зимняя, Е. И. Машбиц и др.) и «личностное развитие» (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.), знание о самосознающем субъекте в контексте гуманитарного «живого знания» (В. П. Зинченко, В. В. Столин и др.), понимание особенностей познавательного акта и самопознания с точки зрения когнитивных исследований (Д. В. Аткин, М. В. Кларин и др.) позволили нам сформулировать понятие «учебно-личностная задача» и обосновать опыт решения учебно-личностных задач в качестве гуманитарного компонента содержания профессионального образования. Учебно-личностная задача — задача обнаружения личностью вопросов «к себе», связанных с пониманием системы когнитивных процессов, которые возникают в учебной ситуации и отражают субъективное восприятие собственных актов познания. С точки зрения современных подходов к построению обучения на основе когнитивных исследований познавательный акт всегда обусловлен конкретной ситуацией, в которой находится в данный момент познающая личность. Речь о целостно-экологическом взгляде на познание [12]. Здесь обнаруживается принципиальная связь человеческого познания со свойствами нервной системы конкретного человека, воплощенной в его теле [13].

В образовании будущего профессионала с позиции гуманитарного принципа важно не «конечное» и «объективное» знание, а сам процесс познания, способность личности соотносить воспринимаемую информацию с собственными познавательными возможностями. И учитывать феномен «ограниченности познающего субъекта» (Д. В. Анкин). Это ограниченность расчета, рассуждения, комбинаторных возможностей нашего интеллекта, которая ведет к ошибкам, связанным со скрытой от нас неконсистентностью, противоречивостью той информации, которую мы рассматриваем в качестве знания, и ограниченность наших репрезентаций мира, которые всегда неполны и приближительны [14].

Опираясь на анализ поля когнитивных наук (К. В. Анохин, В. А. Карпов, М. В. Кларин, Ж. Лакофф и др.), мы рассматриваем процессы познания в их целостности. Познание связано с обработкой, хранением, воспроизведением информации, созданием новых образов и понятий. Познавательная деятельность базируется на принципе единства сознания и деятельности и связана с мышлением (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн и др.). Познавательный акт включает в себя: ощущения, восприятие, представление. Ощущения отражаются в теле. Восприятие предполагает построение образа. Представление — результат мышления. Структура познавательного акта позволяет определить разные виды исследуемого

нами опыта: эмпирическое самопознание, метафорическое самопознание и понятийное самопознание.

Таким образом, опыт решения учебно-личностных задач отражает уровни осознания познавательных процессов: 1) опыт осознания собственных ощущений, связанных с вниманием к предметной информации (эмпирический уровень); 2) опыт осознания своего восприятия, представленного в образах воспринимаемой информации (метафорический уровень); 3) опыт формирования и осознания представлений, связанных с пониманием предметной информации (понятийный уровень).

Опыт решения учебно-личностных задач предстает как опыт поиска ответов на вопросы, которые связаны с личностными отношениями к трем составляющим познавательного процесса: объекту познания («что познается»), процессу познания («как познается»), субъекту познания («кто познает»). Эти три вопроса — «что?», «как?» и «кто?» — составляют вопросно-ответную основу трех типов учебно-личностных задач: 1) предметно-познавательные (задачи познания своего внимания к объекту познания); 2) когнитивно-познавательные (задачи познания своего процесса восприятия объекта); 3) субъектно-познавательные (задачи познания себя как познающего субъекта). Соответственно, опыт решения таких задач есть опыт удерживания во внимании трех аспектов познавательного процесса: объекта внимания, процесса внимания и субъекта внимания.

Понимание процесса познания, представленного на эмпирическом, метафорическом, понятийном уровнях и включающего в себя «трехмерность» внимания, задает логику развертывания процесса формирования у студентов опыта решения учебно-личностных задач. Требуется выяснить, каков механизм развертывания данного процесса. Ответ на этот вопрос нам подсказывает методология гуманитарности, определяющая в качестве ведущей деятельности, которая позволяет удерживать внешнюю и внутреннюю стороны образовательного процесса, текстуально-диалогическую деятельность [15]. В этом случае предметная информация переводится в «культурный текст» (М. М. Бахтин), который требует герменевтического диалога (Г.-Г. Гадамер). Именно текстуально-диалогическая деятельность, в рамках которой студенты учатся воспринимать не «вообще» информацию, а информацию «мою», является механизмом формирования у них опыта решения учебно-личностных задач.

В ходе диссертационного исследования, которое проводится нами на базе Калмыцкого государственного университета и которое посвящено разработке модели формирования у будущих юристов опыта решения учебно-личностных задач, на констатирующем этапе было выявлено, что студенты факультета управления и права (обследовано 72 человека) привыкли решать в основном учебные задачи, заданные внешне и предполагающие однозначные ответы, но испытывают серьезные трудности в поиске, постановке и решении задач, которые касаются понимания собственного процесса позна-

ния. Как было выявлено в ходе анкетирования и тестирования (использовались авторские проективные тесты «Вопросы самому себе», «Кто управляет моим вниманием», «Информационный поток»), студенты не обладают достаточным знанием о себе как познающем субъекте. В частности, на вопрос о том, какая информация на учебном занятии находилась в центре их внимания, подавляющее большинство студентов (98 %) назвали лишь учебный предметный материал. В процессе беседы о том, замечали ли они в течение занятия то, как воспринималась ими информация, какие «сообщения» возникали у них в сознании (эмоции, мысли, состояния), многие студенты признались, что даже не задумывались о подобном.

Неготовность решать задачи, связанные с пониманием себя как познающего субъекта, мы рассматриваем в числе причин того, что часто на занятиях студенты не находятся в позиции активных субъектов образовательного процесса, а занимают роль пассивных слушателей. Очевидно, такая ситуация является следствием того, что студенты, изучая предмет, не изучают себя как познающую личность. В таком случае имеет место их «неосознанное присутствие» в образовательном процессе, что подтверждает необходимость введения гуманитарного компонента в содержание профессионального образования будущего юриста.

Заключение

С позиции методологии гуманитарно-антропологического подхода в исследовании выявлено, что гуманитарным компонентом содержания профессионального образования будущего юриста является опыт решения учебно-личностных задач как опыт объединения предметной и личностной сторон образовательного процесса. Результат его сформированности отражается в степени осознания личностью собственных познавательных актов на уровне ощущений, образов и представлений, что отражается на эмпирическом, метафорическом и понятийном уровнях. Включение исследуемого опыта в содержание образования в гуманитарной модели образования требует преобразования безличной предметной информации в лично значимый текст, что предполагает текстуально-диалогическую деятельность, позволяющую студентам познавать собственную личность через роли автора текстов и собеседников в диалоге.

Теоретическая значимость нашего исследования состоит в том, что дополнены знания о гуманитаризации профессионального образования и становлении профессионального самосознания юриста-профессионала с позиции методологии гуманитарно-антропологического подхода и когнитивистики. Практическую значимость мы связываем с тем, что разработанные материалы и полученные результаты могут послужить основой для разработки гуманитарного компонента учебных программ не только для будущих юристов, но и для специалистов других сфер, чья профессиональная деятельность зависит от их субъектной позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семитко А. П. Проблемы подготовки юристов в контексте новых образовательных стандартов // Педагогическое образование в России. 2012. № 6. С. 124—130.
2. Полани М. Личностное знание. М. : Прогресс, 1985.
3. Сенько Ю. В. Содержание образования: пространство выбора // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. № 6. С. 54—62.
4. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология образования человека: становление субъективности в образовательных процессах : учеб. пособие. М. : Изд-во ПСТГУ, 2013.

5. Вербицкий А. А. О категориальном аппарате контекстного обучения // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 57—66.
6. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология : курс лекций. М. : Изд-во УРАО, 2002. 208 с.
7. Тульчинский Г. Л. Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке (к 100-летию Виктора Франкла) : материалы Междунар. конф., г. Москва, 19—21 мая 2005 г. М. : Смысл, 2005. С. 7—26.
8. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления. М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000.
9. Flavell J. H. Metacognitive aspects of problem solving // *The Nature of Intelligence*. Hillsdale / Ed. by L. B. Resnick. N. Y., 1976.
10. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious Mechanisms // *Metacognition, Motivation, and Understanding*. Ch. 3. New Jersey, 1987.
11. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология метакогнитивных процессов личности. М. : Ин-т психологии РАН, 2005.
12. Кларин М. В. Инновационное образование: концептуальные вызовы для дидактики // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 4(19).
13. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. Basic Books, 1999.
14. Анкин Д. В. Теория познания : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. 192 с.
15. Белова С. В. Гуманитарное образование: текстуально-диалогическая модель образования // Педагогика. 2007. № 6. С. 19—27.

REFERENCES

1. Semitko A. P. Problems of lawyers training in the context of new educational standards. *Pedagogical Education in Russia*, 2012, no. 6, pp. 124—130. (In Russ.)
2. Polani M. *Personal knowledge*. Moscow, Progress, 1985. (In Russ.)
3. Senko Yu. V. The content of education: the space of choice. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2017, no. 6, pp. 54—62. (In Russ.)
4. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Psychology of human education: formation of subjectivity in educational processes. Textbook*. Moscow, PTSU publ., 2013. (In Russ.)
5. Verbitskiy A. A. On the categorical apparatus of contextual learning. *Higher Education in Russia*, 2017, no. 6, pp. 57—66. (In Russ.)
6. Bim-Bad B. M. *Pedagogical anthropology: a course of lectures*. Moscow, URAO publ., 2002. 208 p. (In Russ.)
7. Tulchinskiy G. L. Meaning and humanitarian knowledge. In: *The problem of meaning in sciences about a man (for the 100th anniversary of Victor Frankl)*. Materials of Int. conf., Moscow, 19—21 May. Moscow, Smysl, 2005. Pp. 7—26. (In Russ.)
8. Mamardashvili M. K. *The aesthetics of thinking*. Moscow, Moscow School of Political Researches, 2000. (In Russ.)
9. Flavell J. H. Metacognitive Aspects of Problem Solving. In: *The Nature of Intelligence*. Hillsdale. Ed. by L. B. Resnick. N. Y., 1976.
10. Brown A. L. Metacognition, executive control, self-regulation and other more mysterious Mechanisms. In: *Metacognition, Motivation, and Understanding*. Ch. 3. New Jersey, 1987.
11. Karpov A. V., Skityaeva I. M. *Psychology of personality metacognitive processes*. Moscow, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2005. (In Russ.)
12. Klarin M. V. Innovative education: conceptual challenges for didactics. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, 2014, no. 4(19). (In Russ.)
13. Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. Basic Books, 1999.
14. Ankin D. V. *Theory of Cognition. Textbook*. Ekaterinburg, Ural University publ., 2019. 192 p. (In Russ.)
15. Belova S. V. Humanitarian education: textual-dialogical model of education. *Pedagogy*, 2007, no. 6, pp. 19—27. (In Russ.)

Как цитировать статью: Белова С. В., Чубанов И. И. Гуманитарный компонент содержания профессионального образования будущих юристов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 306—310. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.371.

For citation: Belova S. V., Chubanov I. I. Humanitarian component of the content of professional education of future lawyers. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 306—310. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.371.

УДК 378.147.31
ББК 74.489

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.347

Komissarova Tatyana Sergeevna,
Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Social
and Cultural Services and Tourism,
Director of the Research Institute of Geography,
Ecology and Nature Management,
Pushkin Leningrad
State University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: Tsk42@mail.ru

Комиссарова Татьяна Сергеевна,
д-р пед. наук,
профессор кафедры
социально-культурного сервиса и туризма,
директор НИИ географии, экологии
и природопользования,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Tsk42@mail.ru

Skvortsov Aleksandr Vladimirovich,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Natural Science and Geography,
Researcher of the Research Geography,
Ecology and Nature Management,
Pushkin Leningrad State University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: Sprut1585@ya.ru

Скворцов Александр Владимирович,
канд. пед. наук,
доцент кафедры естествознания и географии,
научный сотрудник НИИ географии, экологии
и природопользования,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: Sprut1585@ya.ru

КАРТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПРОБЛЕМНОГО ВОСПРИЯТИЯ УЧЕБНОЙ ИНФОРМАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ТУРИЗМ»)

CARTOGRAPHIC APPROACH TO THE FORMATION OF SPATIAL AND PROBLEM PERCEPTION OF EDUCATIONAL INFORMATION (ON THE EXAMPLE OF TRAINING BACHELORS IN THE DIRECTION OF “TOURISM”)

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье рассмотрены основные вопросы развития пространственно-образного мышления бакалавров. Исследованы основы пространственно-проблемного восприятия учебной информации обучающимися высших образовательных учреждений в ходе учебного процесса. Раскрыты особенности графикации и графической визуализации учебной информации. Обосновывается картографический подход и его роль в формировании пространственного, образного мышления обучающихся. Рассмотрена графикация как образно-знаковый язык работы с информацией в целом и учебной информацией в частности. Подробно разобрано содержание приведенного метода, включающее уровни специальной и профессиональной подготовки. Каждый уровень, в свою очередь, состоит из блоков, включающих в себя постепенно усложняющиеся во времени конкретные элементы обучения. Раскрыт понятийный аппарат инфокартографического метода, изучены условия его реализации, область применения, а также эффективность применения данного метода при профессиональной подготовке обучающихся (на примере подготовки бакалавров по направлению «Туризм»).

В статье приводится разработка системы уровней формирования графикационных умений. Каждому из трех уровней соответствует определенный набор умений, являющийся базой для следующего уровня. На первичном, начальном, уровне основными графическими умениями являются построение элементов графического образа, изображение вербального высказывания в виде графемы и т. п. Следующий, деятельностный, или вербально-графический, уровень,

подразумевает наличие более широкого спектра умений в области визуализации статистической информации, вербальной (текстовой) информации (текста): логическое структурирование текста, подбор графического образа, построение графемы. И финальный, научно-поисковый, уровень предполагает такие умения, как построение и интерпретация графем различных типов, визуализация информации в профессиональной деятельности, создание логико-графических моделей, презентаций, туристских карт, т. е. информационно-картографическую компетентность в целом.

The article deals with the main issues of the development of spatial-visual thinking of bachelors. The basics of spatial-problem perception of educational information by students of higher educational institutions during the educational process are investigated. The features of graphication and graphic visualization of educational information are revealed. The cartographic approach and its role in the formation of spatial, imaginative thinking of students are substantiated. The infocartographic method is considered as a specific language for working with information in general and educational information in particular. The content of the given method, including the levels of special and professional training, is analyzed in detail. Each level, in turn, consists of blocks that include specific learning elements that gradually become more complex over time. The conceptual apparatus of the infocartographic method is disclosed, the conditions of its implementation, the scope of application, as well as the effectiveness of this method in the professional training of students (on the example of training bachelors in the direction of “Tourism”) are studied.

The article also provides the development of a system of levels of formation of organizational skills. Each of the three levels corresponds to a certain set of skills, which is the basis for the next level. At the primary, initial level, the main graphic skills are the construction of elements of a graphic image, the image of a verbal utterance in the form of a grapheme, etc. The next, activity or verbal-graphic level, implies the presence of a wider range of skills in the field of visualization of statistical information, verbal (text) information (text): logical structuring of the text, selection of a graphic image, construction of a grapheme. And the final, scientific and search level, involves such skills as the construction and interpretation of graphemes of various types, visualization of information in professional activities, the creation of logical and graphical models, presentations, tourist maps, - information and cartographic competence in general.

Ключевые слова: пространственно-проблемное восприятие, инфокартографический метод, графический образ, образное мышление, визуализация учебной информации, графические умения, проблемный подход, творческое мышление, подготовка бакалавров, подготовка специалистов по туризму.

Keywords: spatial-problem perception, info-cartographic method, graphic image, visual thinking, visualization of educational information, graphic skills, problem approach, creative thinking, bachelor's degree training, training of specialists in tourism.

Введение

В современной системе высшего образования проблема визуализации учебной информации является одним из актуальных направлений метаметодического поиска. Эпидемиологические вызовы последних полутора лет спровоцировали резкую активизацию и рост востребованности дистанционного формата обучения во всем его многообразии, начиная от онлайн-занятий и заканчивая выполнением различных заданий по переписке и самостоятельному усвоению теоретического материала. Такой формат образования вывел проблему визуализации учебного материала на принципиально новый уровень.

Актуальность статьи объясняется необходимостью уточнения обозначенных понятий и понимания особенностей каждого из них, оценки педагогического потенциала визуализации информации, обоснования инфокартографического метода графикации как своеобразного языка работы с информацией, в том числе и с учебной.

Теоретическая значимость исследования обуславливается тем, что в сложившейся ситуации в сфере образования, в том числе дистанционного, формирование визуально-графических умений, определение понятийного аппарата, условий реализации разработанных методик, а также определение эффективности их применения являются одной из наиболее остро стоящих проблем последних лет, требующих своего решения, научно-педагогического поиска, расширения имеющихся наработок в данном контексте.

Практическая значимость работы заключается в том, что вопросы графического изображения информации, понимания сути и роли графического образа особо актуальны при подготовке в университете в первую очередь тех специалистов, чья профессиональная деятельность будет

связана с географическим пространством, картами, другими геоизображениями, логическими схемами, графиками, знаками, символами, способами изображения явлений. Такая деятельность подразумевает не только обладание предметными знаниями и умениями, но и наличие системы профессиональных творческих умений, которая поможет специалисту быстро и адекватно принимать нестандартные профессиональные решения [1].

Целесообразность исследования заключается в том, что формирование системы графических умений способствует развитию пространственно-проблемного восприятия учебной информации через приведение ее к графическому образному виду. Интеграция визуализации информации, проблемно-образного мышления и графических умений в педагогической теории имеет **недостаточную изученность**. Различные направления исследований визуализации информации освещены в работах Т. Боумена, З. С. Беловой, Т. С. Комиссаровой, Е. В. Ковалевской, А. В. Василенко, Е. А. Гаджиевой, Е. А. Дзюра, О. Г. Берестенева, Д. Арслана, В. Я. Цветкова, И. В. Авдуловой, Е. А. Макаровой, А. А. Журкина и др. Однако в основном работы большинства исследователей посвящены вопросам развития информатики, картографии, компьютерных технологий, художественного творчества и средств массовой информации.

Целью исследования является разработка картографического подхода к формированию восприятия пространственно распределенной учебной информации, способствующего развитию мыслительной деятельности обучающихся в целом.

Достижению поставленной цели способствует реализация следующих **задач**: анализ теоретических основ визуализации информации и пространственно-образного мышления; разработка этапов освоения бакалаврами инфокартографического метода в процессе обучения (на примере бакалавров по направлению «Туризм»); разработка системы графических умений обучающихся на каждом этапе.

Использование метапредметных графических умений для развития пространственно-проблемного восприятия информации обучающихся составляет **научную новизну** исследования, так как в подобных исследованиях применяется впервые.

Основная часть

Методология. Начальным этапом исследования является определение места и роли визуализации и графикации в современном образовании. Это позволяет определить значимость визуализации учебной информации в образовательном процессе.

Затем изучается пространственное мышление как значимая умственная составляющая обучающегося и специалиста. Далее рассматривается установление взаимосвязи образного, логического, пространственного и проблемного мышления. Исследуются пространственные и образные составляющие мыслительной деятельности.

Следующим шагом является анализ инфокартографического метода, определение его понятийного аппарата, условий реализации и эффективности применения в образовательном процессе.

Методология освоения студентами интеллектуально-графической визуализации учебной информации, разностороннее применение картографического метода за счет

сочетания его с возможностями инфографики, понимание основ языка графикации, его семиотической функции — все это опирается на теорию визуализации, феномен графического образа, графическое моделирование.

Методологической основой дальнейшей разработки системы этапов формирования пространственно-проблемного восприятия информации и графических умений является интеграция картографического, проблемного и личностно-деятельностного подходов [2] в единый метаметодический информационно-картографический подход.

Результаты. До некоторых пор визуализация пространственно распределенной учебной информации была однозначно связана с картографией. Рисунки, схемы, таблицы, карты традиционно применяются в учебном процессе как средство наглядности, как дидактический материал [3]. Иллюстрации, таблицы, схемы сопровождают тексты учебников и учебно-методических пособий и воспринимаются как сопровождение к тексту, содержащему основные сведения о предмете [4].

Профессиональная визуализационная грамотность (владение инфокартографическим методом) предполагает умение как «читать», так и «писать» символическими, образно-знаковыми средствами. Это обстоятельство определяет развитие универсального языка графикации, который предусматривает редуцирование вербальной информации для изображения таковой в графическом образе [5].

Визуальная компетентность выражается в умении переходить с одного языка на другой и обратно, руководствуясь логикой представления информации, ее содержанием, структурой и связями. При этом возникает (и уже наблюдается у дистанционных, «экранных», «цифровых» обучающихся) тенденция редуцирования в последующем и вербального языка, что выражается в неумении строить полные грамотные фразы, особенно при письме, введение компьютерного сленга, коверкание русского языка («чел», а не «человек», например) и т. п. [6]. Но это тема дальнейших исследований, хотя считаем необходимым обратить внимание на отмеченную тенденцию в данном контексте.

Информационный подход, характерный для нашего времени, внедряется весьма активно как в теоретические, концептуальные построения, так и в бытовую жизнедеятельность [7]. Он активно связан с передачей информации, с информативно-коммуникационным процессом.

Применение картографического метода моделирования пространственно распределенной информации также расширяется в образовательном процессе за счет психолого-педагогических исследований касательно его потенциальных возможностей формирования пространственного, образного, творческого мышления у обучающихся [8].

Таким образом, существует необходимость внедрения в методологию современной педагогической науки информационной составляющей, пересмотра возможностей и значимости процесса визуализации.

В статье графическая визуализация (графикация) рассматривается как второй «язык» профессиональной подготовки в университетах после вербального.

Нами разработан информационно-картографический подход к визуализации учебной информации графическими средствами при профессиональной подготовке бакалавров по туризму, учителей географии и других возможных специальностей, связанных с пониманием географического пространства.

С опорой на образно-знаковое изображение информации у студентов формируется пространственное мышление, позволяющее решать не только бытовые задачи, но и профессиональные: ориентироваться в абстрактном пространстве, как плоском, так и многомерном; не только представлять себе объекты в трехмерном, например, измерении, но и уметь создавать логические мысленные схемы, связанные с познанием структуры и связей изучаемой системы, ее эмерджентных свойств [9].

Теоретическая основа картографии базируется на теории и методологии познания, на философских представлениях об отношении знания к окружающей действительности. Правила картографирования, принципы построения легенд и классификаций, все процессы автоматизированного создания и использования карт, сбора, хранения и обработки данных, формирование баз данных, применение ГИС — все это опирается на логику [10]. Особая роль принадлежит семиотике — общей теории знаковых систем: синтаксис картографических знаковых систем, правила их построения, взаимного сочетания и преобразования изучает синтактика; изучением соотношений картографических знаков с обозначаемыми объектами, правил интерпретации знаков и картографических образов занимается семантика; соотношения между знаковыми системами и пользователем карты (анализ законов зрительного восприятия, психофизических моделей чтения карты и т. п.) исследует прагматика.

Математические науки применяются в изыскании картографических проекций, математико-картографическом моделировании, планировании и организации картографического производства.

Техника и автоматика служат для механизации и автоматизации процессов составления, издания и использования карт [11]. Современные автоматические картографические системы представляют собой мощные производственные и научно-исследовательские комплексы, включающие системы ввода (цифрователи, сканеры), компьютеры, системы вывода (дисплеи, графопостроители, печатающие устройства), электронные картометрические устройства и др.

Контакты картографии с технической эстетикой и эргономикой позволяют решать картографическими средствами проблемы формирования гармоничной предметной среды, оптимизировать условия создания и использования карт с учетом достижений инженерной психологии, социологии, эстетики и т. д. [12]. Использование в картографии принципов дизайна и традиций изобразительного искусства, безусловно, повышает эффективность использования картографических произведений в науке и практике.

Таким образом, картографическая наука располагает на пересечении интересов многих областей научных знаний, участвует в формировании научной картины мира и оказывает все возрастающее влияние на многие аспекты жизни современного общества.

Информационно-картографическая компетентность студентов, умение работать как с вербальной формой информации, так и графической, сочетались с сопутствующим развитием их умственной деятельности и, соответственно, пространственного творческого проблемного мышления, повышением интеллектуального уровня в целом [13].

Освоение студентами метода и формирование соответствующих графикационных умений осуществляются на протяжении всех четырех лет обучения на бакалавриате и

условно подразделены нами на три этапа: пропедевтический, деятельностный (вербально-графический) и творческий (научно-поисковый) (рис.):

а) графикационные умения *пропедевтического* уровня: построение элементов графического образа, изображение вербального высказывания в виде графемы;

б) графикационные умения *деятельностного* (вербально-графического) уровня:

– визуализация статистической информации — таблицы, диаграммы, значки, графики);

– визуализация вербальной информации (текста) — структурирование текста (выделение логических блоков), подбор графического образа (визуальной картинки), построение графемы;

в) графикационные умения *научно-поискового* уровня — построение и интерпретация графем (структурная графема, динамическая графема, системная графема и т. п.); умение визуализировать информацию в профессиональной деятельности; логико-графические модели; презентации; туристские карты.

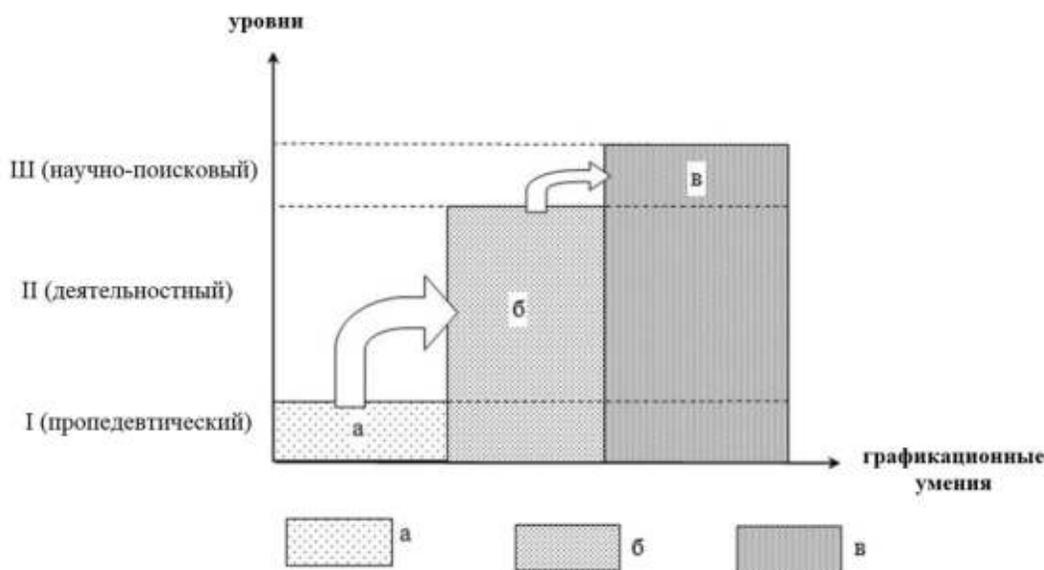

Рис. Уровни формирования графикационных умений

Этапы неразрывно связаны между собой. Каждый состоит из аудиторной (лекции и практические занятия) и полевой подготовки и усложняется в процессе его развития, усиления при переходе одного в другой, следующий [14].

Пропедевтический этап (теоретико-практический дисциплинарный; основные связи развития знания на нем — внутрипредметные) является определяющим для дальнейшего понимания метода и длится в течение обоих семестров первого курса.

Главная цель его заключается в том, чтобы студенты усвоили триаду «пользователь — графический образ — информация». Это понимание пришло из картографии: «местность — карта — пользователь карты». На данном этапе не обсуждается вопрос о соответствии образа, карты реальной действительности. Важно то, что анализ любого графического образа показывает существование некоего «словаря форм», позволяющего этот абстрактный визуальный образ воспринимать как отображение прообраза, некоей изучаемой реальности.

Длится этап на протяжении 1-го и 2-го семестров. Результатом является усвоение приемов географикации, графического высказывания.

Деятельностный этап продолжается в течение 3-, 4- и 5-го семестров. Осуществляется учебно-практическая деятельность с применением метода интеллектуально-графической визуализации любой информации. Происходит развитие графических знаний и умений, картографической компетенции в процессе применения метода при изучении дисциплин учебного плана, выполнения творческих

заданий, курсовой работы и по необходимости при прохождении отраслевых учебной и производственной практик. Кроме чтения и составления в условных знаках пространственно распределенной картографической информации, формируется умение «перекодировки» вербальной информации в графическую, т. е. умение «свернуть» и визуализировать вербальное высказывание или понятие в графическую форму. К пятому семестру формируется умение составлять логические схемы и картосхемы, выполнять графические высказывания в виде системных моделей различной сложности.

Творческий этап (научно-поисковый) продолжается в течение 6, 7, и 8-го семестров. Характеризуется (под научным руководством преподавателя) дальнейшим развитием опыта творческого применения как картографического метода, так и способов инфографики. В частности, на многих туристских картах помещаются такие элементы, как дополнительные данные. К ним относятся диаграммы, профили, графики, таблицы, схемы, карты-врезки, фотокарты, пояснительные тексты. Создание таких карт и пользование ими предполагает владение инфокартографическим методом.

Выводы

С первого курса обучения студент приобретает начальную картографическую грамотность, которая далее совершенствуется, определяет расширение его профессионального кругозора, способствует развитию самосознания, профессионального пространственного мышления, дальнейшему переходу со ступени на ступень «к полноте

образования человека» и, соответственно, готовности к профессиональной визуализации информации.

В процессе учебно-научной деятельности на 3-м и 4-м курсах умение обрабатывать различными способами визуализации полученную информацию формируется при выполнении творческих заданий, курсовой работы, дипломного эксперимента, написании выпускной квалификационной работы, научной статьи в университетский сборник. У студентов складывается понимание информационно-картографического подхода к работе с информацией. Они знают его сущность, владеют построением различного вида графем, инфографикой, вербальной и графической интерпретацией материала, его анализом и преобразованием информации в наиболее наглядную «свернутую» форму (логико-графические схемы, таблицы, графики, диаграммы, пространственные модели).

Заключение

Картографический подход является универсальным для формирования пространственно-проблемного восприятия бакалаврами учебной информации в образовательном

процессе. Его «расширение» связано не только с графическими образами пространственно распределенной информации, но и с графическим символическим образно-знаковым языком отображения любой локальной, виртуальной информации и получением дальнейшего мыслеобраза.

Разработанная система поэтапного формирования графикационных умений обучающихся является комплексной, универсальной и охватывает весь процесс обучения бакалавров. От этапа к этапу формируется умение применять метод в профессионально ориентированной учебной деятельности, в частности при моделировании пространственно распределенной информации, умение дополнительно применять способы инфографики — создавать графемы, карты, геоизображения, структурно-логические схемы, чертежи, графики, таблицы. Главное методологическое положение при этом — понимание того, что за графическим образом стоит мысленно представляемая объективная реальность, и таким образом его восприятие, распознавание превращается в акт познания, развития пространственного, логического, творческого мышления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
2. Скворцов А. В., Комиссарова Т. С. Методика проблематизации учебной информации в преподавательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 373—379. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.
3. Гаджиева Е. А. Использование картографического метода при формировании профессиональных компетенций обучающихся по направлению «Туризм» // XXI Вишняковские чтения : материалы Междунар. науч. конф., 2018. С. 77—80.
4. Василенко А. В. Развитие пространственного мышления учащихся в процессе обучения геометрии: психологический аспект // Преподаватель XXI век. 2020. № 2-1. С. 170—174.
5. Кузнецова Ю. И. Развитие компонентов пространственного мышления обучающихся на уроках геометрии // Вестник науки и образования. 2017. № 3(27). Т. 2. С. 95—99.
6. Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А. Картографический метод визуализации информации при подготовке обучающихся в высшей школе // Вестник НВГУ. 2018. № 2. С. 46—54.
7. Скворцов А. В. Современная православная школа семейного типа: достоинства, проблемы и роль в развитии личности учащихся // Православие и духовно-нравственное становление личности современника : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Пюхтицкий Успенский монастырь, 11—12 дек. 2019 г. Куремяэ, Эстония, 2019. С. 382—386.
8. Ковалевская Е. В. Возможности интеграции проблемного и дистанционного обучения: право на самостоятельный выбор // Особенности реализации проблемы проблемного обучения в контексте дистанционного образования: вопросы теории и практики : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Образование на грани тысячелетий». Нижегородск, 2015. С. 3—8.
9. Multi-subject method during the information visualization as a part of the bachelors educational process in the direction of tourism / Т. Komissarova, E. Gadzhieva, M. Lebedeva, O. Morozova // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019. Pp. 63—70.
10. Гаджиева Е. А. Разработка концептуальных основ региональной модели подготовки кадров для сферы туризма Ленинградской области // Вестник Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2017. № 2. С. 250—258.
11. Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А. Графический образ как интегратор метаметодики визуализации учебной информации // География: развитие науки и образования : коллектив. моногр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 150-летию со дня рождения В. Л. Комарова, 135-летию со дня рождения П. В. Гуревича, 90-летию со дня рождения В. С. Жекулина / Отв. ред. С. И. Богданов, Д. А. Субетто, А. Н. Паранина. СПб., 2019. С. 394—396.
12. Гаджиева Е. А. Подготовка бакалавров к визуализации учебной информации на основе информационно-картографического подхода // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 5(71). С. 102—115.
13. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual-graphic Visualization of information as an Integrative Teaching Method // Society. Integration. Education : proceedings of the Int. sci. conf., May 24 — 25, 2019. Rezekne : Rezekne Academy of Technologies, 2019. Pp. 334—345.
14. Грушевский С. П., Иванова О. В., Остапенко А. А. Модульная визуализация учебной информации в профессиональном образовании : моногр. М. : НИИ школьных технологий, 2017. 200 с.

REFERENCES

1. *The Federal State Educational Standard for Higher Education in the field of training 44.03.01 Pedagogical education (bachelor's degree level)*. (In Russ.) URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
2. Skvortsov A. V., Komissarova T. S. Methodology of problematization of educational information in teaching activities. *Business. Education. Law*, 2020, no. 3(52), pp. 373—379. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.
3. Gadzhieva E. A. The use of the cartographic method in the formation of professional competencies of students in the direction of “Tourism”. In: *XXI Vishnyakov readings. Materials of the int. sci. conf.*, 2018. Pp. 77—80. (In Russ.)
4. Vasilenko A. V. Development of spatial thinking of students in learning geometry: psychological aspect. *Teacher of the XXI century*, 2020, no. 2-1, pp. 170—174. (In Russ.)
5. Kuznetsova Yu. I. Development of components of spatial thinking of students in geometry lessons. *Bulletin of Science and Education*, 2017, vol. 2, no. 3(27), pp. 95—99. (In Russ.)
6. Komissarova T. S., Gadzhieva E. A. Cartographic method of information visualization in teaching students of higher school. *Vestnik NVSU*, 2018, no. 2, pp. 46—54. (In Russ.)
7. Skvortsov A. V. Modern Orthodox family-type school: advantages, problems and role in the development of students' personality. In: *Orthodoxy and the spiritual and moral formation of the personality of a contemporary. Materials of the int. sci. and pract. conf., Dec. 11—12, 2019, Pyukhtitsky Assumption Monastery*. Kuremaa, Estonia, 2019. Pp. 382—386. (In Russ.)
8. Kovalevskaya E. V. The possibilities of integrating problem-based and distance learning: the right to independent choice. In: *Features of the implementation of problem-based learning in the context of distance education: issues of theory and practice. Materials of the X All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation “Education on the verge of millennia”*. Nizhnevartovsk, 2015. Pp. 3—8. (In Russ.)
9. Komissarova T., Gadzhieva E., Lebedeva M., Morozova O. Multi-subject method during the information visualization as a part of the bachelors educational process in the direction of tourism. In: *19th Int. multidisciplinary sci. GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019*. Pp. 63—70.
10. Gadzhieva E. A. Development of the conceptual foundations of a regional model of training for the tourism sector of the Leningrad region. *Bulletin of the Leningrad State University*, 2017, no. 2, pp. 250—258. (In Russ.)
11. Komissarova T. S., Gadzhieva E. A. Graphic image as an integrator of metamethods of visualization of educational information. In: *Geography: the development of science and education. Collective monograph based on the materials of the All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation, dedicated to the 150th anniversary of V. L. Komarov, the 135th anniversary of P. V. Gurevich, the 90th anniversary of V. S. Zhekulin*. The responsible editors are S. I. Bogdanov, D. A. Subetto, A. N. Paranina. Saint Petersburg, 2019. Pp. 394—396. (In Russ.)
12. Gadzhieva E. A. Preparation of bachelors for visualization of educational information on the basis of an information-cartographic approach. *Domestic and foreign pedagogy*, 2020, vol. 1, no. 5(71), pp. 102—115. (In Russ.)
13. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual and graphic visualization of information as an integrative teaching method. In: *Society. Integration. Education. Materials of int. sci. research. Pract. conf., May 24—25, 2019*. Rezekne, Rezekne Technological Academy, 2019. Pp. 334—345.
14. Grushevsky S. P., Ivanova O. V., Ostapenko A. A. *Modular visualization of educational information in professional education. Monograph*. Moscow, Research Institute of School Technologies, 2017. 200 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Комиссарова Т. С., Скворцов А. В. Картографический подход к формированию пространственно-проблемного восприятия учебной информации (на примере подготовки бакалавров по направлению «Туризм») // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 311—316. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.347.

For citation: Komissarova T. S., Skvortsov A. V. Cartographic approach to the formation of spatial and problem perception of educational information (on the example of training bachelors in the direction of “Tourism”). *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 311—316. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.347.

УДК 796.012.01
ББК 75.711

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.374

Makarova Elina Vladimirovna,
Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Head of the Department of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: Elina.makarova.2014@mail.ru

Макарова Элина Владимировна,
д-р пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: Elina.makarova.2014@mail.ru

Dubatovkin Vladislav Ivanovich,
Senior Lecturer of the Department
of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: vladislav180570@rambler.ru

Дубатовкин Владислав Иванович,
старший преподаватель кафедры
физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: vladislav180570@rambler.ru

Oleynik Sergey Sergeevich,
Senior Lecturer of the Department
of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: serega.oleynik@mail.ru

Олейник Сергей Сергеевич,
старший преподаватель кафедры
физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: serega.oleynik@mail.ru

Kulikov Sergey Vladimirovich,
Senior Lecturer of the Department
of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: riksooss@mail.ru

Куликов Сергей Владимирович,
старший преподаватель кафедры
физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: riksooss@mail.ru

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ВЫНОСЛИВОСТИ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЙ

WAYS TO IMPROVE STUDENTS' ENDURANCE IN PHYSICAL EDUCATION CLASSES

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methodology of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture

В работе рассмотрены способы совершенствования выносливости студентов на занятиях физической культурой. Многолетний опыт работы в высшем учебном заведении со студентами показывает, что занятия легкой атлетикой не всегда находят должный отклик среди обучающихся. Поэтому актуальной задачей на сегодняшний день является поиск, развитие и применение и внедрение в учебный процесс различных форм воспитания выносливости студентов. В основу экспериментальной методики совершенствования выносливости положены циклические упражнения аэробного характера, учитывая аграрный профиль студентов. Чтобы определить динамику роста выносливости на протяжении года занятий, были предложены следующие упражнения, включенные в промежуточное тестирование и зачетные нормативы студентов вуза: прыжки через скакалку, бег 3000 метров, бег 5000 метров. Прыжки через скакалку в рамках комплекса физических упражнений используются как альтернатива занятиям на кардиотренажерах. Эти тесты во многом помогли студентам подготовиться к сдаче норм комплекса ГТО IV ступени, на «золотой»,

«серебряный» и «бронзовый» значки. В данной статье рассматривается технология повышения физического качества студентов при помощи занятий физической культурой. Методология и методы развития общей выносливости предложены в исследовании «Избранные курсы по физической культуре и спорту». Эффективность предложенного метода была подтверждена в ходе педагогического эксперимента с участием 80 студентов аграрного профиля. Использование пошагового алгоритма методов повышения выносливости с учетом особенностей практического учебного модуля позволило повысить физическую работоспособность студентов в среднем на 14 %.

The paper considers ways to improve the endurance of students in physical education classes. Many years of experience working with students at a higher educational institution show that athletics classes do not always find a proper response among students. Therefore, an urgent task today is the search, development and application and implementation of various forms of endurance training of students in the educational

process. The experimental method of improving endurance is based on cyclic exercises of an aerobic nature, taking into account the agricultural profile of students. To determine the dynamics of endurance growth during the year of classes, the following exercises were proposed and included in the intermediate testing and test standards of university students: jumping rope, 3000-meter run, 5000-meter run. Jumping rope as part of a set of physical exercises is used as an alternative to cardio simulators. These tests, in many ways, helped students to prepare for passing the standards of the TRP complex of the IV stage, for gold, silver and bronze badges. This article discusses the technology of improving the physical quality of students through physical culture classes. The methodology and methods of developing general endurance are proposed in the study "Selected courses in physical culture and sports". The effectiveness of the proposed method was confirmed during a pedagogical experiment with the participation of 80 agricultural students. The use of a step-by-step algorithm of methods for increasing endurance, taking into account the features of the practical training module, allowed us to increase the physical performance of students by an average of 14 %.

Ключевые слова: выносливость, кардиотренировка, комплекс ГТО, методика, студент, тренировка, физические свойства, физическая культура, формирование готовности, энергозатраты.

Keywords: endurance, cardio training, TRP complex, methodology, student, training, physical properties, physical culture, readiness formation, energy consumption.

Введение

Физическая культура, как неотъемлемая часть общей культуры человека, является основным компонентом развития личности. Оздоровительная и воспитательная функции физической культуры в полной мере реализуются в целенаправленном физическом воспитании студентов. Наиважнейшей задачей физического воспитания является гармоничное развитие и совершенствование их физических качеств, таких как сила, ловкость, выносливость [1, 2].

Актуальность. Выносливость — это способность человека эффективно и успешно выполнять целенаправленную двигательную деятельность в случае естественной психофизиологической усталости. В сравнении с другими физическими качествами выносливость является многокомпонентным качеством. Все проявления выносливости зависят от согласованности большинства органов и систем организма, и поэтому выносливость называется одним из основных психофизических качеств. В противном случае выносливость называется аэробной производительностью [3]. Основными компонентами общей выносливости являются мощность, производительность и эффективность аэробной системы. Общая выносливость играет важную роль в оптимизации жизнедеятельности, она выступает важной составляющей физического здоровья, является необходимым условием для развития специальной выносливости. Особое значение эта задача приобретает в процессе обучения студентов на занятиях физической культурой на фоне ухудшения их физической подготовленности, наличия в среднем у 40 % студентов хронических заболеваний и снижения двигательной активности в целом.

Изученность проблемы. Изучением выносливости занимаются многие специалисты в разных областях науки

не одно десятилетие. Большой вклад в разработку этой проблемы внесли комплексные научные группы ученых-биологов, физиологов, врачей, специалистов физической культуры и спорта [3, 4]. В настоящее время накоплен большой опыт в этой области. Большинство исследователей раскрывают биологические и физиологические аспекты развития выносливости. Вместе с тем на сегодняшний день нет единого мнения в педагогических исследованиях выносливости, методике ее развития и воспитания. Широту исследований охватывает достаточно большой возрастной период развития выносливости, в основном от 15 до 20 лет, когда рекомендовано интенсивно развивать данное качество. Студенческий возраст предполагает дальнейшее совершенствование этого процесса в совершенно иных условиях, учитывая особенности будущей профессиональной деятельности студентов.

Целесообразность разработки темы. Решить задачу совершенствования выносливости во многом не позволяет отсутствие развитой спортивной инфраструктуры вуза, сокращение часов, предусмотренных для практических занятий, и вынужденная замена в связи с этим направленности занятий. Целесообразно, на наш взгляд, находить эффективные формы и подходы в способах воспитания и совершенствования выносливости у студентов, опираясь на современные технологии и интересы обучающихся, с учетом требований всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

Научная новизна. Теоретически обоснована, разработана и экспериментально проверена методика совершенствования выносливости студентов аграрного профиля в учебном процессе.

Цель — повысить эффективность программ по физической культуре и спорту для студентов с помощью научно обоснованного внедрения технологии и методологической структуры применения средств и методов физического совершенствования выносливости с использованием нормативов комплекса ГТО по физической культуре.

Критериями эффективности служили показатели динамики изменений в процессе проведения тестов на выносливость в экспериментальной группе в процессе педагогического тестирования. Доказательство экспериментальным путем индивидуальной траектории укрепления здоровья и физического развития студентов с помощью совершенствования психофизического качества выносливости, при помощи беговой нагрузки на разные дистанции и прыжков со скакалкой становится первоочередной задачей статьи. Как показывает многолетний опыт работы в вузе, упражнения циклической направленности не очень популярны среди студентов. Поэтому актуальной задачей является поиск, развитие и применение различных форм выносливости студентов.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть применимы в процессе физического воспитания студентов для внедрения педагогических способов и методов воспитания и совершенствования выносливости.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее можно использовать в работе преподавателей высшей школы для обучения студентов на занятиях физической культуры.

Основная часть

Организация и методы исследования. Чтобы определить динамику роста выносливости на протяжении года занятий, были предложены следующие упражнения, включенные

в промежуточное тестирование и зачетные нормативы студентов вуза: прыжки через скакалку, бег 3000 метров, бег 5000 метров. Прыжки через скакалку в рамках комплекса физических упражнений используются как альтернатива занятиям на кардиотренажерах [4]. Польза такого вида тренинга позволяет включать его в комплекс, направленный не только на интенсивные энергозатраты, но и на наращивание мышечной массы. Табл. 1 составлена на основании государственных требований к уровню физической подготовленности населения при выполнении нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне», VI ступень ГТО [5, 6].

Таблица 1

Государственные требования к уровню физической подготовленности населения при выполнении нормативов ГТО

Уровень	Оценка по 5-балльной шкале	Прыжки через скакалку за 1 мин	Бег 3000 м	Бег 5000 м
Высокий	5	150	12:00	22:00
Выше среднего	4	140	13:40	25:00
Средний	3	130	14:30	26:00
Низкий	2	120	15:00	28:00

С сентября 2020 г. по июнь 2021 г. проводились исследования среди 40 студентов в экспериментальной группе, РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева очной формы обучения, с целью оценки готовности к физическим нагрузкам на выносливость. Студенты, составляющие контрольную группу, в количестве 40 человек тестировались в обычном режиме в конце семестра. В октябре все студенты прошли предварительное тестирование для фиксации первичного результата. Далее в контрольной группе тесты проводились, как положено, раз в семестр, а в экспериментальной группе раз в месяц. Бег на выносливость проводился по беговой дорожке стадиона. Максимальное количество участников забега — 20 человек. Кросс проводился в Тимирязевском парке и на Лиственничной аллее, количество участников забега — 40 человек. Прыжки со скакалкой проводились в спортивном зале.

Результаты исследования. Стоит отметить, что после продолжительной экзаменационной сессии и каникул показатели у всех категорий ухудшились, но при непрерывных занятиях физической культурой прослеживается тенденция восстановления до прежнего уровня и дальнейшего развития физической подготовленности студентов [7]. Несмотря на месячный перерыв, многие студенты, привыкшие к нагрузкам, продолжали занятия самостоятельно, на каникулах. Результаты ежемесячных тестирований были занесены в таблицы, и благодаря им можно проследить тенденцию прохождения испытаний в учебных группах (табл. 2).

Таблица 2

Показатели в экспериментальных группах в % соотношении в результате испытаний

Высокий уровень						
Курс	Сентябрь — октябрь	Ноябрь — декабрь	Январь	Февраль — март	Апрель	Май — июнь
I	45 %/9 чел.	45 %/9 чел.	45 %/9 чел.	50 %/10 чел.	40 %/8 чел.	45 %/9 чел.
II	40 %/8 чел.	40 %/8 чел.	45 %/9 чел.	50 %/10 чел.	40 %/8 чел.	50 %/10 чел.
III	25 %/5 чел.	30 %/6 чел.	35 %/7 чел.	35 %/7 чел.	30 %/6 чел.	35 %/7 чел.
Выше среднего						
I	30 %/6 чел.	35 %/7 чел.	35 %/7 чел.	40 %/8 чел.	35 %/7 чел.	40 %/8 чел.
II	25 %/5 чел.	30 %/6 чел.	35 %/7 чел.	35 %/7 чел.	30 %/6 чел.	35 %/7 чел.
III	40 %/8 чел.	40 %/8 чел.	35 %/7 чел.	40 %/8 чел.	30 %/6 чел.	40 %/8 чел.
Средний						
I	15 %/3 чел.	15 %/3 чел.	20 %/4 чел.	10 %/2 чел.	15 %/3 чел.	15 %/3 чел.
II	25 %/5 чел.	20 %/4 чел.	15 %/3 чел.	15 %/3 чел.	20 %/4 чел.	10 %/2 чел.
III	15 %/3 чел.	20 %/4 чел.	15 %/3 чел.	20 %/4 чел.	20 %/4 чел.	20 %/4 чел.
Низкий						
I	20 %/2 чел.	5 %/1 чел.	0 %/0 чел.	0 %/0 чел.	10 %/2 чел.	0 %/0 чел.
II	19 %/2 чел.	17 %/2 чел.	17 %/1 чел.	16 %/0 чел.	10 %/2 чел.	5 %/1 чел.
III	20 %/4 чел.	10 %/2 чел.	15 %/3 чел.	5 %/1 чел.	20 %/4 чел.	5 %/1 чел.

Данные результаты позволили дать оценку по основным критериям развития выносливости для студентов аграрного профиля. Построение учебно-тренировочного процесса по физической культуре в группах аграрного профиля обучения необходимо проводить с учетом формирования модели профессионально-прикладной физической подготов-

ки [8, 9]. В основе данной модели, обеспечивающей наиболее эффективную работу работников специальностей АПК, лежит профессионально значимое физическое качество — общая выносливость. В возрастную категорию VI ступени ГТО входят лица мужского и женского пола в возрасте от 18 до 29 лет, что соответствует возрастному цензу

обучающихся в вузе студентов, многие из которых по окончании школы сдают нормативы V ступени, и для них не в новинку применяемое тестирование.

При помощи проведенного эксперимента была протестирована работа групп мышц туловища, шеи, рук и ног, на которые ложится основная физическая нагрузка при профессиональной деятельности студентов-аграриев. Приобретенные ранее умения и навыки совершенствуются в ходе учебного процесса и позволяют, при наличии такой модели, упорядочить целевую направленность развития физического воспитания в вузе. Занятия легкой атлетикой включены в программу по физической культуре с первого курса, но для улучшения психофизической подготовки будущих специалистов необходимо проводить кроссы на длинные дистанции, способствующие улучшению физического состояния студента, что было доказано в процессе эксперимента [10, 11]. Установлено, что студентам проще всего выполнять упражнение на выносливость на длинной дистанции, в частности 5000 метров. Нагрузка распределяется более равномерно на этой дистанции, чем на 3000 метров. В прыжках через скакалку в первую очередь затруднения имели место с навыком владения скакалкой. Вторым препятствием оказалась техника самих прыжков. Постепенно, в процессе тренировки, студенты успешно овладели навыками, и по истечении третьего месяца учебно-тренировочных занятий прыжки через скакалку проходили без особых усилий в штатном режиме.

Повышения работоспособности организма на основе различных видов двигательной активности, предусмотренных при разработке обязательных программ физического воспитания, являются основой формирования выносливости. Существуют методики для развития быстроты, силы, координации, выносливости и ловкости, и реализация этих методик помогает достигать разностороннего и гармоничного уровня развития [12].

Инструментами для развития общей выносливости являются упражнения, в которых задействованы крупные группы мышц, в процессе длительной работы в определенных скоростных режимах. Такая мышечная работа в основном обеспечивается аэробным источником; интенсивность работы может быть умеренной, большой или переменной; общая продолжительность упражнений на выносливость составляет от нескольких минут (прыжки

через скакалку) до пятнадцати минут (бег 3000 метров), иногда часов (марафонский бег) [13, 14]. В физической подготовке для развития выносливости используются физические упражнения циклического характера, такие как бег на длинные дистанции, бег на лыжах, катание на коньках, езда на велосипеде, плавание, использование круговой тренировки с применением упражнений на выносливость (в том числе семь-восемь и более упражнений средней скорости) [15]. Основным требованием к круговой тренировке является выполнение упражнений, проводимых в зонах умеренной и средней производительности, продолжительностью 60...90 мин, при полном привлечении больших групп мышц. Прыжки через скакалку можно включить как один из этапов круговой тренировки. Альтернативой могут служить прыжки через гимнастическую скамейку на одной или двух ногах.

Выводы

В основу экспериментальной методики совершенствования выносливости положены циклические упражнения аэробного характера, учитывая аграрный профиль студентов.

Разработан учебный модуль «Легкая атлетика». На базе общефизической подготовки предлагается использовать интервальный метод, который включает упражнения с регулярной и переменной нагрузкой, строго управляемые и запланированные периоды отдыха (время отдыха между упражнениями составляет 1...3 мин (иногда 15...30 с). Таким образом, тренировочный эффект будет иметь место не только во время выполнения, но и в период отдыха. Такие нагрузки оказывают преимущественно аэробно-анаэробное воздействие на организм и эффективны в развитии специальной выносливости.

Подтверждена эффективность применения метода круговой тренировки для развития выносливости, который включает в себя выполнение упражнений с участием различных групп мышц и функциональных систем в соответствии с типом непрерывной или интервальной работы. Шесть-десять упражнений («станций»), которые испытываемые выполняют один-три раза. Применяя один или несколько других методов для тренировки, каждый раз определяется направление нагрузки для развития заявленного качества, в данном случае — выносливости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Артюгин М. В. Методика развития выносливости на занятиях по физической культуре у студентов вуза // Вестник международного Института управления. 2013. № 1-2(119-120). С. 117—119.
2. Анализ факторов, влияющих на эффективность успешного освоения дисциплин по физической культуре / Л. А. Бархатова, Н. А. Березинская, Э. В. Макарова и др. // Культура физическая и здоровье. 2019. № 3(71). С. 119—121.
3. Monitoring the morphological and functional state of students during the transition from middle to high school during the physical education process / O. Andrieieva, M. Palchuk, O. Yarmak, et al. // Journal of Physical Education and Sport. 2020. Vol. 20. No. Suppl. 3. Pp. 2110—2117. DOI: 10.7752/jpes.2020.s3284.
4. Дубатовкин В. И., Олейник Е. Н., Олейник С. С. Мониторинг готовности студентов к занятиям физической культуры с помощью пробы Руфье // Доклады ТСХА : сб. тр. конф. М. : Рос. гос. аграр. ун-т — МСХА им. К. А. Тимирязева, 2015. С. 511—513.
5. Государственные требования к уровню физической подготовленности населения при выполнении нормативов Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). URL: https://гто76.рф/sdayushchemu/summary_table.html.
6. The problems of students' physical training individualization / V. A. Druz, S. S. Iermakov, M. O. Nosko, et al. // Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports. 2017. No. 2. Pp. 51—59. DOI: 10.15561/18189172.2017.0201.

7. Куликов С. В. Индивидуально-личностные особенности студентов на занятиях по физической культуре в бассейне // Современные проблемы и технологии развития физической культуры и спорта в вузах Минсельхоза России : материалы Всерос. науч.-практ. конф. для преподавателей физ. культуры., г. Москва, 4 нояб. 2018 г. М. : Изд-во Рос. гос. аграр. ун-т — МСХА им. К. А. Тимирязева, 2018. С. 17—19.
8. Совершенствование физических качеств — сила, студенток экономического профиля обучения в агропромышленном комплексе / В. И. Дубатовкин, С. Ю. Никитченко, Н. А. Федяев, И. С.-Х. Мусаев, И. А. Солодухин // Ученые записки ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2020. № 9(187). С. 84—90.
9. Кизаев О. Н. Средства и методы развития аэробной выносливости студентов на занятиях по физическому воспитанию // VII Знаменские чтения: актуальные проблемы образования и науки : сб. науч. материалов регион. науч.-практ. конф. : в 2 ч. 2008. С. 175—177.
10. Кичко Е. В., Дубатовкин В. И. Развитие физических качеств у студентов-баскетболистов // Актуальные проблемы физической культуры студентов медицинских вузов : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием., г. Санкт-Петербург, 19 нояб. 2020 г. СПб. : Изд-во СЗГМУ им. И. И. Мечникова, 2021. С. 225—232.
11. Kolokoltsev M. M., Jagiello W. Physical activity of the university's senior students // *Physical Education of Students*. 2020. Vol. 24. No. 1. Pp. 31—39.
12. Никифорова О. Н., Макарова Э. В. Дисциплина «Физическая культура и спорт» в аграрном вузе (теоретический раздел) : учеб. пособие. М. : Рос. гос. аграр. ун-т — МСХА им. К. А. Тимирязева, 2020. 142 с.
13. Паршакова В. М. Методика развития выносливости у студентов путем самостоятельной работы // *Междунар. журнал гуманитар. и естеств. наук*. 2021. № 1-1(52). С. 152—156.
14. Circular training as a means for improving physical skills in future security specialists in higher education institutions of Ukraine / O. O. Pryimakov, D. P. Kyslenko, Y. O. Yukhno, E. Eider // *Physical Education of Students*. 2019. No. 5. Pp. 262—268. DOI: 10.15561/20755279.2019.0508.
15. Макарова Э. В., Дубатовкин В. И., Олейник Е. Н. Применение здоровьесберегающих технологий у студентов-заочников экономического профиля обучения // Спорт и спортивная медицина : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 40-летию со дня основания Чайковского гос. ин-та физ. культуры. Чайковский, 2020. С. 250—255.

REFERENCES

1. Artyugin M. V. Methods of developing endurance in physical culture classes for university students. *Bulletin of the International Institute of Management*, 2013, no. 1-2(119-120), pp. 117—119. (In Russ.)
2. Barkhatov L. A., Berezina N. A., Makarova E. V., et al. Analysis of factors affecting the effectiveness of the successful mastering of physical education disciplines. *Physical Culture and Health*, 2019, no. 3(71), pp. 119—121. (In Russ.)
3. Andrieieva O., Palchuk M., Yarmak O., et al. Monitoring the morphological and functional state of students during the transition from middle to high school during the physical education process. *Journal of Physical Education and Sport*, 2020, vol. 20, no. suppl. 3, pp. 2110—2117. DOI: 10.7752/jpes.2020.s3284.
4. Dubatovkin V. I., Oleynik E. N., Oleynik S. S. Monitoring of students' readiness for physical culture classes with the help of a Rufier sample. In: *Reports of the Timiryazev Agricultural Academy. Proceedings of the conference*. Moscow, RSAU — MTAA publ., 2015. Pp. 511—513. (In Russ.)
5. State requirements for the level of physical fitness of the population in performing the standards of the All-Russian physical culture and sports complex "Ready for Labor and Defense" (TRP). (In Russ.) URL: https://гто76.рф/sdayushchemu/summary_table.html.
6. Druz V. A., Iermakov S. S., Nosko M. O., et al. The problems of students' physical training individualization. *Pedagogics, Psychology, Medical-Biological Problems of Physical Training and Sports*, 2017, no. 2, pp. 51—59. DOI: 10.15561/18189172.2017.0201.
7. Kulikov S. V. Individual and personal characteristics of students at physical culture classes in the pool. In: *Modern problems and technologies of development of physical culture and sports in higher education institutions of the Ministry of Agriculture of Russia. Materials of the all-Russ. sci. and pract.conf. for teachers of physical culture, Moscow, Nov. 4, 2018*. Moscow, RSAU — MTAA publ., 2018. Pp. 17—19. (In Russ.)
8. Dubatovkin V. I., Nikitchenko S. Yu., Fedyaev N. A., Musaev I. S.-Kh., Solodukhin I. A. Improvement of physical qualities — strength, of students of the economic profile in the agricultural complex. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2020, no. 9(187), pp. 84—90. (In Russ.)
9. Kitaev O. N. The means and methods of development of aerobic endurance of students in physical education classes. In: *VII Znamenskiy readings. Actual problems of science and education. Collection of sci. materials of the regional sci. and pract. conf.* In 2 parts, 2008. Pp. 175—177. (In Russ.)
10. Kichko E. V., Dubatovkin V. I. The development of physical qualities in basketball students. In: *Actual problems of physical culture of medical university students. Materials of the VI All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation, St. Petersburg, Nov. 19, 2020*. Saint Petersburg, NWSMU n. a. I. I. Mechnikov publ., 2021. Pp. 225—232. (In Russ.)
11. Kolokoltsev M. M., Jagiello W. Physical activity of the university's senior students. *Physical Education of Students*, 2020, vol. 24, no. 1, pp. 31—39.
12. Nikiforova O. N., Makarova E. V. Discipline "Physical culture and sport" in an agrarian university (theoretical section). *Textbook*. Moscow, RSAU — MTAA publ., 2020. 142 p. (In Russ.)
13. Parshakova V. M. Methods of developing endurance in students through independent work. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 1-1(52), pp. 152—156. (In Russ.)

14. Pryimakov O. O., Kyslenko D. P., Yukhno Y. O., Eider E. Circular training as a means for improving physical skills in future security specialists in higher education institutions of Ukraine. *Physical Education of Students*, 2019, no. 5, pp. 262—268. (In Russ.) DOI: 10.15561/20755279.2019.0508.

15. Makarova E. V., Dubatovkin V. I., Oleynik E. N. The use of health-saving technologies for part-time students of the economic profile of education. In: *Sports and sports medicine. Materials of the int. sci. and pract. conf. dedicated to the 40th anniversary of the founding of the Tchaikovsky State Institute of Physical Culture*. Tchaikovsky, 2020. Pp. 250—255. (In Russ.)

Как цитировать статью: Макарова Э. В., Дубатовкин В. И., Олейник С. С., Куликов С. В. Способы совершенствования выносливости студентов на занятиях физической культурой // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 317—322. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.374.

For citation: Makarova E. V., Dubatovkin V. I., Oleynik S. S., Kulikov S. V. Ways to improve students' endurance in physical education classes. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 317—322. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.374.

УДК 372.8
ББК 74.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.364

Lavo Roza Suleymanovna,
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Musicology, Composition
and Methodology of Music Education,
Krasnodar State Institute of Culture,
Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: lavoroza@rambler.ru

Лаво Роза Сулеймановна,
д-р филос. наук,
профессор кафедры музыковедения, композиции
и методики музыкального образования,
Краснодарский государственный институт культуры,
Российская Федерация, г. Краснодар,
e-mail: lavoroza@rambler.ru

Morozov Sergey Aleksandrovich,
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Art Business and Advertising,
Krasnodar State Institute of Culture,
Russian Federation, Krasnodar,
e-mail: morozovsakras@yandex.ru

Морозов Сергей Александрович,
д-р филос. наук,
профессор кафедры арт-бизнеса и рекламы,
Краснодарский государственный институт культуры,
Российская Федерация, г. Краснодар,
e-mail: morozovsakras@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДМЕТА ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ В ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ

CONTENT OF THE SUBJECT OF PHILOSOPHY OF MUSIC AT THE INSTITUTE OF CULTURE

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Статья посвящена проблемам содержания предмета учебной дисциплины «Философия» в сфере подготовки специалистов музыкального профиля в вузах культуры. Анализ содержания предмета дисциплины «Философия», преподаваемой студентам, осваивающим профессиональные образовательные программы музыкального профиля, свидетельствует о том, что содержание предмета философской науки в рабочих программах фактически не отвечает задачам общегуманитарной профессиональной профильной подготовки в сфере музыкального искусства вне зависимости от специализации студентов. Сохранение сложившейся еще в прошлом веке структуры содержания дисциплины «Философия» осознается студентами как неизбежная часть общегуманитарной подготовки, мало связанной с будущей специальностью. Абстрактные дидактические единицы, которые важны для специалиста-гуманитария — философа, историка, политолога, культуролога, — мало коррелируют с образовательными потребностями будущих специалистов творческих специальностей. Актуализировать философские аспекты профессионального музыкального образования возможно в процессе раскрытия содержания одного из прикладных направлений современной философской науки —

философии музыки. Философия музыки позволяет связать основные законы и категории философской науки с основными принципами и категориями теории и практики музыкального искусства, раскрыть семиотический, аксиологический и эстетический потенциал музыкального искусства в терминологическом преломлении философских терминов и продемонстрировать возможности философского осмысления музыкального творчества и исполнительского искусства.

Студент, осваивающий философию музыки, обретает понимание значения философского осмысления средствами музыкального искусства различных форм реальности, возможностей, средств и границ самовыражения творческих возможностей личности. А преподаватель философии получает возможность не только изложить основные философские категории в доступной и понятной для студента форме, но и актуализировать различные вопросы курса философии в приближенной к привычному для студента курсу форме музыкального искусства.

The article is devoted to the problems of the content of the subject of educational discipline "Philosophy" in the field of training of musical specialists in universities of culture.

An analysis of the content of the subject of the discipline “Philosophy”, taught to students mastering professional educational programs of a musical profile, indicates that the content of the subject of philosophical science in working programs does not actually meet the tasks of general humanitarian professional specialized training in the field of musical art, regardless of the specialization of students. The preservation of the content of the discipline as it existed in the last century is recognized by students as an inevitable part of general humanitarian training, though little related to the future specialty. Abstract didactic units that are important for a humanitarian specialist — a philosopher, historian, political scientist, culturologist, do not correlate much with the educational needs of future specialists in creative specialties. It is possible to update the philosophical aspects of professional music education in the process of revealing the content of one of the applied areas of modern philosophical science — the philosophy of music. The philosophy of music allows you to connect the main laws and categories of philosophical science with the basic principles and categories of the theory and practice of musical art, to reveal the semiotic, axiological and aesthetic potential of musical art in the terminological refraction of philosophical terms and to demonstrate the possibilities of philosophical reflection of musical creativity and performing art.

The student learning philosophy of music gains an understanding of the importance of philosophical reflection on various forms of reality, possibilities, means, and limits of personal creative expression by means of music art. The philosophy teacher gets an opportunity not only to present basic philosophical categories in a form accessible and comprehensible to the student, but also to actualize various issues in the course of philosophy in a form of musical art close to the student’s usual discourse.

Ключевые слова: учебная дисциплина «Философия», содержание предмета философии, универсальные компетенции, музыкальное искусство, бакалавриат, специалитет, вербальный, креолизованный и невербальный тексты, аудиальный текст, ритмизированное содержание, семиотика, эстетика, актуальная реальность.

Keywords: educational discipline “Philosophy”, content of the subject of Philosophy, universal competencies, musical art, baccalaureate, specialty, verbal, creolized and non-verbal texts, audio text, rhythmized content, semiotics, aesthetics, actual reality.

Введение

Актуальность статьи определяется необходимостью обоснования выделения в современном музыкальном образовании специальной общепрофессиональной дисциплины — философии музыкального образования, которая, как полагают авторы, является базовой профессиообразующей дисциплиной подготовки бакалавров, специалистов и магистров в сфере музыкального образования различных профилей профессиональной подготовки, формирующей творческое мышление и методологию использования инструментария музыкального искусства.

Изученность темы. Проблемы определения предмета философии музыки и музыкального образования в той или иной степени затрагивались в рамках дискурса философских наук в работах А. Г. Карабаевой и К. А. Швыдко (применительно к рассмотрению проблемного поля философии в музыке) [1], А. И. Щербактовой [2, 3], Г. Г. Коломийца [4],

К. О. Успенского [5]. Однако в них не рассматривались аспекты содержания учебной дисциплины «Философия» в вузах культуры.

Целесообразность исследования обусловлена результатами анализа рабочих программ по философии, которые используются в вузах, осуществляющих подготовку бакалавров и специалистов в сфере музыкального искусства. В большинстве проанализированных авторами статьи программ воспроизводится стандартная схема построения содержания курса философии — история философии и основные философские категории. При этом, как правило, не рассматриваются проблемы философии музыкального искусства. Этим, как представляется, обусловлено и отсутствие профессионального интереса к философским вопросам музыки у студентов музыкального профиля подготовки, что и вызывает сокращение часов на философскую подготовку студентов, обедняя уровень их подготовки к самостоятельной профессиональной деятельности во всех возможных областях применения теоретических и прикладных философских знаний — от музыкальной педагогики до композиции.

Научная новизна заключается в обосновании значимости специальной подготовки в сфере философии музыкального искусства в подготовке студентов музыкальных специальностей к будущей профессиональной деятельности.

Цель статьи заключается в раскрытии потенциала философии музыкального искусства в подготовке современных креативно ориентированных бакалавров и специалистов в области профессионального музыкального образования.

Теоретическая и практическая значимость статьи заключается в анализе результатов экспертного опроса, проведенного среди выпускников музыкальных специальностей Краснодарского государственного института культуры в 2021 г. Экспертный опрос был проведен среди выпускников 2018—2020 гг. направлений бакалавриата — 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство», 53.03.03 «Вокальное искусство», 53.03.06 «Музыкальное и музыкально-прикладное искусство», специалитета — 53.05.06 «Композиция».

Основная часть

Современное профессиональное музыкальное образование представляет собой диалектически взаимосвязанный бинарный процесс — процесс воспитания и обучения, в котором происходит интеграция двух сторон социального существования человека в рамках категорий особенного и общего — индивидуального, воплощающего единичное и особенное в личности, и социального — общего, коллективного в социальном развитии [1, с. 180]. Поэтому «любая педагогическая система... есть приложение к жизни философских воззрений» [2], а «философия и теория педагогики — две тесно связанные между собой стороны культуры, духовной, социальной жизни общества, дополняющие друг друга в процессе воспроизводства образованного поколения, в формировании мировоззренческих концепций общественного сознания, опирающиеся друг на друга и развивающие друг друга» [3].

Возрастание роли человеческого капитала и знаний в современном конкурентном мировом геокультурном пространстве было зафиксировано в еще в 1989 г. ЮНЕСКО, которая выделила проблему философии образования в качестве одного из приоритетных конкурентных преимуществ в XXI веке [3, с. 52]. Предметом современной

философии образования, как представляется, выступает «междисциплинарная область... мировоззренческих, этико-социальных, психолого-педагогических знаний», в рамках которой с позиций современных научных методологических принципов раскрываются онтологические, гносеологические, аксиологические и антропологические проблемы современной системы образования в различных теоретических и прикладных областях ее реализации [3, с. 56].

Можно согласиться с выводом Н. В. Наливайко, что «философия и теория педагогики — две тесно связанные между собой стороны культуры, духовной, социальной жизни общества, дополняющие друг друга в процессе воспроизводства образованного поколения, в формировании мировоззренческих концепций общественного сознания, опирающиеся друг на друга и развивающие друг друга» [6].

Во всяком случае, следует иметь в виду, что и философия, и различные аспекты педагогики и педагогических и аксиологических аспектов культурологии, социальной антропологии, искусствоведения, этики и эстетики имеют как опривыченные в научном сознании отечественных ученых-гуманитариев пересечения теоретических полей, так и еще только завоевывающие позиции в современных научных дискурсах названных наук, прикладных полей социальной деятельности, что давно уже утвердилось в тезаурусах и исследовательских практиках зарубежных социальных наук [7—14].

Поэтому представляется не вполне оправданным сводить изучение образования как сложной многоуровневой иерархически организованной социально-институциональной системы лишь к сфере педагогики и, соответственно, философию образования к лишь к области педагогических наук [15].

Современное общество можно представить как социальную систему, в которой возможна реализация различных образовательных и профессиональных траекторий. Принимая во внимание турбулентные процессы в развитии процессов глобализации и глокализации, когда векторы поступательного развития дальнейшего развития только обозначаются в хаотизированном пространстве острой конкуренции ведущих мировых цивилизаций, взаимоотношения которых порождают в глобальной миросистеме обширные зоны бифуркации, философия образования предлагает свои ответы на вызовы мирового развития.

Исходя из обозначившихся преимуществ многоуровневой системы образовательной подготовки, направленной на овладение человеком различными квалификациями, позволяющими ему быть адаптивным к изменяющимся технологиям и условиям труда, современная философия образования ориентирует людей на освоение различных профессиональных компетенций в смежных областях. Например, музыкант-исполнитель мог бы в процессе обучения с успехом овладеть дополнительной профессиональной квалификацией продюсера, а продюсер — знаниями в области менеджмента в сфере социокультурной деятельности и правовыми знаниями в сфере культуры и авторского права. Это содействовало бы успешным поискам выпускников творческих процессов на рынке труда различных форм занятости, расширило бы коридор возможностей реализации ими своего человеческого потенциала [16].

В программах высшего профессионального образования прикладная философия является важной областью формирования осознания студентом как будущим специалистом возможностей реализации личностного образовательного

потенциала, индивидуального человеческого капитала в системном и многоаспектном видении возможностей реализации своего социокультурного потенциала в быстро изменяющихся условиях развития современного общества. Как справедливо отмечает Д. Волков, «философия для меня — это способ обживания мира. Я вижу массу происходящих вокруг событий, это единичные, фрагментарные истории, от политики до науки и техники. И мне необходима система, которая позволит собрать их воедино. И такой системой является философия» [17].

Музыка в современном обществе стала важнейшим детерминантом современных социокультурных практик, определяя эмоциональный настрой людей, направляя их эстетические вкусы, задавая ритмы повседневной жизни и ее досуговой сферы. Это стало особенно заметным с учетом повсеместного распространения музыкального контента в использовании современных коммуникативных мобильных гаджетов, распространения в медийном пространстве профессионального и самодельного музыкального творчества, развития как массовой, так и элитарной музыкальной культуры.

В современной молодежной среде распространилась практика символического музыкально-эмоционального самоопределения, что находит выражение в распространении социального конструирования своей социальной идентичности с использованием не только аксиологических, символических и смысловых оснований, но и музыкальных стилей, агрегирования в социальные сегменты поклонников определенных музыкальных направлений [18]. Это явление нашло отражение в позиционировании, например, радиостанций — РадиоРокс, РетроFM, радио «ЕвропаПлюс», Радио «Комсомольская правда» («радио поколения ДДТ»). В этом случае музыкальные стили и направления служат средством сегментации целевых аудиторий радиостанций FM-диапазона. Причем музыка является одной из доминантных групп в современных культурных индустриях, потому что она надлингвистична и ориентирована не столько на дешифровку содержательных вербальных языковых кодов, сколько на эмоциональное восприятие символических аудиальных кодов [19].

Наряду с этим музыка, реализуя творческие замыслы композитора и исполнителя, символизированные и закодированные в звуках, мелодике, аранжировке, подобно камертону настраивает духовную сферу человека, мобилизует духовные силы и вдохновляет на социальную активность, наполняя ее смыслами и ритмами, способствует когнитивно-познавательной деятельности человека и его познанию своего внутреннего мира [20, с. 24]. Духовное освоение мира, усвоение аксиологического содержания и исполнение музыкальных произведений в процессе самовыражения творческой личности, передачи авторского замысла и своего исполнительского прочтения музыкального текста как трансформированной в невербальную звуковую форму речемыслительной и звукомыслительной модели — все это и составляет различные грани музыкальной культуры как сложного социокультурного явления [21, 22]

Эти особенности музыкального искусства отражают сущность и содержание камертонной культуры, отражающей символическое воплощение духовной культуры человека, включая опосредованное системой звукоинтонаций воздействие на эмоциональную сферу человека и «воплощающей какие-либо идеи, образы чувств и состояний человека, возможно — предметов и событий действительности,

реализующийся в конкретных произведениях, построенных по определенным принципам композиции и преподносимых слушателю музыкантом-исполнителем» [23, с. 14; 24].

Такое понимание философии музыки в рамках камертонной культуры должно находить отражение в современном вузовском музыкальном образовании, прежде всего в вузах культуры. В то время как действующие федеральные государственные образовательные стандарты в области музыкального искусства, например бакалавриат по направлениям подготовки 53.03.02 «Музыкально-инструментальное искусство» (с изменениями и дополнениями), бакалавриат по направлению подготовки 53.03.03 «Вокальное искусство» (с изменениями и дополнениями, редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020 г.), бакалавриат по направлению подготовки 53.03.04 «Искусство народного пения» (с изменениями и дополнениями, редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020 г.), бакалавриат по направлению подготовки 53.03.06 «Музыказнание и музыкально-прикладное искусство» (с изменениями и дополнениями, редакция с изменениями № 1456 от 26.11.2020 г.), в разделе «3.2. Программа бакалавриата» должны устанавливать следующие универсальные компетенции: в группе универсальных компетенций выделена компетенция «Межкультурное взаимодействие» «УК-5. Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» 530501 «Искусство концертного исполнительства, 530505 «Музыкаведение», 530506 «Композиция», отражают общегуманитарный подход к содержанию преподавания философии в рамках блока общекультурных компетенций — выпускник

«способен использовать основы философских знаний, анализировать главные этапы и закономерности исторического развития для осознания социальной значимости своей профессиональной деятельности» (ОК-1 в ФГОС 530501 «Искусство концертного исполнительства» (уровень специалитета) и в ФГОС 530505 «Музыкаведение» (уровень специалитета) и ОК-3 в ФГОС 530506 «Композиция (уровень специалитета) [25]

Как правило, в рабочих программах по философии содержатся общегуманитарные вопросы истории философской мысли и изложение основных категорий философской науки, в то время как важнейшие вопросы философской профессиональной подготовки студентов остаются за границами курса, что влечет за собой формальное усвоение студентами материала курса, не ассоциирующегося у студента с его будущей профессиональной деятельностью [26, с. 12]. А педагоги, ведущие профильные профессиональные предметы, избегают прикладных вопросов философии камертонной культуры применительно к читаемым курсам, раскрывающим аксиологические основания музыкальной культуры во всем многообразии ее реализации с учетом музыковедческой составляющей: «Можно констатировать, что музыкальное искусство, как одно из самых сложных явлений человеческого духа, может быть описано как в рамках категориального аппарата философии, что облегчает осознание музыки, так и в понятиях художественно-образного мышления» [27, с. 117].

Результаты экспертного опроса, который был проведен среди выпускников музыкальных направлений и специальностей Краснодарского государственного института культуры в 2021 г., представлены в табл.

Результаты экспертного опроса, проведенного среди выпускников музыкальных направлений и специальностей Краснодарского государственного института культуры в 2021 г.

Шифр направления или специальности	Год выпуска	Использовались ли в профессиональной деятельности знания, полученные в вузе по дисциплине «Философия»?	
		Да, %	Нет, %
53.03.02 — Музыкально-инструментальное искусство	2018	0	100
	2019	0	100
	2020	0	100
53.03.03 — Вокальное искусство	2018	0	100
	2019	0	100
	2020	0	100
53.03.06 — Музыказнание и музыкально-прикладное искусство	2018	3,2	96,8
	2019	2,0	98,0
	2020	2,1	97,9
53.05.06 — Композиция	2018	2,0	98,0
	2019	2,4	нет
	2020	2,2	97,8

Очевидно, что в современном музыкальном искусстве актуальная реальность проявляется посредством образно-интонационной природы символического надвербального языка музыкального произведения вне зависимости от жанра, отражающего глубинные смыслы бытия и их аксиологическое содержание. Музыка транснациональна и способна оказывать непосредственное влияние на подсознание. Вместе с тем она глубоко символична, эмоциональна и способна продуцировать, формировать и развивать музыкальную идентичность поклонников

различных жанров, сохраняя свою глубинную цивилизационную основу [28].

Как свидетельствует опыт преподавания дисциплин музыковедческого цикла, который подтверждается теоретическими и социологическими изысканиями в области прикладной философии, базовыми структурными элементами предмета философии музыкального образования являются музыкальная антропология (раскрывающая роль человека в музыкальной культуре), музыкальная аксиология (раскрывающая роль ценностного

содержания и эстетики в музыке), музыкальная семиотика (раскрывающая роль символического в музыке) и музыкальная герменевтика (раскрывающая содержание музыкального произведения как невербального или креолизованного в оперном и песенном творчестве), позво-

ляющие рефлексивно выстраивать содержание философии музыкального образования — одного из базовых учебных предметов подготовки бакалавров и специалистов в области музыкального образования и музыкальной педагогики [29—33].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карабаева А. Г., Швыдко К. А. «Философия музыки»: рассуждения о предметной области. URL: <https://articlekz.com/article/8030>.
2. Щербакова А. И. Философия музыки и музыкального образования — пространство духовного образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-1. С. 22—26.
3. Щербакова А. И. Социология и философия музыки и музыкального образования в профессиональном самоопределении современного музыканта // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2009. № 6-2. С. 204—209.
4. Коломиец Г. Г. Философия музыки: ценностный аспект. Оренбург : Оренбург. гос. ун-т, 2006. 579 с.
5. Успенский К. О. Философия музыки в контексте профессионального образования педагога-музыканта // Педагогическое образование в условиях трансформационных процессов: методология, теория, практика : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 20 окт. 2011 г. Минск : БГУ, 2011. С. 71—72.
6. Наливайко Н. В. Философия образования: формирование концепции / Отв. ред. Б. О. Майер. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2008. 272 с.
7. Грехнев В. С. Философия образования : учеб. для бакалавриата и магистратуры. М. : Юрайт, 2017. 311 с.
8. Гессен С. И. Педагогика как прикладная философия. URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3641>.
9. Турысжанова Р. К. Междисциплинарный характер философии образования. URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2009/Philosophia/45563.doc.htm.
10. Мукин В. А. Концептуальные основания философии образования // Философия образования. 2014. № 2(53). С. 100—113.
11. Шиповалова Л. В. Современная идея университета и возможная легитимация философии // Философия и культура. 2015. № 11. С. 1734—1741.
12. Левикова С. И. Философия в системе российского образования // Современное образование. 2016. № 4. С. 1—10.
13. Коптелова Т. И. Экология духа как основа социального проектирования в парадигме органической философии // Философия хозяйства. Альманах Центра обществ. наук и экон. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. 2016. № 5. С. 205—212.
14. Zavaley A. Philosophy of education: a review of modern foreign literature. URL: <http://vo.hse.ru>.
15. Психология и культура / Под ред. Д. Мацумото. СПб. : Питер, 2003. 718 с.
16. LaFollette H. (ed.). The Oxford Handbook of Practical Ethics. Oxford : Oxford University Press, 2003. 772 p.
17. Волков Д. Философия делает этот мир уютнее. URL: http://www.gq.ru/taste/social/148866_dmitriy_volkov_filosofiya_delaet_etot_mir_uytnee.php?sphrase_id=1583579.
18. Hansson S. O. Philosophy and Other Disciplines // Metaphilosophy. 2009. м. 39(4-5). Pp. 472—483.
19. Kitcher P. Philosophy Inside Out // Metaphilosophy. 2011. No. 42(3). Pp. 248—260.
20. Hubersky L., Shashkova L. Philosophical education: the turn to the applied philosophy // Interdisciplinary Studies of Complex Systems. 2020. No. 17. Pp. 23—33.
21. Устинов О. А., Моисейкина Т. А. К вопросу о предмете исследования философии образования // Обучение и воспитание: методики и практика. 2014. № 13. С. 8—12.
22. Лущик Е. А. Многоуровневая система образования: особенности и перспективы. URL: http://fostu.ucoz.ru/publ/obuchenie_i_vospitanie/1_operezhajushhee_vospitanie_i_obrazovanie_v_sovremennykh_pedagogicheskikh_processakh/mnogourovnevaja_sistema_obrazovaniya_osobennosti_i_perspektivy/22-1-0-170.
23. Почтарева Е. Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 563—575.
24. Лазутина Т. В. Онто-гносиологические и аксиологические основания языка музыки : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.01. Екатеринбург, 2009. 42 с.
25. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru>.
26. Высочина Ю. Л. Социокультурные факторы кризиса современной философии образования // Обучение и воспитание: методика и практика. 2013. № 6. С. 9—13.
27. Чжу Цзин, Полякова Е. С. Взгляды философии на значение музыкального искусства и музыкального образования для человеческого общества // Искусства и культура. 2015. № 3(9). С. 116—123.
28. Шабанова Ю. А. Философия и музыка: место встречи — человек : моногр. Днепр : ЛИРА, 2017. 172 с.
29. Щербакова А. И. Философия музыки и музыкального образования — пространство духовного образования // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2010. № 11-1. С. 22—26.
30. Рапацкая Л. А. Духовность как категория музыкального искусства и образования // Музыкальное искусство и образование. 2020. Т. 8. № 2. С. 34—53.
31. Медушевский В. В. Духовный анализ музыки. М. : Композитор, 2014. 630 с.
32. Холопова В. Понятие «Музыка» // Музыкальная академия. 2003. № 4. С. 1—18.
33. Шамаева Р. М. Креативность в музыкальной культуре : моногр. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. 171 с.

REFERENCES

1. Karabaeva A. G., Shvydko K. A. "Philosophy of music": reasoning about the subject area. (In Russ.) URL: <https://articlekz.com/article/8030>.
2. Shcherbakova A. I. Philosophy of music and music education — the space of spiritual education. *Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application*, 2010, no. 11-1, pp. 22—26. (In Russ.)
3. Shcherbakova A. I. Sociology and philosophy of music and music education: in the professional self-determination of a modern musician. *Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application*, 2009, no. 6-2, pp. 204—209. (In Russ.)
4. Kolomiets G. G. *Philosophy of music: a value aspect*. Orenburg, Orenburg State University publ., 2006. 579 p. (In Russ.)
5. Uspenskiy K. O. Philosophy of music in the context of professional education of a teacher-musician. In: *Pedagogical education in the conditions of transformational processes: methodology, theory, practice. Materials of the IV Int. sci. and pract. conf.* Minsk, Oct. 20, 2011. Minsk, BSU publ., 2011. Pp. 71—72. (In Russ.)
6. Nalyvayko N. V. *Philosophy of Education: Formation of the Concept*. Ed. by B. O. Mayer. Novosibirsk, SB RAS publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
7. Grekhnev V. S. *Philosophy of education. Textbook for undergraduate and master's studies*. Moscow, Yurayt, 2017. 311 p. (In Russ.)
8. Hesse S. I. *Pedagogy as applied philosophy*. (In Russ.) URL: <http://old.istu.ru/unit/epign/siip/psiped/3641>.
9. Turyszhanova R. K. *Interdisciplinary nature of philosophy of education*. (In Russ.) URL: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2009/Philosophia/45563.doc.htm
10. Mukin V. A. Conceptual foundations of the philosophy of education. *Philosophy of education*, 2014, no. 2(53), pp. 100—113. (In Russ.)
11. Shipovalova L. V. The modern idea of the university and the possible legitimization of philosophy. *Philosophy and culture*, 2015, no. 11, pp. 1734—1741. (In Russ.)
12. Levikova S. I. Philosophy in the system of Russian education. *Modern education*, 2016, no. 4, pp. 1—10. (In Russ.)
13. Koptelova T. I. The ecology of the spirit as the basis of social design in the paradigm of organic philosophy. *Filosofiya khozyaystva: Almanac of the Center for Social Sciences and the Faculty of Economics of Moscow State University named after M. V. Lomonosov*, 2016. Pp. 205—212. (In Russ.)
14. Zavaley A. *Philosophy of Education: A review of modern foreign literature*. URL: <http://vo.hse.ru>.
15. *Psychology and Culture*. Ed. by D. Matsumoto. Saint Petersburg, Piter, 2003. 718 p. (In Russ.)
16. LaFollette H. (ed.). *The Oxford Handbook of Practical Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2003. XVII. 772 p.
17. Volkov D. *Philosophy makes this world cozier*. (In Russ.) URL: http://www.gq.ru/taste/social/148866_dmitriy_volkov_filosofiya_delaet_etot_mir_uyutnee.php?sphrase_id=1583579.
18. Hansson S. O. Philosophy and Other Disciplines. *Metaphilosophy*, 2009, no. 39(4-5), pp. 472—483. (In Russ.)
19. Kitcher P. Philosophy Inside Out. *Metaphilosophy*, 2011, no. 42(3), pp. 248—260.
20. Hubersky L., Shashkova L. Philosophical education: the turn to the applied philosophy. *Interdisciplinary Studies of Complex Systems*, 2020, no. 17, pp. 23—33.
21. Ustinov O. A., Moiseykina T. A. On the subject of the study of the philosophy of education. *Training and education: methods and practices*, 2014, no. 13, pp. 8—12. (In Russ.)
22. Lushchik E. A. *Multilevel education system: features and perspectives*. (In Russ.) URL: http://fostu.ucoz.ru/publ/obuchenie_i_vospitanie/1_operezhajushhee_vospitanie_i_obrazovanie_v_sovremennykh_pedagogicheskikh_processakh/mnogourovnevaya_sistema_obrazovaniya_osobennosti_i_perspektivy/22-1-0-170.
23. Pochtareva E. Yu. Value-semantic sphere of personality: essence, determinants, mechanisms of development. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2017, iss. 4, pp. 563—575. (In Russ.)
24. Lazutina T. V. *Onto-gnosiological and axiological foundations of the language of music. Abstract of Diss. of the Doc. of Philosophy*. Yekaterinburg, 2009. 42 p. (In Russ.)
25. *Portal of the Federal State Educational Standards of Higher Education*. (In Russ.) URL: <http://fgosvo.ru>.
26. Vysochina Yu. L. Socio-cultural factors of the crisis of the modern philosophy of education. *Training and education: methodology and practice*, 2013, no. 6, pp. 9—13. (In Russ.)
27. Zhu Jing, Polyakova E. S. Views of philosophy on the importance of musical art and musical education for human society. *Art and culture*, 2015, no. 3(9), pp. 116—123. (In Russ.)
28. Shabanova Yu. A. *Philosophy and music: meeting point — man. Monograph*. Dnipro, LYRA, 2017. 172 p. (In Russ.)
29. Shcherbakova A. I. Philosophy of music and music education — the space of spiritual education. *Psychology and pedagogy: methodology and problems of practical application*, 2010, no. 11-1, pp. 22—26. (In Russ.)
30. Rapatskaya L. A. Spirituality as a category of musical art and education. *Musical Art and Education*, 2020, vol. 8, no. 2, pp. 34—53. (In Russ.)
31. Medushevskiy V. V. *Spiritual analysis of music*. Moscow, Kompozitor, 2014. 630 p. (In Russ.)
32. Kholopova V. The concept of music. *Music Academy*, 2003, no. 4, pp. 1—18. (In Russ.)
33. Shamaeva R. M. *Creativity in musical culture. Monograph*. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts, 2010. 171 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Лаво Р. С., Морозов С. А. Содержание предмета философии музыки в институте культуры // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 322—327. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.364.

For citation: Lavo R. S., Morozov S. A. Content of the subject of philosophy of music at the institute of culture. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 322—327. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.364.

УДК 378
ББК 74.04:26.23

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.358

Lomakin Oleg Evgenevich,
Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences,
Rector of Institute for Advanced Training
of Executives and Specialists,
Russian Federation, Balashikha,
e-mail: rector@ipkmeteo.ru

Ломакин Олег Евгеньевич,
д-р экон. наук, канд. техн. наук,
ректор Института повышения квалификации
руководящих работников и специалистов,
Российская Федерация, г. Балашиха,
e-mail: rector@ipkmeteo.ru

Tebekin Aleksey Vasilevich,
Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics,
Professor of the Department of Management,
Moscow State Institute
of International Relations (MGIMO University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Russian Federation, Odintsovo,
e-mail: Tebekin@gmail.com

Тебекин Алексей Васильевич,
д-р техн. наук, д-р экон. наук,
профессор кафедры менеджмента,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Российская Федерация, г. Одинцово,
e-mail: Tebekin@gmail.com

ПЕРЕХОД СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРУКТУРЕ РОСГИДРОМЕТА К СОПРЯЖЕННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

TRANSITION OF THE SYSTEM OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION IN THE STRUCTURE OF ROSGIDROMET TO A COUPLED DEVELOPMENT MODEL

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methods of vocational education

Рассмотрены глобальные проблемы современного развития земной цивилизации, в которых увеличилась доля проблем изменения климата, включая: катастрофическое загрязнение окружающей среды, в том числе загрязнение атмосферы; снижение биоразнообразия; результаты иррационального использования ресурсов Мирового океана, включая загрязнение морей и океанов; глобальное потепление; расширение озоновых дыр; усиление опасностей, связанных с парниковым эффектом, и др. Проанализировано текущее состояние и тенденции развития дополнительного профессионального образования в системе Росгидромета, осуществляемого на базе ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов» как единственного института дополнительного профессионального образования в структуре Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, включая анализ программ ДПО, реализуемых ФГБОУ ДПО ИПК в пропорции с распределением специалистов Росгидромета по направлениям деятельности. Исходя из текущего состояния процессов повышения квалификации и профессиональной переподготовки сотрудников Росгидромета, обоснован переход системы подготовки кадров Росгидромета в современных условиях с учетом изменения климата, отражающегося на задачах гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды, от модели тянущей (вытягивающей) схемы развития — модели «рыночного притяжения» G2, экономически оправданной в кризисных экономических условиях, — к «сопряженной» модели G3, демонстрирующей встречное движение достижений науки и практики, целесообразной для использования в условиях выхода из кризиса и позволяющей повысить скорость реализации актуальных запросов Росгидромета, адекватных скорости изменения климата на Земле, с одной стороны,

и высокой динамике рыночных процессов появления новых технологий — с другой.

The article considers the global problems of the modern earth's civilization in which the share of climate change problems has increased. These include: catastrophic environmental pollution, including atmospheric pollution; decline in biodiversity; the results of the irrational use of the resources of the oceans, including pollution of the seas and oceans; the problem of global warming; expansion of ozone holes; increased hazards associated with the greenhouse effect, etc. The current state and trends in the development of additional professional education in the Rosgidromet system, carried out on the basis of the Institute for Advanced Training of Executives and Specialists as the only institute of additional professional education in the structure of the Federal Service for Hydrometeorology and environmental monitoring, including the analysis of the programs for additional professional education implemented by the Institute in proportion to the distribution of Rosgidromet specialists by areas of activity were analyzed. Based on the current state of the processes in advanced training and professional retraining of Rosgidromet employees, the transition of the personnel training system of Rosgidromet in modern conditions, taking into account climate change affecting the tasks of hydrometeorology and environmental monitoring, is justified from the model of a pulling development scheme — the G2 “market attraction” model — which is effective in crisis economic conditions, to the G3 “coupled” model, which demonstrates the counter movement of scientific and practical achievements, and which is expedient for use in overcoming the crisis, and allowing to increase the speed of implementation of the urgent requests of Rosgidromet, adequate to the rate of climate change on Earth, on the one hand, and the high dynamics of market processes for the emergence of new technologies, on the other hand.

Ключевые слова: система, дополнительное профессиональное образование, Росгидромет, программы ДПО, процессы развития, цивилизация, природа, климатические изменения, тянущая модель, сопряженная модель.

Keywords: system, additional professional education, Rosgidromet, programs for additional professional education, development processes, civilization, nature, climate change, pulling model, coupled model.

Введение

Актуальность. Выделяемые ООН глобальные проблемы современности — глобального потепления, продовольственной безопасности, сокращения запасов пресной воды, загрязнения окружающей среды и др. — расширяют спектр необходимых исследований состояния и динамики изменений гидросферы и атмосферы Земли, а также мониторинга окружающей среды. В этой связи расширяется диапазон задач специалистов службы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды. Одновременно происходит смещение центра внимания с текущего анализа и прогноза состояния окружающей среды в сторону глубинного, фундаментального анализа происходящих в этой среде изменений, в том числе носящих необратимый характер. Отмеченные изменения кардинально трансформируют процессы социально-экономического развития общества, начиная от проблем мирового хозяйства и заканчивая условиями жизнедеятельности конкретного человека. Не меньшую тревогу вызывают проблемы развития флоры и фауны.

Изученность проблемы. Указанные обстоятельства вызывают необходимость радикальным образом изменить систему подготовки кадров для службы гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды. Но в системе ДПО Росгидромета, так же как и в мировой практике, этот вопрос остается недостаточно изученным в силу множественного характера влияния факторов климатических изменений.

Научная новизна исследования заключается в обосновании целесообразности перехода подготовки кадров в системе ДПО Росгидромета от модели «рыночного притяжения» к «сопряженной» модели развития.

Цель и задачи исследований. Целью представленных исследований является формирование на основе решения задач анализа проблем гидрометеорологии мониторинга окружающей среды и анализа текущего состояния дополнительного профессионального образования в системе Росгидромета предложений по его развитию с учетом комплекса факторов изменения климата на планете и адекватного изменения задач Росгидромета.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении спектра применения моделей осуществления инновационных процессов в системе ДПО. **Практическая значимость** работы состоит в разработке предложений по совершенствованию системы ДПО Росгидромета.

Методическую базу исследований составили известные научные труды по проблемам гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды таких авторов, как Израэль Ю. А. [1], Кислов А. В. [2], Михайлов В. Н. [3], Михеев В. Л. [4], Семенов С. М. [5] и др., а также Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом изменения климата) [6].

Методическую базу исследований составили также авторские наработки по проблемам адаптации хозяйственной деятельности к изменяющимся климатическим условиям, получившие отражение в трудах [7—9].

Основная часть

Глобальные проблемы современного развития Земли, представляющие собой совокупность социально-природных проблем планетарного масштаба и затрагивающие интересы всех населяющих ее народов, в современных условиях приобретают краеугольный характер, поскольку от решения этих проблем зависит не только экономический и социальный прогресс человечества, но и сохранение цивилизации в целом. При этом глобальные проблемы современного развития Земли как объективные факторы развития общества, охватывающие все стороны жизни людей во всех странах мира на всех континентах и, следовательно, требующие для их успешного решения объединения усилий всего человечества, в современных условиях носят все более динамичный характер.

Среди глобальных проблем развития человечества выделяются две ключевые тенденции, одна из которых является следствием противостояния процессов развития человеческой цивилизации и процессов естественного развития природы (рис. 1), а вторая является комплексом противоречий в направлениях развития человеческой культуры (рис. 2).

Среди составляющих, характеризующих противостояние процессов развития человеческой цивилизации и процессов естественного развития природы как ключевой тенденции глобальных проблем развития человечества (см. рис. 1), большинство лежит в компетенции национальных служб гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды.

Указанные обстоятельства требуют решения указанными службами целого комплекса научных, практических и образовательных задач.

В этой связи рассмотрим задачи дополнительного профессионального образования в системе Росгидромета, реализуемые ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов» (далее — ИПК) Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

В качестве отправной точки в данном исследовании рассмотрим кадровый состав Росгидромета, общая характеристика которого на 2019—2020 гг. представлена в табл. 1.

Рис. 1. Противостояние процессов развития человеческой цивилизации и процессов естественного развития природы как ключевая тенденция глобальных проблем развития человечества

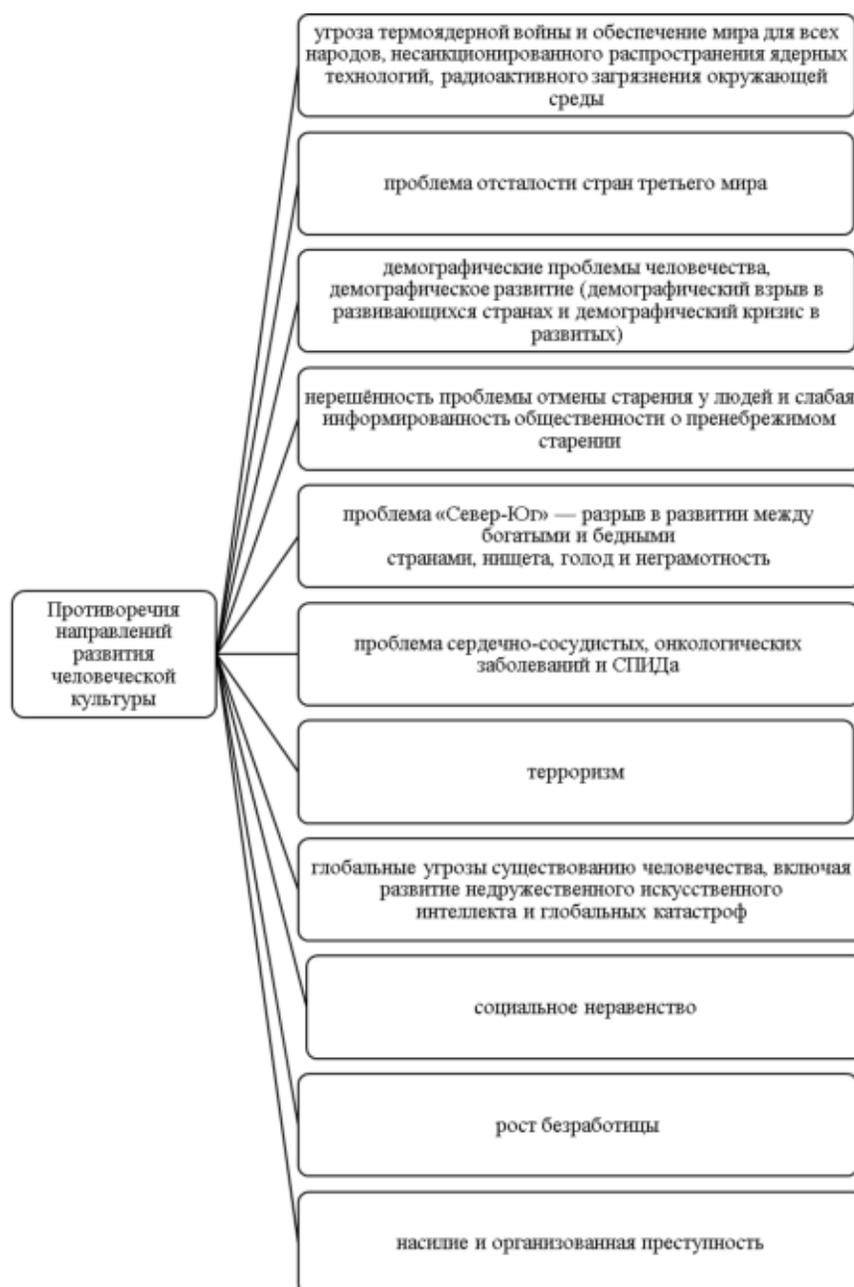

Рис. 2. Противоречия направлений развития человеческой культуры как ключевая тенденция глобальных проблем развития человечества

Таблица 1

Общая характеристика кадрового состава Росгидромета на 2019—2020 гг.

Кадровый состав	2019 г.	2020 г.
1. Численность работающих в службе, чел.	31 380	36 000
2. Укомплектованность штатных расписаний в среднем составила, %	84,6	82
3. Средний возраст работников по учреждениям Росгидромета, лет	51	48
4. Доля работающих в учреждениях Росгидромета дипломированных специалистов с высшим и средним специальным образованием, в том числе и непрофильным, %	73	76
5. В учреждениях Росгидромета работают докторов /кандидатов наук, чел.	1 402	714
6. Количество аспирантов в НИУ, чел.	41	38
7. Количество слушателей ИПК, чел.	2 090	2 160
8. Доля работников службы, которые прошли обучение в ИПК, к общему количеству специалистов, %	9,1	9,3
9. Количество студентов вузов и техникумов, которые прошли учебно-производственную и преддипломную практику в учреждениях Росгидромета, чел.	750	748

При этом обращает на себя внимание тот факт, что неуклюжесть кадрового состава Росгидромета в 2020 г. по сравнению с 2019 г. выросла 2,6 % и составляет 18 % от штатной численности учреждений Росгидромета, что накладывает дополнительную нагрузку на действующих сотрудников, с одной стороны, и на систему дополнительного профессионального образования Росгидромета — с другой, что и демонстрирует динамика количества слушателей ФГБОУ ДПО ИПК в период 2018—2021 гг. (рис. 3).

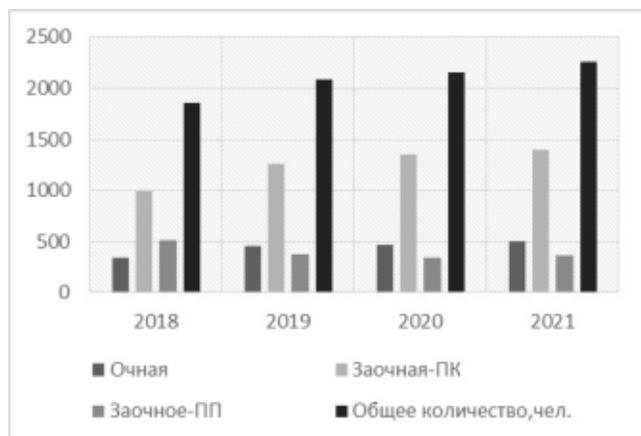

Рис. 3. Динамика количества слушателей ФГБОУ ДПО ИПК в период 2018—2021 гг.

Распределение специалистов Росгидромета по направлениям деятельности представлено на рис. 4.

Доли работающих в Росгидромете специалистов различного уровня подготовки приведены на рис. 5.

Вакансии в подразделениях учреждений гидрометеослужбы (не хватает около 6000 специалистов 18%)

- Метеорологи 34
- Информации и связи 23
- Гидрологи 19
- Специалисты по мониторингу окружающей среды 14
- Агрометеорологи 12
- Инженеры по эксплуатации гидрометеорологических приборов 10

Рис. 4. Распределение специалистов Росгидромета по направлениям деятельности по состоянию на 2020 г.

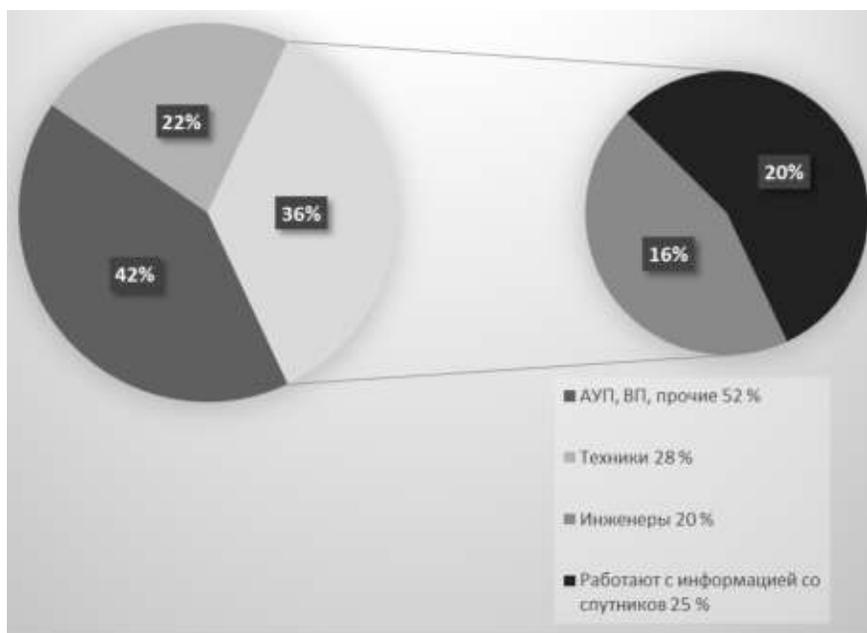

Рис. 5. Доли работающих в Росгидромете специалистов различного уровня подготовки по состоянию на 2020 г.

Программы ДПО, реализуемые ФГБОУ ДПО ИПК (рис. 6), находятся в прямой пропорции с распределением специалистов Росгидромета по направлениям деятельности (см. рис. 4).

Тематика программ ДПО, реализуемых ФГБОУ ДПО ИПК совместно с научно-исследовательскими учреждениями Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, представлена в табл. 2.

Общее количество программ - 180

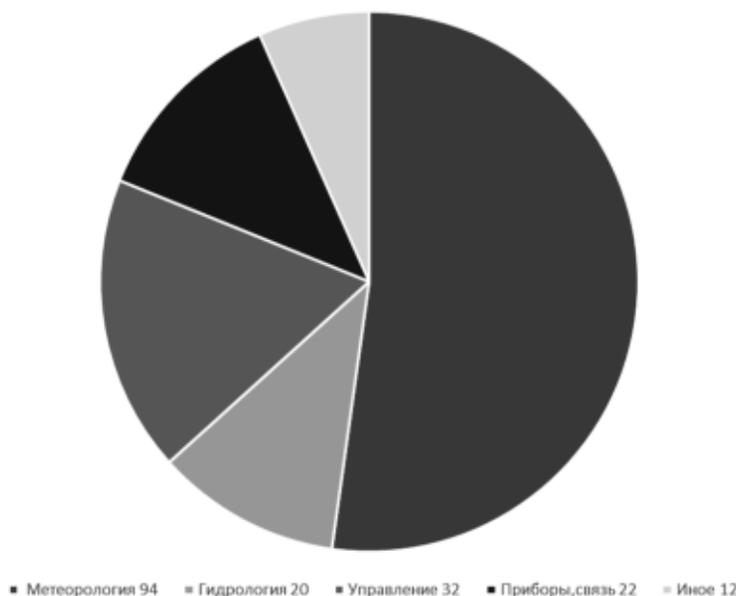

Рис. 6. Программы ДПО, реализуемые ФГБОУ ДПО ИПК

Таблица 2

Тематика программ ДПО, реализуемых ФГБОУ ДПО ИПК совместно с научно-исследовательскими учреждениями Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды

Направление	НИУ
1. Гидрометеорологические прогнозы различной заблаговременности, обеспечение потребителей гидрометеорологической информацией	Гидрометцентр России, ВНИИСХМ, ГАМЦ, Авиаметтелеком
2. Мониторинг окружающей среды	ГГО, ГХИ, ГГИ, ИГКЭ НПО «Тайфун», ГОИН, Гидрометцентр России
3. Общая и прикладная климатология, теория климата	ГГИ, ВНИИГМИ-МЦД, ИГКЭ
4. Изучение состояния поверхностных вод	ГГИ, ГОИН, ВНИИГМИ-МЦД
5. Изучение закономерностей, протекающих в океанах и морях	ГОИН
6. Методы и технологические средства радиозондирования атмосферы	ЦАО
7. Активные воздействия	ЦАО, ВГИ
8. Дистанционное зондирование атмосферы и подстилающей поверхности Земли	НИЦ «Планета»
9. Агрометеорологическое измерение	ВНИИСХМ
10. Построение и функционирование метеорологических наблюдательных сетей	ГГО, ВНИИГМИ-МЦД
11. Мониторинг озонового слоя Земли	ГГО, ЦАО
12. Информационные и телекоммуникационные технологии	ГВЦ, Авиаметтелеком

Схема организации системы ДПО на базе ФГБОУ ДПО ИПК, реализуемая в настоящее время, приведена на рис. 7.

Как следует из рис. 7, организации системы ДПО в структуре Росгидромета в настоящее время проводится по так называемой тянущей (вытягивающей) схеме развития (создания продукции), известной также как модель «рыночного притяжения» G2 [10] (рис. 8).

Основные характеристики вытягивающей схемы создания продукции [11] имеют ряд достоинств и недостатков.

Среди основных достоинств вытягивающей схемы создания продукции следует выделить:

1) четкую привязанность к рыночным потребностям (программы ДПО разрабатываются ФГБОУ ДПО ИПК в четком соответствии с заявками учреждений Росгидромета (см. рис. 7);

2) вытягивающая схема создания продукции является наиболее экономически рациональной, что особенно важно в условиях текущего мирового экономического кризиса, прогнозируемого в России еще на несколько лет [12].

Среди основных недостатков вытягивающей схемы создания продукции следует выделить:

1) ориентацию вытягивающей схемы создания продукции исключительно на рутинные технологии, что целесообразно только в случае стабильности технологий и условий их использования на протяжении длительного периода времени [13];

2) исключение вытягивающей схемы создания продукции из рассмотрения большинства инновационных продуктов (в данном случае инновационных образовательных продуктов);

3) использование вытягивающей схемы создания продукции всегда сопряжено с инерционностью выполнения рыночных запросов, что особенно ощутимо при высокой динамике рыночных процессов [11].

Именно последняя из перечисленных проблем нашла объективное отражение в уровне и динамике актуализации образовательных программ Росгидромета (рис. 9).

Для того чтобы повысить эффективность системы подготовки кадров Росгидромета в современных условиях с учетом изменения климата, отражающегося на задачах гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды, необходимо осуществить переход от модели «рыночного притяжения» G2 (см. рис. 8) к «сопряженной» модели G3 [11], демонстрирующей встречное движение достижений науки и практики (рис. 10).

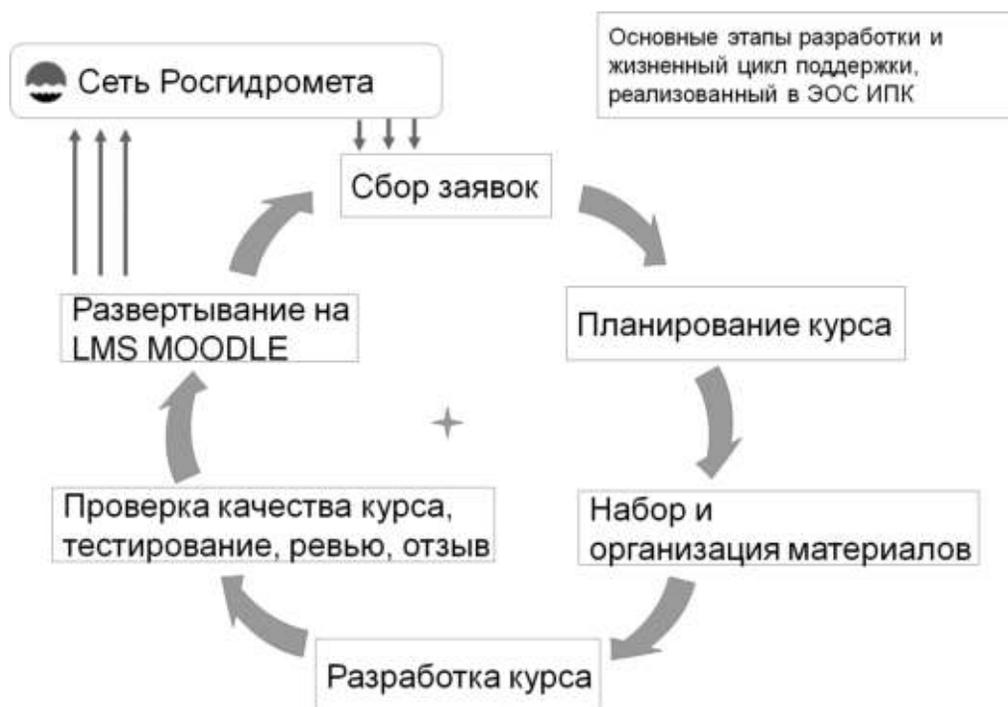

Рис. 7. Схема организации системы ДПО на базе ФГБОУ ДПО ИПК, реализуемая в настоящее время

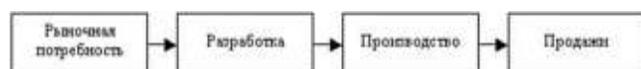

Рис. 8. Модель «рыночного притяжения» G2

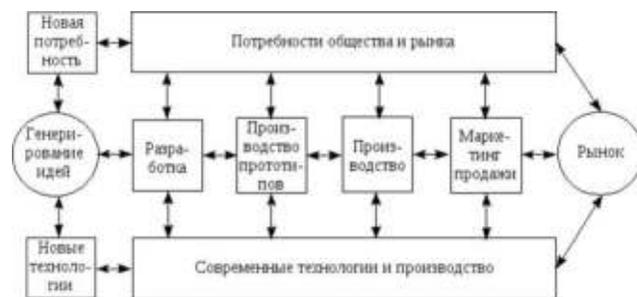

Рис. 10. Схема «сопряженной» модели G3 создания продукции [11]

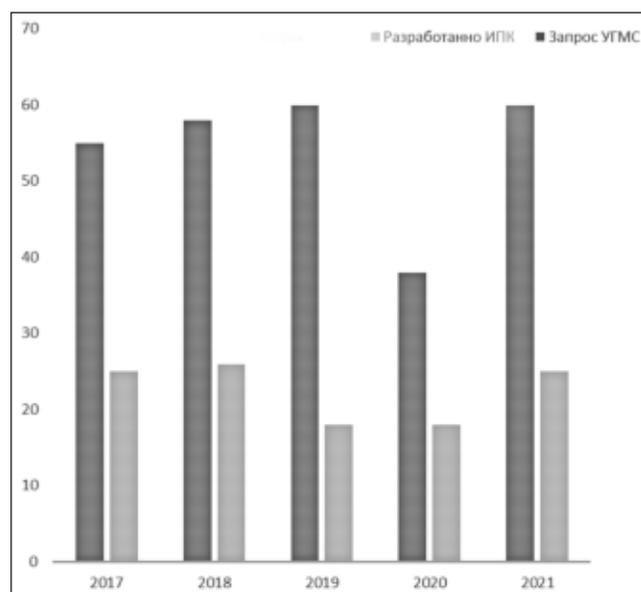

Рис. 9. Уровень и динамика актуализации образовательных программ, осуществляемой ФГБОУ ДПО ИПК совместно с научно-исследовательскими учреждениями Федеральной службы по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды

Обсуждение результатов и выводы

Таким образом, переход системы подготовки кадров Росгидромета в современных условиях с учетом изменения климата, отражающегося на задачах гидрометеорологии и мониторинга окружающей среды, от модели «рыночного притяжения» G2 к «сопряженной» модели G3, демонстрирующей встречное движение достижений науки и практики, позволит:

- создавать образовательную продукцию не только на стабильных, но и на изменчивых технологиях;
- обеспечить оптимизацию образовательных процессов за счет рассмотрения при отборе широкого спектра инновационных образовательных продуктов, решая проблему интеграции производства, науки и образования [14, 15];
- повысить скорость реализации актуальных запросов Росгидромета, адекватных скорости изменения климата, с одной стороны, и высокой динамике рыночных процессов появления новых технологий — с другой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. Т. XX / Под ред. А. А. Израэля, С. М. Семенова, В. А. Абакумова, Г. Э. Инсарова, В. В. Ясюкевича. СПб. : Гидрометеоздат, 2005. 318 с.
2. Кислов А. В., Суркова Г. В. Климатология. М. : ИНФРА-М, 2017. 324 с.
3. Михайлов В. Н., Добролюбов С. А. Гидрология. М. — Берлин : Директ-Медиа, 2017. 752 с.
4. Современные проблемы гидрометеорологии и устойчивого развития Российской Федерации : сб. тез. конф. г. Санкт-Петербург, 14—15 марта 2019 г. / Под ред. В. Л. Михеева, И. И. Мушкет, А. А. Ершовой, А. А. Фокичевой. СПб., 2019. 890 с.
5. Семенов С. М. Парниковые газы и современный климат Земли. М. : Метеорология и гидрология, 2004. 175 с.
6. Стратегия деятельности в области гидрометеорологии и смежных с ней областях на период до 2030 года (с учетом изменения климата). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104635.
7. Переверткин В. И., Тебекин А. В. Принципы формирования инновационно-инвестиционной стратегии жилищно-гражданского и коммунального строительства в условиях Крайнего Севера // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2016. № 3. С. 47—51.
8. Тебекин А. В. Логистика и сельское хозяйство в Арктике: проблемы и перспективы // *Журнал естественнонаучных исследований*. 2018. Т. 3. № 3. С. 58—64.
9. Тебекин А. В. Развитие логистики в северных и арктических регионах // *Журнал исследований по управлению*. 2018. Т. 4. № 10. С. 55—63.
10. Тебекина А. А., Тебекин А. В. Эволюция развития моделей инновационного процесса // *Вестник Моск. ун-та им. С. Ю. Витте. Сер. 1. Экономика и управление*. 2015. № 3(14). С. 15—20.
11. Тебекин А. В. *Инновационный менеджмент : учеб. для бакалавров*. М., 2020. 481 с.
12. Егорова А. А., Тебекин А. В., Тебекин П. А. Выбор подхода к формированию стратегии, обеспечивающей выход из глобального социально-экономического кризиса 2020 года // *Теоретическая экономика*. 2020. № 5(65). С. 44—67.
13. Тебекин А. В. *Стратегический менеджмент : учеб. М.*, 2020. 333 с.
14. Ломакин О. Е., Тебекин А. В. Концепция инновационного развития непрерывного образования // *Транспортное дело России*. 2014. № 3. С. 20—23.
15. Тебекин А. В. Проблемы интеграции производства, науки и образования в современных условиях // *Журнал педагогических исследований*. 2020. Т. 5. № 1. С. 23—39.

REFERENCES

1. *Problems of ecological monitoring and modeling of ecosystems*. Vol. XX / Ed. by A. A. Izrael, S. M. Semenov, V. A. Abakumov, G. E. Insarov, V. V. Yasyukevich. Saint-Petersburg, Gidrometeoizdat, 2005. 318 p. (In Russ.)
2. Kisllov A. V., Surkova G. V. *Climatology*. Moscow, Infra-M, 2017. 324 p. (In Russ.)
3. Mikhailov V. N., Dobrolyubov S. A. *Hydrology*. Moscow, Berlin, Direct-Media, 2017. 752 p. (In Russ.)
4. *Modern Problems of Hydrometeorology and Sustainable Development of the Russian Federation. Theses of the Conference, St. Petersburg, March 14—15, 2019*. Ed. by V. L. Mikheev, I. I. Mushket, A. A. Ershova, A. A. Fokicheva. Saint Petersburg, 2019. 890 p. (In Russ.)
5. Semenov S. M. *Greenhouse gases and the modern climate of the Earth*. Moscow, Meteorologiya i gidrologiya, 2004. 175 p. (In Russ.)
6. *Strategy of activities in the field of hydrometeorology and related fields for the period up to 2030 (taking into account climate change)*. (In Russ.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104635.
7. Perevertkin V. I., Tebekin A. V. Principles of the formation of an innovative and investment strategy for housing, civil and communal construction in the Far North. *Innovative economy: information, analytics, forecasts*, 2016, no. 3, pp. 47—51. (In Russ.)
8. Tebekin A. V. Logistics and Agriculture in the Arctic: Problems and Prospects. *Journal of Natural Science Research*, 2018, vol. 3, no. 3, pp. 58—64. (In Russ.)
9. Tebekin A. V. Development of logistics in the northern and arctic regions. *Journal of Management Research*, 2018, vol. 4, no. 10, pp. 55—63. (In Russ.)
10. Tebekina A. A., Tebekin A. V. Evolution of development of models of the innovation process. *Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management*, 2015, no. 3(14), pp. 15—20. (In Russ.)
11. Tebekin A. V. *Innovation management. Textbook for bachelors*. Moscow, 2020. 481 p. (In Russ.)
12. Egorova A. A., Tebekin A. V., Tebekin P. A. Choosing an approach to the formation of a strategy that provides a way out of the global socio-economic crisis in 2020. *Theoretical Economics*, 2020, no. 5(65), pp. 44—67. (In Russ.)
13. Tebekin A. V. *Strategic management. Textbook*. Moscow, 2020. 333 p. (In Russ.)
14. Lomakin O. E., Tebekin A. V. The concept of innovative development of lifelong education. *Transport business in Russia*, 2014, no. 3, pp. 20—23. (In Russ.)
15. Tebekin A. V. Problems of the integration of production, science and education in modern conditions. *Journal of Pedagogical Research*, 2020, vol. 5, no. 1, pp. 23—39. (In Russ.)

Как цитировать статью: Ломакин О. Е., Тебекин А. В. Переход системы дополнительного профессионального образования в структуре Росгидромета к сопряженной модели развития // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 328—335. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.358.

For citation: Lomakin O. E., Tebekin A. V. Transition of the system of additional professional education in the structure of Rosgidromet to a coupled development model. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 328—335. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.358.

УДК 37.022
ББК 74.00

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.314

Orlova Lyudmila Nikolaevna,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Fundamentals of Life Safety
and Methods of Teaching Biology,
Omsk State Pedagogical University,
Russian Federation, Omsk,
e-mail: mila.orlova.52@mail.ru

Орлова Людмила Николаевна,
д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой основ безопасности жизнедеятельности
и методики обучения биологии,
Омский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, г. Омск,
e-mail: mila.orlova.52@mail.ru

Izhoykina Lyudmila Viktorovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Fundamentals
of Life Safety and Methods of Teaching Biology,
Omsk State Pedagogical University,
Russian Federation, Omsk,
e-mail: luizh2016@mail.ru

Ижойкина Людмила Викторовна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры основ безопасности жизнедеятельности
и методики обучения биологии,
Омский государственный педагогический университет,
Российская Федерация, г. Омск,
e-mail: luizh2016@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

PROBLEMS OF FORMING A CULTURE OF LIFE SAFETY IN HIGHER EDUCATION STUDENTS

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям)
13.00.02 — Theory and methodology of teaching and upbringing (by region)

Статья посвящена проблемам профессиональной подготовки будущих учителей в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности. Авторами представлены основные компоненты формирования культуры безопасности жизнедеятельности студентов: цели, содержание, критерии оценки, условия и результаты. Отражены функции управления и воспитания в области безопасности: диагностическая, планирующая, организационная, стимулирующая и корректирующая. Описаны основные направления воспитательной работы со студентами, способствующие формированию культуры безопасности жизнедеятельности. Обоснована необходимость разработки и реализации программы воспитания студентов в области культуры безопасности жизнедеятельности в каждом образовательном учреждении. Отмечена важность системы работы в данном направлении и комплексного подхода к организации. Предложены методические рекомендации к разработке программы воспитания культуры безопасности студентов в образовательном учреждении: цели, задачи и функции. Особое внимание авторами уделено критериям оценки уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности. К критериям были отнесены: мотивация, знания, навыки, творческий подход и самоконтроль. Уровнями сформированности культуры безопасности жизнедеятельности являются: недопустимый, критический, допустимый, оптимальный. Авторами разработана и реализована модель подготовки студентов к профессиональной и безопасной жизнедеятельности средствами педагогической практики. Выявлены факторы, отрицательно влияющие на формирование культуры безопасности жизнедеятельности у студентов в современном социуме. В ходе проведения опытно-экспериментальной работы реализована структурно-функциональная

модель мониторинга качества подготовки выпускников. Приведен анализ мониторинга уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности у студентов. В качестве примера рассматриваются результаты уровня сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни студентов как одному из значимых компонентов культуры безопасности жизнедеятельности.

The article is devoted to the problems of professional training of future teachers in the field of forming a culture of life safety. The authors present the main components of the formation of the culture of safety of students' life: goals, content, evaluation criteria, conditions and results. The functions of management and education in the field of safety are reflected: diagnostic, planning, organizational, stimulating and corrective. The main directions of educational work with students contributing to the formation of the culture of life safety are described. The necessity of developing and implementing a program for educating students in the field of life safety in each educational institution is justified. The importance of the system of work in this direction and an integrated approach to the organization is noted. Methodological recommendations for the development of a program for the education of a safety culture of students in an educational institution are proposed: goals, objectives and functions. The authors pay special attention to the criteria for assessing the level of formation of the culture of life safety. These criteria include: motivation, knowledge, skills, creativity and self-control. The levels of formation of the culture of life safety are: unacceptable, critical, acceptable, optimal. The authors developed and implemented a model of preparing students for professional and safe life by means of pedagogical practice. The factors that negatively affect the formation of the culture of life safety among students

in modern society are identified. In the course of the experimental work, a structural and functional model for monitoring the quality of graduate training was implemented. The analysis of monitoring of the level of formation of the culture of life safety among students is given. As an example, the results of the level of formation of the value attitude to the health and healthy lifestyle of students, as one of significant components of the culture of life safety, are considered.

Ключевые слова: социум, педагогическая практика, воспитание, воспитательная работа, компоненты воспитания, модель, структурно-функциональная модель, профессиональная подготовка, культура безопасности жизнедеятельности, уровни культуры безопасности, поликультурная среда, компетентность, профессионально-педагогическая деятельность.

Keywords: society, pedagogical practice, education, educational work, components of education, model, structural and functional model, professional training, culture of life safety, levels of safety culture, multicultural environment, competence, professional and pedagogical activity.

Введение

Актуальность. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности является приоритетной задачей современной системы образования и развития обеспечения безопасности образовательного пространства. Федеральные государственные образовательные стандарты актуализировали проблему формирования у обучающихся культуры безопасного поведения. В числе восьми универсальных компетенций ФГОС ВО 3++ восьмой является УК-8: «способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций» [1].

Воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности способствуют такие учебные дисциплины, как: «Безопасность жизнедеятельности», «Основы медицинских знаний», «Здоровый образ жизни», «Медицина катастроф», «Психологическое поведение в чрезвычайных ситуациях» и др.

Сегодня понятие «безопасность» относится ко всем сферам деятельности, и поэтому наука «Безопасность жизнедеятельности» является фундаментальной для многих учебных дисциплин. К сожалению, на практике приходится сталкиваться с занижением значимости этой области знания в общепрофессиональной подготовке студентов [2].

Уровень знаний и подготовки человека в области безопасности, как считают специалисты МЧС, является одним из основных факторов предотвращения возникновения опасных и чрезвычайных ситуаций, а также сведения к минимуму их негативных последствий [3]. Согласно большинству исследований, мало формировать у людей знания и способности в области безопасности жизнедеятельности — необходимо способствовать сохранению и развитию традиций и норм безопасного поведения [4]. Без соответствующей физической и психологической устойчивости человека его знания и умения будут неэффективны. Одним из наиболее эффективных путей достижения вышеуказанного является формирование культуры безопасности жизнедеятельности че-

ловека и общества в целом как основы существования современной развитой цивилизации [5]. В этой связи необходимо воспитать у студентов осознанное отношение к личной безопасности, развить психологические и духовно-нравственные качества, а также овладение нормами безопасного поведения и ведения здорового образа жизни [6].

Изученность проблемы. Проблема формирования культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся рассмотрена в следующих исследованиях:

- ценностные основы профессионального самоопределения (В. Н. Мошкин) [7];

- научно-методическая поддержка профориентации и профессиональной подготовки в системе «Школа — вуз» (Е. А. Ямбург) [8];

- влияние социокультурных факторов на формирование культуры безопасности жизнедеятельности (С. В. Абрамова) [9];

- определение уровня профессиональной подготовки в области безопасности жизнедеятельности и ее оценки (Г. М. Суворова, В. Д. Горичева) [10].

Целесообразность разработки темы. Данное исследование направлено на повышение эффективности воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у студентов высшей школы через организацию целенаправленной и систематической деятельности.

Цель исследования — теоретико-методологическое обоснование, разработка и реализация программы воспитания по формированию культуры безопасности жизнедеятельности у студентов педагогического вуза.

Цель, объект и предмет исследования позволили сформулировать **гипотезу** как предположение о том, что уровень сформированности культуры безопасности жизнедеятельности у студентов возрастет, если:

- образовательный процесс педагогического вуза ориентирован на реализацию задач, актуализирующих субъективную позицию по формированию культуры безопасности;

- выявлены затруднения студентов в формировании культуры безопасности и организовано педагогическое сопровождение преодоления этих затруднений;

- реализованы педагогические условия и программа формирования культуры безопасности;

- организация всех видов практики будет рассматриваться как процесс формирования культуры безопасности у студентов;

- реализуется мониторинг уровня формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов в образовательном процессе педагогического вуза.

В соответствии с целью и гипотезой исследования были сформулированы следующие **задачи** исследования:

1. Выявить компоненты, содержание и функции воспитания культуры безопасности жизнедеятельности у студентов в условиях их профессионально-педагогической деятельности.

2. Определить структуру и содержание педагогической практики в воспитании у студентов культуры безопасности жизнедеятельности.

3. Разработать модель подготовки студентов к профессиональной и безопасной жизнедеятельности средствами педагогической практики.

4. Разработать структурно-функциональную модель мониторинга качества подготовки молодых специалистов

в области воспитания культуры безопасности жизнедеятельности.

5. Осуществить экспериментальную проверку модели мониторинга качества подготовки молодых специалистов в области культуры безопасности жизнедеятельности.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- разработана модель подготовки студентов к профессиональной и безопасной жизнедеятельности средствами педагогической практики, в основе которой лежит идея формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов, обеспечивающая их осознанное отношение к личной безопасности, духовно-нравственное развитие и овладение нормами безопасного поведения;

- разработана методика формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов, включающая ориентировочный, познавательный-деятельностный, моделирующий и рефлексивный этапы;

- с целью изучения и анализа эффективности образовательного процесса в области безопасности жизнедеятельности разработана структурно-функциональная модель мониторинга качества подготовки выпускников в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности;

- обоснованы целесообразность и возможности реализации программы воспитания по формированию культуры безопасности у студентов педагогического вуза.

Теоретическая значимость исследования состоит в следующем:

- расширены теоретические представления об особенностях подготовки педагогических кадров в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности;

- обосновано содержание программы воспитания у студентов культуры безопасности жизнедеятельности и здорового образа жизни;

- разработан критериально-оценочный аппарат для анализа и оценки уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности.

Практическая значимость исследования состоит в реализации полученных результатов практики воспитания культуры безопасности жизнедеятельности и здорового образа жизни. Разработаны проблемные лекции, беседы, психологические тренинги, реализация проектной деятельности в области формирования культуры безопасности жизнедеятельности. Результаты исследования уровня культуры безопасности жизнедеятельности дали возможность обогатить содержание профессиональной подготовки обучающихся высшей школы.

Основная часть

Считаем, что программа воспитательной работы, реализуемая в каждом образовательном учреждении, должна включать такое направление, как воспитание обучающихся, готовых к безопасности жизнедеятельности, и включать следующие задачи:

- внедрение технологий обучения вопросам безопасности в социуме и образовательной организации;

- пропаганда безопасного и здорового образа жизни среди обучающихся;

- создание безопасной и здоровьесберегающей среды в образовательном учреждении;

- создание условий для активного отдыха студентов [11].

При организации совместной деятельности студентов и преподавателей должны реализовываться основные компоненты воспитания культуры безопасности жизнедеятельности:

- цели воспитания (воспитание культуры безопасности жизнедеятельности);

- содержание воспитания (личность обучающегося, виды деятельности);

- критерии оценки (эталон безопасного поведения);

- условия (обстоятельства), влияющие на формирование культуры безопасности;

- результаты воспитания, готовность студентов к безопасной жизнедеятельности [12].

В программе должны быть отражены функции управления и воспитания культуры безопасности:

- диагностика (оценка готовности) к опасным факторам жизнедеятельности;

- планирование (постановка цели, отбор содержания и средств по овладению культурой безопасности);

- стимулирование (самосовершенствование) безопасной жизнедеятельности;

- организация (деятельность в опасных ситуациях);

- коррекция, преодоление привычек, препятствующих безопасной жизнедеятельности [13].

Методология. Особое внимание должно уделяться критериям оценки культуры безопасности жизнедеятельности [14]. К критериям мы отнесли: мотивацию, знания, навыки, творческий подход и уровень самоконтроля. К уровням культуры безопасности жизнедеятельности относим: недопустимый, критический, допустимый, оптимальный. Воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности, кроме цикла специальных дисциплин, необходимо уделять внимание на всех видах практик, включая и педагогическую практику (рис. 1).

С целью изучения и анализа эффективности образовательного процесса в области безопасности жизнедеятельности была разработана структурно-функциональная модель мониторинга качества обучения (рис. 2).

Представленная структурно-функциональная модель мониторинга качества обучения была реализована в ходе педагогического эксперимента со студентами 1-го курса профиля «География и безопасность жизнедеятельности». На констатирующем и формирующем этапах определялись различные уровни сформированности компонентов культуры безопасности жизнедеятельности. В табл. представлены результаты уровней сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни студентов.

Уровни сформированности ценностного отношения к здоровью и здоровому образу жизни студентов

Показатели	Экспериментальная группа		Контрольная группа	
	До эксперимента, %	После эксперимента, %	До эксперимента, %	После эксперимента, %
Высокий	20	48	2	10
Средний	37	40	54	62
Низкий	53	12	44	28

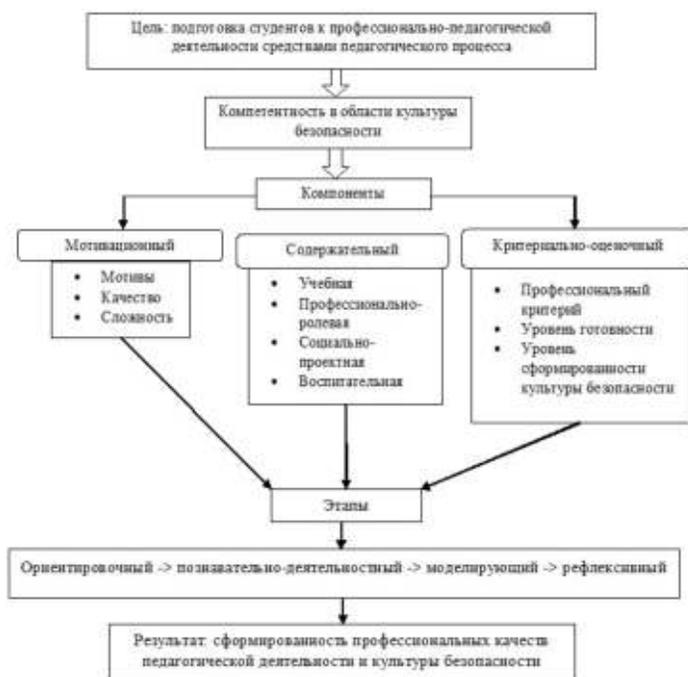

Рис. 1. Модель подготовки студентов к профессиональной деятельности средствами педагогической практики

Рис. 2. Структурно-функциональная модель мониторинга качества подготовки студентов

Результаты. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в экспериментальной группе преобладает высокий уровень сформированности данного компонента.

На рис. 3 отражен анализ результатов сформированности уровня культуры безопасности жизнедеятельности

студентов. Сравнительный анализ данных свидетельствует о том, что в процессе педагогического эксперимента более высокий уровень культуры безопасности жизнедеятельности наблюдался в экспериментальной группе.

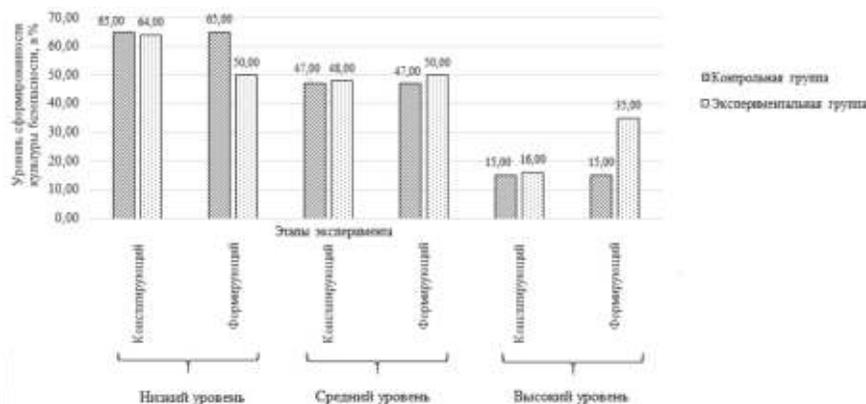

Рис. 3. Динамика уровня сформированности культуры безопасности жизнедеятельности студентов

Заключение

Культура безопасности жизнедеятельности должна рассматриваться как целостное, многоуровневое и многокомпонентное образование, определяющее социальную позицию обучающихся в условиях чрезвычайных ситуаций [15]. К компонентам воспитания у студентов культуры безопасности жизнедеятельности в условиях их профессионально-педагогической деятельности относят: цели, содержание, условия, критерии и результаты.

Особое внимание воспитанию культуры безопасности жизнедеятельности студентов необходимо уделять при организации производственной педагогической практики. Структура и содержание практики по профилю подготовки «География и безопасность жизнедеятельности» направлены на формирование студентами-практикантами у обучающихся школы навыков безопасного поведения и тем самым компонентов культуры безопасности жизнедеятельности.

С целью воспитания культуры безопасности жизнедеятельности разработана модель подготовки студентов

к профессиональной и безопасной жизнедеятельности средствами педагогической практики. Для оценки эффективности образовательного процесса в области безопасности жизнедеятельности разработана структурно-функциональная модель мониторинга качества обучения. На констатирующем и формирующем этапах опытно-экспериментальной работы определялись различные уровни сформированности компонентов культуры безопасности жизнедеятельности. Значение низкого уровня в экспериментальной группе снизилось на 15 %, значение высокого уровня возросло на 19 %.

Таким образом, формирование культуры безопасности у студентов является одним из элементов учебно-воспитательного процесса в высшем учебном заведении. Культурное наследие необходимо передавать, осваивать и внедрять, поэтому в основу формирования культуры безопасности жизнедеятельности должно быть положено образование. Необходимо создать новый тип воспитания и образования, развивать новое мировоззрение, оценивать риски, прогнозировать последствия опасных ситуаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки) : приказ Мин-ва образования и науки Рос. Федерации от 22 февр. 2018 г. № 125. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94>.
2. Горина Л. Н. Культура безопасности жизнедеятельности (методологический и технологический аспекты) : моногр. / Под науч. ред. Ю. К. Черновой. Тольятти : Тольят. гос. ун-т, 2001. С. 47—49.
3. Мошкин В. Н. Воспитание культуры личной безопасности // Основы безопасности жизнедеятельности. 2002. № 8. С. 15—16.
4. Петрунева Р. А. Воспитательная деятельность вуза: что оценивать и как? // Высшее образование в России. 2006. № 4. С. 95—99.
5. Суворова Т. В. Организационно-педагогические условия формирования личности безопасного типа. М. : Изд-во Ин-та общ. образования, 2005. 47 с.
6. Шерстнева О. Е., Шерстнев Д. Е. К вопросу о структуре личности безопасного типа // Знание. Образование. Современность : сб. ст. студ. науч.-практ. конф. Вып. 1. Железногорск : КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. С. 311—14.
7. Мошкин В. Н. Воспитание культуры безопасности школьников. Барнаул : Изд-во БГПУ, 2015. 318 с.
8. Акимова Л. А. Методика обучения и воспитания безопасности жизнедеятельности в образовательных организациях : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2021. 336 с.
9. Абрамова С. В. Теория и методика обучения и воспитания безопасности жизнедеятельности : учеб.-метод. пособие. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2012. 244 с.
10. Суворова Г. М., Горичева В. Д. Методика обучения безопасности жизнедеятельности : учеб. пособие для вузов. М. :

Юрайт, 2019. 212 с.

11. Большаков Е. А. Формирование культуры безопасности жизнедеятельности на уроках ОБЖ : метод. рекомендации. Рязань, 2016. 58 с.

12. Бочарова Н. И., Бочаров Е. А. Методика обучения безопасности жизнедеятельности. Обучение выживанию : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2019. 174 с.

13. Есипова А. А., Ребко Э. М. Основные структурные компоненты культуры безопасности жизнедеятельности // Молодой ученый. 2014. № 18.1. С. 36—38.

14. Дурнев Р. А., Смирнов А. Т. Формирование основ культуры безопасности жизнедеятельности учащихся: 5-11 классы : метод. пособие. М., 2008. 156 с.

15. Шершнева Л. И. Формирование личности безопасного типа как отражение потребности общества и времени // Безопасность: информационный сборник. 1994. № 7. С. 12.

REFERENCES

1. *On approval of the federal state educational standard of higher education-bachelor's degree in the direction of training 44.03.05 Pedagogical education (with two training profiles). Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of Feb. 22, 2018 No. 125.* (In Russ.) URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94>.

2. Gorina L. N. *Culture of life safety: methodological and technological aspects. Monograph.* Under the sci. ed. of Yu. K. Chernova. Tolyatti, Tolyatti State University publ., 2001. Pp. 47—49. (In Russ.)

3. Moshkin V. N. Forming personal safety culture. *Fundamentals of life safety*, 2002, no. 8, pp. 15—16. (In Russ.)

4. Petrunova R. A. Educational activity of the university: what to evaluate and how? *Higher education in Russia*, 2006, no. 4, pp. 95—99. (In Russ.)

5. Suvorova T. V. *Organizational and pedagogical conditions for the formation of a safe type of personality.* Moscow, Institute of General Education publ., 2005. 47 p. (In Russ.)

6. Sherstneva O. E., Sherstnev D. E. On the question of the structure of the personality of a safe type. In: *Knowledge. Education. Modernity. Collection of art. of the student sci. and pract. conf.* Iss. 1. Zheleznogorsk, KSPU named after V. P. Astafev, 2011. Pp. 311—314. (In Russ.)

7. Moshkin V. N. *Education of life safety culture in schoolchildren.* Barnaul, BSPU publ., 2015. P. 318. (In Russ.)

8. Akimova L. A. *Methodology of training and education of life safety in educational organizations. Textbook for universities.* Moscow, Yurayt, 2021. 336 p. (In Russ.)

9. Abramova S. V. *Theory and methodology of life safety training and education. Teaching guide.* Yuzhno-Sakhalinsk, Sakhsu publ., 2012. 244 p. (In Russ.)

10. Suvorova G. M., Goricheva V. D. *Methods of teaching life safety. Textbook for universities.* Moscow, Yurayt, 2019. 212 p. (In Russ.)

11. Bolshakov E. A. *Formation of the culture of life safety at the lessons of Fundamentals of life safety. Methodological recommendations.* Ryazan, 2016. P. 58. (In Russ.)

12. Bocharova N. I., Bocharov E. A. *Methods of teaching life safety. Survival training. Textbook for universities.* Moscow, Yurayt, 2019. 174 p. (In Russ.)

13. Esipova A. A., Rebko E. M. The main structural components of the culture of life safety. *Young scientist*, 2014, no. 18.1, pp. 36—38. (In Russ.)

14. Durnev R. A., Smirnov A. T. *Formation of the foundations of the life safety culture in students of grades 5—11. Teaching guide.* Moscow, 2008. 156 p. (In Russ.)

15. Shershnev L. I. Formation of a safe type of personality as a reflection of the needs of society and time. *Safety: information collection*, 1994, no. 7, p. 12. (In Russ.)

Как цитировать статью: Орлова Л. Н., Изгойкина Л. В. Проблемы формирования культуры безопасности жизнедеятельности обучающихся высшей школы // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 336—341. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.314.

For citation: Orlova L. N., Izhoikina L. V. Problems of forming a culture of life safety in higher education students. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 336—341. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.314.

УДК 378.14.014.13
ББК 74.40

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.319

Tarkhan Lenuza Zapaevna,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Technology and Fashion Design
and Professional Pedagogy,
Crimean Engineering Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov,
Russian Federation, Republic of Crimea,
Simferopol,
e-mail: lenuza0301@gmail.com

Тархан Ленуза Запаевна,
д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой технологии и дизайна одежды
и профессиональной педагогики,
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова,
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь,
e-mail: lenuza0301@gmail.com

Bekirova Merem Ikrem-kyzy,
Lecturer of the Department of Special
(Defectology) Education,
Crimean Engineering Pedagogical University
named after Fevzi Yakubov,
Russian Federation, Republic of Crimea,
Simferopol,
e-mail: meriembek602@gmail.com

Бекирова Мерьем Икрем-кызы,
преподаватель кафедры специального
(дефектологического) образования,
Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова,
Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь,
e-mail: meriembek602@gmail.com

СПЕЦИАЛЬНЫЙ КУРС «ГОТОВНОСТЬ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ-ДЕФЕКТОЛОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ К БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ

SPECIAL COURSE “READINESS OF FUTURE TEACHERS-DEFECTOLOGISTS FOR PROFESSIONAL ACTIVITIES” AS A CONDITION FOR PREPARATION OF STUDENTS FOR FUTURE PROFESSION

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье представлено подробное описание специального курса как одного из педагогических условий подготовки будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности. Обосновывается теоретическая и практическая значимость специального курса, обозначается научная новизна. Представлен спектр ученых, занимающихся вопросами подготовки учителей-дефектологов, в трудах которых отражены перспективные направления в обучении будущих специалистов, что оказало влияние на настоящее исследование.

Авторами дается описание понятия «специальный курс», обозначаются цель и задачи его изучения, представляется формируемая компетенция в рамках изучения специального курса.

В статье подробно представлена структура специального курса с описанием изучаемых тем и предлагаемых видов работ, которые направлены на подготовку обучающихся к функциональным обязанностям в профессии, а также формируют целостные представления о профессиональной деятельности учителя-дефектолога. Аргументируется значимость и необходимость использования на занятиях таких активных методов обучения, как деловая игра, написание эссе, дискуссия, поясняется ценность выполнения обучающимися самостоятельной работы, показаны особенности организации занятий по изучаемым темам.

Кроме того, авторы указывают направление подготовки, профиль образовательной программы, для которой разработан данный специальный курс, количество часов, отводимых на изучение каждой темы и выполнение каждого вида работ, длительность реализации и семестр, в котором обучающиеся с ним знакомятся.

В статье раскрыт процесс внедрения и результаты апробации программы специального курса с обучающимися-

ся IV курса направления подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Олигофренопедагогика», а также отражены результаты эксперимента, которые демонстрируют уровни подготовки будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности в экспериментальной и контрольной группе до и после изучения специального курса.

The article presents a detailed description of the special course as one of the pedagogical conditions for the preparation of future teachers-defectologists for professional activity. The theoretical and practical significance of the special course is substantiated; its scientific novelty is indicated. In addition, a spectrum of scientists involved in the training of teachers-defectologists is presented, whose works reflect promising directions in the training of future specialists and have influenced the present study.

The authors give a description of the concept of “special course”, present the formed competence within the framework of the special course, and indicate its purpose and objectives.

The article presents a detailed structure of the special course with a description of the topics studied and the proposed types of work, which are aimed at preparing students for functional duties in the profession, and also form integral ideas about the professional activity of a teacher-defectologist. The importance and necessity of using such active teaching methods as a business game, writing an essay, discussion are argued, the value of students doing independent work is explained, the features of organizing classes on the topics studied are shown.

In addition, the authors indicate the direction of training, the profile of the educational program for which this special course has been developed, the number of hours allocated for the study of each topic and the performance of each type of

work, the duration of implementation, and the semester in which students get acquainted with it.

The article discloses the process of implementation and the results of approbation of the program of the special course with the 4th-year students of the training direction 44.03.03 Special (defectology) education, profile "Oligophrenopedagogy", and also reflects the results of an experiment that demonstrate the preparedness levels of future teachers-defectologists for professional activity in experimental and control groups before and after studying the special course.

Ключевые слова: специальный курс, учитель-дефектолог, готовность, профессиональная деятельность, подготовка, подготовленность, специальное (дефектологическое) образование, олигофренопедагогика, профессиональные компетенции, эксперимент.

Keywords: special course, teacher-defectologist, readiness, professional activity, training, preparedness, special (defectology) education, oligophrenopedagogy, professional competencies, experiment.

Введение

Актуальность. Все большее значение в современном образовательном пространстве обретает качественная подготовка будущих специалистов, в частности учителей-дефектологов, ввиду происходящих изменений в системе высшего профессионального образования и регулярного его совершенствования. Успешное решение задач, предусмотренных системой высшего дефектологического образования, возможно в условиях совершенствования образовательного процесса с учетом мотивационной составляющей, в основе которой — компетентный подход в обучении. Данный аспект имеет отражение в исследованиях Л. А. Гладун, Л. В. Суфьяновой, И. М. Яковлевой, Н. К. James [1—4].

Сравнительный анализ научных исследований, законодательно-нормативных положений и документов, регламентирующих деятельность специалистов в области специального (дефектологического) образования, наблюдения за обучающимися в процессе решения ими учебно-профессиональных задач, реальная образовательная ситуация, несмотря на научные и практические достижения ученых по проблеме профессиональной подготовки специалистов в области специального образования, демонстрируют необходимость подготовки высококвалифицированных учителей-дефектологов, которые будут способны осуществлять деятельность в условиях сегодняшних реалий с учетом требований современного рынка труда.

Изученность. Вопросы подготовки учителей-дефектологов к профессиональной деятельности отражены в исследованиях Д. А. Азбукина, Р. Г. Аслаевой, В. Ю. Ваниевой, О. Г. Грибуковой, Е. А. Загребельной, Н. Н. Малофеева, Н. М. Назаровой, И. Ф. Филаговой, Л. А. Ястребовой.

Целесообразность разработки темы. Несмотря на многочисленные исследования, на данный момент проблемы подготовки учителей-дефектологов к профессиональной деятельности решены не до конца. Существующие исследования демонстрируют, что современный учитель-дефектолог должен не только уметь работать с информационными технологиями, но и регулярно самосовершенствоваться в собственной профессиональной деятельности. В этом направлении поддержку оказывает и государственная политика в сфере защиты прав детей с особыми образовательными потребностями ввиду востребованности профессии учителя-дефектолога с учетом социально-экономических и демографических

изменений. Так, успешность осуществления коррекционно-образовательного и воспитательного процесса с детьми с ограниченными возможностями здоровья невозможна без качественной подготовки специалистов, которых готовят в высшей школе. Учитель-дефектолог, окончивший высшее учебное заведение, должен быть квалифицированным специалистом. Так, проведенный анализ уровня подготовки обучающихся к будущей профессии продемонстрировал недостаточный ее уровень, что требует дополнительных исследований, которые позволят повысить качественный уровень подготовки обучающихся к будущей профессиональной деятельности. Исходя из вышесказанного, можно констатировать значимость и целесообразность настоящего исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что введено понятие «подготовленность к профессиональной деятельности будущих учителей-дефектологов» как результат обучения в высшем учебном заведении, способность осуществлять коррекционно-образовательный процесс с детьми с интеллектуальными нарушениями, компетентное выполнение функций и решение задач профессиональной деятельности учителя-дефектолога.

Практическое значение обуславливается тем, что разработанные методические материалы по специальному курсу могут быть использованы при разработке учебных планов, программ, учебно-методических изданий при подготовке специалистов в высших учебных заведениях направления подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», а также в процессе повышения квалификации учителей-дефектологов.

Научная новизна заключается в разработке программы специального курса и его учебно-методического обеспечения с учетом личностно-мотивационного, компетентностно-деятельностного и рефлексивно-оценочного компонентов.

Цель исследования — показать эффективность разработанного специального курса как одного из условий подготовки будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать содержание программы разработанного специального курса «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности».
2. Представить результаты изменений в уровнях подготовки обучающихся к будущей профессиональной деятельности после внедрения программы специального курса.

Методология и методы. Для достижения цели и задач исследования были использованы методы: анализ и обобщение учебно-методической литературы и нормативно-законодательной базы; наблюдение за обучающимися, педагогический эксперимент. Экспериментальная работа осуществлена на базе государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», осуществляющего подготовку бакалавров по направлению 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Олигофренопедагогика». Общее количество обучающихся, задействованных в экспериментальном исследовании, составляет 108 человек.

Основная часть

В процессе подготовки будущих учителей-дефектологов мы столкнулись с тем, что обучающиеся не в полной мере владеют представлениями о сущности своей

профессиональной деятельности и не до конца подготовлены к осуществлению профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях. В связи с этим возникла идея разработки и внедрения программы специального курса «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности» в образовательный процесс направления подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Олигофренопедагогика» как одного из педагогических условий. Так, в ходе анализа учебных планов высших учебных заведений Российской Федерации по направлению подготовки были выделены дисциплины, содержание которых вызвало определенный интерес, что послужило основой для разработки программы специального курса [5].

Анализ предшествующих исследований показал существование нескольких подходов, раскрывающих понятие «специальный курс». Так, в энциклопедии профессионального образования специальный курс определяется как часть профессионального цикла образовательного процесса, которая обеспечивает специальную подготовку [6]. Тогда как под спецкурсом понимают организационную форму обучения в высшей школе, которая тождественна с лекцией. В новом словаре методических терминов и понятий подчеркивается, что спецкурс направлен на углубленное изучение лекционного материала или такого, который не вошел в курс лекций [7, с. 289].

Приведенные выше определения предопределили разработку специального курса, утвердив уверенность, что введение специального курса будет направленно не только на углубленное изучение темы, но и на формирование и развитие профессиональных компетенций у будущего специалиста, который будет подготовлен к профессиональной деятельности с детьми с ограниченными возможностями здоровья и компетентен в выполнении своих функциональных обязанностей.

При разработке программы специального курса мы опирались на научные труды и публикации А. В. Калининко, Е. Л. Норкиной, О. Воирак, И. А. Кедрова [8—11].

Специальный курс «Готовность к профессиональной деятельности будущих учителей-дефектологов» дополняет основные компетенции, полученные при изучении профессионально ориентированных дисциплин на первом, втором, третьем курсе, формирует понятие подготовленности к профессиональной деятельности будущего учителя-дефектолога и относится к следующему по сложности уровню подготовки. Так, к моменту изучения специального курса у обучающихся сформированы профессиональные компетенции, определенные ФГОС, являющиеся базовыми для формирования новой компетенции, которая осуществляется в процессе изучения специального курса [12]. В ходе изучения специального курса обучающийся будет способен осуществлять профессиональную деятельность с детьми с ограниченными возможностями здоровья в соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов и рынка труда на основе мотивации, рефлексии и самосовершенствования, эмпатии и корректности к их личности (ПК 10).

Реализация программы специального курса осуществляется посредством организации аудиторных занятий (лекции, практические работы), а также обязательной внеаудиторной самостоятельной работы.

Основная цель специального курса «Готовность к профессиональной деятельности будущих учителя-

лей-дефектологов» заключается в формировании подготовленности к профессиональной деятельности будущего учителя-дефектолога, в связи с чем решаются задачи формирования мотивации к выполнению функций учителя-дефектолога в реальных условиях, совершенствования умений решать учебные и профессиональные задачи в функциональной деятельности, оптимизирования рефлексии в профессионально-педагогической подготовке к будущей деятельности.

На лекционных занятиях обучающиеся знакомятся с основными правилами и приемами выполнения профессиональной деятельности, тогда как основной целью практических работ является приобретение опыта в будущей профессиональной деятельности.

Учитывая значимость лекционных занятий как важнейшей составляющей программы специального курса, большое внимание уделено практическим занятиям: осуществляется расширение образовательной, исследовательской и творческой деятельности путем моделирования и решения профессиональных задач, разбора педагогических ситуаций; решаются проблемы общекультурного развития на основе деятельностного подхода. Другими словами, создаются условия, которые заключаются не только в передаче информации обучающимся, но и в побуждении к творческому мышлению, поиску, анализу и обобщению фактов и ситуаций, которые связаны с будущей профессиональной деятельностью, а также в выработке потребности в регулярном обновлении знаний. Эмоциональная обстановка в период таких занятий содействовала преодолению неуверенности, а также становлению навыков оперативного урегулирования типичных конфликтных ситуаций, которые могут возникнуть в профессиональной деятельности, путем создания благоприятного климата. Такой подход реализуется за счет гуманистической функции специального курса, заключающейся в активизации познавательной деятельности обучающихся, усилении интереса к приобретению знаний и осуществлении научно-исследовательской деятельности.

С целью совершенствования профессиональных знаний и умений, повышения интереса к будущей профессии предлагались самостоятельные работы творческого характера (эссе, проекты), дополнительное изучение отдельных вопросов. Самостоятельное изучение специальной литературы позволило совершенствовать имеющиеся знания и преобразовать их в умения и навыки профессиональной направленности, формировать и развивать некоторые профессиональные компетенции, необходимые для осуществления предстоящей профессиональной деятельности.

Вышепредставленное обостряет проблему учебно-методического обеспечения специального курса, которое требует разработки рабочей программы, методических рекомендаций для выполнения отдельных видов работ, а также учебного пособия.

Использование на занятиях по специальному курсу активных методов обучения (проблемный вопрос, дискуссия, деловая игра, метод проектов и анализ педагогических ситуаций) в ходе лекционных и практических занятий с целью привлечения обучающихся к разрешению проблем продемонстрировало повышение уровня мотивации к обучению и интереса к содержанию отдельных проблем. Помимо этого, использование активных методов обучения позволяет овладевать профессиональным опытом, способностью реализовывать в профессиональной деятельности собственные взгляды, обладать личностными и профессиональными качествами, а также соответствующими компетенциями. Так, использование на занятиях проблемного вопроса позволяет

активизировать обучающихся и определить закономерности или способы действий, которые могут быть раскрыты на основе усвоенных ранее знаний и достигнутого определенного уровня способов действий.

При организации дискуссии особую значимость обретает ее содержание, которое определяется темой занятия и тех задач, которые необходимо решить. В процессе дискуссии затрагивались проблемы, которые позволяют понять, какие способы их решения наиболее целесообразны и возможны в практической деятельности. В дискуссии важен опыт обучающихся, позволяющий выражать им свои мысли, мнение, служащих ее основой [13]. В процессе дискуссии совершенствуются навыки убеждения, умения обосновывать собственную точку зрения, формируются навыки вербализации. При проведении дискуссии особую важность обретает предмет обсуждения, тема, которая должна быть актуальна, профессионально ориентирована, вызывая у обучающихся интерес и желание быть ее участником [14].

Продуктивному поисковому мышлению применительно к выполнению будущих профессиональных функций способствуют игровые методы обучения, активно применяющиеся в изучении специального курса. Применение игр в образовательном процессе высшей школы было предложено отечественными учеными — А. А. Вербицким, Р. Ф. Жуковым, В. А. Трайневым [15].

Деловая игра в подготовке будущих педагогов определяется как искусственное моделирование, упражнение в группе, которое позволяет выработать последовательные профессиональные решения в специально созданных условиях. Как утверждает Н. А. Морева, являясь одной из ведущих форм моделирования профессиональной деятельности, деловая игра способствует формированию личности, моделирует способы реализации умений, навыков, взаимодействия с социумом, формируя при этом ценностные ориентации и установки. Кроме того, в процессе организации деловых игр происходит развитие профессионально мышления, появляется профессиональная мотивация, которая направлена на приобретение будущим специалистом социального, предметного и профессионального опыта, а также формируются компетенции, необходимые в будущей профессиональной деятельности [16, с. 107]. С помощью деловой игры обучающиеся способны ощутить себя в реальной профессиональной деятельности, увидеть сущность проблемной ситуации и вести поиски ее устранения.

Внедрение специального курса осуществлялось на 4-м курсе, в течение 7-го семестра, программа которого рассчитана на 108 часов. Содержание программы специального курса представлено тремя разделами, соотносящимися с изучением тем, позволяющих углубить и расширить знания о будущей профессиональной деятельности и сформировать устойчивые представления о ней (табл.).

Содержание программы специального курса

Наименования тем (разделов)	Количество часов		
	Лекции	Практические	Самост. работа
<i>Раздел 1. Сущность педагогической деятельности учителя-дефектолога</i>			
Тема 1. Введение. Общее понятие о готовности к профессиональной деятельности	2	2	8
Тема 2. Федеральный государственный образовательный стандарт и основные требования к профессиональной деятельности учителей-дефектологов	2	4	8
Тема 3. Профессиональные компетенции учителя-дефектолога — фактор успешной практической деятельности	2	4	8
<i>Раздел 2. Общение как основа педагогической деятельности учителя-дефектолога</i>			
Тема 4. Коммуникативная основа профессиональной деятельности учителя-дефектолога	2	4	8
<i>Раздел 3. Педагогическая культура и личность учителя-дефектолога</i>			
Тема 5. Профессионально-педагогическая культура учителя-дефектолога	2	4	10
Тема 6. Личностные качества учителя-дефектолога	2	4	8
Тема 7. Менеджмент в профессиональной деятельности в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях	2	4	8
Тема 8. Рефлексия	2	2	6
Всего часов	108		
Форма промежуточного контроля	Зачет с оценкой		

Так, в ходе первого занятия «Введение. Общее понятие о подготовленности к профессиональной деятельности» обучающиеся знакомятся с содержанием программы специального курса, целями и задачами его изучения, у них формируется представления о сущности и специфике профессиональной деятельности учителя-дефектолога, подготовленность к ней. В ходе занятия удалось проанализировать подходы разных авторов к понятию «подготовленность» и вывести собственное понятие применительно к профессии учителя-дефектолога для целостного представления будущей деятельности. Дискуссия по отдельным вопросам способствовала более точным представлениям о сущности профессиональной деятельности учителя-дефектолога.

При знакомстве с темой «Коммуникативная основа профессиональной деятельности учителя-дефектолога» обучающиеся знакомятся с понятиями «педагогическое общение», «коммуникация», «коммуникативная основа», целями, функциями, содержанием профессионально-педагогического общения учителя-дефектолога, тем самым углубляя представления о будущей профессиональной деятельности. На практическом занятии обучающимся предлагается деловая игра, где каждый погружается в деятельность учителя-дефектолога. Целью деловой игры выступает совершенствование знаний, умений, навыков, профессиональных компетенций в ходе решения функциональных задач деятельности учителя-дефектолога. Проведение подобной игры

способствовало повышению самостоятельности обучающихся, качества усвоения содержания образования с учетом практико-ориентированности, активизации их творческого потенциала и мыслительных процессов, посредством внедрения в реалии будущей профессии.

Деловая игра состояла из нескольких этапов. На первом этапе (подготовительном) обосновывается тема и цель игры, осуществляется разделение ее участников на группы, происходит знакомство с функциональными обязанностями в соответствии с исполняемой ролью, выдаются задания в соответствии с ролью в группе.

Второй этап (основной) — непосредственно участие в игре в форме презентации результатов проделанной работы.

Третий (заключительный) этап предполагает подведение итогов и оценивание, которое осуществляется с учетом полноты сформированных представлений о профессиональной деятельности участниками групп, сплоченности коллектива при разыгрывании ситуаций, оригинальности, новизне представленных материалов, нестандартном, творческом подходе.

По результатам деловой игры определяется лучшая презентация, которая в последующем будет служить основой для оценки сформированности уровня профессиональной подготовки. Кроме того, в процессе занятия была проведена дискуссия, которая позволила выяснить, что мотивирует обучающихся к обучению и овладению знаниями по будущей профессии. Так, по результатам опроса было определено, что погружение обучающихся в реалии профессиональной деятельности путем участия в деловых играх и разыгрывания ролей, анализа педагогических ситуаций, участия в дискуссии, знакомства с опытом работы ведущих дефектологов-практиков оказывает положительное влияние и мотивирует к овладению знаниями по профессии.

При изучении темы «Профессиональные компетенции учителя-дефектолога — фактор успешной практической деятельности» были актуализированы знания ключевых понятий — «компетентность» и «профессиональная компетентность», а также рассмотрена специфика профессиональных компетенций учителя-дефектолога. На практических занятиях по данной теме обучающимся было предложено проанализировать ступени формирования компетенций по собственному квалификационному образовательному уровню, определить структурные составляющие профессиональных компетенций учителя-дефектолога и дифференцировать компетенции в зависимости от специализации.

В ходе знакомства с темой «Профессионально-педагогическая культура учителя-дефектолога» обучающиеся знакомятся с педагогическим творчеством и мастерством учителя-

дефектолога, основами культуры речи и речевого поведения учителя-дефектолога, особенностями педагогической культуры будущего учителя-дефектолога. В процессе практического занятия были рассмотрены педагогические ситуации, которые раскрывают особенности профессиональной деятельности учителей-дефектологов. Использование на занятии педагогических ситуаций направлено не только на активизацию участников образовательного процесса, но и на формирование умений решать функциональные задачи в будущей профессиональной деятельности, повышая качественный уровень учебной деятельности.

Занятие по теме «Личностные качества учителя-дефектолога» углубляет знания и формирует устойчивые представления о качествах, которыми должен владеть будущий учитель-дефектолог, знакомит с индивидуальным стилем его деятельности, профессиональной этикой и педагогическим тактом. На практическом занятии предусмотрено написание обучающимися эссе на тему «Идеальный образ учителя-дефектолога». Данный вид работы позволяет активизировать обучающихся, а также проявить творческий подход к процессу выполнения задания. Еще одним заданием является ранжирование личностных и профессиональных качеств учителя-дефектолога в зависимости от специальности и собственных умозаключений обучающихся.

Итоговая аттестация проводится в форме зачета, где обучающимся необходимо ответить на предлагаемые вопросы и создать проект. В результате выполненных работ выставляется оценка.

Для проверки эффективности внедрения специального курса и рациональности разработанной программы нами был проведен формирующий эксперимент в период с 2019 по 2020 г. в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова. В эксперименте принимали участие обучающиеся IV курса направления подготовки 44.03.03 «Специальное (дефектологическое) образование», профиль «Олигофренопедагогика». Общее количество человек, участвующих в эксперименте, составило 108 человек.

Результаты. Апробируя содержание программы специального курса, нами был осуществлен анализ результатов изменений уровней подготовки обучающихся к будущей профессиональной деятельности на констатирующем и контрольном этапах. Сравнительный анализ полученных результатов до и после внедрения программы специального курса в процесс обучения продемонстрировал положительную динамику уровней подготовки обучающихся к профессиональной деятельности преимущественно в экспериментальной группе (ЭГ) (рис.).

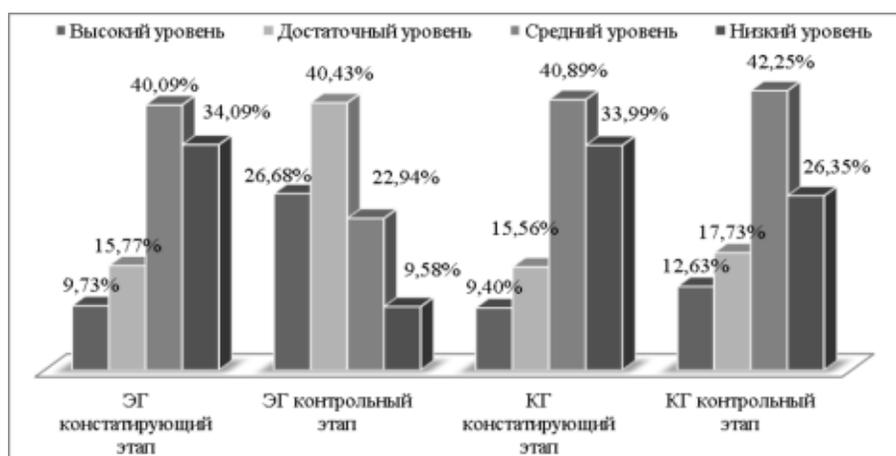

Рис. Сравнительный анализ результатов до и после внедрения программы специального курса

На рис. наглядно видно, что в экспериментальной группе произошло существенное увеличение обучающихся с высоким уровнем подготовленности — на 16,95 % и уменьшение низкого уровня на 24,51 %, что подтверждает правомерность изучения разработанного нами специального курса «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности», представляющего инновационную направленность в подготовке учителей-дефектологов.

Выводы

Таким образом, в ходе экспериментальной работы нами подтверждена эффективность внедрения программы разра-

ботанного специального курса «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности».

Разработанные учебно-методические материалы по специальному курсу, а именно рабочая программа и методические рекомендации, углубили профессиональную подготовку будущих учителей-дефектологов, сформировали мотивацию к выполнению функций учителя-дефектолога в реальных условиях и устойчивые представления о профессии, усовершенствовали умения решать учебные и профессиональные задачи в функциональной деятельности учителя-дефектолога, а также развили творческий потенциал обучающихся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гладун Л. А. Формирование методических компетенций у будущих специальных педагогов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2011. 27 с.
2. Суфьянова Л. В. Педагогическая технология формирования управленческой компетенции студентов — будущих учителей-дефектологов в процессе обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ижевск, 2010. 26 с.
3. Яковлева И. М. Формирование профессиональной компетентности учителя-олигофренопедагога в системе непрерывного педагогического образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 2010. 45 с.
4. James H. K. Teacher competencies in implementation of curriculum for learners with special needs in Kenyan schools // *OSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME)*. 2017. Vol. 7. Iss. 4 Ver. IV. Pp. 62—66.
5. Бекирова М. И. Анализ учебных планов обучения будущих учителей-дефектологов — фактор выявления сути содержания их подготовки // Развитие профессиональных компетенций учителя: основные проблемы и ценности : сб. науч. тр. V междунар. форума по пед. образованию. Ч. 1. Казань, 2019. С. 89—94.
6. Энциклопедия профессионального образования : в 3 т. / Под ред. С. Я. Батышева. М. : АПО, 1998. 1784 с.
7. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
8. Калининченко А. В. Становление высшего дефектологического образования в России в XX веке — первом десятилетии XXI века : дис. ... канд. пед. наук. Благовещенск, 2014. 193 с.
9. Норкина Е. Л. Подготовка будущих педагогов-дефектологов к использованию компьютерных технологий обучения в профессиональной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2012. 235 с.
10. Boriak O., Makhonia V. Training of teachers-dialectologists in the conditions of modern labor migration // *Sciencerise: Pedagogical education*. 2020. No. 4(37). Pp. 9—12.
11. Kedrova I. A. Methodological basis of competency — based approach to bachelor-defectologists' training in a tiered structure of higher education // *IEJME. Mathematics education*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 583—590.
12. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование : приказ Минобрнауки РФ от 22.02.2018 г. № 123. М., 2018. 20 с.
13. Бадмаев Б. Ц. Методика преподавания психологии : учеб. пособие. М. : Владос, 2001. 304 с.
14. Курьянов М. А., Половцев В. С. Активные методы обучения : метод. пособие. Тамбов : Изд-во ТГТУ, 2011. 80 с.
15. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М. : Высш. шк., 1991. 208 с.
16. Морев Н. А., Дмитриев Ю. А., Кротова Т. В. Методика использования деловых игр в работе с педагогами дошкольного образования // *Наука и школа*. 2015. № 4. С. 105—113.

REFERENCES

1. Gladun L. A. *Formation of methodological competencies in future special teachers. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 2011. 27 p. (In Russ.)
2. Sufyanova L. V. *Pedagogical technology for the formation of managerial competence of students — future teachers-defectologists in the process of studying at a university. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Izhevsk, 2010. 26 p. (In Russ.)
3. Yakovleva I. M. Formation of professional competence of a teacher-oligophrenopedagogue in the system of continuous pedagogical education. *Abstract of Diss. of the Doc. of Pedagogy*. Moscow, 2010. 45 p. (In Russ.)
4. James H. K. Teacher competencies in implementation of curriculum for learners with special needs in Kenyan schools. *OSR Journal of Research & Method in Education (IOSR-JRME)*, 2017, vol. 7, iss. 4, ver. IV, pp. 62—66.
5. Bekirova M. I. Analysis of curricula for teaching future teachers-defectologists — a factor in identifying the essence of the content of their training. In: *Development of professional competencies of a teacher: main problems and values. Collection of sci. papers of the V int. forum on teacher education*. Part 1. Kazan, 2019. Pp. 89—94. (In Russ.)
6. *Encyclopedia of professional education*. In 3 vols. Ed. by S. Ya. Batyshev. Moscow, APO, 1998. 1784 p. (In Russ.)
7. Azimov E. G., Shchukin A. N. *New dictionary of methodological terms and concepts (theory and practice of language teaching)*. Moscow, IKAR, 2009. 448 p. (In Russ.)
8. Kalinichenko A. V. *The formation of higher defectological education in Russia in the XX century — the first decade of the XXI century. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Blagoveshchensk, 2014. 193 p. (In Russ.)

9. Norkina E. L. *Preparation of future teachers-defectologists for the use of computer training technologies in professional activity. Diss. of the Cand. of Pedagogy.* Yoshkar-Ola, 2012. 235 p. (In Russ.)
10. Boriak O., Makhonia V. Training of teachers-defectologists in the conditions of modern labor migration. *Sciencerise. Pedagogical education*, 2020, no. 4(37), pp. 9—12.
11. Kedrova I. A. methodological basis of competency — based approach to bachelor-defectologists' training in a tiered structure of higher education. *IEJME — Mathematics education*, 2016. vol. 11, no. 4, pp. 583—590.
12. *On approval of the Federal State Educational Standard of Higher Education — Bachelor's Degree in the field of training 44.03.03 Special (defectology) education. order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 123 of 22.02.2018.* Moscow, 2018. 20 p. (In Russ.)
13. Badmaev B. C. *Methods of teaching psychology. Textbook.* Moscow, Vlos, 2001. 304 p. (In Russ.)
14. Kuryanov M. A., Polovtsev V. S. *Active teaching methods. Teaching guide.* Tambov, TSTU publ., 2011. 80 p. (In Russ.)
15. Verbitsky A. A. *Active learning in higher school: a contextual approach.* Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 208 p. (In Russ.)
16. Moreva N. A., Dmitriev Yu. A., Krotova T. V. Methods of using business games in working with teachers of preschool education. *Science and School*, 2015, no. 4, pp. 105—113. (In Russ.)

Как цитировать статью: Тархан Л. З., Бекирова М. И. Специальный курс «Готовность будущих учителей-дефектологов к профессиональной деятельности» как условие подготовленности обучающихся к будущей профессии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 342—348. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.319.

For citation: Tarkhan L. Z., Bekirova M. I. Special course “Readiness of future teachers-defectologists for professional activities” as a condition for preparation of students for future profession. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 342—348. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.319.

УДК 378.126
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.325

Tregubova Tatyana Moiseevna,
Doctor of Pedagogy, Professor,
Leading researcher of Institute of Pedagogy,
Psychology and Social Problems,
Russian Federation, Republic of Tatarstan,
Kazan,
e-mail: tmtreg@mail.ru

Трегубова Татьяна Моисеевна,
д-р пед. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института педагогики,
психологии и социальных проблем,
Российская Федерация, Республика Татарстан,
г. Казань,
e-mail: tmtreg@mail.ru

МОДЕЛИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: БЕНЧМАРКИНГ УСПЕШНЫХ ПРАКТИК

MODELS OF TEACHERS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION: BENCHMARKING OF SUCCESSFUL PRACTICES

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

В условиях социально-культурных и педагогических трансформаций высших образовательных организаций важным компонентом их модернизации становится реформирование системы профессионального развития педагогов, перед которой процессы глобализации и цифровизации выдвинули новые требования. Все это вызывает необходимость формирования у преподавателей вузов готовности к постоянному повышению своей профессиональной квалификации и непрерывному профессиональному развитию в контексте единого образовательного пространства. Следовательно, компаративные исследования проблем профессионального развития преподавателей вузов в России и за рубежом являются принципиально актуальными и своевременными. Данные исследования являются ответом на требования современного демократического общества к профессионально-личностным качествам педагогов и векторам их профессиональной деятельности в новых условиях. Готовность к профессиональному развитию у педагогов неразрывно связана с их стремлением к повышению профессионального мастерства и с достижением успеха

в работе. Формирование данной готовности, так же как и процесс профессионального развития, в целом должны носить индивидуализированный и одновременно добровольный характер. Для этого необходимы определенные условия, в том числе реальная заинтересованность руководства вуза в профессиональном развитии каждого педагога, наличие различного рода ресурсов и развитая инфраструктура для организации данного процесса, разработанные и апробированные модели индивидуализации профессионального развития педагогов вуза. Бенчмаркинг как технология проведения сравнительно-педагогического исследования моделей профессионального развития педагогов показал свою эффективность в выявлении успешных практик в данной области и позволил выявить три основные модели в организации процесса повышения профессионального мастерства и развития в вузе. Представленные в статье зарубежные модели организации профессионального развития преподавателей вузов могут быть использованы в российских вузах при условии их адаптации к российским реалиям и образовательным традициям.

In the context of socio-cultural and pedagogical transformations of higher educational organizations, the reform of the system of teachers' professional development becomes an important component of their modernization, before which the processes of globalization and digitalization have put forward some new requirements. All this causes the need for university teachers to be ready to constantly improve their professional qualifications and be ready for continuous professional development in the context of a single educational space. Therefore, comparative studies of the problems of professional development of university teachers in Russia and abroad are fundamentally relevant and timely. These studies are a response to the requirements of modern democratic society for teachers' professional and personal qualities and the vectors of their professional activity in new conditions. Teachers' readiness for professional development is inextricably linked with their desire to increase their professional skill and achieve success in their activities. The formation of this readiness, as well as the process of professional development as a whole, should be individualized and, at the same time, voluntary. To do this, it is necessary to have certain conditions, including the real interest of the university leadership in the professional development of each teacher, the availability of various kinds of resources, and a developed infrastructure for organizing this process, as well as developed and tested models of individualization of the process of teachers' professional development. Benchmarking as a technology for conducting a comparative pedagogical study of the models of teachers' professional development has shown its effectiveness in identifying successful practices in this field and made it possible to identify three main models in organizing the process of increasing professional excellence and development at the university. Foreign models of the organization of professional development of university teachers, presented in the article, can be used in Russian universities, provided that they are adapted to the Russian realities and educational traditions.

Ключевые слова: профессиональное развитие, цифровизация, преподаватели вузов, модели, индивидуализация, успешные практики, зарубежный опыт, конкурентоспособность, технологии, бенчмаркинг, бенчмаркинг-проект.

Keywords: professional development, digitalization, teachers of higher education institutions, models, individualization, successful practices, foreign experience, competitiveness, technologies, benchmarking, benchmarking project.

Введение

Модернизация высшего образования вызвала необходимость повышения профессионального мастерства педагогов как показателя конкурентоспособности преподавательских кадров и их готовности к постоянному совершенствованию квалификации в рамках реализации парадигмы обучения в течение всей жизни (Life Long Learning) в российском образовании. Постоянное (непрерывное) профессиональное развитие и целенаправленное саморазвитие без отрыва от выполнения профессиональных функций становятся обязательными требованиями к любой профессии [1—4].

Наше обращение к вопросам профессионального развития педагогов в России и за рубежом является весьма актуальным, о чем свидетельствуют многочисленные публикации на эту тему и регулярное освещение данной проблематики в отечественной и международной педагогической периодике [5—7]. Несомненно, что «инновационные модели профессионального развития педагогов должны проектироваться, с одной стороны, с учетом социального заказа системе повышения квалификации, с другой — предусматривать формирование механизмов внутриличностной мотивации педа-

гогов на профессиональный рост, создание ситуации успеха не только у обучающихся, но и у самих педагогов, на развитие hard- и soft-компетенций, повышение качества и эффективности педагогического труда» [5, с. 89]. Однако анализ психолого-педагогической литературы показал, что проблема индивидуализации профессионального развития педагогов с учетом лучших международных практик лишь обозначена, но глубоко не проанализирована, что в первую очередь обусловлено недостаточностью концептуальных исследований этой важной составляющей деятельности организаций высшего образования.

Цель исследования — выявить с помощью технологии бенчмаркинга модели профессионального развития педагогов за рубежом, непосредственно связанные с повышением их профессионального мастерства и обеспечивающие успешность их деятельности в динамично изменяющемся университетском социуме. Выбор технологии бенчмаркинга профессионального развития преподавателей вузов как инструмента конкурентного анализа в условиях цифровизации определяется анализом успешного опыта ее реализации в европейских университетах в ходе выполнения бенчмаркинг-проектов.

Указанная цель потребовала решение следующей **задачи**: на основе анализа совокупности документов, определяющих глобальные перспективы совершенствования профессионального развития педагогов по канонам Болонского процесса, применить технологию бенчмаркинга для выявления и измерения результатов организации профессионального развития педагогов с целью поиска успешных моделей с их последующей адаптацией, что представляет ценность для реформирования российской системы.

Научная новизна представленных материалов заключается в том, что на основе компаративного анализа широкого массива российских и международных программных и аналитических документов и психолого-педагогической литературы выявлен и концептуализирован феномен «профессиональное развитие педагогов» и модели профессионального развития педагогов в условиях цифровизации образования; определены инновационные курсы, которые обеспечивают персонализацию содержания и многообразие форм обучения, а также повышение доступности и расширение географии охвата педагогов-пользователей.

Результаты исследования имеют несомненную **практическую значимость**, которая состоит в том, что руководители образовательных организаций высшего и профессионального образования, научные и педагогические работники могут их использовать для совершенствования работы управляющих структур системы высшего образования и повышения квалификации руководителей и педагогических работников образовательных организаций.

Основная часть

Масштабные и непрерывные изменения в системе профессионального развития педагогов образовательных организаций высшего образования для обеспечения конкурентного положения вуза на все более глобализирующемся рынке образовательных услуг происходят в едином образовательном пространстве, что актуализировало проведение сравнительных педагогических исследований, рейтингов и экспериментов с использованием современных технологий с целью выявления успешного образовательного опыта и разработки рекомендаций для его диссеминации.

Несомненно, качество решения задач, стоящих перед высшей школой, может быть обеспечено квалифицированными педагогическими кадрами, которые обладают высоким уровнем профессиональной, коммуникативной и организационной культуры, что, в свою очередь, требует

организации непрерывного профессионального развития педагогов посредством использования комплекса технологий, способствующих эффективности данного процесса.

Технологии непрерывного профессионального развития преподавателей вузов направлены на приумножение знаний и опыта на протяжении всей их профессиональной деятельности, на расширение доступа к формальному и неформальному образованию в ходе освоения специально сформированных модулей в соответствии с потребностями профессии, требованиями администрации вуза (работодателя) и социальным заказом общества. В соответствии с международной образовательной интеграцией российская и европейская образовательная политика продвигаются в направлении удовлетворения потребностей личности педагога в повышении педагогического мастерства и квалификации, востребованных на глобальном и европейском рынках труда и образовательных услуг [6–9].

Процесс цифровизации весьма зримо воздействует на использование интерактивных технологий при организации профессионального развития педагогов. Одной из наиболее успешных показала себя технология «Профессиональное развитие через виртуальный класс». Этот формат позволяет развивать коммуникативные аспекты в системе профессионального развития педагогов, когда компьютер с подключением к сети Интернет используется в качестве связи между преподавателем и обучаемым и в рамках учебного плана разрабатывается «дорожная карта» комплексных образовательных мероприятий. Существует множество «сред», разработанных не только для «подвешивания информации», но и для облегчения «конструктивного обучения» и развития слушателей (например, MOOC — массовые открытые онлайн-курсы). Полагаем, что среда персонального обучения (Personal Learning Environment) превратится в ближайшие годы в ведущий формат в области профессионального развития в сочетании с традиционными формами и стратегиями обучения.

Проведенный анализ международного опыта организации профессионального развития педагогов свидетельствует об использовании новой парадигмы для преподавателей вузов, а именно умения работать в команде. Изучение деятельности центров повышения квалификации в европейских университетах показывает, что командная работа становится все более востребованной, но она требует более развитых личностных и междисциплинарных навыков с мгновенным доступом к информации и общению, ввиду того что при онлайн-обучении и профессиональном развитии участники могут не находиться в одном и том же университетском пространстве или даже в одной и той же стране, когда будет организована совместная работа в рамках моделей профессионального развития [8–10].

Однако даже командные форматы организации профессионального развития педагогов не исключают индивидуализацию данного процесса. Неслучайно в течение значительного времени непрерывное профессиональное развитие рассматривалось как индивидуальное стремление личности, которое в основном можно было охарактеризовать как фокусирование на знаниях профессионального содержания, поддерживаемого образовательными организациями посредством проведения очных курсов повышения квалификации с отрывом от работы.

Сегодня существует множество тематических исследований, в которых изучена организация непрерывного профессионального развития, что привело к появлению многих программ и моделей, новых форматов и траекторий развития. Использование технологии бенчмаркинга позволило выявить, что в международном дискурсе зарубежных исследований понятие «непрерывное профессиональное развитие» сопряжено с такими понятиями, как развитие персонала, развитие

человеческих ресурсов, профессиональное развитие, а также повышение квалификации без отрыва от выполнения профессиональных функций. Можно утверждать, что это — постоянное развитие, направленное на решение профессиональных проблем и достижение профессиональных целей [7, 10–13].

Известно, что к эффективным инструментам, позволяющим достичь желаемого уровня качества и конкурентоспособности, сегодня относят: Business Process Reengineering — реинжиниринг деятельности организаций, Total Quality Management — всеобщий менеджмент качества, Strategic Planning — стратегическое планирование и др. Технология образовательного бенчмаркинга (Educational Benchmarking Technology) занимает среди них свою достойную «нишу». Использование технологии бенчмаркинга позволяет провести поиск, анализ и внедрение эффективных образцов и успешных практик международного опыта, что имеет концептуальное и прикладное значение [14, 15].

В психолого-педагогической литературе нет единого подхода к определению содержания и структуры технологии бенчмаркинга как образовательного феномена, поскольку она представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов. «В реальной образовательной практике бенчмаркинговое исследование реализуется в форме бенчмаркинг-проекта» [5, с. 98]. Для выявления моделей профессионального развития педагогов мы использовали четыре взаимосвязанных этапа: планирование бенчмаркинг-проекта; непосредственное проведение исследования; анализ полученных данных; адаптация (внедрение) результатов в той образовательной организации, которая использовала данную технологию.

Методология исследования. В современных междисциплинарных исследованиях [2, 6, 9] продолжается обсуждение различных методологий, используемых в программах и моделях непрерывного профессионального развития в различных областях. В нашем исследовании были использованы: бенчмаркинг-проект «Бенчмаркинг успешных моделей профессионального развития педагогов в европейских университетах»; методы сравнительно-педагогического анализа и проектирования педагогических ситуаций; методы анкетирования и опроса преподавателей российских и европейских университетов — партнеров ФГБНУ «Институт педагогики, психологии и социальных проблем» по международным проектам программы ЭРАЗМУС+. В исследовании приняли участие 91 человек: 14 представителей руководящего состава университетов, 63 представителя профессорско-преподавательского состава, 14 работников вузов (по одному от каждого вуза — экспериментальной площадки), выполнявших роль экспертов.

Методологическую основу исследования составили ведущие идеи системно-деятельностного, компетентностного, аксиологического и личностно ориентированного подходов, сочетающихся в процессе организации профессионального развития преподавателей вузов.

Результаты исследования. Для проведения бенчмаркинг-проекта была разработана и экспериментально проверена программа эмпирического исследования использования технологии бенчмаркинга как инструментария конкурентного анализа моделей профессионального развития педагогов, включающая в себя пояснительную записку, серию анкет и опросных листов, материалы и рекомендации сети интернет-сайта «Международное сотрудничество», а также критерии эффективности организации системы профессионального развития педагогов вузов.

Было установлено, что потенциал российских организаций высшего образования в области осуществления

бенчмаркинг проектов оценивается как «средний». Только 31 % респондентов имели возможность контактировать с зарубежными представителями в области образования на основе личных контактов, и в качестве причин инертности преподавателей в области установления зарубежных контактов называются такие факторы, как «незнание иностранных языков» (75 % респондентов), «отсутствие информации о грантах, преподавательских обменах, зарубежных стажировках» (79,6 % респондентов). 69 % опрошенных высказали желание принять участие в различных формах международного сотрудничества и сравнительных исследованиях.

Потенциал европейских образовательных организаций высшего образования достаточно высок, хотя не все университеты используют его в равной степени. Наибольшую активность в проведении бенчмаркинг-проектов показал Болонский университет (Италия), Университет прикладных наук г. Вагенингена (Нидерланды) и Университет г. Новый Сад (Сербия). По результатам опроса преподавателей европейских и российских университетов получилось, что ответственность за организацию непрерывного профессионального развития лежит на множестве различных социальных партнеров вуза, и все они имеют разную мотивацию. Однако результатом организации системы профессионального развития педагогов всегда должно быть то, что наличие в вузе развитой системы повышения квалификации приносит пользу гражданскому обществу и самой образовательной организации.

Проведение анкетирования среди преподавателей показало также, что у педагогов есть острая необходимость в непрерывном профессиональном развитии и специалисты педагогического профиля не могут считаться «обученными на всю жизнь» после окончания вуза; образовательные организации должны обеспечивать непрерывное профессиональное развитие и совершенствование профессиональных компетенций педагогического персонала.

Бенчмаркинговое исследование содержания и принципов построения программ профессионального развития педагогов в европейских вузах позволило выделить *три модели*, которые осуществляют индивидуализацию процесса профессионального развития педагогов, названные на данном этапе бенчмаркинг-проекта как *профессионально-педагогическая модель* (основной упор на совершенствование метакомпетенций и предметно-профессиональных *hard-skills*, формирование готовности к профессиональной деятельности в условиях цифровой трансформации социума); *социально-педагогическая модель* (помощь педагогу в адаптации к коллективу, формирование профессионально-корпоративной идентичности педагога, сопровождение и поддержка его в реализации карьерных стратегий); *личностно-педагогическая модель* (формирование и развитие когнитивных способностей, когнитивных личностных инструментов познания

с особой ролью *self-skills* (само-компетенций), постоянно дополняемых *soft-skills* в целях создания личностной системы знаний и компетенций).

На основе использования технологии бенчмаркинга с помощью анкет, интервью, экспертных оценок и презентаций кейсов европейских университетов — носителей успешных практик профессионального развития преподавателей было выявлено, что в программы повышения квалификации введены и успешно апробированы такие инновационные курсы, как «Умелый и рефлексивный педагог»; «Формирование полного профессионала»; «Учитель — активный лидер в многокультурном обществе»; «Педагоги, занятые развитием»; «Учитель — катализатор успешного развития цифрового общества»; «Педагоги: вдумчивые, активные, сотрудничающие» и др., которые обеспечивают персонализацию содержания и многообразие форм обучения, а также повышение доступности и расширение географии охвата пользователей.

Заключение, выводы

Исследование современных идей организации и индивидуализации международного профессионального развития педагогов в эпоху цифровизации способствует просветительству и пропаганде научных знаний среди российских работников образования всех уровней и повышает эффективность образовательных реформ в целом.

Реализованный под руководством автора статьи бенчмаркинг-проект «Лучшие практики профессионального развития педагогов в университетах Европы» подтвердил, что технология бенчмаркинга может быть успешно применена в российской системе образования, поскольку для этого имеются определенные условия, позволяющие формализовать передачу и адаптацию успешного опыта в области профессионального развития педагогов.

На основе анализа лучших практик профессионального развития педагогов вузов определены три основные модели реализации профессионального развития, которые могут служить ориентиром для российских реформаторов высшего образования в контексте государственной образовательной политики.

Возможности и условия успешного использования трех европейских моделей, осуществляющих индивидуализацию процесса профессионального развития педагогов, в российских организациях высшего образования станут предметом исследования на следующем этапе нашей опытно-экспериментальной работы.

В прогнозных предложениях предполагаются также разработки условий и факторов успешного использования международного опыта профессионального развития педагогов как ресурса для развития человеческого капитала российских образовательных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дмитриева Е. Н. Смысловая парадигма как основа совершенствования профессиональной подготовки педагогов в вузе : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Н. Новгород, 2004. 41 с.
2. Гаврилова И. В., Запруднова Л. А. Формальная, неформальная и информальная модели образования // Молодой ученый. 2016. № 10. С. 1197—1200.
3. Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Event-маркетинг высшего учебного заведения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2015. № 4(33). С. 345—351.
4. Morakanyane R., Grace A., O'Reilly P. Conceptualizing digital transformation in business organizations: a systematic review of literature // Digital transformation — from connecting things to transforming our lives. University of Maribor Press, 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.18690/978-961-286-043-1.30>.
5. Когнитивная педагогика : учеб.-метод. пособие / Р. Х. Гильмеева, А. Р. Камалеева, А. С. Кац и др. ; под науч. ред. Е. Ю. Левиной. Казань : Ин-т педагогики, психологии и соц. проблем, 2020. 228 с.

6. Кузьмина Ю. А. Особенности развития персонала в исследовательском университете // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2010. № 2. С. 39—42.
7. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость / Пер. с англ. М. : Альпина Паблицер, 2018. 716 с.
8. Трегубова Т. М., Баклашова Т. А. Практическое обучение как условие профессионального развития студентов педагогической магистратуры (на примере Института психологии и образования КФУ) // Ярославский пед. вестник. 2019. № 2(107). С. 53—60.
9. Articulating and comparing standards through benchmarking of assessment / S. Booth, A. Melano, H. Sainsbury, L. Woodley // Presented at Australian Universities Quality Forum: Demonstrating quality, Melbourne, VIC, Australia, 2011. URL: <https://ro.uow.edu.au/asdpapers>.
10. Riketta M. Organizational identification: a meta-analysis // Journal of Vocational Behavior. 2005. Vol. 66. No. 2. Pp. 358—384.
11. Новикова Е. Л. Бенчмаркинг в образовании : учеб. пособие для преподавателей, методистов и руководителей образоват. учреждений. Ростов н/Д. : РКСИ, 2018. 12 с.
12. Пономарева О. Н. Применение бенчмаркинга в вузе // World science: problems and innovations : материалы XXXVII междунар. науч.-практ. конф., г. Пенза, 30 нояб. 2019 г. Пенза : Наука и просвещение, 2019. С. 176—179.
13. Козьминых С. В. Возможности использования в России зарубежного опыта реализации рыночных моделей здравоохранения // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2010. № 3. С. 52—58.
14. Huggins R., Cooke Ph. The economic impact of Cardiff university: innovation learning and job generation // GeoJournal. 1997. Vol. 41. No. 4. Pp. 325—337.
15. Ossiannilsson Ebba. Benchmarking e-learning in higher education: lessons learned from international projects // Society for Research into Higher Education & Open University Press, 2006. 258 p.

REFERENCES

1. Dmitrieva E. N. *Cognitive paradigm as the basis for improving the professional training of teachers at the university. Abstract of Diss. of the Doc. of Pedagogy*. Nizhniy Novgorod, 2004. 41 p. (In Russ.)
2. Gavrilova I. V., Zaprudnova L. A. Formal, non-formal and informal models of education. *Young scientist*, 2016, no. 10, pp. 1197—1200. (In Russ.)
3. Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. Event-marketing of a higher educational institution. *Business. Education. Law*, 2015, no. 4(33), pp. 345—351. (In Russ.)
4. Morakanyane R., Grace A., O'Reilly P. Conceptualizing Digital Transformation in Business Organizations: A Systematic Review of Literature. In: *Digital Transformation — From Connecting Things to Transforming Our Lives*. University of Maribor Press, 2017. URL: <http://dx.doi.org/10.18690/978-961-286-043-1.30>.
5. Gilmeeva R. Kh., Kamaleeva A. R., Kats A. S., et al. *Cognitive pedagogy. Teaching guide*. Ed. by E. Yu. Levina. Kazan, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems publ., 2020. 228 p. (In Russ.)
6. Kuzmina Yu. A. Features of staff development at a research university. *Business. Education. Law*, 2010, no. 2, pp. 39—42. (In Russ.)
7. Porter M. *Competitive advantage: How to achieve a high result and ensure its sustainability*. Trans. from English. Moscow, Alpina Publisher, 2018. 716 p. (In Russ.)
8. Tregubova T. M., Baklashova T. A. Practical training as a condition for the professional development of students of pedagogical magistracy (on the example of the Institute of Psychology and Education of KFU). *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2019, no. 2(107), pp. 53—60. (In Russ.)
9. Booth S., Melano A., Sainsbury H., Woodley L. *Articulating and comparing standards through benchmarking of assessment*. Presented at Australian Universities Quality Forum: Demonstrating quality, Melbourne, VIC, Australia, 2011. URL: <https://ro.uow.edu.au/asdpapers>.
10. Riketta M. Organizational Identification. A Meta-Analysis. *Journal of Vocational Behavior*, 2005, vol. 66, no. 2, pp. 358—384.
11. Novikova E. L. *Benchmarking in education. Textbook for teachers, methodologists and heads of educational institutions*. Rostov-on-Don, RKSI publ., 2018. 12 p. (In Russ.)
12. Ponomarev O. N. Application of benchmarking at the university. In: *World Science: problems and innovations. Materials of the XXXVII Int. sci. and pract. conf., Nov. 30, 2019*. Penza, Science and Education, 2019. Pp. 176—179. (In Russ.)
13. Kosminikh S. V. Possibilities of using foreign experience in Russia to implement market models of healthcare. *Business. Education. Law*, 2010, no. 3, pp. 52—58. (In Russ.)
14. Huggins R., Cooke Ph. The economic impact of Cardiff university: innovation learning and job generation. *GeoJournal*, 1997, vol. 41, no. 4, pp. 325—337. (In Russ.)
15. Ossiannilsson Ebba. Benchmarking e-learning in higher education: lessons learned from international projects. In: *Society for Research into Higher Education & Open University Press*, 2006. 258 p.

Как цитировать статью: Трегубова Т. М. Модели профессионального развития педагогов в условиях цифровизации: бенчмаркинг успешных практик // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 348—352. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.325.

For citation: Tregubova T. M. Models of teachers' professional development in conditions of digitalization: benchmarking of successful practices. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 348—352. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.325.

УДК 796.077.4
ББК 75.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.302

Borisova Vera Valerevna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Theory and Methods of Physical Culture,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: borisovav5@rambler.ru

Titova Anna Vladimirovna,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Physical Culture and Sports Disciplines,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: ann29357975@yandex.ru

Arkhipova Svetlana Anatolyevna,
Director of the Institute of Pedagogy,
Physical Culture, Sports and Tourism,
Tula State University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: arkhypov777@gmail.com

Борисова Вера Валерьевна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики
физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: borisovav5@rambler.ru

Титова Анна Владимировна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры физической культуры
и спортивных дисциплин,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: ann29357975@yandex.ru

Архипова Светлана Анатольевна,
директор института педагогики,
физической культуры, спорта и туризма,
Тульский государственный университет,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: arkhypov777@gmail.com

ПРИМЕНЕНИЕ СРЕДСТВ АЭРОБИКИ В ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

THE USE OF AEROBICS IN THE TRAINING PROCESS IN RHYTHMIC GYMNASTICS

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methods of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture

Многие специалисты считают, что в таком виде спорта, как художественная гимнастика, уровень двигательной подготовленности оказывает существенное влияние на спортивный результат. Учитывая тенденцию к усложнению соревновательных программ, во-первых, за счет увеличения количества и стоимости элементов владения предметом, во-вторых, за счет максимального проявления физических способностей, актуальным является вопрос о необходимости подбора и разработки методик, позволяющих быстро и эффективно развивать необходимые гимнасткам двигательные способности. Однако невозможно достигнуть необходимого уровня развития двигательных способностей в короткие сроки и с наименьшими затратами ресурсов, не имея научно обоснованной методики.

В статье раскрываются актуальные вопросы совершенствования методики тренировочного процесса юных художественных гимнасток, позволяющей оптимизировать учебно-тренировочный процесс, повысив уровень их двигательной подготовленности; изложено содержание экспериментальной методики, которая учитывает тенденции, характерные для современной художественной гимнастики. Приводятся примеры экспериментальных комплексов упражнений аэробики для оптимизации процесса обучения и развития двигательных способностей гимнасток 9–10 лет.

Авторами обосновывается значимость и эффективность применения на тренировочных занятиях специаль-

но подобранных элементов классической и танцевальной аэробики, направленных на повышение уровня двигательной подготовленности художественных гимнасток 9–10 лет на этапе начальной спортивной специализации.

Для изучения эффективности предложенной методики представлены педагогические контрольные испытания (тесты), направленные на определение физиометрических показателей гимнасток 9–10 лет, показателей развития их двигательных способностей, а также качества овладения некоторыми гимнастическими упражнениями (бросок, кувырок и ловля мяча одной рукой, поворот «пассе» на 360°, прыжки через скакалку с двойным вращением 10 раз). Отдельный раздел статьи посвящен обсуждению результатов исследования.

Many experts believe that in such a sport as rhythmic gymnastics, the level of motor fitness has a significant impact on the sports result. Given the tendency to complicate competitive programs, first, by increasing the number and cost of the elements of possession of the subject, and secondly, due to the maximum manifestation of physical abilities, the question of the need to select and develop techniques that allow quickly and effectively develop the necessary motor skills for gymnasts is relevant. However, it is impossible to achieve the necessary level of development of motor abilities in a short time and with the least expenditure of resources, without having a scientifically based methodology.

The article reveals the current issues of improving the training process of young gymnasts-“artists”, which allows them to optimize the training process, increasing the level of their motor fitness; the content of the experimental methodology, which takes into account the trends characteristic of modern rhythmic gymnastics, is presented. Examples of experimental sets of aerobics exercises for optimizing the learning process and developing the motor abilities of 9–10-year-old gymnasts aged are given.

The authors substantiate the significance and effectiveness of the use of specially selected elements of classical and dance aerobics in training classes, aimed at improving the level of motor fitness of gymnasts-“artists” aged 9–10 at the stage of initial sports specialization.

To study the effectiveness of the proposed method, pedagogical control tests are presented, aimed at determining the physiometric indicators of 9–10-year-old gymnasts, indicators of the development of their motor abilities, as well as the quality of mastering some gymnastic exercises (throwing, somersaulting and catching the ball with one hand, turning the “pass” by 360°, jumping rope with a double rotation 10 times). A separate section of the article is devoted to the discussion of the research results.

Ключевые слова: художественная гимнастика, классическая и танцевальная аэробика, оптимизация учебно-тренировочного процесса, специальная физическая подготовка, уровень двигательной подготовленности, физиометрические показатели, девочки 9–10 лет, этап начальной спортивной специализации, экспериментальная методика, контрольные испытания.

Keywords: rhythmic gymnastics, classical and dance aerobics, optimization of the educational and training process, special physical training, the level of motor fitness, physiometric indicators, 9–10-year-old girls, the stage of initial sports specialization, experimental methods, control tests.

Введение

Актуальность. Теория и практика физического воспитания и спортивной тренировки юных гимнасток должна основываться на изучении их индивидуальных особенностей. Рост и развитие юных спортсменок обусловлены влиянием находящихся в динамическом взаимодействии внешних и внутренних факторов [1–4].

Многогранное влияние на развитие личности спортсменок, состояние их здоровья и работоспособность растущего организма оказывает спортивная деятельность. Но благоприятное воздействие на организм оказывает только спортивная деятельность, находящаяся в пределах оптимальных величин [5, 6]. Поэтому требуется особое внимание к совершенствованию режимов, обеспечивающих рациональный уровень физической нагрузки.

На спортивный результат оказывает большое влияние мотивированность на высокие достижения, заинтересованность тренировочным процессом, уверенность в своих силах: лишь при объединении этих качеств в одно целое гимнастка будет способна добиться поставленной цели. Но эти качества будут значительны в том случае, если гимнастка обладает необходимым для данного вида спорта уровнем развития двигательных способностей и необходимым арсеналом двигательных умений и навыков [7, 8].

По мнению Говоровой М. А., современная художественная гимнастика характеризуется постоянным и неуклонным ростом сложности соревновательных программ. Как следствие, повышаются требования к уровню двигательной подготовленности занимающихся этим видом спортивной деятельности. основополагающей становится специальная физическая подготовка гимнасток, направленная на околопредельную реализацию индивидуальных возможностей гимнасток, а также на достижение высокого уровня их физического развития [9].

Ряд исследований в этой области [10–12] свидетельствуют о том, что большинство тренеров в своей практической деятельности сталкиваются с проблемой выбора наиболее эффективной методики для развития двигательных способностей. Так, разработанные более 20 лет назад технологии часто оказываются неэффективными и требуют значительных временных затрат в тренировке, а многочисленные методики, представленные в интернете, не имеют достаточного научного обоснования [13]. Таким образом, тренеры вынуждены интуитивно вести поиск новых средств и методов, позволяющих повысить уровень двигательной подготовленности художественных гимнасток [14, 15].

В настоящем исследовании нами предпринята попытка разработки методики развития двигательных способностей у юных спортсменок, используя средства, близкие по своей двигательной структуре к упражнениям художественной гимнастики, а именно элементы разных видов аэробики.

Основное **противоречие**, которое мы пытаемся разрешить в нашей работе, заключается в необходимости оптимизации процесса развития двигательных способностей в художественной гимнастике и недостаточной разработанности данной проблемы в теории и практике физического воспитания.

Цель исследования — разработать методику оптимизации процесса специальной физической подготовки юных гимнасток средствами аэробики.

В основу **гипотезы** исследования было положено предположение, что включение в учебно-тренировочный процесс юных гимнасток средств аэробики позволит оптимизировать процесс физической подготовки, повысив уровень развития физических способностей.

Объект исследования — учебно-тренировочный процесс юных гимнасток.

Предмет исследования — процесс развития двигательных способностей в художественной гимнастике с использованием средств аэробики.

Задачи исследования.

1. Изучить возможность применения средств аэробики в учебно-тренировочном процессе в художественной гимнастике.
2. Разработать организационно-методические подходы к применению упражнений аэробики для развития двигательных способностей гимнасток 9–10 лет.
3. Экспериментально обосновать эффективность применения аэробики как средства развития двигательных способностей в художественной гимнастике.

Научная новизна исследования — разработана методика применения средств аэробики, позволяющая повысить уровень физической подготовленности гимнасток 9–10 лет.

Теоретическая значимость. Раскрыто понятие «оптимизация учебно-тренировочного процесса», а также

теоретически обоснованы пути повышения уровня физической подготовленности гимнасток с использованием средств аэробики.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы тренерами по художественной гимнастике для оптимизации процесса развития двигательных способностей юных спортсменок, а также учителями физической культуры в секционной работе со школьницами младших классов.

Основная часть

Методология. Исследование проводилось с сентября 2020 по апрель 2021 г. На базе ОЦРТДиЮ Привокзального района г. Тулы был проведен формирующий эксперимент, в котором приняло участие 10 девочек 9—10 лет. В качестве контрольной группы выступала группа из 10 девочек из этого же центра.

В экспериментальной группе занятия по физической подготовке проводились по разработанной методике с использованием комплексов аэробики, в контрольной — по общепринятой методике без учета этих комплексов.

В качестве критериев оценки эффективности предложенной программы использовались результаты контрольных обследований и тестов, проводимых до и после эксперимента.

При изучении физиометрических показателей детей применяли методы спирометрии и кистевой динамометрии. Жизненная емкость легких (ЖЕЛ) измерялась сухим спирометром, мышечная сила ведущей руки — детским кистевым динамометром ДРП-30.

Уровень развития двигательных способностей измерялся общепринятыми в практике физического воспитания детей младшего школьного возраста двигательными тестами. Для характеристики скоростных способностей использовалось упражнение «Бег 30 метров» (с); скорост-

но-силовых — «Прыжок в длину с места» (см), «Метание теннисного мяча» (м); гибкости — «Наклон туловища из положения стоя» (см), «Мост», «Шпагат» (правая, левая ноги), «Выкрут гимнастической палки»; координационных способностей — «Статическое равновесие на одной ноге» (с), «Сила мышц брюшного пресса» (количество циклов), «Сила мышц спины» (количество циклов).

Также определялось качество овладения гимнастическими упражнениями (бросок, кувырок и ловля мяча одной рукой), поворот «пассе» на 360° (из 5 баллов), прыжки через скакалку с двойным вращением 10 раз (из 5 баллов).

В процессе проведенной работы были изучены структура и содержание процесса развития двигательных способностей девочек 9—10 лет в художественной гимнастике и пути его оптимизации средствами аэробики (классической и танцевальной аэробики, аэробики с предметом).

В ходе эксперимента применение упражнений аэробики происходило строго регламентировано, в соответствии с учебной программой. Предлагаемые элементы аэробики по структуре двигательных действий имели сходство с изучаемыми в основной части занятия гимнастическими упражнениями. Нами использовались элементы классической и танцевальной аэробики, аэробики с предметами.

Оптимизация процесса физической подготовки средствами аэробики осуществлялась нами на этапе углубленного разучивания двигательных действий и на этапе совершенствования двигательных действий. В занятия экспериментальной группы включались элементы аэробики, подводящие к освоению элементов художественной гимнастики.

Например, при обучении упражнениям с предметами (скакалка, мяч) использовались упражнения аэробики со скакалкой, с мячом (табл. 1).

Таблица 1

Примерный план-конспект урока по художественной гимнастике с включением элементов аэробики с предметом (с мячом)

№	Часть урока	Содержание	Дозировка	Организационно-методические указания
1	Подготовительная	1. Общее построение. Сообщение цели и задач урока. 2. Легкий бег. 3. Чередование ходьбы на носках, на пятках. 4. Шаг польки вперед в сочетании с галопом в сторону. 5. Хореография	3...5 мин 3 мин 2...3 мин 2...3 мин 25 мин	Следим за осанкой Не смотрим в пол Выпрямляем колени
2	Основная	<i>Аэробика с предметом (с мячом):</i> 1. March на месте, мяч вперед, вверх (руки прямые). 2. То же с перемещением вперед, назад, вправо, влево. 3. V-step на месте, мяч вправо, влево (руки прямые). 4. Mambo правой ногой, мяч в правой руке выкрут. 5. То же левой. 6. Step Touch, отбивы мяча правой, левой руками. 7. Open Step, передача мяча над головой из правой руки в левую и наоборот. 8. То же, но с низким броском. 9. То же, но со средним броском. 10. Knee up, передача мяча под ногой из правой руки в левую и наоборот. 11. March на месте, переброска мяча через левую руку правой и наоборот. 12. То же с перемещением по диагонали вправо, влево, кат мяча по правой руке, по левой руке.	16 раз 16 раз 16 раз 32 раза 32 раза 16 раз 64 раза 32 раза 64 раза 64 раза	Руки прямые Носки прямые Не поднимаем плечи Мяч лежит на ладони Опускаемся на пятки Руки прямые Плечи опущены «Встречаем» мяч Носки оттянуты

№	Часть урока	Содержание	Дозировка	Организационно-методические указания
2	Основная	<p><i>Совершенствование элементов художественной гимнастики с мячом:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Бросок мяча вверх, кувырок, ловля предмета одной рукой. 2. То же, ловля предмета ногами. 3. Каты по одной руке. 4. То же, по двум рукам. 5. Выполнение ранее разученной композиции с мячом без музыкального сопровождения. 6. То же, с музыкальным сопровождением. 7. Отработка неудачно выполненных элементов композиции 	<p>10...15 мин 8...10 мин 3...4 мин 8...10 мин</p> <p>10...15 мин 10...15 мин 10...15 мин</p>	<p>Рука «чувствует» мяч Быстрее выполнять кувырок. Точнее бросок. Руки «чувствуют» мяч</p> <p>Руки «мягкие»</p>
3	Заключительная	<p><i>Растяжка:</i></p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «Мост» руки стоят на полу. 2. «Мост» с захватом за голень. 3. Шагагы (правая, левая ноги, поперечный) с повышенной опоры. <p><i>ОФП:</i></p> <p>Игра «тесто».</p> <p>Построение, сообщение домашнего задания</p>	<p>10 раз 10 раз По 7 мин</p> <p>10...12 мин</p>	<p>Колени прямые</p>

Результаты. Оценка двигательных способностей осуществлялась при помощи физических упражнений, изложенных выше. Из физиометрических признаков мы выбрали мышечную (мышечную силу кисти правой и левой рук, а для сравнения брали максимальный показатель, обозначив его как «мышечная сила ведущей руки») силу

и жизненную емкость легких (табл. 3). Степень овладения гимнастическими упражнениями оценивалась с помощью контрольных упражнений, специфичных для художественной гимнастики. Оценка осуществлялась экспертным методом по пятибалльной системе, количеству успешных попыток. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Степень овладения гимнастическими упражнениями у испытуемых до начала эксперимента

Группы испытуемых	Полученный результат		
	Бросок, кувырок и ловля мяча одной рукой	Поворот «пассе» на 360°	Прыжки через скакалку 10 раз
Контрольная	4,04 ± 0,16	4,32 ± 0,16	4,13 ± 0,15
Экспериментальная	4,04 ± 0,27	4,25 ± 0,16	4,27 ± 0,14

Таблица 3

Степень физической подготовленности у испытуемых до начала эксперимента

Показатель	Группа	M ± m
Сила кисти ведущей руки	Э	8,10 ± 0,72
	К	8,20 ± 0,56
ЖЕЛ, л	Э	1,00 ± 0,05
	К	1,10 ± 0,06
Бег 30 м, с	Э	7,60 ± 0,28
	К	7,40 ± 0,25
Прыжок в длину с места, см	Э	90,50 ± 4,63
	К	88,60 ± 5,75
Гибкость, см	Э	4,1 ± 3,2
	К	2,50 ± 0,47
Статическое равновесие на одной ноге, с	Э	59,00 ± 7,00
	К	60,00 ± 8,20
Метание теннисного мяча, м	Э	6,70 ± 0,35
	К	7,7 ± 0,5
Сила мышц брюшного пресса, кол-во циклов	Э	8,0 ± 0,5
	К	9,30 ± 0,63
Сила мышц спины, кол-во циклов	Э	15,20 ± 0,54
	К	14,60 ± 0,48

По окончании эксперимента были проведены повторные исследования уровня развития двигательных способностей и получены следующие результаты (табл. 3, 4).

Как видно из табл. 3, средние показатели силы кисти ведущей руки у детей контрольной и экспериментальной групп до эксперимента достоверно не различались и составили в килограммах соответственно 8,10 ± 0,72 и 8,20 ± 0,56 ($p > 0,05$).

После эксперимента (см. табл. 4) мышечная сила кисти детей экспериментальной группы выросла более существенно и в среднем составила (9,26 ± 0,72) кг, тогда как в контрольной группе этот показатель равен только (8,60 ± 0,36) кг ($p > 0,05$).

Жизненная емкость легких детей разных групп до эксперимента также не имела достоверных различий. После эксперимента среднее значение жизненной емкости легких детей, занимающихся по экспериментальной программе, выросло более заметно, с (1,00 ± 0,05) л до (1,30 ± 0,06) л, тогда как в контрольной с (1,10 ± 0,06) л до (1,30 ± 0,05) л ($p > 0,05$).

По-видимому, режим двигательной активности гимнасток экспериментальной группы, включающий ежедневные занятия аэробикой, привел к более заметному росту исследуемых физиометрических признаков, чем традиционный режим тренировочной деятельности юных гимнасток контрольной группы (см. табл. 3, 4).

Результаты проведения педагогического эксперимента свидетельствуют, что у наблюдаемых юных гимнасток

развитие двигательных способностей происходит достаточно равномерно. Наибольший прирост показателя зафиксирован нами в следующих контрольных упражнениях: «Наклон туловища в положении стоя» и «Мост».

Следует отметить, что у юных гимнасток из контрольной группы в двигательных тестах «Сила сжатия кисти

ведущей руки», «Статическое равновесие на одной ноге» не зафиксировано достоверное улучшение результатов. По нашему мнению, это связано с тем, что режим двигательной активности, предлагаемый в условиях спортивной тренировки, часто неадекватен потребностям организма ребенка и не способствует его развитию (см. табл. 3, 4).

Таблица 4

Степень физической подготовленности у испытуемых после эксперимента

Показатель	Группа	$M \pm m$	t	P
Сила кисти ведущей руки	Э	$9,20 \pm 0,72$	0,82	$> 0,05$
	К	$8,60 \pm 0,96$		
ЖЕЛ, л	Э	$1,30 \pm 0,06$	0	$> 0,05$
	К	$1,30 \pm 0,05$		
Бег 30 м, с	Э	$7,90 \pm 0,22$	0,57	$> 0,05$
	К	$7,80 \pm 0,28$		
Прыжок в длину с места, см	Э	$117,00 \pm 3,66$	1,9	$> 0,05$
	К	$105,60 \pm 5,02$		
Гибкость, см	Э	$10,00 \pm 0,98$	2,33	$> 0,05$
	К	$6,80 \pm 0,96$		
Статическое равновесие на одной ноге, с	Э	$70,50 \pm 8,20$	0,93	$> 0,05$
	К	$70,00 \pm 8,10$		
Метание теннисного мяча, м	Э	$10,30 \pm 0,40$	2,25	$< 0,05$
	К	$8,50 \pm 0,67$		
Сила мышц брюшного пресса, кол-во полных циклов	Э	$12,50 \pm 0,48$	2,8	$< 0,05$
	К	$10,8 \pm 0,3$		
Сила мышц спины, кол-во полных циклов	Э	$22,8 \pm 0,2$	6,5	$< 0,001$
	К	$18,9 \pm 0,6$		

При сравнении динамики двигательных способностей детей экспериментальной и контрольной групп видно, что у детей, занимающихся по экспериментальной программе, прирост результатов, характеризующих развитие скоростно-силовых, координационных способностей, гибкости, достоверно выше ($P > 0,05$). Высокие темпы роста этих показателей в экспериментальной группе, на наш взгляд, свидетельствуют об эффективном воздействии средств аэробики. Целенаправленный подбор прыжковых упражнений, а также упражнений на координацию и гибкость в каждом занятии по классической, танцевальной аэробике и аэробике с предметом обеспечил достаточное развитие вышеуказанных способностей юных гимнасток.

В упражнениях, характеризующих скорость бега, достоверных различий в приросте средних результатов в экспериментальной и контрольной группе не зафиксировано. Однако и в этом двигательном задании наблюдался более высокий результат по окончании года в экспериментальной группе.

В метании теннисного мяча (см. табл. 3, 4) значительный рост результатов произошел в экспериментальной группе по сравнению с контрольной. Если до эксперимента в ЭГ результат был равен ($6,70 \pm 0,35$) м, то после эксперимента он стал равен 10,3 м (прирост 3,6 м), тогда как в КГ результат был ($7,7 \pm 0,5$) м, а стал ($8,50 \pm 0,67$) м, т. е. прирост составил 0,7 м ($P < 0,05$).

По показателю «Подъем туловища из положения лежа на спине» (см. табл. 3, 4), характеризующему способность ребенка выполнять движения, связанные с развитием мышц брюшного пресса, произошли достоверные ($p < 0,05$) изме-

нения у детей ЭГ по сравнению с КГ. Так, данный показатель у юных гимнасток ЭГ до эксперимента составил $8,0 \pm 0,5$ после $12,50 \pm 0,48$, у детей КГ он был равен $9,30 \pm 0,63$ до и $10,8 \pm 0,3$ после эксперимента соответственно.

На наш взгляд, способности к данному роду движений проявились лучше у детей ЭГ, занимающихся художественной гимнастикой с включением упражнений аэробики, чему способствовали специальные упражнения, используемые на занятиях для развития мышц брюшного пресса (серии упражнений в партере из положения лежа на спине).

По показателю «Подъем туловища из положения лежа на животе» (см. табл. 3, 4), характеризующему способность ребенка выполнять движения, связанные с развитием активной гибкости и силы мышц спины, произошли положительные изменения и в контрольной, и в экспериментальной группе. Однако если в контрольной группе результаты выросли незначительно ($14,60 \pm 0,48$ до и $18,9 \pm 0,6$ после эксперимента), то в экспериментальной произошли достоверные изменения данного показателя ($15,20 \pm 0,54$ до и $22,8 \pm 0,2$ после эксперимента) ($p < 0,001$).

Совершенствование двигательных способностей гимнасток, произошедшее в ходе педагогического эксперимента, непосредственно отразилось на качестве исполнения двигательных действий, специфичных для художественной гимнастики.

В результате статистической обработки полученных данных между средними показателями успешности овладения гимнастическими упражнениями учащихся контрольной и экспериментальной групп обнаружены достоверные различия (табл. 5).

Степень овладения гимнастическими упражнениями у испытуемых после эксперимента

Контрольные упражнения	Экспериментальная группа, $x \pm m$	Контрольная группа, $x \pm m$	T, P
1. Бросок, кувырок и ловля мяча одной рукой	4,54 ± 0,13	3,81 ± 0,19	3,13 < 0,001
2. Поворот «пассе» на 360°	4,44 ± 0,15	3,84 ± 0,20	2,4 < 0,05
3. Двойные прыжки через скакалку 10 раз	4,70 ± 0,13	3,81 ± 0,15	2,31 < 0,05

Заключение

1. Анализ и обобщение теоретических и экспериментальных исследований по проблеме использования средств аэробики в тренировочном процессе художественных гимнасток показал, что данный вопрос недостаточно изучен и требует дальнейшей научной разработки. Эффективным средством комплексного воздействия на организм занимающихся являются занятия аэробикой, они способствуют укреплению всех мышечных групп, развивают подвижность суставов, обеспечивают повышение эластичности связок и сухожилий, повышают уровень развития аэробных возможностей, укрепляют сердечно-сосудистую и дыхательную системы, совершенствуют силу, гибкость, координацию движений, тренируют общую и силовую выносливость, обогащают двигательный арсенал.

2. Разработаны дифференцированные комплексы аэробики, направленные на развитие специальных двигательных качеств гимнасток 9—10 лет. Применение упражнений аэробики происходило строго регламентировано, в соответствии с учебной программой. Предлагаемые элементы аэробики по структуре двигательных действий имели сходство с изучаемыми в основной части занятия гимнастическими упражнениями.

3. Установлено, что показатели, характеризующие уровень двигательной подготовленности, а также физиометрические признаки всех обследованных спортсменок экспериментальной группы изменились в положительную сторону по сравнению с контрольной группой. Это свидетельствует о благоприятном влиянии разработанной нами методики применения средств аэробики в учебно-тренировочном процессе гимнасток 9—10 лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева В. Е., Пономарева Г. Н., Красильщикова А. К. Влияние сопряженного развития гибкости и скоростно-силовых качеств на характеристики подвижности в суставах и прыгучести гимнасток // *Культура физическая и здоровье*. 2010. № 2(27). С. 47—53.
2. Винер-Усманова И. А. Интегральная подготовка в художественной гимнастике : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2013.
3. Макарова Е. Ю. Структура специальной двигательной подготовки, определяющей техническое мастерство в художественной гимнастике : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1999. 23 с.
4. Медведева Е. Н., Терехина Р. Н. Пути самосовершенствования педагога-тренера на примере гимнастики : учеб. пособие. М. : Спорт, 2016. 160 с.
5. Борисова В. В., Титова А. В., Шестакова Т. А. Методика специально-двигательной подготовки юных спортсменок в художественной гимнастике // *Теория и практика физической культуры*. 2019. № 1. С. 84—86.
6. Об утверждении федерального стандарта спортивной подготовки по виду спорта художественная гимнастика : приказ Минспорта России от 20.08.2019 г. № 675 (ред. от 21.12.2020 г.) (зарег. в Минюсте России 20.09.2019 г. № 55995).
7. Терехина Р. Н., Винер-Усманова И. А., Медведева Е. Н. Теория и методика художественной гимнастики: подготовка спортивного резерва : учеб. пособие. М. : Спорт, 2018. 360 с.
8. Титова А. В., Борисова В. В. Специальная физическая подготовка в художественной гимнастике : учебно-метод. пособие. Тула, 2018. 57 с.
9. Говорова М. А., Плешкань А. В. Специальная физическая подготовка юных спортсменов высокой квалификации в художественной гимнастике : учеб. пособие. М. : Всерос. федерация худож. гимнастики, 2001. 50 с.
10. Новикова Л. А., Исмаилова А. С. Развитие гибкости спортсменок в художественной гимнастике. М. : Эдитус, 2018. 56 с.
11. Супрун А. А., Медведева Е. Н., Терехина Р. Н. Профилирующая подготовка в художественной гимнастике : учеб. пособие. СПб. : [б. и.], 2018. 207 с.
12. Теория и методика художественной гимнастики: «волны» : учеб. пособие / Р. Н. Терехина, И. А. Винер-Усманова, Е. Н. Медведева, А. А. Супрун, Е. С. Крючек, А. С. Мальнева, И. С. Семибратова. М. : Спорт, 2020. 152 с.
13. Плешкань А. В. Актуальные проблемы современной системы подготовки в художественной гимнастике : учеб. пособие. Краснодар, 2017. 87 с.
14. Теория и методика обучения базовым видам спорта: формирование профессионально-педагогических компетенций средствами гимнастики : учеб. пособие / Е. Н. Медведева, Б. П. Кашеваров, А. А. Супрун, Е. С. Крючек, В. В. Иванов. СПб. : [б. и.], 2019. 184 с.
15. Супрун А. А., Медведева Е. Н. Технологический подход к процессу технической подготовки в художественной гимнастике : моногр. СПб., 2017. 142 с.

REFERENCES

1. Andreeva V. E., Ponomareva G. N., Krasilshchikova A. K. Influence of the conjugate development of flexibility and speed-power qualities on the characteristics of mobility in joints and jumping ability of gymnasts. *Physical culture and health*, 2010, no. 2(27), pp. 47—53. (In Russ.)

2. Viner-Usmanova I. A. *Integral training in rhythmic gymnastics. Abstract of Diss. of the Doc. of Pedagogy*. Saint Petersburg, 2013. (In Russ.)
3. Makarova E. Yu. *The structure of special motor training that determines technical skill in rhythmic gymnastics. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 1999. 23 p. (In Russ.)
4. Medvedeva E. N., Terekhina R. N. *Ways of self-improvement of a teacher-coach on the example of gymnastics. Textbook*. Moscow, Sport, 2016. 160 p. (In Russ.)
5. Borisova V. V., Titova A. V., Shestakova T. A. Methods of special motor training of young athletes in rhythmic gymnastics. *Theory and practice of physical culture*, 2019, no. 1, pp. 84—86. (In Russ.)
6. *On approval of the Federal Standard of sports training in rhythmic gymnastics. Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation of 20.08.2019 No. 675* (ed. of 21.12.2020) (registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 20.09.2019 No. 55995). (In Russ.)
7. Terekhina R. N., Viner-Usmanova I. A., Medvedeva E. N. *Theory and methodology of rhythmic gymnastics: preparation of sports reserve. Textbook*. Moscow, Sport, 2018. 360 p. (In Russ.)
8. Titova A. V., Borisova V. V. *Special physical training in rhythmic gymnastics. Teaching guide*. Tula, 2018. 57 p. (In Russ.)
9. Govorova M. A., Pleshkan A. V. *Special physical training of young athletes of high qualification in rhythmic gymnastics. Textbook*. Moscow, All-Russian Federation of Rhythmic Gymnastics, 2001. 50 p. (In Russ.)
10. Novikova L. A., Ismailova A. S. *Development of flexibility of athletes in rhythmic gymnastics*. Moscow, Editus, 2018. 56 p. (In Russ.)
11. Suprun A. A., Medvedeva E. N., Terekhina R. N. *Profiling training in rhythmic gymnastics. Textbook*. Saint Petersburg, 2018. 207 p. (In Russ.)
12. Terekhina R. N., Viner-Usmanova I. A., Medvedeva E. N., Suprun A. A., Kryuchek E. S., Malneva A. S., Semibratova I. S. *Theory and methodology of rhythmic gymnastics: "waves". Textbook*. Moscow, Sport, 2020. 152 p. (In Russ.)
13. Pleshkan A. V. *Actual problems of modern system of training in gymnastics. Textbook*. Krasnodar, 2017. 87 p. (In Russ.)
14. Medvedeva E. N., Kashevarov B. P., Suprun A. A., Kryuchek E. S., Ivanov V. V. *Theory and methodology of teaching basic sports: formation of professional and pedagogical competencies by means of gymnastics. Textbook*. Saint-Petersburg, 2019. 184 p. (In Russ.)
15. Suprun A. A., Medvedeva E. N. *Technological approach to the process of technical training in rhythmic gymnastics. Monograph*. Saint Petersburg, 2017. 142 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Борисова В. В., Титова А. В., Архипова С. А. Применение средств аэробики в тренировочном процессе в художественной гимнастике // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 353—359. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.302.

For citation: Borisova V. V., Titova A. V., Arkhipova S. A. The use of aerobics in the training process in rhythmic gymnastics. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 353—359. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.302.

УДК 378.147
ББК 74.4

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.303

Gairbekova Patimat Imanaliyeva,
Teacher at the Department of Applied Informatics,
Dagestan State University,
Russian Federation, Republic of Dagestan,
Makhachkala,
e-mail: Pgairbekova@yandex.ru

Гайрбекова Патимат Иманалиевна,
преподаватель кафедры прикладной информатики,
Дагестанский государственный университет,
Российская Федерация, Республика Дагестан,
г. Махачкала,
e-mail: Pgairbekova@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

DIGITAL CULTURE IN MODERN EDUCATION

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье предметом исследования является значимость цифровой культуры в современном образовании. Образование является одним из основных факторов развития цифровой культуры, а также индикатором уровня интеллектуального развития человека, его материальных и духовных потребностей. Современное образование, применяя цифровые технологии, открывает возможности для обучения в любое удобное время, составления индивидуаль-

ного образовательного маршрута, непрерывного образования, перехода с уровня потребителя электронных ресурсов на уровень создателя. Рассмотрены принятые Правительством Российской Федерации нормативные документы, послужившие толчком для развития цифровой культуры в нашей стране и цифровизации образования. Выявлены особенности и проблемы формирования цифровой культуры педагога и обучающихся в современном образовании. Дано

определение цифровой грамотности. Цифровая культура предопределяет особый вид грамотности и компетентности. В статье проведено исследование данных использования ИКТ в образовательных организациях, рассмотрены основные показатели телекоммуникационной инфраструктуры по регионам России, проведен сравнительный анализ индекса цифровой грамотности, индекса цифровых компетенций учителей школ, преподавателей вузов и обучающихся. Предложены рекомендации по решению выявленных проблем цифровой культуры в современном образовании и по созданию цифрового образовательного пространства.

Цифровая культура и цифровая грамотность рассматриваются не только как владение инструментами современных информационных технологий, но и как то, как правильно позиционировать себя в информационном пространстве и какие границы нельзя переступать, когда находишься в нем, т. е. соблюдать цифровую этику. Проанализированы и обобщены материалы по цифровой грамотности педагогов, преподавателей вузов и всех категорий обучающихся, дано определение информационной грамотности. Предложены пути решения проблем развития цифровой культуры в современном образовании.

The article focuses on the importance of digital culture in modern education. Education is one of the main factors in the development of digital culture, as well as an indicator of the level of intellectual development of a person, their material and spiritual needs. Modern education using digital technologies opens up opportunities for learning at any convenient time, drawing up an individual educational route, continuing education, transition from the level of the consumer of electronic resources to the level of the creator. The regulatory documents adopted by the Government of the Russian Federation, which served as an impetus for the development of digital culture in our country and the digitalization of education, are considered. The features and problems of the formation of the digital culture of the teacher and students in modern education are revealed. The definition of digital literacy is given. Digital culture determines a special type of literacy and competency. The article studies the data on the use of ICT in educational organizations, considers the main indicators of telecommunication infrastructure in the regions of Russia, and provides a comparative analysis of the digital literacy index, the index of digital competencies of school teachers, university teachers, and students. Recommendations for solving the identified problems of digital culture in modern education and for creating a digital educational space are proposed.

Digital culture and digital literacy are considered not only as the possession of the tools of modern information technologies, but also as understanding of how to properly position yourself in the information space and what boundaries not to cross in this sphere, i.e. to observe digital ethics. The materials on digital literacy of teachers, university teachers and all categories of students are analyzed and summarized, and the definition of information literacy is given. The ways of solving the problems of digital culture development in modern education are proposed.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровая культура, цифровая грамотность, ИКТ-компетентность, цифровизация образования, информационное общество, медиаграмотность, медиатехнологии, компьютерная грамотность, информационная культура, информационная образовательная среда.

Keywords: digital economy, digital culture, digital literacy, ICT competency, digitalization of education, information society, media literacy, media technologies, computer literacy, information culture, information educational environment.

Введение

Актуальность исследования определяется тем, что образование является одним из основных факторов развития цифровой культуры, а также индикатором уровня интеллектуального развития человека, его материальных и духовных потребностей. В связи с цифровой трансформацией образования происходит становление новой системы обучения, воспитания, ведения образовательного процесса. Способы получения необходимых умений, знаний и навыков сопряжены с новейшими средствами обучения с использованием современных компьютерных технологий и с формированием цифровой культуры как у обучающихся, так и у педагогов.

Изученность проблемы. Исследования в области формирования и развития цифровой культуры в образовании отображены в научных трудах Битюцкой Н. Н., Мешковой Л. Н., Соколовой Н. Л., Ракитова А. И., Шмельковой Л. В., Никулиной Т. В., Солдатовой Г. У., Рассказовой Е. И.

Целесообразность разработки темы. В педагогической литературе проблемы развития цифровой культуры в современном образовании отражены слабо, что свидетельствует о целесообразности разработки темы настоящей статьи.

Цель данной работы — определить роль цифровой культуры в современном образовании.

Для решения поставленной цели определены следующие **задачи:** оценить реальное состояние цифровой культуры в современном образовании; определить проблемы, тормозящие развитие цифровой культуры в современной системе образования.

Научная новизна исследования заключается в определении проблем развития цифровой культуры в современном образовании, а также в определении условий и факторов, оказывающих определяющее влияние на цифровую грамотность педагогов в условиях цифровизации образования.

Теоретические результаты исследования могут являться научной базой при изучении проблем цифровой культуры в образовании. **Практическая значимость** определяется тем, что автором: выполнен анализ известных исследований по проблеме развития цифровой культуры в современном образовании, подтвердивший то обстоятельство, что качественного роста уровня образования в России за счет информатизации не достигнуто; выявлены особенности проблемы реализации процесса трансформации образования; предложены пути решения проблем развития цифровой культуры в современном образовании России.

Методология. В основу научного исследования положены современные методы исследования (анализа, синтеза и др.)

Основная часть

Цифровизация охватила все сферы деятельности человека, задавая новые параметры устройства общества и формируя новый тип культуры современного общества, который в современном научном мире получил название «цифровая культура». Как и любая культура, цифровая культура определяет образ жизни, мотивацию, особенности коммуникации, поведение человека. Цифровая культура предполагает

формирование определенной системы взаимоотношений человека с техникой и способов социального взаимодействия, опосредованных цифровыми средствами [1]. В качестве основных компонентов цифровой культуры можно считать те ценности и практики, которые нужны людям, чтобы обладать относительной свободой, иметь и создавать идентичность и участвовать в «жизненной политике» [2].

Какова же роль цифровой культуры в современном образовании?

Правительственная «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.» обозначила черты цифрового будущего России и стала толчком развития цифровой культуры в Российской Федерации [3]. Цифровизация расширяет горизонты информационного пространства граждан. Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. определил реализацию национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», где одним из приоритетных направлений является направление «Кадры и образование», вектор которого способствует освоению гражданами цифровой грамотности и компетенций цифровой экономики [4]. Процесс цифровизации образования и иных сфер жизни человека сопряжен с формированием цифровой культуры, позволяющей грамотно использовать инструменты современных информационных технологий и органично вливаться в среду цифрового общества [5]. Кроме того, он обуславливает повышение качества общего образования и конкурентоспособности в мировом образовательном пространстве, воспитание на основе духовно-нравственных ценностей социально ответственной личности, согласно национальному проекту «Образование» с 2019 по 2024 г., утвержденному Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 03.09.2018 г. № 10) [6]. Этот процесс влечет за собой существенные изменения в педагогической

теории и практике учебного и воспитательного процесса. Кардинально меняются образовательные парадигмы: меняется содержание, отношение, поведение, меняется педагогический менталитет [7]. Смена педагогического менталитета — наиболее сложный и длительный процесс, но без его изменения невозможно говорить о тех нововведениях, которые необходимы всему педагогическому сообществу и пространству. Традиционные способы получения необходимых умений, знаний и навыков теряют свою привлекательность для современного «цифрового» поколения. Современный педагог не только должен обладать знаниями в области информационных технологий, но и способствовать развитию всех компонентов цифровой культуры. Развитие цифровой культуры осуществляется на основе формирования информационной культуры, которая включает в себя медиаграмотность, компетентность в использовании информационных и медиатехнологий, умений и знаний в сфере информационных ресурсов, электронных библиотек, творчества в информационных коммуникациях [8].

В последние десятилетия в нашей стране особое внимание уделялось формированию информационно-образовательной среды учебного заведения, которая включает в себя следующие компоненты: организационно-управляющий (применение ИКТ в управлении образованием); программно-стратегический (совершенствование учебных программ и педагогических подходов); учебно-методический (методика преподавания в ИОС); кадровый (ИКТ-компетентность педагога); ресурсно-информационный (техническое и технологическое переоснащение рабочих мест системы образования) [9].

Результаты. Создание информационно-образовательной среды представляет собой процесс сбалансированного развития базовых компонентов ИОС, реализуемых через эффективное использование ИКТ [10]. Данные по числу персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в образовательных организациях на 2018 г. представлены на рис. 1.

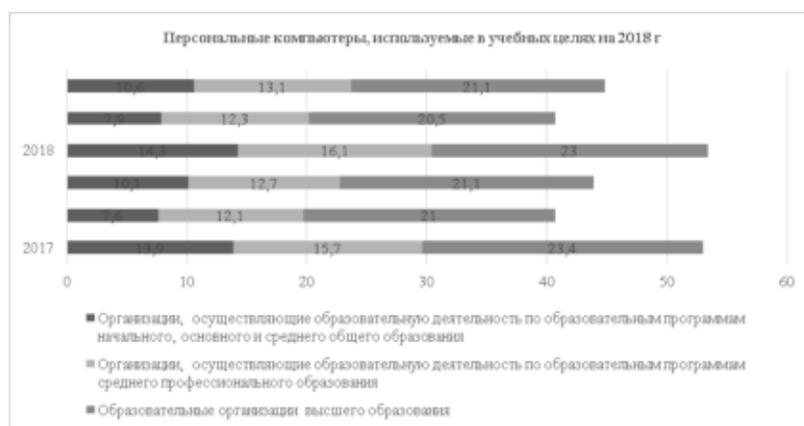

Рис. 1. Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, в расчете на 100 обучающихся в образовательных организациях на 2018 г. [11]

По данным рис. 1 видно, что образовательные организации не обеспечены должным образом компьютерной техникой и меняющиеся цифры показателей в положительной динамике относительно итогового года незначительны.

Основные показатели телекоммуникационной инфраструктуры по регионам России представлены на рис. 2.

По представленным на рис. 2 показателям видно, что число абонентов широкополосного доступа к интернету населения России по регионам сильно отличается.

В Центральной части России показатели выше, чем в северокавказских республиках, а в малонаселенных пунктах этих республик интернет и мобильная связь практически отсутствуют.

Аналитическим центром Национального агентства финансовых исследований (НАФИ) в России ежегодно проводятся исследования по вопросам использования цифровых технологий в образовательной деятельности. Данные исследования представлены на рис. 3.

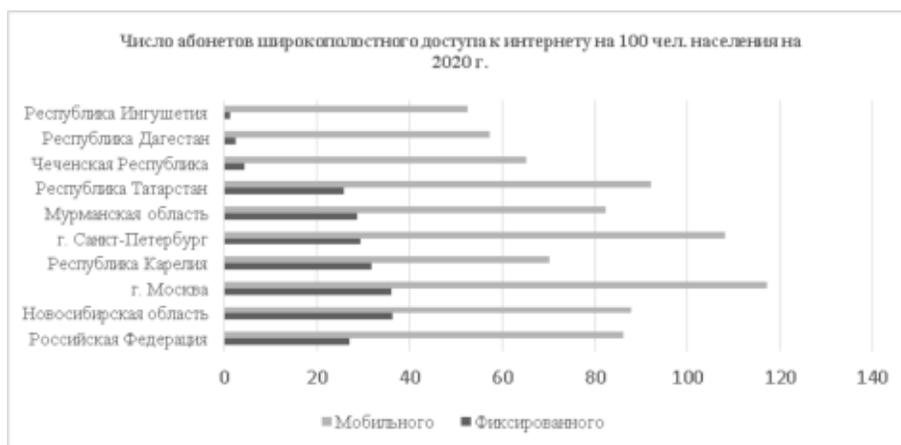

Рис. 2. Число абонентов широкополосного доступа к интернету на 100 человек населения на 2020 г. [12].

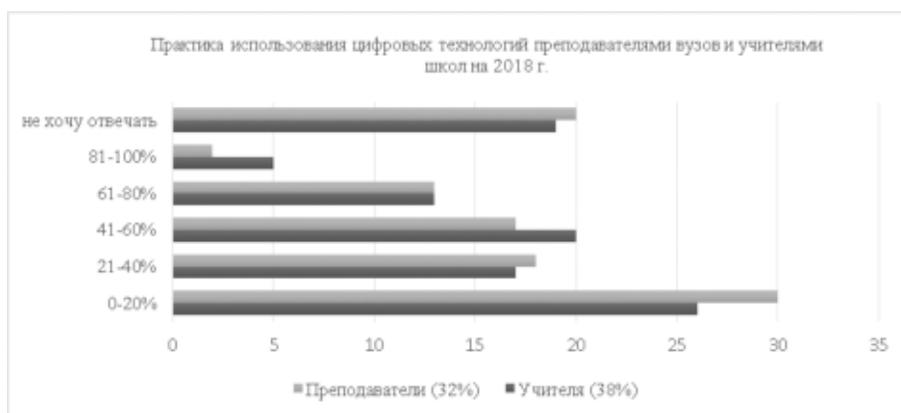

Рис. 3. Практика использования цифровых технологий преподавателями вузов и учителями школ на 2018 г. [13]

Согласно данным опрошенных педагогов (38 %) и преподавателей вузов (32 %), пользуются цифровыми технологиями неуверенно или же вообще их не используют от 40 до 100 % их коллег.

Таким образом, можно сделать вывод, что качественного роста уровня образования в России за счет информатизации не достигнуто. В полном объеме не реализована главная задача информатизации образования — использование ИКТ в повышении качества и содержания учебного процесса [14].

Педагог должен обладать цифровой грамотностью, как и любой специалист другой профессии для адаптации в цифровом обществе. Организация объединенных наций

(ООН) рассматривает цифровую грамотность как способность безопасно и надлежащим образом управлять, понимать, интегрировать, обмениваться, оценивать, создавать информацию и получать доступ к ней с помощью цифровых устройств и сетевых технологий для участия в экономической и социальной жизни [15]. Аналитическим центром НАФИ в России проведено всероссийское исследование по оценке цифровой грамотности педагогов, базируясь на оценке индикаторов информационной, компьютерной, коммуникативной грамотности, а также медиаграмотности и отношения к технологическим инновациям. Данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение компонентов индекса цифровой грамотности учителей школ и детей в возрасте 12—17 лет, преподавателей вузов и молодежи в возрасте 18—24 лет в процентных пунктах на 2018 г. [11]

Компонент	Индекс цифровой грамотности в процентных пунктах (из 100 возможных)			
	Дети 12—17 лет	Учителя школ	Преподаватели вузов	Молодежь 18—24 лет
Индекс цифровой грамотности	73	87	88	77
Информационная грамотность	74	93	94	74
Компьютерная грамотность	62	92	91	79
Коммуникативная грамотность	76	89	90	76
Медиаграмотность	75	88	90	75
Отношение к технологическим инновациям	77	76	78	81

Согласно данным, преподаватели высших учебных заведений и учителя школ демонстрируют неплохие показатели знаний, навыков и установок в области цифровых технологий. Хуже всего представлен показатель отношения к технологическим инновациям.

Цифровая грамотность является фундаментом развития профессиональных ИКТ-компетенций. Одним из значимых интегральных показателей, описывающих готовность российских учителей и преподавателей к активному применению ИКТ в образовательном процессе, является индекс ИКТ-компетенций. В основе построения индекса лежит Европейская рамка технологических компетенций (European Digital Competence Framework) для педагогов (DigCompEdu). Компетенции соотносятся с шестью уровнями опыта: «новичок», «исследователь», «интегратор», «эксперт», «лидер» и «новатор». Данные российского исследования ИКТ-компетенций педагогов и преподавателей вузов представлены в табл. 2.

Таблица 2

ИКТ-компетенции педагогов и преподавателей вузов на 2018 г. [11]

Уровень	Учителя школ, % от опрошенных	Преподаватели вузов, % от опрошенных
Новичок	2	3
Исследователь	16	22
Интегратор	37	38
Эксперт	31	25
Лидер	11	13
Новатор	1	1

Исходя из данных табл. 2, «новаторами» оказались 1 % учителей школ и преподавателей вузов: они ставят под сомнение адекватность современной практики преподавания, как с применением инновационных решений, так и традиционными методами, размышляя об ограничениях и недостатках современного образовательного процесса и стремясь улучшить его, экспериментируя с высоко инновационными и сложными цифровыми технологиями и/или разрабатывая новые педагогические подходы.

Выводы

Цифровая культура в современном образовании играет очень важную роль, и на современном этапе четко очерчивается ряд проблем, препятствующих развитию цифровой культуры в современном образовании. Наиболее выраженными проблемами являются: слабая техническая оснащенность образовательных учреждений; часть населения

России не может себе позволить высокоскоростной интернет и/или не имеет к нему доступа; низкий уровень роста качества образования; безопасность данных; недостаточная ИКТ-компетентность педагогов; отсутствие педагогической теории цифрового обучения; недостаточная психолого-педагогическая готовность педагогов образовательных учреждений к инновационной деятельности; недостаточная информированность изменений в системе образования; кадровый дефицит в регионах России. Помимо того, что специалист, обладающий цифровой культурой, владеет инструментами современных информационных технологий, он также знает, как правильно позиционировать себя в информационном пространстве и какие границы нельзя переступать, когда находишься в нем, т. е. соблюдает цифровую этику.

Заключение

В условиях цифровизации образования современный педагог должен обладать цифровой культурой и видеть в ней обязательное условие эффективной и комфортной работы в образовательной сфере. Одной из важнейших задач современного образования является цифровая грамотность педагогов, так как именно они должны найти и применить те формы обучения, которые максимально способствуют формированию цифровой грамотности у обучающихся.

По нашему мнению, для повышения уровня цифровой грамотности среди педагогов образовательных учреждений России необходима комплексная организация работы управляющих органов системы образования в следующих направлениях: проработка системы по мотивации педагогов и преподавателей образовательных учреждений (например, применить конкурсную основу для разработанных образовательных курсов с результатом материального поощрения); повышение ИКТ-компетенций педагогов и преподавателей должно стать основным направлением курсов повышения квалификации; разработка единого портала или программы дистанционного обучения, отдельно для вузов и школ, где все будут иметь открытый доступ к разработанным образовательным курсам; проработка системы количественных и качественных оценок уровня образовательного процесса подготовки онлайн-уроков, онлайн-лекций, онлайн-тестов, онлайн-курсов и т. д.; методическая поддержка деятельности педагогического состава. И, наконец, государству необходимо серьезно относиться к информационной безопасности личной информации педагогов и обучающихся, создать региональные рабочие группы по надзору технического оснащения вузов и школ, а также нарастить возможности сети Интернет и распространить интернет-покрытие в малонаселенных районах России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гнатышина Е. В., Саламатов А. А. Цифровизация и формирование цифровой культуры: социальные и образовательные аспекты // Вестник Челяб. гос. пед. ун-та. 2017. № 8.
2. Deuze M. Participation, remediation, bricolage: considering principal components of a digital culture // The Information Society. 2016. No. 22. Pp. 63—75.
3. О стратегии развития информационного общества в РФ на 2017—2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.
4. О национальных целях и стратегических задачах развития РФ до 2024 г. : указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
5. Никулина Т. В., Стариченко Е. Б. Информатизация и цифровое образование: понятия, технологии, управление // Педагогическое образование в России. 2018. № 8. С. 108.

6. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р.
7. Турчен Д. Н. Изменение образовательной парадигмы в XX—XXI вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4(14).
8. Маслакова М. В. Цифровая культура как фактор формирования и развития электронной информационно-образовательной среды вуза // Культура и образование. 2020. № 2(37). С. 5—14.
9. Конопатова Н. К. Информационно-образовательная среда как важнейшее условие достижения нового качества образования. URL: http://admdu.spb.ru/sites/default/files/sovremennaya_obrazovatelnyaya_sreda.pdf.
10. Муженская А. Г. Теоретические подходы к использованию ИКТ для формирования индивидуальной информационно-образовательной среды обучающегося в условиях непрерывного образования // Вестник РУДН. Сер. : Информатизация образования. 2016. № 1.
11. Образование в цифрах. 2020 : краткий стат. сб. / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина, Н. Б. Шугаль. М. : НИУ ВШЭ, 2020.
12. Индикаторы цифровой экономики. 2020 : стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др. М. : НИУ ВШЭ, 2020.
13. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева и др. М. : НАФИ, 2019. 84 с.
14. Магомедов А. М. Проблемы и тенденции развития цифрового образования // Педагогика и просвещение. 2019. № 2. С. 58—66. DOI: 10.7256/2454-0676.2019.2.27084.
15. Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru>.

REFERENCES

1. Gnatyshina E. V., Salamatov A. A. Digitalization and formation of digital culture: social and educational aspects. *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2017, no. 8. (In Russ.)
2. Deuze M. Participation, Remediation, Bricolage: Considering Principal Components of a Digital Culture. *The Information Society*, 2016, no. 22, pp. 63—75.
3. *On the Strategy for the development of the Information Society in the Russian Federation for 2017—2030. Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203.* (In Russ.) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>.
4. *On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation until 2024. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 No. 204.* (In Russ.) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
5. Nikulina T. V. Starichenko E. B. Informatization and digital education: concepts, technologies, management. *Pedagogical education in Russia*, 2018, no. 8, p. 108. (In Russ.)
6. *On Approval of the Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Order of the Government of the Russian Federation of 28.07.2017 No. 1632-r.* (In Russ.)
7. Turchen D. N. Change of educational paradigm in the XX—XXI centuries. *Historical and social educational idea*, 2012, no. 4(14). (In Russ.)
8. Maslakova M. V. Digital culture as a factor in the formation and development of the electronic information and educational environment of the university. *Culture and Education*, 2020, no. 2(37), pp. 5—14. (In Russ.)
9. Konopatova N. K. *Information and educational environment as the most important condition for achieving a new quality of education.* (In Russ.) URL: http://admdu.spb.ru/sites/default/files/sovremennaya_obrazovatelnyaya_sreda.pdf.
10. Muzhenskaya A. G. Theoretical approaches to the use of ICT for the formation of an individual information and educational environment of a student in the conditions of continuous education. *RUDN Journal of Informatization in Education*, 2016, no. 1. (In Russ.)
11. Gokhberg L. M., Ozerova O. K., Sautina E. V., Shugal N. B. *Education in numbers: 2020. Brief statistical collection.* Moscow, Higher School of Economics publ., 2020. (In Russ.)
12. Abdrakhmanova G. I., Vishnevsky K. O., Gokhberg L. M., et al. *Indicators of the digital economy: 2020. Statistical collection.* Moscow, Higher School of Economics publ., 2020. (In Russ.)
13. Aimaltdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A., et al. *Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process.* Moscow, NAIFI publ., 2019. 84 p. (In Russ.)
14. Magomedov A. M. Problems and trends in the development of digital education. *Pedagogy and education*, 2019, no. 2, pp. 58—66. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0676.
15. *Official UN website.* (In Russ.) URL: <https://www.un.org/ru>.

Как цитировать статью: Гаирбекова П. И. Цифровая культура в современном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 359—364. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.303.

For citation: Gairbekova P. I. Digital culture in modern education. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 359—364. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.303.

УДК 372.851
ББК 74.2, 74.4

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.309

Melnikov Yury Borisovich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of Chess Art
and Computer Mathematics,
Institute of Management and Information Technologies,
Ural State University of Economics,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: UriiMelnikov58@gmail.com

Suetov Alexandr Pavlovich,
Candidate of Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of Chess Art
and Computer Mathematics,
Institute of Management and Information Technologies,
Ural State University of Economics,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: a.p.suetov@usue.ru

Мельников Юрий Борисович,
канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры шахматного искусства
и компьютерной математики,
Институт менеджмента и информационных технологий,
Уральский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: UriiMelnikov58@gmail.com

Суатов Александр Павлович,
канд. физ.-мат. наук,
доцент кафедры шахматного искусства
и компьютерной математики,
Институт менеджмента и информационных технологий,
Уральский государственный экономический университет,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: a.p.suetov@usue.ru

РОЛЬ И МЕСТО ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОГО АППАРАТА В СОВРЕМЕННОМ ОБУЧЕНИИ МАТЕМАТИКЕ

THE ROLE AND PLACE OF THE COMPUTING APPARATUS IN MODERN TEACHING OF MATHEMATICS

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (математика)
13.00.02 — Theory and methods of teaching and bringing up (mathematics)

В последние десятилетия компьютерная техника вошла в профессиональную деятельность и в быт. Это привело к радикальному снижению потребности в выполнении ручных вычислений. Уже и в среде профессиональных математиков нередко символичные вычисления производятся с помощью программных средств: Maple, GAP, Maxima, MathCAD и др. В связи с этим должны измениться приоритеты математического образования и даже характер обучения математике, поскольку на практике главным достоинством математики считался ее мощный и эффективный вычислительный аппарат. Интуитивно понятно, что полный отказ от изучения вычислительного аппарата приведет к катастрофе не только в восприятии математического аппарата, который далеко не исчерпывается его вычислительным компонентом, но и в системе инженерного, экономического и других направлений образования. В этих условиях слова М. Ломоносова «Математику уже затем учить следует, что она ум в порядок приводит» приобретают особую значимость и должны быть отражены в программах обучения математике и соответствующем учебно-методическом обеспечении. В настоящее время актуальным является вопрос о роли, месте и функциях традиционного вычислительного аппарата в современном обществе и системе образования. В работе построена модель вычислительного аппарата математики, выделены направления использования вычислительного аппарата математики: 1) использование вычислительного аппарата математики в моделировании, т. е. 1.1) моделирование нематематических объектов средствами математики; 1.2) моделирование математических объектов средствами математики; 1.3) моделирование математических объектов нематематическими средствами; 2) использование вычислительного аппарата математики в моделировании деятельности, т. е. 2.1) моделирование системы управления математической и «околоматемати-

ческой» деятельностью; 2.2) моделирование системы инструментов математической и «околоматематической» деятельности. Кратко представлена система отбора компонентов вычислительного аппарата для формирования учебного курса.

Now computer technology has entered professional activity and everyday life. This has led to a dramatic reduction in the need to perform manual calculations. Even among professional mathematicians, symbolic calculations are often performed using software tools: Maple, GAP, Maxima, MathCAD, etc. Therefore the priorities of mathematical education should change and even the nature of teaching mathematics should change, since in practice the main advantage of mathematics was considered to be its powerful and an efficient computing apparatus. It is intuitively clear that a complete refusal to study the computing apparatus will lead to a catastrophe not only in the perception of the mathematical apparatus, which is far from being exhausted by its computational component, but also in the system of engineering, economics, and other areas of education. Under these conditions, the words of M. Lomonosov “Mathematics should be taught for at least the one reason that it puts the mind in order” acquire special significance and should be reflected in mathematics teaching programs and the corresponding educational and methodological support. Currently, the question of the role, place and functions of the traditional computing apparatus in modern society and the education system is relevant. In the work, a model of the computing apparatus of mathematics is built, the directions of using the computing apparatus of mathematics are highlighted: 1) the use of the computing apparatus of mathematics in modeling, i. e. 1.1) modeling of non-mathematical objects by means of mathematics; 1.2) modeling of mathematical objects by means of mathematics; 1.3) modeling of mathematical objects by non-mathematical means; 2) he use

of the computing apparatus of mathematics in modeling activities, i. e. 2.1) modeling of a management system of mathematical and “near-mathematical” activities; 2.2) modeling of a system of tools of mathematical and “near-mathematical” activities. A system for selecting components of a computing apparatus for the formation of a training course is briefly presented.

Ключевые слова: вычислительный аппарат, аналитический аппарат математики, теория и методика обучения математике, модели математики, модели вычислительного аппарата математики, отбор компонентов вычислительного аппарата математики, управление математической деятельностью, инструменты математической деятельности, стратегии деятельности, модели-полиады, моделирование.

Keywords: computing apparatus, analytical apparatus of mathematics, theory and methods of teaching mathematics, models of mathematics, models of computing apparatus of mathematics, selection of components of the mathematical computing apparatus, management of mathematical activity, tools of mathematical activity, activity strategies, models-polyads, modeling.

Введение

Актуальность. Математика с ее богатой многотысячелетней историей и потрясающими достижениями завоевала в обществе авторитет, который казался незыблемым. Очевидно, что основой несомненных успехов математики в области прогнозирования является ее вычислительный аппарат. Долгое время развитие вычислительного аппарата шло по пути создания более эффективных процедур (сравните сложность вычислений с числами в римской и так называемой арабской формах записи), создания новых эффективных исчислений (дифференциального, интегрального, вариационного и др.). Но с внедрением компьютеров и информационных технологий вычислительный аппарат математики «мигрировал» в программное обеспечение соответствующих видов деятельности. Сейчас даже профессиональные математики нередко автоматизируют «ручные выкладки» с помощью Maple, GAP, Maxima и т. п. Использование этих продуктов в российской системе математического образования является скорее исключением, чем правилом, что увеличивает разрыв между мышлением математиков-ученых и учащихся. Проблема преодоления этого разрыва изучается в теории и методике обучения математике [1], в частности обсуждается процесс осознания необходимости математических доказательств [2—4].

В массовом сознании математика нередко отождествляется с ее вычислительным аппаратом, что приводит к потере мотивации к изучению математики у школьников и студентов. Аргументы «без знания математики тебя в магазине обманут» сегодня вызывают только снисходительную улыбку: оплата карточкой или смартфоном уже доступна даже в небольших населенных пунктах. При этом очевидно, что отказ от систематического изучения математики будет иметь многочисленные негативные последствия как для умственного развития отдельных людей, так и для общества в целом.

Изученность проблемы. Внедрение информационных технологий приводит к изменению подходов к мотивации учения, например предлагается «обучение будущему» [5]. В России практика обучения математике нередко ограничена усвоением понятий и типовых алгоритмов. В учебниках и решебниках часто приводится готовое оформленное решение,

а процесс его поиска если и затрагивается, то схематично и несистемно. Мы считаем, что представление математики как системы понятий и алгоритмов является односторонним и некорректным. В математику включается невычислительная работа со знаками [6], математика формирует мышление [7, 8]. Усвоение вычислительного мышления считалось (как правило, неявно) одной из целей изучения математики, сегодня эта задача чаще рассматривается в связи с изучением и использованием информационных технологий [9, 8]. Более взвешенное представление о математике дает ее интеграция с другими учебными предметами [10] (формирование техно-математической грамотности), на этом, в частности, основан подход STEM (Science — наука, Technology — технология, Engeneerig — инженерия, Math — математика) [11].

Целесообразность разработки темы. Нами разработана теория моделирования, основанная на формально-конструктивной трактовке модели, составными частями которой являются, во-первых, теория адекватности; во-вторых, теория стратегий [12—15]; в-третьих, «алгебра моделей», с помощью которой реализуется алгебраический подход к построению моделей [12], по нашему мнению представляющий собой систему из трех компонентов: 1) система базовых моделей; 2) система типовых преобразований и типовых комбинаций моделей; 3) механизм аппроксимирования, предназначенный для декомпозиции модели в виде результата применения типовых преобразований и типовых комбинаций базовых моделей; в-четвертых, система формализованных моделей различных объектов, компонентов деятельности и т. д. Применение этой теории позволило получить нетривиальные, теоретически и практически значимые результаты в разных областях деятельности. Здесь мы представляем первые наши результаты по теме данного исследования.

Научная новизна. Во-первых, впервые анализ роли и места вычислительного аппарата математики в системе современного образования анализируется с позиций теории моделирования, основанной на формально-конструктивной трактовке модели. Во-вторых, построена модель вычислительного аппарата математики как инструмента моделирования (рис. 1). В-третьих, в результате теоретического анализа выделены направления использования вычислительного аппарата математики.

Целью данной работы является определение роли, места и системы отбора компонентов вычислительного аппарата математики в системе среднего и высшего образования России. Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**: 1) многоаспектный анализ понятия «вычислительный аппарат математики»; 2) многоаспектный анализ роли и места вычислительного аппарата в структуре математики как науки и учебного предмета; 3) построение моделей вычислительного аппарата математики; 4) выделение подходов к отбору компонентов вычислительного аппарата математики в системе среднего и высшего образования России.

Теоретическая значимость работы заключается, во-первых, в построении системы моделей, отражающих разные аспекты математики и ее вычислительного аппарата, во-вторых, в выделении направлений использования вычислительного аппарата математики, актуальных в эпоху расцвета информационных технологий. **Практическая значимость** работы состоит, во-первых, в предложенной нами системе отбора компонентов вычислительного аппарата для формирования учебного курса в зависимости

от контингента обучаемых, во-вторых, в возможности целенаправленного учета и использования всех направлений использования вычислительного аппарата математики в учебных программах и учебно-методическом обеспечении курса математики.

Основная часть

Методология

Методология работы определяется в первую очередь ее теоретическим характером. Методологической базой является теория моделирования Ю. Б. Мельникова,

основанная на формально-конструктивной трактовке понятия «модель». Эта теория создана на базе системного подхода (Л. фон Берталанфи, А. Богданов и др.), она включает в себя «алгебру моделей», теорию адекватности, теорию стратегий [12—15] и др.

Результаты исследования

1. Вычислительный аппарат как компонент аналитического аппарата математики. Вычислительный аппарат математики является компонентом математического аппарата обработки информации в рамках аппаратной модели математики [16] (рис. 1).

Рис. 1. Иллюстрация к аппаратной модели математики

Здесь под вычислительным аппаратом мы понимаем компонент аналитического аппарата, непосредственно связанного с операциями числовой алгебры, включая работу с идентификаторами чисел. Точнее, под вычислительным аппаратом мы будем понимать систему средств для обработки выражений, принимающих числовые значения, включая переменные с числовыми значениями, ориентированными в конечном итоге на создание альтернативных способов получения или упрощения получения числовых значений. Многие символичные преобразования также относятся к вычислительному

аппарату, но не все. Синтаксический разбор уравнения, позволяющий отнести его к определенному типу, осуществляется с помощью аналитического, но не вычислительного аппарата. К вычислениям не сводится анализ геометрических фигур, графиков функций, работа с графами посредством построения и анализа различных их изображений (задача плоской укладки графа, наглядного изображения двудольного графа и др.). Например, рассмотрим задачу «Найти расстояние от вершины угла в 60° до точки, расположенной внутри угла на расстоянии $\sqrt{7}$ и $2\sqrt{7}$ от сторон угла» (рис. 2, а).

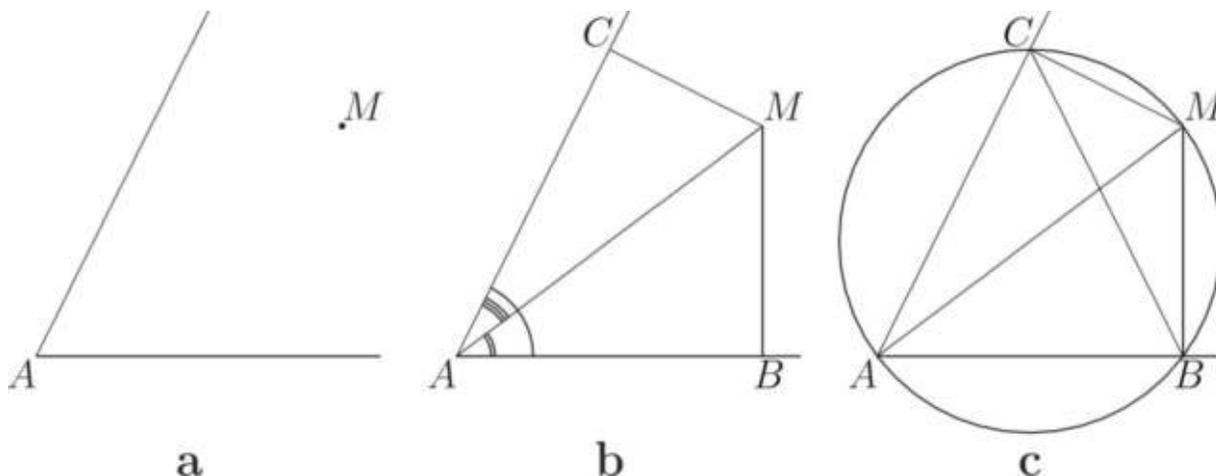

Рис. 2. Иллюстрация к вычислительному аппарату как компоненту аналитического аппарата

Применение аналитического аппарата начинается с построения и изучения геометрических фигур. Во-первых, для того чтобы использовать информацию о расстояниях, следует провести отрезки, длины которых равны расстояниям, получаем на рис. 3, *b*. Представляя двумя способами величину угла BAC , получаем уравнение $\frac{\pi}{3} = \arctg \frac{2\sqrt{7}}{AM} + \arctg \frac{\sqrt{7}}{AM}$.

Получение выражений $\arctg \frac{2\sqrt{7}}{AM}$ и $\arctg \frac{\sqrt{7}}{AM}$ для величин углов MAB и MAC , по нашему мнению, относится не к вычислительному, а к понятийному аппарату (см. рис. 2), точнее, к аппарату моделирования.

2. Математика и вычислительный аппарат. Специфика управления математической деятельностью.

На практике выделяют несколько видов математики: классическая («чистая»), прикладная, конструктивная, вычислительная, компьютерная (включающая в себя как средства автоматизации математических выкладок, так и методологию решения математических задач, требующих, например, перебора большого числа вариантов), экспериментальная [2], даже «визуальная математика» [17, 18] и др.

Обучение математике есть обучение моделированию, но не сводится к математическому моделированию [19].

Обучение математическому моделированию часто подменяется изучением уже известных «типовых моделей» в процессе решения «текстовых», «сюжетных» задач. Нам представляется перспективным использование математических объектов в качестве прототипа вместо типовых физических, экономических и других типовых моделей.

Мы в обучении моделированию при изучении математики ориентируемся на использование соответствующих стратегий деятельности [12—15], что выходит за рамки темы данной статьи.

Один из основных принципов системного подхода к моделированию состоит в том, что, с одной стороны, любой объект представляется системой моделей, отражающих разные его аспекты, с другой стороны, он может рассматриваться как компонент другой модели.

Например, взаимодействие предметных, математических и компьютерных моделей проиллюстрировано с помощью рис. 3, а представление математического аппарата как компонента процесса моделирования изображено на рис. 4, в частности представлена модель вычислительного аппарата как части аналитического аппарата (см. рис. 2).

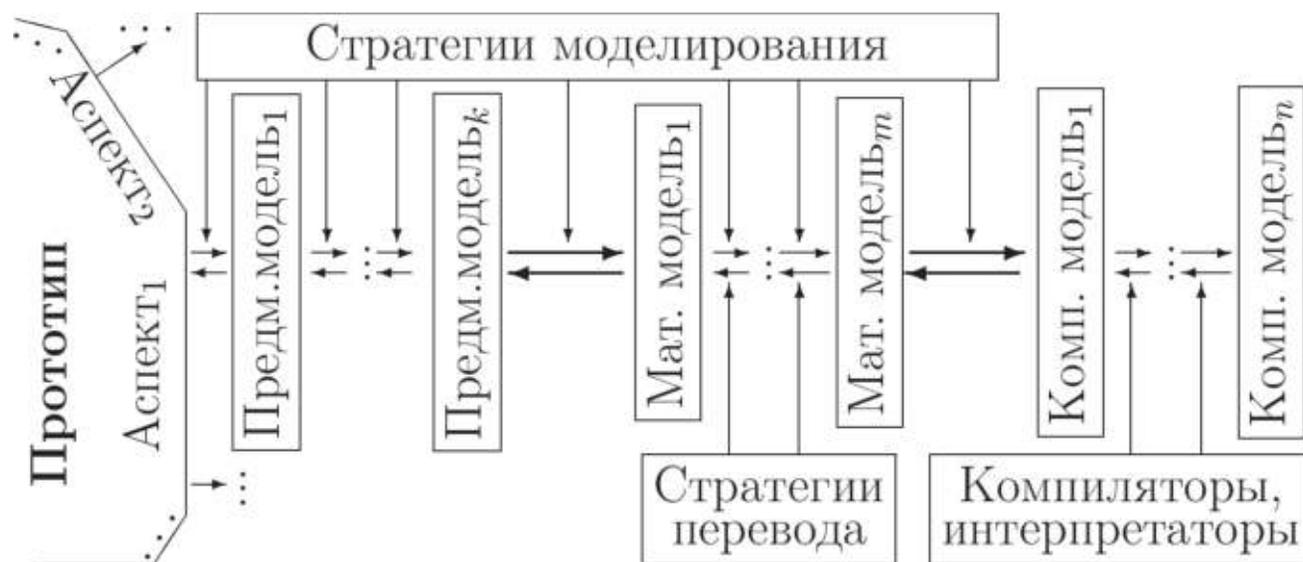

Рис. 3. Иллюстрация к модели взаимодействия предметных, математических и компьютерных моделей

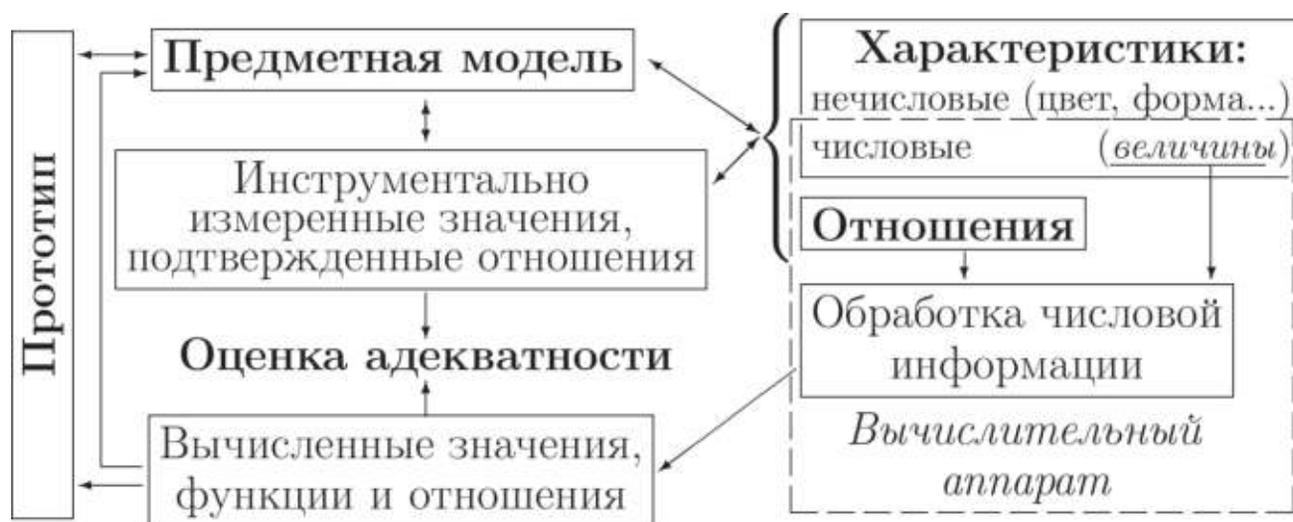

Рис. 4. Иллюстрация к модели вычислительного аппарата математики как инструмента моделирования

Анализ моделей, представленных на рис. 3 и 4, позволяет выделить содержательный и деятельностный (точнее, инструментально-управленческий) компоненты математики и выделить следующие направления использования вычислительного аппарата математики.

2.1. Использование вычислительного аппарата математики в моделировании.

2.1.1. *Моделирование нематематических объектов средствами математики.* При моделировании нематематических объектов средствами математики вычислительный аппарат применяется, во-первых, для предсказания поведения моделируемого объекта (имитационные модели), во-вторых, для выделения и обоснования отношений между объектами и их компонентами (например, в статистических моделях на основе корреляционного анализа), в-третьих, для описания и идентификации объектов (например, в названии танка Т-34-85 последнее число 85 означает калибр пушки), в-четвертых, для контроля адекватности модели (например, путем сравнения результатов расчетов с инструментальными измерениями или эталонными значениями, как было в ситуации с законом Архимеда, когда изменение веса короны при погружении в воду позволило вычислить удельную плотность материала короны и сравнить ее с плотностью золота).

В учебном процессе набирает силу обучение выполнению вычислительных процедур с помощью информационных технологий [20, 21].

2.1.2. *Моделирование математических объектов средствами математики.* При моделировании математических объектов средствами математики вычислительный аппарат применяется, во-первых, для использования инструментария различных теорий, описывающих объект (установление значений величин, способов их получения, установление отношений и др.); во-вторых, для контроля адекватности результатов (например, путем сравнения расчетов средствами разных моделей); в-третьих, для упрощения перехода от исследования отдельного объекта к изучению системы объектов; в-четвертых, для перехода от изучения объекта в целом к исследованию его компонентов; в-пятых, для обоснования корректности суждений (например, корректности определений). Например, определению суммирования обыкновенных дробей предшествует доказательство корректности определения, т. е. доказательство того, что если в сумме заменить дроби на равные им, то и соответствующие суммы будут равны:

$$\begin{aligned} \frac{a}{b} + \frac{c}{d} &= \frac{ad + bc}{bd} = \frac{(ad + bc)mn}{bdmn} = \\ &= \frac{amd n + bmc n}{bdmn} = \frac{am}{bm} + \frac{cn}{dn}. \end{aligned}$$

Вычислительный аппарат используется при моделировании объема понятия с помощью определения и содержания понятия. Например, прямую на плоскости с прямоугольной декартовой системой координат можно задать уравнением, т. е. *утверждением о координатах произвольной точки этой прямой*. Вычислительный аппарат может применяться и при отождествлении объектов, например, он потребуется, чтобы выяснить совпадают ли прямые

$$2x - 3y = 5 \text{ и } \begin{cases} x = 7 + 3, \\ y = 2 + 2. \end{cases}$$

2.1.3. *Моделирование математических объектов нематематическими средствами.* Моделирование математических

объектов нематематическими средствами (счетные палочки, геометрические чертежи и др.) обычно используется для совершенствования и оценки адекватности вычислительного аппарата по следующим направлениям: во-первых, для получения отношений и правил на основании анализа «нематематических» моделей математических объектов (на этом основано, например, изучение свойств чисел в начальной школе); во-вторых, для обоснования непротиворечивости создаваемой или изучаемой теории или системы отношений (например, непротиворечивость вычислений по данной системе правил); в-третьих, для установления межпредметных связей (например, для понимания и усвоения выполняемых преобразований, правил и отношений). Например, обоснованием (не доказательством!) теоремы о пересечении трех медиан в треугольнике может быть доказательство, что эта точка совпадает с центром тяжести треугольной однородной пластины.

Как установление межпредметных связей, обеспечивающих понимание смысла выполняемых преобразований и упрощающих усвоение соответствующих правил и отношений, можно рассматривать интерпретацию производной как мгновенной скорости и тангенса угла наклона касательной.

2.2. Использование вычислительного аппарата математики в моделировании деятельности.

2.2.1. *Моделирование системы управления математической и «околоматематической» деятельностью.* В математической деятельности роль управления беспрецедентна, так как остальные компоненты математической деятельности почти всегда абстрактны. В теории и практике обучения рассматривается управление посредством прогнозирования рассуждений обучаемых и применения подсказок [7]. В международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA — Programme for International Student Assessment) для оценивания математической грамотности рассматривается три уровня компетентности: 1) воспроизведение (включает проверку определений или простых вычислений, характерных для обычной проверки математической подготовки учащихся); 2) установление связей (самостоятельный подбор математических фактов и методов для решения явно сформулированных и отчасти знакомых математических задач); 3) размышления (сформированность математического мышления, умения обобщать, выделять в предложенной проблеме математическую составляющую). Эти уровни компетентности отражают разные уровни управления математической деятельностью.

Нам представляется, что оценку управления деятельностью целесообразно проводить на основе разработанной нами теории стратегий [12—15 и др.]. Мы выделили три уровня представления системы управления математической деятельностью: 1) уровень типовых алгоритмов (вычисления по формуле, метод Гаусса решения систем линейных алгебраических уравнений и др.); 2) уровень типовых стратегий деятельности (стратегии вычисления неопределенного интеграла, стратегии решения уравнений и др.); 3) уровень методологии — типовые стратегии межпредметного уровня или создание новых стратегий (например, метод рассуждений «от противного», получение из него метода математической индукции). Это перекликается с уровнями математической грамотности, зафиксированными в PISA.

Наиболее комфортным (и с точки зрения обучаемого, и с точки зрения преподавателя) на начальном этапе обычно представляется уровень типовых алгоритмов. Но в результате нередко формируется представление о бессмысленности

и схоластичности такого обучения, что, как ни странно, может устраивать и обучаемого, и педагога. Для формирования когнитивных структур, обеспечивающих эффективное управление деятельностью, требуется переход на второй (типовые стратегии) и третий (методологический) уровни управления. В качестве примера управления деятельностью на уровне методологии рассмотрим решение следующей задачи.

Без использования теории функций нескольких переменных найдите максимум для $(x - y)^2 + (u - v)^2$, если

$$(x - 1)^2 + (y - 4)^2 + (u - 3)^2 + (v - 2)^2 = 1.$$

Решение этой задачи требует работы на уровне методологии, поскольку стратегия построения плана решения

использует комбинацию различных стратегий деятельности. Например, минимизируемое выражение можно трактовать как длину отрезка PQ (рис. 5, а).

Условие для переменных переписать в виде

$$(y - 4)^2 + (v - 2)^2 = R^2 = 1 - (x - 1)^2 - (u - 3)^2,$$

см. рис. 5, б. Ясно, что при фиксированном R расстояние между P и Q будет максимальным в ситуации на рис. 5, с. Остается выразить расстояние между P и Q через R и минимизировать функцию от R . В рассмотренном примере стратегию построения решения мы представили в виде комбинации стратегий, известных ученикам старших классов, но такое комбинирование требует не только знания этих стратегий, но и умения их комбинировать.

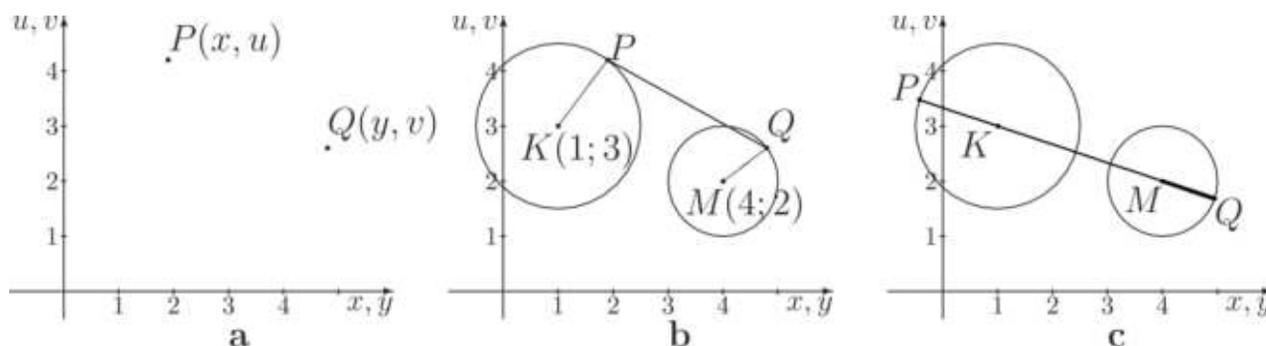

Рис. 5. Решение задачи

При моделировании системы управления математической и «околоматематической» деятельностью вычислительный аппарат применяется, во-первых, для оценки параметров моделей управления (например, расчет времени на выполнение учебных и контрольных заданий); во-вторых, для оптимизации моделей управления [9]; в-третьих, для оценки адекватности моделей управления (например, как результат статистической обработки результатов контроля). Информацию для расчетов можно получить с помощью разных компонентов электронного обучения [22—24].

2.2.2. *Моделирование системы инструментов математической и «околоматематической» деятельности* (как компонента системы управления). При моделировании системы инструментов математической и «околоматематической» деятельности вычислительный аппарат применяется, во-первых, для выполнения функций этого инструмента (применение теоремы Пифагора для вычисления длины стороны или доказательства перпендикулярности); во-вторых, для сравнительной оценки эффективности применения различных инструментов для решения задачи (например, когда информация сформулирована на разных языках [15]); в-третьих, для комплексной оценки важности и значимости различных инструментов для повышения интереса к обучению, формирования определенных когнитивных структур, внутрипредметных и межпредметных связей.

3. Краткий абрис системы отбора компонентов вычислительного аппарата для формирования учебного курса. Особенности обучаемых определяют уровень владения вычислительным аппаратом и состав этого аппарата, оценку его критичности для усвоения математического содержания и осуществления планируемых видов деятельности с учетом перечисленных выше направлений использования вычислительного аппарата математики.

Например, для экономистов, инженеров, исследователей в области естественных наук математика важна как

инструмент и как язык. Требуется не только владение основами вычислительного аппарата, но и умение использовать связь его с понятийным аппаратом математики (например, для обоснования корректности определений, для построения математических моделей и оценки их адекватности), понимание ограниченности компьютерных вычислений, например, для плохо обусловленных систем или дифференциальных уравнений при нарушении условия теоремы существования и единственности решения.

Если будущая деятельность не связана с развитием или использованием математики, то обучение вычислительному аппарату может сводиться к применению вычислений для перевода информации на другой язык, для демонстрации возможностей разных языков для обработки информации, для формирования связей исторического, историко-экономического, историко-научного характера, демонстрации разных стилей мышления (для эффективной и конструктивной коммуникации в разнородных коллективах), для управления деятельностью.

Выводы

Выделены основные направления использования вычислительного аппарата математики, актуальные для обучения математике:

- 1) моделирование содержательного компонента математики;
- 2) моделирование деятельностного компонента математики, т. е. моделирование различных аспектов математической и «околоматематической» деятельности.

Из этого мы получили следующие следствия:

1. Изучение вычислительного аппарата и овладение им в настоящее время не может быть самоцелью при изучении математики.
2. В учебном курсе должны быть гармоничным образом отражены все аспекты использования вычислительного

аппарата: при моделировании содержательного компонента математики (при моделировании нематематических объектов средствами математики, при моделировании математических объектов средствами математики, при моделировании математических объектов нематематическими средствами), при моделировании деятельностного компонента математики (при моделировании

системы управления математической и «околоматематической» деятельностью, при моделировании системы инструментов математической и «околоматематической» деятельности).

3. Для повышения образовательного результата применения обучаемыми программных средств для вычислений требуются дальнейшие исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Sriraman B. Mathematics and mathematics education: searching for common ground. *Advances in mathematics education // Mathematical Thinking and Learning*. 2014. Vol. 16. No. 3. Pp. 251—252.
2. Yastrebov A., Shabanova M. Education of a mathematician-experimentalist, or soft manifesto of experimental mathematics // *Mathematics and Informatics*. 2015. Vol. 58. No. 2. Pp. 129—142.
3. Perceptions on proof and the teaching of proof: a comparison across preservice secondary teachers in Australia, USA and Korea / K. Lesseig, G. Hine, Gwi Soo Na, K. Boardman // *Mathematics Education Research Journal*. 2019. Vol. 31. No. 4. Pp. 393—418. DOI: 10.1007/s13394-019-00260-7.
4. Llinares S., Clemente F. Characteristics of the shifts from configural reasoning to deductive reasoning in geometry // *Mathematics Education Research Journal*. 2019. Vol. 31. No. 3. Pp. 259—277.
5. Developing future-scaffolding skills through science education / O. Levrini, G. Tasquier, L. Branchetti, E. Barelli // *International Journal of Science Education*. 2019. Vol. 41. No. 18. Pp. 2647—2674. DOI: <https://doi.org/10.1080/09500693.2019.1693080>. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09500693.2019.1693080>.
6. Wille A. M. Activity with signs and speaking about it: exploring students' mathematical lines of thought regarding the derivative // *International Journal of Science and Mathematics Education*. 2020. Vol. 18. No. 8. Pp. 1587—1611. DOI: <https://ezproxy.urfu.ru:3055/10.1007/s10763-019-10024-1>. URL: <https://ezproxy.urfu.ru:3055/10.1007/s10763-019-10024-1>.
7. Hussmann S., Schacht F., Schindler M. Tracing conceptual development in mathematics: epistemology of webs of reasons // *Mathematics Education Research Journal*. 2019. Vol. 31. No. 2. Pp. 133—149.
8. Берман Н. Д. Роль информационных технологий в развитии навыков вычислительного мышления // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2019. Т. 7. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/89PDMN219.pdf>.
9. Реализация идей вычислительной педагогики в выборе форм обучения на основе марковской модели иерархий / М. Г. Коляда, Т. И. Бугаева, Е. Г. Ревякина, С. И. Белых // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 2(38). С. 413—427.
10. Van der Wal N. J., Bakker A., Drijvers P. Teaching strategies to foster techno-mathematical literacies in an innovative mathematics course for future engineers // *ZDM-Mathematics Education*. 2019. Vol. 51. No. 6, SI. Pp. 885—897.
11. Miller J. STEM education in the primary years to support mathematical thinking: using coding to identify mathematical structures and patterns // *ZDM-Mathematics Education*. 2019. Vol. 51. No. 6, SI. Pp. 915—927.
12. Мельников Ю. Б., Поторочина К. С. Алгебраический подход к математическому моделированию и обучению математической и «предматематической» деятельности // *Ярославский педагогический вестник. Сер. : Физ.-мат. и естеств. науки*. 2010. № 3. С. 19—24.
13. Мельников Ю. Б., Хрипунов И. В., Чоповда В. С. Алгебраический подход к стратегиям проектной деятельности // *Известия УрГЭУ*. 2014. № 2(53). С. 115—123.
14. Стратегии построения модели / Ю. Б. Мельников, Д. А. Евдокимова, Е. А. Дергачев, Д. А. Успенский, М. С. Огородов // *Управленец*. 2014. № 3(49). С. 52—56.
15. Мельников Ю. Б., Соловьянов В. Б., Ширпужев С. В. Стратегия перевода с одного математического языка на другой // *Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*. 2017. № 184. С. 74—82.
16. Мельников Ю. Б., Боярский М. Д., Локшин М. Д. Определение приоритетов обучения математике будущих экономистов и инженеров на основе моделей математики // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=27321>.
17. Строгац С. Удовольствие от x . Увлекательное путешествие в мир математики от одного из лучших преподавателей в мире / Пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 304 с.
18. Katranci Y., Sengul S. The relationship between mathematical literacy and visual math literacy self-efficacy perceptions of middle school students // *Pegem Egitim Ve Ogretim Dergisi*. 2019. Vol. 9. No. 4. Pp. 1113—1138. DOI: 10.14527/pegegog.2019.036.
19. Каменкова Н. Г., Некрасова С. А. Формирование умения моделирования в процессе вычислительной деятельности младших школьников // *Герценовские чтения. Начальное образование*. 2020. Т. 11. № 1. С. 109—119.
20. Шиян А. Ф., Шиян Н. В. Использование свободного программного обеспечения в учебном вычислительном эксперименте при исследовании нелинейных магнитных цепей // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3. С. 271.
21. Шиян А. Ф., Шиян Н. В. Решение дифференциальных уравнений в учебном вычислительном эксперименте средствами математического онлайн интернет-сервиса WOLFRAMALPHA // *Наука и образование в Арктическом регионе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Мурманск : Мурманский гос. техн. ун-т*, 2015. С. 92—98.
22. Online vs traditional homework: a systematic review on the benefits to students' performance / P. Magalhaes, D. Ferreira, J. Cunha, P. Rosario // *Computers & Education*. 2020. Vol. 152. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103869>.

23. Clark-Wilson A., Hoyles C. A research-informed web-based professional development toolkit to support technology-enhanced mathematics teaching at scale // *Educational Studies in Mathematics*. 2019. Vol. 102. No. 3, SI. Pp. 343—359.
24. Designing MATLAB course for undergraduates in cartography and geographic information science: linking research and teaching / J. Tian, Ch. Ren, Y. Lei, Y. Wang // *Journal of Geography in Higher Education*. Vol. 44. No 1. Pp. 25—44. DOI: 10.1080/03098265.2019.1694873.

REFERENCES

1. Sriraman B. Mathematics and mathematics education: searching for common ground. *Advances in mathematics education. Mathematical Thinking and Learning*, 2014, vol. 16, no. 3, pp. 251—252.
2. Yastrebov A., Shabanova M. Education of a mathematician-experimentalist, or soft manifesto of experimental mathematics. *Mathematics and Informatics*, 2015, vol. 58, no. 2, pp. 129—142.
3. Lesseig K., Hine G., Gwi Soo Na, Boardman K. Perceptions on proof and the teaching of proof: a comparison across preservice secondary teachers in Australia, USA and Korea. *Mathematics Education Research Journal*, 2019, vol. 31, no. 4, pp. 393—418. DOI: 10.1007/s13394-019-00260-7.
4. Llinares S., Clemente F. Characteristics of the shifts from configural reasoning to deductive reasoning in geometry. *Mathematics Education Research Journal*, 2019, vol. 31, no. 3, pp. 259—277.
5. Levriani O., Tasquier G., Branchetti L., Barelli E. Developing future-scaffolding skills through science education. *International Journal of Science Education*, 2019, vol. 41, no. 18, pp. 2647—2674. DOI: <https://doi.org/10.1080/09500693.2019.1693080>. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09500693.2019.1693080>.
6. Wille A. M. Activity with signs and speaking about it: exploring students' mathematical lines of thought regarding the derivative. *International Journal of Science and Mathematics Education*, 2020, vol. 18, no. 8, pp. 1587—1611. DOI: <https://ezproxy.urfu.ru:3055/10.1007/s10763-019-10024-1>. URL: <https://ezproxy.urfu.ru:3055/10.1007/s10763-019-10024-1>.
7. Hussmann S., Schacht F., Schindler M. Tracing conceptual development in mathematics: epistemology of webs of reasons. *Mathematics Education Research Journal*, 2019, vol. 31, no. 2, pp. 133—149.
8. Berman N. D. The role of information technology in the development of computational thinking skills. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2019, vol. 7, no. 2. (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/89PDMN219.pdf>.
9. Kolyada M. G., Bugaeva T. I., Revyakina E. G., Belykh S. I. Implementation of the ideas of computational pedagogy in the choice of forms of education based on the Markov model of hierarchies. *Prospects for Science and Education*, 2019, no. 2(38), pp. 413—427. (In Russ.)
10. Van der Wal N. J., Bakker A., Drijvers P. Teaching strategies to foster techno-mathematical literacies in an innovative mathematics course for future engineers. *ZDM-Mathematics Education*, 2019, vol. 51, no. 6, SI, pp. 885—897.
11. Miller J. STEM education in the primary years to support mathematical thinking: using coding to identify mathematical structures and patterns. *ZDM-Mathematics Education*, 2019, vol. 51, no. 6, SI, pp. 915—927.
12. Melnikov Yu. B., Potorochina K. S. Algebraic approach to mathematical modeling and teaching mathematical and “pre-mathematical” activities. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin, Physical, mathematical and natural sciences*, 2010, no. 3, pp. 19—24. (In Russ.)
13. Melnikov Yu. B., Khripunov I. V., Chopovda V. S. Algebraic approach to the strategies of project activities. *Izvestiya USUE*, 2014, no. 2(53), pp. 115—123. (In Russ.)
14. Melnikov Yu. B., Evdokimova D. A., Dergachev E. A., Uspensky. D. A., Ogorodov M. S. Model building strategies. *Manager*, 2014, no. 3(49), pp. 52—56. (In Russ.)
15. Melnikov Yu. B., Solovyanov V. B., Shirpuzhev S. V. Strategy of translation from one mathematical language to another. *Bulletin of the Herzen Russian State Pedagogical University*, 2017, no. 184, pp. 74—82. (In Russ.)
16. Melnikov Yu. B., Boyarsky M. D., Lokshin M. D. Determination of the priorities of teaching mathematics to future economists and engineers on the basis of mathematics models. *Modern problems of science and education*, 2017, no. 6. (In Russ.) URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=27321>.
17. Strogatz S. *The Joy of x: a guided tour of Math, from One to Infinity*. In: *An Eamon Dolan Book*. Houghton Mifflin Harcourt. Boston, New York, 2012. 284 p.
18. Katranci Y., Sengul S. The relationship between mathematical literacy and visual math literacy self-efficacy perceptions of middle school students. *Pegem Egitim Ve Ogretim Dergisi*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 1113—1138. DOI: 10.14527/pegegog.2019.036.
19. Kamenkova N. G., Nekrasova S. A. Formation of modeling skills in the process of computing activity of younger schoolchildren. *Herzen Readings. Primary education*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 109—119. (In Russ.)
20. Shiyani A. F., Shiyani N. V. The use of free software in an educational computational experiment in the study of nonlinear magnetic circuits. *Modern problems of science and education*, 2014, no. 3, p. 271. (In Russ.)
21. Shiyani A. F., Shiyani N. V. Solution of differential equations in an educational computational experiment by means of the mathematical online Internet service WOLFRAMALPHA. In: *Science and education in the Arctic region. Materials of the international sci. and pract. conf.* Murmansk State Technical University, 2015. Pp. 92—98. (In Russ.)
22. Magalhaes P., Ferreira D., Cunha J., Rosario P. Online vs traditional homework: a systematic review on the benefits to students' performance. *Computers & Education*, 2020, vol. 152. URL: <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103869>.
23. Clark-Wilson A., Hoyles C. A research-informed web-based professional development toolkit to support technology-enhanced mathematics teaching at scale. *Educational Studies in Mathematics*, 2019, vol. 102, no. 3, SI, pp. 343—359.

24. Tian J., Ren Ch., Lei Y., Wang Y. Designing MATLAB course for undergraduates in cartography and geographic information science: linking research and teaching. *Journal of Geography in Higher Education*, vol. 44, no. 1, pp. 25—44. DOI: 10.1080/03098265.2019.1694873.

Как цитировать статью: Мельников Ю. Б., Суев А. П. Роль и место вычислительного аппарата в современном обучении математике // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 365—373. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.309.

For citation: Melnikov Yu. B., Suetov A. P. The role and place of the computing apparatus in modern teaching of mathematics. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 365—373. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.309.

УДК 378.662
ББК 74.202

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.304

Непарко Марина Вячеславовна,
Postgraduate of the Department of Pedagogy,
Kaluga State University
named after K. E. Tsiolkovski,
Russian Federation, Kaluga,
e-mail: fai_rai@mail.ru

Непарко Марина Вячеславовна,
аспирант кафедры педагогики,
Калужский государственный университет
имени К. Э. Циолковского,
Российская Федерация, г. Калуга,
e-mail: fai_rai@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СФОРМИРОВАННОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У МЕНЕДЖЕРОВ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE FORMATION OF CROSS-CULTURAL COMPETENCIES AMONG MANAGERS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Статья посвящена проблемам формирования межкультурных компетенций в процессе подготовки менеджеров. Глобализация рынков обуславливает необходимость обучать менеджеров новому мышлению и навыкам управления сотрудниками разных культур. Сегодня межкультурное общение регулируется различными видами компетенций, включая вербальные и невербальные, культурные, которые реализуются в контексте коммуникативных событий, содержащих как универсальные элементы, так и элементы национальной культуры. Обладание межкультурными компетенциями при общении с представителями других культур требует определенных знаний, умений, навыков, которые можно получить в процессе обучения и личного опыта, как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. Межкультурные компетенции позволяют не только адекватно взаимодействовать с людьми других культур, но и эффективно вести бизнес в любой точке мира. Целью статьи является выявление знаний о межкультурных компетенциях студентов-менеджеров и определение возможности их развития для межкультурного и межэтнического общения, что обусловлено потребностями профессиональной деятельности. На основе проведенного эксперимента автором выявлен уровень знания межкультурных компетенций у будущих менеджеров, что привело к выводу о необходимости поиска новых подходов к качеству подготовки менеджеров с учетом межкультурных отношений в контексте международной академической и экономической мобильности. Учитывая, что профессионалам в сфере международного бизнеса необходимы новые

знания, навыки и умения, автор рассматривает возможность разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции». Автор доказывает, что успех в бизнесе зависит от развития межкультурных компетенций у всех представителей бизнеса, что является явным преимуществом.

The article is devoted to the problems of the formation of cross-cultural competencies in the process of training managers. The globalization of markets determines the need to train managers with new thinking and skills to manage employees of different cultures. Today, intercultural communication is regulated by various groups of competencies, including verbal, non-verbal, and cultural, and is implemented in the context of communicative events that contain both universal elements and elements of national culture. The possession of cross-cultural competencies when communicating with representatives of other cultures requires certain knowledge and skills that can be obtained in the course of training and personal experience, both in private life and in professional activity. Cross-cultural competencies allow managers not only to adequately interact with people of other cultures, but also to effectively conduct business anywhere in the world. The purpose of the article is to identify the knowledge of cross-cultural competencies of management students and to determine the possibility of their development for cross-cultural and interethnic communication, which is due to the needs of professional activity. Based on the conducted experiment, the author revealed the level of knowledge of intercultural competencies among future managers, which led to the

conclusion that it is necessary to search for new approaches to training managers, taking into account intercultural relations in the context of international academic and economic mobility. Taking into account that professionals in the field of international business need new knowledge, skills and abilities, the author considers the possibility of developing Methodological recommendations for the discipline “Intercultural competencies”. The author proves that success in business depends on the development of cross-cultural competencies in all business representatives, which is a clear advantage.

Ключевые слова: методы, межкультурные компетенции, менеджер, межкультурное взаимодействие, профессионализм, международный бизнес, педагогические технологии, эксперимент, анкетирование, культура, коммуникации, профессиональная деятельность, профессиональное образование, мобильность.

Keywords: methods, cross-cultural competencies, manager, cross-cultural interaction, professionalism, international business, pedagogical technologies, experiment, survey, culture, communications, professional activity, professional education, mobility.

Введение

Актуальность исследования межкультурных компетенций определяется необходимостью изучения навыков взаимодействия менеджеров с представителями различных культур и соотнесение их со своей собственной культурой для достижения гармоничного общества, в котором все могут участвовать в межкультурном диалоге, развивать межкультурные компетенции через образование, принимать меры по борьбе с дискриминацией и устранением недостатков в области образования.

Изучение данного процесса было заложено в отечественных и зарубежных исследованиях таких ученых, как И. В. Андросова [1], И. А. Зимняя [2], А. В. Хуторской [3], О. П. Корниенко [4], А. П. Садохин [5], М. Н. Скаткин [6] и др. В работах изложены теоретические взгляды, раскрывающие сущность межкультурных компетенций в образовании, обобщается опыт преподавания межкультурных компетенций в высшей школе, практика обучения профессионально ориентированному иностранному языку и т. д.

Целесообразность дальнейшего исследования межкультурной компетенции вызвана следующими причинами.

Во-первых, межкультурная компетентность не предполагает отказа от собственной культурной идентичности или принадлежности, а также не требует от индивидуумов принятия культурных ценностей, верований, обычаев других культур. Вместо этого межкультурная компетентность предполагает открытость и интерес к людям, имеющим другую культурную принадлежность, а также способность понимать и интерпретировать их практику и убеждения. Встречи с людьми других культурных ориентаций могут быть источником личностного развития и обогащения.

Во-вторых, потому что межкультурная компетенция включает в себя изучение и интерпретацию культурных перспектив других людей и соотнесение их со своими собственными культурными перспективами, критическое осмысление своей собственной культурной принадлежности. Люди приобретают более критическое осознание и понимание собственного культурного позиционирования и убеждений, через сравнение и соотнесение их с ценностями людей других культур. По этой причине межкультурная компетентность

не только расширяет знания и понимание других людей, но и способствует их самопознанию и самоопределению.

Наконец, в настоящее время существует значительный объем исследований в области межкультурных компетенций, в которых определено, что межкультурная компетентность не может быть приобретена индивидуумами спонтанно, не может быть приобретена путем контакта с людьми с другой культурной принадлежностью, если контакт происходит в неподходящих условиях. Однако межкультурная компетентность может быть повышена за счет широкого спектра межкультурного опыта, например путем участия в межкультурных мероприятиях, организованных соответствующим образом, путем обучения в учебных заведениях. Таким образом, процесс получения и формирования межкультурных компетенций у менеджеров и неясность вопросов их применения связана с высокой теоретической значимостью и недостаточностью исследования межкультурных компетенций, что определяет актуальность и **целесообразность** данного исследования.

Научная новизна исследования заключается в экспериментальном обосновании необходимости разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции» и использования их в учебном процессе высшего учебного заведения.

Цель исследования — изучить методологические подходы к оценке сформированности межкультурных компетенций у менеджеров в процессе изучения преподаваемых им дисциплин.

Задачи исследования:

- рассмотреть сущность понятия «межкультурная компетенция»;
- исследовать уровень сформированности межкультурных компетенций у студентов-менеджеров в организационно-педагогических условиях;
- определить этапы процесса оценки сформированности компетенций студентов;
- теоретически обосновать необходимость разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции», что даст возможность формирования межкультурных компетенций у студента-менеджера.

Теоретическая и практическая значимость заключается в теоретическом обосновании необходимости разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции», что дает возможность развития межкультурных компетенций у менеджеров наглядно, комплексно, объемно.

Основная часть

Для решения данной задачи важно рассмотреть понятие «межкультурная компетенция».

Межкультурная компетенция — это способность индивидуумов умело ориентироваться в сложных условиях, характеризующихся растущим разнообразием народов, культур и стилей жизни. При этом индивидуум должен уметь действовать эффективно и адекватно при взаимодействии с другими людьми, которые отличаются от него [5]. Межкультурная компетенция дает возможность взаимодействовать с представителями других культур, слушать их идеи, принимать некоторые ценности с целью удовлетворения собственных интересов, интегрировать и в родную, и в новую культуру, которая основывается не столько на знании языка и обычаев, сколько на личной заинтересованности в понимании ее ценностей.

Приобретение межкультурных компетенций является стратегической задачей для будущих менеджеров, поскольку понимание ценностей других культур дает уникальную возможность множественных интерпретаций и неожиданных открытий, расширяет возможности людей, позволяет, преодолевая различия, создавать основы мирного сосуществования [6].

Анализ методологических подходов в исследовании межкультурных компетенций (МКК) показал, что оценочный инструментарий МКК можно разделить на:

- 1) методы оценки сформированности компетенций:
 - объективные тесты с выбором ответа;
 - тесты-опросники для диагностики личностных свойств;
- 2) методики «субъективного шкалирования и самооценки компетентности»;
- 3) методы экспертной оценки (интервью, беседа, наблюдение, анализ продуктов деятельности и т. д.) [6].

Важной частью данного научного исследования является педагогический эксперимент как метод познания, с помощью которого исследуется уровень сформированности межкультурных компетенций у студентов-менеджеров. В проводимом педагогическом эксперименте применялась совокупность методов: наблюдение за студентами на занятиях, анкетирование (тестирование). Анкетирование рассматривается как универсальный метод для получения информации, ответов на вопросы, связанные с совершенствованием учебно-воспитательной работы. Именно с этой целью автором проведено анкетирование (тестирование) для изучения глубины знаний межкультурных компетенций у студентов-менеджеров и выяснение того, как межкультурные отношения сопровождаются межкультурной осведомленностью, межкультурными навыками и межкультурными знаниями [7].

В педагогическом эксперименте участвовали студенты-менеджеры 2-го и 5-го курсов дневного отделения специальности «Таможенное дело», преподаватели кафедры таможенного дела Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского. В исследовании использована количественная оценка показателей уровня эффективности формирования межкультурных компетенций, основанных на методах математической статистики. Эта категория студентов-менеджеров наиболее востребована сегодня в международном бизнесе в связи с созданием иностранных производств на территории России и экспортом товаров на внешний рынок.

Эксперимент проводился в два этапа.

На первом этапе был определен уровень сформированности межкультурных компетенций у студентов-менеджеров 2-го курса (начальный этап обучения).

На втором этапе был определен уровень сформированности межкультурных компетенций у студентов-менеджеров 5-го курса (заклительный этап).

В каждой экспериментальной группе приняло участие по 60 студентов.

В ходе проведения эксперимента был разработан тест с учетом четырех аспектов: осведомленность о межкультурных компетенциях; необходимость межкультурных навыков и межкультурных знаний для менеджеров, которые помогают им в межкультурном общении; полнота знаний, которые получают в учебном заведении; необходимо ввести в образовательный процесс дисциплину «Межкультурные компетенции».

Анализ полученных данных показал, что:

- студенты знакомы с понятием «межкультурная компетенция» (студенты 2-го курса — 87 %, студенты 5-го курса — 97,7 %);
- межкультурные навыки и межкультурные знания для менеджеров необходимы (студенты 2-го курса — 78 %, студенты 5-го курса — 93,3 %);
- межкультурные компетенции влияют на профессиональную деятельность современного менеджера в международной среде (студенты 2-го курса — 99 %, студенты 5-го курса — 88,3 %);
- знаний, которые получают в учебном заведении о межкультурных компетенциях, недостаточно (студенты 2-го курса — 48,5 %, студенты 5-го курса — 60 %);
- необходимо ввести в образовательный процесс дисциплину «Межкультурные компетенции» (студенты 2-го курса — 91,7 %, студенты 5-го курса — 90 %);
- освоение межкультурных компетенций является мотивацией для профессионального роста менеджера (студенты 2-го курса — 85 %, студенты 5-го курса — 78,3 %).

Результаты тестирования показали, что:

- у студентов 2-го и 5-го курсов практически одинаковый результат опроса. В течение обучения на 2—5-м курсах студенты не приобрели необходимых знаний, умений и навыков в сфере межкультурных компетенций. Знания в основном приобретены самостоятельно в процессе жизнедеятельности;
- студентам — будущим менеджерам требуются знания о межкультурных компетенциях, в связи с чем студенты 2-го курса (91,7 %) и студенты 5-го курса (90 %) высказали мнение о необходимости введения в образовательный процесс дисциплины «Межкультурные компетенции».

Объяснением данному факту может быть ряд противоречий:

- возросшая потребность педагогической теории и практики в раскрытии закономерностей процесса формирования межкультурных компетенций у будущего менеджера и недостаточная разработанность педагогической теории межкультурных компетенций в условиях глобализации развивающегося общества;
- наличие критериев оценивания знаний, умений и навыков сформированности компетенций у будущих менеджеров и отсутствие диагностического инструментария, позволяющего определить уровень сформированности межкультурных компетенций у будущих менеджеров в практике обучения и теории педагогики и отсутствие научных разработок в области межкультурных компетенций и внедрения их в образовательный процесс [8].

В ходе эксперимента на основе сравнения его результатов определялись доминирующие показатели в каждом компоненте. Доминирующим показателем в ценностно-мотивационном компоненте по результатам констатирующего эксперимента является показатель «потребность в освоении и передаче социального опыта», а по результатам формирующего эксперимента — «потребность в достижении результатов по выполнению функций профессиональной деятельности», что свидетельствует о заинтересованности студентов-менеджеров в решении профессиональных задач, стремлении выполнить работу как можно лучше, об ориентированности на достижение высоких результатов профессиональной деятельности и о смещении мотивации студентов на профессиональные ценности [9, 10].

Доминирующим показателем деятельностного компонента по материалам констатирующего эксперимента является показатель «умение применять правила этикета в ситуации межкультурного взаимодействия». По материалам формирующего эксперимента доминирует показатель «умение строить высказывания как единицы речи в процессе трансляции социального опыта», что подтверждает необходимость коммуникативно направленного характера обучения межкультурным компетенциям и применения активных методов на этих занятиях, имитирующих реальную профессиональную деятельность менеджеров [11].

В рефлексивном компоненте межкультурной компетенций студентов — будущих менеджеров доминирующим показателем по результатам констатирующего эксперимента стал показатель «способность анализировать поведение партнеров и свое собственное в ситуации межкультурного взаимодействия». По результатам формирующего эксперимента доминирует показатель «способность к анализу, оценке и самооценке результатов профессиональной деятельности в ходе межкультурного взаимодействия», что позволяет сделать вывод о повышении роли рефлексии при выполнении профессиональной деятельности, способности анализировать профессиональную ситуацию и находить в ней правильное решение, чему способствовало проведение ролевых и деловых игр и их обсуждение в различных профессиональных ситуациях [12].

Выводы

Результаты позволили предположить, что студенты-менеджеры мотивированы на получение специальных знаний и развитие умений и способностей, необходимых для выполнения профессиональной деятельности. Таким образом, мы убедились в необходимости разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции». Это позволит глубже вникнуть в вопросы межкультурного

и межнационального общения, развития речевого общения, что обусловлено потребностями профессиональной практики. Методические рекомендации позволят расширить объем профессиональных знаний, вызывая интерес к профессиональной деятельности и потребности в трансформации учебной деятельности в профессиональную [13].

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что тема межкультурных компетенций остается актуальной. Эволюция межкультурного общения безгранична, и на каждом этапе имеется возможность достичь определенного уровня межкультурной чувствительности, зрелости, адаптации и аккультурации, отличной от текущей. В настоящее время межкультурные компетенции можно рассматривать как способность сформировать в себе культурную идентичность, ценность норм и стандартов поведения другого коммуникативного сообщества. При таком подходе усвоение максимального объема информации и знаний об иной культуре становится основой процесса коммуникации.

Для освоения межкультурных компетенций и развития умения общаться с представителями разных культур необходима профессиональная подготовка менеджеров, которая будет способствовать развитию международной деятельности в целом и в бизнесе в частности. Для этого необходимы современные педагогические технологии, которые предоставят возможность студентам вузов получить знания о межкультурных компетенциях, различных культурах, традициях и обычаях своего и других народов [14]. На основе проведенного исследования стало возможным сделать вывод о необходимости разработки методических рекомендаций по дисциплине «Межкультурные компетенции», что позволит студентам глубже вникнуть в вопросы межкультурного и межнационального общения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андросова И. В. Структура и модель коммуникативной компетентности менеджера // Молодой ученый. 2015. № 9. С. 498—500. URL: <https://moluch.ru/archive/89/18365>.
2. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М. : Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 40 с.
3. Хуторской А. В. Системно-деятельностный подход в обучении : науч.-метод. пособие. М. : Эйдос : Ин-т образования человека, 2012. 63 с.
4. Корниенко О. П. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции у студентов архитектурно-строительных специальностей // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2008. № 2(6). С. 101—103.
5. Садохин А. П. Введение в теорию межкультурной коммуникации : учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2015. 254 с.
6. Скاتкин М. Н. Методология и методика педагогических исследований (В помощь начинающему исследователю). М. : Педагогика, 1986. 150 с.
7. Дудович Д. Л. Результаты опытно-экспериментальной работы по формированию межкультурной компетенции студентов — будущих культурогов // Современные исследования социальных проблем (электрон. науч. журнал). 2016. № 1(57).
8. Харламов И. Ф. Педагогика : учеб. пособие для студентов, обучающихся по пед. специальностям. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Гардарика, 2005. 516 с.
9. Подласый И. П. Педагогика : учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки и специальностям в области «Образование и педагогика» : в 3 кн., кн. 3. Теория и технологии воспитания : 2-е изд., испр. и доп. М. : Владос, 2007. 463 с.
10. Хачикян Е. И., Косогорова Л. А., Непарко М. В. Понятие, сущность и модели межкультурной компетенции // Вестник Образовательного консорциума «Среднерусский университет». Сер. : Гуманитар. науки. 2019. № 14.
11. Реброва И. А. Теория планирования эксперимента : учеб. пособие. Омск : СибЛДИ, 2016.
12. Черняк Н. В. Межкультурная компетенция: история исследования, определение, модели и методы контроля : моногр. М. : Флинта, 2016. 264 с.

13. Бульцева М. А. Восприятие культурных различий и межкультурной компетентности российскими студентами с разным уровнем креативности // *Общественные науки и современность*. 2020. № 1. С. 132—147.
14. Резник С. Д., Джевицкая Е. С. Опыт отбора и продвижения научно-педагогических кадров в вузе // *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 12-3(44). С. 93—101.

REFERENCES

1. Androsova I. V. Structure and model of the manager's communicative competence. *Young Scientist*, 2015, no. 9, pp. 498—500. (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/89/18365>.
2. Zimnyaya I. A. *Key competencies as a result-target basis of the competence approach in education. Author's version*. Moscow, Research Center for Problems of Quality of Specialist Training, 2004. 40 p. (In Russ.)
3. Khutorskoy A. V. *System-activity approach in training. Sci. and methodological manual*. Moscow, Eidos, Institute of Human Education publ., 2012. 63 p. (In Russ.)
4. Kornienko O. P. Formation of foreign-language professional communicative competence among students of architectural and construction specialties. *Business. Education. Law. Bulletin of Volgograd Business Institute*, 2008, no. 2(6), pp. 101—103. (In Russ.)
5. Sadokhin A. P. *Introduction to the theory of intercultural communication. Textbook*. Moscow, KNORUS, 2015. 254 p. (In Russ.)
6. Skatkin M. N. *Methodology and methods of pedagogical research (To help the novice researcher)*. Moscow, Pedagogika, 1986. 150 p. (In Russ.)
7. Dudovich D. L. The outcomes of the experiment on intercultural awareness formation of the would-be culture experts. *Russian Journal of Education and Psychology*, 2016, no. 1(57). (In Russ.)
8. Kharlamov I. F. *Pedagogy. Textbook for students of pedagogical specialties*. 4th ed., reprint. and add. Moscow, Gardariki, 2005. 516 p. (In Russ.)
9. Podlasy I. P. *Pedagogy. Textbook for university students in the area of training "Education and pedagogy". In 3 books. Book 3. Theory and technologies of education*. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Vados, 2007. 463 p. (In Russ.)
10. Khachikyan E. I., Kosogorova L. A., Neparko M. V. The concept, essence and models of intercultural competence. *Electronic Journal Bulletin of the Central Russian University "Educational Consortium". Series: Humanities*, 2019, no. 14. (In Russ.)
11. Rebrov J. A. *Theory of experiment planning. Textbook*. Omsk, SibLDI publ., 2016. (In Russ.)
12. Chernyak N. V. *Cross-cultural competence: the history of research, definition, models and methods of control. Monograph*. Moscow, Flinta, 2016. 264 p. (In Russ.)
13. Bultseva M. A. Perception of cultural differences and intercultural competence among Russian students with different levels of creativity. *Social Sciences and Modernity*, 2020, no. 1, pp. 132—147. (In Russ.)
14. Reznik S. D., Dzhevitskaya E. S. Experience in selection and promotion of teaching staff at universities. *Modern scientific research and innovation*, 2014, no. 12-3(44), pp. 93—101. (In Russ.)

Как цитировать статью: Непарко М. В. Методологические подходы к исследованию сформированности межкультурных компетенций у менеджеров в высшем учебном заведении // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 373—377. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.304.

For citation: Neparko M. V. Methodological approaches to the study of the formation of cross-cultural competencies among managers in higher education institutions. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 373—377. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.304.

УДК 796/799
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.383

Kozlov Aleksey Vladimirovich,
Senior lecturer of the Department
of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: 19880588@bk.ru,
ORCID ID: 0000-0001-6347-7007,
SPIN-code: 4935-4109

Козлов Алексей Владимирович,
старший преподаватель
кафедры физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: 19880588@bk.ru,
ORCID ID: 0000-0001-6347-7007,
SPIN-код: 4935-4109

Kozlova Mariya Aleksandrovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports,
Moscow State University
of Food Production,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: 7012946@bk.ru,
ORCID ID: 0000-0003-4138-0903,
SPIN-code: 7079-2176

Козлова Мария Александровна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры физической культуры и спорта,
Московский государственный университет
пищевых производств,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: 7012946@bk.ru,
ORCID ID: 0000-0003-4138-0903,
SPIN-код: 7079-2176

Slavin Denis Sergeevich,
Physical Education Teacher,
School No. 1524,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: slavin-denis@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-2907-9168

Славин Денис Сергеевич,
учитель физической культуры,
школа № 1524,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: slavin-denis@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-2907-9168

ТЕХНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИЗМЕРЕНИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ НА ОСНОВЕ НАСТОЛЬНЫХ СПОРТИВНЫХ ИГР

TECHNICAL ASSESSMENT OF THE PHYSICAL ACTIVITY IN STUDENTS WITH DISABILITIES ON THE BASIS OF BOARD SPORTS GAMES

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methodology of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture

В статье рассматривается вопрос необходимости подбора технической оценки измерений двигательных навыков у студентов с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Ранее данными авторами уже были опубликованы исследования в журналах, включенных в перечень ВАК, где описана внедренная методика на основе настольных спортивных игр в образовательную деятельность вузов по физической культуре со студентами с ОВЗ и ее влияние на функциональные системы организма, формирование личностных качеств, но нет исследований, где изложены основы технической оценки измерения двигательной активности. Цель исследования заключается в разработке и практическом применении технической оценки измерения двигательной активности при использовании методики физического воспитания на основе настольных спортивных игр в работе со студентами с ОВЗ. В исследовании приняли участие 318 человек — обучающиеся в возрасте от 17 до 20 лет, относящиеся к различным нозологическим группам. Рассчитано среднее арифметическое, стандартное отклонение, t-критерий Стьюдента для определения статистической значимости различий средних величин, простейший процентного показателя. Авторская методика была внедрена в программу учебной дисциплины «Элективные курсы по физической

культуре и спорту: настольные спортивные игры») и рассчитана на два семестра обучения. Для оценки студентов с ОВЗ по результатам каждого семестра были разработаны тесты и контрольные нормативы, которые основаны на ключевых моментах настольных спортивных игр, таких как: жукльбак, корнхол, кульбутто, новус, шаффлборд. Данные тесты позволяют оценить степень технического освоения игр и динамику результатов за каждый семестр обучения.

The article discusses the need for a technical assessment of motor skill in students with disabilities. Previously, these authors have already published their studies in journals included in the list of the Higher Attestation Commission, which describe the implemented methodology based on board sports games in the educational activities of universities in physical education among students with disabilities, and its effect on the functional systems of the body and the formation of personal qualities, but there is no research, which sets out the basics of technical assessment of physical activity. The aim of the research is to apply such an assessment when using physical education methods based on board sports games for students with disabilities. The experiment involved 318 students aged 17 to 20 years, belonging to various nosological groups. The authors calculated arithmetic mean, standard deviation,

Student's t-test to determine the statistical significance of differences in the mean value and, the percentage increase. The authors' methodology was introduced into the curriculum of the discipline "Elective courses in physical culture and sports: Board sports games" and is designed for 2 semesters of study. To assess students with disabilities according to the results of each semester, tests and control standards were developed, based on the key points of board sports games, such as: Zhulbak, Kornhol, Kulbutto, Novus, Shuffleboard. These tests allow assessing the degree of technical mastery of games and the dynamics of results for each semester of study.

Ключевые слова: настольные спортивные игры, двигательная активность, физическая культура, техническая оценка, студенты с ограниченными возможностями здоровья, высшие учебные заведения, физическое воспитание, жульбак, корнхол, кульбутто, новус, шаффлборд.

Keywords: board sports games, physical activity, physical culture, technical assessment, students with disabilities, higher education institutions, physical education, zhulbak, cornhole, kulbutto, novus, shuffleboard.

Введение

Актуальность. В современной реальности необходим поиск новых форм работы со студентами в области физического воспитания [1—4]. Учащимся вузов на занятиях по физической культуре необходима игровая и соревновательная деятельность [5—8]. Но ограничения в состоянии здоровья у студентов значительно сокращают ассортимент применяемых игр и игровых упражнений.

Увеличение двигательной активности положительно влияет на развития физических качеств, функциональных систем организма, оказывает положительное влияние на формирование личностных характеристик [9—12].

Настольные спортивные игры являются универсальным средством, так как отвечают всем предъявленным требованиям к организации и проведению занятий со студентами с ОВЗ, подходят различным нозологическим группам и способствуют развитию инклюзивной образовательной среды в вузе [13—15].

Целесообразность проведенного исследования обусловлена потребностью в дополнении методики с применением настольных спортивных игр описанием тестов и контрольных нормативов, адаптированных для студентов с ОВЗ.

Изученность. В настоящее время не публиковались научные исследования, где были бы изложены основы технической оценки измерения двигательной активности на основе настольных спортивных игр.

Научная новизна исследования состоит в реализации технической оценки измерения двигательной активности в виде тестов и контрольных нормативов среди студентов с ОВЗ.

Цель исследования заключается в разработке и практическом применении технической оценки измерения двигательной активности при использовании методики физического воспитания на основе настольных спортивных игр в работе со студентами с ОВЗ.

Цель исследования структурировала следующие **задачи**:

1. Разработать тесты и контрольные нормативы на основе настольных спортивных игр для студентов с ОВЗ.

2. Экспериментально доказать адаптированность и возможность практического применения технической оценки измерения двигательной активности в рамках внедрения

методики физического воспитания с использованием настольных спортивных игр для студентов с ОВЗ.

Теоретическая значимость заключается в разработке и внедрении тестов и контрольных нормативов на основе настольных спортивных игр для студентов с ОВЗ.

Практическая значимость. Проведенное исследование позволит совершенствовать подходы к физкультурно-оздоровительной работе со студентами с ОВЗ в высших учебных заведениях.

Основная часть

Авторская методика была внедрена в программу учебной дисциплины «Элективные курсы по физической культуре и спорту: настольные спортивные игры» и рассчитана на два семестра обучения. Для оценки студентов с ОВЗ по результатам каждого семестра были разработаны тесты и контрольные нормативы, которые основаны на ключевых моментах настольных спортивных игр, таких как: жульбак, корнхол, кульбутто, новус, шаффлборд.

Данные тесты позволяют оценить степень технического освоения игр и проследить динамику результатов за каждый семестр обучения:

– тест «Жульбак». Тестируемый выполняет броски в лузы 30 шайбами подряд. Броски выполняются сильнейшей рукой. За каждое попадание в любую лузу начисляется 1 балл. Максимальное количество баллов 30;

– тест «Корнхол». Тестируемый выполняет 8 бросков игровым мешочком в отверстие на игровом поле с расстояния 8 м. Броски выполняются сильнейшей рукой. Баллы начисляются за каждое попадание (1 попадание — 1 балл). Максимальное количество баллов 8;

– тест «Кульбутто». Тестируемый за ограниченное время (40 с) должен закатить максимальное количество шаров в лунки. Всего 8 шаров. Допускается закатывать шары, строго используя технику игры. Максимальное количество баллов 8;

– тест «Новус». Тестируемый из свободного положения выполняет 6 ударов кием по битку. Задача — битком забить максимальное количество пешек в любую из четырех лунок (всего 8 пешек). Биток перед первым ударом располагается в центре игрового поля, далее удары выполняются с того места, где остановился биток (в случае попадания битка в лунку биток выставляется на центр поля). Максимальное количество баллов 8, за каждую забитую пешку начисляется 1 балл;

– тест «Шаффлборд». Тестируемый сильнейшей рукой за 1 мин выполняет 8 бросков на простое поле. Каждая шайба, оставшаяся в пределах зачетной зоны, приравнивается к 1 баллу. Максимальное количество баллов 8.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 318 человек — обучающиеся в возрасте от 17 до 20 лет (студенты 1—3-го курсов ФГБОУ ВО «Московский государственный университет пищевых производств») с нарушениями сердечно-сосудистой, дыхательной систем, опорно-двигательного аппарата и зрения.

Рассчитано среднее арифметическое, стандартное отклонение, *t*-критерий Стьюдента для определения статистической значимости различий средних величин, прирост процентного показателя.

Результаты. В целях выявления изменений двигательных навыков нами были разработаны и применены тесты для технической оценки, которые основаны на ключевых моментах игр (табл. 1).

Таблица 1

Техническая оценка изменения двигательных навыков

Тест	Группа	1-й этап	2-й этап	Трасч. 1–2 эт.	α	Прирост показателей, %
«Жульбак»	Юн.	4,48 ± 0,23	8,15 ± 0,23	11,28	$\alpha < 0,001$	81,9
	Дев.	4,79 ± 0,21	8,25 ± 0,19	12,22	$\alpha < 0,001$	72,2
«Корнхол»	Юн.	1,94 ± 0,09	3,73 ± 0,13	11,32	$\alpha < 0,001$	92,2
	Дев.	1,43 ± 0,05	3,14 ± 0,07	19,88	$\alpha < 0,001$	119,6
«Кульбутто»	Юн.	2,61 ± 0,09	5,04 ± 0,09	19,09	$\alpha < 0,001$	93,5
	Дев.	2,43 ± 0,09	4,7 ± 0,1	12,19	$\alpha < 0,001$	93,4
«Новус»	Юн.	1,98 ± 0,08	4,01 ± 0,08	17,94	$\alpha < 0,001$	102,5
	Дев.	1,66 ± 0,08	3,41 ± 0,08	15,47	$\alpha < 0,001$	105,4
«Шаффлборд»	Юн.	4,17 ± 0,08	7,01 ± 0,09	23,58	$\alpha < 0,001$	68,1
	Дев.	3,95 ± 0,08	5,97 ± 0,08	17,85	$\alpha < 0,001$	51,1

Примечание: $T_{\text{крит.}} = 3,46$ при уровне значеня $\alpha = 0,001$.

Исходя из табличных данных, изменения значений во всех экспериментальных группах являются статистически значимыми. Техническая оценка изменения двигательных навыков составила:

- в показателях теста «Жульбак» у юношей 81,9 %, у девушек 72,2 %;
- в показателях теста «Корнхол» у юношей 92,2 %, у девушек 119,6 %;
- в показателях теста «Кульбутто» у юношей 93,5 %, у девушек 93,4 %;

– в показателях теста «Новус» у юношей 102,5 %, у девушек 105,4 %;

– в показателях теста «Шаффлборд» у юношей 68,1 %, у девушек 51,1 %.

С целью наглядности результатов мы построили диаграмму по процентному приросту (рис.).

В целях отслеживания динамики освоения настольных спортивных игр студентов с ОВЗ различных нозологических групп были разработаны контрольные оценочные нормативы (табл. 2).

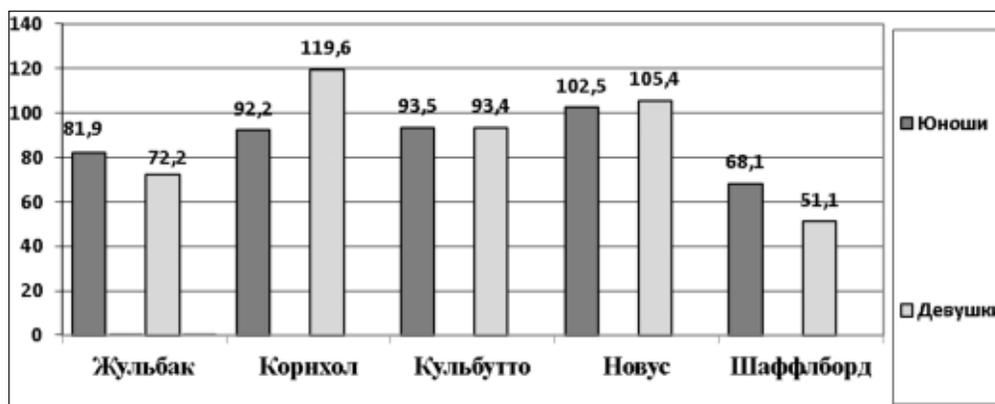

Рис. Процентный прирост показателей технической оценки изменений двигательных навыков студентов с ОВЗ

Таблица 2

Контрольные нормативы для оценки технических приемов в настольных спортивных играх

Спортивная настольная игра	Контрольный норматив	Оценка/Кол-во раз		
		3	4	5
Жульбак	Попадание шайбой в любую лузу	2–4	5–7	8–10
Корнхол	Попадание игровым мешочком в отверстие на поле с расстояния 8 м	1	2–3	4–5
Кульбутто	За ограниченное время (40 с) закатить максимальное количество шаров в лунки	1–2	3–4	5–8
Новус	Забить максимальное количество пешек в любую из четырех лунок за 6 ударов	1–3	4–6	7–8
Шаффлборд	8 бросков на простое поле	1–3	4–6	7–8

Выводы и заключение

Таким образом, применяемые тесты и контрольные нормативы позволяют оценить степень технического освоения игр и динамику результатов за каждый семестр обучения при

внедрении методики, основанной на настольных спортивных играх. Следует отметить, что данная шкала нормативов является удобным средством оценивания студентов с ОВЗ различных нозологических групп при выставлении им зачетов.

Предложенная система технической оценки измерения двигательной активности легко реализуема и удобна в работе со студентами с ОВЗ, позволяет проследить индивидуальный прогресс, не сложна для выполнения, но требует освоения определенных двигательных навыков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гилев Г. А., Каткова А. М. Физическое воспитание студентов : учеб. М. : Моск. гос. пед. ун-т, 2018. 336 с.
2. Каинов А. Н., Шалаева И. Ю. Физическая культура. Система работы с учащимися специальных медицинских групп: рекомендации, планирование, программы. Волгоград : Учитель, 2009. С. 185.
3. Semal N., Hrybovska I., Malanchuk G. Ways of attracting people with disabilities to physical culture and sports activities // *Slobozhans'kyi Scientific and Sport Bulletin*. 2011. No. 4. Pp. 222—226.
4. Освоение дисциплины «Физическая культура и спорт» в вузе с применением инновационных технологий / С. М. Лукина, Ю. Я. Лобанов, А. В. Шаронова, Л. В. Ярчиковская, О. В. Миронова // *Теория и практика физической культуры*. 2019. № 4. С. 44—46.
5. Бауэр О. П. Подвижные и спортивные игры в профессиональной подготовке специалистов по физической культуре дошкольников : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04. СПб., 2006. 20 с.
6. Брюховских Т. В., Шубин Д. А., Николаев Е. А. Применение игрового метода на занятиях физической культурой в вузе // *Физическая культура, спорт и туризм. Интеграционные процессы науки и практики : материалы VII междунар. науч.-практ. конф.*, 2015. С. 891—896.
7. Старовойтова Т. Е., Ахмаева И. В., Лукашкова И. Л. Подвижные игры для студентов, имеющих отклонения в состоянии здоровья : метод. рекомендации. Минск : БГУ, 2005. 27 с.
8. Хацкевич С. С. Игровые задания в физическом воспитании студентов основных и специальных медицинских групп : метод. рекомендации. Брест : БрГУ им. А. С. Пушкина, 2002. 12 с.
9. Perfileva M. V. Socialization of disabled children in the framework of inclusive education // *Collection of sci. works of the Kamyanets-Podilsky National University named after Ivan Ogienko*. 2009. Iss. 11. Pp. 72—76.
10. Bray S. R., Born H. A. Transition to university and vigorous physical activity: implications for health and psychological wellbeing during transition to university life // *Journal of American College Health*. 2004. No. 52. Pp. 11—15. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15018429>.
11. Altavilla G. Relationship between physical inactivity and effects on individual health status // *Journal of Physical Education and Sport*. 2016. Iss. 16 (Suppl. 2). Pp. 1069—1074.
12. D'Isanto T., Manna A., Altavilla G. Health and physical activity // *Sport Science*. 2017. Vol. 10. No. 1. Pp. 100—105.
13. Замятина Н. В., Мандриков В. Б., Ушакова И. А. Организация инклюзивной образовательной среды для занятий физической культурой инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в нефизкультурном вузе // *Актуальные вопросы физического воспитания молодежи и студенческого спорта : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : Саратовский источник*, 2019. С. 410—414.
14. Московская федерация новуса. URL: <http://www.novus-sport.ru/about-federation/mfn-history-menu>.
15. Козлов А. В., Козлова М. А., Бочков М. О. Соревновательная деятельность в настольных спортивных играх среди студентов как средство развития инклюзивной образовательной среды в высших учебных учреждениях // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 1(54). С. 444—448. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.54.161.

REFERENCES

1. Gilev G. A., Katkova A. M. *Physical education of students. Textbook*. Moscow, Moscow State Pedagogical University publ., 2018. 336 p. (In Russ.)
2. Kainov A. N., Shalaeva I. Yu. *Physical education. System of work with students of special medical groups: recommendations, planning, programs*. Volgograd, Uchitel, 2009. 185 p. (In Russ.)
3. Semal N., Hrybovska I., Malanchuk G. Ways of attracting people with disabilities to physical culture and sports activities. *Slobozhans'kyi Scientific and Sport Bulletin*, 2011, no. 4, pp. 222—226.
4. Lukina S. M., Lobanov Yu. Ya., Sharonova A. V., Yarchikovskaya L. V., Mironova O. V. Mastering the discipline “Physical culture and sport” at the university with the use of innovative technologies. *Theory and practice of physical culture*, 2019, no. 4, pp. 44—46. (In Russ.)
5. Bauer O. P. *Playing sports and games in the professional training of specialists in physical culture of preschoolers. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Saint Petersburg, 2006. 20 p. (In Russ.)
6. Bryukhovskikh T. V., Shubin D. A., Nikolaev E. A. Application of the game method in physical culture lessons at university. In: *Physical culture, sport and tourism. Integration processes of science and practice. Materials of the VII Int. sci. and pract. conf.*, 2015. Pp. 891—896. (In Russ.)
7. Starovoytova T. E., Akhmaeva I. V., Lukashkov I. L. *Playing sports for students with disabilities. Method. Recommendations*. Minsk, BGU publ., 2005. 27 p. (In Russ.)
8. Khatskevich S. S. *Game tasks in physical education for students of basic and special medical groups. Method. Recommendations*. Brest, Brest State Pushkin University publ., 2002. 12 p. (In Russ.)
9. Perfileva M. V. Socialization of disabled children in the framework of inclusive education. In: *Collection of sci. works of the Kamyanets-Podilsky National University named after Ivan Ogienko*, 2009. Iss. 11. Pp. 72—76.

10. Bray S. R., Born H. A. Transition to university and vigorous physical activity: implications for health and psychological wellbeing during transition to university life. *Journal of American College Health*, 2004, no. 52, pp. 11—15. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/15018429>.

11. Altavilla G. Relationship between physical inactivity and effects on individual health status. *Journal of Physical Education and Sport*, 2016, iss. 16 (suppl. 2), pp. 1069—1074.

12. D'Isanto T., Manna A., Altavilla G. Health and physical activity. *Sport Science*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 100—105.

13. Zamyatina N. V., Mandrikov V. B., Ushakova I. A. Organization of an inclusive educational environment for physical education of people with disabilities and persons with health problems in a non-physical university. In: *Actual problems of physical education youth and student sports. Proceedings of the All-Russ. sci. and pract. conf.* Saratov, Saratovskiy istochnik, 2019. Pp. 410—414. (In Russ.)

14. *Site of the Moscow Federation of Novus.* (In Russ.) URL: <http://www.novus-sport.ru/about-federation/mfn-history-menu>.

15. Kozlov A. V., Kozlova M. A., Bochkov M. O. Competitive activity in board sports games among students as a means of developing an inclusive educational environment in higher educational institutions. *Business. Education. Law*, 2021, no. 1, pp. 444—448. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2021.54.161.

Как цитировать статью: Козлов А. В., Козлова М. А., Славин Д. С. Техническая оценка измерения двигательной активности студентов с ограниченными возможностями здоровья на основе настольных спортивных игр // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 378—382. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.383.

For citation: Kozlov A. V., Kozlova M. A., Slavin D. S. Technical assessment of the physical activity in students with disabilities on the basis of board sports games. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 378—382. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.383.

УДК 37.082
ББК 74.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.311

Bocharova Yuliya Yurevna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social Pedagogy
and Social Work,
Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafiev,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: bjulija1305@yandex.ru

Бочарова Юлия Юрьевна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры социальной педагогики
и социальной работы,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: bjulija1305@yandex.ru

Komatkova Lidiya Viktorovna,
Principal of the Secondary School No. 150
named after Hero of the Soviet Union V. S. Molokov,
Russian Federation, Krasnoyarsk,
e-mail: lid2277@yandex.ru

Коматкова Лидия Викторовна,
директор средней школы № 150
им. Героя Советского Союза В. С. Молокова,
Российская Федерация, г. Красноярск,
e-mail: lid2277@yandex.ru

ПРАКТИКИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ: РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

METHODS FOR RETENTION OF YOUNG TEACHERS IN SCHOOL: THE ROLE OF THE PROFESSIONAL COMMUNITY

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования

13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Проблеме вовлечения и удержания талантливых молодежи в педагогической профессии уделяется достаточно много внимания в силу большого дефицита и высокой ротации педагогических кадров. Профессиональное самочувствие новых педагогов в школе зависит от применяемых методов управления, которые должны учитывать характеристики поколения миллениалов. Исследование посвящено изучению восприятия процессов закрепления как со стороны молодых педагогов, так и директоров школ. Молодые педагоги в 75 % случаев время от времени задумываются об уходе из школы. Наиболее частыми причинами называются эмоциональные

и физические перегрузки, негативное отношение детей и родителей, чувство профессионального одиночества в коллективе. В интервью и фокус-группах были обнаружены несоответствующие оценки эффективности традиционных практик закрепления: наставничества, школ молодых педагогов и т. д. Также были выделены два типа практик управления закреплением: основанного на обучении и ликвидации профессиональных дефицитов и на вовлечении в деятельность профессионального сообщества школы как равного субъекта. Во втором случае, как подтвердила статистика, вовлеченность молодых педагогов выше, а число настроенных

на уход — ниже. Кейс-анализ управленческих практик, применяемых директором школы с наименьшим процентом ухода и наибольшей степенью вовлеченности, показал, что наиболее результативны практики распределенного наставничества, проектного управления, психологического сопровождения адаптации, организации профессионального взаимодействия в мини-группах, создания среды для неформального общения. Исследование имеет практическую значимость для директоров больших школ, принимающих на работу одновременно нескольких молодых учителей в год.

Much attention is paid to the problem of involving and retaining talented youth in the teaching profession due to the large shortage and high rotation of teaching staff. The professional well-being of new educators at school depends on the management practices applied, which must take into account the characteristics of the millennial generation. The article is devoted to the study of the perception of retention processes by both young teachers and school principals. 75 % of young teachers from time to time think about leaving school. The most common reasons are emotional and physical overload, negative attitude of children and parents, sense of professional loneliness in the team. In interviews and focus groups, we found inconsistent assessments of the effectiveness of traditional practices: mentoring, schools for young teachers, etc. Also, two types of retention management practices were identified: based on training and the elimination of professional deficits and on the involvement of the school's professional community as an equal subject in the activities of the professional community. In the second case, as the statistics confirmed, the involvement is higher, and the number of those who are determined to leave is lower. A case study of management practices used by the principal of the school with the lowest percentage of leaving and the highest degree of involvement showed that the most effective practices are distributed mentoring, project management, psychological support of adaptation, organizing professional interaction in mini-groups, creating an environment for informal communication. The study is of practical importance for principals of large schools who employ several young teachers at the same time per year.

Ключевые слова: поколения, молодые педагоги, закрепление, профессиональное сообщество, профессиональные дефициты, наставничество, профессиональное самочувствие, вовлеченность, управление школой, директора, фокус-группы, интервью.

Keywords: generations, young teachers, retention, professional community, professional deficits, mentoring, professional well-being, involvement, school management, principals, focus groups, interviews.

Введение

Современная ситуация с закреплением молодых педагогов в школах во всем мире остается напряженной. Профессия учителя признается не просто сложной, но в свете повторяющихся актов насилия в школах в разных странах и регионах — даже опасной. Разрыв между квази-профессиональной ситуацией подготовки учителей в университетах и профессиональной реальностью, школьной повседневностью работы с разными детьми и их родителями, перегруженность учителей и нестабильность общей ситуации в мире, столкнувшемся с пандемией, — все это не способствует естественному поступательному движению в решении проблемы вовлечения и удержания лучших молодых учителей [1].

Для города Красноярска с более чем миллионом жителей ситуация ротации кадров обостряется вследствие прироста детского населения, простимулированного программой материнского капитала предыдущего десятилетия. Школы-новостройки на 1700 и более обучающихся неизбежно сталкиваются с необходимостью набирать не просто новый коллектив, но и одновременно большое число выпускников педагогических колледжей и университетов. По данным Министерства образования Красноярского края, ситуация с закреплением молодых учителей в регионе соответствует общероссийской: не более 50 % остается после года работы, после трех лет закрепляются не более 35 % молодых учителей.

Исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОСЕС) за последние годы подтверждают непреходящую актуальность проблемы вовлечения и удержания учителей в профессии [2, 3].

Впервые в докладе Майкла Барбера [4], а затем и в других источниках на основе изучения лучших систем образования [2, 5, 6] было показано, что от качества управления и качества работающих педагогов зависит качество образования в школе, лучшие образовательные системы уделяют большое внимание профессиональному развитию работающих учителей, поддержке профессиональных сообществ и подготовке управленческих кадров для школ, соответственно, следует в качестве объекта исследования обозначить управленческие практики, позволяющие повысить закрепление и вовлечение педагогов в такую профессиональную деятельность, которая создает условия для их профессионального развития.

В последние годы эта тематика остается в повестке многих исследований [7—9]. Среди причин ухода молодых специалистов из школ исследователи на первое место ставят наличие дефицитарности необходимых профессиональных компетенций. Так, данные международного исследования учительского корпуса TALIS свидетельствуют о том, что молодые учителя менее других возрастных групп оценивают свою профессиональную подготовку как хорошую; также они указывают на то, что менее других педагогов включены в систему профессионального развития, реже своих более старших и опытных коллег участвовали во всех видах профессионального развития, включая разнообразные формы сотрудничества и коллегиальной работы [10, 11]. Многочисленные исследования в русле нашей проблематики посвящены наставничеству молодых учителей как практике закрепления, их ожиданиям от наставников, требованиям к специальным навыкам последних [7, 12—16]. К тому же всероссийское исследование 2015 г. выявило несоответствие между реальным негативным самочувствием молодых педагогов в начале профессиональной деятельности и представлениями руководителей школ об их хорошем самочувствии [17, 18].

Для нашей работы принципиальными являются исследования специфики нового поколения работников: представителям молодого поколения нужно нечто большее, чем стабильность и высокая заработная плата (ключевые мотиваторы предыдущих поколений), — это эмоции, чувство драйва, благодаря которым люди работают много и с удовольствием, испытывают чувство радости и гордости. Поэтому для удержания молодых педагогов в коллективе нужны иные инструменты, являющиеся частью общей корпоративной культуры учреждения: персонализированная коммуникация, управление ожиданиями, установление культуры превосходства, онлайн-стажировки, создание обучающих ситуаций в противовес инструктированию [19—21]. Так называемые миллениалы втрое чаще меняют работу, чем представители

других поколений, более чем 60 % молодых представителей этого поколения работников готовы рассмотреть новые предложения от других работодателей [22, 23].

Исследователи считают, что для того чтобы сотрудник оставался работать в организации какое-то время, у него должно быть положительное либо индифферентное профессиональное самочувствие и вовлеченность в деятельность организации [24]. Эти два понятия сравнительно недавно стали предметом исследований сначала зарубежных, а затем и российских социологов. Так, большинством авторов профессиональное самочувствие понимается как комплексная характеристика, отражающая осознание и оценку работником своего профессионального статуса, престижа деятельности, анализ себя как члена коллектива и организации в целом, а также показатели успешности своего труда. Вовлеченность рассматривается как комплексная характеристика, в основе которой позитивное отношение работников к организации, намерения оставаться в ней длительное время и приложение максимума усилий для ее успеха.

В подходе Hewitt Associates рассматриваются три индикатора вовлеченности: сотрудник позитивно отзывается о компании в общении с коллегами, потенциальными сотрудниками и клиентами; сотрудник хочет остаться в компании на длительное время, быть частью компании; сотрудник прикладывает дополнительные усилия, чтобы способствовать успеху организации [25].

Изучение взаимодействия учителей внутри школы показывают, что от плотности профессиональных сетей зависит качество профессионального развития учителей [6]. Профессиональное сообщество для молодого педагога становится пространством приобретения новых навыков в ответ на осознаваемые дефициты подготовки, именно в нем как форме профессионального бытия непрерывного педагогического образования и профессионального развития молодого педагога происходят процессы закрепления профессиональной идентичности, сопоставления себя с лучшими образцами педагогической деятельности, выработка ее индивидуального стиля. Важнейшими условиями успеха профессиональных сообществ являются распределенное лидерство, групповая динамика, доверие и уважение [7, 16, 26–28].

Научная новизна работы заключается в определении результативных управленческих практик в отношении закрепления молодых учителей в общеобразовательных школах, подтверждении решающей роли профессионального сообщества школы для усиления вовлеченности молодых учителей в педагогическую деятельность всего коллектива.

Цель и задачи. Исследование нацелено на изучение факторов, препятствующих уходу молодых учителей из школы, способствующих их закреплению: вовлеченности и улучше-

нию профессионального самочувствия, а также управленческих практик, применяемых в организации. В задачах исследования мы выделяем разработку диагностической программы, позволяющей вскрыть феноменологию процессов закрепления (с применением качественных методов), в том числе рассмотрение этих процессов как со стороны педагогов, так и со стороны директора школы, а также обобщение качественных данных до формы, позволяющей провести их статистическую обработку для выявления связей между факторами.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается во включении в теорию управления школой выявленной и подтвержденной связи между степенью вовлеченности педагогов в деятельность всего профессионального сообщества в школе и снижением числа критически настроенных, готовых к уходу педагогов. Выделенные в анализе кейса крупной школы г. Красноярск практики закрепления молодых педагогов — распределенного наставничества, включения молодых педагогов в систему наставничества новичков и т. д. — имеют практическую значимость для директоров школ.

Основная часть

Методология. Исследование управленческих практик, применяемых для закрепления молодых педагогов в крупных школах N-ского района г. Красноярск мы проводили на основе кейсов шести крупных школ, а также используя качественные методы (интервью директоров, фокус-группы молодых учителей) для прояснения феноменологии процессов закрепления с точки зрения отражения в них процессов профессионального самочувствия педагогов. Для изучения вовлеченности и критической настроенности молодых учителей на уход из школы — адаптированный опросник Q 12 Gallup. Выборку школ можно охарактеризовать как гнездовую (крупный район г. Красноярск), кластерную (школы с численностью учащихся от 1500 до 2500 человек и количеством молодых педагогов более 10 % от общего числа педагогов), сплошную (все крупные школы).

В фокус-группах молодых педагогов количество респондентов устанавливалось в соответствии с принципом репрезентативности данных. В настоящее время в N-ском районе функционируют 30 школ. В них работают 347 молодых специалистов. Ответы 77 опрошенных молодых педагогов могут давать представление о ситуации в образовательных организациях, так как это составляет 22 % от генеральной совокупности.

Всего было проведено шесть фокус-групп молодых педагогов. В каждой из школ в фокус-группе приняло участие 50...70 % от общего числа молодых педагогов, работающих в данных школах (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика выборки

Школа	Общее количество сотрудников	Количество молодых педагогов со стажем от 0 до 5 лет на момент исследования	Количество молодых педагогов, %	Количество ушедших молодых педагогов за последние три года, чел.
№ 1	147	24	16,3	27
№ 2	174	20	11,5	18
№ 3	166	29	17,5	7
№ 4	158	29	18,4	11
№ 5	139	19	13,7	16
№ 6	177	23	13,0	6

Гайд фокус-групп и интервью директора школы был конструирован относительно следующих аспектов:

- политика управления закреплением;
- вовлеченность молодых педагогов в жизнь школы: их инициатива и доверие к ним;
- профессиональный рост;
- наличие среды для профессионального и личного взаимодействия (принятие коллективом, «своя тусовка»);
- нематериальное стимулирование, организация благоприятных условий труда на рабочем месте.

Результаты

Феноменология процессов закрепления с точки зрения профессионального самочувствия. Молодые педагоги, говоря о своем профессиональном самочувствии, отмечают, что мысли о смене работы и уходе из школы у них возникают достаточно часто (среди опрошенных — у 75 %). И лишь 10 % опрошенных заявляют, что чувствуют себя стабильно и комфортно и что подобных мыслей у них не бывает. Среди причин, побуждающих их думать об уходе из школы, молодые специалисты называют: большую эмоциональную и физическую перегруженность и связанное с ними ощущение неудовлетворенности — 33,8 %; отсутствие поддержки со стороны администрации и других учителей — 26 %; низкую заработную плату — 23,4 %; негативное отношение детей и родителей — 19,5 %. Среди опрошенных 18,2 % ощущают профессиональное одиночество и отстраненность от коллектива; 32,5 % молодых педагогов говорят о том, что из-за перегруженности не имеют возможности проявлять себя как личность, уделять внимание личностному развитию; 42,9 % молодых педагогов не чувствуют себя принятыми среди более старших коллег и ощущают по этому поводу дискомфортные состояния.

На вопрос, содержащий информацию о том, какая помощь реально нужна молодым («Если бы директором школы были Вы...»), молодые педагоги отвечают, что они считают, что нужно в первую очередь уделять больше внимания общей информированности новичков о происходящем в школе, организовывать проведение мероприятий по сплочению коллектива — 24,7 %; осуществлять оказание помощи в оформлении документации — 18,2 %; минимизировать урочную нагрузку — 26 %; оказывать психологическую поддержку в решении проблем и конфликтов — 32,5 %.

В ответах прослеживается тенденция к реализации потребности в профессиональном и личностном общении, желание общаться друг с другом и с более старшими коллегами не только на профессиональные, но и на любые личностно значимые темы. Так, 65 % респондентов ответили, что считают это важным аспектом для их удержания в коллективе. Но только 26 % могут говорить об удовлетворении этой потребности; 35,1 % сообщают, что у них в школах есть своя молодежная «тусовка» и, таким образом, есть желание и возможность проводить вместе досуг, иметь общие личностные интересы, помогать друг другу в решении проблемных ситуаций, связанных с профессиональной деятельностью; 18,2 % опрошенных говорят о наличии разновозрастных групп общения; 14,3 % испытывают по этому поводу нереализованные потребности в связи с отсутствием времени и возможностей.

Оценка практик закрепления молодыми педагогами. Одним из реально помогающих механизмов 36,4 % молодых педагогов считают школьную систему психологического сопровождения. Часть ответов респондентов

указывает на то, что они высоко оценивают возможность индивидуальных обращений к психологам (консультирование) — 18,2 %. Также в ответах содержатся положительные отзывы о проводимых в школах психологических тренингах, которые помогают им в восполнении каких-либо личностных и профессиональных дефицитов, решении конфликтных ситуаций, а также способствуют личностному развитию — 27,3 %.

Ответы большинства респондентов указывают на то, что в школах присутствует система наставничества. У 65 % есть наставник, но 27,3 % говорят, что он формально закреплен и помощи не оказывает. У 23,4 % молодых специалистов есть не наставники в традиционном смысле (из числа педагогов-стажистов), а другие «помогающие» сотрудники (кураторы параллели, психологи школы и др.). При этом молодые педагоги отмечают, что им важно иметь возможность выбора наставника по своему усмотрению, для того чтобы их коммуникация была комфортной, не формальной (33,8 %). Молодому учителю важно иметь эмоциональную связь с наставником. Если же наставник формально закреплен, то молодой педагог не стремится обращаться к нему за помощью, а его существование оценивает для выполнения дополнительной контролирующей функции (28,6 %). 22 % опрошенных считают своими наставниками «вчерашних» молодых коллег, общение с которыми считают более свободным и эффективным.

Среди опрошенных 35,1 % молодых педагогов принимали участие в профессиональных мероприятиях в школе (проводили мастер-классы, открытые уроки для коллег, выступали на педагогических конференциях), 26 % — во внешкольных профессиональных событиях. Среди наиболее значимых для удержания аспектов 31 % молодых педагогов выделяют проведение рефлексивных процедур: обсуждение с директором, наставником, коллегами проблем, с которыми сталкивается молодой педагог, подготовки и анализа уроков и внеурочной деятельности. 26 % говорят о том, что наличие в школе системы обратной связи оказывает влияние на их удержание в конкретной организации. Это выражается в возможности субъектного общения по поводу собственной профессиональной деятельности («я всегда могу рассчитывать на помощь в экспертной оценке моей деятельности, могу обсудить возникающие в процессе обучения или общения трудности, подойти к директору за советом, получить рекомендацию любого коллеги»).

Как отмечают 28,6 % респондентов, чаще всего в профессиональном взаимодействии они являются слушателями или пассивными участниками профессиональных событий. Несмотря на то, что молодые педагоги отмечают положительный эффект программ обучения для своего профессионального роста, они не считают эти программы оказывающими влияние на собственно их закрепление в образовании в целом и в конкретной организации в частности — об этом говорят ответы 20,8 %.

По поводу вовлеченности в школьные и внешкольные мероприятия, события и проекты были получены следующие ответы: 40,3 % — участвуют в качестве классного руководителя с классом; 13 % — являются инициаторами и организаторами школьных проектов; 11,7 % — являются кураторами и руководителями школьных проектов, данную возможность они расценивают как значительно влияющую на их профессиональное самочувствие и закрепление в образовательной организации.

27,3 % опрошенных ответили, что имеют в школе возможности для проявления себя как личности. Так, 19,5 % в системе участвуют в различных формах творческих объединений, 24,7 % — в спортивных соревнованиях.

Таким образом, можно сделать следующие промежуточные выводы.

За пять лет меньше половины молодых педагогов в среднем остаются в крупных школах. Для молодых проблема закрепления в конкретной школе переживается достаточно остро. Молодые педагоги хотели бы прийти в школу, найти сразу после вуза «свою школу», в которой чувствовали бы себя комфортно, на своем месте, могли бы развиваться в профессии. Вместо этого, при чувстве внутреннего дискомфорта, они вынуждены искать новое место работы, другие условия труда. Опрошенные нами молодые специалисты не планируют уход из отрасли образования и говорят о том, что если соберутся уйти из конкретной школы, то это будет поиск другой школы.

В большинстве крупных школ молодых долго не принимают в свою среду. Поэтому у них особенно остро проявляется чувство профессионального одиночества. Меньшая часть опрошенных молодых педагогов говорит, что администрация и коллеги помогают им справиться с возникающими проблемами. Формально можно обращаться за помощью, фактически справиться приходится самостоятельно. Еще одной трудностью сами молодые педагоги называют большую перегруженность — эмоциональную и физическую. Это также оказывает негативное влияние на их самочувствие. На начальных этапах вхождения в профессию у молодых нет опыта справляться со стрессом, они еще в недостаточной мере обладают навыками самоорганизации и тайм-менеджмента. Поэтому присутствует ощущение вечной занятости и усталости.

Среди основных проблем, побуждающих к мыслям об уходе из школы, молодые педагоги называют невозможность проявить себя, личные качества и способности. Таким образом, у них складывается ощущение обесценивания собственной личности и интереса к ним со стороны общества, а также стремление к проявлению себя в какой-то другой сфере.

Среди эффективных инструментов, способствующих их профессиональному развитию и закреплению в профессии, молодые педагоги называют: активные формы психологического сопровождения, профессиональное и личностное общение, рефлексивные обсуждения. Кроме того, важным фактором молодые считают возможности проявления своих личностных качеств в различных профессиональных сообществах как в школе, так и вне ее.

Таким образом, на основе анализа ответов молодых специалистов мы составили рейтинг практик, которые с их точки зрения являются наиболее результативными и способствуют их удержанию в школах:

Активные формы психологического сопровождения.

1. Организация профессионального и личностного взаимодействия.

2. Рефлексивные обсуждения деятельности.

3. Профессиональные сообщества.

4. Система наставничества.

5. Школа молодого специалиста.

Кроме того, молодые педагоги назвали аспекты, которых, по их мнению, в школах недостаточно, но которые могли бы повлиять на их удержание. К ним относятся: механизмы нематериального стимулирования, благоприятные

условия труда, небольшая нагрузка в первые годы работы, возможность проявления не только профессиональных, но и личностных качеств, участие в управлении школой (возможно, через проекты).

Типы управления закреплением. С точки зрения директоров, ситуация выглядит по-разному. Мы выделили две группы школ с точки зрения оценки ситуации и применяемых управленческих практик: к первой группе (так называемый профиль «А») мы отнесли школы № 1, 2, 5, ко второй (профиль «Б») — № 4 и № 6. Школа № 3 предъявила смелый стиль.

Дальнейший анализ результатов фокус-групп с молодыми специалистами и адаптированного опросника Q 12 Gallup, позволяет сделать выводы о разном отношении молодых педагогов к применяемым директорами управленческим практикам. Так, у молодых педагогов школ профиля «Б» уровень профессионального самочувствия и вовлеченности в деятельность организации выше, чем у педагогов школ профиля «А». Мнения о результативности практик закрепления с точки зрения директоров и молодых специалистов в школах профиля «А» достаточно отличаются, в некоторых случаях наблюдаются противоположные позиции.

Опрошенные директора первой группы крупных школ не расценивают проблему с уходом молодых специалистов как управленческую. Они считают, что это связано с тем, что в крупной школе с большим коллективом ежегодно происходит ротация кадров, в том числе и молодых. Соответственно, именно в этих школах применяются традиционные практики закрепления, отсутствует система всестороннего профессионального сопровождения, реестр используемых практик весьма ограничен.

Директора второй группы осознают управленческий характер проблемы закрепления, а следовательно, ищут эффективные инструменты вовлечения молодых педагогов в деятельность организации, а также способствующие их профессиональному развитию.

Директора первой группы не обращают особого внимания на внутреннее самочувствие молодых специалистов. Их больше интересуют профессиональные качества молодежи, а не личностные. Между тем обе стороны напрямую взаимосвязаны. Директора считают, что молодые ощущают себя комфортно в коллективах. Если же кто-то не справляется, значит ему в школе не место. Соответственно, в этих школах недостаточно внимания уделяется организации пространства, способствующего вовлечению молодых в деятельность организации и формированию идентичности, причастности молодого специалиста к коллективу.

Кроме того, существуют случаи, когда школа осуществляет «внутренний фильтр» неуспешных с точки зрения управленцев молодых педагогов, и директора говорят, что «школа не всех готова принять». Среди основных проблем неуспешности молодого специалиста директора называют низкий уровень владения предметом и неумение выстраивать коммуникации с детьми и родителями.

Проанализировав ответы директоров школ относительно применяемых ими практик закрепления, можно увидеть, что директора данной группы используют в основном практики обучающего характера, среди которых система наставничества, программы повышения квалификации, программа «Школа молодого специалиста», и считают

их наиболее успешно влияющими на закрепление молодых педагогов. Однако молодые педагоги считают данные практики малоэффективными. В ответах молодых педагогов часто ощущается профессиональное и личное одиночество. Они указывают на недостаточность существующих форм для общения. Существующие в данных практиках механизмы профессионального общения молодые педагоги не считают влияющими на закрепление. Так, традиционное наставничество по типу «молодой педагог — наставник» приветствуется лишь каждым третьим молодым педагогом. Молодые педагоги считают, что наличие наставничества не всегда является удерживающим фактором. Вместе с тем некоторые иные существующие формы наставничества, такие как кураторство, взаимодействие с коллегами в триадах, позитивно оцениваются молодыми педагогами.

Также в первой группе школ (профиль «А») преобладает менторский тип общения с молодыми педагогами, стиль недоверия и контроля. Для директоров первой группы школ делегирование полномочий является проявлением доверия к молодым. Сами же молодые педагоги считают это возложением дополнительного функционала, выходящего за рамки учительского, который негативно расценивается ими как дополнительная нагрузка. Директора школ в ответах указывают на свои наблюдения по поводу того, что молодые менее заинтересованы в успехе организации, чем учителя со стажем, и менее включены в решение задач, стоящих перед школой. Директора школ говорят о том, что возможность для проявления инициативы есть у каждого учителя, в том чис-

ле у молодого, что инициатива приветствуется, однако считают, что все просто не могут быть инициативными. Молодые педагоги же в своих ответах опасаются, что «инициатива наказуема», и если и проявляют ее, то только в качестве работы с классным коллективом, а не во взаимодействии с коллегами.

Для директоров школ второй группы (профиль «Б») характерно применение директорами практик, направленных на улучшение профессионального самочувствия и повышение вовлечения молодых педагогов в деятельность организации. Наиболее значимыми в данной группе школ и директорами, и молодыми педагогами указываются формы профессионального взаимодействия молодых педагогов с коллегами, разнообразные активные формы вовлечения молодежи в жизнь школы.

Во второй группе школ директора предлагают молодым педагогам осуществлять руководство проектами, которые наиболее интересны для них самих. Молодежь считает это проявлением доверия со стороны администрации, возможностью влиять на управление школой, вносить собственный вклад в решение важных задач.

Кроме того, практика партнерского взаимодействия, обращений к директорам с личными вопросами есть только во второй группе школ.

По результатам анализа адаптированного опросника Q 12 Gallup, можно говорить о неэффективности, применяемой директорами стратегии управления закреплением, так как выявлены группы критически настроенных респондентов, готовых к уходу из школы.

Таблица 2

Соотношение уровня вовлеченности в деятельность организации с реальными уходами молодых специалистов из крупных школ N-ского р-на г. Красноярск за последние три года

Школа	Молодые педагоги, %	Респонденты от числа молодых педагогов, %	Вовлеченные молодые педагоги, %	Критически настроенные молодые педагоги, %	Ушедшие молодые педагоги, чел.
№ 1	16,3	45,8	53,0	45,0	27
№ 2	11,5	50,0	60,0	40,0	14
№ 3	13,7	31,0	63,8	11,0	16
№ 4	18,4	34,5	66,6	20,0	11
№ 5	17,5	42,1	73,1	11,0	7
№ 6	13,0	100,0	87,0	0,0	6

Анализ результатов оценки связи вовлеченности в деятельность организации и доли критически настроенных молодых педагогов проводился с применением коэффициента корреляции Спирмена:

$$r_s = -0,871 (p < 0,05).$$

Связь отрицательная, значимая.

Данное соотношение можно представить графически (рис. 1).

Результаты оценки связи вовлеченности в деятельность организации и ухода за последние три года: также использовался коэффициент корреляции Спирмена:

$$r_s = -0,943 (p < 0,01).$$

Связь отрицательная, значимая (рис. 2).

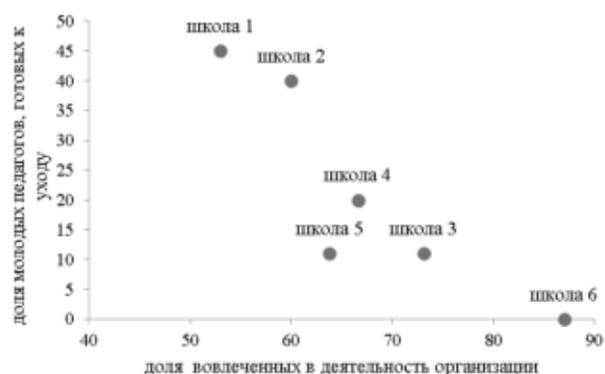

Рис. 1. Связь вовлеченности в деятельность организации и доли критически настроенных молодых педагогов

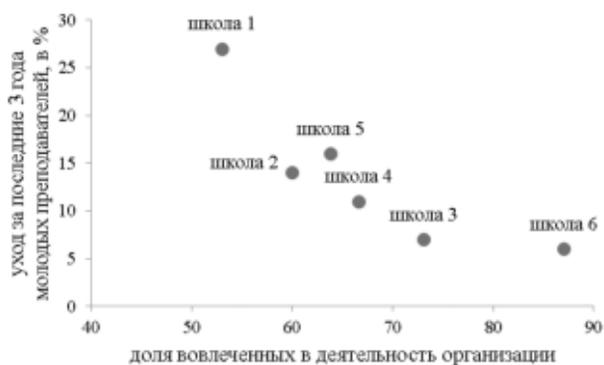

Рис. 2. Связь вовлеченности в деятельность организации и ухода молодых педагогов

Таким образом, группы школ по типу практик различаются и уровнем самочувствия педагогов: во второй группе (профиль «Б») меньше критически настроенных, меньше уходов.

Анализ кейса эффективного управления закреплением. Иной набор практик группы школ профиля «Б», а также данные о высоком уровне вовлеченности молодых в деятельность организации, низкий процент уходов требуют дальнейшего исследования механизмов управления данными практиками. Рассмотрим применяемые управленческие практики на примере результатов анализа кейса школы № 6 (табл. 3).

Приведем несколько примеров, когда молодые учителя становятся кураторами значимых для школы проектов:

- городской сетевой педагогический класс, посвящен поддержке квази-педагогической деятельности старших школьников и знакомству с профессиями из области образования. Куратором в школе является молодой педагог со стажем работы три года;

- школьный проект «Идея. Проект. Исследование» по работе с одаренными учащимися: сопровождение научно-исследовательской и проектной деятельности учащихся осуществляют два педагога со стажем пять и девять лет.

Таблица 3

Механизмы управления закреплением, оказывающие положительное влияние на профессиональное самочувствие и вовлеченность молодых педагогов в деятельность организации в школе № 6

Практика	Содержание механизма управления
Система распределенного наставничества	Взаимодействие в триадах, «вчерашние» молодые — наставники начинающих, ведущие семинаров в «Школе молодого специалиста»
Проектное управление	Молодые педагоги — руководители значимых школьных и внешкольных проектов
Психологическое сопровождение адаптации	Индивидуальные консультации психологов и управленческой команды Тренинги развития личных и профессиональных компетентностей
Профессиональное взаимодействие	Рефлексивные обсуждения деятельности
	Взаимное посещение уроков
	«Педагогический чемпионат» как пример повышения компетенций и командообразующей деятельности
Среда для неформального общения	Творческие неформальные группы молодых педагогов и разновозрастные (команда КВН «Учителя полгода», спортивное объединение и др.)

Традиционная система менторства (наставничества) была видоизменена, за основу была взята идея кураторской методики, предложенной К. М. Ушаковым [6]. Вчерашние молодые педагоги стали наставниками и экспертами у начинающих. Их деятельность осуществляется в триадах, в которых взаимодействуют два молодых педагога и учитель-стажист. При таком профессиональном общении молодые педагоги начинают чувствовать свою значимость, эффективнее и более свободно взаимодействовать друг с другом и, как следствие, порождать творческие идеи. Триады были сформированы на основе методики социометрии. Учителя объединялись по принципам личных симпатий в общении и профессиональным интересам. При этом оказалось, что не все триады сформированы в одной предметной области (например, учитель математики, учитель информатики, учитель начальных классов), что позитивно отразилось на развитии межпредметного взаимодействия при разработке учебных занятий.

Была введена система взаимного посещения уроков, которая позволила управлять развитием экспертных компетенций как молодых педагогов, так и педагогов более старшего возраста, послужила в то же время базой для развития навыков критериального оценивания. В процессе взаимных посещений были разработаны карты экспертного оценивания урока, производится обсуждение до урока, его сценарий, что может и намерен продемонстрировать учитель.

Важным механизмом данной практики являются рефлексивные обсуждения различных форм активности педагогов: уроков, методических мероприятий, участия в профессиональных событиях, формулирование и продвижение в темах саморазвития, возникающих трудностей и конфликтов, собственного самочувствия.

Благодаря развитию рефлексивных компетентностей администрация создает условия, побуждающие молодых педагогов к профессиональному общению с коллегами вне школы в качестве участников профессионального сообщества как представителей определенной организации. Так, они становятся участниками городских профессиональных конкурсов «Педагогический дебют», членами Ассоциации молодых педагогов Красноярского края.

Заключение

Вовлечение и удержание молодых учителей в профессии остается на повестке дня государственной политики, общественной дискуссии и науки. Поиск эффективных практик управления дает обнадеживающие результаты при рассмотрении процесса закрепления в школе как нелинейного, как эмоционального и динамического феномена.

Среди эффективных инструментов, способствующих их профессиональному развитию и закреплению в профессии, молодые педагоги называют активные формы психологического сопровождения, профессиональное и личностное

общение, рефлексивные обсуждения. Кроме того, важным фактором молодые считают возможности проявления своих личностных качеств в различных профессиональных сообществах, как в школе, так и вне ее.

В школах с разной степенью ротации молодых учителей различаются и стратегии управления закреплением молодых специалистов. На основании интервью с руководителями школ нами были выделены два профиля школ и один смешанный тип. В основе стратегии управления закреплением школ профиля «А» — обучающий подход и достаточно ограниченный реестр практик, в основе стратегии школ профиля «Б» — повышение профессионального самочувствия и вовлечение молодых в деятельность организации.

Статистически значимая отрицательная связь показывает нам, что чем выше вовлеченность в деятельность

организации, тем ниже показатель критически настроенных молодых педагогов; чем выше вовлеченность в деятельность организации, тем ниже показатель ухода за последние три года. Школы профиля «Б» демонстрируют лучшее профессиональное самочувствие, меньший процент критически настроенных молодых педагогов.

В результате анализа кейса, основанного на применении эффективных практик и механизмов их функционирования, у нас появилась гипотеза, что результативность практик определяется тем, насколько они ориентированы на улучшение профессионального самочувствия и повышение вовлеченности молодых педагогов в деятельность организации. Ее подтверждение или опровержение может стать основой для последующих более глубоких исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Aydarova E. Teacher's plight and trainee's flight: perceived, lived and conceived space of schools // *Educational Studies*. 2016. No. 2. Pp. 183—207.
2. Education at a Glance. URL: <https://doi.org/10.1787/69096873-en>.
3. Teachers matter: attracting, developing and retaining effective teachers. URL: <http://www.oecd.org/edu/school/48627229.pdf>.
4. Барбер М., Муршед М. Как добиться стабильно высокого качества обучения в школах. Уроки анализа лучших систем школьного образования мира / Пер. с англ. // *Вопросы образования*. 2008. № 3. С. 7—60.
5. Крехан Л. Умные земли. Секреты успеха образовательных сверхдержав / Пер. с англ. Ю. Каптуревского ; под науч. ред. А. Рябова. М. : Изд. дом ВШЭ, 2020. 368 с.
6. Ушаков К. М. Как сделать школу лучше, или Социальный капитал как приоритет. М. : Сентябрь, 2017. 160 с.
7. Garner J., Kaplan A. An ecological, dynamical systems perspective on teacher learning and professional development : conference paper. URL: https://www.researchgate.net/publication/315720997_An_Ecological_Dynamical_Systems_Perspective_on_Teacher_Learning_and_Professional_Development/stats#fullTextFileContent.
8. Vagi R., Pivovarova M., Barnard W. Dynamics of preservice teacher quality // *Teaching and Teacher Education*. 2019. Vol. 13. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.06.005>.
9. Zavelevsky E., Lishchinsky O. An ecological perspective of teacher retention: an emergent model // *Teaching and Teacher Education*. 2019. Vol. 88. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.102965>.
10. Российские педагоги в зеркале международного сравнительного исследования педагогического корпуса (TALIS 2013). Вып. 1 / Под ред. Е. Ленской, М. Пинской. М. : Изд. дом ВШЭ, 2015. 36 с.
11. Отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey). М. : Рособназдор. 2019. URL: <https://fioco.ru/Talis-18-results>.
12. Ambrosetti A. Mentoring and learning to teach: what do pre-service teachers expect to learn from their mentor teachers? // *International Journal of Learning*. 2010. Vol. 17(9). Pp. 117—132. DOI: 10.18848/1447-9494/CGP/v17i09/47254.
13. Ellis N., Alonzo D., Nguyen H. Elements of a quality pre-service teacher mentor: a literature review // *Teaching and Teacher Education*. 2020. Vol. 92. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2020.103072>.
14. Ersin P., Atay D. Exploring online mentoring with preservice teachers in a pandemic and the need to deliver quality education // *International Journal of Mentoring and Coaching in Education*. 2021. Vol. 10. Pp. 203—215. URL: <https://doi.org/10.1108/IJMCE-11-2020-0077>.
15. What can we learn from studying the coaching interactions between cooperating teachers and preservice teachers? A literature review / J. Hoffman, M. Wetzel, B. Maloch, E. Greeter, S. Vlach // *Teaching and Teacher Education*. 2015. Vol. 52. Pp. 99—112. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2015.09.004>.
16. Wei S., Shujuan Zh, Qibo Hu. Resilience and social support as moderators of work stress of young teachers in engineering college // *Procedia Engineering*. 2011. Vol. 24. Pp. 856—860. URL: <http://doi:10.1016/j.proeng.2011.12.415>.
17. Новопашина Л. А. Ожидания работодателя и реализуемые формы и содержание профессионализации молодых педагогов в Российской Федерации // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 7. С. 205—207.
18. Успешная адаптация и профессиональное развитие молодых педагогов Российской Федерации. Статистика. URL: <http://www.young-teacher.ru/webinar/materials>.
19. Harris K. A new generation of workers: preparing for generation Z in the workplace. URL: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/335.
20. Rollsjö A. Attraction and retention of generation Y employees. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:158460/FULLTEXT01.pdf>.
21. Ryan K. M., King E. B., Finkelstein L. M. Younger workers' metastereotypes, workplace mood, attitudes, and behaviors // *Journal of Managerial Psychology*. 2015. Vol. 30. No. 1. Pp. 54—70. DOI: 10.1108/JMP-07-2014-0215.
22. Gilbert J. The Millennials: a new generation of employees, a new set of engagement policies. URL: <https://iveybusinessjournal.com/publication/the-millennials-a-new-generation-of-employees-a-new-set-of-engagement-policies>.

23. Adkins A. Millennials: the job-hopping generation. URL: <https://www.gallup.com/workplace/231587/millennials-job-hopping-generation.aspx>.
24. Онучин А. Р. Вовлеченность персонала, от измерения к управлению // *HRTimes*. 2015. № 24. С. 14—18.
25. 2012 Trends in Global Employee Engagement. URL: https://www.aon.com/attachments/human-capital-consulting/2012_TrendsInGlobalEngagement_Final_v11.pdf.
26. Dautova O. Professional learning communities of teachers as reflexive practice // *Pedagogical Education: History, Present Time, Perspectives : Conference*. 2020. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.02.12.
27. Hulpia H., Devos G., Keer H. The influence of distributed leadership on teachers' organizational commitment: a multilevel approach // *Journal of Educational Research*. 2009. Vol. 103. Pp. 40—52. DOI: 10.1080/00220670903231201.
28. Teacher communities as a context for professional development: a systematic review / K. Vangrieken, Ch. Meredith, T. Packer, E. Kyndt // *Teaching and Teacher Education*. 2017. Vol. 61. Pp. 47—59. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2016.10.001>.

REFERENCES

1. Aydarova E. Teacher's plight and trainee's flight: perceived, lived and conceived space of schools. *Educational Studies*, 2016, no. 2, pp. 183—207.
2. *Education at a Glance*. URL: <https://doi.org/10.1787/69096873-en>.
3. *Teachers matter: attracting, developing and retaining effective teachers*. URL: <http://www.oecd.org/edu/school/48627229.pdf>.
4. Barber M., Murshed M. How to achieve a consistently high quality of teaching in schools. Lessons from the Analysis of the Best School Education Systems in the World (translated from English). *Educational Studies*, 2008, no. 3, pp. 7—60. (In Russ.)
5. Krekhan L. *Smart lands. Success secrets of educational superpowers*. Translated from English by Yu. Kapturevsky, under the sci. ed. of A. Ryabov. Moscow, Higher School of Economics publ., 2020. 368 p. (In Russ.)
6. Ushakov K. M. *How to make a better school, or Social capital as a priority*. Moscow, Sentyabr, 2017. 160 p. (In Russ.)
7. Garner J., Kaplan A. *An ecological, dynamical systems perspective on teacher learning and professional development. Conference paper*. URL: https://https://www.researchgate.net/publication/315720997_An_Ecological_Dynamical_Systems_Perspective_on_Teacher_Learning_and_Professional_Development/stats#fullTextFileContent.
8. Vagi R., Pivovarova M., Barnard W. Dynamics of preservice teacher quality. *Teaching and Teacher Education*, 2019, vol. 13. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.06.005>.
9. Zavelevsky E., Lishchinsky O. An ecological perspective of teacher retention: an emergent model. *Teaching and Teacher Education*, 2019, vol. 88. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2019.102965>.
10. *Russian teachers in the mirror of the international comparative research of the pedagogical corps (TALIS 2013). Iss. 1*. Ed. by E. Lenskaya, M. Pinskaya. Moscow, Higher School of Economics publ., 2015. 36 p. (In Russ.)
11. *Report on the results of the international research of the teaching staff on teaching and learning TALIS-2018 (Teaching and Learning International Survey)*. Moscow, Rosobrnadzor, 2019. (In Russ.) URL: <https://fioco.ru/Talis-18-results>.
12. Ambrosetti A. Mentoring and learning to teach: what do pre-service teachers expect to learn from their mentor teachers? *International Journal of Learning*, 2010, vol. 17(9), pp. 117—132. DOI: 10.18848/1447-9494/CGP/v17i09/47254.
13. Ellis N., Alonzo D., Nguyen H. Elements of a quality pre-service teacher mentor. A literature review. *Teaching and Teacher Education*, 2020, vol. 92. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2020.103072>.
14. Ersin P., Atay D. Exploring online mentoring with preservice teachers in a pandemic and the need to deliver quality education. *International Journal of Mentoring and Coaching in Education*, 2021, vol. 10, pp. 203—215. URL: <https://doi.org/10.1108/IJMCE-11-2020-0077>.
15. Hoffman J., Wetzel M., Maloch B., Greeter E., Vlach S. What can we learn from studying the coaching interactions between cooperating teachers and preservice teachers? A literature review. *Teaching and Teacher Education*, 2015, vol. 52, pp. 99—112. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2015.09.004>.
16. Wei S., Shujuan Zh, Qibo Hu. Resilience and social support as moderators of work stress of young teachers in engineering college. *Procedia Engineering*, 2011, vol. 24, pp. 856—860. URL: <http://doi:10.1016/j.proeng.2011.12.415>.
17. Novopashina L. A. Employer expectations and the implemented forms and content of the professionalization of young teachers in the Russian Federation. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 2015, no. 7, pp. 205—207. (In Russ.)
18. *Successful adaptation and professional development of young teachers of the Russian Federation. Statistics*. (In Russ.) URL: <http://www.young-teacher.ru/webinar/materials>.
19. Harris K. *A new generation of workers: preparing for generation Z in the workplace*. URL: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/335.
20. Rollsjö A. *Attraction and retention of generation Y employees*. URL: <http://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:158460/FULLTEXT01.pdf>.
21. Ryan K. M., King E. B., Finkelstein L. M. Younger workers' metastereotypes, workplace mood, attitudes, and behaviors. *Journal of Managerial Psychology*, 2015, vol. 30, no. 1, pp. 54—70. DOI: 10.1108/JMP-07-2014-0215.
22. Gilbert J. *The Millennials: a new generation of employees, a new set of engagement policies*. URL: <https://iveybusinessjournal.com/publication/the-millennials-a-new-generation-of-employees-a-new-set-of-engagement-policies>.
23. Adkins A. *Millennials: the job-hopping generation*. URL: <https://www.gallup.com/workplace/231587/millennials-job-hopping-generation.aspx>.
24. Онучин А. Р. Personnel engagement, from measurement to management. *HRTimes*, 2015, no. 24, pp. 14—18. (In Russ.)
25. 2012 Trends in Global Employee Engagement. URL: https://www.aon.com/attachments/human-capital-consulting/2012_TrendsInGlobalEngagement_Final_v11.pdf.

26. Dautova O. Professional learning communities of teachers as reflexive practice. In: *Pedagogical Education: History, Present Time, Perspectives. Conference*, 2020. Pp. 97—104. DOI: 10.15405/epsbs.2020.08.02.12.

27. Hulpia H., Devos G., Keer H. The influence of distributed leadership on teachers' organizational commitment: a multilevel approach. *Journal of Educational Research*, 2009, vol. 103, pp. 40—52. DOI: 10.1080/00220670903231201.

28. Vangrieken K., Meredith Ch., Packer T., Kyndt E. Teacher communities as a context for professional development: a systematic review. *Teaching and Teacher Education*, 2017, vol. 61, pp. 47—59. URL: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2016.10.001>.

Как цитировать статью: Бочарова Ю. Ю., Коматкова Л. В. Практики закрепления молодых учителей: роль профессионального сообщества // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 382—391. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.311.

For citation: Bocharova Yu. Yu., Komatkova L. V. Methods for retention of young teachers in school: the role of the professional community. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 382—391. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.311.

УДК 808.53
ББК 80.742

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.326

Emelyanova Olga Borisovna,
Candidate of Philology,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Don State Agrarian University,
Russian Federation, Rostov Region,
Persianovskiy,
e-mail: emely79@bk.ru

Емельянова Ольга Борисовна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Донской государственной аграрной университет,
Российская Федерация, Ростовская область,
поселок Персиановский,
e-mail: emely79@bk.ru

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ СВОБОДНОГО УЧАСТИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ФОРМАХ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ

DEVELOPMENT OF SKILLS OF FREE PARTICIPATION IN POLEMICAL FORMS OF BUSINESS COMMUNICATION AMONG STUDENTS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES

13.00.02 — Педагогические науки. Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Pedagogical Sciences. Theory and methodology of education and up-bringing

Статья дополняет исследования по риторической специфике коммуникативного поведения собеседников в устном полемическом дискурсе и методике обучения эффективной полемической коммуникации в неязыковом вузе. Предметом рассмотрения становятся элементы системы преподавания искусства делового спора студентам неязыковых вузов. Автор описывает этапы системной работы по формированию полемических умений (лекционные, практические занятия), раскрывает некоторые приемы создания положительного речевого микроклимата, партнерского общения. Логика речевого высказывания — важная составляющая стратегии полемики. От чередования последовательности речевых фрагментов зависит исход спора. На практических занятиях в вузе при проведении лингвистических экспериментов студенты имеют возможность апробировать разные варианты доказывания. Это помогает развивать их коммуникативные навыки, критическое мышление, культуру делового спора. В статье приводятся некоторые речевые формулы, являющиеся универсальным языковым средством ведения полемики, которые классифицированы по содержанию. Рассмотрению подлежат и методические приемы работы по развитию полемических навыков: построение речевого высказывания на заранее выбранную тему; использование притчи, цитаты, утверждения и т. п. как организационного начала учебной дискуссии; иллюстрация фрагментов художественных текстов, аудио- и видеоматериалов; побуждение

к «спонтанной» публичной развернутой речи обучающихся; участие в полемических формах делового общения (дискуссия, диспут, полемика, дебаты, прения). Автор приходит к выводу о том, что формированию культуры делового спора у студентов неязыковых вузов способствуют методические средства, организационные формы работы, создание специальных условий, в которых обучающиеся проявляют себя разносторонне, применяют разнообразные языковые средства и приемы.

The article complements the research on the rhetorical specifics of the communicative behavior of interlocutors in oral polemic discourse and the methodology of teaching effective polemic communication in a non-linguistic university. The subject of consideration is the elements of the system of teaching the art of business dispute to students of non-linguistic universities. The author describes the stages of systematic work on the formation of polemical skills (lectures, practical classes), reveals some techniques for creating a positive speech microclimate and partner communication. The logic of speech utterance is an important component of the polemic strategy. The outcome of the dispute depends on the alternation of the sequence of speech fragments. In practical classes at the university, when conducting linguistic experiments, students have the opportunity to test different variants of proof. This helps to develop their communication skills, critical thinking, and business dispute culture. The article presents some speech formulas that are a universal

language means of conducting polemics, which are classified according to their content. Methodological methods of work on the development of polemical skills are also subject to consideration: the construction of a speech statement on a pre-selected topic; the use of parables, quotes, statements, etc. as an organizational beginning of an educational discussion; the illustration of fragments of literary texts, audio and video materials; the motivation for “spontaneous” public detailed speech of students; participation in polemical forms of business communication (discussion, dispute, polemic, debate, argument). The author comes to the conclusion that the formation of a culture of business dispute among students of non-linguistic universities is facilitated by methodological tools, organizational forms of work, the creation of special conditions in which students manifest themselves in a variety of ways, use a variety of language tools and techniques.

Ключевые слова: методика обучения деловому спору, приемы обучения полемическим навыкам, полемические формы делового общения, формирование риторических навыков, развитие языковой личности, логика доказывания, лингвистические средства полемики, устный полемический дискурс, полемическая коммуникация, риторика в неязыковом вузе, языковая коммуникация, вербальная коммуникация.

Keywords: methods of teaching business dispute, methods of teaching polemic skills, polemic forms of business communication, formation of rhetorical skills, development of language personality, logic of proof, linguistic means of polemics, oral polemic discourse, polemic communication, rhetoric in a non-linguistic university, language communication, verbal communication.

Введение

Умение вести спор, дискуссию — важный и достаточно сложный навык языковой личности, основанный на необходимости объяснить, доказать и утвердить точку зрения, мнение по значимому для собеседников вопросу. Спор, полемика — одна из самых древних форм ведения диалога, представляющая собой своеобразный интеллектуальный поединок, в котором каждая из сторон обосновывает или опровергает имеющуюся позицию.

«Современное открытое сетевое общество „потребителей информации“ актуализирует необходимость решения вопросов доступности и вариативности коммуникации и общения» [1, с. 44]. Действительно, сегодня деловое общение сложно представить вне участия в полемических формах взаимодействия как одной из вариативных форм коммуникации. Обучить студентов неязыковых вузов навыкам свободного говорения, грамотного использования формул речевого взаимодействия, умению аргументировать точку зрения, выстраивать логику ведения дискуссионного диалога — важная задача, решать которую возможно методическими средствами в ходе преподавания дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Языковая коммуникация в профессиональной сфере на русском языке». Педагогу особенно важно использовать весь спектр методического инструментария для эффективного освоения обучающимися полемических форм взаимодействия, чтобы избежать опасности, на которую указывает О. М. Ким, отмечающая, что «традиционное образование по деловому... языку формирует у обучающихся лишь некоторые аспекты деловой...

медиацции...», что очевидно не соответствует современным требованиям» [2, с. 5]. **Актуальность** настоящего исследования обусловлена недостаточной разработанностью методики педагогической работы, позволяющей успешно обучать полемическим навыкам студентов-нефилологов.

История отечественных исследований по вопросам методики обучения риторическим навыкам, умению вести полемику предъявила множество работ, посвященных вопросам успешности развития полемических умений обучающихся (О. М. Ким, М. С. Глушкова, В. Д. Неклюдов, Д. А. Щукина [3—5] и др.), теоретическим основам коммуникации (Л. А. Введенская, Л. Т. Рыскельдиева, Г. А. Золотова, О. Л. Каменская, Г. Г. Почепцов, О. Б. Коренная, С. А. Приходько [6—12] и др.), классическому и современному искусству красноречия (А. П. Алексеев, Д. Н. Александров, И. В. Анненкова, В. И. Аннушкин, А. А. Волков, М. Л. Гаспаров [13—18] и др.). Тем не менее мы видим недостаток исследований по риторической специфике коммуникативного поведения собеседников в устном полемическом дискурсе и методике обучения эффективной полемической коммуникации в неязыковом вузе.

Целесообразность разработки темы объясняется поиском оптимальных методических приемов обучения, позволяющих подготовить специалистов, чья профессиональная деятельность будет связана с практикой деловой коммуникации, необходимостью применения навыков свободного участия в полемических формах делового общения.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении элементов системы методического сопровождения обучающихся, направленной на совершенствование устной речи будущих участников деловой коммуникации с точки зрения ее риторической структуры, наличия полемического потенциала, успешности применения стратегий и тактик, вариантов аргументации при ведении дискуссии или участии в полемике. С этой точки зрения исследование данного материала ранее не проводилось.

Цель исследования — раскрыть содержание некоторых эффективных методических приемов, элементов обучения студентов неязыковых вузов полемическим формам взаимодействия в деловой сфере.

Данная цель реализуется в ходе решения следующих **задач**:

1. Описать систему работы по формированию полемических навыков обучающихся в неязыковом вузе.
2. Указать наиболее эффективные способы аргументации в устном полемическом деловом дискурсе.
3. Рассмотреть приемы эффективного обучения искусству делового спора.

Теоретическая значимость работы: систематизация и описание материала по методике устного полемического общения в деловой сфере.

Практическая значимость: результаты исследования могут быть использованы в преподавании языковой коммуникации, культуры речи, риторики, а также в практике преподавания дисциплин языкового цикла в неязыковом вузе. Очевидной и непосредственной практической ценностью обладает материал, связанный с рассмотрением приемов обучения полемическим навыкам.

Основная часть

В Донском государственном аграрном университете реализуется система работы, способствующая развитию навыков свободного участия в полемических формах делового

общения. Рассмотрим некоторые элементы этой системы. Данная система состоит из основных этапов:

- 1) методически организованный процесс подготовки к полемике, деловому спору на теоретических (лекции — докоммуникативный этап) и практических занятиях;
- 2) проведение внеурочных мероприятий;
- 3) самостоятельная подготовка обучающихся.

Обучение студентов основам культуры делового спора начинается с лекционных занятий, на которых раскрываются базовые теоретические понятия для эффективного построения вербального взаимодействия (принципы и единицы речевого общения, понятие речевой деятельности, этапы осуществления речевой деятельности, полемическая коммуникация и т. п.), рассматриваются способы эффективной деловой коммуникации (коммуникативные технологии, речевые тактики, стратегии), средства доказательности, виды аргументации, анализируются невербальные приемы воздействия на собеседника и др.

Под полемическим диалогом понимается «убеждающий диалог в широком его толковании: диалог, направленный не только на совместный поиск истины, но и на отстаивание своей позиции, на убеждение в своей правоте с целью повлиять на изменение взглядов, мнений, решений оппонента» [19, с. 155].

Преподавателю важно показать приемы создания положительного речевого микроклимата, партнерского общения в процессе моделирования полемического диалога на занятии: глубина осознанности идеи полемики, уход от агрессивного поведения. Задача педагога — обучить студентов поэтапному ведению дискуссионного общения и показать, что стратегия выстраивания коммуникации в полемике может быть основана на двух базовых компонентах: 1) аргументированность доводов — подбор неоспоримых доказательств каждой предъявляемой мысли; 2) убежденность в предъявляемых противоположной стороне идеях (внешние приметы убежденности — ввелингвистические проявления речи).

На практических занятиях происходит непосредственное освоение студентами полемических навыков. По утверждению Ю. В. Кулешовой, «особенностью конструктивного полемического дискурса является поиск истины, повышение качества выработанных решений, а также максимальное раскрытие творческого потенциала обучающихся» [20, с. 440]. Важным методическим этапом выступает освоение тактик доказывания. Целевое назначение занятий — вооружение эффективными приемами, способными помочь в практике реальной коммуникации при возникновении спорных моментов взаимодействия сторон. Доказывание в данном случае выступает как когнитивный процесс и как предъявление совокупности фактов, важных для разрешения какого-либо спора, столкновения мнений. Для развития навыков аргументированного, обоснованного ведения диспута преподаватель должен обратить внимание обучающихся на следующие факторы: значимость понимания сути спора, предвидение аргументов противоположной стороны и стратегии ведения спора противником, наличие контраргументов на доводы оппонента.

В первую очередь педагог должен помочь студентам в выстраивании логики речевого высказывания. «Необходимое для любой речи качество логичности обретает наибольшую значимость в научно-деловом стиле. Средства логичности структурируют информацию в деловом общении», — пишет Н. В. Рубцова [21, с. 792]. Именно от логичности речи зависит результативность, действенность

устного слова. Важно продемонстрировать, что изменение только логики подачи материала способно изменить восприятие речи в целом.

Логичности высказывания способствует не только форма подачи, чередование последовательностей в материале или психологических приемов, но и собственно лингвистические, языковые средства, которые усиливают и этическую составляющую делового спора. Именно этот вопрос требует особого рассмотрения на практических занятиях. Рассмотрим некоторые из них, классифицировав по содержанию.

Употребление вводных слов, конструкций, позволяющих подчеркнуть логику доказывания (*во-первых, ..., во-вторых, ..., так, ..., далее стоит рассмотреть...* и т. п.).

Подбор особой лексики (*следует подчеркнуть важность..., обратите внимание на..., заострим внимание на..., представляет особый интерес..., хочется отметить..., бесспорным представляется факт...* и т. п.).

Использование эмоционально-экспрессивных конструкций (*вне всякого сомнения..., вызывает особое чувство..., вы заблуждаетесь, утверждая, что...* и т. п.).

Чередование стилистически нейтральной и официально-деловой, научной и даже разговорной лексики.

Акцентирование на причинно-следственной соотносимости фактов, явлений через употребление сложных конструкций с придаточными обстоятельственными причины и следствия (*...потому что, ...так как..., так что..., ...поэтому* и т. п.).

Употребление лично значимых лексем и конструкций (*убежден, что..., уверен, что..., думаю, вы согласитесь с..., нам представляется важным...* и т. п.).

Развенчивание/опровержение аргументов собеседника (*сомнительным воспринимается факт..., вызывает недоверие ваше утверждение..., возражу вам следующим..., не могу принять вашего утверждения...* и т. п.).

Результаты

Опыт обучения студентов неязыковых вузов полемическому взаимодействию в деловой сфере позволяет выделить наиболее эффективные методические приемы обучения деловому спору, полемическим формам взаимодействия в деловой сфере:

Проведение лингвистического эксперимента, основанного на изменении логики доказывания. Как справедливо утверждает А. Х. Ульбашев, «изучение „чистой“ логики может положительно влиять на общее развитие мышления человека» [22, с. 487]. С помощью эксперимента педагог показывает обучающимся, как путем перестановки частей содержания речи они могут добиться того или иного эффекта влияния сказанного на собеседника. Проведение лингвистического эксперимента позволит обучающимся наблюдать за отличием восприятия собеседника/собеседников в ходе смены методик доказывания. Для этого возможно использование разных последовательностей, среди которых могут быть следующие:

— чередование важных и второстепенных фактов, их перемещение, логика рассказывания «от простого к сложному» и наоборот;

— предъявление физического (документального, медиа, визуального и т. п.) свидетельства, которое лишает собеседника возможности оспорить, опровергнуть увиденное/услышанное явление, факт;

— учет психологической закономерности «закона края»: воспринимается ярче то, что сказано в начале и в конце, получение права последнего высказывания;

– чередование однозначных фактов, данностей с наиболее очевидными, автономными доводами;

– привлечение большого количества данных, доказывание которых уже некогда состоялось, такие факты воспринимаются как однозначные;

– частичное соглашение с доводами оппонировавшей стороны, принятие только некоторых суждений, которые не лишают возможности дальнейшего оспаривания.

Построение речевого высказывания обучающимися на заранее выбранную тему. Этот достаточно несложный на первый взгляд прием требует от педагога тщательного выбора тем, которые смогут стать предметом дискуссионной речи студентов. Важно, чтобы обучающиеся имели возможность осуществить выбор тем из множества предлагаемых, основываясь на собственном опыте деятельности или нравственной позиции. Дискуссионные темы могут носить нравственную, общественную, профессиональную направленность; в своей формулировке иметь возможность разного толкования, построения разнообразных смыслов. Для участия в данной форме обучения студентов можно вооружить вспомогательными методическими ресурсами, содержащими разные инструкции: «Основы построения речевого высказывания (вступительная часть, аргументация, выводы)», «Виды аргументации», «Памятка участника дискуссии», «Логика доказывания» и пр.

Использование притчи, цитаты, утверждения и т. п. как организационного начала учебной дискуссии. Важно, чтобы подбираемый для занятия материал отражал интересы, возрастные особенности, профессиональную устремленность обучающихся. Возможно использование групповой формы учебной деятельности по следующей схеме: читается цитата, вызывающая спорные суждения; аудитория делится на группы по типу согласия с той или иной точкой зрения; в группах происходит обсуждение, подбираются аргументы для доказательства выдвинутой позиции, разрабатываются стратегии доказывания; организовывается управляемый педагогом дискуссионный процесс. Роль педагога — быть модератором дискуссии, поддерживать культуру спора и направлять коммуникативный процесс в позитивное русло.

Иллюстрация фрагментов художественных произведений, интервью, мемуарных записей, художественных фильмов, политических дебатов и т. п., где представлен деловой спор, полемическое начало. Здесь важен организованный анализ презентуемого материала. Нужно не только проанализировать стратегии, неожиданные «ходы», к которым прибегают спорящие стороны, но и помочь обучающимся самостоятельно смоделировать ход диалога, возможные ответы собеседников. Для этого методически целесообразно

демонстрировать материал не весь сразу, а давать его частями, эпизодами, сопровождая проблемными вопросами.

Организация «спонтанной» публичной развернутой речи обучающихся. Здесь важно построить учебный процесс так, чтобы в ходе изучения программного материала была возможность обучающимся вступить в полемику по заранее продуманному педагогом проблемному вопросу. Следует направлять речь студентов не к дискретности высказываний, а к разворачиванию доводов, развитию разнообразия аргументов. Современная проблема — фрагментарная речь.

Участие в полемических формах делового общения (дискуссия, диспут, полемика, дебаты, прения) может быть полноценно реализовано во внеурочной деятельности. В ходе организации студенческих конференций необходимо ориентировать слушателей-обучающихся на подготовку проблемных вопросов. Цель таких вопросов — научить студентов критически осмысливать информацию, помочь им в преодолении страха публичности, развивать умение четкой, лаконичной подачи информации.

Выводы

1. Предлагаемая система педагогической работы по формированию полемических навыков позволяет обучающимся неязыкового вуза поэтапно освоить нормы поведения в полемическом дискурсе и помогает осознанному выбору способов речевой коммуникации для успешного взаимодействия в деловой сфере.

2. Обучение эффективным способам аргументации в устном полемическом деловом дискурсе способствует овладению формами глубокого и детального понимания информации и умению предвосхитить высказывание оппонента.

3. Использование приемов обучения искусству делового спора дает возможность педагогу эффективно выстроить учебный процесс, способствует повышению мотивации студентов к языковому самосовершенствованию, развивает языковую осознанность к употреблению разнообразных речевых средств в полемической профессиональной коммуникации.

Заключение

Формирование культуры делового спора у студентов неязыковых вузов — важная задача, которую необходимо решать не только методическими средствами в ходе преподавания дисциплин «Русский язык и культура речи», «Языковая коммуникация в профессиональной сфере на русском языке», но и организационными формами работы, созданием специальных условий, в которых студенты смогут проявить себя разносторонне, применить разнообразие языковых средств и приемов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ксенофонтова А. Н. Речевая деятельность — основа профессионально-педагогического общения // Педагогика: история, перспективы. 2020. Т. 3. № 6. С. 42—55.
2. Ким О. М. Формирование компетенции межкультурного делового спора предпринимателей в процессе обучения деловому английскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Калининград, 2017. 25 с.
3. Глушкова М. С. Устный полемический дискурс: особенности функционирования в научной сфере : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 2013. 190 с.
4. Неклюдов В. Д. Искусство спора // Вестник Брянского гос. ун-та. 2013. № 2. С. 314—322.
5. Щукина Д. А. Академическое красноречие в России: история и современность // Русский язык за рубежом. 2018. № 2(267). С. 24—28.
6. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика и культура речи. 12-е изд., стер. Ростов н/Д. : Феникс, 2012. 537 с.
7. Коммуникация и смысл в текстовой культуре : моногр. / Л. Т. Рыскельдиева, О. В. Зарапин, О. А. Шапиро, Е. Г. Шко-рубская ; отв. ред. Л. Т. Рыскельдиева. Симферополь : Ариал, 2018. 273 с.

8. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
9. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М. : Высш. шк., 1990. 153 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52956>.
10. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук : Ваклер, 2001. 651 с.
11. Коренная О. Б. Спор: к вопросу о логико-психологических аспектах спора // Вестник Амурского гос. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2013. Вып. 60. С. 40—48.
12. Приходько С. А. Средства и формы реализации феномена самопрезентации в полемическом дискурсе // Язык: культура. Коммуникация: изучение и обучение : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. каф. англ. филологии Ф. А. Литвина, г. Орел, 10—11 окт. 2017 г. Орел : Орловский гос. ун-т им. И. С. Тургенева, 2017. С. 288—292.
13. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. 149 с.
14. Александров Д. Н. Риторика. М. : Флинта, 2002. 624 с.
15. Анненкова И. В. Место риторики в зарубежной и отечественной филологии // Филология: научные исследования. Рубрика «Риторика». 2012. № 2. С. 5—24.
16. Аннушкин В. И. Первая русская «Риторика» (Из истории риторической мысли). М. : Знание, 1989. 63 с.
17. Волков А. А. Курс русской риторики : пособие для учеб. заведений. М. : Изд-во Храма св. муч. Татианы, 2001. 474 с.
18. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика. М. : Наука, 1972. С. 7—73.
19. Максименкова А. С., Диденко В. Н. Полемический диалог в образовательном процессе // Учитель и время. 2018. № 13. С. 152—160.
20. Кулешова Ю. В. К вопросу организации конструктивной полемики в условиях педагогического дискурса // Проблемы современной аграрной науки : материалы Междунар. науч. конф., г. Красноярск, 15 окт. 2019 г. Красноярск : Красноярский гос. аграр. ун-т, 2019. С. 439—441.
21. Рубцова Н. В. Языковые средства логичности в деловой коммуникации // Государство и право в изменяющемся мире : материалы II науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Н. Новгород, 3 марта 2016 г. Н. Новгород : Рос. гос. ун-т правосудия, Приволжский филиал, 2016. С. 790—792.
22. Ульбашев А. Х. Логика доказывания // Вестник Санкт-Петербург. ун-та. Право. 2019. Т. 10. Вып. 3. С. 477—490.

REFERENCES

1. Ksenofontova A. N. Speech activity — the basis of professional and pedagogical communication. *Pedagogy: history, prospects*, 2020, vol. 3, no. 6, pp. 42—55. (In Russ.)
2. Kim O. M. *Formation of the competence of the intercultural business dispute of entrepreneurs in the process of teaching business English. Abstract of the Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Kaliningrad, 2017. 25 p. (In Russ.)
3. Glushkova M. S. *Oral polemic discourse: features of functioning in the scientific sphere. Diss. of the Cand. of Philology*. Moscow, 2013. 190 p. (In Russ.)
4. Neklyudov V. D. The art of dispute. *Bulletin of the Bryansk State University*, 2013, no. 2, pp. 314—322. (In Russ.)
5. Shchukina D. A. Academic eloquence in Russia: history and modernity. *Russian Language Abroad*, 2018, no. 2(267), pp. 24—28. (In Russ.)
6. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. *Rhetoric and the Culture of Speech*. 12th ed., ster. Rostov-on-Don, Feniks, 2012. 537 p. (In Russ.)
7. Ryskeldieva L. T., Zarapin O. V., Shapiro O. A., Shkorubskaya E. G. *Communication and meaning in textual culture. Monograph*. Ed. by L. T. Ryskeldieva. Simferopol, Arial, 2018. 273 p. (In Russ.)
8. Zolotova G. A. *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow, Nauka, 1982. 368 p. (In Russ.)
9. Kamenskaya O. L. *Text and communication*. Moscow, Vysshaya shkola, 1990. 153 p. (In Russ.) URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=52956>.
10. Pocheptsov G. G. *Theory of communication*. Moscow, Refl-buk, Wakler, 2001. 651 p. (In Russ.)
11. Korennaya O. B. Dispute: on the question of the logical and psychological aspects of the dispute. *Bulletin of the Amur State University. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2013, iss. 60, pp. 40—48. (In Russ.)
12. Prikhodko S. A. Means and forms of realization of the phenomenon of self-presentation in polemical discourse. In: *Language: culture. Communication: study and training. Materials of the II Int. sci. and pract. conf. in memory of Professor of the Department of English Philology F. A. Litvin, Orel, Oct. 10—11, 2017*. Orel, Orel State University named after I. S. Turgenev, 2017. Pp. 288—292. (In Russ.)
13. Alekseev A. P. *Argumentation. Cognition. Communication*. Moscow, Moscow University publ., 1991. 149 p. (In Russ.)
14. Aleksandrov D. N. *Rhetoric*. Moscow: Flinta, 2002. 624 p. (In Russ.)
15. Annenkova I. V. The place of rhetoric in foreign and domestic philology. *Philology: scientific researches*, 2012, no. 2, pp. 5—24. (In Russ.)
16. Annushkin V. I. *The First Russian “Rhetoric” (From the History of Rhetoricians’ Thoughts)*. Moscow, Znanie, 1989. 63 p. (In Russ.)
17. Volkov A. A. *Course of Russian rhetoric. Textbook*. Moscow, Publ. house of the Church of St. Tatyana, 2001. 474 p. (In Russ.)
18. Gasparov M. L. *Cicero and Ancient Rhetoric*. Moscow, Nauka, 1972. Pp. 7—73. (In Russ.)
19. Maksimenkova A. S., Didenko V. N. Polemic dialogue in the educational process. *Teacher and time*, 2018, no. 13, pp. 152—160. (In Russ.)
20. Kuleshova Yu. V. On the question of the organization of constructive polemics in the conditions of pedagogical discourse. In: *Problems of modern agricultural science. Materials of the int. sci. conf., Krasnoyarsk, Oct. 15, 2019*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University publ., 2019. Pp. 439—441. (In Russ.)

21. Rubtsova N. V. Linguistic means of logic in business communication. In: *State and Law in a Changing World. Proceedings of the II sci. and pract. conf. with international participation, Nizhniy Novgorod, March 3, 2016*. Nizhny Novgorod, Russian State University of Justice, Volga Branch, 2016. Pp. 790—792. (In Russ.)

22. Ulbashev A. H. Logic of proof. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 3, pp. 477—490. (In Russ.)

Как цитировать статью: Емельянова О. Б. Развитие навыков свободного участия в полемических формах делового общения у студентов неязыковых вузов // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 391—396. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.326.

For citation: Emelyanova O. B. Development of skills of free participation in polemical forms of business communication among students of non-linguistic universities. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 391—396. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.326.

УДК 37.04
ББК 74

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.362

Dekina Elena Viktorovna,

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: kmppedagogika@yandex.ru

Декина Елена Викторовна,

канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: kmppedagogika@yandex.ru

Shalaginova Kseniya Sergeevna,

Candidate of Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Psychology and Pedagogy,
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru

Шалагинова Ксения Сергеевна,

канд. психол. наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ТЕХНИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

THEORY AND PRACTICE OF DEVELOPMENT OF CREATIVE ABILITIES IN PRESCHOOL CHILDREN BY MEANS OF TECHNICAL MODELING

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Theory and methods of education and upbringing

Развитие творческих способностей в дошкольном возрасте обеспечивает успешность процесса социализации ребенка. Актуальность исследования определяется возросшими требованиями ФГОС ДО к психолого-педагогическому сопровождению творческого развития детей дошкольного возраста и недостаточной представленностью необходимого инструментария для развития творческих способностей детей. Исследователями определены особенности развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста средствами технического моделирования, где акцент делается на организации самостоятельной познавательной и практической деятельности. Описывается разработанная авторами программа развития творческих способностей старших дошкольников посредством технического моделирования и экспериментальная работа по ее апробации. Программы выстраиваются по блокам: «Конструирование моделей представителей животного мира», «Техническое конструирование моделей транспортных средств», «Конструирование творческих моделей и выставка работ». В каждом блоке работа

с детьми выстраивалась от простого к сложному и заканчивалась выставкой, разыгрыванием мини-спектакля, соревнованием, конкурсом. Техническое моделирование способствует развитию творческих способностей, самовыражению и самореализации ребенка, познавательных процессов, интереса к технике, профессиям и т. д. Апробация программы проходила на базе дошкольного образовательного учреждения г. Тулы в подготовительной группе. Исходя из результатов, полученных на констатирующем и контрольном этапе эксперимента, можно сделать вывод об успешности программы развития творческих способностей старших дошкольников посредством технического моделирования и возможностью ее применения в дошкольных учреждениях. В процессе моделирования дошкольники решают искусственно созданную ситуацию, которую ставит взрослый, поэтому актуализируются вопросы подготовки воспитателей к конструктивно-технической деятельности с детьми — от постановки технической задачи до воплощения творческого замысла в практической деятельности.

The development of creative abilities in preschool age ensures the success of the child's socialization process. The relevance of the study is determined by the increased requirements of the Federal State Educational Standard of preschool education for psychological and pedagogical support of the creative development of preschool children and the insufficient representation of the necessary tools for the development of children's creative abilities. The researchers determined the peculiarities of the development of creative abilities of older preschool children by means of technical modeling, where the emphasis is on the organization of independent cognitive and practical activities. The authors describe the program for the development of the creative abilities in senior preschoolers through technical modeling and experimental work on its testing, developed by the authors. The programs are organized in a number of blocks: "Design of animal models", "Technical design of vehicle models", "Design of creative models and exhibition of works". In each block the work with children was built from simple to complex and ended with an exhibition, a mini-performance, a competition, a contest. Technical modeling contributes to the development of creative abilities, self-expression and self-realization of the child, cognitive processes, interest in technology, professions, etc. The program was tested on the basis of a preschool educational institution in Tula in a preparatory group. Based on the results obtained at the ascertaining and control stage of the experiment, it can be concluded that the program for the development of the creative abilities in older preschoolers through technical modeling and the possibility of its application in preschool institutions is successful. In the process of modeling, preschoolers solve an artificially created situation, which is posed by an adult, therefore, the issues of preparing educators for constructive and technical activities with children, from setting a technical problem to embodying a creative idea in practical activity, are actualized.

Ключевые слова: дошкольный возраст, игровая деятельность, техническое моделирование, творческие способности, творческие возможности, самовыражение, исследовательская активность, индивидуальный образовательный маршрут, развивающая среда, технологическая среда, индивидуализация дошкольного образования.

Keywords: preschool age, play activity, technical modeling, creative abilities, creative power, self-expression, research activity, individual educational route, developing environment, technological environment, individualization of preschool education.

Введение

Современные дети живут в период активной информатизации, когда технические достижения все быстрее проникают во все сферы человеческой жизни и вызывают интерес у детей.

Дошкольное детство служит фундаментом для приобретения знаний, умений и навыков, освоения различных видов деятельности. Именно ребенка-дошкольника отличает любознательность, активность, инициативность. Развитие творческих способностей, творческого мышления берет свое начало в дошкольном возрасте и оказывает большое влияние на дальнейшее развитие [1]. Ведущим видом деятельности является игра, в процессе которой ребенок расширяет познавательные способности, овладевает навыками их использования на практике. К одной из форм игровой деятельности можно отнести моделирование, которое

развивает у детей креативность, самостоятельность, мышление, умение устанавливать причинно-следственные связи, видеть результат деятельности. Использование моделирования способствует развитию творческих способностей детей, основ научно-технического творчества.

Актуальность проблемы связана с изучением особенностей развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста посредством технического моделирования. Значимость данной проблемы отмечается ФГОС ДО необходимостью специальной работы по развитию воображения, восприятия, мышления детей, умения работать в малой группе.

Цель исследования заключается в определении возможностей образовательной среды, применяемых технологий в дошкольной организации в развитии творческих способностей детей старшего дошкольного возраста посредством технического моделирования. Для решения данной цели определены следующие **задачи**: выявление особенностей развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования; разработка и апробация программы развития творческих способностей детей посредством технического моделирования.

Научная новизна исследования: уточнены, дополнены и систематизированы научные представления о творческих способностях и их особенностях у детей старшего дошкольного возраста; разработана и апробирована технология развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста посредством технического моделирования.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении понятия творческих способностей, в выявлении особенностей развития творческих способностей современных дошкольников и значения технического моделирования в развитии творческих способностей детей.

Практическая значимость исследования направлена на разработку программы развития творческих способностей детей посредством технического моделирования.

Основная часть

Значимость развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования способствовала появлению многочисленных исследований в данном направлении. Ученые конкретизируют понятие «творческие способности дошкольников», исследуют условия их развития в дошкольных организациях (В. Н. Дружинин, Г. В. Жидких, И. Д. Лушников, В. А. Рогозина и др.). Г. В. Жидких творческие способности рассматривает как индивидуальные качества личности, проявляющиеся в определенных видах деятельности и порождающие нечто качественно новое [2]. Творческие способности рассматриваются как индивидуальные характеристики и возможности ребенка, определяющие успешность его занятий творческой деятельностью. В. Н. Дружинин отмечает, что для формирования творческих способностей необходимо отсутствие регламентации предметной активности, наличие позитивного образца творческого поведения, условий для подражания творческому поведению и др. [3]. Несмотря на разные подходы к определению творческих способностей, исследователи выделяют творческое воображение и мышление как важнейшие компоненты творческих способностей. Л. С. Выготский писал, что игра и творчество — взаимосвязанные понятия, поскольку у ребенка нет иного пути личностного становления, кроме творческого, связанного с развитием воображения [4].

Творческие возможности детей активно проявляются в дошкольном возрасте (Л. С. Выготский, В. В. Давыдов, А. В. Запорожец, Н. Н. Поддьяков и др.). Н. Н. Поддьяков определяет детское творчество как создание ребенком субъективно нового продукта [5]. Авторы обращают внимание на то, что в дошкольном возрасте закладывается фундамент психического и физического здоровья ребенка, для ребенка важно развивать умение преодолевать трудности, доводить начатое до конца [6].

Развитие творческих способностей детей должно представлять собой целенаправленный процесс, включающий овладение навыками работы с различными материалами и инструментами; использование специальных приемов, направленных на стимулирование проявлений творческих способностей, умения взаимодействовать с другими. Л. М. Захарова, Е. В. Яшнова анализируют значение образовательной среды дошкольной организации в развитии социально-коммуникативных умений детей дошкольного возраста [7], Е. О. Шишова подчеркивает развивающий потенциал образовательной среды дошкольного детства [8].

Процесс детского технического творчества включает постановку задачи, сбор и изучение необходимой информации, поиск решения задачи, осуществление творческого замысла. З. А. Литова обращается к развитию технического мышления с помощью системы обучения техническому творчеству [9]. Занятия по техническому творчеству дают свободу творческому самовыражению, при этом важно, чтобы творчество присутствовало в различных видах деятельности детей (в игре, в общении и т. д.).

Занятие моделированием является важной частью творческого развития ребенка, организации самостоятельной познавательной и исследовательской активности [10, с. 35–40]. Развитие творческих способностей детей — задача всех участников образовательного процесса. Особая роль в ее решении отводится воспитателю [11]. М. Ю. Чередилина отмечает, что для педагога важно умение создавать индивидуальные образовательные маршруты, формировать открытую, вариативную развивающую среду и др. [12], Л. Б. Малыхина — работать в современной технологической среде [13, с. 11].

Методология и методы исследования. Методы исследования: теоретические (анализ психолого-педагогической литературы), проектирование (создание программы), эмпирические (тестирование, педагогический эксперимент), методы обработки данных. Диагностическая программа включала следующие методики: субтест «На что похоже», «4-й лишний», «Найди недостающий», «Последовательные картинки», методика «Дорисуй контур» (тест Е. П. Торренса). Исследование проведено на базе МБДОУ «Центр развития ребенка — детский сад № 4» г. Тулы. Выборка исследования: 22 дошкольника, из них 12 мальчиков и 10 девочек.

Результаты исследования развития логического мышления по субтесту «4-й лишний» показали, что у 18 % (четверо детей) выявлен высокий уровень развития образно-логического мышления, у 41 % (девять детей) — средний уровень и у 41 % (девять детей) — низкий уровень. Как следствие, ребенку на выполнение упражнений потребуется больше времени, более четкие инструкции. В результате исследования уровня развития воображения по субтесту «На что похоже?» было выявлено, что у 18 % (четверо детей) высокий уровень разви-

тия воображения, такие дети умеют создать что-то новое и оригинальное, у 55 % (12 детей) — средний уровень и у 27 % (шесть детей) — низкий уровень развития воображения. В результате исследования развития логического мышления, речи и воображения по субтесту «Последовательные картинки» были получены следующие данные: у 18 % (четверо детей) высокий уровень, дети составили рассказ по картинкам, ответили на вопросы, выявили логические связи; у 18 % (четверо детей) уровень выше среднего, дети правильно составили рассказ, но при ответе на вопросы допустили неточности; у 36 % (восемь детей) средний уровень, рассказ был составлен с использованием не всех картинок; 18 % (четверо детей) показали уровень ниже среднего, при этом рассказ составлен только по двум картинкам; 9 % (двое детей) с заданием не справились и показали низкий уровень. Результаты исследования уровня творческого мышления по методике «Дорисуй контур» (тест Е. П. Торренса) показали, что у 23 % (пять детей) высокий уровень развития творческого мышления, у 36 % (восемь детей) средний уровень, у 41 % (девять детей) низкий уровень, дети нуждались в помощи взрослого. Результаты диагностической программы показали, что у большинства детей недостаточно развито творческое, словесно-логическое мышление, воображение, дети испытывают затруднения при соединении разрозненных элементов в новые образы.

На основе результатов исследования была разработана и апробирована программа развития творческих способностей детей старшего дошкольного возраста посредством технического моделирования. Т. И. Доронова, С. Г. Доронов, Е. Г. Хайлова обращают внимание на то, что при проектировании программ необходимо учитывать весь объем развивающих воздействий на ребенка в дошкольной организации [14]. В основу программы положены следующие психолого-педагогические условия: учет психологических особенностей детей дошкольного возраста; построение деятельности на основе удовлетворения интересов детей, их любознательности; поддержка взрослыми доброжелательного отношения детей друг к другу. Программа выстраивалась по блокам: «Конструирование моделей представителей животного мира», «Техническое конструирование моделей транспортных средств „Мир техники для детей“», «Конструирование творческих моделей и выставка работ». Например, в рамках блока «Конструирование моделей представителей животного мира» осуществлялось последовательное знакомство дошкольников с темами: «Птицы», «Рычащий лев», «Крокодил», «Попугай». В рамках каждого блока имело место вводное и итоговое занятия.

Программа выстраивалась на следующих принципах: доступности содержания, методов и форм обучения возрастным и индивидуальным особенностям детей дошкольного возраста, наглядности, научности, усложнения, последовательности, прочности усвоения знаний и др. Важно, чтобы дети могли воспользоваться полученными знаниями в практической деятельности. Содержание программы обеспечивает развитие дошкольника по следующим направлениям: познавательное, социально-коммуникативное, речевое развитие. В рамках программы используются групповые, индивидуальные формы работы, соревнования, конкурсы (конкурс детских построек, совместная проектная деятельность детей и родителей, совместная проектная

деятельность детей и воспитателей). По итогам реализации творческих проектов возможна организация выставок и конкурсов [15]. При реализации программы активно использовалась идея социально-педагогического взаимодействия «родители — ученики — учителя».

Результаты освоения программы: ребенок овладевает техническим конструированием и робототехникой, проявляет инициативу и самостоятельность при моделировании; активно взаимодействует со сверстниками, учитывает интересы других; обладает развитым воображением, которое реализуется в разных видах научно-технической деятельности; владеет разными формами и видами творческо-технической игры и др.

Проведем анализ эффективности составленной программы по некоторым субтестам. Например, сравнительный анализ результатов исследования по субтесту «4-й лишний» (рис. 1) позволяет выявить, что уровень образно-логического мышления повысился: на констатирующем этапе высокий уровень показали 18 % (четыре детей), на контрольном — 27 % (шесть детей); на среднем уровне на констатирующем этапе было 41 % (девять детей), на контрольном — 59 % (13 детей); на низком уровне было 41 % (девять детей), после проведения программы на контрольном этапе осталось 14 % (трое детей).

Рис. 1. Результаты исследования на констатирующем и контрольном этапах по субтесту «4-й лишний»

Результаты исследования уровня развития воображения по субтесту «На что похоже?», представленные на рис. 2, позволяют сделать следующие выводы: если на констатирующем этапе высокий уровень развития выявлен у 18 %

детей, средний уровень — у 54 %, низкий — у 27 %, то на контрольном этапе 36 % (восемь детей) находятся на высоком уровне, 50 % (11 детей) — на среднем и 14 % (трое детей) — на низком уровне развития воображения.

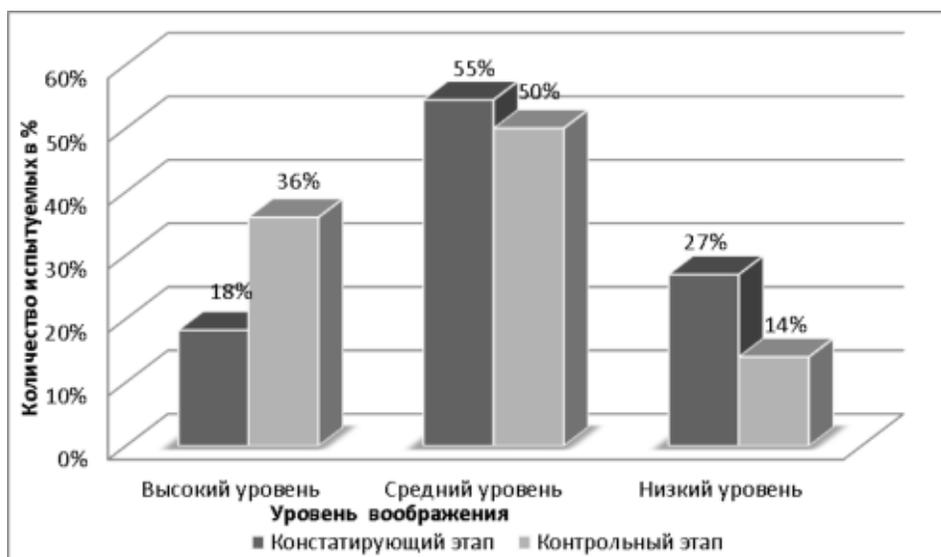

Рис. 2. Результаты исследования на констатирующем и контрольном этапах исследования по субтесту «На что похоже?»

Результаты сравнительного анализа уровня развития логического мышления по субтесту «Найди недостающий» (рис. 3) показывают, что если на констатирующем этапе высокий уровень выявлен у 23 % детей,

то на контрольном — у 31 % (семь детей), также повысилось количество детей на среднем уровне (с 36 до 54 %) и уменьшилось количество детей на низком уровне (с 41 до 15 %).

Рис. 3. Результаты исследования на констатирующем и контрольном этапах по субтесту «Найди недостающий»

Таким образом, правильно организованное техническое творчество детей позволяет удовлетворить их любопытство и включить подрастающее поколение в научно-техническую деятельность. Старший школьный возраст является сензитивным для развития творческих способностей детей посредством технического моделирования. Ребенок начинает проявлять инициативу, изобретательность, умение преодолевать трудности. Предлагаемые задания программы стимулируют творческое развитие, познавательный интерес, активность и самостоятельность дошкольника.

Заключение

К особенностям развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования можно отнести: совершенствование высших психических функций (внимания, мышления, воображения); развитие моторики, сенсорных представлений при использовании деталей разной формы, цвета и т. д.; сочетание

образования, воспитания и развития дошкольников в режиме игры; речевое, социально-коммуникативное развитие; формирование познавательной, исследовательской активности, мотивов к получению новых знаний; ранняя профориентация [16]; развитие умения взаимодействовать друг с другом, совместно решать задачи и т. д.; предоставление ребенку возможности экспериментировать, проявлять инициативу и самостоятельность.

Все это в целом обеспечивает эффективность процесса развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования. Активное знакомство детей с техническим творчеством способствует формированию у них технического мышления, дает возможность проявить инициативу и самостоятельность, что является приоритетным в ФГОС ДО. Рассматриваемое инновационное направление является важной возможностью для приобщения детей к основам научно-технического творчества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гринева М. А., Черепкова Н. В., Долженко О. В. Развитие творческого мышления у детей старшего дошкольного возраста // Науч.-метод. электрон. журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 926—930. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970512.htm>.
2. Жидких Г. В. Творческие способности. От чего они зависят? // Методист. 2008. № 4. С. 35—41.
3. Дружинин В. Н. Метаморфические модели интеллекта // Творчество в искусстве — искусство творчества / Под ред. Л. Дорфмана и др. М.: Наука: Смысл, 2000. С. 171—185.
4. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
5. Поддьяков Н. Н. Новый подход к развитию творчества у дошкольников // Вопросы психологии. 1990. № 1. С. 16—19.
6. Залыгаева С. А., Шалагинова К. С. Профилактика психоэмоционального напряжения у детей дошкольного возраста // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 393—397.
7. Захарова Л. М., Яшнова Е. В. Формирование социально-коммуникативных умений детей в игровом пространстве дошкольной организации // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 1(42). С. 249—252.
8. Шишова Е. О. Влияние типа образовательной среды на психическое развитие дошкольников // Психолого-педагогические исследования. 2021. Т. 13. № 1. С. 84—100.
9. Литова З. А. Развитие технического мышления школьников с помощью реализации системы обучения техническому творчеству // Электрон. науч. журнал Курского гос. ун-та. 2020. № 1(53). С. 209—218.
10. Фешина Е. В. Лего-конструирование в детском саду. М.: Сфера, 2016. 136 с.
11. Чадова Н. А. Воспитатель — творческая профессия! // Справочник старшего воспитателя дошкольного учреждения. 2007. № 1. С. 29—35.
12. Чередилина М. Ю. Тьюторское сопровождение в дошкольном возрасте: характеристики и модели // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгogr. ин-та бизнеса. 2017. № 1(38). С. 263—267.

13. Мальихина Л. Б. Развитие научно-технического творчества в системе дополнительного образования детей : учеб.-метод. пособие. СПб. : ЛОИРО, 2019. 265 с.
14. Доронина Т. Н., Доронин С. Г., Хайлова Е. Г. О разработке типологии программ дошкольного образования // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 3. С. 3—30.
15. Рязанова З. Б., Сорокин С. С., Солин С. В. Применение образовательной робототехники в обучении детей с раннего возраста // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29799>.
16. Кузнецова Г. Н. Ранняя профориентация в дошкольном образовании: сущностные характеристики // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28683>.

REFERENCES

1. Grineva M. A., Cherepkova N. V., Dolzhenko O. V. Development of creative thinking in older preschool children. *Sci.-method. electronic journal "Concept"*, 2017, vol. 39, pp. 926—930. (In Russ.) URL: <http://e-koncept.ru/2017/970512.htm>.
2. Zhidkikh G. V. Creative skills. What do they depend on? *Methodist*, 2008, no. 4, pp. 35—41. (In Russ.)
3. Druzhinin V. N. *Metamorphic models of intelligence. Creativity in art — the art of creativity*. Ed. by L. Dorfman et al. Moscow, Nauka, Smysl, 2000. Pp. 171—185. (In Russ.)
4. Vygotsky L. S. *Imagination and creativity in childhood*. Moscow, Prosveshchenie, 1991. 93 p. (In Russ.)
5. Poddyakov N. N. A new approach to the development of creativity in preschoolers. *Questions of psychology*, 1990, no. 1, pp. 16—19. (In Russ.)
6. Zalygaeva S. A., Shalaginova K. S. Prevention of psychoemotional stress in preschool children. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2(55), pp. 393—397. (In Russ.)
7. Zakharova L. M., Yashnova E. V. Formation of social and communicative skills of children in the play space of a preschool organization. *Business. Education. Law*, 2018, no. 1(42), pp. 249—252. (In Russ.)
8. Shishova E. O. The influence of the type of educational environment on the mental development of preschoolers. *Psychological and pedagogical research*, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 84—100. (In Russ.)
9. Litova Z. A. Development of technical thinking of schoolchildren through the implementation of the system of teaching technical creativity. *Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University*, 2020, no. 1(53), pp. 209—218. (In Russ.)
10. Feshina E. V. *Lego construction in kindergarten*. Moscow, Sfera, 2016. 136 p. (In Russ.)
11. Chadova N. A. Educator is a creative profession! *Handbook of the senior preschool teacher*, 2007, no. 1, pp. 29—35. (In Russ.)
12. Cheredilina M. Yu. Tutor support in preschool age: characteristics and models. *Business. Education. Law*, 2017, no. 1(38), pp. 263—267.
13. Malykhina L. B. *Development of scientific and technical creativity in the system of additional education for children. Teaching guide*. Saint Petersburg, LOIRO publ., 2019. 265 p. (In Russ.)
14. Doronina T. N., Doronov S. G., Khailova E. G. On the development of a typology of preschool education programs. *Psychological and pedagogical research*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 3—30. (In Russ.)
15. Ryzanova Z. B., Sorokin S. S., Solin S. V. Application of educational robotics in teaching children from an early age. *Modern problems of science and education*, 2020, no. 3. (In Russ.) URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29799>.
16. Kuznetsova G. N. Early career guidance in preschool education: essential characteristics. *Modern problems of science and education*, 2019, no. 2. (In Russ.) URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=28683>.

Как цитировать статью: Декина Е. В., Шалагинова К. С. Теория и практика развития творческих способностей детей дошкольного возраста посредством технического моделирования // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 396—401. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.362.

For citation: Dekina E. V., Shalaginova K. S. Theory and practice of development of creative abilities in preschool children by means of technical modeling. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 396—401. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.362.

УДК 378.147.88
ББК 74.489

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.357

Krasilnikova Yuliya Sergeevna,
Senior Lecturer
of Department of Physical Education and Sports,
Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University,
Russian Federation, Nizhny Novgorod,
e-mail: Krasiljuliapocht@yandex.ru

Sedov Ivan Aleksandrovich,
Senior Lecturer
of Department of Physical Education,
Minin Nizhny Novgorod State
Pedagogical University,
Russian Federation, Nizhny Novgorod,
e-mail: ivansedof@yandex.ru

Antonova Vera Vladimirovna,
Student of the Faculty of Psychology and Pedagogy,
Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University,
Russian Federation, Nizhny Novgorod,
e-mail: ververa98.09@mail.ru

Красильникова Юлия Сергеевна,
старший преподаватель
кафедры физического воспитания и спорта,
Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина,
Российская Федерация, г. Нижний Новгород,
e-mail: Krasiljuliapocht@yandex.ru

Седов Иван Александрович,
старший преподаватель
кафедры физического воспитания и спорта,
Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина,
Российская Федерация, г. Нижний Новгород,
e-mail: ivansedof@yandex.ru

Антонова Вера Владимировна,
студент факультета психологии и педагогики,
Нижегородский государственный педагогический
университет имени Козьмы Минина,
Российская Федерация, г. Нижний Новгород,
e-mail: ververa98.09@mail.ru

К ПОНЯТИЮ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

TO THE CONCEPT OF EDUCATIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

13.00.02 — Theory and methods of education and upbringing (by areas and stages of education)

В условиях усложнения задач, стоящих перед образованием, повышаются требования к учителю, его профессионализму и личностным качествам. Воспитательные задачи нашли свое отражение в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. Она развивает механизмы, предусмотренные Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации», который гарантирует обеспечение воспитания как неотъемлемой части образования, взаимосвязанной с обучением. Нельзя не отметить введение новой школьной должности в образовании, которая будет носить название «советник при директоре по воспитательной работе». Функции данного сотрудника должны заключаться в разработке стратегии развития системы воспитания школы на основе глубокого анализа внешних и внутренних факторов, влияющих на воспитательный процесс, в подготовке нормативной базы, регламентирующей систему воспитания, а также в составлении системы оценки качества воспитательного процесса, подборе специалистов воспитательного блока и создании системы мотивации педагогов и учащихся. Цель исследования — рассмотреть сущность понятия «воспитательная компетентность» и предложить методы формирования воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту. В данной статье авторы обращаются к истории возникновения понятия воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту. Рассматриваются задачи воспитательного процесса, осуществляемого спортивными педагогами и тренерами. Представлена структура понятия, определена его сущность,

а также предложены методы формирования воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту. Данная статья будет полезна для педагогов и студентов педагогических вузов, где осуществляется подготовка учителей физической культуры и спортивных тренеров.

In the context of the complexity of the tasks facing education, the requirements for the teacher, his professionalism and personal qualities are increasing. Educational tasks are reflected in the Strategy for the Development of Education in the Russian Federation for the period up to 2025. It develops the mechanisms provided for in the Federal Law “On Education in the Russian Federation”, which guarantees the provision of upbringing as an integral part of education, interconnected with teaching. It is worth noting the introduction of a new school position in education, which will be called an advisor to the director on educational work. The functions of this employee should be to develop a strategy for the development of the education system of the school based on a deep analysis of external and internal factors affecting the educational process, to prepare a regulatory framework governing the education system, as well as to draw up a system for assessing the quality of the educational process, selecting specialists of the educational sphere and creating a system of motivation for teachers and students. The aim of the study is to consider the essence of the concept of educational competence and propose methods for forming the educational competence of a teacher in physical culture and sports. In this article, the authors turn to the history of the emergence of the concept of educational competence of a teacher in physical culture and sports.

The tasks of educational process carried out by sports teachers and trainers are considered. The structure of the concept is presented, its essence is determined, as well as methods for forming educational competence of a teacher in physical culture and sports are proposed. This article will be useful for teachers and students of pedagogical universities, where physical education teachers and sports coaches are trained.

Ключевые слова: воспитание, компетентность, компетенции, воспитательная компетентность, компоненты воспитательной компетентности, воспитательные задачи, методы воспитания, требования работодателей, профессиональные позиции, педагог физической культуры и спорта.

Keywords: upbringing, competence, competencies, educational competence, components of educational competence, educational goals, methods of education, requirements of employers, professional positions, teacher of physical culture and sport.

Введение

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что на сегодняшний момент часть воспитательной работы, а именно организацию спортивно-массовой и физкультурно-оздоровительной деятельности обучающихся и педагогов, традиционно осуществляет учитель физической культуры.

Статья 2 ФЗ «Об образовании в РФ» гласит, что одним из принципов национальной государственной политики является «воспитание гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам человека, любви к окружающей природе, Родине, семье». Согласно закону, будущий педагог на этапе профессионального обучения имеет право на получение образования, направленного на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенций, необходимых для выполнения определенных трудовых, служебных функций (определенных видов трудовой, служебной деятельности, профессий). Трудовые функции, в том числе функции воспитания, которые предстоит выполнять педагогу по физической культуре в процессе будущей профессиональной деятельности, подробно отражены в Профессиональном стандарте «Педагог», который был создан на основании требований работодателей к будущим специалистам в точном соответствии с запросами рынка труда.

Цель статьи — рассмотреть сущность понятия «воспитательная компетентность» и предложить методы формирования воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту. Ведущими методами исследования стали интерактивные и проблемные методы воспитания, которые позволяют проанализировать и подобрать варианты заданий для формирования каждого компонента воспитательной компетентности. Результатами исследования являются определение сущности понятия воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту, а также предложение методов ее формирования.

Изученность проблемы. О превалировании воспитательной функции у педагога над функцией обучения писали методологи теории развивающего обучения: П. Я. Гальперин, Д. Д. Давыдов, Е. В. Даурцева, и др. [1—3]. Они предлагали педагогам-практикам во всех методах и технологиях обучения определить и реализовать воспитательный ресурс.

С точки зрения И. А. Зимней, компетенции — это «некоторые внутренние, потенциальные, сокрытые психологические новообразования (знания, представления, программы (алгоритмы) действий, системы ценностей и отношений),

которые затем выявляются в компетентностях человека как актуальных, деятельностных проявлений» [4]. Компетентность студентов, выпускников вузов к воспитательной деятельности может быть обозначена как воспитательная компетентность. Компетентность воспитательной деятельности рассматривалась в трудах следующих авторов: В. В. Краевский, А. Н. Леонтьев, С. Д. Неверкович, И. П. Подласый и др. [5—8]. Под воспитательной компетентностью педагога они понимают комплекс ключевых компетенций, обеспечивающих эффективное решение воспитательных задач, умение планировать воспитательную деятельность, прогнозировать развитие своих воспитанников, организовывать взаимодействие и анализировать собственную воспитательную деятельность и профессиональное развитие.

Иная трактовка прослеживается у А. Б. Пономарева, Э. А. Пикулевой [9, 10] и Г. К. Селевко, который пишет, что «понятие компетенция чаще применяется для обозначения образовательного результата, выражающегося в подготовленности выпускника, в реальном владении методами, средствами деятельности, в возможности справиться с поставленными задачами» [11].

По мнению Г. В. Сорокоумовой, воспитательная компетентность — это интегративная личностная структура, определяющая возможность педагога оказывать воспитательное воздействие на личностное развитие ребенка на разных этапах онтогенеза в соответствии с ценностно-целевыми установками современного общества [12].

Авторы А. Г. Тряпицина, А. В. Хуторской, В. А. Ширяева представляют в своих исследованиях понятие компетентности как уже состоявшееся личностное качество (совокупность качеств) и минимальный опыт деятельности в заданной сфере [13—15].

Целесообразность разработки темы. С учетом того, что каждая современная трудовая функция имеет несколько вариаций реализации в разных образовательных организациях, в разных педагогических условиях и процессах, педагоги по физической культуре должны быть готовы решать воспитательные задачи в рамках ряда профессиональных позиций. К таким позициям, в частности, относятся: разработчик мониторинговых процедур в обучении и воспитании, организатор спортивно-оздоровительных мероприятий, разработчик инновационных образовательных проектов по физической культуре, медиатор в сфере физической культуры и спорта и т. д. Каждая из указанных позиций подразумевает наличие высокого уровня компетентности к воспитательной деятельности, или воспитательной компетентности.

Проблемой исследования является потребность определить структуру и сущность понятия «воспитательная компетентность» по отношению к педагогам по физической культуре и спортивным тренерам.

Научная новизна исследования заключается в выявлении сущности понятия воспитательной компетентности педагога по физической культуре и описании процесса формирования компонентов воспитательной компетентности.

Для достижения цели нами были решены следующие **задачи**:

1. Рассмотреть задачи воспитательного процесса, которые осуществляют спортивные педагоги и тренеры в своей профессиональной деятельности.
2. Определить структуру и сущность понятия воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту.

3. Предложить методы формирования компонентов воспитательной компетентности педагога по физической культуре и спорту.

Теоретическая значимость заключается в определении сущности и структуры воспитательной компетентности педагога по физической культуре, а также в рассмотрении задач воспитания в профессиональной деятельности педагогов.

Практическая значимость состоит в формировании компонентов воспитательной компетентности педагогов по физической культуре. Полученные исследования определения сущности и структуры понятия воспитательной компетентности и методов ее формирования могут быть использованы преподавателями и студентами педагогических вузов для осуществления подготовки учителей физической культуры и спортивных тренеров.

Основная часть

В процессе исследования нами было уточнено понятие воспитательной компетентности педагога по физической культуре. Воспитательная компетентность педагога по физической культуре — это личностно-профессиональная система, которая направлена на решение профессиональных задач формирования личности и коллектива обучающихся и совершенствование воспитательных воздействий, осуществляемых в педагогическом процессе. Воспитательная компетентность имеет объективные и субъективные критерии сформированности, так как воспитательная деятельность по своей структуре является персонафицированной и в ней в большей степени, чем в процессе обучения, проявляется персональная индивидуальность педагога. Поэтому компоненты воспитательной компетентности обладают объективной структурой и субъективными регуляторами их наполнения и реализации. К таким компонентам относят: ценностно-смысловой, коммуникативный, эмоционально-волевой, творческий, содержательно-технологический и рефлексивно-оценочный.

Ценностно-смысловой компонент учителя физической культуры обладает субъективными и объективными особенностями и большую часть своих профессиональных задач решает в рамках необходимости формирования ценностей здоровья, жизни, природы, общения человека с природой, здорового образа жизни, а также здоровой конкуренции, соперничества и стрессоустойчивости, что не дублируется педагогами других циклов.

В коммуникативном компоненте, кроме общеэтических и риторических норм педагогического общения, существуют особенности содержания со спортивной терминологией, а также особенности невербального общения, например судейские жесты, невербальные движения, мимика, а также сама ситуация общения в спорте резко отличается от ситуаций общения в других учебных предметах.

Творческий компонент связан с гармонизацией двигательного действия и включается тогда, когда в образовательном процессе есть место для совместного творчества, например в виде импровизации в двигательных действиях. В строго регламентированных действиях также можно проявить творчество: при создании комплекса утренней гимнастики, проводя разминку и создавая последовательность действий в эстафетах. Спортсмен проявляет творчество на спортивной площадке, но к этому процессу его готовит учитель.

Содержательно-технологический компонент в сфере физкультурно-спортивного образования реализуется через технологии, которые должны быть четко адаптированы

к потребностям образовательного процесса. Технологии воспитания, реализуемые в спорте, очень часто преследуют взаимодополняющие, но противоположные задачи: формирование сотрудничества и здорового соперничества, стрессоустойчивости и конкурентоспособности, а также активности и самостоятельности.

Эмоционально-волевой компонент наиболее ярко проявляется в спортивной деятельности. Настоящие результаты спортивной деятельности можно получить только тогда, когда человек мотивирован на состояние успеха и испытывает позитивные эмоции от процесса. Но в спортивной деятельности можно наблюдать не только повышение результата, но и латентный период, а зачастую и падение результатов. В данной ситуации вступает в права следующая функция: чем ниже уровень мотивации, тем выше должен быть проявлен уровень волевых усилий. Задача педагога по физической культуре — синхронизировать эти эмоции и мотивацию достижения успеха с проявлением волевых качеств.

Выводы

Все компоненты воспитательной компетентности, которые отражены в этих понятиях, имеют собственную сущность и особенности протекания, результаты и выражаются в особых методах формирования в учебном процессе для учителей физической культуры. Методами формирования ценностно-смыслового компонента послужило мировоззренческое эссе, включающее опыт своей спортивной и педагогической деятельности и кейс-задачи, демонстрирующие, в каких педагогических ситуациях ценности педагогической деятельности являются значимыми и транслируются от педагога к воспитанникам. К коммуникативному компоненту можно отнести создание профориентационных роликов, в которых педагог по физической культуре транслирует свои средства общения, используя информационно-коммуникативные технологии, мотивирует на занятия спортивной деятельностью. Творческий компонент реализуется через создание креативной идеи и участие в конкурсе педагогических грантов. Эмоционально-волевой компонент состоит из тренингов, включающих задания, состоящие из комплекса диагностик, оценивающих уровень притязаний, эмпатии и самооценку. Основным методом содержательно-технологического компонента является социальный проект, создание которого требует применения методов и технологий учебно-воспитательной деятельности с дальнейшей реализацией и созданием своего собственного продукта. Рефлексивно-оценочный компонент выражается в умении решать воспитательные кейс-задачи, находить выходы из спортивно-воспитательных ситуаций, а также в условиях конференции проводить самооценку и взаимонализ результатов деятельности себя и своего товарища по команде.

Заключение

Исходя из вышеизложенного, нами был сделан вывод, что воспитательная компетентность спортивного тренера является значимой частью профессиональной компетентности, базируется на основах профессиональной культуры педагога, является результатом подготовки учителя физической культуры и включает самостоятельные методы формирования профессионально-личностных компонентов. Она позволяет решать современные педагогические задачи на основании динамического социального заказа и помогает сформировать личность педагога как субъекта

воспитательной деятельности. Статья может быть полезной для педагогов основного общего, среднего и высшего образования, а также для тренеров по различным видам спорта в области дополнительного образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гальперин П. Я., Тальзина Н. Ф. Современная теория поэтапного формирования умственных действий. М., 1979. 286 с.
2. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М. : Педагогика, 1996. 344 с.
3. Даурцева Е. В. Профессиональная компетентность педагога // Проблемы личностно-ориентированного образования: культурологический, психолого-педагогический, технологический аспекты : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Шадринск, 2005. С. 104—107.
4. Зимняя И. А. Единая социально-профессиональная компетентность выпускника университета: понятие, подходы к формированию и оценке. М. : МИСИС, 2008. 24 с.
5. Краевский В. В., Бережнова Е. В. Методология педагогики. Новый этап. М. : Академия, 2008. 400 с.
6. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М., 2012. 320 с.
7. Педагогика физической культуры и спорта : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / С. Д. Неверкович и др. ; под ред. С. Д. Неверковича. М. : Академия, 2010. 336 с.
8. Подласый И. П. Педагогика : учеб. для СПО : в 2 т. Т. 2. Практическая педагогика : в 2 кн. Кн. 1. М. : Юрайт, 2019. 492 с.
9. Пономарев А. Б., Пикулева Э. А. Методология научных исследований : учеб. пособие. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2014. 186 с.
10. Слостенин В. А. Педагогическое консультирование : учеб. пособие. М. : Academia, 2006. 320 с.
11. Селевко Г. К. Компетентности и их классификация // Народное образование. 2004. № 4. С. 138—144.
12. Сорокоумова Г. В. Изучение личностного потенциала педагога : учеб. пособие. Н. Новгород : Изд-во НФУРАО, 2007. 193 с.
13. Тряпицына А. Г. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании. СПб. : Изд-во РГПУ им. Герцена, 2005. С. 262—392.
14. Хуторской А. В. Методология педагогики: человекообразный подход. Результаты исследования : науч. изд. М. : Эйдос : Изд-во Ин-та образования человека, 2014.
15. Ширяева В. А. Формирование универсальной ключевой компетентности средствами ТРИЗ. Саратов : Наука, 2009. 88 с.

REFERENCES

1. Galperin P. Ya., Talyzina N. F. *Modern theory of phased formation of mental actions*. Moscow, 1979. 286 p. (In Russ.)
2. Davydov V. V. *Theory of developmental learning*. Moscow, Pedagogika, 1996. 344 p. (In Russ.)
3. Daurtseva E. V. Professional competence of a teacher. In: *Problems of personal-oriented education: cultural, psychological-pedagogical, technological aspects. Materials of an interregional sci. and pract. conf.* Shadrinsk, 2005. Pp. 104—107. (In Russ.)
4. Zimnyaya I. A. *Unified socio-professional competence of a university graduate: concept, approaches to formation and assessment*. Moscow, MISIS publ., 2008. 24 p. (In Russ.)
5. Kraevsky V. V., Berezhnova E. V. *Methodology of pedagogy. New stage*. Moscow, Akademiya, 2008. 400 p. (In Russ.)
6. Leontev A. N. *Selected psychological works*. Moscow, 2012. 320 p. (In Russ.)
7. Neverkovich S. D., et al. *Pedagogy of physical culture and sports: textbook for students of higher educational institutions*. Ed. by S. D. Neverkovich. Moscow, Akademiya, 2010. 336 p. (In Russ.)
8. Podlasyy I. P. *Pedagogy. Textbook for secondary vocational education*. In 2 vols. Vol. 2. Practical pedagogy. In 2 books. Book 1. Moscow, Yurayt, 2019. 492 p. (In Russ.)
9. Ponomarev A. B., Pikuleva E. A. *Methodology of scientific research. Textbook*. Perm, Publ. house of the Perm National Research Polytechnic University, 2014. 186 p. (In Russ.)
10. Slostenin V. A. *Pedagogical counseling. Textbook*. Moscow, Akademiya, 2006. 320 p. (In Russ.)
11. Selevko G. K. Competencies and their classification. *Public education*, 2004, no. 4, pp. 138—144. (In Russ.)
12. Sorokoumova G. V. *Study of the personal potential of a teacher. Textbook*. Nizhny Novgorod, NFURAO publ., 2007. 193 p. (In Russ.)
13. Tryapitsyna A. G. *Competence approach in higher vocational education*. Saint Petersburg, Publ. house of the Russian State Pedagogical University named after Herzen, 2005. Pp. 292—392. (In Russ.)
14. Khutorskoy A. V. *Methodology of Pedagogy: humanistic approach. Results of research. Sci. ed*. Moscow, Eidos Institute publ., 2014. (In Russ.)
15. Shiryayeva V. A. *Formation of universal key competence by means of Theory of inventive problem solving*. Saratov, Nauka, 2009. 88 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Красильникова Ю. С., Седов И. А., Антонова В. В. К понятию воспитательной компетентности педагога физической культуры и спорта // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 402—405. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.357.

For citation: Krasilnikova Yu. S., Sedov I. A., Antonova V. V. To the concept of educational competence of the teacher of physical culture and sports. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 402—405. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.357.

УДК 378.2
ББК 74.3

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.332

Lapshova Ekaterina Sergeevna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Modern Languages and Professional Communication,
Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev,
Russian Federation, Samara,
e-mail: lapshova2002@mail.ru

Kosharskaya Ekaterina Viktorovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department
of Modern Languages and Professional Communication,
Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev,
Russian Federation, Samara,
e-mail: luiba@mail.ru

Lapshova Yana Olegovna,
4th year student of Law Institute,
Samara National Research University
named after academician S. P. Korolev,
Russian Federation, Samara,
e-mail: kitten176@mail.ru

Лапшова Екатерина Сергеевна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: lapshova2002@mail.ru

Кошарская Екатерина Викторовна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: luiba@mail.ru

Лапшова Яна Олеговна,
студент 4-го курса юридического института,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
Российская Федерация, г. Самара,
e-mail: kitten176@mail.ru

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ДУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ: ФАКТОРЫ УСПЕШНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ НА РЫНОК ТРУДА

HIGHER PROFESSIONAL EDUCATION AND DUAL TRAINING SYSTEM: FACTORS IN THE SUCCESSFUL INTEGRATION OF YOUNG PEOPLE INTO THE LABOR MARKET

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

В статье рассматриваются проблемы интеграции молодых людей на рынок труда. Современные условия — экономический кризис, пандемия COVID-19 — поставили на грань выживания огромное количество молодых людей по всему миру. Не всем странам удалось сохранить стабильную занятость людей разных возрастов, и особенно молодежи, в течение последних лет, в некоторых странах уровень безработицы резко возрос. Цель исследования — анализ систем высшего профессионального образования в разных странах, который вносит вклад в прояснение характера обучения и трудоустройства молодых людей. Во-первых, мы подчеркиваем роль демографических факторов и экономического роста. Во-вторых, мы рассматриваем различия в организации и функционировании политики высшего профессионального образования и профессиональной подготовки как важный фактор интеграции молодых людей на рынок труда. В-третьих, мы рассматриваем различия в организации и функционировании политики в области высшего образования и профессиональной подготовки в некоторых странах как фактор интеграции молодых людей на рынок труда. В-четвертых, мы изучили эффективность применения элементов дуальной системы обучения в вузах Самарской области, основанной на усилении практической направленности профессиональной подготовки студентов — бакалавров, магистров. При проведении исследования использовался комплексный анализ, включающий в себя

социально-демографический, социально-геронтологический, статистико-экономический, социологический, социально-психологический подходы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что системы высшего профессионального образования должны сочетать образовательные системы с потребностями работодателей, чтобы адаптировать систему обучения в вузе к меняющимся потребностям рынка труда; образовательные и методические элементы дуальной системы обучения, включенные в соответствующий контекст подготовки бакалавров, магистров, подтвердили свою эффективность.

The article deals with the problems of young people's integration into the labor market. Modern conditions such as the economic crisis and the COVID-19 pandemic have put a huge number of young people on the verge of survival all over the world. Not all countries have managed to maintain stable people employment of different age groups and especially young people in recent years. The unemployment rate has increased sharply in some countries. The aim of the study is to analyze the systems of higher professional education in different countries, which contributes to the clarification of the nature of training and employment of young people. Firstly, we emphasize the role of demographic factors and economic growth. Secondly, we consider the differences in the organization and functioning of higher professional education and training policies

as an important factor in young people's integration into the labor market. Secondly, we concern differences in the organization and functioning of higher education and training policies in some countries as factor in young people's integration into the labor market. Thirdly, we study the effectiveness of applying the elements of the dual system of education in higher education institutions of the Samara region, based on strengthening the practical orientation of professional training of students — bachelors, masters. The study used a comprehensive analysis that includes socio-demographic, socio-gerontological, statistical-economic, sociological, and socio-psychological approaches. The results indicate that higher professional education systems should combine educational systems with the needs of employers to adapt the system of training at the universities to the changing needs of the labor market; the educational and methodological elements of the dual training system, included in the relevant context of bachelor's and master's training, have confirmed their effectiveness.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, профессиональная подготовка, молодые люди, рынок труда, интеграция на рынок труда, дуальная система обучения, профессиональная подготовка студентов, трудоустройство, демографический фактор, институты рынка труда.

Keywords: higher professional education, professional training, young people, labor market, integration in the labor market, dual training system, professional training of students, employment, demographic factor, labor market institutions.

Введение

Актуальность исследования определяется современными условиями и проблемами интеграции молодых людей на рынок труда во многих странах мира. Хотя молодые люди находятся в менее уязвимом положении, чем сотрудники пожилого возраста, экономический кризис и пандемия COVID-19 поставили на грань выживания огромное количество молодых людей по всему миру [1]. Не всем странам удалось сохранить стабильную занятость людей разных возрастов, и особенно молодежи, в течение последних лет, в некоторых странах уровень безработицы резко возрос.

Согласно классификации возраста, принятой в настоящее время Организацией Объединенных Наций (ООН), определена следующая возрастная градация для молодых людей: от 18 до 44 лет [2].

Следует отметить, что выделение отдельных возрастных периодов носит условный характер, так как существуют региональные и страновые особенности.

В практическом плане возрастная классификация используется в различных странах при разработке основных направлений социально-экономической и демографической политики и распределении бюджетных ассигнований на решение проблем разных возрастных групп [3].

В нашем исследовании «молодые люди» — выпускники высших учебных заведений, в стадии перехода от обучения в вузе к профессиональной деятельности, в возрасте от 21 года до 25 лет.

Целесообразность исследования определяется различиями перехода молодых людей от обучения в вузе к профессиональной деятельности в разных странах.

Научная новизна. Произведен социологический анализ применения элементов дуальной системы профессионального обучения на базе Самарского университета,

подтверждающий ее эффективность в решении проблемы интеграции молодых людей на рынок труда.

Цель исследования — анализ систем высшего образования, основанных на дуальной системе обучения, в разных странах, который вносит вклад в прояснение характера обучения и трудоустройства молодых людей.

Методы исследования. При проведении исследования основывались на принципах целостности, системности и историзма.

Методами исследования являются комплексный анализ, включающий в себя социально-демографический, социально-геронтологический, статистико-экономический, социологический, социально-психологический подходы, что позволило повысить объективность результатов работы.

Теоретическую базу исследования по проблемам взаимодействия высших учебных заведений и рынков труда составили работы Л. А. Миниахметовой, А. Максимова; по теме дуального обучения — работы В. А. Тешевой, В. В. Землянского, Коренман, Горсия, Ньюмарка; по аспектам применения дуального образования в системе высшего образования — О. В. Гараниной, И. В. Зиминой, Ф. Ф. Дудырева и др.

Практическая значимость заключается в том, что результаты исследования могут быть полезны представителям высших учебных учреждений и представителям работодателей при организации и применении системы дуального обучения в подготовке квалифицированных специалистов.

Основная часть

Институциональные установки и государственная политика играют заметную роль в интеграции молодых людей на рынок труда. Содействие успешной интеграции молодых людей на рынок труда не только предотвращает долгосрочные негативные последствия ранних стадий безработицы среди молодых людей, но и способствует развитию индивидуальной профессиональной карьеры, росту доходов, экономической производительности и социальной сплоченности.

Рассматривая различия интеграции молодых людей на рынок труда, необходимо учитывать несколько факторов: во-первых, демографические изменения и экономический рост, а во-вторых, взаимосвязь между этими динамическими и давними институциональными структурами, в частности регулирующими положениями, влияющими на предложение временных или постоянных рабочих мест, а также на политику в области высшего образования и профессиональной подготовки [4].

Анализ интеграции молодых людей на рынок труда требует такой структуры, которая позволила бы понять основные различия во времени, с учетом взаимодействия экономических и демографических факторов с одной стороны и институтов рынка труда — с другой.

Что касается фактических данных о демографических факторах, то эмпирические исследования Коренмана и Ньюмарка, Гарсия показали, что демографические факторы, в частности численность молодых людей, и экономический спрос играют важную роль в определении их занятости на рынке труда [5].

Как отметили S. Wolter и P. Ryan, институциональные условия, в частности минимальная заработная плата, уровень образования и профессиональная подготовка, играют определенную роль в структурировании интеграции молодых людей на рынок труда [6].

Высшее образование и профессиональная подготовка рассматриваются в качестве основного фактора, определяющего интеграцию молодых людей на рынок труда. В некоторых странах с высокой долей выпускников университетов безработица может быть следствием несоответствия уровня образования требованиям рынка труда.

Анализ рынков труда для молодых людей и роли высшего профессионального образования в различных странах мира позволил прийти к следующим выводам. Такие страны, как Австрия, Дания, Германия и Швейцария, поддерживающие дуальную систему профессионального обучения, демонстрируют более плавный переход от обучения в вузе к трудовой деятельности, низкий уровень безработицы среди молодых людей, чем другие страны [7—10].

В то время как дуальная система профессионального обучения способствует относительно плавной интеграции молодых людей на рынок труда, международный опыт показывает, что попытки реализовать такие схемы иногда терпят неудачу [11]. Дуальное профессиональное обучение и высшее профессиональное обучение в целом работают устойчиво только при наличии существенной институциональной поддержки и признании со стороны основных субъектов. Дуальное профессиональное обучение может быть эффективным только в том случае, если работодатели занимаются этим типом структуры, а также в случае систематического обучения на основе современных учебных программ, разработанных с участием работодателей, поскольку только они знают свои текущие и ожидаемые потребности [12].

Профессиональная подготовка в высших учебных заведениях разделяет некоторые потенциальные возможности дуальной модели. Проблемы возникают в такой системе, если она опирается на устаревшие стандарты подготовки кадров или на сокращающиеся секторы экономики [13]. Эти системы должны быть адаптированы к меняющимся экономическим структурам и новым видам профессиональной деятельности. Следовательно, высшее профессиональное образование должно быть обновлено путем привлечения работодателей. В противном случае оно рискует устареть и стать непривлекательным как для работодателей, так и для молодых людей.

На территории Российской Федерации модель дуального образования реализуется в ряде регионов. Самарская область входит в число регионов, реализующих данную модель образования, и была участником системного проекта «Подготовка рабочих кадров, соответствующих требованиям высокотехнологичных отраслей промышленности, на основе дуального образования», организованного по инициативе Агентства стратегических инициатив в 13 субъектах РФ в 2012—2016 гг. Успешность применения дуальной модели обучения в Самарской области основана на использовании материально-технической базы предприятий [14].

В период прохождения производственных практик на предприятиях-партнерах обучающиеся закрепляют навыки, полученные в период прохождения учебных практик в вузе по выбранному направлению подготовки [15].

Проведенное нами исследование применения модели дуальной системы обучения в вузах Самарской области, основанной на усилении практической направленности профессиональной подготовки студентов — бакалавров, магистров, позволяет утверждать, что данная система является эффективной технологией подготовки обучающихся, способствующей интеграции молодых людей на рынок труда.

Эффективность интеграции на рынок труда оценивалась выпускниками Самарского университета. Метод сбора данных — анонимный анкетный опрос выпускников Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Выборка составила 123 респондента по направлению подготовки «Юриспруденция». Средний возраст респондентов — 20,2 года. Анкетирование проводилось в мае — июне 2020 г.

Первым показателем готовности выпускников к интеграции на рынок труда рассматривалась конкурентоспособность с точки зрения оценки шансов трудоустройства (табл. 1).

Таблица 1

Вопрос 1: «Ваш уровень профессиональной подготовки позволит вам найти работу по специальности?»

Качество профессиональной подготовки позволит выбрать место работы	78
С моим качеством профессиональной подготовки выбора не будет, буду работать, где возьмут	15
Мне не нужно будет искать место работы, меня трудоустраивают	14
Не смогу найти работу из-за низкого качества подготовки	6
Не знаю	10

Опрос выявил, что каждый пятый выпускник довольно скептически оценивает уровень своей профессиональной подготовки, полагая, что выбора не будет, и готов работать «где возьмут». 15 респондентов оценивают свой уровень профессиональной подготовки неудовлетворительно и считают, что не смогут найти хорошую работу по специальности. При этом большинство молодых людей заявили, что уровень их профессиональной подготовки позволит трудоустроиться успешно.

Следующим этапом опроса являлось выявление трудностей, с которыми молодые люди могут столкнуться при интеграции на рынок труда (табл. 2).

Таблица 2

Вопрос 2: «С какими трудностями при трудоустройстве по специальности вы можете столкнуться?», %

Не будет проблем с трудоустройством	25
Отсутствие опыта работы	58
Недостаток рабочих мест	28
Низкий уровень оплаты труда	47
Высокая конкуренция	18
Плохие условия труда	5
Низкий уровень профессиональной подготовки	8
Недостаток информации о возможности трудоустройства	6
Необходимость ДПО	12
Не знаю	7

Большинство молодых людей считают, что им придется столкнуться с трудностями в процессе трудоустройства. 25 % уверены в том, что у них не будет проблем с поиском работы. Отсутствие опыта работы, низкий уровень оплаты труда, недостаток мест трудоустройства выделяются

в качестве основных трудностей, с которыми выпускники предполагают столкнуться в процессе трудоустройства. Необходимость дополнительного профессионального образования беспокоит только 12 % респондентов.

Далее мы оценивали возможности трудоустройства по специальности (табл. 3).

Таблица 3

Вопрос 3: «Как Вы оцениваете возможность трудоустройства по специальности?», %

По моей специальности найти работу практически невозможно	4
Работу найти трудно, но возможно	47
Легко можно устроиться по моей специальности	42
У меня мало информации о возможностях трудоустройства по специальности	9
Не знаю	6
Другие сложности	1

Анализ полученных данных выявил, что треть респондентов полагает, что сможет найти работу по специальности без особых проблем. Около 60 % уверены, что столкнутся с трудностями в процессе трудоустройства по специальности, но все же смогут трудоустроиться именно по специальности.

Следующий опрос ставил задачей выявить информированность молодых людей о конкретных местах трудоустройства и способах поиска работы (табл. 4).

Таблица 4

Вопрос 4: «Способы поиска работы по специальности?», %

Государственная служба занятости	17
Частные кадровые агентства	12
Специализированные интернет-сайты	36
Родственники, друзья, знакомые	39
По месту производственной практики	41
Обращусь за помощью к сотрудникам вуза	17

Сравнительный анализ данных выявил, что одним из популярных способов поиска работы являются социальные связи: родственники, друзья, знакомые: 39 % респондентов планируют воспользоваться именно этим способом. Несколько ниже (36 %) располагаются интернет-ресурсы поиска работы. Обратиться в государственную службу занятости и в частные кадровые агентства планируют около 15 % молодых людей. Способ трудоустройства по месту прохождения производственной практики является лидирующим — 41 %.

Таким образом, по оценке молодых людей, применение дуальной системы профессионального обучения с точки зрения интеграции на рынок труда является эффективной системой, способствующей интеграции на рынок труда, и подтверждает успешную связь «вуз — работодатель».

Заключение

Сравнивая модели профессионального обучения и дуальной системы профессионального обучения, можно отметить, что дуальная система, как правило, связана с более плавной интеграцией молодых людей на рынок труда и низким уровнем безработицы среди молодых людей, что позволяет свести к минимуму риск негативных последствий.

Образовательные и методические элементы дуальной системы обучения (обновленные учебные программы и планы профессиональной подготовки, разработанные с участием работодателей и т. д.), включенные в соответствующий экономический контекст подготовки профессиональных кадров в Самарском университете, подтвердили эффективность данной системы.

Модель дуального обучения является отправной точкой для дальнейших исследований интеграции молодых людей на рынок труда. Она нуждается в разработке управления проектами, продуктивной и эффективной профессиональной среды. Кроме того, требуется разработка стратегического планирования внедрения данной модели в разных регионах мира для снижения уровня безработицы среди молодых людей с высшим образованием с учетом институциональных установок и государственной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Young people on the labour market — statistics (2018). URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index>.
2. Изменение возрастной структуры населения и устойчивое развитие : докл. Ген. секретаря, 2017. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.9/2017/2>.
3. Лапшова Е. С. От «образования для взрослых» к «обучению на протяжении всей жизни» // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68-2. С. 199—202.
4. Robert P., Saar E. Learning and Working: The Impact of the “Double Status Position” on the Labour Market Entry Process of Graduates in CEE Countries // European Sociological Review. 2012. Vol. 28. No. 6. Pp. 742—754.
5. García J. R. Youth unemployment in Spain: causes and solution // BBVA Research Working Paper. 2011. URL: researchgate.net/publication/254391388_Youth_unemployment_in_Spain_Causes_and_solutions/citation/download.
6. Wolter S., Ryan P. Apprenticeship // Handbook of Economics of Education. 2011. Vol. 3. Pp. 447—486.
7. Eisenmann S. German vocational training and education cooperation. Possibilities for transferring a successful education and training principle. Berlin, 2017. URL: <https://www.kmk.org/fileadmin/Dateien/pdf/PresseUnd-Aktuelles/2017>.
8. Сравнительная характеристика систем высшего образования зарубежных стран: конкурентные методы финансирования / И. В. Абанкина, Т. В. Абанкина, Е. А. Николаенко, Л. М. Филатова // Экономика образования. 2013. № 1(74). С. 53—73.
9. ILO (2011). Global Employment Trends for Youth. URL: ilo.org/washington/areas/youth-employment/WCMS_165455/lang-en/index.htm.
10. Rapid Assessment on Employment for Persons with Disabilities in Indonesia (2020) International Labour Organization. URL: researchgate.net/publication/282536005_Employment_of_Persons_with_Disabilities.
11. The impact of horizontal job-education mismatches on the earnings of recent university graduates in Russia / V. Rudakov, H. Figueiredo, P. Teixeira, S. Roshchin // Institute for the Study of Labor. 2019. Discussion Paper No. 12407.

12. Ariskin M. V., Medvedeva L. M., Nemova E. J. Adaptation of graduates of universities when entering the labor market. Main problems // *Young Scientist*. 2015. No. 10. Pp. 1053—1054.
13. Григорьева Н. В. Траектория профессионального роста как инструмент формирования профессиональной компетентности специалиста в условиях дуального обучения // *EurasiaScience* : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 2017. С. 63—67.
14. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Шабалин А. И. Дуальное обучение в российских регионах // *Вопросы образования*. 2018. № 2. С. 117—138.
15. Кутумова А. А., Яркова Г. А. Дуальная система обучения как технология подготовки бакалавров профессионального обучения в современных условиях педагогического вуза // *Современные наукоемкие технологии*. 2016. № 4-1. С. 139—142.

REFERENCES

1. *Young people on the labour market — statistics (2018)*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index>.
2. *Changing population age structures and sustainable development. Report of the Secretary-General, 2017*. (In Russ.) URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/CN.9/2017/2>.
3. Lapshova E. S. From “adult education” to “education throughout life”. *Problems of modern pedagogical education*, 2020, no. 68-2, pp. 199—202. (In Russ.)
4. Robert P., Saar E. Learning and working: the impact of the “Double Status Position” on the labour market entry process of graduates in CEE countries. *European Sociological Review*, 2012, vol. 28, no. 6, pp. 742—754.
5. García J. R. Youth unemployment in Spain: causes and solution. *BBVA Research Working Paper*, 2011. URL: researchgate.net/publication/254391388_youth_unemployment_in_spain_causes_and_solutions/citation/download.
6. Wolter S., Ryan P. Apprenticeship. *Handbook of Economics of Education*, 2011, vol. 3, pp. 447—486.
7. Eisenmann S. *German vocational training and education cooperation. Possibilities for transferring a successful education and training principle*. Berlin, 2017. URL: <https://www.kmk.org/fileadmin/Dateien/pdf/PresseUnd-Aktuelles/2017>.
8. Abankina I. V., Abankina T. V., Nikolaenko E. A., Filatova L. M. Comparative characteristics of higher education systems in foreign countries: competitive methods of financing. *Education economics*, 2013, no. 1(74), pp. 53—73. (In Russ.)
9. *ILO (2011) Global Employment Trends for Youth*. URL: ilo.org/washington/areas/youth-employment/WCMS_165455/lang-en/index.htm.
10. *Rapid Assessment on Employment for Persons with Disabilities in Indonesia (2020)* International Labour Organization. URL: researchgate.net/publication/282536005_Employment_of_Persons_with_Disabilities.
11. Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P., Roshchin S. *The impact of horizontal job-education mismatches on the earnings of recent university graduates in Russia*. Institute for the Study of Labor. 2019. Discussion Paper No. 12407.
12. Ariskin M. V., Medvedeva L. M., Nemova E. J. Adaptation of graduates of universities when entering the labor market. Main problems. *Young Scientist*, 2015, no. 10, pp. 1053—1054.
13. Grigoreva N. V. The trajectory of professional growth as a tool for the formation of professional competence of a specialist in the conditions of dual training. In: *Eurasia Science. Materials of the VII Int. sci. and pract. conf.*, 2017. Pp. 63—67. (In Russ.)
14. Dudyrev F. F., Romanova O. A., Shabalin A. I. Dual training in the Russian regions. *Educational Studies*, 2018, no. 2, pp. 117—138. (In Russ.)
15. Kutumova A. A., Yarkova G. A. Dual system of education as a technology for training bachelors of professional education in modern conditions of a pedagogical university. *Modern High Technologies*, 2016, no. 4-1, pp. 139—142. (In Russ.)

Как цитировать статью: Лапшова Е. С., Кошарская Е. В., Лапшова Я. О. Высшее профессиональное образование и дуальная система обучения: факторы успешной интеграции молодых людей на рынок труда // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 406—410. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.332.

For citation: Lapshova E. S., Kosharskaya E. V., Lapshova Ya. O. Higher professional education and dual training system: factors in the successful integration of young people into the labor market. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 406—410. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.332.

УДК 796.077.4
ББК 75.4

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.350

Rudneva Lydiya Viktorovna,
Candidate of Pedagogy,
Professor of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: lidiarudneva@mail.ru

Borisova Vera Valerevna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Physical Culture,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: borisovav5@rambler.ru

Titova Anna Vladimirovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Culture
and Sports Disciplines,
Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University,
Russian Federation, Tula,
e-mail: ann29357975@yandex.ru

Руднева Лидия Викторовна,
канд. пед. наук,
профессор кафедры теории
и методики физической культуры,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: lidiarudneva@mail.ru

Борисова Вера Валерьевна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры теории
и методики физической культуры,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: borisovav5@rambler.ru

Титова Анна Владимировна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры физической культуры
и спортивных дисциплин,
Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого,
Российская Федерация, г. Тула,
e-mail: ann29357975@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ В СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АКРОБАТИЧЕСКОГО РОК-Н-РОЛЛА)

FEATURES OF THE MANIFESTATION OF THE MAIN PROPERTIES OF THE NERVOUS SYSTEM IN SPORTS ACTIVITY (ON THE EXAMPLE OF ACROBATIC ROCK AND ROLL)

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methods of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture

Статья посвящена определению основных свойств нервной системы, типичных для спортсменов, занимающихся акробатическим рок-н-роллом, с использованием произвольных двигательных методик Е. П. Ильина.

В процессе исследования изучались: сила нервной системы по возбуждению «подвижность — инертность» нервных процессов, баланс между внешним возбуждением и торможением и внутренним возбуждением и торможением.

Высокий уровень развития спорта требует подробного изучения личности спортсменов. Знание сильных и слабых мест спортсмена как личности позволяет прогнозировать его способности и особенности поведения в различных ситуациях. Особое место в таком изучении принадлежит дифференциальной психофизиологии.

Успешность решения задач спортивной подготовки предопределяется умением опереться на положения индивидуального подхода, заключающегося в знании индивидуальных особенностей человека. Получение соответствующей психодиагностической информации открывает определенные возможности и в отношении отбора спортсменов, подбора спортивных пар и команд.

На основании полученных данных было выявлено, что у представителей мужского пола отмечается слабая

нервная система по возбуждению, инертность процесса возбуждения, инертность процесса торможения, преобладание возбуждения по внутреннему балансу и уравновешенность по внешнему.

У женского пола слабая нервная система, возбуждение по внутреннему балансу, уравновешенность возбуждения по внутреннему балансу в равных количествах, инертность процессов возбуждения, инертность.

Также у спортсменов акробатического рок-н-ролла была выявлена высокая эмоциональность, хорошая способность выразить ее через движение, что обеспечивается также слабой нервной системой и возбуждением по внутреннему балансу.

Полученные в ходе исследования результаты будут полезны при отборе спортсменов в данный вид спорта, формировании спортивных пар или команд категории формейшен, организации учебно-тренировочного процесса и взаимодействии «тренер — спортсмен», «спортсмен — спортсмен».

The article is devoted to the determination of the main properties of the nervous system typical for athletes engaged in acrobatic rock and roll using arbitrary motor techniques of E. P. Ilin.

In the course of the study, the following was studied: the strength of the nervous system in terms of excitation “mobility — inertia” of nervous processes, the balance between external excitation and inhibition and internal excitation and inhibition.

The high level of sports development requires a detailed study of the personality of athletes. Knowledge of the athlete’s strengths and weaknesses as a person allows you to predict their abilities and behavioral characteristics in various situations. A special place in this study belongs to differential psychophysiology.

The success of solving the tasks of sports training is predetermined by the ability to rely on the provisions of an individual approach, which consists in knowing the individual characteristics of a person. Obtaining the appropriate psycho-diagnostic information also opens up certain opportunities in relation to the selection of athletes, the selection of sports pairs and teams.

Based on the data obtained, it was found that male representatives have a weak nervous system in terms of excitation, inertia of the excitation process, inertia of the inhibition process, predominance of excitation by internal balance and equilibrium by external balance.

The female athletes have a weak nervous system, excitation by internal balance, equilibrium of excitation by internal balance in equal amounts, inertness of excitation processes, inertness.

Also, acrobatic rock and roll athletes show high emotionality, a good ability to express it through movement, which is also provided by a weak nervous system and arousal on the internal balance.

The results obtained in the course of the study will be useful in the selection of athletes in this sport, the formation of sports pairs or teams of the formation category, the organization of the training process and the coach-athlete and athlete-athlete interaction.

Ключевые слова: акробатический рок-н-ролл, виды спорта, двигательные методики, массовые и высшие разряды, мужской и женский пол, особенности поведения, свойства нервной системы, спортивная деятельность, спортивные пары, танцевальный спорт, типологические особенности, учебно-тренировочный процесс.

Keywords: acrobatic rock and roll, sports, motor techniques, mass and higher categories, male and female gender, behavioral characteristics, properties of the nervous system, sports activity, sports pairs, dance sports, typological features, educational and training process.

Введение

Различные виды деятельности требуют от человека проявления различных свойств, качеств, которыми не все обладают в равной степени. Интерес к проблеме индивидуальных особенностей, способностей человека возник еще в глубокой древности (Гиппократ, Платон) и до сих пор волнует умы ученых.

Проблеме индивидуальных особенностей человека посвящены многочисленные исследования, как в нашей стране, так и за рубежом. Многие исследования касаются влияния особенностей личности на деятельность, в том числе и на такую специфическую, как спортивная.

Спортивная деятельность по своему воздействию на организм человека занимает особое место. «Если трудовая деятельность, связанная с двигательной активностью человека, направлена главным образом на изменение в нужном направлении внешней среды, то спортивная деятельность, также связанная с двигательной активностью, направлена

на совершенствование главным образом самого человека, притом не только его физических, но и психических функций» [1].

На тесную связь физиологической сферы с психической, их единство в отражении человеком окружающей действительности указывал еще Н. А. Бернштейн, говоря «о роли движений в активной выработке объективно верного отражения мира в мозгу человека путем выверки синтеза восприятий через практику» [2].

Высокий уровень развития спорта требует подробного изучения личности спортсменов. Знание сильных и слабых мест спортсмена как личности позволяет прогнозировать его способности и особенности поведения в различных ситуациях. Особое место в таком изучении принадлежит дифференциальной психофизиологии, которая, как отмечает Е. П. Ильин, «занимает в психологии спорта важное место» [3].

Уже довольно давно установлен факт, что типологические свойства личности весьма консервативны, и очень важно с самого начала занятий тем или иным видом спорта подсказать ребенку наилучший для него вид спортивной деятельности, точно подобрать арсенал технических средств и определить индивидуальный стиль деятельности.

Успешность решения задач спортивной подготовки предопределяется умением опереться на положения индивидуального подхода, заключающегося в знании индивидуальных особенностей человека. Получение соответствующей психодиагностической информации открывает определенные возможности и в отношении отбора спортсменов, подбора спортивных пар и команд [4—8].

Важность изучения психологических особенностей спортсмена определяется и тем, что сведения, полученные при психофизиологическом изучении новичков, пригодятся тренеру при индивидуализации тренировочного процесса и при подготовке спортсменов к соревнованиям. Наша работа является, по существу, развитием этого направления.

Акробатический рок-н-ролл является популярным и динамично развивающимся видом физкультурно-спортивной деятельности. Он является парным, сложнокоординационным видом спорта, сочетающим в себе танцевальные движения стиля рок-н-ролл с акробатическими элементами различной сложности в зависимости от класса спортсменов [9—13].

Вместе с тем психофизиологические характеристики спортсменов, занимающихся этим видом спорта, находятся в стадии изучения, в связи с чем поднятая нами проблема является **актуальной**.

Таким образом, основное **противоречие**, которое мы выявили и попытаемся разрешить в нашей работе, состоит, с одной стороны, в необходимости изучения типологических особенностей у занимающихся акробатическим рок-н-роллом как фактора успешности в данном виде спорта, а с другой — в недостаточной разработанности данного аспекта в теории и методике спорта.

Проблема исследования заключается в рассмотрении и изучении свойств нервной системы у спортсменов акробатического рок-н-ролла как необходимых условий осуществления ориентации и отбора, формирования спортивных пар и достижения высоких результатов через научно обоснованное применение принципа индивидуализации.

Цель исследования — выявить и описать типологические особенности проявления основных свойств нервной системы у спортсменов, занимающихся акробатическим рок-н-роллом.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что спортсмены выбирают вид деятельности, исходя из внутренних побуждений (склонностей), которые, в свою очередь, напрямую связаны с биологическим фундаментом человека и основными свойствами нервной системы.

Задачи исследования:

– выявить основные типологические особенности основных свойств нервной системы спортсменов;

– изучить и описать психофизиологические особенности проявления основных свойств нервной системы занимающихся акробатическим рок-н-роллом спортсменов.

Теоретико-методологической основой нашей работы являются:

– современные представления о двигательной функции человека как сложной иерархической, саморазвивающейся функции (И. М. Сеченов, М. О. Гуревич, Н. И. Озерский, Н. А. Бернштейн, П. К. Анохин, Е. П. Ильин, Б. Б. Косов и др.);

– совокупность положений о развитии психомоторных способностей человека и их структуре (С. Л. Рубинштейн, Е. П. Ильин, В. П. Озеров, Б. Б. Косов, И. М. Туревский и др.);

– основные положения теории и методики физической культуры и спорта (Ж. К. Холодов, Л. П. Матвеев), теории и методики спортивной тренировки в акробатическом рок-н-ролле (А. Б. Голев, Е. Н. Балунова и др.).

Новизна исследования заключается в получении данных о типологических особенностях проявления основных свойств нервной системы у спортсменов, занимающихся акробатическим рок-н-роллом.

Практическое значение исследования определяется тем, что его результаты могут быть использованы в процессе спортивной подготовки танцоров акробатического рок-н-ролла, а также при разработке рабочих программ, учебных пособий для студентов, обучающихся по направлению «Педагогическое образование», с двумя профилями подготовки: «Физическая культура» и «Дополнительное образование», а также при проведении лекционных и практических занятий в рамках дисциплин

«Теория и методика физической культуры», «Психология физической культуры и спорта».

Основная часть

Экспериментальная база. В исследовании приняли участие семь пар танцоров массовых разрядов и 14 пар высших разрядов, занимающихся в клубах акробатического рок-н-ролла г. Москвы и г. Тулы.

В качестве стандартных тестов были использованы произвольные двигательные методики, предложенные Е. П. Ильиным, по определению свойств нервной системы. Исследовались: сила нервной системы по возбуждению «подвижность — инертность» нервных процессов, баланс между внешним возбуждением и торможением и внутренним возбуждением и торможением [14].

Обсуждение результатов исследования. Проведенные нами исследования нервной системы у спортсменов акробатического рок-н-ролла высших разрядов показали (табл. 1), что среди мужского и женского пола преобладают спортсмены со слабой и средне-слабой нервной системой по возбуждению (42,9 % и 71,40 % соответственно).

У спортсменов массовых разрядов эта тенденция также присутствует (см. табл. 1). Так, у мальчиков слабая нервная система составляет 57,14 %, а у девочек — 92,8 %. Лица с сильной нервной системой не выявлены.

Объяснить эти результаты можно тем, что выступления спортсменов-рок-н-рольщиков длятся до 3 мин, в зависимости от программы, и в достаточно высоком темпе (48—50 тактов в минуту), а этот характер деятельности легче выполнить лицам с реактивностью, которая, согласно литературным источникам, связана со слабой нервной системой.

Опыт нашей спортивной и тренерской работы подсказывает, что представители акробатического рок-н-ролла должны обладать высокой чувствительностью в отношении движений партнера, чтобы обеспечить согласованность действий при выполнении как танцевальных, так и акробатических элементов. Такой характер деятельности наилучшим образом может обеспечить слабая нервная система.

Таблица 1

Результаты оценки силы нервной системы у танцоров высших и массовых разрядов

Разряды	Пол	Кол-во	Сила нервной системы			
			Сильная	Средняя		Слабая
				Сильная	Слабая	
Высшие	М	7	0	3 (42,90 %)	1 (14,30 %)	3 (42,90 %)
	Ж	7	1 (14,30 %)	0	1 (14,30 %)	5 (71,40 %)
Низшие	М	14	0	3 (21,40 %)	3 (21,40 %)	8 (57,14 %)
	Ж	14	0	1 (7,10 %)	3 (21,40 %)	13 (92,80 %)

Исследование баланса нервной системы (табл. 2) показало, что у представителей акробатического рок-н-ролла преобладает возбуждение по внутреннему балансу (мужской пол — 100 %, девушки — 85,7 %). У спортсменов массовых разрядов также обнаруживается возбуждение по внутреннему балансу (мальчики — 71,4 %, девочки — 78,5 %).

Исследование баланса нервных процессов (табл. 3) показало, что у спортсменов высших разрядов преобладает уравновешенность по внешнему балансу (мужчины — 57,1 %, женщины — 42,8 %).

У спортсменов массовых разрядов уравновешенность отличается только у мальчиков — 64,2 %, а у девочек же наблюдается преобладание внутреннего торможения над возбуждением, что характерно для лиц, занимающихся скоростными видами деятельности, и лиц с артистическим складом личности.

Что касается подвижности нервных процессов (табл. 4), то важно отметить, что для спортсменов массовых и высших разрядов в этом виде спорта достаточно характерен инертный процесс возбуждения и инертность процессов торможения.

Таблица 2

Результаты оценки уравновешенности нервной системы по внутреннему балансу у танцоров высших и массовых разрядов

Разряды	Пол	Кол-во	Уравновешенности нервной системы по внутреннему балансу		
			Возбуждение	Уравновешенность	Торможение
Высшие	М	7	7 (100 %)	0	0
	Ж	7	6 (85,70 %)	1 (14,3 %)	0
Низшие	М	14	10 (71,4 %)	4 (28,50 %)	0
	Ж	14	11 (78,50 %)	3 (21,40 %)	0

Таблица 3

Результаты оценки уравновешенности нервной системы по внешнему балансу у танцоров высших и массовых разрядов

Разряды	Пол	Кол-во	Уравновешенности нервной системы по внутреннему балансу		
			Возбуждение	Уравновешенность	Торможение
Высшие	М	7	2 (28,50 %)	4 (57,10 %)	1 (14,30 %)
	Ж	7	3 (42,80 %)	3 (42,80 %)	1 (14,30 %)
Низшие	М	14	2 (14,2 %)	9 (64,2 %)	3 (21,4 %)
	Ж	14	3 (21,4 %)	3 (21,4 %)	8 (57,10 %)

Таблица 4

Результаты оценки подвижности нервной системы у танцоров высших и массовых разрядов

Разряды	Пол	Кол-во	Подвижность нервной системы		
			Возбуждение		
			Подвижное	Инертно-подвижное	Инертное
Высшие	М	7	2 (28,50 %)	2 (28,50 %)	3 (42,90 %)
	Ж	7	1 (14,30 %)	3 (42,90 %)	4 (57,10 %)
Низшие	М	14	4 (28,50 %)	3 (21,40 %)	7 (50 %)
	Ж	14	4 (28,50 %)	2 (14,20 %)	8 (57,10 %)

Так, у спортсменов массовых разрядов инертность процессов возбуждения составляет: мальчики — 50 %, девочки — 57,1 %, а у спортсменов высших разрядов — инертно-подвижная нервная система (мужчины — 42,8 %, женщины — 57,1 %). Объясняется это тем, что характер тренировок требует многократного повторения одних и тех же действий, такой характер деятельности способствует возникновению монотонии.

Исследования М. Н. Ильиной показали, что «лица с инертностью нервных процессов легче справляются с этим сочетанием. Кроме того, инертность нервных процессов, как считают некоторые авторы, является задатком хорошей памяти, в том числе и двигательной. Художественные способности (экспрессия, выразительность) лучше выражены у лиц со слабой нервной системой» [13, 14].

Выводы

В процессе исследования мы определили типологический комплекс свойств нервной системы для представителей мужского и женского пола, занимающихся акробатическим рок-н-роллом.

Для мужчин это слабая нервная система по возбуждению, инертность процесса возбуждения, инертность процесса торможения, преобладание возбуждения по внутреннему балансу и уравновешенность по внешнему.

Для женщин это слабая нервная система, возбуждение по внутреннему балансу, уравновешенность возбуждения по внутреннему балансу в равных количествах, инертность процессов возбуждения, инертность.

Анализ научной и специальной литературы (В. А. Бурцев, Е. В. Бурцева, К. Frömel, А. М. Галимов, О. В. Колосова, Е. М. Ревенко, В. А. Сальников, G. Stratton, J. Vasendova и др.) и результаты нашего исследования подтверждают наши утверждения о том, что для спортсменов акробатического рок-н-ролла характерна высокая эмоциональность, хорошая способность выразить ее через движение, что обеспечивается также слабой нервной системой и возбуждением по внутреннему балансу [15—20].

Исходя их выявленных типологических особенностей, рекомендуем:

– при отборе в акробатический рок-н-ролл можно ориентироваться на выделенный нами типологический комплекс нервной системы и отдавать предпочтение лицам со слабой нервной системой по возбуждению, возбуждением по внутреннему и торможением по внешнему балансу, инертностью процесса возбуждения и торможения;

– так как спортсмены имеют слабую нервную систему по возбуждению, то они могут успешно переносить большие объемы нагрузок в процессе тренировок;

– так как характер действий спортсменов скоростной, двигательные действия выполняются в высоком темпе, большие объемы работы в тренировке нужно давать в виде серий упражнений с короткими промежутками отдыха;

– учитывая высокую эмоциональность спортсменов, следует проводить тренировки с высоким положительным эмоциональным накалом, чаще проводить тренировки

в присутствии зрителей, увеличить количество показательных выступлений.

Работа будет продолжена увеличением контингента испытуемых, а также расширена в плане изучения свойств темперамента, как у танцоров высокого класса, так и у спортсменов категории формейшен (групповое выступление танцевальных пар).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильин Е. П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2012. С. 33.
2. Бернштейн Н. А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности // Лечебная физкультура и спортивная медицина. 2010. № 12. С. 4—12.
3. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология, ее место и роль в изучении личности спортсменов // Спортивная и возрастная психофизиология : сб. науч. работ. Л., 1974. С. 5—23.
4. Малахова Е. Ю., Руднева Л. В. Некоторые аспекты проведения отбора девочек 7—8 лет к занятиям акробатическим рок-н-роллом // Инновационные технологии в физическом воспитании и спорте : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Тула : Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2015. С. 297—300.
5. Руднева Л. В., Юдкина А. П. Свойства нервной системы, типичные для спортсменов, занимающихся акробатическим рок-н-роллом // Современные технологии в физическом воспитании и спорте : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / Под ред. А. Ю. Фролова. Тула : ТГПО, 2020. С. 166—169.
6. Новицкая М. С. Психологические аспекты танцевального спорта в системе спортивной подготовки // Психология обучения. 2014. № 7. С. 87—93.
7. Руднева Л. В. Развитие чувства ритма у детей 6—7 лет средствами базовых танцевальных движений // Современные векторы развития образования: актуальные проблемы и перспективные решения, 2019. С. 137—140.
8. Руднева Л. В., Куликова М. В., Малахова Е. Ю. Эффективность развития прыгучести у девочек, занимающихся акробатическим рок-н-роллом по программе «Формейшн» // Евразийский союз ученых. 2015. № 3-1(12).
9. Руднева Л. В., Буй Ч. Х., Малахова Е. Ю. Роль современных информационных и коммуникационных технологий в учебно-тренировочном процессе танцоров акробатического рок-н-ролла // Актуальные проблемы методики обучения информатике в современной школе. 2016. С. 355—358.
10. Руднева Л. В., Куликова М. В., Малахова Е. Ю. Анализ применения тренерами по акробатическому рок-н-роллу современных средств обучения // Инновационные технологии в физическом воспитании и спорте. 2017. С. 335—337.
11. Руднева Л. В., Романов В. А. Педагогические условия развития выразительности движений средствами танца у девушек-колясочниц // Адаптивная физическая культура. 2018. № 2(74). С. 10—13.
12. Якубовская А. Р., Васильева Т. В. Выбор средств и форм физкультурно-спортивной деятельности в зависимости от индивидуальных особенностей личности учащейся молодежи // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. 2012. № 3. С. 50—56.
13. Ильина М. Н., Ильин Е. П. Об одном из условий диагностирования силы нервной системы по возбуждению с помощью теппинг-теста // Психофизиологические особенности спортивной деятельности. 1975. С. 183—186.
14. Ильин Е. П. Психология индивидуальных различий : учеб. пособие для вузов. СПб. : Питер, 2011. С. 123.
15. Деятельностный подход к исследованию проблемы формирования спортивной культуры студентов в процессе обучения в вузе / В. А. Бурцев, Е. В. Бурцева, Р. С. Халиуллин, И. Е. Ефграфов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26122>.
16. Dance as a fitness activity the impact of teaching style and dance form / K. Frömel, G. Stratton, J. Vasendova, R. P. Pangrazi // Journal of Physical Education, Recreation & Dance. 2002. Vol. 73. No. 5. Pp. 26—30. DOI: 10.1080/07303084.2002.10607805.
17. Галимов А. М., Султанова В. Р. Адаптивная система оценки профессиональной деятельности преподавателей спортивного вуза // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28385>.
18. Колосова О. В., Царев Р. Ю. Нравственное воспитание и социальная значимость акробатического рок-н-ролла // Современные проблемы науки и образования. 2006. № 2. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=245>.
19. Ревенко Е. М. Индивидуальные особенности студентов, выбравших в рамках физического воспитания разные виды двигательной активности // Наука и образование. 2017. Т. 19. № 7. С. 157—174. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-7-157-174>.
20. Сальников В. А., Ревенко Ю. М., Бебинов С. Ю. Индивидуальность личности в системе инновационного физического воспитания // Образование и наука. 2012. № 8. С. 153—164. URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-8-153-164>.

REFERENCES

1. Ilin E. P. *Psychology of sports*. Saint Petersburg, Piter, 2012. P. 33. (In Russ.)
2. Bernstein N. A. Essays on the physiology of movements and the physiology of activity. *Physical therapy and sports medicine*, 2010, no. 12, pp. 4—12. (In Russ.)

3. Ilin E. P. Differential psychophysiology, its place and role in the study of the personality of athletes. In: *Sports and age psychophysiology. Collection of sci. works*, Leningrad, 1974. Pp. 5—23.
4. Malakhova E. Yu., Rudneva L. V. Some aspects of the selection of 7—8-year-old girls for acrobatic rock and roll classes. In: *Innovative technologies in physical education and sports. Materials of the All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation*. Tula, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 2015. Pp. 297—300. (In Russ.)
5. Rudneva L. V. Yudkina A. P. Properties of the nervous system typical for athletes engaged in acrobatic rock and roll. In: *Modern technologies in physical education and sports. Materials of the All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation*. Ed. by A. Yu. Frolov. Tula, TPPO, 2020. Pp. 166—169. (In Russ.)
6. Novitskaya M. S. Psychological aspects of dance sports in the system of sports training. *Psychology of training*, 2014, no. 7, pp. 87—93. (In Russ.)
7. Rudneva L. V. Development of a sense of rhythm in children aged 6—7 years by means of basic dance movements. In: *Modern vectors of education development: actual problems and promising solutions*, 2019. Pp. 137—140. (In Russ.)
8. Rudneva L. V., Kulikova M. V., Malakhova E. Yu. The effectiveness of the development of jumping ability in girls engaged in acrobatic rock and roll according to the “Formation” program. *Eurasian Union of Scientists*, 2015, no. 3-1(12). (In Russ.)
9. Rudneva L. V., Buy Ch. Kh., Malakhova E. Yu. The role of modern information and communication technologies in the training process of acrobatic rock and roll dancers In: *Actual problems of the methodology of teaching computer science in a modern school*, 2016. Pp. 355—358. (In Russ.)
10. Rudneva L. V., Kulikova M. V., Malakhova E. Yu. Analysis of the use of modern training tools by acrobatic rock and roll coaches. In: *Innovative technologies in physical education and sports*, 2017. Pp. 335—337. (In Russ.)
11. Rudneva L. V., Romanov V. A. Pedagogical conditions of development of expressiveness of movements by means of dance at girls in wheelchairs. *Adaptive physical training*, 2018, no. 2(74), pp. 10—13. (In Russ.)
12. Yakubovskaya A. R., Vasileva T. V. The choice of means and forms of physical culture and sports activity depending on the individual characteristics of the personality of the student youth. *Physical education and children's and youth sports*, 2012, no. 3, pp. 5—56. (In Russ.)
13. Ilina M. N., Ilin E. P. On one of the conditions of diagnosing the strength of the nervous system by arousal with the help of tapping test. *Psychophysiological features of sports activity*, 1975, pp. 183—186. (In Russ.)
14. Ilin E. P. *Psychology of individual differences. Textbook for universities*. Saint Petersburg, Piter, 2011. P. 123. (In Russ.)
15. Burtsev V. A., Burtseva E. V., Khaliullin R. S., Evgrafov I. E. An activity-based approach to the study of the problem of forming students' sports culture in the process of studying at a university. *Modern problems of science and education*, 2017, no. 2. (In Russ.) URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=26122>.
16. Frömel K., Stratton G., Vasendova J., Pangrazi R. P. Dance as a fitness activity: the impact of teaching style and dance form. *Journal of Physical Education, Recreation & Dance*, 2002, vol. 73, no. 5, pp. 26—30. DOI: 10.1080/07303084.2002.10607805.
17. Galimov A. M., Sultanova V. R. Adaptive system for evaluating the professional activity of teachers of a sports university. *Modern problems of science and education*, 2018, no. 6. (In Russ.) URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=28385>.
18. Kolosova O. V., Tsarev R. Yu. Moral education and the social significance of acrobatic rock and roll. *Modern problems of science and education*, 2006, no. 2. (In Russ.) URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=245>.
19. Revenko E. M. Individual characteristics of the students enrolled in different types of motor activity of physical education. *The education and science journal*, 2017, vol. 19, no. 7, pp. 157—174. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-7-157-174>.
20. Salmikov V. A., Revenko Y. M., Bebinov S. Y. Student's Individuality within the Framework of Innovative Physical Education. *The education and science journal*, 2012, vol. 1, no. 8, pp. 153—164. (In Russ.) URL: <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2012-8-153-164>.

Как цитировать статью: Руднева Л. В., Борисова В. В., Титова А. В. Особенности проявления основных свойств нервной системы в спортивной деятельности (на примере акробатического рок-н-ролла) // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 411—416. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.350.

For citation: Rudneva L. V., Borisova V. V., Titova A. V. Features of the manifestation of the main properties of the nervous system in sports activity (on the example of acrobatic rock and roll). *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 411—416. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.350.

УДК 378.147:811
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.365

Strelnikov Igor Anatolevich,
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication,
Khabarovsk State University
of Economics and Law,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: jpreigion@gmail.com

Strelnikova Natalya Viktorovna,
Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of the Department Microbiology,
Virology and Immunology,
Far Eastern State Medical University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: jpdom@mail.ru

Ratnikova Vasilisa Igorevna,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil,
Business and Transport Law,
Far Eastern State
Transport University,
Russian Federation, Khabarovsk,
e-mail: vitaflamma@gmail.com

Стрельников Игорь Анатольевич,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации,
Хабаровский государственный университет
экономики и права,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: jpreigion@gmail.com

Стрельникова Наталья Викторовна,
канд. мед. наук,
доцент кафедры микробиологии,
вирусологии и иммунологии,
Дальневосточный государственный медицинский университет,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: jpdom@mail.ru

Ратникова Василиса Игоревна,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского, предпринимательского
и транспортного права,
Дальневосточный государственный университет
путей сообщения,
Российская Федерация, г. Хабаровск,
e-mail: vitaflamma@gmail.com

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИХОТОМИЯ В ЗНАКАХ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

ENERGY DICHOTOMY IN THE SIGNS OF THE IDEOGRAPHIC WRITINGS OF THE EAST

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье исследуются принцип полярности как закона Вселенной и мироздания и принцип дихотомии Ф. де Соссюра в лингвистике на примере идеографического знака китайского и японского языков «Сердце Будды». Эти основополагающие знания и практические навыки владения основами иероглифики требуются специалистам в области восточных языков и культуры для их эффективной профессиональной деятельности. Идеографический знак Манџи имеет множество положительных значений: «Сердце Будды»; буддийский символ счастья и благоденствия; буддийский крест. Буддийская свастика Манџи применяется в современной языковой среде не только в письменных текстах, но и в культурологическом аспекте в качестве символа удачи и процветания, света и любви, милости и милосердия, сострадания, небесного светила, солнца, бесконечности, вечности, вихревого потока, огня (агни) домашнего очага. Древнейший идеографический знак богато представлен в практической деятельности прошлого как орнаменты гончарных изделий, знаки на денежных купюрах и монетах, геральдические изображения на одеждах, доспехах, оружии, флагах, вымпелах элитных самураев, штандартах полководцев и другой атрибутике. Современный человек и специалист сталкивается с Манџи как с обережным символом, отличительным знаком гербов, буддистских храмов, эмблем японских городов, картографической меткой для буддистских храмов в Японии и Китае. Иероглиф Манџи широко представлен в примерах от древних языков до современности. Его интерпретация

и понимание специалистами восточных языков, изучение иероглифики через явление дихотомии композиции черт иероглифа важны для практического использования знаний в восточной лингвокультурологической среде.

The article examines the principle of polarity as the law of the universe and the principle of F. Saussure's dichotomy in linguistics on the example of the ideographic sign of the Chinese and Japanese languages "Heart of Buddha". Such fundamental knowledge and practical skills of mastering the basics of hieroglyphics are required for specialists in the field of oriental languages and culture for their effective professional activity. The ideographic sign Manji has many positive meanings: "Buddha's heart"; Buddhist symbol of happiness and prosperity; Buddhist cross. The Buddhist swastika Manji is used in the modern linguistic environment not only in written texts, but also in the cultural aspect as a symbol of good luck and prosperity, light and love, grace and mercy, compassion, heavenly body, sun, infinity, eternity, vortex flow, fire (agni) of the hearth. The oldest ideographic sign is widely represented in the practical activities of the past, such as pottery ornaments, signs on banknotes and coins, heraldic images on clothes, armor, weapons, flags, pennants of elite samurai, standards of commanders and other paraphernalia. A modern person and a specialist comes across Manji as a protective symbol, a distinctive sign of coats of arms, in Buddhist temples, emblems of Japanese cities, a cartographic mark for Buddhist temples in Japan and China. The Manji character is widely represented in examples from

ancient languages to modern times. Its interpretation and understanding by specialists of oriental languages, the study of hieroglyphics through the phenomenon of the dichotomy of the composition of hieroglyph features are important for the practical use of knowledge in the eastern linguocultural environment.

Ключевые слова: дихотомия, синхрония, диахрония, полярность, иероглиф «Сердце Будды», символ Manji, черта, крест, идеографическая письменность, иероглиф, энергия Вселенной.

Keywords: dichotomy, synchronicity, diachrony, polarity, character “Heart of Buddha”, Manji symbol, stroke, cross, ideographic writing, character (hieroglyph), energy of the Universe.

Введение

Актуальность. Искусство каллиграфии в Японии — *сёдо*: 書道 «путь кисти, письма». В дзэн-буддизме каллиграфия называется *бокусэки* 墨跡 «след туши» [1]. Выделяют три вида по скорости написания: уставной стиль (медленное написание), полускоростной стиль (средне-скоростное написание) и скоростной стиль (быстрое письмо) [2]. Время и история меняют моду иероглифического письма, однако черта, как самый малый, изначальный элемент восточной идеографии, остается неизменным и наиважнейшим носителем энергии и информационной составляющей идеографического знака, отправной точкой, вектором движения [3].

Примером для научного анализа может служить известный во все времена иероглиф *Manji* — «Сердце Будды», широко представленный как в современной восточной письменности, так и в качестве знаков и символов, закрепленных в исторических и археологических артефактах (рис. 1).

Рис. 1. Иероглиф Manji («Сердце Будды»)

В индуизме знак *Manji* восходит к V в. до н. э. и является одним из самых важных символов, представляющий собой дхарму, гармонию и баланс противоположностей, удачу и благополучие, мир и процветание; в настоящее время его используют в свадебных церемониях и в праздничных обрядах. На древнерусском языке знак именовался как *ярга* — крест с загнутыми под прямым углом концами, «вращающийся» по часовой стрелке, либо против нее — символ *sauvastika*. В Японии у лицевой стороны данного буддийского символа *Manji* имеются значения: *ai* 愛 「あい」 — любовь; *jih* 慈悲 「じひ」 — милость; милосердие; пощада; сострадание [4]. Символически может обозначаться в виде серебряного круга, символизирующего небесное светило — Солнце. *Ярга* у славян значилась как руна очищения, со значением: *яр* — равноконечный крест [5], *га* — высшее начало, продолжение, путь, движение. Символ был связан с Солнцем,

священным огнем (*agni*), обереговым символом Высших Светлых Богов. Являлся символом вращения Вселенной вокруг неподвижного центра. Таким образом, свастический символ *Manji* присутствовал во многих культурах народов мира.

Изученность проблемы. Идеографический знак *Manji* имеет множество положительных значений: «Сердце Будды»; удача; буддийский крест; буддийская свастика, которая была и остается позитивным символом благополучия и счастья во многих странах, в том числе в Японии и Китае [6]. Линии знака могут быть направлены влево или вправо, быть заостренными или прямоугольными, закругленными или соединены кругами, иметь точечную, линейную или спиралевидную форму [7]. Знак имеет древнейшую историю, самый старый символ был обнаружен примерно 10 000 лет до н. э. [8]. Российские исследователи Р. В. Багдасаров, П. И. Кутенков, А. Ю. Москвин, А. В. Чекушкина посвятили свои работы значению знака в исторической ретроспективе, археологические исследования выполнили и осветили ученые Dennis J. Aigner, Morten Hegewisch, Malcolm Quinn, Carl Gustav Jung.

Целесообразность разработки темы. Учитывая широкое распространение в различных странах Востока иероглифа *Manji* и его символическую составляющую, специалистам в области восточных языков и культуры необходимо не только освоить формальное начертание иероглифа, но и изучить энергетическую составляющую, а именно дихотомию синхронии и диахронии композиции черт идеографических знаков на примере иероглифа «Сердце Будды».

Научная новизна. Впервые изучена полярность черт и их энергетическая составляющая в составе иероглифа *Manji*, показана характерная дихотомия синхронии и диахронии черт в рамках единственного идеографического знака, как пример для специалистов-востоковедов, который можно использовать для более глубокого изучения иероглифики. Дихотомический подход представляется универсальным для описания иероглифической системы письменности Востока.

Целью исследования послужило изучение энергоинформационного строения идеографического знака на примере иероглифа «Сердце Будды» — *Manji*.

В процессе достижения цели решены следующие задачи исследования:

1. Показана полярность черт в иероглифах «Десять» и «Сердце Будды».
2. Определена дихотомия черт в их синхронии и диахронии для иероглифов «Десять» и «Сердце Будды».
3. Выявлено широкое использование в современной восточной культуре знака и символа *Manji*, что ставит перед специалистами в профессиональной деятельности необходимость его всестороннего изучения как универсалии.
4. Предложен подход к изучению идеографических знаков восточной письменности через философское и лингвистическое понятие дихотомии.

Теоретическая и практическая значимость научной работы состоит в определении иероглифического знака *Manji* и идеографического знака вообще как универсальной энергоинформационной структуры [3, 9], которую предлагается изучать с использованием понятия дихотомии как философского и лингвистического явления.

В японском языке, в зависимости от направления вращения, знак *Manji* имеет различную интерпретацию. Основной или наиболее часто встречаемый иероглиф

с левосторонним вращением — *Omote-manji* 表記 「おもてまんじ」, а знак с правосторонним вращением может иметь несколько названий: *Ura-manji* 裏記; *Gyaku-manji* 逆記 или 逆万字; *Migi-manji* 右記 или 右万字. Соединение нескольких знаков *Manji* в одном направлении по горизонтали или с наклоном — *Manji-tsunagi* 万字繫 [10]. В японском языке иероглиф имеет верхнее чтение *mon, man, ban* 「モン・マン・バン」, нижнее чтение *manji* 「まんじ」. Множество добродетелей, которыми обладают бодхисатвы, может заменять собой иероглиф 万 *man, ban, yorozu* 「マン・バン・よろず」 — «бесконечность», «вечность», «несметное количество» [11]. В китайском языке фонетика 「wàn」, корейском 「man」, вьетнамском 「van」, санскрите स्वस्तिके *свастика* — в значении приветствия, от स्वस्ति *свасту* [12], где सु, су — «добро, благо» и अस्ति, *асту* — «есть, быть» [13]. Внедрение в практику преподавания методологии изучения иероглифики с использованием базовых понятий дихотомии композиции черт, составляющих идеограмму, ускорит их усвоение специалистами в области восточных языков и культуры.

Основная часть

Основу идеографического знака «Сердце Будды» составляет представленный в виде равнозначного «греческого» креста (рис. 2) иероглиф «Десять» [14]. Пересечение в центре двух черт — горизонтальной и вертикальной под прямым углом — свидетельствует о дихотомической составляющей иероглифа «сердце Будды», *Omote-manji*, правовращающегося знака, и его символа-отражения, *Ura-manji*, левовращающегося знака [15]. По уставу первой слева направо пишется горизонтальная черта, затем сверху вниз пишется вертикальная [16].

Рис. 2. Иероглиф «Десять»

Оба символа — *Omote-manji*, движущегося по часовой стрелке, и *Ura-manji*, движущегося против часовой стрелки, — широко используются на протяжении всей истории в индуизме, буддизме и в Европе. Горизонтальные линии символизируют бесконечное Космическое Сознание (*пуруша, purusha*), горизонтальные линии символизируют принцип творения (*пракрити, prakriti*) [17]. Он является символом эволюционного развития с явлением дихотомии композиции черт.

Manji — один из древнейших и распространенных повсеместно графических символов. На территорию Японии знак попал через индийских буддийских монахов, последователей учения Будды, и получил широкое использование с периода Нара (710—794). В период Адзуты-Момояма (1568—1603) *Manji* использовался в орнаментах гончарных изделий. В последующем этот символ можно встретить в тематике японского военного сословия в качестве геральдического изображения — фамильного герба *тон*

на одеждах, доспехах, оружии, флагах и вымпелах элитных самураев; на *uma-jirushi* — штандартах полководцев; на матерчатых ширмах *maku*, окружающих ставку военачальника, и другой атрибутике. В архитектуре древних буддийских храмов, а также при строительстве современных буддийских комплексов символ используется как отличительный декоративный элемент, позволяющий акцентировать принадлежность к учению Будды. Стоит отметить, что в нынешнее время в Японии и Китае исторически используются оба направления знака *Manji*, и это не имеет никакой связи с неонацистской символикой. С 1900 г. *Manji* является эмблемой японского города Хиросаки [18], а также используется в картографии как метка буддийских храмов на топографических картах Японии [19]. Данный символ использовали на своих фамильных гербах такие известные самураи, как Nachisuka Iemasa (1558—1638) и Tsugaru Nobuhira (1586—1631) [20], знак был использован в качестве герба на флаге одного из первых галеонов японской постройки «Сан-Хуан Баутиста» (яп. 伊達丸 *Date-maru*) [21].

Manji — это крест с загнутыми («вращающийся») концами, символизирует вращение, из которого возникает жизнь, со времени образования Земли и Солнечной системы [22]. Наша галактика «Млечный путь» имеет форму четырехконечного символа *Manji* и называется «Свати», из центра которой выходят четыре галактических рукава — Персея, Лебеда, Стрельца и Наугольника [23].

Результаты. В чертах иероглифа *Manji* заключена полярность всех его шести элементов. Полярность черт и их энергетическая составляющая не изменяются при разных способах и стиле начертания. Например, горизонтальная черта может разграничивать земную сферу от небесной, нижние миры от верхних, прошлое от будущего. Вертикальная черта может разграничить восток от запада, жизнь от смерти, другие черты воссоздают движение [24], указывая на право- или левовращающееся направление движения знака. Крест как базовый ключ идеографического знака *Manji* может быть представлен в центре сферы, подразделяя ее одновременно на две горизонтальные полусферы и на две вертикальные; таким образом, имеющиеся четыре четвертьсферы вполне могут быть символически отмечены на плоскости бумаги в виде четырех точек, намекающих читателю на объемность знака (рис. 3) с индийским символом *Manji* с четырьмя точками.

Рис. 3. Символ *Manji* в индуизме

По трактату «Энергопотоки в каллиграфии» Чэн Яо-тяня (кит. 書勢 *Шуши*), полярности *инь* соответствуют движения кисти каллиграфа вниз (*вертикальная черта, откидная изогнутая влево*), движения кисти вверх — полярности *ян* (*горизонтальная черта, крюк*) [25]. Иероглиф *Manji*, таким образом, представляет собой матрицу потока вечного

движения, универсальную энергоинформационную голограмму, объемное отображение потоков энергий, в подвижной (вращающейся) структуре композиции черт.

В идеограмме *Manji* материализуется принцип полярности как один из семи основных принципов в мироздании. Многочисленные полюса Вселенной и процесс жизни также представлены в противоположностях. Их взаимная исключительность только кажущаяся, на деле они вытекают друг из друга и представлены единой энергоинформационной матрицей: белое и черное, любовь и ненависть, страдание и радость, горе и счастье. Есть множество пар противоположностей, которые являются ложными, это обоюдные полюсы, не способные существовать друг без друга. Единение и дополнение двух противоположностей рождает гармонию [3, 9]. Наличие полярности мы можем проследить на примере начертания иероглифического знака «Сердце Будды» как *Omote-manji* и *Ura-manji*. При кажущейся полярности и противоположности энергетической составляющей все аспекты в композиции черт являются разными сторонами единого явления жизни: Солнце и Луна; инь и ян; светлые и темные аспекты. Кроме представления о полярности *Manji*, на примере иероглифа «Сердце Будды» можно исследовать явление дихотомии. Согласно теории Ф. де Соссюра, отца лингвистики XX в., дихотомия — это выявление различных противоположных сторон в едином целом. Третий вид дихотомии по Соссюру — представление двух явлений в языке, имеющих противоположность, как синхрония и диахрония. Горизонтальный вектор может быть представлен вектором синхронии, вертикальный — вектором диахронии. Синхрония — это весь язык в целом, статический момент времени. Диахрония — это этапы развитие языка в течение времени. Синхронические законы — это законы описательные, а диахронические законы предписывают, какие изменения могут происходить и когда [26]. Нет полной синхронии и диахронии, поскольку в определенный момент

времени могут происходить изменения, поэтому лингвист Мартине предложил идею динамической синхронии [27]. Согласно мнению Н. В. Писарь, дихотомия может стать фундаментальным принципом философии и лингвистики, служить универсальным способом изучения мироздания [28]. Учитывая, что в основе символа *Manji* базовый иероглиф «Десять» как знак креста, состоящий из пересекающихся вертикальной и горизонтальной черт, выявили присущие для них свойства синхронии и диахронии. Горизонталь как символическое изображение горизонта и связанных с ним горизонтальных полусфер, со свойствами статичности в конкретный момент времени. Вертикаль как символическая связь Неба и Земли, божественного и земного, динамика процесса изменений в пространстве и времени, объемные полусферы, символизируют динамику постоянного движения, нисходящие и восходящие потоки. Иероглифический знак — это не примитивный и хаотичный набор черт, а четко структурированная единица, имеющая определенный образ, векторную направленность и энергоинформационную составляющую [29].

Выводы

Представленный в идеограмме «Сердце Будды» принцип полярности как закон Вселенной, а также принцип дихотомии Ф. де Соссюра в лингвистике дают возможность развивать осознанность и гармонизировать отношения с окружающим миром. Письменный знак «Сердце Будды» закладывает жизнеутверждающие принципы и миропонимание уже на уровне шести обычных базовых черт: горизонталей и вертикалей. Понимание дихотомии в композиции черт иероглифа приводит специалиста-востоковеда к пониманию энергоинформационной структуры иероглифа. Глубокое знание иероглифики и каллиграфии с опорой на философию зарождает основы для воспитания всесторонне развитого и подготовленного специалиста в сфере профессиональной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура. СПб. : Наука, 2003. 522 с.
2. Белозерова В. Г. Искусство китайской каллиграфии. М. : РГГУ, 2007. 481 с.
3. Стрельников И. А., Блинов Л. В. Восемь базовых черт идеографического письма на примере иероглифа «Вечность» как голограммы Вселенной // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4(53). С. 376—382.
4. Nifty. URL: <http://henachokokenshi.cocolog-nifty.com/blog/2010/05/post-1a7d.html>.
5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. Т. 23. Сафлор — Соан. М., 1976. 702 с.
6. Japanese Dictionary & Translation. URL: <https://tangorin.com/kanji/卍>.
7. Welz R., Steiner-Welz S. Musterbuch der Ornamente. Vermittlerververlag, Mannheim, 2006. С. 106.
8. Horst Heidtmann: Art. Hakenkreuz. Weltbild, 1995. С. 234.
9. Способ познания восточной идеографии через энергоинформационную матрицу традиционных иероглифов / И. А. Стрельников, Л. В. Блинов, Н. В. Стрельникова, П. А. Калинин // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 4(53). С. 387—393.
10. Manjitsunagi. URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/m/manjitsunagi.htm>.
11. Jisho. URL: <https://jisho.org/search/卍%20%23kanji>.
12. Большой оксфордский толковый словарь английского языка : 45 000 слов и выражений / Под ред. А. Делаханты и Ф. Макдональда. М. : АСТ, 2005. 808 с.
13. Уилсон Т. История свастики с древнейших времён до наших дней / Пер. с англ. А. Ю. Москвина. Н. Новгород : Книги, 2008. 528 с.
14. Фельдман-Конрад Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М. : Живой язык, 2018. 680 с.
15. Huang J.-T., Wang M.-Y. From unit to gestalt: Perceptual dynamics in recognizing Chinese characters. North-Holland, 1992. Pp. 3—35.
16. Рюнин Ю. В. Прописи по китайскому иероглифическому письму. 1 этап обучения : учеб. пособие. М. : ВКН, 2018. 160 с.
17. Франк-Каменецкий И. Г. Макрокосм и микрокосм в иудейской и индийской космогонии. Ленинград : Изда-во АН СССР, 1939. С. 457—476.
18. Ring T. Asia and Oceania: International Dictionary of Historic Places. Fitzroy Dearborn, 1997. 955 с.
19. Noever P. Elke Krystufek Liquid Logic: The Height of Knowledge and the Speed of Thought. Distributed Art Pub Incorporated, 2006. 198 p.

20. Turnball S., McBride A. *Samurai Heraldry*. Osprey, 2002. P. 62.
21. Japanese Dolls. URL: <http://japanesedolls.ru/index/0-338>.
22. Багдасаров Р. В. Свастика: священный символ. М. : Белые Альвы, 2002. 432 с.
23. Сажин М. В. Современная космология в популярном изложении. М. : Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
24. Рошаль В. М. Символы и знаки. Арканы Таро, коды тайных обществ и знания древних артефактов. АСТ, 2016. 704 с.
25. Белоzerova В. Г. Юн цзы ба фа 永字八法 «восемь правил иероглифа юн». URL: <http://www.synologia.ru>.
26. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Сер. : Лингвистическое наследие XX века. М. : Либроком, 2012. 256 с.
27. Мартине А. Основы общей лингвистики. Сер. : Лингвистическое наследие XX века. М. : Либроком, 2009. 226 с.
28. Писарь Н. В. К вопросу об определении понятия «дихотомия» в лингвистике // Вестник Балт. федер. ун-та им. И. Канта. 2016. № 3. С. 12—18.
29. Стрельников И. А., Блинов Л. В., Стрельникова Н. В. Методическое сопровождение в изучении графических элементов идеограмм педагогами и специалистами востоковедами. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. С. 305—309.

REFERENCES

1. Suzuki D. T. *Zen and Japanese culture*. Saint Petersburg, Nauka, 2003. 522 p. (In Russ.)
2. Belozerova V. G. *The art of Chinese calligraphy*. Moscow, RGGU publ., 2007. 481 p. (In Russ.)
3. Strelnikov I. A., Blinov L. V. Eight basic strokes of the ideographic writing on the example of the hieroglyph “Eternity” as hologram of the Universe. *Business. Education. Law*, 2020, vol. 4, pp. 376—382. (In Russ.)
4. *Nifty*. URL: <http://henachokokenshi.cocolog-nifty.com/blog/2010/05/post-1a7d.html>.
5. *The Great Soviet Encyclopedia*. In 30 vols. Vol. 23. Moscow, 1976. 702 p. (In Russ.)
6. *Japanese Dictionary & Translation*. URL: <https://tangorin.com/kanji/𠄎>.
7. Welz R., Steiner-Welz S. *Pattern book of ornaments*. Vermittlerverlag, Mannheim, 2006. P. 106. (In German)
8. Horst Heidtmann: Art. *Swastika*. *Weltbild*, 1995. P. 234. (In German)
9. Strelnikov I. A., Blinov L. V., Strelnikova N. V., Kalinkina P. A. Way of perception of the eastern ideography through the energy-information matrix of traditional characters (hieroglyphs). *Business. Education. Law*, 2020, vol. 4, pp. 387—393. (In Russ.)
10. *Manjitsunagi*. URL: <http://www.aisf.or.jp/~jaanus/deta/m/manjitsunagi.htm>.
11. *Jisho*. URL: <https://jisho.org/search/𠄎𠄎%20%23kanji>.
12. *The Great Oxford Explanatory Dictionary of the English Language: 45 000 Words and Expressions*. Ed. by A. Delahanti and F. Macdonald. Moscow, AST, 2005. 808 p.
13. Wilson T. *History of swastika from ancient times to the present day*. Translated from English by A. Yu. Moskvina. N. Novgorod, Knigi. 2008. 528 p. (In Russ.)
14. Feldman-Konrad N. I. *Japanese-Russian educational dictionary of hieroglyphs*. Moscow, Zhivoy yazyk, 2018. 680 p. (In Russ.)
15. Huang J.-T., Wang M.-Y. *From unit to gestalt: Perceptual dynamics in recognizing Chinese characters*. North-Holland, 1992. Pp. 3—35.
16. Ryunin Yu. V. *Recipe for Chinese hieroglyphic writing. 1st stage of training. Textbook*. Moscow, VKN, 2018. 160 p. (In Russ.)
17. Frank-Kamenetskiy I. G. *Macrocosm and microcosm in Jewish and Indian cosmogony*. Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1939. Pp. 457—476. (In Russ.)
18. Ring T. *Asia and Oceania: International Dictionary of Historic Places*. Fitzroy Dearborn, 1997. 955 p.
19. Noever P. *Elke Krystufek Liquid Logic: The Height of Knowledge and the Speed of Thought*. Distributed Art Pub Incorporated, 2006. 198 p.
20. Turnball S., McBride A. *Samurai Heraldry*. Osprey, 2002. P. 62.
21. *Japanese Dolls*. URL: <http://japanesedolls.ru/index/0-338>.
22. Bagdasarov R. V. *Swastika: sacred symbol*. Moscow, Belye Alvy, 2002. 432 p. Moscow
23. Sazhin M. V. *Modern cosmology in a popular presentation*. Moscow: Editorial URSS, 2002. 240 p. Moscow
24. Roshal V. M. *Symbols and signs. Arcana Tarot, codes of secret societies and knowledge of ancient artifacts*. Moscow, AST, 2016. 704 p. (In Russ.)
25. Belozerova V. G. *Yun tzu ba fa 永字八法 “the eight rules of the yun hieroglyph”*. (In Russ.) URL: <http://www.synologia.ru>.
26. Saussure F. *General Linguistics Course. Series: Linguistic Heritage of the 20th Century*. Moscow, Librokom, 2012. 256 p. (In Russ.)
27. Martinet A. *Elements of general linguistics. Series: Linguistic Heritage of the 20th Century*. Moscow, Librokom, 2009. 226 p. (In Russ.)
28. Pisar N. V. On the question of the definition of the concept of dichotomy in linguistics. *IKBFU's Vestnik*, 2016, no. 3, pp. 12—18. (In Russ.)
29. Strelnikov I. A., Blinov L. V., Strelnikova N. V. *Methodological support in the study of graphic elements of ideograms by teachers and specialists in oriental studies*. Khabarovsk, Pacific State University publ., 2019. Pp. 305—309. (In Russ.)

Как цитировать статью: Стрельников И. А., Стрельникова Н. В., Ратникова В. И. Энергетическая дихотомия в знаках идеографической письменности Востока // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 417—421. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.365.

For citation: Strelnikov I. A., Strelnikova N. V., Ratnikova V. I. Energy dichotomy in the signs of the ideographic writings of the East. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 417—421. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.365.

Maryukov Aleksey Mikhaylovich,
Expert of the Department of Methodology
of Electronic Educational Resources
and Advanced Didactics,
Institute of Content, Methods and Technologies of Education,
Moscow City University,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: almmar@mail.ru

Марюков Алексей Михайлович,
эксперт отдела методологии
электронных образовательных ресурсов
и перспективной дидактики,
Институт содержания, методов и технологий образования,
Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: almmar@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГОТОВНОСТИ К ОСВОЕНИЮ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ШАХМАТНОЙ ИГРЕ

FORMING READINESS FOR ACQUISITION OF UNIVERSAL LEARNING ACTIVITIES IN CHILDREN OF OLDER PRE-SCHOOL AGE IN THE COURSE OF THE GAME OF CHESS

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Theory and methodology of teaching and upbringing

Статья посвящена проблеме формирования готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре. Овладение учащимися универсальными учебными действиями — актуальная задача начального и основного общего образования. К концу дошкольного возраста у ребенка должна быть сформирована коммуникативная, личностная, познавательная и регулятивная готовность к овладению универсальными учебными действиями.

Шахматная игра обладает высоким потенциалом для формирования готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста. В дошкольном детстве ведущей деятельностью является игра, в школе — обучение. Шахматная игра обладает признаками как игровой, так и учебной деятельности, а потому может быть использована в качестве «мостика», обеспечивающего переход от игры к учению и формирующей готовность к овладению универсальными учебными действиями.

Автором статьи была разработана методика, направленная на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре. Реализация методики включает в себя три основных этапа: мотивирующий, игровой и этап произвольного поведения.

С целью выявления эффективности разработанной методики по формированию готовности к освоению универсальных учебных действий в шахматной игре была организована и проведена диагностическая работа. Результаты диагностики показали, что овладение шахматной игрой по разработанной автором методике способствует развитию коммуникативной, личностной и регулятивной готовности к освоению универсальных учебных действий. Кроме того, предлагаемая методика обеспечивает развитие познавательной активности ребят на шахматных занятиях. В то же время переноса данной познавательной активности на другие занятия развивающего цикла не происходит.

The article is devoted to the issue of forming readiness for acquisition of universal learning activities in children of older pre-school age in the course of the game of chess. Acquisition

of universal learning activities is a key objective of education in the primary and secondary school. By the end of the pre-school period it is necessary to form communicative, personal, cognitive and regulatory readiness to master universal learning activities.

The game of chess has a high potential for forming readiness for acquisition of universal learning activities in children of older pre-school age. In the pre-school period the dominant activity is playing, while in the school age it is studying. The game of chess has features of both a game and a study activity, which makes it possible to use it as a “bridge” for transition from playing to studying and for forming readiness for acquisition of universal study activities.

The author of the article has worked out a system of methods aimed at forming readiness for acquisition of universal study activities in children of older pre-school age in the course of a chess game. Implementation of these methods includes three stages: the motivational stage, the game stage, and the stage of arbitrary behavior.

In order to prove the efficiency of the system of methods aimed at forming readiness for acquisition of universal study activities in children of older pre-school age in the course of a chess game a diagnostic procedure has been organized and carried out. The results of this procedure show that mastering the ability to play a game of chess through the system of methods elaborated by the author of the article boosts development of communicative, regulative and personal readiness for acquisition of universal learning activities. Besides, this system of methods supports the children’s cognitive activity during chess classes. At the same time, there is no transition of this cognitive activity to other classes of the developmental field.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, развитие, готовность к освоению универсальных учебных действий, дошкольники, подготовка к школе, ведущая деятельность, игра, шахматы, интерес к шахматам, обучение шахматной игре, методика обучения игре в шахматы, познавательная активность.

Keywords: universal learning activities, development, readiness to master universal learning activities, preschoolers,

preparing for school, leading activity, game, chess, interest in chess, teaching to play chess, methods of teaching the game of chess, cognitive activity.

Введение

Федеральный государственный образовательный стандарт для начальной школы предполагает формирование у учащихся универсальных учебных действий [1]. При этом в Федеральном государственном стандарте дошкольного образования указано, что дошкольное образование должно быть направлено на «обеспечение преемственности целей, задач и содержания образования, реализуемых в рамках образовательных программ различных уровней» [2]. Таким образом, в рамках преемственности дошкольного и начального школьного образования к концу дошкольного возраста ребенок должен быть готовым к формированию универсальных учебных действий.

В дошкольном детстве ведущей деятельностью является игра, в школе ведущей деятельностью становится учеба [3, 4]. Шахматная игра обладает признаками как игровой, так и учебной деятельности, а потому ее разумно использовать в качестве «мостика», обеспечивающего переход от игры к учению, и формировать на ее основе готовность к овладению универсальными учебными действиями. Занятие шахматами вносит существенный вклад в развитие мышления [5], формирования внутреннего плана действий и умения действовать «в уме» [6], развивает механическую и смысловую память [7], способствует развитию произвольности и умения действовать по правилам как на уровне поведения, так и мышления [8]. В связи с этим актуальной проблемой является разработка методики формирования готовности к освоению универсальных учебных действий с использованием шахматной игры.

Целесообразность исследования определяется необходимостью разработки научно обоснованной методики, направленной на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре.

Научная новизна исследования заключается в том, что показана необходимость и возможность организации занятий по овладению шахматной игрой для формирования готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста.

Цель исследования — теоретическое обоснование, разработка и апробация методики, направленной на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести анализ психолого-педагогической литературы с целью четкого определения понятий «универсальные учебные действия» и «готовность к освоению универсальных учебных действий».

2. На основе анализа литературы показать, как с учетом возрастных закономерностей развития детей старшего дошкольного возраста должны быть построены занятия, направленные на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий.

3. Теоретически обосновать, что шахматная игра обладает высоким потенциалом для формирования готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста.

4. Разработать методику формирования готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре, экспериментально проверить ее эффективность.

Теоретическая значимость исследования заключается в доказательстве того, что шахматная игра обладает высоким образовательным потенциалом для формирования готовности к освоению универсальных учебных действий. **Практическая значимость** исследования заключается в разработке и внедрении в образовательный процесс методики, направленной на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий в шахматной игре.

Изученность проблемы. Формирование универсальных учебных действий — одна из базовых задач начального и основного общего образования [1, 9, 10]. Проблеме готовности к освоению универсальных учебных действий в дошкольном возрасте уделяется намного меньше внимания. В учебном пособии под редакцией Р. Р. Магомедова рассматривается вопрос о том, что понимать под готовностью к формированию универсальных учебных действий и какой инструментарий можно использовать для диагностики данной способности при работе с детьми старшего дошкольного возраста [11]. В диссертационном исследовании Н. В. Бабиновой рассматривается, как можно формировать готовность к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в проектной деятельности [12]. В диссертационном исследовании И. А. Гусевой изучается, как формировать готовность к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста при изучении иностранного языка в системе дополнительного образования [13]. Исследования, описывающие, как овладение шахматной игрой может способствовать формированию готовности к освоению универсальных учебных действий, нам не известны.

Основная часть

Методология. Теоретико-методологическую основу исследования составили культурно-исторический подход Л. С. Выготского, деятельностный подход А. Н. Леонтьева, теория психического развития ребенка на основе смены ведущей деятельности Д. Б. Эльконина, теория формирования универсальных учебных действий (А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская, О. А. Карабанова и др.), концепция развития мотивационной сферы В. К. Виллонаса, базовые теоретические представления об игровой деятельности как ведущей в старшем дошкольном возрасте (Т. П. Авдулова, Г. Г. Кравцов, Е. Е. Кравцова, Д. Б. Эльконин и др.), теория развития познавательного интереса Г. И. Щукиной, теория и практика ознакомления с правилами шахмат через игровую деятельность в дошкольном возрасте (В. Г. Гришин, А. Костенюк, А. Н. Костьев, И. Г. Сухин и др.).

Результаты. Готовность к освоению универсальных учебных действий определяется появлением системы психических и поведенческих новообразований в старшем дошкольном возрасте, на основе которых происходит формирование универсальных учебных действий в процессе дальнейшего школьного обучения. Можно выделить личностную, регулятивную, познавательную, коммуникативную готовность к освоению универсальных учебных действий.

Мы выделили центральные, ключевые признаки, которые свидетельствуют о формировании соответствующей готовности:

– о регулятивной готовности к формированию универсальных учебных действий можно говорить в том случае, если ребенок демонстрирует высокий уровень произвольности. Мы полностью солидаризируемся с точкой зрения Н. Я. Семаго и М. М. Семаго [14, 15], которые указывают, что произвольная регуляция играет первостепенную роль для успешного обучения ребенка в школе. Опираясь на анализ литературы и наш практический опыт, полагаем, что важнейшими показателями произвольности поведения, отражающими готовность к формированию универсальных учебных действий, являются: а) уровень развития устойчивости и переключения внимания; б) умение слушать, понимать взрослого и точно выполнять его инструкцию в соответствии с правилом; в) способность ребенка выполнять задание самостоятельно, следуя фронтальной инструкции, которую взрослый дает сразу группе детей;

– о познавательной готовности к формированию универсальных учебных действий можно говорить в том случае, если ребенок проявляет познавательную активность на групповых занятиях развивающего цикла;

– о коммуникативной готовности к формированию универсальных учебных действий можно говорить в том случае, если ребенок способен выразить свою мысль по поводу предмета совместной деятельности в ясной форме, так, чтобы ее понял партнер по общению, а также способен аргументировано отстаивать свою точку зрения (признавать правоту партнера, если тот оказывается прав), пускай и используя для этого простейшие речевые конструкции;

– о личностной готовности к формированию универсальных учебных действий можно говорить в том случае, если ребенок способен с уважением относиться к взрослому/сверстнику, что проявляется в следовании простейшим правилам поведения, которые принято соблюдать во время обучения.

Нами была разработана методика, направленная на формирование готовности к освоению универсальных учебных действий в шахматной игре. Методика включает в себя семьдесят два занятия по тридцать минут (два занятия в неделю) с ребятами старшего дошкольного возраста и состоит из трех основных этапов: мотивирующего, игрового,

этапа произвольного поведения. С целью выявления эффективности разработанной методики по формированию готовности к освоению универсальных учебных действий в шахматной игре была организована и проведена диагностическая работа. Работа проводилась в 2013—2018 гг. в группах дошкольного образования на базе частной общеобразовательной школы «Новая гуманитарная школа» (г. Москва). В исследовании приняло участие 128 детей старшего дошкольного возраста. Результаты диагностики показали, что овладение шахматной игрой по разработанной автором методике способствует развитию коммуникативной, личностной и регулятивной готовности к освоению универсальных учебных действий. Кроме того, предлагаемая методика обеспечивает развитие познавательной активности ребят на шахматных занятиях. В то же время переноса данной познавательной активности на другие занятия развивающего цикла не происходит.

Выводы

1. Шахматная игра обладает признаками как игровой, так и учебной деятельности, в связи с чем ее разумно использовать в качестве «мостика», обеспечивающего плавный переход от игры к учению, а также для формирования готовности к освоению универсальных учебных действий.

2. Разработанная нами методика овладения шахматной игрой формирует у ребят интерес к шахматам, развивает желание заниматься шахматами.

3. Методика формирования готовности к освоению универсальных учебных действий детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре включает в себя три основных этапа: мотивирующий, игровой и этап произвольного поведения.

4. Проведенное нами исследование позволяет утверждать, что шахматная игра в старшем дошкольном возрасте развивает регулятивную, личностную и коммуникативную готовность к освоению универсальных учебных действий.

5. Предлагаемая методика обеспечивает развитие познавательной активности ребят на шахматных занятиях. В то же время переноса данной познавательной активности на другие занятия развивающего цикла не происходит.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования. URL: https://kpfu.ru/docs/F2009061155/FGOS.NO0_23_10_09_Minjust_3_1_1.pdf.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. URL: <https://base.garant.ru/70512244/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33>.
3. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М. : Изд-во Академ. пед. наук РСФСР, 1959.
4. Эльконин Д. Б. Детская психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М. : Академия, 2007. 384 с.
5. Габбазова А. Я. Учимся играть в шахматы — развиваем интеллект : учеб. пособие. Ульяновск : УлГТУ, 2007. 142 с.
6. Сухин И. Г. Дидактическое обеспечение развития способности действовать «в уме» у дошкольников в контексте обучения игре в шахматы : дис. ... канд. пед. наук. М., 2008.
7. Крогиус Н. В. Шахматы: игра и жизнь. Ростов н/Д. : Феникс, 2011. 357 с.
8. Вайзман Н. П. Шахматы: от самообладания к победе. Шахматы глазами врача и психолога. М. : Русский шахматный дом, 2019. 144 с.
9. Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли : пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская и др. ; под ред. А. Г. Асмолова. М. : Просвещение, 2008. 151 с.
10. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий : пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская и др. ; под ред. А. Г. Асмолова. М. : Просвещение, 2010. 159 с.
11. Формирование универсальных учебных действий в предшкольном образовании : учеб. пособие / Под общ. ред. Р. Р. Магомедова. Ставрополь : Изд-во СГПИ, 2012. 128 с.

12. Бабинова Н. В. Формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в проектной деятельности : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2018.
13. Гусева И. А. Формирование предпосылок универсальных учебных действий у старших дошкольников при изучении иностранного языка в системе дополнительного образования : дис. ... канд. пед. наук. М., 2015.
14. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога. М. : АРКТИ, 2000.
15. Семаго М. М., Семаго Н. Я. Психолого-педагогическая оценка готовности к началу школьного обучения // Школьный психолог. 2003. № 9.

REFERENCES

1. *Federal State Educational Standard for Primary Basic Education*. (In Russ.) URL: https://kpfu.ru/docs/F2009061155/FGOS.NOO_23_10_09_Minjust_3_1_.pdf.
2. *Federal State Educational Standard for Preschool Education*. (In Russ.) URL: <https://base.garant.ru/70512244/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33>.
3. Leontiev A. N. *Problems of the Development of the Mind*. Moscow, Publ. House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1959. (In Russ.)
4. Elkonin D. B. *Child psychology. Textbook for students of higher educational institutions*. Moscow, Akademiya, 2007. (In Russ.)
5. Gabbazova A. *We learn to play chess — we develop intelligence. Textbook*. Ulyanovsk, UIGTU publ., 2007. (In Russ.)
6. Sukhin I. G. *Didactic support for the development of the ability to act “in the mind” in preschool children in the context of teaching the game of chess. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 2008. (In Russ.)
7. Krogus N. V. *Chess: game and life*. Rostov-on-Don, Feniks, 2011. (In Russ.)
8. Wiseman N. P. *Chess: from self-control to victory. Chess through the eyes of a doctor and a psychologist*. Moscow, Russkiy shakmatnyy dom, 2019. (In Russ.)
9. Asmolov A. G., Burmenskaya G. V., Volodarskaya I. A., et al. *How to design universal learning activities in elementary school: from action to thought. Teacher's guide*. Ed. by A. G. Asmolov. Moscow, Prosveshcheniye, 2008. (In Russ.)
10. Asmolov A. G., Burmenskaya G. V., Volodarskaya I. A., et al. *Formation of universal learning activities in primary school: from action to thought. Task System. Teacher's guide*. Ed. by A. G. Asmolov. Moscow, Prosveshcheniye, 2010. (In Russ.)
11. *Formation of universal learning activities in pre-school education. Textbook*. Under the general editorship of R. R. Magomedov. Stavropol, SGPI publ., 2012. (In Russ.)
12. Babinova N. V. *Formation of readiness for the development of universal learning activities in older preschool children in project activities. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Ekaterinburg, 2018. (In Russ.)
13. Guseva I. A. *Formation of prerequisites for universal learning activities in senior preschoolers when learning a foreign language in the system of additional education. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 2015. (In Russ.)
14. Semago N. Ya., Semago M. M. *Problem children: fundamentals of diagnostic and correctional work of a psychologist*. Moscow, ARKTI, 2000. (In Russ.)
15. Semago M. M., Semago N. Ya. Psychological and pedagogical assessment of readiness for the beginning of school education. *School psychologist*, 2003, no. 9. (In Russ.)

Как цитировать статью: Марюков А. М. Формирование готовности к освоению универсальных учебных действий у детей старшего дошкольного возраста в шахматной игре // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 422—425. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.322.

For citation: Maryukov A. M. Forming readiness for acquisition of universal learning activities in children of older pre-school age in the course of the game of chess. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 422—425. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.322.

Belyaeva Olga Alekseevna,
Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor of the Department of Pedagogics
and Psychology of Primary Education,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Russian Federation, Yaroslavl,
e-mail: olga-alekseevna@mail.ru

Беляева Ольга Алексеевна,
канд. психол. наук,
доцент кафедры педагогики
и психологии начального обучения,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
Российская Федерация, г. Ярославль,
e-mail: olga-alekseevna@mail.ru

МЕТАПРЕДМЕТНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГОВ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

META-SUBJECT COMPETENCIES OF TEACHERS: EMPIRICAL RESEARCH EXPERIENCE

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Идеи представленного исследования базируются на компетентностном подходе как ключевом векторе функционирования современной системы непрерывного профессионального образования. Требования федерального государственного образовательного стандарта в области формирования метапредметных и личностных образовательных результатов обучающихся и положения профессионального стандарта педагога определяют совокупность запросов к современному учителю, связанных с его готовностью и способностью работать в надпредметном аспекте, решать задачи, выходящие за рамки отдельных учебных дисциплин. Практика работы с педагогическими коллективами отчетливо обозначает большое количество затруднений, испытываемых педагогами при решении профессиональных задач такого плана.

В публикации отражен опыт работы автора с педагогами при организации инновационной деятельности образовательных учреждений и проектировании программ повышения квалификации педагогических кадров. Материалы статьи отражают результаты самостоятельного эмпирического исследования совокупности профессиональных педагогических компетенций метапредметного характера, являющихся ключевыми в современной практике непрерывного профессионального образования. На основании оценки педагогами собственной теоретической подготовки и сформированности ряда профессиональных умений и навыков, соответствующих требованиям образовательных и профессиональных стандартов, представлен анализ содержания и уровня сформированности методической, технологической, исследовательской, информационно-коммуникационной, мотивационной, коммуникативной, коррекционно-развивающей компетенций. Базовые компоненты компетенций проанализированы в соответствии индикаторами, характеризующими их ключевое содержание, выделены диагностируемые ресурсные и дефицитные области в каждой из перечисленных компетенций. Сделаны выводы о возможных направлениях совершенствования практики повышения профессиональной квалификации педагогов.

Статья вносит вклад в понимание современных особенностей развития метапредметных профессиональных компетенций педагогических работников и возможных линий их трансформации с учетом актуальной ситуации.

The ideas of the presented research are based on the competence approach as a key factor in the functioning of the modern system of continuing professional education. The requirements of the federal state educational standard in the field of the formation of meta-subject and personal educational results of students and the provisions of the professional standard of a teacher determine a set of requests to a modern teacher related to his willingness and ability to work in the supra-subject aspect, to solve problems that go beyond individual academic disciplines. The practice of working with teaching teams clearly indicates a large number of difficulties experienced by teachers when solving professional tasks of such a plan.

The publication reflects the author's experience of working with teachers in the organization of innovative activities of educational institutions and the design of professional development programs for teachers. The materials of the article reflect the results of an independent empirical study of the set of professional pedagogical competencies of a meta-subject nature, which are key in the modern practice of continuing professional education. Based on the teachers' self-assessment of their own theoretical training and the formation of a number of professional skills that meet the requirements of educational and professional standards, an analysis of the content and level of formation of methodological, technological, research, information and communication, as well as of motivational, communicative, correctional and developmental competencies is presented. The basic components of these competencies are analyzed in accordance with the indicators characterizing their key content; the diagnosed resource and deficit areas in each of the listed competencies are identified. Conclusions are drawn about possible directions for improving the practice of developing the professional qualifications of teachers.

The article contributes to the understanding of the modern features of the development of meta-subject professional competencies of teachers and possible lines of their transformation, taking into account the current situation.

Ключевые слова: непрерывное профессиональное образование, педагоги, профессиональные компетенции, метапредметные педагогические компетенции, методическая компетенция, технологическая компетенция, исследовательская компетенция, информационно-коммуникационная

компетенция, мотивационная компетенция, коммуникативная компетенция, коррекционно-развивающая компетенция, компоненты профессиональных компетенций, ресурсы и дефициты профессиональной деятельности.

Keywords: continuing professional education, teachers, professional competencies, metasubject pedagogical competencies, methodological competence, technological competence, research competence, information and communication competence, motivational competence, communicative competence, correctional and developmental competence, components of professional competencies, resources and deficits of professional activity.

Введение

Современные тенденции развития системы образования предъявляют повышенные требования к уровню квалификации педагогов и ориентируют их на постоянное приращение собственных профессиональных компетенций [1—4]. Компетентностный подход в проектировании направлений подготовки к выполнению профессиональной деятельности и оценке ее результативности типичен для современной системы непрерывного профессионального образования. В получающих свое развитие междисциплинарных моделях классификации ключевые компетенции работников связываются со способностями субъекта профессиональной деятельности использовать достаточный набор инструментов для организации работы с объектами физического, информационного и социокультурного плана, взаимодействия с другими субъектами в различных ситуациях, с готовностью действовать самостоятельно, управлять собственной жизнедеятельностью и принимать ответственность за свои выборы и совершаемые действия [5]. Соответственно, абсолютное большинство программ профессиональной подготовки и повышения квалификации в настоящее время построены именно с ориентацией на развитие имеющегося потенциала работников и приращение дефицитарных составляющих их компетенций [6—9].

Актуальность. Относительно специфики сферы профессиональной педагогической деятельности в обобщенном виде приоритеты компетентностного подхода закреплены в одном из ключевых национальных проектов — «Образование» [10], среди направлений которого указывается профессиональное развитие педагогических работников и управленческих кадров, а именно реализация программ непрерывного повышения квалификации, оказание методической поддержки и сопровождения, развитие навыков работы в современной образовательной среде. Два проекта в данном отношении ориентированы непосредственно на решение обозначенных задач: программа «Учитель будущего» нацелена на внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников, охватывающей не менее 50 % учителей общеобразовательных организаций, а проект «Новые возможности для каждого» — на формирование системы, в рамках которой работники смогут непрерывно обновлять свои профессиональные знания и приобретать новые профессиональные навыки; особое внимание в каждом уделено поддержке молодых специалистов сферы образования.

Решение поставленных вопросов и достижение запланированных объемов подготовки кадров становится

невозможным без подключения к их реализации всех субъектов образовательной деятельности, включенных в систему непрерывного педагогического образования; и самым первым звеном в данной работе должна стать организация системы внутрикорпоративного обучения непосредственно на рабочем месте педагога, в пространстве, где перед ним возникает основная часть профессиональных проблем, требующих постоянного внимания и неотложного решения.

Изученность проблемы готовности педагогов к реализации метапредметного подхода в настоящее время остается явно недостаточной: в научной литературе имеются четко сформулированные теоретические представления о содержании совокупности компетенций надпредметного характера, но не представлено опыта их комплексного эмпирического исследования, представлены сведения лишь об отдельных элементах данной деятельности.

Осознавая значимость обозначенных идей и ориентируясь на актуальный запрос образовательной практики, нами в рамках работы муниципального ресурсного центра «Система сопровождения непрерывного профессионального роста педагогов в области формирования метапредметных образовательных результатов» [11], направленного на создание системы работы по формированию метапредметного образовательного пространства школы в рамках неформального образования педагогов, было проведено исследование с целью изучения уровня сформированности метапредметных профессиональных компетенций работников учреждений общего образования [12]. Выдвинутая цель определила круг основных задач: 1) создание условий для формирования позитивного отношения учителей к реализации метапредметного подхода; 2) поиск возможных способов организации диагностики метапредметных педагогических компетенций; 3) апробация методики диагностики уровня сформированности метапредметных педагогических компетенций на основании самооценки педагогов; 4) обобщение и количественный анализ полученных данных; 5) качественный анализ отдельных компонентов компетенций.

Научная новизна предлагаемых материалов состоит в том, что на основании выявленных особенностей метапредметных компетенций педагогов представлен комплексный взгляд на обозначенную проблему в ориентире на актуальный запрос профессиональной практики; произведено уточнение и расширение данных о ресурсных и дефицитарных областях ряда компетенций, определены ориентиры их дальнейшего содержательно-процессуального развития.

Теоретическая значимость представленных материалов состоит в расширении представлений о профессионально важных метапредметных компетенциях, важных для педагогов в современных условиях. **Прикладная ценность** определяется возможностью использовать результаты при разработке программ повышения квалификации педагогических работников в аспекте проектирования междисциплинарной интегрированной образовательной среды непрерывного педагогического образования и его методического обеспечения, направленного на создание условий для формирования транспрофессиональных компетенций и метапрофессиональных качеств практикующих специалистов в контексте реализации их индивидуальных образовательных траекторий и прогнозирования профессионального будущего.

Основная часть

Методология. Понятие «профессиональная компетентность» широко представлено в психолого-педагогической литературе и в обобщенном смысле трактуется как профессионализм личности, совокупность теоретического и практического опыта в той или иной сфере [1, 13]. Как правило, его характеристики раскрываются через содержание совокупности компетенций, описываемых через набор взаимосвязанных качеств личности, знаний, умений, навыков, способов деятельности, которые могут быть заданы по отношению к определенному кругу предметов и процессов [14, 15].

Анализ современных подходов в психолого-педагогических исследованиях и опыт собственной практической деятельности с педагогами на разных уровнях общего и профессионального образования приводит нас к убежденности в особой значимости в настоящее время вопросов оценки метапредметных педагогических компетенций и построении на этой основе работы с педагогическими работниками [16, 17]. В перечне данного набора компетенций, выходящих за рамки отдельных предметных областей, мы находим ссылки на такие, как технологическая, методическая, информационно-коммуникационная, исследовательская, коммуникативная, управленческая, коррекционно-развивающая, мотивирующая, управленческая, компетенция самообразования, креативная и ряд других позиций. Говоря о метапредметных компетенциях, мы подразумеваем их широкий спектр использования, универсальность, надпредметный характер, которые определяют их ведущую роль в эффективном решении профессиональных задач в условиях непрерывности, вариативности, преемственности всех уровней образования. В данном отношении мы ведем речь о совокупности способностей и сформированной готовности решать универсальные профессиональные задачи на основе сформированных полипредметных и полифункциональных умений и навыков, применимых в разных сферах и областях, о качествах личности, позволяющих профессионалу быть адаптивным, мобильным, высокоэффективным в динамично меняющихся ситуациях [13]. Обратим особое внимание на то, что подобные понятия находят свое отражение в еще только развивающихся идеях транспрофессионализма [18–21]: «Специалисты, ориентированные на развитие базовых метакомпетенций, создают пока немногочисленную формацию „транспрофессионалов“. Их квалификация базируется на развитии метапрофессиональных компетенций, позволяющих находить комплексные и уникальные решения на основе трансдисциплинарного синтеза знаний и межпрофессиональной коммуникации» [18, с. 24].

Современная образовательная практика связана с возрастающим запросом на реализацию идей профилизации, создания условий для формирования метапредметных и личностных образовательных результатов школьников, требует высокого уровня готовности учителей к решению большого количества и разнообразия педагогических задач в динамично меняющихся условиях, нестандартных ситуациях, а также достаточной адаптивности, способностей к критическому мышлению и творческому подходу, применения на практике достижений современной науки и передового педагогического опыта, приращения имеющихся и формирования новых профессиональных компетенций [2].

Наше исследование было проведено на основе Программы мониторинга сформированности метапредметных компетенций учителя, представленной Е. А. Никодимовой, Е. М. Ганичевой, И. А. Армеевой [22], содержание которой было скорректировано в ориентире на актуальную ситуацию в образовательной практике: заложенные изначально авторами шкалы оценки методической, технологической, исследовательской, информационно-коммуникационной (ИКТ), коррекционно-развивающей компетенций были дополнены блоком оценки мотивационной и коммуникативной составляющей. В процессе работы были использованы теоретические методы (анализ психологической, педагогической и специальной литературы, касающейся проблемы исследования), методы эмпирического исследования, количественного и качественного анализа полученных результатов.

В исследовании приняли участие в общей сложности около 280 педагогов школ г. Ярославля и Ярославской области, являющихся представителями различных общеобразовательных школ. Анализ результатов диагностики позволил оценить существующий уровень сформированности обозначенных метапредметных компетенций в целом и их отдельных составляющих (индикаторов). Комплексная психолого-педагогическая характеристика полученных данных позволила, с одной стороны, выявить аспекты деятельности, в которых учителя чувствуют достаточную собственную подготовленность и уверенность, а с другой — определить дефициты в профессиональных компетенциях для организации последующей целенаправленной подготовки специалистов с учетом их актуальных и долговременных профессиональных запросов. Все материалы промежуточных этапов нашей работы и ее отдельных блоков были представлены в рамках методических семинаров и педагогических советов школ, участников проекта, а также круглых столов и научно-практических конференций всероссийского и международного уровней, вызвав высокий интерес представителей всех уровней непрерывного профессионального образования [11, 12, 16, 17].

Результаты

По результатам совокупной оценки уровня сформированности метапредметных педагогических компетенций (рис.) мы можем сделать выводы о том, что в настоящее время не можем говорить о высоком уровне готовности педагогов к решению задач метапредметного характера.

Согласно самооценке учителей, ни по одной из указанных компетенций общие результаты не достигают стабильных показателей оптимального уровня, который характеризует ситуацию высокого уровня теоретической подготовки, четкой продуманности содержания и структуры учебного занятия, применения широкого спектра средств индивидуализации и дифференциации обучения для достижения наиболее высокого уровня знаний обучающихся и их образовательных результатов, разнообразие форм проведения уроков. Вероятнее всего, на данный момент, определяя уровень своей готовности как «допустимый», педагоги при ориентации на заданные цели и нормативные требования, при анализе содержания деятельности склонны руководствоваться готовыми разработками при проведении занятий, фрагментарно применяя средства индивидуализации и дифференциации обучения.

Рис. Результаты оценки метапредметных педагогических компетенций

По каждой из выделенных компетенций существует 20...40 % педагогов, оценивающих свою готовность к реализации соответствующего круга задач довольно низко — на критичном и пороговом уровнях (табл.). Для таких уровней сформированности компетенций характерна ситуация, когда при явной несистемности и отрывочности знаний о ключевых проблемах у учителя возникают

сомнения в адекватности применения на практике теоретической базы, правильности установления взаимосвязи наблюдаемых педагогических явлений, а следовательно, затруднения в решении даже стандартных задач профессиональной деятельности, острое ощущение необходимости поддержки со стороны более компетентных коллег и других специалистов.

Уровни сформированности метапредметных педагогических компетенций

Метапредметные педагогические компетенции	Количество педагогов с определенным уровнем сформированности компетенций, %			
	Оптимальный	Допустимый	Пороговый	Критический
Методическая	26	44	20	10
Технологическая	4	56	32	8
Исследовательская	20	28	32	20
Информационно-коммуникационная	8	48	28	16
Мотивационная	17	34	34	15
Коммуникативная	28	43	32	7
Коррекционно-развивающая	8	72	16	4

Качественная характеристика оценки отдельных индикаторов внутри каждой из диагностированных компетенций позволила нам определить ресурсные и дефицитарные области в их проявлении.

Оценка педагогами собственных компетенций в методических вопросах оказывается наиболее высокой: общее понимание ориентиров построения методической системы и закономерностей ее функционирования, места отдельных предметных областей в общей логике создания условий для формирования совокупности образовательных результатов, умение производить отбор необходимого содержания в соответствии с заявленными целями, выделять и оценивать метапредметный потенциал предметного содержания — все эти аспекты, судя по ответам, не вызывают затруднений у учителей. Поддержка может оказаться нужна в ситуациях, требующих корректировки целей и задач деятельности в зависимости от внешних факторов (индивидуальные возможности и особенности развития обучающихся, особенности преподаваемого предмета, нормативные требования

и т. д.), а также в отношении развития педагогических умений контроля и оценки в соответствии с нормативными требованиями, в том числе в контексте идей формирующего оценивания, сочетания методов педагогического оценивания, взаимооценки и самооценки обучающихся.

Технологическая компетенция отражает совокупность теоретических знаний учителя и готовность к внедрению различных педагогических технологий и их элементов в реальный процесс обучения с целью повышения его рациональности, управляемости, результативности и эффективности в соответствии с образовательными потребностями обучающихся [22]. Среди ее компонентов выше всего (около 75 % от максимально возможного проявления) оцениваются педагогами собственные умения осуществлять выбор технологий обучения в соответствии с базовыми принципами и закономерностями обучения и воспитания, с возрастными и индивидуально-личностными возможностями обучающихся, спецификой предмета, а также способность проектировать процесс учебного занятия в строгом соподчинении

каждого элемента (задачи, этапы, способы организации работы учащихся и учителя и т. д.). Самым проблемным выступает аспект подготовленности к анализу потенциальных возможностей и внедрению конкретных технологий для достижения нового образовательного результата (лишь чуть больше половины педагогов говорят об устойчивом продуктивном опыте такой деятельности). Данная ситуация подтверждается опытом реального взаимодействия с педагогами, когда в рамках корпоративного обучения выявляются серьезные затруднения при проектировании и конструировании образовательного пространства с учетом работы на метапредметные и личностные образовательные результаты школьников [17].

Исследовательская компетенция может рассматриваться как инвариантный компонент деятельности, призванный не просто стать залогом применения исследовательского подхода в работе с детьми, но и определить вектор повышения уровня профессионализма педагогов [23, 24]. Отдельные индикаторы исследовательской педагогической компетенции выражены достаточно ровно; компоненты «готовность применять методы научного познания», «знание методологического аппарата исследования, понимание логической связи и взаимообусловленности его компонентов» и «умение применять приемы самоорганизации исследовательской деятельности» получают довольно высокие оценки: 75 % опрошенных педагогов не испытывают серьезных затруднений в их реализации. Самые большие сложности возникают при необходимости провести педагогический эксперимент, обработать результаты и внедрить их в практическую деятельность; кроме того, педагоги признаются в собственной незаинтересованности использования результатов исследовательской деятельности непосредственно в образовательной практике. Также низки оценки по параметру «способность организовать коллег и проявлять себя как член команды для проведения совместной исследовательской работы по внедрению инноваций в образовательный процесс». То есть фактически, при осознании значимости исследовательской работы и понимании логики ее организации, мы можем говорить о существовании этих идей в отрыве от ежедневной учительской практики.

При характеристике ИКТ-компетенции с уверенностью можно утверждать, что общепользовательские умения являются наиболее успешно освоенными и применяемыми на практике (на уровне 83 % в целом по выборке). Они включают в себя базовые умения работы с техническими и программными средствами, применение ИКТ для представления учебного материала с использованием различных видов и форм организации информации (в том числе графическими изображениями, аудио- и видеофайлами), знание информационных образовательных ресурсов по своему предмету. Однако нередки ответы педагогов о существующих трудностях в выборе технических и программных технологий в соответствии с учетом возрастных, индивидуально-личностных возможностей обучающихся, проведением экспертизы образовательных ресурсов: о такого рода затруднениях говорят около 60 % опрошенных. Сложной для педагогов остается и разработка контрольно-оценочных информационных ресурсов для диагностики результативности учебной деятельности обучающихся: более трети опрошенных педагогов затрудняются в выборе и применении различных программных средств компьютерного тестирования, электронных таблиц, программных средств мониторинга.

Согласно самооценке педагогами готовности к работе с мотивационной сферой обучающихся, типичны их затруднения в поиске и отборе способов диагностики значимых мотивов деятельности, стимулировании самостоятельности и познавательной мотивации учащихся. При осознании всей важности продуктивной мотивации в работе со школьниками педагоги заявляют, что зачастую готовы лишь воспользоваться существующими методическими рекомендациями, которые далеко не всегда могут быть применены ими в «готовом» виде. Мотивационная компетентность ориентирована также на использование потенциала совмещения индивидуального подхода и социально-психологической атмосферы занятия для стимулирования познавательной мотивации, самостоятельности личности, обеспечения своевременной адекватной обратной связи [5]. Однако педагоги признают, что эти задачи решаются ими лишь эпизодически, фрагментарно, не включаются в систему педагогической практики как обязательный компонент любого занятия и, соответственно, не приводят к желаемому мотивационному эффекту.

Обеспечить реализацию задач формирования и развития высокого уровня коммуникативной культуры обучающихся в рамках образовательного процесса способен только педагог, сам обладающий высокоразвитыми устойчивыми компетенциями в области построения коммуникации. Максимально высоко учителя оценивают свою готовность проявлять терпимость и толерантность, защищать достоинство и интересы обучающихся и взрослых, вне зависимости от культурных различий, половозрастных или индивидуальных особенностей, помогать детям в конфликтных ситуациях, искать и находить решения, соответствующие общим интересам. Немного ниже педагоги оценивают собственную эффективность при построении командной работы, деятельности творческих групп, готовность соотносить свои мотивы и интересы с коллективными, принимать «обратную связь» от участников взаимодействия. Выявляется недостаточная их готовность системно и планомерно использовать интерактивные формы работы с детьми, родителями, коллегами. Самый большой уровень сопротивления вызывает необходимость брать на себя роль лидера, организатора в групповой деятельности с коллегами и обучающимися, а также презентовать свой опыт по использованию интерактивных форм работы и формированию коммуникативной компетентности обучающихся. Особо отметим признание педагогами собственной неуверенности при выступлении перед аудиторией, необходимости подбирать оптимальные эффективные формы и методы самопрезентации, что становится барьером при решении задач тиражирования имеющихся наработок, распространения опыта работы в профессиональном сообществе.

Дефицитарной составляющей коррекционно-развивающей компетенции можно признать знание индивидуально-типологических особенностей и образовательных потребностей обучающихся с ограниченными возможностями здоровья разных нозологических групп, умения применять специальные технологии, методы и средства в создании коррекционно-развивающей среды, а также адаптировать, модифицировать образовательные программы с учетом типологических и индивидуальных особенностей обучающихся с особыми образовательными потребностями, проектировать, корректировать и реализовывать программы их индивидуального развития в соответствии с задачами достижения всех видов образовательных результатов.

Ресурсной основой для преодоления данных дефицитов может служить высокий уровень мотивированности педагогов на осуществление деятельности с обучающимися вне зависимости от их особенностей и готовность к разнонаправленному сотрудничеству со специалистами в рамках школьной системы психолого-педагогического сопровождения.

Таким образом, при оценке уровня сформированности метапредметных компетенций учителей мы видим довольно большое количество проблемных аспектов, требующих соответствующего внимания специалистов сферы непрерывного педагогического образования.

Заключение

Необходимость выстраивать образовательную практику в направлении формирования у обучающихся глобальных компетенций XXI века, работать в надпредметном

аспекте вне зависимости от преподаваемой учебной дисциплины, обеспечивать воспитательный потенциал учебных занятий — эти требования к современному образованию невозможно реализовать без высокого уровня метапредметных компетенций учителей. Проведенный анализ уровня и особенностей профессиональных компетенций такого плана позволяет нам делать выводы о неравномерности их выраженности в педагогических коллективах, существовании в каждой области дефицитарных аспектов, требующих целенаправленной поддержки со стороны методических служб и администрации учреждений, а также ресурсных позиций, на которые имеет смысл опираться при организации подготовки педагогов. В данном отношении особое внимание может быть обращено на потенциал взаимообучения в коллективе, привлечения опыта коллег, успешно решающих возникающие вопросы в собственной работе и готовых принять на себя роль кураторов, наставников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акимова Т. Н., Лисицинская А. В. Профессиональная компетентность педагога как приоритетное направление реформирования системы образования // Проблемы современного педагогического образования. Сер. : Педагогика и психология. 2018. Вып. 58. Ч. 4. С. 10—13.
2. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: Приказ Минтруда России от 18.10.2013 г. № 544н (с изм. от 25.12.2014 г.). URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf>.
3. Hymes D. On communicative competence // Sociolinguistics / Ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth : Penguin, 1972. Pp. 269—293. URL: <https://ru.scribd.com/doc/74833626/Dell-Hymes-on-Communicative-Competence-Pp-53-73>.
4. Racko G., Oborn E., Barrett M. Developing collaborative professionalism: an investigation of status differentiation in academic organizations in knowledge transfer partnerships // The International Journal of Human Resource Management. 2017. Vol. 30. No. 3. Pp. 1—22. URL: https://www.researchgate.net/publication/312541715_Developing_collaborative_professionalism_an_investigation_of_status_differentiation_in_academic_organizations_in_knowledge_transfer_partnerships.
5. Компетентностная модель современного педагога / О. В. Акулова, Е. С. Заир-Бек, Е. В. Пискунова, Н. Ф. Радионова, А. П. Тряпицына. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. 158 с.
6. Доника Д. Д., Доника А. Д. Компетентностный подход как инструмент реализации правовой базы профессионального образования // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгогр. ин-та бизнеса. 2008. № 7. С. 147—149.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетенции и новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34—42.
8. Котлярова И. О. Теоретические основы личностно-ориентированного повышения профессионально-педагогической квалификации работников образования : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1999. 357 с.
9. Technology-Enhanced Learning. Principles and Products / Eds. N. Balacheff, S. Ludvigsen, T. de Jong, A. Lazonder, S. Barnes. Springer Science + Business Media B. V., 2009. 330 p. URL: [https://2learner.edu.vn/~longld/References%20for%20TeachingMethod&EduTechnology%20-%20Tai%20lieu%20PPDH%20&%20Cong%20Nghe%20Day%20Hoc/\(Book\)%20-%20Sach%20tham%20khao%20-%20Technology-enhanced%20Learning%20\(TEL\)/Technology-enhanced%20Learning-%20Principles%20and%20Products%20\(Balacheff%20et%20al%202009\).pdf](https://2learner.edu.vn/~longld/References%20for%20TeachingMethod&EduTechnology%20-%20Tai%20lieu%20PPDH%20&%20Cong%20Nghe%20Day%20Hoc/(Book)%20-%20Sach%20tham%20khao%20-%20Technology-enhanced%20Learning%20(TEL)/Technology-enhanced%20Learning-%20Principles%20and%20Products%20(Balacheff%20et%20al%202009).pdf).
10. Национальный проект «Образование». URL: <https://edu.gov.ru/national-project>.
11. Квитницкая Г. Л., Кучеренко Г. Н., Беляева О. А. Значимые ориентиры непрерывного профессионального образования педагогов: метапредметный аспект // Директор школы. 2021. № 1(254). С. 34—43.
12. Беляева О. А., Павлова Е. И. Особенности метапредметных компетенций педагогов школы с профильным обучением // Психология и современный мир. Вып. 13. Субъект жизнедеятельности в современном обществе : материалы Всерос. заоч. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Архангельск, 23 апр. 2020 г. / Сост. и отв. ред. Е. В. Казакова. Архангельск : САФУ, 2020. С. 149—154.
13. Ансимова Н. П., Золотарева А. В. Компетенции педагога для работы с талантливыми детьми и молодежью // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 5. С. 38—44.
14. Хуторской А. В. Педагогические основания диагностики и оценки компетентностных результатов обучения // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер. 4. Пед. науки. 2013. Т. 80. № 5. С. 7—15.
15. Хуторской А. В., Хуторская Л. Н. Компетентность как дидактическое понятие: содержание, структура и модели конструирования // Проектирование и организация самостоятельной работы студентов в контексте компетентностного подхода : межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А. А. Орлова. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008. Вып. 1. С. 117—137.
16. Серафимович И. В., Беляева О. А. Профессионализация мышления и психолого-педагогическая подготовка педагогов к работе с личностными результатами обучающихся средствами воркшопа // Вестник Костромского гос. ун-та. Сер. : Педагогика, психология, социокинетика. 2019. № 2. С. 114—118.

17. Серафимович И. В., Беляева О. А. Технология динамического обучения педагогов как основа формирования личностных образовательных результатов обучающихся. Ярославль : ГАУ ДПО ЯО ИРО, 2019. 132 с.
18. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности : моногр. / В. С. Третьякова и др. ; под ред. Э. Ф. Зеера, В. С. Третьяковой. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 142 с.
19. Barr H. Interprofessional education. New York — London : John Wiley & Sons, 2002. 47 p. URL: https://www.unmc.edu/bhec/_documents/ipe-today-yesterday-tmmw-barr.pdf.
20. Harden R. M. Effective multiprofessional education: a three dimensional perspective // *Medical Teacher*. 1998. No. 20. Pp. 409—416. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01421599880472>.
21. Horsburgh M. Multiprofessional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning // Blackwell Science Ltd *Medical Education*. 2001. Vol. 35 No. 9. Pp. 876—883. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11555226>.
22. Никодимова Е. А., Ганичева Е. М., Армеева И. А. Программа мониторинга сформированности метапредметных компетенций учителя : метод. рекомендации. Вологда : Вологод. ин-т развития образования, 2016. 54 с.
23. Лицман Г. Н. Научно-исследовательская деятельность как средство профессионально-квалификационного роста учителя : дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2000. 211 с.
24. Набиева Е. В. Исследовательская компетентность как условие профессионального роста учителя // *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovatel'skaya-kompetentnost-kak-uslovie-professionalnogo-rosta-uchitelya>.

REFERENCES

1. Akimova T. N., Lisitsinskaya A. V. Professional competence of a teacher as a priority direction of reforming the education system. *Problems of modern pedagogical education*. Ser.: Pedagogy and Psychology, 2018, iss. 58, part 4. pp. 10—13. (In Russ.)
2. On the approval of the professional standard “Pedagogue (pedagogical activity in the field of preschool, primary general, basic general, secondary general education) (educator, teacher)”. Order of the Ministry of Labor of Russia of 18.10.2013 No. 544n (as amended on 25.12.2014). (In Russ.) URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf>.
3. Hymes D. On communicative competence. In: *Sociolinguistics*. Ed. by J. B. Pride, J. Holmes. Harmondsworth, Penguin, 1972. Pp. 269—293. URL: <https://ru.scribd.com/doc/74833626/Dell-Hymes-on-Communicative-Competence-Pp-53-73>.
4. Racko G., Oborn E., Barrett M. Developing collaborative professionalism: an investigation of status differentiation in academic organizations in knowledge transfer partnerships. *The International Journal of Human Resource Management*, 2017, vol. 30, no. 3, pp. 1—22. URL: https://www.researchgate.net/publication/312541715_Developing_collaborative_professionalism_an_investigation_of_status_differentiation_in_academic_organizations_in_knowledge_transfer_partnerships.
5. Akulova O. V., Zair-Bek E. S., Piskunov E. V., Radionova N. F., Tryapitsyn A. P. Competence model of a modern teacher. Saint Petersburg, Herzen University publ., 2007. 158 p. (In Russ.)
6. Donika D. D., Donika D. A. Competence-based approach as a tool for implementing the legal framework of vocational education. *Business. Education. Law*, 2008, no. 7, pp. 147—149. (In Russ.)
7. Zimnyaya I. A. Key competencies and a new paradigm of the result of education. *Higher education today*, 2003, no. 5, pp. 34—42. (In Russ.)
8. Kotlyarova I. O. Theoretical foundations of personality-oriented improvement of professional and pedagogical qualifications of educational workers. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Chelyabinsk, 1999. 357 p. (In Russ.)
9. Balacheff N., Ludvigsen S., De Jong T., Lazonder A., Barnes S. Technology-Enhanced Learning. Principles and Products. Springer Science + Business Media B. V., 2009. 330 p. URL: [https://2learner.edu.vn/~longld/References%20for%20Teaching-Method&EduTechnology%20-%20Tai%20lieu%20PPDH%20&%20Cong%20Nghe%20Day%20Hoc/\(Book\)%20-%20Sach%20tham%20khao%20-%20Technology-enhanced%20Learning%20\(TEL\)/Technology-enhanced%20Learning-%20Principles%20and%20Products%20\(Balacheff%20et%20al%202009\).pdf](https://2learner.edu.vn/~longld/References%20for%20Teaching-Method&EduTechnology%20-%20Tai%20lieu%20PPDH%20&%20Cong%20Nghe%20Day%20Hoc/(Book)%20-%20Sach%20tham%20khao%20-%20Technology-enhanced%20Learning%20(TEL)/Technology-enhanced%20Learning-%20Principles%20and%20Products%20(Balacheff%20et%20al%202009).pdf).
10. National project “Education”. (In Russ.) URL: <https://edu.gov.ru/national-project>.
11. Kvitnitskaya G. L., Kucherenko G. N., Belyaeva O. A. Significant landmarks for continuing professional education of teachers: meta-subject aspect. *Head teacher*, 2021, no. 1(254), pp. 34—43. (In Russ.)
12. Belyaeva O. A., Pavlova E. I. Features of meta-subject competencies of teachers of schools with specialized training. In: *Psychology and the modern world*. Iss. 13. The subject of life activity in modern society. Materials of All-Russian extramural sci. conf. of students, postgraduates and young scientists, Arkhangelsk, 23 Apr. 2020. Compiled and ed. by E. V. Kazakova. Arkhangelsk, SAFU publ., 2020. Pp. 149—154. (In Russ.)
13. Ansimova N. P., Zolotareva A. V. Competence of a teacher for working with talented children and youth. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2016, no. 5, pp. 38—44. (In Russ.)
14. Khutorskoy A. V. Pedagogical foundations of diagnostics and assessment of competence-based learning outcomes. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. Ser. 4. Pedagogical Sciences, 2013, vol. 80, no. 5, pp. 7—15. (In Russ.)
15. Khutorskoy A. V., Khutorskaya L. N. Competence as a didactic concept: content, structure and design models. In: *Design and organization of students’ independent work in the context of a competence-based approach*. Interuniversity collection of sci. works. Ed. by A. A. Orlov. Tula, Tula State Lev Tolstoy University publ., 2008. Iss. 1. Pp. 117—137. (In Russ.)
16. Serafimovich I. V., Belyaeva O. A. Professionalization of thinking and psychological and pedagogical training of teachers to work with the personal results of students by means of the workshop. *Vestnik of Kostroma State University*. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2019, no. 2, pp. 114—118. (In Russ.)
17. Serafimovich I. V., Belyaeva O. A. The technology of dynamic teaching of teachers as the basis for the formation of personal educational results of students. Yaroslavl, GAU DPO YAO IRO, 2019. 132 p. (In Russ.)

18. Tretyakov V. S., et al. Transprofessionalism of subjects of social and professional activity. Monograph. Ed. by E. F. Zeer, V. S. Tretyakova. Ekaterinburg, RSVPU publ., 2019. 142 p. (In Russ.)
19. Barr H. Interprofessional education. New York, London, John Wiley & Sons, 2002. 47 p. URL: https://www.unmc.edu/bhec/_documents/ipe-today-yesterday-tmmw-barr.pdf.
20. Harden R. M. Effective multiprofessional education: a three dimensional perspective. *Medical Teacher*, 1998, no. 20, pp. 409—416. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/01421599880472>.
21. Horsburgh M. Multi-professional learning: the attitudes of medical, nursing and pharmacy students to shared learning. *Blackwell Science Ltd Medical Education*, 2001, no. 35(9), pp. 876—883. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/11555226>.
22. Nikodimova E. A., Ganicheva E. M., Armeeva I. A. Program for monitoring the formation of teacher's meta-subject competencies: guidelines. Vologda, Vologda Institute of Education Development, 2016. 54 p. (In Russ.)
23. Litsman G. N. Research activity as a means of professional and qualification growth of a teacher. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Ekaterinburg, 2000. 211 p. (In Russ.)
24. Nabieva E. V. Research competence as a condition for the professional growth of a teacher. *Crede Experto: transport, society, education, language*, 2014, no. 3. (In Russ.) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovatel'skaya-kompetentnost-kak-uslovie-professionalnogo-rosta-uchitelya>.

Как цитировать статью: Беляева О. А. Метапредметные компетенции педагогов: опыт эмпирического исследования // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 426—433. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.336.

For citation: Belyaeva O. A. Meta-subject competencies of teachers: empirical research experience. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 426—433. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.336.

УДК 378.147.31
ББК 74.489

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.346

Gadzhieva Elena Anatolyevna,
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Natural Science,
Geography and Tourism,
Pushkin Leningrad State University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: E.gadzhieva@lengu.ru

Гаджиева Елена Анатольевна,
канд. геогр. наук, доцент,
декан факультета естествознания, географии и туризма,
Ленинградский государственный университет
имени А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: E.gadzhieva@lengu.ru

**ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ «АНКЕТА» —
ХАРАКТЕРИСТИКА ИНФОКАРТОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ БАКАЛАВРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ТУРИЗМ»**

**PEDAGOGICAL “QUESTIONNAIRE” —
CHARACTERISTICS OF INFOCARTOGRAPHIC METHOD
OF PROFESSIONAL TRAINING OF BACHELORS IN THE DIRECTION OF “TOURISM”**

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

В статье рассмотрены основные характеристики инфокартографического метода визуализации учебной информации средствами графикации, или, другими словами, визуализации информации путем создания графического образа в виде графемы. Предлагаемый метод представляет собой основную составляющую часть информационно-картографического подхода при профессиональной подготовке бакалавров по направлению «Туризм». Подход содержит недостаточно используемый потенциал активизации и формирования пространственно-образного мышления за счет развития правополушарной мыслительной деятельности обучающихся средствами освоения языка визуализации учебной информации, ее анализа, генерализации, свертывания, столь необходимого для приобретения профессиональной компетентности специалистов, связанных

с геопространством как с ареной будущей деятельности. Изложена актуальность формирования пространственно-образного мышления обучающихся в современных российских образовательных реалиях высшего образования, предполагающих инновационные «экранные» визуализированные источники информации, использование и освоение дистанционных образовательных платформ. Теоретическая и практикоориентированная сущность интегративного подхода к гармоничному сочетанию теории и практики визуализации учебной информации раскрывается на представлении о том, что воздействие метода на предмет составляет содержание способа познания, который далее специализируется в разных типах такового. При этом выявляются латентные особенности образного мышления каждого обучающегося языку визуализации.

Приведен перечень педагогических характеристик метода, раскрывающих его разностороннюю сущность, перспективность, эффективность при формировании пространственных образно-графических умений. Изучено динамическое изменение структуры пространственного образа, создаваемого на различной графической основе, в зависимости от содержания графической задачи. Выявлена метапредметность умения визуализировать учебную информацию, так как любой графический образ (схемы, формулы, картограммы, условные знаки, графемы и т. п.) может использоваться практически во всех учебных дисциплинах.

The article discusses the main characteristics of the infocartographic method of visualizing educational information by means of graphics, or, in other words, visualizing information by creating a graphic image in the form of a grapheme. The proposed method is the main component of the information-cartographic approach in the professional training of bachelors in the field of "Tourism". The approach contains the underutilized potential of activating and forming spatial-visual thinking through the development of the right-hemispheric mental activity of students by means of mastering the language of visualization of educational information, its analysis, generalization, folding, which is so necessary for the acquisition of professional competence of specialists related to geospace as an arena of future activity.

The relevance of the formation of spatial-visual thinking of students in the modern Russian educational realities of higher education, involving innovative "screen" visualized sources of information, the use and development of distance educational platforms.

The theoretical and practice-oriented essence of the integrative approach to the harmonious combination of theory and practice of visualization of educational information is revealed on the idea that the impact of the method on the subject constitutes the content of the method of cognition, which further specializes in different types of such. At the same time, the latent features of figurative thinking of each student of the visualization language are revealed.

The list of pedagogical characteristics of the method, revealing its versatile essence, prospects, efficiency in the formation of spatial figurative-graphic skills, is given. A dynamic change in the structure of a spatial image created on a different graphic basis, depending on the content of a graphic task, has been studied. The meta-subjectness of the ability to visualize educational information was revealed, since any graphic image (diagrams, formulas, cartograms, conventional signs, graphemes, etc.) can be used in almost all academic disciplines.

Ключевые слова: информационно-картографический подход, инфокартографический метод визуализации информации, пространственно-образное мышление, графический образ, образно-графические умения, профессиональная подготовка бакалавров, учебная информация, картографический метод исследования и обучения, инфографика, метаметодика, геопространство, язык графикации.

Keywords: information-cartographic approach, infocartographic method of information visualization, spatial-visual thinking, graphic image, visual-graphic skills, professional training of bachelors, educational information, cartographic research and teaching method, infographics, meta-methodology, geo-space, grafication language.

Введение

Современное образовательное пространство достаточно быстро приобретает цифровой характер, а информация — «экранное» изображение. В первую очередь это связано, конечно, с всесторонней компьютеризацией общества, а эпидемиологические особенности нашего бытия определили востребованность дистанционного формата общения. Продвигаясь вперед в научном поиске инновационных образовательных технологий при профессиональной подготовке обучающихся, следует, тем не менее, опираться на фундаментальные основы науки, каковой в нашем случае является картография, картографический метод исследований. Он основан на образно-знаковом моделировании геопространства различного типа.

По нашему мнению, если литература изучает зависимость между буквой и звуком, то необходимо принять, что графикация как способ визуализации представляет собой зависимость между графемой (знаком, символом) и понятием, смыслом, заложенным в ее вид.

Теоретическая значимость исследования обусловлена тем, что с разработкой и применением инфографического метода визуализации учебной информации как реализации при подготовке специалистов информационно-картографического подхода расширяется классическая теория картографического метода исследования и обучения при подготовке компетентных выпускников — бакалавров. В основу теории и последующей практики положено представление о том, что воздействие метода на предмет исследования составляет содержание способа познания, который далее специализируется в разных типах такового. В нашем случае таким способом познания является визуализация учебной информации средствами графикации.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что подготовленный специалист обладает как предметными вербальными знаниями и умениями, так и визуализацией информации, умением представлять ее в виде графем, свертывать, делать краткой и доступной. Наличие сформированной методологической системы профессиональных умений поможет специалисту быстро и адекватно принимать профессиональные решения в рамках учебных задач.

Целесообразность исследования заключается в том, что владение студентами инфокартографическим методом предполагает приобретение ими умения переводить вербальную форму информации в графическую, изображать такую средствами графикации — различными графемами, сочетается с психолого-педагогической целевой составляющей — сопутствующим развитием умственной деятельности повышением интеллектуального уровня будущих профессионалов, формированию их универсальной информационно-картографической компетентности средствами графикации. При этом формируется профессиональное образно-пространственное мышление, развивается способность к познанию за счет активизации правополушарного мышления. Интеграция визуализации учебной информации, образного мышления, достижение профессиональной компетентности предполагают наличие метаметодики, применяемой при подобной подготовке бакалавров, и в педагогической теории имеют **недостаточную изученность**.

Актуальность исследования заключается в том, что формирование пространственного образного мышления обучающихся способствует как лучшему усвоению

учебной информации, так и развитию их профессиональных творческих умений. Согласно требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 «Педагогическое образование», выпускник должен быть способен уметь осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации (УК-1) [1]. Однако поиск, грамотный отбор, синтез и систематизация учебной информации требуют не только понимания проблемного поля, но и умения ориентироваться в нем, чему способствует достаточный уровень развития пространственно-образного мышления.

Целью исследования является разработка всесторонней педагогической характеристики инфокартографического метода формирования пространственно-образного мышления обучающихся в ходе образовательного процесса.

Достижению поставленной цели способствует выполнение ряда **задач**, таких как: изучение теоретических психолого-педагогических основ формирования образного мышления, анализ и структурирование метода, его определение, возможности реализации и что с его помощью можно делать более эффективно при подготовке специалистов в университете.

Научную новизну исследования представляет феномен графического образа, положенный в основу как интегратор создаваемой системы языка графикации при визуализации информации.

Основная часть

Методология. Начальным этапом исследования послужили теоретические основания, заложенные в картографическом методе исследования и обучения, дополненные современными средствами графикации. Это язык условных знаков, моделирование пространственной информации, понятие об образе и прообразе, их адекватность.

Именно феномен графического образа положен в основу создания системы языка графикации [2]. Далее рассматриваются графемы как составляющие систему изображения (языка графикации) графические образы, имеющие смысл, строятся визуальные фразы, наглядные логические схемы понятий, передающие вербальный смысл изложенного определения, например, но в редуцированном, сжатом виде.

Полная визуальная компетентность предполагает и реверсивные умения перевода с вербального вида информации на графический и обратно.

Результаты. Информационный (кибернетический) подход к профессиональной подготовке привел к рассмотрению возможностей применения понятий, методов и теоретических закономерностей преобразования информации к процессу обучения людей. При этом под *информацией* понимаются любые сведения и данные, являющиеся объектом передачи, хранения и переработки, а под *обучением* — целенаправленный процесс внешнего управления познавательной деятельностью ученика, ведущей к усвоению им информации, образованию и развитию его познавательных сил [3].

При этом внешнее проявление коммуникативных аспектов системы обеспечивает инфокартографический метод визуализации информации (информационные процессы, обеспечивающие коммуникативный аспект системы), а внутреннее проявление происходит в особенностях мыслительной деятельности обучающегося, связанной с преобразованием вербальной информации в графические образы, их преобразование в мыслеобразы, далее усвоение учебной

информации, ее накопление и присвоение [4]. Визуализация в данном случае выступает в качестве главного механизма, обеспечивающего диалог внешнего и внутреннего планов деятельности.

По вопросам визуализации информации исследования существуют. Например, Г. В. Лаврентьев выделяет следующие принципы технологии визуализации учебной информации: принцип системного квантования и принцип когнитивной визуализации. В соответствии с принципом когнитивной визуализации «эффективность усвоения повышается, если наглядность в обучении выполняет не только иллюстративную, но и когнитивную функцию, то есть используются когнитивные графические учебные элементы. Это приводит к тому, что к процессу усвоения подключается „образное“ правое полушарие» [5]. В то же время «опоры» (рисунки, схемы, модели), компактно иллюстрирующие содержание, способствуют системности знаний.

Наш инфокартографический метод ориентирован на подготовку специалистов в области туризма, географии, экологии и позволяет формировать абстрактное представление о прообразе, реально существующем в действительности. Это, соответственно, способствует развитию пространственного творческого проблемного мышления [6]. Оно же, в свою очередь, способствует формированию новой визуальной культуры работы с информацией за счет редуцированного способа «свертывания» ее и перевода с вербального языка на язык графикации [7].

Кратко опишем педагогическую «анкету» инфокартографического метода, который представляет собой центральное понятие информационно-картографического подхода, в основу которого положена стратегия визуализации (ее содержание, *метод*, формы, графические приемы).

Итак, инфокартографический метод:

1. *Основан* на системно-структурном информационно-картографическом подходе к созданию универсального метода профессионального обучения бакалавров на основе визуализации пространственно распределенной информации, концепции метакартографии (общей теории картографии), направления инфографики, картографическом методе обучения, теории познания и психолого-педагогических основах учебно-познавательной деятельности и формирования мышления [8].

Системно-структурный подход позволит определить структуру метода подготовки студентов, место каждого элемента и блока, связи между ними и установить эмерджентное свойство системы подготовки в целом.

В основу концепции метакартографии положен специфически определенный предмет познания картографии как науки (пространство объектов и его временное изменение), метод познания (картографическое моделирование, включающее систему картографических форм логических приемов познания), объектный язык картографии, связывающий ее с теорией познания, диалектической логикой, семиотикой, теорией информации и т. д. [9].

Визуализация позволяет представлять информацию в виде изображения таковой на рисунках, фотографиях, графиках, диаграммах, схемах, таблицах, картах и различных экранах [10]. Вначале это направление относилось к дизайну, к рекламе и сегодня развивается достаточно интенсивно, используется в самых различных случаях необходимости донести информацию до читателя (или, в данном случае, скорее, обучающегося) наиболее полно и быстро.

2. *Определяется* как педагогический феномен, предполагающий универсальные возможности формирования образного пространственного мышления студентов на основе графической визуализации информации, развитие их общекультурной интеллектуально-коммуникационной профессиональной компетентности [11].

По определению под педагогическим феноменом понимается «некая существенная определенность, идея, которая последовательно раскрывает себя в истории образования, проходя качественно разные этапы развития», что полностью соответствует предлагаемому расширению картографического метода обучения до разработанного подхода визуализации учебной информации [12].

3. *Включает* уровни специальной и профессиональной подготовки. Каждый уровень состоит из блоков, содержащих конкретные, постепенно усложняющиеся элементы обучения. «Наложение», интеграция, расширение уровней на основе феномена графического образа образуют управляемую программированную систему профессиональной подготовки студентов, предполагающую развитие проблемного пространственного мышления, сформированность профессиональной компетентности. Освоение блоков опирается на поэтапное усвоение знаний.

4. *Реализуется* при условии сформированности у студента умения генерализовать, свергивать различную учебную и профессиональную информацию, «переводить», декодировать ее с вербального языка в графическое изображение, на язык графикации и, в случае необходимости, уметь «двигаться в обратном направлении» — выполнять вербальную интерпретацию графем [13]. Это действие возможно осуществлять при работе с вербальной информацией, т. е. необходимо уметь структурировать ее, определять содержательные блоки, понятия, закономерности («сигналы», выделять из «шума»), строить графемы в целях графического изображения текста, понимать связи внутренние и внешние, соответственно, строить таблицы, графики, структурно-логические схемы, карты и картосхемы.

5. *Позволяет* более эффективно готовить студентов в университете к профессиональной деятельности в отрасли туризма (как и вообще по направлениям, связанным

с теорией пространства и его типов) за счет инновационного расширения классического картографического метода обучения до визуализации любой профессиональной информации [14]. Использовать метод универсальный в любой дисциплине, где есть необходимость показать информацию, ее структуру и связи.

Выводы

Инфокартографический метод визуализации учебной информации средствами графикации обеспечивает, по сути своей, владение универсальным образно-знаковым языком графем при профессиональной подготовке специалистов в области наук, связанных с познанием и практическим использованием геопространства. Визуальная компетентность выражается в умении *переходить с вербального языка на язык графикации и обратно*, руководствуясь логикой представления информации, ее содержанием, структурой и связями.

Визуализация учебной информации способствует поэтапному формированию у обучающихся пространственно-образного мышления в процессе усвоения учебного материала, что, в свою очередь, активизирует развитие их коммуникативной профессиональной компетентности.

Заключение

Инфокартографический метод визуализации учебной информации опирается на фундаментальные достижения картографии и включает в себя современные составляющие инфографики. Разработанный метод способствует формированию пространственного мышления студентов, активизации их мыслительной творческой деятельности.

Метод предполагает возможности взаимодействия и взаиморазвития словесно-логического и наглядно-образного этапов развития мышления бакалавров при совершении действий по визуализации учебной информации, которые позволяют оперировать графическими образами и основываются на знании пространственных свойств и отношений реальных объектов или их графических изображений. Тем самым приобретает умение передать основной замысел (идею) с помощью графического образа, логической схемы, графемы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
2. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2002.
3. Асланикашвили А. Ф. Метакартография. Основные проблемы. Тбилиси : Мецниереба, 1974. С. 7—8.
4. Комиссарова Т. С., Гаджиева Е. А. Графический образ как интегратор метаметодики визуализации учебной информации // География: развитие науки и образования : коллектив. моногр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 150-летию со дня рождения В. Л. Комарова, 135-летию со дня рождения П. В. Гуревича, 90-летию со дня рождения В. С. Жекулина / Отв. ред. С. И. Богданов, Д. А. Субетто, А. Н. Паранина. СПб., 2019. С. 394—396.
5. Гаджиева Е. А. Подготовка бакалавров к визуализации учебной информации на основе информационно-картографического подхода // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 5(71). С. 102—115.
6. Кузнецова Ю. И. Развитие компонентов пространственного мышления обучающихся на уроках геометрии // Вестник науки и образования. 2017. № 3(27). Т. 2. С. 95—99.
7. Ковалевская Е. В. Возможности интеграции проблемного и дистанционного обучения: право на самостоятельный выбор // Особенности реализации проблемного обучения в контексте дистанционного образования: вопросы теории и практики : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Образование на грани тысячелетий». Нижневартовск, 2015. С. 3—8.
8. Скворцов А. В., Комиссарова Т. С. Методика проблематизации учебной информации в преподавательской деятельности // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3(52). С. 373—379. DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.

9. Василенко А. В. Развитие пространственного мышления учащихся в процессе обучения геометрии: психологический аспект // Преподаватель XXI век. 2020. № 2-1. С. 170—174.
10. Якиманская И. С. Развитие пространственного мышления школьников. М., 2005. С. 272.
11. Multi-subject method during the information visualization as a part of the bachelors educational process in the direction of tourism / T. Komissarova, E. Gadzhieva, M. Lebedeva, O. Morozova // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019. Pp. 63—70.
12. Скворцов А. В. Формирование готовности бакалавров к профессиональной творческой деятельности учителя : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2017. 248 с.
13. Грушевский С. П., Иванова О. В., Остапенко А. А. Модульная визуализация учебной информации в профессиональном образовании : моногр. М. : НИИ школьных технологий, 2017. 200 с.
14. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual-graphic Visualization of information as an Integrative Teaching Method // Society. Integration. Education : proceedings of the Int. sci. conf., May 24—25, 2019. Rezekne : Rezekne Academy of Technologies, 2019. Pp. 334—345.

REFERENCES

1. *The Federal State Educational Standard for Higher Education in the field of training 44.03.01 Pedagogical education (bachelor's degree level)*. (In Russ.) URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71200970>.
2. Lavrentiev G. V., Lavrentieva N. B. *Innovative training technologies in professional training of specialists*. Barnaul, AltSU publ., 2002. (In Russ.)
3. Aslanikashvili A. F. *Metacartography. Main Problems*. Tbilisi, Metsniereba, 1974. Pp. 7—8. (In Russ.)
4. Komissarova T. S., Gadzhieva E. A. Graphic image as an integrator of metametodics of visualization of educational information. In: *Geography: the development of science and education. Collective monograph based on the materials of the All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation, dedicated to the 150th anniversary of V. L. Komarov, the 135th anniversary of P. V. Gurevich, the 90th anniversary of V. S. Zhekulin*. The responsible editors are S. I. Bogdanov, D. A. Subetto, A. N. Paranina. Saint Petersburg, 2019. Pp. 394—396. (In Russ.)
5. Gadzhieva E. A. Preparation of bachelors for visualization of educational information on the basis of an information-cartographic approach. *Domestic and foreign pedagogy*, 2020, vol. 1, no. 5(71), pp. 102—115. (In Russ.)
6. Kuznetsova Yu. I. Development of components of spatial thinking of students in geometry lessons. *Bulletin of Science and Education*, 2017, vol. 2, no. 3(27), pp. 95—99. (In Russ.)
7. Kovalevskaya E. V. The possibilities of integrating problem-based and distance learning: the right to independent choice. In: *Features of the implementation of problem-based learning in the context of distance education: issues of theory and practice. Materials of the X All-Russ. sci. and pract. conf. with int. participation "Education on the verge of millennia"*. Nizhnevartovsk, 2015. Pp. 3—8. (In Russ.)
8. Skvortsov A. V., Komissarova T. S. Methodology of problematization of educational information in teaching activities. *Business. Education. Law*, 2020, no. 3(52), pp. 373—379. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2020.52.321.
9. Vasilenko A. V. Development of spatial thinking of students in learning geometry: psychological aspect. *Teacher of the XXI century*, 2020, no. 2-1, pp. 170—174. (In Russ.)
10. Yakimanskaya I. S. *Development of spatial thinking of students*. Moscow, 2005. P. 272. (In Russ.)
11. Komissarova T., Gadzhieva E., Lebedeva M., Morozova O. Multi-subject method during the information visualization as a part of the bachelors educational process in the direction of tourism. In: *19th Int. multidisciplinary sci. GeoConference SGEM, 30 June — 6 July, 2019*. Pp. 63—70.
12. Skvortsov A. V. *Formation of bachelors' readiness for professional creative activity of a teacher. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Saint Petersburg, 2017. 248 p. (In Russ.)
13. Grushevsky S. P., Ivanova O. V., Ostapenko A. A. *Modular visualization of educational information in professional education. Monograph*. Moscow, Research Institute of School Technologies, 2017. 200 p. (In Russ.)
14. Komissarova T., Gadzhieva E. Intellectual and graphic visualization of information as an integrative teaching method. In: *Society. Integration. Education. Materials of int. sci. research. Pract. conf., May 24—25, 2019*. Rezekne, Rezekne Technological Academy, 2019. Pp. 334—345.

Как цитировать статью: Гаджиева Е. А. Педагогическая «анкета» — характеристика инфокартографического метода профессионального обучения бакалавров по направлению «Туризм» // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 433—437. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.346.

For citation: Gadzhieva E. A. Pedagogical “questionnaire” — characteristics of infocartographic method of professional training of bachelors in the direction of “Tourism”. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 433—437. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.346.

УДК 378.189
ББК 75.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.363

Kareva Galina Vyacheslavovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Education
and Sport,
Bryansk State Technical University,
Russian Federation, Bryansk,
e-mail: kareva.galya@mail.ru

Карева Галина Вячеславовна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры физического воспитания
и спорта,
Брянский государственный технический университет,
Российская Федерация, г. Брянск,
e-mail: kareva.galya@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВУЗА ЧЕРЕЗ ИГРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIAL INTEGRATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF THE UNIVERSITY THROUGH GAME TECHNOLOGIES

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methods of physical education, sports training, recreational and adaptive physical culture

Российская система образования сегодня претерпевает существенные изменения. Они направлены на модернизацию административно-финансовых механизмов, реализацию различных национальных проектов, связанных с повышением качества жизни россиян, профессиональной подготовкой будущих выпускников образовательных учреждений. Это побуждает педагогов к разработке новых моделей и форм содержания и организации образовательного процесса, к поиску новых эффективных технологий в оказании индивидуальной помощи каждому обучающемуся, имеющему отклонения в состоянии здоровья, во время получения им образования и в процессе подготовки к дальнейшей самостоятельной жизни в обществе. Обеспечение реализации права студентов с ограниченными возможностями здоровья на образование рассматривается как одна из важнейших задач государственной политики не только в области образования, но и в области демографического и социально-экономического развития Российской Федерации. Кроме того, в последнее время в нашей стране развивается процесс интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в образовательную среду вместе со сверстниками.

Специфика организации образовательной деятельности для лиц с ограниченными возможностями здоровья заключается в учете особенностей психофизического развития, индивидуальных возможностей и состояния здоровья таких обучающихся, в создании специальных условий для получения ими образования.

В статье рассматривается проблема социальной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья в образовательный процесс высшего учебного заведения. Решение данной проблемы автор видит в активном использовании игровых технологий.

The Russian education system is undergoing significant changes today. They are aimed at modernizing administrative and financial mechanisms, implementing various national projects related to improving the quality of life of Russians, professional training of future graduates of educational institutions. This encourages teachers to develop new models, forms, content and organization of the educational process, to search for

new effective technologies in providing individual assistance to each student during their education and in the process of preparing for further independent life in society. Ensuring the realization of the right of students with disabilities to education is considered as one of the most important tasks of state policy not only in the field of education, but also in the field of demographic and socio-economic development of the Russian Federation. In addition, recently in our country, the process of integrating people with disabilities into the educational environment together with their peers has been developing.

The specifics of the organization of educational activities for persons with disabilities is to take into account the peculiarities of psychophysical development, individual capabilities and health status of such students, creating special conditions for their education.

The article examines the problem of social integration of students with disabilities into the educational process of a higher educational institution. The author sees the solution to this problem in the active use of gaming technologies.

Ключевые слова: студенты, ограниченные возможности здоровья, социализация, образовательная среда, доступность, вуз, процесс, интеграция, игра, технология.

Keywords: students, disabilities, socialization, educational environment, accessibility, university, process, integration, game, technology.

Введение

Каждый одиннадцатый житель России имеет ту либо иную форму инвалидности с особенностями физического, психического либо интеллектуального развития разной степени [1].

Глубина рассматриваемой проблемы обуславливает ее **актуальность**, которая определяется современной государственной политикой, направлена на реализацию предусмотренных Конституцией прав людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ); для этого необходимо создать такие условия, чтобы социализировать и успешно интегрировать их во все сферы жизнедеятельности общества. Для успешной социальной адаптации студентов с ОВЗ в образовательной среде

целесообразно внедрить в практику высших образовательных учреждений игровые технологии, которые бы улучшили образовательный процесс, коррекционно-оздоровительную работу, в конечном счете повысили конкурентоспособность выпускников с ОВЗ на рынке труда [2].

Цель исследования — теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность применения игровых технологий для социальной интеграции студентов с ОВЗ в учебный процесс вуза.

Педагогический потенциал игры позволяет использовать ее в учебно-воспитательном процессе как школы, так и вуза в разных аспектах развивающих, обучающих, воспитывающих возможностей, но далеко не всегда и не в полном объеме используется в качестве равноправного средства обучения. В частности, для более эффективной организации взаимодействия педагога и учащихся, учащихся между собой, для развития качеств личности в процессах учебно-познавательной деятельности и общения, т. е. социальная интеграция студентов с ОВЗ в учебный процесс, что является основной целью работы.

Одной из причин, мешающих целенаправленному внедрению игровой технологии в учебный процесс для студентов с ОВЗ, является недостаточная разработка ее применительно к организации вузовского процесса обучения с учетом всех особенностей таких обучающихся. Главной задачей является разработка и практическая реализация таких игровых технологий, которые учитывали бы условия и особенности студентов с ОВЗ, а также принципов моделирования игровой деятельности, таких как проблемность, самостоятельность и состязательность в учебном процессе.

Гипотезой исследования является проблема оптимальной интеграции в общество лиц с отклонениями в здоровье. В контексте современной социокультурной ситуации она приобретает особую актуальность и становится важнейшей заботой различных социальных институтов и государства в целом. Однако в настоящее время сложилась ситуация, когда лишь незначительная часть лиц с отклонениями может более или менее успешно интегрироваться в общество. Игровые технологии будут эффективными, если:

- выявлены этапы социальной интеграции студентов;
- разработаны методы и приемы игровой технологии;
- определены показатели успешности социальной интеграции студентов с ОВЗ в учебный процесс вуза.

Задачи работы определяются целью исследования:

1. Определить степень разработанности проблемы, обосновать значимость социальной интеграции студентов с ОВЗ.
2. Разработать и экспериментально проверить игровые технологии и их влияние на социальную интеграцию студентов.

Вопросы социализации индивида и его интеграции в обществе являются предметом исследований зарубежных ученых различных направлений.

По теории интеракционализма Д. Хорке, под социализацией следует понимать результат, полученный при социальном взаимодействии людей [3]. В работах Р. Мертона утверждается, что личность приспосабливается жить в соответствии с требованиями и возможностями социума [4].

Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс, авторы критической концепции, считают, что под процессом социализации личности следует рассматривать умение у индивида формировать гибкую самооценку [5].

По мнению Б. Г. Ананьева, социализация является процессом [6]. С точки зрения Н. Д. Соколова, социализация —

это процесс, развивающийся с учетом системы общественных отношений [7]. Социализация, по мнению И. С. Кона, процесс, в результате которого активно воспроизводятся социальные связи индивида за счет создания условий, которые обеспечивают активную деятельность и активное включение в социальную среду [8]. В исследованиях А. В. Мудрик под социализацией понимается процесс, обеспечивающий развитие человека во взаимодействии с окружающей средой [9].

Личностное развитие человека, его цели формируются в соответствии с теми условиями, которые может предоставить та социальная среда, которая его окружает. Но для социализации большое значение имеет и возможность общаться, выполнять различные виды деятельности, возможность получения образования, чтобы обеспечить возможность реализации себя как полноправного члена общества. Только суммирование всех составляющих обеспечивает создание условий для личностного развития и формирования собственной позиции [4].

Научная новизна заключается в теоретическом основании социальной интеграции студентов с ОВЗ; в разработке и экспериментальном подтверждении применения игровых технологий для социальной интеграции студентов с ОВЗ в учебный процесс вуза.

Теоретическая значимость. Данное исследование вносит определенный научный вклад в теорию социальной интеграции студентов с ОВЗ в учебный процесс вуза, применения игровых технологий в учебном процессе, что может являться основой конструирования различных диагностических технологий готовности студентов с ОВЗ к социальной адаптации, а также профессиональной подготовки.

Практическая значимость заключается в том, что обосновано практическое применение игровых технологий, обеспечивающих существенное повышение эффективности социальной интеграции студентов с ОВЗ в учебный процесс вуза; предложена оперативная диагностика социальной интеграции через игровые технологии, включающие инструментарий (тесты, игры).

Разработанные научно-методические, информационные, контролирующие средства обучения используются в образовательном процессе Брянского государственного технического университета.

Достоверность и объективность исследования обеспечивается выбором методологической базы, применением педагогических технологий, логикой проведения эксперимента, анализом специальной литературы по избранной проблеме.

Основная часть

Интеграция обучающихся с ОВЗ и инвалидностью в социуме включает системообразующие факторы, существующие в высшем образовании. Образовательная среда, в которой находится студент, определяет эффективность процесса социализации. При этом и сам студент влияет на образовательную среду, заставляя ее подстраиваться под индивидуальные возможности здоровья, психического, эмоционального и интеллектуального развития. Причем характер этого влияния зависит как от индивидуальной картины мира, так и от функциональной компетентности каждого субъекта образовательного процесса.

Е. Л. Гончарова, В. В. Давыдов, Н. И. Малофеев, С. Г. Шевченко в своих исследованиях студентов с ОВЗ и инвалидностью требуют для обучения таких учащихся создания особых образовательных потребностей [7].

Использование игровых технологий в обучении дает ряд дополнительных эффектов:

- свободу: игра не задача, не долг, не закон, а свободное развлекательное действие;
- неординарность: разрушение надоевшей повседневности с ее монотонностью, жесткой детерминацией образа жизни;
- эмоциональность: снимает напряжение, в котором пребывает человек, заменяет его добровольной и радостной мобилизацией духовных и физических сил;
- увлеченность: интенсивно вовлекает всего человека, активизирует его способности;
- элемент неопределенности, который возбуждает, активизирует мышление, настраивает на поиск оптимальных решений;
- развитие воображения, которое необходимо для создания новых ситуаций, правил игры;
- стойкий интерес к знанию, поскольку некоторые игры создаются методом его моделирования;
- возможность развивать свое мышление, поскольку необходимо выстроить интригу и реализовать ее;
- развитие психологической пластичности, потому что игра не одно лишь состояние, а способность вживаться в образ; ориентироваться в реальных жизненных ситуациях, проигрывая их неоднократно мысленно;
- психологическая устойчивость: вырабатывает активное отношение к жизни и целеустремленность в выполнении поставленной цели;
- право на ошибку, что дает возможность не допускать оплошности в реальной практике [10].

Понятие «игровые педагогические технологии» включает достаточно обширную группу методов и приемов организации педагогического процесса в форме различных педагогических игр [11].

В процессе социализации студент взаимодействует с окружающими объектами, обществом, при этом внося в него что-то свое и используя тот потенциал, образовательную систему, что есть в данном обществе. Установлено, что игровая технология в образовательной системе в полной мере обеспечивает индивида информацией об окружающем мире, условиями реализации своих притязаний и непрекращающимися обменными процессами системы, а также окружающая среда [12].

На первом уровне студенты с ОВЗ и инвалидностью находятся в обществе и взаимодействуют с другими инвалидами. Группа выполняет действия, что предлагает преподаватель, куратор или другой ответственный взрослый, не решаясь на самостоятельные действия.

На втором уровне обучающиеся с ОВЗ и инвалидностью находятся в обществе и взаимодействуют с другими инвалидами. Но на втором этапе студент уже способен на выполнение самостоятельных действий, воздействует на других членов группы, побуждает их к совершению определенных действий.

На третьем уровне студенты с ОВЗ и инвалидностью при наличии необходимых условий доступной среды начинают взаимодействовать с внешней средой, другими участниками образовательного процесса, тем самым расширяя рамки общения, т. е. начинается процесс социализации и адаптации объектов учебно-воспитательной работы вуза [7].

При интегрированном подходе к учащимся с ОВЗ необходимо применение разнообразных совместных видов деятельности со здоровыми сверстниками. В результате совместной деятельности успешно решаются дидактические и воспитательные задачи. Интеграция предполагает мягкое

вхождение индивида в социальную среду, наличие общей системы социальных отношений и взаимодействия, которые предполагает активная образовательная среда [13].

Одним из способов совершенствования процесса интеграции студентов с ОВЗ в образовательный процесс высшего учебного заведения является использование игровых технологий.

Преимущество игровых технологий заключается в возможности неформального взаимодействия между студентами, а также большего сплочения ученического коллектива, формирования навыка сотрудничества [14].

Разработанная автором модель характеризуется такими функциями: прикладной, организационно-управленческой, интегративной, системной, прогностической.

Каждый этап процесса обучения студентов с ОВЗ с помощью игровых технологий имеет особенности: объяснительно-иллюстративный — используется для ознакомления с комплексом методов и средств; практический — используются как методы, применяемые в традиционном образовании, так и диалоговый, практический, исследовательский, аналитический и прикладной; исследовательско-прикладной — заключается в применении самих игр. Обязательно учитывать педагогические, психологические, методические и профессиональные знания студентов, а также их практические навыки.

Итак, содержание процесса обучения соответствует этапам проведения игр и должно создавать условия для: ознакомления занимающихся с процессом познания; использования технологий обучения; дифференцирования учебных заданий в зависимости от уровня подготовленности студентов; создания профильных групп, ориентированных на индивидуальные особенности [15]; решения творческих задач; активизации самостоятельной деятельности; межличностного взаимодействия в сотрудничестве педагога и учащихся; проблемного обучения; компьютеризации; мотивационной направленности на профессиональную деятельность. Средствами игровой технологии являются: видеопросмотр и анализ информации; тренинги; компьютерные игры; дидактическая игра «Проверь себя», для самостоятельной разработки — игры профессиональной направленности; симуляторы проблемных ситуаций.

Чтобы облечь занятие в игровую форму в вузовской практике, обязательно соблюсти следующие условия:

- 1) соответствие игры учебно-воспитательным целям и необходимостью более эффективной передачи знаний и развитие самих студентов;
- 2) доступность для учащихся с ограничениями по здоровью и направленность на профессиональную деятельность;
- 3) обеспечение быстрой адаптации к новым научным, техническим и другим изменениям;
- 4) умеренность в использовании игр на занятиях.

Для реализации данной проблемы автор предлагает следующие направления использования игровых технологий для успешной интеграции студентов с ОВЗ:

- интеллектуальные игры («Что? Где? Когда?», викторины, квизы, в том числе и с использованием средств интерактивного взаимодействия формата Kahoot!);
- социализирующие игры для первокурсников, направленные на формирование представлений об истории высшего учебного заведения, его современных формах и принципах организации учебного процесса, знакомство между студентами курса либо факультета;
- спортивные игры, в которых могут участвовать как студенты с нормой здоровья, так и обучающиеся

с ОВЗ, в зависимости от специфики и степени выраженности дефекта.

Отдельно в учебном процессе могут использоваться такие формы, как игровые тренинги, отдельные игровые приемы во время семинарских и лекционных занятий, групповой работы.

В соответствии с логикой исследования для решения поставленных задач в ходе ОЭР использовались следующие методы: педагогическое наблюдение; опросно-диагностические (анкетирование, тестирование, беседа) оценки; самооценка; экспертные оценки; изучение продуктов деятельности учащихся. В экспериментальной работе применялись апробированные в педагогике и психологии методики.

Отталкиваясь от существующих подходов к определению критериев развития социальной интеграции студентов с ограниченными возможностями, автор в своем исследовании определил личностный, культуротворческий и социальный блоки критериев.

Личностный блок включает в себя эмпатию, адекватную самооценку, выраженность мотивации успеха, установку на самоактуализацию.

Культуротворческий блок включает в себя: креативность, творческую активность, принятие своей культуры и ее ценностей, осознание норм и идеалов других, активный интерес и освоение культурных ценностей.

Социальный блок представлен следующими критериями: наличие выраженных коммуникативных свойств, эмоционально-эмпатические отношения в образовательной среде; стратегия сотрудничества в общении; принятие и соблюдение нравственно-эстетических норм и ценностей.

Социальный блок представлен следующими критериями: наличие выраженных коммуникативных свойств, эмоционально-эмпатические отношения в детской среде; стратегия сотрудничества в общении; принятие и соблюдение нравственно-эстетических норм и ценностей. В соответствии с логикой исследования для решения поставленных задач в ходе ОЭР использовались следующие методы: педагогическое наблюдение; опросно-диагностические (анкетирование, тестирование, беседа) оценки; самооценка; экспертные оценки; изучение продуктов деятельности учащихся. В экспериментальной работе применялись апробированные в педагогике и психологии методики (табл. 1). Основанием выбора методик для нашего исследования является их соответствие предмету исследования, а также их информативность, компактность и простота при обработке полученных результатов.

В ходе формирующего эксперимента личностного блока были получены результаты, приведенные в табл. 2—4.

Таблица 1

Диагностический инструментарий, используемый в ходе опытно-экспериментальной работы

Критерии	Направление диагностического исследования	Используемые методики	Краткая аннотация методики
Личностный блок	Способность к эмпатии	Опросник для диагностики способности к эмпатии А. Меграбяна и Н. Эпштейна	В опроснике 33 утверждения, по каждому из которых испытуемый должен оценить степень своего согласия с ним
	Мотивация достижения успеха	Опросник «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А. А. Реана	Опросник содержит 20 вопросов, позволяющих определить уровни сформированности у учащихся мотивации к достижению успеха
	Уровень самооценки	Опросник С. В. Ковалева	Для того чтобы определить уровень самооценки, необходимо сложить баллы по 32 предложенным суждениям. Сумма баллов позволяет определить уровень самооценки
Культуротворческий блок	Эмоционально-деятельностная адаптивность	Опросник Н. П. Фетискина, В. В. Козлова, Г. М. Мануйлова	Опросник содержит 24 утверждения, выбор которых определяет высокий, средний, низкий уровни эмоционально-деятельностной адаптивности
	Творческий потенциал	Тест О. И. Тушкановой	Опросник содержит 18 вопросов, на каждый из которых обследуемый выбирает один из возможных трех ответов
Социальный блок	Коммуникативные способности (КС); моральная нормативность (МН); личностный адаптивный потенциал (ЛАП)	Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина	Опросник содержит 165 вопросов, на которые обследуемый может отвечать «да» или «нет». При обработке результатов учитывается количество ответов, совпавших с «ключом». Каждое совпадение с «ключом» оценивается в один «сырой» балл

Таблица 2

Средние показатели уровня способности к эмпатии у студентов на этапе контрольного эксперимента, %

Уровень способности к эмпатии	КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Высокий	13,3/29,7	10/33	13,3/29,7	10/29,7	13,3/33
Средний	19,8/49,5	23/52,8	23/52,8	19,8/56,1	23/56,1
Низкий	36,3/17,5	33/14,2	36,3/17,5	33/14,2	36,3/10,9
Очень низкий	30,6/3,3	34/—	27,4/—	37,2/—	27,4/—

Таблица 3

Динамика мотивации успеха или боязни неудачи у студентов на контрольном этапе ОЭР, %

Характер мотивации		КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Мотивация на успех		23/52,8	26,3/56,1	19,8/52,8	23/59,4	26,3/59,4
Мотивационный полюс не выражен	Тенденция стремления к успеху	26,3/33	23/36,3	26,3/39,6	19,8/36,3	23/39,6
	Тенденция к избеганию неудачи	19,8/14,2	19,8/7,6	23/7,6	26,3/4,3	19,8/1
Мотивация на неудачу		30,9/—	30,9/—	30,9/—	30,9/—	30,9/—

Таблица 4

Динамика уровня самооценки студентов на контрольном этапе ОЭР, %

Уровень	КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Высокий	10/26,3	13/29,6	10/29,6	16,5/23,3	13/26,3
Средний	26,3/63,7	29,6/57,4	29,6/60,4	23,3/60,2	26,3/60,7
Низкий	63,7/10	57,4/13	60,4/10	60,2/16,5	60,7/13

Результаты исследования культуротворческого блока критериев на контрольном этапе ОЭР. Повторное определение по опроснику Фетискина Н. П., Козлова В. В., Мануйлова Г. М. уровня эмоционально-деятельностной адаптивности (ЭДА) обучающихся обнаружило: в ЭГ значительно увеличилось (в среднем на 24,8 %) количество студентов, характеризующихся высоким и средним уровнем ЭДА. Преподаватели диагностировали у них более спокойную работу без проявления излишнего

беспокойства, готовность работать, отсутствие нервозности. Обращает внимание и тот факт, что в ЭГ значительно снизилось количество учащихся с низким уровнем ЭДА (на 12,6 %) и не осталось ни одного студента с очень низким уровнем (табл. 5).

С помощью теста О. И. Тушкановой повторно диагностировали творческий потенциал студентов. Результаты диагностики творческого потенциала учащихся на контрольном этапе ОЭР представлены в табл. 6.

Таблица 5

Динамика уровня эмоционально-деятельностной адаптивности учащихся на контрольном этапе ОЭР

Уровни адаптивности	КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Высокий	6,6/33	13/36,3	10/39,6	6,6/36,3	13/39,6
Средний	29,7/46,2	26,3/49,5	23,3/49,5	29,6/52,8	26,3/49,5
Низкий	33/20,8	36,3/14,2	39,6/10,9	33/10,9	36,3/10,9
Очень низкий	30,8/0	24,4/0	27,1/0	30,8/0	24,4/0

Таблица 6

Уровень творческого потенциала учащихся на контрольном этапе ОЭР, %

Уровень	КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Высокий	29,6/39,6	26,3/36,3	26,3/39,6	23,3/49,5	29,6/52,8
Нормальный	57,2/60,4	63,7/63,7	60,5/60,4	60,2/50,5	60,4/47,2
Низкий	13,2/0	10/0	13,2/0	16,5/0	10/0

Результаты исследования социального блока критериев на контрольном этапе ОЭР. Результаты контрольного опроса учащихся по многоуровневому личностному опроснику «Адаптивность» А. Г. Маклакова и С. В. Чермянина свидетельствуют, что в ЭГ отмечается рост показателей по каждой диагностической шкале. Однако изменение измеряемых показателей у учащихся проходило неравномерно. Значительное приращение в результатах наблюдается в ЭГ по шкале «коммуникативные способности»: количество учащихся с низким уровнем коммуникативных способностей в ЭГ осталось в среднем 6,6, % против 29,6 % в начале ОЭР; количество учащихся с высоким уровнем коммуникативных способностей в ЭГ увеличилось в среднем на 33 %. Отмечается положительная динамика и по шкале «поведенческая регуляция»: если в начале ОЭР высокий уровень демонстрировали 13,2 % учащихся, то в конце ОЭР

на высоком уровне оказалось 26,3 % обследуемых. На низком уровне осталось 9,9 % учащихся против 39,6 % на этапе констатирующего эксперимента.

С учетом полученных результатов считаем значимое повышение уровня самоактуализации у студентов ЭГ за время обучения в экспериментальном режиме показателем эффективности педагогических усилий в направлении личностного развития школьников. По шкале «Моральная нормативность», по которой диагностируется восприятие морально-нравственных норм проведения и отношение к требованиям непосредственного социального окружения, изменения тоже носят положительный характер, однако переход учащихся из низкого уровня на высокий составляет лишь 6,6 %. Тем не менее по интегрированному показателю «Личностный адаптационный потенциал» (ЛАП) мы получили на контрольном этапе ОЭР довольно хорошую положительную динамику (табл. 7).

Таблица 7

Динамика уровня личностного адаптационного потенциала (ЛАП) студентов на контрольном этапе ОЭР, %

Уровень адаптивных способностей	КГ1/ЭГ1	КГ2/ЭГ2	КГ3/ЭГ3	КГ4/ЭГ4	КГ5/ЭГ5
Высокий и нормальный	13,2/36,3	10/39,6	13,2/42,9	16,5/46,2	10/46,2
Удовлетворительный	29,6/33	26,3/33	26,3/36,3	23,3/39,6	29,6/42,9
Низкий	57,2/30,7	63,7/27,4	60,5/20,8	60,2/14,2	60,4/10,9

По результатам диагностики мы наблюдаем динамику показателей по каждому критерию эффективности.

Таким образом, мы можем заключить, что проблема интеграции в образовательный процесс вуза студентов с ОВЗ

на сегодняшний день является актуальной и значимой. При этом вопрос использования игровых технологий для совершенствования вышеуказанного процесса требует своего дальнейшего изучения и практического применения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Панченко О. Л. Инклюзивное образование как фактор интеграции в социум инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья: региональное измерение : моногр. / Под общ. ред. В. Д. Парубиной. Казань : НОУ ВПО «Университет управления «ТИСБИ», 2015. 400 с.
2. Газман О. С. Проблемы формирования личности школьника в игре // Педагогика и психология игры : межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1985. С. 14—24.
3. Ярая Т. А. Особенности адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья к условиям высшего учебного заведения // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 47-2. С. 330—338.
4. Мартынова Е. А. Теоретические основы построения и функционирования системы высшего образования для лиц с ограниченными физическими возможностями : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01. Челябинск, 2003. 353 с.
5. Рокотянская Л. О. Социально-педагогическое сопровождение профессионального становления обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья // Гуманитарные науки. 2016. № 2(34). С. 127—133.
6. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. СПб. : Питер, 2002. 218 с.
7. Интегрированное и инклюзивное обучение в образовательном учреждении. Инновационный опыт / Авт.-сост. А. А. Наумов, В. Р. Соколова, А. Н. Седегова. Волгоград : Учитель, 2012. 147 с.
8. Кон И. С. Как построить свое «Я». М. : Просвещение, 1991. 115 с.
9. Ворошнина О. Р., Наумов А. А., Токаева Т. Э. Клинико-психолого-педагогическое сопровождение. Пермь : Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2015. 204 с.
10. Селевко Г. К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. Т. 1. М. : НИИ школьных технологий, 2006. 816 с.
11. Сафина Л. Г. Формирование эвристических умений будущего учителя химии с помощью игровых технологий : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2009. 215 с.
12. Новые педагогические информационные технологии в системе образования / Под ред. Е. С. Полат. М. : Просвещение, 2000. 640 с.
13. Адырхаев С. Г. К проблеме физического воспитания студентов с ограниченными возможностями здоровья // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 459—465.
14. Карева Г. В. Применение игровых технологий в профессиональном образовании как метод развития компетентностных способностей студентов технического профиля // Вестник Брянского гос. техн. ун-та. 2015. № 1(45). С. 122—124.
15. Карева Г. В., Волкова Н. В., Гудина Г. В. Модернизация дидактического процесса в вузе по дисциплине «Физическая культура» с учетом базы современных технологий обучения // Colloquium-journal. 2020. № 31-3(83). С. 40—42.

REFERENCES

1. Panchenko O. L. *Inclusive education as a factor of social integration of people with disabilities: regional dimension. Monograph*. Ed. by V. D. Parubina. Kazan, NOU VPO University of Management TISBI, 2015. 400 p. (In Russ.)
2. Gazman O. S. *Problems of the formation of the student's personality in the game. In: Pedagogy and psychology of the game: interuniversity collection of scientific works*. Novosibirsk, 1985. Pp. 14—24. (In Russ.)
3. Yaraya T. A. Features of adaptation of students with disabilities to the conditions of a higher educational institution. *Problems of modern pedagogical education*, 2015, no. 47-2, pp. 330—338. (In Russ.)
4. Martynova E. A. *Theoretical foundations of the construction and functioning of the higher education system for persons with disabilities. Diss. of the Doc. of Pedagogy*. Chelyabinsk, 2003. 353 p. (In Russ.)
5. Rokotyanskaya L. O. Socio-pedagogical support of the professional development of students with disabilities. *Humanities*, 2016, no. 2(34), pp. 127—133. (In Russ.)
6. Ananiev B. G. *Man as a subject of knowledge*. Saint Petersburg, Piter, 2002. 218 p. (In Russ.)
7. *Integrated and inclusive learning in an educational institution. Innovative experience*. Comp. by A. A. Naumov, V. R. Sokolova, A. N. Sedegova. Volgograd, Uchitel, 2012. 147 p. (In Russ.)
8. Kon I. S. *How to Build Your Self*. Moscow, Prosveshchenie, 1991. 115 p. (In Russ.)
9. Voroshnina O. R., Naumov A. A., Tokaeva T. E. *Clinical, psychological and pedagogical support*. Perm, Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2015. 204 p. (In Russ.)

10. Selevko G. K. *Encyclopedia of educational technologies*. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Research Institute of School Technologies, 2006. 816 p. (In Russ.)
11. Safina L. G. *Formation of heuristic skills of the future chemistry teacher using game technologies. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Samara, 2009. 215 p. (In Russ.)
12. *New pedagogical information technologies in the education system*. Ed. by E. S. Polat. Moscow, Prosveshchenie, 2000. 640 p. (In Russ.)
13. Adyrkhaev S. G. To the problem of physical education of students with disabilities. *Young scientist*, 2014, no. 1, pp. 459—465. (In Russ.)
14. Kareva G. V. The use of gaming technologies in vocational education as a method of developing the competence abilities in students of a technical profile. *Bulletin of the Bryansk State Technical University*, 2015, no. 1(45), pp. 122—124. (In Russ.)
15. Kareva G. V., Volkova N. V., Goodin G. V. Modernization of the didactic process at the university in the discipline “Physical culture” taking into account the basis of modern teaching technologies. *Colloquium-journal*, Warsaw, 2020, no. 31-3(83), pp. 40—42. (In Russ.)

Как цитировать статью: Карева Г. В. Социальная интеграция студентов с ограниченными возможностями здоровья в учебный процесс вуза через игровые технологии // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 438—444. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.363.

For citation: Kareva G. V. Social integration of students with disabilities in the educational process of the university through game technologies. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 438—444. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.363.

УДК 376.4
ББК 74.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.384

Kiseleva Tatyana Gennadevna,
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Defectology,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Russian Federation, Yaroslavl,
e-mail: kisseleva2108@mail.ru

Киселева Татьяна Геннадьевна,
канд. психол. наук, доцент,
декан дефектологического факультета,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского,
Российская Федерация, г. Ярославль,
e-mail: kisseleva2108@mail.ru

Mataulina Aleksandra Evgenevna,
2nd-year graduate student
in the field of study 44.04.03
“Special (defectological) education”,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky,
Russian Federation Yaroslavl,
e-mail: aleksandra.levandovskaya.97@mail.ru

Матаулина Александра Евгеньевна,
магистрант 2-го года обучения,
направление 44.04.03 «Специальное
(дефектологическое) образование»,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского,
Российская Федерация, г. Ярославль,
e-mail: aleksandra.levandovskaya.97@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЯМИ РАЗВИТИЯ

PECULIARITIES OF COMMUNICATION SKILLS FORMATION IN PRESCHOOLERS WITH DEVELOPMENTAL DISORDERS

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

В статье представлены результаты сравнительного исследования особенностей общения у детей с задержкой психического развития и умственно отсталых дошкольников. В основу методологии исследования положен подход Г. М. Андреевой, выделявшей три компонента в структуре общения: перцепцию, коммуникацию и интеракцию. Сравнение с нормотипичными сверстниками позволило авторам выделить необходимые педагогические условия организации инклюзивного образовательного пространства, обеспечивающие формирование коммуникативной компетентности дошкольников

с нарушениями в развитии. Для проведения исследования авторы выбрали диагностические методики, в равной мере применимые в работе как с нормотипичными детьми, так и детьми с нарушениями в развитии. Это методики Г. А. Цукерман, Е. О. Смирновой и Е. А. Калягиной. Авторы обнаружили высокий уровень сформированности представлений о нормах общения у всех детей, в том числе у детей с органическими поражениями головного мозга, при этом умственно отсталые дети не могут объяснить правила поведения, а дошкольники с задержкой психического развития знают

и могут объяснить нормы и правила поведения, поэтому выполняют их более осознанно. Было опровергнуто утверждение о повышенном уровне агрессивности детей с задержкой в развитии; показано, что у этой категории детей можно сформировать конструктивные способы регулирования разногласий на уровне, близком к возрастной норме. Отставание в речевом развитии является причиной того, что ребенок не может формулировать свои желания и, как следствие, не может договариваться со сверстником в игре. В исследовании обнаружено, что нормотипичные дошкольники превосходят детей с нарушениями в развитии по уровню сформированности навыков взаимоконтроля; умственно отсталые дети лучший результат показывают в индивидуальной работе, а дети с задержкой в развитии быстрее достигают результата, работая в парах. Выявленные особенности коммуникативного развития дошкольников важны при организации инклюзивной образовательной среды.

The article presents the results of a comparative study of communication features in children with mental delays and mentally disabled preschoolers. The research methodology is based on the approach of G. M. Andreeva, who distinguished three components in the structure of communication: perception, communication and interaction. Comparison with normotypical peers allowed the authors to highlight the necessary pedagogical conditions for the organization of an inclusive educational space, which ensure the formation of communicative competence of preschoolers with developmental disabilities. To conduct the study, the authors chose diagnostic techniques equally applicable in working with both normotypical children and children with developmental disabilities. These are the methods of G. A. Zukerman, E. O. Smirnova and E. A. Kalyagina. The authors found a high level of formation of ideas about communication norms in all children, including children with organic brain lesions, while mentally disabled children cannot explain the rules of behavior, and preschoolers with a delay in mental development know and can explain the norms and rules of behavior, so fulfill them more consciously. The allegation of an increased level of aggressiveness of delayed children was disproved; it is shown that in this category of children it is possible to form constructive ways of resolving disagreements at a level close to the age norm. The lag in speech development is the reason that the child cannot formulate his desires and, as a result, cannot negotiate with his peer in the game. The study found that normotypical preschoolers outperform children with disabilities in development in terms of the level of formation of mutual control skills; mentally disabled children show the best result in individual work, and children with developmental delay achieve the result faster by working in pairs. The identified features of the communicative development of preschoolers are important in organizing an inclusive educational environment.

Ключевые слова: комплексный подход, коммуникативные навыки, ребенок дошкольного возраста, нормотипичные дети, дети с задержкой психического развития, инклюзивное образование, дети с нарушениями интеллекта, перцептивный компонент общения, коммуникативный компонент общения, интерактивный компонент общения.

Keywords: integrated approach, communicative skills, preschool child, normotypical children, children with mental delays, inclusive education, children with intellectual disabilities, perceptual component of communication, communicative component of communication, interactive component of communication.

Введение

Негативные социальные тенденции, протекающие в обществе (социальная изоляция, дезинтеграция, виртуальное общение), привели к тому, что у детей отмечается снижение коммуникативных навыков, неумение конструктивно взаимодействовать со сверстниками и взрослыми; доминирование эгоцентрической позиции в ситуациях межличностного взаимодействия. В результате таких процессов возникает противоречие между базовой потребностью ребенка в общении и несформированностью коммуникативных навыков. В образовательных стандартах и дошкольного, и общего образования социально-коммуникативная компетентность выпускника обозначена как один из ключевых результатов образования. На практике мы сталкиваемся с тем, что педагогические цели сосредоточены на познавательном развитии ребенка, а коммуникативная сфера рассматривается как сопутствующая, а не приоритетная. Наиболее ярко эта особенность проявляется в процессе обучения детей с задержкой психического развития (ЗПР) или детей с умственной отсталостью (УО).

Инклюзивное образование, при котором нормотипичные дети обучаются совместно с детьми, имеющими нарушения в развитии, еще больше заострило обсуждаемую проблему. Несформированность навыков общения со сверстниками не позволяет ребенку с нарушенным развитием полноценно контактировать с нормотипичным сверстником. И наоборот, слабые коммуникативные навыки нормально развивающегося ребенка не позволяют ему быть толерантным в процессе межличностного взаимодействия. Таким образом, заявленное в нормативных документах инклюзивное образование на практике трансформируется в «параллельное» сосуществование нормотипичных детей и детей с особенностями в развитии. Если дети с сенсорными нарушениями замечаются нормотипичными сверстниками, поэтому педагогам легче выстраивать инклюзивное образовательное пространство, то дети с ЗПР или с УО физически не отличаются от здоровых сверстников, как следствие, нормотипичные сверстники не понимают таких детей, поэтому педагогам труднее организовать конструктивное взаимодействие между ними. Резюмируя отмеченные проблемы, можно говорить о том, что от степени сформированности коммуникативных навыков будут зависеть социальная адаптация и интеграция в обществе детей с особенностями в развитии, чем и обусловлена **актуальность** исследования.

Исследователи изучают коммуникативные навыки у дошкольников, при этом базой исследования становятся, как правило, дошкольные образовательные организации общеразвивающего вида, тогда как приоритетом в образовательной политике сегодня является инклюзивное образование. Наше исследование выполнено в дошкольных учреждениях с инклюзивной средой, где рядом с нормотипичными сверстниками развиваются дети с ограниченными возможностями здоровья. **Целью** исследования было изучение особенностей развития коммуникативных навыков у дошкольников с ЗПР, с УО и дошкольников, чье развитие соответствует возрастной норме. Данная цель конкретизировалась в следующих **задачах**:

- 1) провести теоретический анализ исследований, посвященных оценке коммуникативного развития нормотипичных дошкольников и имеющих особенности в развитии;
- 2) подобрать психодиагностический инструментарий, адекватный для проведения диагностики как нормотипичных детей, так и детей с особенностями в развитии;

3) провести сравнительный анализ коммуникативного развития нормотипичных дошкольников и детей, имеющих особенности в развитии;

4) сформулировать выводы и рекомендации для организации инклюзивного образования дошкольников в целом и формирования коммуникативных навыков в частности.

Нами было проведено сравнительное исследование особенностей коммуникативного развития нормотипичных дошкольников и детей с ЗПР и УО. Выбор этих нозологических групп обусловлен схожестью проблем в развитии, а на практике такие дети чаще всего оказываются в одном коллективе, поэтому выявленные нами особенности имеют **научную новизну и практическую значимость**, поскольку позволяют более адекватно выбирать формы и методы работы с инклюзивными группами.

Основная часть

Проблеме общения посвящено множество исследований, при этом педагогов и психологов чаще интересовали особенности общения у нормально развивающихся детей, тогда как коммуникативным навыкам детей с особенностями в развитии уделяется неоправданно мало внимания. Д. Палмер, Л. Палмер [1] отмечают, что высокий уровень коммуникативных способностей является залогом успешной адаптации человека в любой социальной среде, это, в свою очередь, определяет практическую значимость развития коммуникативных навыков с самого раннего детства. Для организации исследования интерес представляют подходы, содержащие операционализацию рассматриваемого понятия. Так, Р. К. Террешук [2] определила следующие параметры коммуникативной деятельности: социальная чувствительность; коммуникативная инициатива; эмоциональное отношение; коммуникативное взаимодействие. Л. Р. Мунирова [3] выделяет три группы коммуникативных навыков: информационно-коммуникативные, регуляционно-коммуникативные, аффективно-коммуникативные, основывающиеся на способности передавать свои чувства, интересы, настроение партнеру по общению; проявлять отзывчивость, чуткость, заботу, сопереживание. В структуре коммуникативных навыков А. В. Хуторской [4] выделял три компонента общения: мотивационно-личностный, когнитивный и поведенческий. М. И. Лисина [5] выделяла следующие компоненты коммуникативной успешности: когнитивный, эмотивный и поведенческий.

Поиск методологии исследования заставил обратиться к зарубежным публикациям, в частности Polloway [6], в которых обсуждаются принципы организации помощи людям с УО, а также работам Ainsworth & Baker [7], рассматривающих эволюцию подходов к проблеме умственного здоровья. Важная позиция — помощь людям с нарушениями в развитии, а не лечение, следовательно, социализация лиц с ОВЗ как цель возможной помощи.

Возможности социализации детей с нарушенным развитием, освоение ими профессиональных навыков и получение профессии чаще всего обсуждаются в зарубежных исследованиях. Так, Gemmell-Crosby & Hanzlik [8] предлагают свою методику формирования профессиональных навыков у лиц с УО, подчеркнем, что акцент авторы делают на профессиональные навыки, а не на социальные. Много внимания, например в работах Katims [9], уделяется обучению детей с УО, в частности навыкам чтения. Письменная речь — важная составляющая коммуникативной компетентности, но она не исчерпывается ею, подчеркнем, что акцент во многих исследованиях смещен на обучение. Lorenzi, Horvath & Pellegrini обсуждают

взаимосвязь особенностей физического развития детей и их обучаемость [10]. Эта позиция созвучна направлениям наших исследований [11, 12], в которых показана роль soft skills в личной и профессиональной успешности человека, а также исследованиям Rosenthal-Malek & Yoshida [13], рассматривавших метакогнитивные стратегии учащихся. Несмотря на то, что исследование выполнено на обучающихся с сохранным интеллектом, представляет интерес позиция авторов, учитывающих особенности восприятия социального контекста и зависимости на успех обучения и социализации. Интересным, на наш взгляд, является исследование Thompson, McGrew & Bruininks [14], поднимающих вопросы, касающиеся личностной компетентности лиц с УО. Это один из показателей, который может отражать степень социализованности этой категории людей, что, в свою очередь, будет влиять на содержание и объем психолого-педагогической помощи и поддержки. Лонгитюдное исследование Sigman, Ruskin, Arbelles, Corona, Dissanayake, Espinosa & Robinson [15], выполненное на разных нозологических группах (аутизм, синдром Дауна, задержка развития), свидетельствует о том, что формирование коммуникативных и игровых навыков в дошкольном возрасте может иметь долгосрочные последствия для последующей языковой и социальной компетентности в этих группах детей. К аналогичным выводам пришли Hazen & Black [16], проводя исследование на нормотипичных дошкольниках, показав взаимосвязь коммуникативных паттернов и социального статуса ребенка в группе. Gottman, Gonso & Rasmussen [17] продолжили исследование Hazen & Black на школьниках и обнаружили достоверную взаимосвязь между социальными навыками, социальным взаимодействием и популярностью ребенка среди сверстников.

Безусловно, важна роль педагога, работающего с детьми с нарушениями, поскольку именно он задает эталоны поведения и коммуникации, об этом в своей работе рассуждают Bufkin & Altman [18]. Не менее важным является вопрос о роли и месте специально организованного дошкольного образования. Yoshikawa, Weiland & Brooks-Gunn [19] приводят доказательства того, что дошкольное образование повышает социализованность детей за счет формирования языковых и математических навыков, может снизить агрессию. Эти авторы подчеркивают, что воспитатели или учителя могут сосредоточиться на том, чтобы помочь детям с более низким уровнем развития быстрее освоиться. К аналогичным выводам пришли Dumas & Lefranc [20], показав роль предшкольного образования для дальнейших образовательных результатов и социальной успешности человека. На лицо преимущества доступного дошкольного образования в России по сравнению с зарубежным опытом, который анализируют, например, Chaudry, Morrissey, Weiland & Yoshikawa [21]. В нашей стране многое делается для детей дошкольного возраста в целом и для детей, имеющих нарушения в развитии, поэтому более пристальное изучение последних позволит сделать образовательный процесс более эффективным. Так, еще в исследованиях С. Я. Рубинштейн [22] было показано, что у детей с ЗПР отмечается низкая речевая активность, бедность речевого общения. Е. С. Слепович утверждала, что у дошкольников с нарушениями в развитии превалирует деловое общение со взрослыми, при этом дети данной категории чувствительны к доброжелательному отношению, ласке, сочувствию, им нравится тактильный контакт, ответная улыбка, краткие недифференцированные вербальные оценки [23]. Тем не менее данных, детально описывающих коммуникативную компетентность

детей с нарушениями в развитии, явно недостаточно, что затрудняет процесс их интеграции и социализации и выступает причиной низкой эффективности инклюзивного образования. На устранение указанных дефицитов было направлено данное исследование.

Методология исследования. Основываясь на классификации Г. М. Андреевой [24], было проведено сравнительное исследование сформированности коммуникативной компетентности у нормотипичных дошкольников, их сверстников с ЗПР и легкой УО. Для диагностики были использованы методика «Рукавички» (автор Г. А. Цукерман) [25] и методика «Картинки» (авторы Е. О. Смирнова, Е. А. Калягина) [26]. Методика «Рукавички» позволила оценить уровень интерактивного (в том числе продуктивность совместной деятельности; взаимоконтроль и взаимопомощь, конструктивные способы урегулирования разногласий) и коммуникативного (в том числе умение договариваться, способность убеждать и аргументировать) компонентов в структуре коммуникативной

компетентности. Задание «Картинки» направлено на оценку уровня сформированности перцептивного компонента общения у детей, а также знаний нравственных норм и правил взаимодействия. Каждый из параметров оценивался по 3-балльной шкале. Выбор данных методик обусловлен возможностью их применения как в работе с нормотипичными детьми, так и с детьми с особенностями в развитии. При проведении методики «Рукавички» пары детей были составлены однородными по уровню развития.

В исследовании приняли участие дети старшего дошкольного возраста 6—7 лет с нормотипичным уровнем развития, с ЗПР и легкой степенью УО. Выборки были уравнены по полу и количеству, общий объем выборки составил 51 человек. Проверка достоверности отличий между исследуемыми группами детей проводилась по критерию Манна — Уитни.

Результаты исследования и их интерпретация. Результаты предоставлены в табл. 1—3.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа нормотипичных детей и детей с ЗПР

Показатель	Средние значения		Уэмпирическое
	Норма	ЗПР	
Продуктивность совместной деятельности	2,87	2,61	95,287
Взаимоконтроль и взаимопомощь	2,71	1,04	58,952
Конструктивные способы урегулирования разногласий	2,76	2,32	95,024
Умение договариваться	2,31	2,04	94,950
Способность убеждать и аргументировать	2,51	1,74	61,558
Восприятие коммуникативной ситуации	2,89	2,57	93,281
Знание нравственных норм и правил взаимодействия	2,91	2,43	92,871

Примечание: здесь и далее значимые отличия выделены курсивом, $U_{критич} = 87, p = 0,05$.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа нормотипичных детей и детей с умственной отсталостью

Показатель	Средние значения		Уэмпирическое
	Норма	УО	
Продуктивность совместной деятельности	2,87	1,36	65,208
Взаимоконтроль и взаимопомощь	2,71	0,73	68,527
Конструктивные способы урегулирования разногласий	2,76	2,29	95,017
Умение договариваться	2,31	0,82	64,995
Способность убеждать и аргументировать	2,51	0,74	61,878
Восприятие коммуникативной ситуации	2,89	2,02	91,172
Знание нравственных норм и правил взаимодействия	2,91	2,13	91,094

Таблица 3

Результаты сравнительного анализа детей с ЗПР и умственной отсталостью

Показатель	Средние значения		Уэмпирическое
	ЗПР	УО	
Продуктивность совместной деятельности	2,61	1,36	86,172
Взаимоконтроль и взаимопомощь	1,04	0,73	98,162
Конструктивные способы урегулирования разногласий	2,32	2,29	99,015
Умение договариваться	2,04	0,82	69,712
Способность убеждать и аргументировать	1,74	0,74	89,591
Восприятие коммуникативной ситуации	2,57	2,02	91,398
Знание нравственных норм и правил взаимодействия	2,43	2,13	99,601

Анализируя полученные результаты, в первую очередь стоит отметить достаточно высокий уровень сформированности представлений о нормах общения, следовательно, даже у детей с органическими поражениями головного мозга в результате целенаправленных педагогических действий могут быть сформированы нравственные ориентиры. При этом важно понимать, что для этой категории детей запреты и ограничения в общении должны быть сформулированы максимально конкретно. УО дети не могут объяснить, почему какое-либо действие в отношении другого человека запрещено, но если запрет сформирован как поведенческий паттерн, то ребенок будет неукоснительно следовать ему. В прикладном плане эта особенность требует операционализировать для УО детей базовые нравственные ориентиры. По сравнению с УО детьми дошкольники с ЗПР знают и могут частично объяснить нормы морали и нравственности. Отсутствие достоверных отличий между тремя сравниваемыми группами по показателю «знание нравственных норм и правил взаимодействия» является, на наш взгляд, одним из эмпирических аргументов возможности и целесообразности инклюзивного воспитания.

Опираясь на наглядную картинку, все дети способны адекватно воспринять и оценить коммуникативную ситуацию, что также говорит о возможности взаимодействия детей с различными нарушениями и нормотипичными сверстниками в рамках инклюзии. Вероятно, исследуемые группы детей отличаются по механизму оценки коммуникативной ситуации (это требует отдельного изучения и анализа), но результат анализа коммуникативной ситуации достоверно не отличается у исследуемых групп.

Не обнаружено достоверных отличий по показателю «конструктивные способы урегулирования разногласий». С одной стороны, это может свидетельствовать о слабом взаимодействии в ходе выполнения заданий (параллельные игры и действия), с другой стороны, можно предположить, что как у нормотипичных дошкольников, так и у детей с нарушениями в развитии можно в достаточной мере сформировать конструктивные формы и способы урегулирования конфликтов. Мы полагаем, что утверждение о повышенном уровне агрессивности детей с ЗПР отчасти является стереотипом и установкой окружающих, ожидающих неадекватные формы реагирования от этих детей. В ситуациях с четко заданными ролевыми позициями и целями совместной деятельности дети с нарушениями в развитии способны выстраивать конструктивную коммуникацию, несмотря на возникающие разногласия. Как следствие, мы видим в качестве важной задачи коррекционной педагогики формирование ролевых моделей поведения у детей с УО и ЗПР, а также помощь со стороны взрослых в принятии дидактических целей на коррекционных занятиях или формулирование собственных целей детьми в процессе взаимодействия и игры. К сожалению, отставание в речевом развитии, которое имеет место при УО, приводит к тому, что эти дети, стремясь к конструктивному взаимодействию, не умеют сформулировать свою позицию, свои желания, не могут аргументировать и договариваться. Оказываясь непонятыми окружающими, УО дети демонстрируют агрессивную реакцию как способ заявить о своем несогласии. Возможно, развитие у них средств альтернативной коммуникации позволит более четко обозначать свои желания, что будет способствовать пониманию и принятию этих детей окружающими — сверстниками и взрослыми.

Достоверно нормотипичные дошкольники отличаются от двух других групп испытуемых по сформированности навыков самоконтроля и взаимопомощи. Подготовка

к школе требует, чтобы в норме у дошкольника были сформированы основы произвольной регуляции, тогда как у детей с нарушениями в развитии именно произвольность оказывается несформированной. Из этой закономерности вытекает педагогическое требование организации внешнего контроля со стороны взрослого в отношении детей с нарушениями в развитии. Это важно учитывать при проектировании инклюзивного образовательного процесса, уделяя достаточное внимание способам самопроверки и самоконтроля, а также при необходимости осуществления взаимоконтроля и взаимопроверки с участием нормотипичных сверстников.

Еще один показатель, который мы сравнивали в ходе исследования, — продуктивность совместной деятельности как отражение интерактивной стороны общения. Обнаружено, что только дети с легкой степенью УО не могут получить результат в ходе совместной работы. Они достигают большего, если работают индивидуально, в своем темпе, с опорой на выработанный алгоритм деятельности. В крайнем случае для достижения результата партнером УО дошкольника может выступать взрослый. Дети с ЗПР, напротив, быстрее достигали результат, если работали в паре. Кроме того, результат оказывался качественно лучше, если партнером ребенка с ЗПР выступал нормотипичный сверстник, поэтому для детей данной нозологической группы организация инклюзивной образовательной среды весьма желательна.

Выявленные особенности развития коммуникативных навыков УО детей и детей с ЗПР позволяют выделить ряд необходимых психолого-педагогических условий, которые стоит учитывать при организации инклюзивного образовательного процесса и в коррекционно-развивающей работе.

Формирование коммуникативных умений должно стать рядоположной педагогической задачей наряду с развитием познавательных процессов и формированием представлений об окружающем мире. Это условие может быть реализовано при планировании парной и групповой работы, причем желательно организовывать пары сменного состава, чтобы нормотипичные дети и дети с нарушениями в развитии могли отрабатывать коммуникативные умения, взаимодействуя с разными людьми.

Формирование навыков вербальной и невербальной коммуникации как средства объяснить свою позицию окружающим, быть понятым ими. Взрослый должен выступать образцом, демонстрирующим разные способы вербальной и невербальной коммуникации. Для реализации этого условия в инклюзивный образовательный процесс необходимо вводить средства дополнительной и альтернативной коммуникации, такие как разнообразные жесты, блисс-символы, сиг-символы, пиктограммы, коммуникативные таблицы, PECS-коммуникацию и др.

Формирование навыков позитивных взаимоотношений с окружающими людьми: умение выслушать товарищей, корректно выразить собственное мнение и отношение к собеседнику; формирование конструктивных способов урегулирования конфликтов. Реализация этого условия требует максимально корректного и одновременно справедливого отношения взрослого к любому ребенку, соблюдения единых требований, независимо от особенностей развития.

Единство требований всех специалистов, работающих в инклюзивном образовательном пространстве, а также сотрудничество с семьей с целью формирования навыков общения. Это условие предполагает комплексный подход, при котором формирование коммуникативных навыков происходит на занятиях у воспитателя, психолога, логопеда,

дефектолога, в свободных играх, на прогулках и в других режимных моментах в дошкольном учреждении.

Обсуждение динамики и успешности формирования коммуникативных навыков должно быть включено в план психолого-педагогического консилиума, работающего в дошкольном учреждении.

Целенаправленное моделирование педагогических ситуаций, требующих обращения ребенка за помощью к сверстнику или взрослому с целью формирования потребности в общении и отработке коммуникативных умений, развития инициативы, сотрудничества в общении со взрослыми и сверстниками.

Развитие перцептивных умений, понимания эмоций, желаний, состояний и настроения партнера по совместной игре или деятельности, умений слушать собеседника и согласовывать свои желания с его интересами.

Организация инклюзивного образовательного процесса в дошкольном учреждении не простая задача, для реализации которой необходимо целенаправленно строить работу по формированию коммуникативных навыков у всех субъектов инклюзивного образовательного процесса.

Заключение

В ходе проведенного сравнительного исследования уровня развития коммуникативных умений у детей с ЗПР и детей с легкой степенью УО по сравнению с нормотипичными сверстниками были обнаружены следующие закономерности и особенности:

У всех сравниваемых групп детей сформированы представления о нормах общения, по этому показателю не было обнаружено достоверных отличий, следовательно, усвоение знаниевого компонента можно рассматривать как основу для организации инклюзивного пространства в целом и для дальнейшего формирования коммуникативных умений в частности.

Опора на наглядный материал в процессе коммуникации позволяет любому ребенку адекватно воспринять

и оценить коммуникативную ситуацию. В свою очередь, правильное понимание коммуникативной ситуации детьми создает благоприятные предпосылки для взаимодействия детей с различными нарушениями и нормотипичными сверстниками в рамках инклюзии.

В исследовании не обнаружено достоверных отличий по показателю «конструктивные способы урегулирования разногласий», что указывает на возможность сформировать конструктивные формы и способы урегулирования конфликтов не только у нормотипичных дошкольников, но и у детей с ЗПР и детей с УО, что выступает основой социализации детей с нарушениями в развитии, формирования ролевых моделей поведения.

Уровень конструктивного взаимодействия тесно связан с уровнем речевого развития; отставание в речевом развитии приводит к тому, что ребенок оказывается не в состоянии сформулировать свою позицию. Развитие средств альтернативной и дополнительной коммуникации будет способствовать пониманию и принятию этих детей в социуме.

Навыки взаимоконтроля и взаимопомощи достоверно лучше сформированы у нормотипичных дошкольников, что является основой произвольной регуляции; у детей с нарушениями в развитии именно произвольность оказывается несформированной, что затрудняет коммуникацию.

Продуктивность совместной деятельности как компонент интерактивной стороны общения лучше сформирована у детей с ЗПР; дети с УО достигают результата, если работают индивидуально или совместно со взрослым.

Организация инклюзивного образовательного процесса в дошкольном учреждении не простая задача, для реализации которой необходимо целенаправленно строить работу по формированию коммуникативных навыков у всех субъектов инклюзивного образовательного процесса. Выявленные особенности коммуникативных умений у детей с нарушениями в развитии позволят сделать этот процесс более управляемым и целенаправленным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer.
2. Терещук Р. К. Общение и избирательные взаимоотношения дошкольников. Кишинев : Штиинца, 1989. URL: <http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:11514/Source:default>.
3. Мунирова Л. П. Формирование у младших школьников коммуникативных умений в процессе дидактической игры : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 17 с.
4. Хуторской А. В. Метапредметный подход в обучении. М. : Эйдос : Изд-во Ин-та образования человека, 2016. 80 с.
5. Лисина М. И. Формирование личности ребенка в общении. СПб. : Питер, 2009. 320 с.
6. Polloway E. Developmental principles of the Luckasson et al. (1992) AAMR definition of mental retardation: a retrospective // Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities. 1997. Vol. 32. No. 3. Pp. 174—178. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879145>.
7. Ainsworth P., Baker P. Evolving concepts of mental retardation // Understanding Mental Retardation. Jackson : University Press of Mississippi, 2004. Pp. 50—73. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt2tvjhj.6>.
8. Gemmell-Crosby S., Hanzlik J. Preschool teachers' perceptions of including children with disabilities // Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities. 1994. Vol. 29. No. 4. Pp. 279—290. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879116>.
9. Katims D. Literacy instruction for people with mental retardation: historical highlights and contemporary analysis // Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities. 2000. Vol. 35. No. 1. Pp. 3—15. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879702>.
10. Lorenzi D., Horvath M., Pellegrini A. Physical activity of children with and without mental retardation in inclusive recess settings // Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities. 2000. Vol. 35. No. 2. Pp. 160—167. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879940>.
11. Киселева Т. Г., Чебушева Е. В. Сравнительный анализ сформированности коммуникативных навыков у дошкольников с ОВЗ в условиях специального и инклюзивного образования // Инклюзивное образование: непрерывность и преемственность : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / Под ред. С. В. Алехина. М. : Моск. гос. психол.-пед. ун-т, 2019. С. 101—106.

12. Hard skills vs soft skills. Economy for the chosen ones or general financial literacy / S. Talanov, D. Berezin, M. Zaiceva, T. Kiseleva // *EDUCCON 2018. Ankara University, 27—28 Sept. 2018. Ankara, Turkey*. Pp. 129—130.
13. Rosenthal-Malek A., Yoshida R. The effects of metacognitive strategy training on the acquisition and generalization of social skills // *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*. 1994. Vol. 29. No. 3. Pp. 213—221. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879051>.
14. Thompson J., McGrew K., Bruininks R. Pieces of the puzzle: measuring the personal competence and support needs of persons with intellectual disabilities // *Peabody Journal of Education*. 2002. Vol. 77. No. 2. Pp. 23—39. URL: <http://www.jstor.org/stable/1492932>.
15. Continuity and change in the social competence of children with autism, Down syndrome, and developmental delays / M. Sigman, E. Ruskin, S. Arbelle, R. Corona, C. Dissanayake, M. Espinosa, B. Robinson // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. 1999. Vol. 64. No. 1. Pp. 1—139. URL: <http://www.jstor.org/stable/3181510>.
16. Hazen N., Black B. Preschool peer communication skills: the role of social status and interaction context // *Child Development*. 1989. Vol. 60. No. 4. Pp. 867—876. DOI: 10.2307/1131028.
17. Gottman J., Gonso J., Rasmussen B. Social interaction, social competence, and friendship in children // *Child Development*. 1975. Vol. 46. No. 3. Pp. 709—718. DOI: 10.2307/1128569.
18. Bufkin L., Altman R. A developmental study of nonverbal pragmatic communication in students with and without mild mental retardation // *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*. 1995. Vol. 30. No. 3. Pp. 199—207. URL: <http://www.jstor.org/stable/23889171>.
19. Yoshikawa H., Weiland C., Brooks-Gunn J. When does preschool matter? // *The Future of Children*. 2016. Vol. 26. No. 2. Pp. 21—35. URL: <http://www.jstor.org/stable/43940579>.
20. Dumas C., Lefranc A. Early schooling and later outcomes // *From Parents to Children: The Intergenerational Transmission of Advantage* / Eds. J. Ermisch, M. Jäntti, T. Smeeding. New York : Russell Sage Foundation, 2012. Pp. 164—189. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610447805.11>.
21. Universal preschool / A. Chaudry, T. Morrissey, C. Weiland, H. Yoshikawa // *Cradle to Kindergarten: A New Plan to Combat Inequality*. New York : Russell Sage Foundation, 2017. Pp. 71—100. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610448666.9>.
22. Рубинштейн С. Я. Психология умственно отсталого школьника. М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2016. 259 с.
23. Специальная психология / Под ред. Е. С. Слепович, А. М. Полякова. Минск : Вышэйшая школа, 2012. 511 с.
24. Андреева Г. М. Социальная психология. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Andr/index.php.
25. Цукерман Г. А. Диагностируем коммуникативные УУД: методика Рукавички. Н. Новгород, 2013. 9 с.
26. Смирнова Е. О. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. М. : ВЛАДОС, 2005. 158 с.

REFERENCES

1. Palmer D., Palmer L. *Evolutionary Psychology. Secrets of behavior Homo sapiens*. (In Russ.) URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/palmer.
2. Tereshchuk R. K. *Communication and selective relations of preschoolers*. Chisinau, Stiinza, 1989. (In Russ.) URL: <http://lib.mgppu.ru/OpacUnicode/app/webroot/index.php?url=/notices/index/IdNotice:11514/Source:default>.
3. Munirova L. R. *Formation in younger schoolchildren of communicative skills in the process of didactic game. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 1992. 17 p. (In Russ.)
4. Hutorskoy A. V. *A meta-disciplinary approach to education*. Moscow, Eidos, Publ. House of the Institute of Human Education, 2016. 80 p. (In Russ.)
5. Lisina M. I. *Formation of the child's personality in communication*. Saint Petersburg, Piter, 2009. 320 p. (In Russ.)
6. Polloway E. Developmental principles of the Luckasson, et al. (1992). AAMR definition of mental retardation: a retrospective. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 1997, vol. 32, no. 3, pp. 174—178. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879145>.
7. Ainsworth P., Baker P. Evolving concepts of mental retardation. *Understanding Mental Retardation*. Jackson, University Press of Mississippi, 2004. Pp. 50—73. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt2tvjh.6>.
8. Gemmell-Crosby S., Hanzlik J. Preschool teachers' perceptions of including children with disabilities. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 1994, vol. 29, no. 4, pp. 279—290. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879116>.
9. Katims D. Literacy instruction for people with mental retardation: historical highlights and contemporary analysis. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 2000, vol. 35, no. 1, pp. 3—15. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879702>.
10. Lorenzi D., Horvath M., Pellegrini A. Physical activity of children with and without mental retardation in inclusive recess settings. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 2000, vol. 35, no. 2, pp. 160—167. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879940>.
11. Kiseleva T. G., Chebusheva E. V. Comparative analysis of the formation of communicative skills in preschoolers with HIA in conditions of special and inclusive education. In: *Inclusive education: continuity and succession. Proceedings of the V Int. sci. and pract. conf.* Editor-in-chief S. V. Alekhin. Moscow, Moscow State Psychological and Pedagogical University publ., 2019. Pp. 101—106. (In Russ.)
12. Talanov S., Berezin D., Zaitseva M., Kiseleva T. Hard skills vs soft skills. Economy for the chosen ones or general financial literacy. In: *EDUCCON 2018. Ankara University, 27—28 Sept. 2018. Ankara, Turkey*. Pp. 129—130.
13. Rosenthal-Malek A., Yoshida R. The effects of metacognitive strategy training on the acquisition and generalization of social skills. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 1994, vol. 29, no. 3, pp. 213—221. URL: <http://www.jstor.org/stable/23879051>.

14. Thompson J., McGrew K., Bruininks R. Pieces of the puzzle: measuring the personal competence and support needs of persons with intellectual disabilities. *Peabody Journal of Education*, 2002, vol. 77, no. 2, pp. 23—39. URL: <http://www.jstor.org/stable/1492932>.
15. Sigman M., Ruskin E., Arbelle S., Corona R., Dissanayake C., Espinosa M., Robinson B. Continuity and change in the social competence of children with autism, Down syndrome, and developmental delays. In: *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 1999, vol. 64, no. 1, pp. 1—139. URL: <http://www.jstor.org/stable/3181510>.
16. Hazen N., Black B. Preschool peer communication skills: the role of social status and interaction context. *Child Development*, 1989, vol. 60, no. 4, pp. 867—876. DOI: 10.2307/1131028.
17. Gottman J., Gonso J., Rasmussen B. Social interaction, social competence, and friendship in children. *Child Development*, 1975, vol. 46, no. 3, pp. 709—718. DOI: 10.2307/1128569.
18. Bufkin L., Altman R. A developmental study of nonverbal pragmatic communication in students with and without mild mental retardation. *Education and Training in Mental Retardation and Developmental Disabilities*, 1995, vol. 30, no. 3, pp. 199—207. URL: <http://www.jstor.org/stable/23889171>.
19. Yoshikawa H., Weiland C., Brooks-Gunn J. When does preschool matter? *The Future of Children*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 21—35. URL: <http://www.jstor.org/stable/43940579>.
20. Dumas C., Lefranc A. Early schooling and later outcomes. In: *From Parents to Children: The Intergenerational Transmission of Advantage*. Eds. J. Ermisch, M. Jäntti, T. Smeeding. New York, Russell Sage Foundation, 2012. Pp. 164—189. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610447805.11>.
21. Chaudry A., Morrissey T., Weiland C., Yoshikawa H. Universal preschool. In: *Cradle to Kindergarten: A New Plan to Combat Inequality*. New York, Russell Sage Foundation, 2017. Pp. 71—100. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7758/9781610448666.9>.
22. Rubinstein S. Ya. *Psychology of the Mentally Disabled Schoolchildren*. Moscow, Institute for General Humanitarian Research publ., 2016. 259 p. (In Russ.)
23. *Special Psychology*. Ed. by E. S. Slepovich, A. M. Polyakov. Minsk, The higher school, 2012. 511 p. (In Russ.)
24. Andreeva G. M. *Social psychology*. (In Russ.) URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Andr/index.php.
25. Zuckerman G. A. *Diagnosing Communicative Universal Learning Activities. The Mitten Methodology*. Nizhny Novgorod, 2013. 9 p. (In Russ.)
26. Smirnova E. O. *Interpersonal relationships of preschoolers: diagnosis, problems, correction*. Moscow, VLADOS, 2005. 158 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Киселева Т. Г., Матаулина А. Е. Особенности формирования коммуникативных навыков у дошкольников с нарушениями развития // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 444—451. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.384.

For citation: Kiseleva T. G., Mataulina A. E. Peculiarities of communication skills formation in preschoolers with developmental disorders. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 444—451. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.384.

УДК 372.881.1
ББК 74.268.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.341

Karmanova Ekaterina Sergeevna,
Applicant of the Department of Teaching English
and Business Communication,
Moscow Pedagogical State University,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: Scorpion8989@mail.ru

Карманова Екатерина Сергеевна,
соискатель кафедры методики обучения английскому языку
и деловой коммуникации,
Московский городской педагогический университет,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: Scorpion8989@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПИСЬМУ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

FORMATION OF COGNITIVE UNIVERSAL LEARNING ACTIVITIES IN TEACHING WRITING IN CHINESE

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Theory and methods of education and bringing

В данной статье рассмотрен вопрос о преподавании раздела «Письмо» при обучении китайскому языку для обучающихся общеобразовательных школ с точки зрения возможности достижения познавательных универсальных учебных действий. В условиях реализации новых образовательных стандартов и растущей популярности китайского языка в качестве второго иностранного существует необходимость

теоретической и практической разработки методики его преподавания в средней школе. Китайский язык может изучаться более эффективно и результативно при условии опоры на универсальные учебные действия (УУД). Рассмотрена специфика иероглифической письменности как особой знаковой системы, являющейся логографической и имеющей ряд отличий от письменных систем языков романской группы.

Когнитивный подход в обучении иероглифическому письму, реализующийся через целенаправленное обучение стратегиям учебно-познавательной деятельности, рассмотрен как наиболее продуктивный в сравнении с традиционным подходом. Представлена схема, демонстрирующая взаимосвязь когнитивных процессов, познавательной компетенции и УУД при обучении письму. Рассмотрены виды когнитивных процессов, активизирующихся в процессе освоения иероглифики, а также четыре типа учебных заданий, выполнение которых реализуется для каждого из представленных когнитивных процессов. Уточнен и конкретизирован перечень познавательных УУД, формирование которых осуществляется в процессе обучения письму на китайском языке. Предложен подход, при котором формирование познавательных УУД осуществляется посредством выполнения системы специально подобранных учебных заданий. Результаты исследования представлены в виде таблицы, где соотнесены когнитивные процессы, классификации учебных заданий при обучении письму на китайском языке и системы познавательных УУД. Выявлен список познавательных универсальных учебных действий, формируемых при обучении письму на китайском языке.

The article considers the issue of teaching writing in the framework of teaching Chinese at school from the angle of the possibility to achieve formation of cognitive universal learning activities is. In the conditions of the implementation of the new Federal Educational Standards and the increasing popularity of the Chinese language as a second language there is a need for theoretical and practical development of its teaching methods in secondary school. Chinese can be learnt more efficiently and effectively if the teaching is based on universal learning activities. The specificity of Chinese character writing as a special sign system which is logographic and has certain differences from writing systems of the Roman language group is also examined. Cognitive approach to teaching Chinese character writing, which is realized via goal-related teaching of strategies of academic-cognitive actions, is addressed as the most efficient in the comparison to the traditional approach. The scheme presenting the correlation between cognitive processes, cognitive competence and studying action when teaching writing is considered. Types of cognitive processes activated in the process of mastering hieroglyphics are considered, as well as 4 types of assignments the performance of which is realized for each of the presented cognitive processes. The list of cognitive universal learning activities formed within the process of teaching Chinese character writing is clarified and specified. An approach in which the formation of cognitive skills is carried out through the implementation of a system of specially selected academic tasks is proposed. The results of the research are presented in the chart, where the cognitive processes, the classification of assignments within teaching of Chinese character writing and the system of cognitive skills are related. The cognitive universal learning activities formed during the teaching of writing in Chinese are identified.

Ключевые слова: китайский язык, иероглиф, письмо, знаковая система, познавательные универсальные учебные действия, когнитивный процесс, познавательная компетенция, учебное задание, учебно-познавательная деятельность, когнитивный подход.

Keywords: Chinese language, Chinese character, writing, system of signs, cognitive universal learning activities, cognitive process, cognitive competence, assignment, academic-cognitive activity, cognitive approach.

Введение

Изученность проблемы. Познавательные учебные универсальные действия являются базисом для развития научно-исследовательского потенциала обучающегося, однако результаты сформированности продуктивной познавательной деятельности остаются на низком уровне. Проблематика, связанная с формированием УУД, достаточно часто привлекает внимание исследователей: подробно исследован процесс формирования УУД младших школьников (И. Е. Сюсюкина, Д. Д. Кечкин, О. В. Кузнецова, Т. С. Котлярова, И. В. Петрова и др.), определены эффективные технологии формирования универсальных учебных действий (Л. А. Теплоухова, И. И. Борисова и др.), описан процесс формирования различных видов универсальных учебных действий учащихся (С. В. Чопова, О. В. Кузнецова и др.). Однако преподавание предметов языкового цикла в свете необходимости формирования УУД значительно реже становится предметом исследования, что тем самым предопределяет необходимость дальнейшего научного поиска.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях реализации новых образовательных стандартов и растущей популярности китайского языка в качестве второго иностранного существует необходимость теоретической и практической разработки методики его преподавания в средней школе. Китайский язык обладает огромным потенциалом для всестороннего развития личности и в то же время может изучаться более эффективно и результативно при условии опоры на универсальные учебные действия.

Научная новизна исследования заключается в выявлении специфики обучения китайскому как второму иностранному в средней школе с позиций возможности формирования познавательных универсальных учебных действий.

Цель исследования — теоретически обосновать подход к формированию познавательных универсальных учебных действий на основе обучения разделу «Письмо» на китайском языке обучающихся средней общеобразовательной школы.

Поставленная цель предопределила необходимость решения ряда **задач**:

- обосновать взаимосвязь формирования познавательных УУД, познавательной компетенции и ряда когнитивных процессов при обучении китайскому языку;
- конкретизировать перечень познавательных УУД, формирование которых возможно осуществить в процессе обучения письму на китайском языке;
- обосновать подход, при котором формирование познавательных УУД осуществляется посредством выполнения системы специально подобранных учебных заданий.

Методология представлена общепедагогическими и методическими подходами: личностно-ориентированной парадигмой (Е. В. Бондаревская, И. С. Якиманская, А. Н. Леонтьев); деятельностным и системно-деятельностным подходом (Л. С. Выготский, П. Я. Гальперин, В. В. Гузеев, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, А. М. Новиков, С. Л. Рубинштейн, Н. Ф. Тальзина, И. С. Якиманская и др); метапредметным подходом (Ю. В. Громыко, А. В. Хуторской); коммуникативно-когнитивным подходом (И. Л. Бим, А. В. Щепилова).

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что предложенная методика обучения может быть непосредственно реализована в практике обучения китайскому языку в средней школе.

Основная часть

Обучение письму — одно из основополагающих направлений при изучении иностранного языка. Особое значение это приобретает в случае обучения знаковой системе письма, ярким представителем которой является иероглифическая письменность. В первую очередь это связано с тем фактом, что изначально иероглифические знаки фиксировали не конкретную речь, а некоторые совокупности идей, в которых отражались какие-либо ситуации, события, факты, а также различные планы, намерения. Древнейшие системы письма были логографическими. Каждому слову соответствовал определенный знак, следовательно, иероглиф передавал не звуковые элементы, письменному знаку приписывается «чтение» в виде звуковой оболочки данного слова. Письменный знак в иероглифическом письме, таким образом, фиксирует единицу языка как двустороннюю величину — и ее звучание, и ее значение [1]. Поэтому каждый иероглиф имеет и звучание, и значение, которые приписаны ему общественной практикой [2, с. 20]. Другими словами, иероглифы в китайском языке, в отличие от буквенных письменных систем, состоят из черт, которые, в отличие от букв в языках романской группы, не являются фонемами.

Разные авторы и методисты предлагают свои подходы к обучению письму. В российской традиции методики преподавания китайского языка можно выделить несколько работ, относящихся к частным методикам. Это работы Н. А. Деминой «Методика преподавания практического китайского языка» [3], И. В. Кочергина «Очерки методики обучения китайскому языку» [4] и О. А. Масловец «Методика обучения китайскому языку в средней школе» [5], наличие ряда учебных пособий по иероглифике (А. В. Благая [6], А. М. Карапетьянц [7], О. Н. Маслакова [8], Н. Г. Паюсов [9], Ю. В. Рюнин [10], Цзя Гоцзюнь [11], Чжан Пэнпэн [12] и др.).

Однако, несмотря на столь обширный список методик и подходов, до сих пор одной из основных проблем в процессе освоения китайского языка является раздел «Письмо». Наиболее частотнo используется классический метод обучения и запоминания элементов письма, который заключается в многократном прописывании, ведении прописей. Данный метод апробируется не одно десятилетие и имеет место практике обучения, однако его применение не всегда способствует сознательному усвоению элементов письма и не имеет высокую эффективность. Обучающийся, используя данную технику работы с иероглифическим письмом, запоминает письменные знаки неосознанно, изолированно друг от друга, что, в свою очередь, значительно замедляет процесс освоения языка и уровень мотивированности при его изучении.

В своем исследовании, вслед за Ю. В. Молотковой, считаем необходимой реализацию когнитивного подхода в обучении иероглифическому письму, в процессе которого будет реализовано целенаправленное обучение стратегиям учебно-познавательной деятельности, что впоследствии приведет к успешному формированию познавательной компетенции обучающегося [13].

Определим познавательную компетентность как интегративную личностную характеристику обучающегося, проявляющуюся в осознанности им ценности познания, владения путями осуществления самостоятельной деятельности приобретения, накопления, переработки и использования информации для решения познавательных проблем, наличия опыта осуществления и саморефлексии познавательной деятельности. Значение познавательной компетенции состоит в том, что владение ей есть необходимое условие мыслительной деятельности, которая осуществляется в любой деятельности [14].

На сегодняшний день наиболее широко используется представление о формировании и развитии составляющих познавательной компетенции обучающегося через формирование универсальных учебных действий. Рассмотрим возможности формирования познавательных УУД в процессе обучения письму через систему специально отобранных учебных заданий на уроках китайского языка, а также ряд когнитивных процессов, активизирующихся при их выполнении. На наш взгляд, это взаимосвязанные процессы, протекающие параллельно друг с другом (рис.).

Рис. Составляющие процесса обучения иероглифическому письму

На основании материалов, представленных в монографии Ю. В. Молотковой, когнитивные процессы, которые реализуются в процессе освоения иероглифик, — это восприятие, распознавание, запоминание, воспроизведение. Эти процессы, в свою очередь, взаимосвязаны с выполнением того или иного типа учебного задания. Классификация и содержание учебных заданий обозначены следующим образом.

Когнитивно-рецептивный тип учебного задания: усвоение знаний начинается с восприятия предлагаемого иероглифического материала, обнаружения и интерпретации получаемой информации. Одной из закономерностей восприятия является категориальность, можно предположить, что компоненты иероглифики воспринимаются обучающимися как представители некоторого класса объектов. В процессе выполнения данного типа заданий с опорой на анализ происходит выделение общего и различного, определение и осознание деталей, что позволяет обучающимся не просто воспринимать материал, но и относить его к определенным классам и группам.

Когнитивно-ассоциативный тип учебного задания: задача данного типа учебных заданий — формирование различных ассоциативных и иерархических сетей черт, графем и иероглифов. Полученная на предыдущем этапе первичная информация приобретает вид сети и попадает в долговременную память. Формируется стратегия использования ассоциаций различного характера и визуальных образов для запоминания черт, графем и иероглифов.

Ассоциативно-репродуктивный тип учебного задания: главной задачей является формирование графических, каллиграфических и орфографических навыков письма. Обучающимися используется стратегия контрастивного анализа черт, графем и иероглифов и опоры на имеющиеся знания при воспроизведении черт, графем и иероглифов. Осуществляются когнитивные операции анализа, сравнения,

сопоставления, а также ассоциаций, установленных обучающимися при выполнении предыдущего типа упражнений.

Интегративно-репродуктивный тип учебного задания: воспроизведение материала на данном этапе происходит на основе интеграции, комплексного и взаимосвязанного использования всех полученных ранее декларативных и процедурных знаний, всех сформированных навыков и стратегий учебно-познавательной деятельности. Данный тип заданий направлен на совершенствование графических, каллиграфических, орфографических навыков письма [13].

Наша задача — уточнить и конкретизировать содержательную сторону обучения письму и списка УУД, формирование которых осуществляется в процессе его усвоения. Для определения УУД, формирование которых возможно в курсе китайского как второго иностранного, возникла необходимость в формализованном представлении системы УУД. Предполагается, что результатом формирования познавательных универсальных учебных действий будут являться умения, обозначенные в перечне познавательных УУД (ФГОС ООО п. 10) [15].

В результате анализа данного перечня было выявлено, что некоторые его составляющие не являются актуальными для обучения письму на начальном этапе, в частности раздел «Смысловое чтение», где обучающийся должен работать уже с целыми текстовыми фрагментами. Обучение письму связано с первоначальным ознакомлением с элементами письменной системы китайского языка и предполагает работу с отдельными элементами письменной системы или изолированными лексическими элементами. Учебное действие по разработке и реализации учебного проекта на основе предложенной проблемной ситуации и осуществление исследовательской деятельности также не являются актуальными для начального этапа обучения.

Можно сделать вывод, что отдельный учебный предмет требует конкретизации учебных действий, которые могут быть реализованы в рамках обучения тому или иному содержательному компоненту.

Результаты

В связи с этим в рамках нашего исследования мы использовали подход, предложенный Э. В. Миндзаевой, в соответствии с которым учебные действия обозначены определенными понятиями и зафиксированы в форме списка конкретных действий, например «выделять», «называть», «читать», «копировать», «объяснять» «формализовать», «моделировать», «создавать», «оценивать» «корректировать», «использовать», «прогнозировать» [16]. На основе данного подхода нами была определена особая система познавательных универсальных учебных действий, которые могут быть сформированы в контексте учебной дисциплины «Китайский язык (как второй иностранный)» при обучении письму.

Данная система представлена перечнем из девяти учебных действий, которые соотнесены с формируемыми умениями.

1. Искать/выделять:

- выделять из набора элементов-знаков знаки, относящиеся к разным видам, с позиции составляющих их компонентов;
- осуществлять поиск уже изученных знаков и тех, что встречаются впервые.

2. Анализировать:

- анализировать объекты с целью выделения признаков (существенных, несущественных);
- производить количественный анализ компонентов;
- проводить анализ с точки зрения базовых графических элементов.

3. Сравнить/классифицировать:

- выбор оснований и критериев для сравнения, классификации письменных знаков с точки зрения количественного и качественного анализа его оставляющих.

4. Устанавливать связи:

- устанавливать причинно-следственные связи;
- объяснять, какие структурные элементы позволяют говорить о принадлежности знаков к одной знаковой системе.

5. Выдвигать гипотезу:

- выдвигать гипотезы о взаимосвязи этимологического происхождения знака и культурно-исторических явлений, взаимосвязанных с ним.

6. Определять:

- определять логические связи между предметами и явлениями с помощью знаков в схеме;
- определять логические взаимосвязи между древним и современным вариантами написания письменного знака.

7. Создавать:

- создавать модель лексической единицы определенной тематики, исходя из повторяющихся структур ее составляющих;
- конструировать модель изучаемого явления с позиции изученного материала учебного курса и собственной исследовательской позиции.

8. Объединять:

- объединять знаки с одинаковыми компонентами (черта, ключ).

9. Выделять:

- выделять знаки по принципу наличия/отсутствия уже изученных или новых структурных компонентов;
- выделять знаки с одинаковыми оставляющими из ряда представленных.

Следующим этапом нашего исследования является соотнесение когнитивных процессов, классификации учебных заданий при обучении письму на китайском языке и системы познавательных УУД. Представим результаты нашего сравнительного анализа в виде сводной таблицы.

Типы учебных заданий по обучению письму в соответствии с системой реализации познавательных УУД

Тип учебного задания	Познавательные УУД
Когнитивно-рецептивный (этап восприятия) Декларативные знания об основных и производных чертах иероглифики, о графемах и структурных схемах иероглифов, о компонентах и аспектах иероглифов. 1. Учебное задание на идентификацию. 2. Учебное задание на дифференциацию	Искать/выделять Сравнить/классифицировать Объединять Выделять
Когнитивно-ассоциативный (этап запоминания) Системные представления о сложных взаимосвязях между компонентами иероглифики. 1. Учебное задание на установление ассоциативных связей между чертами, графемами звукобуквенного стандарта. 2. Учебное задание на группировку черт, графем, иероглифов	Устанавливать связи Анализировать Сравнить/классифицировать Объединять

Тип учебного задания	Познавательные УУД
Ассоциативно-репродуктивный (этап воспроизведения) Анализ, сравнение, сопоставление, ассоциации. 1. Учебное задание на имитацию. 2. Учебное задание на подстановку. 3. На трансформацию. 4. На репродукцию	Выдвигать гипотезу Выделять Искать/выделять Сравнивать/классифицировать Объединять
Интегративно-репродуктивный (этап воспроизведения) Интеграция всех ранее полученных декларативных и процедурных знаний. 1. Учебное задание на комбинирование черт в графемах, графем в иероглифы. 2. Учебное задание на оценку и коррекцию написания иероглифов. 3. Учебное задание на комбинирование иероглифов в словах	Устанавливать связи Анализировать Сравнивать/классифицировать Объединять Создавать Выдвигать гипотезу

Заключение

Таким образом, на наш взгляд, самым продуктивным подходом к изучению раздела «Письмо» при обучении китайскому языку является когнитивный подход, в процессе которого реализуется целенаправленное обучение стратегиям учебно-познавательной деятельности. Выявлено, что формирование познавательных УУД и познавательной компетенции, активизация когнитивных процессов могут быть представлены как взаимосвязано протекающие процессы. Уточнен и конкретизирован

перечень познавательных УУД, формирование которых осуществляться в процессе обучения письму на китайском языке. Предложен подход, при котором формирование познавательных УУД осуществляется посредством выполнения системы специально подобранных учебных заданий.

Результаты исследования представлены в виде таблицы, где соотнесены когнитивные процессы, классификации учебных заданий при обучении письму на китайском языке и системы познавательных УУД.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Солнцев В. М. Очерки по современному китайскому языку (введение в изучение китайского языка). М. : Изд-во ИМО, 1957. 207 с.
2. Лоукотка Ч. Развитие письма / Пер. с чеш. Н. Н. Соколова ; под ред. проф. П. С. Кузнецова. М. : Изд-во иностран. лит., 1950. 319 с.
3. Демина Н. А. Методика преподавания практического китайского языка : учеб. пособие. М. : Тривола, 1997. 76 с.
4. Кочергин И. В. Очерки методики обучения китайскому языку. М. : Муравей, 2000. 152 с.
5. Масловец О. А. Методика обучения китайскому языку в средней школе. М. : Восточ. кн., 2012. 184 с.
6. Благая А. В. Учебник китайского языка: начальный курс / Ред. кит. текстов Чжан Цзюньсян. М. : Цитадель-трейд : Вече, 2006. 543 с.
7. Карапетьянц А. М. Учебник китайского языка: новый практический курс : в 2 ч. М. : Восточ. лит., 2007.
8. Маслакова О. Н. Китайский язык: вводный иероглифический курс. М. : МГИМО-Университет, 2011. 27 с.
9. Паюсов Н. Г. Методика обучения иероглифике : дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 241 с.
10. Рюнин Ю. В. Прописи по китайскому иероглифическому письму: 1 этап обучения. М. : Восток-Запад, 2004. 158 с.
11. Цзя Гоцзюнь. Научно-обоснованная методика преподавания иероглифики. Чанша, 2001. 270 с.
12. Чжан Пэнпэн. Быстрое овладение китайскими иероглифами : учеб. Пекин, 2007. 136 с.
13. Молоткова Ю. В. Обучение китайскому иероглифическому письму студентов языкового вуза. Минск : РИВШ, 2016. 178 с.
14. Кунаш М. А. Формирование и развитие познавательной компетентности учащихся. 7—11 классы. Диагностический инструментариий. ФГОС. М. : Учитель, 2020. 156 с.
15. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий : пособие для учителя / А. Г. Асмолов и др. М. : Просвещение, 2010. 159 с.
16. Миндзаева Э. В. Развитие универсальных учебных действий в курсе информатики 5-6 классов : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. М., 2009. 185 с.

REFERENCES

1. Solntsev V. M. *Essays on Modern Chinese. (An Introduction to Learning Chinese)*. Moscow, IMO publ., 1957. 207 p. (In Russ.)
2. Lawkotka C. *Development of writing*. Translated from Czech by N. N. Sokolov. Ed. by Prof. P. S. Kuznetsov. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1950. 319 p. (In Russ.)
3. Demina N. A. *Methodology of teaching practical Chinese language. Textbook*. Moscow, Trivola, 1997. 76 p. (In Russ.)
4. Kochergin I. V. *Essays on teaching Chinese language*. Moscow, Muravey, 2000. 152 p. (In Russ.)
5. Maslovets O. A. *Methods of teaching the Chinese language in secondary school*. Moscow, Vostochnaya kniga, 2012. 184 p. (In Russ.)
6. Blagaya A. V. *Textbook of the Chinese language. Elementary course*. Chinese texts ed. by Zhang Junxiang. Moscow, Tsitadel-treyd, Veche, 2006. 543 p. (In Russ.)
7. Karapetyants A. M. *Textbook of the Chinese language. New Practical Course*. In 2 parts. Moscow, Vostochnaya literatura, 2007. (In Russ.)

8. Maslakova O. N. *Chinese language: introductory hieroglyphic course*. Moscow, MGIMO-Universitet, 2011. 27 p. (In Russ.)
9. Payusov N. G. *Methods of teaching hieroglyphics. Diss. of the Cand. of Philology*. Moscow, 1954. 241 p. (In Russ.)
10. Ryunin Yu. V. *Recipe for Chinese hieroglyphic writing: 1st stage of training*. Moscow, Vostok-Zapad, 2004. 158 p. (In Russ.)
11. Jia Guojun. *Scientificallly grounded methodology for teaching hieroglyphics*. Changsha, 2001. 270 p.
12. Zhang Pengpeng. *Rapid mastery of Chinese characters. Textbook*. Beijing, 2007. 136 p.
13. Molotkova Yu. V. *Teaching Chinese hieroglyphic writing to students of a language university*. Minsk, RIVSH, 2016. 178 p. (In Russ.)
14. Kunash M. A. *Formation and development of students' cognitive competence. 7—11 grades. Diagnostic tools. FSES*. Moscow, Uchitel, 2020. 156 p. (In Russ.)
15. Asmolov A. G. et al. *Formation of universal learning activities in the basic school: from action to thought. The system of tasks. Teaching guide*. Moscow, Prosveshchenie, 2010. 159 p. (In Russ.)
16. Mindzaeva E. V. *Development of universal learning activities in the course of informatics for grades 5—6. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Moscow, 2009. 185 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Карманова Е. С. Формирование познавательных универсальных учебных действий при обучении письму на китайском языке // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 451—456. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.341.

For citation: Karmanova E. S. Formation of cognitive universal learning activities in teaching writing in Chinese. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 451—456. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.341.

УДК 378.096
ББК 74.409

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.349

Orlov Vladimir Sergeevich,
Ph. D. (Cantab), Musicology,
Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Studies
and Practices in the Field of Arts,
St. Petersburg University,
Russian Federation, Saint Petersburg,
e-mail: v.s.orlov@spbu.ru

Орлов Владимир Сергеевич,
Ph. D. (Cantab) по музыковедению,
доцент кафедры междисциплинарных исследований
и практик в области искусств,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург,
e-mail: v.s.orlov@spbu.ru

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ СОВМЕСТНЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КУРСОВ В РАМКАХ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

AN EXPERIENCE IN TEACHING COMMON INTERDISCIPLINARY COURSES AS A PART OF THE MODEL OF LIBERAL EDUCATION

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Theory and methodology of education and bringing up

Тематика преподавания «совместных» курсов, когда в аудитории со студентами занимается два или более преподавателя, практически не разработана ни в отечественной, ни в зарубежной педагогике. Между тем именно данная практика глубоко отражает многие задачи образовательной модели свободных искусств и наук, как это показано, в частности, Дж. Беккером. Он выделяет целый перечень достоинств практики ведения курсов вдвоем, в их числе: возможность интеллектуального и образовательного взаимообогащения, преодоление дисциплинарной замкнутости, раскрепощение студентов, открывающих для себя возможности иначе осмыслить свою работу в рамках курса. Междисциплинарность, в свою очередь, является важнейшим принципом либерального образования, который только начинает внедряться в принципы преподавания гуманитарных наук в нашей стране. Ориентируясь на опыт преподавания совместных курсов на протяжении педагогической карьеры автора, в статье представлен опыт преподавания такого курса («Постгуманизм в искусстве») двумя учителями (В. Орловым и Н. Федоровой), специалистами в различных областях: историческое

музыкознание и визуальные искусства. В работе показаны и оценены педагогические стратегии и тактики, примененные в рамках данного курса, проанализирован опыт студентов, их эволюция и выполненные задания, представлены мнения о курсе самих студентов и самих преподавателей курса. К числу таких стратегий относятся вставки «соло» (когда только один преподаватель ведет занятие), дебаты и острые столкновения преподавателей (которые могут в очередной раз раскрепостить или просто позабавить студентов) и совместное ведение занятий, когда преподаватели раскрывают тему в максимально полном контексте.

The topic of teaching “paired” courses, when two or more teachers teach students in the classroom, is practically not developed in either domestic or foreign pedagogy. Nonetheless, exactly this practice is profoundly reflecting on many tasks of liberal education model, as it is shown, for instance, by Jonathan Becker. He highlights the whole array of benefits of the practice of teaching courses by two instructors; these include the possibility of intellectual and educational mutual enrichment,

an overcoming through disciplinary margins, liberation of students, who open possibilities for reconsideration of their work at the course. Interdisciplinarity, in turn, is an essential principle of liberal education that is just beginning to be introduced into the principles of teaching the humanities in our country. Based on the experience of teaching joined courses during author's pedagogical career, the article presents the experience of teaching such a course ("Posthumanism in Art") by two teachers (V. Orlov and N. Fedorova), specialists in different fields: historical musicology and visual arts. The paper shows and evaluates pedagogical strategies and tactics, applied in the scopes of the course; the experience of students, their evolution and fulfilled tasks are analyzed; the opinions about the course of the students and teachers themselves are shown. These strategies include "solo" inserts (where only one instructor leads the class), debates and sharp confrontations between instructors (which can once again liberate or simply amuse students), and co-teaching sessions where instructors reveal a topic in as full a context as possible.

Ключевые слова: либеральное образование, совместное преподавание, гуманитарные науки, Смольный колледж, междисциплинарность, постгуманизм, Бетховен, Шуберт, техногенная катастрофа, зомби.

Keywords: liberal education, paired teaching, humanities, Smolny college, interdisciplinarity, posthumanism, Beethoven, Schubert, technogenic catastrophe, zombie.

Введение

Как уже показано в работах автора этих строк [1, 2], в отечественном образовательном сообществе наличествует известное противоречие: несмотря на громкую антизападную риторику, сами концепции и практики, разработанные и ставшие уже традиционными на Западе, продолжают у нас активно внедряться и осваиваться. Показательным примером тому является текущий 2021 год, «грибной» для создания программ либерального образования (по модели свободных искусств и наук): именно это произошло уже в нескольких отечественных высших школах — «Шанинка», университет свободных искусств и наук в Санкт-Петербурге, школа свободных искусств и наук при кафедре ЮНЕСКО в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена в том же Санкт-Петербурге. И это в дополнение к уже существующим программам в СПбГУ (которая и преобразуется в отдельный университет; создание обеих программ намечено на 2021—2022 гг.), в РАНХиГС (Москва, с 2012 г.) и в Тюменском государственном университете (с 2017 г.). Помимо непосредственно организации и запуска подобных программ, концепция преподавания в системе свободных искусств и наук разрабатывается и теоретически, подтверждением чему являются несколько конференций и публикаций по теме уже и на русском языке [3, 4].

Одним из центральных факторов, затрудняющих процесс признания либерального образования как в России, так и в других странах, является *междисциплинарность*. Этот принцип является стержневым для всей концепции либерального образования, и именно он оказывается наиболее проблематичным в восприятии данной модели чуть ли не во всех слоях образовательного сообщества: от студентов и их родителей до непосредственно ученых и преподавателей. Проблема заключается даже не только в намеренно компилятивном, непрофильном характере учебного плана

либеральных вузов, в рамках которого студенты самостоятельно разрабатывают свою образовательную траекторию, включая в нее предметы из совершенно разных дисциплин, возможно, в ущерб своему основному профилю (будь то компьютерные науки или художественная литература). Речь также идет о том, что при отсутствии единого компетентностно ориентированного учебного процесса возникает необходимость в совершенно ином типе преподавания, ориентированном как на студентов-«профессионалов», нацеленных на глубокое изучение данной дисциплины, так и на совершенно от нее далеких. В одной группе записавшихся на курс, например по музыке, оказываются как те, кто учился ей с шести лет, с подготовительного класса детской музыкальной школы, так и те, кто вообще не владеет музыкальной грамотой и самыми элементарными знаниями о предмете. Самая ожидаемая реакция как для многих студентов, так и для преподавателей-неофитов в такой ситуации — возмущение и паника, вопрос: «Что делать!?!». Примечательно, что данная проблема не идентифицируется исключительно в отечественном образовательном контексте, и поиск адекватных образовательных подходов и стратегий для подобных ситуаций оказывается весьма проблематичным и на Западе. Сам автор лично столкнулся с аналогичной проблемой, когда преподавал в Кембриджском университете в Великобритании (2007—2011 гг.), а также и в некоторых других вузах. Данная картина колоссальной разницы в подготовке среди студентов одной группы стала уже типичной для многих западных вузов, постепенно обнаруживая себя и у нас. Как охарактеризовал данную ситуацию, весьма характерную для либерального образования, один из западных академиков: это то же самое, как пытаться «преподавать роман XIX века людям, которые не умеют читать» [5, с. 93].

В некоторых работах автора уже показаны примеры решения подобных проблем, а именно: варианты новых педагогических задач, стратегий, студенческих заданий, а также целых курсов, учитывающих междисциплинарную специфику [1, 2]. В настоящей работе будет рассмотрен еще один способ преодоления дисциплинарной замкнутости, ориентированный как на самого преподавателя, так и на студентов, записавшихся на курс. И, как будет показано, данный способ заключается как раз не в том, чтобы пытаться уйти от проблемы различного междисциплинарного бэкграунда студентов, воспринимаемого как стороннее, мешающее делу препятствие. Ровно наоборот: в предложенном виде проблема междисциплинарности становится главным условием, и даже, более того, одним из наиболее привлекательных аспектов курса. Речь идет о так называемом парном, совместном преподавании, когда курс ведут два преподавателя — представители разных дисциплин и областей знаний. Как данное новшество может помочь процессу обучения в рамках модели свободных искусств и наук и как это было осуществлено на примере прочитанного курса, будет показано в настоящей статье.

Актуальность. Изначально, в 2018 г., в процессе создания данного курса совместно с другим преподавателем, а также при подготовке настоящей статьи в 2021 г., автору этих строк казался весьма удивительным факт исчезающе малой разработанности данной темы. Даже в англоязычной научной литературе и публицистике парному преподаванию ("paired teaching"), когда в аудитории два или более инструктора, уделяется сравнительно мало внимания [5, 6], тогда как в русскоязычной литературе работ на эту тему

не удалось найти совсем. Причем часто в качестве примеров обычно указывается следующая кадровая формула: 1) заслуженный преподаватель, в возрасте; 2) молодой, начинающий [7]. Как изначально можно догадаться, основной задачей такого курса как раз и является подготовка молодого преподавателя, которому оказывается помощь со стороны более опытного коллеги. В рамках нашей концепции данной педагогической практики представлены совершенно иные методы и цели. И главное отличие, как указывалось выше, — междисциплинарность, что как раз подразумевает принцип равноправия обоих преподавателей, готовых к сотрудничеству и экспериментальному поиску.

Единственным известным нам источником, в котором внятно и обстоятельно излагаются достоинства данного метода, — он, собственно, и сподвигнул нас на создание такого курса, — является прослушанная нами лекция профессора Бард-колледжа Дж. Беккера, фактически призвавшего российских преподавателей вводить эти «совместные» курсы в рамках либерального образования [8]. Из преимуществ данной практики были выделены следующие:

1. Избавление от дисциплинарных и личностных (психологических, общекультурных) ограничений у каждого из преподавателей: как в оценивании, так и в самом процессе преподавания учителя могут достигать большей объективности и непредвзятости, что особенно важно в формате междисциплинарного общения. (Так, предположим, что преподаватель может просто не решиться поставить высокую оценку студенту, плохо разбирающемуся в области специализации преподавателя, даже если он хорош в иной области.)

2. Значительное уменьшение монологичности и лекционности изложения: в рамках такого курса возникает больше возможностей для установления диалога и дискуссии, что может послужить дополнительным стимулом для раскрепощения воли студента, позволить больше ориентировать его на сотворчество и на «свободное маневрирование» в материалах и в различных формах деятельности (activities), предложенных в рамках курса.

3. Взаимобогащение и получение дополнительных знаний, что касается не только студентов, но и самих преподавателей, чьи возможности для саморазвития часто оказываются труднодоступны и ограничены. Фундаментальная для либерального образования задача междисциплинарности воплощается здесь в рамках конкретной педагогической практики, а не только во всей совокупности портфолио студента.

Все изложенное позволяет предположить, что описание опыта создания данного курса делает настоящую тему **актуальной**; в этом же заключается и **целесообразность разработки темы**: примеры совместного междисциплинарного преподавания практически не изучены ни в англоязычной, ни в русскоязычной литературе. Вместе с тем репрезентация данного опыта являет, на наш взгляд, несомненную **теоретическую и практическую значимость**, поскольку она добавляет ряд новых подробностей, доселе не представленных в работах, посвященных либеральному образованию, а также демонстрирует примеры практической реализации нашей концепции. Как уже заявлено, работа претендует на **научную новизну**: впервые темой научной статьи является опыт ведения междисциплинарного курса двумя преподавателями — представителями различных областей гуманитарного знания.

Изученность проблемы. Как неоднократно указывалось выше, концепция преподавания по модели свободных искусств и наук у нас только начинает разрабатываться.

Однако даже в тех немногих увидевших свет изданиях уже представлены различные техники и методики преподавания, а также описывается сама природа обучения в данной системе. Так, проблемы междисциплинарности, ее плюсы и минусы обсуждаются в статье М. ван дер Венде [9, с. 55—58]; о проблемах обучения искусствам и их роли в системе либерального образования рассуждает Д. Окстоби: именно в данной работе представлены механизмы вовлечения и удержания студентов различных специальностей в области искусства с помощью междисциплинарной методологии [10, с. 80—91].

Те же проблемы — необходимость обновления педагогических принципов и польза междисциплинарности — рассматриваются в нескольких работах специалистов по музыкальной педагогике, в частности в статьях Н. Анчутиной [11] и П. Нелюбина [12]. Приводимые ими примеры того, как принцип междисциплинарности способствует пониманию музыки у представителей иных областей знаний, перекликаются со многими вышеприведенными рассуждениями, за вычетом специфики либерального образования, с которой авторы не знакомы.

Так, касательно непосредственной темы настоящей статьи, как уже указывалось, она не разработана совсем, помимо нескольких вышеупомянутых источников, лишь косвенно затрагивающих проблему совместного преподавания различных преподавателей в рамках одного курса.

В соответствии с проблемой отсутствия научного задела по теме нами сформулирована следующая **цель** исследования — показать, как работает данная практика междисциплинарного взаимодействия. К **задачам** работы относятся следующие: показать определенные педагогические тактики, разработанные нами во время ведения данного курса; показать примеры студенческих заданий в различных формах (обсуждения, доклады, игры, самостоятельные письменные работы и презентации); представить достигнутые результаты, в том числе на основе анонимных отзывов студентов, предоставляемых педагогам для ознакомления после окончания курса.

Методология исследования. На протяжении своей педагогической карьеры автор участвовал в ведении многих совместных курсов и модулей, которые подходят под различные вышеприведенные описания. Так, с 2007 г. в Кембриджском университете автор как раз оказался на правах младшего коллеги, в должности supervisor (в российской системе аналогичная должность отсутствует; ближе всего наша позиция «ассистент») на курсах «Фуга» и «Шостакович и его мир», патронируемых прославленными кембриджскими академиками (Т. Браун, М. Фролова-Уокер). Много позже, с 2014 г. по настоящее время, в рамках модуля или многосоставного курса автор прочел не менее пяти курсов в таких вузах либерального образования, как Гриннелл-колледж, Бард-колледж (США), Европейский гуманитарный университет (Литва), Школа перспективных исследований (ТюмГУ), Институт физики (СПбГУ) и др. Курсы были посвящены различной тематике, включая различные области изучения русской музыки и культуры (профиль автора), а также такие, как история моды или герменевтический семинар. Соавторами курсов являлись специалисты, весьма далекие от области знаний автора (историческое музыковедение); их профиль отличался от международного права до визуальных искусств, художественной литературы и философии.

Таким образом, опираясь на разнообразный и обширный опыт ведения междисциплинарных совместных курсов, автором и был разработан совместный курс, который

в точности отобразил условия, представленные в вышеупомянутом докладе Беккера: максимальные равноправие и междисциплинарность. Данный курс бакалавриата под названием «Постгуманизм в искусстве» на английском языке (2018 г., прочитан в 2019 г.), который и будет главным образом рассмотрен в данной статье, вообрал в себя тематику, в равной степени отражающую интересы и знания обоих авторов курса [13]. Построенный в хронологическом порядке, он начинается с обсуждения образцов классической музыки (Бетховен и Шуберт), идеи бессмертия шедевров искусства, веры в загробный мир. Противопоставлена данным примерам вторая половина курса, в которой значительное положение занимает обсуждение теорий постгуманизма и трансгуманизма, реакции художников постмодернизма на известные концепции «смерти автора», замещения человека машиной и т. п. Оба создателя курса являются коллегами, преподавателями факультета свободных искусств и наук СПбГУ: В. Орлов, автор этих строк, исследователь русской, советской, а также популярной музыки и различных проблем философии и музыки, и Н. Федорова (Ph. D., Массачусетский технологический институт, США), медиапоэт, куратор выставок, исследователь современного искусства [14]. В дальнейших разделах настоящей статьи будут рассмотрены педагогические стратегии, варианты студенческих заданий, разработанные нами на курсе, и достигнутые результаты, в частности: насколько оправдала себя данная практика с точки зрения обозначенных задач курса, насколько полезен и нужен оказался данный опыт. В качестве инструментов данного оценивания мы будем опираться на работы, выполненные студентами, и на нашу оценку этих работ, а также на анонимные отзывы студентов, предоставленные нам после выставления экзаменационных отметок за курс.

Основная часть

Тематика курса. Авторы курса поставили себе задачу увязать довольно различные темы — от платоновских идей и древнегреческих мифов до романтизма и постантропической философии и культуры, включая bio-art, science-art и zombie media. Очевидно, ни один из нас по отдельности не смог бы явиться специалистом должного уровня во *всех* этих областях. В связи с этим уже на этапе разработки курса мы, его авторы, стали шутить о том, что как минимум одна задача — культурного и образовательного взаимообогащения самих преподавателей — уже выполнена.

Задачи и предназначение курса. Согласно продолжительной аннотации к курсу [13], мы фактически не предъявляли никаких требований к студентам «на входе» при записи на наш курс. Формально данные требования не включали ничего необычного для нашего факультета: студентам для аттестации по курсу следовало сдать два эссе, подготовить презентацию и выполнить задания, назначаемые в классе; все на английском языке. (В учебном плане либерального вуза традиционные лекции практически отсутствуют, их место занимают семинары, подразумевающие активное участие студентов в обсуждении заданной литературы и классной работе.) Дополнительные требования касались, скорее, самих преподавателей: следовало объединить разнородных студентов едиными интересами и заданиями, найти точки соприкосновения и выработать единые критерии оценивания, особенно учитывая многократно упомянутый выше факт кардинального различия их портфолио и подготовки.

Характеристика студентов. Вопреки опасениям, общее количество студентов достигло самого максимума, согласно установленным на факультете стандартам: 20 человек. Как и ожидалось, записанные на курс студенты представляли из себя две группы, примерно одинаковые по численности: те, кто интересовался в первую очередь музыкой, либо современным искусством. Сами студенты, согласно их собственным заявлениям, сделанным перед всей группой в начале курса, обозначили в качестве своей цели изучение той или иной «половины» материала, как и ознакомление с тематикой курса в целом. Как мы и предполагали, общая картина складывалась до некоторой степени контрастная и противоречивая. Это и требовалось адаптировать, настроить для всеобщей пользы посредством наших педагогических стратегий и тактик.

Стратегия 1: «соло» с краткими вставками. Из 15 тем курса (соответствующих такому же числу занятий, утвержденных учебным планом) не менее четырех мы решили делать под стать интересам *одного* педагога, т. е. по два занятия на каждого из двоих педагогов. Были выбраны области знаний, ориентироваться в которых мог только один из нас (у Орлова упомянутые темы, посвященные наследию Л. ван Бетховена и Ф. Шуберта, у Федоровой проблемы киберэстетики и философии постантропизма, e-quality & mutualism [13]). Соответственно, в каждом случае второй преподаватель мог в лучшем случае выступить с небольшими дополнениями в меру своих возможностей. Опасности данной стратегии были очевидны: огромная часть студентов погружалась в состояние неопитов — по сравнению с другой половиной группы; именно поэтому использование этой стратегии нами было минимизировано. Однако здесь же обнаруживался и ее плюс: второй преподаватель сам не стеснялся обозначить свое незнание и «спускался вниз» до уровня студентов, становясь обычным участником дискуссии, как и все, задавая вопросы общего характера и максимально «демократизируя» обстановку в аудитории.

Стратегия 2: дебаты и роль «адвоката дьявола». Данная стратегия показалась нам, авторам курса, наиболее интересной и захватывающей. В программу курса были введены те узловые моменты, по которым, как мы обнаружили, оба преподавателя могли представить совершенно противоположные концепции (теоретически или даже идеологически), завязав, насколько потребуется, острые дебаты. Обыграв это театрально, мы изображали «схватку» преподавателей, возникающую прямо на занятии, к удивлению студентов, у которых неожиданно обозначилась возможность как-то по-новому проявить себя: вступить за одного из педагогов, попытаться их помирить, придумать новую ветвь дискуссии или взять на себя роль своеобразного арбитра. (За право оставаться простым зрителем студент удостоивался наиболее низкой оценки.) В качестве данных тем-«раздражителей» выступило наше собственное отношение к идеализму vs постгуманизму («после смерти идеально идти не в заоблачный мир, а разложиться на вполне конкретные вещества и атомы»), осознание конечности человеческой цивилизации и выставление ей заслуженной оценки (что «возмущает» верующего в бесконечный прогресс сторонника классического гуманизма) и т. д.

Стратегия 3: взаимодополнение и синергия. Несмотря на вышепредставленные комплименты стратегии 2, именно данная, третья, получила наибольший вес в программе курса. Именно здесь авторы курса выстраивали разработку и представление материала, возможно, по наиболее ожидаемому

принципу: раскрывая одну и ту же тему, дополняя ее знаниями с обеих сторон, показывая эти темы в разных контекстах. Так, занятие, посвященное русскому космизму, было поделено поровну между выступлениями Орлова про творчество и философию А. Скрябина и Федоровой про русских философов и художников-космистов. Занятие по science art & bio art также состояло из музыкальной части — как данные направления воплощаются в музыке, — и из презентации Федоровой по современному искусству. Наконец, тема апокалипсиса и техногенной катастрофы также сопровождалась примерами из академической и популярной музыки и из визуальных искусств и философии. На примере данной стратегии авторами курса была поставлена задача осветить проблему максимально комплексно и широко, не довольствуясь исключительно своей областью знаний.

Итак, после того, как нами были представлены основные педагогические стратегии, каковы были и насколько им соответствовали предлагаемые нами задания для студентов и само их выполнение?

Задания, и в особенности предоставленные нам ответы, тоже можно структурировать по мере их тяготения к своей основной дисциплине. Соответственно, начнем мы с **дисциплинарных** ответов на задания. К таковым следует отнести все ответы, когда студенты оставались в рамках своей науки, не рискуя выходить «за грань». В числе таковых были ответы студентов-музыкантов про творчество Скрябина (с обозначением специальной терминологии) или выступление студента, специалиста по IT, посвященное программному обеспечению, используемому при оформлении художественных выставок.

Несмотря на то, что мы, преподаватели курса, ничего не имели против подобных «безопасных» путей, все равно большая часть студенческих работ, устных и письменных, в соответствии с желаниями студентов рано или поздно оказывалась за пределами их областей специализации. Так, к числу **междисциплинарных** ответов относятся выступления о музейных проектах знаменитого американского композитора и теоретика Дж. Кейджа, доклад о музыке в зомби-фильмах, а также собственно художественное произведение студентки-музыковедки, посвященное психологической травме современной девушки, жертвы травли в социальной сети Instagram. Данные примеры были представлены студентами ближе к концу курса, когда ими уже обретаема смелость и готовность выходить на чужеродное поле научной и художественной деятельности. Процесс преодоления тщательно готовился преподавателями. Например, предлагалось обсуждение на занятии по типу следующего: студентам давались к прослушиванию песня Л. Андерсон «O Superman» (1981), а также фрагменты из оперы Д. Лигети «Le Grand Macabre» (1996). Затем предлагалось прокомментировать, что имелось в виду в каждом случае и какой из художественных образцов им представляется убедительнее с точки зрения воплощения концепции сверхчеловека (superhuman). На данном материале музыканты-неофиты могли спокойно вести дискуссию с образованными в музыке студентами, поскольку данная тема включала (а) текстовое и синтетическое искусство, а не чисто музыкальное, а также (б) образец популярной музыки, что в совокупности выводило тему за пределы обычных ракурсов музыковедения.

В качестве менее востребованной для оценивания, но для вовлечения студентов в тематику курса (а также и развлеченной), нами были испробованы игровые, или **внедисциплинарные**, вопросы. К числу таковых относятся задания: осуществить социокультурный анализ репрезентации вампиров и зомби в культуре с включением философии марксизма и Бахтина, философское размышление на тему

того, насколько необходима любви смерть, и т. д. В качестве ответов на вопросы требовалось подчас нарисовать символ и лейбл, разыграть пантомиму, написать стихи или исполнить музыкальную импровизацию; использовались групповые и индивидуальные формы работы.

Итак, представив нашу концепцию преподавания и студенческие воплощения наших идей, остановимся теперь на достигнутых **результатах** нашего семестрового курса.

1. На основе различных заявлений студентов, личных и анонимных, большая часть отнеслась к междисциплинарному опыту положительно; ими было уточнено, что либо они всегда оставались заинтересованными в теме, даже если данная тема была для них далека и трудна, либо, как мы и надеялись, студенты всегда находили свою «нишу», где они обретали заинтересованность.

2. Меньшая часть студентов — но не более пяти из 20 (20 %) — все же сообщили о наличии неприятных ощущений и даже о разочаровании именно в связи с изучением незнакомых им тем, а также в связи с неожиданностью и строгостью оценивания вторым педагогом. Как оказалось, выполнять задания вне знакомой обстановки студентам *сложнее* из-за возникновения новых, не всегда ожидаемых, вопросов и проблем стороннего специалиста.

3. В целом студенты сочли курс состоявшимся, ввиду предложенного в нем совершенно нового материала — и также под новым ракурсом преподнесенного знакомого, классического, — поскольку в противном случае студенты все равно бы не ознакомились с теми концепциями и примерами, которые мы преподавали студентам.

Заключение и выводы

Итак, в настоящей работе был показан опыт организации и проведения междисциплинарного курса «Постгуманизм в искусстве», читаемого двумя различными преподавателями; проведение данного курса было подготовлено длительным опытом ведения совместных курсов в прошлом у обоих его создателей. Опыт оказался успешным, хотя многие компоненты программы и преподавательских тактик выявили трудности. В целом по результатам ведения данного курса можно обозначить следующие выводы:

1) компоненты программы и педагогическая стратегия «соло» (см. выше, стратегия 1), как выяснилось, только добавляли проблем для студентов, так что в будущем они будут полностью изъяты из наших программ аналогичных совместных курсов;

2) курс действительно значительно способствовал воплощению миссии либерального образования, в частности: давал дополнительные стимулы для индивидуальной работы и раскрепощения студентов, требовал от них нестандартных решений в новых для них ситуациях [15];

3) в будущем нами уже планируется еще один аналогичный курс («Вспомнить все: создание и уничтожение памяти в искусстве» на английском языке, утвержденный в рабочем плане программы бакалавриата факультета свободных искусств и наук СПбГУ в 2022 г.).

Как уже многократно было отмечено, курсу был предписан целый перечень задач, в частности: преодоление институциональной замкнутости, улучшение горизонтальной мобильности в образовательных траекториях студентов, развитие у них навыков учебной и научной деятельности в междисциплинарной атмосфере и т. д. Внедрение данных курсов, на взгляд автора, в значительной мере может подготовить студентов к самостоятельному мышлению, а также и к новым, современным условиям, в которых часто требуется совмещение различных областей знаний и практик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Орлов В. Музыкальное образование в России: интеграция в либеральную систему искусств и наук // *Либеральное образование в России: теории, дискуссии, методы : коллектив. моногр. / Отв. ред. В. Монахов, А. Аврутина. СПб. : Фак. свобод. искусств и наук СПбГУ, 2014. С. 93—125.*
2. Орлов В. С. Фортепиано и мышление: использование методов либерального образования в преподавании музыкального исполнительства // *Бизнес. Образование. Право. 2021. № 2(55). С. 438—445.*
3. Либеральное образование в России: теории, дискуссии, методы : коллектив. моногр. / Отв. ред. В. Монахов, А. Аврутина. СПб. : Фак. свобод. искусств и наук СПбГУ, 2014. 240 с.
4. Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования : сб. ст. / Под ред. Дж. Беккера, Ф. В. Федчина. СПб. : СПбГУ, 2014. 124 с.
5. Kivy P. Music and the liberal education // *Journal of Aesthetic Education. 1991. Vol. 25. No. 3. Pp. 79—93.*
6. Stang J. B., Strubbe L. E. Paired teaching for faculty professional development in teaching. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1507/1507.05948.pdf>.
7. Holland T., Sherman S., Harris S. Paired teaching: a professional development model for adopting evidence-based practices // *College Teaching. 2018. Vol. 66. Iss. 3. Pp. 148—157.*
8. Yesuiah S. Pair teaching will benefit students. URL: <https://www.thestar.com.my/opinion/letters/2017/09/02/pair-teaching-will-benefit-students>.
9. Becker J. *Innovations in Liberal Arts and Sciences Education: the Case for Big Ideas* : лекция на выездном семинаре преподавателей фак. свобод. искусств и наук СПбГУ. СПб., 2018.
10. Ван дер Венде М. Развитие высоких мировых стандартов бакалавриата: образование по модели свободных искусств в XXI веке (пер. Н. Алешиной) // *Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования : сб. ст. СПб. : СПбГУ, 2014. С. 46—68.*
11. Окстоби Д. О месте искусства в либеральном образовании (пер. В. Хардина и Т. Орловой) // *Свободные искусства и науки на современном этапе: опыт США и Европы в контексте российского образования : сб. ст. СПб. : СПбГУ, 2014. С. 80—91.*
12. Анчутина Н. Междисциплинарный подход в освоении музыки XX века // *Ученые записки Рос. гос. соц. ун-та. 2019. № 4(153). С. 146—154.*
13. Нелюбин П. Междисциплинарный подход в преподавании слушания музыки // *Диалог культур в контексте образовательной деятельности : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Набережные Челны : Набережночелнинский гос. пед. ун-т, 2019. С. 352—356.*
14. Orlov V., Fedorova N. Posthumanism in the Arts. URL: <https://classroom.google.com/u/0/c/MzA1MDgwNTA1MzRa>.
15. Fedorova N. CV. URL: <https://languageartist.me/links/cv>.
16. Becker J. Liberal Arts and sciences: responding to the challenges of the XXIst century // *Вопросы образования. 2015. № 4. С. 33—61.*

REFERENCES

1. Orlov V. Music education in Russia: integration into the liberal system of arts and sciences. In: *Liberal education in Russia: theories, discussions, methods. Collective monograph*. Editors-in-chief: V. Monakhov, A. Avrutina. Saint Petersburg, Faculty of Liberal Arts & Sciences of SPbSU, 2014. Pp. 93—125. (In Russ.)
2. Orlov V. S. Piano and thinking: the usage of methods of liberal arts in teaching music performance. *Business. Education. Law*, 2021, no. 2, pp. 438—445. (In Russ.)
3. *Liberal education in Russia: theories, discussions, methods. Collective monograph*. Editors-in-chief: V. Monakhov, A. Avrutina. Saint Petersburg, Faculty of Liberal Arts & Sciences of SPbSU, 2014. 240 p. (In Russ.)
4. *Liberal arts and sciences at the present stage: the experience of the USA and Europe in the context of Russian education*. Collection of articles. Saint Petersburg, SPbSU publ., 2014. 124 p. (In Russ.)
5. Kivy P. Music and the Liberal Education. *Journal of Aesthetic Education*, 1991, vol. 25, no. 3, pp. 79—93.
6. Stang J. B., Strubbe L. E. *Paired teaching for faculty professional development in teaching*. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1507/1507.05948.pdf>.
7. Holland T., Sherman S., Harris S. Paired teaching: a professional development model for adopting evidence-based practices. *College Teaching*, 2018, vol. 66, iss. 3, pp. 148—157.
8. Yesuiah S. *Pair teaching will benefit students*. URL: <https://www.thestar.com.my/opinion/letters/2017/09/02/pair-teaching-will-benefit-students>.
9. Becker J. *Innovations in Liberal Arts and Sciences Education: the Case for Big Ideas. Lecture at the visiting seminar of teachers of the Faculty of Liberal Arts and Sciences*, SPbSU. Saint Petersburg, 2018.
10. Van der Wende M. The development of high world standards of baccalaureate: education according to the model of liberal arts in the 21st century (trans. by N. Aleshina). In: *Liberal arts and sciences at the present stage: the experience of the USA and Europe in the context of Russian education. Collection of articles*. Saint Petersburg, SPbSU publ., 2014. Pp. 46—68. (In Russ.)
11. Oxtoby D. On the place of art in liberal education (trans. by V. Khardin and T. Orlova). In: *Liberal arts and sciences at the present stage: the experience of the USA and Europe in the context of Russian education. Collection of articles*. Saint Petersburg, SPbSU publ., 2014. Pp. 80—91. (In Russ.)
12. Anchutina N. Interdisciplinary approach to XX century music mastering. *Scientific Notes of Russian State Social University*, 2019, no. 4(153), pp. 146—154. (In Russ.)

13. Nelyubin P. Interdisciplinary approach in teaching music hearing. In: *Dialog of cultures in a context of education. Collection of articles of Russian sci. and pract. conf. Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University*, 2019. Pp. 352—356. (In Russ.)

13. Orlov V., Fedorova N. *Posthumanism in the Arts*. URL: <https://classroom.google.com/u/0/c/MzA1MDgwNTA1MzRa>.

14. Fedorova N. *CV*. URL: <https://languageartist.me/links/cv>.

16. Becker J. Liberal Arts and Sciences: Responding to the Challenges of the XXI Century. *Education Studies*, 2015, no. 4, pp. 33—61.

Как цитировать статью: Орлов В. С. Опыт проведения совместных междисциплинарных курсов в рамках модели либерального образования // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 456—462. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.349.

For citation: Orlov V. S. An experience in teaching common interdisciplinary courses as a part of the model of liberal education. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 456—462. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.349.

УДК 378:372.893
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.355

Tretyakova Irina Anatolevna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Pushkin State Russian Language Institute,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: 2708-65@mail.ru

Третьякова Ирина Анатольевна,
канд. ист. наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: 2708-65@mail.ru

Kuprina Irina Viktorovna,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Pushkin State Russian Language Institute,
Russian Federation, Moscow,
e-mail: lupin@bk.ru

Куприна Ирина Викторовна,
канд. ист. наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук,
Государственный институт русского языка
им. А. С. Пушкина,
Российская Федерация, г. Москва,
e-mail: lupin@bk.ru

ДИСЦИПЛИНА «СТРАНОВЕДЕНИЕ РОССИИ» ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ДИСТАНЦИОННОМ ФОРМАТЕ

THE DISCIPLINE “COUNTRY STUDIES OF RUSSIA” FOR FOREIGN STUDENTS IN A DISTANCE FORMAT

13.00.02 — Теория и методика обучения и воспитания
13.00.02 — Theory and methodology of teaching and upbringing

В статье рассматриваются методологические проблемы, возникающие в процессе преподавания дисциплины «Страноведение России» иностранным учащимся в условиях дистанционного формата обучения. На основе практического опыта обучения иностранных студентов в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина авторы дают методические рекомендации по применению наиболее эффективных приемов дистанционного обучения страноведению, «трассируют» различные способы включения их в образовательную практику. Для изучающих русский язык иностранцев изучение социального, культурного и исторического аспектов страны изучаемого языка представляется весьма важным, так как расширяет словарный запас, развивает речевую, коммуникативную и межкультурную компетенции. Однако в условиях дистанционного обучения актуализация учебного материала и его практическое использование вызывают затруднение. Отсутствие языковой среды негативно сказывается на эффективности усвоения материала. В этих условиях тщательный отбор содержания курса и правиль-

ная организация учебного процесса могут нивелировать эти трудности. Благодаря внедрению информационных технологий в образовательную область у преподавателей появилась возможность разнообразить учебный процесс и активизировать самостоятельную исследовательскую деятельность учащихся. Цель статьи заключается в разработке методических рекомендаций по дистанционному обучению иностранных студентов страноведческим дисциплинам в процессе их обучения русскому языку. Учитывается разница в практических аспектах преподавания дисциплин в технических и гуманитарных вузах. Авторами предлагается ряд методологических приемов, которые позволяют повысить эффективность процесса обучения, увеличить плотность и объем речевого общения на занятиях. Результаты исследования могут быть применены в средне-профессиональных и высших учебных заведениях, работающих с иностранными студентами.

The article deals with methodological problems that arise in the process of teaching the discipline “Country Studies of Russia”

to foreign students in the conditions of distance learning format. Based on the practical experience of teaching foreign students at the Pushkin State Institute of the Russian Language, the authors give methodological recommendations on the use of the most effective methods of distance learning in regional studies, “trace” various ways of including them in educational practice. For foreign learners of Russian, studying the social, cultural and historical aspects of the country of the target language is very important, as it expands their vocabulary and develops their speaking, communicative and intercultural competencies. However, in the conditions of distance learning, updating the educational material and its practical use cause difficulties. The lack of a language environment has a negative impact on the effectiveness of learning. Under these conditions, a careful selection of the course content and the correct organization of the educational process can offset these difficulties. Thanks to the introduction of information technologies in the educational field, teachers have the opportunity to diversify the educational process and activate the independent research activities of students. The purpose of the article is to develop methodological recommendations for distance learning of foreign students in regional studies in the process of their learning the Russian language. The difference in the practical aspects of teaching disciplines in technical and humanitarian universities is taken into account. The authors propose a number of methodological techniques that will improve the efficiency of the learning process, increase the density and volume of speech communication in the classroom. The results of the study can be applied in secondary vocational and higher educational institutions working with foreign students.

Ключевые слова: дистанционное обучение, онлайн-обучение, иностранные учащиеся, методологические трудности, страноведение России, активизация обучения, учебные материалы, мультимедийные технологии, цифровая образовательная среда.

Keywords: distance learning, online learning, foreign students, methodological difficulties, country studies of Russia, activation of learning, educational materials, multimedia technologies, digital educational environment.

Введение

«Цифровая образовательная среда» в условиях пандемии поставила перед преподавателями новые задачи по организации и проведению занятий с иностранными студентами, которые изучают русский язык на подготовительных отделениях российских вузов. Новые информационные технологии практически полностью изменили формы проведения занятий не только по русскому языку, но и по дисциплине «Страноведение России» [1]. Преподаватели буквально «на ходу» начали создавать и внедрять новые методики обучения студентов, совершенствовать образовательные технологии, поскольку привычные традиционные средства подачи материала в аудитории в силу объективных причин стали невозможны. Кроме того, разнообразные сведения о культуре, прошлом и настоящем России, которыми так богат курс «Страноведение России», помогают студентам-иностранцам более эффективно изучать русский язык в новой информационно-образовательной среде.

Актуальность предлагаемой работы предопределена тем, что в условиях пандемии дистанционное удаленное обучение получает все большее распространение и его развитие продиктовано насущной необходимостью. Для иностранных студентов, изучающих русский язык, отсутствие

языковой среды вызывает дополнительные трудности и стимулирует преподавателей разрабатывать новые методологические приемы для повышения эффективности занятий, часть из которых рассмотрена в данной статье.

Целесообразность избранной темы обусловлена необходимостью разработки наиболее эффективных методик преподавания дисциплины «Страноведение России» в дистанционном формате. **Теоретическая значимость** работы состоит в обобщении и систематизации накопленного авторами педагогического опыта и формулировке методологических проблем при дистанционном обучении иностранцев, а также в разработке методов их преодоления. **Практическая значимость** статьи состоит в предложенных авторами конкретных советах касательно способов компоновки и преподавания учебного материала иностранным учащимся.

Цель статьи — в разработке методических рекомендаций по дистанционному обучению иностранных слушателей дисциплины «Страноведение России» в технических и гуманитарных вузах в процессе их обучения русскому языку. Авторы опираются на собственный опыт преподавания данной дисциплины у иностранных учащихся в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

Постановка данной цели предусматривает решение следующих **задач**: выявить методические трудности в дистанционном преподавании дисциплины «Страноведения России» у иностранных слушателей, предложить пути их преодоления, охарактеризовать структурно-содержательные аспекты дисциплины и способы актуализации практических навыков применения полученных знаний.

Научная новизна работы состоит в том, что авторы не только разрабатывают продуктивные методологические приемы в области обучения дисциплины «Страноведения России» иностранными слушателями, но и, на основе опыта преподавания в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина, предлагают практические рекомендации для отбора теоретического материала, средств и методов дистанционного обучения.

Основная часть

В учебных планах общеобразовательных заведений для иностранных студентов «Страноведение России» — обязательная дисциплина, как в технических, так и в гуманитарных вузах. При этом хотелось бы заострить внимание на некоторых аспектах, которые необходимо учитывать преподавателю-страноведу при построении своей учебной деятельности.

Во-первых, данная учебная дисциплина, хотя и включена в учебные программы вузов, в одних случаях выступает как самостоятельная учебная дисциплина, а в других — как лингвострановедение. И, на первый взгляд, трудно уловить разницу, которая, тем не менее, достаточно существенна. Лингвострановедение является аспектом методики преподавания русского языка как иностранного, но при этом предполагает ознакомительную страноведческую работу преподавателя-русиста непосредственно в языковом учебном процессе, что не позволяет системно, глубоко и всесторонне показать историю и культуру народа [2]. Эту задачу призваны решать специальные занятия за рамками собственно языкового учебного процесса, а именно курс «Страноведение России».

Во-вторых, исходя из вышеперечисленных особенностей, учебные программы предусматривают разное количество часов, отводимых на данную дисциплину. Так, например, в институте русского языка им. А. С. Пушкина страноведение может преподаваться в течение всего учебного года

или семестра, предусматривает лекционные и семинарские занятия, итоговый контроль в форме зачета. На подготовительном отделении МГТУ им. Н. Э. Баумана кафедра русского языка как иностранного факультета международных образовательных программ, учитывая новые реалии онлайн-обучения, предусмотрела пять лекционных занятий именно по страноведению России, чтобы студенты, лишенные в условиях пандемии возможности непосредственного погружения в языковую среду, смогли получить наиболее полное представление о стране изучаемого языка.

Обратим внимание, что в большинстве случаев данная учебная дисциплина не является основной или профилирующей в вузах филологического профиля, а в данном конкретном случае речь идет об одном из известнейших технических вузов страны. Это поставило перед преподавателем целый ряд вопросов, связанных с выбором наиболее значимых и важных тем, чтобы охватить достаточно широкий круг вопросов, выработать определенную стратегию в проведении занятий и большую изобретательность при подготовке учебно-методических заданий [3]. При этом очень важно не перегружать студентов трудной для них лексикой и излишней информацией.

Хотя курс не предназначен для студентов «нулевого уровня» и предусмотрен учебным планом только во втором семестре, тем не менее не все студенты достаточно хорошо владеют необходимой лексикой. В этом случае в период онлайн-занятий на помощь приходит активно используемый студентами режим аудио- и видеозаписи, что позволяет им повторно прослушать материал урока в своем речевом ритме.

Кроме того, проблема преподавания страноведения России иностранным учащимся осознана как важная научно-методическая проблема [4].

В этой связи возникает задача отбора материала для различных контингентов учащихся. Безусловно, главными критериями здесь должны быть языковая доступность, познавательная ценность, воспитательное значение и идейная значимость даже в онлайн-формате [5]. При этом педагог-страновед при изложении материала должен всегда иметь в виду присущие курсу страноведения особенности.

Какие это особенности? Во-первых, курс ориентирован на сравнительно-сопоставительный анализ страноведческого материала в целях освещения национальных особенностей развития или, напротив, общих свойств и процессов. Во-вторых, на раскрытие исторических основ современных реалий, что в значительной мере облегчает понимание новых общественных явлений, позволяет проследить, как с изменением конкретно-исторических условий менялось то или иное явление. То есть педагог как бы моделирует реальность, а учащиеся воспринимают информацию и подсознательно учатся думать на русском языке.

Но в любом случае в процессе обучения преподаватели должны быть готовы к следующим трудностям: «1) крайне скудный объем знаний иностранных студентов о России, ее истории и культуре; 2) незнание или плохое знание тематической и фоновой лексики; 3) различные эстетические, религиозные и этические критерии в оценке явлений культуры; 4) разные, иногда противоположные оценки исторических фактов и событий у студентов из различных стран; 5) разные механизмы восприятия и запоминания иностранных слов и текстов» [6, с. 406].

Добавим к этому списку еще слабую техническую оснащенность студентов из некоторых стран, перебои с интернетом и интернациональный состав учащихся. Как правило,

это студенты из Азиатско-Тихоокеанского региона, Западной Европы, Латинской Америки. Это, в свою очередь, требует особого подхода при планировании и проведении занятий, поскольку некоторые страны находятся в разных часовых поясах. Очень часто это обстоятельство предполагает индивидуальную помощь конкретному студенту в рамках дополнительных онлайн-занятий или консультаций.

Организация дистанционного учебного процесса в условиях пандемии заключается в отборе содержания обучения, распределении его по этапам, в выборе способов деятельности по овладению страноведческим материалом. В этой связи важнейшая роль отводится электронным учебникам и презентациям в программе Power Point, что позволяет более наглядно представить богатый страноведческий материал и наиболее эффективно воспринимать и усваивать новую информацию.

Хотелось бы обратить внимание, что в 2021 г. Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина выпустил в электронном и печатном формате учебно-методическое пособие по страноведению России, предназначенное для студентов, владеющих русским языком на уровне А2—В1 [7].

Пособие поможет им не только при помощи педагога, но и самостоятельно, что очень важно в современных условиях дистанционного обучения, изучить наиболее важные темы курса и сформировать первоначальные навыки страноведческой компетенции. Пособие включает шесть уроков-тем: «Страноведение России как учебная дисциплина», «Россия на карте мира», «Политическая система и федеративное устройство», «Экономическая и социальная политика», «Система образования и наука в Российской Федерации», «Внешняя политика». Каждая страноведческая тема состоит из основного текста, разбитого на параграфы, и целого комплекса заданий на все виды деятельности — как письменной, так и устной. При этом задания направлены не только на усвоение страноведческой информации, но и на развитие речи и формирование коммуникативной компетенции.

Учебные материалы содержат наиболее употребляемые слова русского языка, термины, основные понятия. Для лучшего усвоения материала пособие снабжено глоссарием, который строится по двум основным принципам: объяснение новых слов, которые могут быть незнакомы иностранным студентам, и разъяснение специальных терминов.

Каждый урок-тема заканчивается комплексом заданий на все виды продуктивной и репродуктивной речевой деятельности, как письменной, так и устной. Данная система заданий нацелена на усвоение непосредственно страноведческого материала. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание на тот факт, что данные темы можно корректировать в зависимости от уровня языковой подготовки и отводимых на дисциплину часов, то есть использовать принцип вариативности. Например, тему «Страноведение России как учебная дисциплина» целесообразно использовать на занятиях со студентами-филологами, а студентов технических вузов лучше познакомить с русской культурой. На уроках по теме «Россия на карте мира» особое внимание уделяется обогащению словарного запаса учащихся, поскольку спецификой данной темы является ее ярко выраженный межпредметный характер [8]. Для студентов с недостаточным уровнем владения русским языком целесообразным будет знакомство с общими природными и культурными закономерностями на русском языке: смена времен года и дни недели, погодные условия, мир растений и животных, традиционные праздники в русской семье и т. д. В этом

конкретном случае основной акцент делается на самую доступную тему, которую условно можно обозначить, как «Окружающий мир», поскольку преподаватель здесь выступает «не в роли диктора и источника знания, а, скорее, как собеседник, ориентирующий студента в языковой информации» [9, с. 95].

Тема «Политическая система РФ» особенно трудна для восприятия студентов-иностранцев. Но обращение к данной теме объясняется тем, что именно в ней дана формула государственного устройства страны и рассказывается о том, кто и как принимает законы, по которым живет и работает страна. Поэтому в начале урока требуется выяснить уровень языковой подготовки учащихся, установить непонятные вопросы, разъяснить их. Традиционно в этой части задания используется краткий устный опрос. Важно, чтобы вопросы охватывали всю тему занятия, были сформулированы просто и лаконично и позволяли преподавателю оценить уровень подготовки учащихся и их словарный запас по данной теме. Далее преподаватель актуализирует знания о государстве, конституции, вводит новые термины: ветви власти, федеративное устройство, государственная символика и др.

В ходе такой предварительной работы студенты усваивают необходимые понятия и слова и уже готовы к восприятию основного материала, который педагог может излагать в устной форме, используя подготовленную презентацию и соответствующий видеоряд [10].

Обращаем внимание, что в зависимости от целей, задач и сроков обучения страноведение может включать как самостоятельные разделы, так и курс истории России или курс истории русской культуры.

Нельзя не отметить и тот факт, что при дистанционной форме обучения важную роль имеет общение преподавателя и студентов по электронной почте. В этом случае преподаватель имеет возможность объяснить в индивидуальном порядке непонятый материал, высылает учебные материалы, задания и инструкции к ним, аудио- и видеоматериалы [11]. В свою очередь, учащиеся отправляют на проверку домашние и контрольные работы.

Таким образом, грамотное использование цифровых возможностей, применение мультимедийных технологий помогает систематизировать и структурировать теоретический материал, позволяет распространять новые методики преподавания, хотя, по нашему глубокому убеждению, не сможет полностью заменить «живое» общение между студентами и преподавателями.

Методология. Методами исследования при написании статьи являются наблюдение, а также анализ и систематизация собственного опыта преподавания в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина. Авторы анализируют новые условия образовательной среды, собственный педагогический опыт и предлагают наиболее эффективные способы построения процесса обучения, отбора учебного материала и методических приемов для их преодоления.

Результаты. В процессе обучения дисциплине «Страноведение России» преподаватели должны быть готовы

к трудностям, связанным с языковым барьером и скудным объемом знаний иностранных студентов о России. Усугубляет ситуацию невозможность общения с непосредственными носителями языка и невозможность погрузиться в языковую среду из-за условий удаленного обучения.

В связи с этим важно не перегружать студентов трудной для них лексикой и излишней информацией, тщательно выбирая учебный материал и учебно-методические задания. Главными критериями здесь должны быть языковая доступность, познавательная ценность, воспитательное значение и идейная значимость даже в онлайн-формате [12]. Работая в дистанционном режиме, преподаватель имеет возможность не только пользоваться текстами, но и активно использовать аудио- и видеоматериалы, содержащиеся на различных тематических сайтах в интернет-пространстве [13]. Следует учитывать профессиональную специфику вуза и сферу интересов обучающихся.

Необходимо создать комфортные условия для обучения, наладить постоянный контакт между преподавателем и слушателями, предоставить необходимые образовательные ресурсы. Информационные технологии позволяют обеспечить возможность хранения большого количества учебных материалов и предоставления доступа к ним в любое время. Электронные учебники позволяют разнообразить и активизировать процесс обучения, сделать его более эффективным [14]. Например, хорошо себя зарекомендовало электронное учебно-методическое пособие «Страноведение России», созданное в 2021 г. Государственным институтом русского языка им. А. С. Пушкина.

При планировании и проведении занятий следует учитывать, что в группе могут быть учащиеся из стран с разными часовыми поясами, поэтому нужно учитывать возможность консультаций, а также дополнительных онлайн-занятий в случае возникновения трудностей у обучающихся. Вместе с тем необходимо сохранять и формат групповых занятий, позволяющих проводить дискуссии, круглые столы, учебные игры и викторины в интерактивном режиме с участием всей группы.

Заключение

Таким образом, для повышения эффективности в процессе дистанционного изучения слушателями курса «Страноведение России» необходимо учитывать ряд важных моментов: грамотный отбор учебных материалов и учебных заданий, учет интересов и профессиональной направленности обучающихся, предоставление постоянного доступа обучающимся к учебно-методическим материалам, совмещение индивидуальных консультаций и групповых занятий, активизация и актуализация процесса обучения с помощью различных возможностей интернет-среды [15]. Вместе с тем, чтобы сделать процесс обучения максимально содержательным и психологически комфортным для учащихся, необходимо поддерживать постоянный контакт обучающихся с преподавателем в разных формах, своевременно выявлять возникающие у них трудности, своевременно их разрешать в режиме консультаций или индивидуальных занятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чернышева Е. Н. Цифровое образование в России // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в рамках Междунар. Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 2018. С. 710—714.
2. Богодухова Е. Е. Роль дисциплины «Страноведение России» в обучении иностранных студентов // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты : материалы X Междунар. науч. конф., 2017. С. 233—234.

3. Маслова В. А. Коммуникативное пространство как важнейшая категория современной лингвистики и лингвокультурологии // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 17—23.
4. Третьякова И. А., Куприна И. В. Особенности методики преподавания дисциплины «Страноведение России» у иностранных студентов (на опыте преподавания дисциплины в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина) // Вестник Орловского гос. ун-та. Сер. : Новые гуманитар. исслед. 2015. № 1. С. 194—196.
5. Васютина Т. Л., Стахно Р. Е. Применение современных информационных технологий в обучении // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 7(49). С. 52—54.
6. Третьякова И. А., Куприна И. В. Методологические проблемы и пути их преодоления в преподавании социально-гуманитарных дисциплин иностранным учащимся из азиатских стран // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3(48). С. 404—408.
7. Россия в начале XXI века : учеб. пособие по страноведению России / В. И. Борисенко, И. В. Куприна, Н. В. Татарина, И. А. Третьякова, Е. Н. Чернышева. URL: https://courses.pushkininstitute.ru/courses/696?without_oauth=true.
8. Копылова П. А. Об интенсификации учебного процесса на факультете русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН (начальный этап обучения) // Вестник Рос. нового ун-та. Сер. : Человек и общество. 2008. № 2. С. 32—37.
9. Власова Е. А., Еремина О. С., Культепина О. А. Об опыте создания массового онлайн-курса по русскому языку как иностранному для студентов элементарного уровня // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 93—98.
10. Информационные технологии как теоретико-методологическая основа новых подходов в обучении / А. А. Белоглазов, Л. Б. Белоглазова, З. И. Есина, В. А. Пучкова, И. А. Белоглазова // Вестник Моск. гор. пед. ун-та. Сер. : Информатика и информатизация образования. 2019. № 1(47). С. 61—68.
11. Попова Е. Н., Копылова П. А. Сочетание интерактивных методов и технологий дистанционного обучения при коммуникативном подходе к изучению русского языка как иностранного // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 310—314.
12. Дистанционное обучение как один из способов эффективного обучения иностранных студентов / А. А. Белоглазов, Л. Б. Белоглазова, В. В. Мокашов, П. А. Копылова // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер. : Информатизация образования. 2018. Т. 15. № 1. С. 38—45.
13. Калимуллина О. В., Троценко И. В. Современные цифровые образовательные инструменты и цифровая компетентность: анализ существующих проблем и тенденций // Открытое образование. 2018. № 3. С. 61—73.
14. Ахметжанова Г. В., Юрьев А. В. Цифровые технологии в образовании // Балт. гуманитар. журнал. 2018. № 3(24). С. 334—336.
15. Пугачев А. С. Дистанционное обучение — способ получения образования // Молодой ученый. 2012. № 8. С. 367—369.

REFERENCES

1. Chernysheva E. N. Digital education in Russia. In: *Slavic culture: origins, traditions, interaction. XIX Cyril and Methodius readings. Materials of the Int. sci. and pract. conf. within the framework of the Int. Cyril and Methodius Festival of Slavic Languages and Cultures*, 2018. Pp. 710—714. (In Russ.)
2. Bogodukhova E. E. The role of the discipline “Country Studies of Russia” in teaching foreign students. In: *Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects materials of the X Int. sci. conf.*, 2017. Pp. 233—234. (In Russ.)
3. Maslova V. A. Communicative space as the most important category of modern linguistics and linguoculturology. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 2017, vol. 8, no. 1, pp. 17—23. (In Russ.)
4. Tretyakova I. A., Kuprina I. V. Features of the methodology of teaching the discipline “Country Studies of Russia” to foreign students (based on the experience of teaching the discipline at the Pushkin State Institute of the Russian Language). *Bulletin of the Orel State University. Series: New humanitarian studies*, 2015, no. 1, pp. 194—196. (In Russ.)
5. Vasutina T. L., Stakhno R. E. Application of modern information technologies in training. *Problems of modern science and education*, 2016, no. 7(49), pp. 52—54. (In Russ.)
6. Tretyakova I. A., Kuprina I. V. Methodological problems and ways to overcome them in teaching social and humanitarian disciplines to foreign students from Asian countries. *Business. Education. Law*, 2019, no. 3(48), pp. 404—408. (In Russ.)
7. Borisenko V. I., Kuprina I. V., Tatarinova N. V., Tretyakova I. A., Chernysheva E. N. *Russia at the beginning of the XXI century. Textbook on Russian country studies*. (In Russ.) URL: https://courses.pushkininstitute.ru/courses/696?without_oauth=true.
8. Kopylova P. A. On the intensification of the educational process at the Faculty of the Russian language and general education disciplines of the RUDN (The initial stage of training). *Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society*, 2008, no. 2, pp. 32—37. (In Russ.)
9. Vlasova E. A., Eremina O. S., Kultepeina O. A. On the experience of creating a mass online course in Russian as a foreign language for elementary level students. *The World of the Russian Word*, 2018, no. 2, pp. 93—98. (In Russ.)
10. Beloglazov A. A., Beloglazova L. B., Esina Z. I., Puchkova V. A., Beloglazova I. A. Information technologies as a theoretical and methodological basis for new approaches in teaching. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Informatics and informatization of education*, 2019, no. 1(47), pp. 61—68. (In Russ.)
11. Popova E. N., Kopylova P. A. The combination of interactive methods and technologies of distance learning with a communicative approach to learning Russian as a foreign language. *The world of science, culture, education*, 2021, no. 2(87), pp. 310—314. (In Russ.)
12. Beloglazov A. A., Beloglazova L. B., Mokashov V. V., Kopylova P. A. Distance learning as one of the ways of effective teaching foreign students. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education*, 2018, vol. 15, no. 1, pp. 38—45. (In Russ.)
13. Kalimullina O. V., Trotsenko I. V. Modern digital educational tools and digital competence: analysis of existing problems and trends. *Open education*, 2018, no. 3, pp. 61—73. (In Russ.)

14. Akhmetzhanova G. V., Yuryev A. V. Digital technologies in education. *Baltic Humanitarian Journal*, 2018, no. 3(24), pp. 334—336. (In Russ.)

15. Pugachev A. S. Distance learning — a way to get an education. *Young scientist*, 2012, no. 8, pp. 367—369. (In Russ.)

Как цитировать статью: Третьякова И. А., Куприна И. В. Дисциплина «Страноведение России» для иностранных студентов в дистанционном формате // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 462—467. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.355.

For citation: Tretyakova I. A., Kuprina I. V. The discipline “Country studies of Russia” for foreign students in a distance format. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 462—467. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.355.

УДК 378
ББК 88.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.378

Timoshkina Marina Valerevna,
Senior Lecturer
of the Humanities Institute of Northern Studies,
Head of the Laboratory of Social, Psychological
and Pedagogical Research,
Yugra State University,
Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra,
Khanty-Mansiysk,
e-mail: m_timoshkina@ugrasu.ru

Тимошкина Марина Валерьевна,
старший преподаватель,
Гуманитарный институт североведения,
заведующая Лабораторией социальных
и психолого-педагогических исследований,
Югорский государственный университет,
Российская Федерация, ХМАО-Югра,
г. Ханты-Мансийск,
e-mail: m_timoshkina@ugrasu.ru

Ayvarova Nina Gennadevna,
Candidate of Psychology, Associate Professor
of the Humanities Institute of Northern Studies,
Yugra State University,
Russian Federation, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra,
Khanty-Mansiysk,
e-mail: ninaajvarova@yandex.ru

Айварова Нина Геннадьевна,
канд. психол. наук,
доцент Гуманитарного института североведения,
Югорский государственный университет,
Российская Федерация, ХМАО-Югра,
г. Ханты-Мансийск,
e-mail: ninaajvarova@yandex.ru

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ МАРШРУТ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ГИБКИХ НАВЫКОВ В УСЛОВИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

INDIVIDUAL EDUCATIONAL ROUTE FOR THE FORMATION OF FLEXIBLE SKILLS IN HIGHER EDUCATION

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Система образования выстраивает свою деятельность в условиях высокой степени неопределенности. Современный мир предъявляет все новые требования к выпускникам вузов, и на первый план выходят не столько профессиональные навыки, сколько так называемые софт скиллс — гибкие навыки. В то же время система образования уже давно пытается реализовать индивидуальный подход к обучению, с учетом особенностей обучающихся. Данный подход реализуется в формате индивидуальных образовательных маршрутов и траекторий. Однако на практике еще не встречалось построение индивидуальных образовательных маршрутов, связанных с формированием гибких навыков. В статье рассматривается опыт Югорского государственного университета, где реализован опыт построения индивидуального образовательного маршрута по формированию надпрофессиональных навыков на основе их предварительной диагностики. Студенты-первокурсники приходят в вуз не только с разным уровнем базовой подготовки, но и с разным уровнем сформированности софт скиллс. В процессе обучения в вузе гибкие навыки так или иначе развиваются, однако их формирование носит несистемный, хаотичный характер. Опыт Югорского

университета демонстрирует возможность управлять этим процессом. Это, в свою очередь, позволяет понять, какими компетенциями будет обладать выпускник вуза, и делает его более востребованным на рынке труда, поскольку именно сформированность таких навыков, как системное мышление, критическое мышление, креативное мышление, коммуникация, коллаборация, эмоциональный интеллект, повышает конкурентоспособность выпускника на рынке и дает возможность не только удачного трудоустройства, но и дальнейшего карьерного успеха.

The education system is operating under a high degree of uncertainty. The modern world imposes more and more new requirements on university graduates, and not so much professional skills as so-called soft skills — flexible skills — are coming to the fore. At the same time, the educational system has long been trying to implement an individual approach to learning, taking into account the specifics of students. This approach is implemented in the format of individual educational routes and trajectories. However, in practice, the construction of individual educational routes associated with the formation

of soft skills has not yet been encountered. The article discusses the experience of Yugra State University, where the experience of building an individual educational route for the formation of soft skills is realized, based on their preliminary diagnosis. First-year students come to the university not only with different levels of basic training, but also with different levels of soft skills formation. In the process of studying at a university, soft skills develop in one way or another; but their formation is not systematic, chaotic. The experience of Yugra State University demonstrates the ability to manage this process. In turn, this makes it clear what competencies a university graduate will have, which presents an advantage in the labor market, since it is the formation of such skills as systems thinking, critical thinking, creative thinking, communication, collaboration, emotional intelligence that increases the competitiveness of the graduate in the market. and provides an opportunity not only for successful employment, but also for further career success.

Ключевые слова: надпрофессиональные навыки, гибкие навыки, мягкие навыки, софт скиллс, индивидуальный образовательный маршрут, индивидуальная образовательная траектория, диагностика софт скиллс, профессиональное образование, системное мышление, критическое мышление, креативное мышление, коммуникация, коллаборация, эмоциональный интеллект.

Keywords: supra-professional skills, flexible skills, soft skills, individual educational route, individual educational trajectory, soft skills diagnosis, professional education, systems thinking, critical thinking, creative thinking, communication, collaboration, emotional intelligence.

Введение

В условиях динамичности и неопределенности современного мира в системе требований к профессионалу сегодня отчетливо проявляется личностная составляющая, поэтому в профессиональном образовании трендовой тенденцией становится ориентация на социальную и профессиональную мобильность, психологическую гибкость, устойчивость к неопределенности. В науке, бизнесе появилось большое количество понятий skill (в переводе с англ. «умение», «навык», «мастерство»), обозначающих так называемые надпрофессиональные компетенции современного специалиста: future skills (навыки будущего), self-skills (навыки формирования самого себя), hard skills (жесткие/ твердые навыки), soft skills (гибкие/мягкие навыки), digital skills (цифровые навыки). Стоит отметить, что универсальных дефиниций для вышеуказанных понятий на сегодняшний день в науке не существует.

Очевидно, понятие future skills (навыки будущего) объединяет все остальные группы навыков, представляет собой комплекс навыков, которые позволяют решать широкий диапазон жизненных и профессиональных задач на протяжении всей жизни в условиях неопределенности и непредсказуемости.

Роль универсальных компетенций специалиста на современном рынке труда растет. Чтобы успешно выполнять социальный заказ на подготовку высококвалифицированных специалистов для различных государственных и бизнес-корпораций, вузам необходимо самоопределяться в вопросах выявления, систематизации и классификации ключевых компетенций.

Изученность. На сегодняшний день в литературе активно обсуждаются вопросы важности развития гибких

навыков у будущих профессионалов — Яркова Т. А., Черкасова И. И. [1], Павлова Ю. В. [2], Пономарева О. Я. [3]. Развитие софт скиллс в высшей школе, послевузовском образовании — Садуллаев Х. Х. [4], Новикова С. К. [5], Огарева Е. И., Лик Н. В. [6], Павлова Ю. В. [7].

Большое внимание также уделяется вопросам построения индивидуальных образовательных траекторий и индивидуальных образовательных маршрутов — Мухаметзянова Ф. Г., Забиров Р. В., Вафина В. Р. [8], Львов Л. В. [9], Чеботарев А. А., Чеботарева И. И. [10].

В данной статье мы не останавливаемся подробно на анализе понятий «индивидуальный образовательный маршрут» и «индивидуальная образовательная траектория», при этом опираемся на позицию, представленную в работе Е. В. Кляпышевой [11], согласно которой «траектория обладает более широким значением, предполагает несколько направлений реализации, а маршрут является детализированным инструментом достижения цели» [11, с. 3].

При том, что авторы довольно подробно пишут и о гибких навыках как таковых, и о построении ИОМ и ИОТ в образовательной среде, еще не было попыток связать построение индивидуальных образовательных маршрутов с диагностикой софт скиллс.

Актуальность темы связана с большим запросом со стороны общественных институтов на высокий уровень сформированности софт скиллс у выпускников вузов, что говорит о необходимости их целенаправленного и системного формирования.

Научная новизна данной статьи обусловлена тем, что впервые предпринята попытка связать диагностику софт скиллс и построение индивидуального образовательного маршрута.

Целью данной статьи является раскрытие модели формирования гибких навыков у студентов на основе их первоначальной диагностики и дальнейшего формирования ИОМ с учетом полученных результатов.

Основные задачи:

- проведение первичной диагностики сформированности софт скиллс у студентов-первокурсников;
- разработка индивидуального образовательного маршрута по формированию софт скиллс по результатам диагностики.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании модели построения индивидуального образовательного маршрута по формированию гибких навыков студентов вузов.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения полученных результатов в практической деятельности любых образовательных учреждений.

Основная часть

Современные практические исследования доказывают, что профессиональный успех личности только на 15 % зависит от жестких, узкопрофессиональных навыков и на 85 % определяется мягкими, связанными с эффективной ориентацией в различных областях и видах деятельности [12].

Степанова Л. Н., Зеер Э. Ф. выделяют три основные группы soft skills студентов:

- базовые коммуникативные навыки (умение слушать, убеждать; способность аргументировать; навыки публичного выступления; самопрезентация; способность к командной работе; эффективное поведение в неопределенных, критических ситуациях; толерантность к неопределенности);
- принцип «точно вовремя», навыки self-менеджмента (управление собственными ресурсами (саморазвитие, само-

образование); управление эмоциями; планирование; навыки целеполагания; навыки тайм-менеджмента; инициативность; самоорганизация; рефлексия; информационная грамотность; – навыки эффективного мышления (гибкость; перспективность; аналитичность; доказательность; осознанность; прогностичность; креативность; инновативность).

На наш взгляд, в основе развития надпрофессиональных навыков находится сомоидентификация, развитие способности познавать и реализовать свой внутренний потенциал, навыки самообразования, саморазвития — self-skills, или навыки формирования самого себя. Еще до недавнего времени большая часть людей не видела свою жизнь как объект управления, а самого себя как инвестиционный проект. Нынешний этап развития цивилизации, информатизация предъявляют высокие требования к саморазвитию, самообразованию, самосовершенствованию, важным навыком является навык самоуправления. В статье «Личность в непредсказуемом мире» Д. А. Леонтьев пишет: «Если раньше социальная самоидентификация выполняла функции обеспечения личностного самоопределения сравнительно успешно, то теперь она с этой функцией не справляется и обретение личной идентичности становится как никогда насущным. На смену образу социума, вбирающего в себя разных личностей, приходит образ личности, вбирающей в себя разные социумы» [13].

Софт скиллс также можно рассматривать в динамическом аспекте, они формируются как непосредственно в процессе жизни человека, в процессе взаимодействия с другими людьми, но также могут формироваться в процессе целенаправленной тренировки и дополнительного образования. Специфической особенностью «гибких» навыков является то, что они активно применяются как в трудовой деятельности, так и в обычной жизни человека и способствуют высокому уровню социальной адаптации и самореализации личности. Данные особенности этой группы навыков обеспечивают высокую значимость их как одного из факторов, обеспечивающих успешность профессиональной деятельности.

По мнению О. А. Богачевой, «сегодня уже нельзя отрицать, что формирование софт скиллс — тренд и перспектива современного вузовского образования. Учебные заведения, которые не осознают его значения и не внедряют в учебный процесс, не смогут конкурировать на рынке образования в стратегической перспективе. Поэтому, дисциплины, формирующие гибкие навыки, должны быть не только внесены в учебные планы по соответствующим профессиям, но и внедрены в стратегию развития вузов как точка роста образовательного учреждения» [14].

На фоне очевидной значимости развития софт скиллс у студентов вузов на сегодняшний день не существует универсальной методики их формирования. Более того, чтобы выстраивать стратегию по формированию этих навыков у обучающихся, необходимо понять, на каком уровне развития они находятся в текущий момент времени. С этой целью нами была предпринята попытка провести диагностику уровня развития гибких навыков у студентов первокурсников Югорского государственного университета. Далее на основе проведенной диагностики предлагать студентам формирование ИОМ (в рамках блока выборных дисциплин) с учетом уровней развития тех или иных навыков.

Методология. Диагностика была проведена с помощью методики, представленной доктором психологии В. Шиманской в книге «Коммуникация» [15]. Выбранная методика позволяет оценить семь основных навыков категории софт скиллс, а именно: системное мышление, критическое мышление, креативное мышление, коммуникация, кооперация, эмоциональный интеллект, цифровое мышление.

Всего в диагностике приняли участие 162 студента 13 направлений подготовки: экономика, менеджмент, туризм, прикладная геология, эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов, техносферная безопасность, химия, экология и природопользование, электроэнергетика, юриспруденция, экономическая безопасность, строительство, нефтегазовое дело (табл.).

Уровень развития гибких навыков у студентов-первокурсников различных направлений подготовки

Направление подготовки/специальность	Системное мышление	Критическое мышление	Креативное мышление	Коммуникация	Кооперация	Эмоциональный интеллект	Цифровое мышление
Экономика	3,09	3,28	4	4,9	2,95	2,76	3,57
Менеджмент	3,3	3,69	3,76	4,07	3,07	3,23	3,61
Туризм	3,3	3,5	4,9	5	2,2	3,7	4
Прикладная геология	3,7	3,4	4	4,55	3,88	3,1	4,3
ЭТТМиК	4	5,6	4,8	5	2,4	5	3,6
Техносферная безопасность	3	2,6	3	6	4	3,6	4
Химия	3,38	4,11	3,22	4,11	3,55	2,94	4
Экология и природопользование	3,25	3,93	3,37	4,68	3,37	2,43	2,9
Электроэнергетика и электротехника	2,66	3,93	3,4	3,86	3	3,18	3,93
Юриспруденция	2,8	4,5	4,18	4,6	2,7	3,09	3,6
Экономическая безопасность	3	4	3,7	5,2	3,35	3,1	3,9
Строительство	3,4	3,78	4,28	4,2	1,9	3,35	3,78
Нефтегазовое дело	3,22	3,88	3,74	4,62	3,55	3,44	3,55
Среднее по навыку	3,2	3,9	3,9	4,7	3,1	3,3	3,7

Результаты диагностики (рис.) показали, что к наименее развитым гибким навыкам у студентов-первокурсников

относятся кооперация и системное мышление (3,1 балла и 3,2 балла соответственно). Более остальных развит навык

коммуникации — 4,7 балла (из 6 возможных). В целом же стоит отметить, что уровень развития указанных компетенций на момент первого года обучения в вузе не так высок, как

хотелось бы. Очевидно, что вчерашние школьники нуждаются в целенаправленном развитии гибких навыков, чтобы по окончании вуза стать востребованными специалистами.

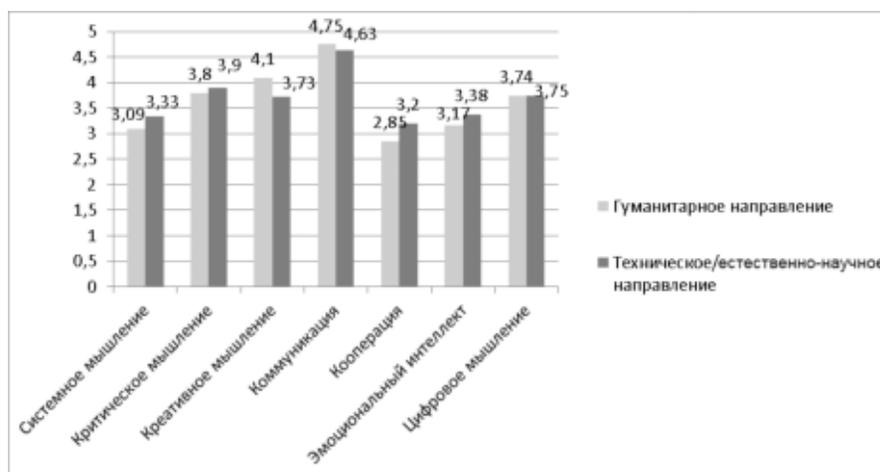

Рис. Уровень развития гибких навыков у студентов гуманитарного и технического направлений подготовки

Сравнение уровней развития софт скиллс у студентов гуманитарного и технического/естественно-научного направлений подготовки показал, что в целом они не сильно различаются, хотя следует отметить, что креативное мышление и уровень коммуникации у гуманитариев несколько выше, тогда как кооперация и системное мышление преобладают у технарей.

В целом средний показатель уровня развития гибких навыков у студентов первокурсников равен 3,7 балла. Максимальный балл в используемой для диагностики методике равен 6. Очевидно, что полученные результаты говорят о необходимости целенаправленного формирования навыков, необходимых выпускникам вузов для успешного трудоустройства. В то же время ранняя диагностика позволит сделать процесс формирования не хаотичным, а управляемым. С этой целью в Югорском государственном университете сформирован центр оценки компетенций, в задачи которого входит не только диагностика начального уровня софт скиллс у студентов первокурсников, но и помощь в формировании их ИОМ с учетом полученных результатов. Для этого весь комплекс выборных дисциплин, реализуемых в вузе, градируется в соответствии с гибкими навыками. Например, если у студента выявлен низкий уровень развития коммуникации, то ему на выбор предлагается целый набор дисциплин, формирующих коммуникативные навыки, из которых он может сделать выбор. Такой выбор он может сделать по каждому навыку, который по результатам диагностики оказался развит не на высоком уровне. Таким образом, с помощью тьютора у каждого

студента формируется его ИОМ, который не только приведет к освоению основной образовательной программы, но и позволит прицельно формировать его гибкие навыки.

Подобная схема работы позволяет также вовремя вносить коррективы в набор элективных курсов. Градация элективов по формируемым гибким навыкам может продемонстрировать наличие большого количества курсов в направлении формирования одного навыка и явный недостаток в направлении другого навыка (как правило, в минимальном количестве присутствуют дисциплины, формирующие эмоциональный интеллект).

Для отслеживания результативности формирования тех или иных гибких навыков предполагается промежуточная (в конце первого года обучения) и итоговая (в конце второго года обучения) диагностика сформированности гибких навыков.

Заключение

Имеющийся опыт работы по построению ИОМ на основе диагностики софт скиллс показал свою состоятельность и перспективность. Детальный анализ результатов диагностики позволяет формировать индивидуальные образовательные треки, которые не хаотично, а прицельно формируют именно те навыки, которых недостает конкретному студенту. В перспективах данного направления работы видится автоматизация процессов диагностики и выбора дисциплин, расширение спектра выборных курсов в соответствии с выявленным дисбалансом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Яркова Т. А., Черкасова И. И. Формирование гибких навыков у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитар. исслед. Humanitates. 2016. Т. 2. № 4. С. 222—234.
2. Павлова Ю. В. Развитие «гибких навыков» у студентов вузов // Россия и Европа: связь культуры и экономики. Материалы XXII междунар. науч.-практ. конф., 2018. С. 102—104.
3. Пономарева О. Я. Сформированность гибких навыков (soft skills) как условие адаптации современного поколения к рынку труда // Актуальные проблемы социального профессионально-экономического вхождения молодежи региональную общественно-производственную среду. Материалы II Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. за вып. Л. П. Пачикова, Т. В. Филипповская. 2018. С. 29—33.
4. Садуллаев Х. Х. Soft skills: отношение студентов к развитию гибких навыков // МНСК-2018: Менеджмент. Материалы 56-й Междунар. науч. студ. конф., 2018. С. 25—26.
5. Новикова С. К. Опыт организации развития гибких навыков (soft skills) у студентов ФГБОУ ВО «МГТУ» // Математические основы разработки и использования машинного интеллекта : сб. науч. ст., посвящ. 70-летию со дня рождения д-ра техн. наук, проф. Лябаха Николая Николаевича. Майкоп : Майкоп. гос. технолог. ун-т, 2018. С. 84—93.

6. Огарева Е. И., Лик Н. В. Роль гибких навыков (soft skills) в компетентностной модели выпускника магистратуры и аспирантуры // *Материалы науч.-метод. конф. СЗИУ РАНХиГС*, 2018. № 1. С. 145—149.
7. Павлова Ю. В. Развитие «гибких навыков» у студентов вузов // *Россия и Европа: связь культуры и экономики : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф.*, 2018. № 102—104.
8. Мухаметзянова Ф. Г., Забиров Р. В., Вафина В. Р. Индивидуальная образовательная траектория и индивидуальный образовательный маршрут студента при подготовке будущего бакалавра в инклюзивном образовании // *Учиться и жить вместе: открытое пространство инклюзии : материалы Всерос. форума продвижения идей и принципов инклюзивного образования : в 2 ч.* 2015. С. 96—100.
9. Львов Л. В. Индивидуальный образовательный маршрут и индивидуальная образовательная траектория // *Интеграционные процессы в современном образовании : материалы Междунар. науч.-практ. конф.*, 2018. С. 33—37.
10. Чеботарев А. А., Чеботарева И. И. Особенности организации обучения по индивидуальным образовательным маршрутам в образовательных учреждениях // *Молодой ученый*. 2020. № 4(294). С. 328—329.
11. Кляпышева Е. В. Индивидуальный образовательный маршрут как средство реализации индивидуальной образовательной траектории // *Интерактивная наука*. 2018. № 12(34). С. 36—39.
12. Степанова Л. Н., Зеер Э. Ф. Soft skills как предикторы жизненного самоосуществления студентов // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. № 8. С. 65—89. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-65-89.
13. Леонтьев Д. А. Личность в непредсказуемом мире // *Методология и история психологии*. 2010. Т. 5. Вып. 3. С. 120—140. URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen.
14. Богачева О. А. Формирование системы гибких навыков (soft skills) у студентов в условиях современного рынка труда // *International Journal of Professional Science*. 2021. № 2. С. 5—9.
15. Шиманская В. Коммуникация. М. : Альпина Диджитал, 2020.

REFERENCES

1. Yarkova T. A., Cherkasova I. I. Formation of flexible skills among students in the context of the implementation of the professional standard of a teacher. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities*, 2016, vol. 2, no. 4, pp. 222—234. (In Russ.)
2. Pavlova Yu. V. Development of flexible skills among university students. In: *Russia and Europe: the relationship between culture and economy. Materials of the XXII Int. sci. and pract. conf.*, 2018. Pp. 102—104. (In Russ.)
3. Ponomareva O. Ya. Formation of flexible skills (soft skills) as a condition for the adaptation of the modern generation to the labor market. In: *Actual problems of the social professional and economic entry of youth into the regional social and industrial environment. Materials of the II Int. sci. and pract. conf.* Ed. by L. P. Pachikova, T. V. Filippovskaya. 2018. Pp. 29—33. (In Russ.)
4. Sadullaev Kh. Kh. Soft skills: students' attitude to the development of flexible skills. In: *MNSC-2018: Management. Materials of the 56th Int. sci. student conf.*, 2018. Pp. 25—26. (In Russ.)
5. Novikova S. K. The experience of organizing the development of flexible skills (soft skills) among students of Moscow State Technical University. In: *Mathematical foundations for the development and use of machine intelligence. Collection of sci. articles dedicated to the 70th anniversary of doc. of tech. sciences, prof. Lyabakh Nikolay Nikolaevich*. Maykop, Maykop State Technological University, 2018. Pp. 84—93. (In Russ.)
6. Ogareva E. I., Lik N. V. The role of flexible skills (soft skills) in the competence model of the graduate of the magistracy and postgraduate studies. In: *Materials of the sci. and method. conf. of the SZIU RANEPА*, 2018. No. 1. Pp. 145—149. (In Russ.)
7. Pavlova Yu. V. Development of flexible skills among university students. In: *Russia and Europe: the relationship between culture and economy. Materials of the XXII Int. sci. and pract. conf.*, 2018. Pp. 102—104. (In Russ.)
8. Mukhametzyanova F. G., Zabirov R. V., Vafina V. R. Individual educational trajectory and individual educational route of the student in the preparation of the future bachelor in inclusive education. In: *Learning and Living Together: An Open Space of Inclusion. Materials of the All-Russ. Forum for the Promotion of Ideas and Principles of Inclusive Education*. In 2 parts. 2015. Pp. 96—100. (In Russ.)
9. Lvov L. V. Individual educational route and individual educational trajectory. In: *Integration processes in modern education. Materials of the Int. sci. and pract. conf.*, 2018. Pp. 33—37. (In Russ.)
10. Chebotarev A. A., Chebotareva I. I. Features of the organization of training on individual educational routes in educational institutions. *Young scientist*, 2020, no. 4(294), pp. 328—329. (In Russ.)
11. Klyapysheva E. V. Individual educational route as a means of implementing an individual educational trajectory. *Interactive Science*, 2018, no. 12(34), pp. 36—39. (In Russ.)
12. Stepanova L. N., Zeer E. F. Soft skills as predictors of students' self-actualization. *Education and Science*, 2019, vol. 21, no. 8, pp. 65—89. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2019-8-65-89.
13. Leontev D. A. Personality in an unpredictable world. *Methodology and history of psychology*, 2010, vol. 5, iss. 3, pp. 120—140. (In Russ.) URL: http://www.tsu.ru/university/rector_page/self-kompetentsii-kak-filosofskiy-kamen.
14. Bogacheva O. A. Formation of a system of flexible skills (soft skills) among students in the modern labor market. *International Journal of Professional Science*, 2021, no. 2, pp. 5—9. (In Russ.)
15. Shimanskaya V. *Communication*. Moscow, Alpina Didzhital, 2020. (In Russ.)

Как цитировать статью: Тимошкина М. В., Айварова Н. Г. Индивидуальный образовательный маршрут по формированию гибких навыков в условиях высшего образования // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 467—471. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.378.

For citation: Timoshkina M. V., Ayvarova N. G. Individual educational route for the formation of flexible skills in higher education. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 467—471. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.378.

Temnyatkina Olga Vladimirovna,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management in Education,
Institute for Education Development of Sverdlovsk Region,
Russian Federation, Ekaterinburg,
e-mail: oltemnyatkina@mail.ru

Темняткина Ольга Владимировна,
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры управления в образовании,
Институт развития образования Свердловской области,
Российская Федерация, г. Екатеринбург,
e-mail: oltemnyatkina@mail.ru

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ АТТЕСТАЦИИ

TEACHER EVALUATION IN VOCATIONAL EDUCATION INSTITUTIONS IN THE CONDITIONS OF ATTESTATION

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования

13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Проблема совершенствования педагогической деятельности обостряет потребность в разработке инструментария для адекватной оценки результатов труда педагога, развития его личностных качеств. В данной статье представлен опыт оценивания компетентностных результатов профессиональной деятельности около 3900 педагогов профессиональных образовательных организаций Свердловской области в процессе их аттестации на первую и высшую категории в течение 2013—2017 гг.

В качестве критериально-оценочной системы в экспертных листах используются показатели сформированности компонентов деятельности. В статье проведен анализ типов ведущей деятельности, выделенных Д. Б. Эльконин, А. Н. Леонтьевым, Л. С. Выготским, В. В. Давыдовым, Л. И. Божович и другими методологами деятельностного подхода. В ходе исследования автором выделены компоненты деятельности: эмоционально-психологический, соответствующий непосредственно-эмоциональному общению; регулятивный, соответствующий предметно-манипулятивной деятельности; социальный, соответствующий игровой деятельности дошкольника; аналитический, соответствующий учебной деятельности; творческий, соответствующий ведущей деятельности подростка; самосовершенствования, соответствующий профессиональной деятельности.

По результатам анализа сформированности компонентов педагогической деятельности выявлен сравнительно низкий уровень развития аналитического, творческого компонентов и компонента самосовершенствования в структуре педагогической деятельности. Выявлены дефициты в профессиональной деятельности педагогов среднего профессионального образования, такие как отсутствие программы мониторинга образовательных достижений обучающихся, отсутствие корректировки учебно-методической документации и методического сопровождения учебных дисциплин и профессиональных модулей, сложности при обосновании выбора технологий, слабая связь с работодателями, недостатки по подготовке материалов по обобщению и распространению опыта работы педагогических работников.

Это позволяет осуществить дальнейшую корректировку деятельности методических служб профессиональных образовательных организаций.

The problem of improving pedagogical practice reinforces the need to develop tools for the adequate evaluation of a teacher's

performance and the development of their personal qualities. This article presents the experience of evaluating the competence results of professional activities of about 3900 teachers of professional educational organizations in the Sverdlovsk region in the process of their certification for the first and the highest category during 2013—2017.

The indicators of formation of activity components are used as criterion-evaluation system in the expert sheets. The article analyses the types of leading activity identified by D. B. Elkonin, A. N. Leontev, L. S. Vygotskiy, V. V. Davydov, L. I. Bozhovich and other methodologists of the activity approach. In the course of the study, the author identified the following components of activity: emotional and psychological, corresponding to direct-emotional communication; regulatory, corresponding to object-manipulative activity; social, corresponding to play activity of preschooler; analytical, corresponding to learning activity; creative, corresponding to the leading activity of teenager; self-improvement, corresponding to professional activity.

The analysis of the formation of pedagogical activity components revealed a relatively low level of development of analytical, creative and self-improvement components in the structure of pedagogical activity. There were revealed such deficits in the professional activities of teachers of secondary vocational education as the lack of a program to monitor the educational achievements of students, the lack of correction of educational and methodological documentation and methodological support of academic disciplines and professional modules, difficulties in justifying the choice of technology, poor communication with employers, shortcomings in the preparation of materials to generalize and disseminate the experience of teaching staff.

This enables further adjustment of the activities of the methodological services of vocational educational organizations.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, оценка квалификации педагога, аттестация, компоненты деятельности, сформированность эмоционально-психологического компонента, сформированность регулятивного компонента, сформированность социального компонента, сформированность аналитического компонента, сформированность творческого компонента, сформированность компонента самосовершенствования.

Keywords: secondary vocational education, evaluation of a teacher's qualification, the attestation, activity's components,

the formation of the emotional and psychological component, the formation of the regulatory component, the formation of the social component, the formation of the analytical component, the formation of the creative component, the formation of the self-improvement component.

Введение

Актуальность. Национальная система профессионального роста педагога, включающая новые формы оценки качества работы учителей и новую модель карьерного роста, введение в образовательную систему профессиональных стандартов педагогических специальностей, федеральных государственных образовательных стандартов и сопутствующая этим процессам перестройка результатов образования на основе компетентностной парадигмы усиливают потребность в изменении научно-педагогического сознания педагогических работников. Нововведения требуют изменения подходов к оценке квалификации педагогов.

Изученность проблемы. Как показали многочисленные зарубежные исследования, оценивание учителей служит одним из наиболее эффективных инструментов для повышения качества образования [1—6].

По мнению Чжан Ли-фан, для обеспечения эффективного преподавания и обучения подбор квалифицированных педагогов является первым важным шагом [7].

На основе наблюдений и самооценки взаимодействия учителя и ребенка среди учителей Ху Б., Чен Л. и Фань Х. обнаружили, что высококвалифицированные учителя (т. е. учителя, получившие самые высокие баллы как по наблюдениям, так и по результатам оценки), как правило, имели более высокий уровень образования и больший опыт в профессии. Высококвалифицированные педагоги также чаще демонстрировали адаптивные психологические качества, в том числе личностные, и эмоциональный интеллект [8].

П. Халлингер и др. указывают, что повышение качества образования происходит путем реализации возможности для педагога в результате оценивания движения по карьерной лестнице, а также возможности профессиональной рефлексии и планирования профессионального развития [9].

Наиболее мощным «рычагом» существенных преобразований, которые должны произойти в деятельности педагогов в современных условиях, становится оценка профессиональных компетенций при аттестации педагогов.

Целесообразность разработки темы. В настоящее время органами управления образования субъектов Российской Федерации применяются различные методики аттестации педагогических работников. Анализ методик для оценки деятельности педагогов в рамках аттестации выявил состав критериев и показателей в аттестационных оценочных материалах, ориентированный на конкретные педагогические умения и навыки. Этот подход ориентирован на «знаниевую» парадигму, при этом не учитываются компетентностные принципы оценки [10—12]

В 2012 г. в связи с переходом на новый порядок аттестации, в соответствии с которым ключевым назначением аттестации является определение перспектив реализации потенциальных возможностей педагогических работников на основе всестороннего анализа профессиональной деятельности и адекватной оценки уровня квалификации педагога, Институтом развития образования Свердловской области была разработана методика оценки уровня квалификации педагогических работников среднего профессионального образования, ориентированная на структуру профессиональной

деятельности педагога, учитывающая принципы компетентностного подхода — надпредметность, комплексность, уровневость и др. Оценка результатов труда педагогов СПО Свердловской области в течение последних лет проводится по компонентам деятельности, соответствующим этапам становления субъекта (типам ведущей деятельности): эмоционально-психологический, регулятивный, социальный, аналитический, творческий, самосовершенствования [13].

Научная новизна исследования заключается в изучении эффективности использования методики оценки уровня квалификации педагогических работников, основанной на компонентах деятельности, для анализа компетентностных результатов деятельности педагогов среднего профессионального образования в условиях аттестации.

Цель исследования и задачи — проанализировать результаты аттестации около 3900 педагогов среднего профессионального образования Свердловской области за 2013—2017 гг. в соответствии с методикой оценки уровня квалификации педагогических работников, основанной на компонентах деятельности, выявить дефициты, определить перспективы использования методики оценки уровня квалификации педагогических работников.

Теоретическая значимость исследования заключается в изучении возможности использования методики оценки уровня квалификации педагогических работников, основанной на компонентах деятельности, для анализа компетентностных результатов педагогической деятельности в условиях аттестации.

Практическая значимость исследования заключается в анализе дефицитов педагогов среднего профессионального образования, выявленных в условиях аттестации в 2013—2017 гг., и определении направлений методической работы в учреждениях СПО.

Основная часть

Методология. Концепция компонентов деятельности основывается на идеях отечественной теории деятельности (Л. С. Выготский [14], Д. Б. Эльконин [15], В. В. Давыдов [16], А. Н. Леонтьев [17], С. И. Гессен [18] и др.), в которой выделяются шесть типов ведущей деятельности субъекта деятельности: непосредственно-эмоциональное общение, предметная деятельность, игровая деятельность, учебная деятельность, творческая как деятельность подрастающего и профессиональная деятельность.

Каждый тип ведущей деятельности субъекта способствует формированию определенных «ведущих» системообразующих действий субъекта деятельности. В соответствии с законом системной дифференциации развития сложных систем (закон микрогенезиса Хайнца Вернера), каждая деятельность субъекта совершается в соответствии с той последовательностью, которая характерна для становления субъекта в процессе онтогенеза [19].

Структура деятельности остается инвариантной, соответствующей типам ведущей деятельности субъекта. Компоненты наполняются новым содержанием в соответствии с особенностями деятельности. Таким образом, в любой деятельности выделяются следующие содержательные компоненты, соответствующие этапам становления субъекта (типам ведущей деятельности): эмоционально-психологический, регулятивный, социальный, аналитический, творческий, самосовершенствования. Критерием сформированности каждого компонента деятельности является проявление соответствующего компонента культуры субъекта деятельности [20] (табл. 1).

Таблица 1

Критерии сформированности компонентов деятельности

Ведущие типы деятельности	Компоненты деятельности	Критерии сформированности
Непосредственно-эмоциональное общение	Эмоционально-психологический	Сформированность эмоционально-психологической культуры
Предметно-манипулятивная деятельность	Регулятивный	Сформированность организационной культуры
Игровая деятельность	Социальный	Сформированность коммуникативной культуры
Учебная деятельность	Аналитический	Сформированность аналитической культуры
Творческая деятельность подростка (по С. И. Гессену)	Творческий	Сформированность творческой культуры
Профессиональная деятельность	Самосовершенствование	Сформированность культуры самосовершенствования

Данная система оценочных критериев основана на компетентностном принципе *гармонизации*: компоненты деятельности должны формироваться и развиваться равномерно в гармоничном единстве, что служит новым принципом оценки сформированности структуры профессиональной деятельности. Низкий уровень сформированности какого-либо компонента по сравнению с остальными свидетельствует о нарушении всей структуры деятельности. Критерии сформированности компонентов педагогической деятельности явились основой для анализа профессиональной деятельности педагогических работников профессиональных образовательных организаций. На деятельностной методологической основе с учетом нормативных документов, а также должностных инструк-

ций были разработаны показатели для установления соответствия уровня квалификации педагогических работников среднего профессионального образования, сформированы листы экспертной оценки (табл. 2).

Для подсчета баллов использовалась шкала: 0 баллов — показатель не проявляется; 1 балл — единичное проявление показателя; 2 балла — оптимальное проявление показателя. Отношение реальных баллов, полученных педагогами в рамках аттестации, к максимально возможному позволяет определить процент достижения каждого компонента деятельности. Результаты сформированности компонентов деятельности сравниваются между собой с позиции принципа гармонизации, а не ориентации на 100%-е достижение.

Таблица 2

Показатели для установления уровня квалификации аттестующегося преподавателя

Компонент	Показатели
Эмоционально-психологический	1. Создает благоприятный психологический климат при организации образовательной деятельности, атмосферу взаимопонимания, взаимопомощи, толерантности
	2. Использует знания об интересах и потребностях обучающихся в педагогической деятельности
	3. Формирует учебно-познавательную мотивацию обучающихся
	4. Владеет культурой письменной и устной речи, обладает педагогическим тактом
Регулятивный	5. Обосновывает педагогическую деятельность с позиции нормативно-правовых документов
	6. Ориентирует цели профессиональной деятельности на формирование общих и профессиональных компетенций, личностное развитие обучающихся
	7. Рабочая программа (программы) по предмету деятельности соответствует нормативным требованиям
	8. Применяет в образовательной деятельности образовательные технологии (проектные, исследовательские, развивающие и др.)
Социальный	9. Развивает коммуникативные способности у обучающихся, формирует коллектив обучающихся
	10. Применяет дифференцированный и индивидуальный подходы к обучению и воспитанию, сопровождение обучающихся с особыми образовательными потребностями
	11. Использует в профессиональной деятельности информационно-коммуникационные технологии, современные средства обучения, технологии дистанционного обучения
	12. Имеет свидетельства общественного признания профессиональных успехов (грамоты, благодарности, публикации в СМИ и др.)
Аналитический	13. По итогам мониторингов, проводимых организацией, имеет стабильные результаты освоения всеми обучающимися образовательных программ (1 б.), достижение обучающимися положительной динамики результатов освоения образовательных программ (2 б.)
	14. По итогам мониторинга системы образования, проводимого в порядке, установленном постановлением Правительства РФ (от 05.08.2013 г. № 662), имеет стабильные положительные результаты освоения обучающимися образовательных программ (1 б.), достижение обучающимися положительной динамики результатов освоения образовательных программ (2 б.)
	15. Осуществляет анализ результатов образовательных достижений обучающихся на уровне сформированности общих и профессиональных компетенций, личностное развитие обучающихся
	16. Разрабатывает дидактические и методические, контрольно-измерительные материалы в соответствии с требованиями профессиональной образовательной программы образовательной организации

Компонент	Показатели
Творческий	17. Вносит личный вклад в повышение качества образования, совершенствование методов обучения и воспитания (1 б.), продуктивно использует новые образовательные технологии (2 б.)
	18. Вовлекает обучающихся во внеурочную проектную, творческую, исследовательскую деятельность
	19. Привлекает обучающихся к участию в олимпиадах, конкурсах, фестивалях, соревнованиях (в образовательной организации — 1 б., на муниципальном уровне — 2 б.)
	20. Участвует в профессиональных конкурсах (в образовательной организации — 1 б., на муниципальном уровне — 2 б.)
Самосовершенствования	21. Активно участвует в работе методобъединений педагогических работников (1 б.), в разработке программно-методического сопровождения образовательной деятельности (2 б.)
	22. Транслирует в педагогических коллективах опыт практических результатов своей профессиональной деятельности (1 б.), в том числе экспериментальной и инновационной (2 б.)
	23. Повышает уровень профессиональной квалификации
	24. Является экспертом по профилю профессиональной деятельности (на уровне образовательной организации — 1 б., на муниципальном уровне — 2 б.)

Результаты. Для иллюстрации тенденций в результатах исследования сформированности профессиональных компетенций педагогов среднего профессионального образования приведем анализ результатов сформированности содержательных компонентов профессиональной деятельности по итогам аттестации на первую и высшую категории 808 педагогов СПО Свердловской области в 2017 г. [21] (табл. 3).

Таблица 3

Результаты достижения компонентов деятельности педагогическими работниками профессиональных образовательных организаций Свердловской области по итогам аттестации на первую и высшую категории в 2017 г.

Компонент деятельности	Результат, %
Эмоционально-психологический	97
Регулятивный	89
Социальный	85
Аналитический	72
Творческий	77
Самосовершенствования	66

Анализ приведенных в табл. 3 результатов показывает очевидное понижение уровня достижения компонентов деятельности от эмоционально-психологического до творческого компонента и компонента самосовершенствования для данной категории педагогов.

Как показывает анализ результатов сформированности содержательных компонентов деятельности, наиболее сформированным оказался эмоционально-психологический компонент. Педагоги успешно создают благоприятный психологический климат при организации образовательного процесса, формируют учебно-познавательную мотивацию, организуют и поддерживают разнообразные виды деятельности обучающихся, ориентируясь на личность обучающихся, развивают способности, что говорит о сформированности эмоционально-психологической культуры педагогов.

На втором месте — регулятивный компонент. В соответствии с его содержанием педагоги ориентируют цели профессиональной деятельности на формирование общих и профессиональных компетенций, личностное развитие обучающихся, умеют обосновывать педагогическую деятельность с позиции нормативно-правовых документов, наиболее выражен показатель «реализация рабочих программ

по предмету деятельности»; они ответственно выполняют должностные обязанности нормативного (рутинного) характера, таким образом, у педагогов сформирована организационная культура.

На третьей позиции — социальный компонент: педагоги успешно развивают коммуникативные качества у обучающихся, формируют коллектив обучающихся, применяют дифференцированный и индивидуальный подходы к обучению и воспитанию, сопровождают обучающихся с особыми образовательными потребностями, предоставляют свидетельства общественного признания профессиональных успехов (грамоты, благодарности, публикации в СМИ и др.), они успешно используют в профессиональной деятельности информационно-коммуникационные технологии, что свидетельствует о сформированности социальной культуры — развитости коммуникативных качеств, ориентации на общественные требования, умении работать с информацией.

К сожалению, слабо сформирован аналитический компонент профессиональной деятельности педагогических работников Свердловской области, недостаточно демонстрируются педагогами результаты применения современных образовательных технологий, не представлены результаты разработки дидактических и методических, контрольно-измерительных материалов в соответствии с требованиями Основной общеобразовательной программы ОУ, педагоги практически не владеют мониторингом образовательных достижений обучающихся на уровне сформированности общих и профессиональных компетенций, личностного развития обучающихся и, как следствие, не понимают перспектив развития личности обучающихся, что говорит о низком уровне сформированности аналитической культуры педагогов, неспособности к аналитической деятельности, к анализу результатов своей профессиональной деятельности.

Достаточно слабо развит творческий компонент: в основном педагоги демонстрируют способность к вовлечению обучающихся во внеурочную проектную деятельность, их участие в районных, городских олимпиадах и конкурсах, а также собственного участия в конференциях, семинарах, профессиональных конкурсах. Однако у большинства педагогов вызывает затруднение представление личного вклада в повышение качества образования на основе инновационной деятельности, это свидетельствует о низком уровне сформированности креативной культуры педагогов, неспособности к творческой деятельности.

Самые большие проблемы вызывает развитие компонента самосовершенствования: педагоги повышают уровень

профессиональной квалификации, однако самые низкие результаты связаны с обобщением ими опыта профессиональной деятельности в научно-методических разработках, публикациях на уровне района, города, области, РФ, что говорит о несформированности культуры самосовершенствования, неспособности к профессиональному росту.

Таким образом, выявлен сравнительно низкий уровень сформированности аналитического, творческого компонентов, а также компонента самосовершенствования по сравнению с эмоционально-психологическим, регулятивным и социальными компонентами профессиональной деятельности педагогов среднего профессионального образования.

В основе аналитического, творческого компонентов и компонента самосовершенствования лежит продуктивный уровень мышления, соответственно, необходима работа методических служб профессиональных образовательных организаций по формированию аналитической, творческой культуры педагогических кадров, а также культуры самосовершенствования.

На основе рекомендаций экспертных комиссий и отчетов аттестационных комиссий в ходе аттестации педагогических работников профессиональных образовательных организаций, реализующих основные образовательные программы среднего профессионального образования, выявились следующие проблемы:

- отсутствие «стройной» программы мониторинга образовательных достижений обучающихся;
- отсутствие корректировки учебно-методической документации и методического сопровождения учебных дисциплин и профессиональных модулей;
- сложности при обосновании выбора технологий, формулировке целей их использования и определения того, что является авторским дидактическим обеспечением;
- слабая связь с работодателями;
- определенные недостатки по подготовке материалов по обобщению и распространению опыта работы педагогических работников;
- недостаточная активность педагогов по распространению собственного педагогического опыта среди коллег (малое количество публикаций, участия в конференциях, в конкурсах профессионального мастерства);
- связь частью педагогов показателей профессиональной деятельности только с уровнем выполнения своих должностных обязанностей.

Анализ рекомендаций экспертных комиссий в соотношении с выставленными баллами показал, что основные проблемы деятельности педагогов, сформулированные в рекомендациях экспертных комиссий, отражают недостаточную степень сформированности комплекса учебно-методических условий, которые позволяют обеспечивать качественную реализацию федеральных государственных образовательных стандартов среднего профессионального образования. Доминирующими явились рекомендации по разработке диагностического и оценочного инструментария уровня сформированности компетенций обучающихся в соответствии с ФГОС нового поколения. Большинство рекомендаций направлены на разработку контрольно-оценочных средств по учебным дисциплинам и профессиональным модулям. К сожалению, практически нет рекомендаций экспертных комиссий по внедрению в образовательный процесс требований к компетенциям WorldSkills, учету в рабочих программах дисциплин и модулей требований профессиональных стандартов профессий и специальностей.

Экспертам, предлагающим аттестующемуся рекомендации на перспективу пять лет, необходимо предвидеть направления профессиональной деятельности, которые будут востребованы в эти годы, для того чтобы рекомендации способствовали росту качества среднего профессионального образования и развитию профессиональной компетентности преподавателей и мастеров производственного обучения.

Проблемы, выявленные при аттестации молодых педагогов:

- необходимость освоения новых видов деятельности при большой нагрузке;
- незнание большого объема нормативных документов, необходимых для работы;
- психологические затруднения, вызванные изменением социальной роли (переход от статуса «ученик» («студент») к статусу «преподаватель»).

Анализ результатов аттестации свидетельствует о необходимости повышения компетентности педагогов в области:

- организации мониторинга образовательных достижений обучающихся;
- совершенствования условий реализации образовательного процесса, с учетом стандартов СПО нового поколения;
- повышения мотивационной готовности педагогов к инновационной деятельности;
- разнообразия механизмов установления отношений с социальными партнерами;
- совершенствования информационной среды ОУ СПО, учебно-методических комплексов, ориентированных на требования ФГОС СПО;
- разработки системы самостоятельной работы обучающихся при освоении основной профессиональной образовательной программы профессий и специальностей среднего профессионального образования.

Одной из эффективных форм повышения квалификации является самообразование, в ходе реализации которой непрерывность профессионального образования достигается за счет добровольного систематического участия педагогов в семинарах, мастер-классах, днях открытых дверей, практикумах, тренингах и других мероприятиях.

Анализ результатов аттестации педагогов профессиональных образовательных организаций за период 2013—2017 гг. показывает стабильность проявления уровней сформированности компонентов деятельности у данной категории педагогов (табл. 4).

Таблица 4

Сравнение результатов достижения компонентов деятельности педагогическими работниками СПО Свердловской области по итогам аттестации на первую и высшую категории в 2013—2017 гг.

Компонент деятельности	Результат, %				
	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Эмоционально-психологический	95	95	96	97	97
Регулятивный	87	87	88	88	89
Социальный	87	75	85	86	85
Аналитический	77	74	72	73	72
Творческий	76	70	71	75	77
Самосовершенствования	66	62	61	64	66
Средний балл	77	79	79	80	81

Таким образом, выявлен сравнительно низкий уровень сформированности аналитического, творческого компонентов, а также компонента самосовершенствования по сравнению с эмоционально-психологическим, регулятивным и социальными компонентами профессиональной деятельности педагогов. В основе аналитического, творческого компонентов и компонента самосовершенствования лежит продуктивный уровень мышления, соответственно, необходима работа методических служб профессиональных образовательных организаций по формированию аналитической, творческой культуры педагогических кадров, а также культуры самосовершенствования.

На основании проведенного анализа результатов аттестации педагогов образовательных организаций, реализующих основные образовательные программы среднего профессионального образования, можно сделать следующие **выводы**:

1. Несмотря на большой комплекс мероприятий, направленных на создание условий для успешного прохождения педагогами аттестации, в образовательных организациях среднего профессионального образования практически не используется такие информационные ресурсы, как сайты образовательных организаций, недостаточно привлечены работодатели и общественные организации к участию в процедурах аттестации.

2. Недостаточно выстроена система сопровождения педагогов в межаттестационный период. По-прежнему основной проблемой остается для педагогов системное представление результатов педагогической деятельности. Педагоги в межаттестационный период проводят фиксацию результатов деятельности, в меньшей степени уделяя внимание анализу качества образовательного процесса, выявлению проблем и противоречий межаттестационного периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Темняткина О. В., Токменинова Д. В. Модели оценки эффективности работы педагогов, используемые в зарубежных странах // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 3(39). С. 489—499.
2. Danielson C., McGreal T. L. *Teacher evaluation to enhance professional practice*. Alexandria, VA : Association for Supervision and Curriculum Development, 2000. 129 p.
3. Darling-Hammond L. Recognizing and enhancing teacher effectiveness // *The International Journal of Educational and Psychological Assessment*. 2009. Vol. 3(1). Pp. 1—24.
4. Tucker P. D., Stronge J. H. *Linking teacher evaluation and student learning*. Alexandria, VA : Association for Supervision and Curriculum Development, 2005. 132 p.
5. Stronge J. H., Grant L., Xu X. *Teacher evaluation and teacher effectiveness*. New York : Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/OBO/9780199756810-0138.
6. Su Y., Feng L., Hsu C. Accountability or authenticity? The alignment of professional development and teacher evaluation // *Teachers and Teaching*. 2017. Vol. 23(6). Pp. 717—728. DOI: 10.1080/13540602.2016.1255189.
7. Zhang Li-fang. On teachers and assessment // *Educational Psychology*. 2018. Vol. 38. Iss. 3. Pp. 261—263. DOI: 10.1080/01443410.2018.1444387.
8. Hu B. Y., Chen L., Fan X. Profiles of teacher-child interaction quality in preschool classrooms and teachers' professional competence features // *Educational Psychology*. 2018. Vol. 38. Iss. 3. Pp. 264—285. DOI: 10.1080/01443410.2017.1328488.
9. Hallinger P., Heck R. H., Murphy J. Teacher evaluation and school improvement: An analysis of the evidence // *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*. 2014. Vol. 26. Pp. 5—28.
10. Долгоаршинных Н. В. *Аттестация педагогических работников. Экспертиза профессиональной деятельности педагогов в условиях реализации требований ФГОС : учеб. пособие*. М. : Перспектива, 2016. 76 с.
11. Казакова Л. Н., Полякова А. В. *Аттестация педагогических работников как технология творческого развития педагога в условиях введения профессионального стандарта // Среднее профессиональное образование*. 2017. № 5. С. 37—43.
12. Оганезова Л. М. *Аттестация педагогических кадров и профессиональный стандарт педагога — новые подходы // Муниципальное образование: инновации и эксперимент*. 2015. № 1. С. 9—14.
13. *Методика оценки уровня квалификации педагогических работников Свердловской области в соответствии с переходом на новый порядок аттестации / Под ред. О. В. Темняткиной*. Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «Ин-т развития образования», 2012. 103 с.
14. Выготский Л. С. *История развития высших психических функций // Собр. соч. : в 6 т. Т. 3*. М., 2003. С. 58—89.
15. Эльконин Д. Б. *Избранные психологические труды*. М. : Междунар. пед. акад., 1995. 224 с.

Остается проблема профилактики деструкций, нежелания что-то менять в своей профессиональной деятельности.

3. Необходима целенаправленная работа методических служб профессиональных образовательных организаций по совершенствованию профессиональной компетентности педагогов в направлении творческого, аналитического компонентов деятельности, компонента самосовершенствования.

Заключение

В целом следует отметить, что критериально-оценочная система аттестации, основанная на компонентах деятельности, оказывает положительное влияние на реализацию программных целей развития образования, а именно: стимулирует освоение педагогами концептуальных и нормативно-правовых оснований развития образования; способствует внедрению в педагогическую практику результативных педагогических технологий, методов; содействует в определенной степени росту творческой активности и компетентности педагогов; распространению передового опыта, развитию профессиональной компетентности педагогов.

Исследование подтвердило возможность использования методики оценки уровня квалификации педагогических работников, основанной на компонентах деятельности, для анализа компетентностных результатов деятельности около 3900 педагогов среднего профессионального образования в условиях аттестации.

Проведен анализ дефицитов педагогов среднего профессионального образования, выявленных в условиях аттестации в 2013—2017 гг., и определены направления методической работы с целью повышения качества образования в учреждениях СПО.

16. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М. : Интор, 2006. 542 с.
17. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
18. Гессен С. И. Основы педагогики. (Введение в прикладную философию). М., 1995. 405 с.
19. Чуприкова Н. И. Умственное развитие и обучение. Психологические основы развивающего обучения. М. : Столетие, 1994. 97 с.
20. Темняткина О. В. Становление региональной системы оценки качества среднего профессионального образования в рамках олимпиады профессионального мастерства // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 3. С. 243.
21. Результаты аттестации педагогических работников образовательных организаций Свердловской области в 2017 году. Екатеринбург : ГАОУ ДПО СО «Ин-т развития образования», 2018. 148 с.

REFERENCES

1. Temnyatkina O. V., Tokmeninova D. V. Models of evaluation of the effectiveness of teachers, used in foreign countries. *Perspectives of Science and Education*, 2019, no. 3, pp. 489—499. (In Russ.)
2. Danielson C., McGreal T. L. *Teacher evaluation to enhance professional practice*. Alexandria, VA, Association for Supervision and Curriculum Development, 2000. 129 p.
3. Darling-Hammond L. Recognizing and enhancing teacher effectiveness. *The International Journal of Educational and Psychological Assessment*, 2009, vol. 3(1), pp. 1—24.
4. Tucker P. D., Stronge J. H. *Linking teacher evaluation and student learning*. Alexandria, VA, Association for Supervision and Curriculum Development, 2005. 132 p.
5. Stronge J. H., Grant L., Xu X. *Teacher evaluation and teacher effectiveness*. New York, Oxford University Press, 2013. DOI: 10.1093/OBO/9780199756810-0138.
6. Su Y., Feng L., Hsu C. Accountability or authenticity? The alignment of professional development and teacher evaluation. *Teachers and Teaching*, 2017, vol. 23(6), pp. 717—728. DOI: 10.1080/13540602.2016.1255189.
7. Zhang Li-fang. On teachers and assessment. *Educational Psychology*, vol. 38, iss. 3, pp. 261—263. DOI: 10.1080/01443410.2018.1444387.
8. Hu B. Y., Chen L., Fan X. Profiles of teacher-child interaction quality in preschool classrooms and teachers' professional competence features. *Educational Psychology*, vol. 38, iss. 3, pp. 264—285. DOI: 10.1080/01443410.2017.1328488.
9. Hallinger P., Heck R. H., Murphy J. Teacher evaluation and school improvement: An analysis of the evidence. *Educational Assessment, Evaluation and Accountability*, 2014, vol. 26, pp. 5—28.
10. Dolgoarshinnih N. V. *Attestation of pedagogical staff. Expertise of the professional activity of teachers in the conditions of the implementation of the requirements of the Federal State Educational Standard. Textbook*. Moscow, UTs Perspektiva, 2016. 76 p. (In Russ.)
11. Kazakova L. N., Polyakova A. V. Attestation of pedagogical staff as a technology for creative teacher development in the context of the introduction of a professional standard. *The Journal of Secondary Vocational Education*, 2017, no. 5, pp. 37—43. (In Russ.)
12. Oganezova L. M. Attestation of pedagogical staff and professional standard of a teacher — new approaches. *Municipal Education: Innovations and Experiments*, 2015, no. 1, pp. 9—14. (In Russ.)
13. *The method of assessing the level of qualifications of teachers in the Sverdlovsk region in accordance with the transition to a new procedure of certification*. Ekaterinburg, IRO publ., 2012. 103 p. (In Russ.)
14. Vygotskiy L. S. *History of the Development of Higher Mental Functions. Collected Works*. In 6 vols. Vol. 3. Moscow, 2003. Pp. 58—89. (In Russ.)
15. Elkonin D. B. *Selected Psychological Works*. Moscow, International Pedagogical Academy, 1995. (In Russ.)
16. Davydov V. V. *The theory of developmental learning*. Moscow, Intor, 2006. P. 542. (In Russ.)
17. Leontev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow, 1975. (In Russ.)
18. Gessen S. I. *Fundamentals of Pedagogy. (Introduction to Applied Philosophy)*. Moscow, 1995. 405 p. (In Russ.)
19. Chuprikova N. I. *Mental development and learning. Psychological foundations of developmental learning*. Moscow, Stoletie, 1994. 97 p. (In Russ.)
20. Temnyatkina O. V. Establishment of a regional system to assess the quality of secondary vocational education in the Professional Skills Olympiad. *Modern problems of science and education*, 2014, p. 243. (In Russ.)
21. *Results of the teachers' certification of educational organizations of the Sverdlovsk region in 2017*. Ekaterinburg, IRO publ., 2018. 148 p. (In Russ.)

Как цитировать статью: Темняткина О. В. Оценка деятельности педагогов профессиональных образовательных организаций в условиях аттестации // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 472—478. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.353.

For citation: Temnyatkina O. V. Teacher evaluation in vocational education institutions in the conditions of attestation. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 472—478. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.353.

УДК 378.095
ББК 74.48

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.377

Коноплянский Дмитрий Алексеевич,
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Director of the Regional Center for the Development of Education
in the Kemerovo region,
Tomsk State University
of Architecture and Building,
Russian Federation, Leninsk-Kuznetsky,
e-mail: lktgasu@mail.ru

Коноплянский Дмитрий Алексеевич,
канд. пед. наук, доцент,
директор Регионального центра развития образования
в Кемеровской области,
Томский государственный
архитектурно-строительный университет,
Российская Федерация, г. Ленинск-Кузнецкий,
e-mail: lktgasu@mail.ru

СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА

THE SPECIFICS OF THE REGIONAL LABOR MARKET IN THE PROCESS OF FORMING THE COMPETITIVENESS OF UNIVERSITY GRADUATES

13.00.08 — Теория и методика профессионального образования
13.00.08 — Theory and methodology of vocational education

Статья посвящена проблеме повышения конкурентоспособности выпускников вуза. Стратегические ориентиры инновационного развития России определяют основные направления модернизации системы высшего образования, в том числе и на региональном уровне, что актуализировало проблему научного обоснования целевых, теоретико-методологических, содержательных, технологических и организационно-педагогических аспектов подготовки конкурентоспособных выпускников вуза, учет потребности социально-экономического развития конкретного региона, специфики регионального рынка труда, взаимодействие высшего образования и работодателей.

В статье отмечается, что основу для определения направлений деятельности по формированию конкурентоспособности выпускников вуза составляют показатели, характеризующие региональные особенности рынка труда, учитывающие его потребности в квалифицированных кадрах. При разработке регионального аспекта процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза выделена и учитывалась социально-экономическая (наличие приоритетных отраслей региона, составляющих его специализацию, их место и роль в социально-экономическом развитии региона; экономическая активность населения; монопрофильность специализации экономики региона; экономически полезные предприятия; сильные и слабые стороны хозяйственного комплекса региона; анализ ориентиров и альтернатив развития регионального рынка труда, уникальность социально-экономической ситуации региона, эффективность использования трудового потенциала, экономическая дифференциация региона и др.) и социокультурная (особенности трудового поведения и образа жизни в регионе, потребности личности, традиционная востребованность и престижность определенных направлений подготовки специалистов и др.) специфика регионального рынка труда.

Сделаны выводы о том, что формирование конкурентоспособности выпускников вуза протекает на протяжении всего периода обучения, включающего в себя профессиональную и личностную подготовку будущих специалистов, и определяющим образом зависит от состояния, в котором находится рынок труда региона, и от требований работодателей, предъявляемых к специалистам.

The article is devoted to the problem of increasing the competitiveness of university graduates. Strategic guidelines for the innovative development of Russia determine the main directions of modernization of the higher education system, including at the regional level, which actualized the problem of scientific substantiation of target, theoretical and methodological, substantive, technological, organizational and pedagogical aspects of training competitive university graduates, taking into account the needs of socio-economic development of a particular region, the specifics of the regional labor market, interaction of higher education and employers.

The article notes that the basis for determining the areas of activity for the formation of the competitiveness of university graduates are indicators that characterize the regional characteristics of the labor market, taking into account its needs for qualified personnel. When developing the regional aspect of the process of forming the competitiveness of university graduates, the socio-economic (the presence of priority sectors of the region that make up its specialization, their place and role in the socio-economic development of the region; the economic activity of the population) was highlighted and taken into account; single-industry specialization of the regional economy; economically useful enterprises; strengths and weaknesses of the economic complex of the region; analysis of guidelines and alternatives for the development of the regional labor market, the uniqueness of the socio-economic situation of the region, the effectiveness of the use of labor potential, economic differentiation of the region, etc.) and socio-cultural (features of labor behavior and lifestyle in the region, the needs of the individual, the traditional demand and prestige of certain areas of training, etc.) specifics of the regional labor market.

The conclusions are drawn that the formation of the competitiveness of university graduates takes place throughout the entire period of training, including professional and personal training of future specialists and depends in a decisive way on the state in which the labor market of the region is located and on the requirements of employers for specialists.

Ключевые слова: Кемеровская область, высшее образование, подготовка специалистов, выпускник вуза, формирование конкурентоспособности, методология полипарадигмальности, региональный рынок труда, работодатели, потребности в кадрах, социально-экономическая и социокультурная специфика, направления деятельности, трудоустройство.

Keywords: Kemerovo region, higher education, training of specialists, university graduate, formation of competitiveness, methodology of poly-paradigmality, regional labor market, employers, personnel needs, socio-economic and socio-cultural specifics, areas of activity, employment.

Введение

Актуальность темы определяется рядом обстоятельств: во-первых, влиянием современных трендов развития общества и образования, глобализационных процессов, включающих изменчивость социально-экономической ситуации, цифровизацию сфер жизнедеятельности молодежи, развитие опережающего обучения и открытой системы образования; во-вторых, проявляющейся трансформацией современного рынка труда, которое предполагает рост требований со стороны работодателей к выпускникам вуза и усложняет проблему их трудоустройства; в-третьих, низкая способность выпускников вуза — молодых специалистов приспособляться к изменяющимся социально-экономическим условиям современного рынка труда [1—4].

Целесообразность дальнейшей разработки темы обусловлена изменяющимися социально-экономическими условиями, определяющими необходимость адаптации выпускников вуза на современном рынке труда, а потому именно формирование и развитие конкурентоспособности выпускников вуза видится нами выходом из ситуации, сложившейся с их подготовкой к деятельности на региональном рынке труда и трудоустройством.

Научная новизна изложенных в статье результатов и представлений позволяет расширить основу для взаимодействия высших учебных заведений с рынком труда и социальными партнерами по решению проблемы формирования конкурентоспособности выпускников вуза в процессе их подготовки с учетом специфики регионального рынка труда в изменяющейся социально-экономической ситуации.

Цель и задачи статьи — раскрыть важность подготовки конкурентоспособных специалистов высшими учебными заведениями с учетом потребностей рынка труда и личностных потребностей выпускников вуза.

Теоретическое и практическое значение имеет актуализация перспективности развития теории и практики формирования конкурентоспособности выпускников вуза с учетом специфики регионального рынка труда; дополнение сферы научного знания в области изучения и реализации опыта подготовки конкурентоспособных выпускников вуза, взаимодействия высшего образования с рынком труда и социальными партнерами.

Основная часть

Методология. Стратегические ориентиры инновационного развития России определяют основные направления модернизации системы высшего образования, в том числе и на региональном уровне, что актуализировало проблему научного обоснования целевых, содержательных, технологических и организационно-педагогических аспектов подготовки конкурентоспособных выпускников вуза, учет потребности социально-экономического развития конкретного региона, специфики регионального рынка труда, взаимодействие высшего образования и работодателей [5—7].

В контексте возрастающих требований к подготовке будущих специалистов особую значимость приобретает разработка теоретико-методологических основ и научно-педагогического обеспечения формирования конкурентоспособности

выпускников вуза с учетом специфики регионального рынка труда [8, 9], суть которых состоит в формировании готовности выпускников вуза успешно жить и действовать в изменяющихся социально-экономических и социокультурных условиях, планировать собственное развитие с учетом ограничений и последствий принимаемых решений в будущей профессиональной деятельности.

Решение проблемы формирования конкурентоспособности выпускников вуза могло быть найдено на основе полипарадигмальности, которая нами рассматривалась как методология педагогического исследования, как теория концептуального моделирования педагогической системы, как теоретическая основа проектирования и реализации процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза.

Методология полипарадигмальности предполагала одновременное применение нескольких педагогических парадигм [10, 11], гармоничное сочетание которых позволяло найти наиболее оптимальные формы и методы, технологии и приемы, позволяющие при их использовании повысить конкурентоспособность выпускников вуза.

Основные положения методологии полипарадигмальности в исследовании позволили систематизировать знания о стратегии и тактике системы высшего образования, создать теоретико-методологическую базу для их анализа и оценки, выявлять направления и генерировать новые идеи формирования конкурентоспособности выпускников вуза в научно-образовательном процессе вуза, сформировать многомерное, полисистемное представление о концепции ее педагогической модели, обобщить потенциал ведущих парадигм для совершенствования процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза.

Учитывая контекст проводимого исследования, подходы общенаучного уровня методологии полипарадигмальности нами были определены как теоретико-методологическая стратегия исследования, а подходы конкретно-научного уровня — как практико-ориентированная тактика исследования.

В соответствии с этим, а также учитывая цель и задачи нашего исследования, в состав теоретико-методологической стратегии определили системный, стратегический и синергетический подходы, а в число методологических подходов, образующих практико-ориентированную тактику исследования, были определены средовой, личностно-деятельностный и компетентностный подходы.

Определенные нами подходы дополняли друг друга и позволяли осуществлять комплексное исследование и решение проблемы формирования конкурентоспособности будущих специалистов. Используемые научные подходы определяли вектор исследования, выбор средств, а также являлись методологическим фундаментом при изучении проблемы формирования конкурентоспособности студентов вуза.

Современная теория и практика формирования конкурентоспособности выпускников вуза предполагает переход от анализа потребностей федерального рынка труда к анализу регионального рынка труда, включая потребности работодателей в кадрах.

Формирование конкурентоспособности выпускников вуза протекает на протяжении всего периода обучения, включающего в себя образовательную и личностную подготовку будущих специалистов, посредством определения и характеристики теоретико-педагогических основ; концепция формирования конкурентоспособности выпускников вуза является важным основанием для осуществления процесса подготовки в вузе, а ее реализация создает у студентов потребность

в самосовершенствовании личности, развивает свободную личностную позицию, способствует приобретению профессиональных и надпрофессиональных компетенций, которые могут быть скорректированы с учетом специфики регионального рынка труда и интересов работодателей [12, 13].

Региональный рынок труда вносит принципиальные изменения в систему взаимоотношений сфер образования и производства и предъявляет новые требования к выпускникам вуза [14, 15]. Поэтому современный студент, мотивированный к карьерному росту, должен с помощью адекватных методов, средств деятельности накапливать определенную совокупность знаний, умений, навыков и компетенций, чтобы соответствовать вызовам современного рынка труда и конкурировать на нем.

В Сибирском федеральном округе Кемеровская область выступает в качестве одного из регионов с высоким уровнем развития. Преобладающая специализация региона — сырьевая. В структуре экономики Кузбасса существенное значение имеют отраслевые и межотраслевые комплексы. Последние представлены инфраструктурным, топливно-энергетическим, агропромышленным, металлургическим, строительным, химическим, машиностроительным комплексами. В качестве основной отрасли региона выступает топливно-энергетический комплекс, на долю прочих отраслей приходится порядка двадцати процентов региональной экономики [16].

По данным сайта TRUD.com, по состоянию на начало 2020 г. в Кемеровской области было открыто более 45 000 вакансий, наиболее востребованными оказались специалисты отрасли «Производство», далее идут отрасли «Торговля/продажи», «Медицина/фармацевтика», «Транспорт/автосервис». Структура потребностей рынка труда с 2018 г. практически не потерпела изменений. Восемь из десяти вакансий, предоставляемых работодателями, — это по-прежнему строители, кадры обрабатывающей промышленности, торговли, транспорта и связи [17].

Результаты. По данным ВЦИОМ 2020 г., 84 % работодателей не в полной мере устраивает уровень подготовки выпускников вузов, а 61 % молодых специалистов испытывает трудности при трудоустройстве. Аналогичные результаты получены нами при опросе работодателей и выпускников вузов Кемеровской и Томской областей. Проведенный нами в ходе констатирующего этапа эксперимента опрос студентов первого курса показал, что 37 % из опрошенных студентов-первокурсников плохо представляют свою будущую профессиональную деятельность и состояние рынка труда, 77 % имеет слабое представление о конкурентоспособности, путях ее формирования в процессе обучения в вузе и поэтому затрудняется связать успешность будущей профессиональной деятельности со своей конкурентоспособностью. У 66 % преподавателей вузов присутствует явная недооценка значимости формирования конкурентоспособности выпускников вуза в процессе их подготовки, более 30 % затрудняются назвать факторы и выделить организационно-педагогические условия, способствующие формированию конкурентоспособности.

В результате исследований было выявлено, что продолжается рост молодежной безработицы одновременно с существующим кадровым дефицитом; имеет место несоответствие полученной специальности и последующего трудоустройства молодежи (по полученной специальности занято только 40 % молодежи). Доля квалифицированных кадров среди молодежи в отраслях экономики Кемеровской области не превышает 15 %, при этом они заняты в сфере услуг,

а не в сфере материального производства. Более 50 % молодых специалистов работают не в соответствии со своей квалификационной подготовкой.

В Кемеровской области в целом отмечается снижение уровня безработицы. В четвертом квартале прошлого года уровень безработицы (использовалась методология МОТ) составил 6,9 % от экономически активного населения (для сравнения: СФО — 7,4 %, в России — 5,3 %). Эти данные свидетельствуют о том, что региональный рынок труда в этот период находился на подъеме, но в то же время отмечается слабая подготовка кадров, особенно молодых специалистов.

Удельный вес молодых людей, обладающих должной квалификацией, в числе молодых людей в регионе в целом составляет не более 15 %. При этом они преимущественно трудятся в сфере услуг. Удельный вес молодых специалистов, трудовая деятельность которых не совпадает с их подготовкой, превышает 50 %. Существует ряд факторов, которые усиливают указанную тенденцию. Данные факторы представлены в виде усиления неготовности будущих специалистов искать достойную работу на рынке труда в связи с несоответствием профиля и качества образования потребностям, существующим на региональном рынке; недостатком профессиональных компетенций, знаний, умений и навыков, что сокращает возможности трудоустройства.

Результаты исследования позволили нам выявить следующие характеристики рынка труда Кемеровской области:

- уменьшение численности рабочих на рынке труда, обусловленное демографическими проблемами;
 - рост производительности труда в основных технологических процессах, автоматизация производства, прежде всего в топливно-энергетической и металлургической отраслях, связанная с внедрением высокопроизводительной техники и повышением организации труда;
 - реализация новых производственных проектов и создание новых рабочих мест;
 - увеличение численности незанятого трудоспособного населения;
 - диспропорции в развитии регионального рынка труда и образовательных услуг;
 - непропорциональность среди выпускаемых специалистов и потребностями рынка труда в определенных кадрах.
- При разработке регионального аспекта процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза мы учитывали:
- базовый ресурсный и инновационный потенциал, сложившийся под влиянием социально-экономических и социокультурных преобразований в регионе;
 - наличие приоритетных отраслей региона, составляющих его специализацию, их место и роль в социально-экономическом развитии региона;
 - экономическую активность населения: среднегодовую численность занятых в экономике и уровень безработных, доходы населения и социально-экономическую дифференциацию, их влияние на формирование региональной рыночной инфраструктуры;
 - монопрофильность специализации экономики региона, заставляющая развивать другие направления отраслевой структуры и расширить возможности регионального рынка труда;
 - результаты анализа структуры хозяйственного комплекса региона и выделение в нем экономически полезных предприятий;

– сильные и слабые стороны хозяйственного комплекса региона, а также возможности и угрозы его развитию, создаваемые внешней средой (SWOT-анализ), с целью формирования в регионе «кластеров развития» или групп взаимодополняющих предприятий, потребителей конкурентоспособных выпускников вуза;

– специфичность экономических и социальных условий, экономических интересов населения, проживающего на его территории региона;

– прогнозы отраслевых показателей и показателей развития сфер экономической деятельности региона, содержательный анализ ориентиров и альтернатив развития регионального рынка труда.

Формирование конкурентоспособности выпускников вуза во многом определяется *спецификой регионального рынка труда*, которая выделена нами в следующих группах:

– *социально-экономической*: уникальность социально-экономической ситуации региона состоит в том, что региону, где находится 24 монопрофильных муниципальных образований, нужны новые траектории развития промышленных городов и поселков, необходим новый уровень развития экономики: социально-экономические показатели, обеспеченность минерально-сырьевой базой, состояние экономической конъюнктуры, инвестиционная привлекательность региона, уровень федеральной поддержки; социально-экономическая, финансовая и инфраструктурная дифференциация региона; эффективность использования трудового потенциала, участие населения в трудовой деятельности, степень экономической активности трудоспособного населения; ведущие отрасли региональной экономики; научно-технический прогресс: перспективы развития в регионе научных центров, наукоемких и высокотехнологичных производств; возрастной состав лиц с высшим образованием, их распределение по отраслям региональной экономики; экономическая доступность высшего образования в регионе и др.;

– *социально-культурной*: среда, в которой происходит формирование личности будущего специалиста; потребности личности; наличие в регионе системы высших учебных заведений с разнообразием направлений (профилей) и качеством профессиональной подготовки; деятельность вуза как хранителя и фасилитатора социокультурного потенциала региона; общее состояние социально-культурной среды региона; традиционная востребованность престижности определенных направлений подготовки в регионе; этнокультурные особенности трудового поведения и образа жизни в регионе, включая этнические предпочтения в сфере труда, и др.

Систематизация знаний *специфики регионального рынка труда*, учитываемой в процессе формирования конкурентоспособности выпускников вуза, предполагала:

– анализ социально-экономической ситуации в регионе;

– изучение регионального рынка образовательных услуг в сфере высшего образования;

– оценку потребностей работодателей в специалистах определенных профессий и их требований к профессиональным и личностным качествам выпускников вузов.

В проведенном исследовании мы отмечали, что *спецификой регионального рынка труда* становятся: территориальная концентрация предприятий; широкий набор участников, достаточный для возникновения позитивных эффектов кластерного взаимодействия; наличие практики координации деятельности по коллективному продвижению товаров и услуг на внутреннем рынке, а также требуемое количество кадров, необходимой квалификации и направления подготовки.

Это, в свою очередь, требует заблаговременной, целенаправленной и управляемой работы по подготовке конкурентоспособных выпускников вуза и системы содействия их трудоустройству как одного из направлений оптимизации этого процесса на региональном уровне.

Определение направлений деятельности субъектов формирования конкурентоспособности выпускников вуза и ее содержания было связано со спецификой регионального рынка труда (потребности в специалистах, социально-экономические и социокультурные особенности региона и др.). Поэтому, говоря о возможностях деятельности субъектов формирования конкурентоспособности выпускников вуза, нами были выделены следующие *базовые направления*.

Организационно-управленческое обеспечение процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза имело целью создание и нормативно-правовое закрепление комплекта документов, обеспечивающих непрерывную работу по педагогическому сопровождению процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза, для всех уровней управления вуза, от администрации до студента; разработку и внедрение форм взаимодействия вуза и работодателей: диверсификацию форм социального и государственно-частного партнерства в решении задач формирования конкурентоспособности выпускников вуза; расширение форм и методов сетевого взаимодействия между организациями (образовательные организации, образовательно-производственные кластеры, ресурсные центры, центры занятости, корпоративные университеты и др.), развитие нормативно-правовой базы для реализации таких форм работы; определение и внедрение мониторинга результативности мероприятий по формированию конкурентоспособности выпускников вуза.

Оптимизация программного обеспечения процесса подготовки обучающихся высшего учебного заведения содержала вектор направленности на реальную рыночную ситуацию, а также предполагала приобретение студентами профессиональных знаний, умений, навыков и необходимых компетенций и квалификаций. В условиях модернизации высшего образования данное направление деятельности субъектов формирования конкурентоспособности выпускников вуза предполагало обеспечение взаимосвязи молодых специалистов, специфики регионального рынка труда и потребностей организаций в кадровых ресурсах, в целях усиления подготовленности будущих работников к самореализации в реальных трудовых условиях посредством обеспечения целостности теоретического и практического направлений процесса формирования у студентов конкурентных качеств и преимуществ.

Создание системы организационно-педагогического воздействия на субъектов формирования конкурентоспособности выпускников вуза осуществлялось в профессионально-образовательной среде вуза, посредством внедрения «дорожной карты» и использования современных образовательных технологий, при этом особое значение имела *психолого-педагогическая поддержка личностного развития* студентов вуза как прямое следствие реализации личностно-деятельностного подхода в обучении и воспитании будущих специалистов. Указанное направление педагогической деятельности позволяло сформировать у студентов вуза ответственность за результаты своего обучения и достичь высокого уровня самостоятельности посредством анализа собственных интересов, представлений и ценностей и, как следствие, построения профессиональной карьеры и жизненной перспективы.

Кроме того, для организации профессионально-образовательной среды вуза, которая была ориентирована на формирование конкурентоспособности выпускников вуза на рынке труда, мы обратились к развитию практико-образовательной, научно-исследовательской и социально-воспитательной деятельности для максимального использования возможностей теоретического и практического направлений подготовки студентов.

Научно-методическое обеспечение процесса формирования конкурентоспособности выпускников вуза предполагало поддержку и обеспечение мероприятий по формированию конкурентоспособности выпускников вуза с требуемой результативностью, совершенствование методических и практических рекомендаций (практико-ориентированные занятия, производственная практика и стажировка, соревнования, конкурсы, профессиональные пробы и др.); использование современных образовательных технологий для формирования конкурентоспособности выпускников вуза на основе обобщения имеющегося опыта и лучших практик, подготовка и распространение соответствующих научно-методических рекомендаций.

Содействие профессиональной карьере студентов-выпускников позволяло говорить о значимости стратегического планирования формирования конкурентоспособности выпускников в практике высшего образования. В основу такой работы была заложена система взаимодействия вуза с работодателями, разработанная с учетом специфики регионального рынка труда, его комплексной диагностики и транслирования возможностей рынка образовательных услуг. Данное направление формирования конкурентоспособности выпускников вуза предполагало необходимость повышения уровня активности и предприимчивости молодых специалистов при решении вопросов трудоустройства, а также устранение слабой информированности студентов-выпускников о состоянии регионального рынка труда и спросе на конкретные специальности.

Кроме того, в условиях современного высшего образования в контексте направления формирования конкурентоспособности выпускников вуза особый акцент был сделан на заключение долгосрочных договоров вуза с организациями-работодателями и привлечение их к научно-образовательному процессу. Долгосрочный договор о сотрудничестве вуза с организациями-работодателями предусматривал такие мероприятия, как: подготовка и обучение сотрудников предприятий по профилю кафедр вуза; обучение руководящего состава предприятий (семинары-тренинги, магистратура, аспирантура, докторантура и пр.);

привлечение сотрудников предприятий-работодателей к участию в научно-практических конференциях, семинарах и круглых столах; проведение вузом исследовательских (проектов, научно-практических и пр.) работ по заказу предприятий-работодателей.

Таким образом, высшее учебное заведение через внедрение в свою практику системы непрерывной практической подготовки студентов и последующего трудоустройства выпускников на основе организации долгосрочного взаимодействия с работодателями в рамках развития концепции взаимодействия вуза с предприятиями-работодателями (как с реальными, так и с потенциальными) достигало того, что еще в период учебы студенты знакомились со спецификой реальной трудовой деятельности конкретных организаций и получали необходимый им практический опыт, а значит, приобретали определенные гарантии трудоустройства после окончания своего обучения в вузе.

Заключение

Проведенное нами исследование позволило утверждать, что основу любого регулирования, которое, в свою очередь, и должно определять направления деятельности по формированию конкурентоспособности выпускников вуза, составляют показатели, характеризующие региональные особенности рынка труда, учитывающие его потребности в квалифицированных кадрах. В то же время важнейшей проблемой была и остается необходимость учета интересов личности, которые могут не совпадать с интересами экономики региона.

Проведенный анализ позволил установить, что факторами, определяющими состояние, в котором находится рынок труда региона, являются: уровень зарплаты; спрос и предложение трудовых ресурсов; сокращение количества работников в некоторых отраслях, являющихся приоритетными; состояние здоровья работников; увеличение масштабов краткосрочной занятости; уровень развития способности трудовых ресурсов региона к интенсивной и продолжительной трудовой деятельности; тенденция сокращения персонала на средних и крупных предприятиях региона; отраслевая и пространственная концентрация предложения трудовых ресурсов; увеличение значимости трудовой миграции — внешней и внутренней.

Проведенный анализ представленных сведений позволил установить, что конкурентоспособность выпускников высших учебных заведений определяющим образом зависит от состояния, в котором находится рынок труда региона, и от требований работодателей, предъявляемых к специалистам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ангеловский А. А. Формирование конкурентоспособности студентов в процессе профессиональной подготовки в вузе : моногр. Челябинск : Изд-во ИИУМЦ «Образование», 2006. 187 с.
2. Ветрова М. Г. Конкурентоспособность выпускников на рынке труда // Вестник Амурского государственного университета. Сер. : Гуманитарные науки. 2010. Вып. 48. С. 108—112.
3. Белых И. Л., Шилова М. И. Формирование конкурентоспособности выпускника вуза // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 4(94). С. 39—45.
4. Бордовская Н. В. Вызовы времени и новые модели развивающей образовательной среды // Человек и образование. 2013. № 2(35). С. 4—11.
5. Гарафутдинова Н. Я. Конкурентоспособность будущего специалиста высшей квалификации как показатель качества его подготовки. URL: <http://www.edu-zone.net>.
6. Жуков Г. Н., Сьянов А. В. Факторы, способствующие формированию готовности студентов к занятости на региональном рынке труда // Инновационные процессы в образовании: стратегия, теория и практика развития : материалы VI Всероссийского научно-практического конференции. Екатеринбург : РГППУ, 2013. С. 178—181.

7. Reisberg L., Rumbley L. E. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. Rotterdam, Netherlands : SENSE and UNESCO, 2009.
8. Яшков А. Б. Выпускники и работодатели: ожидания и реальность // Народное образование. 2010. № 10. С. 97—101.
9. Кибанов А. Я., Дмитриева Ю. А. Управление персоналом: конкурентоспособность выпускников вузов на рынке труда : моногр. М. : Инфра-М, 2011. 229 с.
10. Новиков А. М. Методология образования. М. : Эгвес, 2006. 488 с.
11. Нордман И. Б. Полипарадигмальный подход как способ повышения качества образования. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10.
12. Коноплянский Д. А., Невзоров Б. П. Педагогическая стратегия формирования конкурентоспособности выпускника вуза : моногр. М. : Спутник+, 2016. 252 с.
13. Никулина О. В., Сорокоумова С. Н. Развитие профессиональной конкурентоспособности студентов строительных специальностей на современном рынке труда // Приволжский научный журнал. 2015. № 2(34). С. 267—271.
14. Знарикина В. Ю. Проблемы взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг // Междунар. электрон. журнал. Устойчивое развитие: наука и практика. 2014. Вып. 1(12). С. 64—68.
15. Сафин Р. С. Высшее учебное заведение и промышленное предприятие: готовность к взаимодействию // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 138—143.
16. Зайцева А. И. Трансформация рынка труда и модернизация системы высшего образования региона // Российская экономика знаний: вклад региональных исследователей. 2017. С. 190—195.
17. Костюкова Т. А., Петрова Г. И. Востребованность выпускников вуза на рынке труда как направление модернизации современного российского образования // Теория, история и практика образования в сфере культуры : материалы XVIII междунар. науч.-метод. конф. образования. Челябинск : АлтГИК, 2018. С. 209—212.

REFERENCES

1. Angelovskiy A. A. *Formation of students' competitiveness in the process of professional training at university. Monograph.* Chelyabinsk, IUMTs "Obrazovanie", 2006. 187 p. (In Russ.)
2. Vetrova M. G. Competitiveness of graduates in the labor market. *Bulletin of the Amur State University. Ser. Humanitarian Sciences*, 2010, iss. 48, pp. 108—112. (In Russ.)
3. Belykh I. L., Shilova M. I. Formation of competitiveness of a university graduate. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, iss. 4(94), pp. 39—45. (In Russ.)
4. Bordovskaya N. V. Challenges of the time and new models of the developing educational environment. *Man and Education*, 2013, no. 2(35), pp. 4—11. (In Russ.)
- Garafutdinova N. Ya. *Competitiveness of the future highly qualified specialist as an indicator of the quality of his training.* (In Russ.) URL: <http://www.edu-zone.net>.
6. Zhuko G. N., Syanov A. V. Factors contributing to the formation of students' readiness for employment in the regional labor market. In: *Innovative processes in education: strategy, theory and practice of development. Materials of the VI All-Russ. sci. and pract. conf.* Ekaterinburg, RGPPU publ., 2013. Pp. 178—181. (In Russ.)
7. Reisberg L., Rumbley L. E. Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. Rotterdam, Netherlands, SENSE and UNESCO, 2009.
8. Yashkov A. B. Graduates and employers: expectations and reality. *National education*, 2010, no. 10, pp. 97—101. (In Russ.)
9. Kibanov A. Ya., Dmitrieva Yu. A. *Personnel management: competitiveness of university graduates in the labor market. Monograph.* Moscow, INFRA-M, 2011. 229 p. (In Russ.)
10. Novikov A. M. *Methodology of education.* Moscow, Egves, 2006. 488 p. (In Russ.)
11. Nordman I. B. *Poly-paradigm approach as a way to improve the quality of education.* (In Russ.) URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/10.
12. Konoplyanskiy D. A., Nevzorov B. P. *Pedagogical strategy of forming the competitiveness of a university graduate. Monograph.* Moscow, Sputnik+, 2016. 252 p. (In Russ.)
13. Nikulina O. V., Sorokoumova S. N. Development of professional competitiveness of students of construction specialties in the modern labor market. *Volga Scientific Journal*, 2015, no. 2(34), pp. 267—271. (In Russ.)
14. Znarikova V. Yu. Problems of interaction between the labor market and the market of educational services. *International electronic journal "Sustainable development: science and practice"*, 2014, iss. 1(12), pp. 64—68. (In Russ.)
15. Safin R. S. Higher educational institution and industrial enterprise: readiness for interaction. *Higher education in Russia*, 2011, no. 4, pp. 138—143. (In Russ.)
16. Zaytseva A. I. Transformation of the labor market and modernization of the higher education system in the region. In: *The Russian knowledge economy: the contribution of regional researchers*, 2017. Pp. 190—195. (In Russ.)
17. Kostyukova T. A., Petrova G. I. The demand for university graduates in the labor market as a direction in modernization of Russian education. In: *Theory, history and practice of education in the field of culture. Materials of the XVIII Int. sci. and method. conf.* Chelyabinsk, AltGIK publ., 2018. Pp. 209—212. (In Russ.)

Как цитировать статью: Коноплянский Д. А. Специфика регионального рынка труда в процессе формирования конкурентоспособности выпускников вуза // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 479—484. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.377.

For citation: Konoplyanskiy D. A. The specifics of the regional labor market in the process of forming the competitiveness of university graduates. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 479—484. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.377.

Pyagai Larisa Pavlovna,
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Culture and Sports,
Omsk State Agrarian University
named after P. A. Stolypin,
Russian Federation, Omsk,
e-mail: larisapyagai@mail.ru

Пягай Лариса Павловна,
канд. пед. наук,
доцент кафедры физической культуры и спорта,
Омский государственный аграрный университет
имени П. А. Столыпина,
Российская Федерация, г. Омск,
e-mail: larisapyagai@mail.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ»

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE DISCIPLINE “PHYSICAL CULTURE AND SPORTS”

13.00.04 — Теория и методика физического воспитания, спортивной тренировки,
оздоровительной и адаптивной физической культуры

13.00.04 — Theory and methods of physical training, sports training, recreational and adaptive physical culture

Содержание учебной дисциплины «Физическая культура и спорт» в структуре образовательных программ всех направлений подготовки бакалавров определяется реализацией универсальных компетенций и современными требованиями ФГОС последнего поколения к преподаванию данной дисциплины [1]. Появление в учебных планах дисциплины «Физическая культура и спорт» фиксированного объема самостоятельной работы обучающихся требует организационного и научно-методического обеспечения этого процесса. Аудиторная и внеаудиторная работа по дисциплине носит циклический характер. По трем разделам предусмотрена взаимосвязанная цепочка учебных работ: лекции — семинарские занятия — самостоятельная работа обучающихся [2]. Организация самостоятельной работы обучающихся вузов представляет собой процесс создания дидактических условий развития инициативы и самостоятельного мышления. Основной тенденцией целостного осмысления разнообразных научно-практических знаний о физической культуре как о многообразном общественном явлении должен стать переход от формального выполнения определенных заданий при пассивной роли студента к такой организации учебного процесса, когда актуализируются процессы познавательной активности студента с формированием собственного мнения при решении поставленных проблемных вопросов и задач [3–6].

Эффективность научно-методического сопровождения самостоятельной работы студентов непосредственно связана с возможностью внедрения методов научных исследований, таких как: 1) самостоятельное изучение научной литературы; 2) конспектирование; 3) составление каталога журнальных статей; 4) написание реферата; 5) составление схем, таблиц, кроссвордов; 6) педагогическое и физиологическое тестирование [7–9].

Научно-исследовательская деятельность по дисциплине «Физическая культура и спорт» включает в себя следующие направления научных исследований: 1) физическое развитие человека; 2) физическая подготовленность лиц, занимающихся физической культурой и спортом; 3) особенности функционального состояния организма в покое и при физических нагрузках; 4) психофизиологические состояния в процессе физкультурно-спортивной деятельности; 5) мотивационные компоненты к занятиям физической культурой и спортом, здоровому образу жизни [10, 11].

The content of the discipline “Physical Education and Sports” in the structure of the educational programs of all bachelor training areas (in the agrarian university) is determined by the implementation of universal competencies and modern

requirements of the FSES of the last generation to the teaching of this discipline [1]. The appearance in the curricula of the discipline “Physical Education and Sports” of a fixed amount of independent work of students requires organizational and scientific-methodological support of this process. Classroom and extracurricular work on the discipline is of cyclic nature. The three sections provide an interconnected chain of academic work: lectures — seminars — independent work of students [2].

The organization of independent work of university students is a process of creating didactic conditions for the development of initiative and independent thinking. The main trend of holistic comprehension of a variety of scientific and practical knowledge about physical culture as a diverse social phenomenon should be the transition from formal performance of certain tasks with the passive role of the student to such an organization of the educational process, when the processes of cognitive activity of the student with the formation of their own opinion in solving the problem questions and tasks set are actualized [3–6].

The effectiveness of scientific and methodological support of students' independent work is directly related to the ability to implement research methods, such as: 1) independent study of scientific literature; 2) outlining; 3) cataloging journal articles; 4) writing an abstract; 5) making charts, tables, crossword puzzles; 6) pedagogical and physiological testing [7–9].

Research activities in the discipline “Physical Education and Sports” include the following areas of research: 1) human physical development, 2) physical fitness of persons engaged in physical culture and sports, 3) features of the functional state of the body at rest and during physical activity, 4) psychophysiological states in the process of physical culture and sports activities, 5) motivational components for physical culture and sports, healthy lifestyles [10, 11].

Ключевые слова: физическая культура и спорт, самостоятельная работа студентов, научно-исследовательская работа, учебный процесс, анализ, самоподготовка, преподавание, методы исследования, компетенции, индивидуальный подход.

Keywords: physical culture and sports, independent work of students, scientific research, educational process, analysis, self-training, teaching, research methods, competencies, individual approach.

Введение

Актуальность. Разработанные на сегодняшний день основные составляющие самостоятельной работы студентов определяют направленность и содержание основных

задач с учетом специфики дисциплины «Физическая культура и спорт».

В сфере физической культуры возможно применение методов научно-исследовательской деятельности в рамках самостоятельной работы студентов. Научно-исследовательская работа студентов вузов является неотъемлемой и составной частью обучения и подготовки бакалавров, способных самостоятельно решать профессиональные и научные задачи. Научно-исследовательская деятельность содействует формированию готовности будущих выпускников к творческой реализации полученных в университете знаний, умений и навыков. Также помогает овладеть методологией научного поиска, обрести собственный опыт применения разнообразных методов исследования на практике, в том числе по дисциплине «Физическая культура и спорт», в рамках которой изучаются такие направления, как физическое развитие человека, особенности функционального состояния организма в покое и при физических нагрузках, а также все стороны физической подготовленности [12].

Степень изученности проблемы. Основоположниками идей об организации самостоятельной работы студентов можно считать крупнейших педагогов — Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинского. В педагогической энциклопедии самостоятельная работа обучающихся подразумевает многообразные виды учебной деятельности, осуществляемой без непосредственного участия учителя. Понятие «самостоятельная работа» употребляется в двух значениях. В широком смысле — как составная часть любого вида учебного процесса, как мера элементов творчества, инициативности в процессе усвоения теории на лекциях, семинарах и т. д. В узком — как один из видов учебного процесса либо форма деятельности по овладению знаниями за пределами аудиторных учебных занятий [13]. Таким образом, самостоятельная работа студентов — это такая деятельность, в ходе которой студентами осуществляется активная, напряженная работа по овладению сущности того или иного научного предмета, как под руководством преподавателя, так и самостоятельно.

В науке и практике существуют самые различные представления о содержании самостоятельной работы. Многие авторы считают, что самостоятельная работа непременно предполагает самостоятельное выполнение умственных или физических действий. Поэтому самостоятельная работа, как правило, организуется в форме выполнения определенных заданий, над которыми обучающиеся работают без непосредственного участия преподавателя [14]. В различных трудах самостоятельная работа рассматривается как средство формирования активности обучающихся. С этих позиций авторы под самостоятельной работой понимают такую деятельность, которую обучающиеся выполняют, проявляя максимум активности, творчества, самостоятельного суждения, инициативы [15].

Как показывают исследования, студенты сознательно не отбирают средства для решения познавательных задач в связи с опосредованным руководством преподавателя их деятельностью. Зачастую не проявляют настойчивость, дисциплинированность, выдержанность в достижении поставленной цели [16, 17].

На основании вышеизложенного можно утверждать, что в педагогике высшей школы, по нашему мнению, самостоятельная работа должна сочетаться с исследовательской и осуществляться под контролем и управлением со стороны преподавателей.

Цель исследования — обосновать значение научно-методического сопровождения самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что представленные в статье материалы позволили

определить возможности и необходимость научно-методического сопровождения самостоятельной работой студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт».

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что представленные в статье материалы представляют интерес для разработки учебно-методических комплексов по дисциплине «Физическая культура и спорт».

Научная новизна заключается в обосновании необходимости научно-методического сопровождения самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт» в нефизкультурном вузе.

Основная часть

Методология. Методологическую основу исследования составляют: положения теории и методики физического воспитания, представленные в трудах Л. П. Матвеева, Ю. Ф. Курамшина, Ж. К. Холодова, В. С. Кузнецова; концепции общей и спортивной педагогики, изложенные в работах М. Я. Виленского. Проблемы организации и содержания самостоятельной работы студентов вузов освещены в исследованиях К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, В. К. Бальсевича, Ю. Д. Железняк.

Теоретический анализ отечественной и зарубежной научно-методической литературы позволил определить форму организации самостоятельной работы студентов в контексте научно-исследовательской деятельности.

Результаты. Педагогический эксперимент состоял из внедрения методов научного исследования в раздел «Самостоятельная работа студентов» учебно-методического комплекса по дисциплине «Физическая культура и спорт» для студентов, которые обучались по стандартам ФГОС 3+, в которых обозначен фиксированный объем самостоятельной работы, составляющий 60 % академической нагрузки. Дисциплина преподавалась в 1-м и 2-м семестрах первого курса. Самостоятельная работа обучающихся по дисциплине «Физическая культура и спорт» в Омском государственном аграрном университете представлена в следующих вариантах:

- 1) самостоятельное изучение тем;
- 2) выполнение реферата;
- 3) самоподготовка к аудиторным занятиям;
- 4) выполнение расчетно-аналитической работы;
- 5) самоподготовка и участие в контрольно-оценочных учебных мероприятиях (работах), проводимых в рамках текущего контроля освоения дисциплины.

Анализ полученных результатов показал, что эффективность научно-методического сопровождения самостоятельной работы студентов непосредственно связана с возможностью внедрения методов научных исследований, таких как:

- составление каталога журнальных статей, которое позволяет дифференцировать научно-методическую литературу в соответствии с тематикой исследуемого вопроса;
- самостоятельное изучение научной литературы, которое способствует углубленному изучению темы, рассмотренной на лекции;
- конспектирование, требующее развития способности выделять главное из прочитанного материала, четко формулировать основную идею, кратко излагать соответствующие научные положения;
- написание реферата, которое в целом формирует способность логично излагать исследуемую проблему;
- составление схем, таблиц, кроссвордов, позволяющее наилучшим образом систематизировать полученные знания;
- педагогическое и физиологическое тестирование, позволяющее получить объективные данные, провести оценку и самооценку результатов исследования.

Наши исследования показали, что студенты нефизкультурного вуза могут заниматься научно-исследовательской деятельностью в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт», включающей в себя такие направления научных исследований, как:

- физическое развитие человека, с применением методики соматоскопии и антропометрии, выполнением сравнительного анализа полученных данных с помощью метода стандартов и индексов;
- физическая подготовленность лиц, занимающихся физической культурой и спортом, с использованием данных педагогического тестирования физических качеств;
- особенности функционального состояния организма в покое и при физических нагрузках, с применением методов самоконтроля;
- психофизиологические состояния в процессе физкультурно-спортивной деятельности, на основе методики САН;

– мотивационные компоненты к занятиям физической культурой и спортом, здоровому образу жизни, посредством проведения опроса и анкетирования.

Выводы

Самостоятельная работа студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт» является неотъемлемой частью как ознакомления с определенной темой, так и углубленного изучения раздела в целом. Была выявлена эффективность научно-методического сопровождения самостоятельной работы студентов, которая непосредственно связана с возможностью контроля за ее выполнением.

Экспериментально подтверждено, что научно-исследовательская деятельность обучающихся базируется как на результатах самоконтроля, так и на анализе комплексных исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеевец А. В., Ефимов-Комаров В. Ю., Ефимова-Комарова Л. Б. Физическая культура в зеркале развития образовательных стандартов // Ученые записки Ун-та им. П. Ф. Лесгафта. 2016. № 2(132). С. 8—20.
2. Федорова Т. Ю. Статус учебной дисциплины «Физическая культура» как фактор реализации педагогического потенциала физкультурно-спортивной среды образовательного учреждения // Педагогический журнал. 2016. Т. 6. № 6А. С. 409—420.
3. Мальцева И. Г., Смирнова Е. И. К вопросу об организации самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая культура» // Казанский педагогический журнал. 2018. № 3. С. 83—86.
4. Сорокина Л. Л. Организация самостоятельной работы студентов в условиях реализации креативно-технологического подхода // Вестник Тамбов. ун-та. Сер. : Гуманитар. науки. 2017. Т. 22. Вып. 5(169). С. 88—94.
5. Поляничко О. Ю. К проблеме конструирования модели системы аудиторно-внеаудиторной самостоятельной работы студентов педвузов // Вестник ТГПУ. Сер. : Естественные и точные науки. 2006. Вып. 6(57). С. 149—155.
6. Бугай А. Ю. Самостоятельная работа студентов вуза: современное состояние и проблемы // Педагогическое образование в России. 2014. № 22. С. 67—71.
7. Михайлов Н. Г. Проектирование информационно-образовательного пространства в системе непрерывного физического воспитания : моногр. М. : Келлер, 2012. 216 с.
8. Иншакова Е. В., Сиволапова А. К. Инновационные формы организации самостоятельной работы студентов // Образование. Карьера. Общество. 2013. № 4-1(40). С. 59—61.
9. Гусейнова Е. Л. Организационно-педагогические условия развития профессиональных компетенций в самостоятельной работе студентов технического вуза : дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2015. С. 16—85.
10. Шабалин О. К. Методические разработки по теоретическому курсу учебной программы физического воспитания студентов НГАВТ. Новосибирск : Новосиб. гос. акад. вод. трансп., 2011. 96 с.
11. Ракитенко А. И., Петренко Е. С., Ефремова Н. Г. Инновационные преобразования в сфере физической культуры и спорта в вузах // Физическая культура, спорт, туризм: инновационные проекты и передовые практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию основания каф. физ. воспитания, 14—15 мая 2019 г. / Под ред. Л. Б. Андриященко, С. И. Филимоновой и др. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 236—241.
12. Егорычев А. О., Егорычева Э. В. Повышение качества общего образования по физической культуре у студентов на основе дистанционных образовательных технологий // Физическая культура, спорт, туризм: инновационные проекты и передовые практики : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию основания каф. физ. воспитания, 14—15 мая 2019 г. / Под ред. Л. Б. Андриященко, С. И. Филимоновой и др. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 104—108.
13. Бакленева С. А. Организация самостоятельной деятельности курсантов военных вузов на основе электронного учебника : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2018.
14. Федорова Т. Ю., Морозова Л. П. Особенности преподавания учебной дисциплины «Физическая культура» в техническом университете // Мир науки. 2017. Т. 5. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/29PDMN417.pdf>.
15. Бочкарева С. И., Высоцкая Т. П., Ростеванов А. Г. Особенности самостоятельной работы студентов по физической культуре в вузе // Вестник РЭУ им. Г. В. Плеханова. 2017. № 4(94). С. 1—6.
16. Результаты Всероссийского социологического исследования вовлеченности обучающихся в занятия по предмету (дисциплине) «Физическая культура» : информ.-аналит. материалы / Е. С. Осокина, Т. Н. Леван, А. Б. Зудин, Е. И. Аксенова, А. И. Готская, Т. О. Дегтярева. СПб. : НИЦ АРТ, 2016. 342 с.
17. Егорычев А. О. Проблемы измерения знаний студентов по физической культуре // Актуальные проблемы образования в сфере физической культуры и спорта в современной ситуации общественного развития : материалы Всерос. науч.метод. конф. с междунар. участием, г. Череповец, 25—26 сент. 2014 г. / Под ред. В. А. Уварова. Череповец : ЧГУ, 2014, С. 10—11.

REFERENCES

1. Ageevets A. V., Efimov-Komarov V. Yu., Efimova-Komarova L. B. Physical culture in the mirror of the development of educational standards. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 2016, no. 2(132), pp. 8—20. (In Russ.)
2. Fedorova T. Yu. The status of the discipline “Physical culture” as a factor in the realization of the pedagogical potential of the physical culture and sports environment of an educational institution. *Pedagogical journal*, 2016, vol. 6, no. 6A, pp. 409—420. (In Russ.)

3. Maltseva I. G., Smirnova E. I. On the issue of organizing independent work of students in the discipline “Physical Culture”. *Kazan Pedagogical Journal*, 2018, no. 3, pp. 83—86. (In Russ.)
4. Sorokina L. L. Organization of independent work of students in the conditions of implementation of the creative and technological approach. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, iss. 5(169), pp. 88—94. (In Russ.)
5. Polyanichko O. Yu. On the problem of designing a model for the system of classroom-extracurricular independent work of pedagogical university students. *TSPU Bulletin. Natural and exact sciences*, 2006, iss. 6(57), pp. 149—155. (In Russ.)
6. Bugai A. Yu. Independent work of university students: current state and problems. *Pedagogical education in Russia*, 2014, no. 22, pp. 67—71. (In Russ.)
7. Mikhailov N. G. *Designing information and educational space in the system of continuous physical education. Monograph*. Moscow, Keller, 2012. 216 p. (In Russ.)
8. Inshakova E. V., Sivolapova A. K. Innovative forms of organization of independent work of students. *Education. Career. Society*, 2013, no. 4-1(40), pp. 59—61. (In Russ.)
9. Huseynova E. L. *Organizational and pedagogical conditions for the development of professional competencies in the independent work of students of a technical university. Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Ufa, BSPU publ., 2015. Pp. 16—85. (In Russ.)
10. Shabalin O. K. *Methodical works on the theoretical course of the curriculum of physical education of students of Novosibirsk State Academy of Water Transport*. Novosibirsk, Novosibirsk State Academy of Water Transport, 2011. 96 p. (In Russ.)
11. Rakitenko A. I., Petrenko E. S., Efremova N. G. Innovative transformations in the field of physical culture and sports in universities. In: *Physical culture, sport, tourism: innovative projects and best practices. Materials of the Int. sci. and pract. confe. dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Department of Physical Education*, May 14—15, 2019. Ed. by L. B. Andryushchenko, S. I. Filimonova, et al. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2019. Pp. 236—241. (In Russ.)
12. Egorychev A. O., Egorycheva E. V. Improving the quality of general education in physical culture among students on the basis of distance educational technologies. In: *Physical culture, sport, tourism: innovative projects and best practices. Materials of the Int. sci. and pract. confe. dedicated to the 90th anniversary of the founding of the Department of Physical Education*, May 14—15, 2019. Ed. by L. B. Andryushchenko, S. I. Filimonova, et al. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2019. Pp. 104—108. (In Russ.)
13. Bakleneva S. A. *Organization of independent activity of cadets of military universities on the basis of an electronic textbook. Abstract of Diss. of the Cand. of Pedagogy*. Voronezh, 2018. (In Russ.)
14. Fedorova T. Yu., Morozova L. P. Features of teaching the discipline “Physical culture” at the technical university. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2017, vol. 5, no. 4. (In Russ.) URL: <http://mir-nauki.com/PDF/29PDMN417.pdf>.
15. Bochkareva S. I., Vysotskaya T. P., Rostevanov A. G. Features of independent work of students in physical culture at the university. *Bulletin of Plekhanov Russian University of Economics*, 2017, no. 4(94), pp. 1—6. (In Russ.)
16. Osokina E. S., Levan T. N., Zudin A. B., Aksenova E. I., Gotskaya A. I., Degtyareva T. O. Results of the All-Russian sociological study of students’ involvement in classes on the subject (discipline) “Physical culture”. Information and analytical materials. Saint Petersburg, Scientific and Information Center A.R.T., 2016. 342 p. (In Russ.)
17. Egorychev A. O. Problems of measuring students’ knowledge in physical culture. In: *Actual problems of education in the field of physical culture and sports in the modern situation of social development. Materials of the All-Russ. sci. and method. conf. with international participation, Cherepovets*, Sept. 25—26, 2014. Ed. by V. A. Uvarov. Cherepovets, ChSU publ., 2014. Pp. 10—11. (In Russ.)

Как цитировать статью: Пягай Л. П. Научно-методическое сопровождение самостоятельной работы студентов по дисциплине «Физическая культура и спорт» // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 485—488. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.359.

For citation: Pyagai L. P. Scientific and methodological support of independent work of students in the discipline “Physical culture and sports”. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 485—488. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.359.

УДК 371
ББК 74.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.339

Rubtsova Tatyana Sergeevna,
Senior Lecturer of the Department of Russian
and Foreign Philology,
Vladimir State University
named after A. G. and N. G. Stoletov,
Russian Federation, Vladimir,
e-mail: ms.frida07@mail.ru

Рубцова Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры русской
и зарубежной филологии,
Владимирский государственный университет
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
Российская Федерация, г. Владимир,
e-mail: ms.frida07@mail.ru

ПЕДОЦЕНТРИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ПЕДАГОГИКИ Ф. У. ПАРКЕРА

FRANCIS W. PARKER'S PEDOCENTRIC PEDAGOGY

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Статья посвящена вопросам формирования педоцентристских воззрений в трудах американского педагога-прогрессивиста Ф. У. Паркера. В ходе анализа раскрывается специфика педагогических взглядов Ф. У. Паркера, обусловленная

как его знанием теории и практики прогрессивного образования, так и его религиозными убеждениями, «подсвеченными» идеями романтизма. Педагогические воззрения Ф. У. Паркера представляют собой ценнейший материал не только

с чисто исторической точки зрения, но и в плане плодотворных актуальных педагогических идей, открывающих новые горизонты для педагогического творчества и взгляд на ребенка. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел. Обращаясь к широкому социокультурным контекстам, автор доказывает, что возникновение инновационных педоцентристских методов преподавания в американской образовательной парадигме XIX столетия в целом и в трудах Ф. У. Паркера в частности было во многом обусловлено развитием новых представлений о природе детства и переосмыслением образа ребенка. Специфика предмета исследования обусловила целесообразность использования следующих методов: источниковедческий анализ, предполагающий интерпретацию исторических источников, установление степени полноты и достоверности их информации и выводы о возможностях использования исторических источников в историческом исследовании (в частности, ключевых трудов Ф. У. Паркера в оригинале), с целью выявить идейно-теоретические истоки педагогических взглядов Ф. У. Паркера; сравнительный метод, позволяющий сопоставить педагогические воззрения Ф. У. Паркера с воззрениями его современников (Дж. Дьюи, У. Джемса и др.) и предшественников в области педагогической инновационной мысли (Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, И. Ф. Гербарта, Ф. В. Фребеля).

The paper considers the development of pedocentric pedagogical ideas in works of Francis Wayland Parker who was a pioneer of the progressive school movement in the United States. The article reveals that Parker's pedocentric views of education and the curriculum were determined by his knowledge of progressive education theory and practice as well as by his religious beliefs interwoven with the romantic ideology. The pedagogical views of F. W. Parker are the most valuable material not only from a purely historical point of view, but also in terms of fruitful topical pedagogical ideas that open up new horizons for pedagogical creativity and a view of the child. The present study aims to fill this gap. Involving broad cultural and social contexts, the author demonstrates that the spread of innovative teaching practices in the American education paradigm of the XIX century in general and particularly in Parker's works was a response to the new view of the specialness of childhood. The specifics of the subject of the research made it advisable to use the following methods: source analysis, which involves the interpretation of historical sources, establishing the degree of completeness and reliability of their information and conclusions about the possibilities of using historical sources in historical research (in particular, the key works of F. W. Parker in the original), in order to identify the ideological and theoretical origins of F. W. Parker's pedagogical views; a comparative method that allows comparing the pedagogical views of F. W. Parker with the views of his contemporaries.

Ключевые слова: Ф. У. Паркер, педоцентризм, прогрессивное образование, социокультурный образ детства, романтизм, ребенок, самопроизвольная деятельность, опыт, школа.

Keywords: Francis Wayland Parker, pedocentrism, progressive education, sociocultural image of childhood, Romanticism, child, spontaneous activity, experience, school.

Введение

Актуальность. Активное вовлечение в исследовательское поле современной отечественной педагогики образовательных идей яркого представителя американского прогрессивизма, несомненно, способствует расширению эмпирического потенциала историко-педагогического знания, акцентирует его продуктивность в сфере поиска ин-

новационных способов оптимизации современной системы образования. Педагогические идеи американского педагога-прогрессивиста Ф. У. Паркера (1837—1902) являются собой наглядный пример переосмысления традиционных принципов воспитательно-образовательной деятельности в соответствии с новыми представлениями о ребенке, которые формируются в социокультурном пространстве эпохи. Под влиянием идей Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, И. Ф. Гербарта, Ф. В. Фребеля, сформулированных в XVII—XIX вв., и связанных с ними идей американских прогрессивистов с середины XIX в. в американской системе образования происходят коренные изменения, трансформировавшие привычный облик школы.

Изученность проблемы. Историографический анализ состояния изученности процесса становления и развития американской педагогики последней трети XIX — начала XX в. в отечественной компаративистике позволяет сделать заключение о том, что педоцентристский вектор педагогики Ф. У. Паркера не был ранее объектом пристального исследования.

Целесообразность разработки темы. Педагогические воззрения Ф. У. Паркера представляют собой ценнейший материал не только с чисто исторической точки зрения, но и в плане плодотворных актуальных педагогических идей, открывающих новые горизонты для педагогического творчества и взгляд на ребенка. Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел.

Цель исследования — раскрыть педоцентристский характер педагогики Ф. У. Паркера и проследить влияние идей европейских педагогов XVII—XIX вв. на педагогическую платформу Ф. У. Паркера.

Задачи: выявить предпосылки становления педоцентристских взглядов Ф. У. Паркера, а также дать характеристику самопроизвольных видов деятельности ребенка.

Методология. Предметом исследования явилась педагогика Ф. У. Паркера в контексте реформ американской школы середины XIX — начала XX в. Специфика предмета исследования обусловила целесообразность использования следующих методов: источниковедческий анализ, предполагающий интерпретацию исторических источников, установление степени полноты и достоверности их информации и выводы о возможностях использования исторических источников в историческом исследовании (в частности, ключевых трудов Ф. У. Паркера в оригинале), с целью выявить идейно-теоретические истоки педагогических взглядов Ф. У. Паркера; сравнительный метод, позволяющий сопоставить педагогические воззрения Ф. У. Паркера с воззрениями его современников (Дж. Дьюи, У. Джемса и др.) и предшественников в области педагогической инновационной мысли (Я. А. Коменского, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, И. Ф. Гербарта, Ф. В. Фребеля).

Научная новизна. В научный оборот отечественной педагогики введен ряд ранее не переведенных на русский язык англоязычных работ в области изучения специфики американского педагогического прогрессивизма в целом и педагогического опыта Ф. У. Паркера в частности; впервые детально исследован педоцентристский характер теоретических идей Ф. У. Паркера, ранее не становившихся предметом комплексного изучения.

Теоретическая и практическая значимость. В исследовании представлены педагогические идеи Ф. У. Паркера, создающие предпосылки для целостной трактовки педагогики американского прогрессивизма и его составляющих. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов при подготовке монографических работ по истории педагогики; при разработке лекционных курсов по истории зарубежной педагогики;

для проведения круглых столов и семинаров по вопросам инновационных педагогических практик.

Основная часть

Во второй половине XIX в. обоснованной критике начиная подвергаться традиционная система образования, в центре которой был объясняющий и рассказывающий учитель, относившийся к умам учеников, как к пустым «контейнерам», подлежащим заполнению знаниями из авторитетного источника. Все, что требовалось от ученика в рамках этой системы, направленной на воспроизведение готовых образцов, сводилось к точному повторению слов учителя или учебника. С колониальной эпохи и до середины XIX в. подавляющим большинством учителей были молодые мужчины. Убежденные в том, что хорошее поведение учащихся синонимично хорошему учению, руководители общин обычно не нанимали женщин, которым явно недоставало физической силы для поддержания надлежащего порядка в классе [1]. Конец XIX — начало XX в. ознаменовались педоцентристской революцией. Она явилась следствием развития в новых исторических условиях той гуманистической тенденции, которая была изначально присуща западной педагогике, а в Новое время была прежде всего связана с именами Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Песталоцци, Г. Спенсера [2]. Школа развивалась при поступательном движении экономики, интенсивном росте промышленности, и поэтому создание новой системы образования стало исторически неизбежным [3].

Здесь следует отметить, что идеи педоцентристской педагогики появляются и развиваются в широком культурном контексте XIX столетия с его общей тенденцией к переосмыслению образа детства. Поскольку XIX в. считается наиболее важным с точки зрения рассмотрения феномена детства: именно в это время происходит перемена в восприятии ребенка. Этот процесс стал предметом целой серии исследований на Западе, где со времени выхода в свет монографии Ф. Арьеса история детства является неотъемлемой областью исторической науки [4]. Важно помнить, что, начиная с эпохи сентиментализма, фигура ребенка становится чрезвычайно значимой в западной культуре. По замечанию А. Сорби, культурная сосредоточенность XIX столетия на теме детства и образе ребенка достигает своего апофеоза к 1880—1890-м гг. с их популярностью костюмчиков в стиле маленького лорда Фаунтлероя, огромными тиражами детских книжек и движением за изучение ребенка (child-study movement) [5].

Действительно, в рамках идеологии романтизма, определившей мировоззрение XIX столетия, образ ребенка приобретает чрезвычайную значимость. Говоря об изменении культурного статуса ребенка в Америке, исследовательница подчеркивает, что если раньше, в начале XIX в., он выступал как ключевой символ сентиментальной поэзии, то во второй половине XIX в. проблематика детства активно выходит за рамки литературы и частной жизни и начинает осознаваться как социально значимая. А. Сорби приходит к выводу, что в последней трети XIX в. взрослые американцы стали относиться к детству, с одной стороны, ностальгически, как к периоду, который они сами хотели бы вновь пережить, а с другой стороны, они начали осознавать детство как нечто, что они могут дать (или, соответственно, не дать) своим детям [5]. Значимую роль начинают играть представления об особой детской природе, отличной от природы взрослого человека. Вслед за Ж.-Ж. Руссо американские прогрессивисты с Ф. У. Паркером в их числе отказываются от идеи первородного греха, связанной с христианским ощущением ущербности и онтологического несовершенства человека, и начинают трактовать природу ребенка как изначально благодатную и правильную или, по крайней мере, нейтральную.

Таким образом, детство начинает интерпретироваться не просто как временной отрезок в жизни человека, а как период, для которого характерен особый образ мыслей и действий. Каждый ребенок — это новое создание (творение), и сама жизнь есть постоянный рост, постоянное развитие; поэтому образование, подобно вечному течению жизни, должно постоянно быть направлено на развитие ребенка и никогда не прекращаться [6]. Традиционная педагогика затрудняет развитие у ребенка способности к свободному, ответственному, самостоятельному жизненному выбору [7]. Закономерно то, что в контексте этого культурного «поворота» к образу ребенка на смену традиционному подходу в образовании приходит педоцентристский подход. Его сторонники утверждали, что образовательный процесс должен строиться вокруг ребенка, его интересов и особенностей развития. Согласно прогрессивной точке зрения не ребенок должен «подгоняться» под требования школы, а школа должна следовать за естественным ходом его развития.

Если же материал не адаптирован под детское мышление и требует от него неестественных для его природы усилий, в этом случае ребенок не ощущает радость познания как естественную реакцию ума. Ф. У. Паркер полагал, что при новой системе, построенной на признании индивидуальной природы ученика, произойдет прогресс в развитии детей [8]. Ф. У. Паркер пишет: «Бог создал наш разум таким образом, что выполнение адекватных интеллектуальных, физических или морально-этических задач вызывают в нем лишь удовольствие» [9]. Таким образом, традиционное представление о том, что учебная деятельность должна быть лишена всякого игрового и гедонистического моментов, как принципиально несовместимых с ее задачами, объявляется Паркером несостоятельным. Убеждение в том, что обучение может приносить радость, неразрывно связано с его верой христианина.

На смену монотонной деятельности заучивания педоцентристская педагогика принесла новые методы, адаптированные под потребности ребенка. Все знания начинаются с самого ребенка. Фундаментальным принципом развития личности ребенка, согласно Ф. У. Паркеру, являются собственные усилия. Собственный вывод — вот наивысшее интеллектуальное усилие [8]. Целью новых методов было развить не столько способность к целенаправленному запоминанию, сколько целый комплекс данных от природы сенсорных способностей, на основе которых формируются более сложные уровни познавательной деятельности детей.

В рамках традиционной педагогики детская спонтанность и интуитивность отрицались как проявления незрелости, несовершенства греховной природы человека. Для прогрессивистов же они становятся значимыми чертами детской природы, которые надо не искоренять, а опираться на них в ходе образовательного процесса. Паркер отмечает, что все продуктивные методы обучения не могут разрабатываться без понимания спонтанного характера деятельности ребенка [9]. Если с точки зрения традиционных представлений детская спонтанность связана с греховной необузданностью и мешает обучению, то для Паркера она является проявлением врожденного божественного начала [9]. Он отмечает, что ребенок спонтанно интересуется окружающим его миром, и эта спонтанность связана с естественным стремлением детей к познанию, заложенным в них самим Творцом.

В основе педоцентристского подхода Паркера лежит понимание ребенка как активного субъекта природы, который сам добывает знания, ибо, согласно его убеждениям, истину можно добыть лишь самостоятельно [15]. Свои педоцентристские установки он часто подкрепляет обращением к христианскому пониманию человека и его предназначению. Самое главное, что могут сделать педагоги, —

это создать благоприятные условия, в которых сознание ребенка само устремится на плодотворные поиски правды.

Также важно отметить, что в рамках педоцентристского подхода особое значение получает свобода индивида, которой полностью были лишены ученики в классической парадигме образования. Традиционное образование Паркер считал образованием «ограничения» и противопоставлял ему новое образование «свободы». Заменяя метод «количества» методом «качества», Паркер обеспечивал развитие способности думать свободно и активно принимать решения. Наглядный эксперимент, поощрение свободного мышления и способности делать самостоятельные выводы определяли техники метода «качества». По мнению Паркера, именно этот подход к обучению развивал «волнующий дух», чуждый стагнации и шаблонности.

Однако не следует считать, что свобода у Паркера предполагала отсутствие каких-либо правил и ограничений. Он подчеркивает, что обрести свободу можно лишь следуя законам Бога и повинаясь им. В «Беседах о педагогике» он прямо определяет свободу как послушание [9]. Однако это послушание особого рода. Оно инстинктивно и естественно, ибо само собой возникает и идет из сердца ребенка, развивающегося согласно божественному замыслу. И только если это естественное развитие нарушается, возникает необходимость насаждать противоестественное послушание, идущее не из сердца, а из чувства страха [9].

Таким образом, свобода вовсе не сводится к вседозволенности, но, напротив, неотделима от необходимости следовать естественным с точки зрения бытия законам. У Паркера школьные правила вытекают из совместной деятельности учащихся и формируются в процессе коллективного взаимодействия, а не навязываются единолично учителем. В основе всех правил должно лежать осознание учащимися их взаимосвязи, понимание, что их деятельность должна быть направлена на всеобщее благо [15]. В «Беседах о педагогике» Паркер приводит следующий конкретный пример того, как должен работать этот принцип выработки правил. «Насколько шумно может быть в школе?» — спрашивает он, и тут же дает ответ: «Уровень шума должен быть таким, чтобы не мешать каждому выполнять свою работу наилучшим образом».

Подчеркнем, что в рамках педоцентристской парадигмы особое внимание уделяется развитию способности учащихся брать на себя ответственность. Если при традиционном подходе вся ответственность за процесс обучения и его результаты лежала на учителе, то прогрессивные педагоги акцентировали важность совместной ответственности. Паркер полагал, что совместная ответственность является одним из ключевых принципов демократии. Он считал, что только образовательная среда, в которой организована совместная работа учащихся из разных социальных слоев, направленная на развитие навыков кооперации и сотрудничества, способствует развитию взаимответственности. В контексте подобной образовательной среды дети учатся достигать совместных целей, реализация которых возможна лишь совместными усилиями. Значимо, что педоцентристская установка педагогики Паркера носила группоцентристский характер, направленный на взаимообучение детей в ходе совместной деятельности.

Помещая ребенка в центр педагогического процесса, Паркер переосмысливает в фребелевском ключе и традиционно понимаемые результаты обучения. Он указывает на то, что цель обучения не должна сводиться к усвоению определенных знаний и выработке определенных навыков и умений. Согласно его точке зрения, конечной целью образовательного процесса является формирование гармонично развитого во всех аспектах (интеллектуальном, морально-этическом, физическом) человека.

Здесь важно отметить, что в рамках педоцентристского подхода меняется не только сам образ ребенка, но и образ учителя. Если в традиционно организованном классе основная функция учителя — передача ученикам готового знания, зафиксированного в учебниках, то у Паркера мы обнаруживаем принципиально другие функции и другой образ учителя. Его учитель — это творческая личность с антидогматичным сознанием, стремящаяся к справедливости и истине. Он умеет красноречиво рассказывать и рисовать, петь и лепить из песка. Его речь музыкальна и убедительна. Паркер подчеркивает, что учитель не должен ограничиваться одним учебником, а привлекать различные источники, чтобы показать ученикам разные точки зрения на один тот же предмет, развивая у них понимание плюралистичности и относительности знания [10]. К тому же учитель должен быть готов выйти за пределы классной комнаты, в поисках нетрадиционных форм проведения уроков. Так, например, уроки географии, согласно паркеровским воззрениям, должны включать в себя прогулки, с целью наблюдения географических феноменов, зарисовки ландшафтов. Учитель должен сам постоянно стремиться к новым знаниям и заниматься самообразованием, воспитывая не только своих учеников, но и самого себя [11]. Таким образом, и само обладание знанием, которым владеет учитель, является не зафиксированным набором, а, скорее, динамическим процессом. Только в этом случае знание будет сопряжено самой жизнью.

По мнению Паркера, педоцентристский подход не совместим с традиционной системой экзаменов и тестов, в ходе которых личность ребенка редуцируется до набора определенных знаний и навыков [12]. Педоцентристский характер педагогики Паркера проявляется не только в его взглядах на методику преподавания, но и на систему оценивания результативности обучения. Не только методы обучения должны быть адаптированы под нужды и потребности учеников, но и способы проверки должны быть организованы так, чтобы позволить ребенку раскрыть его индивидуальность. Формальная проверка знаний не должна вытеснять самого ребенка, решая его судьбу. Педагог акцентирует, что традиционный тест не проверяет способность ребенка думать и облекать свои мысли в адекватную форму, так как он нацелен на проверку того, как хорошо ученик запомнил ряд разрозненных, отрывочных фактов [13]. Экзамен должен быть нацелен на проверку того, что ребенок знает, а не на выявление того, что он не знает.

Учитель, который ставит своей целью лишь успешную сдачу переводных экзаменов, по мнению Паркера, никогда не сможет выполнять своего истинного предназначения, ибо в этом случае обучение оказывается оторванным от жизни. Педагоги, натаскивающие своих подопечных на механическое произнесение ожидаемых на экзамене слов, не готовят учеников к жизненным трудностям. Они не развивают у детей природной любознательности, мотивируя их лишь возможностью получить школьный аттестат. В этом случае в системе мотивов, на которую ориентируется педагог, первостепенное место занимают не познавательные мотивы, связанные с естественными потребностями ребенка, а мотивы внешние, никак не связанные с естественным развитием его познавательной активности. Ставя ребенка в центр педагогического процесса, объявляя развитие личности ученика более важным, чем усвоение готовых знаний, полученных от учителя, позже Дж. Дьюи будет придавать огромное значение активности ребенка в ходе познания, его самовыражению [14].

Заключение и выводы

В результате проведенного исследования выявлены предпосылки становления педоцентристских взглядов Ф. У. Паркера. В свете вышесказанного очевидно, что различие

традиционных и прогрессивных педагогических практик было обусловлено, прежде всего, противоположными взглядами на саму природу ребенка, которая в разных педагогических идеологиях трактовалась по-разному. На основе проанализированных источников можно сделать вывод о том, что на смену монотонной деятельности заучивания педоцентристская педагогика принесла новые методы, адаптированные под потребности ребенка [15]. Их целью было развить не столько способность к целенаправленному запоминанию, сколько целый комплекс данных от природы сенсорных

способностей. Эти методы, несомненно, будут способствовать оптимизации системы образования XXI в. Можно с уверенностью утверждать, что в современном образовательном контексте идеи Ф. У. Паркера чрезвычайно созвучны ключевым требованиям, предъявляемым сегодня к процессу обучения. Современная серьезная обеспокоенность необходимостью развивать у учеников навыки критического мышления перекликается с паркеровскими стремлениями поощрять свободу ума, способность к независимым суждениям и навыки самостоятельного выбора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бим-Бад Б. М. Некоторые уроки истории педагогического образования в США // Историко-педагогический альманах ВЛАДИ. 2010. № 4(5). С. 139—143.
2. Корнетов Г. Б. История педагогики. Введение в курс «История образования и педагогической мысли»: учеб. пособие. М.: УРАО, 2003. 294 с.
3. Джуринский А. Н. История педагогики. М., 2000. С. 106.
4. Кухер К. Перспективы изучения детства в России XIX века // Историко-педагогическое знание в начале III тысячелетия: педагогические институты в истории человеческого общества / Ред.-сост. Г. Б. Корнетов. М.: АСОУ, 2017. 200 с.
5. Sorby A. *Schoolroom Poets: Childhood, Performance, and the Place of American Poetry*. Durham, New Hampshire: University of New Hampshire Press, 2005.
6. Яковлева Р. Н. Прогрессивное образование в Виннетке (США) // История педагогики, воспитания и обучения: учеб. пособие / Под ред. Г. Б. Корнетова. М.: АСОУ, 2017. 188 с.
7. Астафьева Е. Н. Манипулятивная педагогика в теории естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо и методе естественных последствий Г. Спенсера // Образование и педагогическая мысль в истории человеческого общества: учеб. пособие / Под ред. Г. Б. Корнетова. М.: АСОУ, 2015. 212 с.
8. Рубцова Т. С., Сирко С. В. Френсис У. Паркер — «отец» американского прогрессивизма // Сравнительное образование: учеб. пособие / Сост. Е. Ю. Рогачева и др.; под ред. Е. Ю. Рогачевой. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. 488 с.
9. Parker F. W. *Talks on Pedagogics: An outline of the theory of concentration*. Chicago: E. L. Kellogg, 1894.
10. Рубцова Т. С. Френсис Паркер о природе ребенка в книге «Беседы о педагогике: очерк теории концентрации» // Инновационные процессы в теории и практике дошкольного образования: сб. науч. тр. участников IV Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. Г. Ю. Максимова. Владимир: Шерлок-пресс, 2016. С. 66—70.
11. Рогачева Е. Ю. Джон Дьюи: педагогические эксперименты в семье и школе: моногр. Владимир: Транзит-ИКС, 2015. 170 с.
12. Рубцова Т. С. Ребенок в педагогической концепции Ф. У. Паркера // Историко-педагогический журнал. 2015. № 3.
13. Рубцова Т. С. Теория концентрации Френсиса Паркера (материалы для практических занятий по истории педагогики) // Образование и педагогическая мысль в истории человеческого общества: учеб. пособие / Под ред. Г. Б. Корнетова. М.: АСОУ, 2015. 212 с.
14. Рогачева Е. Ю. Педагогика Джона Дьюи в XX веке: кросс-культурный контекст: моногр. Владимир: ВГПУ, 2005. 333 с.
15. Parker F. W., Patridge L. *Talks on Teaching*. New York: E. L. Kellogg, 1893.

REFERENCES

1. Bim-Bad B. M. Some lessons of the history of pedagogical education in the USA. *Historical and pedagogical almanac of VLADI*, 2010, no. 4(5), pp. 139—143. (In Russ.)
2. Kornetov G. B. *History of pedagogy. Introduction to the course "History of education and pedagogical thought"*. Textbook. Moscow, URAO publ., 2003. 294 p.
3. Dzhurinskiy A. N. *History of pedagogy*. Moscow, 2000. P. 106. (In Russ.)
4. Kukher K. Prospects for the study of childhood in Russia of the XIX century. In: *Historical and pedagogical knowledge at the beginning of the III millennium: pedagogical institutions in the history of human society*. Comp. and ed. by G. B. Kornetov. Moscow, ASOU publ., 2017. 200 p. (In Russ.)
5. Sorby A. *Schoolroom Poets: Childhood, Performance, and the Place of American Poetry*. Durham, New Hampshire, University of New Hampshire Press, 2005.
6. Yakovleva R. N. Progressive education in Winnetka (USA). In: *History of pedagogy, education and training. Textbook*. Ed. by G. B. Kornetova. Moscow, ASOU publ., 2017. 188 p. (In Russ.)
7. Astafeva E. N. Manipulative pedagogy in the theory of natural education of J.-J. Rousseau and the method of natural consequences of G. Spencer. In: *Education and pedagogical thought in the history of human society. Textbook*. Ed. by G. B. Kornetov. Moscow, ASOU publ., 2015. 212 p. (In Russ.)
8. Rubtsova T. S., Sirkov S. V. Francis W. Parker — the "father" of American progressivism. In: *Comparative education. Textbook*. Comp. by E. Y. Rogacheva, et al. Ed. by E. Y. Rogacheva. Vladimir, VISU publ., 2015. 488 p. (In Russ.)
9. Parker F. W. *Talks on Pedagogics: An outline of the theory of concentration*. Chicago, E. L. Kellogg, 1894.
10. Rubtsova T. S. Francis Parker on the nature of the child in the book "Talks on pedagogics: an essay on the theory of concentration". In: *Innovative processes in the theory and practice of preschool education. Collection of sci. works of the participants of the IV Int. sci. and pract. conf.* Ed. by G. Yu. Maksimova. Vladimir, Sherlock press, 2016. Pp. 66—70. (In Russ.)
11. Rogacheva E. Yu. *John Dewey: pedagogical experiments in the family and school. Monography*. Vladimir, Tranzit-IKS, 2015. 170 p. (In Russ.)
12. Rubtsova T. S. The child in the pedagogical concept of F. W. Parker. *Historical and Pedagogical Journal*, 2015, no. 3. (In Russ.)
13. Rubtsova T. S. Francis Parker's theory of concentration (Materials for practical classes on the history of pedagogy). In: *Education and pedagogical thought in the history of human society. Textbook*. Ed. by G. B. Kornetov. Moscow, ASOU publ., 2015. 212 p. (In Russ.)
14. Rogacheva E. Yu. *John Dewey's pedagogy in the XX century: cross-cultural context. Monography*. Vladimir, VSPU publ., 2005. 333 p. (In Russ.)
15. Parker F. W., Patridge L. *Talks on Teaching*. New York, E. L. Kellogg, 1893.

Как цитировать статью: Рубцова Т. С. Педагогический характер педагогики Ф. У. Паркера // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 488—493. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.339.

For citation: Rubtsova T. S. Francis W. Parker's pedocentric pedagogy. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 488—493. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.339.

УДК 37.013
ББК 74.02

DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.344

Tsyvunina Anastasiya Dmitrievna,
Postgraduate of the Department of Pedagogy,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University,
Russian Federation, Velikiy Novgorod,
e-mail: cmi_sam_mbt@mail.ru

Цывунина Анастасия Дмитриевна,
аспирант кафедры педагогики,
Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого,
Российская Федерация, г. Великий Новгород,
e-mail: cmi_sam_mbt@mail.ru

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА ПОДРОСТКА: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ИЗВЕСТНЫЙ ФЕНОМЕН

THE COMMUNICATIVE CULTURE OF A TEENAGER: A NEW LOOK AT A WELL-KNOWN PHENOMENON

13.00.01 — Общая педагогика, история педагогики и образования
13.00.01 — General pedagogy, history of pedagogy and education

В статье обосновывается необходимость нового осмысления понятия «коммуникативная культура подростка», а также структуры данного понятия. В ходе исследования анализируются психологические характеристики современного подростка и особенности его коммуникативной культуры, связанные с современной социокультурной ситуацией. Автор обращает внимание на проблематику развития коммуникативной культуры современного подростка, а именно на снижение эмоционально-личностного фактора в процессе коммуникации. В статье рассматривается понятие «культура», анализируются различные подходы к определению данного понятия. Автор приходит к выводу, что в контексте исследования приоритетное значение имеет социологический и ценностный подходы, в наибольшей степени отражающие характер взаимоотношения языка и культуры. В статье анализируются различные определения понятия «коммуникация», «коммуникативная культура». Данный анализ позволяет дать собственное определение коммуникативной культуры подростка. В статье рассматриваются основные компоненты коммуникативной культуры. Автор приходит к выводу, что существующие традиционные компоненты коммуникативной культуры, а именно культура речи, культура мышления и культура чувств, не в полной мере раскрывают данное понятие, и обосновывает необходимость включения в структуру коммуникативной культуры дополнительного компонента, а именно культуры социального взаимодействия. В заключении автор рассматривает современное общество и приходит к выводу, что в нем наблюдается активизация информатизации социальной реальности. Информатизация социальной реальности ведет к модернизации в образовательной системе, что наряду с усовершенствованием системы порождает ряд педагогических проблем. В связи с этим обосновывается потребность в проектировании новых программ формирования коммуникативной культуры подростков.

The article substantiates the need for a new understanding of the concept of “communicative culture of a teenager”, as well as the structure of this concept. In the course of the study, the psychological characteristics of the modern teenager and the features of his communicative culture associated with the modern socio-cultural situation are characterized. The author draws attention to the problems of the development of the communicative culture of the modern teenager, namely, the reduction of the emotional and personal factor in the process of communication. The article deals with the concept of “culture”, analyzes various approaches to the definition of this concept. The author comes to the conclusion that in the context of the study, the priority is given to the sociological and value approaches, which most reflect the nature of the relationship between language and culture. The article analyzes various definitions of the concept of “communication”, “communicative culture”. This analysis allows us to give our own definition of the communicative culture of a teenager. The article deals with the main components of the communicative culture. The author comes to the conclusion that the existing traditional components of the communicative culture, namely the culture of speech, the culture of thinking and the culture of feelings, do not fully reveal this concept, and justifies the need to include an additional component in the structure of the communicative culture, namely the culture of social interaction. In conclusion, the author examines modern society and comes to the conclusion that there is an increase in the informatization of social reality. Informatization of social reality leads to modernization in the educational system, which, along with the improvement of the system, creates a number of pedagogical problems. In this regard, the need to design new programs for the formation of the communicative culture of adolescents is justified.

Ключевые слова: культура, коммуникация, коммуникативная культура, подросток, компоненты коммуникативной культуры, культура социального взаимодействия, информатизация, цифровизация, информационное многообразие, эмоционально-личностный фактор.

Keywords: culture, communication, communicative culture, teenager, components of communicative culture, culture of social interaction, informatization, digitalization, information diversity, emotional and personal factor.

Введение

Актуальность. В связи с развитием интернета и компьютерных технологий в мире наблюдается тенденция к изменению форм общения. Общение перестает быть реальным и приобретает виртуальный характер. Информационное многообразие является источником развития образовательных систем с одной стороны, но создает большое количество педагогических проблем — с другой. По этой причине возникает необходимость нового осмысления проблемы развития коммуникативной культуры современных подростков.

Изученность проблемы. Исследованию коммуникативной культуры подростков посвящено немало работ отечественных авторов, таких как Александрова Л. Д., Болтунова А. И., Кравчук Н. В., Андреев А. А. [1—4] и др. При этом можно отметить определенные различия как в подходах к определению коммуникативной культуры, так и в методиках и критериях ее диагностики в различных социальных группах.

Целесообразность разработки темы. В ходе исследования автором было установлено наличие рассогласованности между мнениями подростков и мнениями родителей и преподавателей, а также между результатами онлайн-анкетирования. Согласно мнению родителей и преподавателей, уровень коммуникативной культуры современных подростков очень низок, его необходимо развивать. Согласно мнению самих подростков, уровень развития их коммуникативной культуры высок и мотивов к дальнейшему его развитию они не имеют. По итогам онлайн-анкетирования было диагностировано, что большая часть подростков (89,3 % опрошенных) обладает средней степенью развития коммуникативной культуры. Таким образом, автор пришел к выводу, что уровень развития коммуникативной культуры современных подростков не столь высок, а преподаватели, родители и подростки не могут найти точки соприкосновения в решении вопроса развития коммуникативной культуры, поскольку имеют противоположные взгляды на данный вопрос. Подростки не мотивированы развивать свою коммуникативную культуру, поскольку считают ее в достаточной степени развитой, а преподаватели и родители не могут найти механизмы взаимодействия с подростками в современных условиях, поскольку не осознают, насколько прочно интернет закрепился в жизни современных подростков. Таким образом, эмпирические исследования автора доказывают, что коммуникативная культура подростков на сегодняшний день сформирована в недостаточной степени [5, с. 693—699].

Целью нашего исследования является теоретическое осмысления понятия «коммуникативная культура подростка». В соответствии с выбранной целью были поставлены **задачи** исследования, а именно: формулировка собственной дефиниции для феномена «коммуникативная культура подростка», а также определение основных содержательно-структурных компонентов коммуникативной культуры.

Научная новизна исследования заключается в том, что автором дано авторское определение коммуникативной культуры современного подростка с учетом фактора информационного многообразия в современном обществе.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о структуре

коммуникативной культуры подростка за счет введения нового содержательно-структурного компонента. **Практическая значимость** исследования заключается в возможности использования материала при разработке методических рекомендаций в образовательных учреждениях.

Основная часть

Методология. В исследовании используются следующие группы методов: теоретические (анализ научных источников, обобщение опытно-экспериментальных данных); диагностические (анкетирование, метод интервью и независимых экспертных оценок); экспериментальные; статистические.

Мы обратились к понятиям «коммуникация» и «культура», проанализировали психологические характеристики современного подростка и особенности его коммуникативной культуры, связанные с современной социокультурной ситуацией. Понятие культуры исторически восходит к латинскому понятию *culture*, которое в Средние века служило для обозначения нового способа возделывания зерновых. Привычное значение данное понятие приобрело в 18—19 вв. Современная научная литература дает большое количество определений культуры. По одним данным, их насчитывается около 250—300, по другим — свыше тысячи. Многообразие подходов к анализу и интерпретации понятия «культура» отражено в классификации М. А. Верба [6], который выделяет следующие подходы: антропологический подход (культура — универсальный способ человеческого бытия); естественно-антропологический подход (культура гармонизирует отношения природы и социума); ценностный подход; социологический подход; личностно-деятельностный подход (культуру необходимо понимать как способ освоения человеком мира, способ человеческой деятельности) и др.

В контексте нашего исследования приоритетное значение имеет социологический подход (культура — форма общения между людьми, имеющая коммуникативную природу) [7] и ценностный (культура — совокупность духовных и материальных ценностей, выработанных людьми) [8]. Эти подходы в наибольшей степени отражают специфику исследования коммуникативной культуры подростков. Несмотря на различия в определениях, мы можем выявить сходства, которые отмечают все авторы, а именно: культура есть то, чем человек отличен от животного мира, она характерна только для человеческого общества. Культура приобретает путем обучения и передается посредством коммуникации. Исходя из этих размышлений и опираясь на социологический и ценностный подходы, для нашего исследования мы сформулировали следующее определение: *культура — способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в совокупности отношений людей к природе, между собой и самим к себе, представляющий собой форму общения между людьми и имеющий коммуникативную природу.*

Рассматривая понятие «коммуникация», можно говорить о том, что в научной литературе данный термин является в начале XX столетия. Истоки изучения коммуникации лежат в рамках философии. Существует множество моделей коммуникации. Автором первой из них является Аристотель, создавший модель «оратор — речь — слушатель», составляющие которой присутствуют во всех современных моделях. Понятие «коммуникация» имеет множество толкований, что обусловлено сложностью и противоречивостью феномена. В нашем исследовании мы придерживаемся подхода Мартине де Флюера, поскольку

первоначальная идея («значение») трансформируется в «общение», которое отправитель затем переводит в «информацию», посылаемую по каналу получателю. Получатель декодирует «информацию» в «сообщение», которое, в свою очередь, трансформируется в месте назначения в идею «значение». Если между первым и вторым «значениями» есть соответствие, т. е. идея, возникшая в сознании отправителя, соответствует идее, возникшей в сознании получателя, то коммуникация состоялась.

На основе анализа базовых понятий «культура» и «коммуникация» нами сформулировано центральное понятие нашего исследования — *коммуникативная культура подростка*. Теоретический анализ понятия «коммуникативная культура» выявил междисциплинарный характер данного термина. Так, он широко используется в лингвистике, общей и специальной психологии, педагогике, социологии, философии и т. д. Используемое в педагогической науке понятие «коммуникативная культура» имеет лингвистическое происхождение. В современных педагогических исследованиях коммуникативная культура понимается как:

- система коммуникативного взаимодействия человека с окружающим миром в целом на основе знаков и знаковых систем (Г. П. Максимова);

- качество коммуникации, характеризующееся гуманистическим вектором развития (Л. А. Аухадеева);

- совокупность умений и навыков в области средств общения и законов межличностного взаимодействия, которые способствуют взаимопониманию, эффективному решению задач общения (В. В. Соколова);

- совокупность культурных норм, культурологических знаний, ценностей и значений, используемых в процессе коммуникации, в том числе и при общении (Ю. В. Жуков).

Резюмируя различные точки зрения на сущность данного феномена, мы определяем коммуникативную культуру как *способ жизнедеятельности человека, основанный на культурных ценностях, нормах и компетенциях, который находит отражение в системе его коммуникативного взаимодействия с окружающим миром, в том числе и в процессе общения*. Современные ученые сходятся во мнении, что в содержательном плане ключевыми элементами коммуникативной культуры являются:

- 1) культура мышления;
- 2) культура чувств (эмоциональная культура);
- 3) культура речи.

Все эти элементы тесно взаимосвязаны друг с другом. По нашему мнению, данные элементы коммуникативной культуры требуют нового осмысления, поскольку они не в полной мере раскрывают рассматриваемое понятие, так как в них отсутствует характеристика коммуникативной культуры как способа социализации. В контексте информационного многообразия следует обратить внимание на тот факт, что ключевой особенностью коммуникативной культуры подросток является то, что современные подростки преимущественно общаются виртуально. Искажение таких основополагающих характеристик реального общения, как протяженность и время, трансформация функций различных модальностей, фрагментарный характер, интерактивность и опосредованный контроль над ходом коммуникации определяют возникновение измененных состояний сознания. Кроме того, виртуальное общение определяет новый способ репрезентации личности в условиях информационного многообразия, что находит свое отражение в различных эффектах опосредованного межличностного восприятия и взаимодействия. Именно эти особенности являются

центральными в плане характеристики сущности общения в виртуальной среде. Поэтому мы посчитали необходимым расширить структуру коммуникативной культуры за счет введения дополнительного социально-личностного элемента. Таковым является культура социального взаимодействия, которая содержательно связана с феноменом коммуникативной компетенции. Многие ученые [9—11] ставят знак равенства между понятиями «коммуникативная компетентность» и «коммуникативная культура». По нашему мнению, понятие коммуникативной культуры шире, чем понятие коммуникативной компетентности. Мы рассматриваем коммуникативную компетентность как структурно-содержательный компонент коммуникативной культуры, отражающий способность индивида осуществлять продуктивные интеракции в социуме на основе личностного коммуникативного опыта взаимодействия с окружающими в общественной и профессиональной сферах [12].

Таким образом, анализ понятий «культура», «коммуникация», «подросток», а также анализ структуры понятия «коммуникативная культура подростка» позволили нам сформулировать собственное определение данного понятия. Центральное понятие нашего исследования — «коммуникативная культура подростка» — мы определяем как *способ организации и развития жизнедеятельности подростка, представленный в культурных нормах, ценностях и компетенциях, которые он использует в процессе коммуникации в реальном и виртуальном пространстве с учетом фактора информационного многообразия в современном обществе*. Содержательно-структурными компонентами коммуникативной культуры подростка являются: культура мышления, культура чувств, культура речи и культура социального взаимодействия.

Заключение

В современном обществе сегодня наблюдается процесс активизации информатизации социальной реальности, где знания выступают в новой форме информационной картины мира. Социум есть информационная цивилизация, находящаяся в постоянном преобразовании. Развитие информационной сферы ведет к необходимости изменений и усовершенствований в системе общего и дополнительного образования, поскольку дети и подростки теперь живут в мире, насыщенном каналами компьютерной и сетевой информации. Учебные заведения уже не являются «носителями базы знаний», основные знания школьники могут приобретать самостоятельно. Анализ взглядов исследователей [13—15] на проблематику формирования коммуникативной культуры современных подростков свидетельствует о снижении эмоционально-личностного фактора в процессе коммуникации между подростками. Общение в соцсетях, формализованное и обезличенное, приводит к утрате современными подростками индивидуальности, нарушает процессы самоопределения. На этой почве участились межличностные конфликты, повысилась агрессивность в подростковой среде [16]. Вместе с тем, испытывая острую потребность в общении, современные подростки обладают недостаточным уровнем развития коммуникативных навыков и коммуникативной культуры, чему в немалой степени способствуют нормативность и регламентированность школьной жизни и требования, предъявляемые к подростку в семье. В этой связи возникает потребность в проектировании программ формирования коммуникативной культуры, учитывающих современный социокультурный контекст и психологические особенности подростков — представителей цифрового поколения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрова Л. Д. Культура виртуальной коммуникации : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Челябинск, 2009. 160 с.
2. Болтунова А. И. Особенности межличностного общения среди подростков // Молодой ученый. 2014. № 1. С. 492—494.
3. Кравчук Н. В. Коммуникативная культура как интегративная составляющая культуры личности // Теория и практика формирования культуры детей и подростков. Вестник Института культуры детства. Вып. 12. Челябинск : ЧГАКИ, 2011. С. 73—78.
4. Андреев А. А. Некоторые проблемы педагогики в современных информационно-образовательных средах // Телекоммуникации и информатизация образования. 2002. № 6. С. 38.
5. Цывунина А. Д. The communicative culture of adolescents in the era of informatization and digitalization // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2019. No. 87. Pp. 693—699.
6. Верб М. А. Педагогические основы формирования эстетической культуры старших школьников. Л. : ЛГПИ, 1980. 180 с.
7. Лотман Ю. М. Непредсказуемые механизмы культуры. Таллин : TLU Press, 2010. 210 с.
8. Рерих Н. К. Твердыня пламенная. Рига : Виеда, 1991. 269 с.
9. Булыгина Л. Н. О формировании коммуникативной компетентности школьников // Вопросы психологии. 2010. № 2. С. 149—152.
10. Гогueva М. М. Психологическая профилактика негативного влияния субкультуры на личность подростка : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2010. 151 с.
11. Зимняя И. А. Педагогическая психология : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по пед. и психол. направлениям и специальностям. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М. : Университетская книга : Логос, 2008. 382 с.
12. Цывунина А. Д., Певзнер М. Н. Критерии оценки коммуникативной культуры в различных информационных средах // Вестник Новг. гос. ун-та. Сер. : Техн. науки. 2019. № 4(116). С. 114—118.
13. Кабрин В. И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 247 с.
14. Певзнер М. Н., Ширин А. Г. Билингвальное образование в контексте мирового опыта (на примере Германии) : моногр. В. Новгород : Новгор. гос. ун-т, 1999. 94 с.
15. Pevzner M. N., Petryakov P. A., Donina I. A. Models and strategies of information diversity management // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. 2019. No. 87. Pp. 56—64.
16. Makarova E. N. Comprehension of written utterances' communicative structure by Russian learners of English // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2018. No. 39. Pp. 153—159.

REFERENCES

1. Aleksandrova L. D. *Culture of virtual communication. Diss. of the Cand. of Philosophy*. Chelyabinsk, 2009. 160 p. (In Russ.)
2. Boltunova A. I. Features of interpersonal communication among adolescents. *Young Scientist*, 2014, vol. 1, pp. 492—494. (In Russ.)
3. Kravchuk N. V. Communicative culture as an integrative component of personal culture. In: *The theory and practice of cultural formation of children and adolescents. Bulletin of the Institute for Childhood Culture*. Iss. 12. Chelyabinsk, ChGAKI publ., 2011. Pp. 73—78. (In Russ.)
4. Andreev A. A. Some problems of pedagogy in the modern information and educational environment. *Telecommunications and Informatization of Education*, 2002, no. 6, p. 38. (In Russ.)
5. Tsyvunina A. D. The Communicative culture of adolescents in the era of informatization and digitalization. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, 2019, no. 87, pp. 693—699.
6. Verb M. A. *Pedagogical foundations of the formation of aesthetic culture of high school students*. Leningrad, LGPI publ., 1980. 180 p. (In Russ.)
7. Lotman Yu. M. *Unpredictable Mechanisms of Culture*. Tallin, TLU Press, 2010. 210 p. (In Russ.)
8. Rerikh N. K. *Solid Flame*. Riga, Vieda, 1991. 269 p. (In Russ.)
9. Bulygina L. N. On the formation of students' communicative competence. *Voprosy Psichologii*, 2010, vol. 2, pp. 149—152. (In Russ.)
10. Gogueva M. M. *Psychological prevention of the negative influence of subculture on the personality of a teenager. Abstract of Diss. of the Cand. of Psychology*. Saratov, 2010. 151 p. (In Russ.)
11. Zimnyaya I. A. *Educational psychology. Textbook for students of higher educational institutions studying in pedagogical and psychological areas and specialties*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow, Universitetskaya kniga, Logos, 2008. 382 p. (In Russ.)
12. Tsyvunina A. D., Pevzner M. N. The criteria for assessing the communicative culture in various information environments. *Vestnik NovSU. Ser. Engineering Sciences*, 2019, vol. 4(116), pp. 114—118. (In Russ.)
13. Kabrin V. I. *The communicative world and the transcommunicative potential of personal life: theory, methods, research*. Moscow, Smysl, 2005. 247 p. (In Russ.)
14. Pevzner M. N., Shirin A. G. *Bilingual education in the context of the world experience. (On the example of Germany). Monograph*. V. Novgorod, Novgorod State University, 1999. 94 p. (In Russ.)
15. Pevzner M. N., Petryakov P. A., Donina I. A. Models and strategies of information diversity management. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*, 2019, no. 87, pp. 56—64.
16. Makarova E. N. Comprehension of written utterances' communicative structure by Russian learners of English. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*, 2018, no. 39, pp. 153—159.

Как цитировать статью: Цывунина А. Д. Коммуникативная культура подростка: новый взгляд на известный феномен // Бизнес. Образование. Право. 2021. № 3 (56). С. 493—496. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.344.

For citation: Tsyvunina A. D. The communicative culture of a teenager: a new look at a well-known phenomenon. *Business. Education. Law*, 2021, no. 3, pp. 493—496. DOI: 10.25683/VOLBI.2021.56.344.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: <http://vestnik.volbi.ru>, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

18+

Адрес издателя, учредителя, редакции:
400094, г. Волгоград, ул. Шекснинская, 83, кв. 1
тел. 8-902-386-55-49.
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: <http://vestnik.volbi.ru>

Дата подписания в печать 02.08.2021. Формат 60x84 1/8
Дата выхода в свет 16.08.2021.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 57,66. Тираж 200. Заказ
Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские технологии» 109316, Москва,
Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

Выпуск № 3 (56) август 2021

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Цена свободная

